РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. АПРѢЛЬ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Москва и Тверь.—Иванъ Калита.** Очеркъ Д. И. Иловайскаго . 1

II. **Записки Михаила Александровича Фонвизина.** Очерки исторіи Россіи IX—XVIII вв. 31

III. **Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева** о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. Часть вторая. Гл. I—II 67

IV. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:** его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ 87

V. **Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ** въ 1834—1884 гг. Окончаніе. Сообщ. П. П. Карцовъ. 111

VI. **Константинъ Яковлевичъ Афанасьевъ,** акад.-граверъ. † 1857 г. Сообщ. И. П. Божеряновъ. . 129

VII. **Записки педагога барона Николая Александровича Корфа.** Гл. V. . 131

VIII. **Вредныя секты.** Очерки. Окончаніе. Сообщ. А. С. Пругавинъ. 139

IX. **Разсказъ православнаго латыша Индрика Страумита** изъ времени втораго движенія латышей къ православію. 1845—1846 гг. . . . 157

X. **Филаретъ Амфитеатровъ, Павелъ Зерновъ и Амвросій Протасовъ,** архіепископы казанскіе. Сообщ. А. А. Благовѣщенскій . . 179

XI. **Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ** въ царствованіе Александра II. Изъ записокъ статсъ-секретаря А. Ѳ. Гамбургера 199

XII. **Замѣтки и поправки:** Могилы Сковниныхъ и Волынскаго (156 и 221).—Дуровъ (198).—А. С. Пушкинъ (219).—Рѣпинскій и Замятнинъ (220).

XIII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ гр. **Алексѣя Андреевича Аракчеева,** гравировали на мѣди академ. К. Я. Афанасьевъ и И. П. Пожалостинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884 г.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1884.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1884 г.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составлен. и изд. учениками В. И. Ламанскаго, по случаю 25-тилѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883. XX+494.

Отрадно отмѣтить появленіе подобнаго сборника, задуманнаго и прекрасно выполненнаго многочисленными учениками нашего извѣстнаго слависта. Въ самомъ сборникѣ историкъ и филологъ найдутъ много интересныхъ и новыхъ свѣдѣній, касающихся частныхъ, но болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ изъ области этихъ наукъ. Съ своей стороны мы отмѣтимъ только тѣ статьи, которыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ историческому изданію, а именно: 1) Ѳ. Ѳ. Зигеля—Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ; 2) А. С. Будиловича—Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый панславистъ начала XVIII в.; 3) Ѳ. И. Успенскаго — Значеніе византійской и южно-славянской ироніи; 4) К. Я. Грота—Новые труды по исторіи Венгріи; 5) Т. Д. Флоринскаго—Къ вопросу о богомилахъ; 6) В. Э. Регеля—Учредительныя грамоты пражской епархіи; 7) И. С. Пальмова—Памятники кирилло-меѳодьевской старины въ Чехіи и Моравіи; 8) В. А. Кракау—Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.; 9) А. Л. Петрова—Князь Константинъ Бадинъ, очеркъ изъ исторіи сербовъ XI в.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ Т. VI. Трактаты съ Германіею. Спб. 1883. 489. Ц. 3 р.

Настоящій томъ обширнаго собранія трактатовъ, издаваемаго министерствомъ иностр. дѣлъ, представляетъ особенный интересъ, такъ какъ онъ обнимаетъ собою періодъ съ 1762—1808 годъ и касается, главнымъ образомъ, сношеній Россіи съ Пруссіей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь дипломатическіе переговоры относительно раздѣловъ Польши, вооруженнаго нейтралитета 1780 г., союза съ Пруссіей противъ Франціи въ нач. XIX в.

Всѣ эти матеріалы сопровождаются историческими введеніями, основанными на документахъ, хранящихся въ архивахъ мин. ин. дѣлъ, причемъ редакторъ сообщилъ множество новыхъ свѣдѣній, относящихся къ союзному трактату 1800 г., и секретной конвенціи 1805 г. Въ концѣ этого тома помѣщены акты, относящіеся къ исторіи Голштиніи (1773 и 1777 г.) и мальтійскаго ордена (1799).

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ историч. изслѣдованія. С. Голубева. Т. I. Кіевъ 1883. 559+576. Ц. 5 р.

Авторъ этого, весьма почтеннаго, труда много и долго работалъ надъ своею задачею, отдѣльные очерки которой отъ времени до времени появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Задавшись обширнымъ планомъ разсмотрѣть дѣятельность П. Могилы въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени и въ связи съ однородною дѣятельностью современныхъ ему религіозныхъ ратоборцевъ, онъ взялъ на себя и другую цѣль—воспользоваться для своего труда возможно полнымъ собраніемъ матеріаловъ, и съ этой стороны выполнилъ свою задачу съ возможною добросовѣстностью. Такимъ образомъ были осмотрѣны имъ мѣстные (библ. кіев. акад., арх. кіево-печер. лавры, кіев. арх. ком. центр. архива), иногородные (моск. арх. мин. ин. дѣлъ, св. синода, публич. библ., центр. арх. Царства Польск., виленск. духовск. мон., Варшав. университета) и иностранные архивы и библіотеки (архивъ ставропиг. львов. инстит., библ. перемышльск. собора, библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, краков. универс.). Многіе изъ нихъ изданы впервые авторомъ цѣликомъ или въ обширныхъ извлеченіяхъ и постоянно сопровождаются критическими замѣчаніями.

При такомъ характерѣ труда, первый томъ его обнимаетъ пока сравнительно незначительный періодъ дѣятельности Петра Могилы, а именно до его вступленія на кіевскую митрополію. Второй томъ будетъ посвященъ дѣятельности послѣдняго въ санѣ митрополита. Въ виду обширности перваго тома, авторъ рѣшился выдѣлить изъ него и введеніе, которое составитъ особую брошюру, подъ заглавіемъ: Очеркъ исторіи западно-русск. церкви въ к. XVI и нач. XVII вв. Тѣмъ не менѣе и въ изданный томъ авторъ внесъ обстоятельные очерки о состояніи кіево-печер. обители и просвѣщенія юго-западной Руси

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

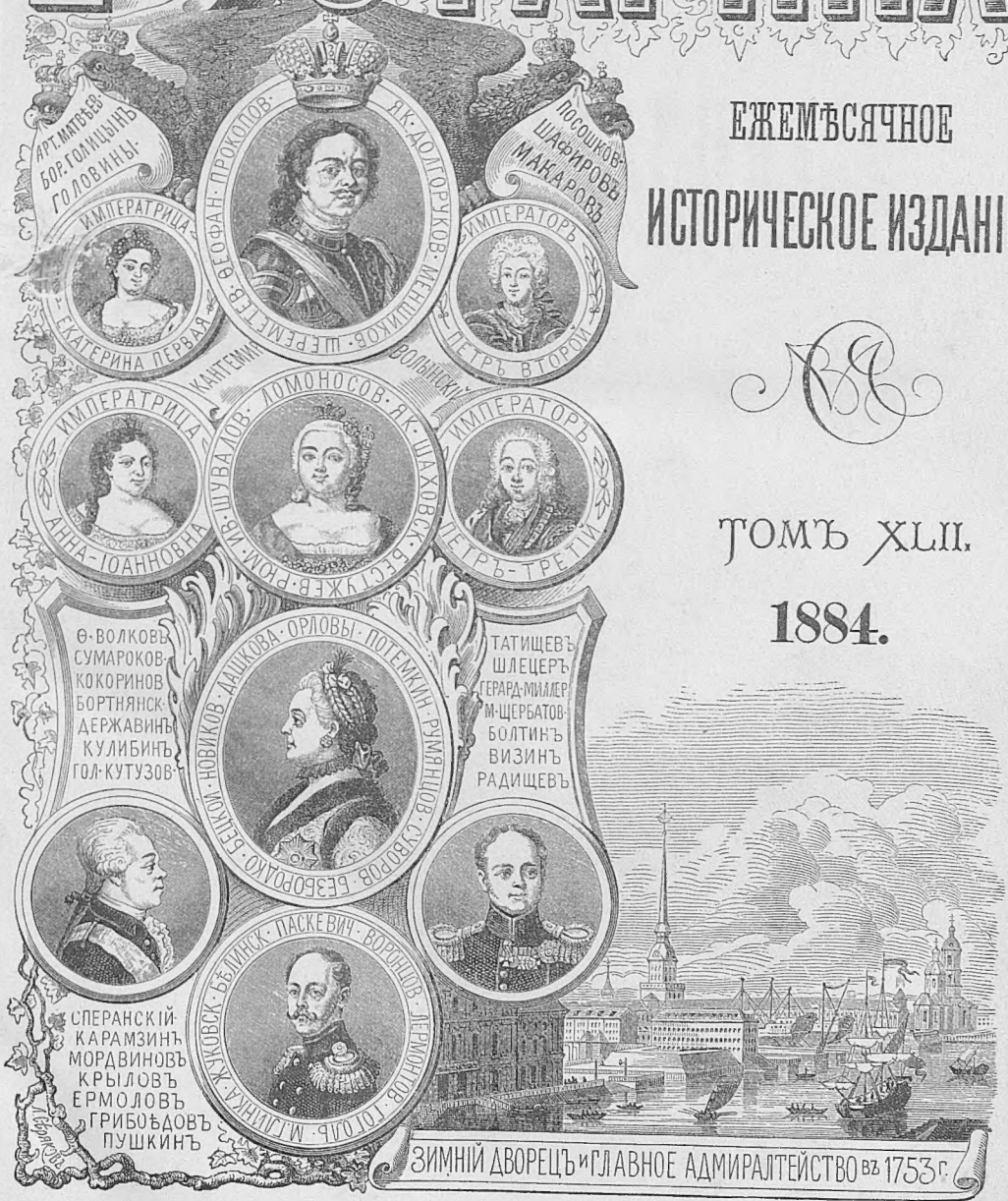
1884

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТОМЪ XLII.

РУССКАЯ СТАРИНА



Составъ. Л. Шарлемань.

Рис. К. Брожъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XLII.

1884.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 МАРТА 1883 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

МОСКВА И ТВЕРЬ.—ИВАНЪ КАЛИТА [1].

Легенды объ основаніи Москвы. — Историческое ея происхожденіе.—Первые Московскіе князья. — Даніилъ Александровичъ—первоначальникъ собиранія Руси. — Юрій Даніловичъ. — Начало Тверскаго княженія. — Михаилъ Тверской.—Митрополитъ Петръ.—Ханъ Узбекъ.—Соперничество Твери и Москвы изъ-за Новгорода и великаго княженія Владимірскаго.—Мученическая смерть Михаила. — Гибель Юрія. — Александръ Михайловичъ и избіеніе Татаръ въ Твери. — Иванъ Калита великій князь и судьба Александра.—Политика Калиты и его примыслы. — Дружба съ Петромъ митрополитомъ и водвореніе митрополичьяго престола въ Москвѣ. — Постройки Калиты и его духовныя грамоты.

Почти въ самой срединѣ Восточноевропейской равнины, въ одной изъ наиболѣе возвышенныхъ мѣстностей Алаунскаго пространства, лежитъ городъ Москва, съ именемъ которой неразрывно связано понятіе о средоточіи Великорусскаго племени и русской государственности по преимуществу. Подобно и другимъ древнимъ средоточіямъ государственной жизни, происхожденіе города Москвы сдѣлалось достояніемъ легенды и разныхъ домысловъ, которые не замедлили изукрасить ея начальную исторію. Извѣстно, что этотъ городъ впервые упоминается подъ 1147 годомъ, когда Суздальскій князь Юрій Долгорукій принималъ здѣсь и угощалъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, своего союзника въ борьбѣ съ племянникомъ Изяславомъ II Кіевскимъ. Въ лѣтописяхъ Москва называется иначе Кучковымъ. У сына Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго, какъ мы знаемъ, были бояре Кучковичи, два брата съ своимъ зятемъ. Великій князь казнилъ одного изъ братьевъ; а другой братъ и зять составили заговоръ, и убили самого Андрея. Этихъ именъ и обстоятельствъ было вполнѣ достаточно, чтобы потомъ сложилась извѣстная легенда.

---

[1] Изъ третьей части Исторіи Россіи или „Московско-Литовскаго періода“, имѣющаго выдти въ непродолжительномъ времени.

Сущность ея слѣдующая:

Былъ когда-то богатый и знатный бояринъ, по имени Степанъ Кучко, который владѣлъ нѣсколькими «красными» селами на берегахъ рѣки Москвы. Разъ онъ прогнѣвалъ князя Юрія Долгорукаго, которому не воздалъ надлежащей чести; князь велѣлъ его казнить; а двухъ его сыновей и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ своему сыну Андрею. Сей послѣдній женился потомъ на Улитѣ, а братьевъ ея сдѣлалъ своими близкими боярами. Между тѣмъ села Кучковы князь Юрій присвоилъ себѣ; ихъ красивое мѣстоположеніе очень понравилось князю, и онъ построилъ тутъ городъ, который отъ рѣки названъ Москвою.

Это первоначальное сказаніе, какъ обыкновенно бываетъ, впослѣдствіи подверглось еще разнымъ прибавкамъ и передѣлкамъ, такъ что явилось какъ бы нѣсколько сказаній. По одному изъ нихъ, Юрій Долгорукій любилъ жену своего тысяцкаго Кучка и казнилъ его за намѣреніе перейти на сторону Изяслава Кіевскаго. По другому, болѣе позднему, сказанію, уже не Юрій Долгорукій казнитъ Степана Кучка и строитъ городъ Москву, а сынъ Александра Невскаго—Андрей, который мстилъ боярину и его сыновьямъ за убійство своего брата Данила Александровича. Наконецъ, еще болѣе поздніе книжники сочинили сказку о построеніи Москвы княземъ Даніломъ, который, посреди болотъ и лѣсовъ, нашелъ здѣсь хижину пустынника Букала, и на мѣстѣ этой хижины возникъ впослѣдствіи велико-княжескій дворъ. Очевидно, названія московскихъ мѣстностей и урочищъ, каковы Кучково (село), Кучково поле, Букалово и т. п., давали поводъ къ различнымъ домысламъ, которые связывались съ именами разныхъ князей, имѣвшихъ дѣйствительное участіе въ исторіи Москвы.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Тамъ Москва, если и упоминается впервые подъ 1147 годомъ, какъ мѣсто встрѣчи Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ, то является, по смыслу этого извѣстія, уже однимъ изъ существовавшихъ городовъ Суздальскаго Залѣсья.

Около средины своего теченія (ближе къ устью) извилистая рѣка Москва въ одномъ изъ своихъ изгибовъ преграждается небольшимъ каменистымъ порогомъ. Вода съ шумомъ бѣжитъ по этому порогу и только въ полую воду покрываетъ его на значительную глубину. Этотъ-то небольшой порогъ (нынѣ подлѣ храма Спасителя, подъ бывшимъ Каменнымъ мостомъ) и послужилъ первоначальною причиною къ возникновенію знаменитаго города. Выше порога рѣка по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна. Извѣстно, что въ древней Россіи важнѣйшимъ средствомъ сообщенія служили

судоходныя рѣки. Главный путь изъ Южной Руси въ Сѣверовосточную или изъ Черниго-Кіевской въ Суздальскую шелъ вверхъ по Деснѣ, по всей вѣроятности, до Брянска, а отсюда небольшимъ волокомъ или сухопутьемъ—въ Оку (можетъ быть сухопутье шло, собственно, до Козельска, т. е. до нижней Жиздры, лѣваго притока Оки). Далѣе Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ и доходили до помянутаго порога. Здѣсь путники опять покидали суда и сухопутьемъ отправлялись въ стольные города Ростовъ, Суздаль и Владиміръ Залѣсскій. Въ томъ же пунктѣ съ этимъ путемъ перекрещивался другой, который шелъ изъ Юговосточной Руси въ Сѣверозападную, изъ Муромо-Рязанской земли въ Новгородскую и Смоленскую, къ верхней Волгѣ и верхнему Днѣпру. Такое положеніе, на границѣ нѣсколькихъ волоковъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ водяныхъ путей, очень рано сдѣлало Москву узломъ перекрещивающихся торныхъ дорогъ, по которымъ ходили и русскіе князья со своими дружинами, и русскіе торговцы съ своими товарами.

Найденные въ недавнее время остатки языческихъ кладбищъ и разные предметы доисторическаго быта свидѣтельствуютъ, что на берегахъ рѣки Москвы, около устьевъ Яузы и Неглинной, существовали поселенія уже въ глубокой древности. Слѣдовательно, при распространеніи русскаго владычества въ Залѣсскомъ краѣ посреди Финскаго народца Мери, князья не могли не оцѣнить такого выдающагося пункта; а потому естественнымъ является построеніе городка на Боровицкомъ холмѣ или на возвышенномъ мысу, при впаденіи болотистой рѣчки Неглинной въ Москву рѣку. Холмъ сей, какъ показываетъ его названіе, былъ прежде покрытъ густымъ боромъ. Это построеніе деревяннаго Кремля и занятіе его отрядомъ русскихъ дружинниковъ относятся ко времени никакъ не позднѣе первой половины XI вѣка, которая была эпохою утвержденія христіанства и русской народности въ Залѣсьѣ.

Мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ, еще въ молодости своей, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Ростовскій край и, вѣроятно, отъ его вниманія не ускользнула Москва съ ея выгоднымъ положеніемъ. Когда же Залѣсскій край сталъ выдѣляться изъ общаго состава русскихъ областей, то этотъ городъ пріобрѣлъ еще бо́льшую важность для Суздальскихъ князей: онъ очутился на пограничьѣ Суздаля съ владѣніями Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими. Первый самостоятельный Суздальскій князь Юрій Долгорукій, вѣроятно, расширилъ и еще болѣе укрѣпилъ Москву. Поэтому неудивительно, что съ его именемъ связаны первое лѣтописное о ней извѣстіе и затѣмъ помянутыя легенды о ея основаніи.

При своемъ выгодномъ положеніи, торговомъ и промышленномъ, естественно, Москва рано сдѣлалась и средоточіемъ особаго удѣльнаго княжества; можетъ быть уже при Юріѣ Долгорукомъ нѣкоторое время здѣсь сидѣлъ одинъ изъ его сыновей (Ростиславъ). Потомъ встрѣчаемъ удѣльнымъ Московскимъ княземъ одного изъ сыновей Всеволода III (Владиміра), затѣмъ одного изъ сыновей Юрія II (также Владиміра). Во время Батыева нашествія Москва была первымъ Суздальскимъ городомъ, который сдѣлался добычею татаръ, такъ какъ послѣдніе двигались съ юго-востока, со стороны Рязани. Извѣстно, что при взятіи Москвы молодой князь Владиміръ Юрьевичъ попалъ въ плѣнъ, а главный его воевода (или пѣстунъ княжича, или Московскій тысяцкій) Филиппъ Нянька палъ въ битвѣ. Лѣтопись говоритъ, что татары избили жителей, сожгли городъ, церкви, монастыри, села и взяли «много имѣнія». Отсюда мы въ правѣ заключить, что Москва въ то время была уже значительнымъ городомъ, который, по русскому обычаю, состоялъ изъ Кремля или внутренней крѣпости и посада или внѣшняго города, расположеннаго по сосѣднимъ холмамъ и также укрѣпленнаго валами и стѣнами; въ городѣ были не только церкви, но и монастыри; а около посада и по другую сторону рѣки Москвы существовали разныя села и деревни.

Слѣдующимъ удѣльнымъ княземъ Московскимъ является младшій братъ Александра Невскаго Михаилъ, по прозванію «Хоробритъ», и настолько сильнымъ, что онъ захватилъ великое княженіе Владимірское (у дяди своего Святослава). Впрочемъ, онъ вскорѣ палъ въ битвѣ съ Литовцами (1248 г.). Затѣмъ мы видимъ удѣльнымъ княземъ на Москвѣ самаго младшаго изъ сыновей Александра Невскаго, Даніила, съ котораго и начинается непрерывное и довольно быстрое возвышеніе Московскаго княженія надъ всѣми другими. Этотъ умный, дѣятельный князь, ребенкомъ оставшійся послѣ своего отца, выросъ и возмужалъ въ печальное для Россіи время, посреди такихъ бурныхъ событій, каковы татарскіе погромы и междоусобныя брани, поднятыя его старшими братьями изъ-за Владимірскаго стола, въ которыхъ волей-неволей онъ долженъ былъ принимать участіе. Потомъ, въ союзѣ съ другими князьями, онъ боролся противъ, утвердившагося на великомъ столѣ, брата Андрея Городецкаго по поводу его попытокъ къ захвату нѣкоторыхъ земель. Трудное время обыкновенно вырабатываетъ характеры, замѣчательные по своей энергіи, изворотливости и настойчивости въ достиженіи цѣлей; таковыми явились Даніилъ Александровичъ и сынъ его Иванъ Калита. При жизни своихъ дядей и старшихъ братьевъ Даніилъ не могъ имѣть законныхъ притязаній на великое княженіе Владимірское—эту общую цѣль всѣхъ

наиболѣе сильныхъ князей того времени. За то всю свою энергію онъ употребилъ на увеличеніе и округленіе собственнаго Московскаго удѣла, въ чемъ имѣлъ успѣхъ при помощи оружія и ловкой политики; потому и можетъ быть названъ «первоначальникомъ» собиранія русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы. Онъ сдѣлалъ такіе два важныхъ приыысла къ своему удѣлу, какъ Коломна и Переяславль-Залѣсскій.

Еще прежде Суздальскіе князья стремились отрѣзать отъ Рязанской области ея пограничный городъ Коломну, который по своему положенію на лѣвой сторонѣ Оки тянулъ болѣе къ Суздальской землѣ. Для Московскихъ князей Коломна получила еще бо́льшую важность: она запирала устье рѣки Москвы и была, можно сказать, необходима для округленія ихъ владѣній. Даніилъ воспользовался смутнымъ состояніемъ Рязани, т. е. ея княжескими усобицами, затѣялъ войну съ великимъ Рязанскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ, захватилъ Коломну, разбилъ противника подъ стольнымъ Переяславлемъ Рязанскимъ, и какою-то хитростію взялъ въ плѣнъ самого Константина (1301 г.). Въ то же время главныхъ сѣверно-русскихъ князей, по всѣмъ признакамъ, волновалъ вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ въ наслѣдство Переяславль-Залѣсскій послѣ смерти его князя, больнаго, бездѣтнаго Ивана Дмитріевича (внукъ Невскаго). Къ этому наслѣдству стремились и родные его дяди Андрей съ Даніиломъ, и двоюродный Михаилъ Тверской. Но Даніилъ Московскій съумѣлъ привлечь племянника на свою сторону и, послѣ его смерти (1302 г.), по духовному завѣщанію, наслѣдовалъ Переяславль съ весьма значительною по тому времени волостью.

Этотъ замѣчательный князь, увеличивая свои владѣнія, по всѣмъ признакамъ, былъ домовитымъ хозяиномъ и много заботился также объ устроеніи и укрѣпленіи своего стольнаго города. Несмотря на татарскія разоренія (особенно при нашествіи Дюденя въ 1293 г.), Москва, очевидно, успѣвала оправиться и обстроиться, такъ что послѣ Даніила она является сравнительно цвѣтущимъ и весьма крѣпкимъ городомъ. Памятникомъ сего князя, между прочимъ, служитъ основанный имъ за Москвой рѣкой Даниловъ монастырь (съ храмомъ во имя Даніила Столпника). Даніилъ Александровичъ скончался въ 1304 г. (по другому извѣстію въ 1303 г.), еще въ порѣ мужества; ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Передъ смертью, по обычаю благочестивыхъ людей, онъ постригся и принялъ схиму. Погребенъ онъ былъ въ томъ же Даниловомъ монастырѣ [1]).

[1]) Никоновская лѣтопись очевидно приводитъ невѣрное извѣстіе о погребеніи князя Даніила въ храмѣ Михаила Архангела, что повторяютъ Карамзинъ и нѣкоторые другіе. Житіе Даніила Александровича, помѣщенное въ

У Даніила Александровича осталось пять сыновей, между которыми, конечно, и была подѣлена его волость. Старшій изъ нихъ, Юрій, сидѣлъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, когда пришло туда извѣстіе о кончинѣ отца. Любопытно, что Переяславцы при этомъ извѣстіи не пустили Юрія въ Москву на отцовское погребеніе. Вѣроятно жители опасались захвата со стороны его дядей, Михаила Тверскаго или Андрея Городецкаго. А можетъ быть въ этомъ случаѣ сказалось желаніе стараго города, чтобы княжескій столъ былъ утвержденъ въ немъ, а не въ Москвѣ, которая считалась сравнительно младшимъ городомъ. Какъ бы то ни было, Юрій занялъ столъ Московскій;

Степенной книгѣ, положительно говоритъ о его погребеніи въ Даниловѣ монастырѣ; при чемъ прибавляетъ, что онъ по собственному желанію положенъ былъ не въ церкви, какъ обыкновенно погребались князья, а ради смиренія внѣ храма, посреди прочей усопшей братіи. Послѣ того какъ Иванъ Калита перевелъ архимандрію изъ загороднаго Даніилова монастыря въ свой придворный Спасопреображенскій и подчинилъ первый второму, небреженіемъ спасскихъ архимандритовъ Даніилова обитель запустѣла, и отъ нея оставался только храмъ Даніила Столпника. Ко времени этого запустѣнія относятся слѣдующія легенды, приводимыя тѣмъ же Житіемъ.

Однажды великій князь Иванъ III, забавляясь охотою, проѣзжалъ мимо сельца Даниловскаго. Вдругъ подъ однимъ изъ его молодыхъ бояръ конь сильно споткнулся; всадникъ принужденъ былъ остановиться и навремя отстать отъ великокняжей свиты. Тутъ явился ему незнакомый мужъ, и сказалъ, что онъ князь Даніилъ Московскій, погребенный въ семъ мѣстѣ. „Ты всячески забавляешься, а меня предалъ забвенію“—велѣлъ онъ передать великому князю Ивану Васильевичу. Сей послѣдній приказалъ пѣть панихиды и раздать милостыню въ память о своемъ предкѣ. Преемникъ его, великій князь Василій Ивановичъ, также однажды проѣзжалъ около того мѣста съ большою свитою. Бояринъ его князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій, отдѣлясь отъ свиты, заѣхалъ на Даниловское кладбище, и потомъ, чтобы сѣсть на коня, сталъ на могильный камень. Какой-то случившійся подлѣ крестьянинъ совѣтовалъ ему не попирать этого камня, ибо подъ нимъ лежитъ князь Даніилъ. Но боярину посмѣялся надъ его совѣтомъ, и сталъ садиться на коня. Вдругъ послѣдній взвился на дыбы, а потомъ упалъ на землю и тотчасъ издохъ. Шуйскаго подняли изъ подъ коня едва живаго. Тогда онъ раскаялся въ своей дерзости, велѣлъ священнику Даниловскому служить молебны и панихиды, и только послѣ нихъ получилъ исцѣленіе. Во дни царя Ивана Грознаго нѣкій коломенскій купецъ съ товаромъ своимъ плылъ въ лодкѣ въ Москву; бывшій съ нимъ молодой сынъ тяжко заболѣлъ. Когда лодка поровнялась съ Даниловымъ, онъ взялъ больнаго сына, положилъ его на могильную плиту князя Даніила, а священнику заказалъ пѣть молебенъ. Юноша выздоровѣлъ. Послѣ того царь Иванъ и митрополитъ (Макарій) рѣшили обновить древнюю обитель: выстроили каменную церковь, поставили келліи и устроили общежительный монастырь. А при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ гробница Даніила перенесена внутрь храма, о чемъ свидѣтельствуетъ начертанная въ немъ надпись.

Д. И.

а Переяславль передалъ слѣдующему за нимъ брату Ивану (Калитѣ); слѣдовательно, этотъ городъ долженъ былъ удовольствоваться вторымъ мѣстомъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что жители его уже сами тянули къ Москвѣ и предпочитали ея князей другимъ сосѣднимъ князьямъ. Такъ рано сказывается тяготѣніе къ Москвѣ въ окрестныхъ русскихъ областяхъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній Юрія Даниловича, какъ Московскаго князя, было отнятіе Можайскаго удѣла отъ сосѣдней Смоленской области. Уже въ годъ смерти отца, онъ съ своими братьями предпринялъ походъ на Можайскъ и взялъ его, а удѣльнаго Можайскаго князя Святослава (Глѣбовича) плѣнникомъ привелъ въ Москву. Пріобрѣтеніе Можайской волости было третьимъ важнымъ приращеніемъ послѣ Коломны и Переяславля: оно округляло Московскія владѣнія съ запада. Можайскъ лежитъ на верховьяхъ Москвы; слѣдовательно, все теченіе этой рѣки находилось теперь въ рукахъ Московскихъ князей. Такимъ образомъ Юрій Даниловичъ сдѣлался едва ли не сильнѣйшимъ княземъ сѣверо-восточной Руси. Но уже въ самомъ началѣ своего княженія онъ заявляетъ не одну энергію, а также жестокость своего характера и крайнюю неразборчивость въ средствахъ. Такъ онъ велѣлъ убить помянутаго выше Рязанскаго князя Константина Романовича, захваченнаго въ плѣнъ Даніиломъ и вѣроятно несоглашавшагося на какой-нибудь постыдный для себя договоръ. Почти въ то же время умеръ дядя Юрія Андрей Городецкій, и честолюбивый племянникъ немедленно началъ добиваться великаго княженія Владимірскаго, хотя отецъ его никогда не сидѣлъ на этомъ княженіи. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника себѣ въ Тверскомъ князѣ, который приходился ему двоюроднымъ дядею, и имѣлъ за собою всѣ права на старшинство. Тогда-то началась исполненная трагическихъ событій борьба Москвы съ Тверью.

Почти въ одно время съ Московскимъ начало выдѣляться и Тверское княженіе изъ состава Суздальскихъ волостей. Хотя городъ Тверь впервые упоминается въ лѣтописи въ началѣ XIII вѣка (въ 1209 г.), однако, нѣтъ сомнѣнія, что онъ существовалъ гораздо ранѣе. Такой пунктъ, какъ впаденіе рѣки Тверцы въ Волгу, лежавшій на водномъ пути изъ Новгорода въ Низовыя земли, не могъ оставаться безъ судовой пристани, какъ только усилилось движеніе по этому пути, торговое и военное. Построеніе или, скорѣе, обновленіе и лучшее укрѣпленіе Тверскаго кремля, по всей вѣроятности, было дѣломъ Всеволода III, оцѣнившаго всю важность этого пункта при частыхъ столкновеніяхъ Суздальцевъ съ Новогородцами: въ виду пограничнаго новогородскаго пригорода Торжка, лежащаго на Тверцѣ, необходимо

было укрѣпить ея устье со стороны Суздаля. Первымъ удѣльнымъ княземъ Тверскимъ является внукъ Всеволода Ярославъ Ярославичъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ Александра Невскаго. Изъ предъидущаго мы знаемъ, что онъ былъ преемникомъ Невскаго на великомъ княженіи Владимірскомъ и жилъ большею частію не во Владимірѣ, а въ своемъ наслѣдственномъ городѣ Твери. Онъ старался воспользоваться достоинствомъ великаго князя для увеличенія своего удѣла, между прочимъ на счетъ своихъ сосѣдей Новогородцевъ, и, кажется, не безъ успѣха, хотя и встрѣтилъ съ ихъ стороны мужественное сопротивленіе. Во всякомъ случаѣ, Ярославъ Ярославичъ оставилъ своимъ преемникамъ довольно сильное и округленное княжество. Оно не было велико по объему, но заключало въ себѣ значительные по тому времени торговые верхне-волжскіе города, каковы, кромѣ Твери: Ржевъ (спорный съ сосѣдними Смольнянами), Зубцовъ, Старица (или Новый Городокъ), Кснятинъ; кромѣ приволжскихъ, замѣчательны еще Тверскіе города: Кашинъ, Микулинъ, Холмъ и др.

Послѣ непродолжительнаго княженія старшаго Ярославова сына Святослава, тверскимъ княземъ является младшій его сынъ Михаилъ, рожденный отъ второй супруги Ярослава Ярославича, новогородской боярыни Ксеніи. Въ началѣ своего княженія юный Михаилъ Ярославичъ, очевидно, находился подъ опекою своей матери Ксеніи и опытныхъ отцовскихъ бояръ. Возмужавъ, онъ является дѣятельнымъ, предпріимчивымъ княземъ. При жизни своего двоюроднаго брата Андрея Городецкаго, Михаилъ дѣйствуетъ противъ его самовластія въ союзѣ съ другимъ двоюроднымъ братомъ Даніиломъ Московскимъ. Но смерть Андрея влечетъ за собою коренную перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ Твери и Москвы.

Оба князя, Тверской и Московскій, отправились въ Орду хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Въ Ордѣ ханъ и его вельможи не столько обращали вниманіе на старшинство, сколько на дани и подарки. Кто дороже заплатилъ, кто обязался вносить бо̀льшую дань, тотъ и получалъ ярлыкъ. На первый разъ верхъ остался за Михаиломъ Тверскимъ. Но еще прежде, нежели соперники успѣли вернуться изъ Орды, ихъ намѣстники и бояре уже открыли междоусобную брань. По смерти Андрея Городецкаго часть его бояръ не захотѣла оставаться на службѣ его сына Михаила, князя Суздальско-Нижегородскаго, и отъѣхала въ Тверь къ Михаилу Ярославичу, предпочитая, конечно, служить болѣе сильному и богатому князю, наслѣднику великаго стола Владимірскаго. Знатнѣйшимъ изъ этихъ отъѣхавшихъ бояръ былъ какой-то Акинѳъ. Онъ явился во главѣ тверской рати, которая пошла на Переяславль-Залѣсскій: Тве-

ричи думали воспользоваться отсутствіемъ Юрія и отнять у него спорный Переяславль. Кажется, они имѣли доброхотовъ между переяславскими боярами. Но тутъ начальствовалъ братъ Юрія, знаменитый впослѣдствіи Иванъ Калита. Во-время предупрежденный объ опасности, онъ успѣлъ призвать помощь изъ Москвы; укрѣпилъ присягою переяславскихъ бояръ; потомъ выступилъ навстрѣчу Тверичамъ и разбилъ ихъ на голову. Въ этой битвѣ погибъ и самъ бояринъ Акинеъ.

Вообще около того времени замѣтно въ нѣкоторыхъ суздальскихъ городахъ какое-то столкновеніе между боярами и черными людьми. Такъ, въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича, въ Костромѣ народъ цѣлымъ вѣчемъ поднялся на главныхъ бояръ, причемъ двое изъ нихъ умерщвлены чернью. Въ слѣдующемъ году такое же возстаніе произошло въ Нижнемъ-Новгородѣ; тамъ чернь избила нѣсколькихъ бояръ. Вѣроятно причиною мятежа были притѣсненія и вымогательства княжихъ намѣстниковъ и чиновниковъ, а можетъ быть бояре затѣяли какую-нибудь крамолу или измѣну. Смуты эти случались въ отсутствіе князей, которые должны были часто ѣздить въ Орду за ярлыками и по другимъ дѣламъ, и вообще подолгу тамъ проживали. По крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что сынъ и преемникъ Андрея Городецкаго въ его Суздальско-Нижегородскомъ удѣлѣ Михаилъ Андреевичъ, воротясь изъ Орды въ Нижній-Новгородъ, казнилъ многихъ вѣчниковъ, виновныхъ въ самовольной расправѣ съ боярами. Вскорѣ потомъ Михаилъ Андреевичъ и братъ его Василій скончались; остались малолѣтные сыновья послѣдняго, Александръ и Константинъ. Великій князь Михаилъ Ярославичъ, усердно хлопотавшій объ увеличеніи своего наслѣдственнаго княженія, послѣ неудачи съ Переяславлемъ-Залѣсскимъ, захотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и своимъ великокняжескимъ достоинствомъ. Онъ вздумалъ захватить такой важный пунктъ, какъ Нижній-Новгородъ, и послалъ туда войско съ своимъ сыномъ, юнымъ Димитріемъ. Мы видѣли, что часть суздальско-нижегородскихъ бояръ отъѣхала въ Тверь. Вѣроятно и оставшіеся бояре тянули туда же. (Можетъ быть помянутый мятежъ вѣчниковъ былъ въ связи съ какою-либо боярскою крамолою въ этомъ смыслѣ). Но тутъ великій князь встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны духовной власти. Когда тверское войско достигло Владиміра, митрополитъ Петръ наложилъ церковный запретъ на дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Димитрій Михайловичъ, пока добился, чтобы митрополитъ его «разрѣшилъ» (т. е. вѣроятно снялъ отлученіе отъ церкви); юный княжичъ затѣмъ вернулся домой, распустивъ рать.

Итакъ, духовная власть, дотолѣ стоявшая обыкновенно на сторонѣ старѣйшихъ или великихъ князей, тутъ поступила наоборотъ. Слѣдовательно, съ самаго начала соперничества Твери съ Москвою церковный авторитетъ препятствуетъ усиленію первой, т. е. дѣйствуетъ въ видахъ будущей собирательницы Руси. Разумѣется, такое отношеніе къ соперникамъ со стороны митрополита Петра не было простою случайностью. Дѣятельность этого святителя тѣсно связана съ возвышеніемъ Москвы и заслуживаетъ особаго вниманія исторіи.

Житіе Петра (составленное его младшимъ современникомъ Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ, впослѣдствіи распространенное и украшенное митрополитомъ Кипріаномъ) не богато біографическими данными. Мы узнаемъ только, что онъ родился на Волыни, семи лѣтъ былъ отданъ въ книжное ученіе; сначала учился плохо, а потомъ, послѣ одного чудеснаго видѣнія во снѣ, сталъ оказывать необыкновенные успѣхи. Двѣнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ монастырь, гдѣ съ великимъ смиреніемъ прислуживалъ братіи. Тутъ же онъ научился иконописному искусству. Достигши степени діакона, а потомъ священника, Петръ удалился въ одно пустынное мѣсто на берегахъ рѣчки Рата, построилъ тамъ церковь, основалъ собственную обитель и сдѣлался ея игуменомъ, причемъ продолжалъ заниматься своимъ любимымъ искусствомъ, т. е. иконописаніемъ. Подобно тому, что видимъ и въ другихъ житіяхъ знаменитыхъ древнерусскихъ игуменовъ, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, слава о подвигахъ Петра распространилась; князья и вельможи начали оказывать ему особый почетъ. Случилось митрополиту Максиму во время своего послѣдняго объѣзда русскихъ областей побывать въ той сторонѣ. Игуменъ Петръ съ своей братіей представился митрополиту, чтобы взять у него благословеніе, причемъ поднесъ ему икону Богородицы собственнаго письма.

Вскорѣ потомъ митрополитъ Максимъ скончался (1305 г.); онъ былъ погребенъ уже не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Нѣкто игуменъ Геронтій, вѣроятно съ согласія великаго князя Михаила Ярославича, завладѣлъ митрополичьей каѳедрой и утварью и отправился въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Въ то же время Юрій Львовичъ, князь Галича и Волыни, задумалъ по смерти Максима исполнить давнее желаніе галицкихъ князей, т. е. устроить особую Галицко-Волынскую митрополію. Съ конечнымъ упадкомъ Кіева и съ явнымъ стремленіемъ митрополитовъ основаться на сѣверо-востокѣ, въ Суздальской землѣ, естественно усилилось въ Галичѣ желаніе имѣть для юго-западной Руси своего отдѣльнаго іерарха или, по крайней мѣрѣ,

утвердить въ ней мѣстопребываніе всероссійскаго митрополита. Юрій убѣдилъ ратскаго игумена Петра отправиться въ Царьградъ съ галицкимъ посольствомъ и съ княжею грамотою къ патріарху Аѳанасію. Судьба устроила такъ, что Геронтія противные вѣтры долго задержали въ морѣ, а плаваніе Петра было скорое и благополучное, и онъ успѣлъ ранѣе своего соперника прибыть въ Константинополь. Аѳанасій и византійскій дворъ благосклонно приняли просьбу галицкаго князя, и Петръ былъ рукоположенъ въ митрополиты. Но патріархъ на этотъ разъ, какъ и прежде, неодобрительно отнесся къ мысли о раздѣленіи русской митрополіи: Петръ при поставленіи своемъ получилъ обычный титулъ митрополита «Кіевскаго и всея Руси». Когда вслѣдъ затѣмъ прибылъ Геронтій, патріархъ отказалъ ему въ посвященіи, отобралъ у него всѣ священныя принадлежности архипастырскаго достоинства и передалъ Петру; въ числѣ этихъ священныхъ предметовъ находилась и та икона Богородицы, которая была написана Петромъ и поднесена Максиму (1308 г.).

Новопоставленный митрополитъ, подобно своему предшественнику, хотя первое время пробылъ въ Кіевѣ, однако, потомъ утвердилъ свое пребываніе не здѣсь и не въ Галицкой землѣ, а съ Суздальской во Владимірѣ на Клязьмѣ, т. е. въ сосѣдствѣ съ великимъ княземъ. Отсюда, изъ Владиміра, онъ совершалъ многотрудныя странствованія или объѣзды по русскимъ областямъ для устроенія церковнаго порядка, причемъ старался водворять вообще внутренній миръ и воздерживать безпокойныхъ князей отъ ихъ нескончаемыхъ распрей за волости. Распри эти сопровождались великимъ разореньемъ, ибо соперники обыкновенно искали помощи у Татаръ и сами приводили отряды степныхъ хищниковъ въ русскія области [1]).

---

[1]) По поводу помянутыхъ объѣздовъ Петра митрополита, лѣтописи приводятъ слѣдующее любопытное извѣстіе о междоусобіи въ Брянской области, въ которой около того времени водворился родъ князей Смоленскихъ.

Святославъ Глѣбовичъ (вѣроятно тотъ самый, у котораго Юрій Даниловичъ Московскій отнялъ Можайскъ) выгналъ племянника своего Василія Александровича изъ Брянска и сѣлъ на его мѣсто (1309 г.). Въ слѣдующемъ году Василій пришелъ на дядю съ татарскою ратью. Въ Брянскѣ поднялось большое народное волненіе. Въ это время въ городѣ случился митрополитъ Петръ. Онъ совѣтовалъ Святославу подѣлиться волостью съ племянникомъ или совсѣмъ оставить городъ и не вступать въ битву. Но князь, надѣясь на преданность къ себѣ гражданъ, не послушалъ совѣта и выступилъ изъ города противъ племянника. Въ происшедшей битвѣ Брянцы измѣнили Святославу, и, побросавъ стяги, обратили тылъ передъ Татарами. Мужественный Святославъ продолжалъ сражаться только съ однимъ своимъ дворомъ, т. е. съ собственною небольшою дружиною, и палъ въ этомъ бою. Татары ворвались въ городъ и по обычаю предались грабежу. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви, и пробылъ тамъ, пока миновала опасность. Д. И.

Въ сѣверной Руси, однако, часть духовенства, повидимому, была недовольна возведеніемъ на митрополичій престолъ галицкаго кандидата. Главнымъ противникомъ ему явился тверской епископъ Андрей, сынъ полоцко-литовскаго князя Герденя, вѣроятно на основаніи своего знатнаго происхожденія питавшій честолюбивую надежду самому занять митрополичью каѳедру и теперь снѣдаемый завистью. Къ патріарху византійскому отправленъ былъ какой-то доносъ на Петра, и настолько важный, что патріархъ прислалъ ученаго клирика для разбора дѣла въ совокупности съ русскимъ духовенствомъ. По этому дѣлу съѣхался церковный соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Когда прочтена была обвинительная грамота и поднялись на соборѣ пренія и шумъ, Петръ сказалъ: «братія и чада о Христѣ, я не лучше Іоны пророка; если изъ-за меня такое великое волненіе, то извергните меня, и да утихнетъ молва». Дѣло, однако, кончилось обличеніемъ клеветниковъ, и Андрей вѣроятно раскаялся; по крайней мѣрѣ Петръ простилъ его и сказалъ: «миръ ти о Христѣ чадо, не ты сотворилъ сіе, но изначальный завистникъ рода человѣческаго, діаволъ». Въ какой-то связи съ этимъ соборомъ находилось также обличеніе возникшей около того времени ереси, зачинщикомъ которой явился одинъ новогородскій протопопъ: онъ училъ о погибели земнаго рая и хулилъ монашество, такъ что, увлеченные имъ, многіе иноки покинули монастырь и вступили въ бракъ. На соборѣ Переяславскомъ, кромѣ Ростовскаго и Тверскаго епископовъ, многихъ игуменовъ и священниковъ, присутствовали и нѣкоторые князья съ своими боярами, именно тверскіе княжичи Димитрій и Александръ; а главное, тутъ находился Иванъ Даниловичъ Калита, сидѣвшій тогда на Переяславскомъ удѣлѣ. По всѣмъ признакамъ онъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ противниковъ послѣдняго стоялъ тверской епископъ, и вѣроятно не безъ поддержки своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь завязались тѣсныя, дружескія отношенія Петра митрополита съ Иваномъ Калитой, которыя впослѣдствіи не мало способствовали возвышенію Москвы. Когда же вскорѣ затѣмъ великій князь Михаилъ Ярославичъ вздумалъ отнять Нижній-Новгородъ у потомковъ Андрея Городецкаго, то митрополитъ Петръ, какъ мы видѣли, воспрепятствовалъ дальнѣйшему походу Тверской рати.

Около того времени возстановилось единство Татарской Орды, нарушенное въ особенности ханомъ Ногаемъ, который долгое время самостоятельно властвовалъ въ степяхъ Черноморскихъ. Поставленный съ его же помощью въ Золотой или Волжской Ордѣ, ханъ Тохта пошелъ на него войною. Престарѣлый Ногай потерялъ битву

на берегахъ южнаго Буга и въ бѣгствѣ былъ смертельно раненъ какимъ-то русскимъ всадникомъ изъ войска Тохты (1299 г.), послѣ чего Ногаева Орда возсоединилась съ Волжскою. Объединеніе, а слѣдовательно и усиленіе Орды, конечно, отозвалось и новымъ отягченіемъ татарскаго ига надъ Россіей. Тяжесть его почувствовалась еще болѣе при новомъ ханѣ Узбекѣ, который былъ племянникъ и преемникъ Тохты (1313 г.). Этотъ молодой ханъ, воспитанный въ магометанской религіи, возобновилъ и укрѣпилъ въ Золотой Ордѣ мусульманство, упавшее въ царствованіе его дяди, который воротился къ вѣрѣ своихъ предковъ. Умный и энергичный Узбекъ снова возвелъ Кипчакское царство на ту же степень могущества и возвратилъ ему тѣ же предѣлы, которые оно имѣло при первыхъ своихъ ханахъ, Батыѣ и Берке.

По установившемуся обычаю, при воцареніи новаго хана, къ нему на поклонъ являлись подчиненные владѣтели, и хлопотали о новыхъ для себя ярлыкахъ или грамотахъ. Въ томъ числѣ пріѣхали и русскіе князья, съ Михаиломъ Тверскимъ во главѣ. Узбекъ утвердилъ за Михаиломъ великое княженіе Владимірское, однако продержалъ его въ Ордѣ болѣе года прежде, чѣмъ отпустилъ въ Русь. Съ Михаиломъ ѣздилъ въ Орду и митрополитъ Петръ, также согласно съ установившимся обычаемъ, чтобы хлопотать о подтвержденіи тѣхъ льготъ, которыя были даны русскому духовенству первыми татарскими ханами. Не смотря на свое усердіе къ мусульманству, Узбекъ остался вѣренъ Чингисъ-хановымъ правиламъ вѣротерпимости, и приказалъ выдать митрополиту новый ярлыкъ. Симъ ярлыкомъ запрещалось баскакамъ, таможникамъ, даньщикамъ и всякимъ татарскимъ чиновникамъ производить какіе-либо поборы съ имущества церкви и всего духовенства, а митрополиту вмѣнялось въ обязанность только молиться за хана, его семью и его царство.

Но въ то именно время, когда Михаилъ Тверской считалъ обезпеченнымъ за собою великое княженіе, онъ принужденъ былъ вступить въ смертельную борьбу съ Юріемъ Московскимъ. Поводомъ къ ней послужили отношенія Новогородскія.

Уже со временъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III всѣ великіе князья Владимірскіе стремились подчинить себѣ Новгородъ и держать его посредствомъ своихъ намѣстниковъ. Но, благодаря взаимному соперничеству и междоусобіямъ потомковъ Всеволода, Новгородцы всегда находили себѣ союзниковъ въ средѣ самихъ Суздальскихъ князей и пока успѣшно отстаивали свою самобытность.

Михаилъ Тверской, получивъ великое княженіе, посадилъ своихъ намѣстниковъ и въ Великомъ Новгородѣ. Разныя вымогательства и

самовластные поступки этихъ намѣстниковъ не замедлили разссорить Новгородцевъ съ Михаиломъ. А послѣдній при первомъ же столкновеніи употребилъ обычныя мѣры: онъ захватилъ сосѣдній пригородъ Торжокъ съ нѣкоторыми другими волостями и заперъ Волжскій путь, т. е. прекратилъ подвозъ хлѣба съ Низовыхъ областей. Новгородцы смирились, заплатили значительную сумму денегъ (1,500 гривенъ серебра) и возобновили старые договоры, опредѣлявшіе права и дани великокняжескія въ ихъ землѣ. Но поведеніе намѣстниковъ и послѣ того не измѣнилось; договоры постоянно нарушались. Тогда Новгородцы также прибѣгли къ обычному средству: противъ Тверскаго князя, который былъ для нихъ тяжелъ въ особенности по своему близкому сосѣдству, они призвали его соперника, князя Московскаго, для чего воспользовались отсутствіемъ Михаила, когда онъ былъ въ Ордѣ Узбековой. Юрій изгналъ тверскихъ намѣстниковъ и самъ сѣлъ на столѣ Новогородскомъ. Но вскорѣ затѣмъ Московскій князь долженъ былъ также отправиться въ Орду, по требованію Узбека. Онъ оставилъ въ Новгородѣ своими намѣстниками брата Аѳанасія и князя Ѳедора Ржевскаго. Между тѣмъ, воротился изъ Орды Михаилъ Ярославичъ въ сопровожденіи ханскихъ пословъ, по обычаю окруженныхъ большою толпою татаръ. Онъ немедленно пошелъ на Новогородцевъ, разбилъ ихъ ополченіе подъ Торжкомъ, захватилъ въ плѣнъ Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго со многими новгородскими боярами, взялъ съ Новгорода окупа 5,000 серебряныхъ гривенъ, принудилъ его заключить новый выгодный для себя договоръ и снова посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ (1315 г.).

И на этотъ разъ миръ съ Тверью продолжался недолго. Уже въ слѣдующемъ году произошли волненія въ Новгородѣ и сильное движеніе противъ тверской партіи, при чемъ двое гражданъ, заподозрѣнные въ перевѣтѣ, были умерщвлены (какой-то Игнатъ Бѣско и Данило Писцовъ). Тверскіе намѣстники вновь были изгнаны. Михаилъ съ сильною Низовскою ратью пошелъ къ самому Новгороду. Но граждане приготовились къ энергичному отпору, укрѣпили городъ новымъ острогомъ; Псковичи, Рушане, Корѣла, Ижора и Вожане пришли къ нимъ на помощь. Михаилъ не рѣшился на битву и отступилъ. На обратномъ пути его рать заблудилась въ лѣсахъ, озерахъ и болотахъ и сильно терпѣла отъ голода; часть коней пала, остальныхъ съѣли; даже жевали кожу со щитовъ и голенища отъ сапогъ. Много воиновъ погибло въ этомъ походѣ; оставшіеся въ живыхъ едва добрались до дому пѣшіе, побросавъ оружіе.

Юрій Даниловичъ пробылъ въ Ордѣ почти два года и съумѣлъ войти въ милость къ хану Узбеку. Будучи вдовымъ, онъ женился

на ханской сестрѣ Кончакѣ, принявшей въ крещеніи имя Агафіи, и затѣмъ получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Домогательства его поддерживали послы новгородскіе, которые принесли многія жалобы на Михаила, и жалобы эти, конечно, подкрѣпили денежными подачками приближеннымъ хана. Юрій воротился въ Русь и тотчасъ затѣялъ войну съ Тверскимъ княземъ. Собравъ большія силы, онъ вошелъ въ Тверскую землю. Въ его ополченіи находились нѣкоторые Суздальскіе князья и татарскіе послы съ своимъ отрядомъ; въ числѣ пословъ первое мѣсто занималъ Кавгадый, человѣкъ близкій къ хану. Война шла, повидимому, не изъ-за великаго стола, отъ котораго Михаилъ уже отказался, а изъ-за того, кому держать богатый Новгородъ. Михаилъ сначала колебался выступить рѣшительно противъ Юрія и Кавгадыя, конечно изъ опасенія раздражить Узбека. Но когда враги, опустошивъ правую сторону Волги, готовились перейти и на лѣвую, Тверской князь, посовѣтовавшись съ боярами и взявъ благословеніе у епископа, пошелъ на Юрія и встрѣтилъ его при селѣ Бортеневѣ, въ сорока верстахъ отъ Твери. Послѣ упорной битвы, Тверичи, озлобленные опустошеніемъ своей земли, поразили на голову Москвичей и Татаръ; отбили множество плѣнныхъ, и захватили многихъ бояръ московскихъ; вмѣстѣ съ послѣдними попала въ тверской плѣнъ и супруга Юрія, Кончака-Агафія. Въ этой битвѣ отличился особенно самъ Михаилъ, обладавшій высокимъ ростомъ, крѣпкими мышцами и храбростью. Хотя доспѣхъ его былъ весь изсѣченъ, однако на тѣлѣ не оказалось ни единой раны.

Но сія побѣда имѣла для него гибельныя послѣдствія. Напрасно онъ старался задобрить Кавгадыя: послѣ битвы привелъ его съ татарскою дружиною въ Тверь; затѣмъ одарилъ и отпустилъ съ большою честію. Коварный татаринъ говорилъ ему льстивыя слова, а въ душѣ своей затаилъ жажду мести: вѣроятно, по татарскимъ понятіямъ о чести, онъ въ особенности питалъ злобу за отнятіе у его Татаръ многочисленныхъ тверскихъ плѣнниковъ, которыхъ тѣ считали своею неотъемлемою добычею, своими рабами.

Посредникомъ между Юріемъ и Михаиломъ на этотъ разъ явился Новгородъ, куда ушелъ Московскій князь послѣ своего пораженія. Посольство Новогородское съ владыкою Давыдомъ во главѣ заключило новую договорную грамоту съ Тверскимъ княземъ о своихъ границахъ, о свободномъ пропускѣ хлѣба и пр. Причемъ условлено было, чтобы оба соперника снова отправились въ Орду и отдали свои споры на рѣшеніе хана. Михаилъ обязался освободить изъ плѣна жену Юрія и его брата. Къ несчастію Тверскаго князя, Кончака въ это время умерла въ Твери, и его враги распустили слухъ, будто

она была отравлена. Михаилъ отправилъ въ Москву своего боярина Марковича, вѣроятно по поводу той же кончины. Юрій, не уважая обычаевъ, убилъ посла, а затѣмъ поѣхалъ въ Орду вмѣстѣ съ Кавгадыемъ. Послѣдній принялся вооружать Узбека противъ Михаила, взводилъ на него разныя клеветы, между прочимъ обвинялъ въ утайкѣ даней. Юрія и Кавгадыя поддерживали своими жалобами на Тверскаго князя и послы новогородскіе. Между тѣмъ, Михаилъ прислалъ въ Орду юнаго сына Константина, а самъ пока медлилъ своимъ пріѣздомъ. И этимъ обстоятельствомъ воспользовались его враги, указывая на его непокорность хану.

Наконецъ, въ августѣ 1318 года, Михаилъ Ярославичъ выѣхалъ изъ Твери, напутствуемый благословеніями епископа Варсонофія и слезами своей семьи. Супруга его Анна Дмитріевна (дочь Ростовскаго князя) и сыновья провожали его часть пути. Во Владимірѣ онъ встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, который сказалъ ему: «зоветъ тебя царь, поѣзжай скорѣе; если не поспѣешь черезъ мѣсяцъ, то уже назначена рать на тебя и на твои города. Кавгадый оболгалъ тебя передъ царемъ, говоря, что ты не пріѣдешь въ Орду». Слова эти смутили близкихъ князю людей. Бояре стали совѣтовать ему, чтобы онъ обождалъ, пока минетъ ханскій гнѣвъ, и послалъ бы вмѣсто себя одного изъ старшихъ сыновей, Димитрія или Александра, которые сопровождали отца до Владиміра. Но Михаилъ отвергъ этотъ совѣтъ, чтобы не навлечь новаго татарскаго разоренія на свою землю. Онъ написалъ рядную грамоту, по которой раздѣлилъ свои волости между дѣтьми, и отпустилъ сыновей домой; а самъ съ нѣсколькими боярами и слугами поѣхалъ въ Орду, сопровождаемый своимъ духовнымъ отцомъ, игуменомъ Александромъ, двумя священниками и дьякономъ.

6 сентября князь достигъ Орды, которая тогда кочевала около устьевъ Дона. Онъ, по обычаю, роздалъ подарки ханскимъ вельможамъ и женамъ; поднесъ дары самому хану, и сначала оставался въ покоѣ. Но Кавгадый, пользовавшійся особою милостію Узбека, не переставалъ дѣйствовать, и, спустя полтора мѣсяца, ханъ велѣлъ своимъ вельможамъ разобрать дѣло Михаила Тверскаго съ Юріемъ Московскимъ. Судьи собрались въ шатрѣ, недалеко отъ ханской ставки, и позвали Михаила. Прежде всего ему объявлены были грамоты Суздальскихъ князей, взводившихъ на него слѣдующее обвиненіе: «многія дани бралъ въ городахъ нашихъ, а царю ихъ не отдалъ». Князь доказывалъ несправедливость обвиненія и ссылался на записи всего того, что онъ роздалъ хану и князьямъ ордынскимъ. Черезъ недѣлю Михаила привели опять на судъ, на этотъ разъ уже

связаннымъ. Къ первому обвиненію прибавили еще два: «бился противъ царскаго посла и уморилъ супругу великаго князя Юрія». Напрасно Михаилъ оправдывался, говоря, что посла встрѣтилъ во брани и потомъ съ честію отпустилъ его; клялся, что неповиненъ въ смерти Агафіи. Судьи не слушали его оправданій, а внимали обвинительнымъ рѣчамъ Юрія и Кавгадыя. Хану донесли, что Михаилъ повиненъ смерти. Узбекъ согласился на этотъ приговоръ, но медлилъ его исполненіемъ. Между тѣмъ, къ Михаилу приставили стражу и стали гнать отъ него бояръ и слугъ. На шею ему надѣли деревянную колодку, такъ что онъ не могъ лечь и проводилъ безсонныя ночи, во время которыхъ находилъ утѣшеніе въ чтеніи псалтыря. Такъ какъ и руки его были связаны, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы рукописи. Орда двинулась далѣе на югъ, къ Кавказскимъ горамъ; впереди ея ѣхалъ ханъ съ своимъ дворомъ и забавлялся охотою. Однажды Кавгадый велѣлъ вывести узника на торгъ, и разными способами наругался надъ нимъ въ присутствіи многочисленной разноплеменной толпы, которая съ любопытствомъ смотрѣла на такое униженіе прежде сильнаго и славнаго русскаго князя. Вѣрные слуги предлагали князю спасти себя бѣгствомъ въ горы; говорили ему, что уже готовы и кони, и проводники. Но Михаилъ отвергъ это предложеніе, чтобы не подвергнуть избіенію своихъ бояръ, слугъ, своего сына и другихъ Тверичей, пребывавшихъ въ Ордѣ. Онъ могъ также опасаться, чтобы раздраженный ханъ и весь его родъ не лишилъ наслѣдственной волости и не отдалъ бы ее другому князю.

Прошло около четырехъ недѣль со времени приговора. Орда перешла уже рѣку Терекъ и расположилась подъ городомъ Тетяковымъ, близъ Желѣзныхъ воротъ (Дербента). Отогнавши отъ князя бояръ и бо́льшую часть слугъ, Татары, по обычной своей вѣротерпимости, оставили при немъ игумена и священниковъ и не мѣшали имъ совершать божественныя службы въ княжемъ шатрѣ. 22 ноября 1318 года, въ среду, Михаилъ велѣлъ имъ очень рано отпѣть заутреню и часы; потомъ самъ прочелъ причастное правило, исповѣдалъ свои грѣхи духовному отцу и причастился. Князь, вѣроятно, былъ извѣщенъ своими доброхотами, что въ этотъ день должна совершиться его казнь. Онъ подозвалъ къ себѣ сына Константина и передалъ ему свои послѣднія распоряженія о раздѣлѣ вотчины, о своей супругѣ и боярахъ; поручилъ ему беречь тѣхъ, которые были съ нимъ въ Ордѣ. Затѣмъ онъ снова сталъ облегчать свою скорбь чтеніемъ псалтыря и молитвами.

Во время этихъ благочестивыхъ занятій въ его шатеръ вбѣжалъ отрокъ, весь блѣдный, и упавшимъ голосомъ объявилъ:

«Господине княже! Идутъ уже отъ Орды Кавгадый и великій князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ».

— «Вѣдаю на что идутъ, на убіеніе мое»,—сказалъ со вздохомъ князь, и отослалъ поскорѣе сына Константина къ главной ханшѣ, подъ ея покровительство.

Кавгадый и Юрій остановились на торгу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вежи Михаила и сошли съ коней, а къ нему отрядили толпу убійцъ. Сіи послѣдніе, въ числѣ которыхъ были и русскіе отступники, бросились на его вежу какъ дикіе звѣри и разогнали всѣхъ служившихъ ему. Князь стоялъ и молился; схватили за деревянную колодку, надѣтую на его шею, и такъ сильно ударили объ стѣну шатра, что она проломилась. Князь вскочилъ на ноги; но его снова повергли на землю и принялись бить нещадно пятами. Наконецъ, какой-то извергъ, по имени Романецъ, вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Убійцы разграбили все, что было въ княжемъ шатрѣ, сняли съ князя и самую одежду; потомъ воротились на торгъ и объявили объ исполненіи своего дѣла. Кавгадый и Юрій подъѣхали къ шатру. «Развѣ онъ не дядя тебѣ; зачѣмъ же тѣло его такъ брошено нагое?»—злобно замѣтилъ Кавгадый Юрію. Великій князь велѣлъ своимъ слугамъ прикрыть мученика, и одинъ изъ нихъ набросилъ на него свою котыгу (верхнюю одежду). Тѣло Михаила привязали къ доскѣ, положили на телѣгу и повезли на Русь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ и слугъ Юрія. Когда они пріѣхали въ Маджары, довольно большой и торговый городъ на берегахъ рѣки Кумы, бывшіе тамъ русскіе гости, знавшіе Михаила, хотѣли прикрыть его останки дорогими тканями и поставить ихъ въ церкви. Но жестокосердые Московскіе бояре не допустили до этого, а поставили тѣло за сторожами въ какомъ-то хлѣвѣ. Тоже самое повторили они и въ другомъ торговомъ городѣ, Бездѣжѣ. Наконецъ, тѣло привезли въ Москву и здѣсь схоронили.

На слѣдующее лѣто Юрій воротился на Русь, ведя съ собою изъ Орды плѣнниками Михаилова сына Константина, его бояръ и слугъ. Тогда только тверичи узнали достовѣрно о судьбѣ своего князя. Супруга его Анна и его старшій сынъ и преемникъ Димитрій отправили во Владиміръ посольство, со вторымъ его сыномъ Александромъ во главѣ, просить великаго князя, чтобы онъ отпустилъ тѣло Михаила въ Тверь. Едва умолили Юрія отпустить тѣло, и то уже послѣ заключенія мира между Москвой и Тверью. Тверскіе бояре съ

игумнами и священниками отправились въ Москву и привезли оттуда останки своего князя, которые и были погребены въ Тверскомъ Спасскомъ соборѣ, имъ самимъ построенномъ. Подобно своему соименнику Михаилу Черниговскому, также замученному въ Ордѣ, Михаилъ Тверской причисленъ къ лику русскихъ святыхъ. Его вдовая княгиня Анна Дмитріевна постриглась въ инокини; она почти на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ пережила своего супруга и скончалась въ Кашинѣ, удѣльномъ городѣ своего меньшаго сына Василія.

Казалось бы Москва взяла рѣшительный верхъ надъ Тверью и послѣдняя должна была навсегда смириться. Но борьба еще далеко не кончилась: измѣнчивое расположеніе ордынскаго властителя вскорѣ повернуло отношенія соперниковъ въ обратную сторону. Юрій Московскій взялъ съ Димитрія Михайловича Тверскаго 2,000 руб. такъ называемаго «выходнаго серебра», т. е. назначеннаго для выхода или дани въ Орду, но эти деньги пока удержалъ у себя, и отправился княжить въ Новгородѣ. Димитрій поѣхалъ въ Орду, донесъ хану о присвоеніи Юріемъ выходнаго серебра и вообще такъ его очернилъ, что Узбекъ разгнѣвался на московскаго князя, далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское Димитрію Михайловичу по прозванію «Грозныя Очи», и отпустилъ его на Русь съ большимъ татарскимъ посломъ. Когда Юрій отправился въ Орду, чтобы оправдаться передъ ханомъ, Димитрій, опасаясь новой перемѣны, поспѣшилъ туда же. Неизвѣстно, что именно побудило Тверскаго князя къ убійству своего соперника; можетъ быть его волновала жажда мести за своего отца и онъ далъ волю своему пылкому нраву; не даромъ же онъ имѣлъ прозваніе Грозныя Очи. Можетъ быть онъ слишкомъ понадѣялся на ханскую къ себѣ милость; только разъ, при встрѣчѣ съ Юріемъ, Димитрій собственноручно его убилъ (1324 г.). Московскіе бояре отвезли тѣло своего князя въ Москву, гдѣ онъ и былъ погребенъ въ храмѣ св. Михаила Архангела. Преемникъ его и братъ, Иванъ Даниловичъ Калита, занялъ Московскій столъ еще при жизни Юрія, который послѣдніе свои годы проводилъ преимущественно въ Новгородѣ. Переживъ всѣхъ братьевъ, онъ теперь соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ московскія волости.

Между тѣмъ, Узбекъ сильно разгнѣвался на самоуправство Тверскаго князя, однако долго медлилъ своимъ рѣшеніемъ. Наконецъ, около восьми мѣсяцевъ спустя, онъ велѣлъ убить самаго Димитрія. Но и послѣ того онъ далъ ярлыкъ на Владимірское княженіе не брату Юрія, Ивану Калитѣ, а брату Димитрія—Александру Михайловичу. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Александръ весьма щедро раздавалъ въ Ордѣ подарки и подкупалъ ханскихъ любимцевъ такъ

усердно, что вошелъ въ большіе долги. Но это торжество Твери надъ Москвой было кратковременное. Слѣдующее неожиданное событіе снова перевернуло ихъ отношенія къ Ордѣ и другъ къ другу.

Татарскіе послы, сопровождаемые болѣе или менѣе многочисленными отрядами, часто пріѣзжали на Русь по разнымъ дѣламъ, напримѣръ, для полученія выхода или дани, для посаженія на столъ князя, вновь пожалованнаго ханскимъ ярлыкомъ, и проч. Тяжки были для жителей эти посольскіе пріѣзды, какъ какъ они сопровождались наглымъ грабежомъ и разореніемъ. Жители обязаны были доставлять кормъ и все нужное для посольской свиты и ея коней, причемъ татары позволяли себѣ всевозможныя обиды и насилія; вообще они смотрѣли на русскихъ, какъ на своихъ рабовъ, и обходились съ ними крайне грубо и презрительно. Несмотря на свою обычную терпѣливость, русскій народъ иногда не выносилъ этихъ обидъ; мѣстами происходили бурныя вспышки и даже избіеніе ненавистныхъ варваровъ. Мы видѣли еще при Александрѣ Невскомъ народные мятежи въ сѣверно-русскихъ городахъ, поднятые противъ жестокихъ откупщиковъ и сборщиковъ татарскихъ даней. Такіе мятежи, повидимому, послужили къ перемѣнѣ самой системы этихъ сборовъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующую эпоху, мы уже не встрѣчаемъ въ сѣверной Руси бесерменскихъ откупщиковъ и непосредственные сборы съ населенія. Вмѣсто того, сами князья собираютъ дань съ своихъ владѣній и отвозятъ ее въ Орду или вручаютъ ханскимъ посламъ. Это было уже значительнымъ облегченіемъ для русскихъ областей. Но, какъ мы сказали, обиды и насилія отъ ордынскихъ баскаковъ и пословъ продолжали вызывать кровавыя столкновенія жителей съ татарами въ сѣверныхъ городахъ. Напримѣръ, подобное столкновеніе произошло въ 1320 году въ Ростовѣ; причемъ жители собрались противъ «злыхъ» татаръ и выгнали ихъ изъ своего города.

Въ 1327 году къ великому князю Александру прибылъ съ большою свитою знатный ордынскій посолъ Чолханъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именами Щелкана и Шевкала, сынъ того воеводы Дюденя, который жестоко разорилъ Сѣверную Русь при сыновьяхъ Александра Невскаго. Онъ занялъ въ Твери старый княжій дворъ, устроенный отцомъ Александра Михаиломъ, и держалъ себя съ великою гордостію, а его татары творили разныя обиды и насилія жителямъ, что не замедлило произвести въ послѣднихъ озлобленіе противъ ненавистныхъ гостей. Въ народѣ стали ходить слухи о намѣреніи Чолхана самому сѣсть на Тверскомъ княженіи, чему могло подать поводъ его пребываніе на княжемъ дворѣ. Къ этимъ слухамъ присоединились обычные толки объ опасности для православной вѣры,

которую татары хотятъ истребить. Наконецъ, ничтожный случай послужилъ поводомъ къ кровавому событію. Какой-то дьяконъ, прозвищемъ Дюдко, повелъ свою молодую, тучную кобылу поить на Волгу. Нѣкоторымъ татарамъ понравилась кобыла, и они захотѣли отнять ее. Это случилось утромъ 15-го августа въ праздникъ Успенія, и былъ торговый или базарный день. Дьяконъ завопилъ народу: «о мужи Тверстіи, не выдавайте!» Многіе бросились ему на помощь. Татары обнажили сабли и начали рубить противниковъ. Но число послѣднихъ возрастало, а къ татарамъ мало-по-малу пристали и всѣ ихъ товарищи. Кто-то ударилъ въ набатный колоколъ; народъ собрался, всѣмъ вѣчемъ пошелъ на татаръ и началъ ихъ избивать. Остатокъ ихъ заперся было съ Чолханомъ на княжемъ дворѣ, но разъяренная чернь не пощадила его и зажгла. Все татарское посольство погибло; избиты были и находившіеся въ городѣ ордынскіе купцы. Только татарскіе табунщики, пасшіе коней за городомъ въ полѣ, успѣли сѣсть на лучшихъ скакуновъ и бѣжать въ Москву, а оттуда дали вѣсть въ Орду о гибели своихъ.

Надобно полагать, что Иванъ Калита не мало обрадовался такому случаю погубить своего соперника. Узбеку, повидимому, донесли, что народное возстаніе было поднято самимъ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, хотя нѣтъ точныхъ указаній на его личное участіе въ этомъ событіи. Прежде нежели Александръ могъ придумать, какимъ образомъ умилостивить разгнѣваннаго хана, 50,000 татаръ, предводимые пятью темниками, уже соединились съ Московскимъ княземъ, которому ханъ поручилъ наказать мятежниковъ. Это войско нагрянуло на Тверскую область и жестоко ее опустошило; татары набрали въ ней огромное количество полону и всякой добычи. Города, въ томъ числѣ сама Тверь, были разорены; жители спасались бѣгствомъ въ лѣса и дебри, какъ въ Батыево нашествіе. Александръ Михайловичъ и не пытался прибѣгнуть къ оборонѣ. Въ виду грознаго нашествія, онъ съ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ изъ страха передъ татарами, и удалился во Псковъ.

Послѣ того (въ 1328 г.) Иванъ Калита отправился въ Орду, гдѣ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, а Тверское княженіе ханъ отдалъ брату Александра Михайловича Константину, который вызвалъ жителей изъ лѣсовъ, возстановилъ разоренные города и вообще успѣлъ нѣсколько изгладить слѣды татарскаго погрома. Между тѣмъ, Узбекъ велѣлъ русскимъ князьямъ «искать» Александра. Калита и другіе князья собрались въ Новгородъ и отсюда посылали въ Псковъ склонить бывшаго Тверскаго

князя къ поѣздкѣ въ Орду. Но псковичи не пустили Александра, обѣщая умереть за него въ случаѣ нужды. Дѣло въ томъ, что они были рады видѣть у себя на столѣ такого знаменитаго князя: имѣть своихъ собственныхъ князей и сдѣлаться независимыми отъ Новгорода составляло ихъ давнее желаніе. Калита съ товарищами и новгородцами пошелъ было на Псковъ войною; но, узнавъ о рѣшимости и приготовленіяхъ псковичей къ оборонѣ, придумалъ такую мѣру: по его просьбѣ, митрополитъ Ѳеогностъ послалъ проклятіе и отлученіе отъ церкви Александру и всему Пскову, если требованіе князей не будетъ исполнено. «Братья и друзья!—сказалъ Александръ псковичанамъ, — да не будетъ на васъ проклятія меня ради», и уѣхалъ въ Литву. Князья удовольствовались тѣмъ, и оставили псковичей въ покоѣ. Спустя короткое время, Александръ воротился въ Псковъ подъ покровительствомъ Гедимина, и спокойно княжилъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ. Однако онъ скучалъ о своей вотчинѣ и дѣдинѣ, о Твери; а главное его мучила мысль, что дѣти его и все потомство будутъ лишены княженія въ Тверской землѣ; Псковъ же не могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ столомъ въ его родѣ. Сначала Александръ отправилъ къ Узбеку сына Ѳеодора, чтобы расположить хана къ милости, а потомъ и самъ отправился въ Орду съ повинною, и, конечно, свое смиреніе подкрѣпилъ великими дарами ханскимъ любимцамъ. Узбекъ простилъ его и возвратилъ ему Тверское княженіе. Но такой оборотъ дѣлъ не былъ по вкусу Московскому князю: вмѣсто смирнаго и послушнаго Константина, ему снова пришлось вѣдаться съ такимъ гордымъ и строптивымъ сосѣдомъ, каковъ былъ Александръ. Ихъ соперничество возобновилось. Нѣкоторые тверскіе бояре также были недовольны возвращеніемъ безпокойнаго Александра: предвидя новыя смуты, они покинули Тверь и перешли на службу къ болѣе сильному князю, т. е. въ Москву. Калита съ своими сыновьями отправился въ Орду и усердно старался очернить предъ ханомъ Тверскаго князя. Его хлопоты увѣнчались успѣхомъ: Узбекъ потребовалъ къ себѣ Александра. Сей послѣдній отправилъ напередъ сына Ѳеодора, а потомъ поѣхалъ и самъ. Онъ уже получилъ недобрыя вѣсти отъ сына и чуялъ бѣду; но также, какъ отецъ его, на этотъ разъ предпочелъ лучше самому погибнуть, нежели новымъ бѣгствомъ лишить своихъ дѣтей наслѣдственнаго княженія. Когда, со слезами провожаемый своей семьей, епископомъ и духовенствомъ, боярами и гражданами, князь сѣлъ въ ладью, то поднялся сильный вѣтеръ; гребцы долго не могли справиться съ нимъ, и ладью все относило назадъ. Это обстоятельство было сочтено худымъ знаменіемъ.

Въ Ордѣ отъ своихъ доброхотовъ Александръ узналъ, что ханъ очень на него гнѣвенъ и опредѣлилъ ему смертную казнь; узналъ потомъ, что назначенъ и самый день казни, именно 29-го октября (1339 г.). Въ этотъ день онъ всталъ рано и велѣлъ бывшимъ съ нимъ священникамъ отслужить заутреню. Потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ собирать вѣсти о своей участи; послалъ за тѣмъ же къ главной ханшѣ. Всѣ вѣсти подтвердили, что смертный часъ близокъ. Воротясь въ ставку, Александръ исповѣдался у своего духовнаго отца и принялъ св. дары; тоже сдѣлали сынъ его Ѳеодоръ и бывшіе съ нимъ бояре; никто не чаялъ остаться въ живыхъ. Вскорѣ прибѣжали княжіе отроки и съ плачемъ возвѣстили, что уже идутъ черкасы и татары, посланные на убіеніе. Князь самъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Варвары схватили его, сорвали съ него одежды, и нагого подвели къ сидѣвшему на конѣ и окруженному большою свитою вельможѣ Товлубію, который распоряжался казнію. «Убейте», крикнулъ Товлубій. Убійцы тотчасъ пронзили Александра и сына его Ѳеодора, и когда тѣ упали на землю, отрубили имъ головы. Бояре и слуги большею частію въ ужасѣ разбѣжались въ разныя стороны. Нѣкоторые изъ нихъ однако остались; взяли тѣла своихъ князей и отвезли ихъ въ Тверь, гдѣ они и были погребены въ Спасскомъ соборѣ. На Тверскомъ столѣ снова сѣлъ смирный, осторожный Константинъ Михайловичъ. Побѣда Москвы надъ Тверью выразилась, между прочимъ, въ томъ, что Калита велѣлъ снять колоколъ у Тверскаго Спасскаго собора и привезти его въ Москву.

Иванъ Даниловичъ, по прозванью Калита (т. е. денежный мѣшокъ или кошель, въ переносномъ смыслѣ—скопидомъ), съ одной стороны, является передъ лицомъ исторіи съ неприглядными чертами человѣка жестокаго и пронырливаго, который раболѣпствовалъ въ Ордѣ, чтобы снискать милость хана, и прибѣгалъ ко всякимъ кознямъ, чтобы погубить своего соперника. Съ другой стороны, мы видимъ умнаго, заботливаго хозяина своей земли, водворившаго въ ней спокойствіе и безопасность отъ татарскихъ разореній. «Сѣде на великое княженіе Иванъ Даниловичъ,—говорятъ лѣтописцы,—и бысть тишина христіаномъ на многа лѣта, и преста татарове воевати русскую землю». Таковы обыкновенно бывали и въ другихъ странахъ основатели государственнаго могущества, собиратели какой либо раздробленной народности, дѣйствовавшіе въ условіяхъ, въ духѣ своего времени и не всегда затруднявшіеся въ выборѣ средствъ для достиженія главныхъ цѣлей. Хотя бы къ этимъ цѣлямъ таковой дѣятель стремился эгоистично, т. е. имѣя въ виду прежде всего возвышеніе собственное и своего рода, тѣмъ не менѣе, потомство,

пользующееся плодами его политики, обыкновенно вспоминаетъ о немъ съ уваженіемъ и признательностію. Въ отношеніи къ первымъ Московскимъ князьямъ народное уваженіе и признательность еще увеличиваются въ виду того, что, начавъ собирать разрозненныя части Русской земли и полагая основаніе нашему національному единству, они тѣмъ самымъ приготовляли постепенное, вѣрное избавленіе Руси отъ варварскаго ига и ея будущее полное торжество надъ темными силами Азіи.

Какъ истый хозяинъ и скопидомъ, Иванъ Даниловичъ Калита, хотя значительно увеличилъ собственное Московское княженіе, но совершилъ это увеличеніе не оружіемъ и кровопролитіемъ, а денежною куплею. Онъ «примыслилъ» отъ сосѣднихъ княженій нѣсколько городовъ и волостей съ большимъ количествомъ селъ и слободъ, которыя покупалъ у обѣднявшихъ князей, бояръ и монастырей. При немъ московская земля, во-первыхъ, заключала въ себѣ все теченіе рѣки Москвы съ городами: Можайскомъ, Звенигородомъ, Москвою и Коломною; далѣе, на юго-западъ она простиралась отъ Коломны вверхъ по Окѣ, съ городками Каширою и Серпуховымъ; а на сѣверо-востокѣ владѣнія Московскія охватывали уже часть Поволжья, заключая въ себѣ волжскіе города Угличъ и Кострому. Они перешли далеко и на сѣверную сторону Волги: Калита купилъ у обѣднявшихъ мѣстныхъ князей (потомковъ Константина Всеволодовича Ростовскаго) не только Угличъ, но также Галичъ Мерскій и Бѣлозерскъ; впрочемъ пока оставилъ ихъ во владѣніи наслѣдственныхъ князей, довольствуясь полною покорностію послѣднихъ. Для подчиненія себѣ удѣльныхъ Ростовскихъ князей онъ пользовался также семейными связями. Такъ онъ выдалъ двухъ своихъ дочерей за Василія Давыдовича Ярославскаго (внукъ Ѳедора Чернаго) и Константина Васильевича Ростовскаго. Послѣдній изъ нихъ, т. е. Константинъ Ростовскій, находился въ совершенномъ повиновеніи у тестя: московскіе бояре распоряжались въ его стольномъ городѣ. Въ 1330 году прибылъ въ Ростовъ московскій намѣстникъ Василій Кочева съ товарищемъ своимъ Миняемъ, и учинилъ великія притѣсненія гражданамъ, вымогая отъ нихъ деньги (вѣроятно для татарскаго выхода). Старшаго ростовскаго боярина Аверкія они подвергли побоямъ и поруганію, на время повѣсивъ его внизъ головою. Тогда многіе мѣстные бояре отъ такого насилія переѣхали въ другія земли. Древній славный городъ Ростовъ, еще недавно изгнавшій отъ себя татаръ, подвергся окончательному уничиженію. Другой же зять Калиты Василій Ярославскій (подобно Димитрію Тверскому, носившій прозваніе «Грозныя очи») наоборотъ, не только не хотѣлъ подчи-

ниться своему тестю, но даже по родовымъ отношеніямъ считалъ себя старше Московскаго князя, и вступилъ противъ него въ союзъ съ его врагомъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ. Эти союзы слабѣйшихъ князей по временамъ не мало сдерживали честолюбивыя стремленія и захваты Москвы, заставляя ее дѣйствовать осторожно и выжидать случаевъ къ ихъ разъединенію.

Не дешево стоили Калитѣ его земельные примыслы. Еще болѣе того приходилось ему тратить на свои частыя поѣздки въ Орду, на татарскія дани, на подарки и подкупы ордынскихъ царевичей и вельможъ. Необходимыя на то средства онъ пріобрѣталъ, конечно, главнымъ образомъ доходами съ собственныхъ земель и своею бережливостью. Благодаря наставшему въ его время сравнительно бо̀льшему спокойствію, внутреннему и внѣшнему, Московскія волости стали скоро оправляться отъ прежнихъ разореній; земледѣліе, торговля и промыслы оживились, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли и княжіе доходы. (Есть извѣстіе, что Калита строго преслѣдовалъ въ своей землѣ татей и разбойниковъ). Другимъ источникомъ сдѣлался сборъ татарской дани. Калита, въ качествѣ великаго князя Владимірскаго, повидимому, добился отъ хана позволенія самому взимать эти дани или выходы съ областей сѣверной Руси и доставлять ихъ въ ханскую казну. Разумѣется, отъ сихъ сборовъ не малая доля оставалась въ рукахъ великаго князя. А такъ какъ это взиманіе всегда могло опираться на татарскую помощь, то и подчиненіе удѣльныхъ князей Москвѣ пошло успѣшнѣе. Надобно полагать, что и самые примыслы Калиты или пріобрѣтеніе волостей большею частію находились въ связи съ несостоятельностію нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, разоренныхъ преимущественно татарскими данями и весьма убыточными поѣздками въ Орду. Особенно важнымъ источникомъ великокняжескихъ доходовъ служилъ богатый торговый Новгородъ. Кромѣ обычныхъ даней и сборовъ на князя и его намѣстниковъ, Калита, при удобномъ случаѣ, старался прижать Новгородцевъ, чтобы возможно болѣе получать съ нихъ на татарскіе выходы. Въ 1332 году онъ потребовалъ себѣ такъ называемаго «серебра закамскаго», т. е. даней, которыя они взимали съ чудскихъ Пріуральскихъ народцевъ. Новгородцы отказали, Калита пошелъ на нихъ ратью, захватилъ ихъ пригороды Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ, и началъ опустошать сосѣднія Новогородскія волости. Но соперникъ его Александръ Тверской въ то время сидѣлъ во Псковѣ подручникомъ Гедимина Литовскаго. Новгородцы вошли въ сношеніе съ Александромъ и Гедиминомъ и призвали къ себѣ Гедиминова сына Наримонта; Калита перемѣнилъ тонъ и помирился съ Новгородомъ. Въ концѣ своего

княженія онъ снова потребовалъ отъ Новогородцевъ большую сумму денегъ, ссылаясь на лишнія требованія выхода со стороны хана. Новогородцы опять уперлись. Калита отозвалъ своихъ намѣстниковъ. Вскорѣ онъ умеръ, и распря окончилась уже при его сынѣ.

Относительно бо́льшая тишина, безопасность и зажиточность, которыми начала пользоваться Московская область, сравнительно съ другими русскими землями, естественно привлекали сюда переселенцевъ изъ этихъ другихъ земель, и населеніе замѣтно стало умножаться. Многіе бояре отъ удѣльныхъ князей стали переходить на службу къ «великому князю всея Руси», какъ сталъ именовать себя Иванъ Даниловичъ. (Просто «великими князьями» назывались тогда почти всѣ сколько нибудь значительные владѣтели областные и даже удѣльные). Въ Москву пріѣзжали бояре изъ Твери, Чернигова, Кіева, Волыни и т. д.; даже изъ Орды стали выѣзжать въ Москву знатные люди, которые принимали крещеніе, вступали въ московскую службу, получали помѣстья и жалованье. Изъ нихъ извѣстенъ татарскій мурза Четъ, въ крещеніи Захарія (предокъ Бориса Годунова); а изъ русскихъ пріѣзжихъ бояръ наиболѣе извѣстенъ Родіонъ Нестеровичъ, который прибылъ изъ Кіева съ многочисленнымъ дворомъ, т. е. съ большимъ количествомъ своихъ отроковъ и слугъ. Знатнѣйшіе изъ этихъ пріѣзжихъ бояръ иногда становились выше собственныхъ московскихъ думцевъ и близкихъ людей; отсюда уже въ тѣ времена начались между ними споры о мѣстахъ или такъ называемое «мѣстничество».

Забота о возвышеніи своего отчиннаго города надъ всѣми другими и сметливость Калиты особенно выразились въ отношеніяхъ его къ церковной власти. Оказывая глубокое уваженіе митрополиту Петру и защищая отъ соперниковъ, онъ съумѣлъ не только сдѣлать его своимъ другомъ, но и побудилъ его постепенно оставить стольный Владиміръ и переселиться на жительство въ Москву. Митрополиты русскіе имѣли обычай пребывать всегда вблизи великаго князя; слѣдовательно, Петръ охотно покинулъ Владиміръ, который въ дѣйствительности уже пересталъ быть стольнымъ городомъ, хотя и продолжалъ именоваться великимъ княженіемъ. Замѣчательно, что переселеніе это совершилось еще въ то время, когда споръ за первенство между Москвою и Тверью находился въ полномъ разгарѣ и еще трудно было предвидѣть его рѣшеніе. Но уже самое пребываніе митрополита въ Москвѣ, сообщая ей значеніе церковной столицы, тѣмъ самымъ способствовало и ея перевѣсу надъ соперницей, такъ какъ привлекало на ея сторону сочувствіе народное. Формальнаго или торжественнаго переселенія собственно не было; а просто во

время своихъ частыхъ объѣздовъ русскихъ областей митрополитъ все рѣже и рѣже возвращался во Владиміръ, все долѣе и долѣе гостилъ въ Москвѣ. Достигнувъ глубокой старости, онъ началъ думать о томъ, гдѣ будутъ положены его кости. Предшественникъ его Максимъ, первый кіевскій митрополитъ, переселившійся на сѣверъ, былъ погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, и этотъ соборъ, послѣ Кіевософійскаго, сдѣлался, такъ сказать, митрополитальнымъ. Если Петръ желалъ утвердить митрополію въ Москвѣ, то надобно было позаботиться о сооруженіи въ ней достойнаго соборнаго храма, въ которомъ также онъ могъ бы найти себѣ успокоеніе. По словамъ его житія, Петръ началъ просить Ивана Калиту (тогда еще не получившаго ярлыкъ на великое княженіе) воздвигнуть въ Москвѣ такой же каменный соборъ во имя Успенія Богородицы, какой былъ во Владимірѣ. Позднѣйшій распространитель житія, митрополитъ Кипріанъ, при этомъ влагаетъ въ уста Петру такое пророчество: «если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и весь родъ твой, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ». Калита поспѣшилъ исполнить его желаніе и заложилъ каменный Успенскій храмъ въ московскомъ Кремлѣ, близъ своего двора, лѣтомъ 1326 г. Но едва выведено было основаніе и едва Петръ успѣлъ приготовить въ стѣнѣ нишу съ каменною гробницею для себя, какъ онъ скончался въ декабрѣ того же года, и былъ погребенъ въ этой гробницѣ. Такимъ образомъ, св. Петръ началъ собою рядъ московскихъ іерарховъ-угодниковъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы у Русскаго народа. На слѣдующій годъ Успенскій храмъ былъ оконченъ и освященъ Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ (составителемъ первоначальнаго краткаго житія Петрова). Но этотъ Успенскій соборъ ни размѣрами своими, ни украшеніями далеко не могъ равняться съ изящнымъ созданіемъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Московскій князь, владѣвшій пока только частью Суздальской земли и бывшій смиреннымъ данникомъ Золотой Орды, конечно, является бѣднѣе помянутыхъ своихъ предковъ. Притомъ, художество русское, достигшее замѣчательнаго развитія въ первой половинѣ XIII вѣка, было задавлено варварскимъ игомъ и пока еще не успѣло возродиться къ новой жизни.

Послѣднее пребываніе и погребеніе въ Москвѣ митрополита Петра хотя въ значительной степени подвинуло въ ея пользу вопросъ о перенесеніи митрополіи, однако, окончательное рѣшеніе зависѣло отъ его преемника. Константинопольскій патріархъ на этотъ разъ

снова поставилъ грека, по имени Ѳеогноста. Но когда Ѳеогностъ прибылъ въ Кіевъ, а оттуда во Владиміръ на Клязьмѣ (1328 г.), споръ между Тверью и Москвой уже рѣшился въ пользу послѣдней; Александръ Михайловичъ находился въ изгнаніи, а Калита получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Естественно, что новый митрополитъ скоро уступилъ вліянію послѣдняго и переѣхалъ на житье въ Москву, въ сосѣдство великаго князя, къ неудовольствію и зависти другихъ русскихъ князей, понимавшихъ значеніе этого шага. Ѳеогностъ сдѣлался такимъ же преданнымъ пособникомъ Калиты, какимъ былъ Петръ. Мы видѣли, какъ ловко Московскій князь употребилъ духовное оружіе противъ своего соперника, заставивъ Ѳеогноста погрозить отлученіемъ Псковичамъ, если они не изгонятъ отъ себя Александра Тверскаго.

Кромѣ Успенскаго собора, Калита украсилъ Московскій Кремль еще нѣсколькими каменными храмами. На Боровицкомъ холму, на самомъ великокняжескомъ дворѣ была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита построилъ, вмѣсто деревянной, каменную и устроилъ при ней монастырь; «мнихолюбивый» князь перевелъ сюда часть иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря, подчинивъ его Спасо-Преображенскому. (Сей послѣдній послужилъ усыпальницею древнихъ Московскихъ княгинь). Около того же времени онъ построилъ, вѣроятно въ честь своего ангела, каменную церковь Іоанна Лѣствичника, «что подъ колоколами», какъ выражается лѣтопись (на мѣстѣ позднѣйшей колокольни Ивана Великаго). На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела (можетъ быть основанная помянутымъ Московскимъ княземъ Михаиломъ Хоробритомъ). Въ ней покоились останки Юрія, брата Калиты. Онъ воздвигъ на ея мѣстѣ каменный храмъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. (Но гробъ брата, при разборкѣ деревяннаго храма вынесенный въ Успенскій соборъ, послѣ не былъ возвращенъ на прежнее мѣсто). Всѣ эти каменные храмы были малыхъ размѣровъ и не отличались большимъ изяществомъ. Наглядными ихъ образцомъ для насъ служитъ помянутый Спасо-Преображенскій храмъ, отчасти уцѣлѣвшій въ прежнемъ своемъ объемѣ и болѣе извѣстный въ народѣ подъ именемъ «Спаса на Бору». (Означенные четыре каменные храма, т. е. Успенія, Спаса, Іоанна и Михаила, построенные Калитой, были расписаны иконными фресками при его сынѣ Симеонѣ Гордомъ). Что касается до храмовъ деревянныхъ, то Москва уже обиловала ими въ то время; по крайней мѣрѣ лѣтопись по поводу одного пожара сообщаетъ, что сгорѣло при этомъ

18 церквей. Это бѣдствіе, столь часто опустошавшее наши древніе города, однажды истребило и самыя кремлевскія стѣны. Иванъ Даниловичъ послѣ того выстроилъ новыя стѣны изъ дубоваго лѣсу—слѣдовательно болѣе крѣпкія, чѣмъ прежде, но все-таки деревянныя.

Послѣднимъ событіемъ княженія Калиты былъ походъ противъ Смоленскаго князя Ивана Александровича. Этотъ князь, повидимому вступившій въ союзъ съ Гедиминомъ Литовскимъ, оказался непокорнымъ хану данникомъ, и Узбекъ послалъ на Смоленскъ татарское войско съ воеводою Товлубіемъ, приказавъ соединиться съ нимъ сѣверо-восточнымъ Русскимъ князьямъ. Дѣйствительно, князья Рязанскій, Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій и нѣкоторые другіе привели свои отряды; но Калита не пошелъ самъ, а послалъ Московскую рать съ двумя своими воеводами. Соединенное ополченіе ограничилось опустошеніемъ окрестностей Смоленска и, не взявъ города, воротилось назадъ. Калита, очевидно, не такъ усердствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ противъ своего соперника Александра Тверскаго. А можетъ быть онъ не пошелъ лично въ походъ по причинѣ тяжкой болѣзни. Вслѣдъ затѣмъ онъ скончался (31 марта 1341 года), принявъ передъ смертью постриженіе и схиму; его погребли въ созданномъ имъ храмѣ Михаила Архангела.

Отъ Ивана Калиты дошло до насъ два духовныхъ завѣщанія, впрочемъ по времени относящіяся не къ концу, а къ началу его двѣнадцатилѣтняго великаго княженія. Таковыя завѣщанія, повидимому, составлялись имъ передъ каждою поѣздкою въ Орду; ибо эти поѣздки, кромѣ долгаго пути, исполненнаго всякихъ лишеній, представляли опасности и отъ измѣнчиваго расположенія хановъ, такъ что ни одинъ русскій князь не могъ быть увѣренъ въ своемъ благополучномъ возвращеніи. Въ помянутыхъ завѣщаніяхъ Калита дѣлитъ свою землю между тремя сыновьями: Симеономъ, Иваномъ и Андреемъ. Старшему онъ отказываетъ лучшую часть земли съ наиболѣе значительными городами, Можайскомъ и Коломною, Ивану — Звенигородъ и Рузу съ волостями, Андрею — Серпуховъ и Лопасну, также съ волостями, и еще нѣкоторыя волости супругѣ своей Еленѣ съ меньшими дѣтьми (дѣвочками); но она скончалась восемью годами прежде него. Кромѣ волостей и доходовъ, великій князь дѣлитъ между ними и свои одежды, утварь и украшенія, какъ-то: золотыя цѣпи, пояса, украшенные жемчугомъ и дорогими каменьями, золотые чаши и ковши, серебряныя блюда и чарки, шубы изъ дорогихъ тканей съ соболиною подкладкою, съ жемчужными наплечниками и съ нашитыми металлическими бармами, шапки съ золотымъ верхомъ, мониста, кольца, ожерелья и проч. Не забываетъ

завѣщатель и о церквахъ, которымъ приказываетъ роздать сто рублей и часть рухляди священникамъ; причемъ Владимірскому Успенскому собору отказываетъ какое-то «блюдо великое о четыре кольца». Три сельца онъ отказываетъ на церковь въ «поминанье» о своей душѣ.

Грамоты бросаютъ свѣтъ и на государственныя понятія, и на домашнее хозяйство Московскаго князя, котораго уже ближайшее потомство стало называть «собирателемъ Русской земли». Съ одной стороны, мы видимъ какъ бы все ту же удѣльную систему, все то же дробленіе земли между сыновьями. Но, всматриваясь ближе, замѣчаемъ уже значительную разницу съ прежнею системою. Во-первыхъ, младшихъ сыновей, жену и дочерей великій князь приказываетъ старшему сыну, чтобы онъ былъ имъ печальникъ, т. е. отдаетъ ихъ подъ его покровительство. Во-вторыхъ, самый раздѣлъ земли устроенъ такъ, что младшимъ братьямъ трудно выдти изъ повиновенія у старшаго. Ихъ удѣлы не представляютъ особныхъ, сколько-нибудь округленныхъ владѣній; ихъ волости отчасти окружены владѣніями старшаго брата, отчасти перемѣшаны съ ними. Наконецъ, удѣлы ихъ довольно незначительны въ сравненіи съ его частью. При томъ они назначены только изъ собственныхъ, наслѣдственныхъ волостей. Городъ Москва хотя и отказанъ въ общее владѣніе всѣхъ трехъ братьевъ, но, конечно, государемъ его былъ старшій изъ нихъ, а младшіе пользовались каждый своею «третью», т. е. третьей частью извѣстныхъ доходовъ. Затѣмъ къ старшему должны были перейти вся область Переяславля-Залѣсскаго и всѣ дальнія пріобрѣтенія въ Поволжьѣ; ему же предоставлялось добыть себѣ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Слѣдовательно, въ Московскомъ княжествѣ того времени уже начинается замѣтный переходъ къ единодержавію. Въ томъ же завѣщаніи находимъ любопытное указаніе на отношенія бояръ къ князьямъ. Калита упоминаетъ объ одномъ бояринѣ (Бориско Ворковъ), которому пожаловалъ село, купленное въ Ростовскомъ уѣздѣ, и дѣлаетъ такое распоряженіе: если бояринъ останется служить кому-либо изъ его сыновей, то село оставить за нимъ; а если не останется, то село у него отнять. Слѣдовательно, бояре попрежнему были вольны въ своей службѣ; но князь жалуетъ имъ земли только подъ условіемъ этой службы.

Д. И. Иловайскій.

Москва.
1884 г.

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОНВИЗИНА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Примѣчанія къ «Histoire philosophique et politique de Russie» par Enneaux et Chennechot. 5 volumes. Paris. 1835.

Статья эта посвящается любезному другу

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ПУЩИНУ.

ТОБОЛЬСКЪ
16-го февраля 1853 г.

Составитель печатаемыхъ здѣсь Записокъ, отставной генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ, родной племянникъ знаменитаго писателя Дениса Ивановича, ветеранъ отечественной войны, былъ человѣкъ обширнаго ума и образованія, постоянно погруженный въ занятія наукой и литературой.

Живя въ Сибири, куда былъ удаленъ по соприкосновенности къ событіямъ 1826 г., М. А. Фонвизинъ особенно сблизился съ Ив. Ив. Пущинымъ и ему-то вручилъ печатаемую здѣсь рукопись, тщательно переписанную и авторомъ своеручно исправленную.

По возвращеніи Фонвизина въ Европейскую Россію, гдѣ онъ и умеръ 30 апрѣля 1854 года въ селѣ Марьинѣ, близъ города Бронницъ, въ Московской губерніи, И. И. Пущинъ подарилъ манускриптъ своему другу, съ которымъ сошелся въ г. Ялуторовскѣ, золотопромышленнику Петру Зиновьеву, сыну тайн. совѣтника Василія Николаевича Зиновьева, свояка кн. Г. Г. Орлова.

Ред. „Русской Старины“, въ свою очередь, получила эту же рукопись отъ Василія Петровича Зиновьева, которому и приноситъ глубочайшую благодарность.

Нѣкоторыя изъ сочиненій М. А. Фонвизина уже печатались въ „Русской Старинѣ“ (см., напр., въ изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 503—530). Настоящія его Записки, представляющія обзоръ всей русской исторіи по 1826-й годъ, извѣстны любителямъ историческаго чтенія по многочисленнымъ извлеченіямъ изъ нихъ, являвшимся въ разныхъ монографіяхъ, преимущественно изъ новѣйшей отечественной исторіи,—извѣстны и по изданію, исполненному по плохому списку въ 1859 году. За всѣмъ тѣмъ въ такомъ спеціальномъ изданіи, какова „Русская Старина“, на страницахъ которой соединенъ самый разнообразный матеріалъ къ изученію и освѣщенію прошлаго Россіи съ различныхъ точекъ зрѣнія, полезно дать мѣсто, хотя и односторонему, труду М. А. Фонвизина.

Ред.

«Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина—соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ. Древнее пословіе есть греческое: другіе помыслы мудрѣйшіе суть, паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ, паче единаго.....

«А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла бо́льшая здѣ есть: понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ».

Духовный регламентъ императора Петра I-го. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи съ 1649 г. Томъ VI, стр. 316.

Доброму Петру Васильевичу Зиновьеву ввѣряется эта рукопись друга моего, Михаила Александровича Фонвизина.

Иванъ Пущинъ.

Ялуторовскъ.
26-го декабря 1854 г.

Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie par M. M. Enneaux et Chennechot. 5 volumes. Paris. 1835.

I.

Исторія Россіи Енно и Шеншо.—Карамзинъ.—Левекъ.

Написавшіе эту русскую исторію два француза, не зная нашего языка, не могли изучать ее въ источникахъ: лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ, а имѣли предъ глазами только французскій переводъ исторіи Карамзина и исторію Левека, который впрочемъ хорошо зналъ русскій языкъ, читалъ въ подлинникѣ наши лѣтописи и пользовался нашими древними отечественными памятниками. Но въ его время многое нынѣ обнародованное валялось еще въ архивахъ и монастыряхъ, покрытое вѣковою пылью, и вовсе было непзвѣстно занимающимся нашею исторіей и древностями. Карамзинъ первый разработывать началъ эти источники съ знаніемъ дѣла и собралъ много до него непзвѣстныхъ свѣдѣній и актовъ, въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи занимающихъ половину его книги. Это главная его заслуга: по его слѣдамъ трудились многіе любители русскихъ древностей: Ермолаевъ, Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ и общество любителей исторіи и древностей при московскомъ университетѣ. Канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ покровительствовалъ эти изысканія и на свой счетъ напечаталъ собраніе древнихъ грамотъ, Софійскій временникъ и историческіе труды Калайдовича и Строева. Наконецъ археографическая коммисія, учрежденная правительствомъ, и которой открыты всѣ государственные и монастырскіе архивы, въ продолженіи своего тринадцати лѣтняго существованія (1853 г.), собрала множество до того

неизвѣстныхъ актовъ историческихъ, дипломатическихъ и юридическихъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и печатаетъ ихъ также, какъ и полный сводъ древнихъ нашихъ лѣтописей. Всѣмъ этимъ богатствомъ не могли пользоваться гг. Енно и Шеншо по незнанію по русски, и книга, ими изданная, не можетъ называться исторіей. Это скорѣе записки или коментаріи на исторію Карамзина, въ которыхъ, сравнивая его повѣствованіе съ исторіей Левека, обличаются слабость философскаго взгляда на событія и недостатокъ логики въ сужденіяхъ нашего историографа. Авторы доказываютъ, что тамъ, гдѣ Карамзинъ разнорѣчитъ съ Левекомъ, Левекъ заслуживаетъ болѣе вѣроятія, представляя событія естественнѣе, нежели какъ ихъ представлялъ Карамзинъ, который судилъ о нихъ и писалъ совсѣмъ превратно.

Между тѣмъ въ книгѣ гг. Енно и Шеншо не видно враждебнаго расположенія къ Россіи и русскимъ, которымъ отличаются по большей части сочиненія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ. Они, напримѣръ, замѣтили въ нашей древней исторіи, что въ средніе вѣка русскіе были на высшей степени гражданственности, нежели остальная Европа—разумѣется до нашествія монголовъ,—что древнія республики Новгородъ, Псковъ и Вятка наслаждались политическою свободою,—что въ другихъ областяхъ Россіи народъ стоялъ за права свои, когда угрожала имъ власть,—что общественныя, или муниципальныя учрежденія и вольности были въ древней Россіи во всей силѣ, когда еще Западная Европа оставалась подъ игомъ феодализма.

Наши историки, особенно Карамзинъ, скупы на этого рода подробности: говорятъ о нихъ слегка, или вовсе пропускаютъ проявленія въ Россіи политической свободы и тѣ учрежденія, которыя ей благопріятствовали. Русскіе историки, напротивъ, вездѣ стараются выставлять превосходство абсолютизма, и восхваляютъ какую-то блаженную патріархальность.....

Но такъ ли это въ дѣйствительности? Вѣрно-ли представляютъ историки жизнь русскаго народа во времена, почитаемыя ими варварскими?—Не былъ ли тогда народъ свободнѣе?—Крѣпостное рабство земледѣльцевъ, въ тѣ времена общее всей западной Европѣ, въ Россіи до XVII столѣтія не существовало: всѣ русскіе были вольные люди.

Г-жа Сталь сказала гдѣ-то, что въ жизни народовъ, свободѣ

во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежитъ законное право давности передъ самовластіемъ. (C'est le despotisme qui est nouveau, et la liberté qui est ancienne). Эта мысль геніальной писательницы вѣрна относительно европейскаго человѣчества, и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена (съ Петра Великаго) стала классическою почвою абсолютизма.

Прочитавъ исторію Енно и Шеншо мнѣ пришло на мысль представить краткое обозрѣніе всѣхъ проявленій политической жизни въ нашемъ отечествѣ: начну эту перечень съ самаго начала его существованія.

II.

Общинный бытъ древней Руси. — Вольныя общины. — Великій Новгородъ.— Нашествіе монголовъ.—Иванъ Калита, 1328—1340 гг.—Начало единовластія.— Дмитрій Донской, 1363—1389 гг.—Іоаннъ III, 1462—1505 гг.—Государственный соборъ.—Іоаннъ Грозный, 1533—1584 гг.—Василій Шуйскій.—Михаилъ Ѳедоровичъ, 1613—1645.—Вліяніе бояръ.—Патріархъ Филаретъ.—Алексѣй Михайловичъ, 1645—1676 гг. — Ѳеодоръ Алексѣевичъ, 1676—1682 гг.—Уничтоженіе мѣстничества.

Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что древняя Русь не знала ни рабства политическаго, ни рабства гражданскаго: то и другое прививалось къ ней постепенно и насильственно вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ.

Предки наши славяне были, какъ и ихъ сосѣди германцы, народъ полудикій, но свободный, и въ общественномъ быту славянъ преобладала стихія демократическая—общинная.

Западныя славянскія племена, исконно разъединенныя, не могли въ средніе вѣка устоять противъ напора германцевъ (со времени Карла Великаго), болѣе ихъ воинственныхъ, и были ими покорены. Восточная половина славянскаго міра, Польша и Русь, оставались независимыми: первая, по сосѣдству съ германскими государствами, усвоила ихъ феодальное, аристократическое устройство, благопріятствующее если не большинству народа, то сословіямъ и лицамъ, и это самое, обезпечивая ихъ права и вольности, также содержало въ себѣ сѣмена будущаго политическаго развитія. Русь осталась вѣрною коренной, славянской стихіи: свободному общинному устройству, основанному на началахъ чисто демократическихъ.

Несомнѣнное тому доказательство представляютъ древнія вольныя общины: Новгородская, Псковская и Хлыновская (Вятка), въ которыхъ славянскій элементъ развился своеобразно.

Въ этихъ народныхъ державахъ подъ сѣнію политической и гражданской свободы основались демократическія учрежденія, подъ которыми онѣ были независимы и благоденствовали. Богатства притекали въ Новгородъ чрезъ дѣятельную и живую торговлю съ одной стороны съ ганзейскими нѣмцами, съ другой съ азіятцами. Владѣнія Новгорода занимали сѣверную Россію до каменнаго пояса. Эти страны были покорены отважными дружинами охотниковъ и промышленниковъ новгородскихъ.

Часто упоминаемая въ лѣтописяхъ поговорка: великій Новгородъ Государь нашъ! не есть фикція, а показываетъ ясно, что источникъ всякой власти находился тогда въ народѣ, который собирался на вѣче по призыву знаменитаго вѣчеваго колокола для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Всѣ общинные начальники: посадники, тысяцкіе, бояре, предводители войска, даже владыки новгородскіе избирались народнымъ вѣчемъ, которое обладало полнотою законодательной власти. Князья новгородскіе, всегда изъ потомковъ Рюриковыхъ призываемые, а также и смѣняемые вѣчемъ, были только исполнители его опредѣленій. Подобное общинное устройство существовало въ Псковѣ и Хлыновѣ, сначала зависпвшихъ отъ Новгорода. Въ Хлыновѣ не бывало князей. Но и въ прочихъ областяхъ древней Руси, въ которыхъ княжили князья великіе и удѣльные изъ рода Рюрикова, долго сохранялось общинное устройство. Во всѣхъ древнихъ городахъ собирались народныя вѣча для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ—часто по приговору вѣча изгонялись сами князья—на мѣсто ихъ призывались другіе на княженіе, и вѣче дѣйствовало на всей своей волѣ. Такъ бывало въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ—даже въ Владимірѣ на Клязьмѣ, Ростовѣ и др. Посадники, тысяцкіе, старосты повсюду были избираемы народомъ.

Нашествіе монголовъ, превратившихъ въ пустыню цѣлыя области южной и средней Руси, и почти двухъ вѣковое владычество Орды не вдругъ и не вовсе уничтожили общинный бытъ русскихъ городовъ. Набѣги татаръ были временные, и они уходили въ свои улусы, разворивъ и ограбивъ какую нибудь область. Эти бѣдствія не касались Новгорода и Пскова, которые откупались, платя

ордынскую дань, сохраняли свои общинныя учрежденія и обогащались торговлею.

„Остальная Русь“, говоритъ Карамзинъ: „упитанная кровью, осыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ ханскихъ, а государи ея трепетали отъ баскаковъ“. Русскіе князья пресмыкались въ Ордѣ; возвращались оттуда грозными, суровыми повелителями, и на подданныхъ вымѣщали свое униженіе.

Московскій князь Иванъ Калита, въ лѣтописяхъ названный собирателемъ земли русской, былъ, по волѣ хана, собирателемъ ордынской дани, не только съ своего малаго княжества, но и со всѣхъ прочихъ. Вымогая эту дань со всей Руси какъ поставленный на то и уполномоченный ханомъ, Калита собиралъ съ народа гораздо болѣе денегъ, нежели сколько платилъ хану, — что и было источникомъ богатства, доставлявшаго ему покровительство въ Ордѣ. Преемники Калиты дѣйствовали въ его духѣ, раболѣпствовали ханамъ и подкупали ихъ вельможъ. Этой политикой они снискали первенство между прочими однородными съ ними князьями и были объявлены великими. Въ продолженіи столѣтія скупая или отнимая силою смежныя съ ихъ владѣніемъ княжества, они значительно распространили свою область—пріучили прочихъ князей повиноваться себѣ, и такимъ образомъ въ ихъ родѣ постепенно утвердилось единовластіе, которое не замедлило превратиться въ абсолютизмъ.

Во всѣхъ русскихъ городахъ прежняя общинная свобода замѣнилась княжескимъ произволомъ—народъ не собирался уже на вѣчахъ, не распоряжался въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, и вольныя общинныя учрежденія сохранились только до времени въ Новгородѣ, Псковѣ и Хлыновѣ.

Димитрій Донской въ Москвѣ своею властію установилъ смертную казнь и отнялъ у народа право избранія тысяцкихъ и прочихъ общинныхъ чиновниковъ. Послѣднему московскому тысяцкому Вельяминову-Зернову повелѣлъ онъ отрубить голову. Въ томъ же духѣ дѣйствовали преемники Димитрія Донскаго: сынъ его Василій Дмитріевичъ и внукъ Василій Темный. Русь сдѣлалась московскимъ государствомъ.

Вел. кн. Иванъ Васильевичъ III, соединивъ подъ своею державою прочія русскія княжества и свергнувъ иго татарское, былъ уже государемъ самовластнымъ. Онъ и сынъ его Василій Ива-

новичъ, покоривъ оружіемъ Новгородъ, Псковъ и Хлыновъ, уничтожили ихъ общинныя права и вольности и увезли въ Москву, какъ трофеи, колокола, сзывавшіе на вѣче свободныхъ гражданъ Новгорода и Пскова.

Но духъ свободы живучъ въ народахъ, которыхъ онъ когда нибудь одушевлялъ. Не вовсе замеръ онъ и въ нашихъ предкахъ.

Съ XVI вѣка исторія указываетъ на частыя созыванія государственнаго собора или великой земской думы, которая составлялась изъ архіереевъ, бояръ и выборныхъ людей отъ дворянъ 1-й, 2-й и 3-й статьи, отъ гостей, купцовъ и иногородныхъ помѣщиковъ. Въ этой думѣ засѣдало въ разныя времена отъ 350 до 500 членовъ, съ которыми правительство совѣщалось о важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный собиралъ въ 1549 г. избранныхъ представителей Россіи въ Москвѣ, и съ лобнаго мѣста приносилъ предъ ними покаяніе въ худомъ правленіи, извиняясь своею неопытною молодостію, которою воспользовались безсовѣстные вельможи и угнетали народъ. Впередъ обѣщалъ онъ правый судъ и расправу.

Тотъ же царь въ слѣдующемъ 1550 году сзывалъ опять соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія судебника и для введенія во всѣ суды присяжныхъ, называемыхъ цѣловальниками (потому что, давая присягу, они цѣловали крестъ), какъ то было въ Новгородѣ.

Въ третій разъ Грозный собиралъ земскую думу изъ 339 выборныхъ людей въ 1556 году, требовалъ ея совѣта: мириться-ли, или воевать съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Дума, по зрѣломъ разсужденіи, рѣшила продолжать войну и стараться овладѣть Ригой для безопасности Юрьева (Дерпта), Нарвы, Новгорода и для пользы торговли.

По смерти Ивана Грознаго верховная боярская дума немедленно созвала думу земскую для совѣщанія объ устройствѣ государства и исправленія зла, нанесеннаго ему долговременнымъ тиранствомъ умершаго царя.

Въ 1595 году, когда смертію царя Ѳеодора Ивановича пресѣкся родъ Рюриковъ, созвана была земская дума для избранія царя: въ ней кромѣ архіереевъ и бояръ было до 500 выборныхъ людей отъ разныхъ сословій, и дума нарекла царемъ шурина умершаго Ѳеодора—боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова.

Въ смутное время послѣ убіенія Лже-Дмитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій избранъ и возведенъ на царство не земскою думою, а боярами и народомъ московскимъ. Верховная боярская дума взяла однако съ него запись, которую онъ утвердилъ клятвою: онъ обязывался, 1) что не будетъ казнить никого смертію безъ суда боярскаго истиннаго, праваго; 2) что будетъ всегда требовать уликъ прямыхъ, ясныхъ, съ очей на очи; 3) не будетъ отбирать безъ суда ничьихъ имуществъ. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ были тогда изъ первыхъ въ боярской думѣ, которые настоятельно требовали ограниченія самодержавія. Но какъ Василій Шуйскій не былъ, подобно Годунову, избранъ на царство земскою думою, то многіе сомнѣвались въ законности его избранія и это споспѣшествовало скорому его низверженію.

Призывая польскаго королевича Владислава на престолъ московскій, бояре, бывшіе тогда подъ вліяніемъ побѣдителя польскаго, гетмана Жолкевскаго, предложили условія, которыя гетманъ принялъ, и въ исполненіи ихъ королевичемъ присягнулъ. Этою записью сверхъ статей, которыя обязывался исполнять Василій Шуйскій, Владислава заставляли: 1) принять православную греко-восточную вѣру, 2) что исправленіе и дополненіе судебника будетъ зависѣть, во первыхъ отъ царя, потомъ отъ думы боярской, въ согласіи съ земскою думою.

Послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ въ 1613 году созвана была въ столицу великая земская дума для избранія царя. Послѣ продолжительныхъ преній, выборъ палъ на шестнадцатилѣтняго юношу Михаила Ѳеодоровича Романова.

Иностранные писатели, и въ числѣ ихъ извѣстный шведъ Штраленбергъ, долго остававшійся въ Россіи въ плѣну, въ своемъ описаніи московскаго государства увѣряютъ, что по достовѣрнымъ собраннымъ ими свѣдѣніямъ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова земская дума взяла съ него запись, подобную тѣмъ, которыми хотѣли ограничить власть Василія Шуйскаго и королевича Владислава, и Михаилъ утвердилъ эту запись клятвою. Это обстоятельство, о которомъ умолчалъ историографъ Карамзинъ [1]), подтверждается книгою извѣстнаго

[1]) Въ сочиненіи „О древней и новѣйшей Россіи въ отношеніяхъ политическомъ и гражданскомъ“.

подьячаго Григорія Кошихина, (недавно напечатанной). Кошихинъ свидѣтельствуетъ, что „какъ прежніе цари отъ Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ иманы были письма, чтобъ имъ быть не жестокимъ, и не опальчивымъ, безъ суда и безъ вины не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми собча, и безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынѣшняго царя (Алексія Михайловича) обрали, а письма на себя недалъ никакого... А отецъ его блаженной памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего“ [1]).

Это подтверждается и самою формулою, которою начинались всѣ правительственные акты того времени: бояре приговорили, царь приказалъ. Не очевидно-ли, что тогда власть была въ рукахъ московской аристократіи.

Но вліяніе бояръ на молодаго и кроткаго Михаила Ѳеодоровича скоро встрѣтило противодѣйствіе въ возвратившемся изъ польскаго плѣна отцѣ его, митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ, который возведенъ былъ въ санъ патріарха. Онъ, соцарствуя съ сыномъ, строгостію смирилъ московскихъ бояръ и укрѣпилъ самодержавіе. Современники отзывались, что „патріархъ Филаретъ Никитичъ божественное писаніе отъ части разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, и власть имѣлъ такую, что самъ царь его боялся. Бояръ и другихъ сановниковъ сильно томилъ заточеніями безвозвратными, и иными наказаніями... всякими дѣлами царскими и ратными владѣлъ“ [2]).

Но и властолюбивый патріархъ Филаретъ Никитичъ, согласно съ стариннымъ обычаемъ, во всѣхъ важныхъ и чрезвы-

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе подьячаго Григорія Кошихина — напечатано въ 1840 году.

[2]) Вотъ черта, показывающая самовластіе патріарха Филарета: въ нашихъ городовыхъ и монастырскихъ архивахъ не сохранилось почти никакихъ письменныхъ памятниковъ и актовъ времени отъ смерти Бориса Годунова до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Это объясняется тѣмъ, что патріархъ Филаретъ, возвратившись изъ плѣна, послалъ во всѣ города и монастыри повелѣніе, истребить всѣ бумаги, относившіяся къ смутнымъ годамъ отъ смерти Годунова до 1613 года, чтобы въ русскомъ царствѣ и самая память о безгосударномъ времени истребилась. Если и есть какія свѣдѣнія объ этомъ времени, то онѣ почерпнуты изъ собранныхъ исторіографомъ Миллеромъ бумагъ въ архивахъ Сибири, куда вѣроятно не дошло повелѣніе патріарха.

М. Фвз.

чайныхъ случаяхъ сзывалъ великую земскую думу, предлагалъ ей вопросы о важнѣйшихъ дѣлахъ, выслушивалъ мнѣнія народныхъ представителей и сообразовалъ съ ними правительственныя дѣйствія свои.

При немъ земская дума собиралась въ 1621 году и по ея приговору объявлена война польскому королю Владиславу. Другой разъ, въ 1642 году, земская дума разсуждала о завоеваніи казаками турецкаго города Азова и о томъ, воспользоваться-ли этимъ завоеваніемъ и оказать-ли казакамъ помощь противъ турокъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича земской думѣ предложено было на разсужденіе: принять-ли Россіи гетмана Богдана Хмельницкаго, съ единовѣрною намъ Малороссіей, утѣсняемою поляками, подъ свое покровительство. Дума изъявила согласіе на то, и приговорила защитить Малороссію. Это было въ 1654 году.

Опять царь созывалъ земскую думу для выслушанія Уложенія, сдѣланія на него замѣчаній и исправленій. Дума разсуждала объ этомъ и утвердила Уложеніе, которое потому и названо соборнымъ (1649 г.).

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ государственный соборъ, состоящій изъ патріарха, архіереевъ, бояръ, думныхъ людей, дворянъ, по предложенію царя, разсуждалъ о вредномъ для государства мѣстничествѣ и опредѣлилъ упразднить его и сжечь разрядныя книги. Это было въ 1681 году.

III.

Петръ I, 1682–1725 гг.—Тайная канцелярія.—Учрежденіе сената.—Указы.—Подчиненіе церкви свѣтской власти.—Подражаніе Европѣ.

Бытіе въ Россіи государственнаго собора, или земской думы, имѣетъ характеръ чисто европейскій—никогда ничего подобнаго не бывало у народовъ Азіи, оцѣпенѣлыхъ въ своей тысячелѣтней неподвижности. Это такая же институція, какъ государственные чины (Etats généraux), которые собирались во Франціи, или англійскіе парламенты. Конечно, нисколько нельзя сравнивать тогдашняго состоянія Россіи, къ которой, въ двухъ-вѣковое бѣдственное рабство подъ игомъ Орды, не только прилипло много дикой татарщины, но даже проникло въ ея обычаи и нравы, съ современнымъ

ей просвѣщеніемъ и образованностію тогдашнихъ европейскихъ государствъ. Но и въ самой Англіи, этой образцовой странѣ законосвободныхъ установленій, развѣ парламенты ея при короляхъ рода Тюдоровъ были на той высотѣ, какой достигли впослѣдствіи времени? Извѣстно, какъ раболѣпствовалъ англійскій парламентъ предъ кровожаднымъ тираномъ Генрихомъ VIII, какъ одобрялъ его самовластіе и жестокости? Не угождалъ-ли парламентъ во всемъ и его дочери королевѣ Елисаветѣ? Но все-таки англичане обязаны своимъ парламентамъ той мудрой конституціонной системѣ, которая создала могущество и славу Англіи, и въ наше время предохранила ее отъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, которые колеблятъ европейскія государства.

Если бы и въ Россіи земская дума собиралась чаще и въ извѣстные опредѣленные сроки, то кто знаетъ — можетъ быть Россія, въ силу общаго закона человѣческой усовершаемости, съ правильной системой представительства, наслаждалась бы теперь законосвободными постановленіями.....

При Петрѣ Великомъ уже болѣе не собиралась земская дума— это хотя слабое выраженіе народной самобытности. Дума могла быть препятствіемъ въ задуманныхъ Петромъ Великимъ преобразованіяхъ. Но и въ этомъ дѣлѣ геніальный царь не столько обращалъ вниманіе на внутреннее благосостояніе народа, сколько на развитіе исполинскаго могущества своей имперіи. Въ этомъ онъ точно успѣлъ, приготовивъ ей то огромное значеніе, которое нынѣ пріобрѣла Россія въ политической системѣ Европы.

Но русскій народъ сдѣлался-ли отъ того счастливѣе? Улучшилось-ли сколько нибудь его нравственное, или даже матеріальное положеніе? Большинство его осталось въ такомъ же состояніи, въ какомъ было за 200 лѣтъ.

Если Петръ старался вводить въ Россію европейскую цивилизацію, то его прельщала болѣе ея внѣшняя сторона. Духъ же этой цивилизаціи—духъ законной свободы и гражданственности былъ ему, деспоту, чуждъ и даже противенъ. Мечтая перевоспитать своихъ подданныхъ, онъ не думалъ вдохнуть въ нихъ высокое чувство человѣческаго достоинства, безъ котораго нѣтъ ни истинной нравственности, ни добродѣтели. Ему нужны были способныя орудія для матеріальныхъ улучшеній, по образцамъ, ви-

дѣннымъ имъ за границей: для регулярныхъ войскъ, флота, для украшенія городовъ, построенія крѣпостей, гаваней, судоходныхъ каналовъ, дорогъ, мостовъ, для заведенія фабрикъ и проч. Онъ особенно и дорожилъ людьми спеціальными, для которыхъ наука становится почти ремесломъ; но люди истинно образованные, осмысленные, дѣйствующіе не изъ рабскаго страха, а по чувству долга и разумнаго убѣжденія—такіе люди не могли нравиться Петру, а скорѣе должны были ему казаться свидѣтелями безпокойными и даже опасными для его желѣзнаго самовластія, не одобряющими тѣхъ тираническихъ дѣйствій, которыя онъ слишкомъ часто позволялъ себѣ. „Петръ Великій“, говоритъ Карамзинъ, „любя воображеніе и нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія, для обузданія своихъ, впрочемъ столь вѣрныхъ подданныхъ. Тайная канцелярія въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Многіе гибли за одну честь русскихъ кафтановъ и бородъ“.

Учрежденіемъ высшаго трибунала съ громкимъ названіемъ сената съ подвѣдомственными ему коллегіями по всѣмъ отраслямъ управленія, Петръ Великій замѣнилъ прежнюю боярскую думу и приказы, которыми самовластно управляли малограмотные бояре подъ вліяніемъ безсовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ дьяковъ. Этимъ дѣйствительно сообщилъ онъ администраціи болѣе правильный ходъ, и вообще улучшилъ ее тѣмъ, что коллегіи могли дѣйствовать независимо отъ произвола лицъ. Но нисколько не улучшилось управленіе областное и городовое. Хотя Петръ и раздѣлилъ свою огромную державу на губерніи, состоявшія изъ провинцій и уѣздовъ; но правители и воеводы въ областяхъ и городахъ продолжали дѣйствовать самоуправно и самовластно, какъ и при прежнихъ царяхъ, по совершенному отсутствію правильнаго надъ ними контроля, и по несуществованію мѣстныхъ муниципальныхъ учрежденій, которыя могли бы удерживать въ границахъ произволъ воеводъ и обнаруживать ихъ злоупотребленія.

Какъ полководецъ, создавшій свою армію, Петръ побѣдами надъ шведами стяжалъ безсмертную славу, возвеличилъ Россію—на сѣверѣ и западѣ, расширилъ ея предѣлы, завоеваніемъ части

Финляндіи и Прибалтійскихъ областей. Заведенный имъ флотъ содѣйствовалъ его успѣхамъ въ войнѣ съ шведами.

Но въ дѣлѣ законодательства Петръ Великій едва ли не уступалъ отцу своему, который по крайней мѣрѣ оставилъ Россіи Уложеніе—кодексъ, и по сіе время имѣющій силу. Петръ не издалъ даже закона о престолонаслѣдіи, что при преемникахъ его было поводомъ къ тѣмъ дворцовымъ переворотамъ, въ которыхъ гвардія, какъ преторіанцы римскіе, располагала тономъ. Въ его время въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ крѣпостное состояніе земледѣльцевъ уже не существовало—въ другихъ принимались мѣры для исправленія этого зла, которое въ Россіи, къ несчастію, ввелось съ недавняго времени и было во всей силѣ. Петръ не обратилъ на это вниманія и не только ничего не сдѣлалъ для освобожденія крѣпостныхъ, но поверставъ ихъ съ полными кабальными холопами въ первую ревизію, онъ усугубилъ еще тяготившее ихъ рабство.

Безчисленное множество именныхъ указовъ: выраженіе чрезмѣрной дѣятельности Петра, при отсутствіи всякой системы, породили въ законодательствѣ величайшую запутанность и при преемникахъ его, все продолжавшихъ выдавать указы, оно сдѣлалось самымъ нестройнымъ хаосомъ. „Изъ этого арсенала ябеды, какъ замѣчаетъ одинъ остроумный писатель прошедшаго вѣка,—для всякой тяжбы можно подобрать по два указа, изъ которыхъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается“.

Въ нынѣшнее только царствованіе (т. е. царствованіе императора Николая Павловича [1]) изданіемъ свода законовъ этотъ вѣковой хаосъ распутанъ и законодательство приведено въ порядокъ.

До Петра Великаго русская церковь, сохраняя свои каноническія права, была независима. Онъ и на церковь наложилъ свою желѣзную руку. Упраздненіемъ патріаршества и учрежденіемъ синода Петръ безусловно подчинилъ и церковь своему произволу. Ему была по сердцу такъ называемая территоріальная система реформаціи, въ силу которой всякій владѣтельный государь признавался природнымъ епископомъ и главою церкви въ своей землѣ.

---

[1]) Писано въ 1853 году.

Петръ хотя формально и не провозгласилъ себя главою православной грекороссійской церкви, но по формулѣ установленной имъ присяги для членовъ синода и архіереевъ при ихъ возведеніи въ санъ, онъ существенно сдѣлался ея главою: синодъ взошелъ въ чреду прочихъ административныхъ учрежденій и сталъ безусловно зависѣть отъ произвола царя. Свѣтскій и часто военный чиновникъ подъ страннымъ названіемъ оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода именемъ государя полновластно дѣйствуетъ въ этомъ церковномъ соборѣ и полновластно управляетъ духовенствомъ. Этимъ Петръ унизилъ и церковь, и ея пастырей: архіереи наши, съ тѣхъ поръ въ полной зависимости отъ (свѣтской) власти, доходятъ въ своихъ проповѣдяхъ до самаго пошлаго ласкательства и лести царедворцевъ. Болѣе всего дорожа милостію и благоволеніемъ, пастыри церкви не смѣютъ исполнять главную обязанность своего сана: учить и обличать грѣхъ, даже въ сильныхъ земли. Карамзинъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что съ Петра Великаго „наши первосвятители были только угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя“.

Карамзинъ упрекаетъ Преобразователя Россіи, что онъ, презирая свой народъ и увлеченный пристрастіемъ ко всему иноземному, повредилъ нашей народности, и привилъ намъ страсть подражать всему чужому. Не дерзнемъ ставить это въ вину Петру Великому. Знакомя русскихъ съ Европой и заимствуя ея обычаи, онъ извлекъ Россію изъ того мертвеннаго состоянія неподвижности, въ которое она была погружена, такъ долго оставаясь подъ татарскимъ владычествомъ, а этимъ самымъ сдѣлалъ онъ для насъ возможнымъ истинный прогресъ. Петръ точно привилъ намъ страсть подражать европейцамъ; это подражаніе бываетъ часто и не впопадъ, и имѣетъ свои смѣшныя стороны. Но перенимая у европейцевъ внѣшнія формы общественной жизни, обычаи и моды ихъ, мы можетъ быть научимся подражать имъ и въ болѣе существенномъ: въ достиженіи благъ истинной цивилизаціи: свободы, равенства и безразличія всѣхъ передъ закономъ и обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго.

IV.

Екатерина I, 1725—1727 гг. — Меншиковъ. — Верховный тайный совѣтъ.— Петръ II, 1727—1730 гг.—Долгорукіе.—Паденіе Меншикова.—Анна Іоанновна, 1730—1740 гг.—Заботы верховнаго совѣта о конституціи. — Остерманъ.—Гр. Ягужинскій. — Адресъ московскаго дворянства.—Салтыковъ.—Биронъ.—Минихъ.—Анна Леопольдовна.—Лестокъ.—Елисавета Петровна, 1741—1761 гг.— Гр. Петръ Ив. Шуваловъ.—Петръ III, 1761—1762 гг.

Въ послѣдніе годы Петра Великаго при дворѣ и въ сенатѣ составились двѣ партіи: одна благопріятствовала Екатеринѣ и состояла изъ преданныхъ ей лицъ: князя Меншикова, герцога Голштейнскаго, мужа ея дочери Анны Петровны, посланника голштейнскаго Бассевича и всѣхъ почти генераловъ изъ иностранцевъ; другая партія держала сторону малолѣтнаго сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, Петра; его приверженцы были русскіе вельможи: князья Голицыны, Долгорукіе, Куракины, Репнинъ, Апраксинъ, Лопухины, Головины, Нарышкины и еще нѣкоторые. Одни изъ нихъ, любители старины времени допетровскаго, желали ея возстановленія, другіе же, изъ молодаго поколѣнія, болѣе образованные и осмысленные знакомствомъ съ Европой, тяготились уже самодержавіемъ и замышляли ограничить его собраніемъ государственныхъ чиновъ и сенатомъ.

Когда Петръ былъ на одрѣ смертномъ, всѣ державшіе сторону внука его, малолѣтнаго царевича Петра, хотѣли возвести его на тронъ, а тѣ изъ нихъ, которые думали объ ограниченіи верховной власти, надѣялись при перемѣнѣ царствованія привести въ исполненіе свои предположенія. Петръ Великій испустилъ духъ, и въ самыя эти минуты въ сенатѣ совѣщались о возведеніи на престолъ царевича и объ измѣненіи самаго образа правленія. Но князь Меншиковъ успѣлъ предупредить замыслы своихъ противниковъ: онъ начальствовалъ гвардейскими и армейскими полками въ Петербургѣ; собралъ ко дворцу тѣ изъ нихъ, въ преданности и повиновеніи которыхъ былъ увѣренъ, и провозгласилъ Екатерину царствующею императрицею будто бы по волѣ умирающаго ея супруга. Войско немедленно присягнуло Екатеринѣ, а затѣмъ и сенатъ, запуганный Меншиковымъ, и всѣ сословія.

Князь Меншиковъ, именемъ Екатерины, сталъ полновластно

править Россіей, но не смотря на его могущество и подозрительность, тѣ изъ сенаторовъ, которые желали измѣненія въ образѣ правленія, не покинули своихъ намѣреній: объ этомъ свидѣтельствуетъ французскій дипломатическій агентъ при русскомъ дворѣ Кампредонъ въ депешѣ къ своему министерству—вотъ собственныя слова его: „Бо̀льшая часть русскихъ вельможъ стараются умѣрить деспотическую власть императрицы, что и есть уже предзнаменованіе скораго упадка этой власти. Они ждутъ только, чтобъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ пришелъ въ возрастъ, и тогда, возведя его на тронъ, недовольные настоящимъ порядкомъ вельможи надѣются получить бо̀льшее участіе въ правленіи, устроивъ его по образцу англійскаго".

Для достиженія этой цѣли, говоритъ Кампредонъ, сенаторы успѣли уговорить императрицу, подъ предлогомъ сообщенія ея правительству болѣе силы и единства, учредить тайный верховный совѣтъ, поставленный въ правительственной іерархіи выше самаго сената. Верховный совѣтъ въ случаѣ смерти императрицы или достиженія совершеннолѣтія царевича отрока Петра Алексѣевича, котораго она духовнымъ завѣщаніемъ нарекла своимъ преемникомъ, можетъ легко укрѣпиться присоединеніемъ къ себѣ новыхъ единомысленныхъ членовъ и, сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю правительственную власть, произвести перемѣну въ самой формѣ правленія: упразднить неограниченное самовластіе.

Екатерина I умираетъ въ 1727 году—полновластный князь Меншиковъ возводитъ 14-ти лѣтняго отрока царевича Петра II на престолъ—замышляетъ женить его на своей дочери и, какъ опекунъ его, царствуетъ самовластно. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и сильный вельможа, не предчувствуя скораго паденія, вдругъ низложенъ дворцовой интригой. Князья Долгорукіе успѣли, чрезъ 16-ти лѣтняго царскаго любимца князя Ивана Долгорукаго, не только удалить отъ двора могущественнаго и гордаго Меншикова, но и отправить его въ ссылку въ Сибирь въ Березовъ, гдѣ онъ, лишенный чиновъ и званія, умираетъ ссыльнымъ.

Власти и вліянію Меншикова наслѣдовали Долгорукіе и первымъ дѣломъ ихъ было возстановленіе значенія тайнаго верховнаго совѣта съ бо̀льшими еще противъ прежняго правами. Долгорукіе, для упроченія своего вліянія на царя-юношу, вздумали женить его на родной сестрѣ царскаго любимца, князя Ивана

Долгорукаго, которая и наречена была царскою невѣстой, но смерть императора пресѣкла властолюбивые планы и надежды рода Долгорукихъ.

Въ 1730 году, послѣ трехлѣтняго царствованія, скончался Петръ II, и тайный верховный совѣтъ (тогда изъ 8-ми членовъ) опредѣлилъ предложить россійскую корону вдовствующей герцогинѣ курляндской Аннѣ Ивановнѣ, дочери брата Петра Великаго, Ивана Алексѣевича, но съ условіями, ограничивающими самодержавіе аристократическими институціями.

Эти условія, представленныя герцогинѣ курляндской въ Митавѣ, чрезъ уполномоченнаго отъ тайнаго верховнаго совѣта, были ею приняты, утверждены собственноручною ея подписью и состояли изъ слѣдующихъ статей:

1) Чтобы императрица Анна правила государствомъ по опредѣленіямъ верховнаго совѣта.

2) Чтобы одною своею властью не объявляла войны и не заключала мира.

3) Не налагала по своему произволу новыхъ податей и налоговъ.

4) Не раздавала важнѣйшихъ государственныхъ должностей безъ согласія верховнаго совѣта.

5) Не наказывала никого изъ дворянъ безъ явныхъ уликъ и законнаго суда.

6) Не конфисковала ничьихъ имѣній, не располагала произвольно государственными имуществами и не дарила ихъ.

7) Не вступала въ супружество и не назначала себѣ преемника безъ согласія и приговора верховнаго совѣта.

8) Чтобы не брала съ собою въ Россію своего любимца Бирона.

Члены верховнаго совѣта, постановившіе эти условія, были: князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ и братъ его, Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ Петра Великаго, князья Долгорукіе: Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Владиміровичъ, отецъ любимца императора Петра II—Алексѣй Григорьевичъ и Михаилъ Владиміровичъ.

Вице-канцлеръ Остерманъ, заключившій при Петрѣ Великомъ Нейштадтскій миръ съ Швеціей, принадлежалъ противной нѣмецкой партіи, засѣдалъ въ верховномъ совѣтѣ, но уклонялся отъ его послѣднихъ дѣйствій, сказываясь больнымъ.

Верховный совѣтъ намѣревался созвать государственные чины для окончательнаго утвержденія Уложенія, ограничивающаго верховную власть, и для утвержденія новаго образа правленія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, отъ лица совѣта, отнесся къ статскому совѣтнику Фрику, посланному еще Петромъ Великимъ въ Швецію для изученія тамошнихъ финансовыхъ установленій, съ порученіемъ доставить верховному совѣту подробныя свѣдѣнія о шведской конституціи и представить предположенія о введеніи ея въ Россію съ приспособленіемъ этой конституціи къ русскому государству.

Верховный совѣтъ съ самаго начала сдѣлалъ важную ошибку: не сообщилъ синоду своихъ дѣйствій, не пригласилъ его къ совѣщанію о замышляемой перемѣнѣ въ образѣ правленія и не испросилъ его согласія и благословенія на эту важную государственную мѣру. Этимъ возбудилъ онъ негодованіе высшаго духовенства, которое сблизилось съ противной совѣту партіей. Между тѣмъ главные ея дѣйствователи графъ Ягужинскій и Остерманъ успѣли вступить въ тайныя сношенія съ герцогиней курляндской, увѣряли ее въ своей преданности и готовности противодѣйствовать верховному совѣту и уничтожить вынужденныя у ней условія, ограничивающія самодержавіе. Эта интрига не укрылась отъ верховнаго совѣта, который, перехвативъ одно изъ писемъ Ягужинскаго къ герцогинѣ, снялъ съ него орденъ Андрея Первозваннаго и арестовалъ его.

Когда разнеслась вѣсть о смерти императора, объ избраніи герцогини курляндской на царство и о дѣйствіяхъ верховнаго совѣта, въ Москву собралось множество дворянъ. Бо́льшая часть изъ нихъ не одобряли олигархическія притязанія совѣта и хотя желали ограниченія верховной власти, но оскорблялись тѣмъ, что верховный совѣтъ не созвалъ депутатовъ отъ дворянства и, не спрося ихъ согласія на избраніе императрицы, поступилъ въ этомъ дѣлѣ самопроизвольно. Дворяне московскіе и иногородные держали вседневно собранія, въ которыхъ разсуждали объ измѣненіи въ образѣ правленія и свои предположенія на счетъ этого важнаго дѣла представили верховному совѣту, требуя отъ него созванія государственныхъ чиновъ.

Между тѣмъ императрица Анна Ивановна, подписавъ предложенныя ей условія, прибыла изъ Митавы въ Москву. Дворян-

ство поспѣшило испросить дозволеніе представить ей, чрезъ избранныхъ изъ среды своей депутатовъ, адресъ, на что и послѣдовало соизволеніе императрицы. Въ этомъ актѣ, изъявляя чувства вѣрноподданнической благодарности за принятіе условій, предложенныхъ государынѣ верховнымъ совѣтомъ, дворянство просило ее созвать избранныхъ отъ своего сословія депутатовъ, для разсужденія вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, которому оно уже представило свои мнѣнія и предположенія, о введеніи въ Россіи лучшаго образа правленія по точномъ окончательномъ утвержденіи правилъ, которымъ власть должна слѣдовать для блага отечества и счастія народа русскаго.

Императрица допустила къ себѣ депутацію отъ дворянства, приняла поднесенный ей адресъ—повелѣла прочитать его во всеуслышаніе и, потребовавъ перо, собственноручно подписала свое согласіе на прошеніе дворянства въ представленномъ ей актѣ.

Но когда это происходило, противная партія не оставалась въ бездѣйствіи. Графъ Ягужинскій, хотя подъ стражей, князь Черкасскій, Остерманъ и ихъ сообщники тайно сносились съ императрицей, чрезъ приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ, и увѣдомленные обо всемъ, что происходитъ и въ городѣ, и во дворцѣ, приняли мѣры для уничтоженія дѣйствій и верховнаго совѣта, и адреса, представленнаго дворянствомъ императрицѣ. Они незамѣтно, по одному, сошлись во дворцѣ и представили ей другой адресъ съ многими подписями, которымъ просили государыню, отъ лица всего народа, царствовать самодержавно, какъ ея предки, и уничтожить всѣ условія, на которыя она согласилась по требованію верховнаго совѣта и дворянства. Тутъ для произведенія бо́льшаго эффекта одинъ изъ сообщниковъ, начальникъ гвардіи, генералъ Салтыковъ, съ нѣсколькими офицерами бросился передъ императрицей на колѣна и умолялъ ее, для счастія Россіи, исполнить желаніе ея вѣрноподданныхъ, выраженныя въ послѣднемъ поданномъ ей прошеніи. Отъ лица гвардіи онъ говорилъ, что ни онъ, ни его подчиненные не потерпятъ, чтобы дерзали стѣснять власть ихъ государыни, и если она повелитъ, то они, вѣрные ея подданные, повергнутъ, по ея слову, къ ея священнымъ стопамъ головы враговъ ея.

Послѣ этого императрица велѣла подать условія, ею подписанныя, и сказала, что она согласилась на нихъ, будучи обма-

нута верховнымъ совѣтомъ на счетъ желаній народа и, сказавъ это, разорвала оба подписанные ею акта. Анну Ивановну провозгласили самодержавной императрицей, и она велѣла всѣмъ быть въ повиновеніи у начальника гвардіи, генерала Салтыкова. Графъ Ягужинскій явился къ ней и она надѣла на него Андреевскую ленту, снятую съ него верховнымъ совѣтомъ.

Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ депешей бывшихъ тогда въ Москвѣ дипломатическихъ агентовъ французскихъ гг. Маньяна и Бюси, умныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, которые подробно описывали все происходившее въ Москвѣ при вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны [1]).

Г. Маньянъ, между прочимъ, говоритъ въ одной изъ своихъ депешъ, что русскіе упустили самый благопріятный случай избавиться отъ своего вѣковаго рабства. Причиною этой неудачи было во первыхъ несогласіе, существующее между знатными дворянскими родами, во вторыхъ, олигархическое притязаніе членовъ верховнаго совѣта. Въ другой депешѣ г. Маньянъ замѣчаетъ, что тогдашнее общее настроеніе умовъ благопріятствовало свободѣ, и дворянство особенно желало ограничить абсолютизмъ: „въ Москвѣ въ домахъ и на улицахъ слышны были только рѣчи объ англійской конституціи и о правахъ парламента“.

Но какими ужасами ознаменовалось царствованіе Анны Ивановны!

Пытками и казнями.—„Злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому“, говоритъ Карамзинъ, „омрачили и жизнь, и память ея въ исторіи. Бирон, недостойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему достаточною виною для казни и ссылки“.

Не только члены верховнаго совѣта и дворяне, мечтавшіе ограничить самодержавіе, но многіе изъ тѣхъ, которые усердствуя Аннѣ, противодѣйствовали имъ, гибли на эшафотахъ, или, высѣченные кнутомъ, томились въ холодныхъ пустыняхъ Сибири.

Послѣ десятилѣтняго тиранскаго царствованія Анна Ивановна умираетъ, назначивъ преемникомъ престола сына родной

---

[1]) Эти депеши напечатаны въ соч. Н. И. Тургенева: „De la Russie et des Russes“, изд. 1847 г. М. Фвз.

племянницы своей, брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны—младенца Ивана Антоновича. Временщикъ Бирон остается полновластнымъ регентомъ и продолжаетъ тиранствовать. Но домашняя ссора нѣмцевъ, которые въ это несчастное время располагали судьбами Россіи, способствуетъ низложенію кровожаднаго Бирона. Графъ Минихъ, съ адъютантомъ своимъ Манштейномъ и ротой гренадеръ, ночью вторгаются во дворецъ регента—застаютъ его спящаго и отправляютъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. Бирона судитъ тамъ созванная наскоро коммисія изъ преданныхъ Миниху людей и, не смотря на его достоинство владѣтельнаго герцога курляндскаго, осуждаетъ на лишеніе чиновъ, орденовъ и ссылку въ Сибирь:—его немедленно и отвозятъ въ дикій Пелымъ. Мать младенца императора, принцессу Анну Леопольдовну, Минихъ заставляетъ сенатъ провозгласить правительницею имперіи, чтобы самому властвовать ея именемъ.

Черезъ годъ послѣ этого дворцоваго переворота, французъ Лестокъ, врачъ дочери Петра Великаго, цесаревны Елисаветы, съ французскимъ посланникомъ маркизомъ де-ла Шетарди, замышляютъ свергнуть правительницу и возвести на тронъ цесаревну Елисавету Петровну. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ заговорѣ обанкрутившійся купецъ Грюнштейнъ, поступившій въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Онъ подговариваетъ сперва двѣнадцать человѣкъ товарищей, и потомъ чрезъ нихъ до тридцати гренадеръ Преображенскаго полка. Елисавета, увѣрившись въ ихъ преданности, въ лентѣ св. Екатерины, ночью ѣдетъ въ саняхъ въ канцелярію Преображенскаго полка, сопровождаемая Лестокомъ и Воронцовымъ; арестуетъ дежурнаго офицера Гревса—беретъ съ собою триста гренадеръ, уже приготовленныхъ заговорщиками—и съ ними нападаетъ на дворецъ правительницы — арестуетъ ее, малолѣтняго императора, генерала графа Миниха, Остермана и Левенвольда — надъ этими тремя лицами наряжается судъ, который приговариваетъ ихъ казнить смертію.—Елисавета смягчаетъ приговоръ и опредѣляетъ—вмѣсто смертной казни — сослать ихъ въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ. Правительницу же, мужа ея, принца Антона Ульриха и дѣтей ихъ сперва заключаютъ въ Рижскую крѣпость, оттуда перево-

зятъ ихъ въ Динаминдскую (близъ Риги) и потомъ опредѣляютъ имъ мѣстомъ жительства городъ Холмогоры. Младенца императора Ивана Антоновича заточаютъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, которая впослѣдствіи дѣлается его гробницею.

Съ возшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны уничтожилось вліяніе нѣмцевъ на государственное управленіе и этимъ она польстила народному чувству. Не смотря на преувеличенные похвалы добросердечію и милосердію Елисаветы, страшная тайная канцелярія и въ ея время не была праздною: много жертвъ гибло за какое нибудь нескромное сужденіе о поступкахъ императрицы или ея любимцевъ. Она, какъ сопменная ей королева англійская, чрезмѣрно занята была красотою своею, и горе тѣмъ, кто смѣли соперничать съ нею въ тѣлесныхъ преимуществахъ. Извѣстную красавицу фрейлину (статсъ-даму) Лопухину она осудила быть высѣченной кнутомъ, съ отрѣзаніемъ языка, и въ ссылку въ Сибирь; а вся вина ея состояла въ красотѣ, возбудившей ревнивое чувство въ сердцѣ Елисаветы. Безпечная и сластолюбивая, она отдала Россію на разграбленіе своимъ временщикамъ и любимцамъ, изъ которыхъ алчный къ пріобрѣтенію корысти графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ прославился введенными имъ монополіями; давалъ возможность, обогащаясь самъ, обогащаться нѣсколькимъ откупщикамъ, ко вреду казны и къ угнетенію народа.

Преемникъ Елисаветы, родной племянникъ ея, Петръ III, ничтожный и по умственнымъ способностямъ, и по образованію, и по характеру, окружилъ себя голштинскими офицерами и любимцами и велъ съ ними разгульную жизнь, большею частью въ любимомъ Ораніенбаумѣ. Восторженный поклонникъ прусскаго короля Фридриха Великаго, онъ съ страстью занимался обученіемъ войскъ своихъ по образцу прусскихъ—презиралъ свой народъ, возбудилъ тѣмъ нелюбовь къ себѣ подданныхъ и особенно гвардіи. Супруга его, Ангальтъ-цербстская принцесса Екатерина Алексѣевна, съ которою онъ поступалъ грубо, безпрестанно оскорблялъ и даже угрожалъ разводомъ и заточеніемъ, воспользовалась чувствомъ непріязни и неуваженія къ Петру III высшаго духовенства, вельможъ, дворянства и особенно гвардейскихъ полковъ, и успѣла пріобрѣсти общее къ себѣ расположеніе... Предшествовавшіе насильственные перевороты въ русскомъ правительствѣ,

произведенные съ такою удачею и при такихъ ограниченныхъ средствахъ, навели недовольныхъ на мысль свергнуть съ трона неспособнаго императора и провозгласить вмѣсто его Екатерину самодержцею россійскою. Этотъ заговоръ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: Екатерина возвѣстила манифестомъ, что, сочувствуя общему желанію Россіи, она вступаетъ на престолъ для блага отечества и охраненія православія, которымъ угрожала величайшая опасность отъ превратнаго образа мыслей и дѣйствій неспособнаго императора, который постояннымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ имъ чужеземцамъ и вѣрѣ ихъ, наноситъ Россіи и ея православной церкви неисчислимый вредъ.

Сенатъ, синодъ и войско присягаютъ императрицѣ Екатеринѣ—Петръ III, узнавъ объ этомъ присылаетъ ей добровольное отрѣченіе отъ престола, и переѣзжаетъ изъ Ораніенбаума въ Рошу.....

Петръ III въ кратковременное царствованіе свое издалъ однако два важныя постановленія: первымъ уничтожалъ онъ страшную тайную канцелярію, вторымъ—даровалъ русскому дворянству полныя гражданскія права.

V.

Екатерина II, 1762—1796 гг.—Вліяніе философовъ.—Созваніе депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій.—Учрежденіе губерній и городовое положеніе.—Благотворительныя заведенія.—Отобраніе вотчинъ у монастырей.—Военныя побѣды. — Румянцевъ. — Суворовъ. — Проэктъ конституціи, представленный гр. Панинымъ и княг. Дашковой.—Заговоръ противъ императрицы.—Бакунинъ.

Екатерина взошла на тронъ по призванію высшихъ государственныхъ сословій, гвардіи и жителей столицы, но если бы Петръ III остался живъ, онъ могъ бы взять назадъ свое вынужденное отрѣченіе и угрожать ея власти. Буйные приверженцы, отнявъ у него жизнь, избавили Екатерину отъ подобныхъ опасеній. Она однако царствовала не по праву, принадлежавшему законному наслѣднику престола, сыну ея, в. к. Павлу Петровичу, по малолѣтству котораго ей слѣдовало только быть временной правительницей до достиженія имъ совершеннаго возраста. Екатерина воспользовалась неопредѣлительностію закона о престолона-

слѣдіи, и сама, взойдя на тронъ, царствовала тридцать четыре года. Время самое блистательное въ нашей исторіи.

Одаренная умомъ свѣтлымъ и любознательнымъ, Екатерина съ жадностію пріобрѣтала познанія. По предчувствію-ли будущаго величія, или по внушенію властолюбія, она давно готовила себя и желала царствовать.

Будучи еще великой княгиней, Екатерина съ страстію читала творенія политическихъ писателей Монтескьё, Мабли, Беккарія, также сочиненія французскихъ энциклопедистовъ Вольтера, д'Аламбера, Дидро, отличавшихся необыкновеннымъ вольномыслiемъ въ рѣшеніи самыхъ важныхъ философскихъ, нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Въ Блекстонѣ и Делольмѣ изучала она конституціонную систему Англіи и тогдашнія смѣлыя теоріи, благопріятствовавшія политической свободѣ—теоріи, которыхъ энциклопедисты были самыми ревностными распространителями. При всемъ властолюбіи своемъ и внутреннемъ влеченіи къ самовластію, Екатерина высоко цѣнила мудрованія энциклопедистовъ — съ нѣкоторыми изъ нихъ дружески переписывалась — дорожила ихъ мнѣніемъ и похвалами, налагала на себя личину свободолюбія и не хотѣла казаться самовластною. Чтобы заслужить ихъ доброе мнѣніе, она старалась смягчать почти азіатскую суровую внѣшность (тогдашняго) деспотизма болѣе благовидными европейскими формами. Небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законности ознаменовали царствованіе Екатерины: этимъ Россія была обязана уваженію императрицы къ энциклопедистамъ и ея желанію быть ими прославляемой.

Съ этою цѣлію она въ 1767 году рѣшилась созвать въ столицу депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій русскаго народа, избранныхъ съ точнымъ соблюденіемъ формъ народнаго представительства.

Собраніе это, съ характеромъ государственныхъ чиновъ, должно было заняться разсмотрѣніемъ кадексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, предложенныхъ ему правительствомъ. По зрѣломъ обсужденіи проэкта уложенія собраніемъ представителей, имъ даровалось право сдѣлать въ немъ нужныя измѣненія или дополненія, и трудъ свой поднести на утвержденіе верховной

власти. Екатерина сама начертала для депутатовъ инструкцію, содержащую въ себѣ политическія начала и истины, заимствованныя ею по большей части изъ твореній Монтескьё и Беккарія. Это торжественное событіе, долженствовавшее доставить русскимъ политическую самобытность, кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ которыхъ болѣе осмысленные изъ депутатовъ позволили себѣ коснуться важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ-то: о противоестественности крѣпостнаго рабства почти половины населенія имперіи, которая лишена всѣхъ гражданскихъ правъ—также будетъ-ли верховная власть, послѣ изданія новаго уложенія, измѣнять его именными указами и т. п. Вслѣдствіе этого собраніе представителей было распущено, подъ предлогомъ начинавшейся турецкой войны. Екатерина угадывала въ собраніи депутатовъ будущее противодѣйствіе своему неограниченному самовластію. Депутаты удостоились изъявленія монаршей признательности за труды, которые они еще не предпринимали, и розданныя имъ золотыя медали были памятниками эфемернаго существованія перваго и послѣдняго представительнаго собранія.

Въ числѣ полезныхъ законодательныхъ дѣйствій Екатерины II первое мѣсто занимаетъ учрежденіе губерній и городовое положеніе, которыми даровано дворянству и городскимъ жителямъ право изъ своей среды выбирать чиновниковъ, завѣдывающихъ мѣстнымъ управленіемъ и судопроизводствомъ. Съ введеніемъ этого новаго порядка значительно улучшилось управленіе губернское и уѣздное: ограничился произволъ мѣстныхъ властей, и новая дѣятельность земской полиціи возстановила безопасность на большихъ дорогахъ и водяныхъ сообщеніяхъ прекращеніемъ бывшихъ до того разбоевъ.

Филантропическія ученія и идеи были тогда въ большомъ ходу въ Европѣ. Слѣдуя имъ, Екатерина сдѣлала много для страждущаго человѣчества: учредила губернскіе приказы общественнаго призрѣнія, которымъ ввѣрила управленіе богоугодными и благотворительными заведеніями, народными школами, богодѣльнами и пріютами для сиротъ и безпомощной старости. Московскій и С.-Петербургскій воспитательные дома были ею учреждены и, по превосходному устройству, могли равняться съ лучшими европейскими заведеніями этого рода.

Но филантропическія побужденія не заставили императрицу обратить вниманіе на уврачеваніе одной изъ самыхъ тяжкихъ язвъ нашего общественнаго состава: я разумѣю на крѣпостное рабство почти половины народонаселенія Россіи. Екатерина не только ничего не предприняла для освобожденія крѣпостныхъ, но указомъ 1783 года обратила все населеніе Малороссіи, жившее по условіямъ на земляхъ, принадлежавшихъ тамошнему дворянству, въ крѣпостное рабство. Другимъ указомъ Екатерины запрещено однако всякаго званія свободнымъ людямъ записываться въ кабалу или крѣпостное состояніе, даже и по собственному желанію: такого рода акты не должны имѣть силы (1781 г.). На счетъ рабовъ иноземцевъ: турокъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ постановлено, что, вступивъ на русскую землю и принявъ христіанство, они становятся свободными. Стало быть въ Россіи только одни русскіе могутъ быть (1853 г.) крѣпостными рабами: странное преимущество народа господствующаго!

Отнявъ отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей принадлежавшія имъ недвижимыя имѣнія, которыхъ населеніе было до полутора милліона душъ, Екатерина лишила монастырскихъ крестьянъ того благосостоянія, которымъ они наслаждались подъ церковнымъ управленіемъ. Вообще монастырскія вотчины управлялись почти всегда умными, добросовѣстными старцами и были въ самомъ удовлетворительномъ положеніи: крестьяне платили умѣренный оброкъ, или занимались необременительными работами для доставленія продовольствія въ монастыри. Въ этихъ вотчинахъ хранились всегда огромные запасы всякаго рода хлѣба, остававшагося лишнимъ. Въ неурожайные годы монастырскія житницы открывались для многихъ тысячъ народа бѣднаго, которому безъ отказу раздавался хлѣбъ взаимообразно, а бѣднѣйшимъ, какъ милостыня. Екатерина, отобравъ отъ монастырей вотчины, бо́льшую часть изъ нихъ впослѣдствіи раздала своимъ любимцамъ.

Карамзинъ, восторженный почитатель царствованія Екатерины, говоритъ: „горестно, а должно признаться, что, усердно хваля Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаешь ея слабости и краснѣешь за человѣчество“. Въ другомъ мѣстѣ исторіографъ, намекая на расточительность императрицы къ временщикамъ своимъ, которыхъ она осыпала богатствами и

почестями, спрашиваетъ: „богатство государственное принадлежитъ-ли тому, кто имѣетъ лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость, явная—порокъ: ибо соблазняетъ другихъ—нравы болѣе развратились отъ двора любострастнаго".

Въ тридцати четырехъ-лѣтнее царствованіе Екатерины война почти не прекращалась и побѣдоносныя войска ея громили турокъ, поляковъ, шведовъ и персіянъ. Румянцевъ при Кагулѣ съ шестнадцати тысячной арміей разбилъ, въ десять разъ сильнѣйшаго его, великаго визиря. Суворовъ одерживалъ блистательныя побѣды надъ турками и поляками, когда противъ тѣхъ же самыхъ турокъ не могли стоять австрійцы. Удачные кровопролитные штурмы Очакова, Измаила, Праги сдѣлались невозможностью и для русскихъ войскъ послѣ екатерининскаго времени, хотя въ чистомъ полѣ они и не утратили прежней храбрости. Екатерина умѣла выбирать своихъ полководцевъ, и Румянцевъ, Суворовъ [1]), Потемкинъ, Панинъ, Репнинъ, Ферзенъ, прославили ея царствованіе знаменитыми побѣдами, распространившими предѣлы Россіи завоеваніемъ на югѣ нынѣшнихъ губерній Херсонской, Таврической, части Екатеринославской и Кавказской области, а на западѣ присоединеніемъ отъ Польши Бѣлоруссіи, Литвы съ Минской губерніей, Волыни и Подоліи.

Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается одно обстоятельство, не многимъ извѣстное, что бывшій тогда канцлеромъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ и княгиня Екатерина Романовна Дашкова представляли императрицѣ планъ конституціи для Россіи, и что она отвергла его.

Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ слышалъ я отъ современниковъ, которымъ оно могло быть извѣстно со всѣми подробностями.

Графъ Н. И. Панинъ, воспитатель в. к. наслѣдника Павла Петровича, провелъ молодость свою въ Швеціи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовію изучая конституцію этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россіи: ему хотѣлось ограничить абсолютизмъ твердыми аристократическими

---

[1]) Французскіе историки и самъ Тьеръ вездѣ пристрастно судятъ нашего знаменитаго полководца. Енно и Шеншо не только не отдаютъ справедливости его великимъ военнымъ дарованіямъ, но чернятъ его нравственный характеръ, представляя Суворова кровожаднымъ изувѣромъ—чуть ни людоѣдомъ.
М. Фвз.

институціями. Съ этою цѣлію Панинъ предлагалъ основать политическую свободу, сначала для одного дворянства, въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (inamovibles) назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Синодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранія сената. Подъ нимъ въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ сенату и предлагать ему новые законы (avoir l'initiative des lois).

Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властію, а императорамъ оставалась бы власть исполнительная съ правомъ утверждать сенатомъ обсужденные и принятые законы, и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проэктъ былъ написанъ Д. И. Фонвизинымъ подъ руководствомъ графа Панина. У меня былъ списокъ съ введенія, или предисловія къ этому акту—родъ Considerant, которое, сколько припомню, начиналось такъ: „Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвященный ясностію сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣянію какого либо зла" и т. д. [1]).

[1]) Списокъ съ конституціоннаго акта хранился у роднаго брата его редактора, П. И. Фонвизина. Когда въ первую французскую революцію извѣстный массонъ и содержатель типографіи Новиковъ, и московскія массонскія ложи были подозрѣваемы въ революціонныхъ замыслахъ, ген.-губер. князь Прозоровскій, преслѣдуя массоновъ, считалъ сообщниками или единомышленниками ихъ всѣхъ служившихъ въ то время въ московскомъ университетѣ, а И. И. Фонвизинъ былъ тогда его директоромъ. Предъ самымъ прибытіемъ полиціи для взятія его бумагъ ему удалось истребить конституціонный актъ, который братъ его ему ввѣрилъ. Отецъ мой, случившійся въ то

За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и исчисленіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ....

Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается объ этой конституціи безъ означенія года. Можетъ быть графъ Панинъ и княгиня Дашкова и дѣйствительно представляли свой планъ Екатеринѣ и убѣждали императрицу принять его и узаконить. Мой покойный отецъ разсказывалъ мнѣ, что въ 1773 или въ 1774 году, когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Дармштатской принцессѣ, названной Натальей Алексѣевной, графъ Н. И. Панинъ, братъ его, фельдмаршалъ Петръ Иванов., княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ, чуть-ли не митрополитъ Гавріилъ, и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлію свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II, и вмѣсто ее возвести совершеннолѣтняго ея сына. Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять предложенную ему Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что воцарившись не нарушитъ этого кореннаго государственнаго закона, ограничивающаго власть. Душею заговора была супруга Павла, в. к. Наталья Алексѣевна, тогда беременная.

При графѣ Панинѣ были довѣренными секретарями Д. И. Фонвизинъ, редакторъ конституціоннаго акта, и Бакунинъ— оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ рѣшился быть предателемъ: онъ открылъ

время у него, успѣлъ спасти введеніе или Considerant, котораго начало я выписалъ выше. При моемъ арестованіи въ 1826 году эту бумагу взяли вмѣстѣ съ прочими; меня спрашивали объ ней въ комитетѣ—я разсказалъ всю исторію, какъ зналъ, и меня оставили въ покоѣ. Покойному Никитѣ Михайловичу Муравьеву сообщилъ я съ нея копію, и онъ передѣлалъ ее, приспособивъ содержаніе этого акта къ царствованію Александра I-го. Разошлось нѣсколько экземпляровъ сочиненія, которое, явясь подъ именемъ настоящаго автора, было приписано мнѣ. Я слышалъ объ этомъ въ 1825 году отъ кн. М. Д. Горчакова: онъ былъ въ восторгѣ отъ введенія, и я не могъ разувѣрить его, что это не мое произведеніе. Подлинный манускриптъ, писанный рукою дяди Д. И. Фонвизина, укралъ у меня одинъ букинистъ, и, какъ я послѣ узналъ, продалъ его П. П. Бекетову, который издавалъ тогда всѣ сочиненія Д. И. Фонвизина. М. Фвз.

любимцу императрицы князю Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ—стало быть это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она позвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. Павелъ испугался, принесъ матери повинную и списокъ всѣхъ заговорщиковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ на него, бросила бумагу въ огонь и сказала: я не хочу и знать кто эти несчастные. Она знала всѣхъ по доносу измѣнника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексѣевна: полагали, что ее отравили или извели другимъ образомъ. Историкъ Левекъ говоритъ: „On a écrit, que sa mort fit imputer à Catherine un crime de plus, et que la sage femme, qui présida aux couches de cette princesse ne tarda pas à faire une grande fortune“. А Левекъ долго и въ это время жилъ въ Петербургѣ, и при дворѣ имѣлъ связи [1]). Изъ заговорщиковъ никто однако не погибъ. Екатерина никого изъ нихъ не преслѣдовала. Графъ Ник. Ив. Панинъ былъ удаленъ отъ Павла съ благоволительнымъ рескриптомъ, съ пожалованіемъ ему за воспитаніе цесаревича 5,000 душъ, и остался канцлеромъ; братъ его фельдмаршалъ и княгиня Дашкова оставили дворъ и переселились въ Москву. Князь Репнинъ уѣхалъ въ свое намѣстничество, въ Смоленскъ, а надъ прочими заговорщиками учрежденъ тайный надзоръ.

VI.

Павелъ I, 1796—1801 гг.—Гатчинцы.—Отзывъ исторіографа Н. М. Карамзина.—Недовольство служилаго дворянства.

....Великій князь Павелъ Петровичъ рожденъ былъ съ прекрасными душевными качествами, добрымъ сердцемъ, острымъ умомъ, живымъ воображеніемъ и, при некрасивой наружности, восхищалъ всѣхъ, знавшихъ его, своею любезностью. Но превратное воспитаніе, многолѣтній стѣсненный образъ жизни при

---

[1]) Опроверженіе этихъ слуховъ и совершенно неосновательныхъ обвиненій Екатерины II см. въ книгѣ Д. Кобеко: „Вел. кн. Павелъ Петровичъ“, Спб., изд. 1882 г. Ред.

ненавидящей его матери, исказили всѣ эти добрыя свойства. Екатерина постоянно держала его далеко отъ себя, не допускала къ участію въ дѣлахъ государственныхъ—оставляла наслѣдника престола часто въ такой нуждѣ, что въ семействѣ Вадковскихъ хранятся записки его супруги, которыми она просила ссудить ее 25 или 50 рублями на насущные расходы! Временщики, царедворцы, въ угодность императрицѣ, показывали явно неуваженіе къ ея сыну, и онъ, безпрестанно оскорбляемый и унижаемый, сдѣлался болезненно раздражительнымъ, до изступленія и бѣшенства: такимъ и увидѣла его Россія на тронѣ.

Не задолго до своей смерти, Екатерина рѣшилась устранить сына отъ престолонаслѣдія и объявить своимъ преемникомъ любимаго внука, великаго князя Александра Павловича. Актъ объ этомъ тайно былъ составленъ съ согласія приближенныхъ къ императрицѣ вельможъ, въ преданности которыхъ она была увѣрена, и порученъ храненію вице-канцлера графа Безбородко. Императрица хотѣла облечь этотъ актъ силою закона и обнародовать въ свои имянины 24 ноября 1796 года, предварительно заставя Павла отказаться отъ престолонаслѣдія. Но не сбылось это предположеніе.

За двѣ недѣли до приведенія его въ дѣйствіе, Екатерина умираетъ скоропостижно 5-го ноября 1796 года. Вице-канцлеръ графъ Безбородко спѣшитъ въ Гатчино къ великому князю Павлу Петровичу и вручаетъ ему актъ, устраняющій его отъ трона. Павелъ, наградивъ усердіе Безбородко княжескимъ титуломъ, возведеніемъ въ канцлеры и пожалованіемъ 9,000 душъ, скачетъ въ Петербургъ — манифестомъ объявляетъ о возшествіи своемъ на престолъ, и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Не смотря на то, что онъ не былъ любимъ ни войскомъ, ни вельможами, ни придворными—всѣ безпрекословно ему присягаютъ.

Будучи великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ жилъ постоянно въ Гатчинѣ, гдѣ его окружали немногіе приверженные придворные и три некомплектные морскіе баталіона, которые отданы ему были подъ начальство, какъ генералъ-адмиралу флота, которымъ онъ никогда не начальствовалъ. Офицеровъ назначалъ онъ въ эти баталіоны по собственному выбору, а какъ никто изъ порядочныхъ дворянъ не хотѣлъ служить у него, то корпусъ

офицеровъ морскихъ баталіоновъ состоялъ изъ лицъ, за негодностію непринимаемыхъ никуда. Ихъ называли Гатчинскими, и это названіе было почти бранное. Морскіе баталіоны были потѣшнымъ войскомъ Павла: онъ обмундировалъ ихъ по образцамъ войскъ Фридриха Великаго, упражнялъ частыми ученьями и маневрами по прусской тактикѣ, и съ необыкновенною страстію предавался фрунтоманіи. Недовѣряя новымъ своимъ подданнымъ, онъ считалъ только на преданность своихъ гатчинскихъ офицеровъ. Павелъ, воцарившись, окружилъ себя ими и осыпалъ ихъ чрезмѣрными наградами. Чины, ордена, пожалованіе значительными имѣніями были удѣломъ этихъ новыхъ временщиковъ. Съ повышеніемъ чина перевелъ онъ ихъ въ гвардейскіе полки, а рядовыхъ—унтеръ-офицерами и поручилъ имъ образованіе гвардіи по гатчинскимъ образцамъ. Гвардейскіе офицеры изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій почитали для себя крайнею обидою подчиненіе Гатчинскимъ, которые у нихъ были прежде въ такомъ презрѣніи. Правленіе новаго императора становилось особенно тягостнымъ и несноснымъ для высшаго класса—для дворянства, которое, въ продолженіе 34-хъ лѣтняго царствованія Екатерины, пользуясь постояннымъ ея благоволеніемъ, привыкло не только къ свободѣ, но и къ безнаказанному своеволію. Павелъ, ненавидя мать, ненавидѣлъ все, что дѣлалось при ней: кроткую систему правленія Екатерины замѣнилъ онъ дѣйствіями не только строгими, но жестокими и неправосудными; всячески унижая дворянъ, нарушалъ ихъ привиллегіи, подвергалъ тѣлесному наказанію, торговой казни и ссылкѣ въ Сибирь безъ суда. Подозрительность Павла возстановила страшную тайную канцелярію, и множество жертвъ томились въ ея заклепахъ.

Исторіографъ Карамзинъ рѣзко характеризовалъ правленіе Павла I-го въ сочиненіи своемъ О древней и новой Россіи въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи слѣдующими словами: „Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества: къ непзъяснимому изумленію Россіянъ онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ; не слѣдуя никакимъ уставамъ кромѣ своей прихоти, считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя

въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ нашихъ полкахъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства; героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ военной службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; вымышлялъ ежедневно способы ужасать людей, а самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу!“ [1])

Тиранство Павла особенно ужасало обѣ столицы и окружавшихъ его: никто изъ служащихъ не былъ безопасенъ отъ его раздражительнаго характера, доходившаго до безумія, всѣмъ страшенъ былъ гнѣвъ его. Никто въ это прихотливое, деспотическое царствованіе не могъ быть увѣренъ, чтобы, безъ всякой вины, его не выгнали изъ службы, не опозорили, не засадили въ крѣпость, не заслали въ Сибирь. Тысячи подверглись этой участи въ четырехъ-лѣтнее его царствованіе: многихъ не скоро могли отыскать въ Сибири, послѣ его смерти, потому что, при отправленіи ихъ въ ссылку, имъ перемѣняли имена.

Въ это бѣдственное для русскаго дворянства время—безправное большинство народа на всемъ пространствѣ имперіи оставалось равнодушнымъ къ тому, что происходило въ Петербургѣ—до него не касались жестокія мѣры, угрожавшія дворянамъ. Простой народъ даже любилъ Павла: въ облегченіе крѣпостныхъ земледѣльцевъ, онъ въ 1798 году издалъ указъ, чтобы они только три дня въ недѣлю работали на своихъ господъ, а три дня на себя, и были свободны отъ работъ во всѣ двунадесятые и храмовые ихъ селеній праздники. Ужасъ Павлова тиранства особенно царствовалъ въ Петербургѣ. Такое насильственное положеніе не могло быть продолжительно—терпѣніе истощалось, и общее негодованіе, возбужденное жестокостями того времени, выразилось заговоромъ противъ Павла, въ которомъ приняли участіе приближенныя и взысканныя его милостями особы.

М. А. Фонвизинъ.

---

[1]) Записки Н. М. Карамзина „О древней и новой Россіи“, см. въ „Рус. Архивѣ“, изд. 1870 г., стр. 2225.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. П. БѢЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

Вмѣсто предисловія.

Приступая къ изданію второй части моихъ воспоминаній о пережитомъ и перечувствованномъ, я прежде всего считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать мою искреннюю и глубокую благодарность тѣмъ изъ газетъ и журналовъ, которые отнеслись снисходительно, а иные и симпатично, къ моему слабому труду. Но тѣ критическіе отзывы, какіе появились въ журналѣ, впрочемъ уже прекратившемся, а потому мною и не называемомъ, я не могу признать за дѣльные и безпристрастные, такъ какъ они пропитаны какою-то желчью и желаніемъ смѣшать меня съ грязью.

Кто пишетъ воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ, тотъ конечно долженъ говорить о людяхъ, съ которыми онъ жилъ или которыхъ встрѣчалъ и особенно о тѣхъ, которые привлекали его взоръ и плѣняли сердце красотой наружной и внутренней, которые возбуждали его симпатію и его уваженіе качествами ума и сердца, кто поддерживалъ и утѣшалъ во дни скорби. Поэтому-то я посвятилъ 1-ю главу памяти моихъ родителей, какъ представителей въ человѣчествѣ добра, правоты, идеальной честности и долга,—качествъ, не часто встрѣчающихся въ мірѣ, и всегда отрадныя для людей добра и достойныя не только уваженія, но и подражанія.

Что касается моихъ религіозныхъ чувствъ и убѣжденій, надъ ко-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, ноябрь, стр. 599—661; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 27—42; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, іюль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—704.

торыми онъ (критикъ) такъ остро глумится, то я скажу, что въ минувшее время, когда вѣра въ Бога была жива и въ образованныхъ и даже ученыхъ людяхъ, когда ее не стыдились и громко исповѣдывали, я бы, какъ христіанинъ, и не выставлялъ бы ихъ, считая это за фарисейство; но въ наше время, полное равнодушія къ вѣрѣ, а также полнаго забвенія того, что по слову Спасителя «едина на потребу человѣку, здѣсь живущему одно мгновеніе предъ вѣчностью, а тамъ безконечно»; въ наше время, говорю, для вѣрующаго христіанина предлежитъ настоятельный, священный долгъ открыто исповѣдывать вѣру, не смотря на то, что невѣрующіе или отступники отъ христіанства провозгласятъ это пошлымъ, пропитаннымъ постнымъ масломъ, ладономъ и лицемѣрнымъ.

Далѣе, если я въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствую о своемъ отреченіи отъ своихъ прежнихъ революціонныхъ стремленій, которымъ былъ фантастически преданъ, то это-то отреченіе отъ кровавыхъ переворотовъ, въ которыхъ уже были пролиты потоки крови, которые осиротили тысячи семействъ, и побудили меня поспѣшить заявить это отреченіе гласно, чтобы всѣ знали, что я послѣдовалъ единой непреложной божественной истинѣ, повелѣвающей сопротивляться злу и неправдѣ пассивно, съ пожертвованіемъ собой, а не тысячами братій нашихъ, не уполномочившихъ насъ на это,—по отъ желанія свободныхъ учрежденій для моего отечества, отъ желанія личныхъ и общественныхъ правъ ему свободы слова и мысли, въ границахъ закона нравственнаго и Божественнаго, я никогда и нигдѣ не отрекался.

Соглашаюсь съ критикомъ угасшаго журнала, что воспоминанія мои не имѣютъ никакого ни литературнаго, ни историческаго достоинства и для иныхъ не будутъ интересны, но для многихъ же другихъ можетъ быть и будутъ. Вѣдь и исторія составляется изъ суммы добродѣтелей, пороковъ и заблужденій людей; изъ ихъ общественной и частной жизни, ихъ взаимныхъ отношеній, изъ ихъ нравовъ, обычаевъ, образа жизни; даже костюмы, наружное и внутреннее устройство жилищъ входитъ въ ея область. Не тому ли же служатъ записки, мемуары, лѣтописи, различныя воспоминанія и проч., и чѣмъ болѣе будетъ этого матеріала, тѣмъ легче и вѣрнѣе будетъ будущему историку понять описываемую эпоху.

Въ нынѣ помѣщаемой на стр. «Русской Старины» второй части моихъ воспоминаній я описываю наше возвращеніе на родину послѣ 21 года ссылки сначала въ Сибирь, потомъ на Кавказъ; передаю впечатлѣнія, произведенныя на насъ новою средой, насъ пріютившею; передаю замѣтки о людяхъ, пережившихъ время,

наше удаленіе отъ нихъ, и сохранившихъ свою дружбу и свои симпатіи къ намъ, провозгласившимъ новыя идеи въ русскомъ обществѣ. Хотя эти новыя идеи провозглашены беззаконнымъ и кровавымъ путемъ, но все же, въ глубинѣ души, мы стояли за угнетенное человѣчество и за его свободу. Эта встрѣча и эти симпатіи къ намъ уже показываютъ, что русское интелигентное общество въ теченіи этихъ 20 лѣтъ много возросло въ нравственномъ и умственномъ развитіи. Оно не одобряло и порицало кровавыя и революціонныя средства, нами избранныя, но сознало правду идеи, нами руководившей и которая вскорѣ была возвѣщена человѣчеству и съ высоты престола (19 февраля 1861 г.). Потому-то дорого цѣнило общество наши страданія и щедро вознаградило оно насъ, принимая въ свою среду не съ снисхожденіемъ, а даже съ гордостью и уваженіемъ.

Тутъ-же я описываю нашу дѣятельность въ пріобрѣтеніи себѣ независимаго положенія, какъ лицъ, не имѣвшихъ никакого состоянія, наши дѣйствія и труды на поприщѣ промышленномъ и экономическомъ въ управленіи и распоряженіи судьбами низшихъ братій нашихъ, по довѣрію тѣхъ самыхъ лицъ, отъ произвола которыхъ зависѣла жизнь и участь милліоновъ душъ человѣческихъ и освобожденіе которыхъ и возстановленіе правъ человѣческихъ были нашимъ господствующимъ стремленіемъ.

Затѣмъ я продолжаю, гдѣ это оказывается умѣстнымъ, исповѣдывать, прославлять Бога и православную вѣру Христову, не взирая на порицанія прекратившагося журнала, восхвалять прекрасныя чувства и дѣянія, какія встрѣчалъ и въ этой половинѣ моей жизни, увѣренный, что добрымъ, благороднымъ сердцамъ отрадно будетъ видѣть, что еще много есть прекраснаго въ мірѣ и отрѣшиться хотя на минуту отъ дѣйствительности неприглядной, а иногда и возмутительной!

Александръ Бѣляевъ.

Глава I.

Ставрополь.

Прежде нежели описывать возвращеніе на родину, я разскажу одинъ случай изъ нашей кавказской жизни, вслѣдствіе чего мы едва не остались вовсе на Кавказѣ. Мы такъ полюбили Кавказъ, его чудную природу, климатъ, людей, его простоту жизни, что мечтали купить небольшой кусокъ земли, заняться хозяйствомъ, устроить жилище со всѣми предосторожностями того воинственнаго времени, какъ строятся кавказскіе землевладѣльцы, съ высокой оградой, сторожe-

вой башней съ бойницами, нѣчто въ родѣ плацъ-гауза, чтобъ можно было защититься въ случаѣ нападенія бродящихъ хищниковъ, что тогда случалось довольно часто. Конечно, это была мечта романтическаго воображенія, но мечта эта была близка къ осуществленію.

Олимпіада Ивановна Венеровская съ сестрой покойнаго ея мужа, Вѣрой Ивановной Власевой, и сыномъ своимъ, моимъ ученикомъ, пригласила меня проводить ихъ въ Ставрополь, куда она ѣхала съ своей родственницей, мужъ которой служилъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ войскахъ праваго фланга кавказской линіи. Мы ѣхали въ коляскѣ на ея лошадяхъ до Моздока, но какъ мы выѣхали послѣ обѣда, то, пріѣхавъ къ послѣдней, передъ Моздокомъ, станицѣ Стодеревской, она просила станичнаго начальника дать ей конвой, такъ какъ время было къ вечеру. Онъ распорядился о назначеніи 4-хъ казаковъ, а пока они снаряжались, мы рѣшились ѣхать, полагая, что казаки сейчасъ-же догонятъ коляску. Проѣхавъ версту, потомъ другую, третію, совсѣмъ уже стемнѣло, а казаковъ все нѣтъ. Нѣкоторое безпокойство уже начинало овладѣвать дамами, да и я не совсѣмъ былъ покоенъ; воображеніе рисовало уже намъ хищниковъ, бросающихся на коляску, какъ это еще недавно было съ семействомъ богатаго армянина Чиханова: выстрѣлы, нѣкоторая борьба, такъ какъ за моихъ дамъ я конечно былъ готовъ умереть, но все же силы были-бы не равны, и затѣмъ плѣнъ, въ тысячу разъ ужаснѣйшій смерти для благородныхъ дамъ. Олимпіада Ивановна и Вѣра Антоновна, достойныя питомицы Кавказа, вынули изъ-за поясовъ свои кинжалы, чтобъ въ случаѣ нападенія скорѣе заколоть себя, нежели отдаться въ плѣнъ. Жена и сестра героя Венеровскаго не могли допустить и мысли о такомъ позорѣ. Я былъ въ черкескѣ и съ кинжаломъ, со мной была шашка покойнаго мужа Олимпіады Ивановны, которую она мнѣ подарила; но, благодареніе Господу, ничего подобнаго нападенію не случилось, хотя мы, дѣйствительно, услыхали конскій топотъ скачущихъ, но то были наши конвойные. Не смотря однакожъ на конвой, мы поѣхали верхней дорогой, хотя нижняя, идущая лѣсами, была гораздо ближе.

Въ Моздокъ мы пріѣхали уже ночью. Остановились ночевать у знакомыхъ нашихъ дамъ. Подали чай, потомъ ужинъ, долго проговорили и разошлись спать. Изъ Моздока выѣхали рано утромъ. Почтовыя лошади содержались тогда казаками, были отличные и мы скоро пріѣхали въ Георгіевскъ, гдѣ были родные моихъ спутницъ, и гдѣ мы пробыли день. Въ Ставрополѣ дамы мои остановились у родныхъ, гдѣ и я, познакомившись, пробылъ тотъ день, а потомъ переѣхалъ къ полковнику Иларіону Ивановичу Жукову, старшему брату зятя моего.

Онъ былъ управляющимъ военно-коммисаріатской коммисіи и я бывалъ у него прежде, командируемый отъ полка за матеріалами, а иногда и за суммами для полка. Полковой командиръ нашъ зналъ, что управляющій намъ близкій родственникъ и потому доставлялъ намъ отъ времени до времени командировки, которыя были полезны для полка по скорѣйшему удовлетворенію требованій, такъ какъ я имѣлъ дѣло прямо съ управляющимъ.

Иларіонъ Ивановичъ жилъ въ своемъ домѣ, который онъ купилъ и устроилъ по своему вкусу, а онъ въ высшей степени обладалъ прекраснымъ вкусомъ и большимъ умѣніемъ выдѣлать и устроивать прочно, покойно и изящно. Все въ его домѣ было отлично. Домъ выходилъ на улицу; дворъ же, превосходно вымощенный, раздѣлялся на двѣ половины: одна служила для подъѣзда экипажей, другая состояла изъ купы тѣнистыхъ бѣлыхъ акацій. Дворъ этотъ ограничивался каменнымъ солиднымъ двухъ-этажнымъ флигелемъ, гдѣ внизу одна половина занята была роскошной конюшней, а надъ ней была комната для кучеровъ, съ семействами. Другая-же половина нижняго этажа была занята прачешной со всѣми возможными приспособленіями. Со сводомъ ворота раздѣляли двѣ половины дома и верхній этажъ правой стороны занимали трое его сыновей и гдѣ мнѣ была отведена комната. Выйдя изъ воротъ, во всю ширину флигеля, былъ черный дворъ, огражденный каменной стѣной, гдѣ были сложены дрова, вѣшалось бѣлье и стояло все то, что не должно быть на виду. Въ конюшнѣ-же было отдѣленіе для коровъ со стойлами. Сквозь ворота этого флигеля выходили въ прекрасный садъ, въ серединѣ котораго возвышался двухъ-этажный флигель прекрасной архитектуры съ террасами и балконами. Послѣднее время тамъ жила молодая чета—его старшая дочь Ольга Иларіоновна, съ мужемъ, маіоромъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. Съ боку этого сада были устроены двѣ китайскія башни, между которыми были проволочныя сѣти, гдѣ содержались куры и индѣйки въ заключеніи, чтобы не вырывали и не портили цвѣтниковъ и не пачкали сада. Эта остроумная выдумка показываетъ, что у него все было придумано и ничего не упущено. Поэтому я и описалъ подробно этотъ домъ, какъ образецъ порядка, вкуса и удобства.

Домъ Иларіона Ивановича былъ, какъ говорятъ, полная чаша. Въ прежнія наши посѣщенія всѣ три дочери его были дѣвицами, очень молоденькими красавицами. Старшая, если не была красавицей лицомъ, то была очень мила, умна и граціозна. Вторая, Екатерина, была лѣтъ 14, но она и тогда уже обѣщала съ возрастомъ разцвѣсти въ полную красавицу. Третья, Елизавета, была дѣвочкой красавицей, лѣтъ десяти, не по лѣтамъ умная и развитая; она, кажется,

была любимицей родителей, которые впрочемъ со всѣми дѣтьми, какъ съ сыновьями, такъ и съ дочерьми, были чрезвычайно нѣжны.

Старшая дочь отъ перваго брака, Ольга Иларіоновна, какъ я сказалъ, въ послѣдній пріѣздъ мой была замужемъ за маіоромъ Сакеномъ, и скажу въ утѣшеніе молодымъ, еще бездѣтнымъ, супругамъ, родила дочь черезъ 13 лѣтъ замужества, правда единственную, воспитала, счастливо выдала замужъ, но не долго наслаждалась счастіемъ своихъ дѣтей и недавно умерла. Мужъ ея, генералъ Сакенъ, послѣднее время былъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ Саратовской губерніи. Вторая дочь Ил. Ив. была за Отрыганывымъ и кажется не была счастлива, такъ какъ жила въ Петербургѣ одна, разлучившись съ мужемъ. Третія была за Неклюдовымъ.

Мать ихъ, Елизавета Николаевна, была женщина очень умная, красивая и характерная. Нѣжная, любящая мать, она въ то же время была серьозна и строга. Всѣ дѣти ее страстно любили, но повиновались безпрекословно, да кажется и мужъ ея, не смотря на свой умъ и деспотическій характеръ, не выходилъ изъ-подъ ея вліянія. Всѣ они, дѣти и родители, принимали насъ такъ радушно, какъ только могутъ принимать самые близкіе и любящіе родные, и я никогда не забуду того сердечнаго наслажденія, какое я чувствовалъ въ ихъ средѣ и какое я вынесъ въ моемъ воспоминаніи. Каждый почти вечеръ у насъ проходилъ въ чтеніи разныхъ интересныхъ повѣстей и романовъ той эпохи. Читалъ громко всегда я, а дамы были за работой. Помню, что въ журналѣ «Репертуаръ» того года былъ напечатанъ романъ изъ событій восточной Индіи въ то время, когда извѣстная шайка убійцъ приводила всѣхъ въ ужасъ,—романъ очень интересный. Вся семья сидѣла около круглаго столика, а меньшая дочь Лиза забиралась на диванъ и съ такимъ вниманіемъ слушала, что не хотѣла уходить до самаго ужина. Когда я имѣлъ командировку отъ полка, я у нихъ прожилъ около 6 недѣль, и все это время показалось мнѣ за нѣсколько дней,—такъ пріятно и отрадно жилось въ этой семьѣ.

Изъ трехъ сыновей Иларіона Ивановича, меньшой рано умеръ. Двое старшихъ, Николай Иларіоновичъ и Иванъ Иларіоновичъ, по окончаніи ученія, служили юнкерами въ одномъ изъ кавказскихъ полковъ, потомъ переведены въ казачье линейное войско и отправились въ экспедицію 1845 года, и на пути остановились у насъ въ Наурѣ. Оба были отличные молодые люди, но, къ несчастью семейства, старшій Николай потомъ застрѣлился, а Иванъ Иларіоновичъ продолжалъ служить, потомъ былъ адъютантомъ Муравьева-Карскаго и при сдачѣ Карса. Онъ былъ очень уменъ, талантливъ, очень спосо-

бенъ, такъ что Муравьевъ возлагалъ на него разныя важныя порученія. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку, женился, живетъ постоянно въ своемъ тамбовскомъ имѣніи; у него трое славныхъ мальчиковъ и одна дочь; былъ предводителемъ дворянства и потомъ вышелъ въ отставку. Отецъ его, генералъ, тоже въ отставкѣ и также живетъ въ воронежскомъ имѣніи жены, гдѣ у него хорошій конскій заводъ и цвѣтущее хозяйство.

Во время этого пребыванія моего въ Ставрополѣ, мнѣ случилось принять участіе въ одномъ романическомъ происшествіи, случившемся въ ихъ домѣ. До послѣдняго пріѣзда моего, ихъ семейство часто посѣщалъ одинъ молодой человѣкъ Маевскій, бывшій полковымъ адъютантомъ Московскаго гвардейскаго полка и разжалованный за нанесеніе раны въ запальчивости. Онъ служилъ въ Кабардинскомъ полку вмѣстѣ съ нами и мы во время экспедиціи сблизились съ нимъ. Маевскій былъ хорошо принятъ у нихъ въ домѣ и, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Иларіона Ивановича—Ольгѣ Иларіоновнѣ. Предложеніе было принято и онъ въ домѣ принимался какъ женихъ. Это былъ человѣкъ хорошо воспитанный, умный, не дуренъ собой, остроумный, а потому не могъ не понравиться молодой дѣвушкѣ. Но при частыхъ свиданіяхъ и искреннихъ бесѣдахъ оказалось, что характеръ его былъ заносчивъ, деспотиченъ,—онъ еще женихомъ уже хотѣлъ властвовать, огорчалъ невѣсту спорами, такъ что въ концѣ концовъ невѣста ему отказала, и онъ уже не бывалъ въ домѣ. Съ пріѣздомъ моимъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой примирить его съ невѣстой. Такъ какъ мы были съ ней въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ, то мнѣ удалось смягчить ее и отца и доставить ему примирительное свиданіе. Когда онъ пришелъ, то невѣста сидѣла не одна, а съ отцомъ, что вѣроятно было ему непріятно и тутъ же онъ снова, со своею рѣзкостью, при самомъ входѣ въ комнату, сказалъ: «это вѣроятно семейное совѣщаніе», что, конечно, произвело непріятное впечатлѣніе на дочь и отца, почему все и было испорчено. Затѣмъ онъ раскланялся и вышелъ, покончивъ тѣмъ съ невѣстой, которая вскорѣ и вышла замужъ за прежняго претендента. Онъ же пошелъ въ экспедицію 1845 года, такъ называемую Воронцовскую, и при штурмѣ высотъ на Андійскомъ хребтѣ, бросившись впередъ на завалъ, геройски палъ;—онъ уже былъ произведенъ въ офицеры.

Въ Ставрополѣ въ этотъ же разъ я съ наслажденіемъ пробылъ у нихъ недѣли двѣ,—незабвенныя въ моемъ воспоминаніи. Посѣщая часто семейство Лукьянченко, гдѣ жили мои сопутницы и мои искренніе друзья, однажды зашла рѣчь о нашемъ желаніи остаться

навсегда въ этомъ чудномъ краю, называемомъ Кавказомъ. Тогда Олимпіада Ивановна сказала: «вотъ они продаютъ свою землю подъ Ставрополемъ, въ 18 верстахъ отъ города, купите и поселитесь съ нами».—«Но вѣдь у насъ нѣтъ столько денегъ для покупки», отвѣчалъ я. Онъ же сказалъ: «я вамъ продамъ ее за 5,000 р., 400 десятинъ, и вы заплатите мнѣ 1,500 р., а остальные я буду ждать, когда вы будете въ состояніи отдать. Условіе очень легкое». Я сказалъ, что спишусь съ братомъ, но прежде надо взглянуть на имѣніе. Когда я, придя домой, разсказалъ объ этомъ Иларіону Ивановичу, онъ сказалъ: «о деньгахъ не заботьтесь, я вамъ сейчасъ выдамъ полторы тысячи, а затѣмъ и остальныя». Я отъ души поблагодарилъ его и конечно принялъ его предложеніе. Рѣшено было ѣхать взглянуть на имѣніе. На другой же день запрягли коляску, и мы въ четверомъ—я, Иларіонъ Ивановичъ и двое сыновей его, отправились. Не зная еще качества земли, побочныя выгоды имѣнія были несомнѣнны. Прекрасная быстрая рѣчка саженей въ пять шириной въ каменистыхъ берегахъ и руслѣ, гдѣ добывается камень для постройки и который былъ повсюду; нѣсколько тысячъ тутовыхъ деревьевъ для шелководства, масса известковаго камня,—вѣрный доходъ отъ извести для сбыта въ городъ, въ 18 верстахъ разстоянія; прекрасное мѣстоположеніе,—словомъ для фермерскаго хозяйства нельзя было желать ничего лучше; оставалось осмотрѣть пахатную землю, чего мы сдѣлать не могли, такъ какъ мнѣ необходимо было ѣхать обратно. Иларіонъ Ивановичъ взялся послать вѣрнаго и знакомаго человѣка и о результатѣ обѣщалъ увѣдомить насъ письмомъ.

Въ имѣніи этомъ земля оказалась каменистая и неудобная, и мечта не осуществилась. Въ то же время сестры писали намъ о своемъ проектѣ, купить продававшуюся землю въ Саратовской губерніи, чтобъ намъ жить вмѣстѣ съ ними.

Возвратившись въ полкъ, мы подали въ отставку и въ то же время въ отпускъ на 4 мѣсяца, а поэтому въ Воронцовскую экспедицію мы уже не попали. Пріѣхавши въ Науръ, начали распространяться слухи о неудачѣ экспедиціи. При насъ прискакалъ нарочный не изъ самаго отряда, но посланный, кажется, изъ Герцель-аула съ депешами. Онъ также ничего не зналъ кромѣ того, что движеніе отряда затруднено, но что Дарго взятъ. Отрядъ былъ окруженъ и только быстрое выступленіе начальника лѣваго фланга, генерала Фрейтага (о чемъ я упоминалъ въ 1-й части), спасло его. Вскорѣ мы возвратились въ Владикавказъ, куда привезено было тѣло убитаго нашего полковаго командира, Михаила Николаевича Бибикова.

Все населеніе провожало тѣло его въ могилу. Затѣмъ пріѣхалъ новый командиръ, баронъ Вревскій, нашъ добрый другъ. Онъ назначилъ меня завѣдующимъ школою кантонистовъ.

Такъ прошелъ 1845 годъ, послѣдній нашего пребыванія на Кавказѣ. Зиму 1846 года я провелъ въ деревнѣ у Олимпіады Ивановны. Зима та была на линіи необыкновенная; началась съ 1-го ноября и продолжалась до февраля. Мы поѣхали къ ней втроемъ—я, братъ и Густавъ Густавовичъ Аминовъ. Кучеръ нашъ или ямщикъ не зналъ дороги, но я, бывши передъ этимъ раза два въ ея деревнѣ, взялся указывать дорогу. Но съ моею памятью и неспособностью удерживать въ памяти урочища, потерялъ дорогу и мы проплутали болѣе часа; меня брала страшная злость на себя, мы ѣздили и туда, и сюда и, наконецъ, набрели на дорогу. Хозяйки были у сосѣдей верстъ за десять; входимъ въ прихожую и видимъ ее полную густымъ дымомъ, идемъ дальше, видимъ, что горитъ столъ, скатерть уже сгорѣла; мы позвали конечно сейчасъ же людей и потушили огонь. Кошки вздумали расправлять свои когти на скатерти диваннаго стола, стащили зажженную свѣчу, стоявшую на столѣ, которая и произвела бы полный пожаръ, если бы мы въ этотъ самый моментъ не подъѣхали.

На другой день Аминовъ, братъ и я уѣхали; мы поѣхали въ Ставрополь проститься съ Жуковыми и получить нѣкоторыя порученія отъ нихъ въ Россію. Изъ первой части моихъ воспоминаній читатель уже знакомъ съ нашими милыми хозяйками и потому пойметъ какой пріятный вечеръ мы провели между ними. Этотъ разъ мы пробыли въ Ставрополѣ нѣсколько пріятныхъ дней, но за то обратная наша поѣздка была очень трудна и мучительна. Въ началѣ февраля на Кавказѣ уже нѣтъ снѣга и когда мы выѣхали, то всюду уже лились потоки съ горъ; маленькіе ручьи стали рѣками, ѣзда была ужасная; наша телѣга то погружалась, то поднималась на камни, и къ довершенію бѣдствія, когда уже стало темнѣть, у насъ сломалась ось, и мы, подвязавъ какую-то палку, подвигались шагъ за шагомъ, идя возлѣ телѣги пѣшкомъ. Къ счастію нашему, недалеко была станица и мы тутъ исправили поврежденія, ночевали и утромъ пустились дальше. Пріѣхавши въ Владикавказъ, узнали, что отпускъ нашъ полученъ и мы стали собираться въ Россію, какъ тамъ говорятъ, хотя и Кавказъ—та же Россія.

Глава II.

Возвращеніе на родину.—Самара.

Простившись со всѣми своими милыми и добрыми кавказскими друзьями и взглянувши въ послѣдній разъ на величавый Казбекъ, мы усѣлись въ тарантасъ и отправились на родину. Путешествіе наше было довольно продолжительно, такъ какъ мы ѣхали большою почтовою дорогою по берегу Волги, отъ разлива которой часто дорога мѣстами была залита и намъ надо было объѣзжать на значительныя разстоянія. Были грозы, были ливни, иногда тоже задерживавшіе насъ, но все же мы подвигались къ вожделѣнной цѣли и, конечно, были въ самомъ пріятномъ настроеніи; послѣ 21 года ссылки, мысль о родныхъ, о свободѣ была очаровательна. Самара была мѣстомъ нашего пристанища, тамъ жила и имѣла свой домъ старшая сестра наша, Екатерина Петровна, слывшая въ петербургскомъ свѣтѣ за mademoiselle Blanche, и бывшая замужемъ за докторомъ Францемъ Петровичемъ Паулеромъ, но въ это время уже овдовѣвшая; съ нею жили двѣ другія сестры, уже пожилыя дѣвицы. Наканунѣ нашего пріѣзда была страшная буря, такъ что перевозу черезъ Волгу не было, но утромъ буря утихла и мы, наконецъ, съ нашимъ тарантасомъ перебрались на другую сторону, выйдя на Самарскую пристань Волги.

Былъ Троицынъ день 1846 года. Поднявшись на крутую гору и поворотивъ въ первую улицу, называющуюся Дубровой, и проѣхавъ первый двухъэтажный домъ, мы увидѣли, что насъ обогналъ на парѣ, въ линейкѣ, какой-то господинъ во фракѣ и круглой шляпѣ. Это былъ Иванъ Андреевичъ Котляревскій, который, раскланявшись съ нами, проѣхалъ впередъ. Мы были одѣты въ черкески въ папахахъ, и онъ, зная отъ сестеръ, что мы ѣдемъ къ нимъ въ отпускъ, тотчасъ узналъ насъ и поскакалъ извѣстить ихъ, что мы пріѣхали. На этой-же улицѣ былъ и домъ сестры. Предупрежденныя имъ, онѣ вышли на крыльцо, мы выскочили изъ тарантаса и заключены были въ тѣ горячія родственныя объятія, которыя провожали насъ слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, изъ Ершова въ Петербургъ, въ годъ катастрофы 14-го декабря 1825 г. Тогда сестры были прелестными юными дѣвицами, посреди ихъ была незабвенная, кроткая, нѣжнѣйшая мать; теперь передъ нами были пожилыя, но все еще очень красивыя женщины, а той, которая составляла нашу жизнь, наше счастіе—уже не было, но вѣрю, что изъ того надзвѣзднаго міра, жилища ду-

ховъ, и ея душа привѣтствовала возвращеніе дѣтей послѣ тяжелыхъ испытаній. Но какъ это былъ Троицынъ день и уже отблаговѣстили къ обѣдни, то, переодѣвшись въ свои военные сюртуки, всѣ на дрогахъ отправились къ обѣдни. Не говорю уже съ какимъ горячимъ чувствомъ благодарности къ милосердному Господу Богу—вознесли мы наши Ему молитвы. Вотъ Его Божественнымъ благимъ промысломъ, мы снова на родинѣ, среди дорогихъ сердцу родныхъ и въ тотъ самый моментъ, когда Духъ Святый сходилъ на апостоловъ и дѣйственно продолжаетъ сходить на всѣхъ возрожденныхъ вѣрою и любовію, жаждущихъ этого источника воды живой! Послѣ обѣдни, еще въ храмѣ, сестры представили насъ своимъ знакомымъ и друзьямъ, изъ которыхъ многіе въ этотъ же день посѣтили насъ.

Самара, еще тогда уѣздный городъ Симбирской губерніи, былъ торговый городъ съ пристанью, гдѣ грузилась пшеница Бѣлотурка въ количествѣ 5 милліоновъ пудовъ, былъ довольно красивъ и хотя расположенъ на лѣвомъ низменномъ берегу Волги, но стоялъ на горѣ, у подошвы которой протекала Волга. Онъ тогда имѣлъ не болѣе 3 церквей, гостинный дворъ и всѣ принадлежности большаго уѣзднаго города. Въ концѣ улицы, гдѣ жили сестры, былъ большой тѣнистый садъ по берегу Волги, гдѣ было публичное гуляніе, и устраивались на платформѣ танцы. Самарское общество того времени состояло изъ различныхъ служащихъ лицъ, но тутъ жили и многіе изъ мѣстнаго дворянства, а также многіе съемщики земель изъ образованнаго класса, занимавшихся коммерчески посѣвомъ пшеницы.

Много жило въ Самарѣ богатыхъ купцовъ, закупавшихъ пшеницу и отправлявшихъ ее на судахъ по Волгѣ;—на пристани былъ цѣлый городъ амбаровъ, до верху засыпанныхъ. Тутъ, какъ всегда и къ несчастію вездѣ на Руси, были безчисленныя злоупотребленія прикащиковъ богатыхъ фирмъ, иногда въ вопіющихъ размѣрахъ обмѣривавшихъ бѣдныхъ труженниковъ, привозившихъ на продажу пшеницу. Стачки между торговцами, перехватывающими подводы далеко за городомъ и понижавшими цѣну до невозможности, были дѣломъ обычнымъ: это былъ цѣлый заговоръ противъ бѣдняковъ, кровавымъ потомъ добывавшихъ себѣ хлѣбъ и обогащавшихъ колоссальными капиталами своихъ притѣснителей.

Что касается общества или такъ называемой интеллигенціи, то я долженъ сказать, что Самара того времени могла гордиться имъ, такъ много было въ немъ прекраснаго. Тутъ не было ни сплетень, столь обыкновенныхъ въ уѣздныхъ городахъ, ни враждебныхъ отношеній, ни зависти, ни пересудовъ; всѣ жили мирно, веселились въ простотѣ сердца, не пытались представлять изъ себя дурныхъ копій

съ губернскихъ или столичныхъ, а на самомъ-же дѣлѣ все же французскихъ оригиналовъ, но жили самостоятельною жизнью истинно образованныхъ людей.

Какъ самый выдающійся по многочисленному семейству и своему положенію былъ домъ управляющаго удѣльнымъ Самарскимъ округомъ, Н. А. Набокова, состоявшій изъ 10 человѣкъ дѣтей. Самъ онъ былъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, большой оригиналъ, всегда тяжело вздыхавшій, считавшій часы въ безсонницѣ и по виду казавшійся всегда огорченнымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ самый счастливый человѣкъ. За картами по вечерамъ вздохи его прекращались, и онъ становился веселымъ и любезнымъ. Жена его, Анна Александровна Набокова, урожденная Назимова, была женщина большого ума, очень образованная, начитанная и съ твердымъ характеромъ. Она истинно была душой семьи. Всѣ дѣти любили ее до обожанія. Главною ея заботой было воспитаніе дѣтей, для чего она не щадила ничего. Два старшихъ сына ея были въ школѣ правовѣдѣнія, старшій тамъ не кончилъ, бывъ исключенъ за дерзость передъ инспекторомъ, котораго онъ въ какомъ-то самозабвеніи схватилъ за воротъ. Чтобы спасти его отъ лямки, добрѣйшій принцъ Ольденбургскій представилъ его сумашедшимъ, посадилъ въ сумашедшій домъ, въ особенную впрочемъ комнату, гдѣ онъ пробылъ мѣсяцъ, а потомъ исключилъ его изъ школы. Эта буйная головушка, пріѣхавъ домой, сталъ проситься у матери на Кавказъ, но она объявила ему, чтобъ онъ шелъ въ университетъ и окончилъ курсъ и тогда только она дастъ ему свободу избрать свою карьеру. Ея слова были закономъ и онъ вступилъ въ Казанскій университетъ, кончилъ кандидатомъ и потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, былъ товарищемъ предсѣдателя уголовнаго суда въ Симбирскѣ.

Второй братъ кончилъ курсъ въ правовѣдѣніи и въ пріѣздъ нашъ былъ товарищемъ предсѣдателя, кажется, гражданскаго суда когда старшій былъ еще студентомъ. Оба они въ то время были въ Самарѣ. Оба были умные и образованные молодые люди. Старшій былъ пылокъ, неукротимъ въ порывахъ страсти, рѣзокъ и дикъ. Второй же былъ кротокъ, скроменъ, деликатенъ и съ чрезвычайно мягкими и пріятными манерами въ обращеніи и былъ любимцемъ прекраснаго пола. Старшій особенно привязался къ намъ, какъ декабристамъ. Почти каждый вечеръ проводилъ у насъ въ нашемъ семейномъ кругу. Сестры его очень любили. Кажется, онъ былъ и любимцемъ матери; выдающійся умъ, смѣлость, а иногда и рѣзкость его сужденій дѣйствительно дѣлали его интереснымъ и привлекательнымъ. Оба они были хороши собой, но красота ихъ была

разнохарактерна и носила на себѣ печать всей ихъ послѣдующей жизни. На первомъ видны были тѣ грядущіе порывы бурь и страстей, которые впослѣдствіи и погубили его; а на второмъ, напротивъ, трезвое, спокойное и тихое самообладаніе труженика дѣла и долга. Въ то же время съ Кавказа пріѣхалъ братъ Анны Александровны, нашъ товарищъ по Кавказу и декабристъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ.

Самъ отецъ Набоковъ былъ моимъ товарищемъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ которомъ онъ былъ баталіоннымъ адъютантомъ, когда я только что поступилъ въ экипажъ. Мы тогда еще были съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, потомъ онъ перешелъ въ гвардейскій Московскій полкъ, а когда онъ женился и вышелъ въ отставку, мы съ нимъ были въ перепискѣ. Такимъ образомъ въ этомъ домѣ мы жили и прошедшею, и настоящею жизнью. По вечерамъ занимались музыкой и пѣніемъ среди дружескаго и самаго пріятнаго общества. Мы привезли съ Кавказа пѣсню: «Ноченька моя, ночька темная», съ прекраснымъ мотивомъ, которая сдѣлалась любимой пѣсней Анны Александровны.

И такъ, покончивъ, повидимому, наши странствованія, мы на родинѣ нашли столько любви, радости, счастія, что если положить на вѣсы всѣ тяжелыя минуты пережитаго и съ горечью перечувствованнаго, то настоящее счастіе наше много перетянуло бы вѣсы на свою сторону. Я долѣе остановился на этомъ родственномъ дружескомъ домѣ потому, во 1-хъ, что мать этого семейства, А. А., удостоивала меня особенною симпатичною дружбою. Любовь къ намъ ея пылкаго сына первенца, котораго она страстно любила, еще болѣе связывала насъ. Мы перечитывали съ ней его письма изъ Казани, всегда откровенныя и полныя горячей любви къ идеальной матери, до безконечности любящей и нѣжной, но въ то же время твердой и строгой. Разбирали его характеръ, стремленія, разгадывая его будущее, но, къ несчастью, эта чудная мать была недолговѣчна, и вскорѣ скончалась отъ болѣзни спиннаго мозга, унося благословеніе мужа, всѣхъ дѣтей, друзей и всѣхъ знавшихъ эту благородную и добродѣтельную женщину.

Ближайшій сосѣдъ и другъ нашей семьи былъ И. А. Котляревскій, жившій вдвоемъ съ единственною дочерью-красавицею, Ольгой Ивановной. Сестры наши очень любили ее, равно и она ихъ, а потому мы часто видились. Она была превосходная музыкантша и прекрасно пѣла. Умъ, прекрасное воспитаніе, серьозная образованность и сверхъ того красота дѣлали ее очаровательною. Большіе черные глаза, осѣненные длинными рѣсницами, въ которыхъ свѣ-

тился умъ и глубокое чувство. Черные, какъ смоль густые волосы, правильныя греческаго типа черты, все плѣняло въ ней, не смотря на ея маленькій ростъ; такъ что общество ея и ея благороднѣйшаго отца стало для насъ какою-то необходимостью. Къ несчастью, это чудное созданіе, имѣвшее въ себѣ все, что могло бы осчастливить того, кто-бы обладалъ имъ, носило въ себѣ зачатки злѣйшей чахотки, отъ которой вскорѣ она и умерла. При насъ еще болѣзнь стала усиливаться и съ грустью вспоминаю, какъ она однажды сказала: «зачѣмъ мнѣ не 25 и не 26 лѣтъ—тогда я могла-бы еще жить, а можетъ быть и выздоровѣть». Ей еще не было 25 лѣтъ. Съ какимъ наслажденіемъ мы слушали ея мастерскую игру на фортепіано,—пѣніе въ это время ей уже было запрещено. Вотъ рѣдкое молодое существо, сознававшее и говорившее безъ страха о своей страшной болѣзни, которая такъ часто обманываетъ обыкновенныхъ смертныхъ. Послѣ ея смерти отецъ ея переѣхалъ въ Симбирскъ и тамъ женился. Сынъ его, Андрей Ивановичъ Котляревскій, вышелъ изъ правовѣдѣнія, какъ помнится, уже послѣ ея смерти, а она такъ часто мечтала о томъ времени, когда они будутъ жить вмѣстѣ съ братомъ, котораго она страстно любила.

Послѣ этого дома изъ дружескихъ домовъ сестеръ былъ домъ Н., котораго красой была его прелестная жена, Елизавета Андреевна. Вотъ опять можетъ быть кто-нибудь замѣтитъ, что я въ своихъ воспоминаніяхъ всѣхъ хвалю или идеализирую и что дурныхъ у меня нѣтъ, но это можетъ быть потому, что дурное и дурные могли указать на меня самаго можетъ быть гораздо худшаго дурныхъ, а такъ какъ всѣ мы внутренно имѣемъ свое не хорошее, то зачѣмъ описывать дурное? Прекрасное-же, возвышенное, изящное, встрѣченное мною на пути жизни, всегда производило на меня сильное и пріятное впечатлѣніе и потому оставалось живымъ въ моей памяти. И такъ, душа дома и семейства А. А. Н. и его краса была его жена и не только дома, но и всякаго изящнаго общества. Прекрасно воспитанная, граціозная, прекрасная собой, въ которой доброта, кротость и нѣжность отражались во всѣхъ правильныхъ, тонкихъ и милыхъ чертахъ. Доброта и нѣжность ея сердца были таковы, что она никогда не сердилась, но только огорчалась, и это правда безъ преувеличенія. Съ пріѣздомъ нашимъ она тотчасъ же посѣтила сестеръ, съ которыми была очень дружна, и вотъ впечатлѣніе, какое она произвела и которое сохранилось въ теченіи всего нашего многолѣтняго знакомства. Впослѣдствіи, когда мы уже оставили Самару, она лишилась мужа, который не шелъ съ нею въ сравненіе, хотя былъ ловкій и вполнѣ приличный господинъ, а потомъ единственной дочери, страстно

любимой. Домъ ихъ былъ самый гостепріимный и радушный и у нихъ всегда было много гостей, угощаемыхъ даже до роскоши.

Изъ хорошихъ и близкихъ знакомыхъ сестеръ было семейство С. Онъ былъ начальникомъ инвалидной роты; жена его была нѣмка, у нихъ было двѣ дочери, изъ коихъ одна была нехороша собой, но очень пріятно пѣла; это была ученица моей сестры, сообщившей ей въ пѣніи очень хорошую методу. Другая была хороша собой, прелестная стройная блондинка. Обѣ были хорошо воспитаны и младшая, кромѣ того, была прекрасная музыкантша. Она хотя и не была объявленной невѣстой одного молодого человѣка, служившаго въ удѣльной конторѣ, къ которому она была равнодушна. Съ нашимъ пріѣздомъ она стала показывать явное предпочтеніе брату моему, который тоже увлекся ею и готовъ былъ сдѣлать ей предложеніе. Но тутъ вполнѣ выразилась высокая честность, благородство и—скажу даже—великодушіе нашихъ сестеръ. Онѣ знали, что намѣченный женихъ ея былъ страстно влюбленъ въ нее и даже до такой степени, что еслибъ братъ мой воспользовался ея предпочтеніемъ, то онъ могъ бы застрѣлиться, о чемъ уже и ходили слухи. Сестры же наши, не смотря на любовь къ брату, самую нѣжную и даже самоотверженную, съ твердостью возстали противъ этого, объявивъ ему прямо, что это было не честно, и сильно отсовѣтывали ему взять на свою совѣсть несчастіе человѣка. Онъ внялъ этимъ совѣтамъ и не смотря, что сердце его обливалось кровью, отказался отъ счастія обладать существомъ, полюбившимъ его, и это при пламенной и крѣпкой любви его къ ней. Онъ уѣхалъ, а она вышла за своего прежняго жениха. Я ихъ видѣлъ въ С., когда онъ уже былъ управляющимъ удѣльной конторы. Это былъ человѣкъ очень образованный, съ честными правилами; онъ кончилъ воспитаніе въ Харьковскомъ университетѣ; былъ уменъ, хорошъ собой. Она имѣла дѣтей и повидимому была счастлива, да я думаю, что и не могло быть иначе съ такимъ человѣкомъ, какимъ я зналъ А. Ф. Б. Жена его, слабость моего брата, вскорѣ умерла чахоткой. Теперь уже многихъ изъ дѣйствовавшихъ въ этой драмѣ лицъ нѣтъ въ живыхъ, но этотъ поступокъ моего благороднаго брата глубоко врѣзался въ моей памяти. Потомъ и онъ женился, но болѣе потому, что и будущая его жена также влюбилась въ него. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпизодѣ первой любви играло видную роль наше политическое положеніе, какъ декабристовъ, возвратившихся изъ Сибири черезъ Кавказъ, что для юной, прелестной, романической дѣвушки все же имѣло нѣкоторое обаяніе.

Въ Самарѣ по зимамъ жили многіе богатые помѣщики, въ томъ числѣ и два брата П., одинъ холостякъ, очень умный человѣкъ,

отставной гусаръ; другой, бывшій предводитель дворянства, семейный человѣкъ. Потомъ Дмитрій Александровичъ Семеновъ, жившій по другую сторону улицы, нашъ пріятель, у котораго мы съ братомъ гащивали въ его деревнѣ, въ 50 верстахъ отъ Самары, и объѣдались малиной со сливками. Онъ служилъ въ конныхъ піонерахъ, былъ славный, веселый, пылкій малый съ благороднѣйшими правилами. Онъ былъ тогда еще холостякомъ и влюбленнымъ въ дочь самарскаго полиціймейстера. Отецъ ея былъ отставной гусаръ, еще служившій въ 1812 году, съ прямымъ благороднѣйшимъ характеромъ, всегда веселый, радушный, гостепріимный и, надо прибавить, строгой честности, всѣми уважаемый человѣкъ. Онъ былъ вдовецъ и у него было двѣ дочери, очень хорошенькія и милыя, старшая-то и была предметомъ Дм. Ал. Семенова, но досталась не ему, а начальнику Самарской пристани, капитану инженеровъ путей сообщенія, А. И. Г. Младшая, лѣтъ 16, была очень мила и граціозна, особенно когда танцовала качучу съ кастаньетами—тутъ она приводила въ восторгъ. Это было тоже милое и пріятное семейство, и мы съ братомъ часто ихъ посѣщали, всегда встрѣчаемые самымъ задушевнымъ радушіемъ. Утромъ тотчасъ же являлась водка съ закуской и непремѣнно съ малороссійскимъ саломъ, которое онъ очень любилъ, какъ добрый хохолъ. Потомъ, когда уже насъ не было въ Самарѣ, отецъ переведенъ былъ въ Симбирскъ и мы уже не видались. Много времени спустя, я встрѣтилъ меньшую въ Сызранѣ и, кажется, какъ помнится, она не была счастлива въ замужествѣ, каковое счастіе съ нынѣшними нравами уже рѣдко дается.

Еще въ Самарѣ тогда жило семейство Х. Самъ Г. Х. былъ отставнымъ гусаромъ, жена его, Елизавета Николаевна, была прелестная молодая дама, принадлежавшая по роду и воспитанію къ высшему кругу. Они были очень богаты, и домъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, гдѣ бывали танцовальные вечера. Помню также, какъ я любовался, когда во французской кадрили самъ Х. танцовалъ, и не такъ, какъ уже было принято танцовать по образу пѣшаго хожденія, а выдѣлывая всѣ па прежней кадрили. Онъ это дѣлалъ для фарса, но такъ мило, такъ красиво, что можно было пожалѣть, что измѣнили этотъ танецъ съ его прежними граціозными па. Впрочемъ и въ нынѣшнемъ хожденіи требуется много ловкости и красоты въ движеніяхъ, легкости и граціи, и тогда только этотъ танецъ пріятно и танцовать и пріятно смотрѣть на танцующихъ.

Жили также въ Самарѣ самарскія помѣщицы двѣ дѣвицы Д., хорошо воспитанныя и очень милыя. Старшая, Надежда Андреевна,

была цвѣтущая здоровьемъ дѣвушка и очень хорошенькая. Меньшая была болѣзненна, но также умна и мила. Онѣ пополняли кружокъ милаго тогдашняго общества Самары. Вотъ то милое самарское общество, пріютившее насъ изгнанниковъ.

Въ Самарѣ часто составлялись веселые пикники. Для этого нанимали большую волжскую лодку съ гребцами, брали съ собой различныя вкусныя яства: пироги, шоколадъ, чай, кофе, отправлялись на какой нибудь островъ и располагались гдѣ нибудь въ живописной мѣстности у пчельника. Пока старшіе готовили все для ѣды, охотники удить рыбу располагались по берегу съ удочками, а все остальное общество, состоявшее изъ сонма молодыхъ и, надо прибавить, прелестныхъ дѣвицъ и молодыхъ людей, уходило гулять по лѣсу. Въ этихъ лѣсныхъ прогулкахъ часто встрѣчались большія препятствія въ крутыхъ оврагахъ, или въ поваленныхъ деревьяхъ, и тутъ наступало для молодыхъ людей самое пріятное наслажденіе спускать, поддерживать и вообще оказывать различныя услуги, даже съ рискомъ сломать себѣ шею, милымъ спутницамъ. Прелестныя эти спутницы съ пылающими отъ волненія, усталости, опасныхъ переходовъ лицами были еще прелестнѣе. Какъ пріятны были эти гулянія!

Ольга Ивановна очень любила эти загородныя прогулки по дикимъ мѣстамъ, еще не тронутымъ въ красѣ своей природы, которую она страстно любила; все существо ея дышало жизнью, жаждало жизни и ея удовольствій, а потому и она не отставала отъ своихъ подругъ, но какъ страшный недугъ уже вселился въ нее и уже у нея не было тѣхъ силъ, какія имѣли другія съ цвѣтущимъ здоровьемъ, то мы съ братомъ, какъ ближайшіе изъ знакомыхъ, при обратномъ шествіи къ стану, обыкновенно сажали ее, изнемогавшую отъ усталости, на сцѣпленныя наши руки и такимъ образомъ приносили на мѣсто. Возвращались домой, обыкновенно, съ пѣніемъ и какъ всѣ дѣвицы самарскія того времени были хорошія, а нѣкоторыя и очень даже хорошія пѣвицы, то пѣніе выходило очень стройное и всѣ эти нѣжные милые голоса стройной гармоніей далеко разносились по Волгѣ и по окрестнымъ лѣсамъ. Иногда случалось возвращаться въ лунную ночь, тогда очарованіе было полное.

Въ то же лѣто случилось со мной происшествіе, котораго я никогда не забуду и не долженъ забыть, а всегда помнить и благодарить Бога за Его безконечное милосердіе ко мнѣ грѣшному. Мы съ братомъ имѣли обыкновеніе по утрамъ ходить купаться на Волгу, раздѣваясь обыкновенно на плотахъ, пригнанныхъ съ верховьевъ Волги. Плоты эти стояли у берега привязанные канатами, а одинъ канатъ

привязывался, сверхъ того, къ дальнему концу плота, чтобы быстротой теченія его не заворачивало. Наканунѣ дня св. Ольги, 10-го іюля, мы тоже купались и плавали; братъ поплылъ прежде къ дальней сторонѣ плота, и я тоже располагалъ плыть туда же, но братъ, видя мое направленіе и зная, что я плаваю хуже его, закричалъ мнѣ: «не плыви лучше туда, тамъ очень быстро»; я послушался и направился къ ближней сторонѣ плота и когда хотѣлъ взлѣсть на него, руки мои поскользнулись, оборвались, и я погрузился въ глубину; меня ту же минуту затянуло подъ плотъ и погибель моя, казалось, была рѣшена. Я уже захлебнулся, и еще погружаясь подумалъ: вотъ какъ люди тонутъ, но произнесъ мысленно молитву: Господи Іисусе Христе, прости мои согрѣшенія,—какъ въ этотъ самый моментъ какая-то сила выбрасываетъ меня обратно въ ту сторону, откуда упалъ, и противъ быстраго теченія выбрасываетъ меня изъ-подъ плота, я уже почти безъ сознанія, по инстинкту самосохраненія, барахтаясь руками, схватился за переплетъ, связывающій бревна древесными вѣтвями лозы, и уже судорожно зацѣпился за нее. Тутъ подбѣжалъ по плоту братъ съ мальчикомъ и вытащили меня. Придя домой и заставъ сестеръ за кофе, поджидающихъ насъ, мы разсказали, что̀ случилось и какъ чудесно милосердіе Божіе спасло меня. Конечно, я тотчасъ отслужилъ благодарственный молебенъ Господу и не перестаю воспоминать въ молитвѣ это чудо и прославлять Господа.

Въ тотъ же вечеръ, сидя въ саду за чаемъ, слышимъ на дворѣ конскій топотъ, затѣмъ входитъ человѣкъ отъ Е. Н. Хар., подаетъ газету и мы читаемъ, что получили отставку. Еслибъ я утонулъ—какъ бы много это чтеніе усугубило печаль добрыхъ, самоотверженныхъ сестеръ!

Чтобъ не быть праздными, мы съ братомъ стали также скупать пшеницу, чтобы при повышеніи цѣны продавать съ барышемъ. Конечно, это было маленькое дѣло, но все же дѣло. Но вотъ приходитъ первый еще тогда пароходъ Волги, перваго пароходнаго общества по Волгѣ; мы рѣшились покончить эту операцію и устремили всѣ свои мысли на пароходное дѣло. Мы съ братомъ, когда еще плыли по Волгѣ въ Астрахань и на Кавказъ, мечтали какъ бы устроить на Волгѣ какое нибудь усовершенствованное судно, могшее замѣнить неуклюжую первобытную разшиву. Когда пришелъ пароходъ и на немъ главный инженеръ и управляющій пароходнымъ обществомъ г. Ренхенъ, мы, конечно, тотчасъ познакомились съ нимъ и всѣ бесѣды наши были посвящены нашей идеѣ. Для правильности движенія грузовъ никакое парусное судно не могло удовлетворять потребностямъ торговли по

уклончивости теченія и потому мы придумывали какое-бы судно можно было устроить для этого. Г. Ренхенъ подалъ намъ мысль устроить грузовое судно-пароходъ, которое бы при паровомъ двигателѣ вмѣщало бы и грузъ. Такъ какъ онъ познакомился со всѣмъ самарскимъ обществомъ, то объ этомъ нашемъ предпріятіи пошли толки во всѣхъ домахъ и наконецъ вызвались желающіе составить товарищество, къ нимъ присоединились другіе, но рѣшались они на это съ тѣмъ, что бы кто нибудь изъ насъ, братьевъ Бѣляевыхъ, взялся за дѣло устройства всего предпріятія и его веденія.

Я до сихъ поръ не могу себѣ разрѣшить загадки: какимъ образомъ люди, знавшіе насъ какой нибудь мѣсяцъ, могли возъимѣть и оказать такое довѣріе людямъ, которыхъ вся заслуга и все счастіе состояло въ томъ, что они просидѣли въ тюрьмѣ семь лѣтъ, на поселеніи въ Сибири семь лѣтъ и на Кавказѣ семь лѣтъ. Правда, всѣ знали, что мы были когда-то моряками, но это въ юности и этому прошло больше 20 лѣтъ. Это, дѣйствительно, загадка, которая однакожъ разрѣшилась фактомъ. Самарскіе богатые люди начали складчину, набрали капитала, кажется, до 30,000 руб. съ надеждой, что еще можно будетъ набрать охотниковъ: г. Ренхенъ брался тотчасъ выписать изъ Ротердама планъ судну-пароходу, получилъ нужные задатки, прокатилъ все самарское общество и отплылъ. Главное общество пароходства по Волгѣ устроило около Рыбинска родъ верфи, мастерскія, машины, и тамъ-то онъ предложилъ строить и намъ пароходъ, но когда пришелъ планъ изъ Ротердама, то тамошніе инженеры, а также и Ренхенъ и мы съ братомъ поняли и убѣдились, что такого рода судно будетъ неудобно потому, что пшеница будетъ страшно нагрѣваться отъ котла и необходимо было обратиться къ обыкновенному буксирному пароходу небольшой силы лошадей въ 80 и одного верхняго давленія, что соотвѣтственно небольшому капиталу. Итакъ, выписали планъ буксирнаго парохода. Начавъ уже дѣло такъ неожиданно и такъ необыкновенно, мы, для усиленія средствъ, написали ко многимъ нашимъ прежнимъ знакомымъ, хотя это и была дерзость съ нашей стороны. Мы только что возвратились изъ ссылки, кто насъ могъ знать теперь, исчезнувшихъ 20 лѣтъ назадъ? Кто рѣшится отправить къ намъ свои кровныя деньги на какое-то пароходное предпріятіе? тогда и пароходы заграничные едва были знакомы русскимъ. И что-же, какой отвѣтъ, какой отпоръ получила эта дерзость? Г. Нестеровъ, съ которымъ познакомились только на Кавказѣ,—онъ былъ и начальникомъ Владикавказскаго округа,—посылаетъ 5,000 руб., В. В. Недоброво посылаетъ 5,000 р.,

князь Юрій С. Хованскій даетъ 10,000 или 15,000 р. и еще нѣкоторые по 1,000 и по 2,000 р. Такъ что капиталъ составился значительный и дѣло пошло въ ходъ. Ожидали новаго плана и паровой машины высокаго давленія, которая была выписана сначала, но теперь къ ней прибавили и низкаго давленія, такъ что полная машина была въ 160 силъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА

хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

II [1]).

№ 2365. Въ четверку синеватой бумаги, въ переплетѣ. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣта: «въ сей книжкѣ номерованныхъ и писанныхъ листовъ шестьдесятъ девять». Красными чернилами перемѣчено 68 листовъ, такъ какъ заглавный листъ красными чернилами не занумерованъ. Черная нумерація въ свою очередь пропустила одинъ листъ (послѣ 59), кромѣ того еще одинъ листъ въ концѣ остался совсѣмъ безъ нумера; такимъ образомъ всѣхъ листовъ—71.

1_1, заглавный: Кавказскій Плѣнникъ. Поэма. Затѣмъ идутъ извѣстные эпиграфы изъ Pindemonte и изъ Goethe.

1_2—неписанная страница.

2_1-2_2, «Н. Н. Раевскому» — извѣстное посвященіе (I. 313), въ редакціи, отличающейся отъ печатнаго текста, какъ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными варіантами, такъ и расположеніемъ частей, отдѣленныхъ при этомъ черточками.

Я близъ тебя еще спокойство находилъ
Ты сердце зналъ мое; другъ друга мы любили.

и т. д., еще двѣ строчки, какъ напечатано, затѣмъ:

Забуду-ли, мой другъ, Кавказскія вершины

и т. д., до:

Тается въ тишинѣ глухой?

Въ степяхъ Молдавіи, въ печальны дни разлуки...

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436, мартъ, стр. 647—662.

Три стиха: Тамъ пасмурный Бешту и т. д. переставлены раньше, за стихомъ: таится въ тишинѣ глухой.

Затѣмъ варіантъ:

Мечты знакомыя, сердечныя страданья...

Конецъ такъ:

Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ
Добыча клеветы, завистливыхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
Мой духъ не унывалъ, и счастіе друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

Начиная съ листа 3_1 и до 18_1 идетъ чисто переписанная самая поэма Кавказскій плѣнникъ, съ поправками, иногда неоконченными, и съ нѣкоторыми варіантами. Первоначально вся поэма была написана безо всякихъ раздѣленій, потомъо на была разбита Пушкинымъ на отдѣлы съ римскими цифрами, а потомъ ужъ онъ раздѣлилъ ее на двѣ части, какъ и напечаталъ. Въ поэмѣ тутъ нѣтъ еще нѣкоторыхъ мѣстъ, вставленныхъ потомъ. На незначительныхъ варіантахъ, согласно нашему правилу для текста, напечатаннаго при жизни Пушкина, мы не останавливаемся, а заимствуемъ мѣсто, выпущенное Пушкинымъ изъ окончательной редакціи поэмы и въ измѣненномъ видѣ внесенное въ Эпилогъ: Послѣ описанія Баирана (I. 324—5).

Бывало въ свѣтлый Баиранъ и т. д.
. . . . . .
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

въ рукописи (листъ 10_1) слѣдуетъ мѣсто, зачеркнутое Пушкинымъ:

Когда черкесы молодые
Съ ковшами полными въ рукахъ
Пируютъ, сидя на коврахъ,
Онъ внемлетъ гимны боевые.
Они поютъ (своихъ [1]) князей,
Поютъ измѣну, поединокъ
И смертный сонъ богатырей
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ,
Они поютъ ужасный часъ,
Когда съ побѣдою кровавой
На негодующій Кавказъ
Орелъ подъялся двуглавый,
Когда па Терекѣ родномъ...

и т. д.

---

[1]) Неоконченная поправка: вмѣсто своихъ—войны.

Тебя клянутъ они, Герой...

до конца:

Смирись Кавказъ! Идетъ Ермоловъ! (I. 336).

. . . . . [1])

XIV.

Но скученъ миръ однообразный и т. д. (I. 325).

13_1. Рядомъ съ словами плѣнника: «Ты видишь слѣдъ любви несчастной» и пр., съ боку набросано «Я пережилъ мои желанья» безъ концовъ строчекъ, въ такомъ видѣ:

Я пережилъ мои желанья
Я р...
Остались мнѣ одни страданья
Плоды ду...
Безмолв ж...
Вл...
Жи...
И...

Набросокъ первоначальной редакціи, см. I. 312 и 511.

На листѣ 18_1, въ концѣ поэмы извѣстная помѣта: 20 [2]) февраля 1821 Каменка.

18_2. Когда съ веселою семьей..... изъ первой части Кавказскаго плѣнника (I. 324).

19_1—20_1. Примѣчанія къ поэмѣ; на листѣ 20_1 кромѣ того стихи:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ [сидѣлъ]
Подъ буркой съ гибельнымъ арканомъ...

Тутъ-же рисунокъ: голова.

20_2. Черновой набросокъ къ Эпилогу поэмы:

Все жертва пламенной войны
Все русскому мечу подвластно

и т д., до:

Ни дикой вольности любовь...

Затѣмъ идетъ нѣсколько исчерканныхъ неразборчивыхъ строкъ, представляющихъ первоначальную редакцію заключительныхъ стиховъ Эпилога:

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Цифра 20 невполнѣ ясна и можетъ быть прочитана 23.

Смирились вы,—умолкли брани
И тамъ гдѣ... лани
За вами пробѣгать могли,
[Князья] заоблачной державы,
[Тамъ] мы при кликахъ громкой славы
Знамена наши провели.

Тутъ-же рисунокъ: черкесъ и черкесское оружіе.

21_1 и 22_2.

На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль ухватя рогатый пень и пр. I. 323.
... У стѣнъ Парижа нашъ бивакъ...

Рисунки: Плывущій пень, обвѣшанный оружіемъ, а на берегу казачій пикетъ.—Двѣ головы.

22_1 и 22_2. Эпилогъ поэмы, неконченный. «Одесса 1821, 15 мая». Рисунки: лица, одно изъ нихъ въ маскѣ; туловище и ноги, во фракѣ.

23_1. Черновой набросокъ:

Примите новую тетрадь...

I. 514.—Впервые сообщенъ г. Анненковымъ, но съ ошибками. Предпослѣдніе три стиха въ подлинникѣ читаются такъ:

Который, ввѣкъ [1]) не зная цѣли,
Усердно [2]) такъ тяжелъ и грубъ
И ровно кажды [3]) двѣ недѣли...

Во второмъ стихѣ второй строфы слово «мечты» вставлено самимъ г. Анненковымъ для пополненія недостающей риѳмы, чего онъ не указалъ. Затѣмъ г. Анненковъ не привелъ конца второй строфы, который читается такъ:

... Отъ взоровъ зависти косой.
Картины, (вымыслы), разсказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы
Въ Архивахъ ада отыскалъ.

Рисунокъ: голова въ чепцѣ.

23_2. Неразборчивый чернякъ, повидимому изъ Кавказскаго плѣнника, мѣсто, соотвѣтствующее концу 331-й стран., и пѣсня въ первоначальномъ наброскѣ.

24_1. Чернякъ Черкесской пѣсни (I. 332) съ варіантами.

---

[1]) У г. Анненкова: вретъ.
[2]) Тамъ же: который.
[3]) Тамъ-же: каждыхъ.

24_2. Христосъ воскресъ, моя Ревекка, (I. 519) набросокъ съ варіантами; конецъ:

И то готовъ тебѣ вручить и пр.

25_1 и 25_2. Черновая: Желаніе (I. 309). Текстъ значительно отличается отъ печатнаго. Послѣдней строфы нѣтъ, а предпослѣдняя, напр., кончается такъ:

И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, любови и разлуки,
Найдешь-ли вновь утраченные звуки:

Рисунки: лица, фигуры, ножки.

26_1. Черновой набросокъ, исчерканный и неразборчивый, относящійся, можетъ быть, къ предыдущему-же стихотворенію. Начало:

Когда луны сіяетъ ликъ двурогій
И лучъ ея во мракѣ серебритъ утесъ...

Рисунки: лица и обнаженная женская фигура.

26_2.

Тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый...

(VII. 181). Сообщившій этотъ отрывокъ г. Бартеневъ не объяснилъ, что онъ въ рукописи заключаетъ не три, а пять стиховъ, изъ которыхъ во второмъ, неподдающемся чтенію, можно разобрать только рѣмующее слово: властелинъ, а пятый лишь начатъ: (И злой черкесъ)... Затѣмъ на этой-же страницѣ, пониже, нѣсколько черновыхъ стиховъ изъ посланія къ Чаадаеву (I. 340):

... Высокая душа и просвѣщенный умъ...
... Тебѣ, хранителю моихъ душевныхъ силъ,
Тебѣ, которому давно я посвятилъ
И чувства чистыя, спасенныя тобою...

Рисунки: двѣ головы.

27_1—29_1. Черновая того-же посланія къ Чаадаеву съ самаго начала; варіанты, поправки. На 28_1 съ боку набросана часть программы эпической поэмы: «с..... д... призываетъ Г.....а, открываетъ ему свою любовь и производитъ въ сводники. (Г.....ъ влюбленъ). С..... и Марія».

Рисунки: человѣческія головы и фигуры.

29_2. Черновая съ позднѣйшими поправками:

Плещутъ волны Флегетона

(Прозерпина, I. 417). Окончаніе приписано съ боку на слѣдующей страницѣ, при чемъ въ послѣднихъ стихахъ записаны лишь начальныя слова.

Рисунки: лица.

30₁.

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылкою Аи
Сидятъ Раевскіе мои.
Когда вездѣ и пр. [1]).
... Про Кишиневъ и про себя.
На этихъ дняхъ (среди) собора
Митрополитъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ, невзначай
Велѣлъ жить долго всей Россіи.

Затѣмъ въ рукописи слѣдующія двѣ строчки отмѣчены съ боку синимъ карандашемъ [2]), а потомъ совершенно зачеркнуты кѣмъ-то [вѣрнѣе, замазаны]. См. I. 58.

30₂. Продолженіе того-же:

Я сталъ умепъ... и лицемѣрю,
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ Государь мои стихи.
Говѣетъ Инзовъ...

и пр., какъ напечатано:

... Да на сушеные грибы...

Затѣмъ онять строчекъ десять, отмѣченныя синимъ карандашемъ, кѣмъ-то совершенно зачеркнуты, а потомъ можно разобрать [3]):

Но я молюсь и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатанѣ...
А все невольно вспоминаю
Давыдовъ о твоемъ винѣ.

31₁.

Вотъ эвхаристія (другая),
Когда и ты, и милый братъ
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,

---

[1]) Я привелъ цѣликомъ начало этого посланія къ В. Л. Давыдову потому, что г. Анненковъ привелъ въ немъ стихи не въ настоящемъ порядкѣ и не разобралъ одного слова (I. 518).

[2]) Отмѣтки синимъ карандашемъ въ Пушкинскихъ тетрадяхъ, повидимому, вообще принадлежатъ г. Анненкову.

[3]) По словамъ г. Анненкова это мѣсто уже не представляетъ никакой возможности для разбора (Пушкинъ въ Александр. эпоху, стр. 184).

Спасенья чашу наполняли
Безпѣдной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали.

Нѣсколько неразборчивыхъ строкъ, а подъ конецъ одинъ стихъ удобочитаемъ:

И я скажу: Христосъ воскресъ!

Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едвали тамъ воскреснетъ
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ [1]).

31_2—33_2. Къ моей чернильницѣ (I. 343). Впервые сообщено посмертнымъ изданіемъ, причемъ стихи были неправильно размѣщены, и ни г. Анненковъ, ни г. Бартеневъ не исправили ошибки. Дѣло въ томъ, что между 31 и 32 листами вырванъ одинъ листъ, такъ что піэса представляетъ значительный пропускъ. Мѣсто пропуска невѣрно указано въ печатномъ текстѣ, при чемъ четверостишіе, отмѣченное какъ уцѣлѣвшее отъ вырваннаго листа, принадлежитъ къ листу 31_2; отъ вырваннаго-же листа ничего не осталось—должно быть такъ:

Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою...

Вотъ тутъ и идетъ пропускъ, а послѣ него такъ:

... Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
Тебѣ я посвятилъ и т. д.

Послѣднее четверостишіе печатнаго текста: Изсохшая, пустая и пр.—въ рукописи приписано послѣ помѣты и снабжено знакомъ, означающимъ, что оно должно быть вставлено въ текстъ за стихомъ: Любимцу праздныхъ лѣтъ...

Г. Бартеневъ вѣрно отмѣтилъ, что послѣднее четверостишье приписано послѣ помѣты, но въ самой помѣтѣ онъ пропустилъ одно слово: «Кишп-

---

[1]) Послѣднее четверостишіе передано г. Анненковымъ въ очень искаженномъ видѣ:

Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ
А та едваль воспрянетъ:
Народы тишины хотятъ
Усталыхъ къ миру тянетъ (!!)

невъ. 11 апрѣля 1821». (А. С. Пушкинъ, стр. 168). Этого мало: г. Бартеневъ поставилъ помѣту послѣ стиха: Тебя возьметъ унылый, такъ что надо было подумать, что заключительныхъ стиховъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописи; а они тутъ, на своемъ мѣстѣ: Послѣдній будь привѣтъ и пр.

Рисунки: лица.—Затѣмъ вырвано.

34₁.

И долго послѣ Хризенда
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ...

(I. 311. Діонея и 510).

Внизу страницы черновой набросокъ, изъ котораго можно разобрать:

(Гречанка, я люблю тебя...)
Я твой на вѣкъ, Эллеферія...

Рисунки: лица и лошадь.

34₂—35₂. Черновое начало шуточной поэмы, оставшейся неоконченной; до сихъ поръ эта піэса не была въ печати:

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ
Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою,
Душевно почиталъ священный Алькоранъ,
И счастливъ былъ своей судьбою.
Мехметъ (такъ звался онъ [1]) прилежно цѣлый день
(Смотрѣлъ) за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ, —
Не зная, что такое лѣнь;
Жену свою любилъ; Фатима [2]) это знала
И каждый годъ дѣтей она рожала.
Но у татаръ ужъ такъ заведено
По нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ, (она была тогда брюхата [3]),
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная жена
Имѣетъ прихоти то эти, то другія,
И Боже упаси какія!
— Фатима говоритъ умильно муженьку:
Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
[Повѣрь], теряю я разсудокъ,
Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ поставлено Селима, но дальше вездѣ Фатима.

[3]) Вмѣсто зачеркнутыхъ словъ сдѣлана поправка въ полтора стиха:

Она въ то время
Несла . . . . . бремя.

Средины послѣдняго стиха я не могъ разобрать.

Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша!
Всего мнѣ (должно опасаться),
Не смѣю даже почесаться,—
А то родится дочь съ [отмѣткой] на носу
Такой я муки не снесу!
Любезный, миленькій, красивый мой дружечекъ,
Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ!
Мехметъ разпѣжился, собрался...
. . . . . завязалъ
Поцѣловалъ жену. . . . . .
И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ. За то въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая
Мѣстечка, гдѣ-бы отдохнуть.
По счастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ.....
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный вѣтерокъ
Все нѣжило...

Затѣмъ, хотя отдѣльныя фразы и слова разбираются, но всѣхъ стиховъ я не могъ возстановить: Мехметъ отдыхаетъ въ полномъ блаженствѣ, равномъ царскому; на этомъ разсказъ и обрывается.

36₁.

Язвительный поэтъ...

и проч. [отрывокъ посланія къ Вяземскому, VII, 5]; во второмъ стихѣ и умомъ вставлено г. Бартеневымъ вмѣсто неразобраннаго слова; первоначально этотъ стихъ былъ:

И смѣлой вольностью, и шутками богатый...

Рисунки: фигуры и лица.—Уголъ отрѣзанъ.

36₂. Черновые наброски.

Красы.... [1]), завѣтные пиры
И клики радости безумной
И мирныхъ музъ минутные дары
И лепетанье славы шумной...

Разоблачивъ (плѣнительный) кумиръ
Я вижу призракъ безобразный
Но что-жъ теперь тревожитъ хладный міръ
Души безчувственной и праздной...

---

[1]) Слово не разобрано.

Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ
(Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь,
И самъ съ собой я лицемѣрилъ).

Рисунки: лица.
37_1—37_2.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ К— [1]) ѣду въ домъ

и пр. (I. 523). Пятый стихъ:

Подогнувъ подъ ж... ноги и т. д.
. . . . . .
Дамы прѣютъ и молчатъ.

* *
*

Признаюсь предъ всей Европой
Хромоногая кричитъ
М— толстож....
Душу, сердце мнѣ томитъ!
Мужъ! вотще карманы грузно
Ты набилъ въ семьѣ моей
И вотще ты пятишь гузно:
М— мнѣ милѣй.

* *
*

Здравствуй, круглая сосѣдка

и т. д. Слѣдующая строфа начинается такъ:

Вотъ еврейка съ Тадарашкой,
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
Лапу держитъ подъ рубашкой;
Пѣна на ея лицѣ.

кончается же такъ:

Если вѣритъ Монсію,
Скотоложница умретъ!

затѣмъ слѣдующій куплетъ:

Ты наказана сегодня
И тебя пронзилъ [2]) амуръ
О чувствительная сводня,
О краса молдавскихъ дуръ!

---

[1]) Катакази; Пушкинъ очень рѣдко выставляетъ вполнѣ собственныя имена.

[2]) Г. Бартеневъ напечаталъ: простилъ.

Смотришь: каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты-жъ одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ перстомъ.

Послѣдняя строфа напечатана вѣрно.

38_1.

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю и т. д.

I. 524. Внизу снова:

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей
[Повѣрь] я снова пламенѣю
Воспоминаньемъ прежнихъ дней...

38_2. Вся исчерканная и совершенно неразборчивая черновая. Рисунки: лица и ноги. Цифры, и дважды: Кошанскій.

39_1. Опять нѣсколько исчерканныхъ черновыхъ.

(Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи...)
(И подъ печатію завѣтной
Мои опасные стихи...)

Неудивляйся, милый другъ
Ея израильскому платью...

Ее всевышній осѣнилъ
Своей небесной благодатью.
Она . . . . . заняться.

Вотъ муза, рѣзвая болтунья.

I. 524. Рисунокъ: нога.

39_2.

Тамъ нѣкогда (въ мечтаньяхъ упоенья)
Я посѣтилъ дворецъ уединенья.

Подруга милая я знаю для чего
Ты прошлою весной отъ нашихъ (игръ отстала)
Я тайну сердца твоего
Давно угадала
не разъ
я замѣчала васъ
Ты слушаешь его въ безмолвіи
Твой взоръ поту— любовію горитъ
И долго послѣ Гала
Улыбку

См. выше, листъ 34_1. Печатный текстъ I. 510. Я привелъ этотъ набросокъ въ томъ неконченномъ видѣ, какъ онъ сохранился въ подлинникѣ. На этомъ-же листѣ находятся французскіе стихи: A son amant, и проч. I. 524.

40_1. Программа комедіи, напечатанная г. Анненковымъ въ книгѣ «Пушкинъ въ Алекс. эпоху» (стр. 160) и вошедшая въ послѣднее изданіе Пушкина (V. 6). Но г. Анненковъ не сообщилъ, что Пушкинъ началъ писать и самую комедію, что тутъ-же непосредственно за программой находится попытка начать комедію, въ стихахъ.

40_2. Сначала идетъ еще продолженіе программы и помѣта. Нѣкоторыя слова остались неразобраны и обозначены точками.
Конецъ.—4 іюня ночью. 5 іюня по утру.

Дегилье [1])

[тутъ-же рисунокъ: нога].

Бр. Рам. С. вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

— Мочи нѣтъ усталъ, проигрался, пора въ театръ нашъ... даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

«Я шелъ къ тебѣ сестра... [благо даже] въ одномъ домѣ... Мы недѣлю не видались, что̀ ты дѣлалъ? Занятъ былъ. Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у... Я даю завтракъ. Богъ знаетъ какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ и проч.».

Далѣе начинается тотъ-же разговоръ въ стихахъ:

Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались;
Въ одномъ дому живемъ и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?—Я шелъ къ тебѣ сестра,
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.—Пора.
Ей Богу занятъ былъ ... дѣлами, службой,
Я дорожу сестра твоею дружбой,
Люблю тебя душой... Приду я иногда
Съ тобою посидѣть, но видишь-ли, бѣда.
Всегда разъѣдемся—я дома, ты въ каретѣ...
Никакъ не съѣдемся...
Но мы могли-бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...

41_1.

Конечно, я-бы могъ
Пуститься въ свѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ!
По счастью модный кругъ теперь совсѣмъ не въ модѣ;
Ты знаешь. . . . . на свободѣ
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ ... дамъ,
И васъ оставили на жертву...
Любезникамъ осмпадцатаго вѣка.
А впрочемъ не найдешь живаго человѣка
Въ отборномъ обществѣ.
Хвалиться есть-ли чѣмъ?

---

[1]) Фамилія француза съ которымъ Пушкинъ поссорился въ Кишиневѣ.

Что тутъ хорошаго! (Ну), я прощаю тѣмъ
Которые. . . . . .
Привыкли..... лишь къ пороху...
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ,
Но ты который (съ годъ учиться) пересталъ,
Который не зналъ походной пыли[1]) съ роду
Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?

и пр. см. I. 525. — Г. Бартеневъ, сообщившій впервые отрывокъ, начиная со стиха «Казармы нравятся» и т. д., сообщилъ текстъ его невѣрно (курсивомъ означены слова, пропущенныя или нетакъ переданныя г. Бартеневымъ) и ни словомъ не указалъ, что онъ беретъ этотъ отрывокъ изъ двухъ страницъ чернового текста, представляющаго несомнѣнно начало комедіи, планъ которой былъ напечатанъ г. Анненковымъ.

Тутъ-же [41₂] находится эпиграмма:

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ.

I. 525.—Рисунокъ: два лица.

42₁. Рисунокъ: комната, дверь, стулъ, на окнѣ кошка; посреди комнаты стоитъ худой человѣкъ въ одной рубашкѣ. Въ низу подпись: ma femme!... ma culotte!... et mon duel donc!... oh, ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte...

42₂. Черновые стихи; много зачеркнутаго, много поправокъ. Незачеркнутыми остались слѣдующіе стихи:

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
Я прихожу въ послѣдній разъ,
Любви отрады безнадежной
Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ [лучей]
Не жги свѣчей...

Рисунки: головы.

43₁. Исчерканный черновой набросокъ:

(Во времена царя Додона)
Былъ монастырь, гдѣ черницы
. . . . . безъ правилъ, безъ закона...

Тутъ-же, другими чернилами, сбоку:

Тадарашка въ васъ влюбленъ

и пр. I. 525. Сообщено было г. Бартеневымъ.

---

[1]) Вм. зачеркнутаго: „военной жизни".

Предпослѣдній стихъ:

Охъ! на дрожкахъ далеко.

Рисунки: головы.

43_2. Чернякъ, исчерканный и неконченный:

Теките медленно въ моемъ воспоминаньи,
Въ безпечной радости, въ живомъ очарованьи ..

и далѣе еще нѣсколько исчерканныхъ, недописанныхъ стиховъ. — Затѣмъ начинается черновая піэса: Гробъ юноши (I. 353), продолжающаяся на 44_1—45_1.

45_2. Какіе-то зачеркнутые стихи. Тутъ-же замѣтка:

18 juillet.
Nouvelle de la mort de Napoleon.
Bal chez l'archevêque Armenien.
1821.

Другими чернилами, съ боку:

Напрасно рощу оглашаетъ
Охотника веселый рогъ...
. . . . . [1])

46_1. Votre lettre est arrivé fort à propos, j'en avais besoin.

Далѣе написано слово: напрасно, а затѣмъ идетъ первоначальная программа Братьевъ разбойниковъ:

I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ.
II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... [2]) пѣснь на Волгѣ.
III. Купеческое судно, дочь купца.
IV. Сходитъ съ ума. — [См. ниже 61_2].

Далѣе два стиха:

Одна черта руки моей
Тебѣ довольно, другъ мой нѣжный.

и программа изъ древней русской исторіи:

Олегъ—въ Византію—Игорь и Ольга—походъ.

Рисунки: человѣч. фигура и много лицъ; между прочимъ двѣ одинаковыя головы съ рѣзкими чертами лица, въ ночной повязкѣ,—подписано: Marat; подъ головой длиннокудраго юноши: Sand.

46_2. 26 juillet 1821. И плѣнникъ думалъ... остальное зачеркнуто.— Рисунки: фигура, много лицъ, ножки.

---

[1]) Нѣсколько исчерканныхъ стиховъ не разобрано.
[2]) Два слова не разобраны.

47_1. Сначала все исчеркано, далѣе можно разобрать:

... Священнымъ именемъ любовницы прекрасной
Не бойся вѣтренныхъ невѣждъ,
Не бойся клеветы ревнивой,
Не обмани моихъ надеждъ
Св. скромностью...
Онъ мною былъ любимъ и мнѣ былъ одолженъ
Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ...
... И скоро милая меня не будетъ,
Но сердце чье нибудь поэта не забудетъ,
Когда меня на вѣкъ обниметъ хладный сонъ...

Послѣдній стихъ трудно разобрать. Въ концѣ помѣта: 23 августа 1821.—См. I. 355.

47_2. 24 августа, въ ночь.

Мой другъ не узнавай слѣды минувшихъ [лѣтъ]

и т. д. I. 355. Черпякъ съ нѣкоторыми варіантами. Надо замѣтить, что первоначально Пушкинъ думалъ заключить первый стихъ словами: минувшаго слѣды, почему ниже и отмѣтилъ для третьяго стиха соотвѣтствующую рѳму: сердечныя бѣды; эта первоначальная рѳма оказалась не нужна и затѣмъ зачеркнута, а третій стихъ съ новою рѳмою: нѣтъ—написанъ ниже. Стихотвореніе это кончается на 48_4.

48_2. Черновой набросокъ къ Бахчисарайскому фонтану:

Девлетъ Гирей задумчиво сидитъ
Драгой янтарь въ устахъ его дымится
Ужасный дворъ кругомъ его молчитъ...

См. I. 531.—Тутъ-же еще черпякъ.

. . . до меня доходятъ
И звуки струнъ...
Печаль на сердце мнѣ наводятъ.

Затѣмъ еще исчерканное стихотвореніе:

(Непримиримою) судьбою
Пѣвцы давно разлучены
. . . . . .
Ихъ лиры вѣтренной порою
Не славятъ счастья чередою,
Умы тоской омрачены...

49_1.

Младыхъ пировъ утихли смѣхи
Утихъ безумнаго веселья гласъ
Любовницы забыли насъ
И разлетѣлися утѣхи.

Въ...
Гдѣ...
Я...
Вообр...
Горишь-ли ты...
Пи...
Гдѣ ты...

Этотъ черновой набросокъ можетъ служить хорошимъ образцомъ того, какъ Пушкинъ иногда записывалъ свои стихи, — безъ окончанія строкъ, означая иной стихъ одной первой буквой. Третій съ конца стихъ, начинающійся словами: «Горишь-ли ты» вызываетъ предположеніе не есть-ли этотъ набросокъ первоначальный текстъ посланія къ Я. Н. Толстому: Горишь-ли ты лампада наша (VII. 159).

49₂. Опять исчерканный набросокъ къ Бахчисарайскому фонтану:

... Онъ долго въ думы погруженъ...
Опомнясь, онъ махнулъ рукою
И всѣ, склонившись головою...
. . . . . .

Рисунки: Танцующіе черти, скелетъ, повѣшанный.

50₁. Черновой, исчерканный набросокъ:

(Въ Геннѣ праздникъ)
(во тьмѣ кромѣшной)
(Есть отдаленный уголокъ)
. . . . . .
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ (грѣшника) внимая стонъ
Ужасный—Сатана хохочетъ.

См. I. 519. Тутъ-же опять изъ Бахчисарайскаго фонтана:

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ.

Г. Анненковъ (Пушк. стр. 176) счелъ этотъ отрывокъ за принадлежащій къ адской поэмѣ, а между тѣмъ это несомнѣнно изъ Бахчисарайскаго фонтана. I. 384 и 531.—Рисунки: лица, черти; вѣдьма на метлѣ.

50₂. Рисунки: черти и вѣдьмы.

51₁. Первоначальный опытъ разсказа разбойника, написанный инымъ размѣромъ:

Насъ было два брата—мы вмѣстѣ росли,
И жалкую младость въ нуждѣ мы вели.
И алчная (жажда владѣла) душой
И вмѣстѣ мы [вышли] на первый разбой...

Еще нѣсколько исчеркапныхъ, недоконченныхъ строкъ; можно разобрать отдѣльныя слова.

51_2. Пейзажъ карандашемъ; на первомъ планѣ два обнаженныхъ дерева; помѣта: 1 avril. 30 may. Harting, [послѣднія два слова чернилами].

52_1—52_2. Черпякъ разсказа разбойника; все исчеркано: Насъ было двое—братъ и я... на 52_1—рисунки: двѣ головы.

53_1. «Пѣснь пѣсней Соломона.

Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ.

Перси твои пріятнѣе вина

Запахъ мура твоего лучше всѣхъ ароматовъ, имя твое сладостно какъ [излитое] муро, для того юная возлюбилъ я тебя.

Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мура и вина,
Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой упоена...

См. II. 33.—Мы не разъ встрѣчаемъ въ тетрадяхъ Пушкина такіе слѣды тщательной работы: сначала прозаическая программа или прозаическій переводъ, а затѣмъ уже стихи. Тутъ-же находится составленный Пушкинымъ (неполный) списокъ его произведеній за 1821 и 1822 годы. Къ сожалѣнію, клочекъ снизу листа вырванъ и конецъ списка за 1821 годъ оторванъ.

Въ 1821.

Конецъ Кавказскаго Плѣнника. [Извѣстно, что въ концѣ поэмы стоитъ помѣта: 20-го февраля 1821. почему и вся поэма отнесена къ 1821, см. выше листъ 18_1 и Соч. I. 335].

Я пережилъ. [Я пережилъ свои желанія, какъ мы видѣли, приписано съ боку въ срединѣ Кавказскаго подлинника—л. 13_1, Соч. I. 312].

Кинжалъ. [I. 346].

Чаадаеву. [I. 340; выше листы 26_2—29_1].

Чернильница. [I. 343; листы 31_2—33_2].

Три элегіи. [Собственно подъ именемъ элегіи въ печатномъ текстѣ извѣстна одна піэса—I. 355; листъ 47_1].

Плещѣеву [вѣроятно, надо читать Плещѣеву; если такъ, то тогда здѣсь отмѣчено стихотвореніе: «Зачѣмъ безвременную скуку». См. I. 353 и 516].

Наполеонъ. [I. 347; см. дальше листы 62_2—65_2].

Овидію. [I. 357 и ниже листы 53_2—56_2].

Л [1]) . . . . .

---

[1]) На этомъ словѣ листъ оборванъ.

1822.

Братья разбойники. [I. 361; въ одномъ изъ писемъ къ Вяземскому Пушкинъ говоритъ, что Бр. разбойники написаны въ 1821 г., см. VII. 13].

Олегъ. [I. 376].

Царь Никита. [VII. 114].

Цензору [не было-ли еще въ 1822-мъ году начато Первое Посланіе къ Цензору?—I. 427].

Θ. Г— [Θедорѣ Глинкѣ. I. 401. Отнесено къ 1823-му году потому, что было прислано въ письмѣ къ брату въ январѣ 1823 г.; на основаніи приводимаго Пушкинскаго списка, надо заключить, что это стихотвореніе было написано въ 1822, можетъ быть въ концѣ].

Старайся пр. [Старайся наблюдать различныя примѣты. I. 310; отнесено къ 1821 г.].

Гречанкѣ. [I. 380].

53_2—56_1. Черновая: Къ Овидію. Поправки, варіанты.

56_2. Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой (черновое). I. 305.—Тутъ-же:

Ты правъ мой другъ

I. 522. третья строка втораго куплета:

И вѣрилъ ей за чашей круговой [1]).

57_1. Продолженіе той-же піэсы. Г. Анненковъ, не разобравъ первый стихъ четвертаго куплета, вставилъ въ него три слова изъ пятаго куплета (57_2), котораго совсѣмъ не приводитъ, не упоминая также и о дальнѣйшихъ наброскахъ. Выписываю въ точности четвертый куплетъ:

Свою печать утратилъ рѣзвый правъ [2]),
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ уже. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

На этомъ-же листѣ съ боку набросана черновая программа, имѣющая, повидимому, отношеніе къ той-же піэсѣ; нѣкоторыхъ словъ я не разобралъ: «ко всему былъ охлажденъ, ко всему охладѣлъ; вѣтренный, я сталъ без... Теперь кого...? И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу, какъ мертвецъ... любовь; труды, не могу.

57_2. Продолженіе той-же піэсы:

И свѣтъ,—и дружбу, любовь
Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу,
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь

---

[1]) Г. Анненковъ не вѣрно напечаталъ: *я* вѣрилъ...

[2]) У г. Анненкова составленный стихъ всетаки не имѣлъ ни мѣры, ни смысла: Но все прошло!... рѣзвый правъ.

(Ужасный [1]) опытъ ненавижу.
(Разоблачивъ плѣнительный) кумиръ,
(Я вижу)...
... Какъ бьется лань, пронзенная стрѣлой
И силится...
Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ
Ужели . . . . . глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ.
Чтожъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой.
Кого любилъ, къ чему стремился,
Когожъ... возвышенной [мечтой]
Боготворить не постыдился!...

58_1. Черновой, неконченный набросокъ:

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,
(Я замолчалъ)...

Дальше исчеркано, можно разобрать отдѣльныя слова. Внизу замѣтки, въ родѣ программы:

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злобный иль малодушный.
Предразсужденья
Тиранъ — льстецъ,
Предразсужденій рабъ послушный.

[Послѣднія два слова приписаны другими чернилами].

58_2.

(Себѣ ты выбралъ), Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ супругомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ (ландышъ) мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ.

59_1. Сверху помѣта:

9-го дек. 1833 [сначала было: 1832]. С. П. б. [т. е. С. Петербургъ] $7^1/_2$ веч. [т. е. вечера]. Эта помѣта показываетъ, что Пушкинъ, черезъ десять лѣтъ, въ Петербургѣ обращался къ своимъ кишиневскимъ тетрадямъ. Къ сожалѣнію за этой помѣтой идетъ лишь нѣсколько зачеркнутыхъ и неконченныхъ строкъ.

59_2—неписанная страница. Затѣмъ идетъ листъ незанумерованный черными чернилами, по красной-же нумераціи—59-й; назовемъ его $59a$.

---

[1]) Вар.: (И мрачный).

59a_1—неписанная страница.

59a^2. Карандашемъ набросанъ отрывокъ программы, показывающій, что въ это время мысль Пушкина не разъ обращалась къ разнымъ эпохамъ русской исторіи. [См. выше 46$_1$ и еще слѣдующій 60$_1$ листъ]—«стрѣ-[лецъ], влюбленный въ боярскую дочь—отказъ—приходитъ къ другу заговорщику—вступаетъ въ заговоръ». [См. № 2378, л. 45$_1$].

60$_1$—60$_2$. Отрывокъ изъ трагедіи «Вадимъ». Впервые былъ напечатанъ г. Анненковымъ въ VII-мъ томѣ его изданія съ цензурнымъ измѣненіемъ, исправленнымъ въ книгѣ «А. С. Пушкинъ» и пр. Исправленіе это было внесено уже въ изданіе 1880 года, когда г. Бартеневъ сталъ заниматься рукописями Пушкина; не смотря на это, въ I кн. «Русскаго Архива» 1881 года, г. Бартеневъ напечаталъ первую половину этого отрывка, кончающуюся стихомъ съ указанной уже г. Анненковымъ поправкой, бывшей для г. Бартенева вѣроятно новостью. Кромѣ того сообщенный г. Бартеневымъ текстъ отличался отъ напечатаннаго въ VII-мъ томѣ Анненковскаго изданія, почему изданіе 1882 года сочло нужнымъ исправить текстъ по «Русскому Архиву». Между тѣмъ оказывается при сличеніи съ подлинникомъ:

1) два первые стиха, сообщенные г. Бартеневымъ, Пушкинымъ зачеркнуты, о чемъ «Русскій Архивъ» не упомянулъ, не обративъ вниманія и на сдѣланное въ первомъ стихѣ исправленіе:

(Я ждалъ тебя, Рогдай! скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть?)

2) четвертый стихъ г. Бартеневъ взялъ въ первоначальной, зачеркнутой редакціи:

Жива ль въ ихъ памяти Славянская свобода?

тогда какъ г. Анненковъ правильно взялъ исправленную редакцію:

Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?

3) г. Бартеневъ безъ всякаго основанія напечаталъ третій стихъ въ отвѣтѣ Рогдая такъ:

Съ досадою влачитъ позорный свой яремъ,

между тѣмъ какъ въ рукописи совершенно отчетливо, безо всякихъ варіантовъ и помарокъ:

Досадуя влачитъ позорный свой яремъ.

Испортивъ такимъ образомъ подлинный текстъ, г. Бартеневъ остановился на половинѣ отрывка, а между тѣмъ ему именно слѣдовало привести послѣднія слова Вадима, напечатанныя у г. Анненкова неточно:

Безумные!... давноль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Изгнанью моему давноль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра можетъ вновь..
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню—

Замѣчу еще, что въ отвѣтѣ Рогдая третій стихъ исправленъ такъ:

Встревожены умы и пламя тлѣетъ въ нихъ.

Послѣ стиха:

Вадимъ они тебя съ надеждой именуютъ

зачеркнутъ стихъ:

(Явись и перемѣнъ ударитъ грозный часъ),

а слова Вадима первоначально начинались:

(Безумные! давноль въ восторгѣ звалъ я васъ
Когда судьбу Варягамъ поручили
И вольныя главы подъ иго преклонили).

См. I, стр. 370 и въ изданіи 1880 г. I, стр. 400.—Затѣмъ на этомъ-же листѣ находится и 60_2 программа поэмы Вадимъ (I, 528), сообщенная г. Анненковымъ не вполнѣ точно. Мы находимъ на одномъ листѣ оба отрывка, изъ которыхъ первый принимали до сихъ поръ за программу трагедіи. Въ подлинникѣ сначала написанъ тотъ отрывокъ, который считается программою поэмы, а затѣмъ тутъ-же слѣдуетъ и отрывокъ, считающійся программою трагедіи, который и составляетъ такимъ образомъ продолженіе перваго, такъ что послѣ словъ: «Онъ идетъ къ Новгороду. (Нева)», должно прямо слѣдовать: «Могила Гостомысла: онъ находитъ тамъ друга» и пр. Вадимъ отправляется къ Новгороду и приходитъ къ могилѣ Гостомысла: такимъ образомъ оба отрывка составляютъ одну цѣльную часть программы поэмы. Слова-же: первая сцена трагедіи, по моему, означаютъ то, что Пушкинъ хотѣлъ вставить въ свою поэму, уже написанную раньше, сцену трагедіи, конечно передѣлавши. Надо еще замѣтить, что г. Анненковъ не вполнѣ точно передалъ текстъ программы, такъ вмѣсто: «Друзья собираются» и пр. надо: «Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода». Если эти измѣненія сдѣланы изъ цензурныхъ видовъ, то дальше есть нѣсколько неточностей, записѣвшихъ ужъ не отъ строгости цензуры.

61_1. Прозаическій отрывокъ: «Петръ I-й не страшился» и пр., представляющій первоначальную редакцію соотвѣтствующаго мѣста «Историческихъ замѣчаній»; см. т. V, стр. 9 и 10. Г. Бартеневъ сообщилъ этотъ

черновой отрывокъ (см. тамъ-же, примѣч.), но неточно,—онъ вставилъ нѣкоторыя зачеркнутыя слова, не отмѣтивъ ихъ, пропустилъ нѣсколько неразобранныхъ словъ, не указавъ пропуска, наконецъ не вездѣ точно передалъ текстъ, напр. онъ напечаталъ: равны предъ его палкою, надо: равны подъ его палкою, и пр.

61_2. Опять программа:

„Поэма".

«Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ [1]), молодцы готовы отплыть. Есаулъ—гдѣ то нашъ атаманъ—они плывутъ и поютъ..... Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій; онъ беретъ себѣ другую—та сходитъ съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его».—См. выше. 46_1.—Рисунки: головы, ножки, шпаги, столъ.

62_1. Сверху изъ «Наполеона»:

Въ своемъ уныломъ заточеніи
Ты жаждалъ Франціи своей...

Внизу опять черновой отрывокъ изъ «Историческихъ замѣчаній», безъ начала и конца, соотвѣтствующій примѣчанію на 11 стр. V-го тома:
... воинскія наши предпріятія... а изнуренная Турція не могла намъ противостать. (Этотъ вопросъ могъ-бы далеко повести). Оно избавило-бы насъ отъ будущихъ хлопотъ. А Молдавія и Валахія [сдѣлались-бы] русскими губерніями...

62_2—65_2. Черновая «Наполеона»—I. 347. На 62_2—эпиграфъ: ingrata patria..., и программа—I. 515.

На 64_2 находимъ значительные варіанты въ одной строфѣ, написанной безъ конца нѣкоторыхъ стиховъ:

На Русь! [2])—возстань племенъ царица
Воспомни прежнія права
Померкни, солнце Австерлица,
Пылай, великая Москва
Настали времена другія!
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Въ Москвѣ не царь
Война по гробъ! нашъ до...

Такимъ образомъ варіантъ, извѣстный доселѣ лишь по спискамъ, оказывается дѣйствительно принадлежащимъ Пушкину.

---

[1]) Въ подлинникѣ подговариваетъ.

[2]) Листъ 64_1 кончается недописаннымъ стихомъ: „Идетъ на Русь!"—Кстати сказать, г. Бартеневъ, пропустивъ приводимый мною важный варіантъ, привелъ пять стиховъ, взявъ ихъ изъ разныхъ мѣстъ.

66$_1$. «Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа» и пр.—VII. 59—напечатано впервые Бартеневымъ и опять неточно, съ вставкою зачеркнутыхъ словъ, съ пропускомъ неразобранныхъ и пр.... Выписываю весь отрывокъ, насколько я разобралъ его, съ поправками описокъ: Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа (превосходительный Раекъ и превосходительный) жалобный сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, воспоминая тебя Арзамасъ (Іерусалимъ ума и вкуса); благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой (рѣчки). Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ [полнотѣ] сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки—(и потому)...

66$_2$.

(Овидій я брожу по тѣмъ-же берегамъ,
Которымъ...)

[I. 357]. Затѣмъ опять изъ «Историческихъ замѣчаній» чернякъ съ нѣкоторыми варіантами: «Униженная Швеція и уничтоженная Польша» и т. д., до: «отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами (ея столѣтія)». Далѣе листъ вырванъ, такъ что на 67$_1$ находимъ: «справедливѣе названіе»—и т. д., до: «его извѣстность». См. V. 11, 12 и 13 стр.

67$_2$. Неразборчивое французское четверостишіе и рисунокъ: рѣшетчатое окно, стаканъ и щетка.

68$_1$. [Красной цифрой не занумерованъ]. Карандашный рисунокъ—семь человѣческихъ фигуръ,—сцена въ Кишиневской церкви. Чернилами помѣта: 12 апр.—Г. Анненковъ [Пушк. 200] подробно описываетъ этотъ рисунокъ: онъ видитъ здѣсь изображеніе одного случая въ массонской ложѣ Кишинева, видитъ необыкновенное сочетаніе лицъ и пр. По моему, какъ по обстановкѣ, такъ и по лицамъ, это просто сцена въ молдавской церкви.—Надо сказать, что вообще г. Анненковъ преувеличиваетъ значеніе рисунковъ въ тетрадяхъ Пушкина; такъ онъ говоритъ [Мат. 47], что эти рисунки «обыкновенно повторяютъ содержаніе написанной піэсы, воспроизводя ее такимъ образомъ вдвойнѣ». Я вездѣ указываю содержаніе рисунковъ, обыкновенно не имѣющихъ отношенія къ написанному. Конечно есть рисунки, относящіеся къ содержанію написаннаго, но ихъ сравнительно очень не много. Можетъ быть иные рисунки относятся къ случаямъ изъ жизни Пушкина, представляютъ его знакомыхъ, но значеніе и смыслъ ихъ опредѣлить очень трудно. Г. Анненковъ дастъ нѣсколько такихъ объясненій, но почти всегда крайне натянуто, неудачно.

68$_2$. Чернилами, двѣ фигуры въ турецкихъ костюмахъ.

69_1. «Съ турецкаго». V. 532. Сообщено г. Бартеневымъ, который при этомъ не оговорилъ, что во второмъ стихѣ слова: «часы отрадъ въ» зачеркнуты, и сдѣлана поправка изъ двухъ неразборчивыхъ словъ.

69_2. Помѣта опекуновъ [приведена въ началѣ]. Далѣе идетъ еще листъ, въ концѣ, совсѣмъ незанумерованный; будемъ считать его 70 (собственно 71).

70_1—неписанная страница.

70_2. Карандашемъ пять женскихъ головокъ.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1884 Г. ТОМЪ XLI.

ЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 ЯНВАРЯ 1884 ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

НОВГОРОДСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

ЕГО ОТКРЫТІЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ.

50-ти лѣтній юбилей Новгородскаго, что нынѣ Нижегородскій графа Аракчеева, кадетскаго корпуса.

1834—1884 гг.

VI [1]).

То, что въ кадетахъ 1830—1840 гг. существовалъ истинный духъ товарищества и чувства любви и участія другъ къ другу, доказывается фактами. Не мало между ними было такихъ, которымъ не начто было купить себѣ не только какое либо лакомство, но даже карандашъ, или листъ почтовой бумаги на письмо къ матери. Стоило ему обратиться къ товарищамъ и отказа никогда не было. Не было примѣра, чтобы тотъ, къ кому присылали или привозили гостинцы изъ дома, не подѣлился ими. Къ кому пріѣзжали на воскресенье родные (а у иныхъ они гостили недѣлями), тѣ всегда приглашали къ себѣ трехъ-четырехъ товарищей.

Не смотря на то, что корпусъ существовалъ уже четвертый годъ и былъ въ полномъ комплектѣ, его классная часть находилась еще въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. По ходу преподаванія было замѣтно, что у инспектора Божерянова все еще была надежда на окончаніе кадетами полнаго курса въ своемъ корпусѣ, потому что учителя то затягивали курсъ, то вдругъ начинали торопиться.

Съ 1837 года введено было въ старшемъ классѣ преподаваніе естественныхъ наукъ. Это было возложено на младшаго доктора Филлипченко. Оригиналъ, малороссъ по происхожденію и по манерамъ, онъ часто давалъ кадетамъ поводъ къ различнымъ про него анекдотамъ. Начиная первую лекцію ботаники, онъ говорилъ, что

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLI, мартъ, стр. 519—544.

она мать всѣхъ наукъ. Приступая къ зоологіи, Филлипченко старался доказать, что она мать наукъ; но когда черезъ годъ сказалъ тоже на первомъ урокѣ минералогіи, то кадетъ Викулинъ остановилъ его и, вставая, сказалъ:

— «Это невѣрно, Ефимъ Ивановичъ,—минералогія внучка, потому что матерью была ботаника».

Для того, чтобы по возможности яснѣе характеризовать учебную часть первыхъ годовъ существованія корпуса, вспомнимъ кто изъ учителей и какъ преподавалъ свой предметъ.

По русскому языку систематическаго курса никакого не было и преподаваніе зависило отъ усмотрѣнія учителей. Въ младшихъ классахъ учитель Мерцаловъ заставлялъ кадетъ только заучивать басни Крылова и описаніе Финляндіи — Батюшкова, начинавшееся словами: «я видѣлъ страну близкую къ полюсу, сосѣднюю Гипорборейскому морю». Кромѣ этого, была еще въ ходу книга какого-то Гугеля, носившая названіе «Умственное развитіе», изъ котораго задавались статейки для заучиванія наизусть. Совсѣмъ иначе вели преподаваніе отечественнаго языка другіе преподаватели. Орнатскій не заставлялъ кадетъ ничего заучивать, даже грамматическихъ правилъ, но задавалъ темы для легенькихъ описаній, разбиралъ ихъ въ классѣ и по нимъ, а также по разбору лучшихъ писателей, училъ грамматикѣ, а потомъ логикѣ и въ послѣдній годъ передъ выпускомъ, даже эстетикѣ. Этимъ онъ развивалъ учениковъ умственно и литературно. Помнится, что нѣкоторыя изъ сочиненій Веревкина 2, Макшеева и Викулина, читанныя во время посѣщенія классовъ Я. И. Ростовцева, замѣчательнаго знатока и цѣнителя литературы, заслуживали особенное одобреніе. Гуманное вліяніе Орнатскаго на кадетъ было такъ искренне-тепло, что и теперь, по прошествіи полувѣка, ученики его вспоминаютъ о немъ съ сердечною привязанностію и благодарностію. Это вліяніе было высоко-нравственное и честно-либеральное, не волнующее, а сдерживающее, не разжигающее молодые умы, а дающее правильное имъ развитіе, въ смыслѣ долга и чести.

Совершенно иной методъ преподаванія имѣлъ другой учитель русскаго языка, профессоръ Никольскій, человѣкъ обладавшій обширною классическою ерудиціею, но съ взглядами сильно устарѣвшими. Онъ, напримѣръ, не признавалъ поэзіи Пушкина, а ставилъ кадетамъ въ образецъ Ломоносова, заставлялъ учить хріи и свой переводъ въ стихахъ Энеиды Виргилія, или читалъ отрывки изъ своей собственной поэмы «Умъ и Рокъ». Несмотря на такое направленіе и усилившуюся въ профессорѣ нетрезвость, что было главною причиною его

увольненія, кадеты очень любили и уважали его, не столько за многостороннее знаніе древняго міра, сколько за его правдивость и прямоту.

Исторію читали тѣ же учителя—Орнатскій и Никольскій и, кромѣ ихъ, въ началѣ, не долго Каменскій, а потомъ Тарховъ. Системы то же не было никакой, а руководствами—Кайдановъ и Устряловъ. Замѣчательно то, что Каменскій начиналъ преподаваніе русской исторіи съ царствованія Александра I и потомъ переходилъ къ Павлу I, Екатеринѣ II и т. д. до Петра Великаго, т. е. въ порядкѣ, обратномъ естественному ходу событій. У Никольскаго болѣе всего занимали кадетъ его интересные разсказы о древнихъ грекахъ и римлянахъ. Тарховъ читалъ среднюю исторію. Онъ блистательно прочелъ пробную лекцію о крестовыхъ походахъ и повторилъ ее въ классахъ, причемъ въ началѣ увлекъ кадетъ своимъ краснорѣчіемъ; но вскорѣ оно начало выдыхаться и наконецъ совсѣмъ изсякло. Онъ видимо размѣнялся, въ чемъ кадеты окончательно убѣдились, встрѣтясь съ нимъ въ Дворянскомъ полку, куда онъ перешелъ черезъ два года.

Географію преподавали: сначала тотъ же Орнатскій и Никольскій, но съ 1838 года, первенствующее значеніе по этому предмету пріобрѣлъ въ корпусѣ капитанъ Нейманъ, положившій въ основаніе изученія своего предмета черченіе картъ. Оно доведено было имъ до мельчайшихъ подробностей и до изумительной вѣрности и красоты. Методъ Неймана былъ тогда нововведеніемъ, но потомъ упрочился и былъ принятъ повсемѣстно, благодаря его послѣдователямъ и ученикамъ, новгородскимъ кадетамъ,—извѣстнымъ преподавателямъ географіи, въ Петербургѣ — Пуликовскому, въ Москвѣ — Савачееву, въ Нижнемъ—Долгорукову и въ Полоцкѣ—Перегудову.

Чистую математику, т. е. ариѳметику, алгебру и геометрію преподавали: въ старшихъ классахъ—поручикъ Шубинъ 2-й и Каменскій. Эти предметы были поставлены въ корпусѣ съ самаго начала очень хорошо. Особенно успѣшно велъ дѣло Каменскій. Онъ проходилъ курсъ не торопясь и не оставляя ничего неразъясненнымъ, чѣмъ незамѣтно пріучалъ учениковъ къ логичной послѣдовательности и строгой правильности умозаключеній, черезъ что втягивалъ ихъ легко въ сферу математическихъ знаній. Кстати замѣтимъ, что Каменскій былъ настроенія нѣсколько мистическаго и часто говаривалъ на лекціяхъ о какомъ-то таинственномъ значеніи алгебраическихъ формулъ и геометрическихъ фигуръ; но эти вводныя рѣчи не производили впечатлѣнія на молодые и трезвые умы его учениковъ. Въ доказательство этого приведемъ слѣдующій фактъ. Однажды Каменскій, увлекшись, выразился, что математика наука божественная, а потому и всевидящее око изображаютъ въ треугольникѣ.

— «А отчего же, Викторъ Ивановичъ», — спрашиваетъ одинъ изъ кадетъ — «въ деревняхъ на свинью надѣваютъ треугольникъ»?

Каменскій сначала хотѣлъ разсердиться, и строго взглянулъ на шалуна, но потомъ спокойно отвѣчалъ: «не всегда, братецъ, вотъ напримѣръ на тебѣ я не вижу треугольника» [1]).

На лѣтнія вакаціи 1837 года отпуска къ роднымъ не было, потому что корпусъ, впервые по его учрежденіи, былъ выведенъ, за исключеніемъ неранжированной роты, въ лагерь. Мѣсто для него было избрано въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ корпуснаго зданія, позади директорскаго сада, на песчаной, неприглядной равнинѣ. Тамъ шесть большихъ шатровъ были поставлены въ одну линію, тыломъ къ Новосѣлицамъ. За ними разбили нѣсколько палатокъ для служителей, а затѣмъ ни кухонь, ни столовыхъ навѣсовъ при лагерѣ не было. Кадетъ водили къ обѣду и ужину въ корпусное зданіе. Не смотря на это, выводъ въ лагерь, какъ новинка, занималъ воспитанниковъ. Имъ нравилось быть дежурными и дневальными, вызывать и выбѣгать на линію, нравилось строиться къ зорѣ и на ученья на линейкахъ, устанавливать свои до блеска отчищенныя ружья въ пирамиды. Все это, вмѣстѣ съ первыми ученьями въ составѣ баталіона, занимало ихъ, не смотря на то, что полковникъ Струмилло былъ далеко не мастеръ производить ученья. Кстати замѣтимъ, что въ кадетахъ того времени любовь ко всему фронтовому была сильно развита. Лѣниться во фронтѣ — значило подводить товарищей. Передалось-ли это отъ сосѣдства идеальнаго по фронтовой части учебнаго полка, или отъ общаго направленія молодежи того времени, — рѣшить трудно. Чѣмъ кто короче дѣлалъ ружейные пріемы, чѣмъ красивѣе маршировалъ, — тѣмъ большимъ авторитетомъ пользовался въ своей ротѣ. Даже къ тѣмъ изъ прикомандированныхъ офицеровъ, которые громче и ловче командовали, кадеты относились съ бо̀льшимъ довѣріемъ и симпатіею. Къ числу подобныхъ, напримѣръ, принадлежалъ Петръ Ивановичъ Бутаковъ, сдѣлавшійся потомъ учителемъ и даже наставникомъ-наблюдателемъ преподаванія исторіи.

---

[1]) Впослѣдствіи Каменскій, выйдя въ отставку, вполнѣ предался мистицизму, долго жилъ въ Іерусалимѣ и написалъ о немъ книгу, въ которой, при прекрасномъ языкѣ, не было никакого реальнаго содержанія. П. К.

VII.

Въ половинѣ лѣта 1837 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что въ началѣ сентября великій князь Михаилъ Павловичъ произведетъ смотръ кадетскому баталіону. Кадетамъ первый разъ приходилось представиться съ ружьями, выданными годъ назадъ. Стараніе показаться молодцами такому знатоку и строгому судьи—было общимъ. Хитрый Струмилло, какъ только узналъ о предстоящемъ смотрѣ, поспѣшилъ испросить отпускъ; младшій штабъ-офицеръ подполковникъ Карташевъ находился въ командировкѣ въ Старой Руссѣ, поэтому приготовлять къ смотру пришлось капитану Аралову.

Въ августѣ мѣсяцѣ возвратился изъ красносельскаго лагеря учебный полкъ; при его содѣйствіи начались дѣятельныя приготовленія къ смотру великаго князя. Портные полка шили на весь корпусъ новые мундиры, полковой капельмейстеръ Емельяновъ ежедневно училъ корпусныхъ барабанщиковъ, адъютантъ Кисляковъ неутомимо занимался съ линейными унтеръ-офицерами. Баталіонныя ученья происходили большею частью въ присутствіи командира полка, полковника Нипны; даже бригадный командиръ генералъ-маіоръ Бибиковъ пріѣзжалъ заниматься съ ординарцами; церемоніальный маршъ производился постоянно подъ полковой хоръ. Директоръ корпуса Петровскій, не только незнавшій устава, но частенько, какъ истый кавалеристъ, подтрунивавшій надъ пѣхотнымъ строемъ, не принималъ участія въ фронтовыхъ приготовленіяхъ, но всегда присутствовалъ на плацу.

Ординарцами къ великому князю были назначены: унтеръ-офицеръ Павелъ Карцовъ и ефрейторъ Владиміръ Зарубаевъ. Вспоминая какъ насъ готовили, многое кажется теперь страннымъ до комизма. Намъ было выдано для умыванья особенное душистое мыло; передъ каждою репетиціею насъ поили сливками, а дня за три до представленія, опасаясь какъ бы мы не охрипли, давали по утрамъ гоголь-моголь. Казалось бы, что особенно о насъ заботиться было нечего, потому что была еще запасная пара ординарцевъ: унтеръ-офицеръ Вельяшевъ и кадетъ Перегудовъ. Боязнь, чтобы мы не оробѣли и неувѣренность дѣйствительно-ли мы хорошо приготовлены, были причиною, что насъ показывали по очереди всѣмъ прибывавшимъ ранѣе великаго князя генераламъ. Стоило пріѣхать начальнику военнаго поселенія или командиру кавалерійской бригады, какъ ординарцевъ вызывали изъ классъ, одѣвали и заставляли продѣлывать все, что требовалось въ то время, не исключая ружейныхъ пріемовъ и сниманія ранцевъ по счету.

Великій князь пріѣхалъ въ ночь съ 9-го на 10-е сент. 1837 г. и приказалъ баталіону быть на слѣдующій день готову на плацу къ 12-ти часамъ. Въ этотъ разъ его высочество остановился во вновь приготовленной для пріѣзда начальства квартирѣ, гдѣ прежде была квартира командира полка. Кадеты называли этотъ домъ дворцомъ, хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ домовъ. Въ этой-то квартирѣ и должно было происходить представленіе ординарцевъ, передъ выходомъ великаго князя. Насъ повели туда часа за полтора.

При представленіи могъ присутствовать только директоръ, потому что баталіонный и ротный командиры уже находились въ строю. Помню, что Я. И. Ростовцевъ лично показывалъ намъ всѣ сноровки, которыхъ требовало расположеніе пріемной комнаты, ея дверей и оконъ. Надо было войти въ растворенную половинку двери, сдѣлать шагъ влѣво и вмѣстѣ съ этимъ стать по направленію къ двери, изъ которой предстояло выйти Михаилу Павловичу. Явившись, слѣдовало отойти къ лѣвой стѣнѣ, по полученіи приказанія приставить ружья и снять ранцы. Сниманіе и надѣваніе ранцевъ дѣлалось въ то время по счету, въ 5 пріемовъ, и непремѣнно одновремено съ виставымъ. Репетичка Ростовцева продѣлывалась тихо, шепотомъ, дабы великій князь не могъ ничего слышать. Вслѣдъ за нами должны были подходить ординарцы учебнаго полка. Конкуренція казалась намъ не выгодною,— но вышло иначе.

Великій князь вышелъ въ пріемную ровно въ 12 часовъ, въ мундирѣ 2-го кадетскаго корпуса, съ довольно серьезнымъ видомъ, и оглянувъ собравшихся къ его пріѣзду изъ окрестностей генераловъ, довольно сурово сказалъ директору Петровскому:

— «Вы не по формѣ одѣты, извольте переодѣться».

Потомъ, взглянувъ на меня, кивнулъ головой:—это значило «подходи». Все было продѣлано, какъ указывалъ Я. И. Ростовцевъ. Подходить пришлось всего 5 шаговъ. Только что я успѣлъ произнести: «Къ вашему импер....», какъ его высочество, нахмурясь, довольно внушительно и громко сказалъ: «руку ниже!» Пришлось начать рапортованіе сначала, думая при этомъ: «ну, плохо, какъ-то придется кончить». Но кончилось все отлично. Зарубаевъ исполнилъ свое дѣло щегольски и когда мы, какъ одинъ, сняли и надѣли ранцы, что продолжалось не болѣе трехъ минутъ, великій князь похвалилъ обоихъ. За нами началось представленіе ординарцевъ учебнаго полка. Не успѣлъ унтеръ-офицеръ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ его высочество крикнулъ:

— «Это что за кривлянье! Вонъ! Терпѣть не могу этихъ учебныхъ вывертовъ», и, обратясь къ командиру полка, прибавилъ:

— «Вы видѣли какъ подходили кадеты, не имъ у вашихъ, а вамъ не мѣшаетъ поучиться у нихъ» [1]).

Что говорилось потомъ, намъ неизвѣстно, потому что до выхода великаго князя на крыльцо, намъ приказано было успѣть добѣжать до баталіона и, сбросивъ по пути служителю ранцы, стать въ строй, гдѣ оставлены были мѣста.

Какъ офицеры, такъ и кадеты, ожидая смотра, думали, что представленіе ординарцевъ было неудачно, потому что видѣли директора бѣжавшимъ по тротуару въ свою квартиру. Старикъ, торопясь перемѣнить парадный мундиръ на корпусный, споткнулся и упалъ въ виду строя.

Не смотря на неблагопріятное расположеніе великаго князя, начало смотра было вполнѣ удачно; но какъ только начались построенія, то со стороны офицеровъ произошло нѣсколько ошибокъ. Первымъ ошибся штабсъ-капитанъ Нейманъ, въ то время уже преподававшій географію. У него было принято за правило, чтобы кадетъ, чертя на доскѣ, говорилъ «ѣду отъ такого-то города до такой-то рѣки», или «ѣду отъ такого-то мыса до такого-то залива». Случилось, что при захожденіи по взводно, онъ вмѣсто того, чтобы идти на заходящій флангъ, направился передъ середину взвода. Великій князь приказалъ идти ему за фронтъ. Нейманъ, взявъ саблю подвысь, мѣрнымъ шагомъ направляется за взводъ и слышитъ шепотъ кадетъ: ѣду, ѣду.—вотъ и доѣхалъ».

Вслѣдъ за этимъ, прикомандированный поручикъ Бѣляевъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го взвода, при захожденіи колонны правымъ плечемъ, не обозначалъ шага на мѣстѣ. Его высочество видитъ это и спрашиваетъ командующаго баталіономъ:

— «Откуда вы взяли его»?

— Изъ Бутырскаго полка,—отвѣчаетъ капитанъ Араловъ.

— «Отправить его въ Бутырскій же полкъ на гауптвахту», приказываетъ великій князь.

Наконецъ, при церемоніальномъ маршѣ, поручикъ Деллингсгаузенъ проходитъ не въ тактъ музыкѣ. Его высочество вызываетъ его передъ колонну и самъ командуетъ ему одному: «Тихимъ шагомъ—маршъ». Музыка играетъ; Деллингсгаузенъ старается и какъ только поравнялся съ гауптвахтой, Михаилъ Павловичъ командуетъ ему: «на пра-во». Такъ тихимъ шагомъ и пошелъ поручикъ подъ арестъ.

Въ отношеніи кадетъ было сдѣлано единственное замѣчаніе, что

---

[1]) В. кн. Михаилъ Павловичъ вообще не любилъ учебныхъ полковъ, и называлъ ихъ Клеймихельская гвардія. П. К.

кто-то въ гренадерскомъ взводѣ шевелитъ головою, что замѣчено издали по качавшемуся султану. Сначала великій князь приказалъ наказать виновнаго, но когда, по окончаніи смотра, подошелъ къ сомкнутой колоннѣ и спросилъ: «кто шевелился въ 1-мъ взводѣ?» и кадетъ, выйдя впередъ, отвѣчалъ: «Я, ваше императорское высочество», то взыскивать не приказалъ и вслѣдъ затѣмъ началъ благодарить кадетъ, говоря, что они дѣлали свое дѣло отлично, а ружейные пріемы въ особенности.

Этимъ и кончилось дурное расположеніе духа великаго князя. За обѣдомъ и обходя камеры, онъ шутилъ съ кадетами говоря: «А что, задалъ я вамъ страху?» Отъѣзжая, онъ приказалъ не взыскивать съ Бѣляева и освободить Деллингсгаузена.

Все это въ настоящее время кажется страннымъ, но если вникнуть въ значеніе подобныхъ смотровъ, то нельзя было не видѣть въ нихъ нѣкоторой пользы для будущаго. Относясь такъ серьезно къ каждой ошибкѣ офицера, не показывалъ-ли этимъ великій князь кадету, какая точность и исполнительность, какое твердое знаніе своихъ обязанностей требуетъ строевая служба. Кадетъ—мальчикъ, воспріимчиво принималъ впечатлѣнія подобныхъ смотровъ; готовясь быть и потомъ дѣлаясь офицеромъ, онъ вполнѣ понималъ, что̀ такое исполнительность и отвѣтственность, а это два главные двигателя военной службы.

VIII.

Лѣто 1837 года было ознаменовано посѣщеніемъ корпуса императрицею Александрой Ѳеодоровной, съ великою княжною Маріей Николаевной, тогда только что объявленною невѣстою герцога Лейхтенбергскаго. Онѣ ѣхали въ Москву не черезъ Новгородъ, а со станціи Спасская Полисть, по грунтовой дорогѣ на Бронницу, такъ что пришлось проѣзжать мимо корпуснаго зданія. Ея величество и великая княжна, о пріѣздѣ которыхъ узнали всего часа за три, застали кадетъ за ужиномъ, но было еще совершенно свѣтло. Желая попробовать пищу, великая княжна сѣла за крайній столъ 2-й роты, возлѣ кадета Бачманова. Взявъ его ложку, она скушала немного супу.

Императрица въ это время перешла къ столамъ неранжированной роты. Тамъ, на лѣвомъ флангѣ, сидѣлъ только два дня назадъ привезенный въ корпусъ кадетъ Масляницкій 2, сирота, безъ всякаго воспитанія и до того бѣдный, что былъ доставленъ въ корпусъ обутымъ въ лапти. Въ два дня его, конечно, не могли выучить кому какъ слѣдуетъ отвѣчать. Нужно-же было, чтобы императрица именно къ нему обратилась со словами:

— «Государь приказалъ—сказала она, кладя руки на плечи Масляницкаго,—кланяться вамъ и сказать, что онъ всѣхъ кадетъ очень любитъ».

Масляницкій, не вставая, а взглянувъ только изъ подлобья, пробормоталъ: «спасибо». Хотя ротный командиръ и объяснилъ кому то изъ свиты причину подобнаго отвѣта, но всѣ мы были очень опечалены этою случайностью.

Чтобы сколько нибудь уразнообразить монотонность лагерной стоянки 1838 года и доставить кадетамъ развлеченіе, директоръ Петровскій придумалъ военную прогулку за 8 верстъ, въ ямъ Бронницу. Приготовленія къ этой забавѣ занимало кадетъ нѣсколько дней, а воспоминанія и разговоры о ней еще долѣе. Экономъ хлопоталъ какъ устроить на походѣ обѣдъ, кадеты заботились о полученіи отъ ротныхъ командировъ денегъ на лакомства, пѣсенники усердно спѣвались; даже учителя собирались принять участіе въ прогулкѣ и нѣкоторые (Орнатскій и Нюккеръ) шли всю дорогу возлѣ ротъ. Почтенный старикъ директоръ тоже бо́льшую часть дороги, несмотря на раненую ногу, шелъ впереди пѣсенниковъ, которые, въ угоду ему, особенно часто пѣли любимую его малороссійскую пѣсню:

Гей пидъ горою, пидъ перевозомъ,
Стояла дывчина съ своимъ обозомъ.

Пройдя мостъ, что на шоссе близъ Бронницъ, баталіонъ былъ поставленъ на берегу, бивуакомъ. Здѣсь ожидалъ его только что замѣнившій Шишмолина новый экономъ Тетеревковъ, съ готовымъ уже обѣдомъ.

Жители въ то время богатаго яма собрались къ мосту и смотрѣли на приходъ кадетъ, какъ на необыкновенное событіе. Но и кадеты со своей стороны были не менѣе любопытны. Сряду послѣ обѣда, они партіями, при офицерахъ и учителяхъ, разошлись по селу: одни осмотрѣть церковь, находящуюся на очень высокомъ курганѣ, съ котораго представлялся обширный горизонтъ, съ прекрасными видами на озеро Ильмень, съ разбросанными по его берегамъ монастырями и церквами, на виднѣющійся въ синей дали Новгородъ, на извивающуюся голубою лентою Мсту. Другіе интересовались видѣть царскіе покои на почтовой станціи; но бо́льшая часть разсыпалась по лавкамъ запасаться пряниками, орѣхами и разными сластями. Менѣе прихотливые несли на бивакъ горшки молока, яйца, картофель, которые тутъ же у рѣки сами пекли и варили. Оживленіе и радость были общими. Пробитый въ 7 часовъ сборъ сильно всѣхъ опечалилъ: пришлось строиться и возвращаться въ лагерь, куда баталіонъ прибылъ около 10 ч. вечера.

IX.

Въ началѣ 1839 г. было, наконецъ, получено положительное распоряженіе штаба военно-учебныхъ заведеній о доставленіи къ 1-му іюню старшаго отдѣленія V класса, для окончанія курса, въ Дворянскій полкъ. Откладываніе этого перевода съ года на годъ привело къ тому, что кадетамъ какъ-то не вѣрилось, что и теперь онъ состоится, такъ обжились они въ стѣнахъ корпуса. Пять лучшихъ юношескихъ лѣтъ, проведенныя въ одномъ заведеніи, въ кругу однихъ и тѣхъ-же лицъ, безъ всякихъ постороннихъ интересовъ, для многихъ даже безъ свиданія съ родными, до того сблизили кадетъ перваго выпуска со всѣмъ окружающимъ, что имъ казалось невозможнымъ очутиться въ другой обстановкѣ, среди другихъ взглядовъ и обычаевъ.

Распоряженіе о переводѣ, давно рѣшенное въ принципѣ, казалось удивило и начальство корпуса. Оно засуетилось такъ, какъ будто это послѣдовало неожиданно, и суета болѣе всего коснулась классной части. Учителя начали торопливо перебирать все пройденное, чтобы убѣдиться нѣтъ-ли пропусковъ противъ присланныхъ изъ штаба программъ. Инспекторъ Божеряновъ почти не выходилъ изъ выпускнаго класса.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начался экзаменъ переводимыхъ, изъ всего пройденнаго въ теченіи 5 лѣтъ. Онъ имѣлъ особое значеніе какъ для кадетъ, такъ и для учителей; для первыхъ—въ отношеніи старшинства, съ которымъ имъ предстояло перейти въ спеціальные классы; для вторыхъ—экзамены въ Дворянскомъ полку были отчасти повѣркою ихъ личнаго знанія и усердія. Они предвидѣли, что о результатѣ экзамена по каждому предмету будетъ знать Ростовцевъ, мнѣніемъ котораго они очень дорожили, такъ какъ при посѣщеніяхъ корпуса онъ былъ всегда къ нимъ внимателенъ и лично зналъ многихъ. Кстати замѣтимъ, что Я. И. Ростовцевъ обладалъ въ отношеніи личностей необыкновенною памятью. Стоило кадету одинъ разъ отвѣчать при немъ, чтобы онъ навсегда уже зналъ его. Боязни предстоящаго въ Петербургѣ экзамена, какъ со стороны кадетъ, такъ и начальства, много содѣйствовало то, что въ корпусѣ было извѣстно, что годъ назадъ, изъ кадетъ Тульскаго корпуса нѣсколько человѣкъ было, за невыдержаніе экзамена, возвращено обратно въ корпусъ.

Въ половинѣ мая экзамены были окончены и 39 кадетъ назначены къ отправленію въ Дворянскій полкъ. Двѣ недѣли, остававшіяся до выѣзда, прошли незамѣтно: выпускныхъ обмундировали съ особою тщательностію, изрѣдка занимали строевыми ученіями и хотя въ

опредѣленное время водили въ классы, но тамъ предоставлено было заниматься повтореніемъ того, что каждому казалось нужнѣе. Учителя проводили свои часы въ объясненіяхъ и бесѣдахъ съ тѣми, кто обращался къ нимъ; общихъ же лекцій уже не было. Нѣкоторые изъ учителей, напримѣръ, законоучитель Малиновскій и Д. Н. Орнатскій послѣдній свой приходъ въ классы посвятили прощальному наставленію. Они высказали кадетамъ свои пожеланія и благословили юношей, 5 лѣтъ бывшихъ ихъ учениками, на дальнѣйшее поприще. Эти послѣднія бесѣды можно назвать прощаньемъ отцевъ съ дѣтьми и если бы въ то время можно было записать сказанное ими, то теперь прощальныя ихъ наставленія могли бы служить драгоцѣнными, документальными доказательствами того высокочестнаго и вполнѣ нравственнаго направленія, какое получали новгородскіе кадеты, оставляя свой родной корпусъ.

Прощанье съ нимъ кадетъ все-таки было и радостнымъ. Юное воображеніе искало новизны, новыхъ впечатлѣній; оно уносило всѣ помыслы къ будущему, не позволяло обдумывать и оцѣнивать прошедшее. Только впослѣдствіи, окунувшись въ жизнь и испытавъ ея треволненія, въ новгородскомъ кадетѣ возрождались воспоминанія о минувшемъ, а при переходѣ въ возмужалость передъ нимъ съ каждымъ годомъ яснѣе и яснѣе обрисовывались образцы для примѣра, которые онъ имѣлъ въ такихъ личностяхъ, какъ Бородинъ или Бряновъ, какъ Орнатскій или Каменскій, какъ Божеряновъ и Малиновскій. Кадетъ потомъ уже убѣждался, что даже и тѣ человѣческіе недостатки, которые осуждались имъ и казались несносными, не заключали въ себѣ ничего вреднаго для его будущности. По мѣрѣ этого убѣжденія возростала въ новгородскомъ кадетѣ привязанность и любовь къ своему корпусу.

Наступилъ день отъѣзда перваго выпуска. Послѣднюю ночь провели выпускные въ своихъ ротахъ, на постоянныхъ своихъ мѣстахъ, потому что не были отдѣлены отъ товарищей, и до послѣдней минуты пребыванія въ корпусѣ, фельдфебеля и унтеръ-офицеры исполняли свои обязанности съ тою точностію, какъ будто имъ предстояло еще долго отвѣчать за свои отдѣленія и десятки.

28-го мая, съ ранняго утра, 12 большихъ троичныхъ телѣгъ стояли у подъѣзда праваго флигеля, гдѣ была гренадерская рота. Служителя суетливо укладывали на двѣ изъ нихъ тюки съ новымъ обмундированіемъ; кадеты тискали свои ящички и узелки съ тетрадями. Директоръ, всѣ офицеры и учителя, даже многіе изъ дамъ, пришли смотрѣть на отъѣздъ первыхъ выпускныхъ, а когда они стали размѣщаться, то весь корпусъ окружилъ поѣздъ. Прощальные поцѣлуи, всевозможныя пожеланія, просьбы и обѣщанія писать,—все это сли-

валось въ общій гулъ, затихавшій по мѣрѣ того, какъ телѣги одна за другою трогались отъ подъѣзда; но потомъ маханья шапками и платками и разные знаки продолжались до тѣхъ поръ, пока шоссейная пыль не закрыла пустившихся рысью повозокъ. Человѣка два-три изъ выпускныхъ были особенно грустны. Они оставляли въ корпусѣ свои зазнобушки. Дѣло понятное. Тамъ, гдѣ 16-ти и 17-ти лѣтніе юноши постоянно видятъ хорошенькую сестру, дочь или племянницу своего офицера или учителя, непремѣнно найдутся влюбленные. Конечно, привязанность оказывалась непродолжительною и по большей части ее хватало не дальше Новгорода, но были и такіе примѣры, что года черезъ два по производствѣ, влюбленный, оставшись вѣренъ своему чувству, добивался прикомандированія къ корпусу, собственно для того, чтобы достичь цѣли, и нѣкоторые дѣлались потомъ мужьями тѣхъ, въ кого были влюблены кадетами. Выходили ли изъ нихъ полезные воспитатели или только вѣрные мужья,—это другой вопросъ.

Сопровождать первый выпускъ и сдать его въ Дворянскій полкъ былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Огаревъ; но до Новгорода, вмѣстѣ съ кадетами, ѣхали капитанъ Араловъ и экономъ, съ запасомъ пироговъ и тартинокъ, уничтоженныхъ на сдѣланной въ полпути остановкѣ.

Въ Новгородѣ, куда должны были прибыть изъ Петербурга нанятыя кареты, назначена была дневка, во время которой пріѣхали изъ корпуса: директоръ Петровскій, ротные командиры Шубинъ 1, Неймапъ и князь Назаровъ и учителя: Орнатскій, Нюккеръ, Юргенсъ и Шелковниковъ. Всѣ они приходили къ выпускнымъ, помѣщеннымъ въ двухъ отведенныхъ домахъ, гдѣ для каждаго была поставлена кровать. Вообще начальствомъ курпуса были приняты всѣ мѣры къ возможно удобному переѣзду кадетъ и къ ихъ довольствію въ пути. Какъ въ Новгородѣ, такъ и далѣе, на всѣхъ покормкахъ и ночлегахъ, ѣхавшимъ впередъ помощникомъ экономa заказывался обѣдъ; по утрамъ, передъ выѣздомъ, давался чай съ булками, а вечеромъ Михаилъ Васильевичъ Огаревъ, кромѣ чая, покупалъ молоко, яйца, масло. Во время дневки кадеты, партіями, подъ предводительствомъ названныхъ офицеровъ и учителей, осматривали Кремль, Софійскій соборъ, лодку Екатерины II, гуляли по берегу Волхова, были—одни въ Юрьевѣ, другіе въ Духовомъ монастырѣ.

На слѣдующій день, 29-го мая, простившись съ провожавшими, часовъ въ 7 утра, выпускные размѣстились въ 9-ти огромныхъ каретахъ, запряженныхъ четверками и тронулись въ дальнѣйшій путь. На переѣздъ 180 верстъ употреблено 3 дня, которые можно было назвать прогулкою. Московское шоссе въ то время было необыкно-

венно оживлено. Почтовыя кареты, дилижансы разныхъ компаній, множество проѣзжавшихъ въ коляскахъ и каретахъ, фельдъегеря, почти сплошная вереница обозовъ, то встрѣчало, то обгоняло одно другое и все было для кадетъ новизною. Погода стояла отличная; на половинѣ перегона Огаревъ позволялъ желающимъ выдти и покуда лошади, ради отдыха, шли шагомъ, пройти версты 2 пѣшкомъ. На ночлегахъ кадеты размѣщались въ 2-хъ большихъ постоялыхъ дворахъ, спали обыкновенно въ повалку, на сѣновалѣ, что составляло тоже небывалую особенность.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ больше возрастало любопытство скорѣе увидѣть его. Никому въ то время не приходило на мысль, что съ этимъ приближеніемъ начинается отдаленіе отъ беззаботныхъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирномъ уединеніи корпуса, о которыхъ многимъ придется вспомнить съ сожалѣніемъ, зачѣмъ они прошли такъ скоро и безвозвратно. Никто въ минуту перваго своего въѣзда въ столицу не остановился на мысли, что для каждаго начинается жизнь новая, въ кругу новыхъ лицъ, новыхъ порядковъ и требованій, жизнь, сопряженная съ бо́льшими трудами, заботами и отвѣтственностями.

Приближаясь къ пересѣченію шоссе Царскосельскою желѣзною дорогою, кареты остановились у спущеннаго шлагбаума. Кадеты выбѣжали посмотрѣть на невиданное ими прохожденіе поѣзда. Поравнявшись съ ихъ вытянувшеюся вдоль полотна ширенгою, машинистъ, вѣроятно догадавшійся, что это провинціалы, нарочно далъ сильный свистокъ. Какъ-бы облитые водою, въ одинъ мигъ всѣ бросились отъ дороги и только добѣжавъ до своихъ каретъ, мы опомнились отъ страха.

1839 года 31-го мая, въ 6 часовъ вечера, первый выпускъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса вышелъ изъ экипажей у подъѣзда Дворянскаго полка.

Необходимо замѣтить, что изъ желанія-ли возбудить въ воспитанникахъ стараніе къ занятіямъ, или просто отъ манеры грозить будущимъ, но въ корпусѣ кадетъ сильно стращали Дворянскимъ полкомъ и въ особенности его командиромъ, генералъ-маіоромъ Пущинымъ. На дѣлѣ оказалось совершенно противное тому, что говорили. Онъ принялъ первый выпускъ необыкновенно внимательно и даже ласково. Въ первый же вечеръ приказано было всѣхъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ привести въ его квартиру, гдѣ они были представлены его семейству. Чуждое всякой оффиціальности обращеніе генерала, любезность его супруги, такъ умѣвшей въ каждомъ словѣ, въ каждомъ вопросѣ выразить доброту и участіе, съ перваго раза показали новгородцамъ, что ихъ желаютъ

приблизить и затѣмъ ввести въ новое заведеніе съ полнымъ гостепріимствомъ. На слѣдующій день прибывшихъ кадетъ распредѣлили въ роты 1-го баталіона, причемъ всѣ фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры заняли въ строю унтеръ-офицерскія мѣста и только младшимъ унтеръ-офицерамъ пришлось стать за рядовыхъ. Первые дни ротные командиры и вообще офицеры полка какъ бы приглядывались къ новгородцамъ, но, увидя въ нихъ полную во всемъ исполнительность, видимо стали отличать кадетъ и обнаруживать къ нимъ полное вниманіе. Ни той суровости тона, ни того солдатства, о которомъ носились слухи въ корпусѣ, никѣмъ замѣчено не было. Напротивъ, съ каждымъ днемъ прибывшіе болѣе и болѣе чувствовали, что ихъ положеніе въ Дворянскомъ полку будетъ недурно.

Черезъ два дня по пріѣздѣ, начались экзамены, на которыхъ постоянно присутствовало множество учителей не только Дворянскаго полка, но и другихъ корпусовъ. Не проходило дня, чтобы не пріѣзжали то директоръ, то инспекторы классовъ изъ разныхъ заведеній. Даже въ постоянную экзаменную коммисію были назначены: инспекторъ 2-го кадетскаго корпуса Ортенбергъ 2-й, законоучитель 1-го корпуса Раевскій и инспекторъ Павловскаго кадетскаго корпуса. Промежутковъ для приготовленій не было; каждый день приходилось сдавать какой либо предметъ, а иногда и два въ день. Видимо было, что начальникъ штаба Ростовцевъ, обставляя экзамены строго и безпристрастно, какъ бы желалъ похвастать, передъ столичными корпусами, первымъ выпускомъ изъ губернскаго. Дѣйствительно, онъ могъ считать Новгородскій корпусъ отчасти и своимъ созданіемъ,— такъ много онъ показывалъ къ нему всегда участія. Два или три раза пріѣзжалъ на экзаменъ и главный директоръ, генералъ Клингенбергъ.

Въ числѣ экзаменовавшихъ была личность, поражавшая кадетъ громадностью роста и еще тѣмъ, что бывъ во фракѣ, принимала особенное участіе въ экзаменѣ Закона Божія. Черезъ два мѣсяца та же личность совершала уже литургію въ полковой церкви. Это былъ незабвенный Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій, занявшій, съ пріѣздомъ перваго Новгородскаго выпуска, мѣсто священника и законоучителя Дворянскаго полка. Кадеты страстно полюбили его, и казалось сама судьба протежировала ихъ въ отношеніи законоучителей, потому что отъ Малиновскаго они попали къ Рождественскому. Память о немъ и его дивныхъ проповѣдяхъ, о его прямотѣ и участіи къ каждому Новгородскіе кадеты сохранили на всю жизнь. Почти всѣ вышедшіе въ гвардію и послѣ выпусковъ оставались его духовными сыновьями, пока служили въ Петербургѣ. Кто былъ потомъ въ близкихъ сношеніяхъ съ множествомъ священниковъ и за-

коноучителей, тотъ несомнѣнно скажетъ, что подобнаго И. В. Рождественскому не было, да едва ли и будетъ.

Вообще экзаменъ перваго Новгородскаго выпуска произвелъ на петербургскихъ экзаменаторовъ самое лучшее впечатлѣніе. Онъ и еще то, что кадеты нисколько не дичились новаго начальства, не конфузились новыхъ учителей, держали себя передъ ними просто, проявляли въ своихъ отвѣтахъ и манерахъ много естественности, отзывавшейся чѣмъ-то семейнымъ, было причиною, что они пріобрѣли общее къ себѣ расположеніе. Два изъ перваго выпуска, Краузе и Лефперъ, изъявили желаніе въ теченіи лѣта приготовиться, минуя 1-й спеціальный классъ, въ который были, послѣ экзамена, зачислены всѣ другіе, экзаменоваться въ августѣ прямо во 2-й спеціальный. Получивъ на это разрѣшеніе, они не только отлично выдержали экзаменъ, но и во второмъ классѣ Краузе кончилъ курсъ первымъ и былъ выпущенъ въ гвардію, а Лефперъ въ артиллерію.

X.

Ровно черезъ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1840 г., состоялось прибытіе въ Дворянскій полкъ втораго Новгородскаго выпуска. Репутація, составленная корпусу первымъ, заставила корпусное начальство особенно заботиться о томъ, чтобы поддержать ее. Поэтому директоръ, отдавая приказъ объ экзаменахъ, требовалъ отъ инспектора и учителей, чтобы они особенно строже экзаменовали предназначенныхъ къ переводу въ Дворянскій полкъ. Опасенія за второй выпускъ были совершенно напрасны. Во первыхъ, ему бо́льшую часть предметовъ преподавали не тѣ учителя, которые приготовляли выпускъ минувшаго года, поэтому, желая конкурировать, они употребляли всевозможное стараніе, чтобы ихъ ученики оказались не хуже. Во вторыхъ, составъ втораго выпуска былъ какъ-то особенно удаченъ. Онъ состоялъ преимущественно изъ воспитанниковъ даровитыхъ, прилежныхъ и увѣренныхъ въ своихъ знаніяхъ. Во главѣ таковыхъ были: Макшеевъ, Одаховскій, Вельяшевъ, Краузе 2, Фроловъ, Рыкачевъ 2 и друг.

Отправленіе ихъ уже не было новинкою и совершилось нѣсколько проще прошлогодняго. Ихъ везли не черезъ Новгородъ, а прямымъ трактомъ, на Спасскую Полисть, и не въ каретахъ, а на большихъ троичныхъ телѣгахъ. Для сопровожденія 2-го выпуска былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Бѣляевъ, съ прибытіемъ котораго штабсъ-капитанъ Огаревъ возвратился въ корпусъ. Экзаменъ, произведенный второму выпуску, былъ вполнѣ блистателенъ. Отвѣты изъ географіи (преподаватель Неймапъ), математики (преподаватель Каменскій) и изъ иностранныхъ языковъ (преподаватели Юргенсъ и Нюккеръ) по-

ражали начальство петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. Они утвердили за новгородскими кадетами репутацію отлично подготовленныхъ къ спеціальнымъ классамъ, а за ихъ учителями—знающихъ, усердныхъ и толковыхъ преподавателей. Между тѣмъ изъ перечня и характеристики первыхъ учителей мы видѣли, что эти преподаватели далеко не были орлами своей науки. Не доказываетъ ли это, что для первоначальнаго образованія юношества, добрая воля, усердіе и честное отношеніе къ дѣлу гораздо важнѣе глубокой учености.

Почти одновременно съ пріѣздомъ въ Дворянскій полкъ 2-го Новгородскаго выпуска, туда же прибылъ первый выпускъ Полоцкаго, такъ что экзамены обоихъ происходили параллельно и давали полную возможность для сравненія. Въ нѣкоторыхъ предметахъ (словесность, естественныя науки, исторія) полочане брали верхъ, въ другихъ же (математика, географія, иностранные языки) новгородцы оставляли ихъ за собой, такъ что рѣшить кому принадлежитъ первенство было невозможно.

Въ 1840 году совершилось окончательное преобразованіе Дворянскаго полка, по которому онъ, сравнявшись въ учебномъ отношеніи со всѣми столичными кадетскими корпусами, долженъ былъ постепенно составиться только изъ кадетъ губернскихъ корпусовъ, присылаемыхъ для окончанія спеціальнаго курса. На этомъ основаніи оба выпуска Новгородскаго корпуса были соединены въ одну 1-ю гренадерскую роту, названную Новгородскою. Кадеты Полоцкаго корпуса были зачислены въ 1-ю мушкетерскую роту, тогда же переименованную—Полоцкою. Затѣмъ предполагалось 2-ю роту предоставить Петровскому Полтавскому корпусу, 3-ю Орловскому Бахтина и т. д. Кромѣ того, имѣлось въ виду: въ каждой ротѣ губернскаго корпуса весь составъ офицеровъ образовать изъ офицеровъ того же самаго корпуса, которыхъ замѣнять черезъ каждые два года другими.

Въ послѣдующіе годы, начальство Дворянскаго полка, видя, что нѣкоторые предполагавшіеся къ учрежденію губернскіе корпуса не открываются, а черезъ это бо́льшая половина его состава остается изъ собственныхъ его воспитанниковъ, между тѣмъ какъ новгородцы и полочане постоянно дѣлаются преобладающимъ элементомъ въ учебномъ отношеніи, нашло предлогъ упразднить названіе ротъ по корпусамъ и разъединить кадетъ. Предлогъ этотъ, поддержанный совѣтомъ военно-учебныхъ заведеній, былъ оффиціально выставленъ въ слѣдующемъ видѣ:

Кадеты, составляя отдѣльныя роты, не сливаются съ составомъ Дворянскаго полка, удерживаютъ свой отличительный провинціализмъ и свой, такъ называемый, esprit de corps. Черезъ это, при образованіи прочихъ губернскихъ гренадерскихъ ротъ, каждая изъ 8 ротъ Дворян-

скаго полка составитъ какъ бы особое цѣлое, съ своими мѣстными достоинствами и недостатками, и полкъ не будетъ имѣть должнаго единства.

Хотя въ настоящемъ очеркѣ мы, по возможности, избѣгаемъ критическаго разбора той или другой мѣры, исключая тѣхъ случаевъ, которые имѣли первенствующее значеніе въ жизни Новгородскаго корпуса, но не можемъ не замѣтить, что едва ли приведенные начальствомъ Дворянскаго полка доводы имѣли достаточныя основанія. То же самое начальство находило, при экзаменахъ, познанія губернскихъ кадетъ весьма хорошими; при всякомъ удобномъ случаѣ оно выставляло кадетъ въ примѣръ своимъ воспитанникамъ, и даже личнымъ обращеніемъ приближало къ себѣ кадетъ болѣе, чѣмъ носившихъ форму полка. Тотъ esprit de corps, котораго опасались, не обнаруженъ въ 4 года ни однимъ общимъ дурнымъ поступкомъ; напротивъ, поддерживая соревнованіе между ротами, онъ приносилъ видимую пользу. Новгородцы старались перещеголять полочанъ, полочане—орловцевъ, полтавцы тѣхъ и другихъ. Никогда прежде изъ Дворянскаго полка не выходило въ гвардію столько, какъ въ 1842 г., когда Новгородская и Полоцкая роты были въ комплектѣ. Въ этотъ годъ вышло изъ полка въ гвардію 18, изъ нихъ кадетъ изъ двухъ ротъ было 13, а на 6 ротъ Дворянскаго полка пришлось 5. Не смотря на это, 29-го апрѣля 1842 г., состоялось распоряженіе: присылаемыхъ кадетъ губернскихъ корпусовъ, въ отдѣльныхъ ротахъ по каждому корпусу не имѣть, а распредѣлять ихъ въ общій составъ Дворянскаго полка, съ тѣмъ, чтобы они носили и форму полка. Вмѣстѣ съ этимъ отмѣнена присылка отъ корпусовъ офицеровъ и приказано доставлять кадетъ не передъ лагеремъ, а послѣ его окончанія, по производствѣ воспитанниковъ Дворянскаго полка въ офицеры.

Въ доказательство того, что кадеты губернскихъ корпусовъ не только въ классномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ, оставляли за собою коренныхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, которыхъ было въ 4 раза болѣе, приведемъ тотъ фактъ, что фельдфебеля ротъ полка и бо́льшая часть унтеръ-офицеровъ были изъ кадетъ. Въ числѣ фельдфебелей были одновременно: 6 кадетъ на всѣ 8 ротъ полка.

Долгъ благодарности и исторической истины заставляетъ насъ сказать, что насколько кадеты Новгородскаго корпуса обязаны ему своимъ учебнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, настолько же они обязаны Дворянскому полку, и въ особенности его командиру, генералу Пущину,—служебнымъ образованіемъ. Его въ высшей степени честный и серьезный взглядъ на службу вселялъ сознаніе въ необходимость отвѣтственности, уваженія къ служебнымъ требованіямъ и ту опытность и знаніе, которыя кадеты того времени обнаруживали, вы-

ходя въ офицеры. Тотъ, кто былъ фельдфебелемъ и унтеръ-офицеромъ при Пущинѣ, не нуждался болѣе ни въ какихъ служебныхъ указаніяхъ. Это были уже готовые офицеры въ кадетской курткѣ, умѣвшіе потомъ служить при всякомъ и слишкомъ строгомъ, и слишкомъ добромъ начальникѣ, умѣвшіе любить и уважать службу.

XI.

Кончая этимъ воспоминанія о происходившемъ въ корпусѣ въ наше время, позволяемъ себѣ обратиться къ времени, болѣе къ намъ близкому.

Въ 1866 году совершилось переименованіе Новгородскаго кадетскаго корпуса въ Нижегородскую, графа Аракчеева, военную гимназію. Съ этого же года началась новая система военнаго воспитанія, основанная на иныхъ началахъ. Прошло шестнадцать лѣтъ и изъ гимназіи вновь возрождается кадетскій корпусъ, но уже подъ именемъ Нижегородскаго.

Возстановляя изъ гимназіи кадетскій корпусъ, казалось бы возможнымъ возвратить ему и прежнее его наименованіе—Новгородскаго. Мы желали бы этого потому, что это имя намъ дорого и основываемъ таковое мнѣніе на слѣдующемъ.

Имя графа Аракчеева, оставленное Нижегородскому кадетскому корпусу, не имѣетъ для Нижняго никакого значенія, тогда какъ оно исторически связано съ Новгородомъ. Придача этого имени къ заведенію, находящемуся въ Нижнимъ, въ отдаленномъ будущемъ можетъ возбудить недоразумѣнія, какъ возбудило бы ихъ приданіе заведенію, учрежденному въ Новгородѣ имени Минина или Пожарскаго. Графъ Аракчеевъ, какъ дворянинъ новгородской губерніи, жертвовалъ капиталъ на воспитаніе дѣтей новгородскихъ, а не нижегородскихъ дворянъ. По духовному завѣщанію онъ предоставилъ волѣ Государя назначить наслѣдника его имѣній. Для того, чтобы связать имя Аракчеева на вѣчныя времена съ городомъ, возлѣ котораго совершалась государственная его дѣятельность, императоръ Николай I повелѣлъ передать состояніе Аракчеева Новгородскому корпусу.

Если возрожденному корпусу дано названіе, не имѣющее ничего общаго ни съ дѣятельностію, ни съ пожертвованіями графа, только потому, что онъ оставленъ въ Нижнемъ, то это казалось бы не можетъ служить препятствіемъ возвращенію ему прежняго историческаго его имени. Всѣ полки нашей арміи носятъ названія различныхъ городовъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не расположенъ въ нихъ.

Генер.-лейт. П. П. Карцовъ.

КОНСТАНТИНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ АФАНАСЬЕВЪ,

академикъ-граверъ.

† 1857 г.

Покойный академикъ П. П. Пекарскій, въ «Энциклопедическомъ словарѣ», составленномъ русскими учеными и литераторами (т. V, 745), говоритъ: «Константинъ Яковлевичъ Афанасьевъ родился въ С.-Петербургѣ, въ 1794, † 1857 г., воспитывался въ академіи художествъ съ 1803 по 1818 г., учился гравированію у Клаубера и за эстампъ съ картины «св. Іеронимъ» Егорова выпущенъ съ второю золотою медалью. Много работалъ онъ для книгъ и первый началъ въ Россіи гравировать на стали. Портретъ императора Николая I—прекрасное въ этомъ родѣ его произведеніе (съ Крюгера). Въ 1837 г. К. Я. Афанасьевъ признанъ академикомъ за «памятникъ Карамзина» съ рисунка Карла Брюлова (на стали)».

Въ этомъ сообщеніи мы, на основаніи «Матеріаловъ къ исторіи академіи художествъ», должны исправить лишь годъ опредѣленія Афанасьева въ академію, который показанъ тамъ подъ 1 числомъ марта мѣсяца 1801 года и указать, что въ 1814 г. онъ получилъ первую серебряную медаль, за рисунокъ съ натуры. Затѣмъ въ «Allgemeines Kunstlexikon» Мейера (т. I, стр. 110) г. Доббертъ, помѣстившій тамъ біографію К. Я. Афанасьева, называетъ его ученикомъ также Уткина и говоритъ, что онъ, живя нѣкоторое время въ Павловскомъ дворцѣ, гравировалъ съ натуры ландшафты для альбома императрицы Маріи Ѳеодоровны (вдовы императора Павла I).

Всѣхъ досокъ натравированныхъ, Афанасьевъ показываетъ числомъ 446, изъ которыхъ названы, какъ лучшія: поэта Баркова,—Н. М. Карамзина, — книгопродавца Плавильщикова, — романиста Нарѣжнаго, — графа Аракчеева, — Императора Александра I, — Мерзлякова,— Востокова,—Ѳ. Н. Глинки,—Ершова,—князя Енгалычева,—актера Сосницкаго,—императрицы Елисаветы Алексѣевны,—

Семенова,—И. И. Козлова,—механика Кулибина,—Елизаветы Кульманъ,—Мартоса (скульптора),—академика Келлера,—Уткина,—Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича,—великой княжны Анны Павловны,—Императора Николая I,—князя В. В. Долгорукова,—князя Я. Ф. Долгорукова,—графа В. Д. Олсуфьева,—И. П. Кузнецова,—Св. Іеронима (съ Егорова),—памятникъ Карамзина (съ Брюлова),—77 досокъ для «Ветхаго Завѣта», изданнаго Прянишниковымъ и Сапожниковымъ,—24 доски для сочиненія «Древности Босфора Киммерійскаго, находящіяся въ Эрмитажѣ»,—4 Евангелиста съ рисунка Солнцева для изданія «Новаго Завѣта».

Кромѣ этихъ портретовъ въ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ Д. Ровинскаго находимъ еще: П. А. Вяземскаго, Дмитрія Самозванца, Княжевича, Крузенштерна, А. Пушкина, гр. Ѳ. П. Толстого, К. А. Тона, Фукса, Юнгъ-Штиллинга и архитектора Матв. Ѳед. Казокова. Въ алфавитномъ же указателѣ поименованныхъ въ словарѣ граверовъ, г. Ровинскимъ портреты: Аракчеева и Плавильщикова показаны въ числѣ работъ Афанасія Афанасьева, въ самомъ-же текстѣ они обозначены вѣрно. Нѣтъ также въ алфавитѣ указанія на портретъ Петра I (одна голова въ облакахъ съ сіяніемъ), гравированнаго К. Афанасьевымъ въ 1845 г., который находится въ нашемъ собраніи гравюръ; въ текстѣ онъ показанъ подъ № 143, просто погрудный безъ объясненія. Наконецъ, о портретѣ графа Аракчеева, приложенномъ къ тому XLII «Русской Старины» изд. 1884 г., апрѣль, скажемъ, что онъ былъ заказанъ К. Я. Афанасьеву моимъ роднымъ дядею, Михаиломъ Николаевичемъ Божеряновымъ, для открытія Аракчеевскаго корпуса, близь Новгорода, гдѣ онъ былъ первымъ инспекторомъ классовъ.

Редакція «Русской Старины» пріобрѣла подлинную мѣдную доску портрета гр. Аракчеева, гравюра Афанасьева; а такъ какъ она оказалась частью отъ времени нѣсколько сбитою, то академикъ-профес. И. П. Пожалостинъ ее возстановилъ своимъ вполнѣ художественнымъ рѣзцомъ.

И. Н. Божеряновъ.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Записки барона Н. А. Корфа.

V [1]).

Объ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, переведенномъ на Петербургскую сторону, гдѣ онъ находится и понынѣ, изъ Царскаго Села за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія, уже столько появилось извѣстій и отзывовъ въ печати, какъ о „заведеніи государственныхъ младенцевъ“; столько разъ уже питомцы этого заведенія относились съ высоты своего величія къ „пустотѣ“ его, что мой, чуть не единичный голосъ, едва ли измѣнитъ что нибудь въ его репутаціи въ извѣстныхъ кружкахъ. Но я чувствую себя столькимъ обязаннымъ лицею своего времени, что не простилъ бы себѣ умолчанія о томъ, въ какомъ отношеніи лицей отъ 1848 г. по 1854 годъ былъ весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, меня воспитавшихъ. Уповаю, впрочемъ, на то, что если читатели сопоставятъ тѣ факты, которые я приведу, съ проявленіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего времени, которыя масса публики предпочитаетъ, то едва ли сравненіе всегда окажется невыгоднымъ для лицея. Слишкомъ странно было бы смѣшивать то, что законъ вполнѣ незаслуженно предоставляетъ лицеистамъ привилегированное служебное положеніе и не симпатичность такого обособленія горсти юношей съ тѣмъ, что имъ доставлялъ лицей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; изъ того, что привилегіи всегда предрасполагаютъ противъ тѣхъ, которые ими ограждаются, еще не слѣдуетъ однако того, чтобы не представляло интереса всмотрѣться и вдуматься въ лицей пятидесятыхъ годовъ безъ предубѣжденія. Въ виду того, что крайне рѣдки примѣры, чтобы лицеистъ, подобно мнѣ, 28 лѣтъ послѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, мартъ, стр. 545—574.

выпуска состоялъ въ томъ же чинѣ титулярнаго совѣтника, которымъ онъ окончилъ курсъ, но что, напротивъ, весьма многіе изъ товарищей моихъ по курсу и современниковъ моихъ по лицею уже достигли іерархическаго положенія, предоставляющаго вліяніе, я попытаюсь дать себѣ отчетъ въ томъ, чего стоила внутренняя организація лицея моего времени.

Начну съ того, что можно назвать духомъ заведенія, который слагается изъ традицій и поддерживается направленіемъ преподаванія. Въ этомъ отношеніи я долженъ остановиться прежде всего на томъ, что хотя весьма многіе изъ насъ принадлежали къ такимъ семействамъ, въ которыхъ дорожили не только словомъ, но улыбкою лицъ, власть имѣющихъ; хотя многіе изъ насъ видѣли предъ собою открытое признаніе придворнаго низкопоклонства, но въ средѣ нашей не только не проявлялось и тѣни лакейства, но проявлялась даже независимость, насколько это было мыслимо въ пятидесятыхъ годахъ до вступленія на престолъ Александра II. Мы не только не завидовали раззолоченнымъ камеръ-пажамъ, но Пажескій корпусъ, съ тѣхъ поръ радикально преобразованный, презирали, какъ собраніе молодежи, ничему не учащейся. Съ гордостію указывали мы, бывало, и на то, что всѣ, провалившіеся на экзаменѣ изъ младшаго курса лицея (IV) въ слѣдующій, преблагополучно поступали въ „Школу подпрапорщиковъ“ того времени. Лица, намъ преподававшія, настолько отличали лицей отъ другихъ закрытыхъ заведеній, воспитывавшихъ юношей нашего возраста, что жаловались даже намъ на свою горькую судьбу въ этихъ заведеніяхъ. Не забуду я того, съ какимъ негодованіемъ мы выслушали, напримѣръ, разсказъ весьма даровитаго профессора французской словесности A. Baugeault, когда онъ передалъ намъ, какъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ одинъ прекрасный день, онъ, увлекшись лекціею, былъ пораженъ тѣмъ, когда взглянулъ на слушателей своихъ, какъ одинъ изъ нихъ, при всеобщемъ сочувствіи, изволилъ стать на скамейку ногами вверхъ и головою внизъ, выдрыгивая ногами. Такой случай въ лицеѣ моего времени, по крайней мѣрѣ въ XX курсѣ, былъ бы немыслимъ. Правда, что замкнутость вела къ школьничеству, которое поддерживалось и тѣмъ, что только старшимъ изъ насъ было 20 лѣтъ при выпускѣ; но самое школьничество было иного характера и направленія.

Такъ, напримѣръ, между тѣмъ какъ юнкера и пажи того времени хвастали другъ передъ другомъ тѣмъ, кто кого перепьетъ и перещеголяетъ еще кое въ чемъ, у насъ хвастали тѣмъ, кто

кого больше прочелъ. Твердо помню, до чего общественное мнѣніе нашего курса относилось пренебрежительно къ тому, который мало читалъ; до такой степени, что если, бывало, товарищъ спроситъ, „читалъ ли ты“, положимъ, „Гамлета“, то отвѣчаешь непремѣнно „читалъ“, хотя бы еще не успѣлъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ, и отъ дальнѣйшихъ разспросовъ отдѣлываешься уклончивыми отвѣтами; самъ же спѣшишь достать себѣ книгу, прочесть ее украдкой и затѣмъ возобновить о ней разговоръ. Все это конечно школьничество, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о хорошемъ духѣ заведенія. Нашъ курсъ читалъ такое множество книгъ, что вѣроятно, подъ вліяніемъ реакціи, наступившей въ Россіи и западной Европѣ послѣ печальнаго вырожденія республики во Франціи въ Наполеоновскую деспотію, у насъ была введена цензура: было установлено, чтобы всякая изъ читающихся книгъ имѣла на себѣ подпись инспектора въ доказательство того, что она къ чтенію разрѣшается; помню какія вороха книгъ мы свозили по воскресеньямъ, возвращаясь изъ дому, оставляя въ швейцарской книги, которыя затѣмъ въ понедѣльникъ утромъ разносились по классамъ, за исключеніемъ отобранныхъ, о которыхъ начальство предполагало, что мы отвозили ихъ обратно домой, не читая ихъ. Въ числѣ такихъ книгъ оказались у меня на послѣднемъ курсѣ сочиненія Фейербаха и инспекторъ не рѣшался выдать мнѣ ихъ, но меня отстоялъ профессоръ университета, и у насъ читавшій, П. Д. Калмыковъ, доказавъ ему, что книга, мною привезенная, имѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть мнѣ разрѣшена. Само собою разумѣется, что товарищи обмѣнивались книгами между собою; нерѣдко бывали и диспуты о прочитанномъ и одну изъ любимыхъ темъ и бесѣдъ такого рода я помню: то было сравненіе характеровъ „Чайльдъ Гарольда“ Байрона съ „Вертеромъ“ Гете, „Печориномъ“ Лермонтова и „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ Пушкина; читали въ нашемъ курсѣ на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, а я не прочелъ въ лицеѣ ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.

Поступили мы въ лицей съ весьма различною подготовкою, что касается чтенія: были въ нашей средѣ мальчики 13 и 14 лѣтъ, до этого возраста много прочитавшіе такого, что по силамъ этимъ

лѣтамъ; но были и такіе, которые выросли на безсистемномъ и непосильномъ чтеніи и въ числѣ ихъ сынъ профессора З., который, забираясь въ библіотеку отца и глотая тамъ всевозможныя книги, не переваривая ихъ, къ четырнадцатилѣтнему возрасту выработалъ изъ себя „атеиста“, стараясь просвѣщать и насъ въ этомъ смыслѣ. Но на каникулахъ пришлось ему поселиться на дачѣ рядомъ съ католическимъ патеромъ, знакомство съ которымъ повело къ нескончаемымъ диспутамъ; результатомъ ихъ получилось не только то, что З. сталъ въ высшей степени религіознымъ, но и то, что онъ сталъ бояться ада и діавола, добычею котораго онъ себя считалъ за свой уже исчезнувшій атеизмъ; бѣдный З. заболѣлъ; я дежурилъ при немъ въ больницѣ и самъ былъ свидѣтелемъ потрясающей сцены: къ лицейской больницѣ съ грохотомъ подъѣхала карета; больной мой, лежавшій до тѣхъ поръ смирно, узнававшій меня, безошибочно произносившій алфавитный списокъ воспитанниковъ нашего курса, и только изрѣдко заговаривавшійся, вдругъ вскочилъ, зарыдалъ, затрясся и покрылся холоднымъ потомъ: „за моею душою пріѣхали, кажется“, кричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ: „въ адъ повезутъ, прямо въ адъ“. Карета эта дѣйствительно предназначалась для З., котораго и отвезли въ лечебницу для душевнобольныхъ, откуда онъ возвратился на столько здоровымъ, что могъ окончить курсъ; но съ годъ послѣ выпуска онъ замѣнилъ дорогой бобровый воротникъ свой на пальто кошачьимъ мѣхомъ, поясняя, что дорогой воротникъ проданъ имъ въ пользу бѣдныхъ; затѣмъ посѣщавшій его товарищъ былъ свидѣтелемъ того, какъ З., увидѣвъ во дворѣ слѣпого, игравшаго на кларнетѣ, снялъ съ себя халатъ и туфли и выбросилъ ихъ въ окно нищему; послѣ этого несчастнаго З. потеряли изъ виду, но знали о немъ, что онъ кончилъ помѣшательствомъ, положившимъ предѣлъ слишкомъ рано развернувшейся жизни этого даровитаго юноши. Такого рода опасность не предстояла мнѣ, такъ какъ по причинамъ, и до сихъ поръ для меня не вполнѣ разъясненнымъ, я почти ничего не прочелъ въ дѣтствѣ и къ названному мною „Робинзону“, прочитанному еще въ Новѣгородѣ, могъ бы добавить развѣ исторію Ламе Флёри и нѣсколько повѣстей Нирица, произведшихъ на меня впечатлѣніе. Всегда бывши отличнымъ ученикомъ, я, до поступленія въ лицей, почти ничего не читалъ, хотя весьма хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ и нѣмецкимъ, а по англійскому языку зналъ какъ разъ то, чего требовали, т. е. немного. Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ

лѣниться не только читать, но и готовить уроки и упросилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. Л. Тавастъ никогда не былъ знаменитымъ врачемъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, котораго онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученьемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣсколько дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: „не дать ли вамъ какую нибудь книгу почитать?“ Это предложеніе было принято мною съ восторгомъ и я не прочелъ, а проглотилъ съ величайшимъ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ докторомъ. „Не пора ли въ лицей“? сказалъ мнѣ послѣ этого Тавастъ; „нѣтъ, дайте еще книгу“, отвѣчалъ я ему. „Ну, извольте; но это ужъ будетъ послѣдняя, не правда-ли?“ „Даю слово“, сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ еще дня три надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ навсегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицеѣ непрерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полнаго балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время и читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, чтобы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи, по возможности, поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора. Многіе изъ товарищей поступали такимъ же образомъ, при чемъ появилась въ насъ амбиція, отвѣчая профессору, отнюдь не придерживаться того, что за нимъ было записано нами на лекціи, но говорить непремѣнно на основаніи самостоятельно прочитаннаго, чтобы не быть просто „казенникомъ“, или даже (о ужасъ!) „ребенкомъ“. Не только по литературамъ, но и изъ многихъ наукъ старались мы отвѣчать „не по запискамъ“, но такъ, чтобы видѣли, что человѣкъ „читаетъ“. Это было несомнѣнно школьничествомъ для юношей лѣтъ 17 и 18, но такимъ, которое свидѣтельствовало, по направленію своему, о хорошемъ духѣ лицея моего времени и заронило не въ одного

изъ насъ истинную любовь къ знанію и дѣйствительное сочувствіе нравственнымъ интересамъ, не говорю уже объ обогащеніи знаніемъ и развитіемъ, такъ какъ не могло же оставаться безъ послѣдствій систематическое чтеніе такого множества книгъ, какое проходило чрезъ наши руки. Если я говорю о томъ, что XX курсъ лицея читалъ со страстію и толкомъ; если я вспоминаю о томъ, что Б. и С. изучали съ блестящимъ успѣхомъ, но не безъ нѣкотораго фанфаронства, греческій и итальянскій языки, то я не хочу сказать этимъ того, чтобы и въ XX курсѣ не было молодцевъ, вполнѣ достойныхъ прозванія „государственныхъ младенцевъ“; но такихъ было у насъ всего человѣкъ пять—шесть на двадцать пять воспитанниковъ, и для этого меньшинства попойки, волокитство и посѣщеніе цирка составили такую спеціальность по праздничнымъ днямъ, что и въ стѣнахъ лицея они ни о чемъ больше не толковали и даже воспроизводили представленія цирка въ той изъ комнатъ, въ которой люди взрослые уединяются ежедневно на нѣсколько минутъ, и гдѣ учащаяся молодежь закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній собирается обыкновенно для митинговъ и куренья; но, повторяю, что значительное большинство нашего курса работало чрезвычайно усердно.

Любопытно было бы дать себѣ теперь отчетъ въ томъ, какой образъ мыслей вырабатывался въ насъ лекціями и чтеніемъ? Мы были „либералами“ для того времени, что выражалось нашею ненавистью къ произволу, къ палкѣ и солдатчинѣ, живымъ воплощеніемъ которой служилъ для меня одинъ изъ нашихъ „дядекъ“ (служителей), унтеръ-офицеръ Новоселевъ, съ однимъ усомъ надъ губами; на вопросъ мой, куда дѣвался его второй усъ, Новоселевъ отвѣчалъ мнѣ: „ихъ сіятельство графъ Клейнмихель изволили вырвать на смотру“. Таковы-то были сороковые и начало пятидесятыхъ годовъ, по которымъ и по настоящее время еще нѣкоторые у насъ вздыхаютъ. Лицеисты моего времени были представителями „статскихъ“, которыхъ въ эти времена господства военщины презрительно прозывали „штафирками“, а потому мы были глубоко оскорблены происшествіемъ съ барономъ Виттенгеймомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума: въ Павловскѣ, на гуляньѣ, шелъ Виттенгеймъ съ родственницею своею, какъ подпившему и шедшему за нимъ гвардейцу вдумалось кулакомъ ударить его по круглой шляпѣ и надвинуть ему ее чуть не по шею; освободившись отъ этого удовольствія, Виттенгеймъ, не долго думая, обернулся и вытянулъ гвардейца своей тросточкой по лицу. Пошла потѣха по всему городу: штафирка осмѣ-

лился ударить гвардейскаго офицера; по повелѣнію императора Николая былъ немедленно наряженъ надъ Виттенгеймомъ судъ, у котораго стало однако мужества оправдать Виттенгейма; императоръ подчинился приговору суда, такъ какъ не сдалъ Виттенгейма въ солдаты, что въ то время дѣлалось весьма легко; но тѣмъ не менѣе онъ повелѣлъ посадить его на три дня на гауптвахту, говоря: „я все-таки не могу дозволить бить моихъ офицеровъ“. А мы, статскіе, развѣ чужіе, что-ли? Такъ разсуждала лицейская молодежь. Независимость наша проявлялась и въ томъ, что мы съ фанфаронствомъ не признавали авторитета генераловъ, которые въ то время были въ большомъ почетѣ, и никакими силами нельзя было настоять на томъ, чтобы мы отдавали имъ честь на улицѣ. Въ вопросахъ философскихъ и научныхъ, насколько они были намъ по силамъ, мы въ стѣнахъ лицея раздѣляли наиболѣе передовыя воззрѣнія, не подчиняясь рутинному мнѣнію большинства современнаго общества; но современной жизни политической и общественной для насъ не существовало. Соціальный вопросъ, насколько могу припомнить, къ намъ вовсе не проникалъ, а о встрѣчавшихся въ исторіи попыткахъ къ ограниченію самодержавной монархіи мы бесѣдовали только шопотомъ, шопотомъ же разсказывая другъ другу о лицеистахъ, намъ предшествовавшихъ, которые бывали замѣшаны въ политическіе процессы; даже 1848 годъ прошелъ для насъ почти безслѣдно въ смыслѣ современной намъ политико-соціальной бури, такъ какъ въ то время въ русскихъ газетахъ можно было прочесть изъ современныхъ извѣстій о западной Европѣ развѣ о томъ, что лѣто 1848 года было очень жаркое, а о Россіи, гдѣ во многихъ областяхъ свирѣпствовалъ индѣйскій или китайскій голодъ, что „извѣстія объ урожаѣ не вполнѣ благопріятны“. Въ эти годы, когда правительственная политика состояла въ томъ, чтобы шпицрутенами законопатить малѣйшую щель въ Европу и самоуслажденіемъ подготовлять Крымскій разгромъ 1856 года, у насъ не было ни одной русской газеты въ настоящемъ смыслѣ слова, а иностранныя книги и газеты проникали съ такимъ трудомъ, что лишь крайне немногіе могли ими пользоваться. Въ бытность мою въ лицеѣ и даже въ самомъ началѣ воскресенія Россіи при Александрѣ II наши газеты печатали такъ мало извѣстій о Россіи, что я самъ, живя въ деревнѣ, нѣкоторое время получалъ бельгійскую газету „Le Nord“, такъ какъ она была оффиціозною газетою русскаго правительства и въ ней говорилось о Россіи гораздо болѣе, нежели въ русскихъ газетахъ.

Мудрено ли, при такихъ условіяхъ, что лицеисты моего времени не жили современными интересами своего народа.

Воспитанная во мнѣ симпатія къ интересамъ нашего крестьянства поддерживалась только бесѣдою съ немногими изъ товарищей, которые, подобно мнѣ, имѣли случай сблизиться съ ними въ дѣтствѣ, и тѣмъ, что пансіонъ Филиппова, какъ я уже говорилъ, заронилъ въ меня педагогическую искру: съ самаго поступленія въ лицей, даже еще раньше, проводя каникулы въ деревнѣ, я всегда обучалъ какого нибудь крестьянскаго мальчика. Лекціи профессоровъ могли лишь мало вліять на наше политическое развитіе и на народное направленіе, что станетъ понятнымъ читателю послѣ того, какъ онъ ближе ознакомится съ нашею учебною программою; единственнымъ профессоромъ, косвенно, но сильно поддержавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый, Сахаровъ. Онъ читалъ намъ, быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, напечаталъ подъ именемъ: „Сказанія русскаго народа“. Нѣкоторые изъ насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народнаго начала въ нашей средѣ. Въ остальныхъ же курсахъ мы могли почерпнуть человѣчность, что и было въ высшей степени благодѣтельно, что и составило самое драгоцѣнное благо, вынесенное нами изъ лицея, но мы лишь въ самой слабой степени могли чрезъ посредство профессоровъ развиться политически и сблизиться съ своимъ народомъ; такъ стояло въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ дѣло у насъ, которые были болѣе или менѣе забыты реакціею, какъ ничтожная, по числу, горсть мальчишекъ, а въ университетахъ того времени профессора пользовались, быть можетъ, еще меньшею свободою преподаванія, такъ какъ самые университеты, число слушателей которыхъ было ограничено до смѣшнаго, считались не только роскошью, но вреднѣйшими разсадниками „вольнаго духа“, котораго цензоръ не пропустилъ даже въ поваренной книгѣ Авдѣевой, совѣтовавшей хозяйкѣ поставить какое-то пирожное „въ вольный духъ“.

Баронъ Н. А. Корфъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВРЕДНЫЯ СЕКТЫ.

Очерки уральскаго сектантства по оффиціальнымъ даннымъ.

II [1]).

Неплательщики.

1.

Секта неплательщиковъ до сихъ поръ извѣстна у насъ только по имени; за исключеніемъ двухъ-трехъ мелкихъ, отрывочныхъ извѣстій, проскользнувшихъ въ газетахъ и журналахъ, вы напрасно будете искать въ нашей литературѣ какихъ нибудь свѣдѣній объ этой безспорно весьма интересной сектѣ.

Между тѣмъ секта эта по условіямъ и причинамъ своего возникновенія заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія къ ней со стороны русскаго общества; несомнѣнно, что она является прямымъ и характернѣйшимъ продуктомъ современныхъ условій соціальной жизни русскаго крестьянства, въ частности же тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя окружаютъ наше горнозаводское населеніе. Въ виду этого, думаемъ, будетъ не лишне привести здѣсь тѣ свѣдѣнія и данныя, которыми располагаетъ оффиціальный міръ какъ о современномъ состояніи этой секты, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ ее появленіе.

Въ первомъ очеркѣ мы видѣли, что пермское духовное начальство не выдѣляетъ секты неплательщиковъ, равно какъ и лучинковцевъ изъ общей массы странниковъ или бѣгуновъ. Иначе смотритъ на эти секты мѣстная гражданская власть, по мнѣнію которой какъ неплательщики, такъ и лучинковцы представляютъ собою болѣе или менѣе самостоятельныя секты, хотя и возникшія на почвѣ ученія странниковъ или бѣгуновъ. Впрочемъ такой взглядъ на эти секты

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, мартъ, стр. 637—646.

со стороны губернской администраціи нельзя считать прочно установившимся, такъ какъ по временамъ она ясно отступаетъ отъ него, смѣшивая и лучинковцевъ, и неплательщиковъ въ одну секту бѣгуновъ.

Секта неплательщиковъ распространена въ сергинскомъ округѣ красноуфимскаго уѣзда. По свидѣтельству мѣстной администраціи «среди заводскаго населенія красноуфимскаго уѣзда существуетъ лишь одна секта—неплательщики».

Послѣдователи этой секты «не признаютъ никакихъ властей и не платятъ добровольно никакихъ податей»; но въ то же время они «не препятствуютъ отбирать у нихъ какое либо имущество на пополненіе податей». Всѣ сборы государственные, земскіе и общественные «взыскиваются съ послѣдователей этой секты чрезъ отобраніе у нихъ имущества волостными старшинами и сборщиками податей, совмѣстно съ чинами полиціи». Неплательщики, завидѣвъ приближеніе должностныхъ лицъ и сборщиковъ, тотчасъ же запираютъ ворота. «Но должностныя лица, выждавъ, когда сектанты откроютъ ворота для собственной надобности, приступаютъ къ описи имущества, а затѣмъ, на основаніи закона, къ продажѣ онаго. Отобраннаго у нихъ имущества неплательщики никогда не выкупаютъ. Недоимокъ за неплательщиками состояло по 1881 годъ 2,062 рубля 41½ коп.

На фабрикахъ и заводахъ неплательщики никогда и нигдѣ не работаютъ, а удаляются преимущественно въ зауфимскія селенія, гдѣ занимаются: сѣнокосами, жатвою хлѣба, рубкою дровъ, пилкою лѣса и т. п. работами. По свидѣтельству мѣстнаго начальства эти сектанты не оказываютъ особенно вреднаго вліянія на мѣстныхъ православныхъ жителей.

Что касается до способовъ борьбы съ сектою, то мѣстная власть рекомендуетъ лишь одну мѣру, а именно бесѣды учителей въ школахъ и затѣмъ проповѣди въ церквахъ.

Возникновеніе секты неплательщиковъ относится ко времени введенія крестьянской реформы, вызвавшей въ средѣ заводскаго населенія многія недоразумѣнія и сильное недовольство. «Въ этомъ населеніи выработался весьма своеобразный взглядъ на крестьянскую реформу, взглядъ, который съ особенною силою укоренился среди неплательщиковъ». Эти послѣдніе «сначала ревниво отстаивали старые порядки и права, потомъ стали уклоняться отъ платежа податей и повинностей и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ уклоненіе это обратили въ религіозное начало, отрекшись отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ церкви, обществу и государству».

Объ отношеніи неплательщиковъ къ разнаго рода податямъ и

сборамъ мы уже говорили. Хотя въ огромномъ большинствѣ случаевъ неплательщики не оказываютъ явнаго сопротивленія при отобраніи у нихъ имущества на пополненіе слѣдующихъ съ нихъ сборовъ и податей, тѣмъ не менѣе иногда, изрѣдка, бываютъ примѣры открытаго съ ихъ стороны сопротивленія. Приведемъ здѣсь одинъ изъ подобныхъ случаевъ.

16-го іюля 1877 года помощникъ нижне-сергинскаго волостнаго старшины Иванъ Еловскихъ вмѣстѣ съ сборщикомъ податей Петромъ Плясуновымъ отправились для взысканія съ жителей Нижне-Сергинскаго завода податей и повинностей. Ихъ сопровождали: полицейскій стражникъ Петръ Соломѣевъ и служащіе при сергинскомъ волостномъ правленіи отставной унтеръ-офицеръ Тимофей Юдинъ и рядовой Федоръ Федотовъ.

Побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ, сборщики зашли во дворъ крестьянъ Игнатовыхъ, которые давно уже извѣстны были за неплательщиковъ. Узнавъ, что Игнатовы дома, сборщики отправили къ нимъ въ избу стражника Соломѣева, съ тѣмъ чтобы онъ вызвалъ Игнатовыхъ для полученія съ нихъ двухъ рублей, слѣдовавшихъ за десятничество. Но Игнатовы отказались выйдти изъ избы.

Тогда помощникъ старшины, Еловскихъ, распорядился взять стоявшую на конюшнѣ лошадь Игнатовыхъ. Въ это время изъ избы выбѣжалъ Дмитрій Игнатовъ; на требованіе сборщиковъ уплатить деньги, онъ отвѣчалъ, что ничего не дастъ. Въ виду этого Еловскихъ приказалъ уводить лошадь, а рядовой Федотовъ началъ было одѣвать на нее узду, но въ эту минуту изъ избы выбѣжалъ братъ Игнатова, Михаилъ, и не допустилъ вывести лошадь.

Сборщики начали убѣждать Игнатовыхъ, чтобы они добровольно уплатили слѣдовавшія съ нихъ деньги, какъ вдругъ въ заднія ворота ограды вбѣжалъ съ стягомъ въ рукахъ сосѣдъ Игнатовыхъ, крестьянинъ Ефимъ Симоновъ, также ярый неплательщикъ. Онъ подбѣжалъ къ помощнику старшины и замахнулся на него стягомъ, но Еловскихъ ловко увернулся отъ удара и схватился за стягъ. Плясуновъ, Юдинъ и Федотовъ бросились на Симонова и потащили его; тогда Дмитрій Игнатовъ ударилъ сборщика податей Плясунова желѣзною лопатою, при чемъ разсѣкъ ему верхнюю губу и проломилъ голову.

Замѣтивъ это, Юдинъ, Федотовъ и Соломѣевъ хотѣли было помочь Плясунову, но, увидѣвъ, что оба Игнатовы вооружились лопатами, бросились бѣжать, оставивъ Плясунова. Игнатовы же и Симоновъ пустились въ погоню за помощникомъ старшины Еловскихъ, при чемъ Михаилъ Игнатовъ ударилъ его по головѣ съ такою силою, что переломилъ деревянный «черенъ» у лопаты. Затѣмъ всѣ трое стали

бить Еловскихъ кулаками до тѣхъ поръ, пока на крикъ его не прибѣжалъ крестьянинъ Павелъ Морозовъ; только тогда Игнатовы и Симоновъ оставили Еловскихъ.

При освидѣтельствованіи потерпѣвшихъ врачемъ, въ присутствіи судебнаго слѣдователя, у Плясунова оказался рубецъ на верхней губѣ, образовавшійся отъ удара, нанесеннаго острымъ орудіемъ; кромѣ того у него былъ вышибенъ одинъ зубъ, а у Еловскихъ на головѣ, на правой теменной кости, оказался также рубецъ отъ удара, нанесеннаго тупымъ орудіемъ. Поврежденія эти признаны врачемъ тяжкими.

Игнатовы и Симоновъ заключены были въ тюрьму и преданы суду. Намъ неизвѣстенъ, къ сожалѣнію, приговоръ суда, состоявшійся по этому дѣлу; знаемъ только, что оба брата Игнатовы умерли, сидя въ тюрьмѣ.

Послѣдователей секты неплательщиковъ въ 1881 году считалось:

въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ . . .	25	семействъ.
« Верхне-Сергинскомъ « . . .	9	»
« Михайловскомъ « . . .	9	»
« Атигскомъ « . . .	5	»
Всего въ уѣздѣ . . .	48	семействъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1882 года былъ составленъ именной списокъ неплательщиковъ красноуфимскаго уѣзда [1]); по этому списку неплательщиковъ значилось менѣе сравнительно со свѣдѣніями 1881 г. на девять семействъ. Есть однако много данныхъ думать, что списокъ этотъ далеко не полонъ.

По отзыву мѣстной администраціи число неплательщиковъ «не увеличивается, да и самая секта, повидимому, ослабѣваетъ, такъ что въ послѣдній призывъ (неплательщики отрицаютъ воинскую повинность) уже не было ни одного случая упорства со стороны новобранцевъ изъ числа послѣдователей этой секты».

Но если можно согласиться съ тѣмъ, что секта неплательщиковъ «не увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей», то врядъ-ли возможно допустить, чтобы слабѣлъ духъ этой секты. Напротивъ, весьма многіе факты изъ жизни неплательщиковъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что послѣдователи этой секты до сихъ поръ не обычайно крѣпко держатся своихъ воззрѣній и въ то же время твердо и смѣло проводятъ ихъ въ жизнь. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ подобныхъ фактовъ, бывшихъ предметомъ судебнаго разбирательства.

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь этого списка, такъ какъ онъ занялъ бы черезчуръ много мѣста. А. П.

25-го мая 1878 года, въ праздникъ Вознесенія Господня, въ Михайловскомъ заводѣ совершалось торжественное молебствіе по случаю чудеснаго избавленія государя императора отъ грозившей ему въ Парижѣ опасности. Молебствіе происходило на площади около памятника, построеннаго въ воспоминаніе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ то время, какъ священникъ Василій Горный совершалъ молебствіе, изъ толпы народа, собравшагося вокругъ памятника, выдѣлилась группа крестьянъ, извѣстныхъ въ обществѣ за «неплательщиковъ, т. е. лицъ, уклоняющихся отъ платежа податей и выполненія всѣхъ вообще лежащихъ на крестьянахъ повинностей». Ихъ было десять человѣкъ, а именно: Андрей Алексѣевъ Ананьинъ, 19 лѣтъ, Дмитрій Ермолаевъ Бараковскихъ, 63-хъ лѣтъ, Петръ Макаровъ Кобяковъ, 33 лѣтъ, Ефимъ Петровъ Дайбовъ, 31 года, Степанъ Федоровъ и сынъ его Федъ Степановъ Шатохины, 64-хъ и 32-хъ лѣтъ, Егоръ Герасимовъ Цигановъ, 28 лѣтъ, Михаилъ Ивановъ Симоновъ, также 28 лѣтъ, и отпускной солдатъ Гурьянъ Васильевъ Зубаревъ, 24 лѣтъ.

Вся эта группа лицъ, не снимая шапокъ, пробралась къ самому мѣсту совершенія богослуженія, при чемъ трое изъ нихъ: Ананьинъ, Бараковскихъ и Федоръ Шатохинъ, приблизившись къ священнику и указывая на кресты и иконы, принесенные изъ церкви, начали кричать:

— «Кому вы молитесь?! Это антихристы!»

Вслѣдъ за ними тѣ же самыя слова начали кричать и всѣ остальные ихъ товарищи. Вслѣдствіе этого всѣ эти девять человѣкъ были тотчасъ же арестованы при мѣстномъ волостномъ правленіи, гдѣ не только не дали никакихъ отвѣтовъ по поводу своего поведенія, но даже отказались объявить свои имена.

Слѣдствіемъ было выяснено, что происшествіе это явилось результатомъ «фанатическихъ взглядовъ со стороны означенныхъ неплательщиковъ, не признающихъ на землѣ ни церкви съ ея таинствами и обрядами, ни правительства, и именующихъ себя «сынами Божіими» и «странниками».

Далѣе было констатировано, что происшествіе это подготовлялось заранѣе со стороны неплательщиковъ, которые готовились сдѣлать «публичное изобличеніе православія» и не скрывали, что избрали для этого праздникъ Вознесенія. Мѣстныя сельскія власти также знали объ этомъ и были на готовѣ; благодаря этому обстоятельству, своеобразная демонстрація, устроенная неплательщиками, была скоро прекращена и священникъ получилъ возможность окончить богослуженіе.

Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ одни изъ

участниковъ демонстраціи никакихъ отвѣтовъ слѣдователю давать не пожелали, другіе,—«не отрицая бытности своей, 25-го мая, у памятника, заявили, что приходили туда для изобличенія антихриста, уподобляющагося Богу». При этомъ слѣдователя обвиняемые называли «предтечею антихриста»; отъ полученія обвинительнаго акта они (за исключеніемъ Кобякова и Дайбова) отказались. Всѣ эти лица судились въ пермскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ, по обвиненію въ богохульствѣ.

Изъ показаній свидѣтелей, бывшихъ на судѣ, особенный интересъ представляютъ показанія Михайловскаго волостнаго старшины Грязнова и священника Василія Горнаго, совершавшаго молебствіе. По словамъ старшины секта неплательщиковъ образовалась лѣтъ 12 назадъ въ средѣ тѣхъ крестьянъ, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ религіею, отказались отъ платежа податей. Сначала эти крестьяне не платили только податей, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличались отъ остальнаго населенія; религіозную же секту они образовали изъ себя лѣтъ 12 назадъ; причемъ стали называть себя «сынами божіими» и «странниками на сей землѣ». Съ этихъ поръ они перестали ходить въ церковь, начали отрицать таинства брака и крещенія, перестали хоронить по церковному обряду. Въ Михайловской волости такихъ сектантовъ около тридцати дворовъ. Въ 1869 году изъ числа этихъ неплательщиковъ, по общественному приговору, было сослано въ Сибирь до 30 человѣкъ, за неплатежъ податей. Въ заключеніе своего показанія старшина высказалъ мнѣніе, что если подсудимые не будутъ отправлены въ Сибирь, то «тогда и другіе совратятся въ ихъ вѣру, такъ какъ идетъ толкъ, что съ неплательщиками-молъ ничего не дѣлаютъ, стало быть они поступаютъ правильно».

Священникъ Василій Горный, разсказавъ на судѣ о происшествіи у памятника, согласно съ обвинительнымъ актомъ, дополнилъ, что всѣ подсудимые были «трезвы и чрезвычайно остервенѣлы» (особенно Ѳедоръ Шатохинъ), такъ что, «при видѣ ихъ звѣрскаго ожесточенія», онъ опасался за свою жизнь. Въ испугѣ онъ хотѣлъ даже остановить служеніе молебна, но въ это время явился старшина и арестовалъ хулителей святыни и нарушителей общей молитвы. «Испугъ, происшедшій со мною отъ вышеозначенныхъ лицъ, заключилъ священникъ свое показаніе, при появленіи старшины сталъ проходить и я, собравшись съ духомъ бодрости, совершилъ полный молебенъ и окончилъ его многолѣтіемъ за отца отечества и его царствующій домъ».

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ относительно семи

подсудимыхъ, при чемъ признали, что они дѣйствовали по невѣжеству; Кобякова и Дайбова оправдали. Судъ приговорилъ стариковъ [1]) къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, а остальныхъ—къ полугодовому заключенію.

Въ нѣкоторой связи съ этимъ дѣломъ находится процессъ неплательщика Петра Контаурова. Вскорѣ послѣ исторіи у памятника онъ былъ арестованъ за распространеніе тревожныхъ слуховъ: Контауровъ говорилъ, что за арестъ девяти человѣкъ, Михайловскій заводъ загорится. Дѣло однако оказалось не серьезнымъ и Контауровъ былъ выпущенъ, но въ 1880 году противъ него возбуждается новое обвиненіе. Въ виду того, что дѣло Контаурова представляется чрезвычайно типичнымъ и характернымъ для всей секты неплательщиковъ, мы считаемъ необходимымъ подробно изложить его здѣсь.

II.

3-го марта 1880 года проживающій въ Михайловскомъ заводѣ крестьянинъ нижне-сергинской волости Петръ Гурьяновъ Контауровъ на требованіе сборщиковъ объ уплатѣ податей—платить отказался, вслѣдствіе чего и вытребованъ былъ въ мѣстное волостное правленіе. Здѣсь, какъ видно изъ составленнаго того же числа акта, Контауровъ, на вопросъ о причинѣ неуплаты податей, сталъ ругать сборщиковъ антихристами, а затѣмъ и высшую власть началъ поносить всякими неприличными словами и даже грозилъ «застрѣлить». Но когда волостной старшина Фуфаевъ спросилъ его: какимъ-бы образомъ онъ исполнилъ свою угрозу, то Контауровъ, подумавъ, отвѣтилъ: «словомъ Божіимъ».

Будучи допрошенъ, какъ по предмету обвиненія, такъ и о своемъ имени, званіи и проч., Контауровъ отвѣтилъ лишь, что до 1861 года онъ признавалъ власть властью, а съ тѣхъ поръ она для него сдѣлалась антихристомъ; другихъ-же никакихъ отвѣтовъ на далъ. Изъ слѣдствія выяснилось, что Контауровъ проживаетъ въ Михайловскомъ заводѣ болѣе десяти лѣтъ, крестьянскими работами не занимается, равно и на заводѣ не работаетъ,—иногда только шьетъ обувь; принадлежитъ къ сектѣ неплательщиковъ, «непризнающей обрядовъ православной вѣры, верховной власти, властей правительственныхъ

[1]) Изъ нихъ Степанъ Шатохинъ умеръ въ острогѣ, вторично обвиняемый слѣдователемъ по такому же дѣлу. А. П.

и не платящей никакихъ ни государственныхъ, ни общественныхъ податей». Въ средѣ своихъ единомышленниковъ Контауровъ «пользуется почетомъ, дурныхъ поступковъ за нимъ не замѣчено, кромѣ того, что хулитъ вѣру и властей не признаетъ»; вообще же Контауровъ, по отзыву свидѣтелей, человѣкъ толковый и вполнѣ здраваго ума.

Тѣмъ не менѣе былъ возбужденъ вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Контаурова. При освидѣтельствованіи его въ состояніи разсудка чрезъ врача, онъ былъ разспрашиваемъ объ образѣ его жизни, семейномъ и общественномъ положеніи и показалъ, что онъ не помнитъ, съ котораго именно времени онъ живетъ въ Михайловскомъ заводѣ, что «по новымъ правамъ у него нѣтъ ни жены, ни сына, но если они будутъ жить по истинному святому закону, то онъ ихъ признаетъ».

Далѣе онъ показалъ, что кромѣ сына у него другихъ дѣтей не было, но при дальнѣйшихъ разспросахъ призналъ, что было еще двое дѣтей, но онъ не можетъ опредѣлить ихъ пола, потому что забылъ; затѣмъ на замѣчаніе, что у него дѣти были и недавно умерли, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно были двѣ дѣвочки. По поводу своего общественнаго положенія обвиняемый Контауровъ показалъ, что признаетъ только одинъ святой законъ отъ Бога, но откуда онъ усвоилъ его, кѣмъ этотъ законъ преподанъ и въ чемъ заключается его содержаніе—объяснить не умѣлъ или не хотѣлъ. На вопросъ же: не путемъ ли откровенія свыше онъ узналъ этотъ законъ? Контауровъ отвѣчалъ: «я человѣкъ грѣшный—этого недостоенъ».

27-го іюня 1880 года пермскій окружной судъ въ распорядительномъ засѣданіи своемъ, въ составѣ предсѣдателя, членовъ, товарища прокурора и трехъ врачей, производилъ освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей Контаурова. Привожу здѣсь, по возможности съ буквальною точностію, вопросы членовъ присутствія и отвѣты испытуемаго.

Предсѣдатель. Какъ васъ зовутъ?

Контауровъ. Общаго положенія не принимаю, суда гражданскаго не признаю... по новому уставу не согласенъ и отвѣта не даю.

Предсѣдатель. Сколько вамъ лѣтъ?

Контауровъ. Окружнаго и гражданскаго суда не признаю и отвѣта не даю.

Предсѣдатель. Женаты?

Контауровъ. По горному уставу, по 13-й статьѣ—отказался.

Товарищъ прокурора. Отчего шапки не снимаешь?

Контауровъ. По общему положенію—не согласенъ.

Товарищъ прокурора. Снимаешь-ли когда нибудь шапку?

Контауровъ. По своей волѣ.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Доволенъ-ли ты своимъ положеніемъ?

Контауровъ. Воля Бога, а мы грѣшники.

Затѣмъ товарищъ прокурора предлагаетъ ему вопросъ: признаетъ ли онъ законы и власть? на что Контауровъ заявляетъ, что «по общему положенію, по 13-й статьѣ онъ никого не признаетъ; не признаетъ и власти». Далѣе испытуемому предлагаются вопросы по поводу выраженныхъ имъ въ волостномъ правленіи угрозъ «застрѣлить» и т. п. На это Контауровъ заявляетъ, что онъ угрожалъ не власти, а антихристу.—«Это кто-же антихристъ?» спрашиваетъ членъ суда.—«Кто законъ нарушилъ, тотъ и антихристъ»,—отвѣчаетъ Контауровъ, «а всѣ остальные бѣсы». — «Развѣ власть нарушила законъ?» снова спрашиваетъ членъ суда.—«Нарушила,—говоритъ испытуемый,—потому какъ закономъ до 1861 года предоставлено намъ пользоваться всѣми землями, покосами, полями и угодьями и не нести за сіе повинностей, такъ было сказано, а она нарушила, потому какъ Богъ далъ землю всѣмъ безъ пошлинъ и безъ налоговъ».

Товарищъ прокурора. Гдѣ у васъ домъ?

Контауровъ. У меня тамъ и домъ, гдѣ душа въ тѣлѣ.

Товарищъ прокурора. Однако у васъ есть же въ Михайловскомъ заводѣ домъ?

Контауровъ. Есть въ Михайловскомъ заводѣ труды мои, а не домъ.

Товарищъ прокурора. И земля есть?

Контауровъ. Богъ сотворилъ и всякому человѣку далъ землю и лѣсъ.

Членъ суда. Вы говорите, что подати не слѣдуетъ платить, а другіе вѣдь платятъ?

Контауровъ. Кто по общему положенію согласенъ, тотъ и плати.

Членъ суда. А какой законъ вы признаете?

Контауровъ. Житія святыхъ.

Членъ суда. Почему вы не называете себя по имени?—вѣдь у васъ есть имя, данное при крещеніи?

Контауровъ. Я не былъ крещенъ, поэтому отказался отъ имени и фамиліи. Я былъ только оскверненъ въ церкви.

Членъ суда. Но вѣдь жена и дѣти называютъ васъ по имени? Какъ они теперь зовутъ васъ?

Контауровъ. А теперь никакъ не зовутъ.

Членъ суда. Съ какого времени православная церковь осквернена?

Контауровъ. Съ патріарха Никона церковь осквернена.

Послѣ этого членомъ суда Соколовымъ прочитывается 13-я статья дополнительныхъ правилъ о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ (особ. прилож. къ IX тому, издан. 1876 года). На вопросъ, обращенный къ подсудимому: эта-ли статья, на которую онъ ссылается? Контауровъ отвѣчалъ: «эта самая».

Результатъ этого своеобразнаго экзамена былъ таковъ: для болѣе положительнаго разъясненія состоянія умственныхъ способностей Контаурова рѣшено было подвергнуть его больничному испытанію въ въ теченіи шести недѣль.

По истеченіи этого срока, 5-го августа, врачъ Пономаревъ увѣдомилъ судъ, что Контауровъ, по испытаніи, оказался здоровымъ; вслѣдствіе этого въ тотъ же день назначено было вновь испытать Контаурова. И вотъ снова начинаются почти тѣ же самые вопросы, какіе предлагались при первомъ освидѣтельствованіи.

Предсѣдатель. Какъ васъ звать?

Контауровъ. Имени не имѣю.

Предсѣдатель. Отчего вы шапки не снимаете?

Контауровъ. По истинному закону не должно снимать.

Членъ суда. Женаты?

Контауровъ. По горному уставу, по 13-й статьѣ—отказался.

Членъ суда. Сколько такихъ людей въ Сергинской волости?

Контауровъ. Вамъ больше должно знать, чѣмъ мнѣ.

Членъ суда. Какой работой занимаетесь?

Контауровъ. На фабрикѣ [1]).

Членъ суда. Платите подати въ казну?

Контауровъ. Не согласенъ по общему положенію.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Здоровы вы?

Контауровъ. Здоровъ.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Когда нибудь хворали?

Контауровъ. Очень не хворывалъ, понемногу хворывалъ.

---

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка. Ни одинъ изъ неплательщиковъ не работаетъ ни на фабрикахъ, ни на заводахъ. Выше было уже замѣчено о Контауровѣ, что онъ не работаетъ на заводѣ. А. П.

Членъ суда. Если бы всѣ отказались платить подати, то какъ же должно общество существовать?

Контауровъ. Слѣдуетъ поступать по истинному закону.

Предсѣдатель. Какой истинный законъ?

Контауровъ. Законъ 1861 года, общее положеніе, которое сдѣлало насъ свободными и дало въ пользованіе землю, что по 13-й статьѣ Горнаго устава платить податей не обязаны.

Членъ суда. Какъ же устроить государство, не платя податей и повинностей?

Контауровъ. Законъ такой, кто... (не разобрано слово) его, тотъ антихристъ.

Членъ суда. Знали-ли вы мироваго посредника Кронберга?

Контауровъ. Знавалъ.

Этимъ окончилось испытаніе. Контауровъ былъ признанъ здоровымъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ самое недавнее время, едва-ли возможно говорить объ ослабленіи духа секты, будто бы замѣчаемомъ среди неплательщиковъ.

Много вопросовъ и недоумѣній вызываютъ заявленія подсудимыхъ въ приведенныхъ нами процессахъ—въ каждомъ, кто только не имѣлъ случая и возможности близко ознакомиться съ внутреннимъ міромъ этихъ странныхъ отщепенцовъ. Не даромъ члены присутствія и немногія лица изъ публики, присутствовавшія при засѣданіи, выходя изъ залы суда, пожимая плечами, говорили о подсудимыхъ: «какіе странные дикіе люди!»—«Фанатики!» съ сожалѣніемъ говорили другіе.—«Просто идіоты!» — безапелляціонно, «съ легкимъ сердцемъ», рѣшали третьи.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за «новыя права», которыхъ такъ боятся эти люди и отъ которыхъ они столь энергично открещиваются? Что это за «истинный, святой законъ», который единственно признается ими и который, по ихъ мнѣнію, будто бы «нарушенъ» властью? При чемъ тутъ 1861 годъ, послѣ котораго Контауровъ радикально мѣняетъ свои воззрѣнія на власть, и вообще въ чемъ и гдѣ слѣдуетъ искать источникъ этого рѣзкаго, отрицательнаго отношенія къ власти? Откуда эта странная боязнь имени и фамиліи? При чемъ тутъ теорія о землѣ, покосахъ, поляхъ и угодьяхъ, «данныхъ Богомъ безъ пошлинъ и налоговъ». Въ какой взаимной, логической связи находятся между собою: «горный уставъ», патріархъ Никонъ, «13-я статья», «Общее Положеніе», «Житіе святыхъ» и проч. и проч.?

Все это можетъ представиться съ перваго взгляда какимъ-то страннымъ сумбуромъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная смѣсь вѣры съ экономикой, религіозныхъ вопросовъ съ аграрными! Но этотъ «сумбуръ» только кажущійся. Стоитъ поближе подойти къ этому явленію, внимательнѣе и глубже заглянуть въ причины, вызвавшія его, чтобы наглядно убѣдиться, что въ сущности никакого сумбура тутъ нѣтъ и что удивляющая насъ смѣсь экономики съ религіей находитъ себѣ полное объясненіе въ реальныхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Дѣло въ томъ, что интересующее насъ движеніе, возникнувъ первоначально въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, на почвѣ аграрныхъ интересовъ мало по малу, подъ вліяніемъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ факторовъ и условій, постепенно захватило и область религіи, призвавъ ее, какъ высшій нравственный авторитетъ, на помощь собственному, чисто мірскому, житейскому, но важному и кровному дѣлу. Мы не будемъ подробно доказывать здѣсь справедливость этого положенія и разъяснять: почему-же это движеніе не пошло рука объ руку съ православной, господствующей церковью, а нашло необходимымъ рѣзко отдѣлиться отъ нея,—не будемъ, такъ какъ это увело бы насъ слишкомъ далеко за рамки настоящихъ очерковъ, цѣль которыхъ—представить лишь тѣ свѣдѣнія и данныя, которыми располагаетъ оффиціальный міръ о современномъ состояніи уральскаго сектантства и на основаніи которыхъ онъ предпринимаетъ тѣ или другія мѣры противъ развитія сектантскаго движенія.

III.

Лучинковцы.

Въ 1880 году судебный слѣдователь 1-го участка Екатеринбургскаго судебнаго округа представилъ въ департаментъ общихъ дѣлъ (мин. вн. д.) слѣдственное производство по обвиненію крестьянъ Верхнетагильской волости Лаптевыхъ и Тупиковыхъ въ принадлежности къ сектѣ лучинковцевъ и въ сокрытіи малолѣтняго ребенка съ религіозною цѣлью. При этомъ слѣдователь просилъ департаментъ сообщить ему заключеніе о степени вреда, причиняемаго сектою лучинковцевъ.

Но оказалось, что въ министерствѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній объ этой сектѣ. Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ, принимая во вниманіе, что такъ называемая лучинкова секта, если она дѣйствительно существуетъ, является новымъ раскольничьимъ

лжеученіемъ, до сихъ поръ министерству неизвѣстнымъ, обратился къ пермскому губернатору съ предложеніемъ сообщить ему самыя подробныя и точныя свѣдѣнія объ этой сектѣ и между прочимъ донести: «1) когда именно и въ какой мѣстности обнаружено появленіе въ Пермской губерніи лучинковой секты? 2) въ чемъ заключается ученіе и обряды оной и въ какой степени она представляется вредною? и 3) какъ велико вообще въ настоящее время число послѣдователей этого ученія?»

Отъ губернатора, по обыкновенію, точно такой-же запросъ отправляется къ мѣстному епархіальному начальству и затѣмъ къ мѣстному уѣздному исправнику. Послѣдній не замедлилъ представить подробный рапортъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Секта лучинкова есть секта странниковъ или бѣгуновъ; названіе свое она получила вслѣдствіе того, что послѣдователи этой секты при моленіяхъ не употребляютъ никакого другого освѣтительнаго матеріала, кромѣ лучины. Послѣдователи этой секты сдѣлались извѣстны недавно чрезъ побѣгъ ихъ изъ мѣстожительства въ лѣса и препровожденіе туда же нѣкоторыми изъ нихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей.

«Такъ, въ 1876 году, скрылся изъ мѣстожительства своего крестьянинъ Рудянскаго завода Ипатъ Ивановъ Полезановъ, а въ 1877 году крестьянинъ того же завода Иванъ Терентьевъ Русановъ. Изъ Невьянскаго завода въ 1878 году скрылся крестьянинъ Сергѣй Федосѣевъ Рагозниковъ, а въ 1879 году Григорій Осиповъ Мехововъ. Изъ Шуралинскаго завода въ 1878 году скрылись: крестьянинъ Михаилъ Афанасьевъ Говядинъ и жена его Анна Павлова и наконецъ изъ деревни Федьковки скрылась крестьянка Черныхъ.

«Затѣмъ нѣкоторые изъ крестьянъ, хотя сами и не скрылись изъ мѣстожительства, но скрыли своихъ дѣтей. Такъ крестьянинъ Рудянскаго завода Александръ Андреевъ Тупиковъ, весною 1876 года, скрылъ своего новорожденнаго сына, а крестьянинъ того же завода Иванъ Никифоровъ, 8-го октября 1876 года, скрылъ неизвѣстно куда семилѣтняго сына; далѣе: крестьянинъ Невьянскаго завода Дмитрій Васильевъ Куракинъ скрылъ новорожденнаго сына; крестьянинъ того же завода Іоакинфъ Григорьевъ Масленниковъ скрылъ пятнадцатилѣтняго сына; упомянутый выше крестьянинъ Шуралинскаго завода Михаилъ Говядинъ скрылъ внука своего, Константина, двухъ лѣтъ; въ 1879 году крестьянинъ деревни Федьковки Иванъ Александровъ скрылъ неизвѣстно куда внука своего, младенца. О всѣхъ этихъ сектантахъ своевременно возбуждено было судебное преслѣдованіе.

«Лучинковцы»,—по отзыву мѣстнаго начальства,—«не признаютъ

ни церкви, ни священства, ни таинствъ; они отвергаютъ какъ царскую, такъ и всякую другую земную власть». «Царя лучинковцы зовутъ антихристомъ, а учрежденныя отъ него власти—антихристовыми. Отправленіе воинской повинности они считаютъ за службу антихристу и сатанинскому міру, т. е. государству.

«Вращаются въ этой сектѣ преимущественно люди небогатые и загрубѣлые въ фанатизмѣ; чтобы ихъ кто либо подстрекалъ къ этому изъ лицъ образованнаго класса—того не замѣчается. Главная цѣль секты—странствованіе и проживаніе въ лѣсахъ, гдѣ представляется болѣе свободы для лжеученія и моленія по обряду секты. Всякое преслѣдованіе, предпринятое противъ нихъ правительствомъ, считаютъ за благоволеніе Божіе, сопоставляя примѣръ Христа, страдавшаго за вѣру.

«Народъ, замѣчая, что у послѣдователей лучинковой секты то и дѣло исчезаютъ куда-то дѣти, поговариваетъ, что лучинковцы рѣжутъ своихъ дѣтей и причащаются человѣческою кровью; говорятъ даже, что лучинковцы не прочь купить для этой цѣли (закланія) и чужаго младенца, лишь бы онъ былъ незаконнорожденный. Сами же лучинковцы объясняютъ, что они только скрываютъ своихъ дѣтей отъ владычества антихриста и для того, чтобы воспитать ихъ вдали отъ сатанинскаго міра, въ духѣ своихъ правилъ.

«Изъ обрядовъ лучинковцевъ извѣстно, что они иконъ не почитаютъ, не кадятъ и свѣчей передъ ними не возжигаютъ».

Что касается численности лучинковцевъ, то, по свѣдѣніямъ мѣстной администраціи, въ екатеринбургскомъ уѣздѣ ихъ не болѣе 15 семействъ. Но кромѣ екатеринбургскаго уѣзда лучинковцы встрѣчаются въ верхотурскомъ и кунгурскомъ уѣздахъ. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ ихъ можно встрѣтить: въ Баранчѣ, Нижнихъ и Верхнихъ Лаяхъ, Шайтанкѣ, Рѣшахъ, Нижнемъ Тагилѣ и въ Турѣ. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ лучинковцы распространены въ Урминской волости и въ Ильинскихъ лѣсахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1882 года были составлены именные списки лучинковцевъ; судя по этимъ спискамъ въ Невьянскомъ заводѣ считалось тогда десять семействъ лучинковцевъ, въ деревнѣ Федьковкѣ, шуралинской волости, шесть семействъ и въ черноисточенской волости Верхотурскаго уѣзда—два семейства, всего-же 18 семействъ [1]).

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь именной списокъ лучинковцевъ; въ Невьянскомъ заводѣ: вдова Федосья Терентьева Мѣховаго и сынъ ея Захаръ Осиповъ, Дмитрій Васильевъ Куракинъ и его семья, Федоръ Ильинъ Тереховъ съ семьей, Серапіонъ Ильинъ Плотниковъ съ семьей, Козьма Пет-

Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о сектѣ лучинковцевъ сообщены были кунгурскимъ миссіонеромъ отцемъ Луканинымъ, который пользуется на Уралѣ репутаціею «знатока мѣстнаго раскола». По его словамъ, «главный догматъ этой секты состоитъ въ слѣдующемъ: съ 1666 года на московскомъ государствѣ воцарился антихристъ . . . . . Кто не хочетъ подчиниться антихристу и принять печать его, которая всюду распространяется въ купляхъ и продажахъ, тотъ долженъ бѣжать въ пустыню, гдѣ только и возможно спастись отъ прелести антихриста». По ученію лучинковцевъ, спасеніе возможно только внѣ міра, при совершенномъ разобщеніи съ міромъ, почему они всѣхъ своихъ послѣдователей и гонятъ въ пустыню.

О сектѣ этой въ мѣстной газетѣ («Екатеринбургская недѣля»), помѣщено было нѣсколько статей и замѣтокъ. О. миссіонеръ отзывается объ этихъ писаніяхъ съ большою рѣзкостью. «Много было говорено и писано про лучинкову вѣру—пишетъ онъ—и праздная фантазія словоохотливыхъ фельетонистовъ нашего края постаралась приписать послѣдователямъ этой «вѣры» ужасное людоѣдство, дѣтоубійство и кровопійство; но ближайшее знакомство съ этой сектою и съ коренными ея догматами убѣждаетъ, что всѣ измышленныя обвиненія этихъ сектантовъ въ звѣрствѣ и въ варварствѣ отнюдь не подтверждаются».

Говорятъ, что лучинковцы, не имѣя вѣры въ существующее въ православной церкви таинство евхаристіи, но чувствуя въ то же время горячую потребность въ причащеніи,—крадутъ невинныхъ младенцевъ, и причащаются ихъ кровію. «Но это пока только одни гипотезы и проблемы», замѣчаетъ о. миссіонеръ. «Тѣ, которые это утверждаютъ, навѣрное не приведутъ, въ подтвержденіе такого грубаго нареканія, ни одного факта или доказательства, чтобы ими хотя сколько нибудь подтвердилось вышесказанное изобрѣтеніе праздной фантазіи».

На собесѣдованіяхъ съ миссіонеромъ лучинковцы не разъ выска-

ровъ Токаревъ, съ сыномъ, Сергѣй Павловъ Рагозниковъ съ сыномъ, Акинфъ Григорьевъ Масленниковъ съ сыномъ, Сидоръ Ѳедоровъ Стародановъ. онъ-же Старожиловъ, и Сергѣй Константиновъ Кирьяновъ съ семьей. Въ деревнѣ Федьковкѣ: Петръ Андреевъ Бабушкинъ и его семья, Василій Смарагдовъ Середкинъ съ семьей, Иванъ Ивановъ Лукинскихъ съ сыномъ, Абрамъ Ив. Лукинскихъ съ сыномъ, Иванъ Васильевъ Симбирцевъ съ сыномъ и Никита Васильевъ Черныхъ съ семьей. Въ Черноисточенской волости: Петръ Лукьяновъ Шишовъ и Аганъ Петровъ Шишовъ, оба съ семьями. А. П.

зывались, что если они и уносятъ дѣтей, съ согласія родителей, въ пустыню, то дѣлаютъ это никакъ не для жертвы, не для распинаній и не для приготовленія причастія изъ ихъ крови, а единственно для воспитанія этихъ дѣтей, на подобіе Іоанна Крестителя, чтобы приготовить изъ нихъ «гражданъ пустыни», и сохранить ихъ «отъ антихристовой прелести, которая всюду разлилась въ мірѣ, какъ чума, и только сущіе въ горахъ и въ пустыняхъ не оскверняются ею».

Свое полное скептицизма ученіе о настоящемъ времени лучинковцы основываютъ на слѣдующемъ мѣстѣ священнаго писанія: «и предалъ насъ въ руки враговъ беззаконныхъ, ненавистнѣйшихъ отступниковъ и царю неправосудному и злѣйшему на всей землѣ. И нынѣ мы не можемъ открыть устъ нашихъ; мы сдѣлались стыдомъ и поношеніемъ для рабовъ Твоихъ и чтущихъ Тебя»... И затѣмъ далѣе: «Мы умалены, Господи, паче всѣхъ народовъ и унижены нынѣ на всей землѣ за грѣхи наши. И нѣтъ у насъ въ настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожженія, ни жертвы, ни приношенія, ни ѳиміама, ни мѣста, чтобы намъ принести жертву тебѣ и обрѣсть милость Твою». (Книга пророка Даніила, глава 3-я, стихи 32, 33, 37 и 38).

О. миссіонеръ подтверждаетъ, что секта лучинковцевъ получила свое названіе вслѣдствіе того, что послѣдователи этой секты не употребляютъ при моленіи никакого другого матеріала, кромѣ «матушки лучины». По ихъ мнѣнію, всѣ способы освященія такъ или иначе осквернены въ мірѣ антихристомъ: либо черезъ вѣсъ—на гиряхъ и на коромыслѣ вѣсовъ печати антихриста, либо черезъ продажу—продающіе имѣютъ патенты и свидѣтельства съ гербомъ антихриста, въ видѣ двуглаваго орла, либо чрезъ тѣ молебствія, которыя служатъ еретическіе священники при отправкѣ кораблей съ елеемъ и воскомъ и чрезъ то оскверняютъ и воскъ и елей; словомъ, такъ или иначе, всякій матеріалъ оскверненъ и Богу не можетъ быть пріятенъ. Лучина же, непосредственно добытая изъ сыраго березоваго дерева, выросшаго въ лѣсу, чиста отъ этого осквернѣнія и потому это «кандило» самое пріятное Богу. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія по этому поводу, лучинковцы указываютъ на примѣръ преподобнаго Сергія Радонежскаго, который также «служилъ съ лучиною и просіялъ святостію пречудно».

Лучинковцы, отвергая, какъ изобрѣтенія антихриста, всѣ проявленія казеннаго, оффиціальнаго міра, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаютъ и паспорты, при чемъ крайне обвиняютъ Петра Великаго за введеніе паспортовъ въ Россіи.

«Иконъ лучинковцы будто-бы не имѣютъ, а также и крестовъ на себѣ не носятъ; особенно же они жестоко порицаютъ кресты съ титлою, при чемъ отрицаніе свое основываютъ на 200-мъ листѣ Никона Черногорца въ Тактиконѣ».

Относительно мѣръ для прекращенія дальнѣйшаго развитія секты миссіонеръ Луконинъ высказывается такъ: «для вразумленія сихъ сектантовъ потребны мѣры кроткія, гуманныя, мѣры убѣжденія при посредствѣ уважаемыхъ ими древнихъ патріаршихъ книгъ. Прибѣгать же къ мѣрамъ полицейскимъ, а наипаче къ карательнымъ, въ дѣлѣ вѣры и разсѣянія въ темномъ народѣ суевѣрій было бы крайне нежелательно и даже опасно. Расколъ только теперь сталъ откровенно высказывать свои претензіи противъ церкви православной и обнаруживать свои заблужденія, или, проще сказать, только теперь этотъ больной человѣкъ сталъ довѣрчиво открывать предъ врачемъ свои язвы; но если въ этотъ моментъ пригрозить ему или насмѣшливо отнестись къ нему, тогда больной опять скроется отъ врача и долго, а можетъ быть и никогда не покажется ему на глаза».

Этими словами почтеннаго о. миссіонера мы и закончимъ настоящіе очерки. Въ нихъ мы исчерпали всѣ тѣ свѣдѣнія, какими располагаетъ оффиціальный міръ по вопросу о современномъ состояніи «наиболѣе вредныхъ сектъ» на Уралѣ. Если, не смотря на это, настоящіе очерки вышли блѣдны и отрывочны, если для читателей не выяснились тѣ общія условія, среди которыхъ возникли эти секты и тѣ основные причины и мотивы, которые породили ихъ на свѣтъ и которые способствовали ихъ дальнѣйшему развитію,—то это уже не наша вина. Въ этомъ виноватъ уже самый характеръ и свойство оффиціальныхъ свѣдѣній, схватывающихъ обыкновенно лишь чисто-внѣшнюю сторону дѣла.

Намъ могутъ возразить: зачѣмъ же и печатать такіе очерки, которые не даютъ настоящаго, болѣе или менѣе полнаго, представленія о затронутомъ вопросѣ? На это мы отвѣтимъ: во первыхъ, въ высшей степени важно знать весь тотъ запасъ свѣдѣній, которымъ располагаетъ оффиціальный міръ о положеніи извѣстныхъ сектъ, такъ какъ на основаніи имѣющихся въ распоряженіи администраціи свѣдѣній, строится и вся система отношеній власти къ послѣдователямъ этихъ сектъ; во вторыхъ, приводимыя нами въ этихъ очеркахъ оффиціальныя свѣдѣнія, при всей ихъ скудости и отрывочности, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ не мало фактическихъ данныхъ, могущихъ представить для публики весьма значительный интересъ и значеніе въ виду полнаго отсутствія въ нашей печати какихъ бы то ни было

свѣдѣній о современномъ уральскомъ сектантствѣ. До сихъ поръ, напримѣръ, секта неплательщиковъ, какъ и лучинковцевъ, были извѣстны въ обществѣ лишь по названію. Между тѣмъ эти секты, особенно первая изъ нихъ, по причинамъ, вызвавшимъ появленіе ихъ на свѣтъ, заслуживаютъ самаго полнаго и глубокаго вниманія всѣхъ, кого только серьезно интересуютъ современныя условія русской народной жизни.

А. С. Пругавинъ.

Могила дочерей окольничаго Соковнина.

1676 г.

Въ городѣ Боровскѣ, Калужской губерніи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ прежде острогъ, недавно переведенный за-городъ, находится могила, на которой лежитъ камень съ слѣдующею надписью:

„Лѣта 7184 года погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокія Прокофьевна, да ноября во 2 день боярина Глѣбова жена Ивановича Морозова боярыня Ѳеодосія Прокофьевна, а во иноцехъ инока-схимница Ѳеодора, а дочери обѣ окольничаго Прокофія Федоровича Соковнина, а сію доску положили на сестрахъ своихъ родныхъ боярынъ Федоръ Прокофьевичь да окольничій Олексій Прокофьевичь Соковнины“.

Годъ 7184 долженъ соотвѣтствовать 1676 году.

Сообщ. Нилъ Мих. Челищевъ.

РАЗСКАЗЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЛАТЫША ИНДРИКА СТРАУМИТА

изъ времени втораго движенія латышей къ православію [1]).

1845—1846.

Это было въ ноябрѣ 1845 года. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Ригу, густыми толпами шли мирно, тихо, никого не задѣвая, латыши и эсты принимать новую вѣру, вѣру православную, и принимали они ее тысячами чрезъ св. таинство миропомазанія въ церкви Алексѣя человѣка Божія, въ этой

---

[1]) Первое движеніе латышей массами къ православію началось съ 9 іюня 1841 г. и кончилось вывозомъ изъ Риги преосвященнаго Иринарха, послѣдовавшимъ 12-го октября 1841 года, и Беверсгофскимъ разгромомъ православныхъ латышей, произведеннымъ въ октябрѣ того же 1841 года прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ, генераломъ отъ кавалеріи, барономъ Паленомъ.

Второе движеніе началось съ марта 1845 года въ Ригѣ, въ апрѣлѣ и маѣ 1845 года перешло въ латышскіе уѣзды Лифляндской губерніи, отсюда въ іюнѣ перешло въ эстонщину (эстонскіе уѣзды Лифляндской губерніи) и на островъ Эзель. — Движеніе это пріостановилось въ 1846 году съ изданіемъ правилъ о присоединеніи и назначеніи 6-ти мѣсячнаго срока для присоединенія; чрезъ 18 лѣтъ, съ отмѣною негласнымъ путемъ въ 1864 году предбрачныхъ росписокъ, перешло въ обратное движеніе православныхъ латышей и эстовъ къ лютеранству, которое въ свою очередь пріостановилось, когда съ 1869 года наше правительство приняло рѣшительныя мѣры къ улучшенію быта и положенія сельскихъ православныхъ приходовъ и школъ.

Третье движеніе начинается въ наши дни. Оно открылось съ апрѣля 1883 г. въ эстонщинѣ, въ Леалѣ, присоединеніемъ 300 эстонцевъ къ православію, и готовится распространиться на Каркусъ и сосѣднія волости. Это движеніе еще не опредѣлилось, можетъ пойти дальше, по примѣру втораго

усыпальницѣ русскихъ вельможъ, надъ прахомъ именитыхъ людей русскихъ: князей Репнинныхъ, Долгорукаго, Лопухина и др. [1]). То великое народное движеніе, послѣдовавшее чрезъ три года за Беверсгофскимъ раз-

---

движенія, но можетъ и прекѣчься въ самомъ началѣ. Все это вопросъ будущаго.

Представляемый разсказъ былъ уже напечатанъ, но по рукописи весьма неполной и скорѣе въ извлеченіи, нежели по тексту автора. Здѣсь онъ передается вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій, по подлиннику, хранившемуся у покойнаго преосвященнаго рижскаго и митавскаго Веніамина Карелина.

Индрикъ Строумитъ—это псевдонимъ одного сельскаго въ латышинѣ православнаго священника, здравствующаго и понынѣ. Лучшаго коментарія къ запискѣ преосвященнаго Филарета Гумилевскаго,—какъ этотъ разсказъ,—не знаемъ.

[1]) Русскіе, вступивъ въ Ригу 4 іюля 1710 г., не застали уже въ ней ни одной православной церкви. Всѣ церкви были лютеранскія и принадлежали или коронѣ шведской, или сословіямъ. Коронными шведскими были: гарнизонная въ цитадели и замковая. Сословіямъ принадлежали: дворянству—церковь св. Іакова; городу и бюргерамъ: соборъ церкви св. Петра, св. Іоанна и св. Гертруды. Петръ Великій, глубоко уважавшій, какъ извѣстно, Іоанна Грознаго за его стремленія пробиться во что бы то ни стало къ Балтійскому морю, началъ въ новозавоеванныхъ провинціяхъ—Лифляндіи и Эстляндіи—съ того, съ чего обыкновенно начиналъ Грозный въ покоряемыхъ ливонскихъ городахъ, съ постройки и учрежденія православныхъ церквей. Въ первый же годъ владѣнія Ригою, царь обратилъ шведскія церкви въ православныя. Гарнизонная церковь освящена во имя апостоловъ Петра и Павла. Эта церковь есть родоначальникъ нынѣшняго Петропавловскаго собора. Замковая церковь освящена во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Она существуетъ въ замкѣ и понынѣ. Затѣмъ царь приказалъ возобновить полуразрушенныя зданія въ самомъ городѣ бывшаго католическаго женскаго бенедиктинокъ монастыря и здѣсь соорудилъ церковь во имя Алексія человѣка Божія. Церковь эта, перестроенная и украшенная лифляндскимъ губернаторомъ княземъ Долгорукимъ (управлялъ Лифляндіею съ 1750 по 1760 г.), служила въ теченіи XVIII ст. усыпальницею именитыхъ русскихъ людей. При этой церкви жили и живутъ нынѣ рижскіе преосвященные. Вотъ почему латыши и являлись въ нее.

Рижскіе православные старожилы разсказывали пишущему эти строки, что ихъ чрезвычайно поражало первое появленіе латышей въ Алексѣевской церкви лѣтомъ 1841 года. Цѣлыя толпы истомленныхъ голодомъ, въ рубищахъ, едва прикрывавшихъ наготу латышей, по воскресеньямъ приходили въ Алексѣевскую церковь. Придутъ и лягутъ на полъ „крыжемъ“ (отдаленное воспоминаніе о католичествѣ). Что это за люди? Что имъ нужно въ церкви? съ недоумѣніемъ спрашивали православные богомольцы другъ друга, и никому въ голову не приходило, что то были люди, искавшіе православія, что эти истомленные голодомъ, въ лохмотьяхъ и рубищахъ нищіе, лежавшіе на полу въ Алексѣевской церкви «крыжемъ», начинали собою исторію православія въ латышинѣ и эстонщинѣ.

Е. Ч.

громомъ [1]), началось съ присоединенія къ православію Давида Баллода, главы рижскихъ гернгутеровъ, память котораго до сихъ поръ столь недостойно осыпается клеветами отъ ненавистниковъ русскаго имени и право-

---

[1]) Беверсгофскій разгромъ составляетъ въ исторіи православія въ Ливоніи весьма выдающееся событіе, о которомъ латыши не забыли даже до настоящаго времени. Разгромъ этотъ былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами.

Весна 1841 г. была гибельна для сельскихъ хозяевъ: погода стояла такая, что къ началу мая всякая надежда на урожай исчезла почти во всей губерніи, преимущественно же въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольскомъ и Маріенбургскомъ. Грозилъ голодъ со всѣми его ужасами, такъ какъ и 1839 и 1840 гг. были неурожайны и всякіе запасы продовольствія истощились. Крестьяне начали обращаться за помощью къ своему мѣстному начальству, которое, конечно, не могло ничѣмъ помочь бѣдствію. Тогда-то у крестьянъ явилась мысль выселиться изъ Лифляндіи, гдѣ грозила голодная смерть, въ теплую, именно Ейскую землю. Подъ именемъ Ейской земли они разумѣли Новороссію, о заселеніи которой въ это время много заботился новороссійскій генералъ-губернаторъ, знаменитый графъ (впослѣдствіи князь) Воронцовъ, и городъ Ейскъ. Крестьяне-латыши изъ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей начали съ мая 1841 г. являться въ Ригу съ просьбами о выселеніи. Партіи латышей, численностію въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, наполнили постоялые дворы и, не находя затѣмъ нигдѣ пріюта, расположились на улицахъ и площадяхъ.

Весь май мѣсяцъ прошелъ въ безплодныхъ хожденіяхъ къ губернскому начальству: прокурору Гейкингу, гражданскому губернатору, престарѣлому Фелькерзаму, жандармскому подполковнику Киршу, наконецъ генералъ-губернатору барону Палену. Хожденіе и просьбы о выселеніи не могли имѣть успѣха, потому что не могла же казна принять на себя издержки по выселенію поголовному всѣхъ крестьянъ изъ трехъ уѣздовъ. Множество народа явилось въ Ригу безъ всякихъ паспортовъ, безпаспортныхъ начали удалять изъ Риги силою, но это мало помогало: вмѣсто наказанныхъ и удаленныхъ являлись новыя и новыя толпы съ просьбами о выселеніи, такъ какъ никому не хотѣлось умирать голодною смертью.

9 іюня 1841 г. одна партія истомленныхъ голодомъ латышей случайно забрела на архіерейское подворье, къ епископу Иринарху, и настоятельно требовала, чтобы преосвященный выслушалъ ихъ. Преосвященный вышелъ къ нимъ, чрезъ переводчика распросилъ, что имъ нужно, и затѣмъ объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него, епископа, ни мало не касается, что онъ, епископъ, поставленъ вовсе не для выселенія крестьянъ, а для служенія православной церкви. Въ заключеніе, преосвященный посовѣтовалъ просителямъ идти по домамъ, такъ какъ поголовное выселеніе не мыслимо, слушаться помѣщиковъ, и отпустилъ ихъ, приказавъ дать каждому по куску хлѣба и по нѣскольку грошей денегъ на дорогу домой.

Слухъ о пріемѣ Иринархомъ латышей быстро распространился между другими партіями ихъ и вскорѣ цѣлыя толпы стали являться къ преосвященному, но уже съ письменными прошеніями, въ которыхъ выражали желаніе прежде всего выселиться, а потомъ, какъ о предметѣ побочномъ, заявили желаніе присоединиться къ православію. Весь іюнь и іюль прошли въ хожде-

славія [1]). Я познакомился съ нимъ уже какъ со священникомъ православной Лаудонской церкви. Это былъ истинный христіанинъ, надѣленный всѣми дарами благодати Божіей. Онъ былъ столько же безпристрастенъ къ врагамъ своимъ,

---

ніяхъ, и въ теченіи этого времени преосвященный получилъ до 30 прошеній отъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, каковыя прошенія и представилъ въ синодъ.

Гг. дворяне и пасторы ни мало не тревожились стараніями латышей о выселеніи, будучи въ совершенной увѣренности, что эти старанія ни въ какомъ случаѣ увѣнчаться успѣхомъ не могутъ, но встревожились не на шутку, когда провѣдали о сношеніяхъ латышей съ православнымъ епископомъ и о прошеніяхъ на присоединеніе къ православію. Тревога была вполнѣ основательная: съ переходомъ въ православіе латышей гг. пасторамъ грозило совершенное оскудѣніе доходовъ, а гг. дворянамъ грозило потерею всякой связи съ народомъ и слѣдовательно подрывомъ въ корнѣ всякой нѣмечины въ краѣ. Тутъ-то гг. дворяне впервые сознали какую громадную ошибку сдѣлали ихъ предки и они сами, когда обратили латышей въ свою рабочую силу, не пріобщивъ ихъ нѣмечинѣ. Нѣмечить бы слѣдовало ливонскихъ туземцевъ и тѣмъ удалить ихъ отъ тяги къ Россіи, а не держать ихъ въ сторонѣ отъ нѣмечины.

Но задачи нѣмеченія были вопросомъ будущаго, теперь же приходилось дѣйствовать, не предаваясь пустымъ сожалѣніямъ и не тратя времени, ибо промедленіе хоть бы на полгода могло бы повести къ неисчислимымъ и бѣдственнымъ для нѣмечины слѣдствіямъ. Рѣшились дѣйствовать и составили отважный планъ: подавить стремленіе латышей къ православію посредствомъ православныхъ, именно: удалить преосвященнаго Иринарха изъ Риги и затѣмъ произвести военныя экзекуціи по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ обнаруживалось стремленіе къ православію. Исполненіе плана велось съ необыкновеннымъ искуствомъ и чрезвычайною ловкостію. Здѣсь не мѣсто разсказывать подробности, но во всякомъ случаѣ успѣхъ исполнителей плана превзошелъ даже самыя смѣлыя ожиданія ихъ. Преосвященный Иринархъ былъ вывезенъ изъ Риги 12 октября 1841 г. и военныя экзекуціи начались по всей Лифляндіи подъ видомъ усмиренія бунта, котораго нигдѣ не было. Экзекуціи производились войсками, двинутыми въ Лифляндію, по ловкой, хоть и лживой фразѣ, сочиненной Гагемейстеромъ: „злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія“. Фразѣ этой, лживой отъ начала до конца, повѣрили: начали ловить мнимыхъ зачинщиковъ и подстрекателей, предавать ихъ военному суду, и гонять затѣмъ сквозь строй.

Самая сильная экзекуція происходила въ Нейбеверсгофѣ Рижскаго уѣзда. Здѣсь 5 ротъ Шлиссельбургскаго полка, 4 роты Ладожскаго полка съ 50 казаками нещадно гоняли сквозь строй латышей. Всѣхъ прогнанныхъ сквозь строй было 113 человѣкъ. Эта-то экзекуція и извѣстна подъ именемъ Беверсгофскаго разгрома.

Гг. дворяне восторжествовали: православные возстали на людей, стремившихся къ православію, сами вывезли своего же преосвященнаго и сильнѣйшими наказаніями подавили у латышей на цѣлыхъ четыре года мысль о православіи.

Е. Ч.

[1]) Гернгутеры (по русски охрановцы), иначе называемые моравскими братьями, появились въ Лифляндіи около 1730 г. и, покровительствуемые

сколько строгъ къ самому себѣ и къ своимъ дѣтямъ. Онъ, въ то время уже сѣдой старецъ, не стыдился открывать мнѣ, тогда еще юношѣ, всю свою душу, все свое семейное горе, со многими слезами. Жена его имѣла совершенно противоположный съ нимъ характеръ, а дѣти, хотя весьма даровитыя, пошли совершенно инымъ путемъ. Про нихъ онъ мнѣ и каждому такъ говорилъ: «что пользы хозяину съ той коровы, которая много даетъ молока, но сама ногою лягнетъ и все прольетъ въ навозъ». Въ молодости онъ служилъ волостнымъ старшиною,—должность эта у насъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы смотрѣть за общественнымъ запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ и за сундукомъ съ деньгами, весною выдавать хлѣбъ нуждающимся, а осенью принимать вмѣстѣ съ процентами. Весною сотскіе [1]) того общества первые заявили, что имъ нужно то и то. Д. Баллодъ хотя навѣрное зналъ, что они вовсе не нуждаются, но отпустилъ и имъ заимообразно хлѣба, осенью же потребовалъ возврата. Изумленные такою дерзостію, сотскіе ему пригрозили: «мы тебя научимъ, говорятъ, какъ править должность старшины!»—«Я и желаю того и всегда готовъ выслушать умное наставленіе, вы же старше меня».—Прошла недѣля, другая, а сотскіе не везутъ хлѣба въ магазинъ. Баллодъ потребовалъ настоятельно, объявивъ, что если на слѣдующей недѣли хлѣбъ не будетъ привезенъ, то онъ донесетъ въ высшіе суды.—«Братъ, сказали ему тутъ сотскіе, зачѣмъ намъ возвращать взятый хлѣбъ! Бери и ты на свою часть безъ возвращенія. Это дѣло мы знаемъ какъ устроить,—не въ первый разъ!»—«Такъ вотъ

вначалѣ дворянами, быстро распространялись по всей латышинѣ и эстонщинѣ. Такое быстрое распространеніе встревожило пасторовъ, не безъ основаній боявшихся, чтобы наставники охрановцевъ не отбили кормленія у пасторовъ, встревожило и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, также не безъ основаній боявшихся, что охрановскія общины просвѣтятъ народъ. Въ 1743 г. состоялось закрытіе гернгутерскихъ молитвенныхъ домовъ подъ предлогомъ, что крестьяне, посѣщая ихъ, отвлекаются отъ барщины. Запретъ на гернгутерство былъ снятъ императрицею Екатериною II, а императоръ Александръ I сильно покровительствовалъ имъ и далъ имъ въ 1817 г. жалованную грамоту. Въ 1819 г. въ Лифляндіи состояло уже 144 общины охрановцевъ, число которыхъ достигало до 30,000 человѣкъ. Впослѣдствіи число общинъ возросло до 250, а число членовъ до 50,000. Охрановцы видимо отбивали у протестантской церкви ея народъ, а у народа лютеранскую церковь. Гг. пасторы, конечно, не могли хладнокровно смотрѣть на усиленіе охрановцевъ и отчаянная борьба между пасторами и наставниками охрановцевъ загорѣлась въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, вскорѣ по составленіи и утвержденіи новаго устава лютеранской церкви въ Россіи и наказа лютеранскому духовенству. Борьба происходила одновременно въ области догматики, каноническаго права и гражданскихъ законовъ и къ 1845 г. достигла крайняго напряженія.

[1]) Подъ именемъ сотскихъ, авторъ вездѣ разумѣетъ волостныхъ старшинъ.

Е. Ч.

какое наставленіе вы мнѣ дать обѣщали! сказалъ Баллодъ сотскимъ. Стало быть немимо молвится наша пословица: не стало у насъ больше воровъ,—всѣ воры въ старшины да въ сотскіе выбраны,—такіе воры опаснѣе ночныхъ; ночной воръ иногда и не попадетъ въ клѣть другого, а имъ всегда можно,—ключи у себя въ рукахъ. А вы еще и судьи: денные воры судятъ ночныхъ. Ночной воръ украдетъ, потому что, можетъ быть, дѣти умираютъ съ голоду, а вы сыты, да воруете. Ночной воръ норовитъ украсть у богатаго, а вы крадете хлѣбъ и у бѣдныхъ, которые отдали его на ваше сбереженіе. Нѣтъ, этому не бывать! чтобы завтра же хлѣбъ былъ въ магазинѣ!» — Такъ-то ошиблись сотскіе въ Давидѣ Баллодѣ, думавши, что и онъ не устоитъ противъ пріобрѣтенія, что и онъ не болѣе какъ ханжа и только прикидывается набожнымъ.—А набожностью Давидъ Баллодъ дѣйствительно прославился въ цѣломъ краѣ; онъ и братъ его Иванъ были между латышей главными проповѣдниками гернгутеровъ, которые, говоря безпристрастно, не только не дѣлали никакого вреда лютеранству, но еще оказывали ему значительную услугу, потому что хотя отчасти утишали внутренній духовный голодъ лифляндскаго крестьянина. Дворяне терпѣли гернгутеровъ, потому что это былъ народъ все степенный, богобоязненный, большею частію зажиточный, хозяева и прилежнѣйшіе изъ работниковъ, но пасторы всячески преслѣдовали ихъ изъ зависти. Послѣ пасторской-то проповѣди, изъ кирки идетъ народъ бывало прямо въ молитвенный гернгутерскій домъ на крестьянскую христіанскую бесѣду. Говорятъ болѣе опытные, соблюдая очередь. Кому очередь, тотъ садится за столикъ, на первомъ мѣстѣ, хотя бы онъ былъ самымъ послѣднимъ человѣкомъ въ быту общественномъ. Говорятъ все на память и безъ приготовленія и никогда ни словечка не проронятъ о томъ, какъ ихъ пасторъ ругаетъ и какъ поносятъ ихъ же братья. А напротивъ говорятъ, что и достойны того, потому что не являютъ добрыхъ дѣлъ: добрыми дѣлами, а не словами должны бы мы доказывать свою вѣру. Дѣла добрыя,—вотъ постоянная тема гернгутерскихъ бесѣдъ. Иные изъ нихъ, правда, слишкомъ неистово кричали, корчили рожи будто плачутъ, а вовсе не плачутъ, но другіе говорили очень сильно и трогательно. Я самъ нѣсколько разъ бывалъ въ молитвенныхъ домахъ, шолъ туда съ совершеннымъ предубѣжденіемъ противъ крестьянъ проповѣдниковъ,—но услышавъ сердечную безыскуственную рѣчь, не могъ наслушаться: говорятъ отъ сердца—къ сердцу и идетъ. Таковы были проповѣди извѣстнаго Венденскаго народнаго поэта Андше Курписа и братьевъ Баллодовъ: въ скорбяхъ, въ болѣзняхъ, въ несчастіяхъ я не встрѣчалъ подобныхъ имъ утѣшителей. Но мѣстный пасторъ возненавидѣлъ ихъ. Не довольствуясь руганьемъ ихъ и клеветаньемъ на нихъ съ церковной каѳедры, однажды онъ прибѣжалъ, по окончаніи службы въ киркѣ, прямо въ ихъ молитвенный домъ, въ то самое время, когда уже бесѣда была начата.

Гнѣвно закричалъ онъ на Баллодовъ, но тѣ хладнокровно остановили его, говоря: «здѣсь не мѣсто намъ спорить, тутъ много народу», и попросили его въ другую комнату. Едва пасторъ перешагнулъ порогъ этой комнаты, какъ застучалъ ногами и закричалъ, но Баллоды снова попросили его быть потише. «Безъ шуму, безъ гнѣва вы можете говорить все, мы все выслушаемъ и дадимъ свои отвѣты». Но пасторъ все-таки не могъ говорить хладнокровно, а съ ядомъ воззопилъ: «какъ вы смѣете проповѣдывать! Кто вамъ далъ право?»—«Также, какъ и вы, тотъ же, кто и вамъ,—былъ отвѣтъ Баллодовъ; покажите—гдѣ сказано, что вы можете и имѣете право, а намъ запрещено,—вотъ библія!»

Пасторъ. Кто васъ избралъ и поставилъ на эту должность?

Баллодъ. Тѣ же, кто и васъ. Мы избрали васъ себѣ въ учители, а они избрали и насъ себѣ въ учители, а вамъ же въ помощники.

Пасторъ. Мнѣ не нужны такіе помощники! не нужны! Развѣ я не проповѣдаю!

Баллодъ. Если вы не нуждаетесь, то они нуждаются. Посмотрите, сколько народу! Прежде, до насъ, какъ часто по воскресеньямъ кирка бывала пуста, а корчмы полны. Какъ вы бывало на каѳедрѣ ни кричали, ни ругали, и какъ ни кляли, что въ кирку нейдутъ только одну службу отслушать—и то не шли...., а теперь и къ утрени сюда придутъ, и въ киркѣ съ большимъ благоговѣніемъ посидятъ и къ вечернѣ приходятъ опять сюда. Слѣдовательно мы полезны и нужны, если не для васъ, то для нихъ, иначе они не приходили бы съ такою ревностью. За что же вы въ проповѣдяхъ своихъ насъ проклинаете?

Пасторъ. А вы зачѣмъ въ киркѣ не остаетесь, тамъ бы и проповѣдывали?

Баллодъ. Если вы насъ и отсюда гоните вонъ, то тѣмъ болѣе изъ кирки.

Пасторъ. Ваши собранія—собранія развратниковъ!

Баллодъ. Говорите, но говорите подумавши. Докажите же, что вы сказали. Сколько незаконнорожденныхъ дѣтей вы крестили, нами прижитыхъ и тѣми, которые каждое воскресенье бываютъ здѣсь въ киркѣ и опять здѣсь! Мы наполняемъ кирки народомъ, а вы ихъ опустошаете. Въ нашихъ собраніяхъ научаются, какъ взрослые такъ и дѣти, познавать Бога, читать и пѣть, кто прежде не зналъ, а у васъ забываетъ и тотъ, кто зналъ. Чьи дѣти умѣютъ лучше читать, пѣть и съ толкомъ отвѣчать,—дѣти ли тѣхъ, которые, какъ вы теперь, поносятъ насъ, или дѣти тѣхъ, которые сюда ходятъ. Мы знаемъ, какъ вы вооружаете противъ насъ всѣхъ прихожанъ, обязуете ихъ присягою не ходить сюда, вооружаете на конфирмаціяхъ дѣтей нашихъ противъ насъ—ихъ родителей. Это тяжкій грѣхъ! Какой отвѣтъ дадите вы Богу, что вы вѣру мертвите, преслѣдуете дѣла вѣры?

Пасторъ взбѣшенный выбѣжалъ изъ молитвеннаго дома, сильно хлопнувъ дверью. Это братьямъ Баллодамъ не прошло даромъ; опираясь на сотскихъ, пасторъ до тѣхъ поръ наговаривалъ на нихъ предъ управляющимъ и предъ помѣщикомъ, пока Давиду Баллоду не было отказано во владѣніи хозяйскимъ дворомъ, впослѣдствіи же пасторъ выжилъ и Ивана Баллода изъ того общества, хотя онъ былъ послѣдовательно засѣдателемъ въ волостномъ, въ приходскомъ и, наконецъ, въ уѣздномъ судѣ и носилъ медаль «за усердіе».

Продавши все свое имущество, Давидъ Баллодъ переселился на жительство въ Ригу. Онъ нашелъ и тамъ тотъ же духовный голодъ, то же нерадѣніе пасторовъ о латышахъ, чтобы не сказать, ненависть къ нимъ. Городскіе и окрестные латыши обрадовались прибытію знаменитаго проповѣдника. По настоятельной и неотступной ихъ просьбѣ онъ открылъ и здѣсь молитвенный домъ для собранія гернгутеровъ и на этотъ разъ уже не вблизи лютеранской, а вблизи православной Покровской церкви, что на кладбищѣ. Какъ дивны пути Божіи! Какъ незамѣтно пролагаетъ Онъ ихъ,— не замѣтно для премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего! Какія орудія онъ для себя избираетъ, самыя неожиданныя, даже враждебныя!

Не успѣлъ Д. Баллодъ открыть свою гернгутерскую каѳедру, какъ на него нарinулись со всѣхъ сторонъ пасторы, но самымъ ярымъ гонителемъ его былъ пасторъ Трей,—издатель латышской газеты—Латвіашу драуге (другъ латышей), тотъ самый, который впослѣдствіи судимъ былъ, по жалобѣ епископа Филарета, за поношеніе православной вѣры, помѣщенное въ той газетѣ, а потомъ оттиснутое имъ особой брошюрой. Послѣ долгихъ и неудачныхъ споровъ съ гернгутерами, пасторъ тотъ сдѣлалъ, наконецъ, доносъ въ полицію, что въ гернгутерскихъ собраніяхъ происходятъ совѣщанія о новомъ мятежѣ. Полиція, хотя очень хорошо вѣдала, что гернгутеры ничего подобнаго не замышляютъ, а напротивъ стараются удержать латышей отъ православія, но, по не отступному настоянію пастора Трея, запечатала молитвенный домъ рижскихъ гернгутеровъ.

Тогда Д. Баллодъ собралъ своихъ единоплеменниковъ; горевали, толковали и порѣшили: «больше ничего не остается, какъ всѣмъ перейти въ русскую вѣру».

Все таки Давидъ Баллодъ хотѣлъ сдѣлать еще одно послѣднее усиліе: уговорить пастора Трея возвратить братьямъ покой, не толкать ихъ вонъ изъ лютеранской церкви. Онъ отправился къ пастору съ библіею подъ мышкой. Долго состязались эти два столь неровные бойца. Одинъ—Давидъ, во многомъ подобный своему ветхозавѣтному соименнику, также пришедшій отъ стада, вооруженный одною пращицей—Словомъ Божіимъ; другой—Голіафъ, сильный своею образованностію, ученостью, въ бронѣ своего сана и несмѣтныхъ нѣмецкихъ привиллегій. Наконецъ Давидъ Баллодъ, указавъ на все нерадѣніе пасторовъ о латышахъ, на ихъ недоступность, гордость,

презрѣніе къ латышамъ и на ихъ ненасытную алчность, открылъ библію на 34 главѣ пророка Іезекіиля и прочиталъ: «Сыне человѣческій! Изреки пророчество на пастырей израилевыхъ, изреки пророчество и скажи имъ, пастырямъ. Такъ говоритъ Господь Іегова: о пастухи израилевы! Вы, что пасете самихъ себя! Не овецъ ли надлежало пасти пастухамъ? Молоко вы ѣдите и шерстью одѣваетесь и тучныхъ овецъ закалаете, а стадо не пасете! Изнемогшихъ вы не поднимали, заболѣвшихъ не врачевали, у раненыхъ ранъ не перевязывали, угнанныхъ не возвращали, затерявшихся не искали, а правите ими съ жестокостію и свирѣпствомъ... За то, пастухи, выслушайте слова Іеговы. Такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ я на пастуховъ! Отберу я овецъ моихъ изъ рукъ ихъ, отставлю пастуховъ отъ пастьбы, да не пасти имъ ужъ больше и самихъ себя. Я вырву овецъ моихъ у нихъ изо рта, не дамъ имъ на пожраніе».

Высказавши такую правду, Д. Баллодъ прямо изъ покоевъ пастора Трея отправился къ епископу Филарету, разсказалъ о своемъ непремѣнномъ желаніи и о намѣреніи многихъ латышей и эстовъ присоединиться къ православію, и присоединился чрезъ св. миропомазаніе [1]). «Давидъ Баллодъ перекрестился (парирустійхс), Д. Баллодъ перекрестился! «Эта вѣсть съ быстротою

---

[1]) Крестьянинъ Давидъ Андреевичъ Баллодъ присоединился къ православію въ мартѣ 1845 г. Онъ родился въ 1803 году въ Сиссегалѣ, Рижскаго уѣзда. По присоединеніи къ православію, онъ былъ преосвященнымъ Филаретомъ рукоположенъ въ діаконы къ рижской Покровской церкви 16 октября 1845 г. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, именно 10 февраля 1846 г., онъ былъ рукоположенъ тѣмъ же епископомъ священникомъ въ Лауденскую Іоанно-Предтеченскую церковь (нынѣ Керстембемскаго благочинія, Венденскаго уѣзда, въ 35 верстахъ отъ желѣзно-дорожной станціи Штокмансгофъ), устроенную и открытую незадолго передъ тѣмъ. Здѣсь въ Лауденѣ отецъ Давидъ Андреевичъ провелъ всю свою остальную жизнь,—удостоиваясь неоднократно благословенія и похвалы отъ преемника Филарета, архіепископа Платона. Въ послужномъ спискѣ Баллода за 1863 г. отмѣчено: „свои обязанности и церковную службу знаетъ достаточно; читаетъ по латышски очень исправно, по славянски читать не можетъ. Къ богослуженію и церковнымъ дѣламъ очень усерденъ, къ приходу внимателенъ и къ должности благонадеженъ. Поведенія, характера и образа жизни очень скромнаго".

Онъ умеръ въ Лаудонѣ 15-го августа 1864 г., оставивъ по себѣ двухъ сыновей: Петра и Ивана. Оба они живы. Старшій сынъ, Петръ Давидовичъ, поступилъ было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ петербургскій университетъ, здѣсь принялъ участіе въ тогдашнихъ университетскихъ безпорядкахъ, былъ высланъ по суду на жительство въ Сибирь, гдѣ проживаетъ и понынѣ, какъ слышно, довольно обезпеченно, не думая уже о возвращеніи на родину въ Лифляндію. Младшій сынъ Баллода, Иванъ Давидовичъ, въ 1849 г. былъ опредѣленъ причетникомъ къ отцу въ Лауденъ, но послѣ смерти отца, выступилъ въ 1866 г. изъ духовнаго званія и нынѣ проживаетъ въ Витебской губерніи. Е. Ч.

телеграммы переходила изъ устъ въ уста, облетѣла лѣса и болота, проникла въ лачуги, куда и свѣтъ дневной не проникалъ: «Не ужъ-то правда! Не ужъ-то позволено теперь присоединяться!»

Многіе отправлялись въ Ригу узнать отъ самого Д. Баллода, дѣйствительно-ли онъ присоединился. На дорогѣ въ корчмахъ отъ проѣзжающихъ и корчмарей вездѣ слышатъ одно и тоже: да, Д. Баллодъ присоединился. Нѣтъ, нужно ужъ ѣхать до конца и узнать отъ самого Д. Баллода. Пріѣзжаютъ и видятъ—дѣйствительно такъ. Д. Баллодъ крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ, какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а прежде кладетъ на правое плечо, потомъ на грудь и наконецъ на лѣвое, икона у него въ комнатѣ и лампада горитъ... «Но по выходѣ отъ Баллода все какъ-то не вѣрится, пошли съ Д. Б. въ Алексѣевскую церковь и сами присоединились. Это повторялось съ десятками и сотнями людей. Но всѣхъ брало какъ будто сомнѣніе: не во снѣ-ли имъ видится то, чего такъ давно и такъ тщетно на яву желали, пока не очнулись одни въ тюрьмахъ, другіе подъ розгами въ судахъ и на мызныхъ дворахъ; это казалось какъ бы завершительнымъ актомъ присоединенія, конфирмаціею присоединяющихся къ православію. Наказанные крѣпли въ православіи, а остальные, еще лютеране, смотря на это, какой-то невидимой силой побуждались присоединиться и потерпѣть такое же или еще тягчайшее наказаніе. Наказаніями не гнушались, а гордились, семейные только горевали, чтобы ихъ не забивали до смерти. Разскажу одинъ изъ сотни фактовъ. Призываютъ на мызу 20 человѣкъ присоединившихся, управляющій обращается къ нимъ съ вопросомъ: «какъ хотите, здѣсь ли получить по 40 палокъ, или въ приходскомъ судѣ по 60 палокъ?» Тѣ спрашиваютъ: какая же наша вина? Что мы дурного сдѣлали? «Я не знаю, отвѣчаетъ управляющій, но если вы не примете здѣсь 40 палокъ, такъ не живъ я буду! Вѣдь вы перекрестились?»—Да!—«Ну такъ какъ же?»

Потолковали межъ собой, потолковали, наконецъ согласились получить по 40 палокъ на мѣстѣ: некогда шляться, пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ.

— «А еще будемъ получать, или тутъ все наказаніе?» спросили осужденные. Все! былъ отвѣтъ мызнаго управленія. «Хорошо». Кто первый? «Да пожалуй я!» Скинулъ всѣ свои доспѣхи, сталъ; отогналъ тѣхъ, кому велѣно было подержать, говоря: «развѣ держалъ кто св. Стефана, когда его камнями побивали!» Отсчитали 40 ударовъ. Перекрестился, одѣлся и сказалъ прочимъ: «ну теперь становитесь и вы, а я тѣмъ временемъ пойду покурить». Всѣ получили и пошли домой съ радостію,—съ красными полосами рубашки; за то и теперь тверды въ православіи, особенно первый.

Пасторъ имѣнія Маддалы, первый гонитель Д. Баллода еще въ его гернгутерствѣ, встрѣтившись однажды съ родственникомъ его, Мартыномъ

Зелтынемъ, строго ему наказывалъ спросить отъ его имени самого Д. Баллода: «дѣйствительно ли онъ присоединился, и что побудило его присоединиться?» Мартынъ Зельтынъ былъ у Д. Баллода и передалъ ему буквально порученіе пастора. Баллодъ отвѣчалъ: «скажи маддалинскому пастору такъ: маддалинскій пасторъ началъ меня гнать (въ православіе), а рижскій пасторъ Трей кончилъ». Эти слова М. Зельтынъ передалъ въ точности маддалинскому пастору, по возвращеніи изъ Риги. Пасторъ, не сказавъ ни слова, повернулся, медленными шагами пошелъ въ свой кабинетъ и легъ на диванъ. Легъ этотъ пасторъ и конечно тогда же сталъ придумывать гоненія уже не на гернгутеровъ, а на православныхъ.

И чего, чего не пустили въ ходъ, какихъ лукавыхъ слуховъ не распустили въ народѣ, какихъ клеветъ не придумывали на православное духовенство пасторы, горевавшіе не столько о вѣрѣ, сколько о томъ, что для нихъ пресѣкался путь къ крестьянскимъ амбарамъ, и помѣщики, предвидѣвшіе конецъ своему безконтрольному владычеству! Наняты были шпіоны; шпіоны были вездѣ: въ корчмахъ, на поляхъ, на дорогахъ, въ лѣсахъ, гдѣ рубили два, три мужика. Подъ окнами хатъ, въ сумерки, управляющіе, старосты мызные, пасторы, форминдеры подслушивали, что говорятъ крестьяне между собой дома; шпіонами главнымъ образомъ управляли пасторы; шпіоны были посылаемы и въ Ригу присутствовать при присоединеніи. И эти наемники приносили разныя оттуда вѣсти, будто священники обѣщаются присоединяющимся землю и хлѣбъ даромъ, и разныя другія выгоды. Но вѣдь тамъ всегда присутствовалъ полицейскій чиновникъ и тотъ могъ бы слышать. Распустили слухи, что Давидъ Баллодъ разбойничаетъ—по вечерамъ выходитъ на дороги грабить латышей, что его не священникомъ бы слѣдовало сдѣлать по присоединеніи, а сослать въ рудники, что онъ и брата-то своего Ивана ограбилъ. Но латыши не вѣрили, смѣялись надъ этими слухами. «Вѣдь онъ прежде же не воровалъ; мы бывали у него, когда онъ еще содержалъ постоялый дворъ, а кражи табаку, соли, селедокъ не случалось. Теперь же латыши ѣдутъ все порожнякомъ присоединяться, и украсть-то у нихъ нечего,—развѣ крестъ съ шеи. Это все выдумки нѣмцевъ и шпіоновъ!» говорили латыши.

Придирались и къ слову, пользуясь скудостью и необработанностію нашего языка. Латышъ, наприм., не понимаетъ разности между выраженіями: позволено и приказано; для него это все равно; и вотъ, если присоединившійся или желающій присоединиться, оправдывая въ разговорѣ съ кѣмъ либо свой поступокъ, употреблялъ выраженіе: вѣдь это государемъ приказано (въ смыслѣ позволено), сейчасъ его дружка въ тюрьму, какъ распространителя ложныхъ слуховъ. Преосвященный Филаретъ, для облегченія латышей и эстовъ, желающихъ присоединиться, объявилъ, чтобы таковые шли не въ Ригу, а въ ближайшіе отъ ихъ мѣстожительства города, и

для того старался открыть приходъ въ каждомъ городѣ. Но прежде, чѣмъ ему это удалось, нѣмецкая администрація распорядилась, чтобъ желающіе присоединиться брали непремѣнно записку изъ мызнаго правленія, на которой былъ бы означенъ городъ, куда ему идти, хоть бы въ томъ городѣ и не было православнаго священника. Придетъ туда латышъ, ему, вмѣсто миропомазанія, выпачкаютъ все лицо и голову дегтемъ, а явится онъ въ другой городъ, гдѣ есть священникъ, больно выпорютъ или засадятъ въ тюрьму, зачѣмъ, дескать, не слушаетъ приказаній православнаго епископа. Продержавъ въ тюрьмѣ три, четыре мѣсяца, а пожалуй и полгода, потомъ выпускали по ходатайству епископа Филарета предъ генералъ-губернаторомъ Головинымъ, но выпускали уже не въ своей одеждѣ, а въ арестантской, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ, въ арестантской шапкѣ изъ черныхъ и сѣрыхъ клиньевъ, съ обритою на разный манеръ головою: одному оголятъ половину головы какъ разъ по пробору, другому выбрѣютъ затылокъ и придадутъ видъ пуделя, иному лобъ отъ уха до уха и т. д. и какъ бы изъ опасенія, чтобы ихъ дорогою кто не обидѣлъ, отправляли такихъ чучелъ домой связанными, подъ строгимъ конвоемъ, и вели огромными зигзагами по Лифляндіи, особенно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ начиналось движеніе. Видя безуспѣшность всѣхъ такихъ гоненій, пасторы и помѣщики пускали въ народъ чрезъ своихъ шпіоновъ и наемниковъ самые нелѣпые слухи, напр., объ отобраніи земли у дворянъ и о раздѣлѣ ея между крестьянами; имъ хотѣлось, чтобы крестьяне заволновались, изъявили бы непокорность, а они бы могли сказать: это бунтъ и притомъ поважнѣе беверсгофскаго, потому что такой, какъ былъ беверсгофскій, теперь пожалуй и не приняли бы за бунтъ [1]). Но латыши не вдавались въ обманъ, вели себя смирно, покорно и не хотѣли, чтобы ихъ настоящее святое дѣло кончилось тѣмъ же, чѣмъ

---

[1]) Беверсгофскій бунтъ, повлекшій за собою беверсгофскій разгромъ, состоялъ въ слѣдующемъ: по опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта фонъ Транзеэ и комисаръ Гельманъ отправились для сего съ 10 солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10-го сентября 1841 г. толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили комисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. Военная команда—10 чел. солдатъ—вышла безпрепятственно, но крестьяне разсыпались по дорогѣ, чтобы воспрепятствовать чиновникамъ удалиться, и засѣдателю, какъ онъ донесъ барону Палену, съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу. Труда тутъ, впрочемъ, было не много, потому что никакихъ крестьянъ, разсыпавшихся по дорогѣ, не было.

Этому случаю, что крестьяне повалили комисара Гельмана, и былъ приданъ характеръ бунта. Е. Ч.

кончилось въ 1841 году въ Беверсгофѣ и въ разныхъ эстскихъ мѣстностяхъ. Потерпѣвъ неудачу и съ этой стороны, ненавистники православія стали клеветать предъ правительствомъ, будто русское духовенство привлекаетъ насъ въ православіе обѣщаніемъ земельнаго надѣла, даровой раздачи хлѣба и другихъ разныхъ выгодъ. Не сулили намъ земли, да мы и не думали просить объ этомъ священниковъ, которые, также какъ и мы, въ этомъ краю не имѣли ни вершка земли собственной. Правда, между крестьянами шла рѣчь про землю, но не про Лифляндскую, а про Ейскую, про теплую землю, мечту о которой не выколотили изъ нихъ и беверсгофскими экзекуціями. Шла рѣчь и о выгодахъ, но о тѣхъ, о которыхъ и всякая скотина, позволимъ себѣ сказать это, мечтаетъ, именно, чтобы можно было жить, вотъ и все. А ужъ это люди, и образованные, перенесли слова: «даромъ дадутъ земли» съ Ейской земли да на свою собственную. А на счетъ хлѣба то же правда: латышъ давнымъ давно мечталъ о возможности насыщать чрево свое чистымъ хлѣбомъ, а не пополамъ съ мякиной, папоротникомъ и мохомъ, и потому весьма обрадовался вѣсти о раздачѣ хлѣба, но пасторы и дворянство опять таки совершенно напрасно впослѣдствіи времени прибавили слово даромъ. Какое даромъ? Хлѣба не давали тому, у кого ничего не было, а у кого была коровенка или коза, оцѣнивали ихъ и выдавали на корову столько-то пудовъ, на козу столько-то фунтовъ. Впослѣдствіи на лютеранахъ ждали этотъ долгъ, а на присоединившемся не ждали; хоть онъ въ ногахъ валяйся и моли объ отсрочкѣ, ничего не помогало: на аукціонъ корову и козу, а мало того, такъ домовъ лишались и имущества, подвергаемы были тѣлесному наказанію и тюремному заключенію. Что же было слѣдствіемъ такого пристрастія? Слѣдствіемъ часто было то, что присоединялись и жены съ дѣтьми.

Мы искали «Царствія Божія» и «правды его», и вѣрили, что разныя облегченія сами собою намъ приложатся, вѣрили, что высшіе въ краѣ представители присоединенія не попустятъ правамъ нашимъ, утвержденнымъ высочайшими словами: «быть посему», остаться мертвою буквою и востребуютъ выполненія на дѣлѣ всего, что было выговорено въ пользу крестьянъ только на бумагѣ. Оно же почти такъ и вышло. Не по милости ли православія лифляндскій крестьянинъ ѣстъ теперь чистый хлѣбъ, бывшій для него прежде невидалью! Хлѣбомъ откармливали прежде свиней, быковъ, изъ хлѣба гнали водку и водкой опаивали крестьянъ. За какой приработокъ слѣдовало бы крестьянину заплатить кускомъ хлѣба—пошлютъ, бывало, его въ погребъ выпить водки. Причтется ли ему, при годовомъ расчетѣ, получить за лишнюю сотню рабочихъ дней—ему опять выдавали 10—20 штофовъ водки: хлѣба трудно было достать на мызахъ за деньги, а водка продавалась 5 копѣекъ штофъ. Мы же выстрадали только не для себя, а для своихъ братьевъ лютеранъ, и землю даже остзейскую. Не ради ли насъ представители пра-

вославія взыскали выполненія крестьянскихъ законоположеній? Но самихъ насъ вотъ выгоняютъ изъ лачужекъ, построенныхъ нашими отцами и дѣдами, и передаютъ ихъ лютеранамъ. Отецъ и мать, лишенные послѣдняго рубища, съ малютками дѣтьми, цѣлое лѣто до поздней осени живутъ въ лѣсу, подъ елкой.

Все это видѣлъ мой отецъ, и не это одно видѣлъ онъ, видѣлъ онъ и беверсгофское кровавое зрѣлище, куда командированъ былъ изъ нашей волости смотрѣть: потому что былъ характера правдиваго, значитъ крайне неблагонадежнаго и опаснаго. Онъ, однако, никогда не могъ вполнѣ разсказать намъ всего видѣннаго имъ въ Беверсгофѣ,—захлебывался слезами. У него былъ странный характеръ, душа какая-то бабья. Гдѣ могъ помочь другому, помогалъ, хотя самъ бывало ни при чемъ останется, а нечѣмъ помочь, самъ заплачетъ.—«Да, разсказывалъ мой отецъ, безжалостно было это наказаніе: мальчугана 12—13 лѣтъ сѣкутъ такъ, что едва взрослому вытерпѣть; иной дряхлой старухѣ назначали 100 ударовъ, а у ней отъ 50 ударовъ и духъ вонъ; или старику, изсохшему, какъ прошлогодняя еловая шишка, назначатъ пройти сквозь 500 три раза, а онъ и разу путемъ не пройдетъ, кладутъ на колеса и везутъ, да колотятъ какъ по мѣшку. Но были и герои,—нѣсколько молодыхъ парней прошли сквозь 500-й строй и не крикнули; а одинъ старинный мужикъ, по прозванію Анша, носилъ еще косу,—наказанный тяжелѣе всѣхъ, прошолъ сквозь 1500 чуть ли не два раза и не издалъ ни одного стона. Онъ только вздрагивалъ при каждомъ ударѣ, но шелъ бодро, прямо, мѣрно, на концахъ поворачивался скоро и круто, только подъ конецъ началъ темнѣть. Кончилъ ходить, ему принесли рубашку и солдаты хотѣли надѣть, но онъ самъ взялъ рубаху и пока докторъ чѣмъ-то мазалъ его избитую до костей спину, которая болталась тряпками на плечахъ, около ребръ и живота, выпилъ шайку воды, широко перекрестился, надѣлъ рубашку, а рубашку благословилъ крестнымъ знаменіемъ. По окончаніи этихъ кровавыхъ операцій, всѣмъ приглашеннымъ зрителямъ и объявилъ какой-то страшный господинъ [1]) съ возвышеннаго мѣста, откуда и читалъ приговоры, каждому изъ осужденныхъ:

«Такъ будетъ наказанъ всякій, кто только пожелаетъ въ теплую землю, въ русскую вѣру, не будетъ слушать помѣщиковъ и пасторовъ, и будетъ слушать обманщиковъ, возмутителей!»

И все таки мой отецъ не послушалъ: ровно чрезъ четыре года присоединился къ русской православной вѣрѣ. За то и нѣмцы сдержали свое слово.....

---

[1]) То былъ дворянскій депутатъ фонъ-Нуммерсъ, въ распоряженіе котораго и были даны для наказанія беверсгофскихъ крестьянъ, повалившихъ коммисара, войска: 5 ротъ Шлиссельбургскаго полка, одинъ баталіонъ Ладожскаго полка, 50 казаковъ и два орудія 4-й артиллерійской бригады.

Е. Ч.

Былъ отецъ нашъ хорошій хозяинъ; имѣлъ не мало скота и крупнаго и мелкаго и все это намъ оставилъ, да оставилъ должокъ—5 пуръ (12½ пудовъ) казенной муки, который по смерти его и былъ взысканъ помѣщикомъ, чрезъ продажу всего имущества съ аукціона, при чемъ мы, малыя сироты, были пущены на житье въ чужой заброшенный сарай, одиноко стоявшій на большой дорогѣ.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября мѣсяца 1845 года, отецъ и мать мои были въ послѣдній разъ въ киркѣ на причастіи. Тамъ они, какъ и всегда, слушали не то проповѣдь, не то площадное ругательство пастора на православіе. Онъ клялъ православіе, представителей его и покровителей. «Тѣ, говорилъ онъ, которые пьяные валяются въ грязи, живутъ во тьмѣ, всю жизнь проводятъ въ пьянствѣ.... тѣ выдумали эту запись (въ православіе) и законы». ...По выходѣ изъ кирки, мой отецъ разговаривалъ, по дорогѣ домой, съ другими прихожанами: «да, теперь уже вездѣ слышно и я вѣрно узналъ, что Сибирь тому, кто побуждаетъ или принуждаетъ, Сибирь и тому, кто запрещаетъ переходить въ русскую вѣру. Я думаю, что пасторъ и всѣ его сотоварищи и помѣщики знаютъ этотъ законъ. Одна первая половина этого закона слишкомъ широко исполняется, но за то другая совершенно брошена, даже и не объявляется. Тѣ всѣ въ тюрьмѣ, которые согласились ѣхать вмѣстѣ въ Ригу, какъ и всегда, но теперь приняли тамъ православіе, зачѣмъ-де пріѣхали скопомъ,—стало быть побуждали другъ друга къ принятію русской вѣры. Иной и одинъ поѣхалъ присоединиться и тотъ попалъ туда же,—зачѣмъ-де самъ себя побуждалъ къ принятію русской вѣры. А тѣ, которые такъ сильно запрещаютъ побоями, угрозами, ругательствами, то вѣрно чада Божіи. Ихъ никто не сажаетъ въ тюрьмы, вотъ хотъ нашего пастора и другихъ—до корчмаря и сотскаго.... особенно почтенный ординунгсрихтеръ. За что вотъ тѣ, да тѣ посажены въ тюрьму! За что полиція хватаетъ крестьянъ у воротъ ихъ домовъ, на постоялыхъ дворахъ, по дорогамъ, и сажаетъ въ тюрьмы и страшно наказываетъ!» Эти слова были переданы пастору агентами его тайной полиціи, каковая и теперь еще существуетъ у лютеранскаго духовенства. Пасторъ сейчасъ же написалъ письмо къ помѣщику: присмотрѣть за моимъ отцомъ, не пойдетъ ли онъ въ русскую вѣру.

На слѣдующей же недѣлѣ отецъ мой взялъ на мызѣ записку отъ помѣщика, что желаетъ ѣхать въ Ригу—поѣхалъ и присоединился. Въ то время пасторы, помѣщики, управляющіе рыскали повсюду узнавать, кто присоединился, а сотскіе, формпндеры и хозяева извѣстной корпораціи чуть не всѣ были заняты отправленіемъ присоединившихся въ городскія тюрьмы, связанными и подъ сильнымъ конвоемъ. Случались и неудачи. Иной изъ православныхъ узниковъ улизнетъ съ постоялаго двора въ Ригѣ, выпроспвшись на дворъ, по своей надобности, а русскій купецъ пропуститъ его чрезъ

свои комнаты и чрезъ лавку, да на улицу: въ ворота нельзя было, тамъ стоялъ караулъ. Вотъ такой-то счастливецъ спѣшитъ бывало по переулкамъ и закоулкамъ къ священнику Баллоду, или къ священнику Якову Михайлову, или прямо къ епископу Филарету, который, Богъ знаетъ, спалъ ли когда нибудь,—къ нему всегда можно было прійти. Къ 9-ти часамъ утра бѣглецу извѣщаема была чрезъ кого слѣдуетъ уже не тюрьма, а свобода. О торжество! О радость латышамъ! «Такъ помѣщики и суды ниже законовъ!»

Но не такая доля выпала отцу моему. Онъ былъ уже предубѣжденъ въ Ригѣ, чтобъ былъ осмотрителенъ и остороженъ въ словахъ, но для умнаго строятъ и умныя ловушки: его все таки перехитрили пасторы, помѣщики, сотскіе и шпіоны. Дали знать, что нужно ѣхать въ Ригу за мукой, сотскій самъ еще пришелъ въ нашу деревню и приказалъ, чтобы мой отецъ непремѣнно самъ ѣхалъ въ Ригу и еще такой-то и такой-то хозяева. Мы всѣ уже чуяли, что не быть добру: зачѣмъ сотскій не входилъ въ хату, а давалъ приказъ на дворѣ и при томъ нѣсколько разъ повторилъ, чтобы непремѣнно ѣхать самому, а отнюдь не другого кого послать вмѣсто себя; потому что и онъ, сотскій, вмѣстѣ съ другими сотскими и съ управляющимъ поѣдутъ подтянуть кресты въ конторѣ, что наша волость взяла столько-то муки (казенной) ни болѣе, ни менѣе. Если, говорилъ сотскій, ты не поѣдешь самъ, то помѣщикъ строго накажетъ за ослушаніе его помѣщичьимъ приказаніямъ.

Прибыли въ Ригу благополучно. Сотскіе и управляющій были съ отцомъ нашимъ очень ласковы, утромъ выпили въ лавкѣ по шнапсу и отправились, какъ говорили управляющій и сотскіе, въ контору для отдачи мызнаго документа и узнать, гдѣ получать муку. Пришли, но не въ контору, а съ задняго крыльца къ орднунгсрихтеру вошли. Отецъ, какъ увидѣлъ сторожей съ ружьями, тотчасъ же догадался, въ какую контору его заманили, но уйти ужъ нельзя было. Предсѣдатель принялъ бумагу, прочиталъ и спросилъ только: кто изъ васъ Л.? Тутъ предатели указали на нашего отца. Тотчасъ стали надѣвать на него кандалы. Какъ же и испугался онъ! Однакожъ, спросилъ у судьи: «за что меня заковываютъ? Я не знаю и не слышалъ еще своего преступленія!» Но судья, не удостоивъ даже отвѣта, велѣлъ его отвесть въ городскую тюрьму. Отецъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ сотоварищамъ, но они тоже молчали, только на лицахъ ихъ исчезла недавно сіявшая на нихъ братско-ласковая улыбка. Но и предателей впослѣдствіи постигла достойная участь. Управляющаго скоро выгнали изъ мызы и онъ таскается теперь по Ригѣ подносчикомъ (кто наймется до дому донесть купленое), ночуетъ въ шинкахъ или на тротуарѣ. Старшій сотскій спился и умеръ въ дорожной канавѣ. Другой сотскій, по прибытіи на мызу новаго владѣльца, выгнанъ изъ своего хозяйскаго двора и скитается по корчмамъ.

Наемный свидѣтель считается худшимъ работникомъ въ волости. Лошадь съ возомъ пригнали домой едва живую. Никто ее не кормилъ, а возъ навалили почти двойной, да кромѣ того сажались еще на возъ сотскіе и кто хотѣлъ. Приходитъ къ намъ работникъ отъ сотскаго — и говоритъ, чтобы кто нибудь изъ нашего дома пришелъ на мызу за лошадью; хозяинъ остался въ Ригѣ. Мать пошла сама, распрашивала: куда дѣлся мужъ, за что его посадили? Никто не говорилъ съ нею ни слова и лишь, когда со всѣмъ смерклось, одинъ работникъ шепнулъ ей: «намъ приказано, кто только одно слово ей скажетъ, тотъ туда же попадетъ». Мы всѣ, кто куда сунулся, тамъ и плакалъ, а все таки надѣялись авось отецъ пріѣдетъ съ мызы вмѣстѣ съ матерью, но мать воротилась одна.

Между тѣмъ отецъ нашъ плакалъ въ рижской тюрьмѣ, смотря на православный Петропавловскій соборъ (саженяхъ въ 7-ми отъ тюрьмы). Въ одной камерѣ съ нимъ, въ числѣ другихъ православныхъ арестантовъ, сидѣли двое нашихъ близкихъ сосѣдей П. П. и Р. Б.; ихъ спросилъ онъ: «вамъ объявлено ли, за что васъ посадили въ тюрьму?» Тѣ отвѣтили: «намъ объявлена вина, что мы, какъ всегда, ѣздили въ Ригу вмѣстѣ, такъ и теперь вмѣстѣ пріѣхали да присоединились, и что мы, значитъ, вѣрно сговорились еще дома». «Такъ вы знаете свое преступленіе, а я не знаю своего; мое должно быть очень страшное, что никто о немъ не говоритъ, никто не объявляетъ». Тогда онъ, по разсказамъ нашихъ сосѣдей, послѣ выпущенныхъ на волю, началъ ужасно плакать, въ слезахъ проводилъ дни и ночи и все твердилъ: «никто не будетъ знать, куда я дѣлся, меня проводили только въ Ригу. Что теперь дѣется съ моею женою и съ моими малыми дѣтьми! И они теперь купаются въ слезахъ! Они утопутъ въ нихъ». Эти два человѣка удивлялись потоку его слезъ, двѣ недѣли онѣ лились у него ручьями дни и ночи. Наконецъ изсякъ и этотъ источникъ утѣшенія и облегченія тяжкой скорби, тогда сказалъ отецъ своимъ друзьямъ-сосѣдямъ: «чувствую предсмертную муку. Скажите тюремному надзирателю: умираю исповѣдникомъ св. вѣры, не услышавъ своей вины и не видѣвъ своихъ лжесвидѣтелей. Передайте моей женѣ и дѣтямъ мое послѣднее «Ab Di-aby (прощайте! собственно: съ Богомъ!) и мое благословеніе».

Мать наша отправилась въ Ригу отыскивать отца. Пріѣхавъ туда въ первый разъ въ жизни, не знала, гдѣ найти проводника къ Д. Баллоду, къ епископу Филарету и въ тюрьму. Опять русскій купецъ выручилъ, нашелъ латыша, проживающаго въ Ригѣ, который зналъ уже тамъ всѣ закоулки.

Побывала у всѣхъ, всѣ утѣшали, обнадеживали. Добралась и до тюрьмы. Тутъ нашла она у порога много такихъ же горемыкъ, которыхъ ожидало преждевременное вдовство. Каждую изъ пришедшихъ тюремный надзиратель спрашивалъ, кого желаете видѣть, смотрѣлъ въ списокъ заключенныхъ и пускалъ на 5 минутъ поговорить съ мужемъ. Но нашу мать не пустили къ

нашему отцу: «тебѣ нельзя еще видѣть своего мужа», сказали ей и велѣли идти прочь отъ дверей тюремныхъ. Отошла мать наша нѣсколько саженъ и опустилась вся въ слезахъ на ступеньку крыльца Петропавловскаго собора; тамъ сидѣли и стояли нищіе, божественная литургія была на отходѣ. Подняла мать наша глаза свои на тюремныя окна, сквозь рѣшетку глядѣли множество латышскихъ лицъ..... Вдругъ открывается форточка—мать слышитъ знакомый голосъ: «Анна!» Мать соскочила съ паперти и подошла поближе къ тюрьмѣ. «Анна!» говоритъ ей отецъ нашъ, «учи дѣтей! Пусть обо мнѣ не плачутъ! я еще живъ. Поспѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини. Правь домомъ какъ слѣдуетъ!» Тутъ тюремный надзиратель, услышавъ проповѣдь православія изъ оконъ тюрьмы, закричалъ на часоваго и на отца. Форточка закрылась,—и уже не открывалась болѣе. Мать сѣла было опять на крыльце соборной церкви,—надзиратель приказалъ ее прогнать. Спустя три недѣли мать опять была въ Ригѣ. Баллодъ, священникъ Михайловъ и самъ епископъ Филаретъ обнадежили ее и другихъ, что въ скоромъ времени всѣ будутъ выпущены и нашъ отецъ непремѣнно. По выходѣ изъ комнатъ епископа Филарета, у матери надломились ноги, она не могла идти, опустилась на тротуаръ и горько, горько плакала. Наконецъ кое-какъ поднялась и направилась къ знакомому уже Петропавловскому собору. Сердце у ней то замирало, то сильно билось и рвалось изъ груди; она предчувствовала что-то недоброе и страшное, и во снѣ видѣла нехорошее: будто ѣла прекрасный сухой горохъ и таскала большіе тяжелые мѣшки, (горохъ по нашему предвѣщаетъ слезы, а мѣшки покойниковъ). Подошла она къ тюрьмѣ, бросилась въ ноги къ привратнику, молитъ пустить ее къ мужу,—сказать ему лишь нѣсколько словъ и передать лукошечко творогу. Доложили надзирателю, вышелъ приказъ, что теперь уже можно и ее впустить. Повели ее въ какой-то подвалъ. Тамъ на кирпичномъ засоренномъ полу лежало нѣсколько мертвыхъ тѣлъ, совершенно голыхъ, съ полѣномъ у каждаго подъ головою. «Тутъ и твой мужъ», сказалъ ключникъ, «разыскивай сама!» Мать узнала нашего отца, бросилась на его трупъ, цѣловала руки и ноги, просила вымолвить хоть одно слово. Все тѣло и особенно лицо было покрыто красноватыми пятнами, челюсти судорожно сжаты, изо рта сочилась красная пѣна. Когда докторъ, такъ разсказывали послѣ сосѣди, поднесъ ему, не задолго передъ смертью, лекарство, онъ сначала не хотѣлъ принимать, потомъ проглотилъ одну каплю, сказавъ: «теперь довольно!» Ему хотѣли насильно открыть ротъ, но не могли,—тогда докторъ брызнулъ ему въ глаза лекарствомъ,—черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Мать не помнитъ, какъ ее оторвали отъ трупа, какъ вытащили изъ тюрьмы; она очнулась на улицѣ. Часовой гналъ ее прочь, грозя прикладомъ. Чрезъ великую силу дотащилась она до архіерейскаго дома. Епископъ

Филаретъ опять принялъ ее ласково, со слезами на глазахъ выслушалъ ея горестную повѣсть; разспросилъ обо всемъ до малѣйшей подробности: какъ велико семейство, въ какомъ положеніи хозяйство, можетъ ли изъ дѣтей кто помогать править домомъ, отбывать всѣ повинности и барщину; есть-ли долгъ и сколько именно. Спросилъ также долго ли намѣрена пробыть въ Ригѣ, есть ли на что похоронить мужа. Мать сказала, что пріѣхала лишь провѣдать мужа, поэтому не могла взять съ собою ни покрывала, ни чистыхъ носковъ, и денегъ тоже маловато. Епископъ пошелъ въ кабинетъ и вынесъ пять рублей серебр., извинялся, что болѣе не имѣетъ. (Впослѣдствіи я отъ близкихъ ему людей увѣрился, что онъ дѣйствительно отдалъ тогда послѣднія). «Да у тебя, сказалъ онъ, и еще четыре сына. Одного изъ нихъ я возьму въ школу, а именно втораго, Ивана» (пишущаго эти строки). Тутъ онъ взялъ перо и записалъ. «Можетъ онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ. Училище, которое скоро откроется, будетъ духовное [1]). Изъ латышей я еще девятерыхъ возьму, кромѣ твоего сына, и постоянно буду принимать. Тамъ ненужно будетъ ничего платить; все будетъ готовое. Если будутъ хорошо учиться, то онъ и всѣ будутъ священниками». Тутъ онъ благословилъ ее и началъ разговоры съ другими. Было тамъ множество разнаго рода людей; все латыши и эсты, ограбленные, избитые. Иной снималъ, страшно морщась, свою одежду и показывалъ издали свою спину,—сквозь запекшуюся на грубой рубашкѣ кровь просачивался уже гной..... Господи! Сколько потрудился въ Лифляндіи этотъ святитель! Одинъ—только съ письмоводителемъ—не зналъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью, не зналъ времени обѣда и чая. Просфора—вотъ его ежедневный и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, просфорою да чаемъ онъ только и питался. Какъ сейчасъ его вижу кожанный диванъ, простой столъ, огромная кипа писанной и бѣлой бумаги, письменный приборъ и на концѣ стола стаканъ чаю. Тутъ онъ описывалъ страданія новыхъ чадъ православной церкви своею истомленною, исхудалою рукою. Это былъ Давидъ, исторгавшій изъ пасти хищнаго звѣря агницевъ отца своего. Это былъ Даніилъ во рвѣ львиномъ.

На подаренные епископомъ пять рублей мать наша купила покойному рубашку, панталоны, носки, платочекъ, чѣмъ накрыть лицо. Сама одѣла, нарядила,—изъ тюрьмы дали лошадь съ водовознымъ рыдваномъ,—и потащилась она одна-одинешенька за гробомъ изъ 4-хъ неоструганныхъ досокъ, и похоронила, не знаетъ сама, на которомъ кладбищѣ, безъ христіанскаго обряда, похоронила этого новаго проповѣдника православія. Мать привезла намъ изъ Риги платье нашего отца, въ которомъ мы его проводили въ Ригу;

---

[1]) Духовное училище (нынѣ рижская духовная семинарія) было открыто 1-го сентября 1847 г.; первый выпускъ послѣдовалъ 15-го іюля 1857 г. Подробности см. въ 4-мъ томѣ „Прибалтійскаго Сборника“ на стр. 592–598.

Е. Ч.

ей удалось выпросить его у тюремнаго начальства, говоря, что это будетъ гостинецъ дѣтямъ. Она расклала на кровати шинель сѣраго, грубаго сукна, суконные и холщевые панталоны, онучки, пастолы (лапти) изъ невыдѣланной шкуры, рубашку, полную в...., высохшихъ на морозѣ. «Вотъ вамъ, мои милые дѣти, вотъ вамъ весь вашъ отецъ!» повторяла она. Мы обступили кровать и понеслись къ Небу вопли и стоны,—это и было настоящее отпѣваніе нашего отца, человѣка добраго, труженика безустаннаго, нѣжнаго дѣтолюбца. О батюшка! Мы исполнили священный завѣтъ твой, высказанный изъ оконъ тюрьмы,—мы исповѣдуемъ святую православную вѣру. Да возрадуется душа твоя о Господѣ!

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи изъ Риги, мать отправилась къ помѣщику. Тамъ, горько рыдая, спрашивала она, за что погубили ея мужа. «Женщина! сказалъ онъ, на меня ты не плачься,—я не виноватъ въ смерти твоего мужа! Пасторъ виноватъ. Онъ мнѣ написалъ такое письмо, будто твой мужъ, во время проповѣди въ киркѣ, говорилъ напротивъ пастору. Поэтому я не могъ его здѣсь оставить». Послѣ я слышалъ, будто два свидѣтеля подтвердили это обвиненіе. Два свидѣтеля! Да развѣ только два человѣка были тогда въ киркѣ? Зачѣмъ же спросили только двоихъ, изъ которыхъ одинъ, кажется, и въ киркѣ тогда не былъ. А по моему мнѣнію, заслуживалъ бы не наказанія, а похвалы, если бы сказанное имъ дорогою высказалъ бы и въ самой киркѣ, то есть остановилъ бы пастора, изрыгавшаго ядъ клеветы на святую православную церковь, и вступился за честь государя, какъ его вѣрноподданный. «Живи себѣ спокойно», говорилъ помѣщикъ матери съ ласкою. «Я тебя не гоню съ хозяйскаго твоего двора. Твой мужъ мнѣ не долженъ ни гроша. У тебя зять хорошій человѣкъ, онъ можетъ быть у тебя за хозяина и опекуна; онъ человѣкъ честный. Вотъ уже второй годъ онъ мнѣ служитъ овинщикомъ, и я его люблю. Миръ! Будь спокойна!»

Вскорѣ послѣ того пасторъ объявилъ, что будетъ прослушивать дѣтей. Собрались всѣ въ корчму, прибылъ и пасторъ, и давай опять говорить притчами да сравненіями все противъ русской вѣры, православнаго духовенства и противъ всего русскаго. Многіе ему возражали, въ томъ числѣ и мать наша. «Почему и за что погубилъ ты мужа моего, отца вотъ этихъ сиротъ?!» спросила она пастора, указывая на насъ. Пасторъ замялся, завился какъ вьюнъ, сжатый въ кулакъ, только и могъ сказать опять таки притчу: «кто больше и дальше можетъ видѣть, тотъ ли, кто стоитъ на горѣ, или тотъ, кто стоитъ внизу?» Но что ни скажетъ, женщины перебьютъ его—и начнетъ путаться, какъ пѣтухъ въ паклѣ, краснѣлъ и синѣлъ,—но слишкомъ ругаться еще нельзя было: женщины и дѣти все еще пока были лютеране. Началъ вызывать на прослушиванье дѣтей, но не прослушивалъ, а только спрашивалъ, въ какой вѣрѣ хотятъ остаться и умирать.

Самаго перваго вызвалъ моего брата, прикинулся такимъ ласковымъ, началъ гладить его по щекамъ: «Что, мое милое дитятко! Ты уже навѣрное останешься въ своей прадѣдовской святой лютеранской вѣрѣ?» Но братъ мой, отворачиваясь отъ его ласкъ, сказалъ на-отрѣзъ: «Нѣтъ! я хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой умеръ мой отецъ!» Пасторъ толкнулъ его отъ себя, освирѣпѣлъ, заискрились глаза, какъ у тигра: «Иди къ чорту, въ погибель, въ адъ!» Въ толпѣ засмѣялись. Мать взяла ребенка за руку и повела домой.

Нѣсколько времени, успокоенные обѣщаніями помѣщика, мы жили спокойно. Зять принялъ хозяйство, работалъ и распоряжался какъ отецъ. Подходитъ весна,—слышимъ новый хозяинъ сговариваетъ работниковъ. Мать отправилась къ помѣщику; тотъ не допустилъ ее къ себѣ; она пошла къ сотскимъ, спрашиваетъ: «Что же это значитъ! вѣдь помѣщикъ ее обнадежилъ такъ и такъ». Сотскіе съ злою улыбкою сказали: «Тебѣ помѣщикъ отказалъ, и ты должна выбираться вонъ изъ двора и больше ничего!» Мать отправилась въ Ригу къ епископу Филарету. Епископъ написалъ съ нею къ генералъ-губернатору Головину, а этотъ, прочитавъ, сказалъ: «ступай домой! Тебя не смѣютъ выслать!»

Пріѣхала домой, слышитъ: пасторъ съ руганьемъ и клятвами объявляетъ съ каѳедры: «мызы такой-то, въ деревнѣ такой-то, тогда и тогда, будетъ аукціонъ: продажа лошадей, скота, земледѣльческихъ орудій и разной домашней утвари». Мать опять въ Ригу, опять къ генералъ-губернатору, тотъ опять въ отвѣтъ: «Ступай домой, тебя не посмѣютъ выгнать изъ двора, бумага уже послана въ приходскій судъ!» Мать доложила ему, что пасторъ уже въ киркѣ съ каѳедры объявилъ аукціонъ. «Не будетъ никакого аукціона, они не посмѣютъ этого сдѣлать, живи спокойно». Велѣлъ еще написать бумагу [1]). Пріѣзжаетъ мать домой, видитъ—пустымъ пустехонько!

---

[1]) Бумага была, конечно, написана и, разумѣется, не была исполнена. Вообще прибалтійскія сословныя управленія (гг. дворяне, пасторы и бюргеры) исполняютъ распоряженія нашего правительства лишь въ такомъ случаѣ, если они удобны для нихъ. Распоряженія, почему бы то ни было неудобныя, оставляются безъ исполненія. Такъ, напримѣръ, покойный императоръ Николай Павловичъ въ 1846 г. освободилъ православныхъ латышей и эстонцевъ отъ всякихъ даней и сборовъ въ пользу гг. лютеранскихъ пасторовъ. Пока былъ живъ Николай Павловичъ никто не смѣлъ брать съ православныхъ ни копѣйки въ пользу пасторовъ, но чуть лишь умеръ—какъ тотчасъ же начали собирать и деньгами, и припасами, при чемъ гг. дворяне поставили православнымъ на выборъ: или плати, или убирайся вонъ съ земли. Въ 1862 г., послѣ утвержденія новаго крестьянскаго положенія, было высочайше повелѣно: привести въ извѣстность всѣ земельные сборы и дани въ пользу пасторовъ. Это повелѣніе не исполнено до настоящей минуты, какъ неудоб-

Всѣ анбары и клѣти взломаны, замки поотбиты ломомъ и насошниками, все имущество распродано. Опять ѣдетъ въ Ригу, разсказываетъ генералъ-губернатору. Тотъ пожалъ плечами и сказалъ: «Этого дѣла я такъ не оставлю; возвратись и не выходи изъ деревни!» Пріѣхала домой, да не нашла уже и дѣтей въ дому. Пока она этотъ разъ ѣздила, присланы были съ мызы работники съ телѣгою, они поклали на нее остальной нашъ скарбъ, забрали и насъ сиротъ, меня, другого брата 7-ми лѣтъ и третьяго 5-ти лѣтъ, а четвертаго, самаго старшаго, мать передъ тѣмъ отвезла въ ученье къ кузнецу, съ которымъ еще покойный отецъ о томъ сговорился. Привезли насъ къ чьему-то ветхому половню (мякинницѣ), что стоялъ безъ дверей, заброшенный у большой дороги. Туда перенесли наши вещи, ввели насъ, оставили однихъ и уѣхали. Видимъ—полъ покрытъ толстымъ слоемъ навозу, сверху нѣсколько на вѣтру не просохшаго, въ углу лежало нѣсколько клочковъ гнилой соломы. Поплакали, поплакали; начало смеркаться. Закусили черстваго хлѣба, попили, какъ цыплята, изъ ближайшей лужи, справили навозъ въ углу; легли въ кучку, накрылись и заснули.....

Индрикъ Страумитъ.

ное для гг. пасторовъ, а православные крестьяне платятъ на пасторовъ и по сей день. Объ исполненіи высочайшаго повелѣнія никто и не думаетъ.

Десять лѣтъ тому назадъ состоялось высочайшее повелѣніе о преобразованіи всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ городскія. Во внутреннихъ губерніяхъ преобразованіе давнымъ давно совершилось, въ Прибалтійскомъ же краѣ это повелѣніе не исполняется по настоящій день подъ разными нелѣпыми предлогами, но въ сущности не исполняется потому, что преподавательскимъ языкомъ въ городскихъ училищахъ, преобразованныхъ изъ уѣздныхъ, долженъ быть русскій, а не нѣмецкій.

Такихъ примѣровъ неисполненій можно бы привести много. Такъ, всѣ распоряженія о русскомъ языкѣ въ училищахъ остаются мертвою буквою, начиная съ 1820 г. по текущій 1883 г. Никто ихъ не думалъ и не думаетъ исполнять.

Е. Ч.

Филаретъ Амфитеатровъ (1828—1836), Павелъ Зерновъ (1804—1815) и Амвросій Протасовъ (1815—1826),

архіепископы казанскіе.

I.

Филаретъ Амфитеатровъ.

Филаретъ (въ мірѣ Ѳеодоръ Гавриловъ) Амфитеатровъ, священническій сынъ Орловской епархіи, Кромскаго уѣзда, села Высокаго, родился въ 1779 году. Учился въ Орловскомъ духовн. училищѣ и Сѣвской (нынѣ Орловской) семинаріи. Въ молодости онъ увлекался чтеніемъ Четь-Миней, особенно житіемъ праведнаго Филарета Милостиваго, и, принявши по окончаніи семинарскаго курса ученія, въ 1798 году, монашество, выбралъ имя съ дѣтства любимаго праведника Филарета, и намѣревался удалиться въ одинъ изъ монастырей, подавалъ къ преосвящ. орловскому Досифею объ этомъ прошеніе, но владыка своею властью опредѣлилъ его учителемъ въ родной Сѣвской семинаріи. До архіерейства онъ слишкомъ 20 лѣтъ учительствовалъ и начальствовалъ въ разныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, былъ префектомъ Сѣвской (1798—1802), ректоромъ той же Сѣвской (1802—1804), Уфимской (1804—1810) и Тобольской (1810—1813) семинарій, инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ Петербургской (1813—1814) и Московской (1814—1816) академій, ректоромъ той-же Московской академіи (1816—1819), архіереемъ Калужской (1819—1825), Рязанской (1825—1828), Казанской (1828—1836), Ярославской (1836—1837) и митрополитомъ Кіевской (1837—1857) епархій. Онъ былъ безъ академическаго образованія, не оставилъ ученыхъ литературныхъ трудовъ, но за учебныя заслуги удостоенъ былъ, въ должности инспектора Петербургской академіи, степени доктора богословія. Въ Казани, за обращеніе въ христіанскую вѣру больше 5,000 язычниковъ изъ чувашъ, черемисъ и мордвы, получилъ въ 1831 году брилліантовый крестъ на клобукъ. Онъ имѣлъ дипломы на званіе почетнаго члена императорской россійской академіи, московскаго

общества исторіи и древностей россійскихъ, духовныхъ академій Кіевской, Петербургской, Московской и Казанской, университетовъ Кіевскаго и Казанскаго. Скончался въ Кіевѣ 14-го декабря 1857 г. и погребенъ въ Лаврской надпещерной церкви Воздвиженія креста Господня.

Пастырское служеніе его въ Казанской епархіи продолжалось 8 лѣтъ (1828—1836). За это время онъ оставилъ по себѣ память архіерея милостиваго, попечительнаго, ревностнаго и особенно внимательнаго къ бѣднымъ въ духовенствѣ казанской епархіи. Особенно памятно его архіерейство въ Казани по близкому, внимательному и отеческому отношенію его къ духовно-учебнымъ заведеніямъ казанской епархіи, по устройству въ нихъ хозяйственной стороны. Въ нихъ, подъ его началомъ, произошло много отрадныхъ перемѣнъ.

Потребности семинаріи и училищъ, особенно до 1830 года, состояли: 1) въ устройствѣ училищныхъ удобныхъ помѣщеній, 2) въ пособіи бѣднымъ ученикамъ. Собственно училищныя средства были весьма скудны и вполнѣ недостаточны для обезпеченія училищъ. Число училищъ въ Казанской епархіи съ 1818—1829 года—четыре, именно въ Казани, Чебоксарахъ, Симбирскѣ и Алатырѣ—далеко несоразмѣрно было съ обширностью епархіи и численностью духовенства. Училища были переполнены учениками. Въ семинаріи, напримѣръ, въ 1826—1827 году было бурсаковъ семинарскихъ 119, училищныхъ 229, всѣхъ учениковъ семинаріи и казанскихъ училищъ 1,204, въ 1830—1831 году всѣхъ бурсаковъ 338, учениковъ 830. Положеніе штатныхъ окладовъ для бѣдныхъ учениковъ семинаріи и училищъ было вовсе несоразмѣрно съ числомъ учениковъ. Въ 1818—1820 гг. на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ Казанской семинаріи ассигновалось по штатамъ 1807 года 7,000 руб., штатныхъ окладовъ было 100, каждый въ 70 рублей. По штату семинаріи, утвержденному высочайше 22-го мая 1820 года, на содержаніе 100 семинаристовъ въ третьеклассной Казанской семинаріи отпускалось 12,000 р., полагая на бурсака по 120 рублей. Штаты 1820 г. дѣйствовали до 1836 года. Въ Казанской епархіи, состоявшей изъ двухъ губерній Казанской и Симбирской, въ 1820 годахъ считалось приходскихъ церквей 406, а церковныхъ причтовъ 607, въ Симбирской церквей 603, а причтовъ 788. Учениковъ въ Казанской семинаріи было напр. въ 1823 году 224, въ 1824 г. 363, въ 1825 г. 314, въ 1826 г. 372, въ 1826—1827 году 378, въ 1828 г. 441, въ 1830 г. 585. Поэтому семинарское начальство, по крайней необходимости, раздробляло 100 штатныхъ окладовъ на бо́льшее число бурсаковъ противъ штатнаго положенія и помѣщало въ семинарію, напр. въ 1823—1824 году, казенныхъ 68, полуказенныхъ 41, въ 1825—1826 году казенныхъ 58, полуказенныхъ 53, въ 1826—1827 г. казенныхъ 65, полуказенныхъ 54, въ 1827—1828 году казенныхъ 85,

полуказенныхъ 72, въ 1828—1829 г. казенныхъ 103, полуказенныхъ 66, въ 1829—1830 г. казенныхъ 144, полуказенныхъ 142.

Въ этихъ нуждахъ милостивый Филаретъ помогъ семинаріи и училищамъ своей епархіи.

1) Онъ основалъ, 18-го марта 1829 года, при Казанскомъ семинарскомъ правленіи «комитетъ для призрѣнія бѣдныхъ учениковъ Казанской семинаріи и низшихъ подвѣдомыхъ оной училищъ», и, будучи первенствующимъ его членомъ, съумѣлъ возбудить сочувствіе къ матеріальнымъ нуждамъ учениковъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ лицахъ. Открывая дѣйствіе комитета, преосв. Филаретъ предписалъ наблюдать, «чтобы дѣло сіе, какъ дѣло бѣдныхъ, производилось со всевозможнымъ тщаніемъ, и безъ всякой медленности, какъ предъ очами Господа». Кромѣ своего ежегоднаго взноса по 500 р., преосв. Филаретъ отъ себя пожертвовалъ въ 1831 г. 2,000 р., въ 1833 г. 1,000. Особенно склонялись имъ къ такимъ приношеніямъ монастыри съ ихъ настоятелями и братіей, и не безъ пользы. Игуменъ Сызранскаго Вознесенскаго монастыря, іеромонахъ Иннокентій, въ 1831 г., содѣйствуя намѣренію преосв. Филарета открыть въ Сызрани духовное училище, на монастырскія деньги 4,500 р. купилъ подъ эти училища у мѣщанки Вандышевой помѣстительный двухъ-этажный домъ съ землей въ 587½ квадратныхъ саженъ. Настоятель Свіяжскаго первокласнаго Богородицкаго монастыря, архимандритъ Израиль Звячинцевъ, навсегда пожертвовалъ подъ Свіяжскія духовныя училища монастырскій каменный двухъ-этажный корпусъ. Жертвовали еще въ пользу бѣдныхъ учениковъ: въ 1829 году архіерейскій домъ изъ неокладной рыбной суммы—250 р., строитель Сызранскаго Вознесенскаго монастыря іеромонахъ Иннокентій въ 1831 г.—3,000 р. золотомъ и серебромъ по курсу и 50 пудовъ пшена. Настоятель Спасскаго монастыря, ректоръ семинаріи, архимандритъ Ѳеофанъ на свой счетъ въ 1829 году отдѣлалъ для своекоштныхъ учениковъ флигель въ своемъ монастырѣ. Архимандритъ Кизическаго монастыря Гурій съ братіей въ 1829—1837 гг. ежегодно жертвовалъ на училища 100 р. Братія Свіяжскаго Богородицкаго монастыря съ 1829 года давала жилище въ своемъ монастырѣ и довольствовала братскимъ пропитаніемъ шесть бѣдныхъ учениковъ Свіяжскаго училища изъ остатковъ отъ неполнаго противъ штатнаго положенія комплекта братіи. Съ своей стороны настоятель Израиль помогалъ этимъ шести ученикамъ платьемъ и обувью. Настоятель Симбирскаго Покровскаго монастыря ежегодно въ 1829—1836 гг. жертвовалъ на училища 150 р. Архимандритъ Чебоксарскаго Троицкаго монастыря Самуилъ содержалъ въ своемъ монастырѣ трехъ учениковъ Чебоксарскаго училища, которые, между прочимъ, исправляли послушническую должность. Преосв. Филаретъ, проѣзжая въ 1833 году чрезъ Чебоксары, по представленію архимандрита Самуила, посвятилъ ихъ въ стихарь.

Нерѣдко семинарія и духовныя училища получали постоянныя и временныя пособія отъ разныхъ свѣтскихъ лицъ, по ревности ихъ къ просвѣщенію или по состраданію, какое возбуждалъ въ нихъ преосв. Филаретъ къ нуждамъ бѣдныхъ учениковъ. Симбирскій гражданинъ поручикъ Дмитрій Егоровичъ Бенардаки въ 1835—1839 гг. жертвовалъ ежегодно по 500 р. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Дворянинъ Сергѣй Ѳеодоровичъ Желтухинъ пожертвовалъ на устройство семинарской церкви 3,050 рублей, Владиміръ Ѳеодоровичъ Желтухинъ на тотъ же предметъ 315 р.

Всѣхъ пожертвованій въ комитетѣ вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ казанскихъ училищъ собрано, напр., въ 1829 году 4,344 р., въ 1831 г. —6,530 рублей.

2) Преосв. Филаретъ исходатайствовалъ у коммисіи духовныхъ училищъ на содержаніе бурсаковъ прибавку съ 1829 года въ 1,800 р., въ 1831 г. еще двадцать добавочныхъ бурсачныхъ окладовъ на 3,500 р., въ 1832 г. еще 50 окладовъ. Онъ же ревностно поддерживалъ частные способы содержанія учениковъ: а) предоставленіе за учениками священноцерковнослужительскихъ для полученія доходовъ мѣстъ, б) закрѣпленіе за сиротами учениками этихъ мѣстъ задолго до окончанія семинарскаго курса, в) единовременныя пособія, г) занмообразную выдачу денегъ и др. По его милости доходниками были на ряду съ учениками учителя, семинарскіе и училищные служителя, престарѣлые и больные священноцерковнослужители. За семинарскимъ служителемъ Алексѣемъ Доброхотовымъ въ 1834—1835 гг. числилось причетническое мѣсто въ селѣ Карамышевѣ Чебоксарскаго уѣзда. Отъ предоставленнаго за учителемъ Климентовымъ, въ 1829 г., священническаго мѣста въ селѣ Пистулинѣ Козмодемьянскаго уѣзда половинное количество денегъ шло въ пользу бѣдныхъ учениковъ семинаріи. По распоряженію преосв. Филарета: 1) вновь поступающій на священническое мѣсто, преимущественно бездѣтный, часто обязывался отдавать извѣстную, большею частью половинную, долю доходовъ на содержаніе одного изъ учениковъ, 2) ученикъ-доходникъ иногда обязывался третью часть дохода отчислять въ пользу осиротѣвшаго семейства тѣхъ священноцерковнослужителей, мѣсто которыхъ предоставлялось за нимъ, 3) съ праздныхъ священноцерковнослужительскихъ мѣстъ, если онѣ не были зачислены за бѣдными семинаристами, доходы также иногда присылались на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Съ этою же цѣлью штрафы, взыскиваемые съ священноцерковнослужителей за разные проступки, обращались въ семинарскую казну.

3) Заботы преосв. Филарета о помѣщеніяхъ для духовно-учебныхъ заведеній остаются незабвенными въ Казанской епархіи. Казанская семинарія съ каждымъ годомъ по числу учениковъ возростала, а съ умноженіемъ числа учениковъ и семинарскія зданія оказались тѣсными и неудобными. Въ

1826 г. напр. всѣхъ учениковъ семинаріи было 378, уѣзднаго и приходскаго училища Казанскаго—852, всѣхъ обучающихся въ семинарскомъ домѣ—1,230 человѣкъ. По нуждѣ одинъ классъ приходскаго училища помѣщался въ семинарской столовой, гдѣ ежедневно обѣдали и ужинали ученики, а два помѣщались въ тѣсныхъ и темныхъ комнатахъ нижняго служительскаго этажа. Въ осеннее и зимнее время въ этихъ классахъ была тьма. Недостаточны были комнаты для больницы. Съ большими неудобствами помѣщалась и библіотека, что замѣтилъ и ревизоръ 1822 года, баккалавръ Московской академіи Доброхотовъ. Ученики, особенно малолѣтніе, спали по два на одной кровати, или, сплачивая многія доски, дѣлали родъ наръ. Гигіеническій осмотръ зданія, произведенный въ 1827 г. ревизоромъ архимандритомъ Евлампіемъ, далъ самые плачевные результаты. Оказалось, что воздухъ въ немъ испорченъ до крайности, что никакія вентиляціи не способны помочь горю, такъ какъ помѣщеніе заключало въ себѣ воздуху далеко не на 200—300 человѣкъ. Постройки и пристройки въ самомъ семинарскомъ домѣ, частію по тѣснотѣ мѣста, частію по пространству предполагаемыхъ вновь зданій, совершенно были невозможны. И потому необходимо было для духовно-училищнаго вѣдомства въ Казани или купить готовый выгодный и просторный домъ въ близкомъ разстояніи къ семинарскому, или устроить по плану новый, въ которомъ можно бы было помѣстить уѣздное и приходское училища съ бурсою, оставивъ семинарскій домъ для одной семинаріи, или по крайней мѣрѣ отдѣлить хотя половину уѣзднаго и приходскаго училища съ бурсою для уменьшенія тѣсноты въ семинарскихъ зданіяхъ.

Помѣщеніе всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній составляло въ это время предметъ особенной заботливости правительства. Но, не имѣя возможности ежегодно ассигновать на улучшеніе училищныхъ зданій свыше 100,000 р. с. въ годъ, коммисія духовныхъ училищъ естественно должна была ограничиваться болѣе или менѣе легкою починкою тѣхъ домовъ, въ которыхъ хотя и дурно, но помѣщались духовно-учебныя заведенія. Это же заставляло правительство отклонять отъ духовно-учебнаго капитала главный его расходъ — построеніе домовъ для училищъ, въ самомъ употребленіи капитала соблюдать строгую постепенность, даже какъ бы обязывать епархіальное начальство отыскивать для этого свои средства, отводить помѣщенія для училищъ въ домахъ, принадлежащихъ монастырямъ, духовнымъ правленіямъ и церквамъ. При такихъ обстоятельствахъ преосв. Филаретъ, въ 1832 году, вывелъ изъ семинарскаго дома казанскія уѣздное и приходское училища и на покупку для нихъ каменнаго двухъ-этажнаго дома помѣщицы Геркенъ исходатайствовалъ у коммисіи духовныхъ училищъ 60,433 р. 86¼ коп. Для болѣе удобнаго помѣщенія этихъ училищъ Филаретъ на свой собствен-

ный капиталъ, въ 1833 году, рядомъ съ купленнымъ у г-жи Геркенъ домомъ на Покровской улицѣ, по своему плану построилъ новый удобный и помѣстительный двухъ-этажный домъ, сохранившійся доселѣ.

Онъ открылъ уѣздныя и приходскія училища въ городахъ Чистополѣ и Свіяжскѣ въ 1829 году, въ 1833 г. въ Сызрани, въ этомъ же году одно приходское училище въ Самарѣ; исходатайствовалъ штатные на эти училища оклады содержанія и обезпечилъ помѣщеніями. На покупку каменнаго дома для Чистопольскихъ училищъ отпущено было изъ коммисіи духовныхъ училищъ 11,210 руб. 64¼ коп., на покупку дома для Симбирскихъ училищъ изъ капиталовъ того же вѣдомства выслано было всего 15,910 рублей. Уѣздное и приходское училища въ городѣ Свіяжскѣ помѣщены были въ кельяхъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, пожертвованныхъ подъ училища навсегда настоятелемъ этого монастыря, архимандритомъ Израилемъ Звячинцевымъ, съ братіею. Для помѣщенія Сызранскихъ училищъ настоятель Вознесенскаго монастыря, игуменъ Иннокентій, на монастырскій счетъ, у мѣщанки Вандышевой купилъ двухъ-этажный каменный домъ за 4,540 руб., да коммисія духовныхъ училищъ отпустила изъ своихъ капиталовъ въ распоряженіе преосв. Филарета на первоначальное обзаведеніе Сызранскихъ училищъ 231 р. 67 коп. Для приходскаго училища въ Самарѣ Самарскій голова Синягинъ пожертвовалъ выстроенный имъ на церковной землѣ при Успенской церкви деревянный домъ.

Съ открытіемъ училищъ духовныхъ въ Свіяжскѣ, Чистополѣ, Сызрани и Самарѣ значительно уменьшилось число учениковъ въ Казанскихъ, Симбирскихъ и Алатырскихъ училищахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылась возможность перемѣстить многихъ воспитанниковъ съ наемныхъ квартиръ въ семинарскій корпусъ.

Коммисія духовныхъ училищъ тогда вообще бережно и осторожно распоряжалась своими, особенно строительными капиталами, а между тѣмъ представленія преосв. Филарета по улучшенію внѣшняго быта семинаріи и училищъ утверждала почти по всѣмъ статьямъ, вообще цѣнила и уважала его доклады и какъ своего члена, и какъ благотворителя семинаріи и училищъ. Ревизоръ Казанской семинаріи, архимандритъ Платонъ, въ 1832—1833 г. представилъ коммисіи духовныхъ училищъ, что преосв. Филаретъ, ревнуя о благѣ духовнаго юношества, содержалъ на собственномъ коштѣ 20 учениковъ семинаріи, сверхъ того построилъ для Казанскихъ училищъ каменный домъ и положилъ основаніе каменной банѣ. Коммисія духовныхъ училищъ, въ 1833 году, изъявила по этому случаю преосв. Филарету за особенныя дѣйствія его попечительности и благотворительности совершенную благодарность. Нѣкоторыя дѣла, напримѣръ, представленіе ревизора архимандрита Платона о награжденіи учителей Казанской семинаріи и училищъ за

ихъ полезную службу, представлялись коммисіей духовныхъ училищъ на заключеніе преосв. Филарета. Самъ преосв. Филаретъ, какъ членъ этой коммисіи, нѣкоторыя дѣла предрѣшалъ до утвержденія коммисіи, напримѣръ, по его словесному распоряженію кандидатъ Сергѣй Неофитовъ, въ сентябрѣ 1832 года, введенъ въ классъ для преподаванія церковной исторіи, а представленіе въ коммисію духовныхъ училищъ объ утвержденіи его въ этой должности послано было преосв. Филаретомъ позже.

4) Наблюдая постоянно должную экономію, преосв. Филаретъ допускалъ въ семинаріи и училищахъ дешевую прислугу изъ провинившихся причетниковъ, послушниковъ, исключенныхъ учениковъ. Служителя эти, наравнѣ съ учениками, подчинены были правиламъ семинарской дисциплины. Въ 1833 году пономарь Павелъ Доринскій, въ противность правилъ св. отецъ и причетнической грамоты, игралъ на улицѣ на скрипкѣ, плясалъ, курилъ табакъ и вообще велъ себя худо и нетрезво. Во всемъ этомъ онъ уличенъ былъ слѣдствіемъ и резолюціей Филарета, какъ нетерпимый въ духовномъ званіи, назначенъ къ избранію другого рода жизни. Доринскій просилъ преосв. Филарета, вмѣсто исключенія изъ духовнаго въ свѣтское вѣдомство, помѣстить его въ духовное правленіе или въ самую консисторію въ число приказно-служителей. Филаретъ поэтому написалъ: «ежели проситель согласится прослужить годъ въ числѣ семинарскихъ служителей, то, не исключая его изъ духовнаго званія, отослать его въ семинарское правленіе съ тѣмъ, что ежели онъ трудолюбіемъ своимъ и исправнымъ поведеніемъ заслужитъ рекомендацію начальства, то можетъ просить объ опредѣленіи себя причетникомъ къ сельскому приходу». Доринскій на такихъ условіяхъ повиновался архіерейской волѣ. Въ этомъ же году и за тѣмъ же присланы были въ семинарію дьячки Матѳей Ивановъ, замѣченный въ воровствѣ и пьянствѣ, и Василій Успенскій—въ святотатствѣ.

5) Преосв. Филаретъ любилъ и умѣлъ за особые труды поощрять учителей семинаріи и училищъ. Они получали выгодныя священническія мѣста, архипастырскую признательность и благословеніе, даже рѣдкія тогда денежныя награды. Такъ, учителя семинаріи Иванъ Лисицинъ и Василій Покровскій, по одобренію его, получили каждый въ единовременное пособіе по 300 рублей. Послѣ внутреннихъ и публичныхъ испытаній, на которыхъ онъ самъ всегда присутствовалъ, ежегодно чрезъ семинарское правленіе объявлялъ всѣмъ учащимъ архипастырскую признательность и благословеніе «за труды, усердіе и благословенные успѣхи учащихся», со внесеніемъ въ формулярный о службѣ списокъ. Онъ вообще старался исполнять всѣ просьбы семинарскихъ учителей. Въ 1832 г., напримѣръ, для вновь опредѣленныхъ учителей семинаріи Григорьева, Неофитова и Соколова куплено было полторы дюжины стульевъ кожаныхъ, 3 ломберныхъ стола и 3 комода. Въ

семействѣ послѣ умершаго въ 1828 году учителя Гурія Ласточкина остались жена и дѣти—Андрей 20, Вадимъ 19, Владиміръ 8, Василій 7, Всеволодъ 4, Александръ 3, Любовь 17, Надежда 15 и Вѣра 5 лѣтъ. По резолюціи Филарета, вообще милостиваго къ сиротамъ, тѣмъ болѣе къ дѣтямъ покойныхъ учителей, мѣсто умершаго протоіерея Гурія Ласточкина для полученія доходовъ предоставлено было за старшимъ его сыномъ Андреемъ, ученикомъ богословія; всѣ дѣти, находившіяся въ семинаріи и училищахъ, приняты были на полное казенное содержаніе, вдова же со дня кончины получала ежегодно по 300 руб. изъ попечительства о бѣдныхъ. Учитель Казанскаго училища Ѳеодоръ Сокольскій, кромѣ жалованья за учительство 350 рублей, имѣлъ предоставленное за нимъ священническое мѣсто, и кромѣ того отъ лекторства получалъ 150 рублей. Семинарскіе ревизоры, вообще страшные по тому времени для семинаріи чиновники, были необыкновенно снисходительны, по милости Филарета, который самъ былъ на всѣхъ экзаменахъ вмѣстѣ съ ревизоромъ, старался ободрить учениковъ, при отъѣздѣ обозрѣвающихъ онъ просилъ ихъ покрыть семинарскіе недостатки любовью. И ревизоры архимандритъ Платонъ 1832 г. и іеромонахъ Филоѳей 1838 г. дѣйствительно старались не открывать, а прикрывать уже открытые грѣшки. Отчеты ихъ большею частью краткіе, съ ходатайствомъ о наградахъ, съ благопріятными отзывами. Коммисія духовныхъ училищъ, по донесенію ревизора архимандрита Платона, изъявила совершенную признательность преосв. Филарету и поручила ему представить учителей своей семинаріи къ соотвѣтствующимъ наградамъ. По представленію Филарета ректору семинаріи Ѳеофану Александрову, послѣ этого, данъ былъ въ управленіе Донской монастырь, инспекторъ семинаріи Горскій и профессоръ Вишневскій пожалованы скуфьями, учитель семинаріи Талантовъ и ректоръ Казанскихъ училищъ Семеновъ награждены камилавками, а прочимъ всѣмъ учителямъ изъявлено одобреніе со внесеніемъ въ послужной списокъ.

6) Въ формулярныхъ спискахъ учителей семинаріи монашествующихъ и свѣтскихъ были, между прочимъ, такія графы: 1) какого поведенія и въ должности исправенъ и надеженъ-ли; 2) не былъ-ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что именно, когда и чѣмъ дѣло кончено; 3) къ продолженію статской службы способенъ, и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ, и зачѣмъ; 4) въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ, и когда именно и т. п. Поведеніе начальниковъ и всѣхъ учителей семинаріи отмѣчалось архіереемъ собственноручно. Не знаемъ, какими воззрѣніями и правилами руководились архіереи при оцѣнкѣ поведенія учителей и чиновниковъ семинарскихъ, особенно тѣ, которые видѣли семинарію только по бумагамъ или на годичныхъ экзаменахъ по главнымъ предметамъ, а между тѣмъ одинъ владыка отмѣчалъ щедро,

другой скупо, иной изъ года въ годъ по подсказкѣ ректора повторялъ однѣ и тѣ же отмѣтки. Преосв. Филаретъ сравнительно былъ добръ на эти аттестаціи. Профессоръ Горскій, напр., у преосв. Амвросія имѣвшій «хорошее поведеніе», въ 1829 году отмѣченъ у Филарета: «поведенія очень добраго, въ должности весьма способенъ»; учитель Флегонтъ Талантовъ вмѣсто «хорошаго поведенія» въ 1829 г. отмѣченъ: «поведенія отлично добраго, въ должности очень исправенъ», въ 1830 г.: «поведенія честнаго», въ 1834 г.: «поведенія отлично честнаго, въ должности очень исправенъ и благонадеженъ». Ректоръ семинаріи Стефанъ, инспектора іеромонахи Иннокентій, Григорій Митькевичъ, протоіерей Вишневскій, заслуженный учитель Флегонтъ Талантовъ обыкновенно у преосв. Филарета отмѣчались: «поведенія отлично честнаго, въ должности весьма рачительными, исправными и благонадежными»; противъ остальныхъ учителей В. Покровскаго, Ив. Лисицина, Обновленскаго, Павла Розова, В. Сбоева, Сергѣя Неофитова, В. Григорьева, Заозерскаго, А. Описифорова, экономa священ. Николая Поликарпова почти всегда преосв. Филаретъ писалъ одно: «поведенія честнаго, въ должности очень исправенъ и благонадеженъ»; только въ 1830—1831 году экономъ іеромонахъ Гедеонъ аттестованъ сравнительно ниже: «поведенія хорошаго, въ должности исправенъ», но съ этой отмѣткой послѣдній въ 1831 г. опредѣленъ былъ строителемъ Казанскаго Ѳеодоровскаго монастыря, съ оставленіемъ при экономской должности. Въ управленіе преосв. Филарета, всегда благодушнаго, довольнаго вообще успѣхами ученическими, въ учительскіе формуляры внесено было много наградъ почетныхъ и денежныхъ.

7) На инородческіе языки, особенно татарскій, какъ предметы важные въ дѣлѣ служенія церкви въ Казанской епархіи, преосв. Филаретъ обращалъ свое вниманіе. Въ 1828 году ему вмѣнено было св. синодомъ въ обязанность, для надлежащаго и дѣйствительнаго успѣха въ дѣлѣ распространенія христіанства, составить проэкты особыхъ учрежденій для образованія миссіонеровъ при Казанской семинаріи, примѣнительно къ потребностямъ края. Такіе проэкты были составлены имъ и 17 ноября 1829 года представлены въ синодъ, одинъ относительно приготовленія въ Казанской семинаріи воспитанниковъ къ миссіонерской дѣятельности, другой относительно вообще устройства миссіонерства въ Казанской епархіи. Въ первомъ проэктѣ изложены были: 1) правила объ усиленіи успѣховъ въ знаніи мѣстныхъ языковъ—татарскаго, чувашскаго и черемисскаго, которое было необходимо священнослужителямъ для обращенія вновь въ христіанскую вѣру еще не принявшихъ оной и для утвержденія принявшихъ; 2) причины настоящей неуспѣшности въ этихъ языкахъ, между которыми главная та, что всѣ учебные часы заняты были предметами, означенными въ училищныхъ уставахъ, что въ семинаріи, кромѣ татарскаго языка, для обуче-

нія которому назначенъ былъ одинъ часъ въ недѣлю, въ субботу послѣ обѣда, преподаваніе прочихъ языковъ не было введено, а въ уѣздномъ училищѣ полагался для всѣхъ одинъ урокъ въ недѣлю; 3) мѣры для надлежащаго успѣха въ знаніи этихъ языковъ: а) назначеніе по два урока въ недѣлю въ училищѣ и семинаріи, а для сего сокращеніе въ училищѣ нѣкоторыхъ предметовъ, а въ семинаріи отъ нѣкоторыхъ совершенное освобожденіе учениковъ для занятія этими языками; б) поощреніе учителей мѣстныхъ языковъ прибавкою жалованья, которое тогда въ 125 руб. крайне было неудовлетворительно.

Этотъ проэктъ высшимъ начальствомъ оставленъ безъ осуществленія.

Второй проэктъ относительно учрежденія вообще миссіонерства въ Казанской епархіи и образованія миссіонеровъ при Казанской семинаріи заключался въ 26 правилахъ о наставленіи и утвержденіи новокрещенныхъ въ христіанской вѣрѣ, изъ которыхъ 1, 3, 4 предписывалось опредѣлять въ инородческіе приходы какъ священниковъ, такъ и прочихъ членовъ причта не иначе, какъ вполнѣ знающихъ языкъ своихъ прихожанъ, и вмѣнялось имъ въ обязанность постоянно и въ церквахъ, и на домахъ преподавать прихожанамъ христіанское ученіе на ихъ родномъ языкѣ; 9 и 10 правилами полагалось во всѣхъ инородческихъ приходахъ въ церквахъ, при совершеніи богослуженія, и въ домахъ при разныхъ требахъ и молитвословіяхъ читать апостолъ, евангеліе, символъ вѣры, молитву Господню, также на языкѣ тѣхъ инородцевъ, изъ которыхъ состоятъ приходы, а 5, 6 и 7 правилами узаконялось заведеніе въ инородческихъ приходахъ священно-церковнослужителями церковныхъ школъ для обученія дѣтей инородцевъ грамотѣ, молитвамъ и начаткамъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, также на ихъ языкѣ.

Этотъ проэктъ былъ одобренъ синодомъ во всѣхъ пунктахъ, высочайше признанъ «весьма основательнымъ» и при указѣ синодальномъ отъ 23 мая 1830 года препровожденъ къ епархіальному начальству для исполненія и руководства. На дѣлѣ же оказалось невозможнымъ средствами учебнаго заведенія образовать изъ учениковъ миссіонеровъ, какъ лицъ, вступающихъ на этотъ подвигъ по особенному призванію, и такъ поставить Казанскую семинарію, чтобы изъ нея выходили воспитанники, вполнѣ способные къ миссіонерско-пастырской дѣятельности въ инородческихъ приходахъ, и чтобы преподаваніе татарскаго языка какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ и по числу уроковъ, и по назначенію особыхъ учителей усилить и сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. За то послѣ, до послѣдняго времени, указъ св. синода отъ 29 мая 1830 г. служилъ постояннымъ руководствомъ для Казанскаго епархіальнаго начальства въ его распоряженіяхъ относительно инородческихъ приходовъ; были употреблены всевозможныя

мѣры къ приведенію въ исполненіе упомянутыхъ правилъ, наблюдалось за исполненіемъ ихъ со стороны духовенства приходскаго, какъ-то: на приходы съ татарскимъ населеніемъ опредѣлялись священники хотя сколько нибудь знающіе татарскій языкъ, если такіе находились, и при томъ обязывались они строго подписками усовершенствоваться на мѣстахъ въ знаніи этого языка, учреждены были по уѣздамъ экзаменаторы, которымъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, усовершаются ли священники въ татарскихъ приходахъ въ знаніи языка своихъ прихожанъ и прилагается-ли это знаніе къ дѣлу, дѣлать имъ испытаніе и о послѣдствіяхъ доносить епархіальному начальству, неисправнымъ дѣлать строгія внушенія подъ опасеніемъ удаленія отъ мѣста и т. п. И со стороны св. синода многократно дѣлались подтвержденія, въ томъ числѣ не разъ по высочайшему повелѣнію, по случаю повторявшихся вновь отпаденій крещеныхъ татаръ въ мусульманство, о принятіи и усиленіи надлежащихъ миссіонерскихъ мѣръ къ предотвращенію прискорбныхъ явленій, предписывалось строжайшимъ образомъ наблюдать, чтобы въ инородческихъ приходахъ были всегда священники, вполнѣ благонадежные и знающіе языкъ своихъ прихожанъ, и для поощренія какъ этихъ священниковъ, такъ и воспитанниковъ семинаріи, готовящихся къ священству, тщательнѣе изучать этотъ языкъ, признавалось необходимымъ сдѣлать прибавку жалованья, дабы вознаградить ихъ за требуемые отъ нихъ особенные труды (указъ св. синода 20 мая 1860 г.).

Насколько духовенство Казанской епархіи цѣнило милости и щедроты преосв. Филарета къ своимъ бѣднымъ и сиротамъ, настолько оно до сихъ поръ съ крайнимъ негодованіемъ вспоминаетъ крутыя и строгія его мѣры въ безпощадной и до крайности щедрой отдачѣ дѣтей священно-церковнослужительскихъ въ солдатство при наборахъ 1831 и 1833 годовъ. Современники 1830—1833 гг. помнятъ, съ какимъ справедливымъ негодованіемъ отнесся тогда весь русскій народъ къ неблагодарности поляковъ при первомъ извѣстіи объ ихъ возмущеніи, вспыхнувшемъ въ ноябрѣ 1830 года въ Варшавѣ, охватившемъ потомъ все Царство Польское и угрожавшемъ цѣлости и спокойствію Россіи. Тогда всѣ классы русскаго населенія высказали готовность для усмиренія крамольниковъ и поддержанія чести Россіи жертвовать жизнью. Раздѣляя вполнѣ это патріотическое чувство, Филаретъ представилъ государю до 3,500 лицъ изъ своего духовенства на военную службу, самъ неутомимо пересматривалъ священно-церковнослужительскіе формулярные списки, вѣдомости объ успѣхахъ учащихся, о поведеніи послушниковъ, учениковъ, назначенныхъ на діаконскія мѣста и уже вступившихъ для этого въ бракъ, медлилъ посвящать въ санъ, опредѣленныхъ на причетническія мѣста не посвящалъ въ стихарь, учениковъ семинаріи и училищъ, не надежныхъ въ поведеніи, лѣнивыхъ и третьеразрядныхъ обращалъ въ губернское прав-

леніе для отдачи въ военную службу, подначальныхъ и аттестованныхъ съ невыгодной стороны благочинными священно-церковнослужителей низводилъ на причетническія должности для обращенія въ солдатство. Особенно тогда жутко приходилось семинарскимъ служителямъ, сторожамъ и приставамъ консисторіи и духовныхъ правленій. Солдатству подлежали, наравнѣ съ дѣтьми священно-церковнослужительскими, опредѣленными къ мѣстамъ: а) ученики, которыхъ ставленическія въ консисторіи дѣла объ опредѣленіи въ діаконы и и причетники не были утверждены архіерейской резолюціей, б) отосланные съ билетами на праздныя причетническія мѣста до усовершенствованія въ причетническихъ предметахъ, в) за которыми предоставлены мѣста причетническія для поддержанія семейства ихъ, г) о которыхъ нашлись дѣла по просьбамъ ихъ касательно увольненія въ свѣтское вѣдомство, д) которые находились на испытаніи способностей ихъ для канцелярской службы, какъ неопредѣленные еще законнымъ порядкомъ къ мѣстамъ и состоящіе внѣ дѣйствительной службы, е) изъ исключенныхъ изъ семинаріи и училищъ и имѣющіе въ предоставленіи за собой причетническія мѣста и не утвержденные на тѣхъ мѣстахъ надлежащимъ дѣлопроизводствомъ и указами, ж) исключенные ученики и послѣ опять допущенные обучаться приватно, какъ не включенные въ число дѣйствительныхъ учениковъ и не принадлежащіе къ училищному вѣдомству.

Кромѣ дѣтей духовенства солдатству подлежали церковно-служители, состоявшіе въ то время подъ слѣдствіемъ и судомъ, люди всякаго званія, которые, не имѣя священнослужительскаго сана, проживали въ монастыряхъ не въ надеждѣ постриженія и не на штатныхъ вакансіяхъ, безъ надежды на лучшее поведеніе, также церковнослужители, отрѣшенные отъ мѣстъ и всѣ духовнаго званія люди, занимавшіе по церковному и училищному вѣдомствамъ мѣста сторожей, приставовъ и другихъ нижнихъ служителей, отставленныхъ отъ должностей по неспособности или за худое поведеніе, но не обращенныхъ въ гражданское вѣдомство. И священники были подъ большимъ страхомъ: еще въ 1829 году изъ св. синода получены были два строгіе указа о томъ, чтобы священники нетрезваго поведенія, по пересмотрѣ послужныхъ списковъ ихъ, не были терпимы въ духовномъ званіи. Да, тяжекъ и злополученъ былъ 1831 годъ для духовенства казанскаго. Лишь только Филаретъ въ 1831 году успѣлъ окончить разборъ лицъ духовнаго званія, подлежащихъ къ отдачѣ въ военную службу, какъ въ іюлѣ 1833 года, по опредѣленію оберъ-прокурора св. синода Нечаева, послѣдовалъ новый указъ о строжайшемъ пересмотрѣ епархіальными начальствами послужныхъ списковъ діаконскихъ для новаго военнаго набора. Крутыя рѣшенія пр. Филарета по всѣмъ этимъ категоріямъ разбора вызывали со стороны духовенства массу слезныхъ, раздирающихъ сердце, жалобъ на непе-

мѣрную строгость преосвященнаго, вызывали еще больше того устныя порицанія его произвольныхъ безсердечныхъ распоряженій, общія поголовныя въ епархіи неудовольствіе и ропотъ. На это указываютъ и солдатскія пѣсни, сложенныя въ 1829—1833 гг. казанскими семинаристами, отданными пр. Филаретомъ въ солдаты за буянскую волю. Вотъ одна изъ такихъ грустныхъ пѣсенъ:

Ахъ жестокая фортуна,
Сколь меня жалко обманула!
Я разстался съ драгими
Со товарищами моими.
Нельзя ужъ пособить.

* * *

Каковъ мнѣ сей ударъ!
Довела меня не доля,
Но своя буянска воля.
Нельзя ужъ пособить!

* * *

Съ тѣмъ я только и учился,
И тѣмъ больше веселился,
Что въ счастьѣ буду жить...
Но все нынѣ миновало,
Время горькое настало
Нельзя ужъ пособить!

* * *

Пушки, бомбы, барабаны
Заведутъ меня въ дальны страны,
Здѣсь вѣкъ мнѣ не бывать.
Нельзя ужъ пособить!

* * *

Прощай, мудрая Минерва!
Прощай, прекрасная Венера!
Сталъ Марсу угождать...
Нельзя ужъ пособить!

Въ заключеніе я приведу изъ іерархіи преосв. Филарета одинъ курьезный случай, свидѣтельствующій, что въ доброе старое время наши даже добрые архіереи могли безнаказанно дѣлать все, что хотѣли. Дѣломъ ректора или смотрителя училищъ было придумывать и собственноручно обозначать фамиліи новымъ ученикамъ при пріемѣ въ училища. Фамиліи назначались: 1) больше всего по округамъ, селамъ, 2) по именамъ родителей или родственниковъ, по наружности и особенностямъ учениковъ, а иногда и родителей или родственниковъ, которые приводили дѣтей въ училище (Софійскій, сынъ

Софьи, Мавринъ—Мавры, Красавцевъ, Животоносовъ, Голосницкій, Нѣмковъ, Тихонравовъ, Маракосовъ, Великановъ, Птенцовъ), 3) по фамиліямъ знатныхъ лицъ, по событіямъ и лицамъ историческимъ, по предметамъ естественной исторіи, по нѣкоторымъ греческимъ и латинскимъ словамъ (Софокловъ, Сперанскій, Румянцевъ, Аароновъ, Салманассаровъ, Цвѣтковъ, Волковъ, Элпидинъ). Нѣкоторые родители на прошеніяхъ, случалось, означали свои фамиліи, но ихъ дѣти все-таки принимались въ училища съ другими фамиліями. Нѣкоторые смотрители не стѣснялись давать фамиліи отъ названій миѳологическихъ, таковы, напримѣръ, фамиліи: Янусовъ, Марсовъ, Адонисовъ, Афродитинъ, Кипридовъ, Терпсихоровъ и др. Въ семинарское правленіе поступали иногда запросы изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ о томъ, почему тѣ или другія духовныя дѣти, обучавшіяся въ семинаріи и училищахъ, имѣютъ фамиліи, различныя отъ фамилій отцевъ ихъ. По справкамъ этимъ оказывалось, что фамиліи въ такомъ случаѣ давались дѣтямъ тѣмъ, при поступленіи въ училища, совершенно произвольно, что полнота и безконтрольность власти, сосредоточенной въ рукахъ епархіальнаго архіерея, опьяняла даже довольно добрыхъ по природѣ лицъ и была источникомъ многихъ некрасивыхъ явленій.

Симбирской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, села Аврaлей, діакона Гавріила Витевскаго, сынъ Аристотель, въ 1822 году, поступилъ въ Казанское училище съ именемъ Аристотеля и прозваніемъ Витевскаго. Но при переводѣ его въ 1828 году изъ высшаго отдѣленія училища въ низшее отдѣленіе семинаріи, на публичномъ испытаніи преосв. Филарету угодно было перемѣнить ему какъ имя, такъ и фамилію, т. е. вмѣсто Аристотеля назвать его Андреемъ, а вмѣсто Витевскаго—Аристотелевымъ. Въ 1832 году Аристотелевъ Андрей уволенъ былъ изъ философскаго класса, а съ этимъ вмѣстѣ и изъ духовнаго званія и поступилъ на службу въ число канцелярскихъ служителей Симбирскаго приказа общественнаго призрѣнія. Для зачисленія въ штатъ этого приказа ему нужно было въ 1833 году представить мѣстному начальству свидѣтельство о своемъ происхожденіи. Рожденъ же онъ былъ Казанской епархіи, Чистопольскаго уѣзда, въ селѣ Мамышевѣ, отъ діакона Гавріила Иванова Витевскаго, 1811 года декабря 20, крещенъ 25 съ воспріемникомъ поручикомъ Андреемъ Прохоровымъ Бекрененевымъ. Аристотелевъ просилъ Казанскую консисторію выдать ему, на законномъ основаніи, требующееся свидѣтельство. Консисторія выдала это свидѣтельство, съ прописаніемъ времени и случая переименованія имени и фамиліи ученика Аристотеля Витевскаго.

II.

Павелъ Зерновъ.

Въ «Русской Старинѣ», издан. 1883 г., кн. XI, ноябрь, г. Аполонъ Можаровскій, защищая преосвященнаго казанскаго, Амвросія Протасова, отъ какихъ-то нареканій, ни съ того, ни съ сего омрачилъ высокую личность преосвященнаго казанскаго, Павла Зернова. Онъ далъ такой прискорбный и странный отзывъ о Павлѣ: «при немъ въ Казани вино пили, вино лили...., какъ на маланьиной свадьбѣ. Въ имѣющемся въ Казанской семинарской библіотекѣ печатномъ экземплярѣ пѣсни надгробной Павлу, сочиненной учителемъ академіи Мих. Полиновскимъ, противъ словъ: «лія евангельскій ей свѣтъ» строфы:

Померкло кроткое свѣтило
Одиннадцать что слишкомъ лѣтъ
Страну казанскую живило,
Лія Евангельскій ей свѣтъ.
Изсякъ источникъ....

рукою кого-то изъ современниковъ написано: ironia!» [1])

Единственный экземпляръ печатной надгробной пѣсни Полиновскаго, при отпѣваніи тѣла преосв. Павла въ январѣ 1815 года, у меня былъ въ рукахъ въ 1871—1872 годахъ, и потому я имѣю законное право утверждать, что тамъ слова «ironia» вовсе не написано. Слова г. Аполона Можаровскаго по меньшей мѣрѣ пристрастны, и какъ ни на чемъ не основанныя, оскорбительны для доброй памяти преосв. Павла и для лицъ, свято чтущихъ этого кроткаго и добраго отъ природы архипастыря.

Казанская академія 11 лѣтъ (1804—1815) считала преосв. Павла своимъ благотворителемъ, милостивымъ, кроткимъ и привѣтливымъ отцемъ. 17-го января 1815 года не стало добраго преосв. Павла, и вотъ какъ современники провожали его на вѣчный покой: «къ вамъ обращаю рѣчь мою, смиренномудрые наставники и благовоспитывающіеся юноши, возглашалъ префектъ академіи Поликарповъ предъ гробомъ Павла; скажите, кто изъ васъ отходилъ отъ него опечаленнымъ? Кого онъ отсылалъ отъ себя съ пасмурнымъ видомъ? На кого взиралъ гордымъ окомъ и не сытымъ сердцемъ? Приникни, просвѣщенный умъ, только радѣвшій о счастіи младыхъ питомцевъ, и виждь слезящуюся благодарность ласкающихся птенцовъ, тебя утѣшавшихъ своимъ нѣмотствованіемъ. Кромѣ отеческаго вниманія къ учащимъ и учащимся, кромѣ собственныхъ пожертвованій, какихъ онъ не

[1]) „Русская Стар.“ 1883 г., ноябрь, стр. 367—368.

употреблялъ средствъ для доставленія пропитанія и спокойствія безпокровнымъ-сиротствующимъ? Такъ отецъ нашъ—пастырь кроткій и милостивый! Ты на вѣки сокрылся отъ взора нашего въ тѣсныхъ предѣлахъ гроба, и уже до трубнаго гласа ангельскаго не узримъ осклабляющагося зрака твоего, но образъ твой снисходительный, вѣчно, вѣчно напечатлѣнъ будетъ на скрижаляхъ сердецъ нашихъ, и живой отпечатокъ твоего благодушія, твоей благосклонности вѣчно не изгладится изъ памяти чадъ твоихъ! Ты на вѣки разстался съ паствою твоею, но благодарная паства твоя всегда возноситъ будетъ тебѣ жертву благохваленія и признательности! Ты въ жизни твоей безъ искательства, безъ домогательствъ, безъ уклончивости и хитрыхъ изгибовъ лести украшенъ былъ, по своимъ добродѣтелямъ, вожделѣннымъ титломъ привѣтливаго отца, а по успеніи твоемъ признательное потомство ознаменуетъ почтенное имя твое Христовымъ названіемъ пастыря добраго, полагавшаго душу свою за овцы своя; первопрестольный храмъ сей, вмѣщая останки твои, вмѣститъ тебя въ число бдительныхъ соревнователей, утверждавшихъ и распространявшихъ православіе; сіи левиты, почтенные братія мои, избранные тобою, всегда прославлять будутъ приснопоминаемую память твою. И какое жестоковыйное сердце не прольетъ слезъ надъ печальнымъ гробомъ пастыря-отца? — По истинѣ, онъ въ продолженіи жизни своей, отеческимъ благоснисхожденіемъ къ словеснымъ овцамъ стада Христова, въ трехъ паствахъ пріобрѣлъ лестное наименованіе чадолюбиваго отца, веселящагося о чадахъ своихъ, и титло сіе достойно мирныхъ свойствъ его, вѣчно оглашать будетъ отдаленнѣйшее потомство памяти казанскія. Онъ умретъ съ послѣднимъ вздохомъ нашимъ, но отзовется въ сердцахъ и старости, и мужества, и юности левитовъ, толико имъ облагодѣтельствованныхъ, отзовется въ груди любимой паствы его. Вами свидѣтельствуюсь, почтенные сослужители, кто изъ насъ не удостоенъ милости его? Кого отлучилъ онъ отъ вниманія своего? Сердце его далеко отстояло отъ подлой корысти и лихоимания».

Учитель М. Полиновскій въ надгробной пѣсни, при отпѣваніи тѣла Павла, возглашалъ:

„Свершилось то, чего страшились
Левиты, музы, цѣлый градъ;
И мы на вѣкъ тебя лишились,
Отецъ нашъ, пастырь, меценатъ.
Лежишь во гробѣ хладенъ, мертвъ.
Померкло кроткое свѣтило,
Которое чрезъ одиннадцать лѣтъ
Страну Казанскую живило,
Лія Евангельскій ей свѣтъ.
Изсякъ источникъ милосердья,

Погасъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Но ахъ! Куда отецъ нѣжнѣйшій
Спѣшишь отъ плачущихъ дѣтей?
Возстань, возстань нашъ меценатъ!

Онъ живъ—и не умретъ тотъ смертный,
Кто къ ближнимъ благостью дышалъ.
Во всѣ дни жизни долголѣтной
Несчастнымъ слезы осушалъ.

Прости, другъ вѣры и закона,
Краса Казанскія страны.
Прости! Мы гробъ твой лобызаемъ,
Слезу горячую роняемъ
На персть твою въ послѣдній разъ.
Помощникъ въ скорбѣхъ, утѣшитель,
Услышь моленіе дѣтей:
Отца дѣтей послушныхъ, гласныхъ.
Отца вдовицъ, сиротъ несчастныхъ.
Селеній райскихъ удостой
И съ праведными упокой".

Учитель церковнаго краснорѣчія Гурій Ласточкинъ въ своей рѣчи при гробѣ Павла между прочимъ говорилъ: «я скажу по крайности о томъ, чего мнѣ никто не можетъ не позволить; повѣдаю предъ лицемъ вашимъ, слушатели, и посреди церкви воспою о его ко мнѣ милостяхъ и благодѣяніяхъ. О! ежели бы имѣлъ я сто устъ для возвѣщенія сего предъ цѣлымъ свѣтомъ! Каждая минута моего счастія ему принадлежитъ»...

Для Казанской академіи преосв. Павелъ сдѣлалъ очень, очень много. Онъ по своей добротѣ особенно любилъ награждать наставниковъ, давалъ денежныя награды изъ неокладной суммы, давалъ возможность совмѣщать съ учительствомъ священство въ лучшихъ приходахъ, зачислялъ за учителями мѣста священническія для одного полученія доходовъ, «дабы они, будучи обезпечены въ содержаніи, съ надлежащимъ усердіемъ и раченіемъ проходили свои должности», приказывалъ принимать на казенное содержаніе дѣтей бѣдныхъ отъ невоздержности родителей, находя, что дѣти такихъ родителей тѣмъ болѣе заслуживаютъ состраданія, что имѣютъ несчастье быть дѣтьми невоздержныхъ родителей. Нѣкоторыхъ бѣдныхъ сиротъ учениковъ Павелъ содержалъ жалованьемъ изъ своего собственнаго кошта. На его счетъ постоянно кормились въ академіи бѣдные ученики.

Академическое начальство въ такихъ случаяхъ представляло ему счетъ, что стоило академіи содержаніе ученика. За многими учениками, покуда они учились въ академіи, для полученія доходовъ были зачисляемы имъ свя-

щенно-церковнослужительскія мѣста въ округахъ казанской епархіи и главнымъ образомъ при неодноклирныхъ церквахъ. Онъ обыкновенно опредѣлялъ на мѣста престарѣлыхъ, больныхъ и умершихъ священно-церковнослужителей, преимущественно предъ другими, родственныхъ ихъ учениковъ, принимающихъ на себя обязанность доставлять пропитаніе имъ и ихъ семействамъ, или постороннихъ учениковъ, соглашающихся на доставленіе имъ нѣкотораго пособія. Онъ завелъ и поддерживалъ связь академіи съ Казанскимъ университетомъ. По его распоряженію и согласію академисты посѣщали лекціи въ университетѣ, изучали тамъ свѣтскія науки, особенно философскія, научались пріемамъ свѣтскаго обхожденія и людкости. Съ 1808 года отъ разныхъ доброхотныхъ пожертвованій составилась при академіи особая библіотека чтенія. Основателемъ ея былъ преосв. Павелъ Зерновъ, который самъ составилъ правила для этой библіотеки. Въ охотники чтенія, по правиламъ, были допускаемы, кромѣ учениковъ и учителей академіи, и обыватели города Казани. Деньги за прочетъ книгъ собирались библіотекаремъ впередъ за цѣлый годъ и представлялись въ правленіе. Сборъ этотъ доходилъ отъ 40 до 100 рублей. Внимательный къ ходу образованія Павелъ лично былъ знакомъ съ строгими библіотечными порядками, введенными митрополитомъ Платономъ въ Троицкой семинаріи и Московской славяно-греколатинской академіи. Мы говоримъ о всемъ этомъ на основаніи архивныхъ документовъ, прочитанныхъ нами въ архивѣ Казанской семинаріи [1]), по письмамъ и разсказамъ современниковъ, которые были въ сношеніяхъ съ преосв. Павломъ. Выходки г. Можаровскаго противъ преосв. Павла голословны.

III.

Амвросій Протасовъ.

Г. Можаровскій, защищая преосв. Амвросія Протасова отъ нареканій по дѣлу упраздненія имъ Захаріе-Елисаветинской церкви въ Казани [2]), по этому вопросу повторилъ только то, что сказано было мной и почтеннымъ профессоромъ Казанской академіи, Е. А. Маловымъ, по архивнымъ документамъ. Вновь онъ сдѣлалъ только одно, что послалъ по адресу почтенныхъ людей рѣзкія слова. По его словамъ Маловъ: «намѣренно старался омрачить высокую личность преосв. Амвросія Протасова», уважаемый историкъ П. В. Знаменскій: «договорился до противорѣчія себѣ», уважаемый профессоръ и историкъ П. А. Чистовичъ: «наговорилъ несообразностей», біографъ

[1]) См. мои сочиненія: а) Исторія старой Казанской духовной академіи 1875 г. б) Исторія Казанской духовной семинаріи за 18—19 стол. 1883 г.

[2]) „Русская Старина“ изд. 1883 г., ноябрь, стр. 355.

Амвросія Протасова сотрудникъ «Русской Старины» В. И. Жмакинъ: «скроменъ на цитаты»; меня упрекнулъ въ заимствованіи у него свѣдѣній по исторіи духовнаго просвѣщенія въ казанскомъ краѣ. Вообще тонъ замѣтки г. Можаровскаго крайне страненъ, чтобы не сказать болѣе. Въ такомъ уважаемомъ журналѣ, какъ «Русская Старина», чуждающемся полемики, мы не беремся, да и намѣренія не имѣемъ считаться съ такимъ человѣкомъ, который пишетъ про Амвросія, не справившись съ архивомъ, о личности и о дѣятельности церковной, литературной, миссіонерской и проповѣднической знаменитаго казанскаго преосв. Амвросія Протасова. На основаніи архива составлена мною первымъ подробная статья [1]), которой г. Можаровскій, молча, беззастѣнчиво воспользовался для своей замѣтки [2]).

Мы съ любовью, даже съ благоговѣніемъ, относимся къ памяти энергичнаго и дѣятельнаго казанскаго іерарха преосв. Амвросія Протасова, но на основаніи документовъ, прочитанныхъ нами до одного листа въ архивѣ Казанской семинаріи, обязаны сказать, что церковь Захаріе-Елисаветинская при Новокрещенскихъ школахъ въ Казани разобрана въ 1825 году по его распоряженію: 25-го апрѣля 1825 года Амвросій предложилъ казанскому семинарскому правленію: «какъ принадлежащая Казанской семинаріи церковь св. Захаріи и Елисаветы, будучи безъ присмотра, пришла въ совершенное запустѣніе и ветхость, а потому дѣлаетъ одно только безобразіе городу, то и предлагаю семинарскому правленію приступить не медля къ разобранію оной, и разобравъ, матеріалы оной продать въ пользу семинаріи. Сверхъ сего, оно имѣетъ озаботиться наружною и внутреннею поправкою семинарскихъ зданій на случай прибытія въ Казань въ настоящее лѣто Его Императорскаго Величества, также поправкою платья учениковъ» [3]). 2-го мая 1825 г. семинарское правленіе уже сдѣлало торги на разборку той церкви и ремонтировку семинарскихъ зданій. На представленіи объ этомъ семинарскаго правленія Амвросій, 23-го мая 1825 г., написалъ:

---

[1]) Духовная Бесѣда 1876 г.: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ казанскій“ (1815—1826 гг.).

[2]) При составленіи исторіи Казанской академіи и семинаріи съ 8 училищами я пользовался замѣтками г. Можаровскаго по исторіи этой семинаріи въ первый самый древній періодъ ея существованія и цитовалъ ихъ (Истор. Казанской академіи, мое сочиненіе, стр. 6, 17. Исторія Казанской семинаріи, мое сочиненіе, стр. 25). Г. Можаровскій въ своихъ Замѣткахъ пользовался безцеремонно исторіей Платона Любарскаго и рукописнымъ трудомъ покойнаго профессора Казанской академіи Е.....а. Спрашивается, почему онъ не ссылается особенно на второй трудъ?

[3]) Дѣло семинар. архива № 103, отъ 23-го апрѣля 1825 г., о разборкѣ Захаріе-Елисаветинской церкви. А. Б.

«приступить немедленно къ разборкѣ церкви». Разборку церкви на торгахъ принялъ на себя А. Е. Родіоновъ съ платой по 3 р. 80 к. съ тысячи кирпичей и съ обязательствомъ кончить разборку чрезъ полтора мѣсяца. 21-го іюня 1825 г. экономъ семинаріи доносилъ правленію, что разборка церкви Захаріе-Елисаветинской уже покончена, кирпича вышло 63,200, желѣза и связей 105 пуд. 17 фунтовъ, нѣсколько куб. саженъ щебню.

А. А. Благовѣщенскій.

Дуровъ.

На стр. 335 февральской книги „Русской Старины“ изд. 1884 г. Пущинъ разсказываетъ, что А. С. Пушкинъ проигрался Астафьеву и „какому-то Сарапульскому городничему Дурову“.

Это былъ ни кто иной, какъ отецъ извѣстной дѣвицы-кавалериста Александрова, бывшій дѣйствительно городничимъ въ Сарапулѣ, Вятской губерніи.

П. В. Алабинъ.

6 февраля 1884.
Самара.

МОСКОВСКІЙ ГЛАВНЫЙ АРХИВЪ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА.

Изъ записокъ статсъ-секретаря А. Ѳ. Гамбургера.

I.

15 апрѣля 1856 г. князь А. М. Горчаковъ, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто государственнаго канцлера графа К. В. Нессельрода. Я былъ въ то время начальникомъ архива канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда въ августѣ мѣсяцѣ того же года государю императору благоугодно было, чтобы князь Горчаковъ прибылъ въ Москву на торжество священнаго коронованія, выборъ его для сопровожденія въ древнюю столицу палъ на меня. Съ тѣхъ поръ я почти до послѣднихъ лѣтъ управленія его министерствомъ состоялъ при немъ, сопровождалъ во всѣ путешествія и постоянно работалъ подъ непосредственнымъ его руководствомъ.

Теперь, когда я только что вернулся изъ Баденъ-Бадена, куда, къ сожалѣнію, пріѣхалъ нѣсколькими часами позже кончины бывшаго моего добраго начальника, котораго я всегда такъ любилъ и уважалъ, я берусь за перо, чтобы выписать изъ дневника моего замѣтки о перестройкѣ московскаго главнаго архива, какъ объ одномъ изъ эпизодовъ достославнаго управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова. Не могу не воздать памяти этого государственнаго дѣятеля всей признательности моей за все время служенія моего подъ его просвѣщеннымъ начальствомъ. Сколь многимъ я ему обязанъ, сколько я научился подъ его руководствомъ! Мнѣ всегда останутся памятными отрадныя минуты, которыя я пережилъ въ близкихъ моихъ отношеніяхъ къ любимому начальнику. И какъ пріятно было съ нимъ работать. Это былъ не начальникъ, а можно

сказать, добрый товарищъ, который съ подчиненными обращался какъ съ равными, охотно принималъ ихъ совѣты, терпѣливо выслушивалъ ихъ возраженія и опроверженія, и котораго взглядъ на предметы былъ всегда быстрый и вѣрный. Онъ далъ мнѣ возможность осуществить долго лелѣянную мысль и сочувствіемъ своимъ и содѣйствіемъ сохранилъ для потомства хартіи нашей дипломатической исторіи, которыя безъ перенесенія ихъ въ новое помѣщеніе, вѣроятно, не только не были бы доступны для историковъ, но, можетъ быть, и совсѣмъ бы пропали.

Не могу не упомянуть насколько я счастливъ, что московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ находится въ вѣдѣніи столь просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, каковъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. Это также выборъ канцлера князя Горчакова, за который нельзя не поблагодарить его. Любитель и знатокъ старины баронъ Бюлеръ поставилъ архивъ на такую высоту, что будущность его совершенно обезпечена.

Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1856 г., меня посѣтилъ старый университетскій товарищъ С. О. Ивановъ, служившій тогда въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. (Впослѣдствіи былъ предводителемъ дворянства, губернаторомъ, помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, послѣ членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія). Онъ описалъ мнѣ архивъ министерства въ самыхъ жалкихъ краскахъ, соболѣзновалъ объ участи хранившихся въ немъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, которые гнили отъ ветхости зданія и отъ тѣсноты помѣщенія. Мнѣ тогда пришло въ голову употребить всѣ мои усилія для изысканія средства, чтобы спасти эти хартіи, въ которыхъ заключалась вся исторія древней Россіи. Я неоднократно просилъ князя Горчакова посѣтить архивъ. Зная, что въ случаѣ его согласія я буду сопровождать его, я хотѣлъ, чтобы онъ убѣдился въ необходимости сдѣлать что-нибудь для обезпеченія и сохраненія архивскихъ сокровищъ.

18-го сентября 1856 г. князь Горчаковъ посѣтилъ главный архивъ. Директоромъ архива былъ тогда князь Оболенскій. Я и тогда и впослѣдствіи не скрывалъ отъ князя А. М. Горчакова бѣдственное положеніе архива, напротивъ, постоянно напоминалъ ему о необходимости пріобрѣсти для архива другое, болѣе удобное, зданіе. Князь Горчаковъ, по своему просвѣщенному взгляду, искренно дорожилъ сохраненіемъ старины, и вполнѣ сочувствовалъ моимъ заявленіямъ, но всегда являлась препятствіемъ скудость бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1865 г. генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, бывшій тогда помощникомъ начальника главнаго штаба, сообщилъ мнѣ, что архивъ военнаго министерства помѣщенъ въ Кремлѣ, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, и что тамъ еще есть огромная ротонда, которую, можетъ быть, было бы легко приспособить для храненія дѣлъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Я уговорилъ бывшаго тогда директора хозяйственнаго департамента, тайнаго совѣтника Свистунова, поѣхать со мной въ Москву осмотрѣть ротонду. Но по пріѣздѣ нашемъ намъ объявили, что зданіе это предназначено для вновь вводимыхъ тогда судебныхъ учрежденій, и что самый архивъ военнаго министерства перевезенъ въ Головинскій дворецъ, но что тамъ еще есть большое помѣщеніе, которое могло бы быть уступлено министерству иностранныхъ дѣлъ. Мы осматривали это помѣщеніе и оно оказалось совершенно неудобнымъ и по отдаленности отъ города, и отъ огромныхъ затратъ, которыхъ потребовала бы его перестройка.

Мысль объ отысканіи помѣщенія для архива не покидала меня и я повѣрялъ ее всѣмъ, кого встрѣчалъ. Въ виду этого, я былъ очень обрадованъ, когда архитекторъ Мартыновъ, извѣстный археологъ и знатокъ московской старины, изъявилъ мнѣ желаніе быть назначеннымъ архитекторомъ при московскомъ главномъ архивѣ. По штату таковаго не полагалось, но такъ какъ онъ не просилъ никакого содержанія, то я и ходатайствовалъ самымъ горячимъ образомъ и у князя Горчакова, и у князя Оболенскаго о назначеніи г. Мартынова. Просьба моя увѣнчалась успѣхомъ и я все надѣялся, что, при содѣйствіи г. Мартынова, мнѣ удастся отыскать что-нибудь для архива.

Одинъ изъ московскихъ старожиловъ, котораго я встрѣтилъ въ англійскомъ клубѣ, сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ будто бы есть предположеніе упразднить въ Москвѣ горное правленіе. Я зналъ домъ, въ которомъ оно помѣщалось, потому что во время коронаціи мнѣ случилось быть тамъ по дѣлу у министра финансовъ, который, кажется, даже жилъ въ этомъ домѣ, во всякомъ случаѣ, принималъ тамъ. Вотъ домъ, на который я обратилъ все свое вниманіе. Я еще болѣе обрадовался, узнавъ, что это домъ историческій, что онъ принадлежалъ боярамъ Нарышкинымъ и что изъ него вышла царица Наталья Кириловна.

17-го сентября (достопамятный день) 1865 года мы съ А. Н. Свистуновымъ, отправились въ этотъ домъ. Мы напали на самаго благодушнаго и привѣтливаго старичка, управлявшаго горнымъ прав-

леніемъ, который, самымъ обязательнымъ образомъ, повелъ насъ вездѣ, и все показалъ до малѣйшей подробности. Я тотчасъ увидѣлъ, какую бы пользу можно было извлечь изъ этого дома, но онъ былъ ветхъ и требовалъ капитальныхъ перестроекъ. Это меня не смутило и не остановило.

Тотчасъ, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я отдалъ князю Горчакову подробный отчетъ всего, что я видѣлъ, и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ исходатайствовать у государя императора передачу дома горнаго правленія въ вѣдѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ самыхъ яркихъ краскахъ старался я представить ему всю прелесть этого пріобрѣтенія. Историческій домъ, близость Кремля, сосѣдство съ университетомъ, съ публичнымъ музеемъ, изолированное положеніе дома entre cour et jardin, что представляло драгоцѣнное обезпеченіе отъ пожара, все это вмѣстѣ соблазнило князя Горчакова, и онъ согласился предварительно доложить объ этомъ Его Императорскому Величеству словесно. Государю Императору благоугодно было изъявить согласіе на передачу министерству иностранныхъ дѣлъ дома, если къ тому не встрѣтитъ препятствія министръ финансовъ, въ вѣдѣніи котораго находился этотъ домъ. Тутъ встрѣтились затрудненія, которыя привели меня въ уныніе. Въ министерствѣ финансовъ уже былъ выработанъ проэктъ перестройки этого дома для предполагавшагося въ Москвѣ промышленнаго музея или постоянной выставки, въ родѣ парижскаго Palais d'industrie.

Въ отчаяніи я уже считалъ дѣло потеряннымъ. Но уже въ октябрѣ 1865 года проектъ устройства промышленнаго музея былъ отвергнутъ и у меня снова блеснула надежда. Дѣйствительно, въ январѣ 1866 года, по всеподданнѣйшему докладу князя Горчакова, домъ горнаго правленія всемилостивѣйше пожалованъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Но долго еще горное правленіе изъ онаго не выѣзжало, оканчивая свои дѣла.

Наконецъ, домъ переданъ въ собственность министерства и я вскорѣ послѣ этого вошелъ въ сношенія съ архитекторомъ архива Мартыновымъ и просилъ его изслѣдовать что бы можно сдѣлать, чтобы безъ большихъ затратъ приспособить этотъ домъ для перенесенія въ него архива. Два года прошли въ безуспѣшныхъ попыткахъ. Нужны были деньги, а въ нихъ-то отказывали. Директоръ хозяйственнаго департамента былъ равнодушенъ къ этому дѣлу и ничего не дѣлалъ, чтобы изыскать какія либо средства для устройства дома. А между тѣмъ домъ стоялъ пустой, въ немъ былъ только

одинъ сторожъ; домъ приходилъ въ запустѣніе и въ ветхость. Это обстоятельство подало поводъ директору Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ ходатайствовать о передачѣ дома музеямъ, помѣщеніе которыхъ становилось тѣснымъ въ бывшемъ домѣ Пашкова. И генералъ-адъютантъ Исаковъ, и гофмейстеръ Дашковъ, оба неотступно просили моего согласія на эту уступку. Но я не терялъ надежды и не только не соглашался докладывать объ этомъ князю Горчакову, но даже убѣдительно просилъ его не поддаваться никакимъ просьбамъ и твердо отстаивать собственность министерства. Это уже происходило въ апрѣлѣ 1868 года. Тогда я писалъ г. Мартынову и просилъ его изготовить соображенія и смѣты того, что можно было бы на первое время сдѣлать, чтобы хоть какъ-нибудь приспособить домъ и перенести въ него драгоцѣнности архива.

Архитекторъ Мартыновъ долженъ былъ совѣтоваться съ директоромъ архива, котораго требованія были совсѣмъ иного рода. Онъ хлопоталъ болѣе о витринахъ и о томъ, чтобы комнаты носили названія: Золотая палата, Царская палата, Боярская палата и пр. Наконецъ, въ декабрѣ 1868 года, Мартыновъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ мнѣ планы для перестройки дома. Тогда же онъ показалъ мнѣ приложенный къ его изданію рисунокъ, изображающій домашнюю церковь въ томъ видѣ, какъ она была, когда домъ принадлежалъ боярамъ Нарышкинымъ. Какъ ни желалъ я возстановленія ея въ этомъ видѣ, но объ этомъ я не смѣлъ и думать. Надобно было заботиться о необходимомъ, и хотя проектъ перестройки дома мнѣ вовсе не понравился, я долженъ былъ согласиться, что лучше перестроить его такъ, чѣмъ еще долѣе оставлять разрушаться. Въ этомъ видѣ перестройка не стоила бы большихъ денегъ и нужную сумму директоръ хозяйственнаго департамента нашелъ возможнымъ внести въ смѣту министерства. Назначено было даже вознагражденіе архитектору. Но въ апрѣлѣ 1869 года г. Мартыновъ уже писалъ мнѣ, что онъ поссорился съ княземъ Оболенскимъ и находитъ большія затрудненія для начатія работъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и 21-го мая 1869 года я имѣлъ съ нимъ длинныя совѣщанія по этому предмету. Все это ни къ чему не послужило и Мартыновъ просилъ отставки. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 12-го марта 1870 года онъ увѣдомилъ меня, что оставляетъ службу при архивѣ.

II.

Въ апрѣлѣ 1870 года я, сохраняя свои обязанности при государственномъ канцлерѣ, былъ назначенъ директоромъ департамента личнаго состава хозяйственныхъ дѣлъ, и тогда же я поставилъ себѣ правиломъ употребить всѣ мои старанія, чтобы осуществить лелѣемую мысль о перестройкѣ дома Московскаго архива.

Въ августѣ того же года Государю Императору благоугодно было назначить меня для сопровожденія Его Величества въ Москву. Я воспользовался представляющимся мнѣ случаемъ и наканунѣ моего отъѣзда отправилъ въ Москву архитектора министерства Дорогулина, поручивъ ему осмотрѣть зданіе, предназначенное для архива министерства.

20-го августа Государь Императоръ выѣхалъ въ Москву, и я находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Его Величество. Во время пути я нашелъ случай доложить Государю о положеніи дѣла архивскаго дома, и испросилъ соизволенія заняться этимъ дѣломъ и изыскать средства для приступленія къ перестройкѣ дома. Государь, благосклонно выслушавъ меня, изволилъ сказать, что самъ находитъ необходимымъ безотлагательно заняться этимъ дѣломъ, предоставивъ мнѣ сдѣлать всѣ нужныя соображенія.

22-го августа прибыли ко мнѣ въ мою квартиру въ Кремлевскомъ дворцѣ (Государь жилъ въ Петровскомъ дворцѣ) директоръ архива князь Оболенскій и архитекторъ Дорогулинъ, и послѣ долгихъ переговоровъ мы отправились втроемъ осматривать домъ бывшаго Горнаго правленія.

На другой день я имѣлъ по этому же поводу длинное совѣщаніе съ бывшимъ архитекторомъ Московскаго архива, Мартыновымъ. Въ тотъ же день былъ въ Петровскомъ дворцѣ большой банкетъ, на который были приглашены всѣ военные и гражданскіе высшіе чины. Послѣ обѣда Государь подозвалъ меня и князя Оболенскаго, и сему послѣднему изволилъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ изъявить свою волю, чтобы домъ Горнаго правленія былъ перестроенъ и приспособленъ для архива, съ строгимъ соблюденіемъ всего нужнаго, безъ фантазій, какія были допущены при перестройкѣ дома Романовыхъ.

24-го августа князь Оболенскій привезъ ко мнѣ архитектора Реймерса, помощника Тона по постройкѣ храма Спасителя. Г. Реймерсъ

славился въ Москвѣ своею честностію, знаніемъ и вкусомъ. Дорогулинъ былъ также у меня и мы вчетверомъ имѣли долгое совѣщаніе по дѣлу о перестройкѣ. Я начертилъ Реймерсу, какъ умѣлъ, какъ бы я желалъ, чтобы домъ былъ перестроенъ и просилъ его заняться изготовленіемъ плановъ и рисунковъ, и прислать ихъ мнѣ въ Петербургъ. При распредѣленіи комнатъ въ новомъ архивскомъ зданіи я обратилъ особенное вниманіе на приличное помѣщеніе для постороннихъ лицъ, желающихъ заниматься историческими изслѣдованіями и разработками архивскихъ дѣлъ. Я указалъ также на тѣ комнаты, въ которыхъ я предполагалъ помѣстить библіотеку, чтобы она могла быть доступна для всѣхъ занимающихся въ архивѣ лицъ.

25-го августа 1870 г. Государь Императоръ со всею свитою выѣхалъ изъ Москвы въ Царское Село.

23-го сентября архитекторъ Реймерсъ пріѣхалъ изъ Москвы и я имѣлъ съ нимъ въ Царскомъ Селѣ разговоръ о перестройкѣ архива, длившійся очень долго. На другой день я пріѣзжалъ нарочно въ городъ, чтобы видѣться съ Реймерсомъ, котораго принялъ въ департаментѣ и съ которымъ опять имѣлъ длинное совѣщаніе.

16-го ноября 1870 года генералъ-адъютантъ Исаковъ посѣтилъ меня и настойчиво просилъ согласиться на уступку архивскаго дома Румянцевскому музею, котораго помѣщеніе въ Пашковскомъ домѣ становилось тѣсно. Я всячески отстаивалъ собственность министерства, и наконецъ убѣдилъ генерала Исакова не дѣлать никакихъ новыхъ попытокъ передъ канцлеромъ или другими путями.

1-го февраля 1871 года я получилъ письмо отъ архитектора Реймерса, котораго ждалъ съ нетерпѣніемъ. Онъ писалъ мнѣ, что долго былъ боленъ и потому замедлилъ пріѣздомъ въ Петербургъ съ планами, которые уже готовы.

9-го февраля пріѣхалъ ко мнѣ мой хорошій знакомый, Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ, другъ гг. Каткова и Леонтьева, и передалъ мнѣ весьма непріятную новость. Московскимъ публицистамъ пришла въ голову мысль хлопотать о передачѣ имъ назначеннаго для архива дома для устройства въ немъ созданнаго ими лицея Цесаревича Николая. Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ ограничился только просьбою принять пріѣхавшаго изъ Москвы Леонтьева. Я не могъ въ томъ отказать, но тогда же не скрылъ, что употреблю всѣ усилія, чтобы въ ходатайствѣ Леонтьева ему было отказано.

На другой день Леонтьевъ былъ у меня и я выдержалъ цѣлую бурю. Послѣ длинныхъ переговоровъ, я объявилъ ему самымъ като-

горическимъ образомъ, что теперь особенно, когда я наконецъ имѣю полную надежду достигнуть цѣли, я не могу согласиться на передачу дома, что я поставилъ себѣ задачею соорудить памятникъ царствованію императора и министерству князя А. М. Горчакова, что если мнѣ не удастся отстоять мое любимое дѣтище, то я немедленно буду просить увольненія отъ службы и проч. Я передалъ все это канцлеру и просилъ убѣдительно не уступать. Князь Горчаковъ успокоилъ меня и, дѣйствительно, когда 17-го февраля Леонтьевъ послѣ того, какъ уже два раза не былъ принимаемъ, наконецъ былъ допущенъ къ канцлеру, то князь съ перваго же слова ему наотрѣзъ отказалъ въ его притязаніяхъ.

Въ тотъ же день явился ко мнѣ пріѣхавшій изъ Москвы А. А. Пороховщиковъ. Онъ занимался подрядами по постройкамъ и пріѣхалъ предложить мнѣ свои услуги. Очень много великолѣпныхъ зданій уже было выстроено въ Москвѣ этимъ подрядчикомъ, онъ имѣлъ дѣло и съ министерствомъ юстиціи, для котораго отстраивалъ зданіе судебныхъ учрежденій въ Москвѣ, и особенно съ св. синодомъ. Онъ пользовался хорошей репутаціей и мнѣ показался человѣкомъ знающимъ свое дѣло и добросовѣстнымъ. Конечно, я еще не могъ ничего рѣшить, но обѣщалъ имѣть его въ виду, когда дѣло настолько подвинется, что можно будетъ приступить къ подрядамъ.

21-го февраля Реймерсъ пріѣхалъ ко мнѣ съ изготовленными имъ проэктами плановъ. Они мнѣ чрезвычайно понравились, и такъ какъ Пороховщиковъ явился ко мнѣ въ то же время, то я имѣлъ долгое совѣщаніе съ обоими этими господами о способѣ приступленія къ постройкѣ.

На другой день Пороховщиковъ представилъ мнѣ въ длинной запискѣ свои соображенія о работахъ по постройкѣ. Реймерса же я повелъ къ канцлеру, которому онъ показалъ свои планы и рисунки. Все это очень понравилось князю Горчакову и онъ оставилъ у себя планы, чтобы представить ихъ на воззрѣніе Государя Императора.

23-го февраля канцлеръ при всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору представилъ Его Величеству планы архива, которые удостоились Высочайшаго одобренія.

На другой день Реймерсъ уѣхалъ въ Москву, получивъ отъ меня порученіе заняться смѣтою нужныхъ для перестройки расходовъ.

Нѣсколько разъ еще возобновлялись домогательства гг. Каткова и Леонтьева. Княгиня Трубецкая просила меня уступить, и послѣ по-

стоянныхъ моихъ отказовъ обратилась къ князю Орлову, съ которымъ я друженъ, и просила его употребить все свое вліяніе, чтобы уговорить меня.

3-го мая я получилъ письмо отъ Реймерса, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что планы дома совершенно окончены, и что онъ занимается смѣтою. Я писалъ къ нему въ отвѣтъ, что прошу его доставить мнѣ приблизительную смѣту, дабы я могъ окончить это дѣло до отъѣзда Государя и канцлера.

13-го мая Реймерсъ пріѣхалъ изъ Москвы и привезъ окончательные планы, отъ которыхъ я былъ въ восторгѣ. Я показывалъ ихъ канцлеру, которому они также очень понравились.

14-го мая канцлеръ имѣлъ у Государя Императора всеподданнѣйшій докладъ и повезъ съ собою архитектора Реймерса, который показывалъ и объяснялъ Его Величеству планы, которые удостоились Высочайшаго утвержденія.

Тогда канцлеръ написалъ къ министру финансовъ и просилъ его меня принять. 16-го мая я отправился къ М. Х. Рейтерну и, показавъ ему планы перестройки архивнаго дома, изложилъ ему всѣ подробности придуманной мною комбинаціи для того, чтобы намъ отпущены были требуемыя по смѣтѣ 275,000. Я предлагалъ ему принять въ залогъ новый и старый дома архива на 37 лѣтъ, а проценты съ ссуды вмѣстѣ съ погашеніемъ внести въ бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что составило бы не болѣе 15,000 въ годъ. Министру финансовъ очень понравились планы и онъ объявилъ мнѣ, что не любя долгосрочныхъ займовъ, предпочитаетъ прямо отпустить 275,000, сказавъ, что для этого нужно внести дѣло въ государственный совѣтъ и для того, чтобы оно тамъ не встрѣтило затрудненій со стороны предсѣдателя департамента экономіи, онъ совѣтовалъ мнѣ просить канцлера написать къ генералу К. В. Чевкину un petit billet comme nul ne sait mieux les écrire, и увѣрилъ меня, что не сомнѣвается въ успѣхѣ. Тогда же я заявилъ министру финансовъ, что какъ скоро перестройка дома будетъ окончена и архивъ перевезенъ, старый домъ архива будетъ переданъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Прямо отъ М. Х. Рейтерна я побѣжалъ къ князю Горчакову и, передавъ ему весь нашъ разговоръ, просилъ дать мнѣ рекомендательное письмо къ генералу Чевкину, не забывъ повторить выраженіе Рейтерна. Канцлеръ дѣйствительно тотчасъ же написалъ превосходную записку, съ которою я немедленно отправился къ генералу Чевкину. Онъ вышелъ ко мнѣ, послѣ того какъ прочиталъ записку князя, и встрѣтилъ меня словами: Vous enfoncez une porte ouverte,

увѣрилъ меня въ полномъ сочувствіи къ дѣлу, сказалъ, что планы ему очень нравятся, что онъ видитъ несомнѣнную пользу отъ перестройки зданія архива и вполнѣ успокоилъ меня, что въ государственномъ совѣтѣ дѣло будетъ несомнѣнно рѣшено въ пользу министерства.

Этотъ день я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни,—такъ легко все это сдѣлалось, что я не вѣрилъ своему счастію.

Въ тотъ же день я ѣздилъ къ графу Д. А. Толстому, оберъ-прокурору св. синода, и къ директору хозяйственнаго управленія, Лаврову, которые имѣли много дѣла съ Пороховщиковымъ, о благонадежности котораго я хотѣлъ собрать справки. Они оба рекомендовали мнѣ его съ самой лучшей стороны, такъ что и въ этомъ отношеніи я былъ обезпеченъ.

18-го мая Реймерсъ, уѣзжая въ Москву, былъ у меня и мы съ нимъ условились во всемъ, что касалось постройки: на счетъ смѣты, вознагражденія ему и проч. Мы рѣшили, что какъ только онъ мнѣ пришлетъ смѣты, я поѣду въ Москву для торговъ на подряды. Въ тотъ же день министерствомъ внесено было въ государственный совѣтъ представленіе объ ассигнованіи 275,000 на перестройку архивнаго зданія.

27-го іюня Реймерсъ привезъ мнѣ планы, смѣты и проч. Мы имѣли въ этотъ и послѣдующій день длинныя совѣщанія о томъ, какъ приступить къ работамъ и проч.

12-го іюля меня посѣтилъ князь Ливенъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Москвѣ, и я воспользовался этимъ, чтобы просить его ускорить утвержденіемъ плановъ и смѣтъ, чего только я ждалъ, чтобы отправиться въ Москву.

16-го іюля уже Реймерсъ писалъ мнѣ, что планы и смѣты представлены къ утвержденію.

На другой день я долго бесѣдовалъ съ Пороховщиковымъ на счетъ подряда работъ по перестройкѣ.

29-го іюля я получилъ письмо отъ Реймерса, которымъ онъ извѣщалъ меня, что все готово и что я могу пріѣхать въ Москву.

1-го августа я выѣхалъ въ Москву, куда прибылъ на другой день. Въ тотъ же день я былъ съ визитомъ у генералъ-губернатора князя Долгорукова. Въ этотъ день я не засталъ ни князя Оболенскаго, который былъ у себя въ деревнѣ, ни Реймерса, котораго я тщетно искалъ въ Храмѣ Спасителя.

На другой день уже рано поутру явились ко мнѣ Пороховщиковъ и Реймерсъ. Послѣднему было поручено пригласить другихъ под-

рядчиковъ представить свои цѣны въ запечатанныхъ пакетахъ, и три таковыхъ пакета доставилъ мнѣ Реймерсъ. По распечатаніи ихъ оказалось, что одинъ просилъ 276,000, другой 270,000, а третій—Пороховщиковъ—267,000, такъ что за нимъ долженъ былъ и остаться подрядъ. Мы имѣли долгое совѣщаніе о всевозможныхъ подробностяхъ веденія дѣла.

4-го августа Пороховщиковъ опять былъ у меня и такъ какъ по расчету моему отпущенныхъ денегъ, за уплатою 267,000 Пороховщикову, не достаточно было для омеблировки, вознагражденія архитектора и проч., то я долго торговался еще и настаивалъ на уступкѣ. Реймерсъ привезъ ко мнѣ выбраннаго имъ себѣ въ помощники архитектора Рахау, который съ перваго же раза мнѣ весьма понравился. Послѣ долгихъ переговоровъ, чтобы свести концы съ концами, я вынужденъ былъ согласиться на измѣненіе плана дома, который слѣдовало выстроить для помѣщенія директора и чиновниковъ архива. На устройство 600 шкаповъ, считая по 60 руб., нужно было 36,000, 14,000 я полагалъ на вознагражденіе архитектора, слѣдовательно, нужно было уменьшить сумму подряда на 60,000. Я предоставилъ архитекторамъ и подрядчикамъ сдѣлать новыя соображенія. Мы отправились осматривать зданіе. Пороховщиковъ послѣ этого повезъ меня въ зданіе судебныхъ учрежденій, имъ же отстроенное, и я долженъ былъ отдать справедливость его умѣнью. Все произвело на меня самое лучшее впечатлѣніе и давало мнѣ надежду, что и наше зданіе будетъ тоже хорошо отстроено.

5-го августа Реймерсъ принесъ мнѣ новый планъ и смѣту директорскаго дома въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Долго еще мы разсуждали и спорили, и наконецъ я убѣдилъ Пороховщикова согласиться на требуемую уступку. Такъ мы рѣшили, что по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, и Пороховщиковъ туда пріѣдетъ для подписанія контракта.

6-го августа я выѣхалъ изъ Москвы обратно въ Петербургъ, и по прибытіи тотчасъ отдалъ подробный отчетъ моей поѣздки товарищу министра — Вестману.

9-го августа пріѣхалъ Пороховщиковъ и я поручилъ главному сотруднику моему по департаменту, дѣлопроизводителю Никонову, вести съ нимъ всѣ переговоры по заключенію контракта. Три дня продолжались пренія, я выслушивалъ доклады Никонова и соображенія Пороховщикова, наконецъ контрактъ былъ подписанъ.

III.

23-го августа 1871 г. Пороховщиковъ опять былъ въ Петербургѣ и сообщилъ мнѣ, что всѣ работы уже начаты. Впослѣдствіи онъ пріѣзжалъ еще 28-го сентября и 27-го ноября, а Реймерсъ 31-го декабря, и всякій разъ онъ въ подробности сообщалъ мнѣ о ходѣ работъ, которыя подвигались довольно быстро.

5-го января 1872 г. Реймерсъ уѣхалъ обратно въ Москву.

18-го мая Пороховщиковъ пріѣзжалъ изъ Москвы, далъ мнѣ отчетъ о ходѣ постройки, и получилъ сумму денегъ въ уплату.

6-го іюня Государь Императоръ изволилъ отправиться въ Москву на промышленную выставку въ сопровожденіи Ихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича, Цесаревны и Владиміра Александровича. Мнѣ Высочайше повелѣно было состоять въ свитѣ Его Величества и мы прибыли въ Москву 6-го іюня въ 11½ часовъ вечера.

Все слѣдующеее утро было посвящено осмотру выставки. По возвращеніи моемъ во дворецъ, я нашелъ уже у себя архитектора Реймерса, который далъ мнѣ отчетъ о постройкѣ. Онъ посѣтилъ меня и на другой день, но тотъ какъ и этотъ день весь прошелъ на выставкѣ, потомъ на банкетѣ и въ театрѣ, то на осмотръ зданія архива я могъ отправиться лишь 9-го іюня. Я нашелъ, что еще мало очень было сдѣлано, и что въ концѣ лѣта мнѣ надобно будетъ опять пріѣхать въ Москву.

11-го іюня мы выѣхали изъ Москвы обратно въ Петербургъ.

9-го октября Пороховщиковъ былъ у меня и отдалъ мнѣ отчетъ о постройкѣ.

На другой день я выѣхалъ въ Москву въ сопровожденіи М. Н. Никонова и А. А. Пороховщикова. Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ ко мнѣ явились архитекторы Реймерсъ и Рахау, а поутру 11-го октября мы всѣ отправились на постройку. Я осматривалъ все въ подробности; многое было сдѣлано послѣ моего отъѣзда изъ Москвы, въ іюнѣ, и я остался очень доволенъ. Уже можно было судить о томъ, что выйдетъ изъ перестроиваемаго зданія. Директорскій домъ былъ уже готовъ снаружи. Изъ архивскаго дома мы отправились осматривать Межевую канцелярію, въ которой, какъ меня увѣряли, очень хороша омеблировка архива, особенно практичны шкапы. Но я не счелъ ихъ для насъ пригодными. Я посѣтилъ въ тотъ же день директора архива князя Оболенскаго, который уже былъ боленъ. Онъ настаивалъ на старой формѣ шкаповъ, и слышать не хотѣлъ о

какихъ-либо улучшеніяхъ. Вообще я нашелъ его очень слабымъ и предвидѣлъ, что надобно будетъ отыскать для него другое положеніе, напримѣръ, придворное, чтобы на его мѣсто назначить другого директора.

12-го и 13-го числа я оба утра былъ занятъ съ Пороховщиковымъ и обоими архитекторами и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для дальнѣйшаго хода работъ.

10-го и 11-го ноября Пороховщиковъ въ бытность въ Петербургѣ былъ у меня съ отчетомъ о постройкѣ.

16-го ноября былъ у меня Реймерсъ и мы долго толковали о постройкѣ.

13-го января 1873 года князь Оболенскій, пріѣхавшій изъ Москвы три дня тому назадъ, скоропостижно скончался. Государственный канцлеръ рѣшилъ на его мѣсто назначить барона Бюлера—выборъ вполнѣ счастливый.

19-го и 21-го января переговоры съ Пороховщиковымъ.

31-го марта архитекторъ Реймерсъ былъ у меня и мы вели длинные переговоры о постройкѣ, между прочимъ о квартирѣ для барона Бюлера.

Въ это время баронъ Бюлеръ пріѣхалъ изъ Москвы, и 2-го апрѣля у меня собрались Реймерсъ, баронъ Бюлеръ и Никоновъ для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ, касающихся постройки.

14-го мая Пороховщиковъ привезъ мнѣ письмо отъ барона Бюлера объ архивѣ и передалъ мнѣ свѣдѣнія о ходѣ постройки.

Лѣтомъ этого года я сопровождалъ государя императора Александра Николаевича за границу и по возвращеніи освѣдомлялся о ходѣ работъ въ Москвѣ. 26-го іюля Пороховщиковъ привезъ мнѣ извѣстіе, что работы подвигаются и идутъ весьма успѣшно, но что, къ сожалѣнію, Реймерсъ постоянно боленъ.

25-го августа я получилъ письмо отъ Реймерса, который убѣдительно просилъ меня пріѣхать въ Москву, а 27-го августа Пороховщиковъ пріѣзжалъ просить меня отложить поѣздку въ Москву, по случаю болѣзни Реймерса. Я рѣшилъ, что поѣду на дняхъ и писалъ къ Реймерсу, чтобы ему объявить объ этомъ и успоконть.

3-го сентября я пріѣхалъ въ Москву и въ тотъ же день баронъ Бюлеръ, Пороховщиковъ и больной Реймерсъ были у меня. Съ ними и съ М. Н. Никоновымъ, который со мной пріѣхалъ изъ Петербурга, мы поѣхали въ зданіе архива. Я былъ въ восторгѣ отъ всего, что я видѣлъ, работы подвинулись съ большимъ успѣхомъ. Въ архитектурномъ отношеніи я ничего не могъ желать лучшаго. Мы осматривали

все зданіе во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и пробыли тамъ болѣе двухъ часовъ.

На другой день по утру рано прибыли ко мнѣ Реймерсъ со своимъ помощникомъ Рахау и Пороховщиковъ. Сей послѣдній представилъ мнѣ цѣлый списокъ вопросовъ, которые мы тщательно разбирали и рѣшали. Эти переговоры были нами возобновлены и на слѣдующій день, 5-го сентября. Тогда же мы опять всѣ собрались въ архивѣ и занялись окончательнымъ распредѣленіемъ залъ, толковали о шкапахъ и пр. Въ тотъ же день я уѣхалъ обратно въ Петербургъ.

12-го сентября уже Пороховщиковъ привезъ мнѣ рисунки шкаповъ.

Въ департаментѣ моемъ были недовольны Пороховщиковымъ и старались возстановить противъ него Реймерса, что причинило мнѣ не мало неудовольствія и хлопотъ. Между тѣмъ Реймерсу все становилось хуже. На него сильно подѣйствовали интриги въ дѣлѣ о постройки храма Христа Спасителя, а еще болѣе то обстоятельство, что при обнаженіи наружной стѣны церкви архивскаго дома оказалась трещина, которой онъ при составленіи смѣты видѣть не могъ; вслѣдствіе чего нужно было всю стѣну разобрать и поставить новую, что требовало сверхсмѣтнаго расхода.

21-го сентября 1873 г. сынъ Реймерса привезъ отца своего въ Петербургъ и разсказалъ мнѣ о всѣхъ непріятностяхъ, испытанныхъ его отцемъ и причинившихъ такое разстройство организма, что опасались, чтобы онъ не лишился разсудка.

Пороховщиковъ также пріѣхалъ изъ Москвы и 22-го сентября мы имѣли длинное совѣщаніе о постройкѣ.

19-го октября мнѣ принесли модель шкаповъ для архива; такъ какъ она была исполнена по моимъ указаніямъ, то я не могу не одобрить ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ были у меня Пороховщиковъ и Рахау, который заступилъ Реймерса, и мы разсматривали сверхсмѣтные расходы и смѣту омеблировки архива, что продолжалось и на слѣдующій день. Я призывалъ многихъ петербургскихъ столяровъ и мебельныхъ мастеровъ и показывалъ имъ модель шкаповъ, но цѣны всѣхъ ихъ оказались гораздо выше предложенной Пороховщиковымъ и я рѣшился и этотъ подрядъ отдать ему же.

27-го октября я былъ у министра финансовъ и объяснилъ ему необходимость назначенія добавочной суммы, такъ какъ церковная стѣна не входила въ предварительную смѣту, и къ тому же еще нуженъ былъ довольно значительный расходъ на омеблировку. Я просилъ назначить еще 75,000, на что М. Х. Рейтернъ весьма обязательно согласился.

7-го декабря Пороховщиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ и далъ мнѣ отчетъ о работахъ по постройкѣ.

19-го декабря Пороховщиковъ опять пріѣзжалъ изъ Москвы и мы долго работали съ нимъ надъ сверхсмѣтными расходами. Совѣщаніе наше повторилось и въ слѣдующіе два дня. Пороховщиковъ жаловался на притѣсненія со стороны департамента и мнѣ стоило большихъ трудовъ привести ихъ къ соглашенію.

18-го января 1874 года я подписалъ новый контрактъ съ Пороховщиковымъ на поставку архивскихъ шкаповъ и мебели.

Въ февралѣ Пороховщиковъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ Москвы и всякій разъ мы имѣли длинныя совѣщанія о ходѣ работъ въ архивскомъ зданіи.

27-го февраля я выѣхалъ въ Москву, въ сопровожденіи М. Н. Никонова, и на другой день послѣ переговоровъ съ Пороховщиковымъ и Реймерсомъ мы всѣ отправились въ архивъ. Я осматривалъ всѣ работы во всѣхъ подробностяхъ и нашелъ все въ лучшемъ видѣ и сильно подвинувшимся. Мы ѣздили также къ художнику, который работалъ надъ иконостасомъ для церкви, и я дѣлалъ замѣчанія о желаемыхъ перемѣнахъ. Переговоры мои съ Пороховщиковымъ, Реймерсомъ и Рахау продолжались и на другой день цѣлое утро.

1-го марта я выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

9-го марта меня посѣтилъ бывшій архитекторъ московскаго архива Мартыновъ, который сообщилъ мнѣ, что нашелъ въ имѣніи Кунцовѣ, принадлежащемъ нынѣ Солдатенкову и нѣкогда принадлежавшемъ Нарышкинымъ, иконы, вывезенныя изъ церкви московскаго дома, нынѣ архива, что можно хлопотать о возвращеніи ихъ на старое мѣсто, что онъ нашелъ также нѣкоего купца, который согласился бы быть старостой архивской церкви и содержать на свой счетъ причтъ, пѣвчихъ и проч. Когда я доложилъ объ этомъ канцлеру, ему очень понравилась эта идея и онъ увѣрилъ меня, что будетъ ходатайствовать объ орденѣ Станислава 3-й ст. для старосты. Тогда же я написалъ письмо къ купцу Кафтанникову и благодарилъ за изъявленную имъ готовность принять званіе церковнаго старосты.

3-го апрѣля я ѣздилъ къ митрополиту московскому, бывшему тогда въ Петербургѣ, и ходатайствовалъ передъ нимъ о возвращеніи въ архивскую церковь находящихся въ Кунцовѣ иконъ, на что преосвященный изъявилъ свое согласіе.

19-го апрѣля я получилъ телеграмму отъ барона Бюлера, которой онъ увѣдомилъ меня, что приступилъ къ укладкѣ архивскихъ дѣлъ для перевоза ихъ въ новый домъ.

По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія, въ которомъ я имѣлъ счастіе сопровождать государя императора Александра Николаевича, Пороховщиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ, 9-го іюля, отдать отчетъ о работахъ въ архивѣ. 12-го и 13-го іюля онъ опять былъ у меня и мы уже толковали объ освященіи архивскаго зданія. Я посылалъ на монетный дворъ справиться о цѣнахъ за выбитіе медалей по случаю предстоящаго освященія.

13-го іюля я ѣздилъ къ министру финансовъ на Каменный островъ ходатайствовать о пенсіи для архитектора Реймерса.

16-го управлявшій министерствомъ Вестманъ возилъ въ Царское Село изготовленные мною всеподданнѣйшіе доклады о наградахъ для Реймерса и Рахау и государю императору благоугодно было изъявить согласіе на эти награды.

Въ тотъ же день М. Н. Никоновъ отправился въ Москву, гдѣ я поручилъ ему сдѣлать всѣ распоряженія для освященія дома. Онъ не очень былъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ въ Москвѣ, и писалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы отложить освященіе. Но Пороховщиковъ увѣрялъ меня, что все готово и убѣждалъ не откладывать пріѣзда моего въ Москву.

20-го іюля 1874 г. я выѣхалъ въ Москву.

На другое утро я видѣлъ прежде всѣхъ Никонова. Я назначилъ его и двухъ другихъ чиновниковъ департамента членами коммисіи для пріема зданія. Но они еще ничего не начинали. Никоновъ всѣмъ былъ недоволенъ. Я же, когда отправился въ архивъ съ Бюлеромъ, не могъ не остаться довольнымъ всѣмъ, что я увидѣлъ. Я осматривалъ всѣ залы во всѣхъ подробностяхъ, также домъ, выстроенный вновь для квартиры директора и двухъ чиновниковъ. Все мнѣ чрезвычайно нравилось и мы сообща совѣщались о назначенномъ на другой день освященіи.

IV.

22-го іюля 1874 года—замѣчательное для меня число. Въ этотъ день долженъ былъ быть положенъ вѣнецъ столь долго лелѣяннаго мною дѣла, которое мнѣ удалось довершить до конца. Поутру явился ко мнѣ Реймерсъ благодарить за чинъ и я вручилъ ему еще денежную награду. Рахау получилъ подарокъ изъ кабинета: брилліантовый перстень. Я представлялъ его къ ордену, но узналъ, что къ тому же ордену онъ уже былъ представленъ московскимъ генералъ-губерна-

торомъ за службу его при храмѣ Христа Спасителя. Пороховщиковъ принесъ мнѣ списокъ рабочихъ и десятскихъ и пр., которымъ всѣмъ назначены были: однимъ—медали, другимъ—денежныя награды. Въ 12 часовъ я прибылъ въ архивъ и занялся еще послѣдними распоряженіями. Въ числѣ приглашенныхъ находились и дамы: княгиня Хилкова, дочь князя Оболенскаго, и госпожа Полуэктова, которой мужъ служилъ въ архивѣ. Тутъ же были гофмаршалъ графъ Ламсдорфъ, совѣтникъ придворной конторы Сухотинъ, оберъ-полиціймейстеръ Араповъ, городской голова Шумахеръ, профессоръ С. М. Соловьевъ и много другихъ ученыхъ и въ числѣ ихъ Рамбо, французъ, занимавшійся изслѣдованіями по русской исторіи. Архимандритъ Леонтій былъ приглашенъ служить благодарственное молебствіе. Мы отправились всѣ въ церковь, которая одна оставалась неоконченною, потому что, по случаю возведенія новой стѣны, нельзя было приступить къ штукатуркѣ, окраскѣ и отдѣлкѣ церкви. Послѣ молебствія и провозглашенія долголѣтія Государю, августѣйшему дому и государственному канцлеру, мы обошли процессіей всѣ залы, которыя были окроплены святою водою. Я объявилъ о пожалованныхъ высочайшихъ наградахъ и роздалъ нѣкоторымъ рабочимъ пожалованныя имъ медали. Въ нижнемъ этажѣ, въ большой залѣ, назначенной для занятій чиновниковъ архива, былъ сервированъ завтракъ, за которымъ провозглашены были тосты за здравіе государя императора, государственнаго канцлера. Директоръ архива провозгласилъ тостъ за мое здоровье, на который я отвѣчалъ тостомъ за здравіе архитекторовъ, строителя и директора. Всѣмъ розданы были на память событія золотыя, серебряныя и бронзовыя медали. Въ тотъ же день мною отправлены поздравительныя телеграммы государю императору и государственному канцлеру.

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ обратно въ Петербургъ, оставивъ въ Москвѣ коммисію подъ предсѣдательствомъ Никонова для повѣрки всѣхъ счетовъ, пріема зданія и передачи его директору, барону Бюлеру. Моя дѣятельность была окончена.

29-го іюля Пороховщиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Коммисія, оставленная мною въ Москвѣ, не только ничего не сдѣлала, но даже еще не начинала своей работы. Бѣдный Реймерсъ окончательно расхворался. Въ тотъ же день я получилъ письмо отъ Никонова, который просилъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ, такъ какъ пока коммисія не можетъ начать своихъ работъ.

Въ концѣ августа Государь Императоръ долженъ былъ ѣхать въ Москву на нѣсколько дней. Мнѣ хотѣлось воспользоваться этимъ

случаемъ, чтобы ходатайствовать у Его Величества посѣщенія архива, который я самъ хотѣлъ показать Государю. 20-го августа, наканунѣ отъѣзда Его Величества, я отправился въ Москву. По пріѣздѣ туда, я ожидалъ на станціи прибытія царскаго поѣзда и тутъ же министръ двора, графъ А. В. Адлербергъ, объявилъ мнѣ, что Государю Императору угодно было назначить на завтрашнее число посѣщеніе архива. Въ то же утро я отправился, послѣ выхода во дворцѣ, въ архивъ, гдѣ нашелъ барона Бюлера со всѣми чиновниками и Пороховщикова. Всѣ дѣла изъ стараго дома уже были перевезены въ новый и размѣщены въ шкапахъ. Все было въ отличномъ порядкѣ и готово къ принятію августѣйшаго гостя.

22-го августа 1874 г. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ осчастливилъ архивъ своимъ посѣщеніемъ. Я сопровождалъ Его Величество по всему зданію и подробно объяснялъ все. Обходъ этотъ продолжался полчаса и, уѣзжая, Государь милостиво подалъ мнѣ руку, благодарилъ и изволилъ сказать, что остался вполнѣ довольнымъ постройкою, приказавъ при этомъ телеграфировать о томъ государственному канцлеру.

На другой день, на банкетѣ у князя Долгорукова, на который и я былъ приглашенъ, Государь Императоръ милостиво разговаривалъ со мною о видѣнномъ Его Величествомъ въ архивѣ и снова повторилъ, что очень доволенъ приведеніемъ этого дѣла къ концу, за что еще разъ изволилъ меня благодарить.

Въ концѣ сентября управлявшій министерствомъ Вестманъ ѣздилъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть зданіе архива и возвратился вполнѣ довольный всѣмъ видѣннымъ.

8-го октября 1874 г. я вновь ѣздилъ къ министру финансовъ ходатайствовать о пенсіи Реймерсу, которую онъ и получилъ, и хотя совсѣмъ больной, пріѣзжалъ меня благодарить.

Директоръ архива заказалъ мой портретъ масляными красками. Художникъ, которому я далъ нѣсколько сеансовъ, принесъ мнѣ его по окончаніи. Я показывалъ этотъ портретъ государственному канцлеру, который изъявилъ согласіе на помѣщеніе этого портрета въ одной изъ залъ архива.

Къ сожалѣнію, осталась неоконченною только церковь при архивскомъ домѣ, когда я, вслѣдствіе назначенія моего въ Швейцарію, долженъ былъ уѣхать изъ Россіи. Церковь была освящена лишь 29-го мая 1882 года и я считаю долгомъ выразить глубочайшую признательность директору архива, барону Ѳ. А. Бюлеру, и всѣмъ

другимъ лицамъ, вспомнившимъ обо мнѣ въ этотъ день, провозгласившимъ тостъ за мое здоровье и прислawшимъ мнѣ телеграмму, на которую я, по случаю моего отсутствія изъ Берна, могъ отвѣтить только письмомъ на имя барона Бюлера отъ $^{3}/_{15}$ іюня 1882 г., по возвращеніи моемъ въ Бернъ.

А. Ѳ. Гамбургеръ.

Отъ редакціи. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстили здѣсь выдержки изъ Записокъ А. Ѳ. Гамбургера, весьма обязательно сообщенныя имъ ред. „Русской Старины“. Сооруженіе зданія Московскаго государственнаго архива—заслуга величайшая кн. А. М. Горчакова и А. Ѳ. Гамбургера по отношенію къ сохраненію памятниковъ отечественной исторіи. Извѣстно, что архивъ этотъ есть хранилище наиважнѣйшихъ, наидрагоцѣннѣйшихъ хартій, актовъ, грамотъ, дѣлъ посольскихъ и вообще цѣлой массы матеріаловъ для исторіи Россійскаго государства. Изъ напечатанныхъ выше замѣтокъ видно, что если дѣло сооруженія зданія для сего архива вызвало сочувствіе многихъ лицъ, столь просвѣщенныхъ русскихъ государственныхъ мужей, каковы князь А. М. Горчаковъ, К. В. Чевкинъ, М. Х. Рейтернъ, то не мало вызвало, въ особенности въ началѣ, и препятствій, и задержекъ. Но державная воля Императора Александра II дала жизнь всему этому вполнѣ историческому событію. Съ обычною отзывчивостью на все, что служило къ славѣ и величію Россіи, онъ „въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ“ повелѣлъ повести это дѣло такъ, какъ представляли ему дѣльные, просвѣщенные совѣтники, преисполненные сознаніемъ громадной пользы того дѣла, для котораго не жалѣли трудовъ и усилій. Этимъ совѣтникомъ въ настоящемъ дѣлѣ былъ А. Ѳ. Гамбургеръ, дѣйствовавшій то чрезъ кн. А. М. Горчакова, то непосредственно предъ Государемъ, такъ какъ имѣлъ счастіе постоянно пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ въ Бозѣ почивающаго Монарха.

Безпредѣльная признательность всѣхъ ревнителей отечественной исторіи памяти Александра II-го, кн. А. М. Горчакова и глубокая благодарность А. Ѳ. Гамбургеру.

Присоединяемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ о зодчемъ Московскаго архива—Яковѣ Ивановичѣ Реймерсѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ его сынъ:

„Къ свѣдѣніямъ о моемъ покойномъ отцѣ я присоединилъ,—пишетъ К. Я. Реймерсъ,—нѣсколько строкъ, подсказанныхъ мнѣ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности къ лицамъ, съ которыми отцу моему приходилось имѣть отношенія при построеніи зданія архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Строитель зданія главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, академикъ и почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Реймерсъ род. въ С.-Петербургѣ въ 1818 году, окончилъ курсъ въ академіи художествъ въ 1839 году; былъ ученикомъ покойнаго ректора академіи К. А. Тона и затѣмъ помощникомъ его при построеніи въ Москвѣ, освященнаго 26 мая 1883 года, храма во имя Христа Спасителя, съ 1840 года до самаго выхода

въ 1874 году, т. е. свыше 34 лѣтъ, причемъ завѣдывалъ исключительно художественною частью работъ; кромѣ того былъ помощникомъ К. А. Тона при постройкѣ московскаго вокзала Николаевской желѣзной дороги, а со времени порученія, въ 1871 году, построенія зданія главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ состоялъ на службѣ и въ этомъ министерствѣ; былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго архитектурнаго общества и вице-предсѣдателемъ коммисіи этого общества по устройству архитектурнаго отдѣла политехнической выставки 1872 года. Оставилъ службу по болѣзни, отъ которой умеръ въ 1877 году въ С.-Петербургѣ и похороненъ на кладбищѣ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря.

„Безукоризненно честный и прямой человѣкъ, Я. И. Реймерсъ былъ глубоко тронутъ признаніемъ въ немъ этихъ качествъ А. Ѳ. Гамбургеромъ и друг. представителями министерства иностранныхъ дѣлъ, выраженнымъ А. Ѳ. Гамбургеромъ при порученіи ему постройки зданія архива; онъ откровенно заявилъ ему тогда, что, по сложности дѣла, взявъ на себя постройку зданія архива, онъ принужденъ будетъ оставить частныя работы, доставляющія ему необходимое добавленіе къ получаемому по службѣ содержанію, и потому можетъ рѣшиться на это только въ томъ случаѣ, если служба въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ дастъ ему возможность надѣяться обезпечить въ будущемъ семью свою пенсіей. Теплое участіе представителей министерства—А. Ѳ. Гамбургера и М. Н. Никонова, содѣйствовавшихъ, засвидѣтельствованіемъ заслугъ его, осуществленію этого желанія, когда, по причинѣ тяжкой болѣзни, Я. И. Реймерсу пришлось подать въ отставку, до конца жизни запечатлѣно было въ памяти покойнаго и навсегда останется въ памяти благодарной семьи его“.

Константинъ Реймерсъ.

С.-Петербургъ.
4 марта 1884 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

надпись къ портрету В. А. Жуковскаго.

Читая съ особеннымъ интересомъ «Русскую Старину», я нашелъ нѣкоторую неточность, о которой сообщаю на стр. этого изданія теперь же, такъ какъ она касается того поэта, котораго каждый стихъ слишкомъ дорогъ, чтобы допустить въ немъ искаженіе или хотя и незначительное даже измѣненіе.

Видѣвшимъ рукописи Пушкина извѣстно какъ отчетливо онъ относился къ своему слову. Меня же въ особенности убѣдила въ этомъ, показанная мнѣ нѣкогда А. П. Кернъ, черновая рукопись стихотворенія: Я ѣхалъ къ вамъ, живые сны и пр. Эти три строфы, написанныя такъ просто и легко, казалось не стоили поэту ни малѣйшаго труда, а между тѣмъ въ нихъ, сколько я помню, не осталось ни одной строчки безъ поправокъ, а нѣкоторыя слова измѣнены по два раза.

Въ январьской же книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г., въ статьѣ о В. А. Жуковскомъ вотъ какъ, вслѣдъ за извѣстными изданіями собранія соч. Пушкина, передано слѣдующее его стихотвореніе:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Современникъ той эпохи нашей литературы, когда общество относилось къ ней вообще сочувственно, а появлявшіеся стихи Пушкина встрѣчались восторженно и многіе заучивались незамѣтно,—я удержалъ въ памяти надпись поэта къ портрету Жуковскаго такъ, какъ она сдѣлалась извѣстна первоначально:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ времянъ таинственную даль,
Читая ихъ, воспламенится младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Безспорно, времянъ—выразительнѣе, чѣмъ вѣковъ; завистливая даль—черезъ чуръ замысловато; и внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость—стихъ вялый, не Пушкинскій; воспламенится—выражаетъ мысль несравненно поэтичнѣе и полнѣе, чѣмъ только вздохъ о славѣ, да и самый вздохъ понятнѣе о прошломъ, чѣмъ о будущемъ.

Это сличеніе, кажется, можетъ достаточно убѣдить, что стихи, приводимые мною, вѣрнѣе.

Говоря о Пушкинѣ, я оставилъ его имя безъ всякаго прилагательнаго. Ему оно не нужно, тѣмъ болѣе, что наша современная литература слишкомъ злоупотребляетъ словомъ великій, придавая его и такимъ личностямъ, которыя искали только популярности среди молодежи, извращая ея эстетическія понятія своимъ стихотворствомъ.

А. И. Подолинскій.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ

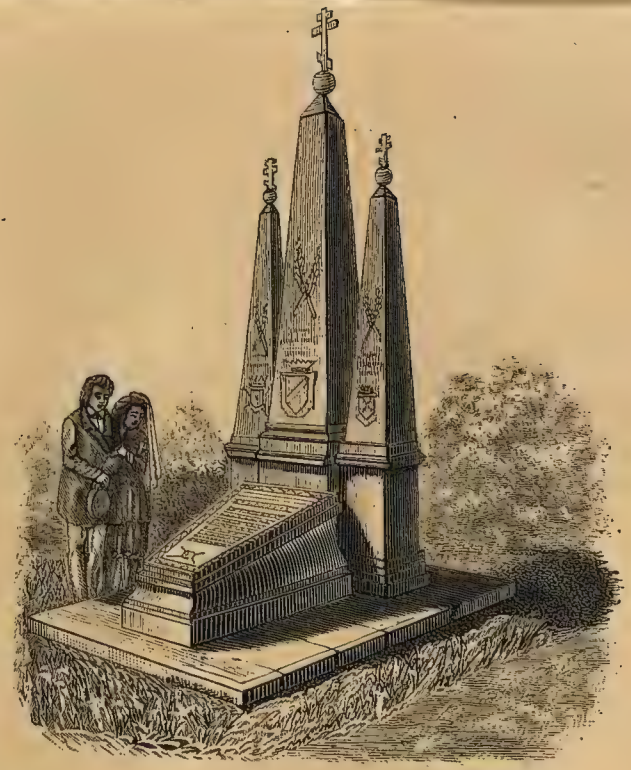
предсмертное его стихотвореніе.

Ты знаешь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхисѣдекъ,
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ
Зачѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ—изчезъ!

Кто мнѣ сообщилъ это стихотвореніе—не помню. Сообщившій утверждалъ, что оно, уже по смерти К. Н. Батюшкова, было замѣчено на стѣнѣ, будто бы написанное углемъ.

А. И. Подолинскій.

проэктъ Н. Б.



проэктъ Н. Б.

Проэкты памятника на общей могилѣ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА и ХРУЩОВА

† 27 Іюня 1740 г.

приложеніе къ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ изд. 1884 г. т. XLII.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Т. М.	1 руб. 60 коп.
12 марта 1884 г. отъ свящ. Ник. Коровшева изъ с. Каратузъ	5 „ — „
А съ прежде поступившими всего . .	1,355 руб. — коп.

Въ виду того, что сумма пожертвованій, поступившихъ на возобновленіе памятника на общей исторической могилѣ Артемія Волынскаго и его страстотерпцевъ, собрана довольно значительная (1,355 р.), ред. «Русской Старины» обратилась къ нѣкоторымъ художникамъ съ просьбою выработать проектъ памятника на этой могилѣ. Академики г. Шуруповъ и Н. Б. доставили чертежи своихъ проектовъ, которые и будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины».

Въ настоящее время мы приглашаемъ этими строками нашихъ художниковъ сообщить еще нѣсколько проектовъ. Приглашаемъ М. О. Микѣшина, г. Опекушина и всѣхъ, кто пожелаетъ подѣлиться эскизами своими на эту тему.

Полагаемъ, что на памятникъ возможно будетъ собрать до 2,000 р. Желательно, дабы части существующаго памятника на могилѣ Волынскаго вошли въ монументъ: именно старинная плита и колонка.

Ред.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666.

С.-Петербургское Славянское благотворительное общество.

5 Апрѣля 1885 г. исполнится 1000 лѣтъ со дня блаженной кончины первоучителя славянъ—св. равноапостольнаго Меѳодія.

Считая священнымъ долгомъ взять на себя починъ въ дѣлѣ чествованія этого дня, С.-Петербургское Славянское благотворительное общество въ общемъ собраніи, состоявшемся 27 марта 1883 г., постановило:

1) издать къ 5 апрѣля 1885 г. общедоступное жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія, въ размѣрѣ одного листа убористой печати, въ количествѣ 100,000 экз., для безплатной разсылки во всѣ православныя церкви и для раздачи народу.

2) Для составителей этого жизнеописанія назначить конкурсъ съ двумя—за лучшіе труды—преміями, одною—въ 300 р. и другою—въ 150 р.

3) Предоставить совѣту Общества сдѣлать объявленіе объ этомъ конкурсѣ съ соблюденіемъ обычныхъ условій.

Во исполненіе этого постановленія, совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества симъ объявляетъ, что желающіе принять участіе въ соисканіи вышеозначенныхъ премій приглашаются составить исторически достовѣрное, ясно и просто изложенное жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія на русскомъ языкѣ, въ размѣрѣ одного листа убористой печати и доставить свой трудъ въ совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, № 7), въ полное его распоряженіе, не позже 1 сентября 1884 г., безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу совѣта, общимъ собраніемъ за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Общества 14 Февраля 1885 г.

Рѣпинскій и Замятнинъ.

Въ спискѣ членовъ Редакціонныхъ коммисій по составленію Положеній 19 февраля 1861 г. („Русская Старина“ изд. 1884 г., мартъ, стр. 721), между прочимъ, упомянутъ К. Рѣпинскій. Это Косма Григорьевичъ Рѣпинскій, впослѣдствіи сенаторъ; противъ его имени также надо поставить крестъ, такъ какъ онъ скончался 25 ноября 1876 г.

На стр. 693 той же книги упоминается Замятнинъ (служившій въ Земскомъ отдѣлѣ). Это Николай Александровичъ Замятнинъ, управлявшій Земскимъ отдѣломъ и скончавшійся въ 1868 г.

Тамъ же упомянутъ Щепкинъ. Чуть ли это не Сергій Павловичъ, нынѣ вице-директоръ департамента сельскаго хозяйства.

Г. Р.

въ XVI и началѣ XVII стол. Вообще въ своемъ изслѣдованіи онъ вездѣ слѣдитъ за литературою отдѣльныхъ вопросовъ и сообщаетъ оцѣнку существующихъ въ ней мнѣній. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ втораго тома, матеріалы для котораго уже собраны авторомъ.

Полѣсье. Библіографич. матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономич. состоянію Полѣсья. Составила З. М. Пенкина. Спб. 1883. 274. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣль настоящаго изданія—практическая: указать матеріалъ, относящійся къ краю, въ виду особеннаго вниманія, обращеннаго на него въ послѣднее время правительствомъ (желѣзныя дороги, осушеніе болотъ и т. п.) и его насущныхъ потребностей. Предварительное и всестороннее ознакомленіе съ краемъ должно содѣйствовать этой важной цѣли. Но издательница справедливо поставила своею задачею болѣе широкое распространеніе района, о которомъ идетъ рѣчь въ изданномъ указателѣ. Въ составъ его вошли Сѣверо-западный и Юго-западный край вообще и губерніи: Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности. Впрочемъ относительно Кіевской сдѣланы нѣкоторыя ограниченія. Съ другой стороны, тѣ общія изданія, которыя такъ или иначе касаются означеннаго района, также вошли въ указатель. По времени послѣдній обнимаетъ періодъ съ 1855 по 1880 г., а свѣдѣнія распредѣлены въ немъ по мѣстностямъ и предметамъ. Хотя главное вниманіе было обращено на естественныя условія страны, но въ него вошли отдѣлы исторіи и этнографіи, въ болѣе общей своей части; сочиненія на иностранныхъ языкахъ не вошли въ указатель. Составительница пользовалась при обработкѣ послѣдняго указаніями В. И. Межова.

В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ импер. Александра II. Очеркъ В. Н. Витевскаго. Казань, 1883 г. 60 стр. Ц. 50 к.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтич. дѣятельности (1783—1816). А. Архангельскаго. Каз. 1883. 51 стр. Ц. 40 к.

Въ ряду отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ памяти Жуковскаго, оба эти очерка заслуживаютъ вниманія по своей полнотѣ, живости изложенія и доступности изданія, при сравнительно небольшомъ объемѣ. Хотя авторъ перваго изъ нихъ и не имѣлъ въ виду исчерпать весь матеріалъ (такъ, страницы о Жуковскомъ, какъ воспитателѣ импер. Александра II, могли бы быть пополнены весьма важными данными, напеч. въ Сборникѣ рус. истор. общ.); но общій очеркъ сдѣланъ авторомъ достаточно полно. Важнѣйшія черты этихъ отношеній не опущены, благодаря прежде напечатанной перепискѣ Жуковскаго.

Обратимъ вниманіе на одну общую черту, отмѣченную обоими авторами—это самое сердечное и теплое участіе Жуковскаго къ судьбамъ просвѣщенія и науки въ Россіи, такъ часто подвергавшимся всевозможнымъ колебаніямъ. По поводу печальныхъ случаевъ въ Дерптскомъ университетѣ (1816 г.), Жуковскій писалъ своему другу А. И. Тургеневу: «осуждая виновныхъ, щадите университетъ! Онъ и безъ того упадаетъ... Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушиться? Неужели Россіи должно быть грудою развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ... Обвиняй профессоровъ, называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѳема не падала на всѣхъ безъ изъятія и на весь университетъ... Университетъ долженъ быть для васъ святымъ!»

И когда его заступничество за Эверса удалось, Жуковскій не зналъ мѣры своей благодарности, но ему хотѣлось бы распространить эту радость и на другихъ. Какъ отлично отъ этого поступаютъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, во всемъ слѣдующіе одному излюбленному ими правилу: quos ego! А потому, что имъ не достаетъ того, чѣмъ въ такомъ изобиліи обладалъ русскій поэтъ: «поэзіи внутренняго чувства».

«Помянемъ же добромъ нашего знаменитаго русскаго писателя! скажемъ словами г. Архангельскаго. Онъ дорогъ намъ какъ поэтъ, занимающій почетное мѣсто въ общей исторіи нашихъ литературно-общественныхъ идей; онъ дорогъ намъ и какъ человѣкъ, старавшійся, по силѣ возможности, свои высоконравственные идеалы осуществлять въ жизни... Наконецъ, онъ дорогъ намъ, какъ защитникъ интересовъ науки, какъ ходатай университета».

В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **двѣнадцать** книгъ, **четыре** большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ, съ 17 портрет. и рис., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. МАЙ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Екатерина II и Дидро.** Изслѣдованіе по вновь изд. матеріаламъ. 223

II. **Записки Мих. Александр. Фонвизина:** императоръ Александръ I и его царствованіе. 281

III. **Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева.** Часть вторая. Главы III—IV. 303

IV. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:** его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ 325

V. **Императоръ Александръ II на Кавказѣ** въ 1861 г. Сообщ. М. Я. Ольшевскій. 355

VI. **Записки педагога барона Ник. Александр. Корфа.** (Окончаніе) . 375

VII. **Мих. Юрьев. Лермонтовъ,** его письма къ Святославу Аф. Раевскому, 1837 г. Сообщ. П. Цвѣтковъ. 389

VIII. **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ:** 1. Воспоминанія его товарища по берлинскому университету, 1839—1840 гг. Пер. съ нѣм. Сообщ. А. А. Чумиковъ (391). — 2. Письма къ [illegible] Петровичу Ковалевскому, 18[illegible]—1863 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (399). — 3. Полина Віардо Гарсіа, шутка П. П. Мятлева. Сообщ. Анат. Ѳ. К. (403). — 4. Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ. Стих. А. И. Подолинскаго. (405).

IX. **Михаилъ Арефьевичъ Щуруповъ,** профессоръ скульптуры. 408

X. **Памятникъ Императору Александру II,** исполненный акад. Забѣлло. 433

XI. **Александръ и Николай Раевскіе** въ 1825—26 гг. Сообщ. Н. Орловъ. 437

XII. **Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій.** Некрологъ. Состав. А. А. Половцовъ. 441

XIII. **Лермонтовскій Музей въ С.-Петербургѣ.** Сообщ. А. Бильдерлингъ. 425

XIV. **Петербургская старина,** 1799 г. 279

XV. **Памятникъ Артемію Волынскому,** Еропкину и Хрущову 407

XVI. **Матеріалы и замѣтки:** Гр. А. А. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина (406). — Пав. Ив. Пестель. Замѣтка бар. А. Е. Розена (388). — Т. Г. Шевченко (402). — Разочарованіе (436). — Странники или бѣгуны въ 1850-хъ гг. (443).

XVII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. **Императоръ Александръ II Освободитель,** — рисунокъ съ статуи, исполненной академикомъ-скульпторомъ П. П. Забѣлло, первый по времени памятникъ, воздвигнутый крестьянами Царю-Освободителю. — II. Проектъ памятника на могилѣ Артемія Волынскаго, Еропкина и Хрущова. Исполн. акад. Мих. Арефьевичъ Щуруповъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884 г.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1884 г.

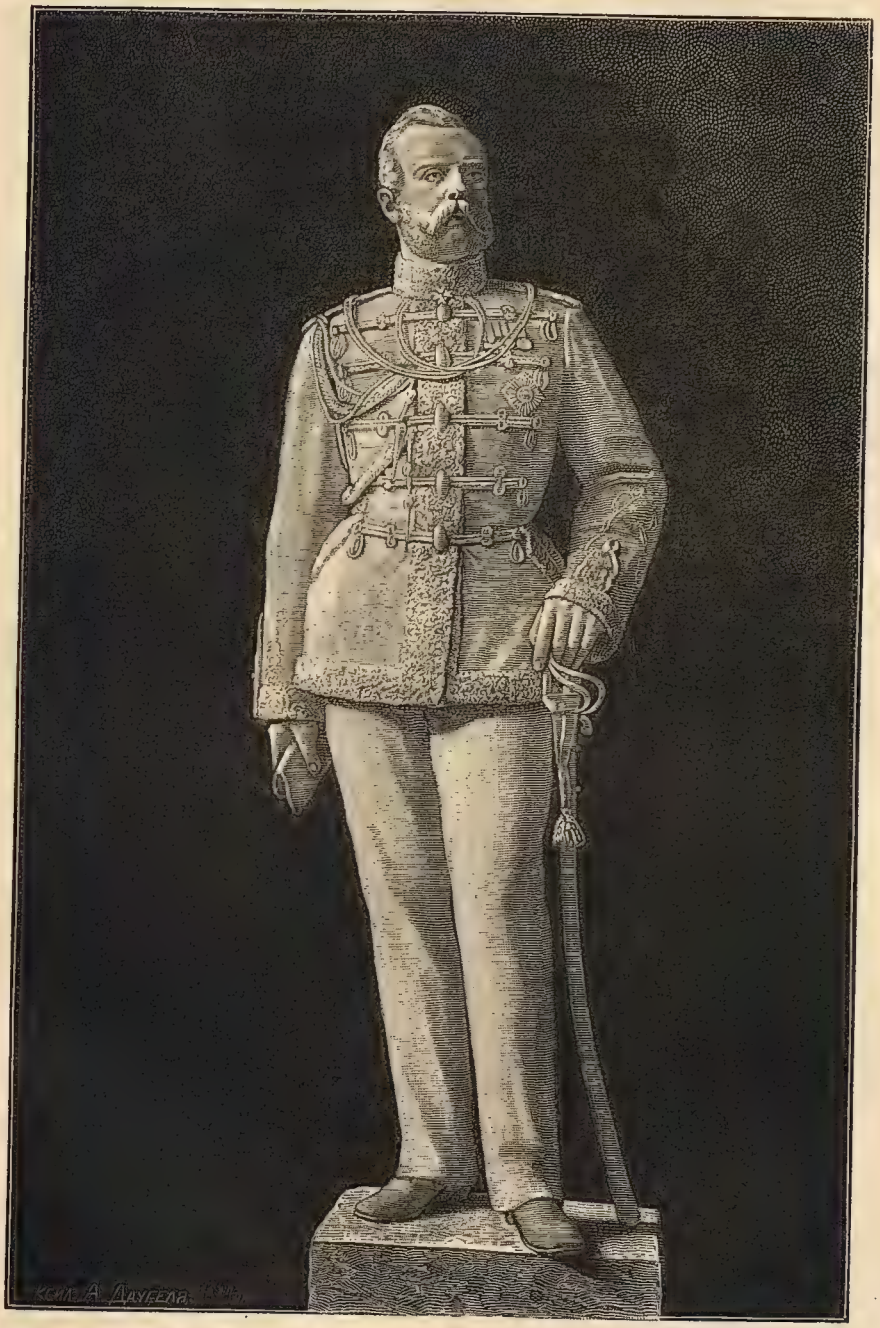
Академическія изданія.

Занесемъ въ лѣтопись нашихъ замѣтокъ нѣкоторые труды, напечатанные въ изданіяхъ академіи наукъ и вышедшіе потомъ отдѣльно: 1) Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 гг.), большой трудъ, вышедшій подъ ред. г. Дубровина; (Зап. Ак. Н. т. XLIII); 2) Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ, собранные къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883) С. Пономаревымъ, трудъ весьма полезный и для историковъ, и для историковъ литературы. Въ немъ помѣщена библіографія сочиненій Карамзина и сочиненій о Карамзинѣ (154 стр.); 3) А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». М. И. Сухомлинова (143 стр.). Хотя о Радищевѣ и его литературной дѣятельности былъ у насъ рядъ статей (въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ» и др.), но самое «Путешествіе» впервые подверглось спеціальному изслѣдованію въ указанномъ очеркѣ. Авторъ разсматриваетъ его въ связи съ другими его произведеніями и его процессомъ; онъ познакомилъ съ важнѣйшими чертами его «Путешествія», до сихъ поръ все еще составляющаго запретный плодъ для русской литературы, конечно въ его цѣломъ, а не искаженномъ видѣ (какъ было сдѣлано изданіе въ 1868 г.). Близкое знакомство съ произведеніями и составомъ библіотеки Радищева (стр. 104), показываетъ, что это былъ человѣкъ, глубоко убѣжденный въ извѣстномъ направленіи и хорошо подготовленный въ сферѣ близкихъ и дорогихъ ему вопросовъ, а предъидущія мнѣнія его (особенно о правленіи въ переводѣ книги аббата Мабли, къ которому онъ сдѣлалъ интересныя примѣчанія, а самый переводъ былъ изданъ на счетъ императрицы) показываютъ, что Радищевъ былъ послѣдователенъ въ нихъ; самая рѣзкость въ выраженіяхъ не составляетъ ничего новаго въ этомъ отношеніи. Бѣда въ томъ, что «Путешествіе» вышло въ свѣтъ въ 1790 г. Радищевъ причиною своихъ бѣдъ считалъ книгу Кейналя объ Индіяхъ; въ царств. Александра I она была издана по высоч. повелѣнію въ переводѣ Городчанинова. Вотъ почему, примиряясь и объясняя такъ или иначе затрудненія и увлеченія Екатерины II во внѣшней политикѣ, отступленія и ошибки во внутреннихъ дѣлахъ (даже въ крестьянскомъ вопросѣ), все таки остается горькое и непримиренное чувство, когда волею или неволею историкъ долженъ обращаться къ такимъ дѣламъ, какъ Новикова и Радищева, такъ какъ идеи, развиваемыя ими, находили въ свое время поддержку и даже иниціативу въ ней самой. Не даромъ и Радищевъ ссылается въ «Путешествіи» на принципы «Наказа». Въ этомъ-то и заключается трагическій диссонансъ, печальный для нихъ обоихъ.

Разсмотрѣвъ разныя мнѣнія о сочиненіяхъ Радищева, авторъ изслѣдованія вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что Радищевъ, какъ авторъ Путешествія, можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литературы (143).

Поэтому авторъ желаетъ, чтобы скорѣе появилось изданіе сочиненія Радищева, удовлетворяющее научнымъ требованіямъ; но въ 1872 году подобное изданіе было отпечатано подъ ред. П. А. Ефремова и уничтожено до выхода въ свѣтъ, хотя «Путешествіе», напечатанное въ немъ по тексту 1790 г., было помѣщено съ нѣкоторыми пропусками (133) а еще въ 1868 г. снятъ съ него цензурный запретъ.

Въ своемъ очеркѣ авторъ воспользовался нѣкоторыми архивными матеріалами (въ госуд. архивѣ, арх. II отдѣл., сенатскомъ, мин. нар. просв.), причемъ выяснилъ степень участія Радищева въ занятіяхъ коммисіи о составленіи законовъ при Александрѣ I. Прибавимъ къ этому, что въ «Русской Старинѣ» 1882 г., т. XXXV, помѣщена обстоятельная статья В. Е. Якушкина о судѣ надъ Радищевымъ, на основаніи подлиннаго дѣла, находящагося въ Спб. уголовной палатѣ (здѣсь же разсказана и судьба изданія 1872 г., весьма поучительная, стр. 526—27), а опытъ лите-



Исполнено Л. Л. Завѣлло.

ПЕРВЫЙ ПО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКЪ

АЛЕКСАНДРУ II ОСВОБОДИТЕЛЮ,

ВОЗДВИГНУТЫЙ КРЕСТЬЯНАМИ.

ЕКАТЕРИНА И ДИДРО.

20-го іюля 1884 года исполнится сто лѣтъ со дня смерти энциклопедиста Дидро, отношенія котораго къ Россіи оставили замѣтный слѣдъ въ его жизни. Въ теченіи 20 лѣтъ Дидро интересовался Россіей; пять мѣсяцевъ жилъ онъ въ Петербургѣ, почти ежедневно бесѣдуя съ императрицей; въ полномъ собраніи его сочиненій встрѣчается много упоминаній о Россіи, еще болѣе о Екатеринѣ II. Въ памятованіи 2-го (13-го) іюля, къ которому готовится теперь Франція, намъ предстоитъ принять извѣстное участіе. Какое же именно?

Память о сильныхъ умахъ свидѣтельствуется вѣрностью идеямъ, внесеннымъ ими въ интеллектуальную сокровищницу человѣчества; чествованіе геніевъ мысли знаменуется уваженіемъ къ идеаламъ и истинамъ, ими провозглашеннымъ, слѣдованіемъ по тѣмъ умственнымъ путямъ, которые были ими указаны.

Изъ русскихъ людей XVIII вѣка, современниковъ Дидро, только двое цѣнили его по достоинству—двѣ женщины: императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова; всѣ остальные, бывшіе въ сношеніяхъ съ Дидро — И. И. Бецкій, князь Д. А. Голицынъ, С. К. Нарышкинъ и др.—имѣли при этомъ въ виду болѣе Екатерину, чѣмъ Дидро. Въ запискахъ русскихъ современниковъ не осталось никакихъ слѣдовъ его ученія; Храповицкій, кн. Щербатовъ, Руничъ, Державинъ, кн. Шаховской и др. вовсе не упоминаютъ о Дидро. Фонъ-Визинъ, бывши въ Парижѣ, не поинтересовался даже взглянуть на Дидро.

Съ «вѣкомъ Екатерины», далеко, какъ извѣстно, не насчитывавшимъ условленной сотни лѣтъ, исчезла въ Россіи и самая память о Дидро. Въ теченіи трехъ царствованій, слѣдовавшихъ за «вѣ-

комъ Екатерины», имя Дидро не встрѣчается въ писаніяхъ русскихъ людей. Только съ эпохи реформъ, съ пробужденіемъ русской мысли, въ русскихъ изданіяхъ начинаетъ встрѣчаться упоминаніе о Дидро, но слабое, боязливое, болѣе о внѣшней сторонѣ его дѣятельности. Въ 1868 г. появилась статья г. Шугурова «Дидро», составленная по біографіи Розенкранца [1]); въ 1877 г. г. Стасовъ, въ статьѣ «Три французскихъ скульптора въ Россіи», съ сочувствіемъ упомянулъ о значеніи Дидро въ искусствѣ; наконецъ, въ 1882 г. появился русскій переводъ сочиненія Морлея «Дидро и энциклопедисты».

Въ итогѣ нашего вниманія къ великому философу, столь высоко цѣнимому Екатериною, оказывается: произведенія Дидро значатся въ числѣ «безусловно запрещонныхъ» и даже среди нашихъ ученыхъ не установилось еще правописаніе его имени — Дидро, Дидеро или Дидеротъ [2]). Сто лѣтъ по смерти Дидро многіе съ удивленіемъ еще останавливаются предъ участіемъ его къ судьбамъ Россіи и недоумѣваютъ почему Екатерина II такъ интересовалась изданіемъ «Энциклопедіи».

Въ этомъ недоумѣніи вовсе, конечно, неповинны ни Екатерина II, ни Дидро.

I.

Екатерина II.

> Catherine Seconde est venue après Pierre Premier; mais qui remplacera Catherine Seconde? Cet être extraordinaire peut se faire attendre des siècles.
>
> Diderot.

Изъ всѣхъ государей, занимавшихъ престолъ Россійской Имперіи, только одной Екатеринѣ II удалось сосредоточить на себѣ единогласный отзывъ современниковъ, подтвержденный потомствомъ. Петра Великаго, при его жизни, многіе проклинали, нѣкоторые клеймятъ и понынѣ; Екатерина II взошла на престолъ при восторженныхъ кликахъ всей Россіи, была обожаема во всѣ 35 лѣтъ своего царствованія и до настоящаго времени возбуждаетъ сочувственный интересъ историка. До сихъ поръ о Петрѣ I есть два мнѣнія, о Екате-

---

[1]) K. Rosenkranz, „Diderot's Leben und Werke", 2 Bde, Leipzig, 1866.

[2]) Въ одномъ и томъ же XXXIII т. „Сборника" русскаго историческаго общества значится: Дидеротъ (стр. 100), Дидеро (стр. 141) и Дидро (стр. 239).

ринѣ II—одно: какъ современники назвали ее «великою», такъ она почитается великою до нашихъ дней и нельзя ожидать, чтобъ этотъ эпитетъ могъ быть когда нибудь серьезно оспариваемъ. И своими достоинствами, и своими недостатками она имѣетъ на него полное право.

Кто первый назвалъ Екатерину II великою? Несомнѣнно, она сама—въ своихъ писаніяхъ и, еще болѣе, своими дѣяніями. Вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ 1766 г., она пишетъ графу Гюлленборгу, что «желаніе достигнуть совершенія великихъ дѣлъ» [1]) было развито въ ней «болѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ», и именно, если вѣрить указаніямъ ея же «Записокъ» [2]), въ 1744 г., въ первые же дни пребыванія ея въ Россіи.

Екатерина II представляла прямую противоположность Петра III. У нихъ была только одна сходная черта, но и та чисто внѣшняя: оба они были привезены въ Россію лишь по 14 году — Петръ изъ Киля, Екатерина изъ Цербста. Было и еще одно сходство, но оно-то именно болѣе всего и привело ихъ къ противуположностямъ: оба они наслѣдовали кровь отцовъ, не матерей — Петръ III ничего не заимствовалъ у своей матери, русской великой княгини, и все отъ отца, истаго голштинца [3]); Екатерина II ничего не наслѣдовала отъ своей матери, голштинской принцесы, и очень много отъ отца, въ жилахъ котораго текла бранденбургская кровь. Въ немъ не было ничего русскаго, въ ней—ничего голштинскаго.

Дурно образованный, еще хуже воспитанный [4]), Петръ III явился въ Петербургъ голштинскимъ солдатомъ и остался имъ до конца жизни. Онъ не понималъ и, по неразвитію, не могъ понять своего положенія ни какъ наслѣдника русскаго престола, ни какъ императора Россіи. Вывезенный изъ Голштиніи съ спеціальною цѣлью сдѣлать его русскимъ государемъ, онъ презрительно отзывается о русскомъ народѣ [5]); едва ставъ императоромъ, онъ приказываетъ архіепископу новгородскому Димитрію вынести изъ церквей всѣ

[1]) Сборникъ, X, 157.

[2]) „Mémoires“ de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859, p. 28.

[3]) Герцогъ голштинскій Карлъ Фридрихъ, супругъ Анны Петровны, старшей дочери Петра I, былъ въ душѣ солдатъ и страсть къ военщинѣ (die unglückliche militärische Neigung) передалъ сыну (Helbig, Biographie Peters des Dritten, I, 21). Даже нѣмецкіе историки, Зугенгеймъ, Дройзенъ и др., называютъ его истымъ голштинцемъ. Одинъ древній хронистъ такъ отзывается о голштинцахъ—unzähmbare Waldesel (Brockhaus, VIII, 58).

[4]) Брикнеръ, Жизнь Петра III до восшествія на престолъ. „Русскій Вѣстникъ“, 1882, кн. 11.

[5]) Mémoires, 21.

образа, кромѣ «Христа и Богородицы», всѣмъ «попамъ бороды свои обрить» и носить «такое платье, какое носятъ иностранные пасторы» [1]). Онъ настолько испорченъ и грубъ, что при первомъ же свиданіи съ своею невѣстою сознается ей, что влюбленъ въ фрейлину Лопухину, «желалъ бы жениться на ней», но готовъ жениться и на Екатеринѣ, «такъ какъ этого желаетъ тетка» [2]).

Не такова Екатерина. Нѣмка—проводитъ въ политикѣ чисто русскіе интересы; лютеранка—является защитницей православія; мелкая нѣмецкая принцеса—широко раздвигаетъ предѣлы Россійской Имперіи, и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя свою родину, протягиваетъ обѣ руки къ французскимъ философамъ, «обкрадывая» [3]) Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и призывая Дидро въ Петербургъ для личнаго знакомства съ знаменитымъ энциклопедистомъ.

«У меня умъ отъ природы философскій» [4]), пишетъ Екатерина, будучи великою княгинею. Это направленіе ея ума предъугадалъ въ ней, еще въ ребенкѣ, графъ Гюлленборгъ. Посѣтивъ въ Гамбургѣ родителей Екатерины, онъ укорялъ ея мать [5]) за то, что она «мало или вовсе» не занимается дочерью, и тогда же замѣтилъ, что это «ребенокъ развитой не по лѣтамъ» и что у него «складъ ума очень

---

[1]) Жизнь и приключенія Болотова (изд. „Русск. Стар."), II, 127.

[2]) Mémoires, 20.

[3]) Сборникъ, X, 31 (j'ai pillé), 95, 131.

[4]) Un ésprit naturellement philosophique. Сборникъ, VII, 83.

[5]) Княгиня Іоганна Елизавета, изъ голштин-готторпскаго дома, дочь Христіана Августа, епископа любекскаго, была женщина чрезвычайно пустая, отличалась мелочнымъ, до крайности сварливымъ характеромъ, проводила жизнь въ интригахъ и сплетняхъ. Она не любила никого и менѣе всего свою дочь. Когда Екатерина, тогда еще цербстская принцеса, 15-ти лѣтняя дѣвочка, заболѣла въ Москвѣ воспаленіемъ легкихъ, „мать почти не пускали" къ ней въ комнату; едва больная начала поправляться, мать черезъ прислугу стала выпрашивать у дочери шелковую матерію, „голубую съ серебромъ", которая такъ нравилась дочери. По словамъ Екатерины, „мать обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня". Во время пути изъ Цербста въ Москву, княгиня Елизавета особенно тщательно отмѣчаетъ, что въ Ригѣ, при шествіи ея къ столу, „въ комнатахъ играютъ трубы, снаружи — флейты и гобои", между тѣмъ какъ въ Штетинѣ, гдѣ ея мужъ губернаторомъ, „едва били въ барабанъ, а въ другихъ мѣстахъ и того не дѣлали" (Сборникъ, VII, 15); что въ Петербургѣ, „едва я вышла изъ саней, какъ меня привѣтствовалъ залпъ съ гласиса адмиралтейства" (Id., VII, 19).

философскій». Нѣсколько лѣтъ позже, уже въ Россіи, тотъ же графъ Гюлленборгъ назвалъ ее «философкой въ пятнадцать лѣтъ» и посовѣтовалъ обратиться къ серьезному чтенію. Она перечла на своемъ вѣку Платона, Цицерона, Тацита, Монтескье [1]), много философскихъ трактатовъ, причомъ ставила себѣ за образецъ Вольтера: «въ юности моей я хотѣла во всемъ слѣдовать духу и писаніямъ Вольтера» [2]). Въ теченіи всей жизни, она «читала, перечитывала и изучала все, что выходило изъ подъ пера Вольтера» [3]). Въ 1778 году, получивъ извѣстіе о смерти Вольтера, Екатерина пишетъ Гримму: «Вольтеръ—мой учитель (c'est mon maître). Онъ, вѣрнѣе—его произведенія, образовали мой умъ, мою голову. Я ужъ говорила вамъ не разъ, думаю — я его ученица (je suis son écolière); когда я была моложе, я любила нравиться ему; мнѣ самой нравились только тѣ мои дѣянія, которыя были достойны быть сообщенными Вольтеру, и я его тотчасъ же увѣдомляла о нихъ; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня (il me grondait), когда я забывала увѣдомлять его о новостяхъ и онъ узналъ о нихъ стороною. Моя акуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій» [4]).

Ни философскій складъ ума, ни чтеніе древнихъ авторовъ, ни переписка съ Вольтеромъ не заслонили въ Екатеринѣ II женщины. Даже сухой и методическій англичанинъ Димсдэль, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1768 г. для привитія императорской фамиліи оспы, такъ описываетъ Екатерину: «Екатерина II, императрица всероссійская, росту выше средняго; въ ней много граціи и величія, такъ что даже еслибъ можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это въ высшей степени; притомъ столько разсудительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться» [5]). Знала о своихъ «природныхъ прелестяхъ» Екатерина и пользовалась ими. Она умѣла повеселиться, охотно танцовала, любила наряды. Она съ удовольствіемъ передаетъ комплиментъ по поводу прически à la Moïse, сказанный ей маркизомъ де-ла-Шетарди, вспоминаетъ свое бѣлое платье, juste-au-corps, такъ всѣхъ плѣ-

[1]) Mémoires, 29, 74, 97, 120, 191, 225, 346.

[2]) In meiner Jugend ich wollte alles nach Voltaire's Sinne und Schriften haben. Сборникъ, XXIII, 215.

[3]) XXIII, 113.

[4]) XXIII, 102.

[5]) II, 320.

нившее на балу. «Моя наружность была привлекательна, въ обращеніи я была предупредительна; всякій, поговоривъ со мною четверть часа, чувствовалъ себя какъ бы старымъ знакомымъ» [1]). Всякія условныя приличія стѣсняли ее и она не любила сдерживать себя въ этомъ отношеніи. Она не любила визитовъ королей, «потому что обыкновенно это личности скучныя, нелѣпыя (insipides), при нихъ нужно быть на вытяжкѣ» [2]). Во время свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III она пишетъ Гримму: «Вотъ я опять въ роли простушки при дворѣ; моя неловкость и обычная застѣнчивость снова проявятся во всемъ блескѣ. Помолитесь за меня» [3]). При свиданіи съ Іосифомъ II, въ Могилевѣ, она чувствовала себя сперва очень неловко [4]). Ее стѣсняли даже и «знаменитости» (les personnages renommés), такъ какъ ихъ нужно слушать, а она любила сама болтать за четверыхъ (jaser comme quatre). Рядомъ съ особенностями чисто женскими, въ ней уживались, и въ иныхъ случаяхъ даже преобладали, черты мужского характера. Еще ребенкомъ, во время переѣзда изъ Цербста въ Москву, она пишетъ изъ Либавы своему отцу, что на дорогѣ прихворнула, въ чемъ, какъ сознается, сама виновата—«уничтоживъ все пиво, случившееся на дорогѣ» [5]). Будучи великою княгинею и услышавъ совѣтъ, поданный ея мужу, что «всѣхъ раненыхъ слѣдуетъ убивать», она шепнула своему сосѣду: «я начала бы съ того, что пустила пулю въ лобъ такому совѣтнику» [6]). Въ своихъ «Запискахъ» она пишетъ: «я была прямымъ и честнымъ рыцаремъ, съ душою болѣе мужскою, чѣмъ женскою; всѣ находили во мнѣ, рядомъ съ характеромъ мущины, привлекательность весьма любезной женщины» [7]). Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, пріятельницѣ своей матери, Екатерина сознается, что можетъ «хорошо вести разговоръ только съ мущинами» [8]). Она съ негодованіемъ говоритъ, что мущины «не могли себѣ представить, чтобъ послѣдовательный образъ дѣйствій могъ быть плодомъ женскаго ума» [9]).

Въ февралѣ 1778 г., Екатерина, все еще любившая повеселиться, потанцовать, не смотря на свои 49 лѣтъ, имѣла въ виду, въ теченіи

---

[1]) Mémoires, 17, 59, 134, 287 и др.
[2]) Сборникъ, XXIII, 91.
[3]) XXIII, 128.
[4]) Au commencement je suais. XXIII, 190.
[5]) Ayant avalée toutes les bières, que j'avais trouvée dans mon chemin.
[6]) VII, 97.
[7]) Mémoires, 329.
[8]) Сборникъ, X, 105.
[9]) VII, 96.

двухъ недѣль, одинадцать маскарадовъ, «не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которыя я приглашена». Сообщая объ этомъ Гримму, въ Парижъ, она шутя прибавляетъ: «опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію; я сказала, чтобъ торопились, такъ какъ я хочу имѣть удовольствіе самой исправить ее; въ ожиданіи, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафію» [1]). Эта эпитафія-шутка сохранилась въ государственномъ архивѣ. Вотъ какъ рисуетъ въ ней свой образъ сама Екатерина:

„Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21-го апрѣля (2-го мая) 1729 года. Въ 1744 г. она отправилась въ Россію, чтобъ выйти замужъ за Петра III. Будучи 14 лѣтъ, она составила себѣ тройной проектъ—понравиться мужу, Елизаветѣ и націи. Она ничего не упустила, чтобъ имѣть успѣхъ. Восемнадцать лѣтъ скуки и уединенія доставили ей возможность прочесть много книгъ. Достигнувъ трона, она старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и достатокъ. Она охотно всѣмъ прощала и никого не ненавидѣла; снисходительная, любившая пожить, веселая по природѣ, республиканской души и добраго сердца, она имѣла друзей; трудъ былъ ей легокъ; общество и искуство ей нравились".

Благодаря трудамъ русскаго историческаго общества, издавшаго уже нѣсколько томовъ «бумагъ императрицы Екатерины II» [2]), мы

---

[1]) XXIII, 77.

[2]) Въ числѣ этихъ «бумагъ» изданы письма къ Гримму, представляющіяся особенно важными для оцѣнки „Записокъ" Екатерины, какъ историческаго матерьяла. До изданія этихъ писемъ возможно было только отрицательное признаніе подлинности „Записокъ", высказанное еще Генрихомъ Зибелемъ въ его талантливой статьѣ „Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten" (Hist. Zeitschr. V, 88)—die Unmöglichkeit der Unechtheit (см. также Kleine historische Schriften, I, 150), не смотря даже на подтверждающія „Записки" донесенія саксонскихъ дипломатовъ Функе и Брюля (см. E. Herrmann, der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth, въ Historisches Taschenbuch, 1882, S. 302); въ настоящее же время можно привести изъ писемъ, несомнѣнно писанныхъ рукою Екатерины II, нѣсколько мѣстъ, поразительно схожихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ „Запискахъ". Для примѣра приведемъ одно только мѣсто. „Записки" Екатерины начинаются слѣдующими словами: „La fortune n'est pas si aveugle, qu'on se l'imagine. Elle est souvent le résultat de mésures justes et précises, non aperçues par le vulgaire, qui ont précédées l'évènement. Elle est encore, plus particulièrement, un résultat des qualités, du caractère et de la conduite personnelle. Pour rendre ceci plus palpable, j'en ferai le syllogisme suivant: les qualités et le caractère seront la majeure; la conduite—la mineure; la fortune ou l'infortune—la conclusion" (Mémoires, p. 1). Эта же мысль повторяется въ концѣ „Записокъ": „Je me disais: le bonheur et le malheur est dans le coeur et dans l'âme d'un chacun" (p. 330). Почти буквально эта же мысль встрѣчается въ письмѣ къ Гримму, отъ 13-го февраля 1794 года. Упомянувъ о поведеніи герцога Орлеанскаго, Екатерина говоритъ: «Le bonheur et le malheur d'un chacun est dans son caractère; ce caractère reside dans

можемъ составить довольно полное представленіе о внутренней личности Екатерины, какою она является въ своей перепискѣ; мы можемъ начертанный ею образъ провѣрить ея же собственными словами.

Екатерина II писала много, писала охотно и, конечно, не для препровожденія времени, не для забавы. На ея замѣчаніе: «le lire et

---

les principes que l'homme embrasse; la réussite réside dans la justesse des mésures qu'il emploie pour parvenir à ses fins; s'il vacille dans ses principes, s'il se trompe dans les mésures qu'il adopte, il n'y a plus de suite dans ses projets" (Сборникъ, XXIII, 595). Очевидно, это письмо и „Записки" писаны одною и тою же рукою. Письма къ Гримму даютъ также возможность сдѣлать болѣе вѣроятныя предположенія о времени написанія „Записокъ" и о цѣли, для которой онѣ были составлены. Въ упомянутой выше статьѣ, Зибель такъ спеціализируетъ эту цѣль: „Grossfürst Paul gab ihr seit seiner Mündigkeit, seit einem Jahrzehend, oft genug Veranlassung zu peinigenden Besorgnissen; im Auslande widerhandelte er meist ihren Absichten und Wünschen" (S. 94); наставить сына, раскрыть ему настоящее положеніе вещей и тѣмъ заставить его измѣнить свои взгляды, свое поведеніе—вотъ зачѣмъ, по мнѣнію Зибеля, Екатерина написала свои мемуары. Въ подтвержденіе своей догадки Зибель указываетъ, что въ 1782 году, когда Павелъ съ своею супругою возвратился изъ заграницы, британскій посолъ сэръ Джемсъ Гаррисъ доносилъ своему правительству, что великій князь измѣнилъ свое поведеніе настолько, насколько то трудно было и ожидать; „трудно сказать, прибавляетъ посолъ въ своей депешѣ, чему должно приписать такую перемѣну". На это Зибель замѣчаетъ: „Sir James Harris zerbricht sich den Kopf Gründe dafür zu finden. Denken wir uns aber, Katharina hätte dem störrischen Sohn jene Denkwürdigkeiten mitgetheilt, so wäre das ein Grund, schlagender als Alles, was der kluge Diplomat ersinnen möchte. Eine solche Mittheilung möchte dem Sohne so schwer in die Glieder gefahren sein, dass er sich hinfort gern ruhig verhielt" (S. 98). Двадцать лѣтъ назадъ мы находили эту догадку Зибеля невѣроятною по двумъ причинамъ: во первыхъ, по указанію англійскаго посла эта перемѣна въ поведеніи великаго князя произошла въ концѣ 1782 года—его депеша помѣчена 17-го декабря; между тѣмъ, въ „Запискахъ" упоминается: а) о Паниннѣ, какъ объ умершемъ, а онъ умеръ только въ мартѣ 1783 года, и б) о дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца, напечатанномъ въ „Magazin für Historie und Geographie" Бюшинга только въ 1784 году; слѣдовательно, перемѣна не могла произойти отъ чтенія „Записокъ", которыя въ 1784 г. не были еще написаны; во вторыхъ, „Записки" были найдены въ бумагахъ Екатерины уже послѣ ея смерти, запечатанными и адресованными именно великому князю, въ чемъ уже не представлялось бы надобности, еслибы онъ ихъ читалъ еще пятнадцать лѣтъ назадъ. Въ настоящее же время, основываясь на обнародованныхъ письмахъ, можно сдѣлать довольно вѣроятное предположеніе, что „Записки" писаны не только позже 1784 года, но даже позже іюня 1790 года. Въ письмѣ къ Гримму отъ 21-го іюня 1790 г. Екатерина говоритъ: „Je ne sais ce que Diderot entend par mes Mémoires, mais ce qu'il y a de sûr, c'est que je n'en ai pas écrit et que si c'est un péché de ne l'avoir pas fait, je dois m'en accuser" (Сборникъ, XXIII, 484).

l'écrire devient amusement, quand on y est accoutumé» [1]) менѣе всего можно полагаться. По мѣткому выраженію Зибеля [2]), Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ; она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые должны были расточать ей похвалу по всей Европѣ, когда компоновала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Д'Аламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же въ письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее хотятъ вызвать на разговоръ [3]); тѣмъ болѣе она умѣла писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матерьяломъ для обрисовки ея внутренняго существа. Но письма письмамъ рознь. Иное значеніе, напримѣръ, имѣетъ письмо къ Д'Аламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи болѣе свободы (plus de liberté), чѣмъ во Франціи [4]), или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣдомленіемъ, что Россія пользуется полною терпимостью [5]), и иное значеніе имѣютъ письма къ Гримму, въ которыхъ она, почти день за днемъ, записываетъ, рядомъ съ отзывами о серьезныхъ дѣлахъ, всякія мелочи, до извѣстій о рубашонкѣ своего внука [6]), великаго князя Александра Павловича, и о здоровьи Monsieur Thomas [7]), своей комнатной собачонки, включительно. Какъ произведенія Вольтера Екатерина читала, перечитывала и изучала, такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ Гримму — черновые наброски безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матерьялъ для

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго (изд. Барсукова), стр. 484. „Русскій Архивъ", 1878, II, 291.

[2]) Hist. Zeitschr. V, 90.

[3]) Mémoires, p. 59.

[4]) Сборникъ, VII, 179.

[5]) La tolérance est générale dans cet empire. X, 39.

[6]) XXIII, 215.

[7]) XXIII, 2, 35, 88, 89, 147 и др.

составленія «Siècle de Cathérine II», какъ pendant къ «Siècle de Louis XIV»; въ письмахъ къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [1]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ, своею «Correspondance littéraire», нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не только на произведенія искуства, но и на явленія литературы.

Изданная русскимъ историческимъ обществомъ переписка далеко не полна. Въ ней нѣтъ, между прочимъ, ни одного письма Екатерины къ Дидро [2]). Переписка эта не предназначалась къ печати. «Боюсь печати какъ огня. Никакой копіи ни одной живой душѣ»— вотъ припѣвъ, безпрестанно встрѣчающійся въ письмахъ Екатерины [3]). Было бы, однако, большою ошибкою принимать этотъ припѣвъ въ буквальномъ смыслѣ [4]). Екатеринѣ было пріятно всякое превозне-

[1]) XXIII, 316 (отъ 2 іюля 1784), 317 (9 сентября), 319 (14 сентября), 322 (26 сентября), 344 (отъ 28 іюня 1785 г.).

[2]) Въ письмѣ къ Гримму отъ 27 февраля 1775 г., изъ Москвы, Екатерина пишетъ: „Écoutez donc, n'allez point me jouer un tour aussi affreux que d'aller donner des copies de mon bavardage avec Diderot. J'ai beaucoup d'estime pour M. de Castrie, mais il est mortel, et mon mémoire passerait de main en main jusqu'aux imprimeurs; or, je crains l'impression comme le feu; ainsi, malgré ce que vous pourrez dire et mon ami le prince Henri encore, point de copie, s'il vous plaît, à âme qui vive, et dites à Diderot, que je salue, de n'en point donner et de mettre mes réponses dans notre bibliothèque commune en dépôt" (XXIII, 18). Въ настоящее время издано шесть писемъ Дидро къ Екатеринѣ (XXXIII, 508—533), слѣдовательно, существуетъ, вѣроятно, и шесть „отвѣтовъ"; седьмое письмо, писанное Дидро въ Петербургѣ, отъ 11 февраля 1774 г., за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Россіи, по своему содержанію не предполагаетъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, письменнаго.

[3]) XXIII, 18, 74, 110, 119, 495, 535, 545 (werfen Sie ins Feuer alle meine Briefe), 548, 579 (jetez au feu ces lettres); XXXIII, 59, 185, 302.

[4]) Искренно или притворно, но Гриммъ принималъ за чистую монету воспрещеніе печатать письма и давать съ нихъ копіи. Такъ, по поводу полученнаго письма съ описаніемъ могилевскаго путешествія, Гриммъ пишетъ Екатеринѣ, отъ 6 сентября 1780 г.: „Jamais mon coeur ne s'est trouvé en presse comme à la réception de cette lettre divine qui, tant qu'elle ne sera pas connue, laissera toujours l'histoire de ce voyage à jamais mémorable incomplète. Que Votre Majesté est injuste envers elle-même en me reduisant au silence à la face de l'Europe!.. Je possède cette lettre, et ne puis faire jouir mon siècle, ô bizarrerie fatale! tandisque si elle était adressée à un autre, je me ferais un devoir de la lui dérober par tous les moyens permis ou non permis, et de la publier pour l'admiration et la consolation de l'humanité (XXXIII, 60). Когда письмо Екатерины къ князю Де-Линю было напечатано и произвело шумъ въ Европѣ, Гриммъ пишетъ ей, отъ 20 января 1791 года: „Aber, um tausend Gotteswillen, que dirai-je à Votre Majesté du prince de Ligne? Ist denn das

сеніе ея въ печати, откуда оно ни исходило бы; она всегда щедро вознаграждала за такія похвалы [1]) и никогда не высказывала серьезнаго неудовольствія за обнародованіе ея писемъ [2]). Она просто желала, чтобъ письма служили только матерьяломъ для хвалебныхъ статей, къ которымъ она была чутка. «Le gazetier de Cologne en fera de bruit» [3])—магическій доводъ, всегда склонявшій Екатерину къ уступчивости.

Лица, знавшія Екатерину дѣвочкой, ребенкомъ, не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ изъ скромной Софіи-Доротеи-Фридерики могла вырости «необычайно-знаменитая» Екатерина II. «На моихъ глазахъ она родилась, росла и воспитывалась», говоритъ баронесса фонъ-Принтценъ, камеръ-фрейлина при «крошечномъ» ангальтъ-цербстскомъ дворѣ [4]). «Я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ее въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной». Такою она и была въ домѣ родителей, гдѣ mademoiselle Cardel учила ее не скупиться въ разговорѣ словомъ «monsieur», отчего «челюсти не разва-

---

erlaubt? Il laisse échapper une lettre de notre Impératrice, il permet qu'on la lui vole, et de Vienne elle passe à Paris et paraît imprimée dans une feuille archidemocratique, de sorte qu'en moins d'une de ses colonnes, le gazetier passe en revue la moitié de l'Asie et de l'Europe convenablement drapée au grand magasin de l'Ermitage de Pétersbourg. Nun, dit le souffre-douleur, das hätte ich armer Teufel mir sollen einfallen lassen und nur drey Zeilen von meiner Kaiserin entwischen lassen, so dass sie wären die Beute eines Zeitungsschmierers geworden, so wäre ich armer Schurk ohne Barmherzigkeit die Beute des Verderbens geworden, hätte mir die kaiserliche Ungnade auf den Hals gezogen und wäre mit Leib und Seele verloren gegangen. Il y a donc deux poids dans la balance de notre Impératrice: l'un pour le prince de Ligne, à qui tout est permis, pardonné d'avance; l'autre pour le souffre-douleur... Moi, il faut que j'enfouisse impitoyablement tous mes trésors, le prince de Ligne les étale et n'aura pas seulement une semonce pour cette petite gentillesse" (XXXIII, 302).

[1]) X, 37, 310.

[2]) XXXIII, 119 и др.

[3]) XXXIII, 30.

[4]) Записки Тьебо, „Русская Старина", XXIII, 589.

лятся» [1]), «ehrwürdige pasteur» Вагнеръ преподавалъ «предметы» и училъ нѣмецкому правописанію [2]), уроки французской каллиграфіи преподавалъ Лоранъ [3]), музыки—Рэллигъ [4]). Дѣвочка росла одна, безъ подругъ. Однимъ изъ развлеченій было появленіе старой тетки, вѣчно восторгавшейся «застольными рѣчами» Лютера. Какъ воспитаніемъ, такъ и образованіемъ ребенка настолько пренебрегали, что графъ Гюлленборгъ, другъ дома, считалъ справедливымъ упрекнуть по этому поводу мать Софіи-Доротеи-Фридерики.

Между тѣмъ изъ писемъ Екатерины несомнѣнно, что зачатки происшедшей позже перемѣны были положены именно въ этой скромной обстановкѣ «крошечнаго» двора.

«Что вамъ дѣлать въ Штетинѣ? спрашиваетъ Екатерина Гримма въ письмѣ отъ 29-го іюня 1776 года. Но если ужъ такая охота посѣтить Штетинъ, то знайте, что я родилась въ грейфенхеймскомъ домѣ (in Greifenheims Hause auf dem Marien Kirchhof), что я жила и воспитывалась въ лѣвомъ углу замка, что я занимала на верху три комнаты со сводами. Тамъ г-жа Кардель наставляла меня (m'endoctrinait) и г. Вагнеръ преподавалъ мнѣ свои упражненія» [5]). Въ этихъ-то сводчатыхъ комнатахъ грейфенхеймскаго дома формировался впервые «философскій складъ ума» ребенка. Вагнеръ и Кардель—двѣ противоположности, каждая изъ которыхъ имѣла свою долю вліянія на воспріимчивую дѣвочку и обѣ вмѣстѣ давали поводъ къ сопоставленіямъ, быть можетъ, пробуждали впервые сомнѣніе. Вагнеръ былъ лютеранинъ, Кардель—кальвинистка; онъ ни слова не понималъ по французски, она—ни слова по нѣмецки [6]); Вагнеръ былъ тупой педантъ, знавшій только свои «ennuyeuses Prüfungen» [7]), Кардель «знала почти все, ничему не учившись, совершенно какъ ея ученица» [8]); Вагнеръ былъ «глупъ», Кардель—«умная дѣвушка» [9]), которая «знала по пальцамъ всѣ комедіи и трагедіи» [10]) и пріохочивала свою ученицу къ чтенію комедій Мольера [11]). Кардель недаромъ прозвала

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 18.
[2]) Id. 43.
[3]) Id. 42.
[4]) Id. 89. По Я. Гроту Беллигъ. „Др. и Нов. Россія“, 1875. I, 115.
[5]) Id. 50—51 (Prüfungen).
[6]) XXIII, 78.
[7]) Id. 88.
[8]) Id. 79.
[9]) Id. 88.
[10]) Id. 18.
[11]) Id. 111.

дѣвочку «esprit gauche» [1])—Софія-Доротея-Фридерика принимала всѣ наставленія по своему и дѣлала все не такъ, какъ другіе [2]); слушая Tischreden Лютера, чтеніе которыхъ старою теткою сопровождалось восхваленіями ихъ творца, дѣвочка получила отвращеніе и къ Tischreden [3]), и къ ихъ автору [4]). Кардель не читала, конечно, съ своей ученицей «Lettres philosophiques» Вольтера, но философскій скептицизмъ вѣка проникалъ въ грейфенхеймскій домъ не черезъ одного только Мольера. Изъ всѣхъ «скучныхъ» наставленій Вагнера, дѣвочка запомнила только поученіе, что «примѣры ничего не значатъ, а все зависитъ отъ природы человѣка» [5]), т. е. именно то начало, которое позже выставятъ, какъ свое евангеліе, Гельвецій, Дидро, Гольбахъ. «Будучи дѣвочкой—пишетъ Екатерина—я говорила себѣ: чтобъ быть чѣмъ-нибудь (quelque chose) въ этомъ мірѣ, необходимо имѣть качества, требуемыя этимъ что-нибудь (quelque chose); посмотримъ же серьезно въ наше маленькое внутреннее я—имѣемъ-ли мы эти качества? Если не имѣемъ—выработаемъ ихъ. Что же это—ничто или лютеранство? [6]). Право, не лютеранство. Мартинъ Лютеръ былъ олухъ (rustre); онъ не поучалъ ничему подобному» [7]). Если отбросить «олуха» и вообще нападки на лютеранство, какъ выраженія позднѣйшаго развитія и вліянія политическихъ соображеній, получится тотъ «философскій складъ ума», который былъ замѣченъ въ этомъ «esprit gauche» еще графомъ Гюлленборгомъ, и нуженъ только хотя бы внѣшній толчокъ, чтобъ развитіе этого склада приняло болѣе серьезное направленіе.

Такимъ толчкомъ былъ переѣздъ въ Россію.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцеса цербстская была перевезена изъ Цербста въ Москву [8]). Это не былъ переѣздъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюля Верна не производятъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвесть русское общество половины прошлаго вѣка на 14-ти лѣтнюю

---

[1]) Id. 113.

[2]) Id. 12.

[3]) Id. 41.

[4]) Id. 29 (Votre Luther est un gros rustre).

[5]) Id. 72.

[6]) Непереводимая игра словъ, подчеркнутыхъ самою Екатериною: „y a-t-il du rien ou luthérien à cela?"

[7]) Id. 12.

[8]) Отъѣздъ изъ Цербста послѣдовалъ 17-го января (Сборникъ, VII, 9), пріѣздъ въ Москву 9-го февраля 1744 г. (Id. 26).

принцесу, хотя и «toute faite», какъ выразился Фридрихъ II [1]) въ письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ. Золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось внѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу—угодливостью лицамъ, религіозность—ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука [2]). Невѣжество царитъ во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона; архіерей офиціально сознается синоду, что онъ «главою весьма немощенъ». Нигдѣ никакой дисциплины: архіерей бьетъ по щекамъ воеводу; воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на реприманды сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счоты и сборы подушныхъ денегъ; арміи обкрадываются военачальниками; корабли гніютъ въ гаваняхъ; земледѣліе отягощается неустановленными поборами; полиція безсильна противъ своеволія солдатъ, которые грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленная дѣятельность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и легкой наживѣ [3]). Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства. Нареченный женихъ Софіи-Доротеи-Фридерики, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ проводитъ цѣлые дни или съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, пьянствуя, не выпуская изо рта трубки [4]). Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ ряженными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, разска-

---

[1]) Corresp. polit. de Frédéric II, 319. Въ „Дневникѣ докладовъ колегіи иностранныхъ дѣлъ“ значится, что въ отвѣтномъ письмѣ Фридриху предлагалась слѣдующая фраза: „о меритахъ оныхъ принцесъ ея императорское величество посторонне отъ другихъ слышать изволила“ (Архивъ кн. Воронцова, VI, 40). Этимъ подтверждается мнѣніе Соловьева (XXI, 324) и опровергается взглядъ г. Бартенева на Фридриха, какъ „главнаго свата“ (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 13).

[2]) Mémoires, 319.

[3]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, XXI, 305 и слѣд.

[4]) Архивъ, V, 19; XXI, 27, 29, 41. Mémoires, 239.

зывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ [1]). Это былъ «взрослый ребенокъ» [2]), но ребенокъ испорченный—онъ любилъ подслушивать, шпіонить, по цѣлымъ часамъ билъ своихъ собакъ палками, по цѣлымъ суткамъ вѣшалъ мышей въ своей комнатѣ.

Вотъ среда, въ которой Екатеринѣ предстояло жить. Вскорѣ по пріѣздѣ къ русскому двору она уже чувствовала себя одинокою, безъ совѣтника, безъ друга. Положеніе тяжелое. Екатерину спасъ ее холодный, разсчетливый, бранденбургскій умъ.

Цербстская принцеса пріѣхала въ Россію вовсе не «наивнымъ ребенкомъ» [3]). Екатерина и въ этомъ отношеніи была противуположностью Петра: онъ до самой смерти остался ребенкомъ, она очень рано вышла изъ пеленокъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, она сознала свое тяжелое положеніе, и заболѣла [4]). Нѣсколько дней была она «между жизнью и смертью»; болѣе мѣсяца пролежала въ по-

---

[1]) Mémoires, 37, 214.

[2]) Соловьевъ, XXIV, 50.

[3]) Sibel. Kl. hist. Schr., I, 159: „Das Kind, welches ganz naiv die Hände nach dem Glanz der russischen Krone aufstreckte“ u. s. w. Hillebrand, Katharina II und Grimm, „Deut. Rundschau“, VII, 385: „Das vierzehnjährige Prinzesschen, immerhin ein Kind“ u. s. w.

[4]) Свѣдѣнія о болѣзни цербстской принцесы крайне сбивчивы. По оффиціальнымъ извѣстіямъ, принцеса „занемогла 6-го марта лихорадкою отъ флюса“; вскорѣ, однако, флюсъ измѣнился въ „опасный ревматизмъ съ одышкою“. Это первое извѣщеніе заканчивалось словами: „чрезъ всегдашнее употребленіе наилучшихъ лекарствъ и частое пусканіе крови“ опасность миновалась („Спб. Вѣдомости“ за 1744 г., № 25-й). Съ 13-го по 19-е марта принцесѣ было „легче“, но прибавлено, что 19-е марта былъ опаснѣйшій день; больная „много мокроты выкинула“. Кризисъ миновалъ счастливо (Id. № 26). Отъ 27-го марта—принцесѣ гораздо легче (Id. № 28-й), а 20-го апрѣля принцеса впервые вышла и публично кушала (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 423). Такимъ образомъ, болѣзнь, причины которой вовсе не указаны, продолжалась 45 дней, съ 6-го марта по 20-е апрѣля. Въ „Запискахъ“ же Екатерины сказано, что болѣзнь началась „на 15-й день“ по пріѣздѣ въ Москву, т. е. 24-го февраля, и не лихорадкой отъ флюса, а „воспаленіемъ въ боку“; „двадцать семь дней“ больная была между жизнью и смертью, но „нарывъ на правомъ боку прорвался, со мною сдѣлалась рвота и я пришла въ себя“ (Mémoires, 21, 22). Оставляя въ сторонѣ время заболѣванія, продолжительность болѣзни и ея опредѣленіе, мы полагаемъ главную причину болѣзни въ нервномъ потрясеніи, вынесенномъ принцесою. Это подтверждается и объясненіемъ, какое позже дала своей болѣзни Екатерина: „Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала ночью, когда всѣ вокругъ спали, и, сидя на постели, зубрила тетради. Въ комнатѣ было жарко, я не находила нужнымъ обуваться; вслѣдствіе этого“ и т. д. (Mémoires, 21). Принцеса по ночамъ учитъ уроки русскаго языка уже на второй недѣли по прибытіи въ Москву!

стели, но оправилась — молодость и крѣпкая натура помогли перенести недугъ. Переломъ нравственный совершился, и она встала съ постели съ твердымъ намѣреніемъ быть привѣтливою ко всѣмъ, не вмѣшиваться ни во что, не выдвигаться впередъ, оказывать безграничное повиновеніе императрицѣ, глубочайшее уваженіе великому князю и всѣми силами стараться заслужить любовь всѣхъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Это рѣшеніе было принято вполнѣ обдуманно и проводимо съ твердостью поражающею, особенно въ женщинѣ. Такъ, напримѣръ, ни увѣщанія отца, ни его «Pro memoria», ни обѣщанія, данныя отцу [1]), ничто не удержало принцесу, и она также легко изъ лютеранки сдѣлалась православной [2]), какъ, нѣсколько лѣтъ позже, подтрунивала надъ обрядами греческой церкви [3]), глумилась надъ протестантствомъ [4]) и улыбалась, слушая католическую мессу [5]) въ Могилевѣ или привѣтствія іезуитовъ въ Полоцкѣ.

---

[1]) Сборникъ, VII, 2.

[2]) Вопросъ о принятіи Екатериною православія не подвергался спеціальному изслѣдованію; всѣ же историки, касавшіеся этого вопроса, относились къ нему съ увѣренностью, что для принцесы, отецъ которой былъ строгій лютеранинъ и которая воспитывалась въ лютеранскомъ „страхѣ Божіемъ“, было очень тяжело перемѣнить вѣру отцовъ. Такое мнѣніе, основанное исключительно на буквальномъ пониманіи донесеній прусскаго посланника въ Россіи Мардефельда и писемъ прусскаго короля Фридриха II, не выдерживаетъ критики. Фридрихъ II говоритъ, напр., что отецъ принцесы былъ „Lutheraner, wie man's in den Zeiten der Reform war“ — это не болѣе какъ фраза и, къ тому же, совершенно неумѣстная: когда этому „лютеранину временъ реформаціи“ дочь написала, что она не находитъ „почти никакой разности“ (presque aucune différence) между греческою и лютеранскою религіею (VIII, 4), а жена засвидѣтельствовала, что оба ученія даже „совершенно сходны“ (Соловьевъ, XXI, 336), то онъ вполнѣ этому повѣрилъ и преспокойно сталъ всѣмъ говорить: „Lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an!“ Донесенія Мардефельда не столько говорятъ о состояніи духа принцесы, сколько намекаютъ на услуги самого посланника и на его положеніе при дворѣ: то намекъ на свое участіе въ тайномъ приглашеніи къ Екатеринѣ лютеранскаго пастора, что̀, кстати сказать, вовсе не похоже на Екатерину и опровергается разсказомъ ея матери (VII, 30—31), то одинъ онъ знаетъ, что передъ „церемоніею“ Екатерина „много плакала“ и т. п. (Schlözer, Friedrich der Gr. und Katharina II, 49, 51; Брикнеръ, 220, 224). Какъ религію, также легко перемѣнила она и имя, изъ Софіи-Доротеи-Фридерики ставъ Екатериной. Она и тогда, вѣроятно, смотрѣла на „имя“ также, какъ въ 1773 г., когда писала Вольтеру: „Sur ce point nous sommes plus chiches que vous, qui en donnez par douzaine, tandis qu'ici chacun n'en a pas plus qu'il ne lui en faut, c'est-à-dire un seul“ (Сборникъ, XIII, 378).

[3]) XXIII, 19, 257, 597, 683; XXVII, 4.

[4]) XXIII, 12, 28, 41, 106, 331.

[5]) Id., 181—182.

Гдѣ причина такой перемѣны? Въ чемъ искать разгадку этой рѣшимости связать свою судьбу съ міромъ, ей совершенно чуждымъ, и, какъ мы видѣли, не особенно привлекательнымъ?

Отвѣтъ, и довольно категорическій, дала сама Екатерина сто лѣтъ назадъ, и этотъ отвѣтъ повторяется всѣми и по сей день: она сознавала тяжолое настоящее, она предвидѣла горькое будущее, но рѣшилась все перенести, все претерпѣть, потому что была «неравнодушна къ русской коронѣ» [1]). Къ какой коронѣ? Императрица Елизавета была тогда во цвѣтѣ лѣтъ — ей былъ 36-й годъ; великій князь Петръ Ѳедоровичъ—юноша, всего лишь годомъ старше самой Екатерины. О какой же коронѣ могла мечтать великая княжна Екатерина Алексѣевна въ 1744 году! Здѣсь, очевидно, послѣдующіе факты вспоминаются для оправданія предшествовавшихъ имъ рѣшеній. Кажется, нѣтъ надобности повторять слова Екатерины о коронѣ, не имѣвшія въ то время никакого значенія, когда существуютъ болѣе близкіе и естественные мотивы — Екатерина вывезла ихъ съ своей родины, они поддерживали ее въ пути изъ Цербста въ Москву, они облегчили ей пониманіе православныхъ уроковъ архимандрита ипатскаго, они же побудили ее къ перемѣнѣ, имѣвшей вліяніе на всю ея жизнь.

Екатерина родилась и росла въ довольно скромной обстановкѣ «крошечнаго» двора, среди скудной поморской природы, причомъ ея уму и воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины могущественной державы, славной своими громкими побѣдами, поражавшей своими несмѣтными богатствами, ослѣплявшей роскошью своей жизни. Здѣсь, въ Помераніи, повсюду стояли еще недавно русскія войска; тамъ, въ сосѣдней Даніи, русскій царь ведетъ свои войска къ побѣдѣ по поясъ въ водѣ; всюду, въ разсказахъ, чудится грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ; вотъ, по Одеру, плывутъ голштинскія суда съ ея земляками, ѣдущими искать счастія въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербстѣ, въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и Берлинѣ, всюду слышитъ она разсказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, о величіи Россіи, и эти разсказы глубоко западаютъ въ душу ребенка честолюбиваго, сильно волнуютъ воображеніе, которое рисуетъ ей заманчивые, чарующіе перспективы. Когда, съ годами, эти соблазнительные образы получили болѣе сознательное значеніе, когда разность между цербсткимъ и русскимъ представлялась осязательнѣе—тогда-то является приглашеніе ѣхать въ Россію, изъ цербстской принцесы

[1]) Mémoires, 17.

стать русскою великою княгинею. Она видитъ въ этой поѣздкѣ осуществленіе ея дѣтскихъ мечтаній, быть можетъ, юношескихъ вожделеній, и ѣдетъ охотно—въ дорогѣ она «походитъ на солдатъ, встрѣчающихъ опасность съ хладнокровіемъ» [1]), и спитъ непробуднымъ сномъ, когда разбились сани, ударившись, на всемъ скаку, объ уголъ дома [2]). И по дорогѣ, и въ Москвѣ все свидѣтельствуетъ о богатствѣ, о роскоши—«все съ галунами, все выложено золотомъ, великолѣпно» [3]); все плѣняетъ глазъ—и звѣзда ордена св. Екатерины, и «шлейфъ на шею, и серьги брильянтовыя въ 60,000 руб.» [4]), и брильянтовая запонка, и «ожерелье въ 150,000 рублей» [5]). А уваженіе, а почетъ? «Мы живемъ, какъ королевы. Когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный» [6]). Великолѣпная свита, толпа царедворцевъ, блистательный церемоніалъ, baise-main — все это бросить ради «Вѣрую» и возвратиться опять въ мизерную обстановку «крошечнаго» двора? Если Парижъ стоилъ мессы, то Россія и подавно стоила «Вѣрую», и Екатерина «d'une voix nette et claire et d'une prononciation, qui a étonné tout le monde, en récita tous les articles sans broncher d'une syllabe» [7]). Не только въ первые дни или мѣсяцы, въ первые годы пребыванія Екатерины въ Россіи не могло быть и помысловъ о «русской коронѣ», ни даже послѣ 21-го августа 1745 года, дня бракосочетанія [8]). «Русская корона», какъ причина рѣшенія, принятаго

---

[1]) Schlözer, 43; Брикнеръ, 210.

[2]) Сборникъ, VII, 23.

[3]) VII, 28.

[4]) Осмнадцатый Вѣкъ, I, 423.

[5]) Сборникъ, VII, 35.

[6]) Id. 28.

[7]) VII, 33.

[8]) Книгопродавецъ Цедлеръ издалъ въ прошломъ столѣтіи первый на нѣмецкомъ языкѣ „Всеобщій Лексиконъ“ (J. H. Zedler, Grosse vollständige Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Leipzig, 68 Bde, 1731—1754). Въ 61-мъ томѣ, подъ словомъ Zerbst, въ отдѣлѣ „Das Fürstliche Hauss“, на стр. 1597, въ разсказѣ о помолвкѣ Петра Ѳедоровича съ Екатериной Алексѣевной, говорится: „Die Prinzessin bekam von der Kayserin und dem Gross-Fürsten reiche Geschencke, und ward auch zur Erbin des Russischen Reichs eingesetzet, im Fall die Kayserin und der Gross-Fürst ohne Erben mit Tode abgehen solten“. Этому извѣстію г. П. Бартеневъ придаетъ полную вѣру и, потому, важное значеніе: „При бракосочетаніи Екатерины постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Екатерина (Цейдлеровъ Лексиконъ, стр. 1597) — условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины“ (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 29). Высоко цѣнитъ это извѣстіе и Я. К. Гротъ: „Для разъясненія всего образа дѣйствій Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ

Екатериною, какъ мотивъ дѣйствій, явилась уже значительно позже, когда обдумывался планъ „Записокъ“ и чувствовалась потребность придать своимъ поступкамъ мотивы болѣе высокаго порядка, государственнаго значенія.

Въ теченіи 18-ти лѣтъ, съ пріѣзда въ Россію до вступленія на престолъ, Екатеринѣ не разъ приходилось читать «Вѣрую». Нужна была крайняя осторожность, чтобъ не возбудить подозрѣнія императрицы, канцлера и той массы соглядатаевъ, которые слѣдили за

виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наслѣдство переходитъ къ ней“ („Древняя и Новая Россія“, I, 124). Такого „постановленія“ никогда не было и быть не могло, такъ какъ въ немъ не было надобности. Постановленія подобнаго рода обнародовались манифестами—такого манифеста не существуетъ; еслибъ манифестъ былъ изданъ, онъ былъ бы доставленъ въ лексиконъ Цедлера тѣмъ же лицомъ, которое обязательно сообщило ему всѣ подробности помолвки, не исключая даже манифеста значительно меньшей важности, которымъ повелѣвалось „diese Durchl. Printzessin, als Gross-Fürstin mit dem Titul: Ihro Kayserliche Hoheit, zu veneriren“. Не было же надобности въ подобномъ постановленіи потому, что наслѣдникомъ престола былъ уже объявленъ, по манифесту Елизаветы Петровны, ея племянникъ Петръ Ѳедоровичъ; о какой либо перемѣнѣ или дополненіи въ этомъ отношеніи могла быть рѣчь лишь въ случаѣ смерти великаго князя при жизни императрицы; по кончинѣ же Елизаветы Петровны, право распоряжаться въ этомъ отношеніи переходило къ императору Петру III. Но если такого постановленія не было, откуда почерпнулъ извѣстіе о немъ Цедлеръ для своего лексикона? При помолвкѣ цербстской принцесы, ея мать, княгиня цербстская, пользовалась еще извѣстнымъ расположеніемъ императрицы, которое, годъ спустя, совершенно утеряла, такъ что самымъ бракосочетаніемъ спѣшили, „чтобъ удалить ее“ изъ Россіи (Записки Штелина, „Чтенія въ обществѣ исторіи“, 1866, IV, 89). О своемъ пребываніи въ Россіи она писала подробныя письма, родъ реляцій, своей теткѣ; она описала, между прочимъ, и помолвку своей дочери. Все, напечатанное по этому поводу во „Всеобщемъ Лексиконѣ“ Цедлера есть лишь пересказъ письма княгини цербстской (ср. Сборникъ русск. ист. общества, VII, 37—44); вотъ почему княгиня постоянно выставляется на видъ въ разсказѣ о событіи, въ которомъ она играла роль болѣе, чѣмъ второстепенную. Едва упомянувъ, что „diese Verlobung geschahe mit grossem Gepränge“, лексиконъ прибавляетъ: „der Ober-Hof-Marschall Graf Otto von Brümmer führte die Fürstin von Zerbst, und der gesammte Hof folgte“. Въ лексиконѣ, конечно, опущены подробности о нежеланіи пословъ сидѣть ниже княгини; разсказано, однако, какъ всѣ обѣдали въ большой залѣ, за тремя столами, княгиня же обѣдала въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, что могла видѣть все, что происходило въ большой залѣ (Die Fürstin von Zerbst sass an einer besondern Tafel in einem Neben-Zimmer, worinnen sie Alles, was in dem grossen Saale vorging, sehen konnte)—подробность, настолько неумѣстная во „Всеобщемъ Лексиконѣ“, что помѣщеніе ея трудно было бы и объяснить, еслибъ не было указаній на источникъ этой статьи. Ею же, княгиней цербст-

каждымъ ея шагомъ. Ей было запрещено переписываться [1]) даже съ матерью и она должна была прибѣгать къ помощи иностранцевъ-музыкантовъ, чтобы обмануть бдительность окружавшихъ ее наушниковъ и наушницъ [2]). Среди придворнаго шума она была совершенно одинока: императрица не довѣряла ей, мужъ не любилъ ее, приближенные ко двору, желая сохранить милость императрицы, избѣгали ее; даже придворная прислуга, стараясь выслужиться, относилась къ ней недоброжелательно. Вѣрная своему рѣшенію сохранить за собою занятое положеніе, Екатерина все видитъ, все наблюдаетъ, все старается понять, но ничего не высказываетъ, все таитъ въ себѣ, оставаясь со всѣми мила и любезна, ко всѣмъ внимательна и предупредительна. Такое поведеніе начинало мало-по-малу приносить свои плоды. Въ 1755 г. англійскій посолъ Уйльямсъ писалъ своему двору: «Какъ только Екатерина пріѣхала сюда, она начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь русскихъ. Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Ея обращеніе очень привлекательно» [3]). Время, свободное отъ обязанностей, налагаемыхъ придворнымъ этикетомъ, Екатерина коротала бесѣдами съ фрейлинами, катаньемъ верхомъ и чтеніемъ. Благодаря совѣту друга своей семьи «питать свою душу серьезнымъ чтеніемъ» [4]), она постепенно переходитъ отъ романовъ, въ родѣ «Tristan le blanc», отъ различныхъ «Vies» [5]) Брантома, къ болѣе серьезнымъ книгамъ, какъ «Vie de

---

ской, или по ея указанію, было помѣщено извѣстіе о правѣ наслѣдованія Екатерины Алексѣевны. Извѣстіе это, почерпнутое изъ лексикона Цедлера, передано г. П. Бартеневымъ неточно, причемъ исчезли двѣ особенности, доказывающія очевидную его нелѣпость: вопервыхъ, постановленіе о престолонаслѣдіи отнесено къ помолвкѣ (а не къ бракосочетанію), и, вовторыхъ, условіемъ его поставлена бездѣтность не только великаго князя, но и императрицы! Ни Соловьевъ (Ист. Россіи, XXII, 41), ни Брикнеръ („Русск. Вѣсти“., 1883, I, 237) вовсе не упоминаютъ объ этомъ „постановленіи“. Это былъ слухъ, сплетня, опровергнутая еще кн. Дашковою („Архивъ“, VII, 253; XXI, 189).

[1]) „Ея высочество для избѣжанія всякаго подозрѣнія отъ излишней и тайной переписки всегда потребныя свои письма въ Нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ“. „Архивъ“, II, 102.

[2]) Mémoires, 92. Сборникъ, VII, 71.

[3]) Соловьевъ, XXIV, 56.

[4]) Mémoires, 29. Сборникъ, X, 157.

[5]) P. de Bourdeilles, seigneur de Brantome, (1527—1614), авторъ многихъ „Vies“: Vie des hommes illustres, Vie des dames galantes, Vie des dames illustres, Vie des grands capitaines étrangers. Его сочиненія были впервые изданы только въ 1666 г. Полное собраніе сочиненій вышло въ 1822 г.

Henry IV» Перификса или «Histoire d'Allemagne» Барри, прочитываетъ Плутарха, Цицерона, трудится надъ Монтескье, съ наслажденіемъ проглатываетъ «Lettres de M-me de Sevigné», въ 1746 г. впервые знакомится съ сочиненіями Вольтера, читаетъ «Dictionnaire historique et critique» Бэйля, «Политику» Платона, «Дѣянія церковныя и гражданскія» Баронія, читаетъ много, выбирая книги изъ присланныхъ ей каталоговъ академіи. Если жизнь вырабатывала характеръ Екатерины, то чтеніе образовывало ея умъ, дисциплинируя его въ общефилософскомъ направленіи. Графъ Гюлленборгъ, видѣвшій Екатерину въ 1745 г., назвалъ ее «философкой въ пятнадцать лѣтъ»; въ 1750 г. она, въ письмѣ къ матери, говоритъ уже о себѣ: «философка насколько можно, я не даю воли страстямъ» [1]), а черезъ годъ, съ 1751 г., начинаетъ выходить «Encyclopédie» Дидро, съ которою Екатерина не разстанется уже до смерти. Чтеніе философовъ вѣка, особенно же энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политическою зрѣлостью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ [2]). Она доказала это не столько вступленіемъ на престолъ, сколько дѣйствіями, подготовившими переворотъ 28-го іюня 1762 г. Практическія именно соображенія и житейскій опытъ въ значительной степени измѣнили ея политическіе взгляды и убѣжденія и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями. Прежде, будучи великой княгиней, она читала философскія и политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для просвѣщенія своего ума; позже, ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, желая привлечь ихъ на служеніе своимъ цѣлямъ.

Исторія отношеній Екатерины къ современнымъ ей философамъ еще не составлена; даже матерьялъ, потребный для этого труда, еще не собранъ и не изданъ. Будущій историкъ отмѣтитъ, вѣроятно, двѣ рѣзко выразившіяся особенности этихъ отношеній: вопервыхъ, фи-

[1]) Сборникъ, VII, 72.

[2]) Вотъ, для примѣра, нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ Екатериною въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы: 1) „Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Желаю, чтобъ повиновались законамъ, но не рабски; стремлюсь къ общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми“ (Сборникъ, VII, 84); 2) „Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ для того, кто желаетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть—стоитъ только основать свои дѣйствія на благѣ народа и на справедливости, на двухъ началахъ, всегда неразлучныхъ“ (Id. 85); 3) „Если хотите уваженія общества, то пріобрѣтите его довѣренность, основывая весь образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ“ (Id. 88).

лософскія начала, даже удостоившіяся наибольшихъ похвалъ со стороны Екатерины, не получали практическаго примѣненія и, тѣмъ не менѣе, этими отношеніями достигались наиболѣе практическія цѣли, и, вовторыхъ, чѣмъ менѣе Екатерина готова слѣдовать указаніямъ философіи, тѣмъ болѣе высказываетъ она приверженности къ философамъ.

Изъ всѣхъ современныхъ философовъ Екатерина особенно отличала двухъ: ненавидѣла Руссо и плѣнялась Монтескье. Изъ бумагъ Екатерины не видны причины ея ненависти къ Руссо. Быть можетъ, Екатеринѣ не нравился его идеализмъ, его риторическое изложеніе [1]), но можетъ быть также, что своимъ проницательнымъ умомъ Екатерина понимала куда ведетъ то равенство, которое проповѣдовалъ Руссо, и предъугадывала возможность постановленій знаменитой ночи 4-го августа 1789 г. Хотя Руссо не касался вопроса о собственности и, кажется, не раздѣлялъ взглядовъ Морелли, высказанныхъ въ «Code de la Nature», Екатерина, тѣмъ не менѣе, признавала выставленный имъ принципъ равенства настолько вреднымъ, что, вскорѣ же по вступленіи на престолъ, въ высочайшемъ повелѣніи отъ 6-го сентября 1763 г., выразилась такъ: «Слышно, что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, и которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ Эмиль Руссо... Надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили» [2]). Упоминая объ умершемъ Руссо, Екатерина прибавляетъ «de douteuse mémoire», но, когда ей то выгодно, приводитъ слова Руссо въ защиту своего мнѣнія: къ письму отъ 12-го мая 1791 г. она приложила длинную выписку изъ сочиненія Руссо, въ которой говорится, что «les lois de liberté sont plus austères que n'est dur le joug des tyrans» [3]). Произведенія Монтескье Екатерина изучала особенно старательно: «два уже года мои главныя занятія заключаются въ перепискѣ и оцѣнкѣ началъ Монтескье. Я стараюсь понять его и уничтожаю сегодня то, что находила вчера очень хорошимъ» [4]). Эти начала Монтескье были ей необходимы при составленіи «Наказа коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія»: приходилось касаться общихъ положеній государственнаго права, давать юридическія опредѣленія, высказывать политическія тенденціи—Екатерина брала ихъ у Монтескье, передѣлывая и толкуя его «начала» иногда такъ, что не легко было бы узнать оригиналъ, съ котораго

[1]) Hillebrand, 394; Кобеко, Екатерина и Руссо, въ „Ист. Вѣст.“, XII, 603.
[2]) Сборникъ, VII, 318.
[3]) XXIII, 538.
[4]) X, 131.

они списывались. Она писала Д'Аламберу въ 1765 г.: «Вы увидите изъ «Наказа», какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что еслибъ онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы этотъ плагіатъ ради блага двадцати милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобъ обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ» [1]). Черезъ годъ, въ 1766 г., Екатерина извѣщаетъ Вольтера, что включила въ «Наказъ» свой извлеченіе изъ «L'esprit des lois», именно о волшебствѣ [2]). Въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескье [3]). Но и съ Монтескье, какъ и съ Руссо, Екатерина не была въ перепискѣ: Монтескье умеръ въ 1755 г., когда она ни съ кѣмъ не могла еще переписываться; Руссо былъ для нея невыносимъ.

Только ставъ императрицею, Екатерина входитъ въ непосредственныя сношенія съ философами и, прежде всего, съ Дидро: «черезъ девять дней по восшествіи своемъ на престолъ» [4]), 6-го іюля 1762 г., Екатерина предлагаетъ уже Дидро пріѣхать въ Петербургъ для окончанія «Энциклопедіи», изданіе которой встрѣчало много затрудненій въ Парижѣ. На практическую Екатерину «Энциклопедія» произвела большое впечатлѣніе. Она читала ее, держала постоянно подъ рукою и никогда не разставалась съ нею, то выбирая изъ нея сюжетъ для театральныхъ пьесъ, то отыскивая смыслъ словъ, то провѣряя отдѣльныя выраженія [5]). По «Энциклопедіи» составила себѣ Екатерина понятіе о Дидро, за нее она полюбила его, и воспользовалась представившимся случаемъ впервые обратить на себя вниманіе, заставить говорить о себѣ: она купила библіотеку Дидро, причемъ оставила ее ему въ пожизненное пользованіе, пригласивъ его библіотекаремъ съ извѣстнымъ ежегоднымъ содержаніемъ. Это былъ практически-умный ходъ съ ея стороны и она вполнѣ достигла своей цѣли: Вольтеръ, Д'Аламберъ и Гриммъ, друзья Дидро, прокричали о Екатеринѣ по всей Европѣ. Соблазненная успѣхомъ перваго своего хода, она, черезъ два года, дѣлаетъ второй: выплачиваетъ Дидро его жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Конечно, и второй ходъ удался вполнѣ. За первыми ходами были сдѣланы и послѣдующіе. Въ угоду Вольтеру Екатерина осыпаетъ своими благодѣяніями лицъ, которымъ по-

[1]) Сборникъ, X, 31. L'Esprit des lois est le breviaire des souverains pour peu qu'ils ayent le sens commun. I, 269.

[2]) Id. 95.

[3]) XXIII, 130.

[4]) XXXIII, 48.

[5]) Храповицкій, 17, 27, 54 и др.

кровительствуетъ Вольтеръ [1]), и удостоивается отъ него похвалъ, установившихъ ее репутацію въ Европѣ, какъ женщины просвѣщенной и добродѣтельной, какъ примѣрной государыни, способной осчастливить страну.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Д'Аламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывахъ о Метастазіо и Беккаріа, объ Эйлерѣ и Галлерѣ видѣнъ свободный мыслитель и гуманистъ, передъ которымъ даже такой государь, какъ Фридрихъ II, если не остается въ тѣни, то отходитъ на второй планъ, и, въ то же время, видѣнъ человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ въ философскій принципъ. Екатерина ни предъ чѣмъ не останавливается для достиженія преднамѣренной цѣли, ни даже предъ обманомъ и ложью. Такъ, напримѣръ, она увѣряла Вольтера, что «въ Россіи нѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы, когда ему угодно, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ» [2]). Въ письмѣ отъ 1771 г. она пишетъ тому же Вольтеру: «Что же касается записокъ объ исповѣди, то мы не знаемъ даже ихъ названія» [3]). И что же? Въ томъ же самомъ году, быть можетъ въ тотъ же самый день, она подписала «высочайшій выговоръ» тобольскому губернатору Чичерину за нерадѣніе въ составленіи «исповѣдныхъ росписей» [4]). Екате-

---

[1]) Сборникъ, X, 95.

[2]) Il n'y a pas de paysan qui ne mange en Russie une poule quand il lui plait, et depuis quelque temps ils préfèrent les dindons aux poules. Сборникъ, X, 345. Въ письмахъ къ Панину изъ своего перваго путешествія по Россіи императрица постоянно сообщаетъ о зажиточности народа, но курица уже не появляется, тѣмъ менѣе индѣйка. Id., 207, 208, 211 и др. Съ этой курицей мы еще встрѣтимся—она опять явится для убѣжденія Дидро въ довольствѣ народа.

[3]) XIII, 101.

[4]) Въ теченіи всего XVIII столѣтія въ Россіи взимался штрафъ съ небывшихъ у исповѣди и святаго причастія. Для взиманія штрафа были заведены при каждой приходской церкви такъ называемыя духовныя росписи или исповѣдныя росписи—книги, въ которыя записывались всѣ бывшіе у исповѣди. Исповѣдный штрафъ былъ установленъ при Петрѣ Великомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ, вслѣдствіе уклоненія „вѣрноподданныхъ православнаго исповѣданія“ отъ исполненія св. таинствъ, не приключилось „раскольнической ереси преумноженіе“. Размѣръ штрафа не былъ точно опредѣленъ: которые не были на исповѣди „на тѣхъ людей класть штрафы противъ доходовъ съ него втрое“; крестьяне „съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ вдвое“, а „съ женска полу, со вдовы и дѣвокъ, противъ онаго вполы“. Исповѣдный штрафъ, по самому способу присужденія, наложенія и взысканія былъ мѣрой чисто фискальною, полицейскою, и велъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ со

рина такъ умно и ловко поставила себя относительно философовъ, что они являлись добровольными ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Она такъ хорошо знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что всѣ «князи философіи» были за Екатерину даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью» [1]), а въ Екатеринѣ видѣли чуть-ли не апостола вѣротерпимости и піонера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ! Въ то время, какъ иностранные философы не только оправдывали ее вмѣшательство въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политической мудрости, русскій вельможа, посолъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ писалъ изъ Лондона своему брату, президенту комерцъ-коллегіи, графу Александру Романовичу, въ Петербургъ: «Все, что вы и господа Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣніе, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Это дѣло само по себѣ представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что грабятъ Польшу, чтобы отмстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіи столькихъ вѣковъ! Можно-ли воображать послѣ этого, что какой либо дворъ будетъ имѣть какое либо довѣріе къ намъ?» [2]). Изъ писемъ же Екатерины видно, что сами философы побуждали ее къ раздѣламъ. Такъ, она пишетъ въ 1789 г.: «Вы напрасно стараетесь уничтожить польскую націю—она сама работаетъ въ этомъ направленіи; но крайней

стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Препирательства этихъ властей по поводу исповѣднаго штрафа доходили до размѣровъ, для нашего времени совершенно даже непонятныхъ. Такъ, напримѣръ, получивъ высочайшій выговоръ и желая досадить митрополиту Павлу, губернаторъ Чичеринъ нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время масляницы приказалъ имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребные дома. Въ отместку за это поруганіе митрополитъ приказалъ нарисовать на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черти тянутъ крючьями въ адъ (изъ рукоп. ист. христіанства въ Сибири, Х. Сулоцкаго, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, CLVII, стр. 36). Ср. „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 365.

[1]) La canaille. Сборникъ, XXXIII, 57.

[2]) „Архивъ“, IX, 302.

мѣрѣ, она уничтожила постоянный совѣтъ, единственное высшее учрежденіе, которое наблюдало за исполненіемъ закона; не безпокойтесь: безумное ничтожество націи поведетъ ее отъ одной крайности къ другой и придетъ время, когда она сознаетъ свою глупость и будетъ раскаиваться. Надо правду сказать—вы большой политикъ: на двухъ страницахъ вы обозрѣваете всю Европу, но такъ какъ это дѣлается только изъ желанія сказать мнѣ, что я должна дѣлать только то, что мнѣ предписываетъ моя выгода, то я вамъ очень благодарна и увѣряю васъ, что не премину воспользоваться вашимъ совѣтомъ» [1]).

Читая письма Екатерины къ Вольтеру и о Вольтерѣ, не трудно убѣдиться, что она ставила его выше всѣхъ современныхъ философовъ, на ряду съ Монтескье. Вольтера называетъ она своимъ учителемъ, его ставитъ себѣ въ образецъ [2]); въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти Вольтера, она подписывается на сто экземпляровъ его произведеній: «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобъ я могла размѣстить ихъ повсюду. Хочу, чтобъ они служили образцомъ, хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобъ выучивали наизустъ, чтобъ души питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества. Какова тирада?» [3]). Дѣйствительно, было бы большою ошибкою увидѣть въ этихъ строкахъ что либо иное, кромѣ тирады. Когда было объявлено объ изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера, Екатерина писала Гримму: «Но, послушайте, кто же въ силахъ прочесть пятьдесятъ два тома сочиненій Вольтера? Когда изданіе выйдетъ въ свѣтъ, купите за мой счетъ два экземпляра для Ваньера, отправьте ихъ ему отъ моего имени и скажите ему, чтобъ онъ отмѣтилъ въ одномъ изъ экземпляровъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, и переслалъ бы мнѣ этотъ экземпляръ» [4]). Получивъ просмотрѣнные уже Ваньеромъ тома, она даже не раскрывала ихъ [5]). Мало того: въ 1767 г., при жизни Вольтера, отправляя графовъ Ольденбургскихъ [6]) заграницу путеше-

[1]) Сборникъ, XXIII, 472.
[2]) Id. 102, 247.
[3]) Id. 104.
[4]) Id. 278.
[5]) Id. 334.
[6]) Екатерина руководила воспитаніемъ двухъ сыновей своего дяди, принцевъ голштин-готторпскихъ, Августа-Вильгельма и Петра-Фридриха. Во время путешествія ихъ по Европѣ они, по волѣ ея, назывались графами Ольденбургскими. Дядя Екатерины, принцъ Георгъ-Людвигъ, умеръ въ 1763 г.; «оспротѣвшихъ принцевъ» она немедленно взяла къ себѣ, «а то пить-ѣсть негдѣ имъ взять будетъ», какъ писала она Панину. Сборникъ, VII, 330.

ствовать, Екатерина воспретила имъ посѣщать Лозанну или Женеву, «чтобъ не быть въ близости отъ Вольтера» [1]).

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проницательной и практической; она эксплуатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Пріобрѣтя довѣріе и «заслуживъ» похвалы знаменитыхъ «князей философіи», Екатерина ведетъ съ ними переписку, задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ, по ихъ указанію, въ Россію ученыхъ, техниковъ, артистовъ. Екатерина была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, желала получить ихъ одобреніе. Екатерина не довольствовалась перепиской и постоянно желала имѣть около себя одного изъ «князей философіи», прежде всего, конечно, Монтескье [2]), для непосредственнаго, живаго обмѣна мыслями. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она приглашаетъ Д'Аламбера пріѣхать въ Петербургъ и приглашаетъ весьма настоятельно [3]). «Пріѣзжайте со всѣми своими друзьями; я обѣщаю вамъ, а также и имъ, всѣ удовольствія и удобства, какія только могутъ отъ меня зависѣть, и, можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе свободы и спокойствія, чѣмъ у себя» [4]). Д'Аламберъ не пріѣхалъ. Тогда, по рекомендаціи Дидро [5]), Екатерина приглашаетъ Мервье де-ла-Ривьера, автора «De l'ordre

[1]). Сборникъ, X, 173.

[2]) I, 269.

[3]) VII, 178, 179 (peut-être je vous presse trop); X, 42.

[4]) VII, 179.

[5]) C'était le célèbre Diderot qui avait inspiré à cette princesse le désir de connaître M. de-La Rivière (Mémoires du comte de Ségur, Paris, 1859, I, 443). Въ письмѣ къ Фальконэ, отъ іюля 1767 г., Дидро такъ отзывается о де-ла-Ривьерѣ: „Il a reçu de la nature une belle âme, un excellent esprit, des moeurs simples et douces"; о его сочиненіи: „C'est l'apôtre de la propriété, de la liberté et de l'évidence"; о значеніи его для Екатерины: „Ah, si Sa Majesté Impériale a du goût pour la verité qu'elle sera sa satisfaction! Nous envoyons à l'Impératrice un très habile, un très honnête homme. Lorsque l'Impératrice aura cet homme-là, et de quoi lui serviraient les Quesnay, les Mirabeau, les de Voltaire, les d'Alembert, les Diderot? A rien, mon ami, à rien. C'est celui-là qui la consolera de la perte de Montesquieu". (Diderot, Oeuvres complètes, XVIII, 236). Фальконэ писалъ Дидро о де-ла-Ривьерѣ: „Si jamais vous recommandez quelqu'un à l'Impératrice, faites qu'il se choisisse une compagnie qui honore son jugement". (Сборникъ, XVII, 255).

naturel et essentiel des sociétés policées». «Убѣждаю васъ — пишетъ она Панину—написать Штакельбергу, а если онъ уже не во Франціи, то князю Голицину, чтобъ онъ вошелъ въ переговоры съ г. де-ла-Ривьеромъ о поѣздкѣ его въ Россію. Будучи долгое время на службѣ въ Мартиникѣ, онъ высказалъ очень здравыя идеи въ своемъ трактатѣ. Онъ намъ будетъ полезенъ» [1]). Де-ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ; Екатерина старалась исполнить всѣ его желанія [2]); но вскорѣ онъ потерялъ всякое значеніе въ ея глазахъ. Онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ 1767 г.; въ ноябрѣ Екатерина говоритъ уже, что «сочинитель существеннаго порядка мелетъ вздоръ» [3]), а въ январѣ 1768 г. пишетъ Панину [4]): «Иванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ сказываетъ, что де-ла-Ривьеръ убавилъ маленько спѣси: только говоритъ и много о себѣ думаетъ, а похожъ онъ на доктура» [5]). Четыре года спустя, въ сентябрѣ 1773 года, въ свитѣ ландграфини гессен-дармштадтской прибылъ въ Петербургъ Гриммъ [6]) и привезъ Екатеринѣ радостную вѣсть: еще въ концѣ мая Дидро выѣхалъ изъ Парижа и вскорѣ долженъ прибыть въ Петербургъ. Съ восторгомъ извѣщая Вольтера о пріѣздѣ Гримма, Екатерина прибавляетъ: «съ минуты на минуту ожидаю Дидро...» [7]).

---

[1]) Сборникъ, X, 240.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 361.

[3]) Сборникъ, XVII, 30.

[4]) X, 279.

[5]) „Докторъ“, въ устахъ Екатерины, бранное слово. Въ своей перепискѣ Екатерина часто глумится надъ докторами. „Если вы больны, избавляйтесь отъ болѣзни какъ я, не прибавляя къ болѣзни еще зла или медика: у меня зло и докторъ суть синонимы. Эти шарлатаны морили меня уже много разъ, но еще никого не вылечивали; два мѣсяца назадъ, я семь дней пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ порога моей двери“. (Сборникъ, XXIII, 276). Ср. также: VII, 86; XIII, 408; XXIII, 111, 165, 299; XXXIII, 87.

[6]) Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ (1723 — 1807), авторъ „Correspondance littéraire“, принадлежалъ къ „философской партіи“ и былъ близокъ съ Дидро, Д'Аламберомъ, Руссо, Гольбахомъ и др. Онъ былъ два раза въ Петербургѣ, велъ переписку съ Екатериною и умеръ русскимъ посланникомъ въ нижнесаксонскихъ владѣніяхъ. Во II т. „Сборника“ помѣщена его „Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей преданности императрицѣ Екатеринѣ II“, въ XXIII и XXXIII томахъ „Сборника“ изданы письма Екатерины къ Гримму и Гримма къ Екатеринѣ. На основаніи этихъ писемъ составлены двѣ статьи: 1) Karl Hillebrand, „Katharina II und Grimm“, въ „Deutsche Rundschau“ за 1881, т. VII, стр. 377—405, и 2) Р. „Гриммъ и его отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ II“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1882 г., т. CLVII, стр. 405—435.

[7]) Сборникъ, XIII, 358.

II.

Denis Diderot.

L'on a peu connu cette tête extraordinaire.
Dashkaw.

Въ четвергъ, 24 іюля 1749 г., въ девятомъ часу поутру, къ одному изъ старыхъ парижскихъ домовъ въ улицѣ Vieille Estrapade, подъѣхалъ фіакръ, изъ котораго вышли полицейскій коммисаръ Рошбрюнь (Rochebrune) и полицейскій агентъ; два сыщика, съ ранняго утра прогуливавшіеся у дома, присоединились къ нимъ, и всѣ, подъ предводительствомъ комисара, вошли въ квартиру обойщика, отдававшаго въ наймы нѣсколько комнатъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ, имѣвшей всѣ признаки кабинета ученаго, былъ произведенъ тщательный обыскъ — бумаги пересмотрѣны, письма перечитаны, книги переписаны. По окончаніи обыска, комисаръ предъявилъ хозяину кабинета королевское повелѣніе объ его заарестованіи. Когда арестованный садился уже въ фіакръ, разсыльный изъ типографіи Ле-Бретона подалъ ему коректуру—комисаръ заарестовалъ и коректуру.

Черезъ недѣлю, 31 іюля, въ залѣ совѣта венсеннской тюрьмы, въ присутствіи генералъ-губернатора города и округа, генерала Беррье, происходилъ первый допросъ арестованнаго, спрошеннаго подъ присягою, послѣ чего былъ составленъ слѣдующій протоколъ:

«Спрошенный объ имени, возрастѣ, состояніи, родинѣ, мѣстѣ жительства, занятіи и религіи:

«Назвался Денисомъ Дидро, родомъ изъ Лангра (Langres), 36 лѣтъ, проживаетъ въ Парижѣ, въ моментъ арестованія въ улицѣ Vieille Estrapade, въ приходѣ св. Стефана-на-горѣ, религіи католической, апостолической и римской.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе подъ заглавіемъ: «Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient»:

«Отвѣчалъ, что не онъ.

«Спрошенный, кто же ему напечаталъ сказанное произведеніе:

«Отвѣчалъ, что никогда не печаталъ сказаннаго произведенія.

«Спрошенный, не продавалъ-ли или не отдавалъ-ли кому рукопись:

«Отвѣчалъ пѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ-ли имени автора сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что ничего не знаетъ.

«Спрошенный, не имѣлъ-ли въ своемъ распоряженіи рукопись прежде ея напечатанія:

«Отвѣчалъ, что не имѣлъ этой рукописи въ своемъ распоряженіи ни прежде, ни послѣ ея напечатанія.

«Спрошенный, не давалъ-ли или не посылалъ-ли различнымъ лицамъ экземпляръ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что не давалъ и не посылалъ никому.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, появившееся около двухъ лѣтъ назадъ подъ заглавіемъ «Les bijoux enchantés»:

«Сказалъ, что не онъ.

«Спрошенный, не продавалъ ли или не давалъ-ли кому либо рукопись этого произведенія для напечатанія или иного употребленія:

«Отвѣчалъ нѣтъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, появившееся много лѣтъ назадъ и озаглавленное «Pensées philosophiques»:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ-ли онъ автора сказаннаго сочиненія:

«Отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «Le Sceptique ou l'Allée des idées»:

«Отвѣчалъ, что онъ.

«Спрошенный, гдѣ рукопись сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что ея болѣе не существуетъ, такъ какъ онъ ее сжегъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «L'Oiseau blanc, conte bleu»:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не трудился-ли онъ по крайней мѣрѣ надъ исправленіемъ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«По прочтеніи этого допроса отвѣтчику, онъ заявилъ, что отвѣты, имъ данные, вполнѣ согласны съ истиною, что онъ подтверждаетъ ихъ, въ чомъ и подписуется.

«Беррье.
«Дидро [1]).

«Помѣтка полиціи: роста средняго, лицо чистое (la phisionomie décente), очень уменъ, но крайне опасенъ» (extrêmement dangereux).

Полицейская помѣтка: «крайне опасенъ» была, къ сожалѣнію, принята у насъ за правильную оцѣнку мыслителя, которому мы обязаны величайшимъ умственнымъ переворотомъ, пережитымъ человѣчествомъ. Свидѣтельство русской императрицы не принято во вни-

[1]) I. Delart. Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes. Diderot, XX, 234.

маніе и отдано предпочтеніе отзыву французскаго сыщика. Это можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ съ идеями Дидро. Русскіе люди, близко знавшіе его, питали къ нему глубокое уваженіе. Когда князь Г. Г. Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, былъ проѣздомъ въ Парижѣ, онъ «сдѣлалъ только два визита, и первый—къ Дидро» [1]); русскій полномочный министръ при французскомъ дворѣ князь Д. А. Голицынъ былъ «другомъ» Дидро, который по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ у него въ Гагѣ [2]); камергеръ С. К. Нарышкинъ предложилъ ему свою карету и взялся сопровождать его въ Петербургъ [3]); знаменитый И. И. Бецкій, фельдмаршалъ графъ Б. Х. Минихъ, почти всѣ вельможи русскаго двора [4]), относились къ Дидро съ уваженіемъ; наконецъ, геніальнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ женщинъ, императрица Екатерина II, бесѣдовала съ Дидро по цѣлымъ вечерамъ во все пребываніе его въ Петербургѣ. Почему же, спустя сто лѣтъ, сталъ онъ вдругъ для насъ «опасенъ»? Умная княгиня Е. Р. Дашкова разрѣшила очень просто этотъ вопросъ—Дидро считаютъ опаснымъ потому, что мало его знаютъ [5]).

Чему училъ Дидро? Что онъ проповѣдовалъ?

Дидро училъ, что человѣческая природа хороша, что міръ божій прекрасенъ и что зло лежитъ внѣ человѣческой природы и божьяго міра, что зло есть послѣдствіе дурного образованія и дурныхъ учрежденій. Кто же въ настоящее время не сознаетъ этого? Но сто лѣтъ назадъ эти истины явились серьезнымъ протестомъ противъ католическаго аскетизма въ вопросахъ нравственныхъ, противъ феодальнаго абсолютизма въ учрежденіяхъ государственныхъ, противъ формализма въ искусствѣ и обскурантизма въ мышленіи. Эти столь обыкновенныя для насъ и столь новыя для того времени истины пролили свѣтъ на догматы старой теологіи, возбудили интересъ къ государству и законодательству, къ общественной жизни и домашней обстановкѣ, словомъ, произвели ту революцію въ умахъ, благодѣтельныя послѣдствія которой испытываетъ на себѣ человѣчество и по настоящее время.

Да, Дидро былъ «крайне опасенъ», но для кого? Для католической церкви, противоестественные догматы которой онъ подрывалъ въ самомъ корнѣ. Католическій священникъ того времени являлся врагомъ общества, покровителемъ праздности, гонителемъ науки; онъ

[1]) Сборникъ, XXXIII, 100: la première à Diderot.
[2]) Id. 506.
[3]) Diderot, XIX, 344.
[4]) Сборникъ, XXXIII, 504.
[5]) Архивъ, XXI, 139.

не признавалъ законовъ страны и безполезно поглощалъ достояніе націи. Экономическій вредъ безбрачной жизни, грубые предразсудки католическаго духовенства, жестокость аскетовъ и человѣконенавистничество ханжей—вотъ противъ чего вооружились такіе великіе умы XVIII вѣка, какъ Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ и, во главѣ ихъ, Дидро. И что особенно было «опасно» для католическаго духовенства—простота, общедоступность изложенія и практически-соціальный взглядъ Дидро, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ вопросамъ. Дидро доказывалъ, напримѣръ [1]), что для Франціи, населеніе которой въ то время постоянно уменьшалось, было бы весьма полезно, если-бъ 40,000 священникамъ, живущимъ на французской землѣ, было разрѣшено жениться и произвесть въ первые же два года 80,000 маленькихъ французовъ! Подобныя «атаки» на католическое духовенство производили сильное впечатлѣніе на умы и пріучали ихъ относиться и къ другимъ вопросамъ съ такимъ же скептицизмомъ и съ такою же критикою. Намъ не нужно доказывать справедливость этого положенія въ виду сознанія самого Дидро, выраженнаго имъ въ письмѣ къ русской женщинѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшей съ нимъ въ перепискѣ. Вотъ что писалъ Дидро княгинѣ Дашковой, отъ 3-го апрѣля 1771 года: «Каждый вѣкъ имѣетъ свое особое направленіе, которое его характеризуетъ; направленіе нашего вѣка заключается, кажется, въ стремленіи къ свободѣ. Первая атака противъ суевѣрія была очень сильна, сильна не въ мѣру. Но разъ, что люди осмѣлились такъ или иначе атаковать предразсудки теологическіе, изъ всѣхъ предразсудковъ самые устойчивые и наиболѣе заслуживающіе уваженія, имъ невозможно уже остановиться: отъ предразсудковъ теологическихъ они обратятъ рано или поздно свои угрожающіе взоры на предразсудки земные» [2]).

Дидро не былъ ученый, тѣмъ менѣе педантъ; онъ не былъ философъ, и оставилъ, по меткому выраженію Мармонтеля, «много прекрасныхъ страницъ, но ни одного сочиненія» [3]). Кто же онъ былъ?

Литераторъ. Сынъ ножевщика, воспитанникъ іезуитовъ, онъ не пожелалъ изучать ни медицины, ни богословія, ни юриспруденціи, и предпочелъ быть литераторомъ. Сто лѣтъ назадъ, въ Европѣ смотрѣли на литераторовъ точно также, какъ смотрятъ на нихъ теперь у насъ, т. е. почти какъ на «отверженцевъ». Какъ теперь русскій литераторъ бѣдствуетъ, такъ сто лѣтъ назадъ бѣдствовали Руссо,

---

[1]) Diderot, XIV, 55.
[2]) Diderot, XX, 28.
[3]) Barrière, V, 315.

Мармонтель, Лессингъ, Гольдони [1]). Также бѣдствовалъ и Дидро. Онъ перебивался уроками, голодалъ, жилъ переводами, опять голодалъ и во все это время, продолжавшееся болѣе десятка лѣтъ, помогалъ рѣшительно всѣмъ, кто только къ нему ни обращался, помогалъ, конечно, не деньгами, которыхъ у него тогда не было, а литературнымъ трудомъ. Приходитъ къ Дидро молодой человѣкъ, подаетъ рукопись и проситъ просмотрѣть и исправить. Дидро читаетъ рукопись и оказывается, что это—злая сатира на его личность и на его сочиненія. «Что побудило васъ къ такимъ нападкамъ?»—«Мнѣ нечего ѣсть, и я надѣялся, что вы дадите мнѣ нѣсколько луидоровъ, лишь бы я этого не напечаталъ». Дидро все извинилъ изъ состраданія къ голодному писакѣ. «Я научу васъ какъ добыть этимъ путемъ еще больше денегъ: братъ герцога Орлеанскаго—ханжа, и, потому, ненавидитъ меня; посвятите ему вашу сатиру и отнесите ему—онъ навѣрное не откажетъ въ пособіи».—«Я не знакомъ съ принцемъ и не съумѣю написать посвященіе».—«Присядьте же, я вамъ его напишу». Посвященіе написано, сатира поднесена принцу и подноситель получилъ щедрое вознагражденіе [2]). Доброта, незлобивость, мягкосердечіе, великодушіе Дидро были извѣстны всѣмъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный. «На меня—пишетъ Дидро г-жѣ Воланъ—производятъ болѣе сильное впечатлѣніе прелести добродѣтели, нежели безобразіе порока. Я тихонько отворачиваюсь отъ дурнаго человѣка и бросаюсь въ объятія хорошаго. Если въ какомъ нибудь произведеніи, характерѣ, картинѣ, статуѣ есть хоть что-нибудь хорошее, мои глаза на немъ и останавливаются, я ничего не вижу, кромѣ хорошаго, и ничего другаго не удерживаю въ памяти—обо всемъ остальномъ я позабываю» [3]). Чтобъ дорисовать портретъ литератора Дидро необходимо привести отзывъ о немъ Мармонтеля: «Будучи однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего вѣка, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ любезныхъ. Когда онъ откровенно высказывалъ свое мнѣніе о чемъ-либо касавшемся нравственныхъ достоинствъ человѣка, въ его краснорѣчіи была такая увлекательность, которую я не въ силахъ выразить. Вся его душа отражалась въ его глазахъ, на его устахъ; никогда еще физіономія не изображала такъ вѣрно сердечной доброты» [4]).

Въ «Запискахъ» Екатерины вовсе не упоминается имя Дидро; но

---

[1]) Vernon Lee, Studies of the eighteenth century in Italy. London. 1881. „Метастазіо, Гольдони и Гоцци“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, CLI, стр. 95—165.

[2]) Diderot, I, XCVIII.

[3]) Id., XVIII, 376.

[4]) Barrière, V, 316.

изъ ея переписки, изданной русскимъ историческимъ обществомъ, несомнѣнно, что Екатерина читала первое изъ упомянутыхъ на допросѣ трехъ произведеній Дидро—Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient. Въ письмѣ отъ 18 февраля 1767 г. императрица пишетъ Фальконэ: «Зрѣніе мое укрѣпились по прочтеніи «Письма о слѣпыхъ», которое возвращаю вамъ съ благодарностью» [1]). Въ «Письмѣ о слѣпыхъ» Дидро изслѣдуетъ измѣненіе нашихъ, пріобрѣтаемыхъ помощію всѣхъ чувствъ, понятій, вслѣдствіе отсутствія одного изъ этихъ чувствъ, именно зрѣнія. Для современниковъ Дидро это письмо имѣло особое значеніе потому, что авторъ касается вопроса о вѣрѣ слѣпца въ существованіе божества—одинакова-ли она съ вѣрою зрячаго, созерцающаго чудеса природы? Этотъ аргументъ, какъ оказывается, не имѣетъ для слѣпца никакого значенія, такъ какъ онъ не видитъ самихъ чудесъ природы. «Зачѣмъ вы—говоритъ слѣпой—разсказываете мнѣ о всѣхъ этихъ великолѣпныхъ зрѣлищахъ, которыя существуютъ не для меня? Я осужденъ проводить всю мою жизнь во мракѣ, а вы ссылаетесь на такія чудныя картины, которыя мнѣ непонятны и которыя могутъ служить доказательствами только для васъ и для тѣхъ, кто видитъ то же, что и вы. Если вы хотите, чтобъ я увѣровалъ въ бога, вы должны сдѣлать такъ, чтобъ я осязалъ его... Что общаго между механизмомъ вселенной (если даже этотъ механизмъ дѣйствительно такой совершенный, какимъ вы его считаете) и существованіемъ высшей интеллигенціи? Если этотъ механизмъ приводитъ васъ въ изумленіе, то, вѣроятно, потому, что вы привыкли изумляться всему, что не по силамъ вамъ самимъ» [2]).

Уже эти и имъ подобные взгляды должны были въ значительной степени поколебать міросозерцаніе, преподанное Екатеринѣ пасторомъ Вагнеромъ; но знакомство императрицы съ «Письмомъ о слѣпыхъ» пріобрѣтаетъ особенную важность вслѣдствіе того, что въ этомъ письмѣ Дидро впервые высказалъ тѣ мысли, которыя позже были имъ подробнѣе развиты въ сочиненіи «Основы физіологіи» [3]) и которыя показываютъ, что творцомъ современной намъ эволюціонной теоріи былъ никто иной, какъ Дидро. Философія Дидро, такъ долго остававшаяся въ какомъ-то пренебреженіи, обратила на себя особенное вниманіе ученыхъ, вслѣдствіе ея очень близкаго сродства съ преобладающими тенденціями современной философіи, которой онъ справедливо можетъ быть названъ предтечею. Въ произведеніяхъ Дидро можно

[1]) Сборникъ, XVII, 2.

[2]) Diderot, I, 312.

[3]) Eléments de physiologie. Questions d'anatomie et de physiologie. Diderot, IX, 239—476.

услѣдить зародыши идей, развитыхъ современными намъ учеными и распространенныхъ только въ наши дни. Дидро не оставилъ ни одного сочиненія, въ которомъ его философія была бы строго проведена, послѣдовательно развита, хотя бы даже связно изложена; онъ не оставилъ ни одного сочиненія ученаго въ нашемъ смыслѣ; но въ его произведеніяхъ безпорядочно разбросаны и изложены безъ всякой системы тѣ великія основы философскаго вѣдѣнія, надъ которыми мы теперь трудимся [1]). Этимъ, конечно, объясняется, прежде всего, почему Бюффонъ и Монтескье, даже Вольтеръ и Руссо имѣли бо́льшее вліяніе на развитіе идей, чѣмъ Дидро, хотя ни одинъ изъ названныхъ умовъ не обладалъ такою широтою мысли и такою геніальностью концепціи, какъ Дидро. Въ развитіи его философской доктрины замѣтны три различные періода: въ первомъ онъ является деистомъ; во второмъ—матерьялистомъ, но своеобразнымъ, съ пантеистическими наклонностями; въ третьемъ онъ выступаетъ противникомъ современнаго ему матерьялизма и примыкаетъ, по своимъ тенденціямъ, къ моралистамъ шотландской школы.

Сто лѣтъ назадъ Дидро говорилъ о томъ, что̀ въ наши дни Дарвинъ старался доказать наблюденіемъ и опытомъ. Въ своихъ «Основахъ физіологіи» Дидро говоритъ о борьбѣ за существованіе, объ измѣненіи видовъ, о наслѣдственности, о приспособленіи къ средѣ, объ отсутствіи границъ между животнымъ и растительнымъ царствами; но, что особенно поразительно—Дидро, еще сто лѣтъ назадъ, подкрѣплялъ свои идеи примѣромъ маленькаго растенія, мухоловки, которое пріобрѣло въ наше время извѣстность благодаря изслѣдованіямъ Дарвина. Вотъ какъ описываетъ Дидро мухоловку: «если на какой нибудь листъ этого растенія попадетъ насѣкомое, листъ мгновенно свертывается—онъ ощутилъ добычу, сосетъ ее и выбрасываетъ лишь по извлеченіи изъ насѣкомаго всего сока. Это почти плотоядное растеніе». Теорія приспособленія организмовъ къ внѣшней средѣ выражена у Дидро довольно точно: «Орелъ, обладающій проницательнымъ взглядомъ, паритъ въ высшихъ слояхъ атмосферы; кротъ съ его маленькими глазками скрылся подъ землею; быкъ питается травой долинъ, коза—ароматическою растительностью горъ. Хищная птица усиливаетъ или уменьшаетъ свое зрѣніе подобно тому, какъ астрономъ удлиняетъ или укорачиваетъ свою трубу. Потребность порождаетъ органъ. Потребности оказываютъ воздѣйствіе на

[1]) E. Caro, «De l'idée transformiste dans Diderot», въ Revue des deux mondes, 1879; P. Janet, «La philosophie de Diderot» въ «Nineteenth Century», 1881.

организацію и это воздѣйствіе даетъ иногда начало новымъ органамъ и всегда ведетъ къ ихъ измѣненію». О борьбѣ за существованіе Дидро говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «Существа, организація которыхъ не согласуется съ остальной вселенной, суть существа уродливыя. Ихъ производитъ слѣпая природа, слѣпая же природа и уничтожаетъ ихъ. Природа позволяетъ жить только тѣмъ, организація которыхъ согласуется съ общимъ строемъ. Міръ есть жилище сильнаго».

Только ознакомившись съ подобными воззрѣніями, совершенно новыми для того времени, на цѣлое столѣтіе опережавшими развитіе человѣческой мысли, становится понятнымъ отзывъ Екатерины II, что «Дидро во всемъ совершенно иной человѣкъ, чѣмъ другіе» [1]).

Изъ всего, что выходило изъ-подъ пера Дидро, «Энциклопедія» произвела на Екатерину наибольшее впечатлѣніе. Это и понятно: Екатерина получила, какъ мы видѣли, довольно «небрежное» образованіе; свои познанія она вычитывала изъ книгъ, преимущественно, по ея собственному признанію, изъ сочиненій Вольтера [2]). При чтеніи книгъ, многое представлялось ей непонятнымъ, спросить было не у кого, и Екатерина рано научилась цѣнить всевозможные лексиконы, при помощи которыхъ она нерѣдко разъясняла свои недоумѣнія; особенно нуждалась она въ лексиконахъ философскихъ. «Прошу васъ—пишетъ она г-жѣ Жофренъ, въ Парижъ, въ 1764 году—похлопотать, чтобы князь Голицынъ выслалъ мнѣ новый «Dictionnaire philosophique portatif» [3]). Энциклопедическій же лексиконъ Дидро былъ для нея просто необходимостью; съ нимъ она, какъ извѣстно, никогда не разставалась. «Я не могу оторваться отъ этой книги—пишетъ она Фальконэ въ 1767 году — это неисчерпаемый источникъ превосходныхъ вещей, гдѣ, однако, встрѣчаются большія неточности; но не нужно этому удивляться, потому что какихъ противорѣчій и непріятностей не вытерпѣли они, и, конечно, они выказали большое мужество и непреклонное желаніе служить человѣческому роду и просвѣщать его» [4]).

О какихъ противорѣчіяхъ говоритъ Екатерина? Какія непріятности терпѣлъ Дидро по изданію «Энциклопедіи»? Что это, наконецъ, за «книга», отъ которой Екатерина не могла оторваться?

---

[1]) En toute chose Diderot est un autre homme que les autres. Сборникъ, XXIII, 46.

[2]) Assurement, monsieur, si j'ai quelques connaissances, c'est à lui seul que je les dois. Voltaire, Oeuv. compl., v. LXXVIII, p. 5. Ср. Сборникъ, X, 33, примѣч.

[3]) Сборникъ, I, 259.

[4]) XIII, 8.

Это не книга, а цѣлый «складъ человѣческихъ знаній», по картинному выраженію Вольтера, который очень высоко ставилъ «Dictionnaire encyclopédique» и не разъ расхваливалъ его въ письмахъ къ Екатеринѣ, Фридриху и другимъ сильнымъ міра. Мысль объ изданіи «Энциклопедіи» принадлежитъ Дидро, но надъ выполненіемъ этой мысли трудились всѣ великіе умы вѣка—Дидро и Д'Аламберъ, Вольтеръ, Монтескье и Руссо, Тюрго и Бюффонъ, Гольбахъ, Галлеръ, Кондорсе и др. «Офицеры сухопутной арміи и моряки, юристы, медики, литераторы, математики, естественники—всѣ соревновали дѣлу столь же полезному, какъ и тяжелому, безъ всякаго личнаго интереса, даже безъ погони за славою, такъ что многіе скрывали свое имя» [1]) Но душою всего изданія, отъ первой книжки и до послѣдней, былъ Дидро.

Убѣжденный, что всѣ человѣческія знанія представляютъ нѣчто органически цѣлое, Дидро задумалъ собрать въ одномъ изданіи всѣ новыя идеи, современныя открытія и пріобрѣтенныя знанія, собрать не механически, а слить ихъ въ одну энциклопедическую форму, такъ, чтобъ онѣ представляли органическое цѣлое, причемъ всякій отдѣльный вопросъ трактовался бы съ общей точки зрѣнія. Литераторъ Дидро встрѣтилъ большое сочувствіе своей мысли, прежде всего, въ академикѣ Д'Аламберѣ. Для осуществленія этого литературнаго предпріятія были приглашены наиболѣе выдающіяся книгопродавческія фирмы Парижа, съ Ле-Бретономъ во главѣ, и почти всѣ свободные мыслители, ученые, спеціалисты, артисты, художники, всѣ лучшіе люди Франціи, желавшіе родинѣ добра, стремившіеся просвѣтить націю, преобразовать ея учрежденія. Это собраніе литераторовъ, людей науки и искуства, какъ впослѣдствіи и самое изданіе, имѣло для современниковъ чрезвычайно внушительное значеніе, причемъ предполагалось, что всѣ энциклопедисты воодушевлены одною великою доктриною, которую они желаютъ повѣдать міру. Въ этомъ предположеніи не было ничего невѣроятнаго, такъ какъ, дѣйствительно, «мысль объ энциклопедической работѣ соединенными силами, по выраженію Конта, соединяла людей различныхъ направленій, стремившихся къ разрушенію существующаго строя, и вела къ одной созидательной цѣли». Дидро дѣлалъ всяческія усилія, чтобъ поддержать и укрѣпить предположеніе о совокупной работѣ и совокупной солидарности: въ каждомъ томѣ помѣщался списокъ сотрудниковъ; объ умершихъ печатались хвалебные некрологи; форма «мы», сотрудники всего изданія, замѣняла форму «я», авторъ такой-то статьи.

[1]) Voltaire, XXI, 424.

Вольтеръ настаивалъ, чтобъ всѣ сотрудники «Энциклопедіи» составили какъ бы отдѣльное общество, которое должно импонировать, внушать къ себѣ уваженіе [1]), предписывать законы (donner des lois).

Пять лѣтъ длилась подготовительная работа. Въ 1745 году было подано книгопродавцемъ Ле-Бретономъ прошеніе о правительственномъ разрѣшеніи на изданіе «Энциклопедіи» и только въ 1750 году вышелъ первый томъ. Ему предшествовалъ «Prospectus», написанный Дидро. Какъ въ этомъ «объявленіи объ изданіи», такъ и въ самомъ изданіи, подъ словомъ «Encyclopédie», была указана главная цѣль предпріятія. Цѣль высокая, прельстившая Екатерину, такъ какъ эта цѣль вполнѣ совпадала съ тѣми задачами, которыя она сама ставила въ обязанность себѣ и всякому правителю [2]). Энциклопедисты стремились подчинить научныя знанія практическимъ задачамъ, «вывести общество изъ того безнравственнаго и безпомощнаго состоянія, до котораго оно было доведено двойнымъ вліяніемъ гражданскаго и церковнаго авторитета». Не наука для науки, не искуство для искуства, а искуство и наука для человѣка — вотъ девизъ энциклопедистовъ. Такой тонъ всей «Энциклопедіи» далъ Дидро въ своей profession de foi, въ которой онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы никогда не должны терять изъ виду того соображенія, что еслибъ мы изгнали съ земной поверхности человѣка, это мыслящее и созерцающее существо, увлекательныя и величественныя картины природы представились бы печальной и беззвучной сценой; вселенная онѣмѣла бы; тишина и мракъ овладѣли бы міромъ. Все превратилось бы въ обширную пустыню, среди которой явленія природы проходили бы никѣмъ не замѣчаемыя и никого не поражая. Только присутствіе человѣка придаетъ интересъ бытію другихъ существъ, а при изученіи исторіи этихъ существъ развѣ можно избрать лучшую основу, чѣмъ человѣкъ? Почему-же не предоставить въ нашемъ предпріятіи (въ «Энциклопедіи») человѣку такое же мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной? Почему не сдѣлать его общимъ центромъ? Развѣ въ безконечномъ пространствѣ есть какой нибудь другой пунктъ, отъ котораго мы могли бы съ бо̀льшею пользою проводить тѣ огромныя развѣтвленія, которыя мы предполагаемъ довести до всѣхъ другихъ пунктовъ? Какое живительное и пріятное воздѣйствіе будутъ тогда производить другъ на друга человѣкъ и окружающія его существа? Вотъ что и побудило насъ искать въ главныхъ свойствахъ человѣка

---

[1]) Faites un corps; un corps est toujours respectable. Voltaire, XCVII, 35, 43 sqq.

[2]) Сборникъ, VII, 83

основу для нашего труда. Другіе могутъ избрать иную основу, но лишь бы человѣкъ не былъ замѣненъ существомъ нѣмымъ, безчувственнымъ, холоднымъ. Человѣкъ есть единственный пунктъ, отъ котораго должно все исходить и къ которому должно все возвращаться, если желательно понравиться, заинтересовать, даже растрогать при изложеніи самыхъ сухихъ размышленій и самыхъ мелкихъ подробностей. Какое мнѣ дѣло до всей вселенной, если существованіе мое и моихъ близкихъ ничѣмъ въ ней не заинтересовано?» [1]).

Въ 1751 году вышелъ первый томъ «Энциклопедіи», въ 1752-мъ—второй, и до 1757 году вышло семь томовъ. Появленіе каждаго тома было событіемъ. По мѣрѣ выхода новыхъ томовъ число подписчиковъ увеличивалось и уже при выходѣ седьмаго тома достигло небывало-высокой для того времени цифры—до четырехъ тысячъ. Но еще быстрѣе росла злоба реакціонеровъ и суевѣровъ противъ изданія, стремившагося эмансипировать совѣсть и разумъ читателей отъ гнета церковнаго авторитета и отъ насилія застарѣлыхъ предразсудковъ. Цѣлый дождь памфлетовъ самыхъ неприличныхъ посыпался на философовъ; масса слуховъ самыхъ нелѣпыхъ была пущена въ оборотъ. Одинъ изъ этихъ вздорныхъ слуховъ сохранила намъ Екатерина, много лѣтъ спустя вспоминавшая, что, какъ ее увѣряли, «Энциклопедія издавалась единственно съ цѣлью уничтожить всѣхъ королей и всѣ религіи» [2]). Генералъ-прокуроръ возбудилъ преслѣдованіе противъ «Энциклопедіи», которую онъ атестовалъ какъ «позоръ для націи» и въ которой онъ усматривалъ «нечестивые принципы и непріязненное отношеніе къ религіи и нравственности». Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ вышедшіе семь томовъ, мнѣніемъ своимъ полагалъ: «воспретить не только дальнѣйшее печатаніе, но и продажу вышедшихъ уже томовъ». Королевскимъ декретомъ отъ марта 1759 г. мнѣніе это получило свою санкцію, вопреки всѣмъ хлопотамъ Дидро, который обращался даже къ г-жѣ Помпадуръ. «Я ничего не могу—пишетъ она Дидро [3]) — въ дѣлѣ «Dictionnaire Encyclopédique»: говорятъ, въ книгѣ высказываются тенденціи, противныя религіи и власти короля. Если это такъ, нужно сжечь книгу; если не такъ, нужно сжечь клеветниковъ. Но, вѣдь, «Энциклопедія» запрещена изъ-за ханжей и духовенства, а самое лучшее, что я могу сдѣлать — вовсе не вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ попы и ханжи очень опасны. Я слышала о васъ много хорошаго и считаю васъ совершенно

[1]) Diderot, XIV, 453. Морлей, 100.
[2]) Сборникъ, XXIII, 593.
[3]) Lettres de M-me la marquise de Pompadour. Londres. 1772. I, 9.

невиннымъ; если такова и книга ваша, то мнѣ остается только сожалѣть о васъ». Декретъ 1759 года былъ политическій скандалъ, отразившійся не только во Франціи и сосѣднихъ странахъ, но въ Берлинѣ и даже въ Петербургѣ. «Никакія чудеса въ мірѣ — писала Екатерина — не изгладятъ пятна отъ воспрещенія продолжать печатаніе Энциклопедіи» [1]). Едва лишь вступивъ на престолъ, черезъ девять дней послѣ переворота [2]), Екатерина предлагаетъ уже Дидро перенести печатаніе «Энциклопедіи» въ Петербургъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сообщаетъ объ этомъ предложеніи самъ Дидро: «Чрезъ посредство князя Голицына я получилъ отъ царствующей императрицы Россіи приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ для окончанія нашего предпріятія. Мнѣ предлагаютъ полную свободу, защиту, почести, деньги, словомъ все, что только можетъ побудить людей, недовольныхъ своимъ отечествомъ и не привязанныхъ къ своимъ друзьямъ, покинуть родину» [3]). Въ то время какъ русскій посланникъ князь Д. А. Голицынъ, исполняя приказаніе императрицы, велъ переговоры въ Парижѣ съ самимъ Дидро, графъ И. И. Шуваловъ писалъ, по приказанію той же Екатерины, въ Фернэ, къ Вольтеру [4]), прося его поддержать съ своей стороны приглашеніе, обращенное къ Дидро, какъ главѣ предпріятія. И Голицыну, и Шувалову, и Вольтеру Дидро отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ: «Нѣтъ — писалъ онъ въ сентябрѣ 1762 г. — мы не пойдемъ ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ, чтобъ кончивать «Энциклопедію» и это потому, что въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, ее печатаютъ здѣсь и корректуры лежатъ у меня передъ глазами... Сверхъ того, рукопись «Энциклопедіи» намъ не принадлежитъ; она — собственность здѣшнихъ книгопродавцевъ, купившихъ ее за огромную цѣну, и мы не можемъ располагать ни однимъ листочкомъ» [5]). Дѣйствительно, энциклопедистамъ не было надобности переносить въ Петербургъ свою дѣятельность, если, не смотря на декретъ, печатаніе «Энциклопедіи» продолжалось и въ Парижѣ. Въ 1765 году вышли разомъ новые десять томовъ; къ этимъ семнадцати томамъ текста присоединилось впослѣдствіи, въ 1772 г., одинадцать томовъ гравюръ. Но на каждомъ томѣ мѣстомъ изданія былъ указанъ не Парижъ, а Невшатель, и подписчики получали эти тома секретно, вѣрнѣе, тайкомъ.

— «Я не могу обойтись ни одного дня безъ «Энциклопедіи» — писала

[1]) Voltaire, LXXVII, 8. Сборникъ, X, 37.
[2]) Сборникъ, XXXIII, 48.
[3]) Diderot, XIX, 145.
[4]) Voltaire, LXXXVIII, 88, 90.
[5]) Diderot, XIX, 463.

Екатерина, когда уже все изданіе было окончено—несмотря на всѣ недостатки [1]), «Энциклопедія»—вещь необходимая и превосходная» [2]).

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Дидро работалъ [3]), было бы удивительно, еслибъ въ «Энциклопедіи» не было недостатковъ. Еще задолго до Екатерины, Вольтеръ, съ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе каждаго тома «Энциклопедіи» [4]), указывалъ на ея недостатки [5]). Рядомъ съ такими статьями, какъ, напримѣръ, «великолѣпная» статья Д'Аламбера подъ словомъ «Genève», Вольтеръ указывалъ на статью столь нелюбимаго Екатериной Жокура, подъ словомъ «Enfer», въ которую вкрались фактическія невѣрности [6]), сообщалъ своимъ друзьямъ, Дидро и Д'Аламберу, что многія статьи длинны, скучны, и рекомендовалъ имъ посовѣтовать авторамъ «побольше думать объ изданіи и поменьше о себѣ» [7]). По поводу этого обвиненія Д'Аламберъ такъ защищалъ своего друга: «Дидро часто бываетъ поставленъ въ невозможность не помѣщать плохихъ статей. Иногда писатель, доставившій много хорошихъ статей, требуетъ, въ награду за эти хорошія статьи, чтобъ была помѣщена и дурная» [8]). Къ этому Д'Аламберъ прибавлялъ: «Мы остались бы совершенно одни, еслибъ вздумали терроризовать своихъ сотрудниковъ». Предсказаніе Д'Аламбера сбылось, хотя и по другимъ причинамъ, почти буквально: не только другіе сотрудники, но и самъ Д'Аламберъ покинулъ «Энциклопедію». «Да, безъ сомнѣнія — писалъ онъ въ 1757 году—«Энциклопедія» стала необходимостью и улучшается съ каждымъ томомъ; но становится невозможнымъ окончить изданіе въ той проклятой странѣ (le maudit pays), въ которой мы живемъ» [9]). Послѣдніе десять томовъ текста вышли уже безъ участія Д'Аламбера и составлены почти исключительно однимъ Дидро. Печатаніе этихъ десяти томовъ

---

[1]) Изъ письма Екатерины къ Фальконэ, отъ 1767 г., можно догадываться, что императрица была недовольна статьей Жокура подъ словомъ „Russie“ (Сборникъ, XVII, 8), въ которой, между прочимъ, населеніе Россіи уменьшалось до 12 милліоновъ, тогда какъ Екатерина опредѣляла его въ 20 милліоновъ (Id., VII, 347; X, 31). Позже велись даже переговоры чрезъ посредство князя Голицына и Вольтера о томъ, чтобъ въ женевскомъ изданіи „Энциклопедіи“ исправить и дополнить статьи о Россіи. (Voltaire, LXXVIII, 217).

[2]) Сборникъ, XXIII, 12.

[3]) Diderot, XX, 131—133.

[4]) Voltaire, XCVII, 5, 7, 12 sqq.

[5]) Id., LXXXVIII, 89.

[6]) Id., XCVII, 52.

[7]) Id., 26.

[8]) Id., 48, 24.

[9]) Id. XCVII, 39.

ознаменовалось единственною въ лѣтописяхъ типографскаго искуства «низостью», никогда не встрѣчавшеюся прежде и никогда не повторявшеюся послѣ изданія «Энциклопедіи». Вотъ въ чомъ заключалась эта «низкая продѣлка» книгопродавца: «Послѣ происшедшаго въ 1759 году перерыва, было рѣшено издать разомъ всѣ остальные десять томовъ. Книгопродавцу Ле-Бретону было поручено ихъ изданіе. Рукописи были набраны, Дидро исправилъ первую корректуру, просмотрѣлъ вторую и возвратилъ въ типографію, помѣтивъ каждый листъ: «bon à tirer» (печатать) и своею подписью. Съ этого момента начались низкія продѣлки Ле-Бретона. Онъ и его факторъ принялись вычеркивать, выбрасывать и уничтожать въ доставленныхъ имъ листахъ всякое мѣсто, всякую строчку или фразу, которыя, по ихъ мнѣнію, могли вызвать неудовольствіе или гнѣвъ со стороны правительства. Такимъ образомъ, они, по собственному дикому произволу, привели бо̀льшую часть самыхъ лучшихъ статей въ такой видъ, что онѣ походили на изуродованные отрывки, лишенные всего, что въ нихъ было самаго цѣннаго. Злодѣи не потрудились даже придать этимъ уродливымъ отрывкамъ статей хотя бы внѣшній видъ стройности и послѣдовательности. Окончивъ свою разрушительную работу, они приступили къ печатанію, а чтобъ сдѣлать свое злодѣяніе непоправимымъ [1]), они сожгли и оригинальныя рукописи, и корректурные листы» [2]).

Несмотря на всѣ «недостатки», «Энциклопедія» произвела сильное впечатлѣніе на современное ей европейское общество. Объ этомъ впечатлѣніи можно судить по тому уже, что «Энциклопедію» перепечатывали въ Женевѣ и Лозаннѣ, въ Ливорно и Луккѣ, изъ нея дѣлались извлеченія, въ родѣ «Esprit de l'Encyclopédie» и т. п.

Двадцать пять лѣтъ лучшей поры жизни посвятилъ Дидро «Энци-

---

[1]) Въ мемуарахъ г-жи Вандэль, дочери Дидро (Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des oeuvres de Diderot) говорится, что это „злодѣяніе“ было исправлено: „Mon père exigea que l'on tirât un exemplaire pour lui avec des colonnes où tout était rétabli; cet exemplaire est en Russie avec sa bibliothèque“ (Diderot, I, XLV). Извѣстіе это, какъ и многія другія въ мемуарахъ дочери Дидро, невѣрно. По разсказу эпизода съ типографіей Ле-Бретона, составленному по извѣстіямъ Гримма (Corrsp. littér.) и самого Дидро, рукописи и корректуры всѣхъ десяти томовъ были сожжены, такъ что не по чемъ было бы „возстановить“ первоначальный текстъ; по условіямъ печатанія того времени, невозможно было сдѣлать оттискъ десяти томовъ въ одну колонну, для чего потребовался бы новый наборъ; наконецъ, въ Петербургѣ, ни въ Эрмитажѣ, ни въ Публичной Библіотекѣ, куда были переданы изъ Эрмитажа всѣ книги Дидро, нѣтъ этого „экземпляра“, исправленнаго самимъ Дидро.

[2]) Diderot, XIII, 124; Морлей, 116.

клопедіи» и когда, въ 1772 году, изданіе было вполнѣ окончено, онъ оказался такимъ же неимущимъ, какимъ былъ при его началѣ, въ 1746 году [1]). Во время «низкой продѣлки» ле-Бретона, въ 1765 г., матерьяльное положеніе Дидро было таково, что онъ вынужденъ былъ продать свою библіотеку. «Ее хотѣлъ купить парижскій нотаріусъ По д'Отэйль — разсказываетъ дочь Дидро въ своихъ мемуарахъ [2])— но князь Голицынъ, русскій посланникъ, устроилъ дѣло иначе. Императрица Екатерина купила библіотеку за 15,000 франковъ, причомъ оставила ее у моего отца, назначивъ ему, какъ своему библіотекарю, 1,000 франковъ въ годъ». Въ какой степени Дидро нуждался въ то время, можно судить по заявленію Вольтера, не принимая его, конечно, въ буквальномъ смыслѣ, что, безъ помощи Екатерины, Дидро могъ бы «умереть съ голода» [3]). Покупка библіотеки Дидро, къ тому же въ той деликатной формѣ, въ какую «это благодѣяніе» было облечено, поставила Екатерину чрезвычайно высоко въ глазахъ всѣхъ энциклопедистовъ-философовъ. «Вся литературная Европа — писалъ Д'Аламберъ — рукоплескала, государыня, отличному выраженію уваженія и милости, оказанному вашимъ императорскимъ величествомъ г. Дидро; онъ заслуживаетъ этого во всѣхъ отношеніяхъ своими достоинствами, своими дарованіями, своими сочиненіями и своимъ положеніемъ; издавна связывающая меня съ нимъ дружба заставляетъ меня живо раздѣлять его признательность и я умоляю ваше импера-

---

[1]) Матерьяльныя выгоды отъ изданія „Энциклопедіи“ всѣ пошли исключительно въ пользу издателей-книгопродавцевъ. Въ письмѣ къ полицеймейстеру Сартину, будущему министру, Дидро сообщаетъ: „Знаю, что вы о насъ нѣсколько лучшаго мнѣнія, чѣмъ господа книгопродавцы, которымъ мы помогли составить громадныя состоянія и которые предоставили намъ жевать листья отъ нашихъ лавровыхъ вѣнковъ. Не странно-ли, что я работалъ 30 лѣтъ для „Энциклопедіи“, убилъ на нее лучшіе годы жизни, далъ книгопродавцамъ пріобрѣсти два милліона франковъ, а самъ остался безъ гроша? Послушать книгопродавцевъ, такъ я долженъ считать за великое счастіе уже и то, что жилъ въ эти 30 лѣтъ“. (Diderot, XX, 7).

[2]) Diderot, I, LI. Г-жа Вандэйль, дочь Дидро, относитъ продажу библіотеки ея отца къ 1763 году: ce fut, je crois, en 1763. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, память ей измѣняетъ: въ концѣ 1765 года Д'Аламберъ и Вольтеръ въ письмахъ къ Екатеринѣ выражаютъ ей благодарность за покупку библіотеки Дидро, а черезъ два года послѣ покупки, когда императрица уплатила своему библіотекарю за пятьдесятъ лѣтъ впередъ жалованье, которое въ теченіи двухъ лѣтъ (pendant deux ans, по словамъ самой г-жи Вандэйль) вовсе не выплачивалось, Д'Аламберъ благодаритъ Екатерину за новое благодѣяніе (nouveau bienfait), оказанное Дидро, и письмо это помѣчено 1767 годомъ.

[3]) Mourir de faim. Voltaire, LXXVIII, 17.

торское величество принять мои всепокорнѣйшія благодаренія за то, что вами сдѣлано въ этомъ случаѣ для него, для философіи и для литературы» [1]). Въ то же время, Вольтеръ благодарилъ Екатерину за помощь, оказанную Дидро, и находилъ, что «всѣ писатели Европы должны пасть къ стопамъ ея величества» [2]). Екатерина отвѣчала Д'Аламберу и Вольтеру почти въ одно и то же время [3]) и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. «Я никогда бы не думала, чтобъ покупка библіотеки г. Дидро могла привлечь мнѣ столько похвалъ; но, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучить ученаго съ его книгами» [4]). Въ письмѣ же къ Д'Аламберу Екатерина прибавляетъ любопытную подробность изъ своей жизни и этою подробностью объясняетъ свой поступокъ относительно Дидро: «Я часто находилась въ опасеніи, чтобъ у меня не отняли моихъ книгъ, и поэтому прежде я держалась правила никому не говорить о томъ, что я читаю. Мой собственный опытъ помѣшалъ мнѣ причинить такую же непріятность г. Дидро».

Жалованье, назначенное Дидро, «нарочно забывали уплачивать въ теченіи двухъ лѣтъ», говоритъ г-жа Вандэйль; но, «чтобъ избѣжать впредь подобной забывчивости, ему прислали 50,000 франковъ, составлявшіе жалованье за пятьдесятъ лѣтъ впередъ». На Екатерину вновь посыпались похвалы [5]). «Примите, государыня, благодареніе мое и всѣхъ писателей-философовъ и людей уважаемыхъ за новое благодѣяніе, которымъ ваше императорское величество почтили г. Дидро», писалъ Д'Аламберъ Екатеринѣ. «Это благодѣяніе еще болѣе драгоцѣнно по той любезности, съ которою ваше величество сдѣлали его и которую вы такъ умѣете придавать всему. Ваши милости, государыня, способны утѣшить философію въ нападеніяхъ, испытываемыхъ ею со стороны невѣжества и фанатизма» [6]).

Екатерина II чрезвычайно интересовалась своею покупкою. Вслѣдъ

---

[1]) Сборникъ, X, 44.

[2]) Voltaire, LXXVIII, 9.

[3]) Письмо къ Вольтеру помѣчено 28 ноября 1765 года (Voltaire, LXXVIII, 10); письмо къ Д'Аламберу безъ помѣты, но оно служитъ отвѣтомъ на письмо къ Екатеринѣ отъ 15 (26) октября, а въ то время почта шла изъ Парижа въ Петербургъ около мѣсяца, иногда болѣе. Нарочные курьеры совершали переѣздъ въ 20 дней (dans vingt jours, Сборникъ, XXXIII, 121). Г. Бартеневъ безъ основанія обобщаетъ единичный фактъ, когда „нарочный курьеръ" ѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ болѣе мѣсяца, причемъ промедленіе могло случиться отъ отправки письма, а не отъ ѣзды курьера.

[4]) Сборникъ, X, 45. Voltaire, LXXVIII, 11.

[5]) Diderot, XX, 134—137.

[6]) Сборникъ, X, 167.

за извѣстіемъ о смерти Дидро, она проситъ Гримма купить всѣ сочиненія Дидро и «прислать ихъ вмѣстѣ съ библіотекою» [1]). Черезъ два мѣсяца, она вновь напоминаетъ о библіотекѣ, но уже съ укоризною: «Но что же вы дѣлаете съ библіотекою Дидро? получу-ли я ее когда нибудь?» [2]). Черезъ четыре мѣсяца: «а библіотеки Дидро все еще нѣтъ!» [3]). И черезъ двѣ недѣли опять: «я все еще ожидаю библіотеку Дидро» [4]). Въ началѣ 1786 г. библіотека была получена и выставлена въ одной изъ залъ Эрмитажа. Судьба этой библіотеки оригинальна—ее постигла участь самого Дидро въ Россіи: по смерти Екатерины никто уже этою библіотекою не интересовался; она стояла въ Эрмитажѣ какъ молчаливый, но непріятный укоръ, она, наконецъ, просто надоѣла, занимая безполезно мѣсто, и, лѣтъ двадцать назадъ, была передана въ публичную библіотеку, гдѣ была тогда же размѣщена по разнымъ заламъ, по разнымъ шкафамъ, смотря по содержанію книгъ, и теперь невозможно уже найти и слѣдовъ ея. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть: библіотека Дидро не только свидѣтельствовала о томъ, какія сочиненія и трактаты онъ читалъ, но носила на себѣ результаты его чтенія — Дидро имѣлъ привычку дѣлать на поляхъ книгъ свои отмѣтки, записывать впечатлѣнія, излагать мысли, навѣянныя чтеніемъ [5]).

Горячее участіе Екатерины къ судьбамъ «Энциклопедіи» и щедрыя милости, оказанныя ею лично Дидро, побудили его, изъ чувства признательности столько же, быть можетъ, какъ и вслѣдствіе надежды «найти среди скифовъ защиту философіи, преслѣдуемой во Франціи» [6]), войти въ болѣе близкія сношенія съ Екатериною и посильными услугами выразить ей свою благодарность. Дидро рекомендуетъ ей художниковъ и государственныхъ дѣятелей, заботится о пріобрѣтеніи картинъ и гравюръ для Эрмитажа [7]), входитъ въ сношенія съ русскими въ Парижѣ, расточаетъ Екатеринѣ похвалы въ печати и ока-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 327.
[2]) Id. 339.
[3]) Id. 359.
[4]) Id. 362.
[5]) Diderot, II, 265.
[6]) Voltaire, LXXXVIII, 90.
[7]) Эта сторона дѣятельности Дидро, проходящая чрезъ всю его жизнь, можетъ быть вѣрно оцѣнена только спеціалистомъ, и мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобъ уважаемый В. В. Стасовъ, высказавшій глубокое въ этомъ отношеніи пониманіе Дидро (Др. и Нов. Россія, 1877, I, 330, 333, 350 и др.), поскорѣе обнародовалъ результаты своего многолѣтняго изученія Дидро, какъ художественнаго критика.

зываетъ ей, наконецъ, личную услугу, которую она, какъ теперь оказывается, имѣла поводъ особенно высоко цѣнить.

Изъ всѣхъ лицъ, рекомендованныхъ Дидро, два обратили на себя особенное вниманіе Екатерины: однимъ императрица осталась вполнѣ довольна, другой навлекъ на себя ея полную немилость. «Дидро рекомендуетъ намъ своихъ друзей—пишетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ—и далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, нѣтъ равнаго: это Фальконэ; онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго. Если и есть художники, равные ему по искуству, то смѣло, я думаю, можно сказать, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно бы сравнить съ нимъ по чувствамъ; словомъ, это задушевный другъ Дидро» [1]). Не смотря на такое высокое мнѣніе императрицы о Дидро, рекомандованный имъ де-ла-Ривьеръ потерпѣлъ, какъ мы уже говорили, полное фіаско [2]).

По указаніямъ Дидро, Екатерина, ничего не понимавшая въ искуствѣ, купила много картинъ Мурильйо, Дау, Ванло, Машй, Вьена и друг. французскихъ художниковъ; знаменитая галлерея барона Тьера, въ которой находились произведенія кисти Рафаэля, Ванъ-Дика, Рембрандта, Пуссэна и др., всего до 500 картинъ, была куплена за 460,000 франковъ тоже чрезъ посредство Дидро. По поводу покупки этой галлереи Дидро писалъ Фальконэ: «Ахъ, мой другъ, какъ мы измѣнились! Среди полнаго мира мы продаемъ наши картины и статуи, а Екатерина скупаетъ ихъ въ разгаръ войны. Науки, искуства, вкусъ, мудрость восходятъ къ сѣверу, а варварство съ своимъ кортежемъ нисходитъ на югъ» [3]). Какъ художественный критикъ, Дидро пріобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ Екатерины, а его «Salons», появлявшіеся въ «Correspondance littéraire», и въ настоящее время высоко цѣнятся знатоками искуства.

Въ одномъ изъ такихъ обзоровъ художественныхъ выставокъ, именно въ «Salon de 1767», упоминая о художникѣ Вьенѣ (Vien), работавшемъ для Екатерины, Дидро пользуется случаемъ воспѣть хвалебный гимнъ правительственной дѣятельности Екатерины: «Императрица даетъ законы своей странѣ, не имѣвшей законовъ; собираетъ вокругъ себя знанія и искуства; основываетъ полезныя учрежденія; она съумѣла внушить къ себѣ уваженіе всѣхъ европейскихъ дворовъ,

---

[1]) Сборникъ, I, 289.

[2]) Въ государственномъ архивѣ м. и. дѣлъ хранится переписка де-ла-Ривьера съ графомъ Н. И. Панинымъ. До обнародованія этой переписки мы поостереглись высказать свое мнѣніе о причинахъ этого фіаско. Diderot, XVIII, 272—274.

[3]) Diderot, XVIII, 327.

изъ которыхъ она одни сдерживаетъ, надъ другими господствуетъ; она стремится сдѣлать фанатиковъ-поляковъ вѣротерпимыми; она могла бы принять въ свою имперію 50,000 польскихъ диссидентовъ, но предпочла имѣть 50,000 своихъ подданныхъ въ самой Польшѣ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти преслѣдуемые польскіе диссиденты обратятся въ преслѣдователей, какъ только получатъ силу»[1]).

Императрица Екатерина не пренебрегала подобными гимнами. Она знала, что Дидро одинъ изъ тѣхъ трехъ философовъ, которые воздвигаютъ въ Европѣ жертвенники для воскуренія ей ѳиміама[2]); но никто другой изъ этой «философской троицы», ни Вольтеръ, ни Д'Аламберъ, не оказали ей лично такой важной услуги, какъ Дидро.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, къ которому Екатерина такъ много и такъ долго готовилась, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, которое, по самой сущности дѣла, не изгладилось до ея смерти. Она относилась къ нему крайне нервно даже въ 1793 году[3]), тѣмъ болѣе въ первые годы по воцареніи. Между тѣмъ, въ началѣ 1768 года, въ литературныхъ кружкахъ Парижа появилась рукопись о «революціи 1762 года»; рукопись читалась во многихъ домахъ. Дидро, познакомившись съ этимъ произведеніемъ, понялъ насколько распространеніе его даже въ рукописи, не говоря уже въ печати, должно быть непріятно императрицѣ, и вотъ что написалъ онъ Фальконэ, въ Петербургъ, въ маѣ 1768 года:

„Во время революціи 1762 года нашимъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ былъ г. де-Рюльеръ[4]), человѣкъ очень умный. По настоянію графини Эгмонтъ, онъ рѣшился написать теперь исторію революціи, которой былъ, такъ сказать, очевиднымъ свидѣтелемъ. Онъ ее написалъ и прочолъ мнѣ; онъ читалъ ее Д'Аламберу, г-жѣ Жофренъ и многимъ другимъ. Онъ спросилъ мое мнѣніе и я ему высказалъ, „что говорить о государяхъ очень опасно и невозможно говорить всю правду; что необходима крайняя осторожность, уваженіе и осмотрительность относительно государыни, составляющей удивленіе Европы и радость націи; что я полагаю, что самое вѣрное и самое лучшее для него самого было бы уничтожить это произведе-

[1]) Diderot, XI, 347.

[2]) Nous sommes trois, Diderot, D'Alembert et moi, qui vous dressons des autels. Voltaire, LXXVIII, 18.

[3]) Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковою, въ 1793 г. См. „Русскій Архивъ", 1884, II, 271.

[4]) Claude de Rulhières (1735 — 1791) былъ секретаремъ французскаго посольства и секретаремъ французскаго посла барона Бретэйля, съ 1760 года. Онъ былъ членъ французской академіи, много писалъ въ прозѣ и стихахъ. Кромѣ „Histoire de la revolution de Russie en 1762", онъ составилъ „Histoire de l'anarchie de Pologne", 4 тома, и „Eclaircissements sur la révocation de l'édit de Nantes".

ніе, на какую славу онъ ни разсчитывалъ бы отъ его обнародованія". Г. де-Рюльеръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ предполагалъ только удовлетворить любопытству нѣсколькихъ друзей, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія печатать эту рукопись, что Д'Аламберъ и г-жа Жофренъ предпочитали его разсказъ всѣмъ апологіямъ, какія только были распространены въ пользу ея императорскаго величества, и что герцогъ Ларошфуко сказалъ ему: „это не только прекрасная исповѣдь, это прекрасная жизнь".

„Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ этой рукописи государыня является владыкой-женщиной, какъ gran cervello di principessa, но, но если это произведеніе появится въ печати (такъ какъ не слѣдуетъ полагаться на слова де-Рюльера—тщеславіе, вѣтреность или невѣрность какого нибудь ложнаго друга, и произведеніе будетъ напечатано), я желалъ бы, чтобъ оно появилось лучше съ вѣдома, чѣмъ безъ вѣдома императрицы. Главное—знать, что нужно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Я самъ ничего не рѣшилъ. Дѣло это деликатное, очень деликатное. Во первыхъ, невѣроятно и нѣтъ никакой надежды, чтобъ де-Рюльеръ выдалъ свою рукопись. Во вторыхъ, въ рукописи есть извѣстія, которыя, если только они справедливы, не могли быть узнаны иначе, какъ по нескромности лицъ высокопоставленныхъ и, быть можетъ, окружающихъ государыню. Этотъ Рюльеръ ничего лучшаго не желалъ бы, какъ быть назначеннымъ на мѣсто Росиньойля [1]), и онъ отправился бы въ Петербургъ. Повидайте императрицу, поговорите съ нею, сообщите мнѣ ея приказанія и не увѣряйте ее въ моей полной преданности—она въ ней увѣрена" [2])

Немедленно по полученіи этого письма, Фальконэ отправилъ его къ императрицѣ, въ Царское Село, вмѣстѣ съ набросаннымъ имъ проектомъ отвѣта. «Я такъ всецѣло преданъ вашему императорскому величеству—пишетъ Фальконэ отъ утра 13-го іюня 1768 г.—а мое довѣріе такъ безгранично, что я не могу не представить вамъ всѣхъ соображеній моего друга, особенно же когда они нераздѣльно связаны съ предметомъ, касающимся васъ лично. Вотъ его письмо и мой отвѣтъ. Осмѣлюсь-ли умолять ваше величество сообщить мнѣ свою волю, чтобъ я сообразно съ нею могъ окончить и исправить свой отвѣтъ» [3]). Екатерина отвѣчала на другой же день, 14-го іюня, вечеромъ. Намекъ Дидро на способъ улаженія дѣла—приглашеніе Рюльера въ Петербургъ въ качествѣ консула—конечно, былъ императрицей отвергнутъ; она измыслила иной способъ. «Я буду отвѣчать, г. Фальконэ, на ваше письмо, а не на письмо вашего друга, которое я два дня разбирала, и коснусь лишь нѣсколькихъ мѣстъ, которыя я поняла и которыя требуютъ отвѣта». Почеркъ Дидро, въ высшей степени четкій и ясный [4]), Екатерина отлично разбирала;

---

[1]) Charles Rossignol, былъ французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и одно время повѣреннымъ въ дѣлахъ.

[2]) Diderot, XVIII, 255—256.

[3]) Сборникъ, XVII, 42.

[4]) Diderot, XVIII, 291; XIX, 370—371.

очевидно, въ данномъ случаѣ, это только предлогъ не входить въ подробности дѣла, для нея во всякомъ случаѣ непріятныя. Изъ отвѣта Екатерины на мѣста, понятыя ею (que j'ai compris), видно, что она до тонкости поняла сообщеніе Дидро и взвѣсила всю его важность: «Трудно, чтобъ секретарь посольства, безъ помощи фантазіи, зналъ доподлинно какъ все происходило. Между нами будь сказано, я каждый день вижу какъ они готовы лгать скорѣе, чѣмъ заявить свое невѣдѣніе тѣмъ, которые имъ платятъ за то, чтобъ они говорили вкривь и вкось, говорили о томъ, что знаютъ и чего не знаютъ. Такъ, напередъ уже держу пари, что произведеніе г. Рюльера не представляетъ ничего важнаго, особенно же судя по заявленію Дидро, что въ этой рукописи является женщина-владыка и cervello di principessa, ибо въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, но предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ полуумнымъ или спасти себя вмѣстѣ съ массою, стремившеюся избавиться отъ него. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ не было коварства, а всему причиною дурное поведеніе извѣстной личности, безъ чего, конечно, съ нимъ ничего не могло бы случиться. Слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера; я прикажу написать объ этомъ Хотинскому» [1]).

Дѣло становилось теперь «деликатнымъ» и для Дидро. Какъ купить рукопись?! Рюльеръ былъ вообще человѣкъ со средствами, а въ это время онъ получалъ еще до 6,000 франковъ за составленіе исторіи Польши для дофина, будущаго короля Людовика XVI. Дѣло, само по себѣ деликатное, усложнялось еще тѣмъ, что посланника князя Д. А. Голицына не было уже въ Парижѣ, былъ только повѣренный въ дѣлахъ, нѣкто Хотинскій. Князя Голицына знали всѣ литераторы, онъ былъ другъ Дидро, Д'Аламбера, г-жи Жофренъ, его уважали, его любили, а Хотинскаго кто же знаетъ? Правда, Дидро называетъ его «любезнымъ, осторожнымъ, точнымъ» [2]), но всего этого слишкомъ мало для такого деликатнаго дѣла, какъ покупка деликатной рукописи, къ тому же у человѣка, вовсе не нуждающагося. Какъ бы то ни было, но первымъ же приступомъ къ покупкѣ «изгадили все дѣло», и такъ изгадили, что Фальконэ упрекалъ даже своего друга, Дидро, зачѣмъ онъ его впуталъ во всю эту непріятную исторію. Сохранился очень любопытный отвѣтъ Дидро: «Зачѣмъ я поручилъ дѣло Рюльера вамъ, а не генералу Бецкому? Потому что письма, посылаемыя вамъ, рѣже вскрываютъ, чѣмъ адресуемыя на его имя. Вотъ почему также я не писалъ и прямо ея императорскому вели-

[1]) Сборникъ, XVII, 43—44.
[2]) Diderot, XVIII, 207.

честву; а ужь если необходимъ былъ посредникъ, то вы мнѣ милѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Дѣло это можно вести только литератору съ литераторомъ, а не литератору съ министромъ. Теперь все дѣло изгадили (on a tout gâté), въ чемъ я и не сомнѣвался. Деньги принимаются или отвергаются, смотря по лицу, которое ихъ предлагаетъ» [1]).

Когда уже дѣло было «изгажено» первымъ визитомъ Хотинскаго къ Рюльеру, вновь обратились къ помощи Дидро и онъ его исправилъ. «Я сопровождалъ Хотинскаго—пишетъ Дидро—при второмъ его посѣщеніи Рюльера и старался исправить дурное (ridicule) впечатлѣніе перваго визита, обративъ все въ шутку. Ну, и оказалось: «исторія» составлена только для того, чтобъ удовлетворить любопытство графини Эгмонтъ; вовсе не имѣется намѣренія печатать рукопись; ее прочтутъ Хотинскому, чтобъ онъ самъ могъ судить о ея содержаніи, и ничего не имѣютъ противъ посылки копіи въ Петербургъ, если только ея императорское величество выразитъ желаніе имѣть ее, на что не смѣютъ даже и разсчитывать—какъ видите, мы прежде всего очень скромны» [2]). Дидро, дѣйствительно, уладилъ дѣло: «деликатная» рукопись появилась въ печати лишь по смерти Екатерины, въ 1797 году [3]).

Мы говорили уже, что изъ всѣхъ русскихъ современниковъ Дидро, наиболѣе цѣнили его двѣ русскія женщины—императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова. Прежде чѣмъ Дидро поѣхалъ въ Петербургъ для свиданія съ Екатериною, княгина Дашкова пріѣхала въ Парижъ и познакомилась лично съ Дидро. О своихъ сношеніяхъ съ нимъ въ Парижѣ, княгиня Дашкова записала въ своихъ мемуарахъ такъ подробно и такъ правдиво, что намъ остается только привести въ русскомъ пересказѣ наиболѣе характерныя черты, обрисовывающія личность Дидро:

«Я пробыла въ Парижѣ только семнадцать дней и не желала никого видѣть, кромѣ Дидро. Свои утреннія прогулки, посвященныя осмотру достопримѣчательностей и продолжавшіяся съ 8 часовъ утра до 3 пополудни, я обыкновенно кончала тѣмъ, что останавливала карету у дома Дидро, онъ садился со мною, обѣдалъ у меня и часто наши бесѣды съ глазу-на-глазъ длились до 2 и 3 часовъ ночи.

---

[1]) Diderot, XVIII, 286.

[2]) Diderot, XVIII, 293.

[3]) Cl. de Rulhière, Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris. 1797. Въ томъ же году появилось девять изданій: три на французскомъ, два на англійскомъ, два на нѣмецкомъ и одинъ на датскомъ языкѣ; на русскомъ языкѣ до сихъ поръ ни одного.

«Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Дидро былъ у меня, доложили о г. Ла-Рюльерѣ. Онъ былъ въ Россіи секретаремъ барона Бретэйля, французскаго посланника; я тогда часто видала его въ моемъ московскомъ домѣ и еще чаще у Каменскихъ. Я не знала, что Ла-Рюльеръ, возвратясь въ Парижъ, написалъ записку о революціи 1762 г. въ Россіи, которую читалъ во многихъ домахъ, и приказала человѣку принять его. Дидро меня остановилъ. Онъ взялъ меня за руку, крѣпко сжалъ ее и спросилъ: «Послѣ путешествія, вы думаете возвратиться въ Россію?»—«Что за вопросъ! Развѣ я имѣю право дѣлать моихъ дѣтей эмигрантами?»—«Въ такомъ случаѣ велите слугѣ сказать Ла-Рюльеру, что вы не можете принять его; я вамъ объясню причины». На его лицѣ ясно сказывалась дружба ко мнѣ и я отказала старому знакомому, умъ и образованіе котораго дѣлали бесѣду съ нимъ столь пріятною—настолько я довѣряла Дидро. «Знаете-ли вы, что Рюльеръ—авторъ записки о восшествіи императрицы на престолъ?»—«Нѣтъ, не знала; но тѣмъ болѣе желала бы его видѣть». «Я сообщу вамъ все, что вы могли бы узнать изъ записки. Вы представлены въ ней наилучшимъ образомъ: вмѣстѣ со всѣми мужскими качествами и доблестями, онъ приписалъ вамъ и всѣ женскія достоинства; но императрица представлена не такъ, и она, чрезъ посредство генерала Бецкаго и своего повѣреннаго въ дѣлахъ, предлагала ему деньги, намѣреваясь купить рукопись. Переговоры велись такъ не ловко, что Рюльеръ, прежде всего, снялъ три копіи съ своей записки и отдалъ ихъ на храненіе: одну—въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, другую—г-жѣ Граммонъ, третью—архіепископу парижскому. Послѣ этого неуспѣха, ея величество почтила меня порученіемъ вести переговоры съ Рюльеромъ и я достигъ того, что эти записки будутъ напечатаны лишь по смерти императрицы и автора. Король польскій представленъ въ запискахъ тоже съ очень дурной стороны. Вы чувствуете теперь, что, принимая у себя Рюльера, вы даете санкцію такому произведенію, которое безпокоитъ императрицу». Я поблагодарила Дидро за это доказательство дружбы ко мнѣ. Де Ла-Ривьеръ пріѣзжалъ еще два раза, но я его не приняла [1]), и по возвращеніи въ Петербургъ имѣла возможность вполнѣ оцѣнить поведеніе Дидро: лишь полтора года спустя я узнала, что, вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа, Дидро написалъ императрицѣ, что, вслѣдствіе моего отказа принять Ла-Ривьера, его произведеніе потеряло ту авторитетность, которую не могли бы сбить десять Вольтеровъ и пятнадцать жалкихъ Дидро. Онъ вовсе не говорилъ мнѣ, что

[1]) Diderot, XVII, 492.

будетъ писать императрицѣ, и такая деликатность, такая горячая преданность своимъ друзьямъ, въ число которыхъ онъ включалъ и меня, дѣлаютъ память о немъ навѣки для меня дорогою.

«Я восхищаюсь всѣмъ въ Дидро, даже его горячностью въ дѣлахъ и чувствахъ. Его искренность, его вѣрная преданность друзьямъ, его умъ проницательный и глубокій, вниманіе и уваженіе, которыя онъ мнѣ всегда оказывалъ, навѣки привязали меня къ нему. Я оплакала его смерть и пока жива никогда не перестану сожалѣть о немъ. Какъ мало знали эту необыкновенную голову! Добродѣтель и истинность стояли на первомъ планѣ во всѣхъ его дѣйствіяхъ; общее благо было его страстью и постоянною цѣлью. Если живость характера вовлекала его иногда въ ошибки, онъ все-же оставался искрененъ, увлекаясь и самъ» [1]).

Таковъ, дѣйствительно былъ Дидро, но таковы же были, вообще говоря, и всѣ философы XVIII вѣка—люди искренніе, желавшіе ближнимъ добра, обладавшіе здоровымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ. Въ этомъ заключалась ихъ сила, приковавшая къ ихъ энциклопедическому знамени моральную побѣду. Никто не можетъ отрицать, что энциклопедисты иногда ошибалась, но, въ то же время, всякій долженъ признать, что они часто были правы. Не только истинное, но и доброе было ихъ цѣлью. Но у Дидро была, сверхъ того, еще одна особенность, вѣрно подмѣченная кн. Дашковою: во все, что онъ писалъ или дѣлалъ, что его интересовало или привлекало, онъ вносилъ страшную, увлекательную энергію, направленную къ проложенію новыхъ путей для осуществленія новыхъ идей, которыя должны были принести пользу человѣчеству, измѣняя его вѣрованія, убѣжденія, понятія. Даже Екатерина II, которую никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ энергіи, удивлялась и завидовала ему въ этомъ отношеніи [2]). Этимъ качествомъ характера Дидро, еще болѣе чѣмъ признательностью за денежную помощь, объясняется его страстное отношеніе ко всему, что касается Россіи и особенно Екатерины. До какихъ мелочей доходило въ этомъ случаѣ его вниманіе, видно изъ переписки Дидро съ актрисою Жодэнъ. «Русская императрица—

[1]) Архивъ князя Воронцова, XXI, 137, 140—141, 139. Въ XXI томѣ архива помѣщены „Mémoires de la princesse Dashkaw“, по рукописи, просмотрѣнной и исправленной авторомъ; въ приложеніи собраны письма и документы, касающіеся „Записокъ“ и лично княгини. Это, по счету, второе изданіе „Записокъ“; первое напечатано въ 9 томѣ „Bibliothèque russe et polonaise“. Ранѣе оригинала вышли три перевода: на англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Изслѣдованіе подлинности „Записокъ“ помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“, 1880, III, 150, въ обстоятельной статьѣ г. Шугурова, „Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова“.

[2]) Сборникъ, XIII, 377, 430. Voltaire, LXXVIII, 282.

пишетъ онъ ей въ концѣ 1767 г.—поручила здѣсь одному лицу, нѣкоему Митрескому, составить французскую труппу. Хватитъ ли у васъ храбрости поѣхать въ Петербургъ и поступить на службу къ удивительнѣйшей женщинѣ въ мірѣ? Жду отвѣта» [1]). И въ началѣ 1768 года: «Вотъ условія, которыя вамъ предлагаютъ за службу въ труппѣ при петербургскомъ дворѣ: жалованья 1,600 рублей, что на французскія деньги составитъ 8,000 франковъ; на проѣздъ 1,000 пистолей, столько же на обратный путь. Необходимо имѣть французское, римское и греческое одѣяніе; костюмы же экстраординарные выдаются изъ придворнаго склада. Ангажементъ на пять лѣтъ. Театральная карета только для императорской службы. Наградные иногда весьма значительны, но ихъ, какъ и вездѣ, слѣдуетъ заслужить» [2]).

Уже изъ этихъ краткихъ выписокъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ театраломъ. Дидро любилъ театръ и много потрудился для сцены. Кромѣ двухъ большихъ комедій — неимѣвшей успѣха на сценѣ комедіи «Le fils naturel» и несходившей съ афишъ комедіи «Père de famille»—Дидро написалъ драму «Le joueur», четырехактную комедію «Est-il bon? Est-il méchant?», одноактную трагедію «Les pères malheureux», и восемь драматическихъ набросковъ, плановъ для предположенныхъ имъ сценическихъ представленій. Комедія «Père de famille» произвела переворотъ въ драматическомъ искуствѣ. По поводу ея, Вольтеръ, авторъ «Танкреда», охотно уступалъ Дидро, какъ драматургу, свое первое мѣсто [3]) и Лессингъ призналъ, что «безъ уроковъ Дидро» его сценическій вкусъ принялъ бы иное направленіе [4]). Но Дидро стяжалъ себѣ имя въ сценическомъ искуствѣ не драматическими произведеніями, а своими статьями: «De la poésie dramatique», переведенною Лессингомъ на нѣмецкій языкъ, и «Paradoxe sur le comedien», въ которыхъ онъ коснулся теоріи драматическаго искуства и въ которыхъ, какъ во всемъ, чего касался [5]), высказалъ много новыхъ мыслей и здравыхъ сужденій, ставшихъ руководствомъ для драматурговъ и актеровъ. Екатерина высоко ста-

[1]) Diderot, XIX, 395.

[2]) Id. XIX, 398.

[3]) Je vous cède la place de tout mon coeur. Voltaire. XCVI, 182.

[4]) Diderot, VII, 23.

[5]) По поводу небольшой статьи Дидро „Essai sur la peinture“, Гёте написалъ вдвое бо́льшій разборъ „Diderots Versuch über die Malerei“, причомъ перевелъ и самую статью, находя сужденія Дидро важными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имъ противорѣчитъ. Göthes Sämmtliche Werke, 1868, B. XXV, S. 267. „Статья Дидро—говоритъ Гёте въ письмѣ къ Шиллеру, отъ 17-го декабря 1796 г. — есть великолѣпное произведеніе; она еще болѣе поучительна для поэта, чѣмъ для живописца, хотя и для живописца она служитъ могущественнымъ источникомъ свѣта“. Diderot, X, 459; Морлей 305.

вила Дидро, какъ драматическаго писателя. Глѣбовъ [1]) перевелъ комедію «Père de famille» на русскій языкъ [2]) и, за недѣлю до пріѣзда Дидро въ Петербургъ, Екатерина писала Вольтеру, что комедія эта съ успѣхомъ была представлена на придворной сценѣ [3]). Дидро же Екатерина просила написать нѣсколько небольшихъ пьесъ для дѣтскаго театра [4]), вѣроятно, для исполненія воспитанницами Смольнаго института.

Въ 1772 году вышелъ послѣдній, 27-й, томъ «Энциклопедіи», и уже весною 1773 года Дидро выѣхалъ изъ Парижа, направляясь въ Петербургъ, на поклонъ къ русской императрицѣ. Онъ возвратился изъ Россіи въ Парижъ, въ свою семью, только осенью 1774 года, возвратился больной, усталый, съ мыслью о смерти, не очень, впрочемъ, скорой. «Я возвращаюсь — писалъ онъ отъ 3-го сентября 1774 г. [5])—къ своему домашнему очагу, котораго никогда ужъ болѣе не покину, до конца жизни; время, измѣрявшееся годами, прошло; настало время, которое слѣдуетъ измѣрять днями; чѣмъ ограниченнѣе доходъ, тѣмъ съ большимъ благоразуміемъ слѣдуетъ его расходовать. Въ моемъ распоряженіи, можетъ быть, десятокъ лѣтъ впереди. Изъ этихъ десяти лѣтъ, два или три года уйдутъ на флюсы, ревматизмы и другія явленія этой докучливой семьи; постараемся же провести остальные семь лѣтъ въ спокойствіи и въ тихомъ счастіи, доступномъ для человѣка, которому уже за шестьдесятъ лѣтъ». Это предсказаніе сбылось почти буквально: ровно черезъ десять лѣтъ, 20-го (31) іюля 1784 года, Дидро умеръ.

Съ начала 1783 г. Дидро началъ уже сильно хворать. «Болѣзнь Дидро очень меня безпокоитъ» [6]), пишетъ Екатерина еще въ апрѣлѣ и въ теченіи всего года интересуется состояніемъ его здоровья [7]), всегда высказывая къ нему большое вниманіе. Съ весны 1784 года, Дидро, совершенно больной [8]), не могъ уже посѣщать пятничные

[1]) Сергѣй Ивановичъ Глѣбовъ (1736 — 1786) „артиллеріи подполковникъ, писалъ стихи, которые и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ, но болѣе извѣстенъ по своимъ переводамъ, изъ коихъ исторіи великихъ мужей, выбранныхъ изъ Плутарха, сдѣлаютъ ему честь, если всѣ будутъ изданы. Есть и другіе его изрядные переводы". Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.

[2]) Diderot, XVIII, 287.

[3]) Сборникъ, XIII, 359.

[4]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2-й. Сборникъ, XXXIII, 519.

[5]) Diderot, XIX, 351.

[6]) Сборникъ, XXIII, 278.

[7]) Id. 290, 303 sqq.

[8]) Crachant le sang et travaillé de l'asthme. Diderot, XX, 139. 19-го февраля 1784 г. случился первый „violent crachement de sang", послѣ котораго онъ сказалъ дочери: „Voilà qui est fini—il faut nous separer". Diderot, I, LV.

обѣды «французскаго Фидія», скульптора Пигалля [1]), на которые собирались всѣ знаменитости вѣка—ученые, литераторы, художники, артисты. «Чтобъ хорошо знать и умѣть цѣнить Дидро, нужно видѣть его у Пигалля. Здѣсь Дидро являлся совсѣмъ на распашку—любезнымъ, простымъ, добрымъ. Среди литературныхъ споровъ и философическихъ дебатовъ, онъ завязывалъ бесѣды съ артистами объ искусствѣ и его живая рѣчь всегда была полна интереса» [2]). На послѣднемъ пятничномъ обѣдѣ, больной Дидро все заводилъ рѣчь о смерти; одну изъ этихъ рѣчей сохранилъ намъ другъ и ученикъ Руссо, д'Ешерни [3]): «Я былъ рожденъ, говорилъ намъ Дидро совершенно хладнокровно, чтобъ прожить лѣтъ сто. Иные говорятъ, будто я злоупотреблялъ моимъ здоровьемъ; я же скажу, что я имъ только пользовался. Я смотрю на прошлое безъ всякаго огорченія. Мнѣ не о чемъ сожалѣть—я больше жилъ въ пятьдесятъ лѣтъ, чѣмъ другіе во сто. Я не стѣснялъ себя, не лишалъ себя удовольствій, жилъ полною жизнью. Никогда, однако, не пользовался я жизнью въ такой мѣрѣ, какъ во время оргій, которыя мы устраивали у Ландэ [4]), гдѣ я съ избыткомъ наслаждался всѣми удовольствіями, чувственными и умственными, во время оживленной бесѣды съ двумя-тремя пріятелями, въ сообществѣ изысканныхъ винъ и красивыхъ женщинъ. Возвращаясь поздно домой, полупьяный, я работалъ всю ночь на пролетъ и работалъ легко, съ увлеченіемъ. Въ одну изъ такихъ оргій, Монморэнъ [5]) сказалъ мнѣ: «Conviens, Diderot, que tu n'es un impie que parce que tu es un libertin».—«Croyez-vous donc que je le sois à propos de bottes»?

Такимъ Дидро и умеръ. Священникъ мѣстнаго прихода, узнавъ о болѣзни Дидро, навѣстилъ его. «Мой отецъ—разсказываетъ г-жа Вандэйль въ своихъ мемуарахъ—принялъ его ласково, много говорилъ съ нимъ о дѣланіи добрыхъ дѣлъ, о помощи неимущимъ прихожа-

---

[1]) J. B. Pigalle (1714—1785), le Phidias des temps modernes, скульпторъ, пользовавшійся всесильнымъ тогда покровительствомъ г-жи Помпадуръ. Онъ изваялъ, между прочимъ, бюсты Дидро (Diderot, XX, III) и Вольтера, свидѣтельствующіе, что онъ далеко не былъ Фидіемъ. Онъ умеръ канцлеромъ академіи изящныхъ искуствъ.

[2]) Diderot, XX, 138.

[3]) D'Escherny, Mélanges de littérature, d'histoire etc., III. Diderot, XX, 136—140.

[4]) Содержатель лучшаго въ то время ресторана въ Парижѣ.

[5]) Armand comte de Montmorin былъ сперва воспитателемъ дофина, будущаго короля Людовика XVI, потомъ французскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, членомъ собранія нотаблей въ 1787 г., министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1790 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1791 г.; въ 1792 году онъ казненъ по приговору національнаго собранія.

намъ. Священникъ навѣщалъ его два-три раза въ недѣлю, но разговоръ былъ всегда общаго характера, такъ что и вопросы теологическіе обсуждались съ общей точки зрѣнія, какъ свойственно свѣтскимъ людямъ (comme il convient aux gens du monde). Мой отецъ не напрашивался на теологическія бесѣды, но и не избѣгалъ ихъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда оба они были вполнѣ согласны по многимъ вопросамъ морали, священникъ рискнулъ намекнуть отцу, что еслибъ онъ напечаталъ хотя бы маленькое отреченіе (une petite rétractation) отъ своихъ произведеній, то это произвело бы очень недурное впечатлѣніе. «Охотно вѣрю вамъ, батюшка; но, согласитесь, что это была бы съ моей стороны безстыдная ложь», отвѣчалъ ему отецъ мой». Священникъ такъ и не добился своего «маленькаго отреченія» и очень обрадовался, узнавъ о переѣздѣ Дидро въ другой приходъ. Переѣздъ на другую квартиру совершился только благодаря вниманію Екатерины. «Мой отецъ — говоритъ дочь Дидро— уже тридцать лѣтъ жилъ въ 4-мъ этажѣ; его библіотека была въ 5-мъ. Врачъ настаивалъ, что отецъ умретъ, поднимаясь такую вышь, и, по ходатайству Гримма, императрица Екатерина наняла для отца великолѣпную квартиру въ улицѣ Ришелье. Отецъ прожилъ въ ней только 12 дней. Его тѣло съ каждымъ днемъ замѣтно слабѣло, но голова была свѣжа, и онъ сознавалъ близкій конецъ. Наканунѣ смерти, онъ сказалъ работникамъ, устанавливавшимъ для него новую кровать: «Друзья, вы слишкомъ ужъ хлопочете о мебели, которая не прослужитъ и четырехъ дней». Вечеромъ, его навѣстили друзья; какъ всегда, разговоръ зашелъ о философіи, причомъ послѣднія его слова были: «Le premier pas vers la philosophie, c'est l'incrédulité».

Дидро умеръ въ приходѣ церкви св. Рокка. Мѣстный священникъ въ виду «ученія, распространеннаго въ его произведеніяхъ, и пріобрѣтенной философомъ извѣстности», отказался хоронить его, но въ виду 1800 ливровъ, вручонныхъ ему зятемъ Дидро, похоронилъ его торжественнѣе, чѣмъ даже желали родные. «J'ai été très édifiée—пишетъ Екатерина Гримму—de la conduite du curé de S-t Roch au sujet de l'enterrement de Diderot» Въ протоколахъ церкви св. Рокка значится:

„1784 года, августа 1-го дня, въ сей церкви погребенъ Денисъ Дидро, 71 года, членъ берлинской, стокгольмской и санктпетербургской академіи наукъ, библіотекарь Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй, императрицы Россіи, умершій вчера, іюля въ 31 день".

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка. Выше на стр. 223 напечатано: „Въ памятованіи 2 (13) іюля"; читай: „Въ памятованіи 20 (31) іюля" и т. д.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. [1]).

29-го іюля. Изъ Англіи привезены сюда весьма забавныя обезьяны и разныхъ сортовъ птицы, въ числѣ коихъ попугаи и переклиты. Охотники до оныхъ благоволятъ пріѣзжать въ Галерную улицу въ домъ подъ № 278.

— Если кто намѣренъ продать изъ лифлянокъ или русскихъ искусную кухарку, тотъ благоволитъ о семъ дать свѣдѣніе гостинаго двора зеркальной линіи въ полулавкѣ подъ № 38.

2 августа. На В. О. на среднемъ проспектѣ въ Грибановомъ домѣ у калужскаго артельщика Дмитрія Коншина продается сѣрой попугай, которой охая говоритъ. (№ 61).

5-го августа. Перновскому купцу надв. сов. Гардеру, подносившему с. и. в. проэктъ въ 8-ми статьяхъ о умноженіи государственныхъ доходовъ состоящей, по высочайшему повелѣнію объявляется, что проэктъ его, по разсмотрѣнію совѣта, найденъ не основательнымъ.

— Санктпетербургская цензура симъ объявляетъ всѣмъ имѣющимъ въ оной подъ разсмотрѣніемъ выписанныя иностранныя книги, что она въ отвращеніе потери времени нужнаго на исполненіе возложенной на нее должности, назначила два дни въ недѣлю для отдачи книгъ къ выпуску разрѣшаемыхъ и именно среду и субботу отъ 9 го утра до 2-хъ часовъ по полудни, въ которые каждый изъ являющихся, въ свою очередь одовольствованъ быть имѣетъ.

— На В. О. въ 5 линіи въ домѣ подъ № 206 продается весьма исправная кухарка, которая и бѣлье чиститъ очень хорошо, а видѣть ее и о цѣнѣ узнать можно того дому въ верхнемъ этажѣ.

— Въ домѣ графа Петра Андреевича Шувалова потребна въ услуженіе добропорядочная дѣвица для хожденія за госпожею, для одѣванія ее и для

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456, 645—648; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 363—370, 619—626.

смотрѣнія за гардеробомъ. Желающая къ сему опредѣлиться можетъ явиться 3 адмир. части въ 4-мъ кварталѣ подъ № 243.

9-го августа. Охтянину Козачьему, просившему монаршей милости отказано, поелику по справкѣ оказалось, что онъ состоянія не бѣднаго (№ 63).

— Лейбъ казачьяго полку рядовому Милекову въ просьбѣ о переводѣ его въ другой какой либо полкъ отказано, потому что служба вездѣ одинакова.

— Парикмахеру Михайлову, просившему о воспріятіи отъ купели сына его объявляется, что просьба его оставлена безъ всякаго вниманія.

— Нижегородской губерніи города Арзамаса деревни Петлиной крестьянину Тиханову, доносившему яко бы о найденной имъ города Лапшева въ селѣ Шурандѣ мѣдной рудѣ объявляется, что представленіе его оставлено безъ уваженія и что почитаемая имъ желѣзная руда ничто иное, какъ красная желѣзистая глина.

— Фельдмаршальшѣ графинѣ фонъ Ельмтъ, просившей о арендѣ въ Курляндіи; надворному совѣтнику Гардеру, просившему о препорученіи ему посредствомъ секретнаго высочайшаго указа коммисіи имѣть надзираніе надъ торговлею вообще и надъ таможнями и статскому совѣтнику Ф. Канкрину, просившему объ опредѣленіи сына его къ строенію казармъ и о пожалованіи ему чина, по высочайшему повелѣнію объявляется, что просьбы ихъ оставлены безъ вниманія.

— Шляхтичу Петровскому, жаловавшемуся на кіевскую казенную палату въ неохраненіи права его на отнятое у него тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ Трощинскимъ имѣніе, доставшееся ему отъ старосты Кахарлицкаго въ пожизненное владѣніе и ему и тайному совѣтнику, въ вѣчное и потомственное владѣніе въ число другихъ деревень пожалованное, возвращено прошеніе съ наддраніемъ и объявляется ему сверхъ того, чтобъ онъ, въ предохраненіе себя отъ наказанія, воздержался отъ подобныхъ пустыхъ просьбъ, каковою оказалась и настоящая, поелику высочайшею властію пожалованное имѣніе отъемлено быть не можетъ; а къ тому-жъ онъ и не имѣлъ на владѣніе тѣмъ имѣніемъ права, каковаго и самъ староста Кахарлицкій, по узаконеніямъ польскимъ, дать ему не могъ.

9 августа. Продается книга: „Русскія пѣсни съ гравированнымъ эстампомъ извѣстнаго охотника оныхъ М...“, имъ самимъ изданныя; простой слогъ и мысли о невинной любви и ея удовольствіяхъ составляютъ предметъ сихъ пѣсенъ, заслуживающихъ по сему уже самому вниманія любителей русскихъ пѣсень; безъ пер. 1 р., въ пер. 1 р. 20 коп.

12 августа. Славянину Бечичу, утруждавшему е. и. в. жалобою на маіора Бечилли и Буо въ томъ, что будто бы они продали его въ послѣднюю турецкую войну съ 12 его товарищами противъ воли въ неаполитанскую службу въ солдаты, прося награжденія за издержанные братомъ его 60 червонцовъ на его выкупъ, по высочайшему повелѣнію объявляется, что онъ впредь за толь дерзновенную просьбу, которая по двумъ изслѣдованіямъ оказалась неосновательною, подвергнется строгому по законамъ наказанію (№ 64).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОНВИЗИНА.

VIII [1]).

Александръ I, 1801—1825 гг.—Администрація Финляндіи.—Реформы.—Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.—Основаніе университетовъ.—Война съ Наполеономъ.—Кутузовъ.—Тильзитскій миръ.—1812 годъ.—Барклай-де-Толи.—Багратіонъ.—Ермоловъ и Раевскій.—Отступленіе арміи.—Бородино.—Наполеонъ въ Москвѣ.—Партизаны.—Битва подъ Тарутино.—Битва подъ Малоярославцемъ.—Переправа черезъ Березину.

. . . . . .

Новый императоръ (Александръ Павловичъ) со всѣмъ дворомъ, на разсвѣтѣ, переѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Всѣ гвардейскіе и армейскіе полки тотчасъ присягнули ему. Статсъ-секретарь Трощинскій написалъ манифестъ о восшествіи на престолъ Александра I. Этотъ актъ возбудилъ восторгъ дворянства обѣщаніемъ новаго самодержца царствовать по духу и сердцу великой бабки своей.

. . . . . .

Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что „вѣсть объ этомъ событіи (т. е. о восшествіи на престолъ Александра I) была въ цѣломъ государствѣ вѣстію искупленія; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день свѣтлаго воскресенія“.

. . . . . .

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLII, апрѣль, стр. 31—66. гл. I—VI. Въ настоящей части Записокъ нами опущена VII глава, въ семь печатныхъ страницъ, заключающихъ въ себѣ обзоръ событій 1801—1808 гг., о которыхъ авторъ, вступившій въ ряды гвардіи въ 1803 году, слышалъ изъ первыхъ устъ современниковъ, а частью былъ и самъ очевидцемъ.

Ред.

Въ повѣствованіи о царствованіи Александра I гг. Енно и Шеншо, какъ французы, слишкомъ пристрастны: они не отдаютъ должной справедливости добрымъ его качествамъ. Если Александръ, какъ человѣкъ, не чуждъ былъ слабостей и даже пороковъ, то какъ государь, и государь самодержавный, онъ являлъ нерѣдко великодушіе и человѣколюбіе—не мстилъ за оскорбленія, лично ему нанесенныя, и былъ во всю жизнь глубоко проникнутъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, которое французскіе историки называютъ суевѣрнымъ мистицизмомъ. Они выставляютъ мелочнымъ исполнителемъ внѣшнихъ обрядовъ восточной церкви его, всегда благорасположеннаго ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и исполненнаго чувствъ просвѣщенной вѣротерпимости.

Нельзя не удивляться, что Александръ, воспитанный бабкою своею, Екатериною II, зараженной невѣріемъ энциклопедистовъ, и посреди сладострастнаго и равнодушнаго двора къ вѣрѣ, всю жизнь свою сохранилъ религіозныя убѣжденія и истинную набожность.

Научное образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ женевца Лагарпа, республиканца по рожденію и по правиламъ, который съ раннихъ лѣтъ умѣлъ внушить ему свободолюбивыя начала и мнѣнія. Это настроеніе утвердилось въ сердцѣ его скорбными воспоминаніями о (болѣзненномъ) деспотизмѣ отца, угрожавшаго даже собственной его безопасности, и (вообще о царствованіи) Павла I. Съ этими впечатлѣніями взошелъ Александръ на тронъ самой обширной имперіи.

. . . . . .

Одинъ изъ приближенныхъ къ Александру, умныхъ и достойныхъ совѣтниковъ, графъ Сперанскій, который, возбудивъ зависть и недоброжелательство столбовыхъ дворянъ своими достоинствами и быстрымъ возвышеніемъ, былъ безъ всякой вины удаленъ Александромъ въ Пермь въ 1812 году чрезъ дворскую интригу и въ угожденіе тогдашнему общественному мнѣнію. Изъ ссылки своей онъ представилъ императору, увѣренному въ его невинности, письмо оправдательное, которое останется прекраснымъ памятникомъ благодушія и Александра, и Сперанскаго. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, ваше величество начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ

образомъ вашихъ мыслей, доставлять мнѣ бумаги, прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся".

„Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго (пре)образованія".

„Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы".

Эти слова Сперанскаго относятся къ проэкту хартіи для Россіи, написанной имъ по волѣ и мыслямъ Александра. А въ какомъ духѣ составленъ этотъ проэктъ, можно видѣть изъ (этого документа).... [1]).

.....Нужны-ли еще доказательства направленія императора Александра I, въ первую половину его царствованія? — онъ оффиціально выразилъ его на варшавскомъ сеймѣ 1818 года въ рѣчи своей (15 марта) къ польскимъ народнымъ представителямъ.... [2]).

Девять лѣтъ прежде, когда въ 1809 году по Фридрихсгамскому мирному трактату съ Швеціей присоединено къ Россіи Великое Княжество Финляндское,—Александръ не только даровалъ этой странѣ отдѣльную администрацію изъ однихъ туземцевъ, но подтвердилъ жителямъ неприкосновенность правъ, которыми они пользовались подъ шведскимъ правительствомъ—сохранилъ имъ сенатъ, который судитъ ихъ по шведскимъ законамъ, и родъ народнаго представительства, состоящаго изъ четырехъ подраздѣленій государственныхъ чиновъ, подобно тому, какое существуетъ (1853 г.) въ Швеціи. Самъ императоръ одинъ разъ предсѣдательствовалъ въ финляндскомъ сеймѣ.

....Но я въ этомъ очеркѣ опередилъ событія первыхъ годовъ его правленія—возвращаюсь къ нимъ.

Первымъ добрымъ дѣломъ новаго императора было освобожденіе всѣхъ жертвъ времени 1797—1801 гг., томившихся въ ссылкѣ или въ крѣпостныхъ казематахъ. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ—и на долго...

---

[1]) Проэктъ хартіи графа Сперанскаго напечатанъ въ 1832 г. въ Portofolio. Эта хартія названа Русскою Правдою. М. Фвз.

[2]) Рѣчь императора Александра Павловича на варшавскомъ сеймѣ напечатана въ „Русской Старинѣ" изд. 1873 г., томъ VII, стр. 612—615. Ред.

Александромъ подтверждены права и преимущества русскаго дворянства, духовенства и купечества (1801 г.), которыя такъ часто и беззаконно были нарушаемы Павломъ. Навсегда уничтожена ненавистная Тайная Канцелярія. Строжайше запрещена пытка и пристрастные допросы при слѣдствіяхъ и признана уголовнымъ преступленіемъ.

Александръ всѣмъ сердцемъ желалъ уничтожить въ Россіи крѣпостное рабство, но не съумѣлъ достигнуть того. Множество предположеній было сдѣлано на счетъ этого благодѣтельнаго преобразованія, но ни одно изъ нихъ не осуществилось. Все ограничилось изданіемъ указа въ 1803 году о свободныхъ хлѣбопашцахъ, котораго дѣйствіе было весьма незначительно: по настоящее время едва-ли сто тысячъ крѣпостныхъ по всей Россіи освободились по этому указу. Александръ однако совершенно прекратилъ раздачу въ награду казенныя населенныя имѣнія и по крайней мѣрѣ не умножилъ числа крѣпостныхъ, что дѣлалось такъ часто въ предшествовавшія царствованія: Екатерина II своимъ любимцамъ раздала до полумилліона душъ. Дворянство Остзейскихъ и Выборгской губерній, по убѣжденію правительства, согласилось освободить крестьянъ своихъ—латышей, эстовъ и чухонъ. но на такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, что положеніе большинства ихъ мало улучшилось. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія Александръ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны дворянства и окружавшихъ его вельможъ, которые представляли ему, что это дѣйствіе можетъ имѣть пагубныя для Россіи послѣдствія. У него недоставало твердости пренебречь эти своекорыстныя представленія.

Изъ законодательныхъ мѣръ, ознаменовавшихъ первые годы царствованія Александра, важнѣйшія были: распространеніе правъ правительствующаго сената (1802 г.), въ силу которыхъ сенатъ могъ представлять государю свое мнѣніе противъ всякаго изданнаго закона, который онъ признаетъ недостаточнымъ или вреднымъ [1]). Но вскорѣ послѣ того сенатъ по случаю изданнаго указа, стѣснительнаго для дворянъ, поступающихъ на службу подпрапорщиками, вздумалъ войти съ представленіемъ къ государю объ отмѣненіи этого указа, какъ нарушающаго дворянскую гра-

[1]) Право французскихъ парламентовъ, называемое droit de remontrance.
М. Фвз.

моту. Сенату, по волѣ монаршей, растолковано, что онъ въ правѣ обсуживать законы предшествовавшихъ царствованій, и представлять объ отмѣнѣ ихъ, а не тѣхъ, которые издаются царствующимъ государемъ. Въ томъ же году вышло учрежденіе министерствъ; въ 1810 году учрежденіе государственнаго совѣта. Всѣ эти институціи должны были войти въ общій планъ замышляемаго Александромъ.... (пре)образованія правительства.

Въ эти годы Александръ сдѣлалъ много и для народнаго просвѣщенія и, не смотря на стѣсненное состояніе государственныхъ финансовъ, не жалѣлъ денегъ на учебныя заведенія. До него былъ въ Россіи одинъ университетъ Московскій, учрежденный императрицей Елисаветой Петровной. Александръ послѣдственно основалъ новые университеты: Казанскій, Харьковскій, Дерптскій; возобновилъ Виленскій, созданный еще Ягелонами, и учредилъ Петербургскій, также духовныя академіи въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ; выписалъ изъ Германіи отличныхъ профессоровъ; умножилъ число гимназій, спеціальныхъ и другихъ училищъ.

Но преобразовательная дѣятельность первыхъ годовъ Александра была вдругъ пріостановлена наступившею военною эпохою его царствованія. Въ сердце молодаго императора проникли честолюбивыя желанія военной славы — притязанія играть первенствующую роль въ политической системѣ Европы, оспаривать первенство у Франціи, возвеличенной счастливыми революціонными войнами и дивными побѣдами ея перваго консула, а потомъ императора Наполеона Бонапарте, котораго воинственный и правительственный геній возвелъ ее на высшую степень славы и могущества, какую она занимала въ самое цвѣтущее время царствованія Лудовика XIV.

Россія, по отдаленности своей, умною и осторожною политикою могла бы, сохраня свое достоинство, избѣжать столкновенія съ властолюбивымъ императоромъ французовъ: онъ бы не вдругъ рѣшился напасть на Россію и предпочелъ бы имѣть ее союзницей. Но Александръ самъ навлекъ на себя враждебное расположеніе Наполеона, принявъ самое дѣятельное участіе въ коалиціи противъ него съ Англіей и Австріей, едва отдохнувшей отъ пораженій своихъ въ Италіи и Германіи, при Маренго и Гогенлин-

денѣ. Первымъ движеніемъ войскъ своихъ Наполеонъ разбилъ австрійцевъ подъ Ульмомъ и заставилъ ихъ главнокомандующаго генерала Мака съ бо̀льшею частію арміи сдаться военноплѣнными. Русскій вспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Кутузова, былъ уже въ нѣмецкой землѣ и спѣшилъ подкрѣпить австрійцевъ, какъ вмѣсто ихъ вдругъ встрѣтился съ побѣдоносною французскою арміею, превосходившею его несравненно числомъ войска и артиллеріи. Кутузовъ рѣшился идти назадъ, мужественно отстаивая всякую пядь земли, и совершилъ славное отступленіе въ Моравію, будучи однако не въ силахъ защитить Вѣну, которую заняли французы. Въ Моравіи предъ Ольмюцомъ Кутузовъ сошелся съ прибывшими изъ Россіи войсками, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, и императорскою гвардіею съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Всѣ эти войска поступили подъ главное начальство Кутузова. Императоры Александръ и Францъ находились при этой арміи.

Наполеонъ изъ Брюна, гдѣ собралась вся его армія, предложилъ Александру честный миръ—его согласіе прекратило бы войну и безъ большихъ потерь даже для побѣжденной Австріи. Но Александръ отвергъ это предложеніе и самонадѣянно рѣшился идти на французовъ. Планъ атаки былъ начертанъ австрійскимъ генералъ-квартирмейстеромъ Вейнротеромъ, и нашъ главнокомандующій, изъ человѣкоугодничества, согласился приводить въ исполненіе чужія мысли, которыя въ душѣ своей не одобрялъ. Александръ не стянулъ даже всѣхъ силъ своихъ: до 70,000 русскихъ, подъ начальствомъ генераловъ барона Бенингсена и Эссена были въ Силезіи, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ арміи Кутузова, и могли чрезъ 3 или 4 дня соединиться съ ней.

Въ роковое 20-го ноября 1805 года Наполеонъ встрѣтилъ атакующую его русскую армію и разбилъ ее на голову. Часть артиллеріи, до 20,000 плѣнныхъ съ знаменами были трофеями побѣдителя на поляхъ Аустерлица. Австрійскій императоръ уничиженно явился на бивуакѣ Наполеона съ мирными предложеніями — миръ съ Австріей былъ заключенъ, и въ числѣ условій русской арміи позволено отступить во-свояси.

Этотъ горькій урокъ не вразумилъ Александра: черезъ годъ послѣ Аустерлицкой битвы составилась новая коалиція противъ Франціи: Англія подняла на нее Пруссію и Россію. На-

полеонъ, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Саксоніи на поляхъ Іенскихъ и Ауерштедскихъ, разгромилъ прусскую армію, славившуюся своей дисциплиной и тактикой и предводимую ветеранами-сподвижниками Фридриха Великаго, принцемъ Брауншвейгскимъ и фельдмаршаломъ Меллендорфомъ. Остатки этой арміи съ принцемъ Гогенлоге положили оружіе въ Пренцлау, и сдались французскому корпусу, ихъ преслѣдовавшему. Бо̀льшая часть прусскихъ крѣпостей, снабженныхъ всѣми военными и съѣстными запасами, отворяли ворота при появленіи иногда нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ или конныхъ егерей, которымъ гарнизоны сдавались. Бо̀льшая часть прусскихъ владѣній была во власти императора французовъ.

Россійскія войска, подъ начальствомъ генерала Бенингсена, уже на землѣ польской и въ старой Пруссіи, упорно боролись съ побѣдоносной арміей Наполеона: въ кровопролитныхъ битвахъ подъ Пултускомъ, въ сраженіи подъ Прейсишъ-Элау Наполеонъ въ первый разъ не остался побѣдителемъ; въ битвахъ подъ Гутштатомъ и Гейльсбергомъ русскіе покрыли себя славою и заслужили своею храбростію уваженіе непріятелей; но подъ Фридландомъ были разбиты и, испытавъ огромныя потери, отступили къ нашимъ границамъ. Александръ самъ былъ при арміи [1]) и лично неустрашимый въ огнѣ, не обладалъ дарованіями полководца. За этими неудачами послѣдовалъ Тильзитскій миръ. Оба императора имѣли свиданіе на рѣкѣ Нѣманѣ и лично познакомились. Въ Тильзитѣ прожили они дней десять, оказывая другъ другу самыя нѣжныя привѣтствія. Миръ уполномоченными Франціи, Россіи и Пруссіи былъ подписанъ іюня 25-го дня 1807 г. и немедленно ратификованъ обоими императорами. Первенство осталось за Франціей; Пруссія, и то благодаря ходатайству Александра, унижена на степень второстепенной державы и должна была заплатить огромную контрибуцію. Хотя Россія не только не уступила ни пяди земли, но еще пріобрѣла Бѣлостокскую область отъ побѣжденной Пруссіи, но Александръ принужденъ былъ вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ недавнимъ врагомъ своимъ, и принять дѣятельное участіе въ континентальной системѣ Наполеона: закрыть англичанамъ порты

[1]) Онъ не былъ при Фридландѣ. Примѣч. рукоп.

свои, ко вреду русской заграничной торговли, и согласиться на возстановленіе древней Польши подъ именемъ герцогства Варшавскаго. Эта новая держава подъ владычествомъ Наполеона составляла его передовое ополченіе въ будущемъ нашествіи его на Россію. Императоръ французовъ въ стремленіи своемъ къ всемірному владычеству, располагая Германіей, какъ протекторъ Рейнскаго союза, составленнаго изъ второстепенныхъ державъ, безспорно владычествуя въ Италіи и замышляя завоеваніе Пиренейскаго полуострова для одного изъ своихъ братьевъ, желалъ сохранить на время прочный миръ съ Россіей, и для этого всячески старался пріобрѣсть благорасположеніе русскаго императора. Въ свиданіяхъ съ Александромъ въ Тильзитѣ, и послѣ въ 1810 году на Эрфуртскомъ конгрессѣ, онъ очаровалъ его своимъ величіемъ, умомъ и любезностію. Предлагалъ ему раздѣлить Европейскій материкъ на двѣ половины: въ западной до границъ Россіи владычествовать самому, предоставляя новому своему союзнику распоряжаться сѣверными державами Швеціей и Даніей, и, изгнавъ турокъ изъ Европы, покорить ихъ владѣнія въ этой части свѣта. Наполеонъ дозволилъ Александру завоевать Финляндію и тѣмъ обезпечить безопасность Петербурга. Возбуждая его честолюбіе, онъ манилъ его обладаніемъ Константинополемъ и Чернымъ моремъ, и соглашался на немедленное присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ областей Молдавіи и Валахіи.

Увѣрившись въ мирномъ расположеніи Александра, Наполеонъ обратилъ силы свои на югъ, чтобы овладѣть Испаніей, и воспользовался семейною враждою ея слабаго короля Карла IV съ наслѣдникомъ престола Фердинандомъ, любимымъ испанцами, желавшими, чтобы онъ царствовалъ. Наполеонъ, какъ союзникъ ихъ короля, занялъ Мадритъ и сѣверныя области королевства французскими войсками—пригласилъ короля Карла IV и сыновей его во Францію, чтобы разобрать ихъ семейную ссору и усмирить Испанію. Они повѣрили ему и съѣхались въ Баіонѣ. Слабаго Карла IV, раздраженнаго противъ сына, Наполеону не трудно было уговорить отказаться въ пользу его отъ трона. Сыновей его, Фердинанда и Карлоса, задержалъ онъ во Франціи плѣнниками, и созвалъ въ Баіонѣ юнту изъ нѣсколькихъ подкупленныхъ имъ испанцевъ, которыхъ заставилъ провозгласить брата своего Іосифа, царствовавшаго въ Неаполѣ, королемъ испанскимъ.

Этотъ коварный, предательскій поступокъ возбудилъ всеобщую ненависть испанцевъ къ французскому владычеству, и во всемъ королевствѣ возгорѣлась безпримѣрная война, которая разстроила властолюбивые планы Наполеона и заставила его направить туда новыя силы изъ Франціи и даже изъ Германіи.

Англія, высадивъ на испанскіе берега войско въ подкрѣпленіе инсургентовъ, склонила Австрію къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Послѣ Аустерлицкаго пораженія Австрія воспользовалась четырехъ-лѣтнимъ миромъ, чтобы усилить и устроить свои ополченія. Англія снабжала ее деньгами и оружіемъ. Австрійскою арміей начальствовалъ тогда лучшій ея полководецъ эрцгерцогъ Карлъ, который успѣлъ въ мирные годы приготовить ее къ военнымъ дѣйствіямъ, съ надеждою возстановить ея военную славу, утраченную въ прежніе итальянскіе и нѣмецкіе походы. Наполеонъ, не смотря на то, что значительная часть его войскъ занята была въ Испаніи, явился съ превосходной арміей посреди Германіи. Александръ, какъ союзникъ, долженъ былъ выставить вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ князя Голицына на защиту герцогства Варшавскаго.

Война закипѣла: эрцгерцогъ Карлъ встрѣтилъ французовъ подъ Регенсбургомъ — сразился съ Наполеономъ подъ этимъ городомъ и принужденъ былъ отступать внизъ по берегамъ Дуная. Наполеонъ предупредилъ его движеніемъ на Вѣну и безъ боя овладѣлъ столицею Австріи. Ниже Вѣны при Аспернѣ армія эрцгерцога одержала побѣду надъ значительною частію войскъ Наполеона, и ему самому угрожала величайшая опасность; но его геній вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, и ровно чрезъ мѣсяцъ онъ одержалъ блистательную побѣду подъ Ваграмомъ надъ австрійцами, которыхъ заставилъ отступить въ Богемію. Хотя австрійцы въ эту кампанію дѣйствовали несравненно лучше, нежели въ предшествовавшія, но не въ состояніи были противустать побѣдоносной арміи Наполеона. Императоръ Францъ просилъ мира, который вскорѣ и былъ подписанъ въ Вѣнѣ. Въ этой войнѣ русскій вспомогательный корпусъ дѣйствовалъ вяло и неохотно въ Галиціи и все почти время простоялъ въ Краковѣ. Наполеонъ понялъ, что ему не долго можно считать на благорасположеніе Александра. Дружба обоихъ императоровъ день ото дня охлаждалась.

Довольно было причинъ къ разрыву: Наполеонъ жаловался, что Россія не исполняетъ условій Тильзитскаго трактата, въ отношеніи континентальной системы—допускаетъ въ свои порты ввозъ англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ произведеній подъ американскимъ флагомъ, — что въ войну съ Австріей русскій вспомогательный корпусъ не дѣйствовалъ какъ войско, искренно союзное, и даже дружилъ австрійцамъ. Наполеонъ оскорблялся, что на предложеніе его руки сперва великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а послѣ Аннѣ Павловнѣ, Александръ, давъ сначала свое согласіе, отозвался послѣ, что на этотъ бракъ не было соизволенія императрицы Маріи Ѳеодоровны. Со стороны Александра причины къ войнѣ были: общая непріязнь къ Франціи русскихъ, которыхъ народное чувство оскорблялось утратой военной славы въ неудачные походы противъ Наполеона, разстройство финансовъ, вслѣдствіе этихъ войнъ, упадокъ и почти банкротство нашихъ ассигнацій при невозможности исправить это, оставаясь вѣрнымъ континентальной системѣ Наполеона, которая, уничтожая нашу заграничную торговлю съ Англіей, наносила очевидный вредъ и государственному, и частному благосостоянію. Дипломатическія сношенія обоихъ кабинетовъ становились день ото дня холоднѣе и недружелюбнѣе. Дерзкій и презрительный тонъ французскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ вызывалъ русскихъ на подобныя же оскорбленія, и наши гвардейскіе офицеры не оставались у французовъ въ долгу.

Все предвѣщало скорую, неизбѣжную войну съ Франціей — наступилъ незабвенный 1812 годъ!

Присоединеніе къ Франціи отъ Германіи сѣверныхъ ея береговъ, почти до Балтійскаго моря, и въ числѣ этихъ земель владѣнія герцога Ольденбургскаго, родственника императорскаго россійскаго дома, было предлогомъ для Александра объявить Наполеону войну, которой желалъ весь русскій народъ. Александръ заключилъ дружественные союзы съ Англіей, Швеціей и Испаніей.

Императоръ французовъ подозрѣвалъ, что Россія увлечетъ Пруссію, ненавидѣвшую его владычество, и двинетъ свои арміи въ Германію: чтобы предупредить это движеніе, онъ быстро стянулъ свои многочисленные корпуса отъ Одера и Вислы къ русской границѣ—рѣкѣ Нѣману.

Наполеонъ, самовластно располагая силами Франціи, Италіи,

Рейнскаго союза и поляками, вмѣстѣ выставившими до полумилліона войскъ, повелъ ихъ на Россію. Наши войска были расположены вдоль западныхъ границъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, и по первоначальному плану должны были двинуться впередъ и сосредоточиться въ Пруссіи, на содѣйствіе которой считали и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Но быстрое движеніе большой французской арміи къ Нѣману и переправа ея чрезъ эту рѣку противъ Ковно и на другихъ пунктахъ угрожали разъединеніемъ нашимъ корпусамъ, растянутымъ на большомъ пространствѣ. Наполеонъ могъ напасть на нихъ и по частямъ разбить. Александръ прибылъ въ Вильно, главную квартиру 1-й арміи, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли состоящей изъ 5-ти армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ, гвардейскаго и 3-хъ кавалерійскихъ. 2-я армія, подъ предводительствомъ князя Багратіона, имѣла главную квартиру въ Слонимѣ и состояла изъ двухъ армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ и одного кавалерійскаго. Атаманъ Платовъ съ нѣсколькими казачьими полками занималъ впереди Бѣлостокскую область. Александръ, узнавъ о переправѣ французской арміи чрезъ Нѣманъ, предписалъ всѣмъ нашимъ войскамъ отступленіе: первой арміи къ Двинѣ, въ устроенный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ у города Дриссы; князю Багратіону и атаману Платову велѣно также отступать для соединенія съ первой арміей.

Наполеонъ съ массою силъ своихъ, не преслѣдуя первой арміи, а легкими отрядами наблюдая только ея отступленіе, быстрымъ движеніемъ думалъ настичь вторую армію, и, уничтоживъ ее, обратиться на первую и ее также разгромить. Но ошибочное движеніе одного изъ генераловъ, брата его, короля Вестфальскаго, не исполнившаго въ точности распоряженія императора, и усиленные марши арміи князя Багратіона, испытавшей силы свои въ нѣсколькихъ жаркихъ битвахъ съ французами, сдѣлали возможнымъ соединеніе обѣихъ русскихъ армій. Генералъ Барклай-де-Толли, узнавъ, что 2-я армія избѣжала угрожавшей ей опасности, рѣшился выступить изъ Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, и, оставя въ Бѣлоруссіи 1-й корпусъ графа Витгенштейна для прикрытія дороги въ Петербургъ, взялъ направленіе чрезъ Полоцкъ (откуда императоръ Александръ уѣхалъ въ Москву и послѣ въ Петербургъ), къ Витебску, гдѣ надѣялся соединиться съ кн. Ба-

гратіономъ. Наполеонъ со всѣми силами обратился на 1-ю армію, отступавшую къ Витебску — авангардъ его настигъ арріергардъ Барклая-де-Толли — кровопролитна была эта первая встрѣча войскъ 1-й арміи съ французами; но арріергардъ нашъ, дравшись подъ Островно цѣлый день, отступилъ въ порядкѣ; на другой день былъ опять атакованъ и, храбро сражаясь, присоединился къ арміи, выстроенной передъ Витебскомъ и готовой назавтра грудью встрѣтить непріятеля.

Но въ тотъ же вечеръ главнокомандующій получилъ отъ князя Багратіона вѣсть, что его армія и Платовъ съ казаками идутъ къ Смоленску и могутъ безпрепятственно соединиться съ нимъ подъ этимъ городомъ. Это заставило Барклая-де-Толли, въ виду непріятельской арміи, отступить фланговымъ движеніемъ налѣво и, прикрывая этотъ маневръ высланнымъ передовымъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала графа Палена, который нѣсколько часовъ удерживалъ непріятеля, далъ время арміи выдти на Смоленскую дорогу и отступилъ благополучно вслѣдъ за ней, подвергаясь однако опасности быть отрѣзаннымъ французами, которые заняли въ тылу его часть города.

Желанное соединеніе обѣихъ армій совершилось наконецъ въ Смоленскѣ, но обѣ наши арміи далеко не равнялись числомъ съ арміей непріятельской.

Вообще составъ нашихъ двухъ западныхъ армій былъ хорошъ. Ихъ одушевляла любовь къ отечеству, негодованіе на прежнія неудачи и надежда управиться съ врагомъ, не смотря на то, что этотъ врагъ былъ геніальный императоръ французовъ, первый полководецъ нашего времени, котораго одно имя и присутствіе стоили ста тысячъ войска. Нигдѣ Наполеонъ и не встрѣтилъ такого упорнаго сопротивленія, какъ въ достопамятную кампанію 1812 года въ Россіи. Хотя наши солдаты уступали въ той восторженной, пламенной храбрости въ нападеніи, какою французы побѣждали всѣ европейскія арміи, но за то наши выигрывали у нихъ непоколебимою стойкостію и упорствомъ въ оборонѣ — при неудачахъ поспѣшно устраивались по голосу начальниковъ, и обойденные во флангъ не спѣшили отступать, какъ австрійцы, или сдаваться, но всегда держались донельзя. Во всѣхъ встрѣчахъ нашихъ войскъ съ непріятельскими, даже превосходившими числомъ, наши ни разу не были сбиты съ по-

зиціи (въ Островнѣ, подъ Витебскомъ), но отступали въ порядкѣ по приказанію начальниковъ своихъ.

Главнокомандующіе обѣихъ нашихъ западныхъ армій, генералы Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ, оба, хотя въ разныхъ родахъ, обладали великими военными качествами, изъ которыхъ послѣднее было—самая блистательная храбрость, ознаменовавшая многолѣтнее военное поприще того и другаго. Оба наши полководца въ неустрашимости и военной опытности не уступали ни одному изъ лучшихъ маршаловъ Наполеона. Барклай-де-Толли, при равныхъ съ княземъ Багратіономъ достоинствахъ, имѣлъ болѣе его познаній въ военныхъ наукахъ, могъ искуснѣе соображать высшія стратегическія движенія и начертать планъ военныхъ дѣйствій, но князь Багратіонъ на полѣ сраженія, которое могъ обнять глазомъ, былъ неподражаемъ въ своихъ мгновенныхъ вдохновеніяхъ — угадывалъ вѣрно намѣренія непріятеля и умѣлъ противодѣйствовать успѣхамъ даже самого Наполеона.

Однако при всѣхъ достоинствахъ Барклая-де-Толли, человѣка съ самымъ благороднымъ, независимымъ характеромъ, геройски храбраго, благодушнаго и въ высшей степени честнаго и безкорыстнаго — армія его не любила, за то только, что онъ нѣмецъ! Въ то время, когда противъ Россіи шла бо̀льшая половина Европы, подъ знаменами Наполеона, очень естественно, что предубѣжденіе противъ всего не русскаго—чужестраннаго, сильно овладѣло умами не только народа и солдатъ, но и самыхъ начальниковъ. Притомъ Барклай-де-Толли, съ холодною и скромною наружностію, былъ невзрачный нѣмецъ, съ перебитыми въ сраженіяхъ рукою и ногою, что придавало его особѣ и движеніямъ какую-то неловкость и принужденность; не довольно чисто говорилъ онъ и по русски, а бо̀льшая часть свиты его состояла изъ нѣмцевъ: всего этого было слишкомъ достаточно, въ то время, чтобы не только возбудить нелюбовь арміи къ достойному полководцу, но даже внушить обидное подозрѣніе на счетъ чистоты его намѣреній. Не цѣнили ни его прежнихъ заслугъ, ни настоящаго искуснаго отступленія, въ которомъ онъ сберегъ армію и показалъ столько присутствія духа и мудрой предусмотрительности.

Князь Багратіонъ, сподвижникъ и любимецъ Суворова въ

итальянскую кампанію, былъ любимъ войсками: высокими военными качествами, обходительнымъ и ласковымъ обращеніемъ съ подчиненными, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и затмилъ своего соперника главнокомандующаго 1-й арміи, которому имѣлъ причины завидовать. Барклай-де-Толли былъ моложе въ чинѣ князя Багратіона; но какъ военный министръ онъ бралъ у него первенство. Императоръ приказалъ князю Багратіону сообразовать всѣ дѣйствія 2-й западной арміи съ дѣйствіями 1-й и слѣдовать всѣмъ распоряженіямъ ея главнокомандующаго. Это ставило Барклая-де-Толли съ Багратіономъ въ странное — не естественное соотношеніе, и ко вреду самыхъ военныхъ дѣйствій могло только раздражать и усиливать ихъ взаимную непріязнь.

Къ тому же самъ императоръ, хотя уважалъ Барклая-де-Толли, но не онъ одинъ пользовался исключительно довѣренностію государя: нѣсколькимъ лицамъ въ обѣихъ арміяхъ далъ онъ право писать къ себѣ откровенно о военныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ двухъ главнокомандующихъ, съ Александромъ переписывались начальники штабовъ обѣихъ армій, генералы: Ермоловъ и графъ Сен-При и исправляющій должность дежурнаго генерала 1-й арміи, флигель-адъютантъ Кикинъ. Всѣ эти лица принадлежали къ партіи, противной Барклаю-де-Толли—и въ письмахъ своихъ къ государю не щадили ни нравственный его характеръ, ни военныя дѣйствія его и соображенія. Противъ него былъ и великій князь Константинъ Павловичъ, командующій гвардіей, и лица, окружавшія его.

Барклай-де-Толли почти не имѣлъ въ своей арміи приверженцевъ: всѣ лучшіе наши генералы, изъ которыхъ многіе пріобрѣли справедливо заслуженную славу, были или противъ него, или къ нему со всѣмъ равнодушны. Главные недоброжелатели его были, во первыхъ, начальникъ его штаба: генералъ Ермоловъ, издавна дружный съ княземъ Багратіономъ, и генералъ Раевскій, пользовавшійся его довѣренностію и имѣвшій на него большое вліяніе. Ермоловъ и Раевскій (особенно первый) по высокимъ качествамъ, отличнымъ способностямъ и характеру не могли удовлетворяться второстепенными ролями. Оба они съ самою блистательною храбростію соединяли военное научное образованіе и опытность, были пламенные патріоты и обожаемы не только непосредственными подчиненными, но и всей арміей. Але-

ксандръ не любилъ ни того, ни другаго, но поневолѣ уважалъ ихъ за личныя достоинства. За ними на первомъ планѣ выставлялись нѣкоторые изъ корпусныхъ начальниковъ: графъ Витгенштейнъ, Милорадовичъ, Тучковъ, Багговутъ, графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ, графъ Паленъ, Дохтуровъ; артиллеристы: графъ Кутайсовъ, князь Яшвиль; генеральнаго штаба полковники: Толь и баронъ Дибичъ; все это генералы далеко не дюженные, въ которыхъ личная храбрость была изъ послѣднихъ достоинствъ.

Не любя Барклая-де-Толли, его противники сообщили чувства непріязни своей и войску: не разъ во время ночныхъ переходовъ, онъ, объѣзжая колонны—слышалъ ропотъ солдатъ на безконечное отступленіе, а въ гвардейскихъ полкахъ пѣніе насмѣшливыхъ куплетовъ на его счетъ. Но Барклай-де-Толли не обращалъ на это вниманія и твердо исполнялъ принятый однажды планъ—искуснымъ отступленіемъ завлечь Наполона, съ его несмѣтною арміей, въ сердце Россіи и здѣсь устроить ему гибель. Независимый характеръ его особенно выказался во время соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ. Зная всѣ интриги своихъ недоброжелателей, и въ числѣ ихъ в. кн. Константина Павловича, генералъ-адъютанта Ожаровскаго и нѣсколькихъ царскихъ флигель-адъютантовъ, находившихся въ главной квартирѣ, онъ не задумался выслать ихъ въ Петербургъ. Цесаревичу Константину Павловичу далъ онъ предписаніе, въ которомъ было сказано: что „какъ главнокомандующій находитъ присутствіе его высочества въ арміи безполезнымъ“, то онъ предлагаетъ ему немедленно отправиться въ С.-Петербургъ, о чемъ онъ имѣлъ счастіе донести государю императору. Этимъ смѣлымъ поступкомъ Барклай-де-Толли успѣлъ на нѣкоторое время остановить дѣйствія своихъ противниковъ и заставить ихъ быть осторожнѣе.

Главная его заслуга была та, что онъ, уклоняясь отъ рѣшительнаго генеральнаго сраженія съ Наполеономъ, въ столь продолжительное и трудное отступленіе, безпрестанно угрожаемый непріятелемъ, который былъ гораздо сильнѣе его, успѣлъ сберечь армію, удержать ее въ порядкѣ и сохранить артиллерію, которая почти равнялась числомъ орудій съ непріятельской и была въ превосходномъ состояніи какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и по воинственному духу. Если французскіе артиллеристы счита-

лись ученѣе нашихъ въ познаніяхъ теоретическихъ, то наши не уступали имъ въ практикѣ и удивляли самихъ непріятелей смѣлыми дѣйствіями и подвижностію нашихъ батарей — это послѣднее качество зависѣло отъ доброты русскихъ лошадей и упряжи.

Смоленскъ послѣ двухъ-дневной жестокой борьбы былъ превращенъ въ развалины. Русскіе защищали городъ отчаянно и всѣ приступы непріятеля къ стѣнамъ его были отбиваемы; но первая армія, испытавъ въ этомъ сраженіи большія потери, ночью оставила раззоренный городъ и отступила въ порядкѣ вслѣдъ за второю по Московской дорогѣ. Наполеонъ преслѣдовалъ ее своими передовыми отрядами—всякій день нашъ арріергаръ мужественно отражалъ ихъ нападенія, и не случилось ни разу, чтобы непріятель сбилъ его далѣе того пункта, гдѣ ему по диспозиціи изъ главной квартиры должно было остановиться на ночь. Во всемъ этомъ отступленіи русская армія не потеряла ни пушки, ни повозки. Число плѣнныхъ нашихъ изъ отсталыхъ не превышало захваченныхъ нами французовъ.

Не доходя до Можайска, армія расположилась у селенія Царево-Займище (гдѣ главнокомандующій избралъ превосходную позицію для генеральнаго сраженія), какъ къ ней прибылъ генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, чтобы начальствовать всѣми войсками. Онъ пріѣхалъ изъ молдавской арміи, съ которой, одержавъ побѣды надъ турками, заставилъ султана заключить миръ съ Россіею въ Бухарестѣ, мая 16-го дня 1812 года, и уступить ей Бессарабію и устье Дуная. Александръ въ удовлетвореніе общественнаго мнѣнія—несправедливаго противъ Барклая-де-Толли—героя въ сраженіи и человѣка самаго благороднаго и возвышеннаго характера только потому, что онъ былъ нѣмецъ, назначилъ генерала Кутузова главнымъ вождемъ всѣхъ армій.

Кутузовъ, принявъ начальство, потому только приказалъ арміи отступить отъ Царево-Займища, что при этомъ селеніи превосходную позицію для генеральнаго сраженія выбралъ его предмѣстникъ. Армія отступила къ селенію Бородино—16 верстъ не доходя до Можайска, и тутъ новый главнокомандующій рѣшился встрѣтить грудью армію Наполеона и сразиться съ ней. Наша армія, болѣе нравственно, нежели физически утомленная продолжительнымъ отступленіемъ, столько же желала рѣ-

шительнаго сраженія, сколько и Наполеонъ. Войска наши съ восторгомъ приняли новаго главнокомандующаго и предмѣстникъ его, достойный Барклай-де-Толли, великодушно согласился служить подъ его начальствомъ.

Августа 26-го подъ Бородинымъ произошло сраженіе, единственное въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ по ожесточенію, съ которымъ сражались обѣ стороны. Никогда Наполеонъ не встрѣчалъ такого упорнаго сопротивленія отъ войска малочисленнѣйшаго его арміи. Потеря съ обѣихъ сторонъ была неслыханная [1]). Не смотря на всѣ усилія Наполеона, русскіе ночевали на полѣ сраженія — армія непріятельская была такъ разстроена, что не могла слѣдовать за нашею, отступившею на другой день къ Можайску. Убыль въ нашихъ войскахъ была такъ велика, что полки, построенные каждый въ одинъ только баталіонъ, едва были замѣтны между длинными рядами пушекъ, съ ихъ зелеными ящиками.

Русская армія, непобѣжденная, отступила къ Москвѣ. Всѣ отъ начальниковъ до простыхъ солдатъ были одушевлены однимъ желаніемъ: сразиться съ французами подъ стѣнами древней столицы. Но благоразумный и осторожный Кутузовъ не увлекся этимъ восторженнымъ чувствомъ: зная несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, онъ рѣшился оставить Москву. Начиналась жестокая народная война. Русскіе всѣхъ сословій, не жалѣя ни себя, ни своего достоянія, готовы были на всѣ пожертвованія, чтобы только отразить врага. Губерніи, ближайшія къ театру военныхъ дѣйствій, собирали милиціи изъ конныхъ и пѣшихъ полковъ.

Армія выступила изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, дойдя до Мячковскаго кургана поворотила направо на Подольскую дорогу, и, продолжая это фланговое движеніе вокругъ Москвы, перешла на старую Калужскую дорогу, на которой и стала твердой ногой у селенія Тарутина, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Еще съ Рязанской дороги, въ первую ночь отступленія отъ Москвы,

---

[1]) Когда французы вышли изъ Россіи, можайскому уѣздному предводителю Астафьеву поручено было убрать мертвые трупы, которыми были усѣяны окрестности Бородина. Онъ хоронилъ ихъ, истреблялъ известью и огнемъ и велъ имъ счетъ. На двухъ квадратныхъ миляхъ, около Бородина, онъ собралъ 50,000 человѣческихъ труповъ и 33,000 лошадей. М. Фвз.

армія поражена была огромнымъ заревомъ, разстилавшимся надъ Москвою, которая внезапно загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и три четверти столицы превращены въ пепелъ. Наполеонъ, вступая въ Москву, ждалъ торжественной встрѣчи и депутацію съ ключами города, но съ удивленіемъ увидѣлъ однѣ пустыя улицы. Всѣ имѣвшіе малѣйшую возможность выбрались изъ Москвы: въ ней остались самые бѣднѣйшіе жители, да нѣсколько сотенъ французовъ и другихъ иностранцевъ, купцовъ и ремесленниковъ. Первая ночь, которую Наполеонъ провелъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, озарилась страшнымъ пожаромъ, который заставилъ его выѣхать изъ города и поселиться въ Петровскомъ дворцѣ, за Петербургской заставой, расположивъ вокругъ него на бивуакахъ свою гвардію.

Наполеонъ надѣялся, овладѣвъ Москвой, пріобрѣсти миръ съ Александромъ и спокойныя зимнія квартиры для своей арміи. Москва имѣла всегда такое множество всякаго рода запасовъ, что французская армія могла бы прокормиться въ ней болѣе полугоду и одѣться заново, но страшный пожаръ въ нѣсколько дней истребилъ всѣ эти огромныя средства. Французы въ первое время грабежемъ жили въ изобиліи, но скоро начали терпѣть нужду—принуждены были посылать партіи фуражировъ за съѣстными припасами въ окрестности столицы, и не многіе изъ этихъ партій возвращались. Народная война была въ полномъ разгарѣ и подмосковные крестьяне, укрывавшіеся съ семействами и съ имуществомъ въ лѣсахъ, вооружались чѣмъ кто могъ, и день ото дня становясь смѣлѣе, не только они убивали одинокихъ французовъ, но истребляли большія партіи французовъ.

По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Москву, наши партизаны: полковники Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, ротмистръ Чеченскій, безпрестанно являясь, возбуждали смѣлость сельскихъ жителей, которые отважно нападали на значительные французскіе отряды, на артиллерійскіе парки и всячески истребляли непріятеля.

Когда все это происходило въ сердцѣ Россіи—около нашей Бѣлокаменной, графъ Витгенштейнъ сражался въ Бѣлоруссіи съ французскими корпусами маршаловъ Макдональда и Удино, и въ сраженіи подъ Клястицами славно воспрепятствовалъ ихъ

соединенію. На Волыни 3-я западная армія генерала Тормасова и въ Литвѣ отдѣльный корпусъ генерала Сакена имѣли дѣла—первая съ австрійцами при с. Городечно, подъ начальствомъ князя Шварценберга, который, не принимая къ сердцу успѣховъ союзника и зятя своего императора, дѣйствовалъ противъ русскихъ также вяло, какъ нашъ вспомогательный корпусъ въ войнѣ Наполеона съ австрійцами въ 1809 году. Сакенъ дрался съ саксонцами, подъ предводительствомъ генерала Ренье, подъ Кобринымъ, безъ всякихъ послѣдствій. Молдавская армія, которою послѣ Кутузова начальствовалъ адмиралъ Чичаговъ, направлена была въ западныя губерніи, для соединенія 3-й западной арміи.

Между тѣмъ наша главная армія, въ Тарутинскомъ лагерѣ, имѣя за собою хлѣбородныя губерніи, получала оттуда обильное продовольствіе, усиливалась прибывавшими къ ней резервами и готовилась съ свѣжими силами вступить опять въ борьбу съ французами, которые испытывали всякаго рода лишенія, ослабѣвали и духомъ, и числомъ. Напрасно Наполеонъ предлагалъ чрезъ генерала Лористона миръ: на эти предложенія Кутузовъ отвѣчалъ отрицательно, подъ предлогомъ неимѣнія полномочія отъ своего правительства. Императоръ Александръ рѣшительно объявилъ, что не вступитъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока въ Россіи останется хотя одинъ непріятель.

Наполеонъ, котораго положеніе день ото дня становилось затруднительнѣе и безнадежнѣе, рѣшился наконецъ оставить Москву и отступить уже не по прежней, опустошенной дорогѣ, а по новой Калужской—мѣстами не разоренными, гдѣ онъ могъ найти все необходимое для продовольствія своей арміи.

Кутузовъ предупредилъ намѣреніе Наполеона. Русская армія произвела счастливый поискъ, 6-го октября, на французскій авангардъ короля Неаполитанскаго, расположенный противъ Тарутинскаго лагеря: предъ разсвѣтомъ два русскіе корпуса напали на него врасплохъ, разбили, овладѣли артиллеріею и множествомъ плѣнныхъ. Послѣ этого счастливаго дѣла нашъ главнокомандующій, извѣщенный партизаномъ Сеславинымъ, что французы, 7 октября, начали свое отступленіе по новой Калужской дорогѣ, въ ту же ночь двинулъ всю армію къ Малоярославцу, чтобы пре-

градить французамъ путь. Нашъ авангардъ подошелъ ночью къ этому городу, 11 октября, почти въ одно время съ французами—завязалось жаркое сраженіе въ самомъ городѣ, который шесть разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру этого дня показалась за Малоярославцемъ на высотахъ русская армія, которая расположилась поперегъ новой Калужской дороги. Наполеонъ не рѣшился атаковать ее и потянулся къ прежнему пути, по которому достигъ въ Москву и который сдѣлался снѣжнымъ кладбищемъ его арміи.

Наша армія слѣдовала параллельно непріятельской, отступавшей по Смоленской дорогѣ. Мы могли преградить Наполеону путь въ Вязьмѣ, Дорогобужѣ и наконецъ въ Красномъ; но осторожный Кутузовъ не рѣшился на такое смѣлое предпріятіе, а довольствовался тѣмъ, что отступающихъ французовъ безпрестанно тревожилъ нападеніями во флангъ. Въ Вязьмѣ, подъ Духовщиной и наконецъ въ трехъ-дневномъ бою подъ Краснымъ, французскіе корпуса, отступавшіе раздѣльно одинъ отъ другаго, претерпѣли совершенное пораженіе: принуждены были бросить почти всю свою артиллерію, потерявъ большое число плѣнныхъ,—и съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, изнуренные остатки Наполеоновой арміи представляли нестройную толпу нищихъ, умиравшихъ съ голоду и холоду. Вся дорога усѣяна была ихъ окоченѣвшими трупами.

Съ этими жалкими остатками большой французской арміи, при которыхъ находился самъ Наполеонъ, соединились отступавшія изъ Бѣлоруссіи французскія войска, преслѣдуемыя корпусомъ графа Витгенштейна, усиленнымъ прибывшими къ нему полками изъ Финляндіи. Рига была за нами: тамъ командовалъ генералъ Эссенъ и противъ него въ Лифляндіи и Курляндіи находились французскіе отряды и корпусъ прусскій генерала Іорка, подъ начальствомъ маршала Макдональда. Адмиралъ Чичаговъ, съ молдавской и 3-й западной арміями, былъ уже на рѣкѣ Березинѣ, овладѣлъ укрѣпленнымъ Борисовымъ и по доставленному ему плану главнокомандующаго Кутузова долженъ былъ стеречь теченіе Березины между Ухолодью и Студенцомъ. Отъ этихъ двухъ пунктовъ шли дороги: отъ Ухолоди къ Минску, а отъ Студенца чрезъ Зембинское дефиле къ Вильно. Между

тѣмъ русскіе партизанскіе отряды, свободно разъѣзжая по всему театру войны, нападали на всѣ отдѣльные французскіе отряды, истребляли ихъ или брали въ плѣнъ.

Наполеонъ, подойдя къ Березинѣ, фальшивымъ движеніемъ къ Ухолоди обманулъ адмирала Чичагова, который, оттянувъ всѣ свои войска къ этому пункту, оставилъ у Студенца и Веселова только слабый передовой отрядъ. Императоръ французовъ, предвидя это, съ остатками своей разбитой арміи быстро двинулся къ Студенцу—устроилъ тамъ переправу и успѣлъ перейти съ частію своихъ войскъ на противоположный берегъ и продолжалъ свое отступленіе къ Вильно. Чичаговъ не могъ преградить ему пути. Но оставшееся позади французское войско, живо преслѣдуемое графомъ Витгенштейномъ, сбилось съ дороги, не попало на переправу и принуждено было сдаться въ плѣнъ. У Студенца же и Веселова мосты одинъ подломился отъ сильнаго натиска въ безпорядкѣ бросившихся на него французовъ, и тысячи жертвъ потонули въ Березинѣ, другой мостъ былъ ранѣе сожженъ и на другой день возлѣ переправы болотистый берегъ Березины представлялъ самое страшное зрѣлище: въ неглубокихъ мѣстахъ рѣки и на болотистомъ ея берегѣ завязли тысячи изнуренныхъ французовъ—женщинъ, дѣтей, лошадей, пушекъ, повозокъ, покрывшихъ сплошь пространство болѣе квадратной версты. Вся эта нестройная сплошная масса, въ насильственныхъ положеніяхъ, замерзла отъ наступившаго сильнаго холода и въ ней не осталось ни одного живаго существа. Наполеонъ съ дороги ускакалъ въ простыхъ лубочныхъ саняхъ, обвязанный шалями и закутанный шубами, въ Варшаву, гдѣ встрѣтившему его, въ такомъ странномъ нарядѣ, посланнику своему, епископу Прадту, весьма кстати сказалъ:

— Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas (отъ высоко изящнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ).

Императоръ Александръ прибылъ въ Вильно вскорѣ послѣ вступленія въ этотъ городъ главнокомандующаго съ главной квартирой и гвардіей. Прочіе корпуса послѣ трудной кампаніи отдохнули нѣсколько времени на кантониръ-квартирахъ и направлены были въ герцогство Варшавское. Прусскій корпусъ генерала Іорка, остававшійся въ Курляндіи, заключилъ съ графомъ Витген-

штейномъ условіе, по которому безпрепятственно отступилъ въ Пруссію. Князь Шварценбергъ съ австрійцами отошелъ въ Галицію.

1-го января 1813 года ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ.

М. А. Фонвизинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. П. БѢЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава III [1]).

Поѣздка къ роднымъ.

Пока дѣлать было нечего, какъ только ожидать высылки плана и машины, что могло только быть весною 1847 года. Ренхенъ, по окончаніи навигаціи, уѣхалъ заграницу, а мы въ эту зиму собрались навѣстить всѣхъ нашихъ родныхъ, товарищей дѣтства и друзей отца и матери. Многіе изъ родныхъ родились, выросли безъ насъ и такъ съ какимъ нетерпѣніемъ мы съ братомъ ждали отъѣзда. Купленную пшеницу нужно было продать, что мы и сдѣлали. Такимъ образомъ, мало по малу, все это уладилось и положено было ѣхать 8-го января, послѣ Крещенія. Съ нами ѣхалъ, черезъ Симбирскъ въ Казань, молодой другъ нашъ, уже извѣстный читателямъ, который, какъ по привязанности своей къ сестрамъ, а особенно къ намъ, былъ какъ бы членомъ семьи нашей, таковымъ онъ дѣйствительно и сталъ, женившись на племянницѣ моей. Незабвенная мать его, которую я могу назвать другомъ, пріѣхала проводить насъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе. Ея прощаніе съ сыномъ, ея объятія, изъ которыхъ она долго не выпускала его, были очень грустныя. Я думалъ, что это была грусть обыкновенная при разлукѣ нѣжно-любящей матери съ возлюбленнымъ сыномъ первенцемъ, но тутъ эта грусть была

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, ноябрь, стр. 599—661; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 27—42; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, іюль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—704; изд. 1884 г., т. XLI, апрѣль, стр. 67—86.

предчувствіемъ, что она прощалась съ нимъ въ послѣдній разъ. При ея сильной болѣзни, которою она страдала уже нѣсколько лѣтъ, вдругъ осенью у ней сдѣлалось воспаленіе въ горлѣ. Всѣ средства врачей были безуспѣшны, хотя по временамъ она и чувствовала облегченіе и въ такой-то промежутокъ случился нашъ отъѣздъ, такъ что она могла пріѣхать проводить насъ и сына. Лошади тронулись и мы отправились въ наше путешествіе по роднымъ. Дорога наша была обычная, несносная дорога того времени, когда не только желѣзныхъ дорогъ, но и шоссейныхъ еще не было, которыхъ впрочемъ и въ настоящее время такъ мало, что ими пользуются только исключительныя мѣстности. Безконечная запряжка лошадей, безстыдное запрашиваніе лишнихъ прогоновъ, скучный торгъ съ ямщиками, тѣсныя избы и т. п. На одной станціи нашъ пылкій спутникъ такъ разгорячился, что ударилъ ямщика, и тѣмъ доказалъ ту неопровержимую аксіому, что можно писать прекрасно о свободѣ, быть либераломъ на словахъ и дипломатомъ въ дѣйствіяхъ. Въ Симбирскѣ мы съ нимъ разстались, и пробыли тамъ нѣсколько часовъ, запѣнивъ порядочную порцію угара въ мерзкой гостинницѣ. Изъ Симбирска отправились въ Промзино, нашъ первый родственный этапъ. Въ Промзинѣ жила наша младшая сестра, которая была замужемъ за симбирскимъ помѣщикомъ, въ то время управлявшимъ имѣніемъ Потемкина и жившимъ въ Промзино, Сурской пристани, весьма значительной по отпускной сплавной торговлѣ хлѣбомъ.

Когда мы уѣхали изъ Ершова, эта сестра была еще ребенкомъ лѣтъ 14 и меньшая, и хотя, какъ съ ребенкомъ, мы были съ нею менѣе близки, но все-же сердце зашевелилось, когда мы увидѣли село, церковь и небольшой домъ управляющаго. Двѣ повозки, въѣхавшіе прямо во дворъ, и ожиданіе насъ уничтожили всякую нечаянность, но родное сказалось, объятія были крѣпкія и радость восторженная. Этой сестрѣ было тогда около 35 лѣтъ, характеръ ея нѣсколько флегматическій, серьозный,—ея несчастныя роды конечно много этому способствовали. Она имѣла восемь человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умирали въ младенчествѣ.

Послѣдняго ребенка она отдала подъ покровительство Николаю Чудотворцу и вѣра ея не была постыждена: ребенокъ этотъ одинъ живъ и здоровъ до сихъ поръ и сталъ честнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Мужъ сестры, Ал. Ан. Іевлевъ, былъ оригиналъ въ полномъ смыслѣ слова; маленькій ростомъ, съ взъерошенными волосами и самыми быстрыми движеніями. Кромѣ картъ, онъ никогда не сидѣлъ на мѣстѣ, а всегда былъ въ движеніи, но имѣлъ важный видъ, былъ до крайности церемоненъ; вѣжливость его была

самая утонченная,—онъ иначе не отвѣчалъ на вопросы мало знакомому лицу, какъ съ поклономъ. Но по сердцу былъ очень добрый человѣкъ, хорошій родной и насъ принялъ какъ братьевъ, не переставая впрочемъ церемониться.

У нихъ былъ маленькій домикъ и съ нашимъ пріѣздомъ буквально наполнился весь и не было комнаты, гдѣ-бы не помѣщалось нѣсколько человѣкъ, но пословица говоритъ: въ тѣснотѣ люди живутъ, а въ родственной тѣмъ болѣе. Я всегда съ удовольствіемъ наблюдалъ, когда случалось ночевать въ избѣ, какъ благословенная крестьянская семья послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ, послѣ ужина, обычныхъ застольныхъ разговоровъ, шутокъ и смѣха, укладывалась на сонъ грядущій. Въ колыбелѣ, привѣшанной къ наклонной жерди, спитъ младенецъ, по лавкамъ на войлокахъ располагаются подростки дѣвушки, противъ печи у окна брачное ложе хозяевъ, съ которыми обыкновенно спитъ кто-нибудь изъ маленькихъ дѣтей, уже выползшій изъ колыбели, какъ бабочка изъ кокона; на полатяхъ старшіе изъ семьи и работникъ, мальчики подростки на полу, на печи бабушка, еще какая нибудь тетка,—все полно. Наконецъ тушится огонь, еще говоръ, уже шопотомъ, изъ различныхъ группъ продолжается и замираетъ въ наступающей тишинѣ, прерываемой отъ времени до времени разнообразными звуками храпѣнія,—признакъ глубокаго сна, чуждаго безпокойствъ, искусственной утонченней жизни, чуждаго ея заботъ, мечтаній и нѣги,—тутъ это истинно благодѣтельный даръ природы, наводящій забвеніе обо всемъ, что могло встревожить въ теченіи дня, и возстановитель силъ для новыхъ тяжкихъ трудовъ, питающихъ семьи и милліоны людей.

Село Промзино расположено было на берегу рѣки Суры. Здѣсь закупалось огромное количество хлѣба, который грузился на пристани и по Сурѣ отправлялся къ Волгѣ, и потому Промзино, какъ пристань, было важнымъ торговымъ мѣстомъ. Тутъ жило много купцовъ, имѣвшихъ свои дома, такъ что мѣстечко это было очень оживленное. Тутъ былъ большой храмъ во имя Николая Чудотворца, который былъ изображенъ въ старцѣ большого размѣра и образъ почитаемъ былъ за чудотворный. Достовѣрное преданіе гласитъ, что во времена набѣговъ различныхъ дикихъ ордъ, такъ какъ эта мѣстность считалась украйной и граничила съ ними, то однажды огромное ополченіе осадило Промзино и гибель была несомнѣнная. Всѣ жители обратились съ горячею молитвой и постомъ къ заступленію Чудотворца Николая, который, внявъ молитвѣ бѣдствующихъ, своимъ заступленіемъ передъ Господомъ совершилъ чудо. Полчища враговъ вдругъ увидѣли, какъ потомъ разсказывали плѣнные, огромное воинство со стороны рус-

скихъ, такъ что, не ожидая еще нападенія, они обратились въ бѣгство. Съ тѣхъ-то поръ этотъ образъ признается чудотворнымъ и привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ странниковъ изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстностей. Намъ показывали то мѣсто, гдѣ расположенъ былъ непріятель по другой сторонѣ рѣки, на обширной равнинѣ. Чудеса отъ этого образа часто повторяются, конечно, для всѣхъ тѣхъ обладающихъ вѣрою въ той степени, которая вызываетъ чудо милосердія Божія, какое было съ Евангельской кровоточивой и какое всегда будетъ явлено, по слову Господа, искренно и сильно вѣрующему, потому что Господь Богъ тотъ-же во вѣки.

Не смотря однакожъ на то, что Промзино было знаменито во всемъ этомъ краѣ, богато, хорошо обстроено, но, конечно, общества, съ которымъ можно бы было провести пріятно время, тутъ не существовало, такъ что только изрѣдка заѣдетъ какой-нибудь мелкопомѣстный помѣщикъ поиграть въ карты, по крайней мѣрѣ такъ было во время нашего тамъ пребыванія. Вечеркомъ обыкновенными посѣтителями были протопопъ, умный и хорошій священникъ, прекрасной наружности и съ рѣдкою особенностью: у него, при совершенно русыхъ волосахъ на головѣ и бородѣ, одинъ усъ былъ совершенно сѣдой, тогда какъ онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ и не имѣлъ сѣдыхъ волосъ. Другой посѣтитель былъ мѣстный почтмейстеръ.

Пробыли мы у сестры недѣли двѣ въ пріятномъ родственномъ общеніи милой, любящей и дружной семьи, въ обычномъ деревенскомъ гуляніи пѣшкомъ или катаньи въ саняхъ на тройкахъ; время, конечно, летѣло быстро и наступила пора ѣхать къ новому свиданію съ сестрой, бывшей товарищемъ дѣтства, двумя годами старшей меня.

Намъ нужно было ѣхать на Пензу и Чембаръ; одна дорога шла на Сарайскъ, другая черезъ Колывань. Кто совѣтывалъ ѣхать одной, кто—другой. Наконецъ мы послѣдовали совѣту протопопа и поѣхали проселочнымъ трактомъ. На первой же станціи, куда проѣхали по ужаснымъ ухабамъ, мы убѣдились въ непригодности этого совѣта. Вольные ямщики запросили болѣе, нежели двойные прогоны, мы ихъ прогнали и начали пить чай, какъ для своего утѣшенія, такъ и для того, чтобы не показать имъ, что мы торопились и намъ ѣхать необходимо. Отправивши людей по деревнѣ въ поиски за лошадьми, мы скоро получили пріятную вѣсть, что лошадей ведутъ—и за обыкновенные прогоны, съ водкою, и нынче уже съ чаемъ. И такъ, ни мало немедля, мы отправились и уже ѣхали безъ особыхъ приключеній, кромѣ тѣхъ неудобствъ тѣснаго сидѣнія въ шубахъ и тѣсныхъ сапогахъ, отъ чего часто отсиживались ноги и бока. Сверхъ того

шелъ снѣгъ, превратившійся въ дождь, что заставляло спускать цыновку и сидѣть безъ воздуха.

Наконецъ, не смотря на всѣ описанныя муки, мы доѣхали до Пензы, и на насъ повѣяло воздухомъ родины. Здѣсь, въ Пензенской губерніи, въ Чембарскомъ уѣздѣ, нѣкоторые изъ нашей семьи, братъ и младшая сестра, увидѣли свѣтъ Божій, другіе-же провели годы дѣтства и счастливой юности, такъ что эта мѣстность была тѣмъ еще драгоцѣнна для насъ, что тутъ покоится прахъ нашихъ незабвенныхъ родителей. Въ этомъ же краѣ жили многіе изъ близкихъ друзей нашей семьи и сверстниковъ юности нашей. По этой же дорогѣ, по которой я проѣзжалъ выпущеннымъ изъ корпуса 17-ти лѣтнимъ офицеромъ, теперь мы остановились въ селѣ Каменкѣ, имѣніи незабвенній княгини Долгоруковой, откуда они пріѣхали за нами и увезли въ Петербургъ. Вся эта дорога намъ напоминала что-нибудь изъ счастливаго минувшаго. Она была обсажена березками еще по повелѣнію Императора Александра I; тогда эти березки сажались еще молодыми, а теперь онѣ были уже въ полномъ ростѣ и огромнаго размѣра, хотя съ зимними голыми сучьями. Въ Каменкѣ мы остановились пить чай и къ намъ пришла бывшая дѣвушка сестеръ—Олинька, какъ въ юности мы ее звали, теперь уже пожилая женщина. Она пришла вмѣстѣ съ мужемъ, бывшимъ буфетчикомъ въ домѣ Долгоруковыхъ. Вспоминали мы при этомъ какъ онъ кормилъ насъ сахарными сухарями и крендельками и разными другими лакомствами, когда мы дѣтьми забѣгали въ буфетъ. Какъ пріятно было вспоминать все это и какъ дороги намъ были эти люди, напоминавшіе намъ давно минувшее! Особенно намъ отрадно было видѣть ихъ радость и непритворную пріязнь. Послѣ Каменки мы пріѣхали въ г. Чембаръ, гдѣ намъ также предстояло свиданіе съ однимъ семействомъ, съ которымъ послѣ смерти отца нашего, когда мы перешли изъ дома управляющаго въ отведенный намъ флигель, мы жили на одномъ дворѣ. Это была та самая Наталья Ивановна Пальменъ, о которой я упоминалъ въ первой части моихъ воспоминаній. Она жила у дочери, бывшей за мужемъ за отставнымъ офицеромъ, а теперь служившимъ коронным чиновникомъ при откупѣ въ г. Чембарѣ. Съ нею мы вмѣстѣ росли, учились у ея матери, а сыновья, ея братья, теперь уже оба умершіе, были товарищами нашего дѣтства и нашихъ дѣтскихъ игръ.

И такъ мы уже издали начали смотрѣть не видно-ли Чембара. И когда, наконецъ, увидѣли его, онъ показался намъ очень красивымъ, можетъ быть потому, что и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ. Они насъ не ждали, а потому братъ захотѣлъ испытать

узнаютъ-ли они его. Онъ первый выскочилъ изъ повозки и въ своемъ черкесскомъ костюмѣ вошелъ въ переднюю, гдѣ встрѣтилъ даму среднихъ лѣтъ, довольно полную. Онъ тотчасъ-же узналъ Наталью Михайловну, дочь Натальи Ивановны. Онъ началъ было сочинять исторію своего пріѣзда съ Кавказа, какъ тотчасъ-же былъ узнанъ и заключенъ въ дружескія объятія. Тутъ подошли и сестры и радостнымъ восклицаніямъ не было конца. На другой день мы уѣхали. Впереди намъ предстоялъ цѣлый рядъ свиданій восхитительныхъ съ близкими родными, а они были намъ чужіе и между нами не было той симпатической дружбы, которая связывала насъ съ Арнольди и Мальвинскими, а они еще были впереди. Изъ Чембара мы уже ѣхали прямо въ Ершово—то Ершово, изъ котораго, какъ изъ теплаго гнѣздышка, всѣ члены нашей семьи разлетѣлись по свѣту.

Въ Ершово мы пріѣхали часа за три до разсвѣта. Сестры отправились ночевать въ домъ бывшей нашей незабвенной няни Пелагеи, которая при видѣ своихъ питомцевъ, а особенно брата, возвратившагося изъ ссылки, плакала и смѣялась, почти обезумѣвъ отъ радости. Сколько чувства таится въ этихъ простыхъ сердцахъ! Думаю, что народъ нашъ настолько же превосходитъ насъ, людей такъ называемой интеллигенціи, чувствами, сколько и физическою силою. Мы съ братомъ отправились ночевать въ другую избу черезъ улицу. Привязанность этой женщины поистинѣ достойна удивленія. Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, сохранить такую привязанность и такую горячую любовь къ своимъ питомцамъ, не только не забыть ихъ, но постоянно молиться за нихъ, тогда какъ они ровно никакого добра ей не сдѣлали. Да, только русская няня способна къ такой любви! Когда заблаговѣстили, мы зашли за сестрами и пошли къ обѣднѣ, а потомъ на могилу родителей, гдѣ отслужили панихиду. Сколько скорбныхъ и въ то же время отрадныхъ чувствъ и мыслей возникало въ сердцѣ и памяти, когда мы остановились передъ кирпичнымъ памятникомъ! Какая горячая молитва излилась изъ сердца на могилѣ такихъ добрыхъ, нѣжныхъ и добродѣтельныхъ родителей! На этотъ разъ мы служили панихиду одни, дѣти ихъ, тогда какъ въ радостные пріѣзды наши прежде ссылки насъ въ Сибирь, молились вмѣстѣ съ матерью, которая теперь уже покоилась въ той же одной могилѣ отца нашего и ея супруга и, конечно, души ихъ, соединенныя здѣсь вѣрою и любовію, радостно внимали молитвѣ дѣтей ихъ, наслѣдовавшихъ отъ нихъ ихъ вѣру и любовь!

Поистинѣ, величайшее сокровище изъ всѣхъ земныхъ даровалъ Богъ въ молитвѣ и безкровной жертвѣ за дорогихъ сердцу усопшихъ, посредствомъ которыхъ еще живущіе на землѣ сообщаются съ

умершими! И какъ отрадно вѣрить, что эта чудная жертва, однажды на вѣки принесенная Спасителемъ, въ дѣйствительности, по Его благости, приносится и теперь и очищаетъ тѣхъ изъ вѣрующихъ грѣшниковъ, которые не вполнѣ очистились при смерти, а очищенныхъ таинствомъ покаянія и причащенія возбуждаетъ къ молитвѣ за приносящихъ и еще живущихъ на землѣ! Какой дивный союзъ, не разторгаемый смертью, и какое непостижимое милосердіе, соединяющее людей вѣрою и любовью вѣчною! Эти размышленія невольно овладѣли мыслями при видѣ могилы виновниковъ нашей жизни и при воспоминаніи ихъ жизни, вѣры, добродѣтелей, завершенныхъ мирною христіанскою кончиною. Исполнивъ долгъ любви и благодарности родителямъ, мы возвратились на квартиру и, напившись чаю, отправились въ Васильевку.

Васильевка, Ершово и Вельможка—три очаровательныя мѣста, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ самыя отрадныя воспоминанія моей жизни. Въ Васильевкѣ была моя первая юношеская любовь. Въ Ершовѣ протекло мое дѣтство, лелѣемое родительскою любовью и нѣжною любовію сестеръ, теперь-же оно было мило одною дорогою могилою. Вельможка мнѣ дала ту, которая счастливила меня 18 лѣтъ моей жизни. Но Васильевка теперь уже ничего не представляла, ничего, кромѣ пріятныхъ воспоминаній. Вмѣсто дома, населеннаго милыми, юными и прелестными существами, теперь домъ этотъ стоялъ пустой, безъ признаковъ жизни. Въ немъ обиталъ одинъ изъ сыновей Вас. Ал., давно умершаго, П. В. И., дикарь и оригиналъ, бѣгавшій отъ общества съ самой юности. Всѣ комнаты, когда-то оживленныя, пусты. Картины все тѣ же, уединенно висящія и ничьего взора не привлекающія. Мебель та же, но уже нѣтъ сидящихъ на ней въ шумной веселой болтовнѣ юныхъ обитательницъ; тѣ же кресла, въ которыхъ сидѣлъ маститый хозяинъ и отецъ, давно опустѣлыя; теперь все тутъ холодно и мертво. Хозяина не было дома, и мы поворотили въ Варварино, гдѣ жили двѣ сестры—друзья юности нашей. Чтобы живѣе было удовольствіе свиданія, мы заблудились и довольно долго не могли найти дороги, но, наконецъ, вотъ дорога и домъ, уже вовсе намъ незнакомый; въѣзжаемъ во дворъ, входимъ на крыльцо и человѣкъ говоритъ, что одна барыня дома, всѣ другія уѣхали въ Вельможку, но эта барыня была Надежда Васильевна, сверстница и другъ сестеръ и предметъ моей первой любви.

Нельзя описать общей нашей радости при этомъ нашемъ свиданіи, да и вообще думаю, что чувства сердечныя никогда не могутъ выразиться вполнѣ; слово всегда недостаточно для выраженія душевныхъ ощущеній: это міръ недосягаемый, а потому и слабо вырази-

мый. При видѣ той, которая нѣкогда обладала моимъ сердцемъ, не скрою, что и теперь оно забилось сильнѣе. Передъ нами стояла теперь уже пожилая женщина, мать семейства, но все еще съ тѣми же чудными черными глазами, съ тою-же привлекательною улыбкою, какъ и въ юности. Она, по болѣзни, одна оставалась дома. Нечего говорить, какъ пріятно прошло время въ разспросахъ, въ участіи сердечномъ, выказанномъ при воспоминаніи пройденнаго нами въ жизни. Ни время, ни разлука не ослабили прежней дружбы. Смотря на меня, можетъ быть, въ мысляхъ ея промелькнуло то время юности, когда она была такъ пламенно любима тогда еще юношею, теперь стоявшимъ передъ ней пожилымъ уже и такъ много вынесшимъ въ эти 20 лѣтъ человѣкомъ. И дѣйствительно, я и теперь любилъ ее не менѣе, съ тою только разницею, что тогда это была безотчетная безцѣльная любовь юности, а теперь это была чистая, безкорыстная любовь друга. Болѣе года она была больна и теперь мы опасались, чтобы это свиданіе, ее взволновавшее, не было ей вредно, но, благодареніе Господу, никакихъ худыхъ послѣдствій не было; на другой день она была весела, хотя и чувствовала слабость. Обѣдали мы одни, она только сидѣла съ нами за столомъ. Вечеромъ возвратились остальные члены семейства. Мужъ Надежды Васильевны, Ив. Ал. М., дочь его, Анна Ивановна, прелестная 16-ти лѣтняя дѣвушка, съ прекрасными черными глазами, стройная и чрезвычайно граціозная брюнетка, и сестра Надежды Васильевны, Варвара Васильевна, которая 20 лѣтъ назадъ была предметомъ любви брата моего. Она и теперь сохраняла всю свою красоту и грацію, такъ что и теперь можно было въ нее влюбиться, и сестры мои имѣли мысль соединить насъ, но она почему-то не рѣшилась и осталась моимъ другомъ, а не женою. Вечеръ этотъ, по взаимнымъ чувствамъ нашимъ, по воспоминанію о минувшемъ, былъ такъ оживленъ, разговоръ былъ такъ полонъ интереса какъ для нихъ, такъ и для насъ, что напрасно маятникъ усердно работалъ, напрасно усердно колотилъ молотокъ въ пружину, никто не замѣчалъ и не слыхалъ боя часовъ. Сестра моя, хотя и не была уже первой молодости, прекрасно пѣла и ее упросили пѣть, а она выдала и насъ съ братомъ, сказавши, что и мы поемъ, и вотъ принесли гитару, на которой игралъ мой братъ, и насъ упросили также пѣть, что мы и сдѣлали, какъ умѣли, не будучи въ состояніи отказать. Но какъ все въ мірѣ кончается, то и этотъ пріятный незабвенный вечеръ кончился; всѣ, распростившись, отправились спать, тѣмъ пріятнымъ сномъ, который наступаетъ для человѣка, когда сердце полно сладкихъ ощущеній.

На другой день, къ обѣду, пріѣхало семейство Екатерины Ва-

сильевны, старшей сестры Надежды Васильевны; оно состояло изъ отца, матери и трехъ очаровательныхъ по красотѣ, граціи и, надо прибавить, милой застѣнчивости дочерей, стройныхъ и свѣжихъ какъ розы, только что распустившіяся. Старшей было не болѣе 18—19 лѣтъ. Въ нихъ и тѣни сходства не было съ тѣми красавицами, которыхъ гордая поступь, смѣлый взглядъ, повелительный видъ говорятъ, что онѣ знаютъ силу и обаяніе ихъ красоты, и требуютъ восторга и поклоненія! Нѣтъ, эти милыя прелестныя созданія, при умѣ, воспитаніи и красотѣ, кажется, и не подозрѣвали, что онѣ могутъ очаровывать. Я думаю, что еслибъ имъ кто-нибудь сказалъ, что онѣ прекрасны, то онѣ искренно удивились-бы. Смотря на недоступную тогда для меня красоту ихъ, могъ ли я думать, что одна изъ нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ подругой моей жизни, и что съ нею я узнаю и испытаю то идеальное на землѣ счастіе чистой супружеской любви, которая одна только и составляетъ для человѣка полноту и прелесть земной жизни, разумѣется, только тогда, когда благословеніе Божіе осѣнитъ этотъ союзъ любящихъ сердецъ своею благодатію и сдѣлаетъ его обителью мира, любви и добра. Конечно, есть жизнь высокая и внѣ брака и еще болѣе отрадная—жизнь въ Богѣ, но она не всѣмъ доступна. Съ пріѣздомъ ихъ наше общество еще болѣе оживилось и этотъ вечеръ былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни, тѣмъ болѣе, что онъ былъ началомъ того счастія, какимъ я впослѣдствіи наслаждался.

Погостивъ нѣсколько дней въ Варварино, мы отправились въ Вельможку, гдѣ провели цѣлый день. Тутъ наступило страшное испытаніе для дѣвицъ, съ которыми мы только познакомились вчера въ Варваринѣ. Мать ихъ, Екатерина Васильевна, зная, что всѣ мы любимъ музыку, заставила дочерей по очереди сыграть для насъ что-нибудь. Пылая отъ стыдливости, онѣ сыграли намъ нѣсколько пьесъ, но за то что имъ это стоило при ихъ необыкновенной застѣнчивости, въ которой онѣ были еще болѣе восхитительны. Родители ихъ были издавна связаны искренней дружбой съ нашимъ семействомъ и, какъ видно, расположились и къ намъ. Отецъ ихъ, обнявъ жену свою, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «вотъ, Александръ Петровичъ, ищите теперь себѣ такую жену, это мой хранитель, это мой душевный міръ, укротитель моего вспыльчиваго характера и моя радость». Думалъ ли онъ тогда, что его старшая дочь, живая копія своей матери, какъ красотой, такъ и сердцемъ, будетъ для меня то, чѣмъ мать ея была для ея отца,—радостью, опорой, съ которой мы, по слову Господа, въ полномъ смыслѣ составляли одно нераздѣльное существо.

Прогостивъ съ недѣлю у своихъ добрыхъ друзей, мы отправились изъ

Тамбовской въ Саратовскую губернію въ имѣніе сестры Софьи Петровны, Балашевскаго уѣзда, въ село Блохино, гдѣ она жила съ мужемъ, пріѣхавши нарочно для свиданія съ нами. Она вышла замужъ, когда мы были еще въ тюремномъ заключеніи въ Сибири и сносились со всѣми родными, пользуясь правомъ женъ нашихъ товарищей декабристовъ писать въ Россію, и чудною добротою нашихъ добрыхъ геніевъ, для которыхъ это было очень большимъ и неблагодарнымъ трудомъ. Каждая изъ нашихъ дамъ, я думаю, имѣла по 15 или 20 кореспондентовъ, не считая ихъ собственной переписки съ родными, что было для нихъ болѣе необходимо, болѣе сердечно, и конечно наша переписка должна была и утомлять, и не представлять для нихъ никакого интереса. Съ поселенія мы уже писали сами, хотя черезъ III-е отдѣленіе, съ Кавказа же—безконтрольно. И потому родные наши знали уже, что мы возвращались и ждали насъ. Для этого-то свиданія и пріѣхала сестра съ мужемъ. Подъѣзжая къ нимъ, мы ѣхали Хопромъ по льду, мчались быстро, безпрестанно прося ямщиковъ ѣхать скорѣе и наконецъ въѣхали во дворъ. Колокольчики уже предупредили ихъ, и вотъ на крыльцѣ начались крѣпкія объятія. Мы съ братомъ не были знакомы съ зятемъ и потому не могли такъ крѣпко обнимать его, какъ сестру. Вся прислуга выскочила на дворъ и толпилась на крыльцѣ,—вѣдь это было событіе, равносильное приходу мертвеца съ того свѣта. И въ то цвѣтущее крѣпостное время, когда дворовые люди, большею частью, выросшіе въ домѣ барскомъ, были преданы своимъ господамъ до самоотверженія, все это радовалось, смотря на радость своихъ господъ, не смотря на плюхи, пощечины и другія угощенія той эпохи произвола, иногда чудовищно жестокаго, иногда только смѣнявшагося прихотливою ласкою или шутливымъ и все же обиднымъ словомъ барина, въ рукахъ котораго была едва-ли ни жизнь и смерть его рабовъ. Я тутъ разумѣю вообще ненавистное право господъ. Къ счастію сестра моя принадлежала къ семейству, не владѣвшему крѣпостнымъ имѣніемъ, и воспитанная такъ, чтобы быть матерью, а не госпожею доставшихся ей крѣпостныхъ.

Сестра была одна съ мужемъ. Три ихъ дочери еще не кончили воспитанія и оставались въ Москвѣ. Тутъ мы пробыли недѣли три, которыя быстро прошли во взаимномъ родственномъ и любвеобильномъ общеніи и также въ обычныхъ деревенскихъ прогулкахъ на гумно, гдѣ молотился хлѣбъ уже машиной, что еще было рѣдкостью, въ катаньи по Хопру и въ чтеніи по вечерамъ литературныхъ произведеній той эпохи сороковыхъ годовъ, которая на мой взглядъ, да и по впечатлѣніямъ, ею производимымъ, была гораздо интереснѣе нынѣшней (1870—1880-хъ гг.). Въ тогдашней, 1840-хъ гг., отечествен-

ной литературѣ была поэзія, сердечность; тогда передъ глазами читателя проносились идеалы добродѣтели, представлявшіе героевъ въ ореолѣ мужества, самоотверженія и силы, а женщину въ той обаятельной прелести красоты, чистоты сердечной, скромности и женственности, дававшихъ такую силу и могущество, что дерзкій взглядъ опускался при возрѣніи на нее.

Вотъ характеръ тогдашней изящной словесвости. Въ романахъ того времени было столько интересу, завлекательности въ разнообразныхъ приключеніяхъ, неожиданностяхъ развязки, что вниманіе читателя было поглощено совершенно, не хотѣлось оторваться отъ книги, но въ то же время тутъ были представляемы образы, которые не только восхищали, но и внушали желаніе послѣдовать этимъ высокимъ благороднымъ образцамъ. Въ нынѣшней же литературѣ, напротивъ, надъ идеальнымъ смѣются, преобладаетъ одна жалкая реальность; прекрасные таланты истощаются въ изображеніяхъ самыхъ грубыхъ, животныхъ страстей человѣка, хотя и въ изящныхъ формахъ современности, но совершенно отвергшаго все духовное, облагороживающее, возвышающее, и хотя сильные таланты художественно представляютъ эту матеріальную половину человѣка во всей наготѣ, но эти мастерскія картины только болѣе погружаютъ насъ въ глубину безнравственности и даже разврата. Таково, къ несчастію, направленіе и духъ нынѣшней литературы и если-бъ это направленіе продолжалось, то это ученіе обратило-бы человѣческій родъ въ дѣйствительныхъ животныхъ, хотя и разумныхъ, отъ крови которыхъ столь многіе желаютъ происходить.

Не далеко отъ Блашинки жилъ меньшой братъ зятя, Ив. Ив. Ж., съ женой и маленькими дѣтьми. Посѣщали ихъ также сосѣди помѣщики и управляющіе большими имѣніями. Тутъ-же мы познакомились съ извѣстнымъ Филипомъ Филиповичемъ Вигелль, человѣкомъ умнымъ и способнымъ, но который и тогда еще показался мнѣ нѣсколько желчнымъ, хотя мы только что познакомились и не могли входить съ нимъ въ короткія отношенія. Впослѣдствіи онъ сталъ извѣстенъ по своимъ общирнымъ запискамъ. Время летѣло быстро для всѣхъ, а особенно для насъ съ братомъ послѣ 20 лѣтней разлуки. Цѣль нашего путешествія была достигнута, мы увидѣлись со всѣми близкими сердцу родными, кромѣ только дочерей сестры, и наступилъ день отъѣзда. Сестра съ мужемъ поѣхали въ свое подмосковное, а мы—въ Самару.

Глава IV.

Возвращеніе въ Самару.

Въ Самару мы уже возвратились съ послѣднимъ зимнимъ путемъ и жизнь наша между милыми, добрыми и любящими друзьями была такъ пріятна, что не хотѣлось уѣзжать отсюда, но отъ Ренхена былъ полученъ уже планъ нашего парохода, впрочемъ уже измѣненный на буксирный и уже сложной машины. Брату моему я предоставилъ все пароходное дѣло, сознавая его болѣе себя способнымъ, а двухъ насъ держать на жалованьи въ такомъ маленькомъ предпріятіи и съ весьма ограниченнымъ капиталомъ было тяжело, поэтому-то онъ долженъ былъ ѣхать въ Рыбинскъ, а я долженъ былъ искать другаго занятія.

Съ сестрами былъ хорошо знакомъ одинъ изъ самарскихъ помѣщиковъ, нѣкто графъ Толстой, который и рекомендовалъ меня одному господину по чину тайному совѣтнику, крупному помѣщику, богатому откупщику, и винокуренному заводчику, въ имѣніи котораго, Уфимской губерніи, былъ заводъ въ 300,000 ведеръ. Графъ сообщилъ, что онъ долженъ былъ лѣтомъ пріѣхать въ Саратовъ и совѣтовалъ мнѣ ѣхать къ нему въ Саратовъ, о чемъ онъ былъ извѣщенъ. Пробывъ въ Самарѣ до іюля мѣсяца 1848 г., я поѣхалъ въ Саратовъ. Пріѣхавъ туда, я нашелъ своего однокашника моряка Ив. Мих. В., который служилъ здѣсь губернскимъ почтмейстеромъ. Онъ былъ моложе насъ по выпуску, еще среднихъ лѣтъ. Во время службы своей во флотѣ участвовалъ въ Наваринской битвѣ, гдѣ и былъ раненъ щепой въ глазъ и окривѣлъ. Черезъ него я познакомился со всѣмъ саратовскимъ обществомъ, и между многими съ Юліемъ Михайловичемъ Кайсаровымъ, человѣкомъ очень умнымъ и образованнымъ, а у него-же я познакомился также съ саратовскимъ губернаторомъ Матвѣемъ Львовичемъ Кожевниковымъ, прежде бывшимъ начальникомъ Оренбургскаго казачьяго войска во время управленія краемъ Вас. Алексѣев. Перовскаго, который очень уважалъ его. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ большаго ума и съ большими познаніями, такъ что составлялъ прекрасный матеріалъ для министерскаго портфеля. Остроумный, чрезвычайно пріятный въ обществѣ, гостепріимный, гастрономъ и большой знатокъ и любитель хорошаго вина, которыхъ всегда было изобиліе за его столомъ, такъ какъ самъ онъ любилъ выпить и любилъ, чтобы и гости его пили. Онъ былъ очень радушенъ, гостепріименъ и всѣ пріѣзжавшіе въ Саратовъ обѣдывали у него. Помнится, что я у него за обѣдомъ видѣлъ Н. Г. Черны-

шевскаго, сына саратовскаго протоіерея, тогда еще студента и неизвѣстнаго, а впослѣдствіи получившаго такую извѣстность своими сочиненіями. Днемъ Кожевниковъ обыкновенно занимался дѣлами, принималъ доклады чиновниковъ, разъѣзжалъ по городу; а время-же обѣда было для него временемъ отдыха. Свободный отъ бремени правленія, онъ былъ веселъ, остроуменъ, чрезвычайно пріятенъ и увлекателенъ. Я много обязанъ ему за его расположеніе ко мнѣ и очень цѣнилъ это во всѣ нѣсколько лѣтъ его губернаторства.

У Кайсарова я познакомился съ Г. Ж., которому меня рекомендовали и который тутъ же сказалъ мнѣ: «я слышалъ, что вы желали имѣть занятіе, то я вамъ могу предложить мѣсто у себя. Я располагаю строить на р. Бѣлой двѣ баржи для пароходовъ и чтобы привлечь пароходное сообщеніе по р. Бѣлой, которая имѣетъ всѣ условія для оживленнаго пароходства. Р. Икъ также должна быть судоходна, ее надо прежде изслѣдовать, вотъ вы и можете заняться этимъ дѣломъ. Къ тому-же у меня большое производство спирта на заводѣ и большой откупъ въ Николаевскомъ уѣздѣ. Если хотите быть коммисіонеромъ, то я дамъ вамъ 20% изъ откупной прибыли. Я собираюсь ѣхать въ Николаевъ, Юлій Мих. поѣдетъ со мной, не хотите ли вы поѣхать съ нами, чтобъ ознакомиться съ этого рода дѣлами?»

Я поблагодарилъ его, принялъ предложеніе, но относительно коммисіонерства по откупу просилъ его дать мнѣ время подумать и прежде познакомиться съ тѣмъ, что будетъ составлять мою обязанность.

Когда мы остались одни съ Юліемъ Михайловичемъ, онъ мнѣ сказалъ, что дѣло, которое мнѣ предложили, «по вашимъ правиламъ вамъ не подходитъ: вы должны будете содѣйствовать всѣмъ злоупотребленіямъ всесильнаго откупа, а ихъ бездна». Затѣмъ онъ изобразилъ передо мною и подбавку воды въ вино, и всѣ употребляемые откупными агентами всякаго рода обольщенія и плутни. «Хотя вамъ этого никто не откроетъ, но все же вы должны будете сознавать, что все это дѣлается и даже требуется откупщиками». Послѣ этого разговора и совѣта, за который такъ благодаренъ этому честному и благороднѣйшему человѣку, я отвѣчалъ Жад., что «страшусь взять на себя дѣло, котораго выполнить въ вашихъ интересахъ, можетъ быть, буду не въ силахъ, но что я могу частно наблюдать за вашими интересами, не принимая на себя отвѣтственности коммисіонера. Покупать же рожь на заводъ я берусь, построить баржи также, и если успѣю—обслѣдовать р. Икъ».

Затѣмъ мы собрались въ дорогу. Запрягли почтовыхъ лошадей въ коляску, у которой всѣ ея кожаные карманы и мѣста наполнили

бутылками съ различными винами и закусками и отправили ее на перевозъ, сами же на извощикахъ, а потомъ черезъ Волгу на большой шлюпкѣ, при большой суетѣ перевощиковъ, перевозившихъ генерала, а въ тѣ времена генералъ значилъ не то, что нынче! По городамъ, тотчасъ по записаніи подорожной на станціяхъ, являлись городничіе съ привѣтствіемъ его прев-ству. Во время обѣда накрывали на столъ, какъ подобаетъ генералу, богачу и откупщику, съ серебрянымъ сервизомъ и посудой. Иногда же приглашались къ столу и пріѣзжавшіе поздравлять съ пріѣздомъ. Пока послѣ обѣда пили кофе, курили, болтали, кухня уже мчалась впередъ.

Проѣхавши нѣмецкія колоніи, мы углубились въ степь, гдѣ намъ запрягли уже татарскихъ лошадей, а ночью еще насъ сопровождали верховые, оглашавшіе воздухъ своимъ монотоннымъ пѣніемъ. Путешествіе наше, какъ можно видѣть, было очень покойно, комфортабельно и очень быстро, такъ какъ малѣйшее уменьшеніе скорости въ бѣгѣ лошадей напоминала ямщику палка, толкавшая его въ спину. Анаст. Евстаф. былъ человѣкъ очень умный, Юлій Михайловичъ тоже, поэтому дорога, при быстрой ѣздѣ, въ разговорахъ, не утомляла. Пріѣхавши въ г. Николаевъ, остановились въ домѣ откупнаго управляющаго. Николаевскій уѣздъ былъ очень богатъ огромными посѣвами пшеницы, такъ называемой бѣлотурки; крестьяне были очень зажиточны, поэтому откупныя выручки были очень обильны. Побывавъ въ этомъ центрѣ откупныхъ операцій и осмотрѣвъ различныя заведенія, провѣривъ поданный отчетъ, неизвѣстно зачѣмъ, потому что спаиваніе шло превосходно, и думаю, что самъ онъ не зналъ зачѣмъ ѣхалъ, развѣ только для того, чтобы навести страхъ на цѣловальниковъ, да положить въ карманъ нѣсколько тысячъ рублей.

Тутъ было рѣшено, что я пріѣду въ Москву, откуда, получивъ инструкцію и деньги, отправлюсь прямо на Кавказъ къ мѣсту своего назначенія. Тутъ мы простились и я возвратился въ Самару уже прямою дорогою.

Возвратившись въ Самару, надо было собираться въ Москву по условію съ Г. Ж., но какъ въѣздъ въ столицы намъ по указу объ отставкѣ былъ воспрещенъ и до сихъ поръ еще, спустя почти шестьдесятъ лѣтъ послѣ заточенія и ссылки (1826—1884 гг.), путаютъ нѣкоторые полицейскіе участки то, имѣемъ ли мы право въѣзда въ столицы,—то мы писали князю Долгорукову и просили его ходатайства о разрѣшеніи намъ этого въѣзда. Въ это время Анна Александровна Н. уже уѣхала на Сергіевскіе воды, и взяла съ меня слово, что я навѣщу ее тамъ. На воды я пріѣхалъ въ то самое время, когда было очень много посѣтителей водъ, и всѣ эти

посѣтители, ищущіе невѣстъ, а посѣтительницы—женіховъ, попивая воды и исполняя предписанныя прогулки, наполняли алеи и дорожки рощи или парка, а по вечерамъ вокзалъ, гдѣ усердно танцовали подъ звуки недурнаго оркестра. Анна Александровна съ дѣтьми занимала большой казенный домъ, гдѣ и мнѣ нашлось мѣсто. Я посѣщалъ нѣкоторыхъ самарскихъ знакомыхъ, а по вечерамъ сидѣлъ около карточнаго стола, самъ не играя въ карты, и любовался красотой одной изъ партнерокъ, симбирской губернаторши, которая съ красотой соединяла любезность, умъ и грацію во всѣхъ движеніяхъ. Она была молода, умна и чрезвычайно симпатична. На водахъ Сергіевскихъ, впрочемъ, было довольно много хорошенькихъ, но между всѣми первенство принадлежало губернаторшѣ и дѣвицѣ Корейнъ, дочери начальника казанскаго баталіона. Я съ нею видѣлся у Анны Александровны. Сынъ ея, студентъ казанскаго университета, былъ въ семействѣ Корейнъ своимъ человѣкомъ. Проведя очень пріятно нѣсколько дней на водахъ, посѣтивъ окрестности очень живописныя, а также знаменитое Синее озеро, замѣчательное по яркому синему цвѣту воды и кристальной прозрачности, я простился съ Анною Александровною и возвратился въ Самару, гдѣ вскорѣ получилъ присланное намъ княземъ Долгоруковымъ офиціальное письмо графа Орлова къ князю съ высочайшимъ разрѣшеніемъ въѣзда въ Москву,—куда я тотчасъ же и собрался.

Проѣздомъ я заѣхалъ къ сестрѣ Варварѣ Петровнѣ Іевлевой въ ихъ имѣніе, гдѣ она жила лѣтомъ. Село ихъ называлось Курмачкасы, названіемъ своимъ напоминавшее татарщину, гдѣ у нихъ былъ прекрасный домъ и садъ, замѣчательный цвѣтами и растеніями, собранными со всѣхъ странъ свѣта. Алекс. Іоакимовичъ Іевлевъ, мужъ ея, былъ страстный любитель цвѣтовъ и большой знатокъ въ нихъ и потому все, что появлялось рѣдкаго, онъ выписывалъ, не жалѣя денегъ. Онъ вообще былъ любитель природы и все воспроизводилъ у себя. Онъ также былъ и археологъ и съ жадностью слѣдилъ за всѣми тогдашними, еще скудными въ сравненіи съ нынѣшними, открытіями древности. Пробывъ у нихъ нѣсколько дней, я отправился въ Москву. Подъѣзжая къ станціи Починки, ночью сломалась ось у нашего тарантаса и я просидѣлъ въ степи почти всю ночь, дожидаясь пока ямщикъ не привезетъ другую ось. Въ Починкахъ на станціи былъ одинъ генералъ, посланный по высочайшему повелѣнію въ Саратовъ, гдѣ открылась страшная холера, а подъѣзжая къ Москвѣ я поворотилъ въ Болшево, имѣніе другого зятя Жукова, съ которымъ простились въ его Саратовскомъ имѣніи прошлою зимою, которымъ закончилось наше родственное путешествіе.

Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ я увидѣлъ сквозь чащу лѣса показавшуюся церковь,—вѣдь это было послѣ 20 лѣтъ ссылки, когда все производило сильнѣйшее впечатлѣніе и возбуждало столь же сильныя чувства. Ямщикъ сказалъ, что эта церковь села Болшева; затѣмъ стали открываться сквозь привлекательную яркую зелень и другія строенія, надъ которыми возвышалась красная вѣтрянная мельница, а наконецъ передъ лужайкой показался небольшой домъ съ мезониномъ и террасой и отворенною дверью въ домъ. Сейчасъ же выбѣжала сестра и съ нею двѣ прелестныя дѣвушки въ первой юности, высокія, стройныя и въ полномъ блескѣ красоты и граціи. Я былъ въ восторгѣ, что могу прижать къ сердцу такихъ прелестныхъ племянницъ. Но ихъ робкая скромность и застѣнчивость удерживали ихъ отъ радостныхъ нѣжныхъ изліяній, какимъ могла предаться сестра. Сначала онѣ скромно и робко сдѣлали граціозный реверансъ и когда мать сказала: «подойдите-же къ дядѣ и поцѣлуйте его», онѣ подошли и подставили свои пылающія розовыя щечки моимъ поцѣлуямъ. Но это продолжалось не долго и мы сейчасъ же сблизились. Третья сестра была еще малолѣтней, и тоже обѣщала быть красавицей, но она не долго жила и отъ какой-то болѣзни умерла. Познакомившись короче съ старшими, я съ восторгомъ увидѣлъ въ нихъ, кромѣ красоты, умъ, уже много размышлявшій, тщательное воспитаніе, возвышенныя чувства, и даже серіозныя взгляды на жизненные вопросы, и съ перваго же дня знакомства мы стали друзьями. Двадцать слишкомъ лѣтъ изгнаннической тюремной и воинственной кавказской жизни, конечно, должны были сильно отозваться въ ихъ юныхъ воспріимчивыхъ, нѣсколько поэтически настроенныхъ, сердцахъ и это еще болѣе привязало ихъ ко мнѣ, а какъ я привязался къ нимъ—то уже не говорю. И съ этой минуты онѣ стали для меня самыми дорогими существами.

Покойный, уютный домъ ихъ былъ расположенъ на горномъ берегу живописно извивающейся змѣйкой Клязьмы; передъ домомъ роскошныя купы березъ, а по обѣ его стороны садъ въ англійскомъ вкусѣ; далѣе тянулась роща и лѣсъ съ одной стороны, а съ другой ихъ владѣнія ограничивалъ глубокій оврагъ, за которымъ начинается земля Болшевскаго пріюта, устроеннаго покойнымъ благодѣтельнымъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и доселѣ процвѣтающаго.

Съ террасы дома живописный видъ представляетъ извивающаяся Клязьма, на луговой сторонѣ которой виднѣются огромныя зданія фабрикъ и заводовъ Москвы, этого русскаго Манчестра, и роскошныя дачи, мелькающія сквозь яркую зелень садовъ и рощей,—словомъ это Болшево былъ очаровательный пріютъ семьи достойной, добрыхъ и

милыхъ существъ, въ немъ обитавшихъ. Какъ сладко жилось тутъ среди любящихъ родныхъ по крови и чувствамъ!

Сколько прелести было въ нашихъ безконечныхъ бесѣдахъ о нашемъ многолѣтнемъ прошломъ, котораго мои юныя друзья еще не имѣли кромѣ дѣтскаго о нихъ представленія и о нашемъ будущемъ, для нихъ еще только открывавшемся. Да сохранятся въ нихъ, думалъ я тогда, эти благія стремленія, эта чисто младенческая вѣра, какая только требуется Господомъ для спасенія, чуждая всякихъ примѣсей различныхъ враждебныхъ ученій! Мать ихъ была благороднѣйшая, самоотверженное существо, всѣмъ сердцемъ преданная Богу. Она много перенесла въ своей жизни. Мужъ ея былъ подверженъ періодической болѣзни, повторявшейся нѣсколько разъ, и тогда она была мученицей. При этой страшной болѣзни на ней одной лежали заботы о воспитаніи дѣтей и дѣла по имѣнію и тяжелый уходъ за нимъ. Отецъ ихъ былъ очень умный и весьма образованный человѣкъ, издавшій нѣсколько хозяйственныхъ сочиненій, когда приходилъ въ нормальное состояніе, но руководить ихъ въ вѣрѣ онъ не могъ, будучи самъ вовсе незнакомъ съ этимъ предметомъ. Поэтому для ихъ молодыхъ умовъ предстояла опасность и вотъ почему я сказалъ: да сохранитъ ихъ Господь навсегда въ ихъ стремленіяхъ, чувствахъ и снова приведетъ удалившихся.

У нихъ, конечно, было много знакомыхъ въ Москвѣ, изъ коихъ многіе посѣщали и Болшево. Болѣе короткая ихъ знакомая была Елиз. Мих. Евреинова, милѣйшая по своему веселому характеру и добротѣ старушка. Какъ богатая и родовитая помѣщица, она имѣла много крѣпостныхъ слугъ, которые были такъ коротки съ барыней, что въ домѣ хозяйничали болѣе, нежели она сама. Но за то всѣ они ее обожали, да и вообще всѣ ее знавшіе любили и уважали ее глубоко. Куда-бы она ни пріѣзжала, гдѣ-бы ни являлась—ее встрѣчали радостныя восклицанія, лучшее свидѣтельство, что она была самою дорогою гостью. Она страстно любила карты и страсть эту раздѣлялъ съ ней зять мой, Акинфъ Ив., очень милый, веселый и замѣчательный по своимъ остротамъ, а также и по уму. Дома онъ никогда не снималъ халата, въ которомъ часто воспроизводилъ на балетныхъ танцовщицъ среди зала, и все вокругъ хохотало. Съ Елиз. Мих. они буквально бо́льшую часть дня и вечера сидѣли за преферансомъ, такъ какъ всегда былъ готовый партнеръ. Утромъ она только что вставала съ постели, онъ уже являлся къ двери, стучалъ, объявляя, что столъ готовъ; тогда въ отвѣтъ слышался голосъ: «ахъ батюшки, да дай-же хоть умыться и Богу помолиться». Эта милая простодушная и ужъ вовсе не чопорная старушка, какихъ можно встрѣтить мало, типъ тогдашнихъ богатыхъ

и знатныхъ старыхъ москвичекъ, очень любила все наше семейство и была одна изъ короткихъ его друзей, къ тому же она имѣла дѣла съ Акинф. Ив., которому продала это Болшево и еще другое значительное имѣніе, и которому вѣрила безусловно.

Любуясь юными и прелестными дочерьми его, она конечно не упускала случая пріискивать имъ женіховъ, но страсти всѣхъ старыхъ дѣвицъ, но ихъ выборъ еще тогда не былъ сдѣланъ, хотя у нихъ было много знакомыхъ и весьма представительныхъ молодыхъ людей; онѣ еще жили въ томъ идеальномъ мірѣ, къ которому и сами принадлежали, хотя, къ счастію и чести ихъ, сами того не сознавая. Конечно можетъ быть и литература того времени и необыкновенная застѣнчивость, особенно Наденьки, которая простиралась до невозможнаго, много способствовали созданію ихъ идеаловъ. Я теперь только описываю ихъ раннюю юность, дальнѣйшая ихъ жизнь впослѣдствіи также измѣнилась, какъ и все въ этомъ измѣнчивомъ мірѣ. Между частыми посѣтителями былъ также К. П. П—въ, правовѣдъ, служившій въ сенатѣ и всегда приходившій изъ Москвы пѣшкомъ.

Елиз. Мих., погостивши у нихъ довольно долго, уѣхала, а какъ и я пріѣхалъ въ Москву по дѣлу съ Ж., то и всѣ мы собрались въ Москву, гдѣ у нихъ была годовая квартира у знаменитой Сухаревой башни съ ея легендами о чародѣѣ Брюссѣ и другими темными преданіями.

Вотъ наконецъ и Москва, и это черезъ 20 слишкомъ лѣтъ ссылки! Какой восторгъ возчувствовалъ я, какъ забилось мое русское сердце, когда она открылась во всемъ своемъ величіи моимъ очарованнымъ глазамъ! Въ первый разъ я ее видѣлъ 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ, когда мы, ѣхавши въ Петербургъ, остановились въ ней съ кн. Долгоруковымъ, въ 1813 г., на другой годъ ея Наполеоновскаго разгрома, чисто русской жертвы всесожженія, и потому у меня въ памяти были однѣ развалины, торчащія трубы и разстрескавшіяся стѣны домовъ, а проѣзжая ее, ѣхавши въ отпускъ, мы только останавливались на станціи и, перемѣнивъ лошадей, ѣхали дальше, и потому теперь она представилась мнѣ уже въ новомъ видѣ, фениксомъ, изъ пепла возрожденнымъ. Теперь же я смотрѣлъ на нее съ особеннымъ чувствомъ нѣжнѣйшей любви, сознавая, что и я принесъ въ жертву этому сердцу Россіи двадцать одинъ годъ моей молодой жизни и принесъ эту жертву движимый тѣмъ же патріотическимъ чувствомъ любви къ родинѣ, какимъ она обратила себя въ развалины за независимость, если и нельзя еще сказать—и за свободу народную! Вотъ для этой-то свободы, подумалъ я, подвизались и мы, и къ несчастію не безъ крови, пролитой въ нашемъ несчастномъ покушеніи. Но гдѣ-же те-

перь и эта независимость великаго народа, когда извнѣ Европа уже предписываетъ ему свою волю, а внутри ее появились адскія идеи разрушенія и отверженія всего святаго и драгоцѣннаго для существа человѣческаго,—появились и дерзновенно уже проявляютъ себя въ адскихъ дѣяніяхъ убійствъ, грабежей, растлѣнія нравовъ и безбожія, наслѣдіе просвѣщеннаго Запада, столь любезнаго нѣкоторымъ. Мы считали царей нашихъ, помазанниковъ Божіихъ, какъ признаетъ ихъ святая апостольская церковь, за тирановъ и утѣснителей, каковыми многіе и были дѣйствительно, а вотъ одинъ изъ этихъ тирановъ, за свободу своего народа, сталъ жертвой этой адской идеи всеразрушенія, и сталъ въ тотъ моментъ, когда онъ, можетъ быть, самъ готовилъ Россіи ту самую свободу, которую мы хотѣли дать ей насильственно, съ пролитіемъ невинной крови, революціей, влекущей за собой возбужденіе всѣхъ страстей и всѣхъ дурныхъ инстинктовъ въ нашей падшей и извращенной природѣ! Да, я могу сказать, положа руку на сердце, что еслибъ мы, искавшіе измѣненія тогдашняго безправія и притѣсненія, знали что̀ послѣдуетъ изъ революціи, какъ знаемъ въ настоящее время, еслибъ мы знали, что изъ нея же возникнутъ цѣлыя полчища нигилистовъ, анархистовъ, динамитистовъ, еслибъ знали, что она породитъ полное безбожіе, разрушеніе всего, что дорого человѣчеству, неоскотинившемуся, то мы опустили бы руки и съ ужасомъ отступили бы передъ добываніемъ свободы путемъ революціи. Если нынѣшніе выродки человѣчества во Франціи, какъ и вездѣ, считаютъ первую французскую революцію ребяческою игрушкою, то что̀ они готовятъ образованному міру, какъ не самый адъ со всѣми его атрибутами. Вотъ почему безсмертны слова Александра-Освободителя: «государственныя реформы должны идти сверху, а не снизу». И онъ совершилъ и выполнилъ свои убѣжденія какъ истинный помазанникъ Божій! Да ожидаетъ же Россія и отъ преемника его продолженія и завершенія всего того, что не успѣлъ окончить этотъ безсмертный благодѣтель и отецъ своего народа. И вотъ когда облагодѣтельствованный народъ его имъ призовется къ дѣлу преуспѣянія отечества, долженъ онъ заявить всемірно свою благодарность и безпредѣльную преданность! И тогда не страшна будетъ намъ эта адская зараза безбожія, извращенія человѣческаго разума и замѣна вѣчной истины—ложью, и Россія выполнитъ, какъ многіе еще только мечтаютъ, великое свое призваніе указать народамъ Единую Истину, отъ креста исшедшую и міръ возродившую къ жизни, любви, миру и истинному счастью, соединенному съ вѣчнымъ блаженствомъ! Вотъ на этой-то стражѣ храненія этого сокровища она должна стоять непоколебимо! Ей же, ввѣрившей это вѣчное сокро-

вище вѣры и истины, даровалъ и силу несокрушимую, если народъ, призванный помазанникомъ, какъ Давидъ при своемъ воцареніи, будетъ вѣренъ Богу и его откровенію, истинною церковью хранимому!

Вотъ какія размышленія невольно возникли во мнѣ при видѣ возрожденной Москвы послѣ 20-ти лѣтняго изгнанія, которыми не могъ не подѣлиться съ читателями. Возвращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ.

Пріѣхавши въ Москву на ихъ квартиру, мы пробыли здѣсь нѣсколько дней, посѣщаемые многими ихъ знакомыми и друзьями, между которыми познакомились съ сыновьями нашихъ деревенскихъ друзей, Надежды Вас. Мальвинской, съ семействомъ Побѣдоносцевыхъ, съ ихъ дочерьми, очень образованными и умными дѣвицами, и съ братьями ихъ, съ Константиномъ Петровичемъ, правовѣдомъ, служившимъ секретаремъ въ сенатѣ, Сергѣемъ Петр., сотрудникомъ А. А. Краевскаго въ «Отечеств. Записк.», и съ Ник. Петровичемъ Побѣдоносцевымъ.

Такъ какъ молодежи было много, то часто бывали танцы подъ звуки органа, стоявшаго въ залѣ, и вообще тутъ также время летѣло очень быстро и особенно для насъ, давно отвыкшихъ отъ такой жизни. Въ то же время я уговорился и кончилъ съ Г. Ж. и сталъ приготовляться къ отъѣзду, купилъ тарантасъ, не могши привыкнуть къ этому названію, такъ какъ въ Сибири этотъ родъ экипажей называютъ карандасемъ; заготовилъ все нужное для дороги и день отъѣзда наступилъ. Родные мои также уѣзжали въ свое Болшево, и, мы усѣвшись въ четвероместную карету, отправились. Зять мой оставался въ деревнѣ у Троицкой заставы; мои милыя племянницы съ сестрой пересѣли ко мнѣ въ тарантасъ. Имъ казалось такъ хорошо сидѣть у меня, хотя въ каретѣ было конечно покойнѣе; но передъ ними на чемоданѣ сидѣлъ ихъ дядя, котораго онѣ всѣ любили, одна давно какъ сестра, какъ товарищъ дѣтства и его беззаботныхъ дней, а дочери какъ нѣжныя созданія, сильно ко мнѣ привязавшіяся. Такъ мало теперь оставалось времени быть вмѣстѣ, душа была такъ полна близкой разлуки. Лошади неслись такъ быстро по шоссе, что мысли блуждали, ни на чемъ не останавливаясь; разговоръ былъ перемѣнчивый, прерывистый, мы боялись говорить о чемъ нибудь одномъ занимательномъ—тогда уже не существовало бы и этого короткаго часа, который намъ оставалось быть вмѣстѣ. Мы говорили объ одномъ — чтобъ не забывать другъ друга, чтобъ разстояніе и разлука не охладили нашей дружбы, разумѣется обѣщались часто и много писать, и представляли себѣ вдалекѣ свѣтлую минуту новаго свиданія, которая, какъ миражъ странника въ степяхъ, манила насъ къ себѣ такою свѣтлою полосою счастья. Но вотъ уже показалась высокая

колокольня села Мытищъ и пробѣжала мимо. Карета остановилась у мостика, которымъ я проѣзжалъ въ первый разъ съ такимъ невыразимо сладкимъ волненіемъ, и мы простились. Лошади не пробѣжали завѣтнаго мостика, а промчались мимо. Нѣсколько минутъ еще я видѣлъ ихъ махавшихъ платками и наконецъ все скрылось за лѣсомъ.

Все это описаніе сильныхъ и нѣжныхъ чувствъ можетъ показаться преувеличеннымъ и сентиментальнымъ, но таковы дѣйствительно были наши общія чувства и пойметъ ихъ только тотъ, кто испыталъ долгое отчужденіе отъ всего милаго и дорогого сердцу и кто самъ способенъ къ любви пламенной и самоотверженной. Скоро проѣхалъ я станцію. Перемѣнивъ лошадей и написавъ съ ямщикомъ записочку по желанію Надиньки, пустился къ Троицѣ, гдѣ надѣялся застать всенощную на праздникъ Покрова Божіей Матери. Подъѣхавъ къ воротамъ монастыря, узнали, что вмѣсто всенощной будетъ заутреня. Что было дѣлать? Вездѣ заперто, все спитъ, а мнѣ такъ хотѣлось поклониться мощамъ преподобнаго. Бродя по двору въ ужаснѣйшей темнотѣ, я увидѣлъ проходящаго человѣка и спросилъ у него гдѣ бы найти келаря; онъ показалъ мнѣ лѣстницу и я отправился. Войдя въ комнату, увидѣлъ одного молодого служку, который сказалъ мнѣ, что уже рака заперта; я попросилъ у него бумаги, написалъ всѣ дорогія имена моихъ милыхъ родныхъ, отсчиталъ деньги за молебенъ у раки преподобнаго и просилъ исполнить мою просьбу. Въ это время вошелъ келарь, который, узнавъ, что я проѣзжій, захотѣлъ помочь мнѣ, и указалъ мнѣ густой и темной алеей выдти къ трапезѣ и спросить тамъ гробоваго. «Если она еще не заперта, то онъ отворитъ вамъ, если же заперта, то идите съ вѣрой къ дверямъ раки и помолитесь съ усердіемъ; скорбь ваша, сказалъ почтенный отецъ, еще пріятнѣе будетъ преподобному и повѣрьте, онъ еще скорѣе услышитъ васъ». Распростившись съ нимъ, я отправился по его наставленію и нашелъ трапезу, гдѣ встрѣтилъ караульщика, отставнаго гвардейскаго унтеръ офицера. Этотъ, по моему желанію, сходилъ къ гробовому и, возвратившись, сказалъ мнѣ, что уже кельи заперты. Тогда я обратился къ стекляннымъ дверямъ храма, гдѣ почивали мощи, и, преклонивъ колѣна, призвалъ преподобнаго и молилъ его заступленія у премилосерднаго Бога о всѣхъ близкихъ сердцу.

Съ этой станціи кончилось шоссе, и началась самая отвратительная дорога. Я проѣзжалъ ее уже ночью и мнѣ рѣдко случалось испытывать, даже съ фельдъегеремъ, такіе толчки, какъ здѣсь, даже ѣхавши въ ссылку съ фельдъегеремъ въ Сибирь. Опасаясь за тарантасъ, я рѣшился остановиться на слѣдующей станціи и ѣхать съ разсвѣтомъ. Часамъ

къ 10 я пріѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій, старинный городъ, извѣстный въ нашей исторіи, особенно во времена самозванцевъ. Здѣсь, къ несчастью, не было лошадей и я проскучалъ битыхъ 5 часовъ. Отсюда опять поѣхалъ по шоссе, благословляя просвѣщеніе и римлянъ, научившихъ какъ устраивать эти чудныя пути сообщенія. Вотъ одинъ налогъ, который, я думаю, каждый платитъ съ удовольствіемъ. Тутъ ночью спишь покойно, ни ухаба, ни рытвины, ни ямы, ни оврага, какъ началъ станцію, такъ и кончилъ. Изъ Переяславля меня сопровождали постоянно осенніе дожди. Но закрытый въ своемъ тарантасѣ, по шоссе, я объ немъ и не думалъ. Къ ночи, т. е. къ полночи, пріѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ роскошные диваны, чистота комнатъ, прелестныя женскія фигурки идеальной красоты, т. е. висѣвшія по стѣнамъ, и наконецъ близость Ярославля, куда мнѣ нужно было пріѣхать утромъ, а не ночью, расположили меня ночевать здѣсь. Напившись чаю, я легъ спать, а передъ разсвѣтомъ, усѣвшись въ тарантасъ, я отправился въ Ярославль, гдѣ надѣялся увидѣть брата и поэтому съ пріятными мыслями пустился въ эту дорогу.

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

III.

№ 2366. Тетрадь въ четверку бѣлой бумаги, въ переплетѣ. На внутренней сторонѣ передней доски переплета нарисована голова; а на задней доскѣ, тоже съ внутренней стороны, опекунская надпись: «Въ сей книжкѣ писанныхъ и номерованныхъ листовъ сорокъ три». Седьмой листъ вырванъ, такъ что осталось всего сорокъ два листа. Изъ этой книги было вырвано очень много до нумераціи; одинъ изъ вырванныхъ листовъ присоединенъ къ другой тетради [см. № 2387, 33_4].

1_1. Выписанъ по французски похвальный отзывъ о Русланѣ и Людмилѣ съ помѣтой: Revue encyclop., fevrier 1821. Petersbourg. На этой же страницѣ написанъ рядъ именъ: кажется, это записаны Пушкинымъ лица, къ которымъ онъ собирался писать, а зачеркнутыя имена обозначаютъ, вѣроятно, тѣхъ, къ кому онъ написалъ:

—Катенину
—Вяземскому
—Баратынскому
(Дельвигу)
(Раевскому)
Брату.

1_2. Черновое начало стиховъ:

Изгнанье славно, спору нѣтъ,
Но промѣнялъ-бы я....

Затѣмъ тутъ-же: Сія пустынная страна [I. 380]. Чернякъ съ варіантами.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; т. XLII; апрѣль, стр. 87—110.

2_1. «Элегическій отрывокъ».

Увы! навѣки скрылся онъ

и пр. [Гробъ юноши, I. 353]. Чернякъ, варіанты.

2_2—3_2—продолженіе того-же. Затѣмъ много вырвано.

4_1—6_2. «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ»; черновая, съ варіантами, въ концѣ помѣта: «1 марта 1822»....На листѣ 4_2, къ стиху:

Твой щитъ * на вратахъ Цареграда

сдѣлана съ боку выноска: * но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (для риемы къ Византіи), во первыхъ потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ-же онъ ничего не значитъ. [Ср. въ письмѣ къ брату, январь 1823. VII. 90].

7-го листа нѣтъ.

8_1 [уголъ оторванъ].

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ.
Спаситель Молдованъ,
Бахметьева намѣстникъ
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ [1]),
За то что Ясскій панъ
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіанъ,
Побитъ немножко мною,
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
(Къ моей каморкѣ) строгой
Приставилъ караулъ
. . . . . [2])
... Невинною (игрою),
А именно — мараю
Небрежныя черты.
Пишу каррикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Е.....хъ куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ!...

[1]) Т. е. И. Н. Инзовъ.

[2]) Оторвано.

В. Я.

Пушкинъ, въ воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ первымъ [см. № 2370, л. 46₂; отрывокъ объ Инзовѣ напечатанъ V. 39] говоритъ: «Инзовъ любилъ меня и за всякую ссору съ Молдованами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ скуки ради французскіе журналы»... Въ приведенныхъ сейчасъ стихахъ,—къ сожалѣнію неконченныхъ и съ вырванной срединой,—разсказывается объ одномъ изъ этихъ домашнихъ арестовъ; такъ какъ причиной ареста въ данномъ случаѣ былъ побитый ясскій панъ, то возможно, что дѣло идетъ о ссорѣ съ Балшемъ [см. очеркъ г. Бартенева—«Пушкинъ въ южной Россіи»—стр. 95—97]. На этомъ-же листѣ рисунокъ: фигура татарина.

8_2. [уголъ оторванъ]. Уже въ предыдущей тетради [№ 2365] мы видѣли, что Пушкинъ въ Кишиневѣ не разъ останавливался на темахъ изъ русской исторіи. Тутъ мы опять находимъ еще подобныя-же замѣтки и программу. «Въ «Сынѣ Отечества» 1823 года [т. LXXXII] было помѣщено извѣстіе, что Пушкинъ пишетъ поэму «Владиміръ» [1]). Пушкинъ, оказывается, дѣйствительно останавливался на этой темѣ, подготовлялъ матеріалъ, составилъ планъ [2]). Обстоятельныя замѣтки Пушкина въ данномъ случаѣ [вѣроятно и на вырванныхъ листахъ были матеріалы] опять указываютъ намъ на серіозный подготовительный трудъ, на внимательное чтеніе нашего поэта. И такъ на листѣ 8_2 мы находимъ [часть оторвана]:

Изяславъ, сынъ Рогнѣды, въ Витебской губерніи основываетъ городъ Изяславль. Мстиславъ, Ярославъ (братья его) [3]), двѣ дочери. Отъ Богемки (Чехини) Вл[адиміръ] имѣлъ Вышеслава, отъ 3-й Святослава и Мстислава, отъ 4-ой (Болгарки) Бориса и Глѣба.

1000 годъ, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ.
Судиславъ—меньшіе.
Умеръ [т. е. Владиміръ]. Вышеславу—Новгородъ.
Изяславу—Полоцкъ.

---

[1]) „Матеріалы“ г. Анненкова, 1855 г., стр. 100; признавая это извѣстіе „довольно важнымъ“, г. Анненковъ все-таки пропустилъ въ рукописяхъ поэта данныя, подтверждающія эти извѣстія,—данныя, конечно, тоже довольно важныя.

[2]) Если Пушкинъ и начиналъ писать самую поэму, то во всякомъ случаѣ онъ ее не кончилъ: въ 1825-мъ году изъ Михайловскаго онъ писалъ Гнѣдичу: «Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается невоспѣтая—писали вы мнѣ когда-то [Гнѣдичъ, значитъ, старался поддержать въ Пушкинѣ интересъ къ древнерусскимъ темамъ] А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту»! VII. 75.

[3]) На этой страницѣ скобки ( ) не обозначаютъ зачеркнутыхъ словъ, а принадлежатъ Пушкину. В. Я.

Ярославу }
Борису } —Ростовъ.
Глѣбу—Муромъ
Святославу—Древлянскую землю.
Всеволоду—Владиміръ Волынскій.
Святополку—Туровъ (въ Минской губерніи).

—Затѣмъ нѣсколько листовъ вырвано.

9_1. Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ Илья Муромецъ и Добрыня—Печенѣги нападаютъ на Кіевъ—Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ—дѣти его собираются—кромѣ Мстислава, Илья ѣдетъ за нимъ—встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ—Мстиславъ, при немъ молодые богатыри—идутъ на Косоговъ. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ царевну амазонку Армиду), оставленные богатыри разъѣзжаются — Илья ѣдетъ далѣе, (узнавъ о любви Мстислава), находитъ его и везетъ къ отцу—царевна за ними ѣдетъ—она пристаетъ къ печенѣгамъ. Сраженія, de grands combats et des combats encor: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) боги языческіе, изгнанные крещеніемъ, ихъ одушевляютъ: d) [sic] (Хозарскій князь колдунъ мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ колдунъ убитъ Мстиславомъ). [Въ этомъ планѣ, какъ видимъ, поэтъ далъ широкое мѣсто элементу чудесъ, такъ что по одному плану, мы не могли-бы думать, что Пушкинъ для замышляемой поэмы серіозно читалъ по русской исторіи, какъ это намъ показалъ матеріалъ, предшествовавшій плану].

9_2. Сверху:

Журчитъ за мраморомъ вода
И каплетъ тихими слезами
Не умолкая никогда...

Затѣмъ идетъ «Царь Никита», первые двадцать шесть стиховъ. А. С. Пушкинъ, со словъ котораго извѣстно начало этой сказки, признавалъ несомнѣнными только двадцать стиховъ, въ его передачѣ соотвѣтствующихъ подлиннымъ 26. [VII. 114]; такъ какъ эти стихи были переданы Львомъ Сергѣевичемъ не совсѣмъ точно, то я ихъ выписываю всѣ вполнѣ. [Первые четыре стиха приписаны внизу листа].

Царь Никита жилъ когда-то
Славно, мирно и богато
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Царь трудился по немногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу [1]),

[1]) Въ рукописи два послѣдніе стиха написаны въ обратномъ порядкѣ.
В. Я.

И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой—
Что за глазки—Боже мой!
Ротикъ алый,—темный волосъ
Ножки—чудо!—Нѣжный голосъ
Васъ съума свести-бы могъ,
Словомъ съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло—
Одного не доставало...
Да чего-же одного?
Такъ бездѣлки, ничего,
Ничего иль очень мало
Все равно не доставало...
Какъ-бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры...

На этомъ сказка обрывается; далѣе нѣсколько листовъ вырвано: можетъ быть на нихъ содержалось и продолженіе сказки.

10_1. Продолженіе того-же плана поэмы изъ древнерусской жизни, начало котораго было на 9_1.

И[лья] хочетъ представить сына Владиміра, вмѣстѣ ѣдутъ...

Царевна Косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава, Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ [sic] она въ сраженіи его увлекаетъ подъ видомъ Косога, убившаго его друга. Превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

Илія въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую—она вышла замужъ, объявила сыну, сынъ ѣдетъ отыскивать отца.

10_2. Д'Аламберъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюфона. (Этотъ человѣкъ) пишетъ—благороднѣйшее изо всѣхъ [пріобрѣтеній] человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч. Зачѣмъ просто не сказать лошадь. Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но д'Аламберъ очень умный человѣкъ, и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ.

Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюфонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы.

[Затѣмъ въ концѣ 10_2 и въ началѣ 11_1 много исчерканнаго, неразборчиваго; далѣе]:

11_1—12_2. Но что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано по утру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо, развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе.

Читаю отчетъ новаго любителя театра: сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой! А поставь: это молодая хорошая актриса, и продолжай [такъ-же], будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоплъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнаса, коего утомительная тупость [или глупость] можетъ только сравниться съ неутомимой [12_1] [1]) злостію... Боже мой! Зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче-ли?

...[2]) Вольтеръ можетъ почесться [прекраснымъ] образцомъ благороднѣйшаго слога; онъ осмѣялъ въ своемъ... изысканность выраженій Фонтенеля, который никогда не могъ ему того простить [3]).

Точность, опрятность, вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей, безъ нихъ блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи дѣло другое (впрочемъ [и] въ нихъ не мѣшало-бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно [видно]; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется [4]).

---

[1]) Между 11_2 и 12_1 нѣсколько вырвано; но такъ какъ фраза не прерывается, то стало быть эти листы были вырваны до того, какъ Пушкинъ писалъ эту замѣтку.

[2]) Неконченная фраза: Г-нъ издатель такого то журнала...

[3]) Первоначально было: „не могъ ему простить его справедливыя насмѣшки“ и внизу сдѣлана выноска: кстати о слогѣ: должно-ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или... [не могъ ему простить справедливыхъ насмѣшекъ]? Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія простить, требующаго винительнаго падежа; впрочемъ Н. М. К. [Карамзинъ] пишетъ иначе.

[4]) Скобки ( ) Пушкина. В. Я.

Вопросъ, чья проза лучшая въ нашей литературѣ—отвѣтъ: Карамзина это еще похвала небольшая. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен...

[На этомъ фраза обрывается; далѣе вырвано нѣсколько листовъ].

13₁. Заглавный листъ:

Таврида.

1822.

—

Gieb meine Jugend mir zurück.

Strop 4/ croisès, 4 desuite 1. 2. 1. et deux.

13₂. Цифры годовъ съ 1811 по 1824, по нѣсколько разъ, кругомъ. [Все таки, содержаніе страницы относится, кажется, къ 1822 г., а 1823 и 1824 обозначаютъ при этомъ только, что Пушкинъ, вспоминая свою жизнь, съ 1811 года, съ поступленія въ Лицей, вмѣстѣ съ тѣмъ задумывался и надъ будущимъ].

Сверху страницы:

«Страсти мои утихаютъ, тишина цар[итъ] въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ—любовь, одушевл[еніе?]»...

Затѣмъ идетъ чернякъ изъ Евгенія Онѣгина: 1-й главы XXXIII строфа [III. 15]. Помѣта: 16 авг. 1822.

14₁—15₂. Ты сердцу непонятный мракъ—I. 526 и 368. Черновая съ варіантами и поправками. [Рисунки: на 14₁ фигура женщины, плачущей подъ деревомъ, еще сидящая фигура, лицо, ножка; на 15₂ фигура рыцаря].

16₁—16₂. Черновое стихотвореніе, нѣсколько разъ начатое и измѣненное. Для того, чтобы дать понятія какъ разнообразно мѣнялъ Пушкинъ свои стихи при отдѣлкѣ, я выписываю стихи со всѣми повтореніями, что только могу разобрать:

Покойны чувства, ясенъ умъ
. . . . . .
Пью съ воздухомъ любви томленье
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье

* * *

Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я,
(Холма) Тавриды, край прелестный,
Одушевленныя поля.

* * *

Ужель ты вновь со мною, наслажденье
(Спокойны чувства), ясенъ умъ,
(Ужель) утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.

Воскресли чувства, ясенъ умъ,
(Пью съ воздухомъ любви томленье,
Все мило мнѣ въ уединеньи,
Лазурь небесъ, и тѣнь, и шумъ)...
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
(Тебя я посѣщаю вновь).

. . . . . .

Пью воздухъ сладострастья,
(И слышу водъ знакомый гласъ)
(Вездѣ мнѣ слышанъ тайный гласъ)
(Знакомыхъ водъ мнѣ внятенъ гласъ)
Давно затерянаго счастья.

* * *

Счастливый край, гдѣ блещутъ воды
Лаская пышные брега
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...

На листѣ 16_2 внизу еще вся исчерканная черновая другого стихотворенія, повтореннаго разборчивѣе на слѣдующей страницѣ:

17_1.

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня.

Далѣе на этой же страницѣ болѣе черными чернилами написанъ снова отрывокъ изъ извѣстной уже намъ программы, съ новыми дополненіями.

Илія находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву. [См. выше 9_1].

17_2. Опять чернякъ изъ Евгенія Онѣгина: первой главы строфа XXXIII [III. стран. 15]. Въ концѣ строфы строки недописаны, а послѣднихъ стиховъ совсѣмъ нѣтъ. Затѣмъ вырвано; остался клочекъ съ отдѣльными словами.

18_1. Отрывки изъ черноваго письма къ П. А. Катенину [1]); вѣроятно, на предшествовавшемъ вырванномъ листѣ было самое письмо, а сохранившіеся отрывки представляютъ собой только дополнительныя вставки [второй отрывокъ и отмѣченъ *].

«...Но эта похвала показалась бы мнѣ не очень лестною...»

«* Ты даешь мнѣ знать о себѣ только черезъ журналы. Я прочелъ... твое письмо къ Гречу (въ его журналѣ) съ большимъ удовольствіемъ, во первыхъ потому, что ты...* (во вторыхъ что)...»

Тутъ же другими чернилами изъ посланія къ «Овидію»:

Здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая

и т. д. три стиха, I. 360.—Внизу вырванъ уголъ листа.

18_2. Исчерканная черновая:

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и селы зажжены...

См. ниже 33_2 и № 2365, 58_2.

Далѣе другая исчерканная черновая:

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей вѣнчанныя крестами
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи,
Издавно почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

Дальше оторвано.

19_1 и 19_2. Изъ начала Братьевъ разбойниковъ черновые, недописанные отрывки [I. 361 и 362] Рисунки: головы.—Затѣмъ нѣсколько листовъ вырвано.

20_1—29_1. Черновые отрывки изъ разныхъ мѣстъ Бахчисарайскаго фонтана [I. 384]. Между листами 21 и 22, 22 и 23, 23 и 24, 27 и 28 вырвано по нѣскольку листовъ. На листахъ 22_2, 25_1, 28_2 и 29_1 рисунки: лица, ноги.—Листъ 24_2 неписанная страница.

29_2. Написано только одно слово: «теперь».

30_1. Черновое французское письмо къ неизвѣстной дамѣ, невполнѣ разборчиво; написано верхомъ внизъ.

---

[1]) Катенинъ въ «Сынѣ Отечествѣ» 1822, № 13 (ч. 76) напечаталъ «Письмо къ издателю Сына Отечества», т. е. къ Гречу, по поводу его очерка русской словесности, при чемъ, признавая первенство Пушкина надъ всѣми молодыми поэтами, упрекалъ Греча за неупоминаніе о Баратынскомъ. В. Я.

„(Ce n'est pas pour vous braver que je vous ecris, mais j'ai (la bêtise) et la faiblesse de vous avouer une passion ridicule, et je veux m'en expliquer franchement)... Ne feignez rien, ce serait indigne de vous et de plus c'est parfaitement inutile; la coquetterie serait une cruauté frivole et surtout bien inutile. Votre colère je n'y croiyrai pas plus... en quoi puis je vous offenser... je vous aime avec tant d'[élan] de tendresse, [si pas de]..... Votre orgueil même ne peut en être blessé.

Si j'avais des espérances cela ne serait pas la veille de votre départ que j'aurais.... me déclarer; attribuez mon aveu qu'a une [exaltation] troublée dont je n'etais plus le maître, qui allait jusqu'a la défaillance je ne demande rien, je ne sais moi même ce que je veux—cependant je vous...

30$_2$.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для русскаго, для друга славы,
Ты средь торжественныхъ знаменъ
Упалъ горящій и кровавый
Героевъ сѣвера, губя
Но

Далѣе идетъ первоначальная программа сказки о царѣ Салтанѣ. Эта программа для насъ интересна тѣмъ, что показываетъ намъ, что Пушкинъ уже на югѣ занимался простонародными русскими сказками, между тѣмъ какъ доселѣ его обращенія къ народной поэзіи относили къ эпохѣ пребыванія въ Михайловскомъ, объясняли исключительно вліяніемъ деревни и разсказовъ старой няни; послѣдней же приписывали и самую сказку о царѣ Салтанѣ; Пушкинъ, дѣйствительно, записалъ въ Михайловскомъ, со словъ своей няни, нѣсколько сказокъ [см. № 2368, л. 58$_2$ и VII т., с. 409], между прочимъ и о царѣ Салтанѣ; но во всякомъ случаѣ данная программа, излагающая сказку въ другой редакціи, показываетъ на болѣе раннее знакомство Пушкина съ этой сказкой. Данная программа интересна для насъ еще и въ другомъ отношеніи: она набросана Пушкинымъ въ 1822 г., самую же сказку онъ написалъ лишь въ 1831 г., т. е. черезъ девять лѣтъ. Вотъ какъ подолгу хранилъ Пушкинъ въ своей душѣ уже готовые образы, вотъ какъ умѣлъ онъ пользоваться при случаѣ всѣмъ богатствомъ накопленнаго матеріала; новыя впечатлѣнія, глубоко врѣзываясь въ его поэтическую память, не уничтожали образовъ, впечатлѣній болѣе раннихъ. Вотъ самая программа:

Царь не имѣетъ дѣтей.

Слушаетъ трехъ сестеръ; когда-бы я была царица, то я бы (выстроила дворецъ) всякій день пр.....; когда бы я была царица, завела-бы.... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войнѣ; (царевна [sic]

рождаетъ сына) гонецъ, etc. Царь [того острова, куда выкинуло лодку царевича] умираетъ бездѣтенъ. Оракулъ, буря, ладья. Избираютъ его царемъ—онъ правитъ въ славѣ—ѣдетъ корабль—у Салтана рѣчь о новомъ государѣ. Салтанъ хочетъ слать пословъ, царевна [т. е. царица, первая жена царя] посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевещетъ. Царь объявляетъ войну—царица [т. е. мать] узнаетъ его съ башни...

31_1—33_1. «Les plus ancien... des poëmes romantique est: Buovo d'Antona nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte etc., in ottova rima, 1489. Venezia» и т. д., идетъ длинная французская выписка, въ концѣ которой помѣчено: extrait de Ginguené [1]). Эта выписка опять показываетъ намъ, что Пушкина въ это время занимала наша народная поэзія,—такъ, на листѣ 31_1 онъ въ скобкахъ замѣтилъ: le reste comme dans le conte russe; въ другомъ мѣстѣ (33_1) Bovet aïeul de Бова (c'est probable) [2]).

33_2. Сверху помѣта: 30 іюня; затѣмъ идетъ исчерканная черновая:

(Въ Арменію, въ палаты Зензевея
Съѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ)

ниже еще два стиха:

И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно сорокъ дней.

[см. 18_2].

На той-же страницѣ посрединѣ:

«Послѣ об[обѣда] во снѣ видѣлъ Кхбкр» [Кюхельбекера].

«1 іюля день счастливый».

«Она [шатры?]».

Написавъ фамилію Кюхельбекера съ пропускомъ гласныхъ, Пушкинъ дважды пишетъ такимъ-же образомъ свою фамилію: «Пшкн», и потомъ анаграмою, тоже дважды, «нкшп». Онъ припомнилъ тутъ и другого своего лицейскаго товарища, своего перваго друга, и написалъ его фамилію подъ своею, тоже анаграмою и безъ гласныхъ: «нщп», т. е. Пущинъ.
—Затѣмъ много вырвано [не менѣе 18 листовъ].

На листѣ 34_1 и 34_2 карандашомъ и верхомъ внизъ написаны стихи:

---

[1]) Histoire litteraire de l'Italie, par P. L. Ginguené. 9 vol. P. 1811—1819. Выписка Пушкина сдѣлана изъ IV тома, стр. 176—183.

[2]) О Buovo d'Antona Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ іюня 1825 г. [VII. 29]. В. Я.

34_2.

Какъ наше сердце своенравно!
томимый вновь [1]),
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ...
Ты согласилась, нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ.
И то что̀ дозволяешь нѣжно,
И то что̀ запрещаешь мнѣ,

34_1.

Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ...

Кромѣ того на листѣ 34_2 сверху, тоже верхомъ внизъ, но чернилами написаны два стиха изъ XXXIV строфы первой главы Евгенія Онѣгина:

Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсенъ ими вдохновенныхъ (III. 16).

35_1—36_2. Черновое письмо къ А. А. Бестужеву, верхомъ внизъ; чистовое, съ помѣтою 13-го іюня [1823 г.], напечатано въ VII, стр. 162. Въ черновомъ есть нѣкоторые варіанты; такъ: это молчаніе простительно Гречу (умному головѣ) но не тебѣ [стр. 162]; или: тебѣ кажется болѣе нравится Благовѣщеніе, и мнѣ также, однакожъ и пр. [стр. 163].

37_1—38_1. Черновой, неотдѣланный отрывокъ, гекзаметръ, опытъ идилліи, можетъ быть переводъ или подражаніе. Не разбирая всего въ этомъ неотдѣланномъ наброскѣ, я не рѣшаюсь его выписывать; укажу только, что въ немъ идетъ дѣло о слѣпомъ старикѣ, на котораго нападаютъ пастушескіе собаки; старикъ взываетъ къ Геліосу, подоспѣвшіе пастухи унимаютъ своихъ собакъ и, пораженные величественною наружностью слѣпаго, спрашиваютъ его, кто онъ, ужъ не богъ-ли... На этомъ идиллія и обрывается.

38_2 и 39_1. Неписанныя страницы.

39_2. Верхомъ внизъ:

Только революціонная голова, подобная Мар. [Мир.—?] и И. [?] можетъ любить Россію—такъ какъ писатель только можетъ любить ея языкъ... Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ.

Рисунки: лица.

40_1—неписанная страница.

---

[1]) Такъ и въ рукописи, безъ начала стиха. В. Я.

40_2. Неразборчивая, исчерканная черновая, написанная карандашемъ поперегъ стр.

Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи
Я вѣрилъ избраннымъ душамъ
. . . . . .
. . . . . .

Рисунокъ: усатое лицо.

41_1. Тоже черновые стихи.

...Чего мечтатель мо[лодой]
Ты въ немъ. . . . .
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился.

— —

... Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ,
Глупцовъ всегда злодѣйству близкихъ...
Предъ боязливой ихъ толпой
Ничто [и] опытъ вѣковой...
Напрасно...

Сбоку нѣсколько стиховъ изъ «Свободы сѣятель пустынный»,—черновой набросокъ. (I. 408). См. № 2367, л. 25_2.

42_1 и 41_2. Опять исчерканная черновая, карандашемъ и чернилами.

Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями.... возмущалъ
И я его существованье
Съ своимъ невиннымъ сочеталъ...
Я видѣлъ міръ его глазами
Онъ обѣщалъ....
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...

———

Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...
... Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ...

Черновые стихи 40_2—41_2 повидимому составляютъ одно и, кажется являются первоначальной редакціей Демона [I. 407]. Ср. также черновой набросокъ къ Онѣгину [III. 423, adf.].

42_1—43_2. Черновое письмо къ Плетневу [октябрь 1822 года; подробности, разъясняющія содержаніе письма, см. въ 6-мъ и 7-мъ письмѣ къ А. С. Пушкину—VII, стр. 88 и 89; см. также выше предисловіе, февр., 416 стр.].

«Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія [1]) написанъ также отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаиваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если-же ты на меня сердишь, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.

«По письмамъ моего брата, вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.

«Я не вполнѣ подтверждаю, что писалъ о твоей [прозѣ], но, признаюсь, это стихотвореніе [2]) недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ—я разсердился послѣ Батюшкова...

«Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія.

«(Прости). Sine ira и пр.»

— Затѣмъ очень много вырвано.

IV.

№ 2367. Переплетенная тетрадь, въ четверку синей бумаги; на оборотѣ первой доски переплета карандашемъ полустертая надпись:

«Черноморъ
Увы зачѣмъ
Чери. Шаль
Эпигр. Мосх. Идил.
Чаадаеву
Чернильницѣ
. . . . . .»

[чернилами]:

„Ainsi triste et captif ma lyre toutefois s'evellait.
André Chenier".

---

[1]) „Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ".

[2]) „Батюшковъ изъ Рима". В. Я.

[Это списокъ произведеній Пушкина, а французскій стихъ—эпиграфъ къ піэсѣ Андрей Шенье, II, 1].—На послѣдней страницѣ: «Въ сей книгѣ писанныхъ и номерованныхъ листовъ 65».—На самомъ дѣлѣ всѣхъ листовъ 69: между 16 и 17 листами оборванный листъ остался совсѣмъ незанумерованъ; затѣмъ опекуны оставили еще безъ помѣты по листу между 55 и 56 и между 58 и 59 листами, наконецъ незанумеровали послѣдняго листа, т. е. всего они пропустили 4 листа, чиновники III-го Отдѣленія, кромѣ оборваннаго листа между 16 и 17 л., въ свою очередь пропустили листъ между 49 и 50, и кромѣ того дважды поставили цифру 41.—Изъ этой тетради много вырвано до нумераціи.

1_1. Сверху карандашемъ помѣта: «1-го сентября 1826, изв. о корон.», т. е. извѣстіе о коронаціи Николая I-го. Затѣмъ чернилами:

„Эпиграммы“

«во вкусѣ древнихъ»

Среди зеленыхъ волнъ... [I. 304].

Рѣдѣетъ облаковъ... [I. 304]; есть варіанты.

1_2. Окончаніе предыдущей эпиграммы; подъ ней помѣта: Каменка.—Затѣмъ:

Морской берегъ

Идиллія Мосха.

— I. 308; поправки, какъ въ печатномъ, но есть и варіанты.

2_1. Окончаніе предыдущей идилліи съ помѣтою: «8 февраля 1821. Кіевъ».—Тутъ же:

Мила красавица, когда свое чело,

и проч., I. 311.

2_2. «Элегія». I. 302 и 507. Первоначальный текстъ съ варіантами.

3_1. Окончаніе элегіи. Помѣта: «1820. Юрзуфъ».—Затѣмъ:

Къ портрету В.

[Вяземскаго; I. 360].—Варіанты.

Элегія (изъ поэмы Кавказъ).

Первоначальный текстъ; варіанты [I. 312 и 511]. См. № 2365, л. 13_1.

3_2. Окончаніе предыдущей элегіи. Помѣта: Каменка, 22 февраля 1821.—Тутъ же:

Въ альбомъ.

(Зубову—I. 183 и 494). Первоначальная редакція, не совсѣмъ точно переданная г. Анненковымъ; такъ—

Забудешь тайныя свиданья

а г. Анненковъ напечаталъ зачеркнутый варіантъ:

(Кто вспомнитъ) тайныя свиданья...

— Помѣта: 1817.—Далѣе:

Эпиграмма.

Клеветникъ безъ дарованья.—I. 360.

4_1. Муза.—I. 311 и 511.—Варіанты.

4_2. «Я говорилъ тебѣ»... I. 311 и 510. Варіанты.—Затѣмъ идетъ эпиграмма, доселѣ не напечатанная [1]):

Эпиграмма.

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
. . . . . [2]) живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
И вдругъ бѣда: казнитъ ее Меркурій!
Раскаяться приходитъ ей пора,
Она больна, глазъ пухнетъ понемногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ дама?—Слава Богу!
Все къ лучшему: вотъ лишняя дыра!

— Затѣмъ вырвано.

5_1. Конецъ посланія Катенину:

Она виновна, милый другъ,

и проч.—I. 338.—Варіанты.—Помѣта: 5 апр.
— Затѣмъ «Эпиграмма»—«Ты правъ, хоть онъ поэтъ изрядный»—I. 190.—Варіанты.

5_2—7_2. «Къ Чедаеву»—I. 340. Чернякъ съ варіантами и поправками. Въ концѣ помѣта:

6 апрѣля
1821
Кишиневъ.

См. № 2365, 26_2 и 27_1.

8_1. «Христосъ воскресъ, моя Ревекка» и проч. [Еврейкѣ.—I. 519].—Варіанты.—Помѣта: 12 апрѣля. См. № 2365, 24_2.

8_2. «Аделѣ».—I. 381.—Варіанты.

9_1. «Элегія». «Воспоминаньемъ упоенный» и проч. печатный текстъ. I. 202.—Безъ помѣты; см. № 2364, л. 77_2.

9_2. «Идиллія». «Подруга милая»... [«Антологическій отрывокъ» или «Діонея», I. 311 и 510]. Первоначальная редакція, какъ напечатано, только вмѣсто Кларисъ—Кромидъ.—См. № 2365, 34_1 и 39_2.—Вырвано.

---

[1]) Она отчеркнута синимъ карандашемъ.

[2]) Точки въ подлинникѣ. В. Я.

10_1. «Элегія» «1821. авг. 23». Противъ печатнаго текста [I. 355] въ началѣ есть лишніе четыре зачеркнутыхъ стиха [1]):

Нѣтъ! поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскреситъ,
Ей чуждо страсти упоенье,
И счастье тихое меня не веселитъ...
Умолкну скоро я...

и т. д. съ варіантами, съ зачеркнутымъ четверостишьемъ «Не бойся вѣтренныхъ невѣждъ» и пр. Кончается піэса на 10_2. [см. № 2365, 47_1].

10_2. Еще приписано внизу мелко:

Лизѣ страшно полюбить [2]).

I. 383.

11_1. «Элегія». «Мой другъ, забыты мной»...—I. 355. Черновая съ варіантами. См. № 2365, 47_2.—Одинъ стихъ написанъ безъ первыхъ словъ:

Нѣтъ, милая моя.

11_2. Конецъ предыдущей піесы; помѣта: 25 авг. 1821. Далѣе: «Эпиграмма». У Клариссы денегъ мало [I. 383]. Помѣта: «1822. генв.» — Затѣмъ вырвано.

12_1 и 12_2. «Война».—I. 356.—Помѣта: «1821».

13_1—14_1. «А—ву». [Алексѣеву. I. 351].—Послѣ стиха: Моихъ неопытныхъ друзей [стр. 352] приписано:

Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ,
Когда любовникъ и т. д.

Послѣ заключительнаго стиха печатнаго текста: Во время оно и со мной— зачеркнуто [3]):

(Я былъ рожденъ для наслажденья,
Въ моей утраченой веснѣ.
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенья.
Зачѣмъ-же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Мнѣ стало чуждо сладострастье,
Зачѣмъ-же вдругъ увяло счастье
И не къ чему стремленья нѣтъ)
И чтожъ?

и т. д. [см. I. 352, пр.].

[1]) Эти стихи отчеркнуты синимъ карандашомъ.
[2]) Отчеркнуто синимъ карандашомъ.
[3]) Отчеркнуто синимъ карандашомъ. В. Я.

Уроки хитрые твердить?
(Нѣтъ, милый! Или голосъ томной,
Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
Умильный видъ печали скромной
Тобой владѣютъ до сихъ поръ).
Люби, ласкай...

и т. д. съ нѣкоторыми варіантами.—Помѣта: 1821.

14_2—16_2 и еще полустраница безъ нумера [$16a_1$]. Овидію.—Варіанты.—Передъ двумя послѣдними стихами нѣтъ четырехъ стиховъ.—Примѣчанія.—I. 357 и 517.—Помѣта: «1821, дек. 26».

$16a_2$. Θ. Н. Г—ѣ. (Глинкѣ. I. 401.). Чернякъ съ поправками, какъ напечатано. Первая половина піэсы, остальное оторвано.

17_1. «Отрывокъ». «Старайся наблюдать» и пр. «Пастухъ и рыболовъ...». Черновое, съ поправками, какъ напечатано. Внизу выставлена цифра: 27.

17_2—18_1. «Гречанкѣ».—Черновое; варіанты. I. 380.

18_2. «Дочери К. Г. (1820)» [Дочери Кара-Георгія]. I. 306 и 509. Кромѣ указанныхъ г. Анненковымъ есть и еще варіанты.

19_1—19_2. «Дельвигу (1821, въ мартѣ). См. письмо изъ Кишинева отъ 23-го марта 1821 г. VII. 128.—Варіанты; изъ нихъ главнѣйшій:

...Какъ мужъ за гордою женой.
Я позабылъ ея обѣты,
Одна свобода мой кумиръ,
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голосъ вашихъ лиръ.

Конецъ:

Глядитъ съ улыбкой ваша сводня
На шашни молодыхъ б.....

20_1—22_2. «На смерть Наполеона». [Наполеонъ]. I. 347. См. № 2365, л. 62_2. Черновая со многими поправками, какъ въ печатномъ, но есть и варіанты. Предпослѣдній стихъ десятой строфы читается, какъ въ печатномъ.

23_1—24_1. «Кокеткѣ». [Къ Аглаѣ]. I. 337.—Текстъ, близкій къ печатному, съ многочисленными поправками. Такъ какъ для того, чтобы привести эти поправки, пришлось-бы выписать все стихотвореніе, то я ограничусь только указаніемъ двухъ стиховъ, не находящихся въ печатномъ текстѣ:

Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
Я не дитя, хоть и поэтъ.
Оставимъ юный пылъ и пр.

24_1. Еще: «Пріятелю».—I. 379.

24_2. «Баратынскому изъ Бессарабіи». Черновое.—I. 380.

25_1. «Ему же».—I. 380.—Помѣта передъ слѣдующей піэсой: 26 окт. 1823. Одесса.—Мой голосъ для тебя и ласковый... [Ночь]. I. 407.

25_2. «Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя»—I. 408.—Неоконченная черновая. См. № 2366, л. 41_1.

26_1. «Въ Альбомъ» [Иностранкѣ]. I. 413. Въ пятомъ стихѣ—доколѣ зачеркнуто и надписано: покамѣсть. Внизу: veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824. pl. d. D'. [г. Анненковъ прочелъ point de D.].

26_2.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

27_1—27_2. «Прозерпина» [1]). Подражаніе Парни.—I. 417. Черновая, поправки чернилами и карандашомъ, какъ въ печатномъ, кромѣ стиха 4-го вм. Быстро—Тайно, и 4-го съ конца—вм. зачеркнутаго: И счастливецъ—надписано: И вздохнувъ онъ... Помѣта: «26 августа 1824».—Затѣмъ вырвано.

28_1. Подъ римскими цифрами двѣ эпиграммы:

V.

Охотникъ до журнальной драки

и пр. I. 191.

VI.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

28_2. «Подражанія Корану».

1.

Изъ гл. Слѣпый въ 42 ст.

Смутясь, нахмурился пророкъ,

I. 456.

Печатный текстъ; въ четвертомъ стихѣ втораго куплета вм. зачеркнутаго: не понуждая—надписано: не замѣчая.

29_1. Окончаніе предыдущей піэсы.

29_2. Подр[ажаніе] 2.

Съ тобою древле...

I. 457. Затѣмъ вырвано:

---

[1]) Это заглавіе приписано позднѣе. В. Я.

30₁—31₂. «Второе посланіе къ цензору». I. 430.—См. № 2370, л. 21₁. Печатный текстъ съ поправками. Такъ въ стихѣ: Шишковъ уже наукъ... и пр. переставлено: Шишковъ наукъ уже...

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ у [1]) народа
Онъ славенъ славою [2]) двѣнадцатаго года.

Затѣмъ: стихъ «Оспротѣлаго вѣнца Екатерины» переставленъ передъ стихомъ «Отъ хлада нашихъ дней»...—Далѣе:

Мужъ твердый въ правилахъ, душою превосходный.

32₁. 3 подра[жаніе] Кор[ану].

Земля недвижна...

I. 457. Поправки, какъ въ печатномъ.

32₂—33₁. «Клеопатра». II. 14.—Вся исчерканная черновая. Выписываю нѣкоторые стихи, отличающіеся отъ печатнаго текста:

Кто къ торгу новому приступитъ,
Свои я ночи продаю...
...Я жду, вѣщаетъ, чтожъ молчите,
(Или теперь бѣжите прочь)
Васъ было много, приступите,
(Купите радостную ночь)...
И гордый взоръ она обводитъ...

33₂—34₁. Снова та-же сцена изъ «Клеопатры», опять черновая, но совсѣмъ другимъ размѣромъ.

И снова гордый гласъ возвысила царица.
Забыты мною днесь вѣнецъ и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу,
Неслыхано тебѣ, Киприда, я служу.
Се новый даръ тебѣ, ночей моихъ награда.
О боги грозные! Внемлите-жъ, боги ада,
Подземныхъ ужасовъ печальные цари!
Примите мой обѣтъ: до сладостной зари
Властителей моихъ послѣднія желанья
И дивной нѣгою, и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завѣсъ во храмину мою
Блеснетъ Авроры лучъ,—клянусь моей порфирой,
Главы ихъ упадутъ подъ утренней сѣкирой!

* * *

---

[1]) Было: для. Вар.: другъ чести, другъ народа.
[2]) Вм. печатнаго. В. Я.

Благословенные священною рукой
Изъ урны жребіи выходятъ чередой.
И первый Аквила, клевретъ Помпея смѣлый,
Изрубленный въ бояхъ, въ походахъ посѣдѣлый,
Презрѣнья хладнаго не снесъ онъ отъ жены,
И гордо выступилъ, суровый сынъ войны,
На вызовъ роковыхъ, послѣднихъ наслажденій,
Какъ прежде выступалъ на славный крикъ сраженій.
Критонъ за нимъ, Критонъ изнѣженный мудрецъ,
воспитанный подъ небомъ Арголиды [1]),
Отъ самыхъ юныхъ дней поклонникъ и пѣвецъ,
И пламенныхъ пировъ, и пламенной Киприды.
Послѣдній имени вѣкамъ не передалъ,
Никѣмъ незнаемый, ничѣмъ незнаменитый,
Чуть отроческій пухъ, темнѣе, покрывалъ
Его стыдливыя ланиты;
Огонь любви въ очахъ его пылалъ,
Во всѣхъ чертахъ любовь изображалась,
— Онъ Клеопатрою казалося дышалъ,
И молча, долго имъ царица любовалась

* * *

Внизу 34_1 болѣе черными чернилами и крупнѣе написано: «что скажетъ нашъ Семенъ Никитичъ;—нынче ко мнѣ чуть свѣтъ—etc...».

34_2 и 35_1. Неписанныя страницы.

35_2. Карандашомъ и чернилами нарисована, верхомъ внизъ, карта Днѣпра на географической сѣткѣ съ обозначеніемъ градусовъ; на западѣ крайніе пункты—Кіевъ, Умань, Очаковъ, на Востокѣ—Чугуевъ, Харьковъ, Новомосковскъ.

36_1. «Аріонъ» [заглавіе приписано карандашомъ]. II, 264. Черновая; есть поправки противъ печатнаго, изъ которыхъ отмѣчу одну: Пушкинъ началъ вездѣ мѣстоимѣніе я замѣнять черезъ онъ вмѣсто насъ, ихъ и пр. Внизу помѣта:

$$\frac{16 \text{ іюля}}{7}$$

Сравнивъ эту помѣту съ послѣдующими, мы можемъ, кажется, отнести Аріона къ 1827 году.

36_2. [Было написано что-то карандашомъ въ прозѣ, отрывокъ изъ письма, но потомъ поперекъ написаны чернилами черновые стихи; карандашъ очень трудно разобрать].

Карандашъ:

Съ чувствомъ искреннымъ удовол. получилъ я отъ васъ перваго почт. м. поправокъ моихъ..... Обстоятельства не позволяли мнѣ до сихъ поръ

---

[1]) Такъ и въ рукописи этотъ стихъ безъ начала. В. Я.

вамъ отвѣчать, къ тому же я ждалъ отъ Языкова обѣщанныхъ стиховъ, надѣясь тѣмъ васъ одолжить и заслужить болѣе снисходительности къ моимъ бездѣлкамъ...

. . . . . .

Чернила:

Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венецiя златая.

II. 154. Черновая; варіанты.

37_1. Конецъ предъидущей пiэсы. Помѣта: 17 сент. 1827.—Тутъ же карандашомъ написано посланіе къ Языкову:

Языковъ, братъ! Я получилъ
Твое посланье удалое—

и проч., какъ напечатано. II. 139. Помѣта: 28 авг.—Находящійся на этой страницѣ конецъ подражанія Шенье написанъ сбоку и захватываетъ начало строкъ посланія къ Языкову. Такимъ образомъ, повидимому, дѣло было такъ: на 36_1 былъ написанъ Аріонъ—[16-го іюля 1827 года], на 36_2 было набросано черновое письмо, на 37_1—написано посланіе къ Языкову [28 августа 1827]; затѣмъ 17-го сентября 1827 г. Пушкинъ написалъ на 36_2 и 37_1 подражаніе Шенье, покрывъ новою пiэсою письмо и часть стиховъ къ Языкову.

37_2. Черновой отрывокъ изъ «Черепа»:

И съ нимъ почтенный кистеръ мой...

и пр. II. 153.

...Видъ поэтическій предъ ними:
Въ прозрачной тьмѣ ряды гробовъ.
Златыя надписи надъ ними
Гласятъ о славѣ мертвецовъ,
О благородствѣ ихъ священномъ
И о почтеніи надменномъ
Наслѣдниковъ...

38_1 и 38_2. Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что, въ безотчетномъ отверженіи, dedaigne такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей.

Никто болѣе (его) [Баратынскаго] не вложилъ (n'a mis) [1]) чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ не раздѣлимы [Ср. V. 52].

Провинціальная чопорность.

---

[1]) Сначала написано французское выраженіе, а затѣмъ сверху русское. В. Я.

Наконецъ появилось собраніе стих[отвореній] Бар[атынскаго] [1]), такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше [мнѣніе] объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ [2]), еще недовольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе.—Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей можетъ быть зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

Corrige le valet, mais respecte le maitre.

Соперники Баратынскаго — Батюшковъ и Жуковскій; сравн[еніе] [3]). [См. 39_2].

39_1. Черновая стихотворенія «Поэтъ»—II. 155. Первоначальный текстъ, отличающійся отъ печатнаго, но поправленный, почти вездѣ, какъ печатный.

39_2. Окончаніе предыдущій піэсы. Помѣта: 15 авг. 1827. Михайловское.—Затѣмъ опять о Баратынскомъ [см. 38_1]

Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ въ [старину] старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносову и Баратынскому равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирическій [40_1] должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

Къ тому же у насъ почти не существуетъ чистая элегія.—Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идилію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирическій (чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гёте [4]).—Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи,—что это значитъ? Можно-ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды? [5]).

[Приведенные наброски о Баратынскомъ составляютъ, можетъ быть, начало статьи объ этомъ поэтѣ.—V. 148].

40_2—41_2. Англійскіе критики оспаривали у Лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы.—Байронъ, столь оригинальный въ

---

[1]) Стихотворенія Е. Баратынскаго, Москва, 1827.
[2]) Скобки Пушкина.
[3]) Эта фраза написана другими чернилами и крупнѣе.
[4]) Скобки Пушкина.
[5]) Ср. V, 54.

В. Я.

Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Manfredt онъ подражалъ Фаусту,—замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ-Гарольда.—Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ (описаніе) самого себя, въ коемъ онъ [поэтически] создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой [1]); все, кромѣ..... etc., отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному.—Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіе времени (снова) принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ Превращенномъ уродѣ (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre [2]).

42_1. Tous les genres sont bons [excepté l'ennuyeux]; эта шутка Вольтера... [и т. д. почти дословно какъ напечатано V. 54; см. 40_1].

* * *

Но скептицизмъ въ критикѣ, какъ и въ философіи, есть только первый шагъ умствованія.

42_2.

Толпа холодная поэта окружаетъ
И (равнодушныя) хвалы ему жужжитъ
Но равнодушно ей задумчивъ онъ внимаетъ,
И звучной лирою разсѣянно бряцаетъ...

[Затѣмъ опять о Байронѣ]: онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимiей, наконецъ, то странствующимъ посреди...

Ученый безъ дарованія.—V. 52.

43_1—44_2. Начало «Исторіи села Горохина», значительно отличающееся отъ печатнаго. Такъ какъ эта превосходная «исторія» напечатана тоже лишь по черновымъ отрывкамъ, то я выписываю цѣликомъ весь новый отрывокъ [см. IV. 110].

---

[1]) Скобки Пушкина.
[2]) Скобки Пушкина.

В. Я.

Если званіе любителя отечественной литературы само по себѣ достойно уваженія, то я въ мнѣніи публики, не взирая на убожество дарованій, имѣю право на нѣкоторое ея вниманіе. Произошедъ въ 1751 году отъ честныхъ, но недостаточныхъ родителей, я не могъ пользоваться источниками просвѣщенія, открытыми въ послѣдствіи времени въ столь великомъ изобиліи, и долженъ былъ довольствоваться уроками приходскаго дьячка, человѣка впрочемъ весьма довольно образованнаго въ смиренномъ своемъ званіи. Сему-то почтенному мужу обязанъ я благородною страстію къ изящному вообще и къ россійской словесности въ особенности. Ввѣренный мнѣ имъ письмовникъ г. Курганова не выходилъ изъ моихъ рукъ, и восьми лѣтъ зналъ я его наизусть. Съ того времени, смѣло могу сказать, что не вышло изъ печати ни одного русскаго творенія, ни одного перевода, ни одного русскаго журнала (включая тутъ хозяйственныя и поваренныя сочиненія, также и мѣсяцесловы [1]), коихъ бы я не прочиталъ или о коихъ по крайней [мѣрѣ] не получилъ достаточнаго понятія. Старыхъ людей обвиняютъ вообще въ слѣпой привязанности къ прошедшему и въ отвращеніи отъ настоящаго. Но я не заслуживаю такого упрека. Успѣхи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не могъ безъ негодованія слышать въ нынѣшнихъ журналахъ нападки, столь-же безумныя, какъ и несправедливыя, на произведенія (нашихъ) писателей, дѣлающихъ честь не только Россіи, но и всему человѣчеству, и вообще на состояніе просвѣщенія въ любезнѣйшемъ нашемъ отечествѣ. Сіи журналы не суть-ли сами краснорѣчивыми доказательствами исполинскихъ успѣховъ нашего просвѣщенія? какой изъ иностранныхъ (журналовъ) превзойдетъ въ глубокомысліи «Вѣстникъ Европы,» въ учености «Сѣверный Архивъ», въ пріятномъ разнообразіи «Московскій Телеграфъ», въ прочихъ достоинствахъ «Сынъ Отечества», («Московскій Вѣстникъ»), «Сѣверную Пчелу» и другіе? — Въ чемъ конечно согласятся почтенные издатели «Вѣстника Европы», «Сѣвернаго Архива», «Московскаго Телеграфа» и проч... Сіи-то несправедливыя и безумныя нападенія принудили меня въ первый разъ выступить на поприще писателей, надѣясь быть полезенъ любезнымъ моимъ соотечественникамъ, пока неумолимыя Парки прядутъ еще нить жизни, какъ говоритъ Г. Ф. въ одномъ трогательно грустномъ объявленіи о поступившей въ продажу книжки своего сочиненія. [См. № 2387].

45₁. Есть ризличная смѣлость; Державинъ написалъ: Былъ на высотѣ.... когда счастіе тебѣ хребетъ свой съ грознымъ повернуло, ты видишь, видишь, какъ... сіяніе вкругъ тебя..... Жуковскій говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

---

[1]) Скобки Пушкина. В. Я.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ мужикѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на...

Французы до нынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово pavé, помостъ [1]).

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово vache. (Жалкая) словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого-[бы] достоинства они впрочемъ ни были) [2]), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

* Ибо они сильно и необыкновенно передаютъ намъ ясную мысль, картины поэтическія [3]).

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ и проч.

Есть высшая смѣлость,—смѣлость изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію, такова смѣлость Шекспира, Dante, Miltone, Гёте въ Фаустѣ, (46_1) Моліера въ Тартюфѣ, Фонъ-Визина въ Недорослѣ, (Байрона въ Чайльдъ-Гарольдѣ).

Кальдеронъ называетъ молоніи огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

На 46_4 начинается еще замѣтка: чѣмъ болѣе мы холодны,—почти дословно, какъ напечатано V. 52.

46_2. Конецъ предыдущей замѣтки. Затѣмъ идетъ другая замѣтка:

Браните мущинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки, не одинъ не подумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола,—всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно,—онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

47_1. Одна изъ причинъ жадности, съ которой [мы] читаемъ записки великихъ людей,—наше самолюбіе, мы рады ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ-бы то ни было, мнѣніями....., привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли-бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожныхъ, если бы они оставляли намъ свои признанія.

47_2. Мнѣ пришла въ голову мысль,—почти дословно, какъ напечатано V. 52.

---

[1]) Слѣдуетъ неразборчивый стихъ изъ Расина.

[2]) Скобки Пушкина.

[3]) Куда должна относиться эта вставка, отмѣченная *, не знаю.

В. Я.

Затѣмъ идетъ черновой набросокъ изъ посланія Ѳ. Н. Глинкѣ; варіанты; I. 401.

48_1—49_1. Черновая «Клеопатры». Есть варіанты. II. 15. См. выше 32_2.

49_2. Черновой отрывокъ:

Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный,
(Глядитъ на бездны, на) [1]) брега
Вѣнчанны чащею древесной.

50_1.

Шумитъ кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ,
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ,
Но вздрогнулъ онъ,—недальній звукъ
Его коснулся. . .

Рисунокъ: медвѣдь на привязи.

50_2—55_2. Черновое посланіе «Къ вельможѣ» — Варіанты. II. 267. Рисунки: 51_1—лица; 52_2—ноги.

Затѣмъ, далѣе до конца тетради, все написано верхомъ внизъ.

За 55 листомъ, послѣ многихъ неписанныхъ листовъ, идетъ листъ незанумерованный черною цифрою [красная—54]; первая страница его неписанная, а на второй находится замѣтка:

55_{a2}.

О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ.

[Онъ] передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (небывалый чинъ) [2]), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) [3]) съ Мининымъ, получая 120 руб. окладу. Въ 1630 году находился въ томъ-же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ) [4]).

56_1 неписанная страница.

56_2 и 57_1. Байронъ много читалъ и распрашивалъ о Россіи... и пр. Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется.... и пр. Почти какъ напечатано V. 56.

---

[1]) Поправка не разобрана.
[2]) Скобки Пушкина.
[3]) Скобки Пушкина; годъ въ рукописи написанъ ошибочно 1816.
[4]) Скобки Пушкина. В. Я.

57$_2$. Я бы никакъ не осмѣлился оставить риѳмы... и пр. II. 153.

58$_1$. Черновое, исчерканное стихотвореніе карандашемъ съ поправками и дополненіями чернилами.

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ
Ты вновь создалъ, волшебникъ милой,
Меня, питомца (скромныхъ) музъ
И я смѣюся надъ могилой
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу
Но чудо! Зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Нарижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ
. . . . . .
Оно гласитъ, что не утрачу
Пристрастья [вѣрныхъ?] Аонидъ.

Насколько можно судить по содержанію это посланіе къ лицу, переведшему что-либо изъ сочиненій Пушкина.

58$_2$ и на слѣдующемъ листѣ, незанумерованномъ черною цифрою [крас. 58$_1$]—посланіе къ Мордвинову—II. 20. Первый стихъ предпослѣдняго куплета:

Такъ въ пѣну [волнъ?] съ вершины горъ скатясь...

На второй страницѣ того-же незанумерованнаго листа [красн. 58$_2$] находится замѣтка: иностранцы утверждающіе... Почти какъ напечатано V. 55.

59$_1$. Гордиться славою... Первая половина замѣтки, почти какъ напечатано V. 55.

59$_2$. Еще отрывокъ изъ той-же замѣтки.

60$_1$. Ненапечатанная еще замѣтка по Тациту:

Съ таковыми сужденіями неудивительно, что Тацитъ, (бичъ) тирановъ, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говоритъ о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ [1]), однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

60$_2$. Черновой отрывокъ изъ Арапа Петра Великаго: мысли арапа во время ѣзды съ Петромъ—IV. 12. Затѣмъ очень много вырвано.

61$_1$. Письмо арапа къ графинѣ. IV. 8.

---

[1]) Карандашомъ: намѣстниковъ. В. Я.

61$_2$. Черновой набросокъ:

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ (и слогъ примѣрный),
(О ты, который) избѣжалъ
(Сентиментальности) манерной....

62$_1$—**65**$_2$. Французская выписка: Le duc de Saxe en mourant laissa à l'Empereur Otton son frère... и т. д.

(Extrait de Berald de Savoy) [1]).

66$_1$. Кромѣ надписи опекуновъ о числѣ листовъ [см. выше], находимъ три помѣты:

14 juillet 1826
2 août 1827 j. h.
4 août R. J. P. Jich....

Рисунокъ: голова.

Поправка къ **№ 2364**$_1$, л. **58**$_1$. [«Русская Старина» изд. 1884 г., мартъ, стр. 655]. Вмѣсто напечатаннаго должно быть:

У рѣзвой младости не вѣчно мы въ гостяхъ
Не долго знаться намъ съ безпечностью игривой
Съ Венерой пламенной и нѣгой прихотливой,
Вздохнемъ объ нихъ, какъ объ друзьяхъ.
И старости дождемся молчаливой.

Изъ первоначальной редакціи посланія къ Каверину, см. I, стр. 492.

Опечатка: № 2364, л. 24$_2$ [«Русск. Ст.» изд. 1884 г., февраль, стр. 434, стихъ 29] вм. Клаѳо должно быть Клоѳо.

Во II книгѣ «Русскаго Архива» изд. 1884 года г. Любитель старины помѣстилъ замѣтку о моей работѣ по описанію рукописей Пушкина [по поводу второй книги изд. 1884 г. «Русской Старины»]. Желая мнѣ успѣха, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣвается въ вѣрности сдѣланныхъ мною въ предисловіи указаній на небрежность г. Бартенева въ передачѣ Пушкинскаго текста, и отрицаетъ, чтобы г. Бартеневъ когда-либо пользовался монополіей по отношенію къ рукописямъ Пушкина [см. «Русская Старина», изд. 1884 г., февраль, стр. 417—418].

Относительно страшной небрежности г. Бартенева мнѣ теперь уже не

[1]) Скобки Пушкина. В. Я.

зачѣмъ приводить доказательствъ: г. Любитель старины самъ можетъ видѣть многочисленные примѣры этой небрежности въ апрѣльской и майской книгахъ «Русской Старины» изд. 1884 г.; дальше онъ увидитъ ихъ и еще во множествѣ. Изъ напечатаннаго уже мною матеріала точно также видно, что г. Бартеневъ оставилъ безъ вниманія въ рукописяхъ Пушкина очень многое, нисколько по интересу не уступающее тому, что̀ онъ изъ нихъ извлекъ. Въ общемъ этотъ матеріалъ будетъ по объему больше того, что̀ напечатано было г. Бартеневымъ. Поэтому напрасно г. Любитель старины увѣряетъ, что я будто-бы дорожу только всякой опиской Пушкина [я прямо оговорилъ въ предисловіи, что описки Пушкина я не привожу, прямо исправляю]; другое дѣло описки и ошибки издателей Пушкинскаго текста: онѣ меня занимаютъ, и я стараюсь ихъ, по возможности, исправить.

Г. Любитель старины говоритъ, что г. Бартеневъ никакой монополіей не пользовался. Вотъ фактъ: до осени 1882 г. рукописи Пушкина въ Румянцовскомъ Музеѣ были доступны только г. Бартеневу; объясненіе-же этого факта, дающее мнѣ право называть его—монополіей и даже искусственной монополіей [конечно не въ смыслѣ экономическаго термина], я не разъ лично слышалъ отъ самаго покойнаго А. Е. Викторова. Пусть г. Любитель старины не думаетъ, что я ложно шлюсь на мертваго: я печатно говорилъ о сказанной монополіи г. Бартенева еще при жизни А. Е. Викторова. [«Русскія Вѣдомости», 1883 года, № 150].

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

НА ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗѢ

въ 1861 году.

Въ іюлѣ 1861 года быстро разнеслась по Кавказу радостная вѣсть. Перенесясь черезъ ледяныя выси Кавказа, хотя эта вѣсть прежде всего достигла Тифлиса, но она не касалась Закавказья; не касалась она и Прикаспійскаго края. Только сѣверный Кавказъ могъ радоваться этой вѣсти, а войска, на немъ находящіяся, готовиться къ восторженной и благоговѣйной встрѣчѣ своего царя, пожелавшаго видѣть и благодарить ихъ за тяжелую боевую службу. Въ августѣ-же это счастіе миновало и войска Терской области, и только войска западнаго Кавказа могли предаваться полному ликованію, что узрятъ своего царя.

Впрочемъ ликованія и западнаго Кавказа были непродолжительны: онѣ начались въ Тамани 12-го сентября, когда Государь Императоръ высадился съ парохода, и окончились 24-мъ числомъ того же мѣсяца, когда Его Величество отплылъ на пароходѣ изъ укрѣпленія Константиновскаго. Во время двѣнадцати-дневнаго пребыванія на западномъ Кавказѣ, вѣнценосный гость осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ всѣ пункты Закубанскаго и Залабинскаго пространства, занятые нашими войсками въ землѣ абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ.

Находившіяся за Кубанью и за Лабою войска, которыхъ августѣйшій монархъ желалъ видѣть и осчастливить своимъ привѣтомъ,—занимались построеніемъ станицъ, прорубкой просѣкъ, проложеніемъ дорогъ и устройствомъ на нихъ кордоновъ. Эти войска, числительность которыхъ доходила до 70,000 человѣкъ,

хотя работали въ 1861 г. мирно, безъ кровопролитія и сопротивленія со стороны непріятеля, однако онѣ вполнѣ заслуживали услышать „царское спасибо“ за ихъ прошлые подвиги и за совершенные ими неимовѣрные труды. Вѣдь кромѣ войскъ, издавна воевавшихъ и трудившихся на западномъ Кавказѣ, тутъ же были, кромѣ другихъ, и стрѣлковые баталіоны, покорившіе его державѣ восточный Кавказъ. Всѣ войска, бывшія на западномъ Кавказѣ, заслуживали полное „царское спасибо“ и за совершаемые ими труды. Вѣдь онѣ неустанно работали не только топоромъ, лопатой и киркой, но ломомъ, буравомъ и молотомъ, когда приходилось откапывать землю изъ-подъ снѣга и ледяной коры, или прокладывать дорогу въ скалѣ и каменистой почвѣ. „Царскій привѣтъ“ этимъ войскамъ нуженъ былъ для ободренія ихъ духа и укрѣпленія ихъ силъ, на будущіе ихъ подвиги и труды, совершенные ими при покореніи западнаго Кавказа.

Войска, находившіяся въ 1861 году за Кубанью и Лабою, составляли три отдѣльныя группы.

Крымскій пѣхотный полкъ съ черноморскими линейными и четырьмя стрѣлковыми батальонами, расположенные между Абиномъ, низовьями Кубани и Чернымъ моремъ, мирно работали, устраивая свои штабъ-квартиры и станицы. Натухайцы, на землѣ которыхъ эти войска были расположены, не отличаясь воинственными наклонностями и не предаваясь хищничеству, занимались по прежнему торговлей. Будучи же окружены нашими укрѣпленіями и стѣснены въ поземельной собственности нашими станицами, начали добровольно переселяться въ Турцію [1]).

Ставропольскій пѣхотный полкъ съ тремя батальонами Кавказской резервной дивизіи и Черноморскими казаками, достраивая укрѣпленія Григорьевское, Дмитріевское и Ильское, вмѣстѣ съ тѣмъ занимались устройствомъ надежнаго сообщенія какъ между этими укрѣпленіями, такъ и съ Екатеринодаромъ. Свирѣпые шапсуги, злѣйшіе враги черноморцевъ, на землѣ которыхъ производились эти работы, уже были далеко не тѣ, каковыми они

[1]) Съ окончаніемъ восточной войны и въ особенности съ покореніемъ восточнаго Кавказа, было разрѣшено горцамъ вообще свободное переселеніе въ Турцію. И первые воспользовавшіеся этимъ разрѣшеніемъ были Закубанскіе ногайцы и, частію, жители Большой Кабарды. М. О.

слыли во времена своихъ славныхъ предводителей Шеретлука и Казбича. Въ особенности они притихли послѣ пораженій, нанесенныхъ имъ Шапсугскимъ отрядомъ въ 1860 году. Поэтому шапсуги избѣгали открытыхъ столкновеній съ нашими войсками, расположенными на ихъ землѣ; но за то съ полнымъ увлеченіемъ предавались хищничеству и воровству, не только въ нашихъ предѣлахъ, а и у своихъ соплеменниковъ бжедуховъ, натухайцевъ и абадзеховъ.

Наконецъ третью группу, и самую огромную, составляли войска, расположенныя между Большой Лабой и Фарсомъ, а также въ Майкопѣ, укрѣпленіи Бѣлорѣченскомъ, въ станицахъ Кужорской и Нижнефарской, а равно по постамъ, охраняющимъ пути сообщенія между этими пунктами. Кромѣ Нижегородскихъ и Тверскихъ драгунъ, мѣстныхъ казаковъ и болѣе сорока подвижныхъ орудій пѣшей и конно-казачьей артиллеріи, на пространствѣ между Большой Лабой и низовьями Бѣлой, находились: Кубанскій и Севастопольскій, пяти-батальоннаго состава, пѣхотные полки, десять батальоновъ стрѣлковъ и одиннадцать Кавказскихъ резервныхъ и мѣстныхъ линейныхъ батальоновъ.

Всѣ эти войска—численность которыхъ простиралась до 40,000 штыковъ и сабель—независимо Хамкетинскаго отряда, прорубавшаго просѣки по Фарсу и Псефири, воздвигали новыя станицы по Ходзу и Малой Лабѣ и устраивали сообщенія между этими новыми поселеніями. Все это совершалось мирнымъ путемъ, да и могло-ли быть иначе? Съ многочисленными, богатыми, гордыми, вовсе не склонными къ хищничеству, но мужественно храбрыми и стойкими,—когда пришлось отстаивать свою независимость,—абадзехами мы находились въ мирѣ, заключенномъ генераломъ Филипсономъ на урочищѣ Хамкеты еще въ концѣ 1859 года [1]). На пространствѣ между Большой Лабой и Фарсомъ

[1]) Этотъ миръ не могъ считаться прочнымъ, какъ не заключенный съ общаго согласія абадзехскаго народа, а былъ махинаціей нѣсколькихъ десятковъ вліятельныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ Мегметъ-Аминъ. Этотъ миръ былъ не только стѣснителенъ для насъ, какъ не дозволявшій дѣйствовать самостоятельно и сообразно съ обстоятельствами, но былъ, по нѣкоторымъ условіямъ, унизителенъ. Однако этотъ миръ много способствовалъ къ быстрой колонизаціи западнаго Кавказа. М. О.

воздвигались новыя станицы; не было уже злѣйшихъ по своимъ хищничествамъ враговъ казачьяго населенія—бесленеевъ, башильбаевъ, тамовцевъ, баговцевъ, казильбековъ, шахъ-гиреевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ [1]); всѣ эти хотя небольшія, но хищническія общества, весною 1861 года были переселены въ Турцію силою нашего оружія. Скрывающіеся въ густыхъ и обширныхъ лѣсахъ по Фарсу и между этой рѣкой, Майкопомъ и Лабой махоши, темиргои и егерукаи, тоже извѣстные хищники и злѣйшіе враги казаковъ, не смѣли показываться изъ своихъ трущобъ, сознавая въ страхѣ, что близится то время, когда они должны покинуть эти завѣтныя мѣста [2]).

Не смотря на такое громадное число войскъ, сосредоточенныхъ на пространствѣ между Большой Лабой и низовьями Бѣлой, и на разнородныя ихъ занятія, надъ ними не было общаго начальника. Всѣ распоряженія дѣлались письменно изъ Ставрополя черезъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, казачьихъ бригадъ и даже отдѣльныхъ батальоновъ, каковыя сношенія въ особенности любы были начальнику штаба, генералу Забудскому. Отъ такихъ сношеній происходили иной разъ не только замедленія, но и разнорѣчія. Въ необходимости единства управленія надъ этими войсками хотя былъ убѣжденъ генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ [3]) и его начальникъ штаба, однако они не сочувствовали такому назначенію по причинамъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ, но о которыхъ я не желаю здѣсь упоминать. А потому графъ Евдокимовъ медлилъ этимъ, несмотря на то, что начальникъ главнаго штаба арміи не разъ просилъ увѣдомить его кому будетъ пору-

---

[1]) Бесленеи и бѣглые кабардинцы—выходцы изъ Большой Кабарды при Ермоловѣ—были черкесскаго происхожденія; башильбаи же, тамовцы, баговцы, казильбеки и шахъ-гирен принадлежали къ абазинскому племени.

[2]) Махоши, темиргои и егерукаи — черкесскаго происхожденія—будучи окружены войсками, въ апрѣлѣ 1862 года, принуждены были оставить свои лѣса и отправиться въ Турцію.

[3]) Генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ вступилъ въ командованіе войсками, въ Кубанской области находящимися, въ концѣ 1860 года, которое мѣсто и занималъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Въ его управленіе совершилось покореніе западнаго Кавказа. Дѣятельность графа Евдокимова на восточномъ Кавказѣ описана мною въ статьѣ „Кавказъ и покореніе Восточной его части“ помѣщенный въ февральской книгѣ „Русской Старины“ 1880 года. М. О.

чено общее начальство надъ войсками, за Лабою находящимися. И только предстоящій пріѣздъ Государя Императора ускорилъ это назначеніе, которое и пало на меня [1]).

Графъ Евдокимовъ съ генераломъ Забудскимъ, зная мою требовательность, можетъ быть менѣе всего желали видѣть меня на этомъ мѣстѣ. Однако они не могли обойти меня, не спросивъ моего желанія, какъ старшаго; при томъ и тифлисское начальство указывало исключительно на меня же. Наконецъ послѣ долгихъ объясненій между мною и графомъ Евдокимовымъ, въ которыхъ я старался категорически выяснить мои права и отношенія, 20-го августа, былъ отданъ приказъ о назначеніи меня начальникомъ всѣхъ войскъ, за Лабою находящихся, и непосредственнымъ начальникомъ Верхне-Абадзехскаго отряда [2])—того отряда, въ которомъ 18-го сентября рѣшилась участь магометанскаго населенія западнаго Кавказа.

Такое назначеніе ставило меня въ болѣе близкія соотношенія съ графомъ Евдокимовымъ и генераломъ Забудскимъ. До сихъ поръ, будучи начальникомъ Кавказской резервной дивизіи, батальоны которой находились въ Терской и Кубанской областяхъ [3]); слѣдовательно, подчиняясь графу Евдокимову, я былъ ходатаемъ предъ нимъ за облегченіе ввѣренныхъ мнѣ солдатъ отъ излиш-

---

[1]) Мое пребываніе въ то время было въ Ставрополѣ, я былъ начальникомъ Кавказской резервной дивизіи, баталіоны которой находились въ Терской и Кубанской областяхъ.

[2]) Подъ такимъ названіемъ этотъ отрядъ былъ извѣстенъ въ офиціальной перепискѣ, какъ дѣйствующій на землѣ Верхнихъ Абадзеховъ. Но мы будемъ называть его по прежнему „Хамкетинскимъ“,—названіе болѣе извѣстное и сохранившееся между нижними чинами, во все время его существованія.

[3]) По числу находящихся на Кавказѣ полковъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій, а именно гренадерской, 19, 20 и 21-й, Кавказская резервная дивизія состояла изъ 16-ти комплектныхъ батальоновъ, тѣхъ же самыхъ наименованій, которыми назывались полки. Въ 1861 году 8 батальоновъ резервной дивизіи находились на работахъ по устройству дорогъ въ Хулхулаускомъ, Аргунскомъ, Ассинскомъ и Алагирскомъ ущельяхъ. Другіе 8 батальоновъ находились за Лабою; изъ нихъ Лейбъ-Эриванскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ были въ составѣ Хамкетинскаго отряда. Въ 1862 году вся резервная дивизія была сосредоточена уже на западномъ Кавказѣ. Въ слѣдующемъ же году изъ этой дивизіи сформированы были 12 полковъ или 38, 39 и 40 дивизіи, изъ коихъ двѣ первыя и по настоящее время находятся въ составѣ Кавказской арміи. М. О.

няго труда и за возможное устраненіе отъ нихъ лишеній и недостатковъ. Съ 20-го же августа 1861 года, я дѣлался прямымъ отвѣтственнымъ лицемъ не только восьми батальоновъ Кавказской резервной дивизіи но и всѣхъ другихъ войскъ, между Лабою и Бѣлой находящихся.

Много хлопотъ и заботъ предстояло мнѣ, чтобы сдѣлать переѣздъ вѣнценоснаго гостя безъостановочнымъ, а пріемъ болѣе удобнымъ и торжественнымъ. Нужно было осмотрѣть тѣ мѣста, которыя долженъ былъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ, и пути сообщенія, по которымъ Его Величество долженъ былъ проѣхать. Нужно было назначить отъ частей и распредѣлить по станціямъ упряжныхъ лошадей, а также составить росписаніе по экипажамъ. Нужно было въ мѣстахъ ночлеговъ, обѣдовъ и завтраковъ приготовить почетные караулы и назначить войска для конвоированія и въ прикрытіе, во время переѣздовъ. Нужно было для Хамкетинскаго отряда избрать новое лагерное мѣсто для всѣхъ свободныхъ войскъ и чѣмъ болѣе будетъ ихъ собрано, тѣмъ величественнѣе будетъ пріемъ. Нужно было озаботиться устройствомъ царской ставки и помѣщеніемъ для свиты и начальствующихъ лицъ, сопровождающихъ царя.

Не касаясь другихъ распоряженій, относящихся до пріѣзда Государя Императора, сдѣланныхъ мною еще въ Ставрополѣ, начну съ описанія, лично мною осмотрѣнныхъ, тѣхъ мѣстъ и путей Залабинскаго пространства, по которымъ, согласно присланнаго маршрута, долженъ былъ совершить Его Величество свое путешествіе.

Переправившись по мосту черезъ Большую Лабу у станицы Тенгинской, я направился сначала въ укрѣпленіе Бѣлорѣченское, а потомъ въ Майкопъ. Не смотря на то, что этотъ семидесятиверстный путь пролегалъ большею частію черезъ мѣста, поросшія густымъ и высокимъ лѣсомъ, но это было мало замѣтно,—такъ широки были просѣки. За исключеніемъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія, не замѣчательнаго своею величиною, верками, постройками и окружающею его мѣстностью, да нѣсколькихъ расположенныхъ по дорогѣ постовъ, другого населенія здѣсь не было. Жившіе же на этихъ мѣстахъ, до пятидесятыхъ годовъ, гатюхайцы и хамышейцы удалились въ горы, попытавъ первоначально, съ помощью

абадзеховъ, оказать мужественное сопротивленіе непрошеннымъ гостямъ.

Не смотря на такую пустынность этого пространства, рѣшено было обезпечить этотъ путь, кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго конвоя [1]), тремя баталіонами пѣхоты при шести орудіяхъ, расположенными тремя эшелонами.

Майкопское укрѣпленіе, находящееся на правомъ берегу Бѣлой, противъ впаденія въ нее Куржупса, со времени своего существованія, начавшагося въ 1856 году, предназначено было штабъ-квартирой для Кубанскаго пѣхотнаго полка. И тогдашній полковой командиръ, полковникъ Горшковъ, большой хозяинъ, устроилъ хотя не столько прочную, сколько красивую и помѣстительную штабъ-квартиру. Въ особенности были хорошо устроены разныя мастерскія, въ которыхъ онъ любилъ проводить большую часть времени и, какъ знатокъ оружейнаго дѣла и другихъ мастерствъ, умѣлъ извлекать изъ нихъ пользу.

Во время двухъ-дневнаго пребыванія моего въ Майкопѣ, кромѣ другихъ распоряженій, мнѣ необходимо было совершить поѣздку за Бѣлую и заняться составленіемъ росписанія упряжнымъ лошадямъ. Побывать за Бѣлой мнѣ необходимо было, чтобы осмотрѣть мѣстность, по которой, согласно маршрута, долженъ проѣхать Государь Императоръ и взглянуть на войска, тамъ разрабатывающія крутой подъемъ, ведущій на высокую гору, и занимающіяся рубкой растущаго на ней лѣса. Съ этой высокой горы, находящейся напротивъ Майкопа у сліянія Куржупса съ Бѣлой, виднѣлись на далекое разстояніе живописныя земли абадзеховъ, на которыя Его Величеству и благоугодно было взглянуть. Не мало времени употреблено было на составленіе росписанія упряжнымъ лошадямъ, которыхъ при переѣздѣ изъ Майкопа въ Хамкетинскій отрядъ, по числу трехъ перепряжекъ въ Кужорской, Нижнефарской и на Кунактау, требовалось до 650 лошадей. Нужно было не только указать отъ какихъ частей, на какіе пункты должны быть выставлены лошади, но и распредѣлить ихъ по экипажамъ.

---

[1]) Кавалерійскій конвой, долженствовавшій перемѣниться по числу перепряжекъ три раза, состоялъ изъ дивизіона драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ и двухъ конно-казачьихъ орудій. М. О.

Изъ Майкопа я отправился черезъ новыя станицы Кужорскую и Нижнефарскую, урочища Кеналъ и Кунактау въ Хамкетинскій отрядъ. На этомъ восмидесяти-верстномъ разстояніи дорога пролегала преимущественно между дремучими лѣсами, въ которыхъ укрывались хищные махоши, темиргои и егерукаи. Не смотря на частые посты и пикеты, расположенные по дорогѣ между Майкопомъ и станицей Нижнефарской, сообщеніе даже днемъ не могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ; по ночамъ-же оно для жителей совершенно прекращалось. Отъ Нижнефарской же до отряда—и днемъ не иначе можно было проѣхать, какъ съ конвоемъ. При посредствѣ-же конвоя, правда небольшого, производилось сообщеніе отряда и съ Лабинской линіей. Поэтому для безопаснаго проѣзда царя, кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго конвоя, назначено было шесть батальоновъ при двѣнадцати орудіяхъ, расположенныхъ эшелонами между Майкопомъ и Хамкетинскимъ отрядомъ.

Хамкетинскій отрядъ, состоявшій изъ семи батальоновъ, двухъ сотенъ и восьми орудій, былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія Хамкеты, на Псефири, притокѣ Фарса. Начальникомъ этого отряда былъ командиръ Севастопольскаго полка, полковникъ Лихутинъ, бывшій офицеръ генеральнаго штаба, спартанецъ по жизни, попечительный и заботливый о подчиненныхъ, хотя разсчетливый до скупости, но не дозволявшій себѣ жить на счетъ солдата.

По прибытіи въ Хамкетинскій отрядъ моей первой заботой было избрать новую лагерную позизію, на которой предполагалось сосредоточить, кромѣ кавалеріи, не менѣе четырнадцати батальоновъ при двадцати орудіяхъ, и приступить къ постановкѣ на этой позиціи царской ставки.

Объѣхавъ окрестности, я избралъ для новаго лагеря возвышенное плато, между Фарсомъ и его притокомъ Аллеркушемъ. Съ юго-западной стороны чернѣлись лѣсистыя предгорія главнаго Кавказскаго хребта; на сѣверо-западѣ за Фарсомъ виднѣлась верстъ на десять волнистая мѣстность; въ пяти верстахъ на юго-востокѣ находилось укрѣпленіе Хамкеты, затѣмъ низовья Фарса и оба берега Псефири были покрыты дремучимъ лѣсомъ. Избранная позиція была выгодна не только въ тактическомъ, но

и въ хозяйственномъ отношеніи; вода и лѣсъ въ изобиліи находились подъ рукой. Одно неудобство ея состояло въ томъ, что начиная отъ Кунактау, на разстояніи почти шестнадцати верстъ, тянулся бездорожный лѣсъ. Однако, благодаря знанію своего дѣла инженера путей сообщенія, капитана Богушевича, черезъ этотъ лѣсъ, въ продолженіи двадцати дней, была устроена до такой степени хорошая дорога, что заслужила Высочайшую благодарность.

Не мало времени потребовалось на составленіе проекта по устройству царской ставки. По моему убѣжденію необходимо было, чтобы она не только величественно возвышалась надъ всѣмъ лагеремъ, но и отличалась бы своимъ убранствомъ. Мало того, что на эту царскую ставку съ благоговѣніемъ и любовью смотрѣли бы тысячи глазъ окружавшихъ ее преданныхъ воиновъ, но чтобы поражались ею, какъ добровольно пріѣзжавшіе въ лагерь горцы, такъ депутаты отъ абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ, которые предстанутъ передъ лицемъ нашего монарха.

Сдѣлавъ всѣ окончательныя распоряженія по устройству дороги и царской ставки, я отправился для осмотра остальнаго Залабинскаго пространства, по которому, согласно первоначальнаго, но впослѣдствіи измѣненнаго маршрута, долженъ былъ проѣхать Государь Императоръ. Этотъ путь проходилъ черезъ вновь устроенныя станицы Губскую, Переправную, Промежуточную, откуда черезъ Ирисское ущелье въ укрѣпленіе Псебай, штабъ-квартиру Севастопольскаго полка, а изъ этого укрѣпленія черезъ станицы Псеменскую, Ахметовскую, Андрюкскую въ укрѣпленіе Каладжи.

По возвращеніи изъ поѣздки въ отрядъ было приступлено къ вырубкѣ на новой лагерной позиціи кустовъ, проведенію на ней шоссированныхъ дорогъ, устройству спусковъ, въ особенности на Аллеркушѣ, текущемъ въ крутыхъ берегахъ, и постановкѣ Царской ставки. И все это было окончено къ 14-му сентября, т. е. за три дня до пріѣзда Государя Императора, когда были передвинуты и войска съ стараго лагеря на заблаговременно опредѣленныя имъ мѣста. До того же времени охраненіе новой лагерной позиціи было возложено на Кабардинскій стрѣлковый баталіонъ, энергичный и распорядительный командиръ котораго подполковникъ Гейманъ руководилъ и всѣми работами. Это тотъ

самый Гейманъ, который съ Даховскимъ отрядомъ покорилъ абадзеховъ и убыховъ, а въ послѣднюю турецкую кампанію геройски предводительствовалъ войсками подъ Ардаганомъ, Авліяромъ и Аладжами. Это тотъ самый Гейманъ, который въ 1878 году сталъ жертвой тифа въ Эрзерумѣ, не устоявшемъ передъ мужественною храбростью предводительствуемыхъ имъ войскъ.

Для бо̀льшаго простора и соблюденія внутренней чистоты новая лагерная позиція была широко раскинута и занимала бо̀льшее пространство, нежели слѣдовало для окружавшихъ ее 12 батальоновъ и 20 орудій. Пѣхота была расположена развернутыми баталіонами, а артиллерія на большихъ интервалахъ. Притомъ въ лагерѣ не было ни обоза частей, ни маркитантскихъ и другихъ торговцевъ повозокъ. Все это сосредоточивалось въ отдѣльномъ вагенбургѣ, въ полуверстѣ устроенномъ и охраняемомъ шестью ротами. Между лагеремъ и вагенбургомъ были расположены двѣ сотни и милиція. Тутъ же должна была расположиться бивуакомъ и кавалерія, конвоирующая царскій поѣздъ.

Посреди лагеря возвышалась бѣлоснѣжная ставка, надъ которой, на саженномъ шестѣ, развѣвался трехъ-цвѣтный шерстяной флагъ. Ставка была длиною въ пять, шириною въ двѣ и высотою въ полторы сажени; она состояла изъ залы съ главнымъ входомъ въ четыре окна, корридора съ боковыми выходами, спальни въ два окна и боковой комнатки въ одно окно. Внутренняя отдѣлка была шелковая и шерстяная съ деревяннымъ поломъ, покрытымъ коврами; канделябры по угламъ залы изъ ружейныхъ стволовъ и шомполовъ, кенкеты на стѣнахъ изъ штыковъ, курковъ и другихъ мелкихъ оружейныхъ принадлежностей. Кромѣ того еще былъ отдѣльный столовый навѣсъ, подъ которымъ за разставленными столами могло свободно помѣститься до сорока человѣкъ. Расположенныя вокругъ ставки двадцать офицерскихъ палатокъ, предназначенныя для царской свиты и начальствующихъ лицъ Кавказа, окружали, какъ пигмеи своего великана.

И поистинѣ сказать величественна и красива была Царская ставка. Меня утѣшало и радовало то, что я достигъ желаемаго. Пріѣзжавшіе ко мнѣ старшины и депутаты, сначала отъ ближнихъ абадзеховъ, потомъ отъ дальнихъ обществъ, а наконецъ отъ шапсуговъ и убыховъ поражались ея величиной и убран-

ствомъ. Въ особенности она была эфектна при освѣщеніи. Разъ я пригласилъ пріѣхавшихъ ко мнѣ нѣсколькихъ абадзехскихъ старшинъ посмотрѣть ставку и одновремено съ тѣмъ, какъ окна были закрыты, свѣчи въ канделябрахъ и кенкетахъ мгновенно зажглись посредствомъ пирокселиновой нитки, то одни изъ моихъ дикарей-гостей упали ницъ, взывая къ Аллаху, тогда какъ другіе съ ужасомъ выбѣжали изъ ставки.

Пріѣзжавшихъ въ лагерь горцевъ я радушно принималъ и угощалъ. Бесѣдуя съ ними, разумѣется черезъ переводчика, я узналъ, что въ верховья Бѣлой,—а именно въ Даховскомъ обществѣ, — кромѣ дальнихъ абадзеховъ, прибыло много шапсуговъ, убыховъ и представителей отъ другихъ горныхъ обществъ; что ближніе абадзехи съ покорностью отдаютъ себя въ наше распоряженіе, тогда какъ шапсуги, и въ особенности убыхи, требуютъ войны, или ухода русскихъ за Лабу. Представителямъ послѣднихъ я совѣтывалъ не предлагать никакихъ условій, а тѣмъ болѣе требованій, и ожидать милости отъ великодушія Императора. Но, какъ увидимъ, эти мои совѣты были безполезны.

Бывшимъ у меня старшинамъ и депутатамъ было повторено, но болѣе категорически и съ нѣкоторыми дополненіями, все то, что было объявлено абадзехамъ, шапсугамъ и натухайцамъ графомъ Евдокимовымъ, еще въ началѣ августа: что сборы, въ какомъ бы числѣ они ни были, не должны спускаться ниже такъ называемыхъ Черныхъ горъ, а тѣмъ болѣе являться въ виду нашихъ укрѣпленій и расположенія войскъ; что съ 16-го числа, кануна пріѣзда Государя Императора, никто изъ горцевъ не долженъ приближаться къ лагерю на пушечный выстрѣлъ, и что по такимъ ослушникамъ будутъ стрѣлять; если же будутъ захвачены, то съ ними будетъ поступлено, какъ съ военноплѣнными [1]); что пріемъ депутаціи будетъ зависѣть отъ воли нашего царя, и что она должна дожидаться въ верховьяхъ Фарса особаго объ этомъ извѣщенія [2]).

[1]) Это распоряженіе не было исключительнымъ только для хамкетинскаго отряда, а касалось до всѣхъ мѣстъ Закубанскаго и Залабинскаго пространства, въ которыхъ Государь Императоръ останавливался для ночлеговъ, завтраковъ и обѣдовъ. М. О.

[2]) Еще въ августѣ было объявлено, что горская депутація — если послѣдуетъ на это высочайшее соизволеніе — будетъ принята въ одномъ только

Въ ночь съ 15-го на 16-е число былъ отправленъ мною въ Майкопъ съ письмомъ къ графу Евдокимову отрядный начальникъ штаба, генеральнаго штаба подполковникъ Цытовичъ, (нынѣ генералъ и командующій 39 пѣхотною дивизіею), въ которомъ были изложены всѣ подробности, относящіяся до пріема Государя Императора. Въ заключеніи письма я убѣдительно просилъ графа Евдокимова не предпринимать поѣздки за Бѣлую, а выѣхать изъ Майкопа пораньше; въ противномъ же случаѣ лучше передневать въ этомъ укрѣпленіи. Ту же самую просьбу долженъ былъ передать на словахъ подполковникъ Цытовичъ и начальнику главнаго штаба, А. П. Карцеву. Побудительной причиной, заставившей обратиться меня съ этой просьбой, было опасеніе поздняго прибытія въ лагерь Государя Императора, что могло случиться по дальности разстоянія и не вполнѣ хорошему состоянію дороги. Какъ сказано выше, между Майкопомъ и отрядомъ считалось до 80 верстъ и нужно было проѣзжать по довольно гористой мѣстности. Слѣдовательно, чтобы прибыть въ отрядъ засвѣтло и притомъ не встрѣтивъ въ пути остановокъ, нужно было выѣхать изъ Майкопа до полудня. Но, къ сожалѣнію, мои доводы оставлены были безъ вниманія.

По возвращеніи изъ рекогносцировки за Бѣлой, Государь Императоръ выѣхалъ изъ Майкопа около часу, слѣдовательно, при скорой и благополучной ѣздѣ, въ отрядъ ранѣе шести часовъ пріѣхать было невозможно. На самомъ же дѣлѣ случилось не такъ. Упущена была изъ виду одна природная случайность—неожиданно разразившаяся гроза. И, дѣйствительно, она была неожиданная, потому что до вечера 17-го числа погода была великолѣпная: хотя жаркіе, но не душные дни; пріятные вечера; хотя прохладныя, но тихія ночи. При томъ разразись эта гроза днемъ, то кромѣ оживленія природы она другого ощущенія не произвела бы. Нѣтъ, какъ на зло и горе, эта гроза, сопутствуемая порывистымъ вѣтромъ, сильнымъ дождемъ, ослѣпительной молніей и страшными ударами грома, разразилась съ солнечнымъ закатомъ, въ то время, когда царскій поѣздъ былъ на половинѣ

мѣстѣ, а именно въ хамкетинскомъ отрядѣ. Особымъ же повелѣніемъ дано было мнѣ знать, что депутація въ числѣ 50 человѣкъ будетъ принята Государемъ Императоромъ на другой день прибытія Его Величества въ отрядъ.

М. О.

путп между Кунактау и лагеремъ, слѣдовательно не менѣе часа требовалось на переѣздъ остальныхъ семи верстъ.

Кто живалъ на югѣ, тому хорошо извѣстно, какъ коротки тамъ сумерки и какъ быстръ переходъ отъ дневнаго свѣта къ ночной темнотѣ. А въ описываемомъ случаѣ густыя черныя тучи ускорили этотъ переходъ, а высокорастущій лѣсъ, которымъ нужно было проѣзжать, сдѣлалъ темноту непроницаемою. Однако факелы, розданные заблаговременно казакамъ, составляющимъ конвой, вывели изъ бѣды и мрака. И только одни факелы оказались въ этомъ случаѣ полезными; заливаемые же дождемъ костры и смоляныя бочки, разложенныя и разставленныя по обѣимъ сторонамъ дороги, болѣе дымились, нежели освѣщали.

Но этимъ не кончились мои огорченія и треволненія. Минутъ за десять до прибытія царя даютъ мнѣ знать, что навѣсъ съ кухни снесенъ вѣтромъ, а плита залита дождемъ. Какъ не придти въ отчаяніе отъ такого извѣстія. Пріѣдутъ ожидаемые высокіе гости утомленные, измокшіе, голодные, и должны ожидать приготовленія новаго обѣда, или кушать то, что уцѣлѣло и неиспорчено. Однако это извѣстіе оказалось невѣрнымъ и преувеличеннымъ. Навѣсъ, дѣйствительно, былъ сорванъ, но только съ моей походной кухни, гдѣ обѣдъ приготовлялся для адъютантовъ, ординарцевъ и другихъ разночинцевъ. Не успѣлъ я успокоиться, какъ страшный ударъ, сопровождаемый трескомъ и сотрясеніемъ, снова встревожилъ меня. Но это было паденіе огромной сосны въ Аллеркушъ, свергнутой громовымъ ударомъ съ отвѣсной, въ нѣсколько саженъ, высоты лѣваго берега этой рѣчки.

Въ три четверти восьмаго безмолвный, волнуемый ожиданіями лагерь мгновенно оживился и принялъ торжественно-воинственный видъ. Звуки музыки и барабановъ, ура болѣе восьми тысячъ человѣкъ, пальба орудій привѣтствовали въѣздъ русскаго царя въ лагерь и огласили горы и лѣса западнаго Кавказа. Но гроза, хотя стихающая, значительно умалила торжественность этого въѣзда, потому что лагерь представился мрачнымъ. Расположенныя группами плошки, уставленные пирамидально шкалики, развѣшанные фестонами разноцвѣтные фонари, какъ задуваемые вѣтромъ и заливаемые дождемъ, не могли горѣть. Лагерь только и освѣщался факелами, да горѣвшими внутри каждой солдатской

палатки свѣчами. При томъ вездѣ было сыро, грязно, а во впадинахъ даже образовались лужи. Дуло и капало въ простыхъ офицерскихъ домикахъ, предназначенныхъ для генералъ-адъютантовъ графа Адлерберга, князя Долгорукаго и графа Ламберта, лейбъ-медика Энохина, флигель-адъютанта Рылѣева и остальной свиты. Тоже самое происходило и въ столовой. Только внутренность царской ставки не подверглась никакимъ перемѣнамъ отъ разразившейся грозы.

Такъ какъ составлявшіе свиту монарха прибыли въ лагерь промокшими, прозябшими, а главное проголодавшимися, то они нашли царскую ставку изящною, а обѣдъ, обратившійся въ ужинъ, вкуснымъ, въ особенности остались довольны изобиліемъ закусокъ и разнообразіемъ напитковъ. За исключеніемъ лейбъ-медика Энохина, всѣ гости остались довольны и приготовленнымъ для нихъ лагернымъ помѣщеніемъ; онъ же выразилъ свое неудовольствіе на то, что ему дана была палатка не подбитая сукномъ. Но я въ этомъ былъ неповиненъ, потому что во всемъ лагерѣ оказались только три палатки, въ томъ числѣ и моя, подбитыя сукномъ, которыя и были отданы подъ помѣщеніе генералъ-адъютантовъ князя Долгорукаго и графовъ Адлерберга и Ламберта. Неповиненъ былъ и въ томъ, что адъютанты, ординарцы и другіе разночинцы встали изъ-за стола не вполнѣ насыщенными. Виною этому, какъ извѣстно, была разразившаяся грозой природа.

Къ полуночи лагерь безмолствовалъ, ради утомленныхъ именитыхъ гостей, предавшихся отдохновенію. Бодрствовали одни только усиленные караулы, да передовые посты, расположенные вокругъ лагеря. Бодрствовалъ далеко за полночь и я со своимъ штабомъ. Нужно было о многомъ распорядиться и отдать разныя приказанія, касающіяся до завтрашняго дня. Много было потрачено времени на составленіе—при посредствѣ царскаго повара француза—кромѣ завтрака, обѣда на сорокъ человѣкъ, потому что, кромѣ государевой свиты, къ обѣденному столу были приглашены всѣ начальники частей.

Однако и остальной мой сонъ въ эту ночь не былъ продолжителенъ. Съ восходомъ солнца, появившагося во всей красѣ изъ-за Кунактау, я былъ уже на ногахъ. И хорошо, что такъ случилось. Не успѣлъ я обойти лагерь и быть у графа Адлер-

берга и князя Орбельяни, какъ Государь Императоръ, одѣтый въ пальто, вышелъ изъ своей ставки. Полюбовавшись съ нагорнаго берега Фарса на Кавказскій хребетъ и его лѣсистыя предгорья и, обойдя лагерь съ юго-западной стороны по линіи лейбъ-эриванскаго и грузинскаго резервныхъ, а также 20-го стрѣлковаго батальоновъ, дивизіона казачьей артиллеріи и нижегородскихъ драгунъ, конвоировавшихъ наканунѣ поѣздъ отъ Кунактау, Его Величество возвратился въ свою ставку.

По окончаніи завтрака, поданнаго въ полдень и за которымъ присутствовали государева свита и начальствующія лица Кавказа, двѣ разнородныя картины представляли лагерь и лѣсистыя предгорія Фарса. Одновременно съ тѣмъ, какъ оставшіеся свободными отъ войскъ, охраняющихъ лагерь, восемь батальоновъ, четыре эскадрона драгунъ, пять сотенъ казаковъ и милиціи, при двѣнадцати орудіяхъ, выстраивались въ колоннахъ, начиная отъ царской ставки до Маврюкъ-гоя и далѣе по дорогѣ за это урочище [1]),—лѣсистыя предгорія верховьевъ Фарса начали наполняться сотнями (преимущественно конныхъ) абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ. Въ то время, когда войска, построенныя для смотра, привѣтствовали громкимъ ура, смѣшаннымъ со звуками музыки, громомъ барабановъ, проѣзжавшаго по фронту любимаго монарха,—въ верховьяхъ Фарса раздавались бранные и раздражительные крики тѣхъ изъ молодыхъ горцевъ, которые желали ѣхать вмѣстѣ съ депутатами въ нашъ лагерь, чего старшины не могли дозволить потому, что это противно было условіямъ, объявленнымъ имъ графомъ Евдокимовымъ наканунѣ въ Майкопѣ. Въ то время, когда вышеозначенныя войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо царя, хотя не такъ стройно, какъ гвардія на Марсовомъ полѣ, но съ свойственною кавказскому солдату своеобычностью и молодцоватостью,—отъ сборища горцевъ, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, (расположившихся

[1]) Урочище Маврюкъ-гой съ находящейся на немъ рощей примыкало къ восточному фасу лагеря. Это урочище огибала дорога, ведущая съ Кунактау и по которой въѣхалъ Государь Императоръ въ лагерь. Маврюкъ-гой по живописности своего мѣстоположенія былъ любимымъ мѣстомъ нижнихъ абадзеховъ. Подъ его развѣсистыми чинарами и дубами любили они собираться и разсуждать о своихъ дѣлахъ. М. О.

противъ югозападнаго фаса лагеря, занятаго тремя батальонами съ шестью заряженными орудіями),—отдѣлилось пятьдесятъ всадниковъ на разномастыхъ лошадяхъ и въ разнородныхъ костюмахъ. Въ толпѣ этой были и панцырники, и кольчужники, и вооруженные длинными азіатскими винтовками, и даже луками и колчанами со стрѣлами. Эта толпа преимущественно пестрѣла черными, бѣлыми и сѣрыми папахами; однако виднѣлись и чалмы, покрывавшія головы эфендіевъ, хаджи и муллъ. Эти пятьдесятъ всадниковъ и составляли депутацію отъ абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ обществъ западнаго Кавказа.

Представъ предъ Государемъ Императоромъ спѣшенными и обезоруженными, они были приняты великодушно явившимся передъ ними русскимъ царемъ. Но такъ какъ заявленія депутатовъ были требовательны, то имъ объявлено было, что въ продолженіи мѣсяца они должны окончательно рѣшить: желаютъ-ли выселиться изъ горъ на указанныя имъ мѣста, или переселиться въ Турцію? Въ противномъ же случаѣ, съ наступленіемъ ноября, откроются военныя дѣйствія и ихъ заставятъ исполнить уже силою оружія то или другое.

Съ отбытіемъ депутаціи произведенъ былъ Государемъ Императоромъ объѣздъ лагеря съ окрестностями. Въ особенности Его Величество долго пробылъ на передовой позиціи и въ вагенбургѣ. Первая находилась на Фарсѣ, правый берегъ котораго былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и гдѣ пролегала арбяная дорога. Занимавшій эту позицію гренадерскій стрѣлковый батальонъ, построенный развернутымъ фронтомъ вдоль по дорогѣ, громкимъ ура привѣтствовалъ проѣзжавшаго царя. Еще болѣе громкіе крики огласили горы и лѣса, когда Государь Императоръ, томимый жаждою, по причинѣ жаркаго дня, выпилъ стаканъ вина за здоровье храбрыхъ стрѣлковъ. Такое же ура раздалось на противуположной сторонѣ лагеря, въ то время, когда царь объѣзжалъ семь стрѣлковыхъ ротъ (линейныхъ батальоновъ), охранявшихъ вагенбургъ, въ которомъ былъ сосредоточенъ не только обозъ всѣхъ частей отряда, но повозки маркитантовъ и другихъ торговцевъ.

Въ шесть часовъ, послѣ разнообразной закуски, начался царскій обѣдъ, за которымъ, кромѣ государевой свиты и главныхъ начальствующихъ лицъ, участвовали командиры полковъ, бата-

рей и отдѣльныхъ батальоновъ. Не смотря на то, что онъ происходилъ подъ холщевымъ навѣсомъ и среди лѣсовъ и горъ, обитаемыхъ дикими горцами, но, благодаря содѣйствію царскаго повара-француза, его можно было сопричислить къ числу вкусныхъ и искусно составленныхъ обѣдовъ. Въ составъ меню входили супъ à la tortue, пюре изъ дичи, кулебяка съ живою форелью, разныхъ сортовъ пирожки, индѣйки съ трюфлями, соте изъ дикой козы, разныхъ сортовъ зелень, дичь на жаркое, желе и сюпремъ на пирожное. И все это запивалось дорогими винами и, если не замороженнымъ, то холоднымъ шампанскимъ, ящики съ которымъ были опущены въ родники, въ изобиліи бьющіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ставки.

Но вотъ наступила минута высокаго торжества, умилительнаго восторга, грознаго величія, когда воздухъ потрясся тысячами голосовъ, кричавшихъ ура, смѣшанными съ боевыми выстрѣлами изъ орудій и залпами изъ ружей. Такъ откликнулся весь отрядъ, когда командующій кавказскою арміею князь Орбельяни, послѣ краткой, но прочувствованной рѣчи, провозгласилъ тостъ за августѣйшаго гостя. И въ то время, когда эти воинственные крики, исходящіе изъ глубины сердецъ вѣрноподданныхъ, и громъ оружія разносились по лѣсамъ и горамъ непокорнаго еще западнаго Кавказа, лагерь освѣтился тысячами плошекъ, шкаликовъ и китайскихъ разноцвѣтныхъ фонарей, между которыми горѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ транспоранты. Одновременно съ этимъ запылали десятки огромныхъ костровъ, расположенныхъ на возвышенностяхъ вокругъ лагеря.

При такой, если можно такъ выразиться, феерической батальной картинѣ, по окончаніи обѣда, все послѣдовало за гостемъ-вѣнценосцемъ на террасу, устроенную на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лагерной позиціи. Это хотя недалекое, но торжественное шествіе совершилось при неумолкаемомъ ура болѣе десяти тысячъ голосовъ, пальбѣ изъ орудій и ружей. Здѣсь на террасѣ были поданы кофе и разныхъ сортовъ ликеры. Пребываніе на этой террасѣ закончилось вечернею зарею съ церемоніей, послѣ чего Государь Императоръ изволилъ отправиться съ нѣсколькими изъ приглашенныхъ лицъ въ свою ставку.

И въ то время, когда русскій царь, среди умолкшаго, но еще

пылающаго огнями лагеря игралъ въ вистъ съ своими приближенными, въ верховьяхъ Фарса происходили трагическія сцены, столь присущія горцамъ, при возбужденномъ состояніи. А намъ извѣстно, что они находились въ такомъ непормальномъ настроеніи еще до отправленія депутаціи. Когда же о царскомъ отвѣтѣ узнано было въ непріятельскомъ станѣ, то одновременно съ тѣмъ, какъ абадзехи, въ особенности ближніе, пришли въ уныніе, шапсуги съ убыхами явились подстрекателями. Много было употреблено усилій и убѣжденій со стороны стариковъ, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи. Не разъ обнажались кинжалы и шашки, и даже дошло до незначительной кровавой схватки.

19-го сентября, не смотря на утомленіе, происходящее не столько отъ усталости, сколько отъ треволненій, я съ восходомъ солнца былъ уже на ногахъ. День былъ такой же прекрасный, какъ и предшествовавшій. Озаряемый лучами солнца, живописенъ былъ вообще Кавказскій хребетъ, въ особенности же картиннымъ представлялось открытое пространство, находящееся впереди лѣсистыхъ предгорій, изъ которыхъ беретъ свое начало Фарсъ. Это пространство было усѣяно многочисленными толпами пѣшихъ горцевъ, впереди которыхъ скакали, гикали, стрѣляли сотни всадниковъ. Пѣшія толпы состояли изъ пріунывшихъ абадзеховъ, махошъ, темиргоевъ, егерукаевъ; послѣднихъ же составляли убыхи, шапсуги и раздраженная молодежь дальнихъ абадзеховъ. Все это происходило верстахъ въ двухъ отъ лагеря; подъѣзжать же ближе они не дерзали изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ изъ нашихъ орудій.

По случаю воскреснаго дня Государь Императоръ оставилъ Хамкетинскій отрядъ въ десять часовъ, послѣ ранней обѣдни, отслуженной въ походной церкви, при пальбѣ изъ орудій и громкихъ крикахъ ура бѣжавшихъ за нимъ солдатъ. Когда проѣхали Маврюкъ-гойское урочище, то Его Величество, остановивъ лошадь, подозвалъ меня къ себѣ. Подавъ мнѣ руку на прощанье, выразивъ въ самыхъ милостивыхъ словахъ свою благодарность и пожелавъ всего хорошаго какъ мнѣ, такъ и войскамъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, закончилъ, указывая на верховья Фарса, слѣдующими словами: „Постарайся до времени не раздра-

жать твоихъ разгнѣванныхъ сосѣдей". Привѣтливо разстались со мною князь Долгоруковъ, графы Адлербергъ и Ламбертъ, а равно всѣ другіе пріѣзжавшіе съ царемъ гости.

Раздававшіеся послѣдовательно орудійные выстрѣлы въ укрѣпленіи Хамкеты и станицахъ Губской и Переправной возвѣщали проѣздъ Государя Императора черезъ эти мѣста. Наконецъ, новые салютаціонные выстрѣлы, раздавшіеся въ два часа, возвѣстили о благополучномъ прибытіи русскаго царя въ укрѣпленіи Каладжи, находящемся уже на правомъ берегу Большой Лабы.

Но такіе салютаціонные выстрѣлы были не послѣдніе на непріятельской землѣ. Государь Императоръ, послѣ ночлеговъ—въ станицѣ Темиргоевской, штабъ-квартирѣ Тверскаго драгунскаго полка, и городѣ Екатеринодарѣ,—по переправѣ черезъ Кубань, у Псебедаха, изволилъ совершить переѣздъ по землѣ натухайцовъ въ укрѣпленіе Константиновское, находящееся на берегу Чернаго моря, гдѣ не только зачастую рыскали хищническія партіи шапсуговъ, но и появлялся непріятель въ большихъ массахъ, какъ, напримѣръ, это случилось при нападеніи на постъ Георгіевскій и станицу Ново-Баксанскую.

Этимъ заканчиваю мое описаніе, потому что дальнѣйшее путешествіе монарха, изъ укрѣпленія Константиновскаго къ берегамъ Абхазіи и Мингреліи, было совершено на пароходѣ по Черному морю.

М. Я. Ольшевскій.

Примѣчаніе отъ редакціи. Настоящій разсказъ изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго мы препровождали на прочтеніе графу А. В. Адлербергу, какъ ближайшему лицу къ покойному Государю Императору Александру II и его сопутнику въ путешествіяхъ. Графъ Александръ Владиміровичъ отвѣчалъ намъ:

7-го февраля 1884 г.

„Возвращая у сего записку генерала Ольшевскаго о поѣздкѣ покойнаго Государя на Кавказъ въ 1861 году, прошу васъ принять выраженіе моей признательности за доставленное мнѣ удовольствіе прочесть воспоминанія объ одномъ изъ пріятнѣйшихъ эпизодовъ моей жизни и службы при покойномъ Государѣ. Онъ

самъ часто вспоминалъ съ удовольствіемъ объ описываемомъ достойнымъ и уважаемымъ М. Я. Ольшевскимъ посѣщеніи Западнаго Кавказа; разсказъ его совершенно вѣренъ, и для современниковъ и свидѣтелей весьма интересенъ.

„Исполняя любезное предложеніе ваше вписать мое имя въ вашу коллекцію автографовъ, прошу в. п. и проч.

Гр. А. В. Адлербергъ".

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Записки барона Н. А. Корфа.

VI [1]).

Постараюсь съ полною искренностію ознакомить читателей съ тѣмъ, чему и какъ насъ учили въ лицеѣ двадцать восемь и болѣе лѣтъ тому назадъ; полагаю, что непредубѣжденный читатель, выслушавъ меня, согласится со мною въ томъ, что обученіе въ лицеѣ представляло многія слабыя стороны, но что тѣмъ не менѣе не мало есть и основаній для моей признательности лицею и нѣтъ данныхъ на то, чтобы сравнительно съ университетами отзываться о лицеѣ того времени, какъ о ничтожествѣ. Начну съ того, что обученіе продолжалось въ то время, какъ и теперь, шесть лѣтъ, но курсы были не годовые, какъ въ настоящее время, но полуторагодовые, а потому курсовъ было всего четыре и экзамены держались при переходѣ изъ курса въ курсъ; это представляло ту выгоду, что терялось меньше времени на экзамены, которыхъ было, считая и выпускной, всего четыре, а не шесть. Впрочемъ случайность, неразлучная съ экзаменомъ, въ значительной степени ослаблялась для послѣднихъ трехъ лѣтъ обученія, соотвѣтствовавшихъ университетскому курсу, такою организаціею репетицій въ теченіе года, которой я съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло стало моею спеціальностію, не встрѣчалъ нигдѣ, ни въ Россіи, ни за-границей; эта организація была на столько цѣлесообразна и оригинальна, что я позволю себѣ озна-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, мартъ, стр. 545—574; томъ XLII, апрѣль, стр. 131—138.

комить съ нею читателя. Въ первые три года обученія въ лицеѣ спрашивали уроки, какъ въ гимназіяхъ, т. е. часть учебнаго часа затрачивали на преподаваніе, а остальное время на вопросы или же особый часъ посвящали переспрашиванію, никогда не имѣя возможности переспросить всѣхъ тридцати воспитанниковъ курса; понятно, что мы, какъ и гимназисты, всегда спекулировали на то, спросятъ ли меня сегодня, или нѣтъ? Не такъ стояло дѣло въ послѣдніе три года обученія, которые назывались старшимъ курсомъ. Для того, чтобы понять организацію „репетицій“ въ этомъ курсѣ, представимъ себѣ, что учебный годъ начинается съ января мѣсяца; въ январѣ воспитанники совершенно свободны ежедневно до 12 часовъ, а профессора посѣщаютъ ихъ съ 12 часовъ и до 4 часовъ читаютъ имъ лекціи, никогда не предлагая имъ вопросовъ. Въ февралѣ и послѣдующіе мѣсяцы лекціи продолжаются ежедневно отъ 12 до 4 часовъ; но независимо отъ этого каждый изъ профессоровъ бываетъ въ лицеѣ одинъ разъ въ недѣлю, а за мѣсяцъ четыре раза, отъ 9 часовъ утра до 11 часовъ для „репетиціи“, т. е. для провѣрочнаго испытанія по содержанію только тѣхъ лекцій, которыя прочитаны въ предъидущій мѣсяцъ. Такъ какъ каждый профессоръ бываетъ по четыре раза для провѣрки одной и той-же части курса, то приблизительно 25 воспитанниковъ класса подраздѣлены на четыре группы, называвшіяся „смѣнами“, и каждый день каждая смѣна сдаетъ по репетиціи только по одному предмету. Начавъ учебный годъ съ января мѣсяца, представимъ себѣ теперь, положимъ, первый учебный день февраля: отъ 9 часовъ до 11 час. 1-я смѣна имѣетъ репетицію по физикѣ, 2-я смѣна—по исторіи, 3-я смѣна по государственному праву, а 4-я по исторіи французской словесности. Результатомъ такого распредѣленія „репетицій“ было то, что на смѣну изъ шести или семи слушателей каждый профессоръ располагалъ двумя часами для того, чтобы провѣрить, какъ усвоено содержаніе не болѣе осьми лекцій, съ которыми требовалось такого знакомства, чтобы слушатель былъ въ состояніи дать въ нихъ отчетъ безъ одного наводящаго вопроса, какъ бы самъ прочитать лекцію. Такой обстоятельной провѣркѣ подвергался непремѣнно каждый слушатель изъ всѣхъ предметовъ, изъ всего пройденнаго по каждому предмету. За каждую мѣсячную репетицію ставилась

отмѣтка и права при выпускѣ предоставлялись не согласно случайностямъ, сопряженнымъ со всякимъ экзаменомъ, но на основаніи средняго вывода изъ мѣсячныхъ репетицій за три года, одного переводнаго экзамена и выпускнаго. Если уже существуетъ такая система воспитанія, которая считаетъ возможнымъ предоставленіе чиновъ за успѣхи въ школѣ, то нельзя не сочувствовать тому, что въ лицеѣ моего времени выпускной результатъ зависѣлъ не только отъ того, что слушатель подзубрилъ къ экзамену, но отъ того, сколько онъ проявилъ настойчивости въ занятіяхъ въ теченіе трехъ лѣтъ; на этихъ же основаніяхъ выдавались и медали, при чемъ принималось въ разсчетъ и такъ называемое „поведеніе“, но такъ, что я, напримѣръ, удостоенъ серебряной медали, вмѣсто золотой, за то, что два съ половиною года до выпуска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ курилъ и такъ не ловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куренье въ карцерѣ. Крайне нелѣпо было бы рекомендовать что нибудь похожее на репетицію для университетовъ, которые предназначаются не для юношества только, но должны быть доступны всѣмъ взрослымъ, ищущимъ научнаго образованія по той, или иной спеціальности; но едва ли существовавшая въ мое время система репетицій, которая примѣнялась къ юношамъ 16 и 18 лѣтъ, не содѣйствовала въ значительной мѣрѣ къ тому, чтобы мы добросовѣстно работали, подъ опасеніемъ не случайнаго, но непрерывнаго, періодически ежемѣсячно наступавшаго контроля и къ тому, чтобы мы основательно усвоивали пройденное: прослушать цѣлый курсъ, или, прослушавъ его, проотвѣчать его отъ начала и до конца и прослушать его на репетиціяхъ вновь изъ устъ товарищей—не одно и то же. Впрочемъ, отдавая справедливость системѣ ежемѣсячныхъ репетицій, придуманной нашимъ инспекторомъ Н. И. Миллеромъ, я выражаю мнѣніе нашего курса, которое господствовало въ нашей средѣ въ то самое время, когда эта система насъ же заставляла работать; производительность нашей работы увеличивалась тѣмъ, что мы, какъ я уже говорилъ, старались побольше прочесть въ связи съ лекціями профессоровъ.

Въ мое время было лишь весьма немного такихъ профессоровъ, которые, занимаясь у насъ, не читали бы лекцій и въ университетѣ. Изъ такихъ профессоровъ при мнѣ выбыли два, уна-

слѣдованные нами еще отъ Пушкинскаго лицея: Георгіевскаго, котораго мы прозывали „Пепка“, который читалъ намъ короткое время какую-то невозможную пѣшку по своей книгѣ, прозванной нами „Пепкино свинство“, замѣнилъ у насъ профессоръ Гельсингфорскаго университета и впослѣдствіи академикъ Я. К. Гротъ, который за три года прочиталъ намъ весьма обстоятельный курсъ исторіи русской словесности, при чемъ меня и многихъ моихъ товарищей заражалъ своею высокою человѣчностію и назидательностію примѣра неусыпнаго труда подъ вліяніемъ любви къ своему дѣлу. Никакъ не сильнѣе Георгіевскаго былъ профессоръ Оболенскій, бывшій инспекторомъ въ Царско-Сельскомъ лицеѣ; въ мое время онъ, подъ именемъ государственнаго права, читалъ намъ русскіе государственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи права, сравнительнаго законодательства и исторіи права и притомъ по когда-то налитографированнымъ запискамъ, содержаніе которыхъ онъ зналъ наизусть и которое онъ могъ поэтому произносить во снѣ; результатомъ такого преподаванія было то, что и на „репетиціяхъ“ нѣкоторые изощрились считывать отвѣтъ свой по запискамъ, раскрытымъ за спиною дремлющаго профессора. Не преподавалъ въ университетѣ и профессоръ П. П. Шульгинъ, бывшій въ мое время главнымъ наблюдателемъ по преподаванію исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и читавшій лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія, въ лицеѣ и старшихъ классахъ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ ни мало воспитывалъ насъ курсъ исторіи, но нельзя приравнивать П. Шульгина къ Георгіевскимъ и Оболенскимъ. Шульгинъ былъ человѣкъ очень знающій и способный, обладалъ хорошимъ даромъ слова, но къ тому времени, когда мнѣ пришлось его слушать, устарѣлъ и пересталъ трудиться надъ наукой и, пользуясь своимъ генеральскимъ чиномъ, былъ гораздо болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы новыя перепечатки составленныхъ имъ руководствъ находили себѣ сбытъ, такъ какъ онъ былъ обремененъ чрезвычайно многочисленнымъ семействомъ, нежели тѣмъ, чтобы увлекать слушателей. Но какъ ни старо было то, что намъ преподавалъ Шульгинъ и какъ ни клонили ко сну его самого его же лекціи, но курсъ его имѣлъ большое значеніе для моего развитія: Шульгинъ начиналъ, какъ оказалось впослѣдствіи для меня изъ чтенія, съ весьма полнаго

изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо „Исторія цивилизаціи въ Европѣ“, которая представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ первыхъ, по времени, и, кажется мнѣ, до сихъ поръ еще не превзойденныхъ попытокъ прагматическаго или философскаго обзора древней и средней исторіи. Въ то время, когда я слушалъ Шульгина, я выносилъ самое сильное впечатлѣніе отъ того, что впервые для меня выяснялось, преемственность и связь между различными фазисами развитія человѣчества; впервые выступали для меня причинность и взаимная зависимость историческихъ событій, которыя до тѣхъ поръ казались мнѣ по лекціямъ С. Н. Смарагдова, не насъ однихъ, но всю Россію того времени наградившаго своими учебниками, какими-то случайными происшествіями. И. П. Шульгинъ покачивается, бывало, на каѳедрѣ, машинально въ сотый разъ повторяя одно и то же и пробуждаясь всякія двѣ, три минуты для того, чтобы плюнуть, а я усердно за нимъ записываю и млѣю подъ впечатлѣніемъ отъ строгой логики Гизо. Этотъ вступительный курсъ, съ котораго И. П. Шульгинъ начиналъ курсъ новой исторіи, настолько пробудилъ во мнѣ интересъ и любовь къ исторіи, что послѣдующее изложеніе того же профессора было для меня горькимъ разочарованіемъ: начавъ съ такого прагматическаго изложенія событій, въ которомъ удѣлялось подобающее мѣсто политической внутренней жизни народовъ, народнымъ и научнымъ движеніямъ, И. П. Шульгинъ представилъ намъ всю исторію отъ 1517 года до 1789 года ничѣмъ инымъ, какъ непрерывно смѣнявшимся стремленіемъ государствъ къ преобладанію одного надъ остальными и стремленіемъ поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ. Нельзя отрицать того, что таковъ былъ и есть характеръ международной жизни Европы; но неизмѣримо важнѣе и интереснѣе прослѣдить не за тѣмъ, какъ государства соперничали другъ съ другомъ во внѣшней политикѣ, но за внутреннею политикою главнѣйшихъ государствъ, за умственнымъ развитіемъ народовъ, которымъ часто обусловливалась и самая внѣшняя политика. И. П. Шульгинъ ничего не видѣлъ изъ-за „политическаго равновѣсія“ и настолько, что проглядѣлъ даже реформацію Лютера на цѣлыя 150 лѣтъ (отъ 1517 до 1648 г.), обусловившую всѣ европейскія событія, и періодъ реформаціи подраздѣлялъ на шесть періодовъ, называя ихъ, крайне характери-

стично для своего курса, такимъ образомъ: стремленіе Франціи къ преобладанію (намекъ на Франциска I), преобладаніе Австро-Испаніи, преобладаніе Испаніи, стремленіе Австріи къ преобладанію, преобладаніе Франціи на юго-западѣ Европы (Людовикъ XIV) и наконецъ преобладаніе Швеціи на сѣверо-востокѣ Европы (Густавъ Адольфъ). Всѣ эти шесть періодовъ профессоръ втискивалъ въ вѣкъ реформаціи, возстанія въ Нидерландахъ, англійской революціи, инквизиціи и цензуры, самыми названіями періодовъ какъ бы отводя глаза отъ главныхъ событій. Уже въ лицеѣ чувствовалъ я, слушая И. Шульгина, что тутъ дѣло не ладно, и хотѣлось мнѣ иной пищи; тѣмъ не менѣе не могу не признать того, что я Шульгину и лицею обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита, за удовлетвореніе котораго я усердно принялся послѣ выпуска изъ лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литературу исторіи и источники и за то, что на время отъ 1789 года по 1815 онъ только намекнулъ, а о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.

Теперь-то и уже давно я понимаю, что не отъ И. П. Шульгина зависѣла та поспѣшность и краткость, съ которою онъ излагалъ первую французскую революцію, а отъ того времени, когда онъ читалъ свой курсъ; умолчаніе же о девятнадцатомъ вѣкѣ пришлось тѣмъ болѣе простить профессору и лицею моего времени, что не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ университетахъ нашихъ дней весьма часто всеобщую исторію заканчиваютъ еще вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года, считая болѣе безопаснымъ предоставить молодежи случайно и безъ критики ознакомиться съ тѣмъ, что вынесено Европою съ начала текущаго вѣка вмѣсто того, чтобы посвятить ее въ это недавнее прошлое, безъ котораго настоящее вполнѣ не понятно, систематически и предостерегая отъ увлеченій и ошибокъ. Но если не помышляютъ объ этомъ теперь, то тѣмъ менѣе думали объ этомъ въ мое время, когда такой почтенный ученый и настолько развитой человѣкъ, какимъ былъ П. Д. Калмыковъ, три года читавшій намъ исторію русскаго права, настолько старался растянуть свой курсъ, чтобы—Боже сохрани!—не добраться до бывшихъ у насъ попытокъ

къ ограниченію монархической власти; хотя П. Д. Калмыкову и удалась его военная хитрость и ему удалось избѣжать щекотливой темы, лгать о которой ему не хотѣлось, но курсъ его имѣлъ для насъ большое воспитывающее значеніе въ особенности потому, что курсъ русской и всеобщей исторіи, какъ я уже говорилъ, оставался безъ всякаго вліянія на наше политическое воспитаніе.

Исторія русскаго права читалась у насъ, какъ и большинство наукъ, профессоромъ университета. Такъ и Я. Баршевъ, и Ивановскій, и Милютинъ, которые читали у насъ, Баршевъ—римское право и исторію его, юридическую энциклопедію, уголовное право и уголовное судопроизводство, Ивановскій—статистику Россіи, статистику европейскихъ государствъ, политическую экономію и дипломацію, и Милютинъ—полицейское право,—читали лекціи и въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ только по нѣкоторымъ предметамъ курсы были полнѣе; гражданское право, финансовое право и гражданское судопроизводство были у насъ, къ сожалѣнію, предоставлены злосчастному профессору Оболенскому, о которомъ я уже упоминалъ.

Всѣми юридическими науками занимался я съ такимъ увлеченіемъ въ лицеѣ, что могъ бы привести теперь, по воспоминаніямъ, подробную характеристику каждаго курса; но это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ основной мысли моей прослѣдить за тѣмъ, какое значеніе для моего воспитанія и развитія имѣлъ лицей. Поэтому я ограничусь указаніемъ на то, что лекціи названныхъ профессоровъ, кромѣ Оболенскаго, возбудили во мнѣ жажду знаній политическихъ наукъ въ такіе ранніе годы, что восемнадцати лѣтъ отъ роду я не только прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ, но изучилъ въ подлинникѣ „Духъ законовъ“ Монтескье, и драгоцѣнный экземпляръ этой книги, испещренный юношескими замѣтками, хранится до сихъ поръ въ моей библіотекѣ, какъ одна изъ первыхъ научныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ мною на мои, въ то время крайне ничтожныя, средства: до самаго выпуска изъ лицея, въ которомъ я окончилъ курсъ на двадцать первомъ году, получалъ я ежемѣсячно только по пяти рублей на извощиковъ и перчатки; но я ходилъ пѣшкомъ и пріучилъ себя никогда не надѣвать перчатокъ, а всѣ карманныя деньги,

по возможности, затрачивалъ на книги, которыя покупалъ обыкновенно на Толкучемъ рынкѣ, на Большой Садовой, для того, чтобы достались онѣ мнѣ подешевле; такимъ путемъ добылъ я себѣ и „Esprit des lois“ Montesquieu, книгу, произведшую на меня громадное впечатлѣніе. Я касаюсь всего этого для того, чтобы охарактеризовать лицей и выяснить читателю, что я имѣю основаніе быть благодарнымъ этому учебному заведенію. Съ чтеніемъ „Духа законовъ“ почти совпало, по времени, насколько могу припомнить, событіе, происшедшее только для меня одного и только во мнѣ самомъ, но событіе первой важности, также свидѣтельствующее, если не ошибаюсь, о томъ, что нашъ курсъ могъ быть благодаренъ лицею: слушая каждаго изъ профессоровъ въ отдѣльности, прислушиваясь къ тому, какъ каждый изъ нихъ надрывался для того, чтобы доказать всю важность своей науки, я сначала поддавался обаянію каждаго изъ ораторовъ по-очередно и думалъ, бывало: „и какъ бы я остался человѣкомъ, еслибы не именно этотъ благодѣтель раскрылъ предо мною тайны своей науки“. Но довольно скоро наступила минута, настолько потрясшая все мое существо, что помню ее живо: я сказалъ себѣ, что наука одна, что задача ея состоитъ въ изученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, ни что иное, какъ различныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу; я былъ необычайно счастливъ этому „открытію“ и долго, очень долго ощущалъ доставленное мнѣ имъ наслажденіе.

Полагаю, что я могъ набрести на указанную мысль, послужившую для меня новымъ побужденіемъ учиться, благодаря философскому направленію читавшихся у насъ курсовъ по юридическимъ наукамъ и благодаря тому, что исторія англійской словесности (читалъ ее лекторъ университета, чрезвычайно даровитый M-ter Schaw), а въ особенности французской—читались у насъ въ теченіе трехъ лѣтъ чрезвычайно обстоятельно, при чемъ профессора отнюдь не ограничивались разборомъ только изящныхъ произведеній съ точки зрѣнія эстетической, но старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа.

Лекціи француза А. Bougeault, котораго я уже имѣлъ случай назвать, бывали для меня и многихъ моихъ товарищей такимъ наслажденіемъ, что и нѣсколько лѣтъ спустя я не забылъ о Bougeault и въ водоворотѣ парижскихъ развлеченій, и разыскалъ его въ Парижѣ, куда онъ къ тому времени удалился, оставивъ профессуру. Но съ именемъ почтенныхъ Бужо и Шау связываются и иныя воспоминанія, не рекомендующія лицея моего времени: этихъ почтенныхъ ученыхъ заставляли продѣлывать въ младшемъ курсѣ лицея такія вещи, при воспоминаніи о которыхъ разбираетъ смѣхъ; дѣло въ томъ, что англичанинъ Шау, обладавшій серіознымъ филологическимъ образованіемъ, преподавалъ мальчикамъ пятнадцати лѣтъ ботанику на англійскомъ языкѣ, а Бужо, имѣвшій вѣроятно такое же понятіе о зоологіи, какъ Шау о ботаникѣ, преподавалъ зоологію на своемъ языкѣ. Легко представить себѣ, какіе ничтожные результаты могло давать такое преподаваніе, а потому нетрудно понять и то, что не всегда пришлось мнѣ вспоминать со смѣхомъ о томъ, какъ въ мое время относились въ лицеѣ къ естественнымъ наукамъ; мнѣ пришлось учиться имъ уже послѣ выпуска изъ лицея, когда я понялъ, что образованіе безъ нихъ немыслимо и когда я уразумѣлъ насколько методъ ихъ важенъ и для наукъ политическихъ и философскихъ, съ которыми я сроднился еще въ лицеѣ на всю жизнь. Изъ естественныхъ наукъ преподавались у насъ дѣльно только физика и химія (читалъ ихъ извѣстный Щегловъ) и математика (Р. Щиглевъ и академикъ Чебышевъ); но, какъ я уже говорилъ, лишь немногіе изъ насъ увлекались этими предметами и я не былъ въ числѣ ихъ. Для того, чтобы развернулась предъ читателемъ вся программа университетскаго курса лицея, во всей ея полнотѣ и пестротѣ, мнѣ остается упомянуть лишь о нѣмецкой словесности, на преподавателя которой мы только въ послѣднее время были счастливы (г. Мюнуловъ) и о сельскомъ хозяйствѣ. Какъ? Въ лицеѣ читали сельское хозяйство! Да, читатель, и читалъ его профессоръ университета Усовъ, въ высшей степени почтенный человѣкъ, увлекавшійся своимъ предметомъ. Въ то время организаторы программы лицея разсуждали вѣроятно такъ, какъ полагаютъ въ наше время многіе изъ ревнителей народной школы, считающіе возможнымъ втискать въ народную школу все

то, что полезно, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько школьникамъ удастся осилить всѣ навязываемыя имъ благодѣянія. Такъ какъ многимъ изъ насъ предстояло хозяйничать послѣ выпуска изъ лицея, то и признано было „полезнымъ“ ввести въ нашу учебную программу сельское хозяйство; но такъ думало начальство, а большинство слушателей, готовя себя для государственной службы и благодаря невѣжеству своему въ естественныхъ наукахъ, на которомъ я уже останавливалъ вниманіе читателя, считало курсъ сельскаго хозяйства вздоромъ и не иначе, какъ со смѣхомъ относилось къ тому, что директору вздумалось въ огромномъ лицейскомъ саду, вѣковыя липы котораго были насажены еще Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, отдѣлить нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ подъ „опытное поле“, дѣйствительно представлявшее каррикатуру, какъ по микроскопичности размѣровъ, такъ и по результатамъ культуры.

Я съ полною искренностію остановился на недостаткахъ лицейской программы моего времени, совершенно раціонально, по моему мнѣнію, стремившейся къ энциклопедичности образованія, имѣющей свое значеніе въ государствѣ, нуждающемся и въ спеціалистахъ, но пересаливавшей многопредметностію, настолько обширною, что я забылъ напримѣръ упомянуть о томъ, что въ лицеѣ, помнится мнѣ, три часа въ недѣлю, въ теченіи шести лѣтъ, посвящались латинскому языку, въ познаніяхъ по которому мы добирались до чтенія Энеиды Виргилія подъ руководствомъ профессора университета Лапшина. Но, думается мнѣ, если подвести итогъ всему сказанному и о школьничествѣ нашемъ, и о нашихъ занятіяхъ, то не останется мѣста для удивленія тому, что я вспоминаю о лицеѣ съ признательностью. При всемъ обиліи воспоминаній о лицеѣ, видное мѣсто въ средѣ ихъ занимаетъ для меня то, что уже въ младшемъ курсѣ лицея, на шестнадцатомъ году отъ роду, я преподавалъ, чѣмъ и сказалась, еще раньше во мнѣ выработанная, какъ извѣстно читателю, склонность къ педагогіи. Тутъ мнѣ пришлось обучать русскому языку сына тогдашняго генеральнаго консула нашего въ Тріестѣ, графа Кассини, который поступилъ въ лицей въ серединѣ года, отлично подготовленнымъ за границей по всѣмъ предметамъ, но не зная ни одного слова по русски; я отозвался на вызовъ директоромъ

желающихъ преподавать Кассини русскій языкъ и дѣло, благодаря богатымъ дарованіямъ ученика, пошло настолько успѣшно, что черезъ годъ нашъ иностранецъ совершенно обрусѣлъ, продолжая владѣть въ совершенствѣ своимъ роднымъ, итáліанскимъ языкомъ, и кромѣ того французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Въ старшихъ курсахъ особенно труднымъ предметомъ считалась у насъ „теорія уголовнаго права“ и немалое наслажденіе доставляло мнѣ то, что нерѣдко находились желающіе послушать передъ „репетиціею“ моихъ разъясненій въ этомъ отношеніи; это удовлетворяло моей страсти, моей потребности преподавать. Не затерялось во мнѣ и еще одно педагогическое воспоминаніе изъ лицейской жизни: законоучителемъ лицея состоялъ докторъ богословія о. І. С. Кочетовъ, который читалъ намъ, согласно распоряженію того времени, касавшемуся и университетовъ, психологію и логику; при домовой церкви лицея, въ которую одно время насъ обязательно водили не только къ обѣдни, но и ко всенощной, по субботамъ, думая расположить насъ этимъ къ религіи, состоялъ особый священникъ и діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Съ этимъ-то діакономъ и пришлось мнѣ сойтись на поприщѣ педагогіи, такъ какъ онъ былъ единственнымъ наставникомъ пріюта, въ составъ котораго входили дѣти лицейскихъ служителей; ежедневно ребятишки по утрамъ собирались въ нашъ предбанникъ, служившій имъ классной комнатой, и тамъ поучались отцомъ діакономъ по всѣмъ правиламъ педагогіи духовнаго вѣдомства того времени, т. е. при безпрерывномъ сѣченіи; при этихъ занятіяхъ случалось мнѣ присутствовать, при чемъ я былъ разъ и на такъ называемомъ „урокѣ послушанія“. Такимъ урокомъ отецъ діаконъ, котораго у насъ просто прозывали Михеемъ, называлъ упражненіе, состоявшее въ томъ, что онъ скомандуетъ „руки на-крестъ, руки вверхъ, лѣвую вверхъ, руки впередъ“ и проч. и непремѣнно поколотитъ того изъ малютокъ, который не довольно быстро исполнитъ требуемое тѣлодвиженіе, или прозѣваетъ команду.

VII.

Время, проведенное мною въ лицеѣ, связывается для меня, по воспоминаніямъ, съ нѣкоторыми изъ моихъ родственниковъ, у которыхъ я бывалъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ и общество которыхъ на мнѣ отразилось. Къ числу такихъ воспитателей моихъ долженъ я отнести покойнаго графа М. А. Корфа, котораго я часто видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Помню, что его умъ и образованіе производили на меня впечатлѣніе въ особенности потому, что я считалъ его „изъ нашихъ“, такъ какъ дядя окончилъ курсъ въ томъ же лицеѣ въ одно время съ Пушкинымъ; уже 32 лѣтъ отъ роду, если не ошибаюсь, былъ онъ тайнымъ совѣтникомъ, но это не производило на меня никакого впечатлѣнія; скажу болѣе, что я на двадцатомъ году не понималъ даже того, какимъ образомъ высокая человѣчность и разностороннѣйшее развитіе этого въ высшей степени даровитаго и честнаго государственнаго дѣятеля мирились съ угодливостію по отношенію ко двору. Его карріера не только не привлекала меня, а служила мнѣ какъ бы предостереженіемъ противъ государственной службы, успѣхъ на которой, какъ я тогда разсуждалъ, покупается только цѣною самостоятельности и независимости; эти раннія размышленія вѣроятно не остались безъ вліянія на то, что впослѣдствіи, по окончаніи курса, я оставался на коронной службѣ, не считая выборной, всего полтора года за всю мою жизнь и что уже въ ранней молодости выработалось во мнѣ честолюбіе особаго рода: не быть ничѣмъ ex officio и чѣмъ нибудь de facto. Но графъ Корфъ дѣйствовалъ на меня обаятельно, какъ директоръ публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ и страстію, а во мнѣ уже рано развилась слабость къ книгамъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня и то, что мнѣ случалось присутствовать при чтеніи дядей въ своей семьѣ отрывковъ изъ дневника, который онъ велъ за десятки лѣтъ и хранилъ въ величайшемъ порядкѣ; независимо отъ интереса, возбуждавшагося самимъ содержаніемъ, во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что нибудь для отечества; молодость всегда

преувеличиваетъ свои силы, а потому и не опасна та молодежь, которая воображаетъ себѣ, что призвана къ чему-то великому, лишь бы обстоятельства направили эти силы на благо и дали исходъ избытку силъ. Чего не затѣетъ юноша, для котораго существуютъ не одни матеріальные интересы?... Предъ какою трудностію онъ остановится? Ни предъ чѣмъ! Такъ и я, лѣтъ девятнадцати отъ роду, еще бывши въ лицеѣ, задумалъ переводить трагедію Корнеля, съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который въ ту минуту, подъ вліяніемъ только что прочитанныхъ мною гекзаметровъ Мессіады Клопштока, почему-то казался мнѣ какъ бы спеціально предназначеннымъ для „высокаго стиля“. Въ то-же время написалъ я три повѣсти, существующія въ рукописи и по нынѣ въ качествѣ пожизненно заключенныхъ, просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ничего не потерялъ и не потеряетъ. Вкусъ къ этимъ литературнымъ шалостямъ, нисколько не мѣшавшимъ мнѣ впрочемъ пожирать „запрещенныя“ въ то время записки по всеобщей исторіи профессора педагогическаго института Лоренца, появился во мнѣ подъ вліяніемъ высоко даровитаго и, къ несчастію, еще въ молодые годы умершаго, другаго дяди моего, барона Ѳедора Ѳедоровича Корфа, извѣстнаго въ исторіи нашей литературы по его „Воспоминаніямъ о Персіи“, весьма остроумнымъ фельетонамъ его въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ и нѣсколькимъ, и по настоящее время еще играющимся, комедіямъ. Съ какимъ восторгомъ услышалъ я разъ изъ сосѣдней комнаты, когда дядя считалъ меня ушедшимъ, какъ онъ сказалъ своей женѣ: „вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать“; съ восторгомъ услышалъ я это потому, что очень довѣрялъ мнѣнію дяди, а всякаго автора въ то время, по идеализму моего направленія, считалъ чуть не посланникомъ небесъ; въ молодости вѣдь не представляются люди, торгующіе совѣстью и перомъ, не представляются литераторы-хамелеоны, литераторы-пресмыкающіеся, литераторы-доносчики; не представляются въ это блаженное время даже литераторы-тупицы; я по крайней мѣрѣ относился, въ бытность мою въ лицеѣ, къ „писателю“, какъ къ „учителю“, а это послѣднее званіе, какъ я уже сообщалъ, издавна пользовалось большимъ почетомъ въ моихъ глазахъ и тѣмъ большимъ, что за время моего воспитанія въ

лицеѣ я не разъ успѣлъ подмѣтить, какъ недостойно общество относится къ гувернерамъ и гувернанткамъ, которыя, напротивъ, всегда пользовались моимъ особеннымъ расположеніемъ, какъ педагоги и какъ угнетенные, а я собственнымъ опытомъ извѣдалъ, что̀ значитъ гнетъ.

Баронъ Н. А. Корфъ.

П. И. Пестель.

Къ моей статьѣ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., январь, „Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ“, прошу прибавить нѣсколько строчекъ въ защиту Павла Ивановича Пестеля.

Прочтите Записки гр. Павла Дмитр. Киселева, Парижъ, 1883 г., бывшаго намѣстника Молдавіи и Валахіи, министра государственныхъ имуществъ, наконецъ посла въ Парижѣ.

Безъ умиленія, безъ особеннаго чувства невозможно прочесть его воспоминанія о вечерахъ, проведенныхъ имъ въ тѣсномъ Тульчинѣ Подольской губерніи, въ сообществѣ Пестеля, Юшневскаго, Серг. Ив. Муравьева-Апостола, Бурцова и другихъ, когда онъ былъ тамъ только начальникомъ штаба 2-й арміи кн. Витгенштейна.

Баронъ Андрей Евг. Розенъ.

Марта 9 дня 1884 г. Викнино.

Примѣчаніе. Въ нашемъ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей есть два фотографическіе снимка съ живописныхъ портретовъ Павла Ивановича Пестеля, доставленные намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Смоленской губерніи кн. Друцкимъ-Соколинскимъ: это Павелъ Ивановичъ Пестель въ юныхъ лѣтахъ оберъ-офицера, и другой—тотъ же Пестель, но уже въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Лицо умное, выразительное, дышущее энергіею и силою характера. Ред.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ,

его письма къ С. А. Раевскому [1]).

I.

Тарханы, 16-го января.

Любезный Святославъ! Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ лѣнишься меня увѣдомить о томъ, что ты дѣлаешь и что дѣлается въ Петербургѣ. Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ (вотъ тебѣ адресъ на случай, что ты его не знаешь) у бабушки, слушаю, какъ подъ окномъ воетъ метель (здѣсь все время ужасное, снѣгъ въ сажень глубины, лошади вязнутъ и ....., и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что̀, въ скобкахъ, весьма пріятно), ѣмъ за десятерыхъ, ... не могу потому что ...., пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ произшествія, случившагося со мною въ Москвѣ.—О Москва, Москва, столица нашихъ предковъ, златоглавая царица Россіи великой, малой, бѣлой, черной, красной, всѣхъ цвѣтовъ, Москва, ..., преподло со мною поступила. Надо тебѣ объяснить сначала, что я влюбленъ. И чтожъ я этимъ выигралъ?— Одни ..... Правда, сердце мое осталось покорно разсудку, но ..... Теперь ты ясно видишь мое несчастное положеніе и какъ другъ, вѣрно, пожалѣешь, а можетъ быть и позавидуешь, ибо все то хорошо, чего у насъ нѣтъ, отъ этого, вѣрно, и ..... намъ нравится. Вотъ самая деревенская филозофія!

Я опасаюсь, что моего Арбенина снова не пропустили, и этой мысли подало поводъ твое молчаніе. Но объ этомъ будетъ!

---

[1]) Святославъ Аѳанасьевичъ Раевскій, сосланный въ 1837 году въ Петрозаводскъ, какъ сожитель и другъ Лермонтова за распространеніе его стихотворенія На смерть А. С. Пушкина въ 1837 г. Точками замѣнены здѣсь весьма скабрезныя слова, на которыя въ ту эпоху не скупились военные люди. А. А. К.

Также я боюсь, что лошадей моихъ не продали и что они тебя затрудняютъ. Если бы ты объ этомъ раньше написалъ, то я бы прислалъ денегъ для прокормленія ихъ и людей, и потомъ если они не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намѣреваюсь. Пожалуста, отвѣчай какъ получишь.

Объявляю тебѣ еще новость: лѣтомъ бабушка переѣзжаетъ жить въ Петербургъ, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я ее уговорилъ потому, что она совсѣмъ истерзалась, а денегъ же теперь много, но я тебѣ объявляю, что мы все-таки не разстанемся.

Я тебѣ не описываю своего похожденія въ Москвѣ въ наказаніе за твою излишнюю скромность,—и хорошо, что вспомнилъ объ наказаніи—сейчасъ кончу письмо (ты видишь изъ этого, какъ я еще добръ и великодушенъ). М. Лермонтовъ.

II.

(Изъ С.-Петербурга, 1837 г.).

Любезный другъ Святославъ! Ты не можешь вообразить, какъ ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ. У меня было на совѣсти твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай Богъ, чтобъ твои надежды сбылись. Бабушка хлопочетъ у Дубельта и Афанасій Алексѣевичъ также. Что до меня касается, то я заказалъ обмундировку и скоро ѣду. Мнѣ комендантъ, я думаю, позволитъ съ тобой видѣться—иначе же я и такъ пріѣду. Сегодня мнѣ прислали сказать, чтобъ я не выѣзжалъ, пока не явлюсь къ Клеймихелю, ибо онъ теперь и мой начальникъ, ... его мать. Я сегодня былъ у Афанасья Алексѣевича и онъ меня просилъ не рисковать безъ позволенія коменданта—и самъ хочетъ просить объ этомъ. Если не позволятъ, то я все пріѣду. Что Краевскій, на меня пеняетъ за то, что и ты пострадалъ за меня?—Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то право меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ—востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: les grands noms se font à l'Orient. Видишь: все глупости. Прощай, твой навсегда M. Lermontoff.

Примѣч. Копіи этихъ писемъ дословно вѣрны съ подлинниками.

Сообщ. И. Е. Цвѣтковъ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ 1839—1882 гг.

Переводъ съ нѣмецкаго [1]).

Въ теченіи зимняго семестра 1839—1840 гг. я посѣщалъ утреннія лекціи логики профессора Вердера въ Берлинѣ. На эти лекціи являлось не много слушателей; въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по русски. Я вскорѣ познакомился съ ними; это были Иванъ Тургеневъ и Михаилъ Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей. И оба были восторженные приверженцы гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключемъ къ познанію міра. Подобную горячую любовь къ занятіямъ философіей могутъ понять лишь тѣ люди, коихъ молодость протекла въ началѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, но и въ нихъ она вызываетъ теперь улыбку и кажется почти невѣроятною тѣмъ самымъ лицамъ, которыя ее пережили. Таковыми энтузіастами были Тургеневъ, Бакунинъ и я самъ; вотъ почему я и указываю на это обстоятельство, полагая, что подобная восторженная любовь къ изученію философіи и преувеличеніе ея значенія повліяли на характеръ и судьбу очень многихъ, а въ томъ числѣ и на самого Тургенева. Мы, земляки, скоро познакомились и часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальной придачей этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и не смотря на это просиживали иной разъ до ранняго утра, увлек-

---

[1]) Авторъ этой статьи, напечатанной въ издав. въ Ревелѣ журналѣ „Baltische Monatsschrift“—уроженецъ балтійскаго края и подписался Б. У. Ф.
Прим. перев.

шись разговоромъ, переходившимъ нерѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ; какъ живо вспоминалъ онъ объ этихъ бесѣдахъ, по прошествіи болѣе 40 лѣтъ, доказываетъ его письмо, писанное ко мнѣ въ сентябрѣ 1882 г. и помѣщенное здѣсь; письмо это характеризуетъ любезность и задушевность его автора.

Буживаль. Les Frênes. 1-го сентября 1882 г.

(Перев. съ франц.). Любезный баронъ! Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе, но оно было нѣсколько омрачено сообщаемымъ вами извѣстіемъ о плохомъ состояніи вашего здоровья. Послѣдняя четверть жизни тяжела для каждаго человѣка, но для васъ она тяжелѣе, нежели для многихъ изъ нашихъ современниковъ. Къ счастію, вы можете почерпнуть въ своихъ умственныхъ силахъ и въ обществѣ друзей, окружающихъ васъ, необходимыя силы для борьбы съ этимъ тяжкимъ испытаніемъ.

Я могъ бы сказать, что нахожусь почти въ такомъ же несчастномъ положеніи, какъ и вы, но болѣзнь моя столь ничтожна въ сравненіи съ вашею, что мнѣ даже совѣстно говорить о ней. Съ полъ года тому назадъ у меня сдѣлалась подагрическая грудная жаба, причиняющая мнѣ довольно сильныя страданія, мѣшая мнѣ въ то же время ходить и стоять болѣе пяти минутъ; не думаю, чтобы я когда либо могъ отдѣлаться отъ этого недуга, но впрочемъ болѣзнь еще сносная и я могу переносить ее довольно безропотно. Главнымъ образомъ непріятно, что это ставитъ меня въ невозможность совершить самое малѣйшее путешествіе; я не могу ѣздить въ экипажѣ: тряска увеличиваетъ мои страданія.

Увы, любезный баронъ, куда дѣвалось наше безпечальное студенческое житье въ Берлинѣ? Куда кануло все свѣтлое прошлое? Помните ли вы еще тотъ день, когда мы съ Бакунинымъ зашли къ вамъ и у васъ загорѣлись у оконъ занавѣси? Я помню до сихъ поръ малѣйшія подробности. Впрочемъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства и окинувъ взоромъ прошлое, намъ не придется особенно сѣтовать на то, какъ протекла наша жизнь. Мы дѣлали что могли... faciant meliora potentes!

Для васъ служитъ вѣроятно отрадою то, что вы очутились вновь, на закатѣ дней вашихъ, подъ сѣнью древняго обиталища вашей семьи. У меня тоже есть на югѣ Россіи клочекъ родной земли, гдѣ я провожу ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ, но болѣзнь причинила мнѣ величайшую непріятность, помѣшавъ съѣздить туда въ нынѣшнемъ году. Одинъ Богъ знаетъ увидимся ли мы еще съ вами, но я искренно желаю поблагодарить васъ еще разъ за вашу память обо мнѣ и засвидѣтельствовать вамъ тѣ чувства дружеской привязанности, которыя всегда питалъ къ вамъ вашъ бывшій товарищъ Иванъ Тургеневъ.

Bougival. Les Frênes. Ce 1-er Septembre. 82.

Mon cher baron! [1]) Votre lettre m'a fait un grand plaisir. Il eut été plus grand encore, si elle ne m'avait pas en même temps apporté la nouvelle du triste état de votre santé. Le dernier quart de la vie est dur pour tout le monde: pour vous—plus que pour beaucoup de nos contemporains. Heureusement vous trouvez dans les ressources de votre intelligence et de l'amitié qui vous entoure la force necessaire pour resister à ces pénibles épreuves.

Je pourrais dire que je suis logé à peu près à la même enseigne que vous; seulement ma maladie est si peu de chose à coté de la votre, que j'ai presque conscience d'en parler. Il m'est survenu depuis bientôt six mois une angine de poitrine goutteuse qui me cause d'assez vives douleurs et m'empêche de marcher et de me tenir debout plus de cinq minutes de suite; je ne crois pas que je puisse jamais en être débarrassé; mais à tout prendre, c'est assez supportable et la résignation ne m'est pas trop difficile. Ce qu'il y a de plus désagreable—c'est l'impossibilité de faire le plus petit voyage; je ne puis pas aller en voiture: son ébranlement réveille mes douleurs.

Ah, mon cher baron, où est le bon temps de notre vie d'étudiant à Berlin?—Où sont les neiges d'antan? Vous rappelez-vous encore le jour, où nous sommes venus vous voir—Bakounine et moi, et où les rideaux de votre fenêtre ont pris feu? Ma mémoire me retrait encore tous les détails. A tout prendre, en regardant en arrière, nous n'avons pas trop à regretter la façon dont s'est passée notre vie. On a fait ce qu'on a pu... faciant meliora potentes!

Il doit vous être doux de vous retrouver, vers le soir de votre vie, sous les ombrages de l'antique domaine de votre famille. J'ai aussi, dans le sud de la Russie, un coin de terre natale, où je passe régulièrement quelque mois tous les ans. Le plus grand désagrément que m'ait fait ma maladie, ça été de m'empêcher d'y aller cette année ci. Dieu sait si nous nous reverrons jamais; mais je tiens à vous remercier encore de votre bien souvenir et de vous assurer des sentiments de sympathie amicale qui n'a cessé de vous garder votre ancien camerade Ivan Tourguénetf.

Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы и я не слыхалъ, чтобы онъ когда либо высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостнаго права, какъ многіе нынѣ утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло далекаго будущаго.

Въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе я не встрѣчался болѣе съ Тургеневымъ и лишь въ началѣ 1850-хъ годовъ намъ пришлось часто видѣться въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Тургеневъ былъ тогда уже извѣстнымъ писателемъ, за нимъ ухажи-

[1]) Baltische Monatsschrift. XXXI Band. 1 Heft. 1884.

вали, ему удивлялись, но онъ оставался скромнымъ и непритязательнымъ. Въ то время онъ жилъ всѣмъ существомъ своимъ великими вопросами соціальнаго и политическаго преобразованія Россіи, и желалъ возможно скораго упраздненія крѣпостнаго состоянія. Каждаго, не соглашавшагося съ нимъ въ неотложности этой мѣры и предлагавшаго болѣе медленный и постепенный образъ дѣйствій въ связи съ разными мѣропріятіями и т. п., онъ считалъ реакціонеромъ. Въ виду того, что и я долженъ былъ казаться ему таковымъ, я избѣгалъ говорить съ нимъ о политикѣ, но за то вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ нѣкоторые вечера, на которыхъ я съ наслажденіемъ слушалъ изъ устъ его чтеніе не напечатанныхъ еще произведеній его пера. Онъ читалъ ихъ только въ кругу людей близкихъ, причемъ ни скромность автора, ни характеръ его слушателей не допускали восторженныхъ похвалъ, а вызывали лишь одобрительныя разсужденія о прочитанномъ. Я позволю себѣ упомянуть при этомъ объ одномъ шутливомъ отзывѣ Тургенева. Онъ читалъ у княгини Мещерской повѣсть о двухъ влюбленныхъ, кончающуюся внезапною смертью героя. Идя вмѣстѣ съ нимъ домой, я спросилъ Тургенева, почему онъ такъ неожиданно прервалъ свой разсказъ, на что Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что онъ нашелъ своего героя очень скучнымъ и поэтому покончилъ такъ скоро его жизнь.

Во многихъ повѣстяхъ Тургенева конецъ бываетъ самый неожиданный или такъ называемая развязка вовсе отсутствуетъ. Часто задавалъ я себѣ вопросъ, всегда-ли онъ дѣлалъ это намѣренно или же прерывалъ свой трудъ потому, что не находилъ удовольствія въ творчествѣ?

Тургеневъ, проводившій съ сороковыхъ годовъ бо́льшую часть времени въ Парижѣ, пріобрѣлъ, кажется въ 1860 или въ 1861 годахъ, участокъ земли въ Баденъ-Баденѣ по Гунценбахерской улицѣ, съ намѣреніемъ поселиться здѣсь на продолжительное время. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ обширный домъ, во вкусѣ швейцарскихъ котеджей, и небольшой домикъ въ родѣ французскихъ мансардъ. Въ этомъ домикѣ проживалъ онъ самъ, предоставивъ большой домъ въ распоряженіе семейства Віардо. Какъ извѣстно, знаменитая пѣвица Паулина Віардо-Гарсія, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1844 г., внушила юному Тургеневу такую глубокую любовь, что подъ вліяніемъ этой привязанности сложилась вся его дальнѣйшая жизнь. Далеко не красивая и даже не граціозная (?) пѣвица была уже въ ту пору замужемъ; Тургеневъ съ того времени проживалъ всегда, по возможности, вблизи ея. Въ Баденѣ онъ проводилъ дома только до-обѣденное время, работая и принимая друзей.

Въ 1860-хъ годахъ я видался съ нимъ, у него на дому, почти ежедневно, по цѣлымъ часамъ. Я заставалъ его обыкновенно пишущимъ, садился напротивъ него и мы бесѣдовали до тѣхъ поръ, пока ему не докладывали, что его завтракъ готовъ.

Тургеневъ любилъ охоту и считалъ это развлеченіе наилучшимъ изъ всѣхъ наслажденій.

Послѣ войны 1870 г. пронесся слухъ, что Віардо потеряли все, что имѣли, и поэтому не могли долѣе жить въ Баденѣ. Тургеневъ также продалъ всю свою баденскую недвижимость и поселился въ Парижѣ, проводя иногда лѣто въ своей Орловской деревнѣ. Но пора возвратиться къ моимъ баденскимъ воспоминаніямъ.

Однажды утромъ я засталъ Тургенева не пишущимъ, а за корректурою:

— «Ахъ, сказалъ онъ, я радъ что вижу васъ: нѣтъ ничего непріятнѣе какъ занятіе корректурою».

На вопросъ мой, что онъ теперь печатаетъ, онъ отвѣчалъ, что пришлетъ мнѣ корректурные листы; я получилъ ихъ въ тотъ же вечеръ и затѣмъ они присылались ко мнѣ нѣсколько дней къ ряду. Повѣсть эта, кончающаяся самоубійствомъ молодой дѣвушки, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе и я выразилъ Тургеневу сожалѣніе по поводу того, что послѣднее время онъ такъ часто описываетъ печальныя событія. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это, что съ отвращеніемъ принялся за прочтенную мною повѣсть, но продолжалъ писать ее, потому что она изображаетъ эпизодъ изъ его собственной жизни, и что онъ этимъ хочетъ освободиться отъ воспоминанія о немъ.

Въ первые годы пребыванія своего въ Баденѣ, Тургеневъ сиживалъ часто около кургауза, окруженный русскими студентами изъ Гейдельберга. Но впослѣдствіи это прекратилось и, сколько мнѣ извѣстно, онъ уже никогда не показывался тамъ, гдѣ было особенно многолюдно.

Не мнѣ, но одному изъ моихъ друзей онъ сказалъ однажды, что ему необходимо въ теченіи года сдѣлать пятьдесятъ знакомствъ для изученія типовъ и чтобы подмѣтить новыя черты характера.

Однажды гуляя, встрѣтили мы одну русскую даму; я спросилъ извѣстно-ли ей, что она играетъ одну изъ главныхъ ролей въ «Дымѣ?» Въ то время романъ этотъ чрезвычайно занималъ все общество въ Баденѣ и Тургеневъ сказалъ мнѣ, что онъ желалъ изобразить въ немъ возможно вѣрнѣе своихъ земляковъ. На мое замѣчаніе, что рамка для этого изображенія нѣсколько узка и что намѣреніе его вызоветъ подражаніе, онъ ничего не отвѣчалъ.

Тургеневъ былъ хорошій знатокъ Россіи и долголѣтнее по вре

менамъ отсутствіе его изъ этой страны отнюдь не затемняло его взора и не мѣшало ему слѣдить пристально за жизнью народа и страны; по природѣ своей онъ былъ человѣкомъ болѣе русскимъ, нежели самъ, быть можетъ, полагалъ, и вѣроятно любилъ даже Россію болѣе горячо, нежели онъ это высказывалъ, но все таки врядъ-ли бы онъ рѣшился поселиться въ ней на долгое время. Онъ любилъ нѣкоторыя черты въ жизни народа, любилъ наслаждаться лѣтнимъ утромъ подъ сѣнью русскаго лѣса, но не смогъ бы находиться день за день подъ вліяніемъ родины (!?).

Характеръ Тургенева былъ рѣдкой чистоты. Онъ всегда выказывалъ большое политическое мужество, никогда не измѣнялъ своимъ друзьямъ, не отказывался отъ своего мнѣнія. Я не могу не упомянуть здѣсь о томъ, какъ великодушно и самоотверженно онъ отнесся къ Бакунину, когда тотъ, приговоренный дважды къ смерти, содержался подъ строгимъ арестомъ въ Шлиссельбургѣ; Иванъ Сергѣевичъ осмѣлился просить облегченія его участи и снабжалъ его книгами, не смотря на то, что самъ онъ былъ на дурномъ счету у императора Николая Павловича. Но когда Бакунинъ, бѣжавъ изъ Сибири, появился въ Лондонѣ и пріобрѣлъ большое вліяніе на русскихъ эмигрантовъ, то Тургеневъ сталъ противникомъ его пагубныхъ теорій и возражалъ противъ нихъ. Прервавъ всякія сношенія съ безумнымъ демагогомъ, Тургеневъ однако великодушно помогалъ ему впослѣдствіи, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это впрочемъ безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналъ объ этомъ.

Однажды поутру Тургеневъ встрѣтилъ меня въ саду съ больнымъ Н. А. Милютинымъ и когда мы сошлись съ нимъ послѣ этой встрѣчи, онъ сказалъ мнѣ:

— «Я васъ видѣлъ бесѣдующимъ съ бѣднымъ Милютинымъ и отложилъ для васъ кое что, что вамъ прочту».

Онъ взялъ рукопись и прочелъ мнѣ замѣтки о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Милютинымъ, не задолго до отъѣзда послѣдняго на свой постъ въ Варшаву. Милютинъ успѣлъ уже получить высочайшее разрѣшеніе на принятіе въ Царствѣ Польскомъ нѣкоторыхъ политическихъ и аграрныхъ мѣръ. Ему пришлось защищать свои предложенія въ совѣтѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ государь, и они были приняты не безъ преній и горячаго протеста. Онъ чувствовалъ потребность высказаться объ этомъ предметѣ и обратился къ Тургеневу, который хотя не былъ его другомъ, но пользовался съ его стороны глубокимъ уваженіемъ и хотя не раздѣлялъ всѣхъ его мнѣній, но все же принадлежалъ къ партіи либераловъ.

Послѣ 1870 года Тургеневъ покинулъ Баденъ, а я прибылъ въ

Парижъ только въ 1874 г.; зимою этого года мы свидѣлись вновь съ Иванъ Сергѣевичемъ. Впрочемъ въ этомъ и въ послѣдующіе года я видѣлся съ нимъ рѣдко и однажды случайно присутствовалъ на утреннемъ концертѣ, данномъ, по почину Тургенева, въ пользу русскихъ студентовъ въ Парижѣ. Передъ концертомъ я зашелъ къ Тургеневу и встрѣтилъ у него Зола, который съ нимъ очень дружелюбно бесѣдовалъ и также участвовалъ въ matinée. Когда по уходѣ Зола я спросилъ Тургенева какимъ образомъ могло случиться, что онъ обращался такъ интимно съ этимъ непріятнымъ для меня писателемъ, то онъ отвѣчалъ:

— «C'est le premier prosaïste de la France».

Въ вышеупомянутомъ литературно-музыкальномъ собраніи Тургеневъ прочелъ отрывокъ изъ «Записокъ Охотника», а г-жа Віардо спѣла талантливо и очаровательно двѣ русскія пѣсни.

Позднѣе я уже болѣе не встрѣчался съ Тургеневымъ. Въ 1882 г. я писалъ ему, прося его увѣдомить меня о состояніи его здоровья, и получилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя его письмо отъ 1-го сентября. По прошествіи нѣкотораго времени, когда здоровье его стало поправляться, раздраженный статьями Leroy Beaulieu въ «Revue des deux Mondes», имѣвшими цѣлью возвеличить Н. А. Милютина и унизить въ то же время всѣхъ остальныхъ, я обратился къ нему съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ нужнымъ исправить эти невѣрныя сообщенія, присовокупивъ, что я не одобряю политической дѣятельности Н. А. Милютина. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что считаетъ Милютина такимъ государственнымъ человѣкомъ, какіе рѣдко встрѣчаются въ Россіи, и что онъ не одобряетъ лишь его дѣятельности въ Польшѣ.

По поводу этого вопроса я послалъ Тургеневу «Исторію происхожденія и упраздненія крѣпостнаго состоянія» профессора Энгельмана и просилъ его сообщить мнѣ свой отзывъ объ этой книгѣ; отвѣта я не получилъ: Тургеневъ не любилъ полемизировать. Въ заключеніе привожу его собственныя слова:

Буживаль. Les Frênes. 25 (13) октября 1882 г.

«Любезный баронъ! Сейчасъ только получилъ я ваше письмо и приложенные къ нему номера «Baltische Monatszeitung». Благодарю васъ за присылку ихъ и воспользуюсь первой свободной минутой, чтобы прочесть тѣ статьи, на которыя вы указываете. Я не скрою однако отъ васъ моего опасенія, что въ данномъ случаѣ мы, вѣроятно, не сойдемся съ вами во мнѣніи. Доказательствомъ тому служитъ вашъ отзывъ объ Н. Милютинѣ. Хотя дѣятельность его въ Польшѣ требуетъ многихъ оговорокъ (впрочемъ она самъ назвалъ ее Тамерла-

новымъ дѣломъ и видѣлъ въ немъ печальную необходимость), тѣмъ не менѣе я никогда не забуду огромныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и далекій отъ того, чтобы видѣть въ Милютинѣ, какъ вы выражаетесь, злаго генія, я привѣтствую въ лицѣ его одного изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей. Конечно, не его вина, если великое дѣло освобожденія крестьянъ не дало всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе мы были въ правѣ ожидать отъ него; это вина тѣхъ людей, которымъ удалось включить въ великій актъ нѣкоторыя пагубныя статьи.....

«Мнѣ весьма пріятно было узнать, что вы вполнѣ воспользовались прекраснымъ лѣтомъ, которымъ побаловала васъ Россія; здѣсь мы не можемъ похвастать тѣмъ же. Здоровье мое поправляется также весьма медленно и возможность поѣздки въ Россію становится все болѣе и болѣе гадательною. Намъ съ вами приходится вооружиться терпѣніемъ. Примите и пр. Иванъ Тургеневъ».

Bougival. Les Frênes. Ce 25 (13) Oct. 82.

Cher baron! Je viens de recevoir votre lettre et les N-os de la «Baltische Monatszeitung» qui l'accompagnaient. Je vous remercie de cet envoi et je profiterai des premiers moments de loisir pour lire les articles que vous me designez. Je ne puis pourtant pas vous cacher que je crains une divergesse d'opinion entre nous. Le jugement que vous portez sur N. Milutine en est la preuve. Si j'ai beaucoup de réserves à faire sur son activité en Pologne (le mot d'oeuvre de Tamerlan a été du reste employé par lui méme, il croyait y reconnaître une triste nécessité)—je n'oublierai jamais les services immenses qu'il a rendu à la Russie dans la cause de l'emancipation; et loin de voir en Milutin un mouvais génie, comme vous dites, je salue en lui un de nos grands—et rares—homme d'état. Ce n'est certe pas sa faute si le grand acte de l'émancipation des paysans n'a pas produit tous les resultats, qu'on devait en attendre, mais bien celle des autres qui ont reussi à y introduire des clauses funestes...

Je suis très heureux d'apprendre que vous avez pleinement joui du bel été que vous avez eu en Russie. Ici nous avons été moins favorisés. Ma santé aussi ne se retablit que fort lentement—et la possibilité d'un voyage en Russie devient de plus en plus problématique. La patience doit être chez vous et chez moi—à l'ordre du jour. Recevez etc. Ivan Tourguéneff.

Съ душевною скорбію написалъ я эти немногія строки въ память умершаго друга моей юности. Я не только дивился его превосходному, замѣчательному и оригинальному таланту,—но питалъ къ нему постоянно самое глубокое расположеніе и радовался каждой встрѣчи съ нимъ, находя въ этихъ свиданіяхъ удовлетвореніе своему сердцу. Со всѣхъ сторонъ превозносятъ его сердечную доброту, его любовь къ человѣчеству, и я не могу, въ свою очередь, не посвятить тѣхъ же чувствъ его памяти.

Б. У. Ф.

Сообщ. А. А. Ч—въ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ его письмахъ къ Егору Петр. Ковалевскому [1]).

I.

С. Спасское. 25 сентября 1858 г.

Любезнѣйшій мой генералъ и пріятель, пишу къ вамъ это письмо для того, чтобы зарекомендовать вамъ слѣдующее предпріятіе, въ которомъ я принимаю участіе, а именно: съ новаго года, въ Москвѣ, предполагается издаваться еженедѣльный политико-литературный журналъ (въ родѣ «Сына Отечества») подъ именемъ: «Московскій Вѣстникъ». Правленіе Московскаго университета согласилось на его появленіе и теперь все дѣло зависитъ отъ разрѣшенія вашего брата [2]). Будьте такъ добры, похлопочите и употребите ваше вліяніе—я вамъ искренно благодаренъ буду за это. Издатель (Воронцовъ-Вельяминовъ) и участники этого журнала мнѣ знакомые люди—и я вамъ за нихъ отвѣчаю. Вы уже такъ часто дѣлали хорошія и полезныя дѣла—сдѣлайте это и вы сами увидите, что кромѣ хорошаго ничего изъ этого не выйдетъ. Я тоже обѣщалъ участвовать въ этомъ журналѣ.

Надѣюсь увидать васъ въ началѣ ноября—зиму я проживаю въ Петербургѣ. Еще разъ поручаю это предпріятіе вашему ходатайству, крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

II.

Воскресеніе.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Во первыхъ, нагло пользуюсь вашей любезностью и посылаю вамъ золотое перо на обмѣнъ вашего, хорошаго; а во вторыхъ, нельзя ли попросить вашего брата, ми-

[1]) Подлинники сданы въ императорскую публичную библіотеку. Г. Р.

[2]) Евграфа Петровича Ковалевскаго, министра народнаго просвѣщенія.

нистра, чтобы онъ на мѣсто цензора въ Москвѣ рекомендовалъ г. Щербинину—Ивана Васильевича Павлова, сотрудника «Московскаго Вѣстника», отличнѣйшаго и достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка? Этимъ бы онъ обязалъ и литературу, и цензуру, и администрацію,—а Рахманиновъ не одной литературѣ вредилъ.

Крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

III.

Аахенъ. 7 (19) іюля 1860 г.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Мнѣ очень было досадно, что я не видалъ васъ передъ отъѣздомъ изъ Содена. Я пришелъ съ книгами (№ «Отеч. Записокъ» и Бедекера) пять минутъ послѣ вашего отъѣзда. Генералъ Шульманъ обѣщалъ мнѣ переслать ихъ къ вамъ. А это письмо доставитъ вамъ Марья Александровна Марковичъ, съ которой я пріѣхалъ до Аахена (ей нужно было видѣть здѣсь одного знакомаго). Она хочетъ васъ видѣть—и само по себѣ—и—что для нея нѣсколько «вновѣ», какъ говоритъ (И. Ѳ.) Горбуновъ,—въ качествѣ просительницы. Ея мужу надобно доставить штатное мѣсто въ Петербургѣ—а то средства ихъ становятся весьма и весьма тѣсны. Я знаю напередъ, что вы обрадуетесь этому случаю сдѣлать что нибудь для нея пріятное, а потому не настаиваю болѣе, а жму вамъ крѣпко руку, желаю вамъ отличнаго лѣченія и самой слабой игры.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

IV.

(Спб.) 19 февраля 1861 г., пятница.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Сейчасъ ко мнѣ пріѣхалъ Некрасовъ и мы съ нимъ выбрали пять безобидныхъ стихотвореній (новыхъ у него нѣтъ—а Сашу мы цѣликомъ оставимъ до другаго чтенія), а именно: Свадьба, Несжатая полоса, Школьникъ, Нравственный человѣкъ и Княгиня. Пожалуйста, заѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ, чтобы рѣшить, какія 2 стихотворенія выбрать изъ 5. Я бы самъ къ вамъ заѣхалъ—да мнѣ рѣшительно запрещено выходить. Я васъ жду, потому что надобно сегодня же покончить, а то опоздаешь.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

V.

Пятница утромъ.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Вы мнѣ какъ то говорили, что хотите мнѣ дать мѣсто, у себя въ департаментѣ. Je veux vous prendre au mot; но не для себя, а есть у васъ чиновникъ, нѣкто К.... [1]), мол-

[1]) Имя не разобрано.

даванинъ, отличнѣйшій человѣкъ, въ которомъ я принимаю искреннее участіе и о которомъ я уже вамъ писалъ изъ заграницы; доставьте ему мѣсто въ Молдавіи—или дайте туда временное порученіе или пошлите его хоть курьеромъ туда. Этимъ вы его осчастливите, а меня обяжете. Мое проклятое горло опять меня схватило и я опять долженъ сидѣть дома; но я сильно хлопочу о нашемъ чтеніи—Полонскій и Майковъ написали такія прелестныя стихотворенія для него, что вы удивитесь! Кланяюсь вамъ дружески и жму руку.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

VI.

Пятница.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, кажется первое представленіе наше назначено въ середу, на Ѳоминой недѣлѣ—но для бо̀льшей вѣрности я переговорю сегодня же съ Вейнбергомъ и дамъ вамъ знать.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

VII.

Понедѣльникъ.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Сегодня у меня на квартирѣ (въ 5 часовъ) обѣдъ основателей литературнаго фонда. Всѣ положили васъ непремѣнно звать, но именно потому, что всѣ это положили, я боюсь, что никто вамъ не сказалъ—а потому я васъ извѣщаю о предстоящемъ обѣдѣ и мы будемъ васъ ждать безотговорочно.

До свиданія. Душевно вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

VIII.

Четвергъ.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, посылаю вамъ вашу статью, которая очень и очень хороша—повѣрьте мнѣ—но если вы желаете знать, что̀ именно я нашелъ въ ней менѣе удачнаго—то приходите завтра ко мнѣ обѣдать—у меня будутъ Анненковъ и Некрасовъ. До свиданія.

Вашъ И. Тургеневъ.

IX.

Воскресеніе утромъ.

Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, Ханыковъ сейчасъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ, что по вашимъ словамъ сегодня въ 1 часъ собраніе по нашему обществу [1]) для выбора въ члены комитета. Я очень

[1]) Для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

удивился, полагая, что это произойдетъ 2-го февраля, напишите объ этомъ слово.

Дружески жму вашу руку. Вашъ Ив. Тургеневъ.

X.

Paris. Ce 26 avril 1863.

Mon cher et bon M. Kovalevski, la personne qui vous remettra cette lettre est M-r Long, pasteur anglais et membre de la société de la paix qui après un long séjour en Asie, vient visiter la Russie, pour laquelle il professe une très grande sympathie. Il désire y passer près de trois mois et est on ne peut mieux disposé en notre faveur. J'ai cru que vous pouviez lui être utile et connaissant votre bienveillance habituelle je me permets de recommander M. Long à votre protection dont ses sentiments distingués le rendent parfaitement digne. Je vous serai bien reconnaissant de tout ce que vous ferez en sa faveur et vous prie en même temps d'accepter l'assurance de mes sentiments les plus affectueux.

I. Tourguénéff.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Письмо Т. Г. Шевченко къ Е. П. Ковалевскому.

26 апрѣля 1860 г.

Чтимый и глубокоуважаемый Егоръ Петровичъ! Во имя всѣхъ святыхъ и въ особенности во имя великомученика Георгія, извините мнѣ, что я не самолично поздравляю васъ съ днемъ вашего ангела (легче верблюду въ игольное ухо пройти, нежели доброму художнику среди бѣла дня оставить свою рабочую).

По обычаю предковъ нашихъ, во мѣсто злата и серебра нетлѣннаго, посылаю вамъ тлѣнное послѣднее дѣло рукъ моихъ и пребываю сердечно любящій васъ Т. Шевченко.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

ПѢВИЦА ПОЛИНА ВІАРДО ГАРСІА.

Шутка И. П. Мятлева.

1843 г.

Прилагаемое стихотвореніе И. П. Мятлева (1796—1844) подарено имъ извѣстному литератору Ѳ. А. Кони (1809—1879) и хранилось въ бумагахъ послѣдняго.—Оно относится къ первому году пребыванія Полины Віардо Гарсіа на петербургской итальянской оперной сценѣ, когда она пѣла вмѣстѣ съ Тамбурини и Рубини. (Вольфъ. Хроника петербургскихъ театровъ. Ч. II). Шутливый авторъ „Сенсаціи г-жи Курдюковой данъ л'етранжэ" въ своеобразной формѣ заплатилъ свою дань восторгу, въ который приводила меломановъ чудная пѣвица. Въ это же время, какъ извѣстно, познакомился съ нею И. С. Тургеневъ, въ жизни котораго затѣмъ она играла выдающуюся роль.

По странному совпаденію обстоятельствъ, Тургеневъ, въ одномъ изъ самыхъ задушевныхъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ" говоритъ: „гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

„Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..." и т. д.

Оказывается, что такъ начиналось одно, теперь совсѣмъ забытое, стихотвореніе того же И. П. Мятлева, напечатанное въ началѣ 40-хъ годовъ и названное „Розы".

Вотъ первая строфа этого произведенія, звучавшая своимъ первымъ стихомъ чрезъ 40 лѣтъ въ памяти нашего незабвеннаго художника:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
„Въ моемъ саду! какъ взоръ прельщали мой!
„Какъ я молилъ весенніе морозы
„Не трогать ихъ холодною рукой!"

Анатолій Ѳед. Кони.

О пѣвицѣ Гарціи Віардо, которую большая часть публики называетъ Веръ-д'о.

Что за Веръ-д'о, что за веръ-д'о?
Напрасно такъ пѣвицу называютъ!
Неужели не понимаютъ,
Какой небесный въ ней кадо?
Скорѣе слушая сирену,
Шампанскаго игру и пѣну
Припомнимъ мы — такъ высоко
И самый лучшій Вёвъ Клико
Не залетитъ, не унесеться
Какъ пѣснь ея, когда зальется
Соловушкою; — э времапъ
Предъ ней водица Ле Креманъ.
Она въ Соннамбулѣ, въ Отелло
Заткнетъ за поясъ Монтебелло,
А про Моэтъ и Силлери,
То даже и не говори.

Иванъ Мятлевъ.

10-го декабря
1843 г.

БЫВШИМЪ ТУРГЕНЕВСКИМЪ КРѢПОСТНЫМЪ.

30 сентября 1883 г.

Вы грустно его провожали
Отъ свѣта навѣкъ въ темноту,
Но вы его славы не знали,
А чтили одну доброту.

Васъ, можетъ быть, смутно дивило
Зачѣмъ такъ стремится народъ,
Какая угаснула сила,
Что ей такой пышный почетъ?

Зачѣмъ эти лавры и розы
Въ вѣнкахъ на могилу неслись,
И тихо кропили ихъ слезы,
И рѣчи такъ скорбно лились?...

Затѣмъ, что имъ двигала сила,
Великая сила любви,
И въ свѣтломъ трудѣ воплотила
Живыя созданья свои—

Умѣла признать человѣка
Въ подавленномъ рабской судьбой,
Томимомъ отъ вѣка до вѣка
Глухой съ произволомъ борьбой.

Художникъ—свои онъ творенья
Души чистотой освятилъ,
И, въ словѣ любви, поколѣнья
Добру онъ и правдѣ училъ.

И творчество это, по праву,
Россія своимъ признаетъ,
И, гордо, народную славу
Въ почившемъ вѣнчаетъ народъ!..

Скажите жъ душевное слово
О немъ между братьевъ своихъ,
Оно, будь имъ дивно и ново,
А въ сердцѣ откликнется ихъ—

Поймутъ и они, что могила
Не все безвозвратно беретъ,
Что, въ словѣ замкнутая сила,
Еще и за гробомъ живетъ,

И, яркою мыслью сверкая,
Она не погаснетъ—и вновь
Намъ память творца дорогая
Освѣтитъ добро и любовь!..

А. И. Подолинскій.

Кіевъ,
30 сентября 1883.

Гр. А. А. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина.

Въ обширномъ и обстоятельномъ перечнѣ всего того, что относится до жизнеописанія и характеристики этихъ двухъ лицъ,—перечнѣ, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., мартъ, нѣтъ указаній на статьи, напечатанныя въ „Новгородскомъ Сборникѣ“ за 1865 и 1866 гг., а именно: Переписка графа Аракчеева объ устройствѣ памятника императору Александру I въ Грузинѣ (кн. I). — Переписка и описаніе знамени св. князя Владиміра, находящагося въ Грузинскомъ соборѣ (кн. II).—Переписка графа Аракчеева касательно Грузинскаго собора (кн. III). — Правила о свадьбахъ и приказы графа Аракчеева (кн. IV). — Высочайшіе указы и граматы объ основаніи военныхъ поселеній. Письма Г. Бухмейера къ графу Аракчееву 1816—1817 гг. (кн. V).—Шумскій (кн. VI).

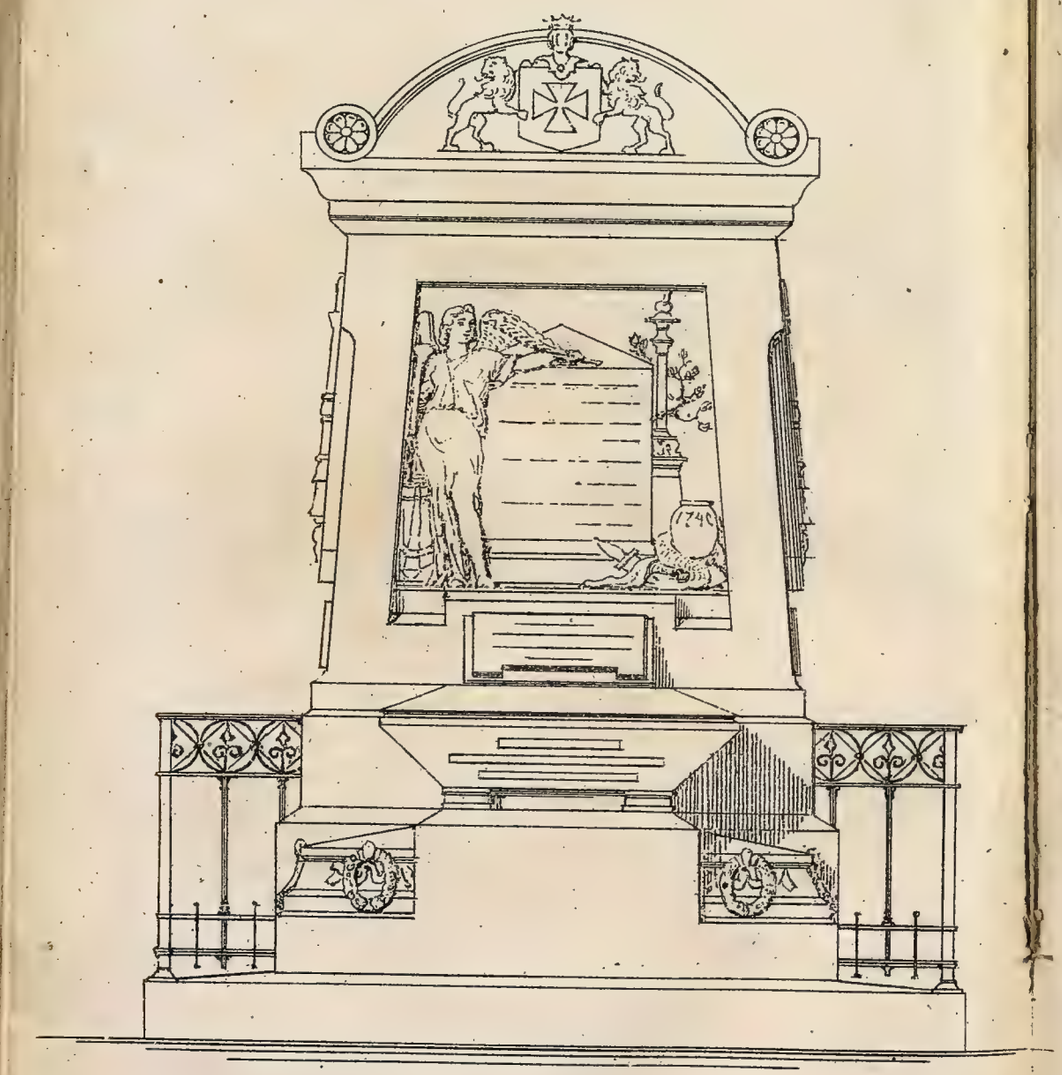
Вас. Надпорожскій.

Нарва.

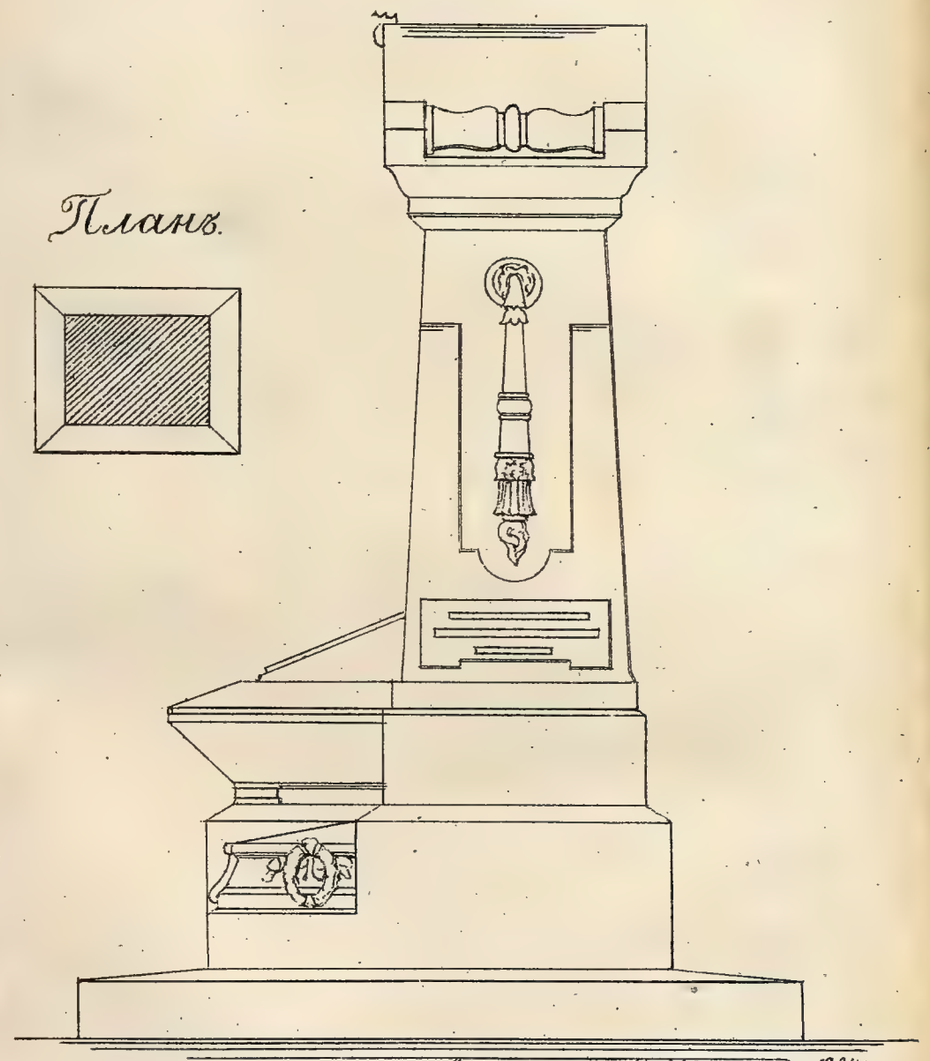
Проектъ

Памятника на могилѣ А: П: Волынскаго, А: Ѳ: Хрущева и П: М: Еропкина.

Фасадъ

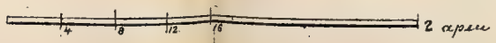


Боковой фас:



Планъ.

Архитекторъ М: Щурдповъ. 1884 г.



Печатано въ Литографіи Н. Брезе С.П.Б.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Ивана Андріановича Тарасевича, изъ города Остроленки, Ломжинской губерніи, 18 марта 1884 г.	3 руб.
А съ прежде поступившими всего . .	1,358 руб.

Поправка. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, въ статьѣ „Могила Волынскаго“, стр. 463, слѣдуетъ: Екатерина Владиміровна Новосильцова, а не Анна Владиміровна.

Сообщ. о. Львовъ.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221.

МИХАИЛЪ АРЕФЬЕВИЧЪ ЩУРУПОВЪ

профессоръ архитектуры.

Представляя при настоящей книгѣ проектъ памятника Артемію Волынскому и его страстотерпцамъ, проектъ, принадлежащій профессору М. А. Щурупову, мы пользуемся настоящимъ случаемъ, дабы помѣстить объ этомъ маститомъ отечественномъ художникѣ нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Ред.

Проектированный памятникъ надъ могилою Волынскаго профессоромъ М. А. Щуруповымъ, какъ видно изъ приложеннаго рисунка, имѣетъ видъ пирамидальнаго гранитнаго монолита, вышины въ 5 аршинъ; къ пьедесталу его внизу примыкаетъ саркофагъ, изъ подножія котораго, въ свою очередь, выступаютъ внаружу меньшіе два саркофага, выходя всего четвертями своей величины, украшенные вѣнками. Такимъ образомъ основаніе памятника показываетъ, что здѣсь находится не одна, а три могилы страстотерпцевъ.

Въ средней части памятника, съ лицевой стороны, помѣщенъ барельефъ, представляющій женскую фигуру исторіи, держащую въ рукѣ пальмовую вѣтвь и свитокъ, съ начертаннымъ на немъ четверостишіемъ изъ стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева:

Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика-сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина.

Ниже свитка, въ правомъ углу барельефа, изображена урна съ числомъ и годомъ казни (27 іюля 1740), а подъ нею змѣя, какъ аллегорія зла, и ножъ палача; надъ этими атрибутами находится горящій свѣтильникъ — олицетворяющій правду, обвитый оливковымъ деревомъ, въ знакъ примиренія съ прошлымъ.

Съ обратной стороны барельефа, на памятникѣ будетъ высѣченъ контуръ, изображающій прежній монументъ, и подъ нимъ надпись, находящаяся на плитѣ его, такъ какъ послѣдняя настолько попорчена временемъ, что при поднятіи ея она неминуемо должна разсыпаться на части.

Наконецъ, верхняя часть памятника украшена полукруглымъ фронтономъ, заканчивающимся валютами, обращенными вверхъ. Въ срединѣ же помѣщенъ гербъ Волынскаго, на щитѣ котораго находится одинъ лишь крестъ, словно нарочно поставленный ему судьбой въ ознаменованіе несенія тяжелаго жизненнаго креста. Такое соображеніе заставило художника украсить памятникъ Волынскаго именно его гербомъ, такъ какъ при этомъ нѣтъ надобности украшать памятникъ шаблоннымъ надмогильнымъ крестомъ, что обыкновенно лишаетъ памятникъ монументальности.

На бокахъ памятника находятся потухающіе факелы, обращенные огнемъ внизъ, а подъ ними фамиліи Хрущова и Волынскаго.

На самомъ же саркофагѣ предполагаетъ г. Щуруповъ сдѣлать надпись: «Сооруженъ въ такомъ-то году, по почину редакціи историческаго журнала «Русская Старина», при содѣйствіи поименованныхъ лицъ (такихъ-то).

Стоимость такого памятника будетъ простираться до 3,800 рублей, и если такой суммы не соберется въ скоромъ времени, то накопленіе ея во всякомъ случаѣ возможно, такъ какъ собранный капиталъ будетъ давать уже порядочную сумму процентовъ, почему нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ почтеннаго профессора, что лучше подождать еще нѣсколько лѣтъ и сдѣлать памятникъ, достойный Волынскаго и того времени, въ которомъ созрѣла мысль его, чѣмъ, ради поспѣшности, только поставить что-нибудь. Мы, впрочемъ, надѣемся, что еще многіе изъ нашихъ подписчиковъ примутъ участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ рѣчь началась лишь съ предложенія постановки рѣшетки вокругъ могилы, на что первоначально и поступали пожертвованія; теперь-же, когда будутъ извѣстны какіе именно памятники предполагаются къ постановкѣ, то очень можетъ быть, что приславшіе уже свои лепты ихъ дополнятъ новыми взносами.

Михаилъ Арефьевичъ Щуруповъ родился 15 іюля 1815 года, въ уѣздномъ городкѣ Лифляндской губерніи Аренсбургѣ, гдѣ отецъ его находился на государственной службѣ, и былъ женатъ на г-жѣ Гольтерманъ, принадлежавшей, по своему происхожденію, къ старинной эстляндской фамиліи.

Послѣ смерти отца Щурупова, на рукахъ матери осталось 8 чело-

вѣкъ малолѣтнихъ дѣтей, буквально безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ отецъ ихъ не только не оставилъ какого-либо состоянія, но даже не выслужилъ и пенсіи. Несмотря на все это, энергическая натура матери сиротъ заставила ее рѣшиться распродать оставшіеся домашніе пожитки, и на вырученныя деньги ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ, при посредствѣ своихъ знакомыхъ, раздать дѣтей на воспитаніе къ чужимъ людямъ.

На долю маленькаго Михаила палъ жребій попасть въ домъ священника Гавріила, законоучителя корпуса путей сообщенія, бывшаго впослѣдствіи секеларіемъ при церкви Зимняго дворца. Бездѣтная чета отца Гавріила полюбила бойкаго и отъ природы умнаго воспитанника какъ сына, котораго вскорѣ помѣстили приходящимъ въ училище императорскаго человѣколюбиваго общества; по окончаніи же въ немъ курса, на 16 году, Щуруповъ поступилъ въ академію художествъ, въ число 12 пенсіонеровъ министерства путей сообщенія, на стипендію графа Толя.

Первые три года своего пребыванія въ академіи, М. А. Щуруповъ занимался въ ея классахъ изученіемъ черченія и рисованія съ гипсовъ, а послѣдующіе три исполнялъ академическія программы, получая вначалѣ за композиціи нумера одни изъ послѣднихъ, но, освоившись съ дѣломъ, сталъ отличаться и получать лучшія отмѣтки, такъ что среди своихъ товарищей имѣлъ не многихъ соперниковъ, въ числѣ которыхъ были лишь покойный Карлъ Андреевичъ Бейне (род. 1816 † 1858), да Николай Лаврентьевичъ Бенуа, нынѣ предсѣдатель строительнаго отдѣленія с.-петербургской городской думы.

Получа одну за другою серебряныя медали, Щуруповъ въ 1836 г. былъ награжденъ 2-ою золотою медалью, за программу проекта училища правовѣдѣнія, которая на выставкѣ обратила на себя вниманіе императора Николая I и удостоилась его похвалы. Фасадъ представленнаго училища напоминалъ фасадъ зданія манежа на площади Зимняго дворца, впослѣдствіи построеннаго А. П. Брюловымъ, съ тою только разницею, что у него нижній этажъ примѣненъ къ условіямъ манежа, а въ другихъ этажахъ вмѣсто пилястръ сдѣланы выступающія колонны. Вмѣстѣ съ полученіемъ золотой медали М. А. Щуруповъ получилъ и аттестатъ на званіе художника 14 класса, при чемъ былъ оставленъ для усовершенствованія при академіи, въ числѣ восьми слѣдующихъ академистовъ: живописца Молдавскаго; скульпторовъ: Иванова, Мануйлова; граверовъ: Пищалкина, Андрузкина, Капустина и медальера Лютина.

Еще будучи ученикомъ академіи, способности Щурупова обратили на него вниманіе президента Алексѣя Ник. Оленина, къ которому

онъ и сталъ ходить для занятій археологіею, имѣвъ первоначально своимъ руководителемъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

Расположеніе президента, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ публичной библіотеки, дало возможность Щурупову заниматься въ ея залахъ, копируя съ старинныхъ изданій массу снимковъ, какъ для А. Н. Оленина, такъ и лично для себя. Кромѣ того, посѣщенія дома президента, какъ въ городѣ, такъ и на его извѣстной дачѣ Пріютино, близъ Кушелевки, гдѣ Щурупову пришлось одно время жить въ одной комнаткѣ съ нашимъ баснописцемъ И. А. Крыловымъ, предоставили молодому человѣку возможность пріобрѣсти болѣе знаній, сравнительно съ тѣми, которыми снабжала тогда сама академія. Такъ, къ этому времени относится сдѣланный Щуруповымъ рисунокъ памятника командиру гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанту Бистрому, который былъ избранъ Государемъ, не смотря на то, что для этой же цѣли также дѣлалъ проектъ знаменитый баварскій архитекторъ Кленце, по планамъ котораго построено зданіе Эрмитажа.

Въ 1847 году за проектъ великокняжескаго дворца, по заданной программѣ, М. А. Щуруновъ получилъ 1-ую золотую медаль, одновременно съ И. К. Айвазовскимъ и Моллеромъ. Продолжая заниматься у Оленина, вскорѣ послѣ полученія послѣдней медали, Михаилъ Арефьевичъ, ободренный успѣхомъ своего рисунка для памятника Бистрома, занялся, по просьбѣ своего товарища Шрейбера, изготовленіемъ для его брата, извѣстнаго тогдашняго петербургскаго бронзовщика, эскиза для часовъ, которые послѣдній хотѣлъ сдѣлать къ объявленной промышленной выставкѣ въ Петербургѣ. Видя своихъ нѣкоторыхъ товарищей, работавшихъ на конкурсъ, предложенный камеръюнкеромъ А. Н. Демидовымъ, по которому требовалось изобразить Петра Великаго въ ростъ въ одинъ изъ случаевъ, когда монархъ соображалъ одну изъ исполинскихъ своихъ идей, которыми возвелъ свое отечество на степень славы и могущества, и взявъ эту задачу въ основу идеи для часовъ, Щуруповъ представилъ Петра I стоящимъ на крѣпости и указывающимъ на Финскій заливъ, а геній его подноситъ ему камень съ надписью 1703 года, т. е. основанія Петербурга.

Конкурсъ не состоялся и академія не заблагоразсудила дать награды за картины, представленныя соискателями, на выставкѣ же академической позволено было Щурупову поставить его эскизъ часовъ, за который онъ впервые получилъ за свой трудъ отъ Шрейбера 800 руб. Самая модель, подъ его также наблюденіемъ, была вылѣплена Реймерсомъ и Рамазановымъ, а отлитые по ней часы съ выставки куплены государемъ за 10,000 р. и находятся въ настоящее время въ Зимнемъ дворцѣ на половинѣ покойной государыни.

Весною 1838 года Оленинъ командировалъ, съ высочайшаго соизволенія, Щурупова въ Кіевъ для изслѣдованія постройки Кіево-Софійскаго собора. По пріѣздѣ его туда, молодой художникъ нашелъ радушный пріемъ въ лицѣ митрополита Филарета и викарія Иннокентія, извѣстнаго впослѣдствіи архіепископа херсонскаго. Помѣстясь на жительство по приглашенію въ лаврѣ, онъ часто посѣщалъ этихъ двухъ ученѣйшихъ іерарховъ, получая изъ ихъ бесѣдъ много полезнаго для себя въ научномъ отношеніи.

Все время пребыванія въ Кіевѣ, до конца почти зимы, всецѣло было проведено художникомъ въ рѣшеніи задачи изслѣдованія первоначальной постройки храма, передѣланнаго знаменитымъ графомъ Растрелли. Среди своихъ занятій Щуруповъ только разъ былъ оторванъ отъ нихъ и напуганъ даже всемогущимъ въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, который въ одно изъ воскресеній, пріѣхавъ въ храмъ, замѣтилъ художника, стоявшаго у самыхъ дверей, который, углубленный въ разсматриваніе кладки стѣны, не только не поклонился ему, но даже, не замѣчая генералъ-губернатора, не посторонился. Бибиковъ послалъ адъютанта узнать фамилію незнакомца, а также спросить почему онъ не считаетъ долгомъ кланяться генералъ-губернатору. Для объясненія пришлось на другой день ѣхать художнику лично и дѣло кончилось тѣмъ, что Бибиковъ приказалъ хотя изрѣдка бывать у него.

Привезенные планы Софійскаго собора Щуруповымъ, по которымъ сдѣлана реставрація храма въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до перестроекъ, несказанно обрадовали Оленина; представляя ихъ государю, президентъ счелъ своимъ долгомъ сказать его величеству, что Щурупова, удостоеннаго первой золотой медали, ему приходится выпустить изъ рукъ академіи въ министерство путей сообщенія, какъ стипендіата графа Толя. На это императоръ возразилъ, что пусть Щуруповъ остается въ академіи, такъ какъ для его величества безразлично въ томъ или другомъ его карманѣ будетъ талантливый и способный архитекторъ.

Это извѣстіе, сообщенное Щурупову Олениным, несказанно обрадовало его, потому что освободило отъ тяготѣвшей надъ нимъ обязательной службы въ провинціи. Вслѣдъ затѣмъ, полученный изъ кабинета отъ государя Николая Павловича пожалованный брилліантовый перстень, въ 3 тысячи франковъ, за кіевскую работу, былъ наградою трудовъ Щурупова. Передавая ему этотъ подарокъ, президентъ обѣщалъ съ наступленіемъ весны снова послать его въ Новгородъ и Псковъ. Но не этого хотѣлось художнику, который, имѣя за собою право быть посланнымъ за границу, спалъ и видѣлъ лишь, когда сбудется его завѣтная мечта очутиться въ Италіи, а примѣръ даровитаго Ѳ. Г. Солнцева, по-

павшаго въ сотрудники къ Оленину и никакъ не могшаго урваться отъ него, чтобы уѣхать за границу, заставлялъ Щурупова призадумываться объ этомъ серьезно. Случай однако помогъ ему встрѣтить въ инспекторѣ классовъ академіи, Крутовѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго сооружался памятникъ Бистрому, проэктированный Щуруповымъ, котораго онъ любилъ еще и въ академіи, истиннаго ходатая или, вѣрнѣе, пособника къ осуществленію своего желанія.

Представляя требовательную вѣдомость въ кабинетъ его величества для отправки въ Италію пенсіонеровъ: Штернберга, Сократа Воробьева, весьма талантливаго художника Николая Леонтьевича Бенуа, онъ включилъ и Щурупова. Старикъ Оленинъ подписалъ поданный докладъ, кажется, не читая, такъ какъ когда названные художники, передъ своимъ отъѣздомъ, явились къ нему, чтобы попрощаться, то, подходя по очередно къ каждому изъ нихъ, Алексѣй Николаевичъ, увидавъ Щурупова, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какъ твоя фамилія?

«Щуруповъ, ваше превосходительство!» отвѣчалъ художникъ.

— Помню, помню тебя, и ты вѣдь, я думаю, еще не забылъ мою привычку говорить пословицы. Такъ вотъ на прощаніе тебѣ скажу: я тебя выведу, а ты меня выучишь.

«Ваше пр—ство, отвѣтилъ Щуруповъ, я знаю отъ васъ-же и другую: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше».

На эту находчивость Щурупова, президентъ заключилъ его въ свои объятія и у ученика археолога, равно и у самого послѣдняго навернулись искреннія слезы привязанности.

— Ты знай и помни, что я тебя любилъ, какъ сына, говорилъ растроганный Олениинъ, и если что тамъ надобно будетъ—пиши прямо ко мнѣ, не мало не стѣсняясь.

Весною 1840 года на одномъ изъ первыхъ отходившихъ пароходовъ, вышеназванные четыре художника отправились изъ Петербурга въ Любекъ, оттуда въ почтовой каретѣ на Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Вѣну, Инспрукъ, Тріестъ и Венецію, а тамъ въ Болонью, Чеветавеккіо, Феррару и наконецъ Римъ, гдѣ пришлось провести Щурупову цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ.

По отъѣздѣ Щурупова, въ «Художественной газетѣ» 1840 года, Н. В. Кукольника, въ статьѣ, гдѣ были перечислены лица, получившія первыя золотыя медали, было о немъ сказано въ характеристикѣ таланта: «природный умъ и много изученія», а въ изданномъ въ 1842 г. «Памятникѣ искусствъ» помѣщены были о немъ слѣдующія строки: «Щуруповъ—пенсіонеръ академіи въ Италіи, посланный туда за успѣхи въ архитектурѣ. Въ этомъ молодомъ художникѣ наши отечественныя

древности и памятники искуствъ Византіи найдутъ искуснаго и усерднаго изыскателя. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, основываясь на первоначальномъ направленіи занятій его. Посѣтители художественныхъ выставокъ въ академіи, конечно, помнятъ представленные имъ, въ прошедшее трехлѣтіе, прекрасные рисунки съ мозаикъ Кіево-Софійскаго собора и чертежи того же храма въ томъ видѣ, какъ онъ долженъ былъ оставаться до новѣйшихъ передѣлокъ. Работы, какія были поручаемы этому художнику президентомъ академіи по части русскихъ древностей, и наконецъ самая его цѣль путешествія въ Равенну должны въ высшей степени пробуждать просвѣщенное любопытство и заставлять ожидать прекрасныхъ плодовъ отъ занятій г. Щурупова».

Надеждамъ, возлагавшимся по части археологіи, не пришлось осуществиться въ дальнѣйшемъ направленіи работъ Щурупова, который, прибывъ въ Римъ, былъ пораженъ остатками осмотрѣнныхъ имъ древнихъ зданій, по грандіозности, стройности и цѣлости производимаго ими впечатлѣнія; разсматривая подробно и внимательно эти остатки, онъ понялъ и объяснилъ себѣ, что, чтобы достигнуть тѣхъ знаній и навыка, которые требуются отъ зодчаго, какъ составителя монументальныхъ сооруженій, каковыхъ образованіе и есть прямая цѣль академіи, необходимо не раболѣпное копированіе уцѣлѣвшихъ зданій или измѣреніе колоннъ, архитравовъ и карнизовъ, тѣмъ болѣе, что изданные труды иностранцами по этой части врядъ-ли оставляютъ желать чего-либо лучшаго, поэтому идти по этой дорогѣ въ роли простого и скромнаго послѣдователя ему казалось нецѣлесообразнымъ. Эти-то соображенія и направили къ изученію скульптуры, необходимость знанія которой для архитекторовъ, очевидно, было обязательнымъ у древнихъ, иначе трудно объяснить откуда могла явиться та строгая соразмѣрность въ сочетаніи пропорцій первой съ послѣднею.

Справедливость такого изученія, принятаго Щуруповымъ, было неоспоримо, такъ какъ извѣстно, что подобно ему знаменитый германскій архитекторъ Шинкель, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, въ 1805 г., исключительно посвятилъ себя рисункамъ для лѣпныхъ и бронзовыхъ украшеній, модели для которыхъ лѣпилъ самъ, и, упражняя свой вкусъ и воображеніе, онъ составилъ себѣ то сокровище разнородныхъ познаній, которое впослѣдствіи было предметомъ его громкой славы.

Рѣшившись серьезно заняться скульптурою, Щуруповъ обратился сперва за совѣтомъ къ извѣстному римскому ваятелю Тенераши, затѣмъ посѣщалъ частные скульптурные классы и наконецъ устроилъ свою мастерскую. Все это вполнѣ раздѣлялъ съ молодымъ художникомъ и начальникъ нашихъ пенсіонеровъ въ Римѣ, камергеръ Кривцовъ, занимавшій мѣсто старшаго секретаря нашего посольства и только что,

въ 1840 г., назначенный на эту должность съ избраніемъ въ почетные вольные общники императорской академіи художествъ. Самъ Кривцовъ представлялъ собою типъ русскаго барина, добраго стараго времени, не лишенный впрочемъ здраваго взгляда на вещи вообще и даже на искусство; такъ составленный имъ проэктъ объ учрежденіи мозаическаго отдѣленія, по разсмотрѣніи совѣтомъ академіи, одобренъ былъ вполнѣ и признано, что дѣйствительно ни въ одной изъ странъ Европы нельзя столь удобно и съ наименьшимъ расходомъ учредить такое отдѣленіе, какъ въ Россіи.

Изъ скульптурныхъ работъ Щурупова, присланныхъ имъ изъ Италіи, находится въ музеѣ академіи гипсовый эскизъ крещенія русскаго народа княземъ Владиміромъ, препровожденный министромъ императорскаго двора. Посѣтившій въ 1846 году Римъ вице-президентъ академіи, графъ Ѳ. П. Толстой, восхищался работою ванны Щурупова, на бокахъ которой имъ были изображены атрибуты тріумфа Венеры; ванна эта теперь находится въ одномъ изъ павильоновъ въ Петергофѣ. Вотъ что въ своемъ рапортѣ академіи писалъ графъ: «пенсіонеръ Щуруповъ кончаетъ прекрасно имъ сочиненную мраморную ванну; прожектировалъ: щитъ, шлемъ и мечъ Россіи съ аллегорическими изображеніями. Сверхъ того занимается сочиненіемъ каѳедральнаго собора и рисунками церковной утвари для храма Спасителя въ Москву».

Въ томъ же году представленный строителемъ храма К. А. Тономъ рисунокъ Щурупова «престола для главнаго алтаря храма Спасителя въ Москву» былъ одобренъ академическимъ совѣтомъ, а самъ составитель его, вмѣстѣ съ Н. Л. Бенуа, Эппингеромъ, Кракау, Резановымъ и Росси, просили академію о назначеніи имъ прибавки отъ казны къ получаемому содержанію, на путешествіе по Франціи, Германіи и Англіи, для обозрѣнія извѣстныхъ тамъ зданій.

Срокъ шестилѣтняго пребыванія Щурупова истекалъ и ему приказано было возвращаться въ Россію, на что онъ отвѣчалъ, что занятый частными работами по заказамъ онъ ранѣе ихъ окончанія не можетъ оставить Рима. Смѣнившій Кривцова генералъ-маіоръ Киль, не терпѣвшій ничего, что не согласовалось съ военной дисциплиной, писалъ о Щуруповѣ, что онъ, будучи пенсіонеромъ-архитекторомъ, не занимается своимъ дѣломъ, а скульптурою. Въ концѣ концовъ Щурупову приказано было немедленно возвратиться въ Петербургъ, но онъ ослушался, навлекъ на себя гнѣвъ государя и такимъ образомъ, по стеченіи лишь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сложившихся не въ пользу его, принужденъ былъ пробыть еще цѣлыхъ 10 лѣтъ въ Римѣ. Одною изъ причинъ всего это, отчасти, были успѣхи развитія его таланта, оставлявшаго за собою своихъ сверстниковъ, что дѣлало его предметомъ

зависти и вѣчной ея спутницы—клеветы, избирающей обыкновенно своимъ девизомъ: что выше насъ, то достойно порицанія. Впрочемъ это удѣлъ почти всякаго большого таланта, который, къ счастію, въ большинствѣ случаевъ надѣляется и наибольшею энергіею, доставляющею возможность все переносить и преодолѣвать. Точно такъ и М. А. Щуруповъ, лишенный всякой субсидіи изъ отечества, въ продолженіи всего времени остальной своей жизни на чужой сторонѣ, черпалъ и находилъ лишь въ своемъ талантѣ ту нравственную силу и тѣ необходимыя матеріальныя средства, которыми обусловливается не только простое существованіе человѣка, но и дальнѣйшее развитіе его способностей.

Онъ занимался постройкою гостинницы въ порто Данціо, лѣпилъ орнаменты изъ воска, составлялъ рисунки для бронзера Мессино и учился у него чеканки на мѣди, рѣзалъ камме съ портретами нашихъ знатныхъ путешественниковъ, по ихъ заказамъ. Участвовалъ въ конкурсѣ гробницы Наполеона I, за что чрезъ посольство получилъ похвальный отзывъ. По смерти геніальнаго Карла Брюлова составилъ проэктъ надгробнаго ему памятника, который и былъ изваянъ имъ лично изъ мрамора. Рисунокъ этого памятника, снятаго съ натуры на кладбищѣ Monte Testaccio, въ Римѣ, академикомъ художникомъ-женщиною, Н. Е. Макухиной, помѣщенъ въ «Художественномъ Листкѣ» Тимма за 1858 годъ, а превосходная акварель профессора В. П. Верещагина находится въ собраніи недавно умершаго Н. Д. Быкова.

Въ 1848 году, когда вспыхнула революція, М. А. Щуруповъ, вмѣстѣ съ покойнымъ граверомъ и ректоромъ академіи Ѳ. П. Іорданомъ, а также знаменитымъ творцомъ картины «Явленіе Христа народу» Алекс. Андр. Ивановымъ, единственно оставшимися изъ нашихъ художниковъ въ Римѣ, такъ какъ остальнымъ пенсіонерамъ приказано было выѣхать немедленно вонъ изъ города нашею академіею, были призваны въ ряды національной гвардіи, какъ римскіе граждане, потому что провели болѣе 5 лѣтъ въ Римѣ. Мы не станемъ вдаваться въ эпизоды, бывшіе съ М. А. Щуруповымъ въ Римѣ, такъ какъ это насъ завлекло-бы слишкомъ далеко, скажемъ лишь наконецъ, что по кончинѣ императора Николая I, ея императорское высочество великая княгиня Марія Николаевна, посѣщавшая въ Римѣ мастерскую Щурупова и исходатайствовавшая ему заказъ производства сочиненной имъ ванны въ мраморѣ, поручила князю Г. П. Волконскому собрать свѣдѣнія о Щуруповѣ. По этому поводу вотъ что писалъ, между прочимъ, князь высокой покровительницѣ художниковъ:

Madame, l'année passée, au moment de mon départ de S.-Petersbourg, il plut à votre Altesse imperiale de recommender particulièrement à mon

attention la position de l'ex-pensionnaire architecte Щуруповъ, qui par suite de circonstances malheureuses, se trouve à Rome depuis environ 10 ans.

«Ayant pu apprécier autant par moi même que par le jugement de personnes compétentes, le mérite superieur de cet artiste, je puis certifier que sous le rapport du goût dans l'ornementation et de l'invention de formes les plus gracieuses et correctes, on ne connait pas de meilleur parmi les artistes vivans qui s'occupent de cette partie en Italie même où, pourtant, les modèles ne manquent pas.

«Cette conviction généralement etablie me fit entrevoir toute l'utilité qu'on pourrait retirer chez nous de l'emploi d'un individu aussi remarquable, partout où il y aurait l'occasion d'appliquer son talent et particulièrement aux fabriques de porcelaine et de verrerie qui relèvent du cabinet Imperial et à celle des pierres dures de Peterhoff.

«Sa presence dans ces 3 établissemens offrirait bientôt, sous le rapport ci-dessus indiqué, non seulement les moyens de nous passer du secours des étrangers dont nous sommes encore trop tributaires, mais encore de nous en d'elivrer un jour entièrement, en fondant la, sous la direction intelligente de Щуруповъ, une école parmi de jeunes élèves; ceux ci, temoins de ses oeuvres, y puiseraient d'excellentes traditions qui prendraient racine et conduraient aux resultats les plus satisfaisans.

«C'est ainsi, Madame, que vous aurez contribué à restituer au pays un homme qui, dans sa sphère, est appelé à lui rendre des services éminens qu'on devra à votre haute intercession [1]).

[1]) (Переводъ). „Ваше высочество, въ прошломъ году, при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, в. и. в. угодно было поручить мнѣ обратить особенное вниманіе на положеніе бывшаго пансіонера академіи, архитектора Щурупова, который, вслѣдствіи стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находится въ Римѣ около 10 лѣтъ.

„Имѣвъ возможность оцѣнить замѣчательное дарованіе этого артиста на основаніи моихъ личныхъ наблюденій и по отзывамъ людей компетентныхъ, я могу поручиться въ томъ, что относительно вкуса въ орнаментовкѣ и изобрѣтенія наиболѣе граціозныхъ и правильныхъ формъ онъ не имѣетъ соперника среди всѣхъ современныхъ художниковъ по этой части въ самой Италіи, гдѣ нѣтъ однако недостатка въ художественныхъ образцахъ.

„Это общераспространенное мнѣніе навело меня на мысль о той пользѣ, какую могъ бы принести у насъ человѣкъ, столь замѣчательный, вездѣ, гдѣ представился бы случай примѣнить его способности, въ особенности же на фарфоровомъ и стекляномъ заводахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи придворнаго управленія и на мозаичной фабрикѣ въ Петергофѣ.

„Присутствіе его въ этихъ 3-хъ заведеніяхъ вскорѣ дало бы намъ возможность не только обходиться въ вышеупомянутомъ отношеніи безъ помощи иностранцевъ, отъ которыхъ мы еще слишкомъ много зависимъ, но и помогло бы намъ совершенно отдѣлаться отъ нихъ въ будущемъ, основавъ, подъ про-

Согласно этому представленію, Щуруповъ былъ вызванъ изъ Италіи, въ 1855 году, на мѣсто архитектора и завѣдующаго скульптурной мастерской при Императорскихъ: Стекляномъ заводѣ и рисовальной школой при Фарфоровомъ, которые существовали до освобожденія крестьянъ. Къ числу работъ этого времени, произведенныхъ Щуруповымъ, мы назовемъ пьедесталъ мраморный къ статуѣ Евы—работы Біэнеме, принадлежащей г. Сабурову, на которомъ имъ, въ присутствіи учениковъ и служащихъ завода, вырублены были 4 барельефа, прямо по одному рисунку, безъ предварительныхъ моделей; замѣчательна также надгробная плита графа Перовскаго, находящаяся въ церкви св. Лазаря, на Александровскомъ кладбищѣ, исполненная по рисунку и надзоромъ Михаила Арефьевича на петергофской гранильной фабрикѣ, извѣстнымъ мастеромъ Соколовымъ.

Въ 1861 году, по программѣ, данной отъ академіи, сочинить проэктъ русскаго археологическаго музея, Щуруповъ былъ признанъ профессоромъ архитектуры. Вскорѣ послѣ этого, имъ былъ сочиненъ историческій щитъ Россіи, заключающій въ массѣ фигуръ, около 200, главные моменты исторіи, который чрезъ покойнаго князя А. А. Суворова былъ представляемъ Государю Императору, выразившему желаніе видѣть эту работу въ металлѣ, но академія отказалась это исполнить за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Затѣмъ почтенный профессоръ занялся идеею составить памятникъ освобожденія крестьянъ, какъ на самую величайшую и святую изъ реформъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

Сдѣланная модель это памятника, въ $^1/_{16}$ часть натуральной величины, сохранитъ въ лѣтописяхъ русскаго искусства имя М. А. Щурупова, потому что ему среди художниковъ принадлежитъ первому починъ въ олицетвореніи незабвеннаго дня 19-го февраля 1861 года въ изящныхъ линіяхъ архитектуры и формахъ скульптуры.

Модель представлена была Императору Александру Николаевичу, который благодарилъ въ милостивыхъ словахъ ея автора, назначилъ ему денежную награду, но отклонилъ мысль осуществленія самаго памятника, хотя бывшій, въ то время, директоръ департамента удѣловъ, графъ Ю. И. Стенбокъ, проспилъ Государя Императора о дозволеніи

свѣщеннымъ руководствомъ Щурупова, школу для молодыхъ учениковъ, которые, имѣя его произведенія передъ глазами, почерпнутъ въ нихъ художественный вкусъ и развитіе, которое можетъ въ нихъ укорениться и дать самые удовлетворительные результаты.

„Такимъ образомъ, в. п. в. возвратили бы Россіи человѣка, который въ своей сферѣ можетъ оказать ей великія услуги, и ими страна будетъ обязана высокому ходатайству вашего высочества.

сбора съ каждой освобожденной души по 5 копѣекъ на сооруженіе проэктированнаго памятника.

Въ 1866 году модель эта, съ Высочайшаго разрѣшенія, была выставлена въ Петербургѣ, въ Обществѣ поощренія художниковъ, а въ Москвѣ на Тверской, въ домѣ Гурьева. Монументъ въ память освобожденія крестьянъ составитель предлагалъ воздвигнуть въ Москвѣ, противъ Большого Кремлевскаго дворца, для чего существующій передъ нимъ косогоръ предполагалось обратить въ народную площадь, на срединѣ которой и долженъ быть поставленъ самый памятникъ, въ формѣ тріумфальной арки, выражающей торжественный доступъ къ Царю-благодѣтелю осчастливленнаго русскаго народа, чрезъ отверстыя врата Александромъ II, въ царскіе чертоги, къ правосудію, равному для всѣхъ, народному просвѣщенію и свободному труду.

Въ верхней части монумента проэктирована была сидящая фигура Россіи, въ моментъ ея обновленія; въ правой рукѣ ея жезлъ, съ лавровымъ вѣнкомъ и Императорскою короною. Въ вѣнкѣ раскрытая кисть руки—символъ народной клятвы въ вѣрности престолу. Конецъ-же жезла поражалъ змія—враговъ отечества; лѣвая рука фигуры держала свитокъ Высочайшаго манифеста, дарованнаго въ день 19-го февраля; тутъ-же къ скалѣ прислоненъ былъ историческій щитъ Россійской имперіи. На груди статуи Россіи изображенъ двуглавый орелъ, съ крестомъ св. Андрея Первозваннаго—символъ христіанскаго просвѣщенія Руси.

На пьедесталѣ надпись «1861 годъ»; въ боковыхъ частяхъ его выходы на террасы. Основаніе памятника начиналось у Москвы-рѣки часовнею, за которою двѣ двери вели въ этнографическія галлереи, занимавшія своими фасадами часть старой Кремлевской стѣны. Двѣже боковыя лѣстницы шли на первую площадку; отсюда по средней большой лѣстницѣ выходилъ входъ на площадь, гдѣ и стоялъ самый памятникъ или тріумфальная арка, ходъ чрезъ которую велъ большою лѣстницею къ верхней дорогѣ и Большому дворцу. Сверхъ того вся площадь окружена была возвышенною открытою террасою.

Въ аттикѣ арки, съ главнаго фасада, находился барельефъ, представляющій чтеніе манифеста 19-го февраля 1861 г., въ св. храмѣ, въ присутствіи 4-хъ россійскихъ митрополитовъ и прочихъ архіепископовъ, выражая этимъ царскую милость, распространяющуюся по всей Имперіи. Между колоннами съ лѣвой стороны, въ барельефѣ, изображена была реформа судопроизводства, а съ лѣвой—преуспѣяніе народнаго просвѣщенія.

На задней сторонѣ фасада, также въ аттикѣ, находился барельефъ, изображавшій помѣщика, надѣляющаго крестьянъ землею въ собственное ихъ владѣніе, по состоявшимся новымъ положеніямъ. Со стороны-

же колоннъ барельефы представляли: первый свободный крестьянскій плугъ и первый хлѣбъ, собранный освобожденнымъ крестьянскимъ трудомъ.

Надъ колоннами памятника находились фигуры, представляющія сословія: гражданъ, воиновъ, ремесленниковъ и должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, какъ-то голову, старосту, засѣдателя и добросовѣстнаго.

Боковыя стороны украшены въ памятникѣ были нишами, внутри же его шли лѣстницы на верхнюю террасу.

Уменьшенная и нѣсколько видоизмѣненная модель памятника освобожденія крестьянъ, проэктированная для храненія подлиннаго манифеста, представленная вторично Его Величеству, пожалована покойнымъ Государемъ въ даръ музею академіи художествъ.

Вслѣдъ за этимъ трудомъ, М. А. Щурупову пришлось составить проэкты и быть исполнителемъ, именно часовни въ память 4-го апрѣля 1866 г., на Обводномъ каналѣ, гдѣ украшающіе барельефы апостоловъ вылѣплены имъ, и храма въ память того-же событія на берегу Калашниковской пристани. Кромѣ этого храма, имъ построена въ Петербургѣ еще церковь съ колокольнею, въ память 2-го апрѣля 1879 г., противъ Семянниковскаго завода, или горномеханическаго, на Шлиссельбургскомъ шоссе, а также сооружается еще церковь на Петербургской сторонѣ, на углу Большой Ружейной и Посадской улицъ, въ замѣнъ деревянной св. Креста, которая первоначально находилась въ домѣ коммисара Трунилова въ крѣпости, почему до сихъ поръ носитъ названіе въ народѣ «Николы-Трунилова».

Изъ построенныхъ церквей и часовень въ провинціи М. А. Щуруповымъ, мы назовемъ:

1 и 2) Часовни въ память 4-го апрѣля 1866 года въ городахъ: Тихвинѣ и Иркутскѣ; изъ нихъ вторая замѣчательна тѣмъ, что во время бывшаго тамъ пожара, истребившаго почти весь городъ, она уцѣлѣла.

3) Соборъ въ г. Новой-Ладогѣ.

4) Соборъ въ Реконской пустыни, Новгородской губ., съ колокольнею, малою церковью надъ могилой основателя пустыни Анфилохія: святыя ворота и келіи.

5) По рѣкѣ Волхову, въ селѣ Помяловѣ.

6) Въ селѣ Немятовѣ, Петербургской губ.

7) Въ Усть-Ижорѣ, той-же губ.

8) Въ селѣ Тетеркинѣ, Тихвинскаго уѣзда.

9) Въ селѣ Кабонѣ, по Ладожскому каналу.

10) Въ селѣ Побережьи, Олонецкой губ.

11) Въ городѣ Торжкѣ, единовѣрческая.

12) Въ Кіевѣ—домашняя церковь при богадѣльнѣ.

13) Православный храмъ въ Японіи, въ городѣ Токкіо, который оканчивается построеніемъ, а иконостасъ, изготовленный въ Петербургѣ, по чертежамъ г. Щурупова, уже туда отосланъ. Кромѣ того, имъ построено еще нѣсколько деревянныхъ церквей въ различныхъ мѣстностяхъ и сдѣлано также три или четыре иконостасовъ для существующихъ уже церквей.

Изъ проэктовъ, не приведенныхъ въ исполненіе, надо отмѣтить, по роскоши и вмѣстѣ съ тѣмъ простотѣ стиля, рисунки соборнаго храма для Валаамскаго монастыря; вотъ что писалъ покойный игуменъ Дамаскинъ, просившій профессора составить проэктъ по полученіи рисунковъ отъ него: «Обрадовали вы всѣхъ насъ вашимъ проэктомъ будущаго Валаамскаго святилища. Все въ немъ дышетъ скромностію, простотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все исполнено величія и истинной красоты. Благодаримъ васъ премного за утѣшеніе, доставленное намъ вашимъ рисункомъ». Но надеждамъ отца Дамаскина врядъ-ли придется когда нибудь осуществится, такъ какъ соборъ, не смотря на то, что предполагалось обшить мѣстнымъ гранитомъ, стоилъ-бы около 600 т. р., а тѣхъ денегъ нѣтъ у монастыря, да врядъ-ли когда онѣ соберутся.

Наконецъ, замѣчателенъ также проэктъ М. А. Щурупова, представленный имъ на вторичный безъ преміи конкурсъ, въ петербургскую думу, храма на мѣстѣ событія 1-го марта. Мотивы, руководившіе составителя проэкта, были совершенно чужды условіямъ, поставленнымъ думою для составленія эскизовъ храма. Именно профессоръ Щуруповъ явился съ единственнымъ по идеѣ проэктомъ храма, оригинальнымъ по своему своеобразному стилю, а также грандіозному по замыслу: соединить оба берега канала храмомъ, подъ которымъ въ пролетъ-арку оставленъ проѣздъ для судовъ. Входы въ храмъ ведутъ съ трехъ сторонъ; главный отъ конюшеннаго зданія, а малые съ боковъ канала, надъ серединою арки, лѣстницы къ которымъ устроены съ береговъ канала, по обѣимъ сторонамъ храма. Мысль составленія проэкта г. Щуруповымъ была объяснена надписью на рисункѣ плана такъ:

1) Мѣсто, на которомъ былъ смертельно раненъ Преобразователь Россіи, принявшій мученическій вѣнецъ смерти—священно для русскаго народа, поэтому во время молитвы народъ долженъ быть обращенъ лицемъ къ нему.

2) Для достиженія этого условія, т. е. чтобы самое мѣсто пришлось подъ алтаремъ—храмъ проектированъ надъ каналомъ; кромѣ того, при такомъ расположеніи храма не придется измѣнять плана мѣстности событія 1-го марта, за исключеніемъ сломки незначительной части зданія конюшеннаго вѣдомства, что весьма важно въ историческомъ отношеніи.

Доводы, приведенные профессоромъ Щуруповымъ, невозможно опро-

вергать и они показываютъ насколько онъ серьезно поработалъ надъ идеею храма. Вѣрность взгляда на постройку такого памятника-храма становится еще убѣдительнѣе, если вспомнить, что на страницахъ «Русской Старины» за 1881 годъ подобная почти мысль была заявлена думѣ гг. И. С. Мусинымъ-Пушкинымъ и Ѳ. Ѳ. Львовымъ, но послѣдняя не обратила на нее никакого вниманія, а профессоръ Щуруповъ, совершенно не зная о существованіи ея, отождествилъ эту мысль въ своемъ проектѣ, причемъ когда узналъ объ этомъ, то съ чувствомъ искренняго удовольствія проговорилъ: «эта случайность болѣе всего мнѣ пріятна,—значитъ, мои мысли вѣрны общественному мнѣнію».

Разсматривая проэктъ архимандрита Игнатія и архитектора Парланда, мы видимъ, что и тамъ входъ со стороны конюшеннаго зданія идетъ черезъ колокольню, перекинутую черезъ каналъ, для чего также надобно будетъ ломать зданіе конюшеннаго вѣдомства. Такъ что съ этой стороны является повтореніе идеи М. А. Щурупова, съ тою только разницею, что набросокъ составленнаго имъ храма, хранящійся у него, сдѣланъ гораздо ранѣе эскиза архимандрита, именно онъ относится, какъ разъ, ко времени окончанія перваго конкурса.

Расположеніе-же на планѣ архимандрита мѣста въ самомъ храмѣ, въ западной его части, критикуется такимъ соображеніемъ профессора: a) Западная часть во всѣхъ храмахъ, какъ для помѣщенія образовъ, росписаніе стѣнъ на картинахъ, отводится для ветхозавѣтной, а не новой исторіи; b) кромѣ того, мѣсто гдѣ совершилось злодѣяніе, это та-же Голгофа для Россіи, и къ ней-то народъ, по проэкту гг. Игнатія и Парланда, будетъ обращенъ спинами; c) наконецъ, не сообразно такое помѣщеніе этого мѣста близь выхода изъ храма, такъ какъ по исторіи церкви оно отводилось для стоянія лишь оглашенныхъ, и d) такъ какъ мѣсто это должно быть доступно для каждаго вѣрноподданнаго русскаго государства, среди которыхъ есть и такіе, которымъ ихъ религія не дозволяетъ входить въ православные храмы, то помѣщеніе его подъ алтаремъ, въ нижнемъ этажѣ, съ устройствомъ входа снаружи храма къ этому мѣсту имѣетъ за собою неоспоримое преимущество.

Мы привели нѣсколько подробно описаніе проэктированнаго храма, такъ какъ соображенія, высказанныя въ немъ высокоталантливымъ художникомъ, заслуживаютъ вполнѣ вниманія и ими еще возможно воспользоваться для измѣненія принятаго правительствомъ проэкта, который еще въ окончательной формѣ не разработанъ.

Въ заключеніи нашего очерка плодотворной дѣятельности М. А. Щурупова, скажемъ, что въ настоящее время онъ заканчиваетъ проэктъ памятника императору Александру II, который является плодомъ 18-ти лѣтняго размышленія, со времени вышеописаннаго нами памятника на

освобожденіе крестьянъ. Объясненіе этого проэкта мы помѣщаемъ ниже съ печатнаго экземпляра, разрѣшеннаго цензурою 12-го января прошлаго года, потому что замѣчательнымъ фактомъ является то обстоятельство, что въ программѣ вторичнаго конкурса, обнародованнаго позже изъясненія профессора Щурупова, является § 5, требующій представленія декоративной обдѣлки площади и части Кремлевскаго холма передъ памятникомъ, и § 3, выражающій желаніе видѣть государя не на конѣ. Условія, какъ разъ выработанныя въ проэктѣ г. Щурупова.

I. Памятникъ императору Александру II проэктируется поставить въ Москвѣ, противъ Большого Кремлевскаго дворца, такъ какъ: а) во-первыхъ, находящійся передъ дворцомъ косогоръ даетъ возможность образовать новую народную площадь, величиною до 2 тыс. кв. саженъ; это весьма важно въ томъ отношеніи, что всѣ существующія площади въ первопрестольной столицѣ имѣютъ свое прошлое, трудно совмѣстимое съ идеею о Царѣ-Преобразователѣ, и б) во-вторыхъ, избираемое мѣсто имѣетъ за собою еще то преимущество, что оно было извѣстно въ Бозѣ почившему монарху, по проэкту монумента на освобожденіе крестьянъ, представленному въ 1865 году составителемъ настоящаго памятника, при чемъ его величество, одобряя вполнѣ избранное мѣсто, и благодаря въ милостивыхъ словахъ автора, изволилъ замѣтить, что онъ желалъ бы, чтобы памятникъ носилъ болѣе архитектуру русскую, что въ проэктѣ по возможности и исполнено, насколько то позволяла монументальность стиля. II. Для образованія площади, должна быть сломана часть кремлевской стѣны, въ замѣнъ которой возведена изъ московскаго камня терраса съ лѣстницами, ведущими отъ набережной рѣки Москвы на народную площадь къ памятнику. Сломка части стѣны не можетъ считаться варваризмомъ, такъ какъ еще великая императрица Екатерина II, ревностно охранявшая памятники древняго искусства, при постройкѣ дворца давала разрѣшеніе ломать московскія городскія стѣны (см. Полное собраніе законовъ, № 13581). Въ данномъ же случаѣ это является еще необходимымъ, для выраженія основной реформы—уничтоженія крѣпостнаго права, которое, подобно этой стѣнѣ, служило преградой для единенія русскаго народа съ его государями. III. Вверху памятника помѣщена фигура императора Александра II въ порфирѣ, правая рука его изображена дающею, а лѣвая — беретъ свитокъ реформъ, подносимыхъ его добрымъ геніемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ тушитъ огонь факела, какъ символъ жизни, о гидру — аллегорію зла. IV. Пьедесталъ монумента императора Александра II украшенъ гербами его титула и утвержденъ на храмѣ Славы, имѣющемъ форму осьмиугольника, стороны котораго, при своемъ продолженіи со-

ставляющія квадратъ, представляютъ четыре тріумфальныя арки, украшенныя трофеями и гербами всѣхъ губерній, выражая собою распространеніе славы Царя-Освободителя на всѣ страны русскаго государства; углы же соединенія арокъ сдѣланы выступающими и обставлены колоннами, надъ которыми идутъ барельефы: освобожденія крестьянъ, гласнаго суда, общей воинской повинности и народнаго просвѣщенія. V. Надъ барельефами на выступахъ, поддерживаемыхъ колоннами, помѣщены по всѣмъ четыремъ выступающимъ сторонамъ фигуры Россіи, изображающія: Воинскую доблесть, Народное трудолюбіе, Русскую науку и Правду, надъ соотвѣтственными барельефами. На линіи подножія пьедестала самаго памятника императора Александра II, поставлены конныя статуи кирасира, улана, гусара и казака, какъ олицетвореніе побѣдоноснаго воинства, стоявшаго всегда на стражѣ интересовъ Россіи; на штандартахъ, находящихся въ рукахъ конниковъ, начертаны года окончанія Крымской кампаніи, завоеванія Кавказа, покоренія Хивы, Ташкента и послѣдней войны 1877—1878 годовъ. VI. Внутренность памятника или храма Славы украшена мозаикою и по кругу купола сдѣлана надпись подлинныхъ словъ изъ манифеста 19-го февраля 1861 года: «Мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ подданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную, до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ».

Таковы произведенія высокоталантливаго профессора, олицетворяющаго въ своихъ работахъ традиціи чистаго и высокаго искусства. Почтенный 70-лѣтній профессоръ, не смотря на свои года, до сихъ поръ работаетъ надъ составленіемъ чертежей лично самъ безъ всякихъ помощниковъ, которыхъ никогда и не зналъ, и его прекрасно сохранившееся зрѣніе не измѣняетъ даже при исполненіи мелкихъ деталей. Черновыхъ проэктовъ у М. А. Щурупова почти нѣтъ, такъ какъ онъ предварительно, чтобы приступить къ компановкѣ проэкта, обдумываетъ его мысленно, а затѣмъ прямо приступаетъ къ изображенію его на бумагѣ, причемъ если, по окончаніи, ему кажется что-либо не такъ, то проэктъ замѣняется новымъ, что весьма рѣдко случается, почему у него дома въ его папкахъ рѣшительно нѣтъ рисунковъ прежнихъ работъ. Свою-же бодрость М. А. Щуруповъ объясняетъ тѣмъ, что онъ никогда не служилъ нигдѣ въ качествѣ чиновника, званіе котораго такъ не вяжется съ именемъ свободнаго художника, а дѣйствительно сколько артистовъ нашихъ заѣло это чиновничество...

П. П.

ЛЕРМОНТОВСКІЙ МУЗЕЙ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

18-го декабря 1883-го года въ С.-Петербургѣ, въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, открытъ музей имени Лермонтова.

Изъ отчета, помѣщеннаго въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. и изъ подробнаго каталога, изданнаго ко дню открытія музея, читателямъ извѣстно содержаніе музея, который состоитъ изъ 16-ти отдѣловъ, въ 705 нумеровъ. Этотъ богатый наличный матеріалъ не даетъ намъ, однако, права считать памятникъ, сооруженный Лермонтову,—законченнымъ. Устраивая музей, мы задались болѣе широкой задачей, выраженной въ предисловіи къ нашему изданію о «Лермонтовскомъ музеѣ», цѣль котораго—собирать и сохранять для потомства все, что относится до памяти одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ — питомца и гордости училища — М. Ю. Лермонтова.

Дѣло начато, основаніе прочно заложено, но мысль выражена еще въ чернѣ. Для тщательной отдѣлки, для пополненія всѣхъ пробѣловъ, требуется медленная, постоянная, настойчивая работа, успѣхъ которой всецѣло будетъ зависѣть отъ сочувствія общества. Живой интересъ и дѣятельное участіе, съ которымъ отнеслись и продолжаютъ относиться къ намъ печать и общество, даютъ право предполагать, что «Лермонтовскій музей» не застынетъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, что онъ будетъ все расти и полнѣть.

Вслѣдъ за открытіемъ музея, почти во всѣхъ газетахъ и журналахъ появились статьи о Лермонтовскомъ музеѣ. Въ дни, назначенные для осмотра музея, публика продолжаетъ собираться, съ интересомъ осматривая собранныя коллекціи [1]). Литераторы, художники

[1]) Музей открытъ для публики по воскреснымъ днямъ отъ часа дня.

приходятъ работать. Пожертвованія продолжаютъ поступать, отдѣлы пополняются новыми рукописями, рисунками, вещами, описаніями, изустными разсказами и воспоминаніями о Лермонтовѣ.

21-го февраля 1884 г. Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили музей своимъ посѣщеніемъ. Прибывъ въ училище, Ихъ Величества направились прямо въ музей, гдѣ подробно осмотрѣли все въ немъ собранное.

Прошло всего три мѣсяца со дня открытія Лермонтовскаго музея и мы можемъ представить уже длинный перечень вновь поступившихъ пожертвованій.

Въ отдѣлъ I-й, — Подлинныя рукописи Лермонтова, — поступили:

1) Три тетради рукописей, переписанныхъ на-бѣло рукою Лермонтова: «Испанцы», «Странный человѣкъ» и «Два брата». Пожертвовалъ Б. Н. Чичеринъ.

2) Три тетради съ 121 стихотвореніемъ, писанныя въ чернѣ и исправленныя рукою Лермонтова, въ томъ числѣ «Аулъ Бастунджи», переписанный на-бѣло рукою Лермонтова. Эти, въ высшей степени интересныя и частью неизданныя, рукописи куплены П. И. Глазуновымъ у г. Радюкова, въ Саратовѣ, и пожертвованы музею.

3) Подлинное письмо М. Ю. Лермонтова и фотолитографическій съ него снимокъ,—поступили отъ редактора-издателя «Русской Старины», Мих. Ив. Семевскаго.

Въ отдѣлъ II-й,—копіи съ рукописей и корректуры,—поступили:

Отъ П. А. Висковатова:

1) Копія съ текста Юнкерской Молитвы.

2) Копія съ тетради стихотвореній Лермонтова, поднесенной имъ своему учителю А. С. Солоницкому.

3) Копіи съ мелкихъ стихотвореній Лермонтова изъ бумагъ, принадлежавшихъ госпожѣ Гюгель, урожденной Верещагиной.

Отъ О. И. Квиста:

4) Копія съ «Демона», списанная съ редакціи поэмы 1840 года, самимъ поэтомъ исправленной.

5) Копія съ стихотвореній «Монго» и «Петергофскій праздникъ».

Отъ С. А. Шульцъ:

6) Копія съ поэмы «Демонъ».

7) Копія и корректурный оттискъ двухъ писемъ М. Ю. Лермонтова къ его другу и товарищу Станиславу Раевскому, — поступило отъ ред.-изд. «Русской Старины», М. И. Семевскаго.

Въ отдѣлъ III-й, — картины и рисунки работы Лермонтова, — поступили:

1) Рисунокъ карандашемъ Лермонтова. Пожертвовалъ музею кн. В. Н. Максутовъ (бывшій воспитанникъ школы).

Въ отдѣлъ IV, — оффиціальные документы, — поступили:

1) Патентъ, данный Михаилу Лермонтову на чинъ корнета. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

2) Грамота на дворянское достоинство Тульской губерніи, выданная отцу поэта. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

3) Два подлинныхъ военно-судныхъ дѣла:—о первой дуэли М. Ю. Лермонтова съ французскимъ подданнымъ Барантомъ, — о второй дуэли М. Ю. Лермонтова съ Мартыновымъ. Дѣла эти, съ разрѣшенія г. военнаго министра, переданы на храненіе въ музей главнымъ начальникомъ военно-суднаго управленія, св. кн. А. И. Имеретинскимъ.

5) Подлинное дѣло штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса о дуэли М. Ю. Лермонтова съ Барантомъ. Передано на храненіе въ музей съ разрѣшенія командующаго войсками гвардіи и петербургскаго округа, Его Высочества великаго князя Владиміра Александровича.

Въ отдѣлъ IX, — портреты Лермонтова, — поступилъ:

1) Оригинальный портретъ Лермонтова, въ профилѣ, карандашный набросокъ, сдѣланный съ натуры на Кавказѣ барономъ Паленомъ. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

Въ отдѣлъ X, — портреты родственниковъ Лермонтова, — поступили:

1) Двѣ фотографіи съ портретовъ А. А. Столыпина (Монго). Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

2) Фотографія А. П. Шанъ-Гирей, пожертвовалъ сынъ его.

Въ отдѣлъ XI, — портреты современниковъ Лермонтова, — поступили:

1) Портретъ карандашемъ г-жи Хвостовой, пожертвовала дочь ея, Анастасія Александровна Милюкова.

2) Акварельный портретъ Лафье (Поливановъ), пожертвовалъ сынъ его, В. Н. Поливановъ.

Въ отдѣлъ XIII,—рисунки къ сочиненіямъ Лермонтова,—поступили:

Отъ художника М. Зичи 4 тетради оригинальныхъ рисунковъ:

1) 19 Esquisses sur les poêmes de Lermantoff.

2) 28 Etudes dessinées d'après nature sur les lieux décrits par Lermantoff dans le roman «Княжна Мери».

3) 28 Esquisses sur les poêmes de Lermantoff.

4) 21 Esquisses sur les poêmes de Lermantoff.

5) Два оригинальныхъ и неизданныхъ рисунка перомъ къ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» съ текстомъ, художника М. Зичи.

Отъ С. А. Шульцъ:

6) Видъ города Пятигорска.

7) Нѣсколько гравюръ къ произведеніямъ Лермонтова.

Отъ А. Ѳ. Маркса:

8) Нѣсколько гравюръ къ произведеніямъ Лермонтова

Въ отдѣлъ XVI, — вещи, принадлежавшія Лермонтову, — поступили:

1) Желѣзная палка, принадлежавшая Лермонтову, взятая у поэта, послѣ смерти его, полиціймейстеромъ г. Пятигорска, подполковникомъ Бетаки. Пожертвовалъ полковникъ А. И. Ивановъ.

2) Поднесенная Лермонтову книжечка стихотвореній отъ чешскаго поэта В. Ганка.

Всего, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ открытія Музея (т. е. въ январѣ—мартѣ 1884 г.), вновь поступило 34 нумера, не вошедшихъ въ изданный нами каталогъ Лермонтовскаго музея, который, вѣроятно, потребуетъ скоро новаго изданія.

Прилагаю при семъ списокъ книгамъ, которыя желательно пріобрѣсти для Музея. Надѣюсь, что читатели уважаемаго журнала «Русская Старина» помогутъ намъ восполнить постепенно оставшіеся пробѣлы.

А. А. Бильдерлингъ.

20-го марта 1884 года.
С.-Петербургъ.

Книги, необходимыя для библіотеки Лермонтовскаго Музея.

Музей проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ указанныя ниже изданія, содѣйствовать пополненію его библіотеки пожертвованіями оныхъ или продажею, а равно и библіографическими указаніями.

Отдѣлъ V, VI и VIII.

1825 г.

„Отеч. Зап.“ часть 23, № 64, августъ.

1839 г.

„Москов. Наблюдатель“, часть I и II. „Сѣв. Пчела“ № 260.

1840 г.

„Сѣв. Пчела“ № 28, 246, 271, 284 и 285. „Отеч. Зап.“ т. IX (мартъ—апрѣль), т. XI (іюль—августъ) и т. XII (сент.—окт.). „Рус. Инвал.“ № 196. „Литер. газета“ № 42 и №, гдѣ помѣщено стих.: „И скучно и Грустно“. „Маякъ“ ч. XII, гл. IV.

1841 г.

„Отеч. Зап.“ т. XV (апр.). и т. XVII (іюль). „Журн. Мин. Нар. Просв.“ ч. 31 и 32. „Москвит.“ ч. II, № 4. „Библ. для чтенія“ т. XLVIII. „Сынъ Отеч.“ т. I, № 1 и т. III, № 34. „Соврем.“ т. XXI (янв.). „Одесск. Вѣстн.“ № 63. „Сѣв. Пчела“ № 183. „Русская Бесѣда“ ч. II. „Русск. Инвал.“ № 196. „Лит. Газета“ № 89.

1842 г.

„Отеч. Зап.“ т. XXIII (іюль—августъ)

1843 г.

„Отеч. Зап.“ т. XXVI (янв.), т. XXVII (апр.), т. XXVIII (май—іюнь). т. XXIX (іюль—августъ) и т. XXX (сен.—окт.). „Сынъ Отеч.“ № 3. „Москвитянинъ“ ч. II, стр. 181. „Лит. Газета“ № 9.

1844 г.

„Библ. для чт.“ т. LXIII (мартъ—апр.) и т. LXIV (май). „Отеч. Зап.“ т. XXXVI (сен.—окт.). „Москвитянинъ“ ч. II. № 4. „Маякъ“ ч. 18, кн. 36. „Русск. Инвал.“ № 259. „Лит. Газета“ № 11 и 44.

1845 г.

„Отеч. Зап.“ т. XXXVIII (янв.—февр.). и т. XL (май—іюнь). „Финскій Вѣстникъ“ т. I.

1846 г.

Аскочинскій, В. „Краткое начерт. ист. рус. лит.“ Кіевъ.

1847 г.

Милюковъ, А. П., „Очеркъ истор. рус. поэзіи“, „Спб. Финскій Вѣстн.“ т. XXII. „Лит. Газета“ № 44.

1848 г.

„Пантеонъ“ № 10—11. „Сѣв. Обозр.“ № 3, т. 3.

1849 г.

Мизко, Н., „Столѣтіе русской словесн.“ Одесса.

1850 г.

О. А. Рабиновичъ. „Пушкинъ и Лермонтовъ въ ихъ стихотв. Пророкъ". Одесса.

1852 г.

„Отеч. Зап." т. LXXXV (ноябрь—дек.). „Сынъ Отеч." № 11. „Сѣверная Пчела" № 144 и 246. „Спб. Вѣд." № 156 и 246. „Разсвѣтъ" № 11.

1853 г.

„Пантеонъ" № 3, 4 и 9. „Незабудочка", Дамскій Альбомъ, Спб. „Москов. Вѣдом." № 71.

1854 г.

В. Т. Плаксинъ, „Исторія Словесности". Изд. 3-е, Спб. „Современникъ" т. XLVI (іюль).

1855 г.

„Москвитянинъ" кн. II, № 6.

1856 г.

„Русск. Вѣстн." № 18 (сент.). „Ученыя Записки Казан. Универс." кн. I, Казань. „Лермонтовъ. Рѣчь старш. учит. Русск. Словесн. А. Камкова", Казань (отд. бр.). „Казан. Губ. Вѣд." № 52. „Демонъ", Лермонтова, Берлинъ. „Демонъ", Лермонтова, Карлсруэ.

1857 г.

„Русск. Вѣстн." т. VIII, № 8. „Современ." т. LXV (окт.). „Сынъ Отеч." № 25. „Демонъ", Лермонтова, Карлсруэ.

1858 г.

„Русск. Вѣстн." т. XVI, книги № 13, 14 и 16. „Сборникъ литературныхъ статей въ память А. Ф. Смирдина" т. I, Спб. „Атеней" № 39. А. Милюковъ. „Очеркъ Истор. русск. поэзіи", Спб., 2-е дополн. изданіе. „Демонъ", Лермонтова, Берлинъ. Новоселовъ, „Кавказцы", съ рисунками, Спб.

1859 г.

В. Я. Стоюнинъ, „Русская лирич. поэзія для дѣвицъ", Спб. ч. I. „Русскій Міръ" № 17. „Сѣв. Пчела" № 69. „Орелъ" (журн.) № 2. „Московск. Обозр." кн. I. „Спб. Вѣдом." № 280.

1860 г.

„Краткій очеркъ истор. русск. словесности" С. Шафранова и И. Николича, Ревель. „Альбомъ русск. писателей" Н. Н. Полеваго, Москва. „Эротическія стихотвор. русск. поэтовъ", собралъ Гр. Квижникъ, Спб. „Развлеченіе" № 13. „Сѣв. Пчела" № 11, 110, 248 и 281. „Русск. Вѣстн." т. XXVI, № 8. „Московск. Вѣд." № 87. „Семейный Кругъ" № 51. „Спб. Вѣдом." № 279. „Колоколъ" № 72.

1861 г.

„Иллюстрація" т. VII. „Соврем." № 3. „Соврем. Лѣтопись" № 3. „Москов. Вѣдом." № 138.

1862 г.

„Руководство къ исторіи новой русск. литературы" Э. Вульфа, Москва. „Подарокъ дѣтямъ". Москва. „Русскій Художеств. лист." Тима, № 7. „Сѣв. Пчела" № 29. „Москов. Вѣдом." № 25. „Вѣкъ" (газ.) № 3. „Наше Время" № 190. „День" (газ.) № 39 и 40.

1863 г.

„Обзоръ русск. духовн. литер." 1720—1858 гг., кн. 2, Черниговъ Евг Судовщиковъ, „Пособіе къ преподав. русск. словесности", Кіевъ. „Очерки" № 82. „Современ. Лѣтопись" № 16.

1864 г.

„Русск. Архивъ" № 10. „Русск. Вѣстн." т. XLI, № 5. Ф. Толь, „Настольный Словарь" т. II. „Голосъ" № 16. „Спб. Вѣдом." № 62.

1865 г.

„Книжн. Вѣстн." № 16. „Русскій Вѣстн." № 8. „Голосъ" № 289.

1866 г.

„Воспоминанія гр. Соллогуба", Тип. Грачева, Москва. „Русскій Архивъ" № 10—11. „Русск. Курьеръ" № 13.

1867 г.

„Конспектъ по истор. русск. словесн.", вып. 2, Спб. М. Парунова, „Русск. Архивъ" № 10. „Иллюстрированная Газета" т. XIX., № 12. „Голосъ" № 20 и 59. „Спб. Вѣдом." № 59 и 156. „Пензенск. Губ. Вѣдомости" № 50.

1868 г.

„В. Стоюнинъ", изд. 2-е, „О преподав. русск. литерат.", Спб. „Москвичъ" № 18. „Голосъ" № 20. „Спб. Вѣдом." № 19 и 219. „Русск. Инвалидъ" № 19. „Кавказъ" № 17. „Листокъ для посѣтит. Кавказ. минер. водъ" № 8. „Астраханск. справочн. лист." № 28.

1869 г.

А. Лиличенко, „Курсъ истор. русск. словесн.", Кіевъ. „Портретн. галлерея русск. дѣятелей" т. 2, изд. А. Мюнстера (тетр. № 11). К. Петрова, „Курсъ истор. рус. лит.". Тимофѣевъ, „Пособіе къ изучен. русск. словесности", Спб. В. Стоюнинъ, „Руководство къ теоретич. изучен. литер. по лучш. обр.", Спб. „Соврем. Лѣтоп." № 46. „Сѣв. Пчела" № 42. „Спб. Вѣд." № 217 и 245. „Голосъ" № 231 и 281. „Новое Время" № 157 и 192. „Новороссійск. Вѣд." № 35, 40, 67 и 68.

1870 г.

Водовозовъ, В. И. „Новая рус. литерат.", изд. 2-е, Спб. „Сборникъ для народн. чтенія", кн. I (жизнеопис. Жуковскаго, Крылова, Пушкина и Лермонтова). „Современныя Извѣстія" № 111. „Спб. Вѣд", № 301. „Новое Время" № 210. „Московск. Вѣдом." № 165. „Забайкальскія областныя вѣдомости" № 22 и 23.

1871 г.

„От. Зап." т. 144, № 1. А. Н. Муравьевъ, „Знакомство съ русскими поэтами", Кіевъ. „Иллюстриров. Газета" № 12. „Спб. Вѣдом." № 163. „Современ. Лѣтоп." № 41. „Сынъ Отеч." № 4 (воскресн.). „Одесскій Вѣстникъ", сент. 17.

1872 г.

„Исторія Л.-Гв. Кираспрскаго Его Величества полка". „Русск. Вѣстн." т. 97, № 1 и 2. „Русскій Міръ" № 93 и 205. „Бесѣда" № 6.

1873 г.

„М. Ю. Лермонтовъ 1815—1841. Замѣтки и воспоминанія М. Н. Лонгинова", 8 д. л. (оттиски изъ „Русск. Стар."). „Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ", Гербеля. „Исторія русск. литерат.", 2-е изд., Полевого. „Сынъ Отеч." № 232. „Спб. Вѣд." № 100, 282 и 289. „Голосъ" № 98. „Биржев. Вѣд." № 107, 114 и 121.

1874 г.

„Русская Старина“ т. X, май. „Русск. Вѣстн.“ т. 114, декабрь. „Истор. русск. литерат. въ очеркахъ и біографіяхъ“, Полевого, Спб. „Русскій Энциклопедич. словарь“, издав. И. Н. Березинымъ, отд. III, т. I, Л—М. „Кавказъ“ № 105. „Листокъ для посѣтит. Кавказск. минеральн. водъ“ № 13. „Русскій Міръ“ № 140 и 270. „Голосъ“ № 134. „Биржев. Вѣдом.“ № 302. „Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя“ т. IV.

1875 г.

„Саратовск. Справочн. Листокъ“ № 246 и 256. „Тульск. епарх. вѣдом.“ т. 28, № 15. „Минск. епарх. вѣд.“ № 22. „Листокъ духовн. библіографіи“ (прибавл. къ „Воскресн. Чтенію“) № 7, 8 и 9. „Биржев. Вѣдом.“ № 218 и 251. „Голосъ“ № 15, 56, 254 и 258. „Спб. Вѣдом.“ № 208. „Московск. Вѣдом.“ № 22. „Пчела“ т. I, № 3. „Кіевскій Телеграфъ“ № 89 и 127. „Листокъ для посѣтит. Кавказ. минер. водъ“ № 7. „Новости“ № 216. „Отчетъ Публичной Библіотеки за 1875 годъ“.

1876 г.

„Литературн. воспомин. И. И. Панаева“, Спб. „Саратовск. Справ. Лист.“ № 1 и 43. „Пензенск. Губ. Вѣдом.“ № 148, 149 и 151. „Листокъ для посѣтит Кавказ. минер. водъ“ № 10. „Терскія вѣд.“ № 29.

1877 г.

„Донскія Областн. Вѣдом.“ № 21. „Донск. Газета“ № 4. „Указатель по дѣламъ печати“, № 2 и 3.

1878 г.

„Истор. русск. литературы въ очерк. и біогр.“, 3 изд., П. Н. Полеваго. „Систематичный обзоръ русск. народно-учебн. литерат.“

1879 г.

В. Я. Стоюнинъ, „Руководство для историч. изученія замѣчательн. произвед. русск. литературы“, изд. 5-е. „Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго“, т. II. „Новое Время“ № 1373. „Московск. Вѣд.“ № 330.

1880 г.

„Вѣстн. Европы“ № 2, съ обложкой. „Древн и Новая Россія“ № 1 и 2. Гр. Генади, „Справочн. словарь“, т. II. „Россійская Библіографія“ № 53 (I). „Недѣля“ № 7. „Новое Время“ № 1397. „Московск. Вѣдом.“ № 292. „S. Petersburger Zeitung“ № 261. „Journal de S. Petersbourg“ № 253. „Голосъ“ № 259. „Кругозоръ“ № 2. „Донскія Областн. Вѣдом.“ № 34. „Спб. Вѣдом.“ № 8 и 256. „Будильникъ“ № 7. „Современность“ № 61. „Московск. наблюдатель“, ч. I и II.

1882 г.

„Родные Отголоски“, изд. 2-е, ч. I. „Новое Время“ № 2358 и 2438. „Голосъ“ отъ 27 ноября. Межевъ, „Русск. историч. библіограф.“ т. II.

1883 г.

„Стихотв. А. И. Одоевскаго“. „Русь“ № 6 и 7. „Недѣля Строителя“ № 11 и 13. „Новости“ № 66 и 8 окт. „Одесск. Вѣстникъ“ (статья Бураго въ апрѣлѣ). „Лермонтовъ“, Москва (томъ изъ Дѣтской библіот.). „Дѣло“ № 7.

„Демонъ и запрещенныя стихотворенія Лермонтова“, изд. I и III, Лейпцигъ. „Большой Свѣтъ“, повѣсть гр. В. А. Соллогуба.

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II,

сооруженный крестьянами и исполненный акад. П. П. Забѣлло.

Это первый по времени памятникъ, воздвигнутый крестьянами Царю-Освободителю,— состоитъ изъ статуи, изваянной мастерскимъ рѣзцомъ знаменитаго русскаго скульптора академика Пармена Петровича Забѣлло.

Памятникъ, какъ видно изъ приложенной къ настоящей книгѣ «Русской Старины» гравюры, состоитъ изъ статуи: Государь изображенъ стоя, съ непокрытою головою, въ гусарскомъ мундирѣ; лѣвою рукою опирается онъ на саблю, въ правой—свитокъ: это манифестъ 19-го февраля 1861 года. Статуя исполнена превосходно, какъ все, что выходитъ изъ мастерской г. Забѣлло.

Памятникъ Александру II — первый по времени сооружаемый крестьянами — исполненъ акад. Забѣлло по приговору и заказу сельскаго общества крестьянъ села Бузовки, Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда. Онъ будетъ поставленъ въ селѣ Бузовкѣ — въ августѣ 1884 г.—на пьедесталѣ изъ чугуна, отлитомъ на заводѣ Ф. К. Санъ-Галли, въ Петербургѣ, по рисунку архитектора г. Гославскаго. Высота пьедестала пять аршинъ, статуи—три аршина; статуя отлита изъ бронзы, на заводѣ Шопена; стоимость одной статуи три тысячи рублей, кромѣ издержекъ на отливку ея изъ бронзы, на пьедесталъ и постановку. Вся потребная сумма собрана исключительно между собою крестьянами.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, дабы сообщить нѣсколько біографическихъ данныхъ объ этомъ замѣчательномъ отечественномъ художникѣ, подобно тому, какъ сообщены уже нами на стр. «Русской Старины» свѣдѣнія о другихъ талантливыхъ русскихъ художникахъ каковы: Ѳ. Г. Солнцевъ, П. Ѳ. Соколовъ, Брюлловъ, И. К. Айвазов-

скій, Л. А. Сѣряковъ, М. О. Микѣшинъ, В. И. Якоби, И. П. Пожалостинъ и нѣкоторые другіе.

Малороссъ по происхожденію— Парменъ Петровичъ Забѣлло сынъ достаточнаго помѣщика, отставного полковника [1]), родился въ 1830 году въ селѣ Монастырщинѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Кончивъ образованіе въ 1848 г. въ одной изъ кіевскихъ гимназій, Забѣлло весьма рано явилъ страсть къ рисованію и поступилъ въ Императорскую академію художествъ; здѣсь, уже черезъ годъ по поступленіи, молодой человѣкъ рѣшилъ, что будетъ скульпторомъ; по полученіи сначала малой, потомъ большой серебряной медали за лѣпку съ натуры въ 1853 г., г. Забѣлло, весною 1854 г., поспѣшилъ съ самыми ничтожными средствами въ Италію, въ Римъ. Отецъ не сочувствовалъ художественному призванію юноши и отказался помогать ему выбиваться на тернистый путь художника.

Тяжело довелось г. Забѣлло въ первые годы пребыванія на чужбинѣ. Работы, впрочемъ, были: такъ, весьма скоро довелось ему исполнить мраморную статую для фонтана, по заказу императрицы Александры Ѳеодоровны; въ 1860-хъ годахъ онъ исполнилъ статую Ревекки для одной дамы въ С.-Петербургѣ, для каковой знакомой и ея дочери онъ вылѣпилъ также бюсты; затѣмъ два года упорнаго труда было посвящено на то, чтобы высѣчь изъ мрамора статую Ангелъ печали у подножія креста,—большой памятникъ по заказу графа Тышкевича на могилу его жены. Памятникъ этотъ поставленъ въ монастырской оградѣ на живописномъ холмѣ Cimiez, близъ Ниццы—и съ нимъ довелось не мало хлопотъ и заботъ нашему художнику. Дѣло въ томъ, что пока г. Забѣлло изваивалъ этотъ художественный монументъ, закащикъ его, графъ Тышкевичъ, не только осушилъ свои слезы, но женился на второй и, вполнѣ уже равнодушный къ памяти первой подруги своей, предоставилъ исключительно г. Забѣлло заботы поставить монументъ на мѣсто. Статуя была изваяна во Флоренціи; цѣна выговорена съ доставкою на мѣсто и очень скромная,—денегъ впередъ закащикъ не давалъ, а между тѣмъ пошлины доводилось платить значительныя за ввозъ художественнаго произведенія изъ Италіи во Францію. И вотъ статуя оставлена въ таможнѣ въ Ниццѣ. Прошло много времени, прежде чѣмъ художникъ собрался съ деньгами, конечно, занявъ ихъ, чтобы выручить свое произведеніе изъ карантина, и, на его счастіе, какъ разъ къ тому времени былъ значительно пониженъ тарифъ и ему пришлось уплатить какіе-то сто франковъ,

[1]) Дядя Пармена Петровича, Викторъ Забѣлло—авторъ въ свое время довольно извѣстныхъ романовъ.

вмѣсто прежнихъ — нѣсколькихъ сотень. Въ монастырѣ новая бѣда: настоятель святой обители и братія видимо огорчились, что геній грусти изваянъ художникомъ въ видѣ женщины съ голою грудью. Они успокоились только тогда, когда прикрыли грудь большою бисерною подушкою...

«Татьяна» изъ Евгенія Онѣгина, изваянная г. Забѣлло—по заказу Наслѣдника Цесаревича—была, кажется, первымъ художественнымъ произведеніемъ, положившимъ въ Россіи начатокъ славы этому скульптору. Это та самая прелестная статуя (Татьяна, съ письмомъ въ рукахъ, сидитъ углубленная въ грустное раздумье), которая находится нынѣ въ кабинетѣ Государыни Императрицы и еще въ 1867 году вызывала всеобщее одобреніе на Парижской выставкѣ. Въ 1868 г. за это высоко-изящное произведеніе скульптуры Парменъ Петровичъ Забѣлло получилъ званіе академика.

Въ 1870 — 1871 гг. г. Забѣлло окончилъ и привезъ изъ Флоренціи въ С.-Петербургъ статую А. С. Пушкина. Поэтъ изображенъ стоящимъ на скалѣ. Это превосходное произведеніе до сихъ поръ, такъ сказать, не пристроено: статуя временно находится въ театрѣ, въ городѣ Павловскѣ. Большой бюстъ изъ мрамора Тараса Шевченко, находящійся въ Черниговѣ (отлитъ изъ бронзы). Статуя Русалки для фонтана въ городѣ Казани, больше натуральной величины.

Къ 1872—1873 гг. относится большая художественная работа, исполненная г. Забѣлло: это статуя русскаго талантливаго писателя и публициста Александра Ивановича Герцена. Отлита она изъ бронзы и поставлена на могилѣ писателя въ Ниццѣ, на чрезвычайно живописномъ кладбищѣ, раскинутомъ на высокой горѣ, Chateau, среди города. Герценъ изображенъ съ сложенными на крестъ руками, въ пиджакѣ, со взоромъ, устремленнымъ на сѣверо-востокъ. На пьедесталѣ нѣтъ никакой надписи и немногіе знаютъ, кого изображаетъ эта прекрасная статуя. Въ могилѣ, кромѣ А. И. Герцена, почіютъ его мать, жена и сынъ.

Во все время пребыванія въ Италіи, преимущественно во Флоренціи (1854—1872 гг.), и во время своихъ наѣздовъ въ отечество г. Забѣлло исполнилъ множество бюстовъ, которые всѣ носятъ на себѣ печать сильнаго таланта скульптора-художника.

Въ ряду бюстовъ особенную хвалу вызвали бюсты Кочубея, отца и сына (предсѣдателя императорскаго техническаго общества), артистки Д. М. Леоновой, танцовщицы Соколовой, пѣвца И. А. Мельникова, г-жи Тарновской (мраморъ), Шиффа (мраморъ), дѣтей княгини Оболенской (мраморъ), М. Е. Салтыкова (Щедрина), Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева (1876 г.), и друг.

Въ конкурсѣ, объявленномъ на памятникъ А. С. Пушкина, академикъ Забѣлло принялъ самое дѣятельное участіе: два раза его проектъ памятника великому поэту удостоивался второй преміи.

Большой бюстъ Н. В. Гоголя, поставленный на пьедесталѣ въ г. Нѣжинѣ, предъ лицеемъ,—вылѣпленъ академикомъ Забѣлло: по его лѣпкѣ, бюстъ вылитъ изъ бронзы и поставленъ на пьедесталѣ сажени въ двѣ вышиною.

Многіе читатели, конечно, видѣли также замѣчательное произведеніе скульптуры; мы говоримъ о статуѣ г. Забѣлло: Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду (въ натуральную величину).

Наконецъ, однимъ изъ послѣднихъ по времени художественныхъ произведеній г. Забѣлло является въ 1883 г. мраморная статуя — императора Александра II, воздвигнутая въ залѣ С.-Петербургскаго окружного суда. Г. Забѣлло потрудился надъ этимъ прекраснымъ произведеніемъ около полутора года—и оно, конечно, навсегда пребудетъ однимъ изъ самыхъ художественныхъ памятниковъ Государю-Освободителю.

Ред.

Разочарованіе.

Куда судьба меня заброситъ
Не знаю я,
Но ничего уже не проситъ
Душа моя.

***

Напрасно я бы кинулъ взгляды
На Божій свѣтъ,
Нигдѣ надежды и отрады
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ.

***

Сложить тоскующія кости
Пора давно,
А на какомъ ни тлѣть погостѣ
Мнѣ все равно!

А. И. П — скій.

Генварь 1822.

Примѣчаніе. Это одно изъ раннихъ стихотвореній одного изъ даровитыхъ поэтовъ пушкинской эпохи и едвали не единственнаго изъ нихъ, который дожилъ до настоящихъ дней, причемъ прекрасно сохранилъ полное чувства и художественной прелести поэтическое свое творчество.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ И НИКОЛАЙ РАЕВСКІЕ

въ 1825—1826 гг.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1884 г., въ предисловіи къ запискамъ М. И. Пущина, за подписью барона А. Е. Розена, въ числѣ членовъ Тайнаго Общества (декабристовъ), не осужденныхъ въ 1826 г. и служившихъ на Кавказѣ, упомянутъ, между прочими, Николай Николаевичъ Раевскій, съ обозначеніемъ его въ званіи постояннаго авангарднаго генерала.

По порученію сестры Н. Н. Раевскаго, а моей матери, Екатерины Николаевны Орловой, рожденной Раевской, считаю необходимымъ на страницахъ же уважаемаго изданія «Русской Старины» сдѣлать слѣдующую весьма существенную поправку къ этому вполнѣ ошибочному извѣстію:

Николай Николаевичъ Раевскій, а также и старшій братъ его, извѣстный Александръ Николаевичъ Раевскій, никогда не были членами какого-либо тайнаго общества и никоимъ образомъ не могутъ быть упоминаемы на ряду съ такъ называемыми декабристами.

Арестованные въ попыхахъ и, такъ сказать, по аналогіи, въ первыхъ числахъ января 1826 г., потому что участіе въ заговорѣ близкихъ ихъ родственниковъ, князя С. Г. Волконскаго и В. Л. Давыдова, не подлежало сомнѣнію, они 19-го января были уже оба на свободѣ, и ихъ невинность была торжественно признана самимъ государемъ.

Въ доказательство этого прилагаю въ подлинникѣ и въ свѣренной копіи письмо Александра Николаевича Раевскаго къ отцу его, отъ 21-го января 1826 г., гдѣ въ подробности онъ разсказываетъ свое представленіе государю императору и милостивое вниманіе, оказанное симъ послѣднимъ, какъ имъ самимъ, такъ и черезъ нихъ ихъ отцу, т. е. извѣстному ветерану и герою отечественныхъ войнъ, Николаю Николаевичу Раевскому (старшему). Письмо это, само по себѣ интересное въ историче-

скомъ отношеніи и для характеристики покойнаго императора Николая Павловича, надѣюсь, единожды навсегда покончитъ съ невѣрнымъ извѣстіемъ, которое однако уже нѣсколько разъ упорно включало обоихъ молодыхъ Раевскихъ въ число декабристовъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о Н. Н. Раевскомъ (младшемъ) добавлю: послѣ войнъ 1812-го года, гдѣ онъ 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ участвовалъ въ сраженіи при Дашковой, (случай этотъ разсказанъ мною въ «Русск. Старинѣ» нѣсколько лѣтъ тому назадъ), Николай Николаевичъ, по окончаніи воспитанія, служилъ нѣкоторое время въ л.-гв. гусарскомъ полку, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ подружился между прочимъ съ Пушкинымъ. Въ 1825 г. мы находимъ его на службѣ, если не ошибаюсь, дивизіонеромъ въ Ольвіопольскомъ уланскомъ полку, состоявшемъ при корпусѣ, которымъ командовалъ его отецъ.

На коронаціи императора Николая, когда сдѣлалось извѣстнымъ о посылкѣ Паскевича на Кавказъ, старикъ Раевскій просилъ этого послѣдняго взять съ собою и сына его, Николая, естественно желавшаго испытать боевую службу.

Такимъ образомъ Николай Раевскій (младшій), въ началѣ персидской кампаніи, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, въ рядахъ Нижегородскаго драгунскаго полка, участвуетъ въ знаменитой атакѣ полка, уничожившей регулярные полки Абасъ-мирзы подъ Елизаветполемъ, и во всѣхъ дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ.

Въ началѣ, послѣдовавшей за персидскою, турецкой кампаніи Николай Николаевичъ является уже командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, который онъ принялъ отъ генерала Шабельскаго. О нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ его дѣлахъ разсказываетъ М. И. Пущинъ.

Н. О.

С.-Петербургъ. 21-го января 1826 г.

(Переводъ съ франц.). Дорогой батюшка, когда вы получите это письмо, то вамъ, безъ сомнѣнія, будетъ уже извѣстно о нашемъ освобожденіи; мы были арестованы въ виду принятыхъ общихъ мѣръ предосторожности и по доносу, основанному на одномъ лишь подозрѣніи. Виновные, сознавшись, что они были руководителями заговора, заявили затѣмъ единогласно, что мы никогда не принадлежали къ ихъ обществу и лица, донесшія на насъ, которыхъ мы, между прочимъ, совсѣмъ не знаемъ, сознались въ томъ, что они донесли на насъ на основаніи однихъ слуховъ. Тогда намъ возвратили свободу.

Вы получите рескриптъ его величества, данный по этому случаю, который будетъ обнародованъ въ газетахъ, чтобы вся Россія знала о нашей невинности.

Вчера поутру мы представлялись императору; онъ обошелся съ нами крайне милостиво и я пишу вамъ теперь по его личному приказанію. Его величество велѣлъ мнѣ передать вамъ относительно Орлова [1]), что хотя онъ и виновенъ и былъ однимъ изъ первыхъ соучастниковъ этого общества, но не раздѣлялъ его преступныхъ замысловъ и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ того, что зналъ по этому поводу. Его величество отозвался о немъ весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, дабы облегчить его участь; я не имѣю болѣе никакихъ опасеній относительно нашего любезнаго Михаила [2]); пріѣхавъ сюда, вы довершите остальное. Что же касается Волконскаго [3]), то дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ....

. . . . . .

тѣмъ не менѣе я возлагаю большія надежды на милосердіе императора, на права, которыя имѣетъ княгиня Волконская (мать Сергѣя), на милостивое снисхожденіе со стороны императрицы и на ваше заступничество. Впрочемъ, говоря о судьбѣ Волконскаго, вы чувствуете вѣроятно, что я не могу имѣть ни малѣйшаго опасенія относительно его жизни; пріѣзжайте сюда, дорогой батюшка, ваши просьбы могутъ значительно облегчить участь Волконскаго, а слѣдовательно и участь Маши.

Императоръ милостиво предложилъ мнѣ поступить вновь въ военную службу или быть камергеромъ; само собою разумѣется, я выразилъ ему мою живѣйшую признательность, сказавъ, что здоровье не позволяетъ мнѣ поступить вновь въ военную службу, и просилъ позволенія дождаться вашего возвращенія, чтобы принять окончательное рѣшеніе: говоря откровенно, я не желалъ бы воспользоваться никакою милостью до тѣхъ поръ, пока участь мужей моихъ сестеръ не будетъ окончательно рѣшена; я не имѣю никакихъ опасеній касательно моего любезнаго Михаила, но не могу сказать того же относительно Волконскаго.

Что же касается императора, то я не нахожу словъ, дорогой батюшка, чтобы выразить мою преданность и благодарность къ нему: онъ оказалъ намъ поистинѣ трогательную милость и участіе и этимъ пріобрѣлъ мою безграничную преданность; вы знаете, что я человѣкъ не восторженный.

Генералъ Левашевъ отнесся къ намъ, какъ человѣкъ честный и деликатный; объ этомъ по справедливости и изъ признательности нельзя умолчать. Генералъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ съ участіемъ и выказываетъ также большое участіе къ нашему Михаилу; эти господа—члены секретной коммиссіи.

---

[1]) Мой отецъ—М. Ѳ. Орловъ.
[2]) Т. е. Орловъ.
[3]) Сергѣй Григорьевичъ. Примѣч. Н. М. Орлова.

Мы были уже съ визитами у нѣкоторыхъ знакомыхъ въ городѣ и насъ вездѣ приняли хорошо. Пріѣзжайте, дорогой батюшка; я хлопочу о разрѣшеніи видѣться съ Михаиломъ, надѣюсь на успѣхъ и увѣдомлю васъ о результатѣ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе тетушкѣ; я очень желалъ бы, чтобы она осталась съ Катей на время вашего отсутствія; я осмѣлился распечатать письма къ матушкѣ и тетушкѣ, чтобы узнать о здоровьи Маши; надѣюсь, что она извинитъ меня.

Отъ души цѣлую мою дорогую Катю, а также моего дорогаго Тоню (Tonina) и Елену.

Я пишу тетушкѣ только о томъ, что мы освобождены и о милостяхъ государя. Николай [1]) не пишетъ вамъ, такъ какъ я пишу обо всемъ. Александръ Раевскій.

До сихъ поръ я не получилъ еще разрѣшенія видѣться съ Михаиломъ.

Сообщ. Н. М. Орловъ.

---

[1]) Т. е. братъ пишущаго — Николай Николаевичъ Раевскій.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ

† 31-го января 1884 г.

Въ ряду некрологовъ, явившихся по поводу кончины этого достопамятнаго государственнаго мужа послѣднихъ двухъ царствованій, отъ сердца вылившіяся строки А. А. Половцова безспорно наиболѣе полно очерчиваютъ нравственный обликъ столь преждевременно опочившаго сномъ смерти М. Е. Ковалевскаго.

Пользуясь согласіемъ автора, перепечатываемъ его воспоминаніе тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что оно, оттиснутое въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ—вовсе неизвѣстно нашимъ читателямъ.

Независимо отъ сего, къ личности М. Е. Ковалевскаго мы еще возвратимся на страницахъ „Русской Старины“. Ред.

3-го февраля 1884 г.

Смерть поразила одного изъ лучшихъ русскихъ тружениковъ, Михаила Евграфовича Ковалевскаго. Внѣшняя сторона его дѣятельности въ общихъ чертахъ извѣстна просвѣщенной части русскаго общества; время не стушуетъ, а лишь явственнѣе выставитъ эти черты, но впечатлѣніе, произведенное этою смертью, такъ глубоко, что не дожидаясь хладнокровной оцѣнки государственному служенію покойнаго, невольно хочется остановить неустанно мчащееся вниманіе современниковъ предъ исчезающимъ въ могилѣ олицетвореніемъ столь свѣтлыхъ человѣческихъ достоинствъ.

Вся жизнь М. Е. Ковалевскаго, отъ школьной скамьи до гробовой доски, прошла въ непреклонномъ служеніи долгу съ неумолимою требовательностью къ себѣ и полною снисходительностью къ другимъ, когда снисходительность эта не вредила дѣлу общественному. Окончивъ воспитаніе въ училищѣ правовѣдѣнія, Ковалевскій остался вѣренъ задачѣ, коей себя отдалъ, и до назначенія, три года назадъ, членомъ государственнаго совѣта, съ неизмѣннымъ постоянствомъ несъ тяжелыя обя-

занности то прокурора, то судьи, на различныхъ ступеняхъ уголовнаго правосудія. Не смотря на такое, можно сказать, однообразное и притомъ суровое занятіе, онъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ необыкновенную свѣжесть души, отзывчивость на все доброе, сердечный пылъ ко всему отечественному. Знакомство съ пороками людскими не породило въ немъ презрѣнія къ человѣчеству; подведеніе слабостей людскихъ подъ рубрики и статьи закона не развило въ немъ формализма и канцелярскаго бездушія; возясь съ бумагами, съ уголовными процесами, съ самою разнообразною ложью, онъ не утратилъ ни любви къ Богомъ созданному міру, ни вѣры въ чистыя стороны души человѣческой. Воззрѣнія его выражались не выспренними фразами о вѣчныхъ истинахъ и превосходствѣ сложныхъ ученій, возвеличивающихъ тѣхъ, кто ихъ проповѣдуетъ, да и воззрѣніями нельзя назвать побужденій, руководившихъ его дѣятельностью, то были не воззрѣнія, а искренняя любовь къ добру, къ людямъ, любовь, въ которой, по слову Евангельскому, «законъ и пророки вйсятъ», любовь подкрѣпленная твердою волею, многолѣтнимъ опытомъ, яснымъ, свѣтлымъ, чисто русскимъ смѣтливымъ умомъ, пренебрегающимъ формами, идущимъ прямо къ сути дѣла, разсчитывающимъ на отзывчивость собесѣдника или слушателя, видящимъ всегда предъ собою высокую цѣль, забывающимъ предъ этою цѣлью мелкоту людскую. И какъ просто, какъ естественно все это выражалось, въ какой бы ни было сферѣ. Въ дружеской ли бесѣдѣ, въ литературномъ ли спорѣ, въ государственномъ ли преніи—вездѣ Ковалевскій былъ Ковалевскимъ, былъ вѣренъ своей правдивой натурѣ; ходулей, напускного театральнаго для него не существовало. Онъ былъ вполнѣ искрененъ и съ самимъ собою, и съ другими. Онъ не поддѣлывался ни подъ что и въ этомъ, быть можетъ, была главная сила личности его.

Утрата подобныхъ людей должна быть особенно чувствительна нашему обществу. Въ силу неисчислимыхъ и разнообразныхъ условій, мы живемъ подъ давленіемъ множества разнородныхъ вліяній, вѣяній, впечатлѣній, нанесенныхъ самыми различными наслоеніями и вѣтрами; только полная искренность, скромная, теплая, трудовая, чуждая самопоклоненія искренность можетъ дать намъ твердый нравственный устой въ многообразныхъ и противуположныхъ сферахъ и поприщахъ русской жизни.

Люди какъ тотъ, котораго мы опускаемъ сегодня въ могилу, служатъ среди насъ представителями этой спасительной искренности; да множится число ихъ среди насъ и да сохранится въ памяти нашей имя одного изъ лучшихъ тихихъ людей—М. Е. Ковалевскаго.

А. А. Половцовъ.

СТРАННИКИ ИЛИ БѢГУНЫ

въ 1850-хъ гг.

Очеркъ А. С. Пругавина о сектѣ Странниковъ или Бѣгуновъ („Русская Старина“ изд. 1884 г., кн. мартъ), вызываетъ воспоминаніе о страннической сектѣ, въ Ярославской губерніи, въ 1850-хъ годахъ. обнаруженной. Дѣло это такъ важно и интересно, для выясненія вопроса о вредной сектѣ, что я сообщу здѣсь суть этого дѣла, — насколько оно осталось въ моей памяти послѣ занятій моихъ по этому дѣлу во время службы моей въ Ярославской губерніи слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ. Я надѣюсь, что г. Пругавинъ, ознакомившись съ характеромъ матеріаловъ, тогда собранныхъ относительно бѣгуновъ, розыщетъ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ это дѣло и съумѣетъ, лучше всякаго другого, воспользоваться этими матеріалами.

Въ концѣ 1840 гг., въ Туношенскихъ лѣсахъ, тянущихся между с. Сонниками и Туношною близъ Волги, между Костромою и Ярославлемъ, по направленію къ г. Нерехтѣ, на десятки верстъ,—появилась масса бродягъ, производившихъ даже грабежи на большой дорогѣ. Затѣмъ обнаружилось, что въ средѣ жившихъ въ лѣсу бродягъ распространена была особая секта, возводившая бродяжество въ религіозный догматъ и привлекавшая къ себѣ сочувствіе и тайное пособничество со стороны окрестныхъ крестьянъ. На это обратило, наконецъ, особое вниманіе министерство внутреннихъ дѣлъ, командировавшее въ Ярославскую губернію коммисію изъ довѣренныхъ чиновниковъ, поручивъ ей прекращеніе разбоевъ и тайное проживаніе бѣглыхъ въ лѣсу и изученіе вновь открытой секты, связи ея съ раскольниками другихъ толковъ и вліянія ея на мѣстныхъ осѣдлыхъ жителей. Во главѣ коммисіи былъ графъ Юлій Ивановичъ Стенбокъ-Ферморъ (тогда чиновн. особ. поруч. V-го класса при мин. внутр. дѣлъ; а потомъ управляющій департ. удѣловъ и первый чинъ двора); а въ числѣ членовъ,—все людей развитыхъ, честныхъ и толковыхъ,—былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

При такомъ составѣ, труды коммисіи не могли остаться безплодными. Коммисія работала два года; разбойники были переловлены; проѣздъ по дорогамъ сталъ безопасенъ; а о самой сектѣ бѣгуновъ были собраны самыя полныя свѣдѣнія, какъ изъ показаній сотенъ допрошенныхъ разумно и толково сектантовъ и мѣстныхъ жителей, такъ и изъ массы писемъ, пѣсень, стиховъ, поученій и рукописныхъ сочиненій, раскрывшихъ всю исторію секты, со времени ея основанія, въ концѣ прошлаго столѣтія, Ефиміемъ, который

одинъ оставилъ по себѣ много собственныхъ, рукописныхъ сочиненій. По окончаніи трудовъ коммисіи,—слѣдственныя дѣла о задержанныхъ разбойникахъ, ворахъ и бродягахъ были переданы на судебное разсмотрѣніе; а всѣ собранные ею матеріалы по изученію секты странниковъ переданы были въ особый секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, для постановленія заключенія о сущности и степени вредности ученія этой секты и для изысканія мѣръ къ противодѣйствію распространенія оной. Въ комитетѣ этомъ предсѣдательствовалъ Ярославскій преосвященный Евгеній—маститый іерархъ, очень ученый и разумный, бывшій профессоръ Московской духовной академіи и считавшій въ числѣ своихъ учениковъ покойнаго Московскаго митрополита Филарета. Членами были: губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатели палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ. По предварительномъ ознакомленіи членовъ съ собранными коммисіею матеріалами, комитетъ поручилъ дѣлопроизводителю своему, чиновнику особыхъ порученій губернатора, П. Ш., разработать эти матеріалы, дополнить ихъ свѣдѣніями изъ дѣлопроизводства губернаторской канцеляріи и изъ печатныхъ сочиненій и другихъ источниковъ по части исторіи раскола и составить, подъ руководствомъ губернатора, записку о сектѣ странниковъ или бѣгуновъ. По изготовленіи же этой записки и докладѣ ея въ секретномъ комитетѣ, были окончательно формулированы, въ журналѣ комитета, заключенія его по сему предмету, которыя сводились къ признанію секты вредною; но къ признанію, въ то же время, что полицейскими и карательными мѣрами надлежитъ преслѣдовать обусловленныя ученіемъ этой секты гражданскія и уголовныя преступленія (бродяжество, дезертирство, неплатежъ податей, неповиновеніе закону и властямъ, пристанодержательство и проч.); а отнюдь не самое исповѣданіе этого ученія, ибо преслѣдованіе собственно за вѣру возбудитъ фанатизмъ и цѣли не достигнетъ. Журналъ комитета и записка были представлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ и должны находиться въ архивахъ.

П. Ш.

17 марта 1884 г.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА».

Подписчики «РУССКОЙ СТАРИНЫ» могутъ получить **безплатно**, съ высылкою лишь *трехъ семи-копѣечныхъ почтовыхъ марокъ* на пересылку, брошюру:

РОСПИСЬ И УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1883 года.

«РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1882 года осталось лишь 38 экземпляровъ. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

«РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1883 года имѣется 79 экз. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г. разошлась по подпискѣ вся сполна, до послѣдняго экземпляра.

Печатается **второе изданіе** первыхъ четырехъ книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 года, а потому подписка продолжается и гг. подписчики получатъ всѣ **двѣнадцать книгъ** этого журнала за 1884 г. съ гравюрами и портретомъ **А. С. Пушкина**, отпечатаннымъ красками.

Между прочими мемуарами, статьями, очерками и матеріалами въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1884 г. будутъ отпечатаны поступившіе уже въ распоряженіе редакціи:

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

ПРОФЕССОРА-ХИРУРГА, ПИСАТЕЛЯ, ПЕДАГОГА И УЧЕНАГО

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА

† 23 ноября 1881 г.

Примѣчаніе. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. первыя два изданія, 1871 и 1872 гг. два изданія, 1873, 1874 и 1875 гг. разошлись сполна, не имѣется ни одного экземпляра.

Можно получить по восьми рублей за годъ съ пересылкою „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г. третье изд. (имѣется 247 экз.); 1876 г. (265 экз.); 1877 г. (168 экз.); 1878 г. (265 экз.); 1879 г. (158 экз.); 1880 г. второе изд. (220 экз.) и 1881 г. (110 экз.). Цѣна каждаго года по восьми руб.

Мих. Ив. Семевскій: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка.

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб. 1883 г., съ портретомъ Царицы, отпечатаннымъ красками. Цѣна два рубля.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

Тайная канцелярія при Петрѣ I. — Фрейлина Гамильтонъ. — Петръ Великій какъ юмористъ и проч. Съ приложеніемъ рисунковъ пытокъ въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1883 г. Цѣна книги два рубля.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Изд. второе ред. «РУССКОЙ СТАРИНЫ». Изданіе пересмотрѣнное и исправленное авторомъ, священникомъ и благочиннымъ. Спб. 1882 г.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

ПАВЛОВСКЪ.

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. Роскошное изданіе съ множествомъ гравированныхъ акад. Л. А. Сѣряковымъ рисунковъ, виньетокъ и портретовъ. Цѣна 5 рублей. Подписчики «РУССКОЙ СТАРИНЫ» могутъ получить эту книгу за 3 рубля съ пересылкою.

(Осталось 176 экз. въ роскошныхъ переплетахъ и 13 экз. безъ переплета).

ратурной характеристики Радищева сдѣланъ недавно г. Незеленовымъ («Историческій Вѣстникъ» 1883, № 4), преимущественно на основаніи «Путешествія», но съ общими выводами автора едва-ли можно согласиться. Въ пользу противоположнаго заключенія представлены весьма вѣскіе доводы въ монографіи г. Сухомлинова.

Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berl. 1883. 276 стр.

Лаврентій Рингуберъ, приглашенный въ Россію въ качествѣ придворнаго медика около 1672 г., исполнялъ не разъ порученія въ званіи секретаря посольства, между прочимъ при извѣстномъ Павлѣ Менезіусѣ (1672—1673 гг.), посланномъ въ Австрію, Венецію и Римъ, по дѣламъ турецкимъ и польскимъ. Но, проѣзжая черезъ Дрезденъ, у него завязались сношенія съ саксонскимъ курфирстомъ, который поручилъ Рингуберу передать царю цѣнные подарки, и съ извѣстнымъ оріенталистомъ Іовомъ Людольфомъ, интересовавшимся нѣкоторыми вопросами о Московіи, о положеніи протестантской общины и нѣмецкой слободы въ Москвѣ. Живя потомъ въ Вѣнѣ, онъ сообщалъ въ Дрезденъ о посольствѣ Потемкина, отправленномъ въ Австрію, Испанію и Францію; но затѣмъ мы снова встрѣчаемъ его въ Москвѣ (1675—1678), въ качествѣ царскаго врача, откуда онъ продолжалъ сообщать въ Дрезденъ о московскихъ дѣлахъ. Уже въ 1683 г. онъ получилъ порученіе отъ саксонскаго курфирста къ обоимъ царямъ, Петру и Ивану Алексѣевичамъ, съ настояніемъ объявить войну Турціи. Съ большими препятствіями достигъ онъ Россіи и получилъ доступъ ко двору. Этой миссіи посвящена особая записка Рингубера, помѣченная 1684 годомъ. Въ ней мы находимъ интересную характеристику обоихъ царей и правителя при царевнѣ Софіи, кн. В. В. Голицына, а также тогдашнихъ весьма натянутыхъ придворныхъ отношеній. Эта записка была извѣстна уже Аделунгу, но предъидущія бумаги и записки другихъ лицъ, присоединенныя къ нимъ въ настоящемъ изданіи, не были въ его рукахъ. Поэтому изданіе, сдѣланное по оригиналамъ, хранящимся въ готской публичной библіотекѣ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія и одобренія. Въ этихъ матеріалахъ изслѣдователь можетъ найти не только подробности о тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ (къ Польшѣ, Турціи), но и частныя не безъинтересныя свѣдѣнія, хотя и извѣстныя изъ другихъ матеріаловъ (о Никонѣ, первыхъ театральныхъ представленіяхъ, черты московскихъ нравовъ, объ иностранцахъ, бывшихъ въ Россіи, Лавр. Блюментростѣ и др.).

Кстати отмѣтимъ, что недавно вышла книжка, имѣющая также отношеніе къ исторіи русской дипломатіи: Berlin, Moskau, S-Petersburg 1649 — 1763, von Dr. Phil. Freiherrn B. von Köhne, изданная берлинскимъ историч. обществомъ. Кромѣ свѣдѣній о дипломатическихъ сношеніяхъ, въ ней есть данныя о пребываніи Петра В. въ Берлинѣ, о подаркахъ, присылавшихся русскому двору берлинскимъ и т. п. Книжка снабжена рисунками и портретами (русск. царей, пословъ), находящимися въ берлинскихъ музеяхъ.

Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. II. Спб. 1883. 129—575. Ц. 1 р. 50 к.

Намъ приходилось уже упоминать о первомъ выпускѣ этого изданія. Оно представляетъ извлеченіе дѣлъ аптекарскаго приказа, хранящихся нынѣ въ арх. мин. внутреннихъ дѣлъ. Матеріалы эти не были извѣстны Рихтеру, написавшему ист. медицины въ Россіи; а между тѣмъ они обнимаютъ весьма значительный періодъ времени (1630—1702). Во второй выпускъ вошли матеріалы съ 1645 г. 1674 годъ, т. е. за время ц. Алексѣя Михайловича; но обработка ихъ желательна со стороны спеціалистовъ. По этимъ матеріаламъ можно прослѣдить какъ исторію распространенія медицинскихъ свѣдѣній въ Россіи, такъ равно состояніе медицинскаго дѣла, способы обученія, данныя о лицахъ, обучавшихся медицинѣ, и т. п.

В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Первыя четыре книги во ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ, съ 17 портрет. и рис., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. ІЮНЬ. 1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Екатерина II и Дидро.** Изслѣдованіе по вновь изд. матеріаламъ. Окончаніе. 445

II. **Записки Д. И. Ростиславова,** профес. спб. духовной академіи: о бѣломъ духовенствѣ. Главы XVI и XVII 495

III. **Императоръ Николай Павловичъ.** Записки его объ укрѣпленіи Западной Россіи, 1845—1855 гг. . 519

IV. **Василій Андреевичъ Жуковскій,** письмо его къ Егору Петровичу Кавалевскому. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 531

V. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:** 1. Его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ (533).—2. А. С. Пушкинъ подъ секретнымъ надзоромъ въ Москвѣ, въ 1829 г. Сообщ. А. Гатцукъ (636).

VI. **Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ** и его мѣропріятія въ сѣв.-зап. Россіи, 1864 г. Приложенія къ его Запискамъ. VIII. 573

VII. **Николай Алексѣевичъ Милютинъ** въ его заботахъ о крестьянскомъ и судебномъ дѣлѣ въ Царствѣ Польскомъ, Сообщ. М. А. Стиль-Милютина. 585

VIII. **Русскій губернаторъ въ Польшѣ** въ 1866—1868 гг. Изъ записокъ отставнаго губернатора. . . . 595

IX. **Медали въ честь русскихъ дѣятелей,** собралъ и издалъ Ю. Б. Иверсенъ. Сообщ. И. Н. Божеряновъ 617

X. **Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой** и его барельефы изъ Одиссеи. Сообщ. И. Н. Божеряновъ . . 621

XI. **Николай Ивановичъ Уткинъ,** его жизнь и произведенія. Сообщ. И. Н. Божеряновъ 624

XII. **Императрица Елисавета Алексѣевна.** Легенды въ г. Бѣлевѣ о ея кончинѣ. Сообщ. о. Григ. Покровскій 633

XIII. **Московскія воспоминанія Николая Васильев. Берга,** 1845—1855 гг. 639

XIV. **Матеріалы, замѣтки и некрологи:** Маркъ Мартиновичъ, 1704 г. (631). — Императоръ Николай Павловичъ (637).—Ник. Ал. Некрасовъ (632).—Бар. А. Е. Розенъ (657). — К. П. Голенко (659). П. Н. Жолкевичъ (667).

XV. **Памятникъ на могилѣ Волынскаго.** 671

XVI. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова, † 1877 г. Гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ, † 1881 г. II. Систематическое оглавленіе XLII-го тома «Русской Старины» изд. 1884 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г. разошлась сполна.

Первыя пять книгъ напечатаны вторымъ изданіемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1884 г.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883 г.

Ред. «Русской Старины» считаетъ полезнымъ въ новой замѣткѣ еще разъ обратить вниманіе на этотъ сборникъ мѣстной археографіи и исторіи.

Эта весьма объемистая книга in 4°, въ 668 страницъ, снабжена множествомъ прекрасныхъ литографическихъ и ксилографическихъ снимковъ съ древнихъ печатей, гербовъ, автографовъ и подписей, плановъ, картъ и т. п., весьма тщательно воспроизведенныхъ, частію по подлинникамъ, частію по прежнимъ изданіямъ, въ одной изъ мѣстныхъ литографій г. Витебска. Текстъ печатанъ въ мѣстной губ. типографіи, съумѣвшей, къ сожалѣнію, наполнить ее опечатками.

«Витебская Старина», напечатанная въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, заключаетъ въ себѣ: извѣстія русскихъ и литовскихъ лѣтописей о Витебскѣ; грамоты, привилегіи и другіе города документы; свѣдѣнія объ Іосафатѣ Кунцевичѣ; документы о Марковомъ монастырѣ и касающіеся витебскихъ евреевъ; бумаги о 1812 годѣ. Витебское мыто 1605 г. инвентари и разнаго рода статистическія свѣдѣнія даже послѣднихъ годовъ. Аверкіевская лѣтопись 1760 года, касающаяся не одного Витебска, но и другихъ мѣстностей, лежащихъ въ предѣлахъ и за предѣлами Бѣлоруссіи; указаніе статей свода законовъ о Витебской губерніи; списки Полоцкихъ и Витебскихъ князей и разныхъ административныхъ лицъ до настоящаго времени; наконецъ краткій историко-статистическій очеркъ города Витебска.

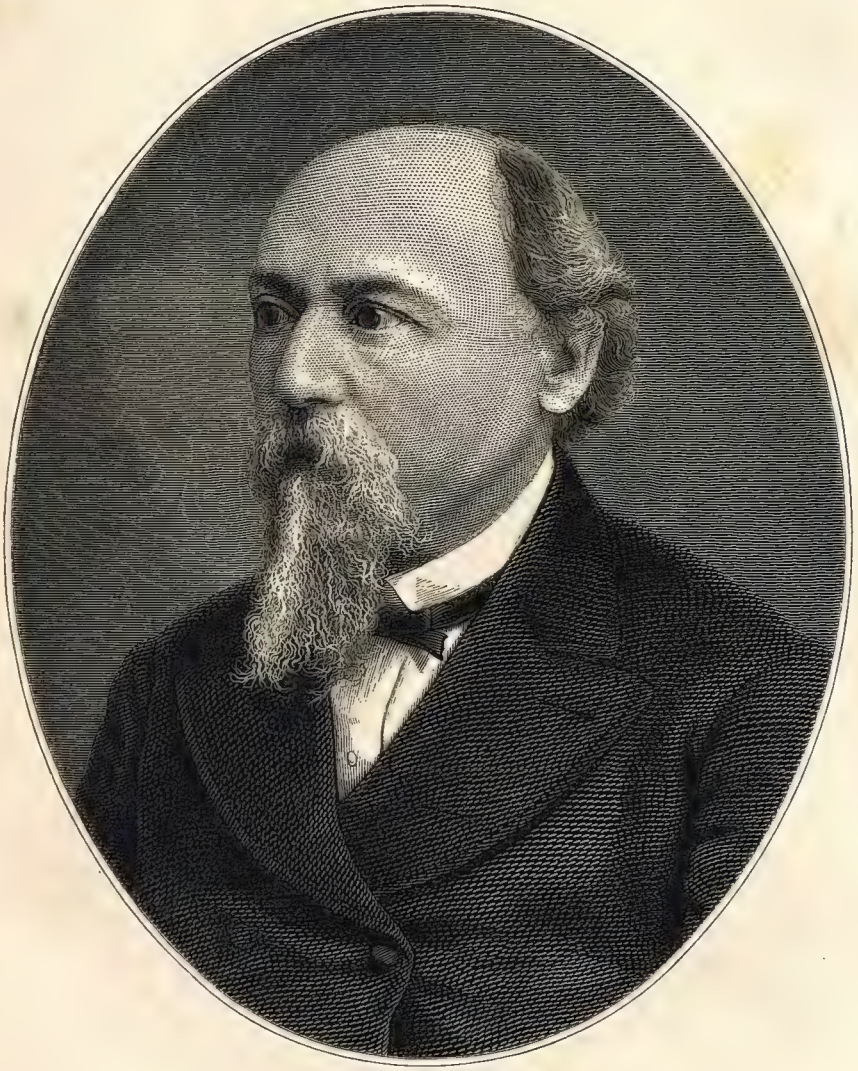
Вообще «Витебская Старина», не смотря на нѣкоторые недостатки, на недовольно строгій выборъ помѣщенныхъ въ ней документовъ и свѣдѣній, и отсутствіе перевода документовъ на современный языкъ, также объясненія многихъ непонятныхъ словъ и выраженій, значительно пополняетъ недостатокъ подобныхъ сборниковъ, столь полезныхъ для желающихъ познакомиться съ мѣстной исторіей. Въ виду этого должно вполнѣ поблагодарить за этотъ, во всякомъ случаѣ, серіозный трудъ какъ составителя книги—молодаго, начинающаго писателя г. Сапунова, такъ и доставившую необходимыя для роскошнаго изданія ея значительныя матеріальныя средства г-жу Варвару Павловну Волковичъ. А. С.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. I. Изслѣдованіе И. И. Дубасова, М. 1883. 263 стр. Ц. 2 р.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ выходъ въ свѣтъ настоящихъ очерковъ, помѣщавшихся прежде въ историческихъ журналахъ и мѣстныхъ губернскихъ изданіяхъ. Въ теченіи 9 лѣтъ авторъ ихъ занимается изученіемъ мѣстныхъ архивовъ, почти нетронутыхъ еще изслѣдователями, а между тѣмъ они заключаютъ въ себѣ весьма любопытные документы, обстоятельно изображающіе прошлую жизнь даннаго края. Затѣмъ авторъ дополнилъ собранныя имъ свѣдѣнія матеріалами московскихъ архивовъ, занявшись и въ нихъ усиленнымъ разысканіемъ новыхъ матеріаловъ. Очерки, составленные на основаніи послѣднихъ, войдутъ собственно во 2-й выпускъ. Въ своихъ ссылкахъ авторъ упоминаетъ о слѣдующихъ мѣстныхъ архивахъ, разсмотрѣнныхъ имъ: губернскаго правленія, дворянскаго собранія, духовной консисторіи, окружнаго суда, шацкой провинц. канцеляріи, тамб. губерн. музея. Отчасти же онъ дополнилъ эти матеріалы данными изъ моск. архивовъ—министерствъ юстиціи и иностр. дѣлъ.

Познакомившись ближе съ очерками автора, можно убѣдиться, какой важный бытовой матеріалъ хранится еще въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ, преимущественно XVIII—XIX вв., къ которымъ почти никто не прикасался съ цѣлью систематическаго изученія ихъ. «Къ сожалѣнію, замѣчаетъ онъ, архивныя хранилища даютъ намъ факты отжившей жизни по преимуществу отрицательнаго характера». Правда, въ нихъ не всегда можно расчитывать на подборъ матеріаловъ въ систематическомъ порядкѣ, такъ, многіе, притомъ важнѣйшіе, документы, находятся въ столичныхъ архивахъ.

Въ началѣ своихъ очерковъ авторъ знакомитъ съ «тамбовскимъ лѣтописцемъ», ведущимъ свой разсказъ отъ начала города (1636) по 1708 годъ, дополняя его свѣдѣнія другими матеріалами и продолжая свой очеркъ до позднѣйшаго времени. Болѣе интересныя свѣдѣнія въ немъ относятся ко времени Петра В. и позднѣйшему періоду. До открытія въ 1779 г. Тамбовскаго намѣстничества, въ Тамбовѣ не было ни



ГРАВ. Л. А. СЕРЯКОВЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

1821—1877.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1882 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 АПРѢЛЯ 1882 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ЕКАТЕРИНА II И ДИДРО.

III [1]).

Дидро въ гостяхъ у Екатерины.

Никогда еще императрица Екатерина II не переживала столь разнообразныхъ впечатлѣній, какъ осенью 1773 г. Между тѣмъ какъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ съ огромными потерями долженъ былъ отступить отъ предѣловъ Турціи, гдѣ, подъ Силистріей, едва не погубилъ и русское войско, и свою славу побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ, а близъ Яика, на уметѣ Ереминой Курицы, появились уже царскіе знаки на Григоріи Пугачовѣ; между тѣмъ какъ въ самомъ дворцѣ шла ожесточенная борьба двухъ враждебныхъ партій, Орлова и Панина, и даже во внутреннихъ покояхъ императрицы виднѣлась по временамъ угрюмость на лицѣ Васильчикова—въ Петербургѣ готовились всевозможныя празднества по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича. Въ это именно время, 28-го сентября 1773 г., пріѣхалъ въ Петербургъ Дидро.

Во всю свою жизнь Дидро только одинъ разъ выѣзжалъ за предѣлы Франціи—для поѣздки въ Петербургъ. Онъ не любилъ путешествовать [2]); жизнь привязывала его къ дому. Вѣчно занятый въ своемъ кабинетѣ, среди книгъ, корректуръ и рукописей, доставлявшихъ ему средства къ жизни, Дидро привыкъ къ извѣстной обстановкѣ, нетерпѣвшей никакихъ перемѣнъ. Для путешествій же, требовавшихъ въ то время значительныхъ издержекъ, у него не было и матерьяльныхъ средствъ. У него не было средствъ даже на поѣздку въ Фернэ, къ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLII, май, стр. 223—278.
[2]) Diderot, III, 417.

Вольтеру, который только одного Дидро удостоивалъ называть «illustre philosophe» [1]) и къ которому ѣздили всѣ, кто только могъ. Отъ поѣздки въ Петербургъ Дидро долго отказывался. Еще въ 1767 г. Екатерина выражала желаніе видѣть Дидро въ Петербургѣ: «Я желала бы видѣть его здѣсь и для того, чтобы отвратить отъ него преслѣдованія въ будущемъ, которыхъ я за него опасаюсь, и потому что охотно желаешь видѣть достойныхъ людей. Не могу рѣшить, какое дать ему назначеніе: прежде всего потому, что не желала бы стѣснять его собственный выборъ, и потомъ желала бы ближе ознакомиться съ нимъ прежде, чѣмъ предложить ему что-либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что еслибъ онъ пріѣхалъ и еслибъ я послѣдовала своему влеченію, я оставила бы его при себѣ, для моего наставленія» [2]). Въ письмѣ къ Екатеринѣ Дидро отклонилъ это приглашеніе, отговариваясь «сердечными своими привязанностями въ Парижѣ» [3]). Только шесть лѣтъ спустя, вполнѣ окончивъ изданіе «Энциклопедіи», Дидро рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

Дидро выѣхалъ изъ Парижа 21-го мая 1773 г.[4]). Онъ направился, прежде всего, въ Гагу, къ своему другу, князю Голицыну, гдѣ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ. Въ письмѣ къ дѣвицѣ Воланъ, отъ 13-го августа, Дидро сообщаетъ ей, что «чрезъ четыре дня отправляется въ Петербургъ», въ сопровожденіи Нарышкина [5]). «Камергеръ ея императорскаго величества г. Нарышкинъ беретъ меня въ свою карету и будетъ сопровождать меня до Петербурга. Мы поѣдемъ тихо, удобно, небольшими переѣздами, останавливаясь, гдѣ только намъ заблагоразсудится, для отдыха или ради любопытства. Г. Нарышкинъ очень милый господинъ, который дружески сошелся со мною еще въ Парижѣ» [6]). Дидро ѣхалъ такъ тихо, что въ Петербургѣ теряли уже всякую надежду уви-

---

[1]) Voltaire, LXXXVIII, 90.

[2]) Сборникъ, XVII, 3.

[3]) Id., XIII, 10; XVII, 253.

[4]) Id., XVII, 191.

[5]) Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ (1710—1775), сынъ перваго петербургскаго коменданта, Кирила Алексѣевича. Будучи камергеромъ, при императрицѣ Аннѣ удалился заграницу и проживалъ въ Парижѣ подъ фамиліей Тенкина; въ царствованіе Елизаветы Петровны былъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, въ 1741—42 гг.; назначенъ гофмаршаломъ къ великому князю Петру Ѳедоровичу; при Екатеринѣ—оберъ-егермейстеръ (grand veneur), генералъ-аншефъ, дѣйствительный камергеръ. Извѣстный щеголь, представитель роскошнаго барства прошлаго вѣка и изобрѣтатель роговой музыки. „Русскій Архивъ“, 1871, 1504; Сборникъ, XVII, 268; „Архивъ кн. Воронцова“, II, 565—576.

[6]) Diderot, XIX, 344.

дѣть его когда-нибудь; императрица безпрестанно [1]) спрашивала у его друга, Фальконэ, извѣстій о его путешествіи. «Ваше величество говорите мнѣ—пишетъ Фальконэ императрицѣ—что не слышите болѣе ничего о путешествіи Дидро; я тоже ничего объ этомъ не слышу, и съ нѣкотораго времени замѣчаю, что не долженъ болѣе вѣрить этому путешествію. Онъ уже не пишетъ въ Гагу, не пишетъ мнѣ; ломая себѣ голову, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти розсказни не болѣе, какъ химеры, ни поводы, ни причины которыхъ мнѣ неизвѣстны, но все таки это однѣ сказки или же я сильно ошибаюсь» [2]). Между тѣмъ, путешествіе Дидро замедлилось и вслѣдствіе его болѣзни. Во время переѣзда изъ Гаги въ Петербургъ, Дидро прихворнулъ два раза—въ Дуисбургѣ [3]) и въ Нарвѣ, оба раза разстройствомъ желудка [4]). Узнавъ о болѣзни Дидро, въ Петербургѣ рѣшили, что онъ, упустивъ благопріятное для путешествія время, вовсе уже не пріѣдетъ; императрица очень безпокоилась о дуисбургскомъ больномъ [5]); нѣкоторые полагали, что онъ умеръ въ Дуисбургѣ [6]). Всѣ эти предположенія вскорѣ прекратились: 28-го сентября 1773 г. [7]) Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ.

Первые часы пребыванія Дидро въ Петербургѣ сопровождались большими для него непріятностями. Онъ въѣхалъ въ городъ больной, усталый съ дороги, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не зналъ гдѣ найти пристанище. «Нарышкинъ [8]) предложилъ моему отцу—разсказываетъ г-жа Вандэль—остановиться въ его домѣ; но отецъ, полагая, что этимъ онъ оскорбилъ бы своего друга, рѣшился остановиться у Фальконэ. Онъ

---

[1]) Сборникъ, XVII, 190, 191, 195, 283; XIII, 358.

[2]) Сборникъ, XVII, 190.

[3]) Duisbourg, близъ Дюссельдорфа, на Рейнѣ. Это очень древній городъ, въ которомъ, при проѣздѣ Дидро, былъ еще университетъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Дидро печатается Dresbourg — очевидно, опечатка. (Diderot, XX, 58).

[4]) Diderot, XX, 58: l'inflammation des entrailles.

[5]) Сборникъ, X, 358; XVII, 283.

[6]) Id., XVII, 283.

[7]) „La veille du mariage“ (изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 2-го ноября 1773 г.). Бракосочетаніе же в. к. Павла Петровича съ в. к. Натальей Алексѣевной совершено 29 сентября 1773 г. Д. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 93. Пользуемся случаемъ выразить благодарность секретарю русскаго историческаго общества Г. Ѳ. Штендману, предоставившему въ наше распоряженіе 22 неизданныя письма барона Гримма, изъ Петербурга, къ графу Нессельроду, въ Потсдамъ. Отрывки изъ 13-ти писемъ были напечатаны въ 76-мъ примѣчаніи къ XVII т. „Сборника“, посвященному перепискѣ Екатерины II съ скульпторомъ Фальконэ.

[8]) Le prince. Г-жа Вандэль постоянно называетъ Нарышкина княземъ. Дидро въ своей перепискѣ никогда не дѣлаетъ такой ошибки.

дѣйствительно подъѣхалъ къ дому, занимаемому скульпторомъ Фальконэ, и его, еще больного отъ воды и усталаго съ дороги, Фальконэ принялъ довольно холодно и объявилъ, что не можетъ помѣстить его въ своей квартирѣ, такъ какъ къ нему пріѣхалъ недавно сынъ [1]), который и занялъ постель, предназначавшуюся для Дидро. Мой отецъ, не рѣшавшійся остановиться въ гостинницѣ, такъ какъ онъ не зналъ еще ни нравовъ, ни обычаевъ страны, тотчасъ написалъ Нарышкину записочку, прося дать ему пристанище, если это не очень стѣснитъ его. Нарышкинъ тотчасъ же прислалъ за моимъ отцомъ карету и оставилъ его въ своемъ домѣ до самаго отъѣзда отца изъ Петербурга. Письмо, написанное отцомъ къ моей матери о пріемѣ, оказанномъ ему Фальконэ, нельзя читать безъ содроганія» [2]).

Зачѣмъ Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ?

Единственно и исключительно, чтобъ «лично поблагодарить» Екатерину [3]) за ея щедрыя къ нему милости—за покупку библіотеки, за назначеніе библіотекаремъ, за уплату жалованья на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, за выраженную готовность принять подъ свое покровительство печатаніе «Энциклопедіи». «Къ этому путешествію меня обязывало чувство признательности» [4]), говорилъ Дидро. Такъ понимали это и его друзья: «путешествіе Дидро въ Петербургъ—исполненіе долга, обязательнаго для него по многимъ соображеніямъ и сознаннаго его сердцемъ» [5]). Никакой иной, особенно же корыстной цѣли, Дидро не имѣлъ и уже въ то время не могъ имѣть, будучи человѣкомъ до извѣстной степени обезпеченнымъ. Еще много лѣтъ предъ тѣмъ онъ отказался отъ поѣздки въ Петербургъ, когда такая поѣздка представляла большія матерьяльныя выгоды, и отказался не разъ: въ 1762 г., когда императрица приглашала его въ Петербургъ для окончанія «Энциклопедіи», и въ 1767 г., когда она предполагала назначить его состоять при своей особѣ, какъ совѣтника [6]). Но и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, реакціонеры и суевѣры, враждебно настроенные противъ всей философской партіи, стали распускать различные слухи, выставлявшіе Дидро въ неблаговидномъ свѣтѣ, глумиться надъ «безкорыстіемъ» его поѣздки,

[1]) Id. XVII, 295.

[2]) Время избавило насъ отъ чтенія этого „раздирающаго сердце“ письма (la lettre déchirante)—оно не сохранилось; но и безъ него не трудно видѣть, что въ происшедшей размолвкѣ виноватъ Фальконэ. Изъ сохранившихся писемъ Фальконэ къ Екатеринѣ видно уже, что дочь Дидро вѣрно поняла его характеръ (Diderot, I, LII).

[3]) Remercier en personne Sa Majesté Impériale. Diderot, I, LI.

[4]) Diderot, XIX, 344, 347, sqq.

[5]) Сборникъ, XVII, 195.

[6]) Сборникъ, XVII, 4.

клеветать по поводу ея цѣлей. Въ этомъ отношеніи особенно отличался книгопродавческій кружокъ въ Парижѣ, откуда распространялись наиболѣе нелѣпыя и даже оскорбительныя обвиненія, находившія сочувственный откликъ не только въ Берлинѣ, но даже въ Петербургѣ, какъ среди иностранныхъ дипломатовъ, опасавшихся значенія, пріобрѣтеннаго имъ во мнѣніи императрицы, такъ и среди членовъ французской колоніи. «Большинство французовъ, проживающихъ въ Петербургѣ—пишетъ Дидро—ненавидятъ другъ друга, грызутся, за что всѣ ихъ презираютъ, а они порочатъ всю націю. Это просто сволочь, какую можно только себѣ представить» [1]). Эту же особенность подмѣтилъ, нѣсколько лѣтъ позже, и папскій нунцій при дворѣ Екатерины, Аркетти, среди католическаго духовенства [2]). «Едва пріѣхалъ я въ Петербургъ—пишетъ Дидро матери—какъ негодяи изъ Парижа написали, а негодяи въ Петербургѣ повторяли, будто я, подъ предлогомъ благодарить императрицу за оказанныя ею мнѣ благодѣянія, пріѣхалъ вымаливать новыя милости. Это взбѣсило меня и я сказалъ себѣ: нужно зажать ротъ этой сволочи» [3]). Своимъ поведеніемъ въ Петербургѣ Дидро доказалъ, что главный и единственный мотивъ его поѣздки въ Петербургъ былъ тотъ, который указанъ имъ самимъ въ письмахъ къ близкимъ ему людямъ и категорически повторенъ его дочерью уже по его смерти: «лично благодарить ея императорское величество».

Петербургъ, какъ городъ, не произвелъ на Дидро никакого впечатлѣнія: ни въ письмахъ, ни въ замѣткахъ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о городѣ. Очевидно, послѣ Парижа и Гаги, Петербургъ не представлялъ для Дидро ничего особенно бросающагося въ глаза, заслуживающаго похвалы или порицанія. Альфіери, посѣтившій Петербургъ за три года до Дидро, пришолъ въ ужасъ отъ этого «азіятскаго лагеря, обстроеннаго вытянутыми въ рядъ лачужками», отъ русскихъ—«варваровъ, замаскированныхъ европейцами»; онъ пришелъ въ такое негодованіе отъ Петербурга, что даже отказался отъ намѣренія ѣхать въ Москву [4]). Папскій нунцій, Аркетти, напротивъ, пришелъ въ восторгъ отъ русской столицы: «Петербургъ—одинъ изъ наиболѣе красивыхъ, цвѣтущихъ и важныхъ городовъ Европы; его называютъ вторымъ Римомъ, выстроеннымъ въ сѣверной странѣ. И это справедливо, такъ какъ Петербургъ есть стольный градъ наиболѣе славной въ наше время импе-

[1]) Diderot, XX, 58.

[2]) Sacerdotes ipsi mutuo sibi obtrectare, jamque eorum odia erumpere et in vulgus emanere. Commentarii de legatione petropolitana ab I. A. Archettio administrata. Paris, 1872, p. 113.

[3]) Государственный Архивъ, XI, № 1051. Diderot, XX, 53.

[4]) Mémoires d'Alfieri, ed. Barrière, XXVI, 119. Кн. П. А. Вяземскій, V, 207.

ріи» [1]). Кажется, Дидро, вовсе умолчавшій о городѣ Петербургѣ, поступилъ благоразумнѣе и итальянскаго поэта, и папскаго нунція.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, Дидро былъ разбуженъ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой, возвѣщавшей о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ гессен-дармштадскою принцессою Вильгельминою, нареченною Наталіей Алексѣевной. Изъ Нарышкинскаго дома на Исаакіевской площади онъ могъ видѣть торжественную процессію, прослѣдовавшую изъ дворца по перспективѣ въ Казанскій соборъ; среди войскъ, разставленныхъ шпалерами, онъ могъ видѣть блестящій отрядъ конной гвардіи, рядъ придворныхъ каретъ съ высшими чинами имперіи, золотую карету императрицы, запряженную восемью конями, цугомъ, и конвоируемую кавалергардами; онъ слышалъ пушечную пальбу и церковный перезвонъ, неумолкавшіе весь день—но на все это, Дидро, какъ и подобало философу, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, къ крайнему огорченію льстиваго Гримма [2]). Двѣ недѣли, съ 29-го сентября по 12-е октября 1773 г., длились празднества по случаю бракосочетанія. Народныя гулянья, придворные маскарады, парадные спектакли, балы, фейерверки и обѣды слѣдовали одни за другими; все было настроено на торжественный ладъ, все приняло праздничный видъ, среди котораго невольно обращала на себя вниманіе появлявшаяся иногда во дворцѣ, чаще во внутреннихъ покояхъ императрицы, фигура шестидесяти-лѣтняго старика, въ черномъ костюмѣ. «Онъ никогда даже и не думалъ о томъ—пишетъ дочь Дидро про своего отца—что во дворцѣ нельзя являться въ томъ же костюмѣ, въ которомъ ходятъ въ чуланъ, и отправлялся къ императрицѣ весь въ черномъ [3]). Императрица презентовала ему цвѣтной костюмъ» [4]). И эта-то «фигура въ черномъ» заняла во дворцѣ подобающее ей мѣсто еще во время торжествъ, въ первыя же двѣ недѣли своего пребыванія въ Петербургѣ. 15-го октября, отъѣздомъ ландграфини гессен-дармштадтской, матери высоконовобрачной, окончились свадебныя торжества, а еще наканунѣ, 14-го октября, генералъ-квартирмейстеръ Ф. В. Бауеръ писалъ графу Нессельроду въ

---

[1]) Petropolis jam ab omnibus pulcherrimas inter et florentissimas potentissimasque Europae urbes numeratur; nec insulse eam quidam appellavit Romam alteram sub septemtrionibus conditam. Ea vero uti sedes est clarissimi nostra memoria imperii. Commentarii, p. 154.

[2]) Изъ неизданнаго письма Гримма отъ 2-го ноября 1773 г.: Denis est arrivé ici la veille du mariage, afin de ne rien voir des fêtes.

[3]) Дидро всегда и вездѣ носилъ только черный костюмъ. Когда графъ де-Брольи, желая уколоть Дидро за его русофильство, спросилъ, не по русскимъ ли онъ носитъ трауръ, Дидро отвѣчалъ: «Si j'avais à porter le deuil d'une nation, monsieur le comte, je n'irais pas la chercher si loin». Diderot, I, LIII.

[4]) Diderot, I, LIII.

Потсдамъ: «Дидро здѣсь, и всѣ относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Жаль только, что здѣсь мало людей, которые могли бы дивиться подобнымъ личностямъ не только вслѣдствіе моды. Они считаютъ себя довольно уже учеными, если могутъ сказать: «Дидро—человѣкъ ученый»; воспользоваться же его пребываніемъ, извлечь пользу изъ знакомства съ нимъ—не входитъ въ ихъ планы, за исключеніемъ, конечно, нашей великой женщины» [1]).

О пріемѣ, оказанномъ Екатериною «полномочному посланнику энциклопедической республики» [2]), сохранились извѣстія, единогласно подтверждающія отзывъ генерала Бауера. Въ офиціальной депешѣ французскаго посланника Дюрана къ своему правительству, отъ 27-го октября (6-го ноября) 1773 г., еще неизданной, говорится: «Императрица находитъ особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ Дидро. Она назначила часъ, въ который желала бы, чтобъ онъ являлся—послѣ обѣда ея величества. Бесѣды происходятъ безъ свидѣтелей и часто очень продолжительны» [3]). Вотъ что писалъ по этому поводу Дидро княгинѣ Дашковой въ Москву: «Да, я, дѣйствительно, въ Петербургѣ. Я имѣю счастіе бесѣдовать съ императрицею такъ часто, какъ я только могъ того желать, чаще, быть можетъ, чѣмъ я смѣлъ надѣяться. Я нашелъ императрицу такою, какою вы обрисовали мнѣ ее въ Парижѣ: это душа Брута съ чарами Клеопатры. Если она, какъ государыня, велика на тронѣ, ея прелести, какъ женщины, способны вскружить голову тысячамъ смертныхъ. Никто лучше ее не владѣетъ искуствомъ располагать въ свою пользу. Вы, конечно, не забыли съ какою свободою вы позволяли мнѣ говорить съ вами въ Парижѣ, rue de Grenelle; ну, я пользуюсь такою же свободою во дворцѣ ея императорскаго величества. Мнѣ разрѣшено говорить все, что только придетъ въ голову» [4]). Уже покинувъ Петербургъ, Дидро, въ письмѣ къ дѣвицѣ Воланъ, въ Парижъ, такъ вспоминаетъ о пріемѣ его императрицею: «Со мною обходились какъ съ представителемъ честныхъ и способныхъ людей моей земли. Отправляясь въ Петербургъ, я говорилъ себѣ: ты будешь представленъ императрицѣ, ты поблагодаришь ее; мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ тебя видѣть, сдѣлаетъ тебѣ нѣсколько вопросовъ; еще мѣ-

---

[1]) Сборникъ, XVII, 282.

[2]) Кн. Вяземскій, V, 10.

[3]) L'Impératrice prend un plaisir tout particulier à s'entretenir avec Diderot. Elle lui a assigné l'heure de la journée à laquelle Elle désirait qu'il se presentât, c'est après le diner de S. M. Imp. La conversation se passe sans temoins et souvent elle est très longue. M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773. (Изъ архива французскаго министерства иностр. дѣлъ въ Парижѣ).

[4]) Diderot, XX, 39—40.

сяцъ спустя, ты пойдешь проститься съ нею, и возвратишься. Не согласитесь-ли, друзья, что именно такъ все случилось бы при всякомъ другомъ дворѣ, кромѣ петербургскаго? Здѣсь, напротивъ, двери кабинета государыни открыты для меня во всѣ дни [1]), съ трехъ часовъ пополудни до пяти, иногда и до шести часовъ. Я вхожу; меня сажаютъ, и я разговариваю также свободно, какъ съ вами. Выходя изъ кабинета императрицы, я долженъ сознаться предъ самимъ собою, что я имѣлъ душу раба въ такъ называемой землѣ свободныхъ людей и что я обрѣлъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ такъ называемой землѣ варваровъ» [2]). Въ кабинетѣ императрицы, въ бесѣдѣ съ Екатериною, Дидро чувствовалъ себя также свободно, какъ въ Парижѣ rue de Grenelle, гдѣ останавливалась кн. Дашкова, или «въ синагогѣ de la rue Royale», т. е. въ домѣ барона Гольбаха: «Дидро беретъ руку императрицы, трясетъ ее, бьетъ кулакомъ по столу; онъ обходится съ нею совершенно также, какъ съ нами» [3]), пишетъ Гриммъ графу Нессельроде отъ 2-го ноября 1773 г. Эта жестикуляція Дидро, составлявшая его слабость и придававшая вмѣстѣ съ тѣмъ особенную прелесть его бесѣдѣ, забавляла Екатерину, которая справедливо видѣла въ ней признакъ искренности, при чемъ, однако, Екатерина приняла мѣры, чтобы оградить себя и свои члены отъ не въ мѣру рѣзкихъ иногда проявленій жестикуляціи. «Вашъ Дидро—пишетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ [4])—человѣкъ совсѣмъ необыкновенный: послѣ каждой бесѣды съ нимъ у меня бедра всегда помяты и черны; ужь я была вынуждена поставить столъ между нимъ и мною, чтобы защитить себя и свои члены отъ его жестикуляціи». Простота обращенія была особенностью Екатерины. Также какъ съ Дидро обошлась она и съ Гриммомъ. «Садитесь, и потолкуемъ», сказала императрица Гримму въ первое же свиданіе. «Съ этого дня, пишетъ Гриммъ, государыня часто призывала меня въ свои покои по окончаніи карточной игры. Она сидѣла передъ столомъ за какимъ-нибудь рукодѣльемъ, приказывала мнѣ садиться насупротивъ ея и оставляла меня часовъ до десяти съ половиною или одиннадцати. Обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, не прерываясь ни минуты» [5]).

---

[1]) Tous les jours seul à seule. Diderot, XX, 57; XIX, 345. Только въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой время бесѣдъ опредѣлено иначе: trois heures tous les trois jours. Diderot, XX, 40.

[2]) Id., XX, 346.

[3]) Il lui prend la main, il lui secoue le bras, il tape sur sa table, tout comme s'il était au milieu de la synagogue de la rue Royale. (Изъ неизданнаго письма).

[4]) Diderot, XX, 138. Въ письмахъ Екатерины къ г-жѣ Жофренъ, изданныхъ А. Ѳ. Гамбургеромъ (Сборникъ, I, 253—291), этого письма нѣтъ.

[5]) Сборникъ, II, 329—331.

Въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро проявилась другая черта, болѣе важная, чѣмъ простота обращенія. Дидро всегда умѣлъ «истину царямъ съ улыбкой говорить»; въ Петербургѣ же это было поставлено непремѣннымъ условіемъ бесѣдъ. Екатерина именно въ этомъ видѣла привлекательность сношеній съ Дидро. Еще задолго до прибытія его въ Петербургъ, она говорила уже, что «ея философъ» всегда «будетъ говорить правду» [1]). Въ письмѣ изъ Петербурга къ княгинѣ Дашковой, жившей тогда въ Москвѣ, Дидро пишетъ: «Могу увѣрить васъ самымъ положительнымъ образомъ, что ложь не входитъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, когда тамъ бываетъ философъ» [2]).

Какія же «правды» входили въ кабинетъ ея величества вмѣстѣ съ философомъ? О чомъ Екатерина бесѣдовала съ Дидро? Что интересовало Дидро въ разговорахъ съ Екатериною?

Дидро не оставилъ описанія ни своего путешествія въ Россію, ни своего пребыванія въ Петербургѣ. Только по краткимъ извѣстіямъ, сохраненнымъ современниками, и по намекамъ въ письмахъ и депешахъ можемъ мы воспроизвесть болѣе или менѣе точно рядъ вопросовъ, фактовъ и предметовъ, обсуждавшихся во время бесѣдъ Екатерины съ Дидро. Эти бесѣды интересовали всѣхъ, иныхъ даже очень безпокоили; онѣ были главною причиною непріязни къ Дидро многихъ иностранныхъ дипломатовъ. Объ этихъ бесѣдахъ, какъ Германъ, въ своей «Исторіи русскаго государства», такъ и Розенкранцъ, въ своей біографіи Дидро, упоминаютъ лишь въ общихъ чертахъ; въ Россіи же до настоящаго времени эти бесѣды не подвергались серьезному изслѣдованію. По имѣющимся въ настоящее время матерьяламъ можно не только опредѣлить довольно точно о чомъ бесѣдовала Екатерина съ Дидро, но и указать вопросы, которые не были затронуты во время этихъ бесѣдъ.

Въ Берлинѣ смотрѣли очень недружелюбно на поѣздку Дидро въ Петербургъ. Симпатіи Екатерины II къ французскимъ философамъ не нравились прусскому двору; пока эти симпатіи выражались только въ изліяніи щедрыхъ милостей съ одной стороны и печатныхъ восхваленій съ другой, онѣ были еще терпимы, тѣмъ болѣе, что и прусскій дворъ состоялъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ французскими философами; но личныя свиданія, къ тому же съ Дидро, представляли уже извѣстную опасность для взаимныхъ отношеній обоихъ дворовъ, какъ думали, по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ. Тамъ даже распустили было слухъ, будто французское правительство противодѣйствовало поѣздкѣ Дидро въ Петербургъ, между тѣмъ какъ герцогъ д'Эгильйонъ, министръ ино-

[1]) Сборникъ, XVII, 16.
[2]) Diderot, XX, 41.

странныхъ дѣлъ, прощаясь съ Дидро въ Парижѣ, сказалъ ему, что онъ не только согласенъ, но въ полной мѣрѣ одобряетъ эту поѣздку [1]).

Изъ переписки французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Дюрана съ герцогомъ д'Эгильйономъ, хранящейся во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [2]), видно, что Дидро нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Екатериною объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Франціи. Уже въ началѣ ноября, черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Дидро, Екатерина, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, «изъявляла сожалѣніе, что ей приписываютъ такія чувства ненависти, въ которыхъ она неповинна», и Дидро, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ Екатерины, полагалъ, что «взгляды императрицы на французскую политику настолько измѣнились, что уже не трудно будетъ придти къ соглашенію» [3]). Въ началѣ декабря, Екатерина, бесѣдуя съ Дидро, «раскаивалась, что отдалась Пруссіи».—«Вы не любите прусскаго короля», сказала она.—«Нѣтъ, отвѣчалъ Дидро, не люблю: это великій человѣкъ, но дурной король и дѣлатель фальшивой монеты».—«Я», замѣтила императрица, смѣясь, «принимала нѣкоторое участіе въ этой поддѣлкѣ монеты» [4]). Въ концѣ декабря, Дидро рѣшился уже прямо изложить Екатеринѣ всю опасность для нея отъ союза съ Пруссіей и всю пользу французскаго союза. «Императрица не только не остановила Дидро, но своими жестами и замѣчаніями какъ бы поощряла его. Она, въ свою очередь, обрисовала Дидро, сказавъ, что въ иныхъ случаяхъ ему сто лѣтъ, а въ другихъ нѣтъ и десяти» [5]). Незадолго до отъѣзда Дидро изъ Петербурга, Екатерина, во время пріема, полушутя-полусерьезно упрекала Гримма, что онъ навязываетъ ей предъубѣжденія противъ Франціи, и, обращаясь къ Дидро, сказала: «Можете ли вы указать мнѣ примѣръ, который убѣждалъ бы, что бываютъ люди злые по принципу?»—«Я беру примѣръ, отвѣчалъ Дидро, изъ класса людей наиболѣе выдающихся: я назову во главѣ ихъ прусскаго короля».—«А я васъ на этомъ останавливаю», сказала Екатерина безъ неудовольствія

---

[1]) M. le duc d'Aiguillon a lui dit à son départ, que non seulement il consentait à ce voyage, mais qu'il l'approuvait très fort. (Изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроде, отъ 1 марта 1774 г.).

[2]) Мы пользовались спискомъ, приготовленнымъ для русскаго историческаго общества, въ „Сборникѣ“ котораго эта переписка будетъ вскорѣ напечатана. Отрывки были помѣщены въ XVII т. „Сборника“, посвященномъ Фальконэ.

[3]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novembre 1773.

[4]) Id., 7 décembre 1773.

[5]) Elle a peint Diderot, en disant qu'en certains points il avait cent ans, et qu'en d'autres il n'en avait pas dix. M. Durand au duc d'Aiguillon, 31 décembre 1773.

и перемѣнила разговоръ [1]). Само собою разумѣется, что подобныя бесѣды не могли сохраняться въ тайнѣ и сильно безпокоили прусскаго посланника графа Сольмса и не нравились графу Лобковичу, послу австрійскому. Не задолго до отъѣзда изъ Петербурга, Дидро разсказывалъ Екатеринѣ всѣ подходы, которые дѣлалъ чрезвычайный посланецъ Фридриха II, полковникъ графъ Гёрцъ, уговаривая Дидро посѣтить Берлинъ на обратномъ пути въ Парижъ; хотя изъ упрашиваній Гёрца было очевидно, что онъ дѣйствуетъ по приказу короля, Екатерина много смѣялась, узнавъ, что Дидро отказался отъ приглашенія [2]). Несомнѣнные слѣды этихъ бесѣдъ о Пруссіи сохранились и въ письмахъ Дидро къ Екатеринѣ. «Не ошибайтесь, государыня—пишетъ онъ императрицѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга [3])—вы безконечно выше вашего героя. Вы обладаете всѣмъ его геніемъ, а у него нѣтъ вовсе вашей доброты. Потомство, которое будетъ говорить о васъ обоихъ, будетъ удивляться вамъ и восхвалять васъ безъ всякихъ ограниченій; а похвалы ему уже и теперь сопровождаются и ослабляются длиннымъ рядомъ и о. Еслибъ было извѣстно въ какомъ мѣстѣ обрѣтается гнѣздо Фридриховъ, всякій добродѣтельный человѣкъ отправился бы туда, чтобъ разбить всѣ яйца, и поспѣшилъ бы развести Екатеринъ». Годъ спустя, Дидро опять касается того же вопроса, но уже съ другой стороны, и «позволяетъ себѣ сказать ея императорскому величеству, что она предубѣждена противъ Франціи» [4]).

Говорить о Пруссіи, говорить съ Екатериною и именно въ 1773 году, значило говорить о раздѣлѣ Польши. Но въ личной бесѣдѣ нельзя уже выдавать себя за защитницу вѣротерпимости въ Польшѣ, и Екатерина, по свидѣтельству французскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, «упрекала себя, въ бесѣдѣ съ Дидро, за раздѣлъ Польши, предавалась мрачнымъ разсужденіямъ о томъ, что̀ скажетъ о ней потомство, и выражала печаль, что Россія во всемъ этомъ дѣлѣ играла роль слуги Пруссіи» [5]).

Этими двумя вопросами—союзомъ съ Пруссіею и раздѣломъ Польши—ограничивались тѣ бесѣды Екатерины съ Дидро по вопросамъ внѣшней политики, о которыхъ сохранились несомнѣнныя указанія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, говоря о внѣшней политикѣ, Дидро рѣзко нападалъ на внѣшнія войны Екатерины. Объ этомъ можно заключить изъ писемъ

---

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 15 février 1774.

[2]) Id., 29 janvier 1774.

[3]) Государственный архивъ, V, № 159, листъ 10. Подъ этимъ № значатся семь писемъ, изданныхъ въ XXXIII т. „Сборника“.

[4]) Государственный архивъ, V, № 159, л. 4.

[5]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 7 décembre 1773.

какъ Екатерины, такъ и Дидро. Въ письмѣ къ Вольтеру, писанному почти въ день смерти султана Мустафы III [1]), Екатерина говоритъ: «Если Дидро и не жалуетъ Мустафу, то все же не хочетъ ему зла» [2]). Въ письмахъ Дидро къ Екатеринѣ вопросъ поставленъ гораздо шире и для насъ гораздо важнѣе—рѣчь идетъ уже не о нежеланіи зла турецкому султану, а о желаніи добра Россіи. Такъ, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1774 г., вслѣдъ за поздравленіемъ съ кучук-кайнарджійскимъ миромъ, Дидро прибавляетъ: «Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славою, мотивы которой исходили бы отъ васъ одной, и которой вы были бы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные тріумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія. Но дѣлаютъ ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, иныя добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше императорское величество позволитъ-ли предложить ея вниманію, что хорошіе реформаторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы, и что люди, способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствахъ, являются послѣ долгихъ промежутковъ» [3]). Годъ спустя, Дидро возвращается къ тому же вопросу: «Теперь, когда Екатерина Вторая не нуждается болѣе въ военныхъ отличіяхъ, она позволитъ мнѣ пожелать ей мира, который продолжался бы во все ея царствованіе. Стяжавъ имя, даруемое побѣдой, да увѣнчается она другимъ именемъ, внушающимъ менѣе страха, производящимъ плоды болѣе прочные и болѣе отрадные, благословенные во всѣ вѣка—именемъ великой законодательницы. Вотъ вы рядомъ съ Цезаремъ, вашимъ другомъ, и нѣсколько выше Фридриха, вашего опаснаго сосѣда. Остается занять мѣсто рядомъ съ Ликургомъ или Солономъ; и ваше величество возсядете рядомъ съ ними. Это желаніе осмѣливается преподнести вамъ галло-русскій философъ къ наступающему новому году» [4]). И еще черезъ годъ: «Давъ врагамъ доказательства своего могущества, да употребитъ ваше величество остальные годы своего царствованія на то, чтобъ дать подданнымъ своимъ доказательства своего милосердія, и всѣмъ госуда-

[1]) Письмо помѣчено 27-го декабря 1773 г.; турецкій султанъ Мустафа III умеръ 24-го декабря того же года.

[2]) Сборникъ, XIII, 377. Voltaire, LXXVIII, 281.

[3]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 1.

[4]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 4.

рямъ, настоящимъ и будущимъ—образецъ въ великомъ искусствѣ царствованія» [1]).

Вотъ, строго говоря, и всѣ вопросы внѣшней политики, о которыхъ велись бесѣды Екатерины съ Дидро и о которыхъ сохранились документальныя свидѣтельства. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ вопросамъ внутренней политики, обсуждавшимся въ кабинетѣ ея величества при участіи философа, необходимо упомянуть о двухъ предметахъ—о запискѣ Рюльера и о новомъ изданіи «Энциклопедіи»—которые не относятся ни къ внѣшней, ни къ внутренней политикѣ, касаясь, однако, той и другой.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, вѣроятно, не былъ затрогиваемъ въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро; но о произведеніи Рюльера «Исторія революціи 1762 года въ Россіи», такъ интересовавшемъ Екатерину, она могла получить самыя подробныя свѣдѣнія именно отъ Дидро, который читалъ эту рукопись, первый извѣстилъ о ней императрицу и хлопоталъ, чтобъ рукопись не была напечатана. Въ одно изъ первыхъ же свиданій «seul à seule» съ Дидро, Екатерина выразила желаніе имѣть копію съ этой рукописи. Когда же Дидро замѣтилъ, что добыть копію невозможно, Екатерина просила его высказать ей откровенно свое мнѣніе о произведеніи Рюльера. «Это—сказалъ Дидро—прекрасно написанное произведеніе. Черезъ двѣсти лѣтъ, оно составитъ чрезвычайно занимательную страничку исторіи. Я думаю, что авторъ перемѣшалъ шутя побасенки съ истиною, но то и другое такъ ловко переплетено и согласовано, что представляетъ нѣчто совершенно цѣльное. Если это и не исторія, то весьма правдоподобный и очень хорошій романъ. Что же касается лично васъ, государыня, то, если вы обращаете большое вниманіе на приличія и цѣломудріе, на эти поношенныя отрепья вашего пола, это произведеніе есть сатира на васъ; но если васъ болѣе интересуютъ великія цѣли, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ изображаетъ васъ великою государынею. Вообще же, этимъ произведеніемъ авторъ дѣлаетъ вамъ болѣе чести, чѣмъ зла».—«Вы еще болѣе возбуждаете во мнѣ желаніе, замѣтила Екатерина, прочесть это произведеніе». Дидро передалъ этотъ разговоръ французскому посланнику Дюрану, который, сообщая объ этомъ герцогу д'Эгильйону, прибавилъ: «Ограничусь только указаніемъ на это желаніе императрицы имѣть копію съ произведенія г. Рюльера. Мнѣ извѣстно и отъ другихъ лицъ, что это желаніе императрицы очень велико» [2]). Другими словами: посланникъ находилъ весьма нелишнимъ, чтобъ ми-

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 6.
[2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novembre 1773.

нистерство употребило свое офиціальное вліяніе къ исполненію желанія императрицы. Герцогъ д'Эгильйонъ такъ и понялъ эту приписку своего посла и, спустя мѣсяцъ, отвѣчалъ Дюрану: «Вы знаете, милостивый государь, что «Исторія революціи въ Россіи» составляетъ собственность ея автора и что король не имѣетъ никакого права на это произведеніе. По этому поводу меня увѣряютъ, что многія личности торговали уже рукопись у ея автора, желая, по порученію императрицы, купить это произведеніе. Я полагаю, что это единственное средство, какимъ императрица можетъ добыть рукопись. Вы употребите, поэтому, все ваше стараніе, чтобъ избѣжать всякаго даже намека на желаніе впутать въ это дѣло короля» [1]). Екатерина такъ и умерла, не читавъ «Исторіи революціи 1762 г. въ Россіи».

Вопросъ о новомъ изданіи «Энциклопедіи» обсуждался долго, обсуждался подробно. Дидро съ любовью говорилъ о предпріятіи, на которое онъ потратилъ свои лучшія силы, которое доставило ему всемірную славу; Екатерина съ интересомъ слушала, какъ это великое предпріятіе много теряло отъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу невѣждъ, ханжей и суевѣровъ. Еще изъ Парижа Дидро предлагалъ Екатеринѣ, вѣроятно, вскорѣ послѣ «мошеннической продѣлки» книгопродавца Ле-Бретона, передѣлать «Энциклопедію», причомъ «les articles de Russie» могли бы быть вновь составлены [2]); теперь, при личномъ свиданіи, Дидро, конечно, возобновилъ бы рѣчь объ «Энциклопедіи», но Екатерина предупредила его: она сама напомнила ему о необходимости исправить всѣ статьи, искалеченныя цензурою, вольною и невольною. Дидро, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ предложенія императрицы. Въ бесѣдахъ съ нею, онъ передавалъ уже ей на словахъ то «посвященіе» новаго изданія «русской императрицѣ», которое онъ напишетъ; говорилъ, что для болѣе основательной редакціи статей о Россіи онъ пріѣдетъ еще разъ въ Петербургъ, лѣтъ черезъ пять или шесть. Относительно полезности и важности новаго изданія «Энциклопедіи» оба собесѣдника, Дидро и Екатерина, были совершенно согласны; обсужденіе же матеріальной стороны предпріятія императрица поручила И. И. Бецкому, который долженъ былъ переговорить съ Дидро и представить ей свои соображенія. Много времени потратилъ Дидро на переговоры съ «Сфинксомъ», какъ Екатерина называла Бецкаго, но совершенно напрасно: нерѣшительный «генералъ» все колебался. Изъ переговоровъ выяснилось, между прочимъ, что новое изданіе «Энциклопедіи» потребуетъ 12-ти лѣтъ труда, которыя Дидро охотно соглашался посвятить «вели-

[1]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.
[2]) Voltaire, LXXVIII, 217.

кому предпріятію», и до 40,000 руб., которые Бецкій находилъ тратой совершенно непроизводительной, несмотря даже на то, что доходъ отъ продажи изданія предназначался императрицею въ пользу воспитательнаго дома, которымъ онъ такъ интересовался. Въ такомъ положеніи были переговоры въ день отъѣзда Дидро изъ Петербурга. Въ прощальномъ письмѣ къ императрицѣ, отъ 11 февраля 1774 г., Дидро пишетъ: «Я надѣялся увидѣться съ вашимъ величествомъ не позже, какъ черезъ пять или шесть лѣтъ; но тотъ честный человѣкъ, который, рядомъ съ тысячью прекрасныхъ качествъ, обладаетъ недостаткомъ (если только это есть недостатокъ) безпрестанно колебаться между да и нѣтъ, не соглашается на это и мы оба обязаны ему благодарностью: ваше величество — за отказъ отъ подарка въ сорокъ тысячъ рублей, я—за то, что онъ возвращаетъ мнѣ предложеніе двѣнадцатилѣтняго труда. Энциклопедія не передѣлается и мое прелестное посвященіе останется въ моей головѣ, ибо нѣтъ никакого вѣроятія, чтобъ вашъ Сфинксъ и я, не сговорившіеся въ пять мясяцевъ, проведенные бокъ-о-бокъ, могли бы лучше сговориться на разстояніи восьмисотъ льё» [1]). Екатерина, вѣроятно, показала это письмо Бецкому; быть можетъ, выразила даже свое неудовольствіе по поводу дѣлаемыхъ имъ затрудненій изъ-за «какихъ нибудь» 40,000 рублей—по крайней мѣрѣ, черезъ мѣсяцъ, вскорѣ по прибытіи въ Гагу, Дидро получилъ уже отъ Бецкаго увѣдомленіе, что онъ согласенъ на новое изданіе «Энциклопедіи». Вотъ что писалъ по этому поводу Дидро изъ Гаги, отъ 30-го марта (9 апрѣля), своей матери въ Парижъ: «Я предлагалъ нѣкогда императрицѣ передѣлать для нея «Энциклопедію»; она сама завела теперь рѣчь объ этомъ проектѣ, который ей понравился, такъ какъ ее увлекаетъ все, что имѣетъ характеръ величія. Послѣ того какъ мы обсудили съ нею все, что касается ея славы, она отослала меня къ одному изъ своихъ министровъ для переговоровъ о матерьяльной сторонѣ предпріятія. Все слажено между министромъ и мною; и въ ту минуту, какъ я тебѣ пишу, этотъ министръ поручилъ сказать мнѣ, что вскорѣ перешлетъ мнѣ средства для начатія дѣла. Средства эти будутъ весьма значительныя. Дѣло идетъ не менѣе какъ о сорока тысячахъ рублей или двухъ стахъ тысячахъ франковъ, съ которыхъ мы будемъ получать сейчасъ же проценты со всей суммы и потомъ съ части приблизительно въ теченіи шести лѣтъ, то есть около десяти тысячъ франковъ въ теченіи первыхъ пятнадцати мѣсяцовъ, пяти тысячъ франковъ въ слѣдующіе пятнадцать мѣсяцовъ и т. д. На этотъ разъ, эта «Энциклопедія» принесетъ мнѣ кое-что и не причинитъ никакого огорченія, такъ какъ я буду

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 10.

работать для иностраннаго двора и подъ покровительствомъ государыни. Французское министерство увидитъ въ этомъ только славу и выгоду націи, и я употреблю послѣдніе годы моей жизни съ пользою для тебя и для дѣтей нашихъ» [1]). Нерѣшительный Сфинксъ поставилъ, однако, нѣкоторыя условія, о которыхъ Дидро такъ писалъ доктору Клерку [2]) въ Петербургъ: «Передайте, прошу васъ, генералу (Бецкому), что изъ трехъ его условій, труднѣе всего исполнить то, которымъ онъ налагаетъ на меня тяжолый долгъ говорить о немъ съ требуемою имъ экономіею. Мнѣ придется сдерживать себя обѣими руками. Впрочемъ, буду сообразоваться съ его намѣреніями. Что же касается статьи о правительствахъ, то было бы безуміемъ говорить дурно о правительствѣ той страны, въ которой предполагаешь провести остатокъ своей жизни, не говоря уже о томъ, что я добрый французъ, вовсе не недовольный, и что характеръ самаго изданія допускаетъ лишь статьи общаго содержанія, какъ «монархія», «олигархія», «аристократія», «демократія» и т. п., по поводу которыхъ можно проповѣдывать все, что угодно, никого не оскорбляя и не компрометтируя себя. Статьи же о религіяхъ — чисто историческія. Я поручу ихъ какому нибудь доктору Сорбонны и присмотрю, чтобъ онъ не былъ ни безумнымъ, ни фанатикомъ, ни жестокимъ, ни глупымъ» [3]).

Послѣ этого прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, и дѣло ни мало не подвинулось впередъ; даже болѣе: потерявъ всякую надежду на соглашеніе съ Бецкимъ, Дидро началъ было уже подготовлять къ печати полное собраніе своихъ сочиненій, когда, въ началѣ іюня, получилъ изъ Петербурга радостную вѣсть, что «окончательно рѣшено» приступить къ новому изданію «Энциклопедіи». Сохранились два письма Дидро, отъ 15-го (4) іюня, въ Петербургъ, по поводу этой вѣсти. Первое письмо — доктору Клерку: «Какъ! правда! «Энциклопедія»— дѣло рѣшенное! Пожалуйста, докторъ, безъ неумѣстныхъ шутокъ; какъ! я значитъ не умру, не сдѣлавъ еще одного добраго дѣла и не передѣлавъ великаго произведенія: добраго дѣла—завѣщевая съ своей стороны ленту для учрежденія, устроеннаго на пользу человѣчества, великаго произведенія—согласуя его съ планомъ, по которому оно было проектировано; я не умру, не отомстивъ достойнымъ образомъ злобѣ моихъ враговъ; я не умру, не воздвигнувъ обелиска, на которомъ прочтется:

---

[1]) Государственный Архивъ, XI, № 1051.

[2]) Николай Габріэль Клеркъ, докторъ, профессоръ анатоміи и митологіи, членъ совѣта академіи художествъ. „Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на лѣто отъ Р. Х. 1774“. Клеркъ значится въ этомъ званіи въ „Мѣсяцословахъ“ съ 1773 по 1775 и затѣмъ съ 1780 по 1792 гг.

[3]) Diderot, XX, 49.

«въ честь русскихъ и ихъ государыни и на позоръ кому надлежитъ!» я не умру, не начертавъ на землѣ слѣдовъ, которыхъ не уничтожитъ никакое время! Я убью на это послѣднія пятнадцать лѣтъ моей жизни; но, скажите, могу-ли я лучше употребить ихъ? Я собирался подготовлять полное изданіе своихъ произведеній; когда получилъ ваше письмо—я все бросилъ. Эти два предпріятія не могутъ идти рядомъ; займемся «Энциклопедіей» и предоставимъ какой либо доброй душѣ собрать всѣ мои маранья, когда ужъ меня не станетъ» [1]). Въ тотъ же день Дидро написалъ второе письмо — генералу Бецкому: «Итакъ, генералъ, мы все таки будемъ энциклопедировать, и я могу принять свои мѣры, сообразно съ вашими приказаніями. Это будетъ исполнено. Я всегда полагалъ, что вы вполнѣ убѣждены въ славѣ, которая послѣдуетъ для ея величества, но не достаточно въ пользѣ, которая получится для вашихъ учрежденій, и недоумѣвалъ, что вы предпримете по этому поводу. Не скрою отъ васъ какъ мнѣ отрадно думать, что тѣ, которые ничего не щадили, чтобъ помѣшать мнѣ сдѣлать великое и прекрасное дѣло, будутъ пристыжены; какъ эти варвары, называющіе себя культурными по преимуществу, будутъ скрежетать зубами, когда я вручу вамъ наилучшую рукопись, которая когда либо существовала или будетъ существовать; какъ Россія предвосхититъ у нихъ честь созданія этой рукописи и имъ останется только позоръ ихъ прежнихъ преслѣдованій» [2]). Спустя три мѣсяца, въ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 13-го сентября 1774 г., Дидро повторяетъ еще ту же самую увѣренность: «Письмомъ отъ 9-го мая этого года, генералъ Бецкій объяснился вполнѣ опредѣлительно о передѣлкѣ «Энциклопедіи». Онъ сообщилъ мнѣ, что это—проектъ, рѣшенный вашимъ величествомъ. Радуюсь этому. Итакъ, я буду въ состояніи исправить глупости господина аббата Шаппа и г. кавалера Жокура, приноровить это произведеніе къ высотѣ первоначальнаго плана и замѣнить именемъ великой и достойной государыни имя низкаго министра, лишившаго меня свободы, чтобъ исторгнуть у меня знакъ уваженія, на который онъ не могъ разсчитывать по своему достоинству» [3]).

На этомъ обрываются всѣ переговоры о новомъ изданіи «Энциклопедіи», которое такъ и не состоялось.

По вопросамъ внутренней политики, бесѣды Екатерины съ Дидро должны были ограничиваться общими разсужденіями въ виду полнаго незнанія Россіи обоими собесѣдниками. О Дидро нечего и говорить;

---

[1]) Diderot, XX, 67.
[2]) Id., XX, 63.
[3]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2.

знала-ли Россію Екатерина [1])? Императрица Екатерина такъ много сдѣлала для Россіи относительно ея культуры и цивилизаціи, такъ много оставила намъ письменныхъ доказательствъ своей любви ко всему русскому, что подобный вопросъ можетъ показаться неумѣстнымъ; считаемъ, поэтому, необходимымъ напомнить, что рѣчь идетъ о 1773 годѣ. Могла-ли Екатерина знать въ это время Россію? Отъ какихъ людей, ее окружавшихъ, и изъ какихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи, могла она почерпнуть эти свѣдѣнія? Не изъ собственныхъ-ли наблюденій? Послѣ Петра Великаго, Екатерина была первая государыня, предпринимавшая путешествія по Россіи: въ 1763 г. она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль, въ 1764 г.—въ прибалтійскія окраины, до Рогервика; въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу, въ 1767 г.—«путешествовала по Азіи», т. е. проѣхала по Волгѣ до Казани и изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Конечно, во время путешествія можно многое видѣть, многому научиться, но для этого необходимо, прежде всего, не быть императрицей, не имѣть «въ своей свитѣ близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія» и путешествовать безъ «иноплеменниковъ», какъ Екатерина называла представителей иностранныхъ государствъ. Между тѣмъ, безъ этихъ условій Екатеринѣ «скучно таскаться въ дорогѣ», какъ писала она Панину изъ Балтійскаго Порта. Въ это время, повторяемъ, до 1773 года, Екатерина не отличалась особеннымъ знаніемъ строя русской жизни, настолько, что изъ путешествія своего по Волгѣ вынесла, между прочимъ, убѣжденіе, что «правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, правители и судьи ведутъ дѣло безкорыстно» [2])!

Какъ бы ни было, но бесѣды Екатерины съ Дидро по внутреннимъ вопросамъ могли происходить только на почвѣ общихъ разсужденій, и въ этомъ отношеніи на Дидро имѣлъ большое вліяніе де-ла-Ривьеръ.

Де-ла-Ривьеръ былъ въ Петербургѣ ранѣе Дидро и ѣздилъ въ Россію по личной его рекомендаціи. Въ 1768 г. де-ла-Ривьеръ возвратился уже изъ Петербурга, гдѣ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха ни среди русскихъ дѣятелей того времени, ни у самой императрицы; между тѣмъ Дидро чрезвычайно высоко цѣнилъ государственныя познанія своего друга и, несмотря на полный неуспѣхъ его въ Петербургѣ, не измѣнилъ о немъ своего мнѣнія [3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Дидро и во время своего пребыванія въ Петербургѣ, какъ и въ Парижѣ, въ синагогѣ de la rue Royale, смотрѣлъ на факты, касающіеся Россіи, глазами де-ла-Ривьера, политическіе взгляды котораго онъ

[1]) Бьернстэль, со словъ Дидро, записалъ: „Sie kennt ihr weitläuftiges Reich aufs genauste. Briefe auf seinen ausländischen Reisen. Rostock, 1781, III, 223. Таково, слѣдовательно, было мнѣніе Дидро, который въ данномъ случаѣ судьею быть не можетъ.

[2]) Соловьевъ, XXVII, 64.

[3]) Diderot, XVIII, 300.

вполнѣ раздѣлялъ. Свои взгляды же на Россію де-ла-Ривьеръ высказалъ въ неизданномъ еще письмѣ къ аббату Рэйналю, автору знаменитой въ свое время «Исторіи Индій», надѣлавшей столько шума и такъ перепугавшей реакціоперовъ и суевѣровъ своимъ заступничествомъ за справедливость и человѣколюбіе. «Въ Россіи—пишетъ де-ла-Ривьеръ—необходимо все еще устраивать. Чтобъ выразиться лучше, слѣдовало бы сказать, что въ Россіи необходимо все уничтожить и вновь сдѣлать. Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, безусловное рабство и невѣжество не могли не насадить злоупотребленій всякаго рода, которыя пустили очень глубокіе корни, такъ какъ нѣтъ растенія столь плодовитаго, столь трудно искоренимаго, какъ злоупотребленія. Онѣ растутъ повсюду, гдѣ только невѣжество культивируетъ ихъ» [1]). Дидро, конечно, былъ въ этомъ случаѣ вполнѣ согласенъ съ своимъ другомъ; но онъ пріѣхалъ въ Петербургъ пятью годами позже его; онъ хорошо зналъ, какъ былъ принятъ де-ла-Ривьеръ, высказывавшій подобные взгляды, и былъ остороженъ: онъ не говорилъ съ императрицею ни о государственномъ строѣ Россіи вообще, ни даже о преобразованіяхъ, намѣченныхъ Екатериною въ ея «Наказѣ» коммисіи для составленія новаго уложенія. Объ этомъ мы имѣемъ теперь несомнѣнное свидѣтельство самой Екатерины.

Года полтора спустя по смерти Дидро, въ ноябрѣ 1785 года, она писала Гримму [2]): «Въ каталогѣ библіотеки Дидро я нашла тетрадь, озаглавленную «Замѣтки на Наказъ ея императорскаго величества депутатамъ для составленія законовъ». Это — сущій вздоръ (vrai babil), въ которомъ нѣтъ ни знанія обстоятельствъ, ни благоразумія, ни предусмотрительности. Еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ долженъ былъ бы перевернуть все вверхъ дномъ въ Россіи. Надо полагать, что Дидро составилъ эти замѣтки по возвращеніи изъ Петербурга [3]), такъ какъ онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ» [4]) (car jamais il ne m'en a parlé).

---

[1]) Государственный Архивъ, XI, № 1035, листъ 23.

[2]) Сборникъ, XXIII, 373.

[3]) Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо Дидро къ Екатеринѣ, отъ 17-го октября 1774 года, въ которомъ значится: „On se flatte ici que Votre Maj. Imp. va reprendre son projet de législation... Cela m'a fait relire votre instruction, et j'ai eu la hardiesse de l'apostiller de quelques reflexions“ (V, № 159, л. 4). Такъ какъ императрица не изъявила желанія прочесть эти „размышленія“, то они и не были доставлены ей въ свое время; но несомнѣнно, что они были написаны въ Гагѣ, осенью 1774, по возвращеніи Дидро изъ Петербурга.

[4]) Германъ, а за нимъ Розенкранцъ и Шугуровъ, не имѣя этого свидѣтельства Екатерины, ошибочно относили къ вопросамъ внутренней политики

По вопросу о крѣпостномъ правѣ, важнѣйшему изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, Дидро равнымъ образомъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своего друга де-ла-Ривьера. Такъ, непонравившійся Панину и всѣмъ русскимъ администраторамъ французскій экономистъ чрезвычайно вѣрно охарактеризовалъ финансово-экономическое значеніе крѣпостничества.

разсказы Кастера и графа Сегюра. Разсказывая о пребываніи Дидро въ Петербургѣ, Кастера приводитъ слѣдующій отзывъ Екатерины: „Monsieur Diderot a cent ans à bien des égards, mais à d'autres il n'en a que dix“ (Vie de Catherine II, impératrice de Russie, II, 76). Германъ относитъ этотъ отзывъ къ тѣмъ бесѣдамъ Дидро, въ которыхъ онъ будто бы „развивалъ свои основныя идеи о свободѣ и народномъ правѣ“ (Geschichte des Russischen Staats, V, 658). Между тѣмъ, мы видѣли уже выше (см. прим. 5 на стр. 454), что слова, приводимыя у Кастера, были сказаны, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе французскаго посла, по поводу мнѣнія Дидро о вредѣ для Россіи союза ея съ Пруссіею и о выгодности союза съ Франціей, т. е. по чисто внѣшнему вопросу. Также точно разсказъ Сегюра толковали, какъ оказывается теперь, неправильно, и ему придавали значеніе, котораго онъ не заслуживаетъ. Въ 1787 году, во время пресловутаго путешествія въ Тавриду, Екатерина могла, конечно, разговаривать съ графомъ Сегюромъ о несбыточныхъ мечтаніяхъ и непрактичныхъ планахъ Дидро; но не могла же императрица передавать французскому послу, что одною изъ такихъ утопій Дидро она признаетъ союзъ съ Франціею! Вотъ почему въ разсказѣ Сегюра взглядъ на непрактичность политическихъ мнѣній Дидро отнесенъ къ вопросамъ внутренней политики, при чемъ уже самимъ Сегюромъ, писавшимъ свои мемуары лѣтъ сорокъ спустя, когда память значительно уже измѣняла 75-ти лѣтнему старику, вложены въ уста Екатерины такія подробности, которыя отчасти болѣе рисуютъ самого Сегюра, чѣмъ характеризуютъ отношенія Екатерины къ Дидро, отчасти же почти дословно заимствованы изъ рѣчи Фридриха Великаго, приведенной тѣмъ же Сегюромъ. Вотъ разсказъ Сегюра: „Я долго и часто, говорила мнѣ Екатерина, бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Еслибъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи; законодательство, администрацію, политику, финансы—я должна была бы все уничтожить, чтобъ замѣнить ихъ непрактичными теоріями. Между тѣмъ, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ сама говорила, то всякій свидѣтель нашихъ бесѣдъ принялъ бы его за строгаго наставника, а меня за его послушную ученицу. Повидимому, и онъ самъ смотрѣлъ такъ, потому что, по прошествіи нѣкотораго времени, видя, что въ моемъ управленіи не дѣлалось никакихъ великихъ нововведеній, которыя онъ совѣтовалъ, онъ выразилъ мнѣ съ нѣкоторымъ гордымъ неудовольствіемъ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: „Господинъ Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ, но изъ всѣхъ вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно составить хорошія книги и лишь дурное управленіе страною. Во всѣхъ своихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь только надъ бумагой, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раз-

Въ непзданномъ письмѣ изъ Петербурга, отъ 4-го октября 1767 года [1]), де-ла-Ривьеръ пишетъ: «Культура земли находится вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ для производительности; но какое же потребленіе возможно среди рабовъ, которые не смѣютъ ничего ни произвесть, ни выказать, что могло бы привлечь на себя взоры ихъ господина? По этой же причинѣ и замѣтенъ у рабовъ недостатокъ рогатаго скота; его даже очень мало, и къ тому же скотъ этотъ не лучшей породы. Если бы рабъ, которому господинъ его предоставилъ извѣстную часть земли для пропитанія, имѣлъ скотину, которой могъ бы позавидовать господинъ, то она тотчасъ была бы отнята у раба. То же самое происходитъ и съ жатвою и вообще со всѣмъ, что можетъ быть названо достаткомъ. Вотъ почему между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только поэтому деньги оказываются очень рѣдкими въ этой странѣ». Эти взгляды де-ла-Ривьера на положеніе земледѣльцевъ въ Россіи, какъ на рабовъ (esclaves), раздѣлялись всѣми членами философской партіи, не исключая, конечно, и Дидро. Какъ въ 1771 году, въ Парижѣ, въ разговорахъ съ княгинею Дашковою [2]), такъ и въ 1773 году,

---

дражительна и щекотлива". Я убѣждена, что съ этихъ поръ онъ сталъ относиться ко мнѣ съ сожалѣніемъ, видя во мнѣ умъ узкій и простой. Съ этого момента онъ не говорилъ со мною ни о чемъ болѣе, какъ о литературѣ, и политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ" (Barrière, XIX, 445). Послѣднія слова этого разсказа Сегюра опровергаются рядомъ писемъ Дидро къ Екатеринѣ, въ которыхъ онъ постоянно говоритъ о политикѣ (Сборникъ, XXXIII, 503—534); что же касается вложенной въ уста Екатерины рѣчи къ Дидро, то, нѣсколько страницъ выше, графъ Сегюръ, передавая свой разговоръ съ Фридрихомъ II въ Потсдамѣ, заставляетъ его выразить тотъ же взглядъ на философовъ: „Ces philosophes connaissent peu les hommes et croient à tort qu'on gouverne aussi facilement qu'on écrit" (Barrière, XIX, 290). Между тѣмъ, этотъ взглядъ былъ „общимъ мѣстомъ" въ эпоху реакціи, въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда уже ни Фридриха, ни Екатерины не было въ живыхъ и когда графъ Сегюръ писалъ свои интересные мемуары.

[1]) Государственный Архивъ, XI, № 1035, лист. 22-й.

[2]) „Однажды Дидро—разсказываетъ кн. Дашкова въ своихъ запискахъ—разговорился со мною о рабствѣ, въ которомъ, какъ онъ полагалъ, находятся наши крестьяне". Княгиня возражала ему слѣдующимъ парадоксомъ, который, черезъ три года, повторила Екатерина и который до сихъ поръ нравится не вымершимъ еще крѣпостникамъ: „Благосостояніе и богатство нашихъ крестьянъ составляютъ наше благополучіе и увеличиваютъ нашъ доходъ; нужно, поэтому, быть сумасшедшимъ, желая, чтобъ изсякнулъ источникъ нашего собственнаго обогащенія". На заявленіе же Дидро о пользѣ освобожденія крестьянъ, кн. Дашкова соглашалась подъ слѣдующимъ условіемъ: «Si le sauverain en brisant quelques anneaux de la chaîne qui lie les paysans aux

въ Петербургѣ, въ бесѣдахъ съ императрицею Екатериною, Дидро старался уяснить себѣ положеніе крѣпостныхъ въ Россіи. Согласно со взглядами де-ла-Ривьера, Дидро связывалъ съ этимъ вопросомъ рядъ другихъ, изъ него непосредственно вытекающихъ, экономическихъ вопросовъ—о воздѣлываніи и производительности земли, о ея цѣнности и т. п.

Дидро спрашивалъ: «Каковы условія между господиномъ и рабомъ относительно воздѣлыванія земли?» Екатерина отвѣчала: «Существуетъ законъ Петра Великаго, воспрещающій называть рабами крѣпостныхъ людей дворянства. Въ древнее время всѣ обитатели Россіи были свободны. По своему происхожденію, они состояли изъ людей двухъ родовъ: изъ происходившихъ отъ пастушескихъ племенъ и изъ взятыхъ въ плѣнъ во время войны этими племенами. По смерти царя Ивана Васильевича, сынъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, особымъ распоряженіемъ, привязалъ или прикрѣпилъ всякаго крестьянина къ той землѣ, которую онъ воздѣлывалъ и которою владѣлъ другой. Не существуетъ никакихъ условій между землевладѣльцами и подчиненными имъ людьми (sujets); но всякій помѣщикъ (maître), имѣющій здравый смыслъ, не требуя слишкомъ многаго, бережетъ корову, чтобъ доить ее по своему желанію, не изнуряя ее. Когда что либо не предусмотрѣно закономъ, тотчасъ же его замѣняетъ законъ естественный и часто отъ этого дѣла идутъ вовсе не хуже, потому что они, по крайней мѣрѣ, устраиваются совершенно естественно, сообразно существу дѣлъ» [1]).

Дидро спрашивалъ: «Рабство земледѣльцовъ не вліяетъ-ли на культуру земли? Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ-ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?» Екатерина отвѣчала: «Я не знаю, есть-ли страна, гдѣ земледѣлецъ болѣе любилъ бы землю и свой домашній очагъ, чѣмъ въ Россіи. Наши свободныя провинціи вовсе не имѣютъ болѣе хлѣба, чѣмъ провинціи несвободныя. Каждое состояніе имѣетъ свои недостатки, свои пороки и свои неудобства» [2]).

Читая въ настоящее время эти отвѣты, можно не только удивляться смѣлости Екатерины, рѣшившейся вырисовывать черное бѣлымъ, но и быть увѣреннымъ, что подобные отвѣты вовсе не представлялись убѣдительными для Дидро. Укоръ за слово рабъ (esclave), примѣненное къ крѣпостному человѣку, Дидро могъ бы съ полнымъ основаніемъ не только отклонить отъ себя, но всецѣло отнести къ самой импера-

---

nobles, en briseroit aussi quelques uns qui tiennent enchaînés les nobles aux volontés des souverains arbitraires, je signerais avec mon sang au lieu d'encre et cela de gayeté de coeur cet arrangement». Воронцовскій Архивъ, XXI, 138.

[1]) Русскій Архивъ, 1880, III, 6.

[2]) Id. 7.

трицѣ, которая въ своемъ «Наказѣ», столь ее прославившемъ, именно словомъ рабство характеризуетъ крѣпостное состояніе [1]). Составленный Екатериною «Наказъ» былъ, какъ извѣстно, значительно искаженъ ею же приглашенными «разными персонами вельми разномыслящими»; но въ государственномъ архивѣ сохранились подлинныя рукописи тѣхъ именно мѣстъ, невошедшихъ въ печатный «Наказъ», въ которыхъ она сама крѣпостныхъ крестьянъ называетъ рабами [2]). Сравненіе человѣка со скотомъ, равнымъ образомъ, не могло расположить гуманнѣйшаго изъ философовъ XVIII столѣтія въ пользу аргументаціи Екатерины, еслибъ даже Дидро и не были извѣстны факты, опровергавшіе доводы императрицы. Именно въ 1773 году, когда Екатерина, перефразируя кн. Дашкову, такъ парадоксально утверждала, что всякій помѣщикъ «ménage la vache pour la traire plus à son aise», дворянка Марина убила свою крѣпостную, капитанъ Турбанъ—свою дѣвушку, помѣщики Савины—крестьянина, капитанша Кашинцева нанесла «несносное тѣлѣсное наказаніе» своей служанкѣ, отъ котораго она повѣсилась, унтершахмейстерша Гордѣева до смерти заморила свою служанку, генералъ-майорша Эттингеръ забила до смерти крестьянина, надъ генералъ-майоршей Храповицкой учреждена опека за дурное обращеніе съ своими крѣпостными [3]) и т. д. Конечно, Дидро могъ и не знать подобныхъ фактовъ, но Екатерина, постановлявшая свои рѣшенія по всѣмъ этимъ преступленіямъ, вытекавшимъ изъ взгляда на крестьянъ, какъ на скотовъ, знала, безъ сомнѣнія, причины, заставлявшія ее дѣлать завѣдомо-ложные отвѣты на вопросы Дидро, и эти причины вполнѣ оправдывали ея собесѣдника и подтверждали взгляды его друга де-ла-Ривьера. Даже въ печатномъ, очищенномъ «разными персонами вельми разномыслящими», «Наказѣ» встрѣчаются статьи, почти буквально повто-

[1]) Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти". Наказъ, гл. XI, ст. 254-я. Слово „рабство" передано въ нѣмецкомъ переводѣ „Наказа" словомъ Leibeigenschaft; во французскомъ же переводѣ оно совершенно исчезло и ст. 254-я передана такъ: «De quelque nature que soit la dépendance, il faut que les loix civiles cherchent à en ôter, d'un côté, les abus, de l'autre, les dangers».

[2]) Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы и т. д... Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости, и въ болѣзняхъ не были оставлены .. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судія, а не какъ господинъ и др. Сборникъ, X, 153.

[3]) Соловьевъ, XXIX, 135 sqq.

ряющія вышеприведенныя слова де-ла-Ривьера о закапываніи рабами денегъ и сокрытіи ими своихъ богатствъ [1]). Съ улыбкою выслушивалъ Дидро увѣреніе Екатерины, будто однодворцы «живутъ въ полномъ довольствѣ; есть цѣлые уѣзды, гдѣ они не садятся за столъ безъ индѣйки; курица для нихъ слишкомъ обыкновенна» [2]). Екатерина умалчивала при этомъ, что были не только уѣзды, но цѣлыя области, гдѣ люди ѣли овесъ и сѣно, пихтовую и еловую кору, льняной куколь, конопляную избоину, нерѣдко съ примѣсью извести. Не только иностранные путешественники того времени, какъ Палласъ, Коксъ, Савва Текели, Георги, но и русскіе люди, какъ Озерецковскій, Рычковъ, Ломоносовъ, Радищевъ, Болотовъ, свидѣтельствовали правдивѣе Екатерины о положеніи русскихъ крестьянъ.

Коснувшись земледѣлія, Дидро ставилъ рядъ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ—о зерновомъ хлѣбѣ, о виноградѣ, лѣсѣ и скотѣ, шерсти и шелкѣ. Екатерина затруднялась отвѣчать немедленно на довольно спеціальные уже вопросы и просила Дидро представить ей на бумагѣ всѣ вопросы, по которымъ онъ желалъ бы имѣть свѣдѣнія или только разъясненія. Дидро представилъ 88 вопросовъ, касавшихся населенія, землевладѣнія и земледѣлія, производства и торговли зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и водкой, масломъ, коноплей и льномъ, табакомъ, лѣсомъ, смолой, дегтемъ и варомъ, ревенемъ, рогатымъ скотомъ, лошадьми, шерстью, шелкомъ, медомъ и воскомъ, мѣхами и кожами [3]). Мы привели уже образчики отвѣтовъ Екатерины—они несерьезны и дѣланы, очевидно, съ заднею цѣлью. И въ этомъ, однако, случаѣ, императрицу не покидало остроуміе и веселость, которыя она проявляла во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Дидро спрашивалъ, напримѣръ, какими пошлинами обложено вино, выдѣлываемое изъ русскаго винограда; Екатерина отвѣчала: «Даже аббатъ Террайль [4]) затруднился бы обложить пошлиною вещь несуществующую». Дидро спрашивалъ, существуютъ-ли въ Россіи

---

[1]) Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя во обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Наказъ, гл. XII, ст. 276.

[2]) Русскій Архивъ, 1880, III, 3.

[3]) Questions et réponses. „Русскій Архивъ“, 1880, III, 1—29. Г. Бартеневъ говоритъ, что эти „вопросы и отвѣты“ списаны съ „подлинной собственноручной рукописи, хранящейся въ государственномъ архивѣ“. По такому неточному указанію невозможно отыскать рукопись въ государственномъ архивѣ. Списокъ этой рукописи находится въ московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, въ бумагахъ Храповицкаго, № 1349.

[4]) L'abbé I. M. Terray (1715—1778), министръ Людовика XV, облагавшій пошлинами и монополизовавшій всѣ производства; извѣстный циникъ и негодяй.

ветеринарныя школы, Екатерина отвѣчала: «Богъ хранитъ насъ отъ нихъ» [1]). Но на 28 вопросовъ императрица ничего не могла отвѣтить, причомъ или просто отмѣчала, что она этого не знаетъ (je n'en sais rien), или рекомендовала Дидро обратиться за подобными свѣдѣніями къ графу Миниху, «которому, по должности, имъ занимаемой, это извѣстно, какъ свои пять пальцевъ» [2]). Письмомъ отъ 31 января 1774 г. Дидро проситъ графа Миниха сообщить ему свѣдѣнія по 40 вопросамъ [3]), указывая и цѣль подобнаго собиранія свѣдѣній о торгово-промышленномъ положеніи Россіи: онъ желаетъ удовлетворить любознательность своихъ соотечественниковъ, которые будутъ осаждать его всевозможными вопросами, и предполагаетъ издать свое путешествіе по Россіи, какъ о томъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма: «Если вы писали [4]) что либо объ управленіи политическомъ, гражданскомъ, военномъ и т. п. и если вы уважаете меня настолько, чтобы довѣрить ваши размышленія, клянусь, я вовсе не откажусь украсить себя вашимъ перомъ» [5]).

Несравненно болѣе, чѣмъ торгово-промышленные вопросы, интересовали Екатерину бесѣды съ Дидро о воспитаніи и обученіи. Женщина умная, много читавшая, много пережившая и передумавшая, Екатерина высоко ставила задачи домашняго воспитанія и общественнаго образованія. Еще будучи великою княгинею, она сознавала уже, что въ Россіи «домашнее воспитаніе есть ни что иное, какъ мутный ручей» и съ грустью мечтала о томъ, «когда же онъ станетъ потокомъ» [6]). Она съ ужасомъ вспоминала о крестьянскихъ дѣтяхъ, которыя «бѣгаютъ нагіе, въ однѣхъ рубашкахъ, по снѣгу и льду», и находила, что было бы весьма полезно учредить въ Россіи нѣчто въ родѣ сен-спрской школы (la maison royale de Saint-Cyr) для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Едва ставъ императрицею, Екатерина приближаетъ къ себѣ И. И. Бецкаго, заслуги котораго въ дѣлѣ «народнаго просвѣщенія» до сихъ поръ, къ сожалѣнію, недостаточно еще цѣнятся даже академіею наукъ [7]). Бецкій долго жилъ заграницею, гдѣ изучилъ устройство учебныхъ учрежденій разныхъ родовъ, и былъ первымъ русскимъ че-

[1]) „Русскій Архивъ“, l. c. 13.

[2]) Id. 12.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1878, III, 1—17.

[4]) Вѣроятно, Дидро зналъ уже, что въ это время готовилось въ Копенгагенѣ изданіе сочиненія отца гр. Миниха, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя: Comte Münnich, Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague. 1774.

[5]) Diderot, XX, 45.

[6]) Сборникъ, VII, 86.

[7]) Записки академіи наукъ, т. XLVII, № 2, стр. 33.

ловѣкомъ, сознательно преданнымъ просвѣтительному западно-европейскому движенію. Другъ г-жи Жофрэнъ, уважаемый Вольтеромъ, Дидро, Гельвеціемъ, Бецкій много содѣйствовалъ образованію, прежде всего, самой Екатерины. «Послѣ обѣда—описываетъ Екатерина свой день г-жѣ Жофрэнъ—является гадкій генералъ (Бецкій) для образованія меня; онъ беретъ книгу, а я свое рукодѣлье. Наше чтеніе продолжается до пяти часовъ съ половиною» [1]). При непосредственномъ содѣйствіи этого-то Бецкаго, императрица приводила въ исполненіе различные проекты и планы общеобразовательныхъ учрежденій. Вліяніе Бецкаго видно уже въ тѣхъ общихъ воззрѣніяхъ на воспитаніе, которыя выражены въ девяти статьяхъ XII главы «Наказа»; во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, печаталось уже второе изданіе [2]) «Учрежденій и уставовъ, касающихся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола» —воспитательнаго дома, вдовьей ссудной и сохранной казны, комерческаго училища, академіи художествъ, смольнаго института, кадетскаго корпуса и генеральное учрежденіе о воспитаніи—созданныхъ Екатериною по мысли Бецкаго. Ознакомившись съ тѣми изъ этихъ учрежденій, которыя находились въ Петербургѣ, Дидро пришелъ въ восторгъ и, по своей экспансивной натурѣ, сталъ всѣмъ ихъ расхваливать; онъ требовалъ отъ иностранцевъ, чтобъ они знакомились съ этими учрежденіями; онъ находилъ необходимымъ познакомить съ ними Европу и предлагалъ императрицѣ свое содѣйствіе. Екатеринѣ, конечно, понравилась эта мысль; ее плѣняла перспектива новыхъ восторженныхъ похвалъ, которыя будутъ расточаться ей на Западѣ, какъ воспитательницѣ русской націи. Немедленно докторъ Клеркъ, профессоръ академіи художествъ, засѣлъ за переводъ обоихъ томовъ на французскій языкъ, и Дидро, уѣзжая изъ Петербурга, взялъ съ собою эти переводы, чтобъ издать ихъ заграницею. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Гагу, Дидро пишетъ своей матери, отъ 9-го апрѣля 1774 года: «Ея императорское величество поручила мнѣ издать здѣсь уставы большаго числа заведеній, основанныхъ ею на благо своихъ подданныхъ, и я долженъ это выполнить. Если голландскій книгопродавецъ окажется арабъ, какимъ онъ имѣетъ обыкновеніе быть, то я вскорѣ уѣду въ Парижъ; если же я прійду къ какому нибудь разумному соглашенію съ нимъ, то останусь здѣсь» [3]). Въ Гагѣ нашелся книгопродавецъ «не арабъ и не жидъ», извѣстный Маркъ-Мишель Рэй, и уже черезъ два мѣсяца печатаніе подвинулось значительно впередъ. Дидро пишетъ Бецкому, отъ 9-го іюня:

[1]) Le vilain Général. Сборникъ, I, 261.

[2]) Въ удовольствіе общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ 1774 года.

[3]) Государственный Архивъ, XI, № 1051.

«Голландскій типографщикъ закуснлъ, наконецъ, удила и бѣжитъ такъ, какъ только можно требовать отъ старой клячи съ запаломъ. Почти половина изданія готова. Это будетъ имѣть успѣхъ и большой, я отвѣчаю вамъ за это. Мы дѣлаемъ сразу два изданія: одно въ четверку, со всѣми типографскими украшеніями, другое въ восьмушку или въ двѣнадцатую долю листа, простое, которое всякій любитель въ состояніи будетъ пріобрѣсть за недорогую цѣну» [1]). Въ ноябрѣ все изданіе было уже окончено [2]), но лишь въ началѣ 1775 г. поступило въ продажу [3]). По собственному признанію, Дидро при этомъ только исправлялъ французскій языкъ Клерка и держалъ корректуру [4]). Такимъ образомъ, онъ хорошо изучилъ уставы всѣхъ заведеній, созданныхъ по плану Бецкаго. «Существованіе этихъ заведеній—пишетъ онъ императрицѣ—необходимо измѣнитъ многое въ имперіи, приготовитъ мужьямъ женъ и женамъ мужей, которые будутъ чувствовать преимущества хорошаго воспитанія, ими полученнаго, и захотятъ, чтобъ и дѣти ихъ были такъ же воспитаны, какъ они» [5]). Еще опредѣленнѣе выразился онъ въ печати, въ «прибавленіи издателя» [6]), въ концѣ второго тома: «Когда эти учрежденія достигнутъ того совершенства, достичь котораго они способны и котораго многія изъ нихъ уже достигли, Россію будутъ посѣщать для изученія этихъ учрежденій, какъ нѣкогда посѣщали Египетъ, Лакедемонію и Критъ, но съ любопытствомъ, смѣю сказать, и болѣе основательнымъ, и лучше вознагражденнымъ [7]). Ссылаюсь на свидѣтельство многихъ иностранцевъ, которые, пріѣхавъ въ Петербургъ, относились сперва недовѣрчиво къ моимъ похваламъ, но, ознакомившись съ этими учрежденіями, превзошли даже меня въ восхваленіи ихъ» [8]). Еще до выпуска изданія въ свѣтъ, Дидро писалъ Екатеринѣ: «Планы и уставы вашихъ учрежденій уже напечатаны и вскорѣ появятся въ

[1]) Diderot, XX, 59, 61.

[2]) Björnstähl, III, 223.

[3]) Les plans et les statuts des différents établissements ordonnés par Sa Majesté Impériale Cathérine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de son empire. Ecrits en Langue Russe par M. Betzky et traduits en Langue Françoise d'après les originaux par M. Clerc. Amsterdam. Chez Marc-Michel Rey. 1775.

[4]) Herr Diderot hat nichts weiter dabey gethan, als die Schreibart und die Drückfehler verbessert. Björnstähl, III, 223. Записано Бьернстэлемъ со словъ самого Дидро, въ Гагѣ.

[5]) Государственный архивъ, V, № 159, л. 12,

[6]) „Addition de l'éditeur M. D******". Обычное въ прошломъ столѣтіи число звѣздочекъ, соотвѣтствующее числу буквъ фамиліи, раскрыли современникамъ автора. Les plans etc. II, 157.

[7]) Государственный архивъ, V, № 159, л. 2.

[8]) Plans, II, 157.

свѣтъ. Въ непродолжительномъ времени будетъ представлено одно изъ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ произведеній, которыя только существуютъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто умѣетъ взвѣшивать произведенія человѣческаго ума на вѣсахъ разума. Это произведеніе—ваше. Надѣюсь, что вашему величеству понравится русская мудрость во французскомъ костюмѣ» [1]). Если вѣрить Дидро, французамъ «русская мудрость» очень понравилась: «наши французы не такъ легкомысленны, какъ ваше величество представляете ихъ себѣ, такъ какъ изображеніе вашихъ заведеній и ихъ уставы были приняты со всеобщимъ одобреніемъ» [2]).

Если Дидро говоритъ о возможномъ усовершенствованіи восхваляемыхъ имъ образовательныхъ заведеній, значитъ онъ находилъ въ нихъ недостатки; какіе же именно? Изъ сохранившихся писемъ и документовъ этого не видно. По взглядамъ Дидро на образованіе, выраженнымъ въ статьяхъ, написанныхъ вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, можно, однако, предполагать, что, въ бесѣдахъ съ Екатериною [3]), Дидро указывалъ на многіе недостатки въ устройствѣ и преподаваніи въ низшихъ школахъ, гимназіяхъ и въ университетѣ, и не только указывалъ недостатки, но предлагалъ средства для устраненія ихъ. Замѣчательно, что уже сто лѣтъ назадъ Дидро касался именно тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, надъ которыми мы трудимся и по настоящее время, не разрѣшивъ еще ни одного изъ нихъ удовлетворительно. Дидро доказывалъ, между прочимъ, необходимость общеобязательнаго обученія и возставалъ противъ увлеченія мертвыми классическими языками. «Низшія школы — говорилъ Дидро Екатеринѣ—предназначаются вообще для всего народа, такъ какъ отъ перваго министра до послѣдняго мужика всякій долженъ умѣть читать, писать и считать. Въ странахъ протестантскихъ нѣтъ ни одной деревушки, какъ бы бѣдна она ни была, въ которой не было бы школьнаго учителя, и нѣтъ ни одного деревенскаго жителя, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, который не умѣлъ бы читать, писать и немного считать. Я слышалъ иногда, что такое образованіе народа имѣетъ свои неудобства. Дворяне говорятъ, что обученіе мужика дѣлаетъ его требовательнымъ и сутяжливымъ; люди образован-

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 1-й.

[2]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 6-й.

[3]) Дидро самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ статьяхъ, касающихся учебнаго дѣла въ Россіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Sa Majesté m'a fait l'honneur de me dire“; въ другомъ: „lorsque j'avais l'honneur d'entrer dans le cabinet de Sa Majesté Impériale“, и т. п. Слѣдовательно, въ бытность свою въ Петербургѣ, Дидро разговаривалъ съ Екатериною объ этихъ вопросахъ. Иногда Екатерина, заинтересованная во время бесѣды какимъ-либо мнѣніемъ Дидро, просила его изложить это мнѣніе на бумагѣ: „un feuillet que j'ai laissé à Sa Majesté Impériale“.

ные говорятъ, что, благодаря обученію, всякій земледѣлецъ, немного разжившійся, не оставляетъ уже своего сына за сохой, а старается сдѣлать изъ него ученаго, теолога или, по меньшей мѣрѣ, школьнаго учителя. Не буду останавливаться на жалобѣ дворянъ — она сводится просто къ увѣренности, что мужика, умѣющаго читать и писать, труднѣе притѣснить и обидѣть, чѣмъ человѣка темнаго. Что же касается втораго неудобства, то дѣло законодателя сдѣлать профессію земледѣльца настолько спокойною и уважаемою, чтобы ее не покидали. Во всякомъ положеніи есть свои выгоды и неудобства; дѣло государственныхъ людей уничтожить неудобства, сохранивъ выгоды. Но въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, выгоды значительно превосходятъ неудобства. Обязательное обученіе чтенію, письму и счету даетъ уму простолюдина первый складъ, благодѣтельныя послѣдствія котораго неисчислимы [1])».

Какъ и шесть лѣтъ предъ тѣмъ, въ «коммиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ»; доводы Дидро въ пользу обязательнаго обученія вызывали, вѣроятно, возраженія невѣждъ, основанныя, главнымъ образомъ, на бѣдности народа; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, Дидро постарался отклонить это возраженіе слѣдующимъ положеніемъ: «Низшія школы должны быть открыты для всѣхъ дѣтей народа. Въ этихъ школахъ дѣтямъ должны предлагаться безвозмездно учителя, книжки и хлѣбъ: учителя, которые наставляютъ ихъ въ чтеніи, письмѣ и первыхъ правилахъ вѣроученія и ариѳметики; книжки, которыхъ они, быть можетъ, не были бы въ состояніи пріобрѣсти, и хлѣбъ, который давалъ бы законодателю право требовать отъ родителей, даже наиболѣе бѣдныхъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школы [2])».

Сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ эти строки были впервые написаны, издатели «Полнаго собранія сочиненій Дидро», прочтя его указаніе на «хлѣбъ» въ школѣ для дѣтей школьнаго возраста, признали практическое значеніе даже для нашего времени этой простой мысли [3]); а мы, русскіе, для которыхъ Дидро писалъ эти мысли? Мы до сихъ поръ лишь повторяемъ съ безсильнымъ сожалѣніемъ: «И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ.... Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы гра-

[1]) Diderot, III, 418.

[2]) Id., 520.

[3]) C'est peut être là, en effet, une des nécessités de l'enseignement obligatoire. Diderot, III, 520, note.

мотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше» [1]). Но если мы и сознаемъ всю правдивость краснорѣчія Дидро въ пользу обязательнаго обученія, то, къ сожалѣнію, все еще продолжаемъ упрямо возставать противъ столь же ясныхъ истинъ, высказанныхъ Дидро по поводу увлеченія классическими языками.

«Я конечно воздержусь — говорилъ Дидро Екатеринѣ — утверждать предъ вашимъ величествомъ, слѣдуетъ-ли ввести въ Россіи изученіе греческаго и латинскаго языковъ или же преподавать въ гимназіяхъ иныя познанія — вы знаете это лучше, чѣмъ покойный пасторъ Вагнеръ и даже лучше, чѣмъ г-жа Кардель, распространившая въ свое время свѣтъ вѣка. Позволю себѣ только замѣтить, что языкознаніе расширяется съ каждымъ днемъ и вскорѣ познаніе словъ будетъ возможно только въ ущербъ знанію вещей, а изученіе новѣйшихъ языковъ вытѣснитъ вскорѣ преподаваніе языковъ мертвыхъ» [2]). Въ другой разъ Дидро развилъ предъ императрицей тотъ же взглядъ съ другой стороны. «Чрезвычайно важно знать—говорилъ онъ—вознаграждается-ли изученіемъ однихъ древнихъ языковъ то время, которое посвящается ихъ изученію, и нельзя-ли драгоцѣнныя шесть-семь лѣтъ юности употребить съ бо̀льшею пользою. По существу-ли дѣла, или вслѣдствіе предразсудка, но мнѣ не вѣрится, чтобъ можно было обойтись безъ знанія классическаго міра. Классическая литература обладаетъ такою устойчивостью, привлекательностью, такою энергіею, которыми всегда будутъ очаровываться сильные умы. Но я полагаю, что изученіе древнихъ языковъ могло бы быть значительно сокращено и возмѣщено пріобрѣтеніемъ болѣе полезныхъ знаній. Вообще, въ школахъ придаютъ слишкомъ большое значеніе изученію словъ; пора замѣнить это изученіемъ предметовъ; я полагаю, что въ школахъ слѣдовало бы давать всѣ свѣдѣнія, необходимыя гражданину, отъ законодательства страны до техническихъ производствъ, которыя такъ улучшили жизнь общества» [3]) Дидро не отвергалъ классическаго образованія; напротивъ, будучи самъ классикомъ, онъ ставилъ его чрезвычайно высоко: «безъ знанія греческаго и еще болѣе латинскаго языка, говорилъ Дидро, нельзя быть образованнымъ человѣкомъ» [4]); но Дидро былъ противъ увлеченія классическими языками въ школьномъ дѣлѣ и находилъ, что, вмѣсто шестисеми первыхъ лѣтъ ученія, языкамъ слѣдуетъ посвящать годъ или пол-

---

[1]) „Записки“ академіи наукъ, т. XLVII, стр. 74.
[2]) Diderot, III, 422.
[3]) Id., 421.
[4]) Id., 473.

тора года въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. «Неужели можно искренно утверждать—говорилъ Дидро—что произведенія древнихъ прозаиковъ и поэтовъ, столь трудныя по языку и опасныя для нравственности, годятся для первыхъ уроковъ юношества? Неужели въ невинныя и чистыя руки юноши можно дать Теренція съ его соблазнительными картинами, Катулла, полнаго наивныхъ сальностей, или атеистическаго Лукреція? Пойметъ-ли ребенокъ письма Цицерона къ Аттику, Бруту, Цезарю, Катону, не зная ни государственныхъ учрежденій, ни нравовъ, ни обычаевъ, словомъ, не зная римской исторіи» [1])?

Въ бесѣдахъ съ Екатериною Дидро нападалъ на систему преподаванія въ школахъ не однихъ только древнихъ языковъ. По его собственнымъ словамъ, онъ «возставалъ противъ порядка преподаванія, освященнаго опытомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ» [2]), всѣхъ учебныхъ предметовъ, и не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ. Подобныя преобразованія не дѣлаются во время бесѣдъ, и Екатерина, давно уже озабоченная устройствомъ училищъ въ Россіи, поручила Дидро заняться, немедленно по возвращеніи въ Парижъ, изложеніемъ его мыслей по этому вопросу и начертаніемъ подробнаго плана учебной части. «Императрица — пишетъ Дидро своей матери — почтила меня множествомъ коммисій, между которыми многія потребуютъ и всѣхъ моихъ способностей, и всего моего времени» [3]). Дидро отнесся къ порученному ему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно [4]) и, черезъ годъ по выѣздѣ изъ Петербурга, переслалъ уже императрицѣ Екатеринѣ двѣ статьи: «Essai sur les études en Russie» и «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie» [5]). Въ первой статьѣ Дидро подробно излагаетъ германскую систему общественнаго образованія, указывая ея достоинства и недостатки; во второй — предлагаетъ планъ устройства учебной части на реальной основѣ. Замѣчательна судьба этихъ трудовъ Дидро: писанные для Россіи, они до настоящаго времени не подвергались у насъ даже

---

[1]) Diderot, III, 484.

[2]) Id., 469.

[3]) Государственный Архивъ, XI, № 1051.

[4]) Такое же порученіе дано было Екатериною и Гримму: „J'ai remis à M. Grimm „Le Plan d'une Université" auquel Votre Majesté nous avoit proposé de travailler l'un et l'autre". (Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 5). Сборникъ, XXIII, 25, 38.

[5]) Издатели „Oeuvres complètes de Diderot" говорятъ: „Nous ne savons pas exactement à quelle époque le Plan fut achevé" (III, 412). На основаніи письма Дидро къ Екатеринѣ, отъ 6 октября 1775 года (Государственный Архивъ, V, № 159, л. 5), время окончанія „Плана" опредѣляется довольно точно: „j'ai remis, il y a quatre à cinq mois, le Plan d'une université" etc.; слѣдовательно, „Планъ" былъ оконченъ не позже іюня 1775 года.

серьезному обсужденію [1]). Но, быть можетъ, они и не заслуживаютъ никакого вниманія? Напротивъ: французскіе ученые находятъ во взглядахъ Дидро на устройство учебной части много указаній полезныхъ и для нашего времени [2]), а нѣмецкіе педагоги признаютъ, что Дидро не только вѣрно понялъ возрастающее значеніе техническаго образованія, но даже указалъ тотъ новый путь, по которому Россія должна слѣдовать въ дѣлѣ народнаго образованія [3])!

Разговаривая съ Екатериною о постановкѣ учебнаго дѣла въ Россіи, Дидро указывалъ императрицѣ, что въ этомъ случаѣ дѣятельное сочувствіе общества и непосредственное участіе его представителей важнѣе всѣхъ регламентовъ и системъ. Онъ указывалъ ей на примѣръ Германіи, гдѣ школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ магистратовъ и старшины города являются главными представителями городскихъ училищъ. Екатерина одобрила мысль Дидро и уже въ то время, за 12 еще лѣтъ, высказала рѣшимость даровать городамъ жалованную грамату, о чомъ Дидро записалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если я вѣрно проникъ намѣренія императрицы, я долженъ думать, что ея величество предполагаетъ ввести въ городахъ своей имперіи муниципальную магистратуру, расширивъ и возвысивъ ея функціи. Прекрасное, заслуживающее полнаго одобренія намѣреніе, способное улучшить полицію! Одною изъ обязанностей выборныхъ старшинъ города будетъ предсѣдательствовать въ школахъ и заботиться о нихъ» [4]).

Бесѣдовала Екатерина съ Дидро и о воспитаніи цесаревича, хотя въ это именно время великій князь Павелъ Петровичъ окончилъ уже свое образованіе и начиналъ самостоятельную жизнь. Дидро принималъ близкое участіе въ приглашеніи Д'Аламбера быть воспитателемъ сына

---

[1]) До настоящаго времени, планъ учебной части въ Россіи, составленный Дидро, хотя кратко, на трехъ страничкахъ, но за то вѣрно былъ переданъ только въ 1868 г. въ статьѣ г. Шугурова „Дидро" (Осьмнадцатый вѣкъ, I, 299—302). Въ 1875 г., когда этотъ „Plan d'une université" былъ впервые вполнѣ напечатанъ въ полномъ собраніи сочиненій Дидро, въ Парижѣ (III, 429—534), въ русскихъ журналахъ появились краткія извѣстія, недающія точнаго понятія о самомъ планѣ („Слово" за 1879 г., замѣтка Б. Л. въ „Очеркахъ иностранной журналистики").

[2]) On y découvre deux des aspirations que nous croyons propres à notre temps: l'éducation professionnelle et l'instruction gratuite et obligatoire. Il va même plus loin que nous n'allons encore: il veut que les enfants soient nourris à l'école pour enlever leur dernier prétexte aux parents récalcitrants. Diderot, III, 412. Revue des deux mondes, 1879, novembre.

[3]) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1863. Стр. 309. Осмнадцатый вѣкъ, I, 304.

[4]) Diderot, III, 420.

Екатерины; въ числѣ лицъ, къ которымъ Екатерина предполагала обратиться, по отказѣ Д'Аламбера, называли и Дидро. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дидро не могъ не обратить вниманія на великаго князя и, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, говорилъ императрицѣ: «Д'Аламберъ не былъ пригоденъ для воспитанія цесаревича; не Д'Аламбера, слѣдовало пригласить Гримма, моего друга Гримма» [1]). Подобное заявленіе, столь уже несвоевременное, можетъ быть объяснено лишь замѣченными Дидро недостатками въ воспитаніи великаго князя [2]). Во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу, всегда неискреннія [3]), вновь замутились [4]), и Екатерина, въ разговорахъ съ Дидро, выражала, вѣроятно, сожалѣніе о томъ недавнемъ времени, когда она цѣлые мѣсяцы проводила въ Царскомъ Селѣ въ полномъ согласіи съ своимъ сыномъ, который «не оставлялъ ее ни на шагъ», сопровождая и во всѣхъ поѣздкахъ въ городъ [5]). На эти разговоры намекаетъ Дидро въ своихъ замѣткахъ о «политическихъ принципахъ государей», писанныхъ въ Гагѣ, тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга: «Да не ѣздитъ никогда императрица въ Цар-

---

[1]) Пріятель Дидро, Д'Ешерни, передаетъ: „M-me de Ribas, favorite de l'impératrice, me contait à Pétersbourg que Diderot allait criant partout avec ce ton d'enthousiasme qu'il prenait souvent et jusque dans les appartemens de l'impératrice qu'il remplissait de ses clameurs: D'Alembert n'était pas l'homme qu'il fallait pour être l'instituteur du grand duc; ce n'est pas d'Alembert qu'il fallait appeller, c'est Grimm! c'est Grimm! Voilà le seul homme capable, c'est mon ami Grimm!". D'Escherny, Melanges de littérature, II. Diderot, XX, 140.

[2]) Французскій посланникъ Дюранъ, въ неизданной депешѣ, отъ 25-го августа 1773 года, сообщалъ своему министерству слѣдующій взглядъ на воспитаніе Павла Петровича: „L'éducation du Czar est totalement manquée et c'est un mal sans remède, il faudrait que la nature fit un miracle en sa faveur. Son physique et son moral sont viciés au point que toute esperance est détruite et M. Panin n'aura travaillé qu'au malheur de quinze millions d'hommes et à celui de l'Europe et de l'Asie; car les mauvais conseils et le mauvais Prince influent sur le monde entier et que n'a-t-on pas à craindre du Grand-Duc qui ne vaudra jamais rien".

[3]) Кобеко, 63, 71 и др.

[4]) „L'Impératrice se réfroidie tout à coup pour son fils et son fils de son côté a cessé d'avoir pour M. Panin ses attentions accoutumées". M. Durand au duc d'Aiguillon, 1 mars 1774. Ср. депешу англійскаго посланника Гуннинга, отъ 11 февраля 1774. (Сборникъ, XIX, 399).

[5]) Екатерина писала г-жѣ Бьельке, отъ 24 августа 1772 года, изъ Царскаго Села: „Во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ мѣняетъ иногда билетики на обѣденномъ столѣ, чтобъ сидѣть рядомъ со мною". Сборникъ, XIII, 265.

ское Село безъ своего сына; да никогда сынъ не возвращается безъ нея!» [1]).

Наконецъ, самъ Дидро записалъ свой послѣдній разговоръ съ Екатериною, довольно подробно, въ письмѣ къ своей матери, изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [2]). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передалъ онъ этотъ разговоръ:

„Едва пріѣхалъ я въ Петербургъ, какъ негодяи стали писать изъ Парижа, а другіе негодяи распространять въ Петербургѣ, что, подъ предлогомъ благодарности за прежнія благодѣянія, я явился выпрашивать новыхъ; это оскорбило меня и я тотчасъ же сказалъ себѣ: я долженъ зажать ротъ этой сволочи. Поэтому-то, откланиваясь ея императорскому величеству, я представилъ нѣчто въ родѣ прошенія [3]), въ которомъ я говорилъ, что прошу ее убѣдительнѣйше, и даже подъ опасеніемъ запятнать мое сердце, не прибавлять ничего, такъ-таки ровно ничего, къ ея прежнимъ милостямъ. Какъ я и ожидалъ, она спросила меня о причинѣ такой просьбы. „Это—отвѣчалъ я—ради вашихъ подданныхъ и ради моихъ соотечественниковъ: ради вашихъ подданныхъ, которыхъ я не желалъ бы оставить въ томъ убѣжденіи, о которомъ они имѣли низость намекать мнѣ, будто не благодарность, а тайный разсчотъ на новыя выгоды побудилъ меня къ путешествію — я хочу разъубѣдить ихъ въ этомъ и необходимо, чтобъ ваше величество были столь добры поддержать меня; ради моихъ соотечественниковъ, предъ которыми я хочу сохранить полную свободу слова, чтобъ они, когда я буду говорить имъ правду о вашемъ величествѣ, не предполагали слышать голосъ благодарности, всегда подозрительный. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе заслужить довѣріе, когда я стану превозносить ваши великія достоинства, чѣмъ имѣть болѣе денегъ“. Она возразила мнѣ: „А вы богаты?“—Нѣтъ, государыня, сказалъ я, но я доволенъ, а это гораздо важнѣе. —„Что-жь мнѣ сдѣлать для васъ?“ — Многое: во-первыхъ, ея величество не пожелаетъ, вѣдь, отнять у меня два-три года жизни, которыми я ей-же обязанъ, и уплатитъ расходы моего путешествія,

---

[1]) Puisse l'impératrice n'aller jamais à Sarskoselo sans son fils! puisse son fils n'en revenir jamais sans elle! „Principes de politique des souverains“, CXXXIV. (Diderot, II, 483). Составленіе этихъ краткихъ изрѣченій, навѣянныхъ чтеніемъ Тацита, издатели сочиненій Дидро относятъ къ 1775 году; между тѣмъ въ письмѣ Дидро къ Екатеринѣ, отъ 13 сентября 1774 года, изъ Гаги, читаемъ: „Tandis qu'on y imprimait vos Statuts, je m'occupait de la la lecture de Tacite, et il en est resulté un pamphlet intutulé: Notes marginales d'un souverain sur l'histoire des empereurs“. (Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2-й). Характеръ этихъ изрѣченій не трудно представить себѣ, зная, что они писаны Дидро, подъ вліяніемъ Тацита, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи, гдѣ тогда царствовала Екатерина II. Наиболѣе интересно слѣдующее CLXXXIII изрѣченіе: „L'ennemi le plus dangereux d'un souverain, c'est sa femme, si elle sait faire autre chose que des enfants“. (Id. 493).

[2]) Государственный Архивъ, XI, № 1051.

[3]) Въ архивѣ графа Д. К. Нессельрода хранится письмо Гримма къ его дѣду, отъ 11 марта 1774 года, изъ Петербурга, въ которомъ читаемъ: „Denis avait conclu un traité avec l'Impératrice qu'elle ne lui donnerait rien afin d'ôter à son voyage tout air d'interêt“.

пребыванія здѣсь и возвращенія, принявъ во вниманіе, что философъ не путешествуетъ знатнымъ барономъ, на что она отвѣчала вопросомъ: „Сколько вы хотите"? — Полагаю, что полуторы тысячи рублей будетъ довольно. — „Я дамъ вамъ три тысячи". Во-вторыхъ, ваше величество дадите мнѣ какую-нибудь бездѣлку, цѣнную лишь потому, что она была въ вашемъ употребленіи.— „Я согласна, но скажите мнѣ, какую бездѣлку вы желаете?" Я отвѣчалъ: вашу чашку и ваше блюдечко.—„Нѣтъ, это разобьется и васъ же опечалитъ; я подумаю о чомъ-нибудь другомъ".—Или рѣзной камень.—Она возразила: „У меня былъ одинъ только хорошій, да я отдала его князю Орлову" Я отвѣчалъ: Остается вытребовать у него.—„Я никогда не требую обратно того, что отдала".—Какъ, государыня, вы настолько совѣститесь съ друзьями?— Она улыбнулась.—Въ третьихъ, дать мнѣ одного изъ вашихъ офицеровъ, который проводилъ бы меня и доставилъ здрава и невредима въ мой домъ или скорѣе въ Гагу, гдѣ я пробуду мѣсяца три ради служенія вашему величеству.— „Это будетъ сдѣлано". — Въ четвертыхъ, вы разрѣшите мнѣ прибѣгнуть къ вашему величеству въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе операцій правительства, или по какой-нибудь другой причинѣ.—На этотъ пунктъ она отвѣчала мнѣ: „Мой другъ (это ея слова), разсчитывайте на меня; вы найдете во мнѣ помощь во всякомъ случаѣ, во всякое время". Она прибавила: „Но вы, значитъ, вскорѣ уѣзжаете?"—Если ваше величество позволите.—„Да вмѣсто того, чтобъ уѣзжать, почему вамъ не выписать сюда свое семейство?"—О, государыня, отвѣчалъ я, моя жена женщина престарѣлая и очень хворая, и съ нами живетъ ея сестра, которой близится уже восемдесятъ лѣтъ!—Она ничего на это не отвѣчала.—„Когда же вы ѣдете?"—Какъ только позволитъ погода.—„Такъ не прощайтесь же со мною: прощанье наводитъ грусть".

„Вотъ, голубушка, какъ болтаютъ съ императрицею Россіи и передаваемая мною бесѣда похожа на шестдесятъ другихъ, которыя ей предшествовали".

На этомъ обрываются всѣ несомнѣнно достовѣрныя свѣдѣнія объ этихъ «шестидесяти» бесѣдахъ Дидро съ Екатериною. Эти бесѣды «безъ свидѣтелей» возбудили многихъ противъ Дидро; по поводу этихъ бесѣдъ не только ходили различные слухи, но слагались цѣлыя легенды. Только одинъ изъ народныхъ разсказовъ, не подтверждаемыхъ несомнѣнными доказательствами, можетъ показаться съ перваго раза довольно вѣроятнымъ. Такъ, разсказывали, что находясь однажды вечеромъ у императрицы, Дидро съ бурнымъ краснорѣчіемъ изобличалъ низость тѣхъ, которые льстятъ государямъ; для такихъ людей, сказалъ онъ, долженъ былъ бы существовать болѣе мрачный и болѣе страшный адъ. «Скажите мнѣ, Дидро — прервала его Екатерина—что говорятъ въ Парижѣ о смерти моего мужа?» Вмѣсто того, чтобъ сказать ей всю правду, философъ сталъ разсыпаться въ самыхъ сладкихъ любезностяхъ. «Признайтесь же—сказала Екатерина—что если вы и не идете по тому пути, который ведетъ въ вашъ мрачный адъ, то вы все-таки очень не далеко отъ чистилища» [1]). Въ этомъ разсказѣ, однако, все невѣроятно:

[1]) Морлей, 443.

и вопросъ Екатерины о «смерти мужа», и отвѣтъ Дидро, составленный изъ «сладкихъ любезностей». Въ изданныхъ уже русскимъ историческимъ обществомъ бумагахъ Екатерины, обнимающихъ пять томовъ [1]), только въ трехъ письмахъ Екатерина упоминаетъ о своемъ мужѣ и всегда въ формѣ крайне осторожной [2]). Екатерина не любила разговаривать о Петрѣ Ѳедоровичѣ и ей не было нужды предлагать Дидро подобный вопросъ—она хорошо знала, что̀ говорили по этому поводу въ Парижѣ. Съ другой стороны, Дидро, хлопотавшій, по порученію императрицы, о произведеніи Рюльера, не имѣлъ ни надобности, ни возможности ограничиваться «сладкими любезностями». Намъ кажется, что весь разсказъ сочиненъ противниками Дидро, желавшими выставить его человѣкомъ «унизительно льстивымъ» [3]).

Въ депешѣ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннига графу Суффольку, отъ 12-го (23-го) ноября 1773 года, говорится: «Чрезвычайно конфиденціально и подъ условіемъ тайны графъ Панинъ сообщилъ мнѣ, что г. Дидро, пользуясь постояннымъ доступомъ къ императрицѣ, вручилъ ей, нѣсколько дней назадъ, бумагу, данную ему г. Дюраномъ и содержащую предложенія касательно условій мира съ турками, которыхъ французскій дворъ обязуется достигнуть, если его добрыя услуги будутъ приняты императрицею. Г. Дидро, извиняясь въ этомъ поступкѣ, совершенно выходящемъ изъ его сферы, объяснилъ, что не могъ отказаться отъ исполненія требованія французскаго посланника подъ опасеніемъ быть, по возвращеніи на родину, ввергнутымъ въ Бастилію. Ея величество, какъ сообщилъ мнѣ г. Панинъ, отвѣчала, что, въ виду

---

[1]) Къ четыремъ томамъ „бумагъ Екатерины II“ (VII, X, XIII, и XXVII) мы присоединяемъ пятый томъ, XXIII, въ которомъ помѣщены 273 письма Екатерины къ Гримму.

[2]) Въ настоящее время издано болѣе 1500 различнаго рода бумагъ Екатерины и только въ слѣдующихъ трехъ упомянутъ Петръ III, какъ „мужъ“ Екатерины: 1) въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, отъ 20 го января 1767 г.: „Нѣтъ ничего хуже имѣть мужемъ ребенка. Я опытна по этой части и принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что всегда виноваты мужья, если они не любимы, потому что по истинѣ я бы очень любила своего, еслибы представлялась къ тому возможность и еслибы онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого“. (Сборникъ, X, 164); 2) въ письмѣ къ Гримму, отъ 25-го апрѣля 1774 г.: „Великая княгиня не беременна, какъ васъ увѣряли. На этотъ счотъ я не чувствую нетерпѣнія, да и не имѣю права на то: у меня самой не было дѣтей въ продолженіи девяти лѣтъ супружества; правда, впрочемъ, что обстоятельства были другія“ (Id., XIII, 400), и 3) въ письмѣ къ Гримму, отъ 14-го августа 1788 г.: „Марія Терезія находила своего мужа очень любезнымъ, чего я по совѣсти не могла сказать о своемъ, а вы знаете, что я не рождена для лжи“ (Id. XXIII, 462).

[3]) Сборникъ, XIX, 397.

этого соображенія, она извиняетъ неприличіе его поступка, но съ условіемъ, чтобъ онъ въ точности передалъ посланнику, что̀ сдѣлала она съ этой бумагой, причомъ императрица бросила бумагу въ огонь» [1]). Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что англійскій посланникъ совершенно точно передалъ своему правительству сообщеніе, сдѣланное ему графомъ Панинымъ и незаслуживающее никакого довѣрія. Мы пересмотрѣли всѣ депеши французскаго посланника Дюрана герцогу Д'Эгильйону за время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, и въ нихъ ни словомъ не упомянуто о фактѣ, сообщенномъ графомъ Панинымъ, о чемъ, конечно, посланникъ не могъ бы скрыть отъ своего правительства. Характеръ отношеній Дюрана къ Дидро обрисовывается въ депешахъ довольно опредѣленно и вполнѣ обличаетъ нелѣпость этого разсказа гр. Панина. Депеша англійскаго посланника помѣчена 12-мъ ноября; между тѣмъ, 6-го ноября французскій посланникъ сообщалъ герцогу д'Эгильйону: «Я сказалъ г. Дидро чего я ожидалъ бы отъ француза. Онъ обѣщалъ мнѣ уничтожить, если окажется возможнымъ, предубѣжденія императрицы противъ насъ и дать ей почувствовать, насколько ея слава могла бы пріобрѣсти блеска тѣснымъ союзомъ съ націею, болѣе, чѣмъ всякая другая, способною оцѣнить выдающіяся способности императрицы и придерживаться относительно ея благороднаго образа дѣйствій» [2]). Черезъ три недѣли, въ депешѣ отъ 27-го ноября, Дюранъ сообщаетъ: «ни Гримму, никому другому изъ лицъ, которыми пользуюсь для своихъ видовъ, я не повѣряю ничего такого, изъ чего они могли бы сдѣлать дурное употребленіе. Я сказалъ ему: «уничтожьте тѣ впечатлѣнія, которыя вы признаете ложными; покажите Россіи что̀ мы можемъ сдѣлать для ея славы и для взаимной пользы». Этотъ только видъ довѣрія не можетъ намъ повредить, но можетъ ослабить намѣренія вредить» [3]). Герцогъ д'Эгильйонъ вполнѣ одобрилъ такія отношенія посланника къ Дидро и въ депешѣ отъ 2-го декабря писалъ:

---

[1]) Сборникъ, XIX, 383.

[2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773: „J'ai dit à m-r Diderot ce que j'attendais d'un français. Il m'a promis d'effacer, s'il est possible, les préjugés de cette Princesse contre nous et de lui faire sentir ce que sa gloire pourrait acquérir d'éclat par une union intime avec une nation plus capable qu'une autre de rendre justice à ses qualités éminentes et de n'user avec Elle que de procedés nobles".

[3]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 27 novembre 1773: „Je ne confierai rien à M. Grimm ni aux autres personnes que j'emploie pour m'éclairer pour agir dont ils puissent faire un mauvais usage. Je leur dit: „Effacez des impressions que vous savez être fausses; montrez à la Russie ce que nous pouvons faire pour sa gloire et pour l'utilité reciproque". Cette apparence de confiance ne peut nous nuire et peut ralentir les dispositions où l'on serait de le faire".

«Увѣщанія, сдѣланныя вами г. Дидро, вполнѣ умѣстны; но я не знаю, можно-ли полагаться на его чувства настолько, чтобъ думать, что г. Дидро будетъ дѣйствовать сообразно тѣмъ принципамъ, о которыхъ вы ему напомнили: въ его недавно изданномъ сочиненіи встрѣчается мѣсто, по которому нельзя составить хорошаго мнѣнія о привязанности его къ родинѣ» [1]). И этому-то Дидро крайне осторожный французскій посланникъ долженъ былъ довѣриться настолько, чтобъ въ концѣ скомпрометтировать свое положеніе при петербургскомъ дворѣ! Наконецъ, упоминаніе о заточеніи въ Бастилью обличаетъ вымышленность всего разсказа. Для какой же цѣли былъ онъ вымышленъ графомъ Панинымъ? На это указываетъ одно мѣсто въ той же депешѣ англійскаго посланника [2]): въ это время боролись двѣ партіи, Панина и Орлова, и Панинъ искалъ себѣ союзниковъ, старался расположить въ свою пользу всѣхъ, особенно же дипломатическій корпусъ, такъ какъ было предположеніе назначить его канцлеромъ [3]).

«По пріѣздѣ въ Петербургъ—сказано въ запискахъ Тьебо—Дидро не мало забавлялъ императрицу плодовитостью и пылкостью своего воображенія, богатствомъ и оригинальностью мыслей, также краснорѣчіемъ, смѣлостью и задоромъ, съ которыми онъ открыто проповѣдовалъ безбожіе. Тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ придворныхъ сановниковъ, постарше другихъ лѣтами, поопытнѣе и помнительнѣе, представили вниманію государыни и убѣдили ее, что подобная проповѣдь могла бы принести опасныя послѣдствія, въ особенности при дворѣ, гдѣ многолюдная молодежь, предназначаемая къ высшимъ государственнымъ должностямъ, способна усвоить себѣ такое зловредное ученіе, болѣе увлекаясь юношескою воспріимчивостью, нежели слѣдуя умозаключительнымъ выводамъ. Тогда, говорятъ, императрица выразила желаніе, чтобы побудили Дидро къ молчанію о подобныхъ вопросахъ, но чтобы сдѣлали ему это внушеніе подъ рукою, т. е. безъ всякаго видимаго съ ея стороны участія и безъ принудительныхъ мѣръ. Вслѣдъ затѣмъ, однажды вечеромъ, сказали французскому философу, что одинъ русскій мыслитель, ученый математикъ и почетный членъ академіи, предлагаетъ доказать ему бытіе Божіе посредствомъ алгебраической формулы, при всемъ дворѣ, и такъ какъ Дидро заявилъ, что будетъ очень радъ выслушать эти доводы, которымъ, однако, онъ заранѣе не вѣритъ, то назначили день

---

[1]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.

[2]) Notwithstanding M-r Panin's sentiments, which I believe to be really averse to any connection with France, were it not for Count Orloff's presence, I should be very apprehensive of the success op their partisans here. Сборникъ, XIX, 385.

[3]) Durand au duc d'Aiguillon, 25 août 1773.

и часъ для предстоящаго пренія. Въ условленное время, въ присутствіи всего придворнаго общества, гдѣ было много молодыхъ людей, русскій философъ съ важностью подошелъ къ французскому и возгласилъ, тономъ убѣжденія: «милостивый государь, $\frac{a-l-b^n}{z}=x$; слѣдовательно, Богъ существуетъ; отвѣчайте-же». Дидро собрался было обличать несостоятельность и неприложимость этого доказательства, но чувствуя невольное смущеніе, обыкновенно ощущаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ у другихъ намѣреніе посмѣяться на нашъ счотъ, не могъ избѣгнуть заготовленныхъ на этотъ случай шуточекъ» [1]).

Этотъ же разсказъ, но въ иной формѣ, записанъ Карабановымъ: «Извѣстный Дидеротъ, бывъ въ Петербургѣ, имѣлъ съ Платономъ, тогдашнимъ учителемъ наслѣдника, разговоръ о вѣрованіи и началъ опровергать бытіе Бога. Нашъ первосвященникъ заткнулъ его уста, сказавши по латыни: «рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ» [2]).

Тьебо понимаетъ нелѣпость разсказа, недостойнаго ни важности предмета, ни положенія лицъ, которыя должны были принимать участіе въ «шуточкахъ», и спѣшитъ прибавить: «я не ручаюсь за дѣйствительность или точность всѣхъ этихъ фактовъ, но на Сѣверѣ они слыли достовѣрными, и я передалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ самъ слышалъ»; Карабановъ, записывая разсказъ «со словъ именитыхъ лицъ», искренно вѣритъ въ его правдивость.

Въ настоящее время, когда изданы всѣ сочиненія Дидро, утверждать, что Дидро вѣровалъ въ бытіе Бога, какъ мы вѣримъ, значило бы распространять такія же нелѣпости, какія распространяли Тьебо и Карабановъ. Равнымъ образомъ, теперь нельзя уже называть атеистомъ Дидро, который отвергалъ самый атеизмъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній, въ «Мысляхъ философскихъ», Дидро, тогда еще деистъ, хотя и дѣлавшій уже различіе «entre mon Dieu et celui des dévots», сожалѣетъ «истинныхъ атеистовъ, такъ какъ они лишены всякаго утѣшенія» [3]); но вскорѣ, пройдя чрезъ пантеистическую и натуралистическую философію [4]), онъ доказываетъ уже нелѣпость обвиненій въ атеизмѣ и повторяетъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гольбахомъ: «Если бы подъ словомъ атеистъ вы разумѣли человѣка, непризнающаго существованія той силы, которая присуща матеріи и безъ которой невозможно представить себѣ природу, и если бы вы назвали эту движу-

---

[1]) „Русская Старина“ изд. 1878 г. томъ XXIII, 576.

[2]) „Русская Старина“ изд. 1872 г. томъ V, 768.

[3]) Je plains les vrais athées—toute consolation me semble morte pour eux. Pensées philosophiques, XXII. Diderot, I, 134.

[4]) The Nineteenth Century, 1881, IV, 701.

щую силу Богомъ, то слово атеистъ было бы однозначуще съ словомъ умалишенный» [1]). Но оставимъ нелѣпыя по существу обвиненія въ атеизмѣ; для насъ важнѣе то обстоятельство, что Дидро никогда въ этомъ отношеніи не наспловалъ ни чьей совѣсти и даже относился съ уваженіемъ къ предразсудкамъ другихъ. «Я знаю ханжей, говоритъ Дидро; они способны только все заподозрѣвать и всѣхъ преслѣдовать. Я родился въ лонѣ римско-католической церкви и желаю умереть въ вѣрѣ моихъ отцовъ, которую я признаю хорошею настолько, насколько это возможно для человѣка, никогда не находившагося въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ божествомъ и не испытывавшаго чудесъ. Вотъ мое исповѣданіе вѣры; я почти увѣренъ, что ханжи будутъ имъ недовольны, хотя между ними нѣтъ, быть можетъ, ни одного, который былъ бы въ состояніи представить лучшее исповѣданіе» [2]). По отношенію къ Россіи, онъ прямо говоритъ: «Ея императорское величество не раздѣляетъ взгляда Бэйля, который утверждаетъ, что общество атеистовъ можетъ быть устроено также хорошо, какъ общество деистовъ, и лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ; она не думаетъ, какъ Плутархъ, что суевѣріе болѣе опасно по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе; она не называетъ религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, суевѣріемъ, разрѣшаемымъ законами, а суевѣріе—религіею, законами запрещаемою; она полагаетъ, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на дѣйствія людей, и что злодѣяніе, не останавливаемое висѣлицей, можетъ быть остановлено страхомъ наказанія въ будущей жизни. Несмотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли человѣчеству религіозныя мнѣнія, несмотря на неудобства системы, отдающей довѣрчивый народъ въ руки поповъ, всегда опасныхъ соперниковъ власти государственной, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и установляетъ законы болѣе твердые и болѣе священные, чѣмъ ихъ собственные—она убѣждена, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго между гражданами религіозными сектами, а между народами религіозною нетерпимостью, этимъ умопступленіемъ, противъ котораго нѣтъ лекарства. И такъ, остается только сообразоваться со взглядами ея величества при обученіи ея подданныхъ, и объяснять имъ различіе двухъ естествъ, существованіе Бога, безсмертіе души и будущую жизнь, какъ предварительныя свѣдѣнія о нравственности» [3]).

Представляется, поэтому, совершенно невѣроятнымъ, чтобы Дидро, будучи въ Петербургѣ, «открыто проповѣдывалъ безбожіе» или «опро-

[1]) Морлей, 189.
[2]) Diderot, I, 153.
[3]) Id., III, 490.

вергалъ бытіе Божіе». Эта невѣроятность, столь противорѣчащая характеру Дидро, переходитъ въ невозможность, вслѣдствіе внѣшней обстановки, приданной обоимъ разсказамъ. По единогласному отзыву всѣхъ современниковъ, Дидро былъ не столько замѣчательный писатель, какъ краснорѣчивый, увлекательный собесѣдникъ [1]), неутомимый, по словамъ Екатерины, въ диспутахъ [2]), котораго, конечно, не могли бы смутить, ни алгебраическая формула, лишенная смысла, ни текстъ изъ св. писанія. Менѣе всего можно было смутить Дидро алгебраической формулой: математика была его любимымъ занятіемъ, его gagne-pain, такъ какъ онъ не только давалъ уроки математики, но и писалъ математическіе мемуары [3]). Не менѣе удаченъ и выборъ Платона въ собесѣдники Дидро. Платонъ, конечно, не осрамилъ бы себя аргументомъ, который приписываютъ ему «именитые люди», но слабыя головы. Это былъ человѣкъ, получившій для своего времени хорошее образованіе, и, что въ данномъ случаѣ особенно важно, онъ, по словамъ своего ученика, великаго князя Павла Петровича, «поставлялъ за правило показывать всегда заключающихся въ святомъ писаніи уставовъ и бытій съ естественнымъ разумомъ согласованіе и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія» [4]). Платону вовсе не къ лицу замѣнять «здравыя человѣческія разсужденія» текстомъ св. писанія.

Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ больной. Невская вода дѣйствовала довольно вредно [5]) на его желудокъ. Едва оправившись, онъ, въ половинѣ ноября, вновь захворалъ и недѣли три не выходилъ изъ дому. Въ письмѣ къ вице-канцлеру князю Голицыну, которое помѣчено «днемъ св. Екатерины», 24-мъ ноября, Дидро говоритъ, что уже десять дней, какъ не выходитъ изъ дому, страдая желудкомъ [6]). «Ея императорское величество была такъ добра, что предложила мнѣ пищу въ Царскомъ

---

[1]) Mormontel, ed. Barrière, V, 315; Correspondance littéraire, XIII, 207; D'Escherny, Melanges de littérature, II, 98. Морлей, 29.

[2]) Сборникъ, XXIII, 33.

[3]) Mémoires sur différents sujets de mathématique. Diderot, IX, 73—182. Сверхъ того, въ Публичной библіотекѣ хранится неизданная еще рукопись, въ четверку, озаглавленная „Premiers principes sur les mathématiques".

[4]) Христіанская богословія для употребленія великаго князя Павла Петровича, сочиненная іеромонахомъ Платономъ. Спб. 1765. Въ концѣ книги два приложенія: 1) Разсужденіе о Мельхиседекѣ, его императорскому высочеству поднесенное, и 2) письменный отвѣтъ его императорскаго высочества на оное разсужденіе, откуда и заимствованы приведенныя нами слова (стр. 169).

[5]) J'ai eu deux fois la neva à Pétersbourg. La néva est la diarrhée que donnent les eaux de cette rivière. Diderot, XX, 58.

[6]) Diderot, XX, 88.

Селѣ, но эта ниша осталась безъ святаго» [1]). Въ половинѣ февраля, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Дидро опять прихворнулъ, на этотъ разъ довольно сильно—спазмами въ груди, которыя, впрочемъ, вскорѣ прошли [2]). Это и неудивительно: въ 1773 году, лѣто было дождливое, холодное, зима — вялая, безснѣжная, причемъ постоянно дули холодные вѣтры. Почти всѣ иностранцы, посѣтившіе Петербургъ по случаю бракосочетанія великаго князя, захворали: «ландграфиня гессенъ-дармштадтская, ея дочери и вся свита переболѣли» [3]), Гриммъ схватилъ лихорадку [4]), полковникъ графъ Гёрцъ, пріѣзжавшій съ поздравленіемъ отъ Фридриха II, простудился [5]).

Екатерина приняла Дидро какъ дорогого гостя. Она подарила ему, кромѣ цвѣтного костюма, въ которомъ онъ могъ являться во дворецъ, дорогую шубу и муфту [6]), приняла на свой счетъ всѣ расходы по содержанію его въ домѣ Нарышкина [7]). По желанію Екатерины, академія наукъ избрала Дидро своимъ членомъ [8]), академія художествъ—почетнымъ вольнымъ общникомъ [9]). Екатерина дивилась его глубокимъ познаніямъ, особенно же его смѣлому уму, плѣнялась его бесѣдой, признавала его человѣкомъ необыкновеннымъ. Вотъ что она писала Вольтеру отъ 27-го декабря 1773 года: «Дидро, здоровье котораго еще слабо, останется у насъ до февраля. Я вижусь съ нимъ очень часто и наши

---

[1]) Это подтверждается неизданнымъ письмомъ Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 6-го декабря 1773 г., изъ Царскаго Села, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Denis a été constamment incommode et n'a pu venir ici".

[2]) Изъ неизданнаго письма Гримма къ графу Нессельроду, отъ 1 марта 1774 г.: „Denis a encore été malade". Подробности болѣзни разсказаны Дидро въ письмѣ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 г. (Diderot, XX, 59).

[3]) Д. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 87.

[4]) Изъ неизданнаго письма Гримма къ графу Нессельроду; „Etant allé il y a quinze jours à Sarskosélo à la suite de l'Impératrice, je me suis trouvé attaqué le surlendemain d'une fièvre reglée".

[5]) Le comte de Goerz s'est levé aujourd'hui de son lit pour avoir son audience de congé, et puis je crois qu'il se recouché. Il est malade des suites d'un refroidissement. Il a été saigné, je crois qu'il sera obligé de garder quelques jours la chambre et peut-être même le lit avant de se mettre en route. Неизданное письмо Гримма къ графу Нессельроду, отъ 17 января 1774 г.

[6]) Неизданное письмо Гримма къ гр. Нессельроду отъ 19-го ноября 1773 г.: Denis recevra tout à l'heure de Sa Majesté une belle pelisse et un beau manchon.

[7]) C'est une dette à l'acquit de Sa Majesté Impériale, qui y a consenti. Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2.

[8]) L'Impératrice m'a cruellement humilié en me faisant nommer membre de l'Academie impériale des sciences en même temps que Denis. Неизданное письмо Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 19-го ноября 1773 г.

[9]) Мѣсяцословъ, l. c.

бесѣды нескончаемы. Не знаю, очень-ли скучаетъ онъ въ Петербургѣ, что же касается меня, я бесѣдовала бы съ нимъ всю жизнь безъ скуки. Я нахожу у Дидро неистощимое воображеніе и ставлю его въ разрядъ самыхъ необыкновенныхъ людей, которые когда либо существовали» [1]). Этому можно вѣрить: всѣ, кто зналъ Дидро, увлекались имъ; Екатерина, окруженная людьми и мало образованными, и непривычными работать мозгами въ такой мѣрѣ, какъ Дидро, увлеклась имъ до того, что уговаривала его остаться навсегда при ней, въ качествѣ совѣтника и помощника [2]). Съ своей стороны, Дидро искренно восторгался Екатериной. «Ахъ, друзья мои — пишетъ онъ изъ Гаги, отъ 15-го іюня 1773 года—какая государыня, что за необыкновенная женщина! Это душа Брута въ образѣ Клеопатры [3])—мужество одного и прелести другой; невѣроятная твердость въ мысляхъ со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи; любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени; полное знаніе дѣлъ своего государства» [4]). Незнакомый съ Россіею или, что еще хуже въ данномъ случаѣ, знавшій Россію и русскіе порядки такими, какими ихъ рисовала ему Екатерина, Дидро совершенно искренно говорилъ повсюду, что онъ «имѣлъ душу раба въ странѣ людей, которыхъ называютъ свободными, и обрѣлъ душу человѣка свободнаго въ странѣ людей, которыхъ называютъ рабами» [5]). Онъ говорилъ это императрицѣ въ глаза и она выслушивала его съ удовольствіемъ [6]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, не стѣсняясь, говорилъ всѣмъ, что «идеи, будучи перенесены изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ иной цвѣтъ» [7]), и громко говорилъ всѣмъ, кто только желалъ слушать, что «подъ 60° широты блекнутъ идеи, цвѣтущія подъ 48°» [8]).

Обласканный императрицею, Дидро, конечно, былъ хорошо принятъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, Дидро писалъ въ прощальномъ письмѣ къ Екатеринѣ: «Не могу умолчать о безчисленныхъ любезностяхъ, оказанныхъ мнѣ почти всѣми вельможами вашего двора. Вездѣ, гдѣ я ни показывался, мнѣ воздавали

---

[1]) Сборникъ, XIII, 377.

[2]) Je me souviens qu'entre les motifs que Sa Majesté employait pour m'attacher à sa personne, elle me disait que le courant des affaires journalières consumait tout son temps, et qu'en me fixant auprès d'elle, elle m'occuperait à méditer sur différents textes relatifs à la législation. Государственный Архивъ, V, № 159, л. 8. Ср. Сборникъ, XVII, 3.

[3]) Diderot, XX, 39,

[4]) Diderot, XIX, 348. Кн. П. Вяземскій, V, 205.

[5]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2.

[6]) Id., л. 3-й.

[7]) Diderot, XX, 40.

[8]) Сборникъ, XVII, 282.

гораздо болѣе, чѣмъ заслуживало мое скромное достоинство» [1]). Года черезъ два, онъ пишетъ Екатеринѣ то же самое: «Русскіе вельможи сдѣлали мнѣ такой пріемъ въ Петербургѣ, за который я могу поблагодарить только тѣмъ, что никогда его не забуду» [2]). Былъ-ли этотъ пріемъ искрененъ? Полагаемъ, да. Чужестранецъ, никому не мѣшавшій и ни во что не вмѣшивавшійся, Дидро являлся въ петербургскомъ обществѣ гостемъ императрицы, чего уже было вполнѣ достаточно, чтобъ обезпечить ему тотъ хорошій пріемъ, о которомъ онъ говоритъ; какъ человѣкъ высокообразованный, онъ не обращалъ вниманія на мелочи, на внѣшность, и вынесъ убѣжденіе, что его принимали даже лучше, чѣмъ онъ заслуживалъ. Между тѣмъ, по отзыву лицъ, высокоцѣнившихъ Дидро, его принимали въ петербургскомъ обществѣ довольно холодно. «Нашъ другъ Денисъ—пишетъ генералъ-квартирмейстеръ Ѳ. В. Бауеръ графу Нессельроду—живетъ здѣсь тихо, въ уединеніи, и меня особенно печалитъ, что заслуги чаще всего при полномъ свѣтѣ остаются въ тѣни. Не знаю, гдѣ искать причину этого. Быть можетъ, придаютъ особое значеніе внѣшности, не обращая вниманія на внутреннія достоинства и потому вводятся въ обманъ; быть можетъ, тѣ идеи, которыя подъ 48° широты находятся въ полномъ цвѣту, мерзнутъ подъ 60°, или здѣсь недостаетъ теплоты, необходимой для воспріятія чувствованій. Гриммъ многое поразскажетъ вамъ по этому поводу» [3]). Намъ неизвѣстно, что разсказывалъ по этому поводу Гриммъ при свиданіи съ графомъ Нессельродомъ; но въ своихъ письмахъ Гриммъ подтверждаетъ именно первую догадку Бауера: «Дидро былъ здѣсь такимъ же чудакомъ, какъ и въ Парижѣ, и такъ какъ здѣсь вовсе не привыкли ни къ чему подобному, то онъ казался еще болѣе страннымъ» [4]). Другими словами: судили и осуждали Дидро за его странности, шокировавшія петербургское общество, воспитанное исключительно на внѣшнемъ лоскѣ.

У Дидро были недоброжелатели, но не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и Берлинѣ. Одинъ изъ парижскихъ книгопродавцевъ, оскорбленный письмомъ Дидро, попавшимъ въ печать, распускалъ про него всевозможныя нелѣпости, иногда даже оскорбительныя сплетни, которыя, впрочемъ, не доходили до Дидро [5]); въ Берлинѣ были недовольны Дидро

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 9.

[2]) Id., л. 6-й.

[3]) Мы не могли отыскать писемъ генерала Бауера къ гр. Нессельроду, и пользовались только отрывками, напечатанными въ „Сборникѣ“ русскаго историческаго общества, XVII, 282.

[4]) Il a été aussi étrange ici qu'à Paris et comme on n'est pas fait ici à ces allures, il l'a paru bien d'avantage. Изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 7-го февраля 1774 года.

[5]) Ce qu'il y a de bon, c'est que Denis ne sait rien de toutes ces horreurs-là. Id.

за то, что онъ не желалъ посѣтить короля Фридриха II, о чемъ такъ много хлопотали въ Петербургѣ и прусскій посолъ, и полковникъ графъ Гёрцъ [1]). Но все это ни мало не касалось петербургскаго общества. Наконецъ, если и принять за достовѣрное, что «Дидро встрѣтилъ со стороны Павла Петровича холодный пріемъ» [2]), то ни положеніе великаго князя при дворѣ Екатерины, ни его отношенія къ петербургскому обществу не могутъ служить опроверженіемъ словъ Дидро о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ ему русскими вельможами. Это подтверждается и связями Дидро съ сторонниками обѣихъ партій, боровшихся при дворѣ еще наканунѣ пріѣзда Дидро въ Петербургъ: Дидро жилъ въ домѣ Нарышкина, приверженца графа Орлова, и переписывался съ княгинею Дашковою, державшею сторону графа Панина [3]). Изъ Петербурга Дидро написалъ ей два письма, свидѣтельствующія о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ними во все время пребыванія Дидро въ Петербургѣ [4]). Несомнѣнно, конечно, что въ Петербургѣ Дидро не сошелся ни съ однимъ изъ русскихъ выдававшихся въ то время дѣятелей такъ близко, какъ съ императрицей Екатериною или съ княгинею Дашковою. «Дидро не одержалъ здѣсь — пишетъ Гриммъ—ни одной побѣды, кромѣ какъ надъ императрицею, такъ какъ не всѣ, вѣдь, подобно ей, способны сживаться и уважать странности

---

[1]) Графъ Нессельродъ очень интересовался поѣздкой Дидро въ Берлинъ и просилъ Гримма содѣйствовать въ этомъ случаѣ петербургскимъ представителямъ прусскаго короля, вслѣдствіе чего Гриммъ сообщалъ графу Нессельроду всѣ подробности бывшихъ по этому поводу переговоровъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ въ пяти письмахъ, при чемъ самъ отказывается имѣть въ этомъ отношеніи какое-либо вліяніе на Дидро (отъ 6-го, 28-го и 30-го декабря 1773 года и 14-го января и 7-го февраля 1774 года).

[2]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 107. Въ депешѣ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннинга, отъ 7-го января 1774 г., значится: „The Great Duke hitherto manifested the greatest aversion to every thing which borders upon flattery, of which he has lately given an instance in his treatment of M. Diderot after some very fulsome compliments he had made him, and whose abominable opinions inspire him with as much contempt as horror". (Сборникъ, XIX, 397). На отзывъ сэра Роберта Гуннинга полагаться нельзя; именно онъ и есть тотъ „un certain ministre étranger", о которомъ Гриммъ говоритъ слѣдующее въ неизданномъ письмѣ къ графу Нессельроду, отъ 14-го января 1774 г.: „Il faut que vous sachiez, qu'un certain ministre a fait les honneurs de la feuille que vous m'avez envoyée sans en retirer beaucoup d'honneur. Vous ne sauriez croire toutes les persécutions obscures et sourdes que Denis a essayées ici; mais ce n'est pas là un bon moyen de faire retirer de dessus lui cette main protectrice qui fit jadis son sort: au contraire ces essais ne tournent à mal que pour leurs auteurs".

[3]) Записки М. А. Фонвизина, въ „Русской Старинѣ" 1884, апрѣль, стр. 60 sqq.

[4]) Diderot, XX, 39 и 40.

генія» [1]). Генералъ Бауеръ былъ совершенно правъ, сожалѣя по этому поводу не о Дидро, а о русскихъ, неумѣвшихъ пользоваться его знакомствомъ, отъ котораго, по мнѣнію Бауера, они могли только выиграть [2]).

Гость императрицы посѣтилъ, въ Петербургѣ, любимое учрежденіе Екатерины—Смольный институтъ. Люди, не обладающіе историческимъ пониманіемъ явленій, способны глумиться надъ заботами Екатерины II по созданію копіи съ «королевскаго дома Сэн-Спра»; они не въ состояніи оцѣнить всего значенія для русской культуры этого института, который вносилъ въ русскую семью болѣе мягкіе нравы. Дидро, незнакомый съ Россіею, чутьемъ понималъ необходимость для русскаго общества подобныхъ учрежденій и, конечно, рукоплескалъ смѣлой мысли Екатерины обратить театръ въ школу хорошихъ манеръ и добрыхъ нравовъ для дѣтей, видѣвшихъ дома нерѣдко только примѣры грубаго обращенія и темнаго невѣжества. Екатерина просила Дидро «начертать планъ двухъ характерныхъ комедій и устроить приличный маленькій театръ для дѣтей» [3]); она разсказывала ему, полушутя-полусерьезно, какъ Вольтеръ все обѣщалъ ей написать «комедіи для дѣвицъ» и, за преклонностію лѣтъ, не исполнилъ своего обѣщанія. «Комедіи для молодыхъ дѣвицъ будутъ составлены — пишетъ Дидро Екатеринѣ — и притомъ прежде, чѣмъ я достигну преклонныхъ лѣтъ Вольтера» [4]). Въ настоящее время трудно сказать какія именно изъ своихъ драматическихъ произведеній Дидро предназначалъ для Екатерины и можно лишь догадываться, что къ числу такихъ относится планъ комедіи «Train du monde ou les moeurs honnêtes comme elles le sont» [5]).

Посѣщалъ Дидро и другія общеобразовательныя учрежденія Петербурга; между прочимъ, и шляхетный кадетскій корпусъ, воспитанники котораго вовсе не предназначались исключительно для военной службы [6]). Корпусъ произвелъ на Дидро довольно сильное впечатлѣніе, судя по тому, что Дидро вспомнилъ о немъ въ своемъ опроверженіи сочиненія Гельвеція «L'homme» [7]). На замѣчанія Гельвеція, что «физическое воспитаніе пренебрежено почти у всѣхъ европейскихъ народовъ», Дидро возражаетъ: «Физическое воспитаніе вовсе не пренебрежено въ Петербургѣ», и ссылается на корпусъ.

Нерѣдко заходилъ Дидро и въ мастерскую Фальконэ, гдѣ стояла

---

[1]) Изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 30-го декабря 1773 г.

[2]) Сборникъ, XVII, 282.

[3]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2.

[4]) Id., л. 5-й.

[5]) Diderot, VIII, 245.

[6]) Сборникъ, XVII, 3.

[7]) Réfutation suivie de l'ouvrage d'Helvetius intitulé „L'Homme" (Diderot, II, 263—456). См. section X, chapitre IV (p. 451).

совсѣмъ уже готовая и ждала только отливки знаменитая конная статуя Петра В. Какъ ни глубоко огорчилъ Фальконэ своего друга, въ первый же моментъ его пріѣзда въ Петербургъ, Дидро, всегда справедливый и искренній, съ восторгомъ привѣтствовалъ великое произведеніе художника. Въ письмѣ отъ 5 декабря 1773 года Дидро такъ описываетъ статую: «Конь колосаленъ, но легокъ; онъ мощенъ и граціозенъ; его голова полна ума и жизни. Сколько я могъ судить, онъ исполненъ съ крайнею наблюдательностью, но глубоко изученныя подробности не вредятъ общему впечатлѣнію; все сдѣлано широко. Ни напряженія, ни труда не чувствуешь нигдѣ; подумаешь, что это работа одного дня... Герой сидитъ хорошо. Герой и конь сливаются въ прекраснаго центавра, человѣческая, мыслящая часть котораго составляетъ, по своему спокойствію, чудный контрастъ съ животною, вскрючивающеюся частью. Рука эта хорошо повелѣваетъ и покровительствуетъ; ликъ этотъ внушаетъ уваженіе и довѣріе; голова эта превосходнаго характера, она исполнена съ глубокимъ знаніемъ и возвышеннымъ чувствомъ; это чудесная вещь... Трудъ этотъ, какъ истинно прекрасное произведеніе, отличается тѣмъ, что съ перваго же взгляда кажется прекраснымъ; когда же смотришь его во второй, третій, четвертый разъ, оно представляется еще болѣе прекраснымъ. Покидаешь его съ сожалѣніемъ и всегда охотно къ нему возвращаешься» [1]).

28-го сентября (9 октября) 1773 года Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ и, пробывъ почти пять мѣсяцевъ въ гостяхъ у Екатерины, 22-го февраля (5-го марта) 1774 года выѣхалъ изъ города [2]). «Екатерина приказала отпустить мнѣ англійскую карету, совершенно новую, въ которой я могъ и сидѣть, и лежать, какъ въ постели, и снабженную всѣмъ, относившимся до безопасности и удобства моего путешествія. Эта прелестная карета сломалась подъ Митавой, т. е. около двухсотъ тридцати лье отъ Петербурга» [3]). Согласно желанію Дидро, Екатерина дала ему проводника, «очень любезнаго и порядочнаго человѣка, умнаго и образованнаго» [4]), который сопровождалъ его до Гаги. «Тысячу благодарностей вашему величеству—пишетъ Дидро Екатеринѣ на третій день по пріѣздѣ въ Гагу — за проводника, котораго вы соблаговолили избрать для меня. Это очень милый человѣкъ, очень любезный, весьма кроткій и весьма образованный человѣкъ, съ которымъ можно говорить объ исторіи, политикѣ, правленіи, законодательствѣ, поэзіи, что мы и дѣлали; съ нимъ можно также говорить много о любви и немножко о

[1]) Diderot, XVIII, 192. Сборникъ, XVII, XXXV.

[2]) Partis le cinq du mois de mars. Государственный Архивъ, V, № 159, л. 11-й. Ср. Сборникъ, XVII, XXXVII.

[3]) Государственный Архивъ, XI, № 1051.

[4]) Id.

поэзіи. Онъ сказалъ мнѣ вчера: дорога показалась мнѣ такою короткою, что какъ-то не вѣрится будто мы уже пріѣхали. Изъ этого ваше императорское величество можете заключить, что г. Баллà не изъ тѣхъ, которые скоро утомляются отъ постояннаго вниманія» [1]). Вмѣсто полуторы тысячи, какъ желалъ Дидро, Екатерина дала ему 3,000 рублей на проѣздъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказала г. Баллà уплачивать всѣ путевыя издержки за ея счотъ [2]). «Кстати, по поводу честнаго слова, пишетъ Дидро Екатеринѣ изъ Гаги. Ваше величество поколебали нѣсколько довѣріе, которое я имѣлъ къ вашему слову. Вы не погнушались подписать договоръ, который нѣкій философъ осмѣлился предложить вамъ. И что же? этотъ договоръ былъ нарушенъ по всѣмъ пунктамъ, точь въ точь какъ бываетъ съ договорами между государями. Ахъ, еслибъ турки узнали объ этомъ! Въ этомъ договорѣ было сказано, что ея императорское величество возвратитъ этого философа подъ его кровъ такимъ, какимъ онъ былъ, когда выѣхалъ оттуда. Случилось совершенно противуположное. Онъ поѣхалъ, погостилъ, вернулся, не раскрывъ своего кошелька. Даже всѣ маленькіе убытки, которые онъ потерпѣлъ въ пути, были покрыты; весьма любезный и образованный проводникъ, котораго ему дали, смѣялся надъ его протестами. И вотъ, государыня, въ этомъ договорѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничего не оказалось священнаго, и сильнѣйшій, по обычаю, предписалъ свой законъ слабѣйшему» [3]).

Въ послѣднее свое свиданіе съ Дидро, Екатерина запретила ему прощаться съ нею, подъ тѣмъ предлогомъ, что «прощанье наводитъ грусть» [4]). За нѣсколько дней до отъѣзда, Дидро простился съ императрицею письмомъ. «Я возвращаюсь—писалъ онъ—осыпанный милостями вашего величества и полный удивленія къ вашимъ рѣдкимъ качествамъ. Всю мою жизнь буду почитать себя счастливымъ, что совершилъ путешествіе въ Петербургъ. Всю мою жизнь буду вспоминать я тѣ минуты, когда ваше величество забывали неизмѣримое разстояніе, насъ раздѣлявшее, и не пренебрегали снизойти ко мнѣ, чтобъ отъ меня самого скрыть мое ничтожество. Я горю желаніемъ сообщить это своимъ соотечественникамъ, и то удовольствіе, которое я уже предвкушаю, нѣсколько умѣряетъ горечь настоящей минуты» [5]). Это не были пустыя любезности: Дидро, дѣйствительно, былъ очарованъ Екатериной, которая оставила замѣтный слѣдъ въ его жизни. Благодаря Екатеринѣ, Дидро

---

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 11-й.

[2]) Въ неизданномъ письмѣ Гримма къ графу Нессельроду, отъ 1 марта 1774 г., говорится: „L'Impératrice lui a donné trois mille roubles pour ses frais de voyage qui ne lui couteront rien, puisqu'elle le fait reconduire".

[3]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 1-й.

[4]) Id., XI, № 1051.

[5]) Id., V, № 159, л. 9-й.

былъ обезпеченъ въ матерьяльномъ отношеніи; ему не нужно уже было ни бѣгать по урокамъ, ни писать за деньги. Онъ получилъ фактическую увѣренность, что Екатерина, доставившая ему возможность «жить безъ работы», предоставитъ ему и средства «умереть спокойно» [1]). По возвращеніи изъ Петербурга, «главнымъ предметомъ разговоровъ Дидро сдѣлалась Россія; онъ передавалъ свои русскія впечатлѣнія, сообщалъ массу интересныхъ анекдотовъ о Россіи» [2]).

Очевидно, петербургское общество произвело на Дидро впечатлѣніе, источникъ и сила котораго заключались въ Екатеринѣ. Какое же впечатлѣніе оставилъ по себѣ Дидро въ петербургскомъ обществѣ?

Еще при жизни Дидро, слѣдовательно, до революціи, извратившей взглядъ на представителей философической партіи, Фонвизинъ, все таки одинъ изъ образованныхъ и, сравнительно, болѣе развитыхъ русскихъ людей, писалъ изъ Парижа, въ 1778 году: «Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не глушаются и они человѣческою слабостью.

---

[1]) Весной 1779 года Дидро обратился къ Екатеринѣ съ просьбою прислать ему 2,000 рублей. Это письмо Дидро не сохранилось. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 18 мая 1779 года, Екатерина приписываетъ: „Mais j'oubliais de vous dire que si vous avez de mon argent deux mille roubles que dans ce moment-ci vous ne savez encore où placer ou comment dépenser, vous ayez la bonté de les donner à Denis Diderot, qui connaît l'emploi qu'il en fera". (Сборникъ, XXIII, 141). Черезъ мѣсяцъ, письмомъ отъ 29 іюня, Дидро благодаритъ уже императрицу за деликатную присылку денегъ: „Votre bienfaisance se serait dérobée à la connaissance de mon ami (Grimm), si je ne l'en avais instruit". Государственный Архивъ, V, № 159, л. 7-й.

[2]) D'Escherny, Mélange de littérature, II, 114. Diderot, XX, 137. Въ 20-ти томахъ полнаго собранія сочиненій Дидро помѣщенъ только одинъ „Anecdote de Pétersbourg", но и тотъ болѣе тенденціозный, чѣмъ интересный: актриса посѣщаетъ усердно мессы; во время ея отсутствія, въ ея квартирѣ происходятъ всевозможныя несчастія, и она рѣшается никогда болѣе не ходить въ церковь. (Diderot, V, 501). Столь же тенденціозенъ, но все же болѣе остроуменъ анекдотъ, вставленный въ „Entretien d'un philosophe avec la maréchale de ***". Іезуитъ пинской коллегіи въ Литвѣ, Богола, умеръ; послѣ него осталась шкатулка, наполненная серебромъ, и собственноручная записка слѣдующаго содержанія: „Прошу моего возлюбленнаго брата, хранителя сей шкатулки, открыть ее послѣ того, какъ я стану дѣлать чудеса. Денегъ, въ ней заключающихся, достаточно для признанія моей святости. Въ шкатулкѣ находятся и мои мемуары, которые подтвердятъ, что я велъ жизнь святого, и которыми можетъ воспользоваться тотъ, кто будетъ составлять мое житіе". (Diderot, II, 522). Издатели „Oeuvres complètes de Diderot" говорятъ, что этотъ „Разговоръ" написанъ въ 1776 году, между тѣмъ Дидро прислалъ его Екатеринѣ при письмѣ отъ 13 сентября 1774 г. (Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2-й) и Екатерина упоминаетъ объ немъ, какъ объ общеизвѣстномъ, въ письмѣ къ Гримму, отъ 20 іюня 1775 г. (Сборникъ, XXIII, 28).

Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе... Кромѣ Руссо видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ... Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Д'Аламбертъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію... Чуть-ли Руссо не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка» [1]). Письма Фонвизина изъ заграничныхъ его путешествій вообще не свидѣтельствуютъ ни объ его умѣ, ни объ его наблюдательности; все же въ этихъ письмахъ, касающееся философовъ и авторовъ— просто нелѣпость, и князю П. А. Вяземскому не стоило большого труда опровергнуть ее [2]). Тѣмъ не менѣе, Фонвизинъ былъ человѣкъ для своего времени выдающійся и по своимъ дарованіямъ, и по своимъ познаніямъ; его взглядъ на философовъ раздѣляло громадное большинство, какъ взглядъ чисто народный, русскій, приравнивавшій Парижъ къ Угличу [3]), и не мы, конечно, можетъ удивляться этому, видя, какъ, сто лѣтъ послѣ Фонвизина, невѣжество и отсталость имѣютъ успѣхъ въ качествѣ основъ народно-русскаго направленія. Въ послѣдніе же годы прошлаго вѣка, даже графъ П. С. Потемкинъ, нѣкогда съ восторгомъ переводившій французскихъ философовъ, находилъ, что «прахъ Вольтера, Руссо, Рейналя и Дидро заслуживаетъ всемірнаго проклятія» [4]). Съ такимъ взглядомъ на философовъ вступило русское общество въ XIX-е столѣтіе. Грибоѣдовъ вѣрно подмѣтилъ это настроеніе и заклеймилъ его стихомъ:

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Это настроеніе живо и до сихъ поръ; оно выражается въ давнишнемъ запрещеніи ввозить въ предѣлы Россіи произведенія французскихъ философовъ, въ томъ числѣ и Дидро.

---

[1]) Фонъ-Визинъ, ред. П. А. Ефремова, 1866, стр. 343, 438, 443, 447.
[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1880, т. V.
[3]) Фонъ-Визинъ, стр. 440.
[4]) „Русская Старина“ изд. 1872 г. томъ V, 346.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XV [1]).

Изъ описанія педагогической дѣятельности Михаила Яковлевича [2]) видно, что развѣ по какому либо чуду какой нибудь изъ его учениковъ не былъ высѣченъ имъ въ теченіи трети. Самъ старшій и авдиторы наши не избѣгали лозы; для нихъ даже была не очень завидная привиллегія. Такъ какъ они, особенно старшій, были рослые и здоровые ребята, то ихъ всегда держали четыре или даже пять человѣкъ. Потомъ Михаилъ Яковлевичъ или назначалъ сѣкутора, разумѣется лучшаго, или самъ отправлялъ должность его. Такимъ образомъ старшаго и авдиторовъ сѣкли хоть и рѣдко, за то крѣпко, какъ мы говаривали. Затѣмъ едва ли не цѣлая половина плебеевъ ложилась подъ лозу прежде, нежели исчезали слѣды предъидущаго сѣченья и такимъ образомъ на старые узоры и ленты накладывались новые. Бывали счастливыя недѣли, когда иному счастливцу приходилось лежать подъ лозою каждый день; но два раза въ день рѣдко сѣкали. У иныхъ педагогическая часть тѣла приходила въ натуральное свое положеніе развѣ только во время домовыхъ отпусковъ и то въ томъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614 (начало XV гл.).

[2]) Соборный священникъ въ городѣ Каспмовѣ, Мих. Яковл. Миртовъ, учитель духовнаго училища.

только случаѣ, если и тамъ отецъ или мать не высѣкутъ его за что нибудь. Человѣколюбивое обращеніе съ нами всего лучше можно было видѣть лѣтомъ, когда мы отрядами отправлялись купаться на Оку; тутъ-то и мы сами, и сторонніе люди могли замѣтить, что на рѣдкомъ изъ насъ не было слѣдовъ розги. Другъ предъ другомъ намъ нечего было скрываться, но чтобы сторонніе, особенно мѣщанскіе мальчишки, злые наши враги, надъ нами не смѣялись, мы старались купаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы кромѣ насъ никого не было.

Глава XVI.

О характерѣ учениковъ духовныхъ училищъ.

Послѣ описанія училищныхъ зданій и нашего учителя не надобно забывать и учениковъ, моихъ товарищей; необходимо описать господствовавшіе въ нихъ духъ и настроеніе. Такое описаніе тѣмъ необходимѣе, что впослѣдствіи оно поможетъ мнѣ многое объяснить и въ семинаристахъ, и въ духовенствѣ.

Въ то время, какъ я поступилъ въ училище, среднимъ числомъ къ лучшимъ ученикамъ принадлежали преимущественно сироты, дѣти причетниковъ и дьяконовъ, а сыновья священническіе очень рѣдко учились хорошо. Это странное, повидимому, явленіе объясняется тѣмъ, что тогда еще немного было священниковъ, кончившихъ курсъ семинаріи; большинство почти столько же были учены, какъ причетники и дьяконы; да и значительная часть самихъ ученыхъ іереевъ отличались своею ученою спѣсью, полагали, что учивши на латинскомъ языкѣ словесность, философію и богословіе и потомъ почти все забывши, они необыкновенно умны. Естественно, что такіе священники также мало умѣли развивать умственныя способности дѣтей, какъ причетники и дьяконы. Дѣти первыхъ только перенимали спѣсь отъ своихъ отцовъ и, живя въ нѣкоторомъ довольствѣ и имѣя возможность лакомиться, пріучились и къ лѣни, и къ мотовству, и къ другимъ недостаткамъ. Тогда какъ дѣти дьяконовъ и причетниковъ, равно какъ и всѣ вообще сироты—и отъ родныхъ своихъ слышали, и сами иногда доходили до сознанія, что имъ только чрезъ ученье можно достигнуть чего нибудь въ жизни; кромѣ того, терпя больше горя

и лишеній и менѣе знакомясь съ радостями и нѣгою, нежели поповскія дѣти, они лучше послѣднихъ пріучились къ труду. Поповскій сынъ могъ, кромѣ того, надѣяться, что онъ отъ отца что нибудь получитъ въ наслѣдство, а причетническимъ дѣтямъ и сиротамъ вообще, по поговоркѣ духовенства, надобно было отложить попеченіе объ этомъ. Сюда же слѣдуетъ присоединить то обстоятельство, что тогда дѣтей живыхъ священниковъ было въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ гораздо менѣе, нежели дѣтей сиротъ и дѣтей причетниковъ и дьяконовъ; потому что священники составляли почти четвертую часть духовенства и многія дѣти ихъ исключались за шалости и неуспѣшность. Но въ училищахъ большинство всегда возьметъ верхъ надъ меньшинствомъ, когда въ первомъ много болѣе умныхъ, нежели въ послѣднемъ. Такимъ образомъ, говоря вообще, сироты, причетническія и дьяконскія дѣти составляли у насъ господствующую партію, задавали, такъ сказать, тонъ всему и священническія должны были поддѣлываться къ ихъ духу или, по пословицѣ, плясать по ихъ дудкѣ.

Далѣе извѣстно, что и нынѣ, и прежде причтъ почти всегда не ладилъ съ священникомъ, завидовалъ ему и даже ненавидѣлъ его. Дѣло понятное. Священникъ получаетъ болѣе, нежели вдвое дохода въ сравненіи со всѣмъ причтомъ, можетъ его притѣснять, отнимать или скрывать отъ него часть доходовъ и дѣлать разныя другія непріятности. Нынѣ священники большею частью умнѣе и образованнѣе прочихъ членовъ причта, поэтому послѣднимъ какъ-то легче переносить превосходство и прижимки перваго; а въ былое время, какъ я сейчасъ сказалъ, и попъ былъ также образованъ, какъ дьячокъ, и очень часто началъ свою службу именно дьячкомъ и только благодаря кое-какимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, а не личнымъ достоинствамъ, попалъ въ попы. Ну за что же причту любить священника? Какъ не питать къ нему и зависти, и ненависти, и другихъ враждебныхъ чувствъ? Все это неизбѣжно почти переходитъ къ дѣтямъ. Вѣдь они слышатъ, какъ отецъ ихъ бранитъ священника, вѣрятъ словамъ ихъ и сами въ свою очередь ненавидятъ поповъ, а потомъ и поповскихъ дѣтей. Сюда примѣшиваются, такъ сказать, свои ребяческіе счеты. Поповскій сынъ, особенно пока еще не поступилъ въ училище, также спѣсиво обращается съ причетниче-

скими, и даже съ дьяконскими сыновьями, какъ и отецъ его съ отцами послѣднихъ. Поповскій сынъ всегда почти лучше одѣтъ; его не всегда осмѣливаются обижать мужицкіе ребятишки, тогда какъ причетническій сынъ, особенно сирота, ходилъ иногда въ лохмотьяхъ и трактовался мужицкими дѣтьми съ пренебреженьемъ. Поповскому сыну въ приходѣ даютъ грошъ и пятакъ, а причетническимъ и сиротамъ копѣйку на двухъ и трехъ. Ну какъ же имъ любить вообще поповскихъ дѣтей? И какъ не *порасплатиться* съ ними, когда въ училищѣ представилась къ тому возможность?

Наконецъ и священники жили въ то время не очень деликатно, не по барски, но все таки получше, нежели дьяконы и особенно причетники, которые не многимъ отличались отъ крестьянства по своей грубой и бѣдной жизни. Такимъ образомъ и дѣти послѣднихъ поступали въ училище съ бо́льшимъ запасомъ грубыхъ инстинктовъ и наклонностей, циническихъ привычекъ и мужицкихъ замашекъ, нежели поповскія. Конечно и послѣднія въ селѣ бѣгали лѣтомъ босикомъ, въ однѣхъ рубахахъ, и имъ шивали сибирки изъ домашняго сукна и вообще одѣвали не по барски, но все таки у нихъ были сапоги, въ которые они обувались по праздникамъ, отъ матерей получали нерѣдко рубахи съ узорами и даже ситцевыя, надѣвали сверхъ нихъ жилетку, имѣли сюртучекъ изъ нанки, фурашку, тулупчикъ, покрытый нанкою,—все таки могли казаться щеголями, особенно въ сравненіи съ сиротами и причетническими дѣтьми, которыя почти всѣ ходили въ лаптяхъ, простыхъ рубахахъ изъ толстаго холста, въ бараньихъ шапкахъ, въ ничѣмъ непокрытыхъ тулупахъ, иногда даже изъ телячьихъ овчинъ, въ сибиркахъ и даже армякахъ изъ толстѣйшаго домашняго сукна. Сроднившись съ такою бѣдностью, не имѣя возможности и надежды освободиться отъ нея, они, по свойственному человѣку тщеславію, любили ею хвастаться, выставлять на видъ свои лохмотья и смотрѣть враждебно на тѣхъ, кто казался ихъ богатѣе. И потому очень естественно ожидать, что они въ училищѣ, составляя господствующее большинство, сообщили, даже независимо отъ учителей, всему житью-бытью грубое и циническое настроеніе, по которому не любили поповскихъ дѣтей, завидовали опрятно одѣтымъ товарищамъ, осмѣивали хоть сколько нибудь деликатные пріемы; цинизмъ и мужичество,—вотъ

что нравилось большинству и что оно старалось распространить на все и на всѣхъ.

И въ Касимовскомъ училищѣ тоже господствующая партія была причетническая, полумужицкая и отличалась своимъ цинизмомъ. Коноводомъ ея въ нашемъ классѣ былъ Евсей Петровъ. Отъ всей партіи и особенно отъ коновода ея доставалось поповскимъ дѣтямъ, особенно если они были красивы лицомъ, хорошо одѣты и обуты, имѣли нѣжный голосъ, выказывали пріятныя и благородныя манеры въ обращеніи; такихъ людей, хотя бы даже они и не были дѣтьми священниковъ, господствующая партія не любила и называла въ насмѣшку баричами. И много приходилось переносить этимъ мнимымъ баричамъ, которыхъ настоящіе баричи презирали, а мѣщане и мужики называли кутейниками. Сколько приходилось имъ выслушать насмѣшекъ въ родѣ слѣдующихъ: „ну ты, барченокъ, поворачивайся! Эй, поповскій сыночекъ! куда тебѣ это сдѣлать! Вѣдь ты на ватрушкахъ вскормленъ! Вѣдь тебя все въ хлопочкахъ держали! Нѣженка!“ и пр. Авдиторъ поповскаго сына слушалъ гораздо строже и прижималъ больше, нежели прочихъ, и поступалъ расчетливо. Вѣдь поповскій сынъ имѣетъ побольше денегъ, почаще покупаетъ лакомства и потому отъ него побольше можно получить взятокъ, нежели отъ какого либо бѣдняка. Подастся непремѣнно: лоза—не свой братъ, отъ нея надобно же хоть какъ нибудь по временамъ избавляться. Точно также разсуждалъ и поступалъ старшій, а имъ подражали и прочіе,—плебеи. „Мнѣ дай, мнѣ дай“, кричатъ со всѣхъ сторонъ, „а не дашь, докажу тебѣ, ужъ такъ-то высѣку, что небу жарко будетъ, такъ-то подержу, что тронуться нельзя будетъ“. Не давай—угроза исполнится, но и давай—толку не будетъ. Вѣдь всѣхъ не угостишь и потому если угощенные и были снисходительны, то другіе, не угощенные, нарочно постараются предвосхитить у нихъ обязанности сѣкутора и держателей. Кромѣ того, какъ я уже писалъ, щадить при сѣченьи кого бы то ни было у насъ нельзя было. Но къ дьяконовскому сыну, къ бѣдному, къ сиротѣ, если только не было какихъ личныхъ враждебныхъ отношеній, будутъ поснисходительнѣе хоть въ чемъ нибудь; его, по крайней мѣрѣ, не сѣкли con amore, съ усердіемъ и наслажденіемъ. А съ баричемъ не станутъ церемониться. Хотя бы онъ самъ готовъ былъ лечь на полъ, его ухватятъ за руки, за голову, грубо толкнутъ,

наклонятъ, при этомъ или щипнутъ или дернутъ, какъ будто невзначай, за волосы, за ухо; обнажая тѣло, или то же щипнутъ, или ногтемъ оцарапаютъ, такъ что иной еще прежде ударовъ лозою уже вскрикнетъ; и это возбудитъ общій смѣхъ, потому что припишется страху, нѣженству и пр. И прижмутъ посильнѣе къ полу, и выберутъ получше лозу, и покрѣпче его ударятъ и потомъ еще послѣ посмѣются: „ну что, баричъ, поповскій сыночекъ, каково тебя угостили? горячи ли наши блины?“ и пр.

Бѣда, бывало, прійти въ хорошемъ платьѣ въ классъ, особенно въ какой либо обновѣ; тутъ уже доставалось всѣмъ безъ разбора, поповскимъ дѣтямъ больше, только потому что у нихъ обновы бывали почаще и получше, нежели у прочихъ. „Братцы, закричитъ какой-нибудь въ засаленной спбиркѣ, въ загрязненномъ тулупѣ, у него обновка!“ Тотчасъ подбѣгаютъ и начинаютъ обивать рубцы, т. е. колотятъ кулаками гдѣ ни попало. Затѣмъ кричатъ: надобно посмотрѣть подкладку, т. е. надобно заворотить подолъ и высѣчь, надобно вспрыснуть, т. е. высѣчь такъ, чтобы кровь выступила при сѣченьи. Когда обновка слишкомъ хороша, то будьте увѣрены, что если не въ первый, то въ слѣдующіе дни непремѣнно, иногда при помощи авдитора и старшаго, устроятся дѣла такъ, что увидятъ и подкладку и даже пожалуй вспрыснутъ. Величайшимъ же торжествомъ, чуть не праздникомъ было, если высѣкутъ мальчика въ тотъ же самый день, какъ онъ появился въ классѣ въ обновѣ. Но независимо отъ этого, иной изподтишка или какъ будто невзначай постарается загрязнить обнову чѣмъ нибудь, пожалуй даже забрызгать чернилами. Иногда же начнутъ играть съ ученикомъ въ обновкѣ, разыграются и потомъ постараются какъ будто неожиданно повалить его на грязный полъ въ классѣ, особенно въ сѣняхъ, а то даже и на дворѣ гдѣ нибудь, и все это считалось дѣломъ нужнымъ и почти законнымъ. Самъ почтенный Михаилъ Яковлевичъ едва-ли тоже не былъ нѣсколько заражонъ такими же ребяческими глупостями; по крайней мѣрѣ не предотвращалъ тѣхъ случаевъ, когда новое и старое платье и даже бѣлье должны были непремѣнно загрязниться до нельзя, хотя и могъ бы это сдѣлать и его упрашивали о томъ.

Я уже говорилъ, что у насъ въ классѣ на полу въ сырое и снѣжное время составлялась неглубокая, но настоящая грязь,

черная, липкая, вязкая. И въ затасканныхъ тулупчикѣ и сибиркѣ, въ загрязненномъ бѣльѣ лечь на такой полъ вовсе не было пріятно; это значило, по крайней мѣрѣ, на половину испачкаться до-нельзя. Каково же было лечь еще въ бѣломъ чистомъ бѣльѣ вскорѣ послѣ бани, въ новомъ панковомъ сюртучкѣ, въ тулупѣ, который былъ покрытъ еще лоснящеюся нанкою или состоялъ изъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, овчинокъ? Поэтому многіе изъ насъ, которыхъ нужно было сѣчь на такомъ грязномъ полу, упрашивали Михаила Яковлевича дозволить имъ лечь на скамью. Почему бы не дозволить? Вѣдь на скамьѣ можно и крѣпче держать, и больнѣе сѣчь наказываемаго. Но Михаилъ Яковлевичъ никогда не давалъ такого позволенія и притомъ вовсе не изъ милосердія, потому что, какъ я уже описалъ, онъ сѣкалъ насъ ужасно больно. Нѣтъ, бывало, ложись непремѣнно на грязнѣйшій полъ. Особенно памятно мнѣ событіе съ моимъ братомъ Ванею. Ему сшили новенькій тулупъ, въ которомъ онъ и пришелъ въ классъ. Его стали поздравлять, обивать рубцы, говорить, что нужно посмотрѣть подкладку и вспрыснуть. Какъ бойкая голова, онъ отгрызался, отдѣлывался, но заспорившп съ однимъ, онъ сгоряча толкнулъ его; тотъ упалъ, можетъ быть, даже нарочно, на полъ, закричалъ, что ему расшибло голову, заплакалъ; всѣ вступились за него; старшій тотчасъ написалъ записку, что ученикъ Иванъ Паньшинъ весьма прибилъ такого-то, и по приходѣ Михаила Яковлевича Ванѣ пришлось отправляться подъ лозу. Грязь на полу была ужасная; онъ сталъ просить со слезами дозволить ему лечь на скамью, соглашался получить ударовъ вдвое, втрое болѣе, сколько угодно. Но Михаилъ Яковлевичъ былъ неумолимъ. „На полъ, на полъ“, кричалъ онъ. Ваня расплакался, хотѣлъ снять тулупъ, свернуть его такъ, чтобы шерсть была на верху, положить на полъ и лечь потомъ на эту подстилку,—и верхняя бѣлая поверхность тулупа, и бѣлье, и часть обнаженнаго тѣла не были бы загрязнены. Но Михаилъ Яковлевичъ и этого не дозволилъ; Ваня только на груди и могъ заворотить тулупъ шерстью вверхъ, и тѣмъ сберечь хоть часть его отъ грязи.

Но Ваня, какъ мастеръ сѣчь, былъ грознымъ человѣкомъ, ему держатели позволили еще упрашивать Михаила Яковлевича, распоясываться и заворачивать часть тулупа, а не тотчасъ же повалили его на полъ, какъ только онъ подошелъ къ лобному

мѣсту. Съ другими такъ не церемонились и едва бывало мальчикъ въ обновкѣ выйдетъ на средину класса подъ лозу, какъ ему даже не позволятъ самому лечь, а повалятъ на полъ и при этомъ загрязнятъ такія части одежды, которыя бы остались чистыми, еслибы виновный самъ осторожно легъ. Потомъ, заворачивая тулупъ, старались загрязненныя части подола положить на спину, чтобы и здѣсь загрязнить тулупъ. Въ это время рубаха и подштанники касались прямо пола и загрязнялись; первую подбирали, и внизу и вверху выше пояса, а послѣдніе спускали даже ниже колѣнъ; такимъ образомъ значительная часть тѣла лежала на липкой грязи, которая отъ порывистыхъ движеній наказываемаго, отъ усилія держателей прижимать его къ полу крѣпко приставала къ тѣлу. Иные держатели находили потѣху въ томъ, чтобы, не выпуская изъ своихъ рукъ наказываемаго, давать ему возможность наклониться на одинъ бокъ, потомъ на другой, и чрезъ то еще болѣе загрязниться. Такимъ образомъ наказанный вставалъ съ загрязненными не только платьемъ, бѣльемъ, но и животомъ, половиною ногъ, приводилъ въ порядокъ бѣлье, которое при этомъ грязнилось отъ тѣла и съ другой, нижней, стороны. Послѣ класса надобно было идти домой въ новенькомъ платьѣ, которое во многихъ мѣстахъ вполнѣ было загрязнено; пришедши на квартиру, скинуть его и явиться въ бѣльѣ, которое болѣе, нежели на половину спереди загрязнено и съ лица, и съ изнанки. Хозяйки и квартиранты изъ другихъ классовъ почти всегда уже знали, что̀ это значило. Иная добрая хозяйка тотчасъ перемѣняла бѣлье и даже вымывала загрязненное тѣло, а у большей части ходи въ этомъ до слѣдующей очередной бани. Какимъ же чучеломъ бывало выглядываетъ мальчикъ, когда такъ испачкаютъ его вскорѣ послѣ бани! Только, разумѣется, гдѣ нибудь тайкомъ соскоблитъ и даже смоетъ водою грязь съ тѣла, но бѣлье останется въ грязи. И эти событія очень нравились большинству публики: такъ они были циничны.

Но едва ли у насъ не болѣе всего питали ненависть къ панталонамъ и къ панталонистамъ, т. е. къ тѣмъ, которые ихъ носили. Я уже замѣтилъ, что дѣти большей части духовенства въ то время были санкюлотами; только городскіе ученики училища, да тѣ изъ сельскихъ, которые близко жили съ помѣщиками, имѣли

панталоны. И потому какъ же не взволноваться цѣлому классу, когда кто нибудь изъ учениковъ придетъ въ панталонахъ. Окружатъ его со всѣхъ сторонъ, одинъ заворачиваетъ полы одежды спереди и даже отстегиваетъ ея пуговицы, другой поднимаетъ подолъ платья сзади, третій накрываетъ имъ голову; тогда начинали ладонями хлопать, особенно сзади по панталонамъ, отчего поднимался общій хохотъ. Тутъ иной острякъ спрашиваетъ: „ну, а какъ же, братцы, сѣчь-то его? Какъ стянуть панталоны?“ И тутъ же иногда со смѣхомъ сдѣлаютъ опытъ, какъ снимать панталоны. Если же дѣйствительно приходилось сѣчь панталониста, то уже пощады никакой не было; барича пороли, какъ говорится, не на животъ, а на смерть. Иной держатель даже считалъ за обязанность помучить наказываемаго; заворотятъ, бывало, подолъ платья да и сидятъ на ногахъ и головѣ. „Что же вы тамъ?“ спроситъ Михаилъ Яковлевичъ. Да у него панталоны, отвѣтятъ ему. „Ну, такъ что же панталоны? тащи ихъ“. По окончаніи экзекуціи всѣ бывало со смѣхомъ смотрятъ, какъ наказанный начинаетъ приводить все въ порядокъ; да и какъ не смѣяться? портки живо надѣнутся, а съ панталонами сколько возни, особенно послѣ хорошей бани на холодномъ полу.

Жаловаться на всѣ описанныя глупости нельзя было. Конечно, не запрещалось сказать Михаилу Яковлевичу, что вотъ у меня такой-то испачкалъ нарочно тулупъ, или накрылъ мнѣ голову сюртукомъ, чтобы осмотрѣть панталоны, но отъ этого немного было бы толка. Тутъ, во первыхъ, обвиняемый, по всей вѣроятности, умѣлъ бы оправдаться, за него бы вступились его единомышленники. Но если бы даже онъ оказался виновнымъ, ну много, много его поставили бы на колѣни; за то уже послѣ досталось бы доносчику сторицею. Я даже и дома никогда не говорилъ о томъ, да и хорошо дѣлалъ. Батюшка, конечно бы, сказалъ о томъ смотрителю и инспектору. Этимъ бы отцамъ непріятно было слышать, что въ ихъ благоустроенномъ училищѣ дѣлаются разныя мерзости, что у нихъ въ классѣ грязнѣе, нежели на улицѣ и проч. Можетъ быть, изъ уваженія къ отцу моему, сказали бы что нибудь Михаилу Яковлевичу, но и этотъ и сами они отплатили бы мнѣ лишними десятками ударовъ лозою. Нѣтъ, уже лучше было молчать. Одно только было спасеніе,

это—отличные успѣхи; тогда господствующая партія боялась, какъ бы поповскій сынъ не сдѣлался или авдиторомъ, или старшимъ; эти особы могли выйти и въ панталонахъ, и въ обновкѣ; въ послѣдней, конечно, нѣсколько смѣльчаковъ позволили бы себѣ обить рубцы, но слегка, только для вида. Впрочемъ и старшій, и авдиторъ то же могли быть высѣчены; поэтому лучше всего оставалось приноравливаться къ духу господствующей партіи, жить и одѣваться по ея вкусу.

Въ лаптяхъ тогда немногіе, развѣ священники, водили своихъ дѣтей; сапоги уже входили въ моду; но ходить босикомъ въ теплое время считалось чуть не обязанностью. Поэтому мы всю майскую треть и мѣсяцъ сентябрь въ училищѣ ходили босоногими; придти въ сапогахъ въ классъ въ то время сочтено было бы такимъ же почти преступленіемъ, какъ и явиться въ панталонахъ; босоногимъ быть было въ модѣ, въ тонѣ; лѣтомъ только въ церковь, или на экзаменъ безопасно было обуваться въ сапоги; точно также и въ сильный холодъ, который иногда случался лѣтомъ. Осенью же, за исключеніемъ сентября, и въ началѣ весны, когда не было тепла, сапоги могли быть на ногахъ. Но зимою ихъ большею частью замѣняли такъ-называемыми валенками. Наше большинство не вооружалось противъ нихъ, отчасти потому, что само иногда носило ихъ, а отчасти потому, что они бывали причиною смѣшныхъ сценъ. Держась не очень крѣпко на ногахъ, онѣ во время сѣченья иногда спадали долой. Само собою разумѣется, поднимался смѣхъ, когда наказанный вставши долженъ былъ отыскивать и надѣвать ихъ на ноги. Обновки, панталоны и вообще хорошее платье надѣвали, отправляясь въ церковь, а въ классъ облекались въ старую поношенную одежду, если она была; вообще всячески старались избѣгать блеска. И вотъ отъ всѣхъ описанныхъ обстоятельствъ почти неизбѣжно мы всѣ перенимали циническія привычки и манеры господствующей партіи. По крайней мѣрѣ думаю про себя, что мое неглижорство по части одежды едва ли не получило своего основанія и даже развилось отъ училищнаго быта.

Глава XVII.

О первыхъ полутора годахъ моей училищной жизни.

Въ обществѣ такихъ-то циническихъ товарищей, подъ педагогическимъ руководствомъ Михаила Яковлевича и въ грязнѣйшемъ изъ грязныхъ классовъ я начиналъ училищную жизнь. Въ первый разъ я отправился въ училище вмѣстѣ съ Ванею, едва ли не въ среду или четвергъ. Пришли мы не задолго до звонка, когда уже почти всѣ ученики собрались, но еще не сидѣли на мѣстахъ. Какъ скоро мы вступили въ классъ, то къ Ванѣ сейчасъ подбѣжали многіе съ вопросами: Это кого ты привелъ? Новичекъ что-ль (такъ обыкновенно называли вновь поступающаго въ училище мальчика). Чей онъ сынъ? Откуда? и пр. Когда отвѣтами Вани разъяснилась моя личность, то начали меня разсматривать, по поговоркѣ, съ ногъ до головы. Первое впечатлѣніе, произведенное мною, кажется, было неблагопріятно. И въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой былъ не только священникъ, но и благочинный, на мнѣ былъ новый тулупчикъ, покрытый полосатою нанкою, съ воротничкомъ изъ кудрявенькой кожи барашка, потомъ еще разнеслось скоро, что меня приняли прямо во второй классъ, что̀ считалось тогда большою рѣдкостью. „Смотри-ка, говорили другъ другу, новичокъ-то поповскій сынъ и даже благочинническій! Да его прямо во второй классъ; то-то богатый отецъ, имъ все можно. А смотри-ка какой у него тулупъ и воротникъ? Какой красивый кушакъ?“ и пр. Иные подошли ко мнѣ и начали меня ощупывать, одинъ закричалъ: да нѣтъ ли на немъ панталонъ? Тутъ нѣкоторые молодцы рѣшились было разрѣшить этотъ вопросъ чрезъ непосредственное свое наблюденіе. Но Ваня выручилъ меня изъ бѣды. „Что вы тутъ къ нему пристали? закричалъ онъ, ступайте прочь! я пожалуюсь Михаилу Яковлевичу“. А обратясь ко мнѣ, прибавилъ: „ты, Митя, садись вотъ тутъ“; именно у двери на лавкѣ подъ доскою. Я усѣлся и посматривалъ на будущихъ моихъ товарищей. Ихъ рѣзвость, веселость, бѣготня, возня, громкій разговоръ мнѣ очень понравились, мнѣ даже самому хотѣлось хоть немного поучаствовать въ общемъ весельѣ. Но забылъ звонокъ и сцена измѣнилась; раздалось грозное и повелительное: по мѣстамъ и минуты черезъ три все успокоилось и замолчало. Такая быстрая перемѣна меня озадачила и очень мнѣ

не полюбилась; я понялъ, что тутъ и безъ учителя есть грозная власть, которой нельзя не послушаться. Потомъ старшій опять закричалъ: „Эй, вы, что же не становитесь на колѣнки?“ И вслѣдъ затѣмъ человѣкъ пять у печки близь меня опустились на полъ на колѣна и вытянулись какъ свѣчки. Тутъ увидѣлъ я власть, уже карающую. Вскорѣ дневальный пришелъ со двора съ розгами и положилъ при моихъ глазахъ однѣ за печку, а другія за доску сзади меня. Я окончательно оробѣлъ; прутья были жидкія, длинныя, не тонкія, какими меня никогда дома не сѣкали. Мнѣ стало страшно. Наконецъ, явился и Михаилъ Яковлевичъ. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ, что̀ я за человѣкъ? Ваня представилъ ему на словахъ подробный рапортъ. Но г. педагогъ, кажется, и безъ того зналъ, что̀ я за особа и поджидалъ моего батюшку; поэтому и велѣлъ мнѣ сѣсть на шестомъ мѣстѣ на лавкѣ между собою и Ванею. Такое отличіе еще болѣе возбудило нерасположеніе ко мнѣ въ ученикахъ, изъ которыхъ болѣе половины уже училось полтора года. Притомъ, по заведенному обычаю, всякаго новичка сажали первоначально на послѣднее мѣсто. Немного погодя, вошолъ въ классъ мой батюшка; ученики всѣ встали для него; меня это немножко ободрило. Поздоровавшись съ Михаиломъ Яковлевичемъ, онъ сталъ просить посматривать за мною; разумѣется, дано было обѣщаніе имѣть бдительный надзоръ. Потомъ батюшка попросилъ Михаила Яковлевича въ сѣни, чтобы тамъ вручить ему приличную взятку и уже болѣе не вошолъ въ классъ. Батюшка мой поступилъ деликатно, а то бывало многіе, особенно причетники, клали взятку при насъ прямо на столикъ предъ почтеннымъ педагогомъ. Если она была удовлетворительна, то принималась. Но однажды какой-то причетникъ положилъ на столикъ только полтину ассигнаціями, притомъ мѣдною монетою. Михаилъ Яковлевичъ очень обидѣлся такимъ скуднымъ подаяніемъ: гроши и пятаки разлетѣлись въ разныя мѣста по классу, дьячокъ едва-ли даже всѣ ихъ и собралъ.

Первый классъ по какому-то счастью прошолъ благополучно для всѣхъ; никого не высѣкли и не поставили на колѣна.

Пришелъ я на другой день по утру въ классъ; урока еще мнѣ не было, слушаться не изъ чего; я только смотрѣлъ, да наблюдалъ и сталъ уже знакомиться. Михаилъ Яковлевичъ, пришедши, назначилъ мнѣ авдиторомъ Мартиніана Веселкина, дьячковскаго сына, большаго шалуна и проказника, отличнаго обп-

ралу. Тутъ же оказалось, что меня посадили высоко только для того, чтобы польстить на время моему папѣ, потому что Михаилъ Яковлевичъ приказалъ мнѣ сѣсть 12 или 13 человѣкомъ. Но и въ этомъ случаѣ я нажилъ злѣйшаго себѣ врага въ Евсеѣ Петровѣ. Надобно же было случиться бѣдѣ, что меня посадили рядомъ съ этимъ грознымъ сѣкуторомъ и коноводомъ, но выше его. Еще во время класса онъ уже мнѣ нашептывалъ разныя любезности и поталкивалъ меня. Но потомъ безъ учителя на просторѣ принялся браниться безпощадно. „Вишь ты, благочинническій сыночекъ, куда засѣлъ? За что это? Выше меня? Ну, я тебѣ докажу дружбу; ужъ такъ-то стану сѣчь, что небу жарко будетъ, попадешься ты въ мои руки. А вы, обратившись къ сидѣвшимъ ниже его, смотрите хорошенько держите его; узнаетъ онъ насъ“. Ваня уже не защищалъ меня, потому что самъ боялся вступить въ борьбу съ такимъ грознымъ человѣкомъ, какъ Евсей, а можетъ быть ему самому хотѣлось, чтобы меня получше посѣкли. Въ Тумѣ мною, по поговоркѣ, нерѣдко ему кололи глаза, называя его азарникомъ, лѣнтяемъ, мотыгою, шалуномъ и совѣтывали ему съ меня брать образецъ. Притомъ не разъ случалось, что его больно сѣкали, когда онъ бывало меня поколотитъ. Теперь ему пріятно было поразсчитаться со мною за все это своею рукою, но уже на законномъ, такъ сказать, основаніи, по приказанію учителя. Съ перваго дня я понялъ, что положеніе мое дурно.

Два или три дня прошли для меня довольно безразлично и не оставили особеннаго воспоминанія, но за ними послѣдовалъ день субботній, который заставилъ меня позадуматься на счетъ своей особы и показалъ мнѣ, какъ Михаилъ Яковлевичъ расправляется съ тѣми, кого онъ считаетъ нужнымъ наказать. Въ этотъ день онъ занялся первоклассными учениками, т. е. тѣми, которые зачислены были въ первый классъ приходскаго училища. Вѣроятно онъ уже до нихъ давно добирался и принялся ихъ слушать изъ уроковъ. Человѣка два или три прочитали удовлетворительно; имъ дозволено было сѣсть; но затѣмъ отвѣты начали оказываться плохими и отвѣчавшимъ уже не говорилось: садись. Число стоявшихъ болѣе и болѣе увеличивалось; я еще не зналъ, что̀ это значило, а между тѣмъ почти всѣ они пригорюнились, а нѣкоторые утирали уже слезы на глазахъ; въ этомъ случаѣ особенно жалко было смотрѣть на Федота Данькова, сына священника, мальчика краснваго, скромнаго, но съ слабыми способно-

стями; еще на Василья Былинскаго, дьячковскаго сына, но съ весьма симпатичною наружностью, съ румянымъ, красивымъ, свѣжимъ лицомъ; одинъ почти только Сергѣй Куртинъ стоялъ молодцомъ, какъ будто ему нечего было бояться. Вскорѣ я около себя услышалъ, какъ шопотомъ говорили: „ой, сколько народа хотятъ сѣчь-то! достанетъ ли лозъ у дневальнаго?“ Наконецъ Михаилъ Яковлевичъ кончилъ свой экзаменъ и сказалъ: „ну-ка вы насредину къ печкѣ, лозу“, и человѣкъ до десяти кто по лавкѣ, кто черезъ столъ пошли къ лобному мѣсту, большею частію утирая слезы, а иные и всхлипывая. Евсей тотчасъ же вскочилъ со своего мѣста, толкнулъ меня рукою, сказавши: „смотри-ка, какъ я ихъ стану сѣчь“, и дошедши до печки овладѣлъ лозами; дневальный уступилъ ихъ ему.

Первымъ положили или, лучше, разложили Иванова, сына богатаго священника Гавріила въ гусевскомъ погостѣ. Ивановъ одѣвался лучше всѣхъ насъ; на немъ былъ тулупчикъ, покрытый хорошимъ сукномъ, а подъ нимъ еще суконный сюртучекъ, красивая жилетка; но поучившись болѣе трети, онъ въ классъ ходилъ уже безъ панталонъ; учился впрочемъ плохо. Отъ сильной боли онъ рванулся, освободивъ какъ-то одну изъ своихъ ногъ и ею такъ толкнулъ держателя, что этотъ отлетѣлъ; такимъ образомъ обѣ ноги сдѣлались свободными. Но сидѣвшій на плечахъ былъ здоровый парень и крѣпко держалъ Иванова, а этотъ, желая вырваться, дѣйствовалъ ногами, такъ что съ нихъ слетѣли сапоги. Буяна скоро усмирили; по слову Михаила Яковлевича: „держать его“, ноги подобралъ молодецъ посильнѣе или поискуснѣе прежняго держателя, и сѣченье продолжалось и кончилось безъ приключеній. Ивановъ, вскочивши съ пола, сначала забылъ или не замѣтилъ, что на немъ не было сапоговъ и пошелъ на мѣсто въ однихъ чулкахъ; разумѣется поднялся смѣхъ. Послѣ него принялись за другихъ; съ Даньковымъ и Былинскимъ случились экстренныя обстоятельства, которыя впрочемъ иногда случайно, а иногда не безъ злонамѣреннаго содѣйствія держателей происходили. Дѣло состояло въ томъ, что мальчикъ послѣ двухъ, трехъ ударовъ почувствовавъ невыносимую боль и не изнуренный еще борьбою, вырывалъ свои ноги, или держатель нарочно отпускалъ ихъ совсѣмъ, или отчасти. Если державшій за голову не выпускалъ наказываемаго изъ своихъ рукъ, то послѣдній, по какому-то странному инстинкту, упирался колѣнами въ полъ и чрезъ то поднималъ вверхъ педагогическую часть своего тѣла.

Въ это время вновь хватались за его ноги. Держатели подобрѣе вытягивали ихъ во всю длину и укладывали наказываемаго въ обыкновенное положеніе при сѣченьи. Но другіе старались такъ схватить и прижать ноги, чтобы онѣ не растягивались; въ такомъ случаѣ или вся педагогическая часть оставалась поднятою вверхъ, или наказываемый наклонялся одною стороною ея на полъ; въ обоихъ случаяхъ кожа на ней сильно натягивалась; каждый почти сильный ударъ разсѣкалъ ее и оставлялъ багровый знакъ. Съ Даньковымъ случилась вторая, а съ Былинскимъ первая бѣда. Сосѣдъ мой шепнулъ мнѣ: посмотри-ка, посмотри на Данькова, ты еще не видалъ этого. Я машинально взглянулъ: онъ уже лежалъ, такъ сказалъ, на полубоку; на педагогической части Евсей уже наложилъ три багровыхъ ленты. Даньковъ рвался еще или старался принять прежнее обыкновенное положеніе; Евсей стоялъ безъ дѣла, а держатели старались укрѣпиться на головѣ и ногахъ бѣдняги, но такъ, чтобы онъ оставался въ полу-боковомъ натянутомъ положеніи. Евсей скоро началъ свою работу и съ большимъ успѣхомъ; число лентъ увеличивалось, выступали кое гдѣ кровавыя капли, и я въ первый еще разъ увидалъ, какъ сѣкутъ до крови. Былинскому досталось еще больнѣе; Михаилъ Яковлевичъ, раздосадованный замедленіями, закричалъ: „хорошенько его“, и самъ уже подошелъ къ лобному мѣсту. Евсей дѣйствовалъ артистически, обломки лозъ летѣли по сторонамъ, обломавшаяся лоза бросалась прочь, и замѣнялась новыми прутьями, которые въ видѣ запаса находились въ лѣвой рукѣ сѣкутора. Прочихъ сѣкли тоже больно, но, по крайней мѣрѣ, они лежали на полу растянутыми по прямой линіи; только одинъ какой-то находился въ положеніи Данькова. Но ни одинъ изъ нихъ не лежалъ молча и спокойно; всѣ кричали и старались вырваться; самъ Куртинъ подъ лозою потерялъ свою храбрость и сдѣлался похожимъ на всѣхъ прочихъ. Признаюсь, я былъ въ какомъ-то забытьѣ, машинально слѣдилъ за сѣченьемъ, хотя каждый ударъ и результатъ его пробуждали во мнѣ дрожь. Тутъ я понялъ, что между домашнимъ и училищнымъ сѣченьемъ большая разница; первое, по русской поговоркѣ, было не болѣе, какъ цвѣтики, а послѣднее уже ягодки въ родѣ черники или малины. Евсей, возвратившись на мѣсто какъ какой-либо побѣдитель, вновь шепнулъ мнѣ: „вотъ такъ-то и тебя отпорю сейчасъ“.

Желаніе его могло, дѣйствительно, исполниться. Не смотря на свою отличную память, не смотря на то, что ученіе уроковъ у насъ состояло только въ зубреніи, я съ перваго урока сталъ оказываться то ѣрансъ, то нонтотъ, то даже нессіенсъ. Сидишь бывало цѣлые часы надъ заучиваніемъ 10—20 строкъ, иногда не выучишь вовсе, иногда выучишь, но станешь читать авдитору, ошибешься или вовсе остановишься. Впрочемъ Евсеево желаніе на первый разъ не исполнилось. Михаилъ Яковлевичъ прежде розогъ хотѣлъ меня познакомить со всѣми родами училищныхъ наказаній. Въ первый разъ поставилъ онъ меня на колѣни на мѣстѣ за второе и третье незнаніе урока. Въ слѣдующій день я опять не зналъ урока изъ русской грамматики, но сталъ доказывать, что я выучилъ его. Михаилъ Яковлевичъ заставилъ меня прочитать на мѣстѣ; я, не надѣясь вполнѣ на свою память, раскрылъ грамматику и положилъ ее на лавкѣ, чтобы можно было заглядывать въ нее. Но Евсей, подмѣтивъ эту мою продѣлку, сказалъ Михаилу Яковлевичу, который, лично убѣдившись въ моемъ преступленіи, взялъ меня за волосы и потащилъ къ печкѣ. И я, и всѣ были убѣждены, что мнѣ будетъ сейчасъ же порка; я уже принялся плакать и умаливать; Евсей торжествовалъ и ястребомъ готовъ былъ броситься на меня, какъ на жертву своей мстительности. Михаилъ Яковлевичъ, потаскавъ меня за волосы, поставилъ на колѣни у печки. Но я опять оказывался неисправнымъ чуть не каждый день. Однажды, пришедши въ классъ утромъ, купилъ я себѣ калачъ; авдиторъ Веселкинъ подбѣжалъ ко мнѣ за взяткою, я ему далъ; онъ меня прослушалъ, я читалъ довольно не дурно и онъ даже сказалъ, что я знаю. Я сидѣлъ спокойно и радовался, что въ этотъ день я безопасенъ и надѣялся, что меня снимутъ съ колѣнъ, т. е. позволятъ сѣсть на мѣстѣ. Но уже, не знаю почему, Веселкинъ въ нотатѣ записалъ меня ѣрансъ. Михаилъ Яковлевичъ осердился. Тѣмъ болѣе, что я уже и въ предъидущій день не зналъ урока. Опять грозила мнѣ лоза, но я оставленъ былъ безъ обѣда. Я уже сдѣлался посмѣлѣе, похладнокровнѣе, не испугался опредѣленнаго мнѣ наказанія. Хотя меня еще не сѣкли, но я привыкъ уже смотрѣть на сѣченье, даже хотѣлось кого нибудь и подержать. Классъ окончился, меня дневальный заперъ; голодъ сталъ мучить; Ваня принесъ мнѣ ломтикъ хлѣба и сунулъ тихонько. Но у насъ былъ неизмѣняемый законъ, что если кто изъ оставленныхъ безъ обѣда

поѣстъ что нибудь, то сѣкли и его и того, кто доставилъ контрабанду, если разумѣется онъ былъ ученикомъ приходскаго же училища. Наказаніе усиливалось, если скушавшій контрабанду не скажетъ, кто ее доставилъ ему. Еще возвышалось на степень, если онъ опять не зналъ урока. Къ несчастію, все это на меня обрушилось; урока я не училъ; увидали и донесли, что я ѣлъ на дворѣ хлѣбъ, а я ни за что не согласился выдать Ваню. Результатъ былъ очевиденъ; Евсей, наконецъ, дождался желаннаго дня. Предвидя грозившую мнѣ опасность, я стоялъ на колѣняхъ сзади другихъ въ уголку у печки, и когда было произнесено грозное: „лозу“, я оставался въ уголку. Но вскорѣ Евсей говоритъ мнѣ: „что же ты тамъ сидишь, иди сюда“, но я съ испуга и по какому-то глупому упрямству не вставалъ. Михаилъ Яковлевичъ закричалъ: „тащите его!“ Тогда стоявшіе впереди меня на колѣняхъ отодвинулись, меня подхватили двое подъ руки, повели или, лучше, потащили на средину класса. Я плакалъ, умаливалъ и даже пробовалъ сопротивляться, но вскорѣ почувствовалъ, что лежу уже на полу. Евсей сказалъ держателямъ: „вы держите только его, а то онъ вырвется, а я самъ его раздѣну“, и началъ не торопясь заворачивать тулупчикъ и рубаху и снимать инекспрессибли. Тутъ я почему-то пересталъ плакать и рваться и чувствовалъ, какъ мало по малу меня обнажали. Подготовивъ меня къ сѣченью, Евсей пошелъ къ доскѣ за лозою, выбралъ лучшую, подошелъ ко мнѣ и по обычаю началъ меня щекотать ею, ожидая роковаго ну. Можно понять, каково было мое положеніе во всѣ эти подготовки. „Ну“ произнесено и я вслѣдъ затѣмъ почувствовалъ первый ударъ лозою и, разумѣется, боль; ударъ шолъ за ударомъ; я кричалъ и вертѣлся; кончили, я вскочилъ и добрался до своего мѣста. Тутъ я только собственнымъ опытомъ узналъ разницу между сѣченьемъ домашнимъ и училищнымъ; я проплакалъ еще долго. По окончаніи класса меня обступили ученики со смѣхомъ и крикомъ: „поздравляемъ съ битьемъ, ну что, благочинническій сынокъ? Каково у насъ парятъ? Что? горячи наши блины? Ай да Евсей! славно ты его отпоролъ; да и стоитъ; тутъ не чванятся“ и проч.

Но дѣло не клеилось; я продолжалъ быть неисправнымъ. Можетъ быть, иногда мнѣ былъ помѣхою шумъ на квартирѣ, картежная игра и пр.; можетъ быть я позасматривался на то, какъ играли; но лѣнивымъ все таки нельзя было назвать меня; я сидѣлъ много надъ

книгою, старался выучить урокъ, испытавши березовое увѣщаніе, но все напрасно; тупоуміе продолжалось. Вскорѣ я сдѣлался боленъ; меня даже не одинъ разъ отдавали въ больницу, гдѣ объясняли болѣзнь мою глистами. Черезъ это неуспѣшность моя еще болѣе увеличивалась; я не бывалъ въ классѣ недѣли по двѣ; однажды даже мѣсяца два, когда меня потчивали цыцварнымъ сѣменемъ и прикладывали еще къ затылку мушку. И потому къ концу года я оказался въ спискѣ послѣднимъ съ отмѣткою: мало успѣховъ.

Батюшка мой, какъ кажется, плохіе мои успѣхи объяснялъ не въ неблагопріятномъ для меня смыслѣ; по крайней мѣрѣ онъ ихъ не приписывалъ моей лѣни. Пріѣхавши въ Касимовъ на казанскую ярмарку вмѣстѣ съ матушкою, онъ взялъ меня прямо изъ больницы домой ранѣе роспуска и рѣшился въ теченіи каникулъ самъ заняться со мною грамматическимъ разборомъ по русскому языку и ариѳметикѣ. Къ удивленію, а еще больше къ удовольствію его, оказалось, что я вовсе не тупоуменъ, не лѣнивъ, понималъ скоро его объясненія, легко выучивалъ уроки и послѣ четырехъ—пяти очень удачныхъ опытовъ началъ дѣлать очень удовлетворительные разборы. Батюшка вовсе не былъ потачливъ, особенно же не любилъ хвалить своихъ дѣтей. Но во всѣ каникулы онъ не нашелъ никакого повода не только высѣчь или иначе какъ-нибудь наказать, но даже частенько похваливалъ, поглаживалъ меня по головкѣ и передалъ благопріятное мнѣніе обо мнѣ матушкѣ, которая была чрезвычайно этимъ довольна и выражала любовь свою ко мнѣ не только ласкою, но и разными гостинцами. Я и самъ, какъ говорится, поосперился, получилъ самоувѣренность, убѣдился, что я могу учиться хорошо; особенно же я полюбилъ ариѳметику. И когда кончились каникулы, то я, снабженный кулькомъ хорошихъ сдобныхъ пышекъ, новымъ нанковымъ сюртукомъ и другими обновками, отправился въ Касимовъ веселымъ молодцомъ.

Веселкинъ скоро увидѣлъ, что я уже не прежній, уроки училъ исправно, сдѣлался посмѣлѣе, не очень сталъ податливъ на счетъ взятокъ. Михаилъ Яковлевичъ и товарищи дивились, какимъ образомъ послѣдній ученикъ ни съ того, ни съ сего, какъ имъ казалось, сдѣлался хорошимъ. Репутація моя возвысилась, когда нужно было намъ заниматься тою частію ариѳметики, которая извѣстна была подъ названіемъ раздробленіемъ именованныхъ чиселъ. По обыкновенію, Михаилъ Яковлевичъ спросилъ: не знаетъ ли кто, впередъ? Я тотчасъ вызвался; всѣ засмѣялись

моей отважности, но между тѣмъ я бойко сдѣлалъ примѣръ. Михаилъ Яковлевичъ, озадаченный моею бойкостью, полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ я зналъ такую мудреную вещь, какъ раздробленіе; я ему сказалъ, что меня выучилъ ему дома батюшка. Послѣ этого самъ Евсей Петровъ старался подружиться со мною, потому что въ ариѳметикѣ онъ былъ не крѣпокъ.

Но вотъ Михаилъ Яковлевичъ велѣлъ намъ сдѣлать грамматическій разборъ. Относительно этого предмета у насъ позволялось переводить вмѣстѣ двумъ равно успѣшнымъ ученикамъ, но если оказывалось, что кто либо списалъ свой разборъ у лучшаго, нежели онъ самъ, ученика и даже по временамъ заглядывалъ къ нему, то непремѣнно былъ наказываемъ розгами. Евсей, возъимѣвшій уже высокое понятіе о моей учености, предложилъ мнѣ дѣлать разборъ или, какъ у насъ выражались, переводить вмѣстѣ, и мы съ нимъ засѣли около лежанки нашей печки. Когда переводы, т. е. разборы были пересмотрѣны, или, какъ мы говаривали, подчеркнуты, то оказалось, что мой разборъ былъ лучшимъ; я не сдѣлалъ ни одной ошибки, а у Евсея была одна. Такое неожиданное событіе произвело страшное недоумѣніе и даже волненіе. Я былъ послѣднимъ, а Евсей далеко не считался отличнымъ ученикомъ, какимъ же образомъ у насъ переводъ вышелъ хорошъ? Первымъ нашимъ ученикамъ, въ особенности старшему и авдиторамъ, крайне показалось досадно, что я иду въ гору и потому рѣшили предъ Михаиломъ Яковлевичемъ обвинить меня въ списываньи. На Евсея же не посмѣли нападать, опасаясь его, какъ грознаго сѣкутора, а съ другой стороны вовсе не опасаясь найти въ немъ соперника по успѣхамъ. Михаилъ Яковлевичъ, какъ я уже сказалъ, самъ прочитывалъ только одинъ или два разбора, а прочіе подчеркивалъ старшій и кто нибудь по его приглашенію; поэтому Михаилъ Яковлевичъ еще не зналъ, что я такъ отличился своимъ разборомъ. Приходитъ въ классъ, спрашиваетъ: „ну подчеркнули всѣ переводы?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ продолжаетъ: „ну что, каковы вышли, у кого сколько ошибокъ?“ Когда очередь дошла до меня, то Михаилъ Яковлевичъ съ изумленіемъ спросилъ: „какъ, ни одной?“ Да, ни одной, ему отвѣчали, и тотчасъ ему объяснили, что я списалъ все у Евсея Петрова. Почтенный педагогъ очень хорошо зналъ Петрова и далеко не считалъ его отличнымъ ученикомъ, но еще труднѣе могъ себѣ представить, чтобы я, въ предъидущія двѣ трети года

незнавшій почти ни одного урока по русской грамматикѣ или пролежавшій въ больницѣ, вдругъ сдѣлался отличнымъ ученикомъ. Начался допросъ. Евсей сказалъ, что онъ самъ переводилъ, надо всѣмъ думалъ, думалъ, много думалъ, что я дѣйствительно около него сидѣлъ и къ нему смотрѣлъ въ тетрадь. Я со своей стороны тоже защищался, но мнѣ не хотѣли вѣрить. Когда же я увидалъ приготовленія къ наказанію моему, то, обратившись къ Михаилу Яковлевичу, сказалъ: какъ же я могъ списать у Евсея, когда у него одна ошибка, а у меня ни одной? Почтенный педагогъ пріостановился было отъ этого вопроса; я уже сошелъ съ мѣста и держатели ухватили уже меня за руки, чтобы вести на средину; но старшій и другіе первики доложили Михаилу Яковлевичу, что я будто бы заглядывалъ въ переводы и другихъ учениковъ и такимъ образомъ захватывая то у того, то у другого только тѣ слова, которыя у нихъ были правильно разобраны, достигъ того, что у меня не было ни одной ошибки. Михаилъ Яковлевичъ нашолъ это объясненіе вѣрнымъ и.... Я было вновь принялся доказывать, какимъ же образомъ я могъ угадывать, которыя именно слова у того или другого ученика были разобраны правильно? Но этотъ вопросъ нашли не нужнымъ разбирать; всѣмъ казалось доказаннымъ, что я списалъ переводъ; Михаилъ Яковлевичъ махнулъ держателямъ и сѣкутору рукою,— и пошла работа; только Евсей посовѣстился тутъ быть сѣкуторомъ.

Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе давать не менѣе 4-хъ—5-ти разборовъ; потомъ складывали всѣ сдѣланныя каждымъ ошибки и на этомъ основаніи насъ пересаживали по новымъ мѣстамъ, которыхъ цыфровыя величины были, по выраженію математиковъ, пропорціональны числамъ ошибокъ. Слѣдующіе разборы я уже дѣлалъ одинъ. У Евсея пошли десятки ошибокъ, но и на меня березовое увѣщаніе произвело, вѣроятно, неблагопріятное впечатлѣніе; уже не было ни одного перевода безъ ошибокъ, а въ иныхъ набиралось ихъ до пяти и болѣе; при этомъ, какъ послѣ оказалось, многія правильно сдѣланныя мѣста намѣренно признаны были ошибками, чтобы меня уронить въ глазахъ Михаила Яковлевича и отнять у меня возможность сѣсть высоко, даже попасть въ число авдиторовъ. Наконецъ, итоги подведены; по нимъ оказалось, что мнѣ нужно было сидѣть на четвертомъ мѣстѣ, но первики принялись доказывать, что если бы не Евсей, такъ у меня въ первомъ переводѣ было бы много ошибокъ и я

бы долженъ сидѣть гораздо ниже. Хотѣли и надѣялись вновь меня подвести подъ лозу; вѣдь-де послѣ перваго у меня не было ни одного перевода безъ ошибокъ, значитъ я плутовалъ и прежде, да и послѣ; дѣло ясное. Уже держатели были готовы, дневальный уже брался за лозу и мнѣ издали ее показывалъ. Впрочемъ я принялся защищаться, что я не могъ списать перевода у Евсея; вѣдь у меня послѣдующіе четыре перевода были вдвое, втрое лучше Евсеевыхъ и что за первый даже переводъ меня напрасно высѣкли. Михаилъ Яковлевичъ колебался, что ему дѣлать, но наконецъ велѣлъ мнѣ сѣсть на пятомъ мѣстѣ. Я съ радостью схватилъ свои книжонки, кивнулъ головою своимъ сосѣдямъ и пошелъ по лавкѣ на новое высокое мѣсто. Оказалось, что и на немъ я сидѣлъ выше и Вани, и Веселкина; о Евсеѣ нечего и говорить, онъ отъ меня сидѣлъ далеко. Самъ нашъ старшій Соловьевъ долженъ былъ сѣсть на второе мѣсто, а первое уступить Добромыслову, который сдѣлался моимъ авдиторомъ, но никогда меня не слушалъ въ увѣренности, что я всегда и самъ выучу урокъ.

Вскорѣ послѣ этого умеръ братъ мой Ваня. Я уже говорилъ, что онъ былъ удалая голова, частенько притѣснялъ меня и даже подвергалъ опасности быть высѣченнымъ. Еще и въ Тумѣ онъ любилъ для лакомствъ уносить у отца гроши и пятаки; въ Касимовѣ этого хотя и не дѣлалъ, но забиралъ за то въ долгъ, называя себя другими именами и фамиліями; въ этомъ случаѣ онъ любилъ отдавать предпочтеніе мнѣ. Однажды батюшку остановилъ на базарѣ калачникъ и сталъ жаловаться, что его сынъ забралъ у него калачей рубля на два и не отдаетъ денегъ. Батюшка, въ страшномъ негодованіи, приходитъ къ намъ на квартиру и начинаетъ дѣлать допросъ мнѣ. Когда же я сталъ говорить, что я ни у кого не бралъ въ долгъ ни на копѣйку, то онъ счелъ это за запирательство и велѣлъ Аннѣ приготовить розгу, чтобы вынудить мое сознаніе и наказать за мотовство. Анна живо приготовила отличную розгу и просила батюшку самому не безпокоиться, а поручить ей высѣчь меня, разумѣется, при немъ. Опасность была, какъ говорится, на носу; но я все еще упрашивалъ, чтобы меня показали калачнику; батюшка уважилъ мою просьбу; позвали калачника, Анна быстро за нимъ сбѣгала, чтобы поскорѣе высѣчь меня. Но калачникъ, вошедши въ кухню, тотчасъ же указалъ батюшкѣ на Ваню; вотъ этотъ-то вашъ сынъ забиралъ у меня калачи! Ваня долженъ былъ сознаться въ своемъ

мошенничествѣ; деньги калачнику были уплачены, но розги, приготовленныя для меня, пригодились для Вани. Кажется и послѣ того онъ, уже на свое имя, дѣлалъ долги. Между тѣмъ, не помню, какимъ-то образомъ онъ простудился и схватилъ горячку. Помѣстили его въ кухнѣ же на куткѣ, конечно не оставляли безъ надзора, но доктора не пригласили, а дали только знать въ Туму о его болѣзни. Въ одинъ вечеръ, какъ мы сидѣли за дѣломъ, моя тетушка, мать Вани, вошла къ намъ въ кухню и, увидавши сына въ крайнемъ изнеможеніи, начала его цѣловать; кажется и онъ ее узналъ, потому что обнялъ ее ручками; впрочемъ на другой или на третій день онъ умеръ и мы его похоронили довольно торжественно. Мнѣ, впрочемъ, жалко было его, хотя мы и не ладили частенько между собою, но все таки были братья и часто дѣлили свои и радость, и горе; безъ него я остался и на квартирѣ, и въ классѣ уже совсѣмъ безъ родныхъ.

Но къ моему счастью я уже пошелъ въ гору. Пятое мѣсто осталось за мною; однажды по переводамъ я долженъ былъ бы занять даже третье мѣсто, но Михаилъ Яковлевичъ оставилъ меня на прежнемъ. Я впрочемъ этимъ не обижался. Но знакомство мое съ лозою не прекращалось. Дѣло состояло въ томъ, что я по части чистописанья и нотнаго пѣнія былъ по прежнему неисправенъ. Чистописанію меня учили пять человѣкъ: батюшка, Кудрявцевъ, Прудковъ, Ваня и Михаилъ Яковлевичъ, и разумѣется каждый молодецъ на свой образецъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не слѣдилъ за мною постоянно, а обучалъ меня, такъ сказать, налетами, наѣздами; отъ этого, кажется, я, сбитый съ толку разнообразными наставленіями и стараясь угодить каждому, писалъ почеркомъ, который былъ смѣсью различныхъ почерковъ. Нотное пѣніе, не знаю уже почему, совершенно мнѣ не далось. Не говоря уже объ училищѣ, и послѣ, когда я, напримѣръ, былъ профессоромъ физики, толковалъ о музыкальныхъ тонахъ, діэзахъ и бэмоляхъ, хорошо даже понималъ теорію музыки, все-таки не умѣлъ и не умѣю пѣть по нотамъ. Плохіе успѣхи по чистописанію награждались большею частію палями; за ними мы не очень гнались; идешь бывало, къ столику съ письмомъ, держа его въ лѣвой рукѣ, а правую постоянно, но не очень замѣтно, напираешь о сукно. Подашь письмо; Михаилъ Яковлевичъ, посмотрѣвши на него, частенько брался за линейку, а я подставлялъ руку и, получивъ одну или двѣ пали, отправлялся на мѣсто.

Но относительно нотнаго пѣнія пали были не въ модѣ; тутъ главное дѣло или розги, или продолжительное стояніе на колѣняхъ на мѣстѣ. Къ утѣшенію моему успѣхи по чистописанію и нотному пѣнію не принимались во вниманіе при составленіи списковъ; за неуспѣшность въ нихъ насъ только дарили палями, сѣкли и ставили на колѣна, и можно было занимать первое мѣсто, а между тѣмъ вовсе ничего не знать изъ обихода и скверно писать. Вотъ почему я и оставался на своемъ пятомъ мѣстѣ и былъ доволенъ этимъ. Конечно, иногда колѣни болѣли; еще непріятнѣе было идти къ печкѣ и кушать березовую кашу. Но ничего, повертишься, но никогда не вырвешься, покричишь, поплачешь послѣ, и все-таки остаешься на своемъ мѣстѣ; и пріѣхавши домой скажешь: я пятымъ и, разумѣется, промолчишь сколько десятковъ и даже сотъ ударовъ розгами пришлось вытерпѣть въ теченіе трети за чистописаніе и нотное пѣніе. Въ классѣ же Михаилъ Яковлевичъ, вѣроятно, нашолъ бы и безъ того за что-нибудь высѣчь. На это тѣмъ болѣе можно разсчитывать, что почтенный педагогъ очень не любилъ меня по одному обстоятельству.

На второмъ году моей училищной жизни я, Даньковъ и и Былинскій, очень наскучивши розгами, стали придумывать способы вовсе отъ нея избавиться. Тогда было много такъ называемыхъ кликушъ. Мы сами въ церквахъ видали, какъ какая-либо баба или растянется на полу, находясь безъ всякаго движенія, или кричитъ разными голосами. Съ другой стороны слыхали тоже, что ихъ въ деревняхъ никто уже не трогаетъ пальцемъ. Вотъ мы и положили подъ глубокимъ секретомъ сдѣлаться не кликушами, а притворяться упавшими въ обморокъ при первомъ случаѣ, когда кого изъ насъ станутъ сѣчь. Первая очередь выпала Данькову. Михаилъ Яковлевичъ, оттаскавши его за незнаніе урока, крикнулъ: „лозу“, я явился въ качествѣ держателя и шепнулъ ему: „падай въ обморокъ“. Даньковъ упалъ и, какъ робкій мальчикъ, сильно поблѣднѣлъ. Я закричалъ: „Михаилъ Яковлевичъ! Даньковъ въ обморокѣ“. Педагогъ вскочилъ и, видя блѣдность Данькова, испугался и велѣлъ его убрать къ сторонкѣ. Разумѣется, обморокъ скоро прошелъ, но по училищу и городу скоро разнеслось, что Михаилъ Яковлевичъ бьетъ и сѣчетъ учениковъ такъ, что они падаютъ въ обморокъ. Вскорѣ и Былинскій сдѣлалъ подражаніе Данькову; говоръ усилился; само начальство наше встревожилось; началось слѣдствіе и, увы, скоро открылся нашъ за-

говоръ, а я признанъ былъ главою его, какъ и на самомъ дѣлѣ было. Михаилъ Яковлевичъ получилъ даже приказъ наказать насъ примѣрно. Разумѣется, наказали какъ нельзя лучше, до красныхъ звѣздочекъ. Но Михаилъ Яковлевичъ и послѣ не могъ забыть моей продѣлки и мстилъ мнѣ за нее. Но какъ бы то ни было, я учился и учился, сдѣлался бойкимъ и смѣлымъ отъ сознанія личныхъ своихъ достоинствъ, былъ большимъ забавникомъ и разскащикомъ между товарищами, даже пользовался любовью бо̀льшей части ихъ, охотно помогая имъ по урокамъ, особенно по ариѳметикѣ, и дошелъ до перевода въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища.

Тогда, точно также, какъ и до 1867 г., въ низшихъ духовныхъ училищахъ были экзамены третные, годичные и двухгодичные. У насъ въ Касимовѣ они по внѣшности совершались торжественно. Приходилъ обыкновенно въ классъ самъ смотритель со всѣми учителями; ученики пѣли общимъ хоромъ „Царю Небесный“, а по окончаніи, обратившись къ смотрителю, ἀσπαζόμεθα или salutamus, смотря потому, происходилъ-ли экзаменъ по греческому языку или по всѣмъ прочимъ какимъ бы то ни было предметамъ. Присаживаться намъ уже не позволяли; сколько бы времени экзаменъ ни продолжался, мы стояли на ногахъ. Потомъ начинались вопросы; для нихъ бо̀льшею частію вызывали на средину особенно тѣхъ, которые сидѣли на лавкахъ. Если отвѣтъ хорошъ, то ступай на мѣсто. А если плохъ, то побранятъ, поставятъ на колѣна, а часто и высѣкутъ; вотъ почему къ экзамену всегда уже заготовлялся большой запасъ розогъ, притомъ съ самыми лучшими качествами. Почтенный смотритель не любилъ, какъ увидимъ, шутить въ такихъ случаяхъ. По окончаніи экзамена мы пѣли „достойно есть“ и затѣмъ Εὐχαριστοῦμεν или gratias asimus. Но вѣроятно для того, чтобы частое повтореніе столь торжественнаго акта не опрофанировало его, экзамены у насъ, не смотря на уставъ, производились рѣдко. Во всю мою бытность въ Касимовѣ, кажется, не было ни одного третнаго экзамена, да и годичные не всегда. Такимъ образомъ изъ приходскаго въ уѣздное училище насъ перевели безъ всякаго экзамена, а единственно на основаніи списка Михаила Яковлевича, и еще на основаніи тѣхъ взятокъ, которыя получили смотритель и инспекторъ съ отцовъ неуспѣвшихъ учениковъ; только насъ всѣхъ до одного перевели.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

Записки его объ укрѣпленіи западной границы.

I.

Апрѣль 1843 г.

(Переводъ съ франц.). Я не стану распространяться о географическомъ положеніи западныхъ границъ имперіи. Достаточно сказать, что я считаю границу эту какъ бы раздѣленною, болотами р. Припети, на двѣ зоны. Сѣверная зона лежитъ противъ Пруссіи; южная — противъ Австріи, а еще болѣе на югъ — противъ Турціи. Обѣ эти, почти равныя между собою, зоны сходятся въ Царствѣ Польскомъ, заканчиваясь теченіемъ Вислы. Вотъ, въ немногихъ словахъ, мой взглядъ на нашу военную позицію съ этой стороны нашихъ границъ.

Изъ сего я заключаю:

1) Что наша выдающаяся позиція къ сторонѣ Европы находится на Вислѣ.

2) Что базисъ сѣверной зоны находится на Двинѣ и Днѣпрѣ, ограничиваясь съ юга Припетью.

3) Что базисъ южной зоны опирается на Днѣпръ, ограничиваясь съ сѣвера Припетью.

4) Что точка соединенія обѣихъ зонъ, къ сторонѣ запада, есть Брестъ, который, поэтому самому, изъ всѣхъ пунктовъ западной границы имперіи есть самый важный, такъ какъ служитъ первымъ основаніемъ для нашей выдающейся позиціи.

Наша выдающаяся позиція на Вислѣ представляетъ громадную выгоду, какъ при наступательной войнѣ, такъ и при войнѣ чисто оборонительной.

На линіи этой мы имѣемъ три крѣпости: Новогеоргіевскъ—служитъ опорою для нашего праваго крыла, на Наревѣ, обезпечивая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ переправу черезъ Вислу и Наревъ; въ

центрѣ мы имѣемъ Александровскую цитадель, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ стоитъ Ивангородъ.

Къ этому можно еще прибавить Замосць, который хотя и находится внѣ линіи, но можетъ быть полезнымъ для усиленія нашего лѣваго крыла.

Позади этой грозной позиціи, въ видѣ цитадели, возвышается Брестъ.

Различные пункты эти соединяются двумя шоссе, а два новыя шоссе будутъ сооружены: одно для соединенія Бреста съ Бобруйскомъ, черезъ сѣверную зону, между тѣмъ какъ другое соединитъ Брестъ съ Кіевомъ, черезъ южную зону.

Кромѣ того, въ нынѣшнемъ году заканчивается водяное сообщеніе, соединяющее Днѣпръ съ Бугомъ и Вислою, проходя черезъ Брестъ.

Эта внушительная позиція, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ намъ возможность съ величайшимъ удобствомъ соединять наши силы, приготовлять наши магазины, арсеналы, депо и пр., и весьма облегчитъ намъ способы продовольствованія.

Опредѣливъ такимъ образомъ преимущества сей позиціи, разсмотримъ, чего еще не достаетъ намъ для того, чтобы сдѣлать ее вполнѣ выгодною.

Сѣверная зона имѣетъ три укрѣпленныхъ пункта: первый, Рига, имѣетъ только ту стратегическую выгоду, что обезпечиваетъ за нами обладаніе устьями Двины; изъ другихъ же двухъ, Динабургъ представляетъ мостовое укрѣпленіе на Двинѣ и господствуетъ надъ шоссе, ведущимъ въ Петербургъ, а Бобруйскъ, лежащій немного впереди Днѣпра, обезпечиваетъ намъ переправу черезъ Березину и господствуетъ надъ шоссе, ведущимъ изъ Бреста въ Москву. За то, огромное пространство, лежащее отъ Новогеоргіевска до означенныхъ двухъ крѣпостей, равно какъ интервалъ между ими обѣими совершенно открыты.

Мнѣ кажется поэтому, что правое крыло наше на Вислѣ не можетъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ, пока мы не будемъ имѣть еще, по крайней мѣрѣ, двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ: одинъ на Нѣманѣ, около Гродна, на мѣстѣ, которое еще придется избрать; другой же, мнѣ кажется, долженъ быть въ Минскѣ.

Эти два укрѣпленные пункта имѣли бы ту огромную выгоду, что дозволяли бы намъ перемѣнить фронтъ, правымъ крыломъ назадъ, противъ непріятельскаго вторженія въ сѣверную зону; а это, вѣроятно, сдѣлало бы подобную попытку невозможною. Изъ озна-

ченныхъ двухъ пунктовъ я предпочелъ бы, впрочемъ, крѣпость на Нѣманѣ, какъ весьма нужное дополненіе къ нашей выдающейся позиціи на Вислѣ. Отсутствіе этихъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ дѣлало бы названную позицію несовершенною, если предположить, что европейскія арміи, по примѣру Наполеона, захотѣли бы проникнуть въ Россію. Впрочемъ, предположеніе это столь маловѣроятно, что хотя я считаю сооруженіе этихъ двухъ крѣпостей дѣломъ весьма полезнымъ и желательнымъ, но не признаю его необходимымъ.

Не то представляетъ южная зона,—и вотъ почему:

Лѣвое крыло нашей передовой позиціи заканчивается Ивангородомъ, на р. Вепржѣ, или же, самое большое, можетъ быть протянуто до Замосцья; но отсюда до Кіева мы не имѣемъ ни одного укрѣпленнаго пункта. Австрійская граница выдается впередъ почти въ видѣ прямоугольника и до такой степени оттѣсняетъ нашу южную зону къ болотамъ р. Припети, что непріятельская армія можетъ отъ границы достигнуть въ два перехода до Дубно и Острога, на брест-кіевской дорогѣ, и отрѣзать насъ такимъ образомъ отъ единственнаго нашего базиса—Кіева. Очевидно, значитъ, что прежде всего слѣдуетъ обезопасить этотъ пунктъ и, такъ сказать, уравновѣсить его въ силахъ съ остальною частію нашей границы. Разсмотримъ, какъ достигнуть этой цѣли.

Если обойдутъ нашу передовую позицію, на крайнемъ лѣвомъ крылѣ, и отрѣжутъ сообщенія съ Кіевомъ, то полагаю, что намъ будетъ весьма трудно удержать за собою нашу позицію вообще. Намъ надо будетъ рѣшиться, или самимъ предпринять наступательныя дѣйствія и перенести войну въ Галицію, направляясь отъ Замосцья; или же, если-бъ непріятельская армія угрожала нашимъ границамъ между Каменецъ-Подольскимъ и Проскуровымъ—предпринять фланговое движеніе на Дубно и Острогъ, дабы не подвергнуть опасности наши сообщенія съ Кіевомъ. Изъ этого я заключаю, что между Дубно и Острогомъ нужна крѣпость, которая должна прикрывать нашъ военный путь изъ Бреста въ Кіевъ и служить для насъ опорнымъ пунктомъ, въ томъ случаѣ, если бы намъ пришлось маневрировать такъ, какъ мною выше указано.

Но и этого было бы недостаточно, потому что весь югъ нашей южной зоны, отъ Бендеръ и до Кіева, совершенно открытъ для непріятеля.

Поэтому я думаю, что намъ необходимо было бы имѣть тамъ крѣпость; по крайней мѣрѣ для обезпеченія нашего лѣваго крыла по направленію къ Днѣстру. Г. Брацлавъ, безспорно, весьма важенъ, по причинѣ дорогъ, которыя у него, въ настоящее время,

сходятся. Но мнѣ казалось бы предпочтительнѣе подвинуться еще болѣе впередъ, къ границѣ, нежели сразу предоставлять богатые уѣзды непріятельскому вторженію. Если Каменецъ-Подольскій рѣшительно не можетъ быть обращенъ въ хорошую крѣпость — въ чемъ позволяю себѣ сомнѣваться, не считая это дѣломъ неосуществимымъ,—то слѣдовало бы, мнѣ кажется, избрать другой, близкій къ нему пунктъ, благопріятствующій этому назначенію. Такая крѣпость на Днѣстрѣ представляла бы намъ еще ту выгоду, что являлась бы на сей рѣкѣ въ качествѣ тетъ-де-пона и, въ случаѣ войны съ Турціею, служила бы для насъ военною исходною точкою, близкою къ границѣ.

Я не стану говорить о нижней части южной зоны, потому что это потребовало бы другихъ соображеній, о которыхъ мы условимся впослѣдствіи.

По указаніи того, что̀ я считаю желательнымъ для пополненія нашей оборонительной системы въ обѣихъ зонахъ, мнѣ остается еще поговорить о средствахъ, которыя необходимо создать для того, чтобы одна зона могла сообщаться съ другою удобно и во всякое время года.

Какъ только выборъ между Дубно и Острогомъ будетъ рѣшенъ, надо будетъ устроить соединительное шоссе между избраннымъ пунктомъ и шоссе, ведущимъ изъ Бреста въ Бобруйскъ. По сему вопросу указываютъ всегда на Пинскъ; я не высказываюсь окончательно ни въ пользу этого, ни въ пользу другого пункта, болѣе благопріятнаго для устройства дороги; скажу лишь, что направленіе это кажется мнѣ вѣрнымъ. На пунктѣ семъ надо будетъ устроить двойной тетъ-де-понъ, но безъ особенно дорогихъ работъ.

Необходимо также имѣть еще одинъ пунктъ, лежащій болѣе позади, какъ напримѣръ Мозырь. Не высказываюсь относительно его мѣстныхъ преимуществъ; однако направленіе это, кажется, выбрано удачно. Во всякомъ случаѣ придется устроить шоссе на правомъ берегу Березины, потому что пунктъ переправы находится уже у Бобруйска; затѣмъ, шоссе это примкнетъ къ таковому же, ведущему изъ Бреста въ Кіевъ,—вѣроятно, около Житомира (это надо еще опредѣлить рекогносцировками). Тогда было бы, можетъ быть, желательнымъ устроить тамъ второклассную крѣпость, но это сооруженіе было бы самымъ послѣднимъ. Тоже и въ Мозырѣ можно бы удовольствоваться двойнымъ тетъ-де-помомъ, дешеваго устройства.

Согласно сему разсчету, намъ понадобится 6 новыхъ крѣпостей: 1) около Гродна, 2) около Минска, 3) около Дубна, 4) на Днѣ-

стрѣ, 5) около Пинска, 6) около Мозыря. Соотвѣтственно ихъ важности, 1-я, подлежащая сооруженію, есть Дубно, 2-я — Гродно, 3-я — на Днѣстрѣ, 4-я — Пинскъ, 5-я — Мозырь, послѣдняя — Минскъ и, можетъ быть, впослѣдствіи, — Житомиръ.

Шоссе будутъ построены: 1) отъ Бѣлостока къ новой крѣпости у Гродно, также на Минскъ и Бобруйскъ, 2) отъ Бреста къ Гродно, 3) отъ Бреста въ Кіевъ, 4) отъ Кіева къ Днѣстру, 5) отъ Пинска въ Дубно, 6) отъ Бобруйска въ Мозырь, къ Брест-Кіевскому шоссе, 7) отъ Динабурга къ Витебску и Смоленску, на правомъ берегу Двины, 8) изъ Смоленска въ Оршу.

Еще одно слово о сборныхъ мѣстахъ для арміи. Дѣйствующая армія, состоящая изъ 1, 2, 3 и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, съ гренадерами и съ гвардіею въ резервѣ, а такте три резервн. кав. корпуса, соединятся и сосредоточатся между Новогеоргіевскомъ, Варшавою, Ивангородомъ и Брестомъ; 6-й корпусъ, спеціально назначенный для защиты ея сѣверной зоны, будетъ имѣть сборнымъ мѣстомъ Вильну, а базисомъ Динабургъ; 5-й корпусъ будетъ стоять между Дубно и Проскуровымъ, опираясь на Кіевъ.

Здѣсь нѣтъ рѣчи о Турціи; въ противномъ случаѣ надо бы 5-й корпусъ имѣть за Днѣстромъ, а 4-му поручить южную зону.

Резервная армія, обязанная поставлять первыя укомплектованія, будетъ расположена сводными дивизіями: 1-го корпуса— между Ригою и Динабургомъ, 2-го корпуса—въ Динабургѣ; 6-го — въ Смоленскѣ, 3-го — въ Бобруйскѣ; 4-го — въ Кіевѣ; 5-го—должна остаться на югѣ, для охраны крѣпостей и портовъ.

Первые резервные эскадроны временно оставались бы при своей пѣхотѣ; вторые же формировались бы въ поселеніяхъ.

Запасная армія соберется въ окрестностяхъ Москвы и двинется лишь для замѣщенія резервной арміи, если бы послѣдняя должна была послѣдовать за наступленіемъ дѣйствующей арміи. Тогда опредѣлится уже—вся ли армія эта (запасная) должна направиться къ одному пункту, или же расположиться по дислокаціи, указанной для резервной арміи.

Съ окончаніемъ сбора резервныхъ войскъ, тѣ губерніи, гдѣ они находились въ отпуску, доставляютъ контингентъ рекрутовъ, потребный для укомплектованія кадровъ баталіоновъ, эскадроновъ и батарей, съ дополненіемъ сверхъ того еще половины. То же и для войскъ второго призыва.

Губерніи, приписныя къ дѣйствующимъ войскамъ, будутъ или избавлены отъ набора, въ виду военныхъ повинностей, или же ихъ рекруты будутъ направлены къ резервнымъ войскамъ 1-го призыва.

Вотъ все, что я могу сказать о нашихъ военныхъ мѣрахъ.

Выборъ мѣстъ для магазиновъ, госпиталей, парковъ и т. п.—все это будетъ выведено изъ вышесказаннаго.

II.

Записка о сокращеніи людей въ пѣхотѣ.

1845 г.

Уменьшить наличное число пѣхоты и саперъ, увеличивъ число безсрочно-отпускныхъ, можно, но не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Необходимо, чтобъ сколько недостаетъ на лицо подъ ружьемъ, такое число людей было дѣйствительно въ отпуску, и потому всегда готово, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя собственно приписаны къ войскамъ.

2) Чтобъ число людей, остающихся затѣмъ, по мирному положенію, подъ ружьемъ, было бы всегда налично, и для того, чтобы рекрутскій наборъ пополнялъ не только прошлую или послѣдовавшую убыль въ пѣхотѣ и саперахъ, но чтобъ, замѣнивъ сію убыль, представлялъ запасъ на имѣющую послѣдовать обыкновенную убыль.

3) Итакъ, слѣдуетъ уволить уроженцевъ приписныхъ къ войскамъ губерній; сперва тѣхъ, кои выслужили не меньше 10 лѣтъ; недостающее затѣмъ число добавить тѣхъ же губерній женатыми и меньшихъ сроковъ службы въ годовой отпускъ.

4) Разсчетъ пополненія рекрутами сдѣлать, принявъ въ соображеніе:

a) обычную годовую убыль,

b) сколько уйдетъ въ безсрочный и годовой отпуска,

c) и сверхъ того въ запасъ столько еще, сколько составляетъ обычная убыль умершими и неспособными въ теченіи предъидущаго года.

III.

Въ виду войны съ Австріею.

Конецъ 1854 г. или начало 1855 г.

Ежели, по ходу обстоятельствъ, въ іюнѣ не будетъ предвидѣться разрывъ съ Австріею, тогда вѣроятно нужно будетъ измѣнить нынѣшнее распредѣленіе войскъ, въ предвидѣніи большой опасности берегамъ Балтики отъ покушеній въ родѣ Крыма.

Для того надо будетъ:

1) Пріостановить движеніе гвардіи, такъ чтобы 1-я дивизія стала бы въ Вильнѣ и кругомъ, а 2-я въ Вилькомирѣ.

2) Гвард. резервный кав. корпусъ оставить на назначенныхъ ему квартирахъ.

3) 3-ю гвард. пѣхотную дивизію или оставить вокругъ Ревеля, равно какъ и 1-ю бригаду 2-й легкой гвард. кавал., или расположить близь Риги и Дерпта.

4) 8 4-хъ гренадерскихъ бат. съ ихъ артиллеріею отправить въ Варшаву, на присоединеніе къ своему корпусу.

5) 2-ю пѣхотную и 1-ю легкую кавал. оставить въ Курляндіи и Самогитіи, какъ нынѣ; усилить 2-ю дивизію, присоединивъ къ ней ея резервные баталіоны.

Кромѣ того, къ веснѣ прибавится въ Ревелѣ 8 резерв. бат. и 24 орудія запасной бригады 1-й дивизіи; въ Ригѣ—8 бат. резервной бригады 3-й дивизіи, съ находящеюся тамъ артиллеріею, 8 орудій.

Ежели, по свѣдѣніямъ, угрожать будетъ опасность десанта, надо будетъ 1 и 2 гвардейскія дивизіи возвратить сюда, равно какъ и гвард. резервный кавал. корпусъ. Тогда будетъ: у Риги 24 бат. 2-й пѣхот. дивизіи, 8 бат. резерв. 3-й дивизіи, всего 32 бат., 96 орудій и 32 эскадрона и 16 орудій конныхъ.

Въ Ревелѣ: 16 бат. 3-й гвар. дивизіи и 16 бат. резерв. и запасныхъ 1-й пѣхотной дивизіи и 12 эскадр. и 8 орудій конныхъ 2-й гвардейской дивизіи.

Въ Нарвѣ останутся или 2 бат. короля Ф. В. полка, или даны будутъ, по прежнему, 3 бат. учебн. карабинернаго.

Къ Петербургу соберутся, кромѣ оставленныхъ здѣсь 24-хъ бат. 1-й и 2-й гвард. дивизій и 6 бат. 3-й,—28 бат. гвардіи, 16 бат. 1-й и 2-й гренадерскихъ дивизій и 9 бат. учебн. карабинерныхъ, всего 54 бат., кромѣ мѣстныхъ войскъ, а съ возвращеніемъ гвардейскихъ 1-й и 2-й дивизій,—80 бат.

Ежели мы вынуждены будемъ къ разрыву съ Австріей, предстоять будетъ вопросъ: какое направленіе дать слѣдуетъ нашимъ дѣйствіямъ?

Сомнительное положеніе Пруссіи, хотя, кажется, склонно болѣе къ неутралитету, и вѣроятно побудитъ и прочую Германію оставаться, на время, неучаствующими въ борьбѣ съ нами, однако на продолжительность этой нерѣшимости никакъ полагаться нельзя; и при первой нашей удачѣ мы увидимъ, что Пруссія, а за ней Германія вооружатся, для мнимаго спасенія Австріи.

По сей причинѣ и кажется мнѣ, что наши дѣйствія должны быть такъ разсчитаны, чтобы вмѣшательство Пруссіи и Германіи было намъ елико можно меньше чувствительнымъ для нашихъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы мы умѣли достигнуть положительныхъ успѣховъ, не зависящихъ отъ вмѣшательства вышеупомянутыхъ державъ. Для того, кромѣ направленія вѣрнаго, нужна и быстрота въ исполненіи.

Ежели Краковъ, безъ этого сложнаго положенія дѣлъ, былъ бы самое правильное направленіе нашимъ дѣйствіямъ, обходя всѣ позиціи австрійцевъ въ Галиціи, по сю сторону Карпатъ,—въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, однако, этого направленія намъ никакъ брать нельзя. Мы—думаю я—должны такъ сообразить свои дѣйствія, чтобы Висла служила намъ прикрытіемъ нашего праваго фланга, до вторженія въ Галицію. Намъ слѣдуетъ угрожать потомъ лѣвому флангу тѣхъ силъ, которыя защищать будутъ Лембергъ, и въ то же время наступать съ фронта, отъ Волыни и Подоліи. Овладѣніе Лембергомъ и краемъ за онымъ, до подошвы горъ, по Дунаевецъ, полагаю, должно ограничить наши дѣйствія. Тогда мы можемъ удерживать всѣ выходы изъ Карпатъ, какъ изъ Быстрица, такъ противъ Стрыя и Дуклы, и тѣмъ удерживать въ рукахъ нашихъ Галицію. Между тѣмъ рѣшится: останутся ли Пруссія и Германія чуждыми, или вооружатся противъ насъ.

Николай.

I. Je ne m'étendrai pas sur la situation géographique des frontières de l'Ouest de l'Empire. Il suffira de dire que je considère cette frontière comme partagée en deux zones par les marais du Pripet. Celle du Nord regarde la Prusse; celle du midi—l'Autriche, et plus au sud—la Turquie. Ces deux zones à peu près égales viennent se joindre dans le royaume de Pologne, s'y terminant par le cours de la Vistule. Voici, en peu de mots, l'idée que je me forme de notre position militaire de ce côté de nos frontières.

J'en déduits:

1) Que notre position avancée vers l'Europe se trouve sur la Vistule.

2) Que la base de la zone du Nord se trouve sur la Dvina et le Dnepr et bordé au Sud par le Pripet.

3) Que la base de la zone du Sud se trouve appuyée sur le Dnepr, bordée au Nord par le Pripet.

4) Que le point de jonction des deux zones vers l'Ouest se trouve être à Brest, qui, par ça même, est de tous les points de la frontière d'Ouest de l'Empire le plus important sous le rapport militaire, servant de première base à notre position avancée.

Notre position avancée sur la Vistule présente un avantage immense dans les deux suppositions, soit d'une guerre offensive, soit d'une guerre purement défensive.

Nous possédons trois places sur cette ligne: Novogéorgiefsk appuye notre droite vers le Naref, en même temps qu'il nous assure le passage de la Vistule et du Naref; au centre nous possédons la citadelle d'Alexandrie, et sur autre gauche s'éléve Ivangorod.

L'on peut y ajouter encore Zamosc, qui, bien que hors de ligne, peut être utile pour renforcer notre gauche.

En derrière de cette position formidable, comme une espéce de citadelle, s'éléve Brest.

Des chaussées lient ces divers points, et deux nouvelles vont être executées: l'une, pour réunir Brest à Bobrouysk par la zone du Nord, tandis que l'autre réunira Brest avec Kief, par la zone du Sud.

En sus, une communication par eau s'achève cette année, pour unir le Dnepr avec le Boug et la Vistule, passant par Brest.

Cette imposante position nous assure donc en tout cas la possibilité de réunir nos forces avec la plus grande facilité, de préparer nos magazins, arsenaux, dépôts etc. et de nous ravitailler avec la plus grande facilité.

Après avoir ainsi posé les avantages de cette position, examinons ce qui nous manque encore pour la rendre complettement avantageuse.

La zone Nord posséde trois places; la première, Riga, n'a pas d'autre avantage stratégique, que de nous assurer la possession de l'embouchure de la Dvina; tandis que les deux autres: Dunabourg fait tête-de-pont sur la Dvina et domine la chaussée de Petersbourg; et Bobrouysk, un peu en avant du Dniepr, nous assure le passage de la Bérésina et domine la chaussée de Brest à Moscou. Mais l'immense espace depuis Novogéorgiefsk jusqu'à les deux places, ainsi que l'intervalle entre elles, est complettement ouvert.

Il me parait donc que notre droite sur la Vistule ne peut être considerée comme entièrement sure, tout que nous ne possédons au moins deux places de plus: l'une sur le Niemen, vers Grodno, dans un point qu'il faudrait encore choisir; l'autre me parait être indiquée par le point de Minsk.

Ces deux places auraient l'immense avantage de nous permettre un changement de front, la droite en arrière, contre une invasion dans la zone Nord, qui rendrait probablement toute tentative semblable impossible. De ces deux places je préférerais cependant celle sur le Niemen, comme un complemens très neçessaire de notre position avançée sur la Vistule. L'absence de ces deux places rend cette position incomplette, dans la supposition que des forces Européennes, à l'instar de Napoléon, voulussent pénétrer en Russie. Mais cette supposition est si peu probable, que je considère la construction de ces deux places comme fort utile et désirable, sans la reconnaitre pour indispensable.

Il n'en est pas de même pour la zone du Midi, et voici pourquoi.

La gauche de nautre position avancée se termine par Ivangorod sur le Weprj, ou bien, peut s'étendre au plus jusqu'à Zamosc; mais depuis ce point jusqu'à Kief nous ne possédons aucun point fortifié. La frontière Autrichienne fait un saillant presque rectangulaire et ressère la zone du Sud vers les marais du Pripet à tel point, qu'en deux marches une armée ennemie peut de la frontière atteindre Doubno ou Ostrog sur la route.....
de Brest à Kief et couper ainsi nos communications avec notre base unique, Kief. Il est donc évident, qu'avant toute chose ce point doit être mis hors de danger et, pour ainsi dire, en équilibre de force avec le reste de notre frontière. Examinons, comment ce but peut être atteint.

Tourné sur notre position avancée sur notre extrême gauche et coupé de nos communications avec Kief, je crois qu'il nous serait très difficile de conserver notre position. Tout se determinera, ou bien de prendre nous même l'offensive, pour porter la guerre en Galicie, en débouchant de Zamosc; ou bien, si l'armée ennemie menaçait nos frontières entre Каменецъ-Подольскій et Проскуровъ, à nous porter par le flanc vers Doubno et Ostrog, pour ne pas compromettre nos communications avec Kief. J'en conclus que c'est donc entre Doubno et Ostrog qu'il nous faut une place pour couvrir notre route militaire de Brest à Kief et pour nous servir de point d'appui, au cas où nous devrions manoeuvrer ainsi que je l'ai indiqué.

Mais ceci ne suffirait pas encore, car tout le Midi de notre zone du Sud, depuis Bender jusqu'a Kief, est entièrement ouvert à l'ennemi.

Je crois donc qu'il nous est indispensable d'y avoir une place au moins, pour assurer notre gauche vers le Dniéstr. Le point de Bratslaw est, sans contredit, fort important, vu les routes qui s'y abouchent dans ce moment. Mais il me semble qu'il serait encore préférable de nous porter plus en avant, vers la frontière, que d'abandonner d'emblée de riches districts à l'invasion. Si decidément Каменецъ-Подольскій ne peut être converti en bonne place,—ce dont je me permets de douter, ne regardant pas la chose comme infaisable,—il faudrait, il me semble, choisir un autre point rapproché, favorable à ce but. Cette place sur le Dniéstr nous offrirait encore l'avantage de servir de tête-de-pont sur cette rivière et, pour le cas d'une guerre avec la Turquie, nous serait précieuse comme point de départ militaire, rapproché de la frontière.

Je ne parlerois pas de la partie méridionale de la zone du Sud, car ceci exigerait d'autres combinaisons, dont nous conviendrons plus tard.

Ayant posé ainsi ce que je considère comme désirable pour compléter notre systême de défense dans les deux zones, il me reste à parler encore des moyens indispensables à créer, pour pouvoir, en toute saison et commodément, communiquer de l'une à l'autre de ces zones.

Dès que le choix entre Doubno et Ostrog sera déterminé, il faudra necessairement créer un chaussée de jonction entre le point choisi et la chaussée de Brest à Bobrouysk. L'on désigne toujours Pinsk pour cet objet; je ne me prononce pas définitivement pour ce choix ou tel autre plus favorable pour la construction de la route; je me borne à dire que la direction me parait juste. Une double tête-de-pont devra y être construite, mais sans travaux dispendieux.

Il est aussi indispensable d'avoir un autre point plus en arrière, comme Mozyr. Je ne me prononcerais non plus sur son avantage local, cependant la direction me parait bien choisie; mais en tout cas il faudrait construire la chaussée sur la droitte de la Bérézina, parceque le point de passage se trouve déja à Bobrouysk; plus loin, la chaussée aboutirait à celle de Brest à Kief, probablement près de Zitomir—ce que des reconnaissances devront encore établir. Alors, peut être, serait-il désirable d'y élever une place de second ordre, mais dont la construction sera la dernière de toutes à entreprendre. A Mozyr il suffirait de même d'une double tête-de-pont, construites à peu de frais.

D'après ce calcul il nous faudra donc 6 nouvelles places: 1) près de Grodno, 2) vers Minsk, 3) vers Doubno, 4) sur le Dniestr, 5) vers Pinsk, 6) vers Mozyr. La première à construire, d'après son importance, sera celle de Doubno; la seconde—Grodno; la 3-me sur le Dniéstr, la 4-me Pinsk, la 5-me Mozyr, et la dernière Minsk, et peut-être, plus tard, Zitomir.

Il sera construit des chaussées: 1) de Бѣлостокъ vers la nouvelle place près Grodno, sur Minsk et Bobrouysk; 2) de Brest à Grodno; 3) de Brest à Kief; 4) de Kief vers le Dniestr; 5) de Pinsk à Doubno; 6) de Bobrouysk à Mozyr, vers la chaussée de Brest à Kief; 7) de Dunabourg à Vitebsk et Smolensk, sur la droite de la Dvina; 8) de Smolensk à Орша.

Un mot encore sur les rendez-vous de l'armée. L'armée active, composée des 1, 2, 3 et 4 corps d'infanterie, avec les grenadiers, la garde en resérve et les trois corps de cavallerie de reserve seront réunis et concentrés entre Novogéorgiefsk, Varsovie, Ivangorod et Brest; le 6-me corps spécialement chargé de la défense de la zone Nord, aurait Wilna pour rendez-vous et Dunabourg comme base; le 5-me corps serait entre Doubno et Проскуровъ, appuyé sur Kieff.

Il n'est pas question ici de la Turquie; dans le cas contraire il faudrait le 5-me corps audelà du Dniéstr et le 4-me serait chargé de la zone Sud.

L'armée de reserve, chargée de la fourniture des premiers complettemens, serait réuni par division (сводными дивизіями): celle du 1-r corps entre Riga et Dunabourg; celle du 2-e corps à Dunabourg; celle du 6-me à Smolensk; celle du 3-me à Bobrouysk; celle du 4-me à Kief; celle du 5-me devrait rester dans le Midi, pour la garde des places et forts.

Les premiers escadrons de réserve resteraient provisoirement près de leur infanterie; les seconds se formeraient dans les colonies.

L'armée de second ban (запасная армія) se réunirait aux environs de Moscou et n'en bougerait que pour remplacer l'armée de reserve, dans le cas où celle-ci serait appellée à suivre les progrés de l'armée active. Il serait decidé alors, si toute cette armée doit se porter vers un point, ou bien, si elle devra remplacer la dislocation de détail, indiquée pour l'armée de reserve.

Le mode de recrutement a été déja fini; dés la réunion des trouppes de reserve, les gouvernemens où elles se trouvent en congé fournissent un contingent de recrus tel à completter les cadres des bataillons et

escadrons et batteries, avec une moitié en sus. Il en sera de même des trouppes de second ban.

Les gouvernements приписныя къ дѣйствующимъ войскамъ seront, ou exemptées de recrutement, à cause des charges de la guerre, ou bien leur recrus seront dirigés ver les trouppes de reserve du 1-r ban.

Voici tout ce que je trouve à dire sur nos mesures militaires.

Le choix des places pour les magazins, hôpitaux, parques etc.—tout en sera déduit.

Примѣчаніе. Всѣ вышеозначенныя записки императора Николая Павловича найдены нами, въ копіяхъ, въ бумагахъ покойнаго К. В. Чевкина, переданныхъ имъ намъ въ 1875 г. Ред.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

письмо его къ Егору Петровичу Ковалевскому.

Верне, близь Веве. 1833. Генваря 4 (16).

Я очень радъ, что представился случай, который принудилъ меня написать къ тебѣ, мой милый другъ; иначе я бы еще можетъ быть долго еще не рѣшился на такой подвигъ. Благодарю за это Коппу и его гомеопатію. А ты, если это для тебя стоитъ какой нибудь благодарности, исполни то, о чемъ проситъ Коппъ въ письмѣ своемъ и о чемъ я также прошу тебя, то есть, представь его книгу Государю и постарайся, чтобы она не оставлена была безъ вниманія. Этимъ окажешь услугу не Коппу, а мнѣ. Коппъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей Германіи, одинъ изъ тѣхъ, къ коимъ наиболѣе прибѣгаютъ болѣзненные богомольцы. Я былъ одинъ изъ сихъ послѣднихъ и Коппъ снабдилъ меня весьма обстоятельнымъ наставленіемъ для теперешняго моего режима; къ нему въ сію минуту адресуюсь съ важною консультаціею, и къ нему же обращусь, когда оставлю настоящее мѣсто моего пребыванія (прежде нежели возвращусь къ вамъ проведу мѣсяцъ въ Вильбахѣ, а Коппъ живетъ въ Ганау въ трехъ часахъ отъ Вильбаха). Все это должно убѣдить тебя, что ты долженъ оказать, ради меня, свое покровительство Копповой книгѣ, не смотря на то, что въ ней проповѣдуется гомеопатія. Отвѣчай мнѣ на это двумя строчками. Думаю, что я не ошибся, присовѣтовавъ Коппу адресоваться къ тебѣ съ своею просьбою: вѣдь медицинскій департаментъ состоитъ подъ твоимъ вѣдомствомъ? Во всякомъ случаѣ, усердно прошу тебя принять это дѣло къ сердцу.

Много писать о себѣ не имѣю времени, ибо въ эту минуту накопилось у меня до пятнадцати писемъ, на кои мнѣ надобно отвѣчать непремѣнно: пожалѣй обо мнѣ. Это пытка. Надобно однако, чтобы ты зналъ хотя вообще, что со мною дѣлается. Надѣюсь впрочемъ, что ты не совсемъ (sic) обо мнѣ въ неизвѣстности; ты видаешься съ Мердеромъ, а они получаютъ отъ меня вѣсти. Отъ нихъ ты долженъ уже теперь знать, что я не поѣхалъ въ Италію. То именно, что утѣшало меня въ печальной необходимости покинуть Россію, что веселило мое воображеніе, былъ я принужденъ принесть въ жертву своей болѣзни. Пріѣхавъ въ Веве для виноградnаго обжорства, я опять почувствовалъ тѣ же припадки, кои имѣлъ въ Петербургѣ: это меня испугало и, убѣдившись, что мнѣ всего нужнѣе самый неподвижный покой, физическій и моральный, я великодушно отказался отъ Италіи и имѣлъ силу это сдѣлать передъ самыми ея дверями, кои для меня растворены были настежь. Мѣстечко Верне, въ коемъ я поселился, есть самое защищенное отъ холода во всей Швейцаріи; по

сію пору еще не было двухъ градусовъ мороза, вѣроятно болѣе и не будетъ; на дорогѣ пыль, на небѣ чисто прекрасное солнце, грѣющее какъ весною; снѣгъ только на горахъ; виды предъ домомъ великолѣпные: все озеро со всѣми савойскими горами; мимо самыхъ дверей моихъ идетъ симплонская дорога, по которой ежедневно я гуляю, любуясь чудесными окрестностями, всякій день представляющими глазамъ нѣчто новое. Но я гуляю только вдоль по дорогѣ; не могу отваживаться на высоты, на это еще нѣтъ силъ: мнѣ нужно движеніе порядочное, но весьма умѣренное. Вообще мнѣ гораздо, гораздо лучше; моя гробовая блѣдность исчезла; но причины, ея произведшія, продолжаются; вѣроятно, что онѣ будутъ уничтожены или ослаблены спокойною, порядочною жизнію въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, кои еще долженъ буду провести въ своемъ уединеніи. Болѣе всего помогли мнѣ Вильбахскія воды и къ нимъ я намѣренъ возвратиться въ маѣ мѣсяцѣ или въ началѣ іюня, такъ чтобы быть дома къ началу іюня нашего стиля. Живу весьма уединенно, не вижу никого совершенно, ибо для свиданія съ кѣмъ нибудь надобно бы было ѣхать или въ Веве или въ Лозанну или въ Женеву, а это было бы нарушительно для моего режима. Да и по натурѣ своей я на такія поѣздки не поворотливъ. Но уединеніе не въ тягость для меня: со мною живетъ Рейтернъ, который здѣсь поселился съ своимъ семействомъ; ты его знаешь по его прелестнымъ рисункамъ. Чтобы нѣсколько вспомнить мое лице и всю мою персональность, совѣтую тебѣ съѣздить къ Мердеру и посмотрѣть на мои портреты, кои (числомъ три) на нынѣшней почтѣ я посылаю къ великому князю; они нарисованы Рейтерномъ. Если мнѣ не суждено къ вамъ возвратиться, то прошу позаботиться, чтобы самый сходный изъ сихъ портретовъ былъ выгравированъ. Но не подумай однако изъ этого, чтобы мысль о смерти меня преслѣдовала; нѣтъ; я здѣсь отъ нее гораздо далѣе, нежели въ Петербургѣ, и мы еще поживемъ вмѣстѣ, и не смотря на то, что слишкомъ разлучены своими обстоятельствами, порадуемся, что живемъ въ одномъ мірѣ; а встрѣчи наши будутъ тѣ же, съ сердцемъ на рукѣ и съ нѣжною дружбою въ сердцѣ. Не такъ ли, другъ?

Прости. Надѣюсь, что твое одиночество теперь миновалось, что всѣ твои или лучше сказать наши теперь съ тобою, и что цѣль ихъ путешествія достигнута. Обними ихъ всѣхъ за меня, и увѣдомь объ нихъ, если, паче чаянія, соберешься ко мнѣ написать. А это было бы весьма, весьма не худо; на чужѣ голосъ всякаго соотечественника есть гармоника; что же голосъ милаго товарища жизни? Обними Дашкова, скажи мой дружеской поклонъ Журав.. [1]).

Мой адресъ à M-r de J. a Vevay.

Поздравляю васъ всѣхъ съ новымъ годомъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

[1]) Не разобрано.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

V [1]).

№ 2368. Тетрадь въ листъ, въ черномъ кожанномъ переплетѣ. Ярлыкъ съ надписью, уже приведенною [см. № 2364]. На внутренней сторонѣ задней доски переплета: «Въ сей книгѣ писанныхъ и номерованныхъ листовъ пятьдесятъ девять. Опекунъ...» На самомъ дѣлѣ листовъ 58, такъ какъ одинъ листъ, 20, вырванъ; кромѣ того отъ 17 и 19 листа остались только незначительные кусочки: бо́льшая часть этихъ двухъ листовъ вырѣзана и притомъ послѣ нумераціи III-го отдѣленія, такъ какъ красныя цифры тоже отрѣзаны.

1₁. «Съ португальскаго». — II. 397. Черновое стихотвореніе, впервые сообщенное г. Анненковымъ въ его «Матеріалахъ», но неточно и невполнѣ. Прежде всего замѣчу, что у Пушкина третій куплетъ написанъ раньше втораго, чего г. Анненковъ не оговорилъ. Затѣмъ послѣ шестаго куплета находимъ еще нѣсколько, пропущенныхъ г. Анненковымъ:

... Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

* * *

Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ
(И я) пѣлъ, [ее] встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцая.

* * *

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436, мартъ, стр. 647—662; томъ XLII, апрѣль, 87—110; май, стр. 325—354.

Дѣвы радости моей,
Нѣтъ! на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
Кто посмѣетъ подъ лупою
Спорить въ счастіи со мною.

* * *

Не завидую царямъ,
Не завидую богамъ,
Какъ увижу очи томны
[Тонкій] станъ и косы темны.

* * *

Такъ я пѣлъ, бывало ей,
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось,
Но блаженство миновалось...

и прочее. — Внизу помѣта: (Gonzago). — Замѣчу, что названіе «романсъ трубадура» принадлежитъ г. Анненкову.

1_2. Только одна строка верхомъ внизъ:

Когда бъ родилась ты...

— [Затѣмъ нѣсколько листовъ вырѣзаны].

2_1.

„Примѣчаніе".

«Бессарабія, извѣстная въ самой глубокой древности должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.

(«Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была ѳеатромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ).

«Но до нынѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ-ли когда-нибудь Историческое и Статистическое описаніе оной, составленное И. П. Липранди, соединяющаго ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка.—Если...»

2_2 и 3_1—неписанныя страницы.

3_2. Эпиграфы къ Цыганамъ.—I. 539.

4_1—15_1. «Цыганы» [1]).—I. 433. Черновой текстъ съ многочисленными поправками, какъ напечатано; есть варіанты и отличія. Такъ, напр., весь

[1]) Первоначально было написано Цыгане, потомъ поправлено.
В. Я.

разговоръ Алеко и Земфиры — стр. 438 — 440 написанъ потомъ (14_1), а въ самомъ текстѣ прямо послѣ стиха: Онѣ проснутся погоди—идетъ: Прошло два лѣта.. и пр.—Въ концѣ послѣ стиха: До утра сномъ не опочилъ—помѣта:

1824
Михайловское
(8) октября 10.

Рисунки: 7_1—вѣдьма на помелѣ, женская голова и женская фигура; 8_1 и 14_1—ножки; 9_1 и 11_1—недорисованныя человѣческія фигуры.

15_2—16_2. Черновой набросокъ къ Цыганамъ,—I. 539, — почти весь перечеркнный и исчеркнный, очень трудно читаемый; много поправокъ конченныхъ и неконченныхъ; много повтореній, варіантовъ. Г. Анненковъ напечаталъ этотъ отрывокъ нѣсколько неточно и невполнѣ, при чемъ въ данномъ случаѣ извиненіемъ служитъ неразборчивость подлинника. Не беря также на себя разобрать вполнѣ текстъ, приведу нѣкоторыя дополненія. Послѣ предпослѣдняго куплета находимъ [**16_1**]:

За то безпеченъ, здравъ и воленъ
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызеній чуждъ.

И далѣе на листѣ **16_2**:

Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина,
Что нужды — я спасаю сына...
И я-бъ желалъ, чтобъ мать [моя]...

17_1. Больше половины листа отрѣзано; на оставшемся клочкѣ очень блѣдными чернилами набросана черновая:

Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися и въ мигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.

Кристалъ, поэтомъ обновленный,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священный
И дружбы сладостный залогъ.

Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный ..

Дальше отрѣзано.

17$_2$. Лишь два слова: «тутъ жизнь...»

Рисунокъ карандашемъ: женская головка.

18$_1$—19$_1$. Какая ночь! Морозъ трескучій... и пр.—[Опричникъ: II. 221]. Послѣ стиха: Оцѣпенѣлые чернѣютъ...—зачеркнуто:

Недавно кровь со всѣхъ сторонъ
Струею тощей снѣгъ багрила,
И подымался томный стонъ
Но смерть коснулась къ нимъ, какъ сонъ,
Свою добычу осѣнила...

П. А. Ефремовъ предположилъ, что слово кромѣшникъ вставлено г. Анненковымъ отъ себя. Оказывается, что въ черновой піесѣ Пушкинъ употребилъ именно это слово, — Кто сей? Кромѣшникъ молодой—, какъ онъ употребилъ его и въ Борисѣ Годуновѣ, согласно съ Карамзинымъ.—[Почти весь 19 листъ отрѣзанъ].

19$_2$. Два неразборчивые зачеркнутые стиха.—Затѣмъ много листовъ вырѣзано, въ томъ числѣ и нумерованный **20**.

21$_1$. Сверху окончаніе фразы, начало которой, вѣроятно, было на предыдущемъ, вырванномъ листѣ:... «Однѣми догадками».

Затѣмъ карандашомъ черновой полустертый набросокъ:

Земли достигнувъ [наконецъ],
Отъ бурь спасенный провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ...

Остальное или зачеркнуто, или постерлось, такъ что дальше можно разобрать лишь отдѣльныя слова. Въ концѣ помѣта: «31 іюня 1827».— Тутъ-же еще черновой набросокъ [чернилами], повидимому варіантъ къ описанію могилы Ленскаго:

(И свѣжій)... вѣтерокъ
Колеблетъ иногда вѣнокъ
Подъ тѣнью сосенъ устарѣлыхъ,
И камень говоритъ...

— Ср. III. 126 и ниже листъ 36$_1$.

21$_2$. Черновой отрывокъ изъ Арапа Петра Великаго, близкій къ печатному тексту: «Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его...» и проч. до конца главы. IV. 6.—Затѣмъ вырвано.

22₁. Оттуда-же, начало второй главы (IV. 7).

22₂. То-же, до словъ: написалъ слѣдующее письмо,—стр. 8.—Тутъ-же черновая строфа изъ VII главы Онѣгина (строфа XXXVI, т. III, стр. 144). Варіантъ:

Въ изгнаньи, въ горести, въ разлукѣ,
Москва, какъ жаждалъ я тебя,
Святая родина моя!

Рисунокъ: церковь.

23₁. Черновыя строфы XXXVII и XXXVIII той-же главы Евгенія Онѣгина.—Рисунокъ: вѣтки.

23₂. Опять изъ Арапа Петра Великаго,—начало III главы: На другой день Петръ и т. д.—IV. 12—до словъ: оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго... [стр. 13].—Рисунокъ: 2 лица.—Вырвано.

24₁—24₂. Опять изъ Евгенія Онѣгина, строфы XLIII—XLV главы VI (см. 7. III, стр. 127—128).—Въ концѣ помѣта: «10 августа».—Затѣмъ вырвано.

25₁. Снова изъ Арапа Петра Великаго, изъ III главы, со словъ К. [въ рукописи вездѣ Корсаковъ]:... посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ [IV. 15], и до словъ: перевернулся передъ зеркаломъ [стр. 16].

25₂. Сверху фраза изъ той-же главы: «лакеи, навьюченные господскими шубами и муфтами».—Затѣмъ рецептъ:

Aquae distillatae
Meanthae
Alcohol
Balsami capahini
Syropi capillorum
Veneris
} ℥jj

Aquae florum auvanciali
Spiritus nitri dulcis facti
} ℥j

Misce.

Внизу опять изъ Арапа Петра Великаго, продолженіе 25₁: и объявилъ Ибрагиму, что готовъ и пр.

26₁—27₁. Черновые отрывки изъ разныхъ мѣстъ «Арапа Петра Великаго», со страницъ 15₁ и 19₁ и 29.

27_1. Еще изъ Е. Онѣгина, изъ XXXVIII строфы главы седьмой:

Возокъ летитъ черезъ ухабы
. . . . . .
И стая галокъ на крестахъ

* * *

Москва! Москва!...

Послѣднія два слова, вѣроятно, представляютъ собой начало пропущенной XXXIX строфы.

Затѣмъ идетъ черновое, все исчерканное шуточное стихотвореніе, начинающееся на 27_1 и занимающее всю страницу 27_2. Многое въ этомъ стихотвореніи я не могъ разобрать; въ разобранномъ-же нѣкоторыя слова я пропускаю.

Сводня грустно за столомъ
Карты разлагаетъ,
Смотрятъ барышни кругомъ,
Сводня имъ гадаетъ.
Три девятки, тузъ червей
И король бубновый,
Споръ, досада отъ рѣчей
И притомъ обновы
[А по картамъ] ждать гостей
Надобно сегодня —
Вдругъ стучатся у дверей,
Барышни и сводня
Встали отодвинувъ столъ
Всѣ толкнули .....,
Шепчутъ: Катя, кто пришелъ,
Посмотри хоть въ щелку.
„Что? хорошій человѣкъ,
Я была знакома,
Онъ .....цѣлый вѣкъ,
Онъ у нихъ какъ дома“.
(.....) въ кухню (руки мыть)
(Всѣ бѣгомъ прыжками),
(Обуваться, пукли взбить),
Прыскаться духами.
Гостя сводня между тѣмъ
Ласково встрѣчаетъ [1]).
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

[1]) Двадцать строкъ далѣе опускаемъ. Ред.

Гость ей: право мнѣ васъ жаль,
Здравствуй другъ Анета;
Ахъ, Луиза! что за шаль!
Подойди, Жанета,
А Луиза поцѣлуй! [1]).
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Сводня пріуныла
. . . . . .
Сводня карты вновь беретъ
[Дѣвушкамъ] ..... гадаетъ,
Но никто, никто нейдетъ,
Сводня засыпаетъ.

На 27_2 рисунокъ: Дерево и камни.

28_1 рисунокъ: Дерево и камень.

28_2—29_2. Опять отрывки изъ Арапа Петра Великаго изъ разныхъ мѣстъ. IV. 19, 29, 35, 36.—Между 28 и 29 много вырвано.

Рисунки: 29_1 голова толстяка, другая въ чалмѣ; 29_2 нѣсколько головокъ.

30_1. М. Г. NN., вы не знаете правописанія и пишете обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не выдавайте себя за представителя цѣлаго народа и рѣшителя споровъ двухъ литераторовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ etc.

Кс. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. (Чѣмъ вы это докажете?) —(Помилуйте) простодушно увѣряетъ [онъ], да я могъ-бы такъ написать.

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастью онъ мыслитъ, что довольно рѣдко..... ибо должно стараться (имѣть) большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ. [См. V, 57].

Затѣмъ идетъ черновой набросокъ, можетъ быть изъ Евгенія Онѣгина; въ концѣ его можно разобрать:

(Пріятно письма получать,
Но что за мука отвѣчать).
. . . . . .
Тому причина просто лѣнь,
Мой черный день, почтовый день.

---

[1]) Двѣнадцать строкъ далѣе опускаемъ. Ред.

30₂. Черновая со многими поправками:

По теткамъ, бабушкамъ и дѣдамъ,
По званымъ родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ каждый божій день
Ея разсѣянную лѣнь.

II пр., приблизительно по печатному [Евг. Онѣгинъ, гл. VII, строфа XLIV; III, 148]. Тутъ же и изъ XLVII строфы той-же главы.

31₁. Prude, coquette. Слово кокетка и пр., приблизительно какъ напечатано V. 57. Въ концѣ лишняя фраза: Prude мужескаго рода не имѣетъ, но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ,—(нельзя выдумать глупѣе роли),—животныя самыя глупыя и скучныя.

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы,—разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало опредѣляетъ:

Un bon mot de deux rimes orné.

31₂—32₂. Черновыя строфы изъ Онѣгина—XLVI, XLVII и XLIX и L главы седьмой [III. 147—150]. Варіантъ къ строфѣ XLIX:

Къ ней (важный) Вяземскій подсѣлъ
И ею точно завладѣлъ,
На вечерѣ иль за обѣдомъ
(Онъ ищетъ быть ея сосѣдомъ).

Первоначально Пушкинъ хотѣлъ, чтобъ въ театрѣ обратили вниманіе на Татьяну.

Въ низу вопросы зашумѣли:
Кто это съ правой стороны,
Въ четвертой ложѣ?...

33₁.—Неписанная страница.

34₁ и **33₂**. Верхомъ внизъ написано стихотвореніе, начинающееся на 34_1 и кончающееся на 33_2. Стихотвореніе это по тону близко подходитъ къ пѣснямъ западныхъ славянъ. Начало его состоитъ изъ недописанныхъ, исчерканныхъ стиховъ. Пѣсня эта представляетъ разговоръ стараго конюха можетъ быть, съ ворожеею.

Кормомъ, стойлами, надзоромъ
Всѣмъ красны боярскіе конюшни,
Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ
Стойлы красны борзыми конями,
Кони сыты...
Лишь однимъ конюшни непригожи:
Домовой повадился въ конюшни,

По ночамъ (онъ) ходитъ (по конюшнѣ),
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаетъ гривы имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбитъ онъ коня воронаго:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню,
И зайду въ стойло къ вороному,
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ.
А по утру отопрешь конюшню,
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, (грудью) пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта,
До заката мѣсяца...
Ахъ ты старый конюхъ, неразумный!
Загадать-ли (тебѣ), старый, загадку,
Разгадаешь-ли, старый, загадку:
Полюбилъ красну дѣвку молодой конюхъ,
Младой конюхъ, разгульный парень;
Онъ конюшню ночью отпираетъ,
По тихоньку воронаго сѣдлаетъ,
По легоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ (красной дѣвкѣ въ гости) скачетъ.

Кромѣ того на 33_2 находится черновой исчерканный набросокъ о рѳмѣ, упомянутый выше въ предисловіи.

(Своенравная царица
Романтическихъ октавъ.
Рѳма сладкая пѣвица)...
. . . . . .
Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Рѳма мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя [1]) четы.

Много исчерканнаго.

34_2. Верхомъ внизъ.

(Изъ Alfieri [2]).

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду и пр., какъ напечатано II. 403; только въ двухъ мѣстахъ г. Анненковъ, впервые сообщившій этотъ отрывокъ, передалъ подлинникъ неточно.

[1]) Въ февралѣ, стр. 421, ошибка: своенравныя.
[2]) Скобки Пушкина. В. Я.

Высокій умъ съ наружностью прекрасной...

[у г. Анненкова—прелестной]

Не можно мнѣ; и онъ какъ и другіе...

[у г. Анненкова—не должно].

35$_1$. Черновой набросокъ, малоразборчивый:

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Піитъ, внимаемый царями,
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Преправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ [притупленный] щекотитъ
И къ славѣ снѣсь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры.
(И сыплетъ Фебовы дары).
И внемлетъ.....
Межъ тѣмъ.....
Тѣснясь у..... крыльца
Народъ [колеблется] волнами
(Съ почтеньемъ) слушаетъ пѣвца...

Тутъ же изъ Е. Онѣгина черновая строфа [VIII] главы седьмой, [III. 152].

Между двухъ тетокъ у колоны...

35$_2$. Рисунокъ чернилами и карандашомъ: древесныя вѣтви.

36$_1$.

– ⏑ ⏑ | – ⏑ | ⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ – | ⏑ – ⏑ | ⏑ – ⏑
таится пещера

Затѣмъ неразборчивое, исчерканное стихотвореніе, начинающееся стихомъ:

Въ рощахъ Карійскихъ, любезныхъ ловцамъ...

Тутъ-же изъ Евгенія Онѣгина, седьмая глава, къ строфамъ VI и VII (III. 132). Описаніе могильнаго камня Ленскаго:

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней
И вьется (плющъ, могилъ), любовникъ,
Гремитъ и свищетъ соловей.
И говорятъ, надъ урной бѣлой
По утру свѣжій вѣтерокъ
Колеблетъ иногда вѣнокъ
На вѣтвяхъ сосны престарѣлой.
На урнѣ надпись говоритъ...

36$_2$.

Обдѣлай ты его баронъ.

II. 154. Поправки приблизительно какъ въ печатномъ; много зачеркнутс и недописано.

37_1 или 36_1.

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней
(И вьется плющъ, могилъ любовникъ,
И свищетъ ночью соловей).

37_2. Рисунокъ: лицо.

Съ 38_1 по 59_2 все верхомъ внизъ, т. е. Пушкинъ началъ писать съ обратной стороны тетради; для удобства и мы начнемъ съ 58_2. На внутренней сторонѣ задней доски переплета рукою Пушкина написано съ помарками:

У Лукомурья дубъ зеленый...

Эти строки являются подъ непосредственнымъ вліяніемъ слѣдующей затѣмъ сказки няни, и представляютъ переложеніе разсказа объ одномъ изъ чудесъ.

59_2. Начинаются сказки, написанныя очень чисто, безъ помарокъ. Всѣхъ сказокъ записано семь; изъ нихъ три сообщены г. Анненковымъ, но не вполнѣ и не всегда точно.

Народныя сказки.

1.

Нѣкоторый царь задумалъ жениться. См. VII. 409.— 58_2.

2.

58_1—56_1.

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну. См. VII. 411.—Я не буду приводить поправокъ отдѣльныхъ словъ въ текстѣ, напечатанномъ г. Анненковымъ [который печатаетъ чудной вмѣсто чудесной, прорубь вмѣсто пролубь, хотѣлъ вмѣсто хочетъ и т. п.], но для примѣра неточности и небрежности въ передачѣ текста, укажу въ этой второй сказкѣ два мѣста, гдѣ текстъ спутанъ, и третье, гдѣ сдѣланъ значительный пропускъ. Такъ, въ печатномъ текстѣ, на стр. 412, читаемъ: «Царь... повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну ночь. Царевна обратясь въ муху является къ нему: «не печалься Иванъ царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее—отрѣжь, гдѣ не ровно—приколоти». Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: «а ну-же его! повѣситъ, такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога». Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ...»—Въ такой передачѣ текста является страннымъ, о чемъ еще думаетъ царевичъ послѣ совѣта царевны и пр.; въ подлинникѣ фразы размѣщены иначе:... «построить церковь въ одну ночь. Царевичъ ду-

малъ, думалъ, и проч.—жизнь мнѣ не дорога». Царевна, обратясь въ муху, является, и проч. — приколоти». Царевичъ былъ безунывная головушка... Въ другомъ мѣстѣ на той-же страницѣ текстъ спутанъ и вмѣстѣ сдѣланъ пропускъ. Г. Анненковъ напечаталъ это мѣсто такъ [1]): Отдамъ за тебя старшую дочь, но сперва узнай ее между 30-ю прочими. Задумался царевичъ: ну-же его, повѣситъ, такъ повѣситъ!» Но царевна его надоумила: это не мудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ, на которую сядетъ муха, та и старшая». На утро и пр. Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:... между 30-ю прочими. «Это не мудрено, думалъ Ив.-ц... Нѣтъ, мудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. Задумался царевичъ: «.... его такъ, вѣсить, такъ вѣсить». Но царевна его надоумила. На утро и т. д. — Наконецъ на той-же страницѣ, въ концѣ послѣ словъ царевны:... убѣжимъ, — пропущенъ цѣлый эпизодъ: Она плюнула 3 слюнки на окно Ив.-ц., да 3 слюнки къ себѣ,—сѣли верхомъ и ускакали. По утру посылаетъ царь къ Ив.-ц.: что ты, Ив.-ц., спишь или думу думаешь;—думу думаю, отвѣчаютъ слюнки.—Наконецъ царь видитъ обманъ и посылаетъ за ними въ погоню, и т. д. Указанная путаница и пропуски въ текстѣ, напечатанномъ г. Анненковымъ, конечно, не могутъ быть оправданы тѣмъ, что эти сказки не сочинены, а только записаны Пушкинымъ.

56₂—55₂. За окончаніемъ предыдущей сказки начинается:

3.

Попъ поѣхалъ искать работника и т. д.;—VII, 413. Г. Анненковъ прерываетъ сказку на словахъ: Попъ, видя Балду, бѣжитъ, и проч.; въ подлинникѣ сказка хотя отрывочно записана дальше: и беретъ [т. е. Балда] его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей, утопляетъ ночью попадью вмѣсто его, и пр.

Балда у царя; дочь одержима бѣсомъ; Балда подъ страхомъ висѣлицы берется вылѣчить царевну; съ нею ночуетъ, беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старыя карты, да молотокъ; знакомаго бѣсенка заставляетъ грысть желѣзные орѣхи, играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ. На другую ночь то-же; на третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается. Что такое Балда? Пить хочетъ — всунь ему стручекъ-то свой, свою дудочку въ ротъ—бѣсенокъ пойманъ и высѣченъ и пр.

---

[1]) Я, какъ обыкновенно, дѣлаю и тутъ ссылки на послѣднее изданіе, которое воспроизводитъ текстъ точно съ изданія 1855 г.,—см. въ изд. г. Анненкова, т. I, стр. 440. В. Я.

55_2 и 55_1.

4.

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать замужъ, покамѣсть самъ будетъ живъ. Дочь приступаетъ къ нему: гдѣ-же твоя смерть? —Въ баранѣ отвѣчаетъ Кащей, въ козлѣ, въ вѣникѣ. Дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ, — напрасно; Кащей живъ. Наконецъ онъ объявляетъ, что смерть его на морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, а въ дуплѣ сундукъ, а въ сундукѣ заяцъ, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо. —Иванъ-царевичъ идетъ за смертію Кащея; голодъ; попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ; Ив.-царевичъ говоритъ имъ каждому: я тебя съѣмъ, но оставляетъ имъ животъ; приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яйцо; отецъ проситъ отъ нее мѣсяца, недѣли, дня и проч.

55_1—53_2.

5.

Слѣпой царь не вѣровалъ своей женѣ и не пускалъ ее въ садъ. «Вели, сказала она, повѣсить кровать мою на яблоню, я взлѣзу туда, ты покамѣсть обхватишь яблоню, да держи»; Царь согласился. Любовникъ былъ уже тамъ, царица къ нему лезетъ, царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе, мужъ съ женою (царь да царица [1]) поссорились и побранились; жена была беременна; она родила и велѣла убить сына и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара принести вмѣсто своего собачье сердце, и подмѣнить кузнецкаго сына. Молодой царевичъ собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его царемъ, ибо по его велѣнію береза приклонилась, и лягушки замолкли. Царенокъ дѣлаетъ висѣлицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ и въ ссылку ссылаетъ; доходитъ слухъ о томъ до царя, который задаетъ ему разныя задачи и изумляется раннему понятію сына кузнеца.

Ѣдетъ царь мимо кузницы. Богъ помочь, кузнецъ. — Спасибо, В. В. — Сколько..... съ тѣхъ поръ, какъ ты куешь? — А сколько шаговъ ступилъ твой конь? — Пріѣзжай-же ко мнѣ завтра не пѣшкомъ, не верхомъ, покажи мнѣ своего друга и недруга, и принеси мнѣ даръ, котораго-бы я не взялъ.—Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага [1]) и собаку (своего друга [1]);—жену бьетъ,

---

[1]) Скобки Пушкина. В. Я.

та его бранитъ и убѣгаетъ, собаку бьетъ, та визжитъ и къ нему ласкается. Царь догадывается, что кузнецъ уменъ умомъ сыновнимъ, призываетъ его и ѣдетъ съ нимъ и со своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться.—Подъѣзжаютъ къ сосновой рощѣ.—Что-бъ изъ нея сдѣлать, мой сынъ? спрашиваетъ царь.—Да наковальню отвѣчаетъ царскій сынъ [мнимый].—А ты, кузнецкій сынъ?—Терема царскіе. Видятъ еловую [рощу] и березовую; тотъ-же вопросъ, отвѣты въ томъ-же духѣ.—Царь привозитъ кузнецова сына домой. Мать его въ него влюбляется; новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ; онъ ....., ѣстъ и вшей бьетъ. Что ты дѣлаешь?—Убавляю, прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его, оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. Царевичъ приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ (sic) ввергается въ темницу и осуждается на смерть. Три висѣлицы: золотая, серебряная шелковая. Царь и царица ѣдутъ смотрѣть казнь королевича. Онъ хохочетъ; чему? Да тому, что переднія колеса ѣдутъ за лошадью, а заднія-то зачѣмъ? (allusion a la reine, qui suit le roi [1]). Пріѣзжаютъ. Царевичъ проситъ позволенія играть на рожкѣ, рать его вооружается;—ступаетъ на ступень, на другую, на третью и все играетъ въ рожекъ. Наконецъ хохочетъ. Чему, дуракъ?—Самъ ты дуракъ, взгляни, какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ, и проч.

На шелковой висѣлицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова: вотъ куда каламбуры зашли!

53_2—53_1.

6.

О святкахъ молодые люди играютъ игрища, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ: чертъ, жени меня. Чертъ выходитъ изъ за печки, соглашается женить. Невѣста—дочь, проклятая отцомъ и матерью. Молодые ѣдутъ въ чужой городъ, заживаютъ домкомъ. Разъ видятъ двухъ нищихъ, старика со старухою, и несутъ они младенца, что не пьетъ, не ѣстъ ужъ 30 лѣтъ. Молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца, и вываливается оттуда осиновый чурбанъ; она открываетъ имъ, что она ихъ дочь.

Въ томъ-же родѣ. Женихъ пропадаетъ три года; невѣста его узнаетъ, что должно въ лѣсу въ пустой хижинѣ 3 ночи ночевать, дабы достать его. Находитъ хижину, около нея ходитъ, слышитъ голосъ его, но не видитъ входа; видитъ ходъ чертей, между ними и онъ на гудкѣ играетъ. Хижинка открывается, она видитъ тамъ кучу змѣй—бросается туда, то былъ хворостъ и проч.

3. Мать, разсердясь на сына, [говоритъ] ему: лукавый тебя побери. Маль-

[1]) Скобки Пушкина. В. Я.

чикъ исчезаетъ. Тоже слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ [1]) она туда, а плачутъ въ ригѣ, у пруда. Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе! Мальчикъ тутъ: я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ, и проч.

53_1—52_2.

7 [2]).

Царевна заблудилась въ лѣсу. Находитъ домъ пустой, убираетъ его. 12 братьевъ пріѣзжаютъ: ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то, или мущина, или женщина,—коли мущина будь нашъ отецъ родной или братъ названый, коли женщина будь намъ мать или сестра... Сіи братья враждуютъ съ другими 12 богатырями; уѣзжая они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку: если кровію нальется, то не жди насъ. Пріѣзжая назадъ, спятъ они сномъ богатырскимъ: 1 разъ 12 дней, 2) 24, 3) 31. Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель—и проч.

Мачиха ея приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищенки; собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ее. Она достаетъ царевнѣ рубашку, которую та надѣвъ умираетъ. Братья хоронятъ ее въ гробницѣ натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичъ влюбляется въ ея трупъ и проч.

52_2—50_2. Народныя пѣсни, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныя г. Анненковымъ въ газетѣ «Порядокъ» [1881 г., № 11], см. II. 390 [3]). Пѣсни эти опять таки переданы г. Анненковымъ неточно, съ ошибками. Многія слова переданы въ печатномъ текстѣ не такъ, какъ они записаны Пушкинымъ; у Пушкина вездѣ, напр., Сенька Разинъ, въ печатномъ же Стенька; особенно часто мѣняетъ г. Анненковъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія: у Пушкина подчивать, у г. Анненкова подчивати и пр. Оставляя въ сторонѣ эти неточности въ отдѣльныхъ словахъ, укажу, что въ пѣснѣ о С. Разинѣ въ печатномъ текстѣ пропущенъ собственно одинъ лишь стихъ; мѣсто это въ рукописи читается такъ:

Посреди лодки хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ
Закричалъ тутъ а[таманъ]...
А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки.
Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки,
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ.

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Эта сказка послужила основой для сочиненія спящей царевны.

[3]) Въ газетѣ „Порядокъ“ пѣсня о разбойникахъ перепечатана неточно и съ пропускомъ 3-хъ стиховъ. В. Я.

Ясно, что здѣсь въ пѣснѣ какой-то пропускъ [1]). Въ пѣснѣ о Марьянкѣ и 12 разбойникахъ [II. 392]:

Анненковъ передаетъ многія слова неточно [къ матушкѣ, вмѣсто къ матери и т. п.]; кромѣ того онъ не сдѣлалъ двухъ перестановокъ, указанныхъ Пушкинымъ; такъ вмѣсто напечатаннаго:

Она годъ живетъ, и другой живетъ,
Прижила малаго дѣтеныша...

надо:

Они прижили малаго дѣтища;
Она годъ живетъ и другой живетъ...

Вмѣсто [второго стиха на 303 стр.]:

Взяли въ полонъ родну сестру,

надо:

Родну сестру взяли во полонъ.

Послѣдній стихъ пѣсни у Пушкина не дописанъ, но, вѣроятно, онъ долженъ представлять повтореніе сейчасъ приведеннаго. Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, кромѣ не пушкинской разстановки словъ, мы видимъ и неточность въ передачѣ отдѣльныхъ выраженій: примѣровъ этихъ достаточно.

Затѣмъ идетъ еще пѣсня:

Какъ за церковью, за нѣмецкою...

[II. 380]. Къ слову не примолвили, Пушкинъ сдѣлалъ на поляхъ отмѣтку: пригласить.

50_1 и 49_2. Черновая, съ помарками: Евгеній Онѣгинъ, изъ пятой главы, строфы XXI—XXIV [III. 98—100]. Рисунки: 50_1 нѣсколько головъ въ парикахъ; стрѣляющая пушка. 49_2: передняя половина лошади, на ней всадникъ.

49_1—44_1. Черновая, всѣ исчерканныя статьи «О народномъ воспитаніи». [V. 40—46]. Писана карандашемъ и чернилами. Много помарокъ и повтореній, много недописаннаго. Это здѣсь не цѣльная статья, а рядъ набросковъ, повторяющихся замѣтокъ. Въ общемъ эта черновая близко подходитъ къ печатному тексту. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются §, на которые Пушкинъ, вѣроятно, хотѣлъ раздѣлить сначала всю статью. Въ двухъ мѣстахъ [когда дѣло идетъ 1) объ имп. Александрѣ и 2) о патріархальномъ воспитаніи] сдѣлана замѣтка: изъ записокъ. Изъ дополненій укажу слѣдующее: должно надѣяться, братья, товарищи, друзья погибшихъ успокоются временемъ и размышленіемъ, поймутъ, простятъ въ душѣ не-

[1]) Замѣчаніе г. Анненкова о неразборчивости рукописи въ данномъ мѣстѣ объясняется просто запамятованіемъ и неточной отмѣткой въ сдѣланной копіи. В. Я.

обходимость и (съ надеждою на великодушіе, на милость монарха, коего власть неограничена никакими законами)... [ср. V. 41].— Затѣмъ находимъ тутъ фразу о программѣ обученія, не совсѣмъ согласную со словами печатной статьи [V. 45]: нужно ввести совершенно новую систему ученія: языки латинскій, французскій и нѣмецкій должны преимущественно занимать первые годы; науки математическія, Исторія (краткій разсказъ происшествій), Географія (не статистика [1]), Логика и Законъ Божій—слѣдующіе три года, послѣдніе»... Продолженіемъ этой фразы служитъ другая, отдѣленная отъ нея нѣсколькими страницами: «Высшія политическія науки займутъ сіи окончательные годы. Исторія, которая въ первые годы и проч.».

На 42_2. Вчернѣ набросано заключеніе статьи.

Между 49 и 48 вырвано; 48 листъ не занумерованъ красною цифрою; рисунки: 49_1 лицо; 49_2 фигура толстяка и женское лицо.

43_2. Карандашомъ черновые наброски XXV строфы пятой главы Евгенія Онѣгина [III. 100].

Но вотъ багряною рукою и пр.
. . . . . .
Веселый праздникъ именинъ.
Татьяну ждутъ привѣты, ласки
Ужъ наканунѣ 2 коляски,
Одна кибитка, 3 возка
Къ нимъ привезли изъ далека
Сосѣдей цѣлыми семьями
. . . . . .

И еще:

Съ ребятами съ учителями
Сосѣди цѣлыми семьями
Съ утра съѣзжаются въ саняхъ и т. д.

Рисунки: фигура расшаркивающагося или танцующаго мущины; ножки.

43_1. [Чернилами]:

Подруга дней монхъ суровыхъ

[II. 147]. Вслѣдъ за послѣднимъ печатнымъ стихомъ былъ начатъ еще:

Тѣснятъ твою всечасно грудь
То чудится тебѣ...

Съ боку и внизу карандашемъ набросана XXVI строфа пятой главы Евгенія Онѣгина [III. 100]. Рисунки: всадникъ и нѣсколько женскихъ головъ.

42_1. Окончаніе статьи о народномъ воспитаніи, см. выше.

[1]) Скобки Пушкина.

В. Я.

42_1—38_2. Черновыя строфы изъ пятой главы Евгенія Онѣгина XXVII—XXX, XXXII—XXXIV, XXXVII и XXXVIII. [III 101—106]. Въ XXX строфѣ есть важный черновой варіантъ:

...слезы изъ очей
Хотятъ ужъ хлынуть; вдругъ упала
Бѣдняжка въ обморокъ, смутясь
Ее выносятъ, суетясь,
Толпа гостей залепетала
Всѣ на Евгенія глядятъ
И всѣ въ душѣ его винятъ).

Пушкинъ тутъ-же зачеркнулъ эти стихи и сейчасъ-же началъ:

Но воля и разсудка власть
Превозмогли и т. д.

Съ этой перемѣной картина, конечно, много выиграла.

38_1. Нарисованы: валъ и ворота [крѣпость], на валу висѣлица и на ней пять повѣшаныхъ, съ боку начата фраза: и я бы могъ, (какъ тутъ на ..). Въ низу страницы опять повторенъ тотъ-же рисунокъ, а посреди страницы снова начата фраза: и я бы могъ ..—Рисунки эти относятся къ 1826 г. [«О народномъ воспитаніи» писано въ половинѣ ноября] и напоминаютъ смерть Рылѣева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго († 13 іюля 1826 г). Въ запискѣ «О народномъ воспитаніи» Пушкинъ высказываетъ надежду, что братья, друзья, товарищи погибшихъ [декабристовъ] успокоятся временемъ и размышленіемъ. Онъ самъ еще не былъ въ это время успокоенъ. Обласканный царемъ, восторженно встрѣченный москвичами, онъ продолжалъ думать о погибшихъ братьяхъ, и не только о живыхъ, но и о мертвыхъ. Такимъ образомъ рисунокъ на этой страницѣ и надпись показываютъ намъ, что сказанное имъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому [VII. 44]: «Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна» было невполнѣ искренно, что Пушкинъ, повторяю, думалъ и о мертвыхъ братьяхъ, мысленно присоединялъ себя къ ихъ судьбѣ. Припомнимъ кстати окончаніе-варіантъ Пророка [II. 398].— На той-же страницѣ (38_1) еще рисунки: много лицъ.

VI.

№ 2369. Тетрадь въ листъ, въ черномъ кожанномъ переплетѣ. Ярлыкъ съ надписью, уже приведенною выше [см. № 2364]. На внутренней сторонѣ передней доски рукою Пушкина написано съ росчерками: «27 мая 1822, Кишиневъ Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ»; нарисовано лицо. На задней доскѣ, тоже съ внутренней стороны, помѣчено: «Въ сей книгѣ написанныхъ и померованныхъ листовъ пятьдесятъ одинъ. Опекунъ:» Такъ и есть на самомъ дѣлѣ: 51 листъ.

1_1. Въ два столбца написанъ—

«Отрывокъ».

Ты, сердцу непонятный мракъ"...

—I. 526. Первоначальный текстъ съ поправками и варіантами. Два ряда точекъ, стр. 527, такъ и въ подлинникѣ. Тутъ же начинается черновая: «Пностранкѣ»—I. 413; варіанты. См. № 2367, л. 26_4.

1_2. Внизу окончаніе предыдущей піэсы, а сверху—черновой набросокъ, со многими поправками и помарками. Привожу по возможности послѣднюю редакцію, далеко, конечно, не оконченную:

Исполню я твое желанье
Начну обѣщанный разсказъ
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье,
Тогда я грустью омрачился,
Но не надолго юный умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Въ унынье, въ думы углубился.
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
Восторги—тихою тоской,
Печаль—порывомъ упоенья...

Далѣе идутъ еще нѣсколько строкъ, представляющихъ варіанты того-же:

Мнѣ стало грустно; (рѣзвый) умъ
Минутной думой омрачился,
Но скоро пылкихъ оргій шумъ...

и еще:

Мнѣ стало грустно; на мгновенье
Забылъ я [пылкихъ] оргій шумъ...

Рисунки: нѣсколько ножекъ опирающихся на стремя. Затѣмъ много вырвано, не менѣе 18 листовъ [писанныхъ].

2_1. Черновой набросокъ: «Наши писатели жалуются на равнодушіе женщинъ».... —V. 52. —Первоначальная редакція, отличающаяся отъ печатной многими варіантами и значительными дополненіями. Такъ какъ мысль остается все та-же, а въ исправленномъ видѣ эта замѣтка была напечатана самимъ Пушкинымъ, то я не привожу ничего изъ черняка.

2_2. Окончаніе предыдущей замѣтки. Далѣе начинается отрывокъ: «Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности»... V. 15. Отрывокъ этотъ напечатанъ впервые г. Анненковымъ [А. С. Пушкинъ и пр. стр. 222]. Г. Анненковъ пользовался другимъ оригиналомъ и, повидимому, не вездѣ точно разобралъ его, почему я и выписываю изъ этой черновой нѣсколько мѣстъ, исправнѣе, кажется, передающихъ мысль Пушкина, чѣмъ печатный текстъ. Ссылки дѣлаю на

V томъ.—Стр. 15, строка 4 снизу: Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ не для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, и т. д. [у г. Анненкова: исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными (sic), у насъ нѣтъ еще и пр.]. Стр. 16, строка 11 сверху:... на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны. Стр. 16, 5 строчка съ конца: Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то-же самое... У г. Анненкова: что счастливые сподвижники Ломоносова [пробѣлъ, будто-бы для именъ сподвижниковъ] [1]), что Батюшковъ сдѣлалъ и т. д... Помѣты нѣтъ никакой.

Рисунки: мужскія и женскія лица, въ томъ числѣ Наполеонъ въ шляпѣ.

3_2. Окончаніе Бахчисарайскаго фонтана:

Я помню столь-же милый взглядъ

и до конца—I. 400. Поправки, какъ напечатано. Затѣмъ вырвано.

4_1.

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной...

—VII. 83. За послѣднимъ печатнымъ стихомъ можно разобрать еще:

Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь,
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой,
Ввѣришься...

Далѣе еще четыре строки карандашемъ, почти стершіяся. — Рисунокъ Два лица.

4_2. Сверху двѣ помѣты: 9 іюня — 28 мая, ночью [2]). Начинается Евгенія Онѣгина черновыя съ поправками и варіантами.

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ.

—Двѣ строфы. III. 1.

5_1. Третья и четвертая строфа первой главы [III. 2].

5_2. Повтореніе четвертой строфы и пятая той-же главы [III. 3].

---

[1]) Г. Анненковъ занимался бумагами Пушкина въ началѣ 1850-хъ годовъ, и данный отрывокъ напечаталъ черезъ 20 лѣтъ, въ 1874-мъ году: обозначенный имъ пробѣлъ не есть-ли какая нибудь случайность въ сдѣланной имъ копіи? Зная вообще неточность г. Анненкова въ передачѣ Пушкинскаго текста, я склоненъ думать, что и вообще въ этомъ отрывкѣ отличія напечатаннаго имъ текста отъ даннаго подлинника зависятъ отъ неточнаго чтенія неразборчивой, небрежной копіи, сдѣланной за 20 лѣтъ.

[2]) Г. Бартеневъ прибавляетъ [стр. 133], что тутъ съ боку помѣта: „Евгеній Онѣгинъ, поэма въ“. Никакой подобной помѣты нѣтъ. В. Я.

6_1.

И могъ онъ [съ нимп] въ самомъ дѣлѣ
Вести и мужественный споръ
О Байронѣ и Benjamen,
О Карбонарахъ, о Парпи,
Объ (генералѣ) Жомини.

Этотъ отрывокъ неточно сообщенъ г. Бартеневымъ [см. III. 421]. Затѣмъ идетъ вся VI строфа первой главы и начало VII. Тутъ находимъ зачеркнутые три стиха, напечатанные г. Бартеневымъ неточно и въ непосредственной связи съ приведенными выше [см. III. 422]; у Пушкина они написаны среди строфы, при чемъ изъ нихъ послѣдній не относится къ двумъ первымъ:

Онъ зналъ нѣмецкую словесность
По книгѣ г-жи де Сталь...

Третья строка:

И приводилъ ихъ очень кстати...

относится къ предъидущему:

...Изъ Эпенды три стиха

6_2.

Не яль тебя [....] замѣтилъ
Въ толпѣ застѣнчивыхъ подругъ,
Твой первый взоръ не я-ли встрѣтилъ
Не я-ли былъ [твой] первый другъ.

Затѣмъ проведена большая черта, а далѣе опять изъ Е. Онѣгина, изъ пятой строфы первой главы; потомъ черточки и два съ половиной стиха, отчеркнутые синимъ карандашемъ. Г. Бартеневъ привелъ ихъ опять въ связи съ вышеупомянутыми отрывками [см. III. 422].

Садился онъ за клавикорды
И бралъ на нихъ одни аккорды
(Съ небрежностью)...

7_1. VII и VIII строфы первой главы Евгенія Онѣгина [III. 4 и 5].

7_2. X и XI строфы той-же главы. Затѣмъ вырвано.

8_1. Заключительное двустишье IX строфы первой главы:

Какъ онъ умѣлъ наединѣ...
Но скромнымъ быть пора-бы мнѣ.

[III. 422]. Г. Бартеневъ сообщилъ это двустишье въ непосредственной связи съ вышеупомянутыми отрывками, т. е. соединилъ вмѣстѣ стихи изъ разныхъ мѣстъ поэмы, заимствовавъ ихъ со страницъ 6_1, 6_2 и 8_1. Такихъ соединеній, совершенно непонятныхъ и ничѣмъ не вызванныхъ, въ сообщеніяхъ изъ бумагъ Пушкина у г. Бартенева очень много.

Дальше на той-же страницѣ слѣдуетъ черновой набросокъ, отчеркнутый синимъ карандашемъ, но сообщенный г. Анненковымъ не вполнѣ:

Такъ рѣзвый баловень служанки,
Амбара стражъ, усатый котъ
За мышью крадется съ лежанки,
Протянется, идетъ, идетъ,
Полузажмурясь, (подступаетъ)
Свернется въ комъ, хвостомъ вертитъ
Расширитъ когти...

Ср. въ графѣ Нулинѣ, II. 127.

Затѣмъ:

Какъ онъ умѣлъ сердца тревожить

вся XII строфа первой главы. Тутъ-же карандашемъ:

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной...

III. 422.—Рисунки: нѣсколько головъ чернилами и карандашемъ.

8_2. [Вся карандашемъ].

Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
О платонизмѣ разсуждать
Смѣшить нежданной эпиграммой
(И въ куклы съ дурочкой играть).
Онѣгинъ это испыталъ,
За то какъ женщинъ понималъ.

Далѣе идетъ отрывокъ, сообщенный г. Анненковымъ, но не вполнѣ и притомъ почему-то въ непосредственной связи съ отрывкомъ, взятымъ со страницы предыдущей.

Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ близъ безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада;
Все спитъ, и вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Слѣдующій затѣмъ набросокъ

Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,

былъ напечатанъ г. Анненковымъ [см. III. 422], но не совсѣмъ точно; въ подлинникѣ стихи идутъ подъ конецъ въ такомъ порядкѣ:

...И узнаемъ ее въ романѣ.
Лѣта пройдутъ и между тѣмъ
Не насладились мы ничѣмъ.
Прелестный опытъ упреждая,

Мы только счастію вредимъ:
[Незапно] скроется, и съ нимъ
Уйдетъ горячность молодая.

Рисунки: двѣ молящіяся женщины.

9_1. [Карандашемъ и чернилами].

Сначала идетъ черновой набросокъ изъ Онѣгина, изъ XXXIV строфы первой главы:

Чтожъ былъ-ли счастливъ мой Евгеній

и т. д., четыре стиха, варіанты.

Далѣе идетъ черновой набросокъ:

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
(Вы, бури), вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза! символъ [свободы],
Промчись поверхъ невольныхъ водъ.

Затѣмъ съ боку и ниже опять Евгеній Онѣгинъ, изъ первой главы, изъ разныхъ мѣстъ [отдѣльные стихи XV и XXVI строфъ].

9_2. Конецъ XV строфы и изъ XVI [1]) [III. 7 и 8]. Рисунки: лица.

10_1. XVII и XX строфы той-же главы. Такимъ образомъ воспоминаніе о театрѣ [строфы XVIII и XIX] были вставлены потомъ.

10_2—11_2. Въ восторгѣ всѣ. Онѣгинъ входитъ, и т. д., строфы XXI—XXIV. Въ концѣ 11_2 набросокъ:

Во всей Европѣ въ наше время

[III. 423]. Г. Анненковъ вѣрно прочелъ этотъ чернякъ, — поправки-же г. Бартенева не вѣрны; конецъ въ подлинникѣ читается такъ:

---

[1]) Г. Бартеневъ [134] привелъ съ этой страницы два стиха въ такомъ видѣ:

Вошелъ и пробка въ потолокъ!
И vol au vent и vinaigrette.

Опять соединены два разные стиха.

Первый стихъ находится въ строфѣ на своемъ мѣстѣ, второй-же приписанъ съ боку съ неконченнымъ другимъ:

И vol au vent и vinaigrette
Дымится... жиръ котлетъ.

Такимъ образомъ и г. Анненковъ привелъ двустишье неточно [см. III, 422].

В. Я.

И пыньче воинъ и придворный
(И дипломатъ [1]) и либералъ задорный
Поэтъ — и сладкій дипломатъ
Готовы [2])...

Между 10 и 11 нѣсколько вырвано.

Рисунки: 11_1 и 12_2—лица.

12_1. «Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый». — II. 23. Исчерканная черновая. Затѣмъ замѣтки къ Евгенію Онѣгину:

(Кокетства) странности такой
Не понималъ философъ мой [3]). [III. 423].

* * *

Что не въ какомъ родѣ — иномъ
Создать высокаго не могъ.

Куда нибудь, не все ль равно,
Съ утра рѣшиться мудрено.

Рисунки: головы и ножки.

12_2.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ

и пр., строфы XXV и XXVI главы I [III. 12].—Рисунки: лица.

13_1. Черновые наброски XXVII строфы, и потомъ вся эта строфа. Рисунки: лица.

13_2—14_2. Строфы XXVIII — XXXII и XXXIV той-же первой главы. — Рисунки: 13_2—лица; 14_2—голова офицера.

15_1. Окончаніе пятой строфы, начиная со стиха: Имѣлъ онъ счастливый талантъ. Далѣе строфа XXXV и первая половина XXXVI.—Рисунки: лицо; фигура съ ведромъ.

15_2 и 16_1. Черновая съ поправками, и значительными варіантами: Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты [I. 405]. Стихотвореніе начато на 16_1 и кончено на 15_2. Послѣднихъ двухъ стиховъ нѣтъ.—На 16_1 сверху черновой набросокъ изъ письма къ Вяземскому: «Какъ сюжетъ, c'est un tour de

---

[1]) Съ боку вмѣсто зачеркнутаго приписано—поэтъ, но тоже зачеркнуто.

[2]) Послѣднее слово не дописано и можетъ быть прочитано: готовъ.

[3]) Г. Бартеневъ привелъ эти два стиха въ непосредственномъ соединеніи съ двумя другими:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

Эти два стиха [къ тому-же вошедшіе въ окончательную редакцію и давно извѣстные] г. Бартеневъ зачѣмъ-то взялъ со слѣдующей страницы, гдѣ находится вся XXV строфа. В. Я.

force и т. д. [VII. 10]. Есть варіанты; такъ, при словахъ: «я ничего лучше не написалъ»—въ скобкахъ замѣчено: «кромѣ посланія къ Овидію». Письмо это относится къ 14-му октября 1823-го года: около этого-же времени была, значитъ, написана и Элегія г-жѣ Ризничъ.—Между 15 и 16 вырвано.

16_2—20_2. Опять черновыя строфы изъ первой главы Евгенія Онѣгина [XXXVII, XXXVIII и XLII — LVI], отличающіяся отъ печатныхъ варіантами, порядкомъ стиховъ. На 20_2 находимъ такой набросокъ:

Занятіямъ деревня учитъ,
Уединенье хоть кого
Читать въ ненастны дни научитъ
важнѣй всего [sic].

На 20_1, при началѣ LIV строфы, помѣта: 8 апр.

— На 19_1 съ боку приписано, около XLIX строфы: «aimez moi».

Рисунки: 17_2—голова; 18_1—черти и вѣдьма; 20_1—мужская голова и женская фигура.

21_1 и 21_2. Французское письмо къ неизвѣстному лицу [VII. 179], напечатанное впервые г. Бартеневымъ [135], не совсѣмъ точно, чему въ данномъ случаѣ отчасти служитъ оправданіемъ неразборчивость чернового письма. Впрочемъ не всѣ неточности г. Бартенева могутъ быть оправданы; такъ, напр., въ восьмой строкѣ письма [VII, 179], г. Бартеневъ напечаталъ M. de S., а въ рукописи несомнѣнно стоитъ: M^de S.; или еще г. Бартеневъ безо всякой оговорки пропустилъ совершенно нѣсколько заключительныхъ строкъ письма: je lui prepare une [fameuse?] lettre en [sous-accord] № 2, mais cette fois-ci il aura de g. j. f. [1]), afin qu'il soit du secret comme tout le monde (et qu'il soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire). — На 21_2 страницѣ въ концѣ изъ первой главы Е. Онѣгина LVII и начало LVIII. — Рисунокъ: женская головка въ кокошникѣ.

22_1 и 22_2. Вся LVIII строфа, LIX и LX, т. е. конецъ первой главы; помѣта Octobre 22, 1823, Odesse.—Въ концѣ 22_2 «Жалоба» въ редакціи посмертнаго изданія, съ варіантомъ одного стиха:

Потомку предковъ благородныхъ.

23_1. Начало второй главы Евгенія Онѣгина:

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній
Была пустая сторона,
Для безпорочныхъ наслажденій
Она казалось создана.
Господскій домъ... См. 24_1

Рисунокъ: офицеръ съ крестомъ.

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

В. Я.

23$_1$—24$_1$. На той-же страницѣ начинается черновое письмо къ Вигелю [VII. 180]; стихи, содержащіеся въ этомъ письмѣ, уже были извѣстны въ печати и раньше, что̀ не помѣшало г. Бартеневу, сообщая письмо, пропустить нѣсколько стиховъ, находящихся и въ печатной редакціи, и въ рукописи, хотя онъ пользовался печатнымъ текстомъ и запмствовалъ изъ него тамъ, гдѣ не разобралъ. Проза въ этомъ письмѣ передана г. Бартеневымъ опять не совсѣмъ точно. Поэтому, чтобы распутать сбитый г. Бартеневымъ текстъ стиховъ и исправить его ошибки въ самомъ письмѣ, я приведу все это посланіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ рукописи:

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ,
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ,
Но [только] съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотою [стройныхъ] дѣвъ;
Мнѣ жаль [что] (пламенемъ), громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
. . . . . .
[Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта]
Избранный Богомъ человѣкъ,
Провелъ [бы тамъ] свой мирный вѣкъ [1]),
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца,
Жалѣю о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ-ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, грустный другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ
Прощусь съ Одессою, явлюсь...

---

[1]) Эти два стиха очеркнуты поэтомъ. Поправка неразобрана.
В. Я.

Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною.
. . . . . .
. . . . . .

Это стихи, слѣдственно шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю васъ разсѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. [1] . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
слѣдственно чертъ съ нимъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески, сестру также, и скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи В. объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣеву то же и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали по . . . . . .».

На 23_2 рисунокъ: лицо.—На 24_1 въ концѣ начинается снова Е. Онѣгинъ; первая строфа второй главы въ окончательной редакціи. [См. выше 23_1].

24_2. II строфа той-же главы; варіанты переданы г. Бартеневымъ [III. 424 и у Барт. 136] не точно:

Все это нынѣ обветшало,
Но въ томъ и нужды было мало
Скупому дядѣ богачу...

Тутъ же строфа IV. При стихѣ:

И небо рабъ благословилъ

зачеркнута поправка:

(Мужикъ судьбу) благословилъ.

Въ прежнихъ изданіяхъ этотъ стихъ и печатался въ послѣдней редакціи. Рисунки: лицо и фигура атлета.

25_1. V строфа второй главы. Съ боку опять приписано: «aimez moi».—

---

[1]) Далѣе опускаемъ пять съ половиною печатныхъ строкъ. Ред.

Затѣмъ идетъ неоконченная черновая: Свободы сѣятель пустынный. См. № 2367, л. 25 [I. 408].—Тутъ-же внизу III строфа второй главы Евгенія Онѣгина. Г. Бартеневъ сообщилъ [137, см. III. 424] изъ этой черновой строфы пять стиховъ, гдѣ новаго былъ только одинъ стихъ:

Въ другомъ нашелъ онъ цѣлый строй.

Между тѣмъ оказывается, что этотъ стихъ сначала былъ написанъ такъ:

Въ другомъ наливки, сахаръ, чай,

а потомъ исправленъ окончательно, какъ и вошелъ въ печатный текстъ:

Въ другомъ наливокъ цѣлый строй.

Сообщенной же г. Бартеневымъ редакціи въ рукописи нѣтъ.

25_2. Черновые наброски шестой строфы. Характеристика Ленскаго:

... По имени Владиміръ Ленскій
Душою [1]) школьникъ [2]) Геттингенскій,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Крикунъ, мечтатель и поэтъ.
Онъ изъ Германіи свободной
Привезъ учености плоды,
Духъ пылкій, нрямо благородный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ [3]).

Затѣмъ идетъ VII строфа въ первоначальной редакціи [III. 425]; два послѣдніе стиха читаются такъ:

Страстей кипящихъ буйный пиръ,
И слезы, и сердечный миръ [4]).

Рисунки: лицо; дерево у забора.

26_1. VIII строфа второй главы; между прочимъ:

Онъ вѣрилъ избраннымъ судьбами
Мужамъ, которымъ тайный даръ
И сердца неподдѣльный жаръ
И Геній власти надъ умами [5])...

Тутъ-же и IX строфа.—Рисунокъ: лицо.

---

[1]) Зачеркнутый варіантъ: кудрявый.

[2]) То-же: мечтатель.

[3]) Г. Бартеневъ [137; III. 425] привелъ нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, но присоединилъ къ нимъ два стиха съ 26_1.

[4]) Въ послѣднемъ стихѣ была сдѣлана поправка, какъ напечатано, но потомъ поправка зачеркнута и возстановленъ прежній стихъ.

[5]) Послѣдніе два стиха приведены у г. Бартенева [137; III. 425, см. 25_2, примѣч.] вмѣстѣ съ характеристикой свойствъ Ленскаго, какъ-бы составляя такимъ образомъ тоже непосредственное описаніе Ленскаго. В. Я.

26_2 и 27_1.

Не пѣлъ порочной онъ забавы

и пр. Ш. 425.—Г. Бартеневъ [137] напечаталъ эти черновые наброски не точно; напр.:

... Добыча жадная страстей...
... Картины прежнихъ наслажденій...

такъ онъ пропустилъ четыре стиха:

Напрасно дѣвочки украдкой
Внимая звуки лиры сладкой,
Къ вамъ устремляютъ нѣжный взоръ,
Начать не смѣя разговоръ...

Или въ другомъ мѣстѣ:

Вы рождены [для] славы женской,
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы...
И жаль мнѣ васъ, и милы вы

Послѣ замѣчанія о Пиронѣ начинается:

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный...

и проч. См. Ш, 426 и 32; вся строфа, поправки, близкія къ окончательной редакціи. — На 26_2 съ боку приписано: Q. S. F. O. H.; рисунки: 26_2—много головъ; 27_1—ноги.

27_2. Продолженіе характеристики музы Ленскаго:

Но чаще гнѣвною сатирой
Одушевляясь, стихъ его...

Затѣмъ XII строфа второй главы. Стихъ: Коль хочешь знать, я Купидонъ [III. 427] зачеркнутъ и замѣненъ: Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.—Рисунки: лица.

28_1. [Клочекъ вырванъ]. Строфы XIII и XIV второй главы.—«Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны» и пр. III. 427; «Но добрый юноша, готовый» и пр. до конца, этого тутъ нѣтъ. См. ниже 31_2.—Рисунки: лица, голова собаки.

28_2.

Сноснѣе впрочемъ (былъ) Евгеній

и пр.—строфа XIV.

...Не посвящалъ друзей въ шпіоны,
Не думалъ, что добро, законы,
Любовь къ отечеству, права,
(Лишь только) звучныя слова.

Затѣмъ тутъ-же строфа XV.

29_1. Въ прогулкѣ ихъ уединенной—III. 429.—Затѣмъ неразборчивая черновая стиховъ Ленскаго [III. 427 и 428], сообщенныхъ у г. Бартенева неточно [138—139], что въ данномъ случаѣ до извѣстной степени оправдывается неразборчивостью исчерканной черновой. Не разбирая всей черновой вполнѣ, не стану приводить поправокъ отдѣльныхъ словъ; замѣчу только, что различія текста, сообщеннаго у г. Бартенева, отъ текста, напечатаннаго г. Анненковымъ, не всегда оправдываются рукописью.

29_2.

Межъ ними все рождало споры
И къ разсужденію влекло...

и т. д. (XVI строфа второй главы Евгенія Онѣгина). Тутъ и набросокъ, впервые сообщенный г. Бартеневымъ, но неточно. [III. 429].

Отъ важныхъ исходя предметовъ,
Касался разговоръ
И русскихъ иногда поэтовъ;
Съ вздохомъ и потупя взоръ,
Владиміръ слушалъ, какъ Евгеній
Немилосерно поражалъ...

Затѣмъ:

Мнѣ было грустно, тяжко, больно

и пр. III. 423. Чтеніе г. Бартенева на этотъ разъ вѣрнѣе чтенія г. Анненкова:

Но одолѣвъ меня въ борьбѣ...

Была сдѣлана поправка—мой умъ, но она зачеркнута, и прежній стихъ возстановленъ.—Съ боку помѣта: 1 novembre, 20 p. a. et.—Рисунки: три женскія головки.

30_1. Еще черновая стиховъ Ленскаго, опять сообщенныхъ г. Бартеневымъ и опять объ нихъ надо сказать, что было сказано о первыхъ [29_1]: рукопись не всегда оправдываетъ тѣ отличія отъ текста у г. Анненкова, которыя внесъ г. Бартеневъ. Такъ, хоть первый, напр., стихъ въ рукописи читается:

Надеждой сладостной младенчески дыша.

Г. Бартеневъ сообщаетъ:

Ничтожествомъ могила ужасаетъ
Какъ! Ничего во мнѣ!

Въ первомъ стихѣ не зачеркнуто лишь послѣднее слово и онъ вмѣстѣ со вторымъ неоконченнымъ отчеркнутъ съ боку, а ниже написано это мѣсто такъ:

Меня ничтожествомъ могила ужасаетъ...
Какъ ничего—ни мысль, ни первая любовь...
Мнѣ страшно, и на жизнь гляжу печально вновь [1])...

Съ боку замѣтка: choc. 20 port. 5. 40.

30₂. Черновые наброски къ XIX строфѣ второй главы Онѣгина. Тутъ же черновой набросокъ, относящійся къ Цыганамъ [I. 438 и 540].

Какія чувства не кипѣли
Въ его измученной груди,
Давноль, на долголь присмирѣли?
Они проснутся подожди [sic].

Затѣмъ черновая XVII строфа [III. 429] Евгенія Онѣгина [2]).

Блаженъ кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконецъ отъ нихъ отсталъ,
Блаженнѣй тотъ кто ихъ не зналъ,
Кто усыплялъ любовь измѣной
Вражду злословьемъ, (клеветой) [3])
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой...
Но мнѣ досталося на часть
Одна [губительная] [4]) страсть

* * *

Страсть къ банку — ни любовь свободы,
Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры

и проч., какъ вѣрно напечатано было г. Анненковымъ [см. III. 191]. Г. Бартеневъ [140; III. 429] тоже напечаталъ эти двѣ строфы, но съ пропусками и искаженіями, не имѣющими никакого оправданія. Повторяю, г. Анненковъ въ данномъ случаѣ передалъ текстъ совершенно точно и все, чѣмъ отличается этотъ отрывокъ въ «Русскомъ Архивѣ», есть результатъ невѣроятной небрежности г. Бартенева, не съумѣвшаго прочесть вполнѣ разборчивой черновой и не пожелавшаго справиться съ печатнымъ текстомъ!— На этой страницѣ приписано: «3 nov. 1823. u. b. d. M. R.». т. е.: «3 novembre 1823. un billet de M-me Riznic».—Рисунки: нѣсколько головъ; недорисованная фигура на колѣняхъ.

---

[1]) Въ обоихъ случаяхъ со стихами Ленскаго текстъ, сообщаемый г. Анненковымъ, настолько отличается отъ данной черновой, что заставляетъ предполагать другой подлинникъ. Впрочемъ текстъ у г. Бартенева, несомнѣнно списанный съ этихъ черновыхъ, отличается отъ нихъ не менѣе, чѣмъ текстъ у г. Анненкова.

[2]) Г. Бартеневъ [140 стр.] привелъ только первые четыре стиха.

[3]) Поправка не разобрана.

[4]) Ср. ниже 43₁.

В. Я.

31₂.

Пріятно въ первый разъ конечно
У ногъ любовницы своей
Вздыхать и вѣрить ей безпечно...

— III. 430. Г. Бартеневъ [140] сообщилъ эти стихи въ непосредственной связи съ предъидущими строфами, хотя послѣдніе не доходятъ до конца 30_2 страницы. Далѣе идетъ черновой набросокъ—«Но добрый юноша, готовый» и пр. [III. 427], г. Бартеневъ, совершенно непонятно почему,—слилъ этотъ набросокъ съ строфою XIV [см. 28_1], между тѣмъ, какъ слѣдуетъ скорѣе отнести къ наставленію «пѣвцамъ любви» (см. 26_1].—Пропусковъ г. Бартенева я возстановить тоже не могу.

32_1—33_4. Письмо къ кн. Вяземскому [VII. 10, отъ 4-го ноября 1823, изъ Одессы]: «Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей» и т. д.—Приведу изъ чернового нѣсколько мѣстъ, дополняющихъ бѣловое письмо: «напечатай, но не уступай этой ...., отгрызывайся за каждый стихъ»;—«если не для меня, такъ для Софьи Киселевой». Въ выдержкахъ изъ этого чернового письма, приведенныхъ г. Анненковымъ [см. тамъ же, стр. 11, примѣчаніе] есть пропуски и значительныя неточности:

«Перечитывая твои письма беретъ меня охота спорить... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ; c'est un imitateur....., отъ него такъ и пахнетъ Θеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли. Первыя думы Ламар...[1]) въ своемъ родѣ едвали не лучше думъ Рылѣева, послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился такъ онъ вдругъ выросъ. Парни—древній, Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ. Lavigne—школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродитъ умершую поэзію. Помни мое слово,—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы! Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе чѣмъ у насъ. О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. Ермакъ такая дрянь, что мочи нѣтъ; по мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго—и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Хорошъ русскій поэтъ, poëte de notre civilisation, хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ

[1]) Неразборчивое имя.

В. Я.

куда,—ты одинъ бы могъ прикрикнуть на лѣво и на право, порастрести старыя репутаціи, приструнить новыя, и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому вралю, не и что всего хуже бросилъ поэзію,—этого я переварить не въ силахъ. Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію музыкѣ: чинъ-чина почитай,—я-бы и для Россіи не пошевелился.

Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ; дьявольская разница,—въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что уже давно со мной не бывало. О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить круга своихъ дѣйствій лучше и не думать; а брать такъ брать, не то что и когтей марать».

На 33_1 еще—XVIII строфа второй главы Е. Онѣгина, безъ послѣднихъ двухъ строкъ.

33_2. XIX [начиная съ пятаго стиха] и XX строфы той же главы.—Рисунки: женскія головки.

34_1. Строфы XXI и XXII [1]).

34_2. Къ XXI строфѣ:

Кто-жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и днп, и ночи
И думы сердца посвящалъ,
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ
Вдали веселій, связей вредныхъ
Невинной прелести полна (весела) [2])
Въ глазахъ родителей она (цвѣла)
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ густой,
Ни мотыльками, ни пчелой...

Затѣмъ идетъ строфа: ни дура англійской породы и пр.—III, 430.—Варіанты къ этой строфѣ, сообщенныя г. Бартеневымъ [141], произошли или отъ пропуска нѣкоторыхъ словъ, или отъ внесенія зачеркнутыхъ варіантовъ, или же напротивъ отъ неоконченныхъ поправокъ.—Рисунки: много женскихъ и мужскихъ лицъ; человѣкъ какъ-бы въ ливреѣ и въ токѣ.

---

[1]) Всѣ эти строфы, конечно, многими варіантами отличаются отъ печатныхъ. Г. Бартеневъ [141] привелъ изъ XXI строфы 2 стиха [соединивъ ихъ съ извѣстнымъ раньше стихомъ XX стр.],—ихъ можно-бы привести и больше,—но я не привожу этихъ нѣсколько отличныхъ отъ печатнаго стиховъ, согласно принятому мною правилу.

[2]) Зачеркнутыя два слова: весела и цвѣла представляютъ хорошій примѣръ впередъ записанныхъ поэтомъ рѳмъ, которыя оказались ненужны, когда соотвѣтствующіе стихи замкнулись рѳмою иною: полна и она.

В. Я.

35$_1$. Строфа XXIII; два послѣдніе стиха:

И новый карандашъ беру
Чтобъ описать ее сестру [1]).

Далѣе идетъ строфа XXIV.

35$_2$. Строфа XXV; послѣдніе стихи:

Съ сестрой рѣзвиться не хотѣла
И часто цѣлый день одна
Сидѣла съ книгой у окна

III. 430, см. примѣч. къ 35$_1$.
Далѣе:

Ни живостью сестры своей
Ни красотой лица румяной
Не привлекла бъ она очей.

Тутъ-же стихи, неимѣющіе, кажется, отношенія къ Е. Онѣгину:

(Венерѣ) Фебу и Ѳемидѣ,
Полезно посвящая дни
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни. III. 430

Рисунки: 35 — лица.

36$_1$. XXVII строфа II главы Онѣгина, съ нѣкоторыми варіантами противъ печатнаго текста [III. 40]; два первые стиха приведены г. Бартеневымъ [см. III. 431], въ непосредственной связи съ послѣдними стихами предыдущей страницы и со стихами, относящимися не къ Татьянѣ, а къ ея матери [см. 37$_1$].—Внизу записанъ адресъ: «На Мойкѣ, въ д. гр. Вельгорскаго И. Н. Р.»—Рисунки: много лицъ, ножки, фигура пожилой женщины въ платьѣ и прическѣ 20-хъ годовъ.

36$_2$. Строфы XXIX и XXX той-же главы.

Ей чтенье нравилося болѣ
Никто ей въ этомъ не мѣшалъ,
И чѣмъ романъ тянулся долѣ,
Тѣмъ ей онъ болѣ угождалъ и пр.

Рисунки: много лицъ, между прочимъ нѣсколько разъ женская голова въ фригійскомъ колпакѣ.

37$_1$. Строфы XXXI и XXXII. Они привыкли вмѣстѣ кушать и пр. III. 431.—Рисунки: много лицъ и двѣ женскія фигуры.

---

[1]) Г. Бартеневъ, опустивъ этотъ варіантъ, привелъ первыя двѣ строки этой строфы, отличающіяся отъ печатныхъ однимъ словомъ: тиха вм. скромна, при чемъ, по непонятнымъ причинамъ, опять соединилъ эти стихи съ послѣднимъ стихомъ XXV строфы [35$_1$], относящимся не къ Ольгѣ, а къ Татьянѣ [III, 430].

В. Я.

37₂. Черновое французское письмо къ неизвѣстному лицу [VII. 182], сообщенное г. Бартеневымъ, не обозначившимъ пропуска нѣкоторыхъ неразобранныхъ словъ. Послѣ того текста письма, который напечатанъ, идутъ нѣсколько стиховъ изъ XXXII строфы, затѣмъ нѣсколько французскихъ малоразборчивыхъ строкъ, относящихся къ тому же письму.

S. qui passait pour avoir des goûts antiphysiques à passer un fil par le boût d'une eguille..... A. dit de lui qu'il exhalait partout où [il] falait de patience et...

Затѣмъ опять нѣсколько стиховъ изъ XXXII строфы II главы Онѣгина.

38₂.

Супругъ—онъ звался Дмитрій Ларинъ
И винокуръ, и хлѣбосолъ,
Ну словомъ—прямо русскій баринъ...

Затѣмъ XXXVI и XXXIV строфы. — Рисунки: нѣсколько лицъ.— Вырвано.

39₁. XXXVII строфа той-же главы Онѣгина и отрывки изъ строфъ XXVIII и XXIX.—Рисунки: лица.

39₂. I строфа третьей главы, XXXIX второй главы.—Далѣе: когда желаніемъ и нѣгой утомленный и пр. Барт. стр. 142.

40₁—40₂. Черновое письмо къ А. И. Тургеневу—VII., 61, примѣчаніе. Г. Бартеневъ опять не обозначилъ пропуска недописанныхъ и неразобранныхъ мѣстъ, опять не всегда точно передаетъ текстъ, печатаетъ, напр. имѣть вмѣсто видѣть и т. п.—На 40₂ есть еще черновой исчерканный набросокъ: мою задумчивую младость и пр.—III. 424.—Внизу начато стихотвореніе, записанное въ такомъ видѣ, что опять показываетъ намъ пріемъ Пушкина при творчествѣ, записываніе имъ рнемъ:

Жуковскій святой
Парнаса чудотворецъ
Царедворецъ,
Крыловъ разбитъ параличемъ.

—III. 424. примѣчаніе.—Рисунки: женскія фигуры и ножки [1]).

41₁. «Конечно ты правъ» и проч. черновое письмо къ кн. Вяземскому— VII, 12.

41₂. Нѣкоторые стихи изъ XXXIX и XL строфъ второй главы Онѣгина; съ боку помѣта: «8 декабря 1823, nuit».—Далѣе:

Но можетъ быть—и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ,

---

[1]) Г. Бартеневъ даетъ послѣ приведеннаго наброска о Жуковскомъ и Крыловѣ помѣту: „8 дек. 1823“. [см. „А. С. Пушкинъ“ I, стр. 143], но эта помѣта находится не тутъ, а черезъ двѣ страницы, см. 41₂. В. Я.

и т. д. до:

Или затасканный букварь.

III. 431. — Затѣмъ черновые наброски изъ Отрывка [недвижный стражъ дремалъ —I. 409], начиная со стиха: Владыка сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ и кончая: все пало! подъ яремъ... Рисунки: лица и ноги.

42₁. Сверху еще одинъ стихъ изъ предыдущаго отрывка: Но вновь свободою Гишпанія кипѣла. Затѣмъ:

Быть можетъ этотъ стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный
Могу-ль воскликнуть, воскликнуть (sic)
Exegi monumentum я
Воздвигнулъ памятникъ....

[III. 431. Барт. 143]. Далѣе:

Я узнаю сіи примѣты
(Примѣты вѣрныя любви)
Сіи предвѣстія любви... [1]).

III. 431.—Потомъ нѣсколько стиховъ къ XXXIX и XL строфѣ второй главы Онѣгина. Между прочимъ такъ:

Не я первой, не я послѣдній...
Но чтожъ, въ гостиной иль передней
Равно читатели [умны],
Надъ книгой ихъ права равны.
Не я второй, не я послѣдній
Ихъ судъ услышу надъ собой,
Ревнивый строгій и тупой.

Такимъ образомъ двѣ редакціи этого отрывка были написаны прямо одна за другой.—Рисунки: лица.

42₂. Только рисунки: женскія головки, черти, раздувающіе огонь, вѣдьма, скелетъ, лошадь, дерево.

43₁. XXXV строфа второй главы Онѣгина.—Затѣмъ нѣсколько французскихъ строчекъ изъ письма къ какому-то генералу [VII. 183]. Г. Бартеневъ [стр. 144] пропустилъ одно слово: Je suis confus et humilié de n'avoir pu—и т. д.—Эти французскія строчки написаны на стихахъ:

---

[1]) Г. Бартеневъ, сообщая этотъ набросокъ, во первыхъ отмѣтилъ зачеркнутымъ не тотъ стихъ, во вторыхъ зачѣмъ-то соединилъ эти три стиха съ четвертымъ, вовсе сюда не относящимся, хотя и находящійся на этой страницѣ:

Для призраковъ закрылъ я вѣжды.

Стихъ этотъ, находящійся и въ печатной редакціи, относится къ слѣдующимъ наброскамъ изъ XXXIX строфы второй главы Онѣгина съ неразборчивымъ стихомъ. В. Я.

Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья
. . . . . .

Послѣ французскаго отрывка:

Но мнѣ досталася на часть
[Не толь] губительная страсть
Ужъ я не тотъ... [1]).

43_2. Тутъ черновой набросокъ, не вполнѣ правильно прочитанный г. Анненковымъ; г. Бартеневъ не только не исправилъ текста г. Анненкова, но еще болѣе его испортилъ. Въ подлинникѣ этотъ набросокъ читается такъ:

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя пѣни [2]).
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ [3]).
Обманывать себя не стану
Тебя (роптаніемъ) преслѣдовать не буду
(И невозвратное) быть можетъ позабуду.
(Я зналъ: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

—На этой-же страницѣ начинается и кончается на слѣдующей, 44_1, черновое письмо къ А. А. Бестужеву [VII. 165; февраль 1824]. Привожу изъ чернового одну поправку и три дополненія, оставляя въ сторонѣ мелкія различія.—Въ печатномъ чистовомъ текстѣ: «совѣтую тебѣ, дружокъ, заворотъ»... въ черновой рукописи: «совѣтую тебѣ держать заворотъ»...— Въ рукописи: должно было оставить покойному Д.... (Нахимову), а не печатать въ европейскомъ изданіи. — Еще: «о поэмѣ пока нечего и думать: она писана строфами едва-ли не вольнѣе строфъ Донъ-Жуана».—Въ концѣ зачеркнутая приписка: «У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ, сдѣлайтесь съ цензурой, переправляйте ихъ».

44_2.

Къ М. А. Г.

Давно объ ней воспоминанье,

и проч., текстъ съ поправками, какъ напечатано [I. 408 и 534; княжнѣ Голицыной].

---

[1]) См. выше 30_2.

[2]) У г. Анненкова этотъ стихъ такъ:

Произносилъ я горестныя пѣни, — такая поправка есть; у г. Бартенева ошибочно:

Прощальныя и горестныя пѣни...

[3]) Г. Анненковъ привелъ только эти четыре стиха; г. Бартеневъ напечаталъ и дальнѣйшія исчерканныя и неотдѣланныя строки, но неточно.

В. Я.

44₂—45₁. Вся исчерканная малоразборчивая черновая съ многочисленными поправками и варіанты: «Къ чему холодныя сомнѣнья» и пр. [Чаадаеву, I. 303].

45₂. Черновое начало Цыганъ, I. 433; затѣмъ программа: (старикъ), (дѣва) Алеко и Маріанна, (утро, медвѣдь, исповѣдь), (разговоръ), признаніе, убійство, изгнаніе.—Рисунки: лица.

46₁. Продолженіе изъ Цыганъ (I. 434):

Все живо посреди степей...
. . . . . .
Ночнымъ подернутое паромъ.

Рисунки: медвѣдь, два шатра, въ одномъ женщина кормитъ грудью ребенка; —голова пожилаго господина, туго затянутаго въ галстухъ.

46₂. Начатое не съ самаго верха страницы черновое письмо къ Бестужеву [VII, 163. 12-го янв. 1824 года]: «конечно я на тебя сердитъ», и проч. Послѣ словъ: et te autem, Brute?—въ черновой слѣдуетъ: я хотѣлъ было за вину твоей корректуры извиниться въ какомъ нибудь журналѣ, публика этого не стоитъ —Рисунокъ: лицо. —Письмо это занимаетъ всю 47₁.

47₂. Опять продолженіе Цыганъ [см. 46₁].

Его молоденькая дочь...
. . . . . .
...Готовъ идти за мною всюду.

Рисунки: лица.

48₁.

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра...
. . . . . .
По городамъ ходи съ медвѣдемъ
Иль подаянія проси.

Рисунокъ: голова въ фескѣ.

48₂. Опять Евгеній Онѣгинъ:

„Глава третья“

I и II строфы.—Съ боку помѣта: «8 fevr., la nuit, 1824», и тутъ-же приписано: joué avec Sch. et Sin, perdu, soupé chez C. E. V.—Рисунки: двѣ головы, одна изъ нихъ во фригійскомъ колпакѣ.

49₁. III строфа той-же главы; такъ какъ она не вся внесена въ окончательную редакцію и шесть стиховъ въ ней замѣнены точками, то я и выписываю ее всю въ черновой редакціи, хотя она совершенно неотдѣлана.

Къ сосѣдкамъ поскакали други;
Обоимъ имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины;
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
Бутыль съ брусничною водой,
Арбузъ и персикъ золотой;
Въ деревнѣ день есть цѣпь обѣда.
Поджавши руки, у дверей
(Столпились) [1]) дѣвки, изъ сѣней
Смотрѣть на новаго сосѣда,
А на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.

Тутъ-же IV строфа. Рисунки: три лица; можетъ быть, одно изъ нихъ Татьяна, другое—Онѣгинъ.

49₂. V строфа той-же главы.—Рисунки: много лицъ.

50₁. Къ IX строфѣ:

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Романъ брала къ себѣ къ постель,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Являлся ей Малекъ-Адель...

Далѣе идетъ строфа, совершенно не вошедшая въ романъ потому, что она оказалась въ противорѣчіи съ сложившимся планомъ: въ ней поэтъ заставилъ было Онѣгина сразу влюбиться въ Татьяну. [Вотъ насколько истинно заявленіе Пушкина:

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще неясно различалъ. [III. 177].

Выписываю самую строфу]:

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгеній
Глазами Байрона читалъ
Но дань (невольныхъ) размышленій
Татьянѣ (милой) посвящалъ
Проснулся ..... ранѣ
И мысль была [все] о Татьянѣ.
Вотъ новое, подумалъ онъ,
Неужто я въ нее влюбленъ?
Ей-Богу, это было бъ славно
(Я радъ)... Ужъ тото-бъ одолжилъ

[1]) Вар : сбѣжались.

В. Я.

(Посмотримъ!) И тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдокъ навѣщать исправно,
Какъ можно чаще, всякій день:
Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не лѣнь.

См. дальше 51_2.

50_2—51_1. Сначала карандашомъ, потомъ чернилами черновое письмо къ кн. Вяземскому: «отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ» и пр. [VII. 14.—8 марта 1824]. Часть этой черновой, очень близкой къ бѣловому письму, напечатана г. Анненковымъ [А. С. Пушкинъ и пр., стр. 252], см. примѣч. къ 15 стр. VII-го тома, ср. выше.

51_2. Опять о любви Онѣгина къ Татьянѣ.

Рѣшилъ, и скоро сталъ Евгеній,
Какъ Ленскій...

т. е. часто посѣщать Ларинныхъ, см. выше 50_1.—Затѣмъ:

Ужель Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ
Влюбленъ...

Потомъ VI строфа третьей главы, текстъ, близкій къ печатному.—Далѣе вырвано.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

Поправки: **№ 2364**, л. 43_1—см. Мечтателю—I. 197; л. 72_2:—см. I. 189, Къ ***.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

И ЕГО МѢРОПРІЯТІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1864 г.

(Приложенія къ его Запискамъ).

VIII [1]).

По высочайшему повелѣнію внесена была, въ маѣ 1864 г., въ Западный Комитетъ записка генерала отъ инфантеріи Муравьева, отъ 14-го сего мая, о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся устройства Сѣверо-Западнаго края.

Выслушавъ, во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, представленную его величеству генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ, всеподданнѣйшую записку, комитетъ, въ засѣданія 17-го и 19-го мая, вполнѣ соглашаясь въ основаніяхъ съ мнѣніемъ генерала отъ инфантеріи Муравьева, нашелъ неподлежащимъ никакому сомнѣнію признаніе сѣверо-западнаго края русскимъ, составляющимъ древнее достояніе Россіи. Поэтому, руководствуясь мѣрами строгой справедливости, слѣдуетъ постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы въ Сѣверо-Западномъ краѣ не было отнюдь допускаемо ни малѣйшихъ признаковъ польской пропаганды и оказываемо снисхожденій и уступокъ, а принимались бы строгія и неуклонныя мѣры для противодѣйствія и совершеннаго подавленія не только преобладанія, но и проявленія польскаго элемента, чуждаго странѣ и враждебнаго законному правительству и русской народности. Соглашаясь

[1]) См. „Записки гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387 — 432; декабрь, стр. 623 — 644; изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291 — 304. Приложенія къ Запискамъ гр. Муравьева см. въ „Рус. Стар.“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, мартъ, стр. 615—630; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 193—206; май, стр. 495—463.

съ мнѣніемъ генерала отъ инфантеріи Муравьева, комитетъ призналъ, что мѣры эти должны касаться: 1) упроченія и возвышенія русской народности и православія посредствомъ устройства быта крестьянъ и распространенія общественнаго образованія въ духѣ православія и русской народности, такъ, чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда-либо сдѣлаться польскимъ; 2) улучшенія быта православнаго духовенства съ поставленіемъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, для того чтобы оно, совокупно съ народомъ, могло твердо противостоять польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни; 3) преграженія римско-католическому духовенству возможности противодѣйствовать постановленіямъ правительства, посредствомъ учрежденія за нимъ повсюду строжайшаго наблюденія и неукоснительнаго взысканія за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ польской пропаганды; 4) замѣщенія лицами русскаго происхожденія высшихъ служебныхъ мѣстъ, а равно мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ и тѣхъ, которые находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ, и 5) водворенія русскаго элемента въ краѣ, посредствомъ поселенія русскихъ крестьянъ и продажи имѣній русскимъ всѣхъ сословій.

Обращаясь засимъ къ обсужденію въ подробности мѣръ, предлагаемыхъ генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ, комитетъ нашелъ:

I. Относительно мѣръ, касающихся устройства быта крестьянъ.

Изъ означенныхъ мѣръ бо̀льшая часть были уже обсуждаемы главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, другія же, по тѣсной связи ихъ съ общимъ вопросомъ объ устройствѣ быта крестьянъ въ Западномъ краѣ, не могутъ быть разрѣшены безъ участія главнаго комитета и предварительнаго разсмотрѣнія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе сего, относящіяся до устройства быта крестьянъ предположенія генерала отъ инфантеріи Муравьева: а) о возвращеніи крестьянамъ угодій, отнятыхъ у нихъ съ 1857 года; б) о возвращеніи обезземеленнымъ съ 1846 года крестьянамъ хотя части земли, которою они владѣли; в) о мировыхъ учрежденіяхъ, которыя должны дѣйствовать на основаніи закона и данныхъ имъ инструкцій; г) о раз-

верстаніи угодій не иначе какъ по полюбовному соглашенію и оставленіи пастбищъ въ общемъ владѣніи, если крестьяне не пожелаютъ отдѣльнаго выдѣла, и д) объ ограниченіи въ Инфлянскихъ уѣздахъ размѣра крестьянскихъ платежей постановленіемъ, чтобы оные отнюдь не превосходили того, что крестьяне платили до составленія уставныхъ граматъ—комитетъ полагалъ разсмотрѣть въ соединенномъ присутствіи комитетовъ Западнаго и Главнаго объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Что-же касается ходатайства генерала отъ инфантеріи Муравьева: а) о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса относительно обезпеченія вольныхъ людей, населяющихъ Западный край, въ числѣ 70 т. душъ, и б) о предоставленіи главному начальнику права, впредь до окончанія дѣйствій повѣрочныхъ коммисій, отсрочивать крестьянамъ платежи оброковъ по уставнымъ граматамъ безъ взысканія пеней, то комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ ускоренію разрѣшенія перваго вопроса. При обсужденіи же втораго вопроса, комитетъ не могъ не принять во вниманіе, съ одной стороны, затруднительнаго положенія, въ которое помѣщики могутъ быть поставлены лишеніемъ ихъ доходовъ, получаемыхъ съ имѣній посредствомъ оброковъ, а съ другой—неудобствъ, происходящихъ отъ накопленія на крестьянахъ недоимокъ, долженствующихъ служить къ пополненію выкупныхъ ссудъ. Но имѣя однако въ виду, что въ бо́льшей части уставныхъ граматъ по Сѣверо-Западному краю, составленныхъ при содѣйствіи прежнихъ неблагонадежныхъ мировыхъ посредниковъ, заботившихся исключительно о пользахъ помѣщиковъ, опредѣлены преувеличенные оброки, для взысканія коихъ можетъ встрѣтиться надобность прибѣгать къ разорительнымъ для крестьянъ мѣрамъ, долженствующимъ произвести раздраженіе въ сельскомъ населеніи и послужить поводомъ къ нареканіямъ на правительство со стороны крестьянъ,—сословія, большинство котораго искренно предано законной власти, комитетъ полагалъ: предоставить главному начальнику Сѣверо-Западнаго края (но только въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости) отсрочивать, безъ взысканія пеней, платежъ оброковъ по уставнымъ граматамъ, поставляя министра финансовъ въ извѣстность о каждомъ случаѣ подобнаго снисхожденія, оказаннаго крестьянамъ.

II. Относительно мѣръ, касающихся народнаго образованія.

Признавая предполагаемыя генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ мѣры, относящіяся до народнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ вполнѣ полезными не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ времени, комитетъ полагалъ всѣ предположенія по сему предмету генерала отъ инфантеріи Муравьева привести, по мѣрѣ возможности, нынѣ-же въ исполненіе.

III. Относительно мѣръ, касающихся обезпеченія православнаго духовенства:

1) Имѣя въ виду, что объ увеличеніи содержанія православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ внесено въ западный комитетъ особое представленіе, комитетъ полагалъ: вопросъ этотъ разрѣшить отдѣльно.

2) На необходимость возобновленія старыхъ и постройку новыхъ православныхъ церквей въ Западномъ краѣ обращено уже особое вниманіе правительства и ежегодно ассигнуемая на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства значительная сумма употребляется до сихъ поръ на возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ православныхъ церквей въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ и въ Юго-Западномъ краѣ. Принимая во вниманіе удостовѣреніе генерала отъ инфантеріи Муравьева о настоятельной необходимости неотложно приступить къ возобновленію старыхъ и постройкѣ новыхъ православныхъ церквей въ Литовскихъ губерніяхъ, комитетъ полагалъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ на счетъ размѣра суммы, которая могла-бы быть назначена теперь на возобновленіе и постройку православныхъ церквей въ Литовскихъ губерніяхъ.

3) Предположеніе объ учрежденіи въ городѣ Вильнѣ высшаго духовнаго училища и увеличеніи числа училищъ для воспитанія дочерей священниковъ, какъ требующее предварительныхъ соображеній въ духовномъ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, комитетъ полагалъ передать оберъ-прокурору святѣйшаго синода съ тѣмъ, чтобы онъ далъ дѣлу сему дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ.

4) Предположеніе объ опредѣленіи въ Сѣверо-Западный край

нѣсколькихъ православныхъ священниковъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, комитетъ призналъ съ своей стороны полезнымъ и полагалъ приведеніе сего въ исполненіе въ административномъ порядкѣ предоставить соглашенію мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ съ главнымъ начальникомъ края.

IV. Относительно мѣръ, касающихся устройства римско-католическаго духовенства:

1) По вопросу объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, комитетъ, имѣя въ виду, что, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, статсъ-секретаремъ Милютинымъ составляются о римско-католическихъ монастыряхъ особыя соображенія, которыя будутъ окончены въ самомъ непродолжительномъ времени, полагалъ означенный вопросъ разсмотрѣть совокупно съ соображеніями статсъ-секретаря Милютина.

2) Предположеніе о переводѣ Тельшевскаго епископа со всѣмъ духовнымъ римско-католическимъ управленіемъ изъ мѣстечка Ворни въ г. Ковно, комитетъ полагалъ привести въ исполненіе въ видахъ усиленія въ Ковенской губерніи ближайшаго надзора за римско-католическимъ духовенствомъ, оказавшимъ во время мятежа фанатическое противодѣйствіе правительству.

3) Независимо отъ сего комитетъ, согласно ходатайству генерала отъ инфантеріи Муравьева, призналъ необходимымъ постановить относительно римско-католическаго вѣроисповѣданія, чтобы поступленіе въ монашество, пріемъ клириковъ въ монастыри и учениковъ въ семинаріи, а равно учрежденіе новыхъ филіальныхъ костеловъ, алтарей и каплицъ и возобновленіе существующихъ отнюдь не было допускаемо безъ предварительнаго на то согласія или разрѣшенія главнаго начальника края, а опредѣленіе ксендзовъ въ приходы—съ согласія губернаторовъ.

V. Относительно общихъ административныхъ мѣръ:

1) Изъ предлагаемыхъ генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ общихъ административныхъ мѣръ: а) прекращеніе употребленія польскаго языка въ оффиціальныхъ бумагахъ и постепенная замѣна польскихъ чиновниковъ лицами русскаго происхожденія приводится уже въ исполненіе; б) вопросъ о воспрещеніи лицамъ польской шляхты отыскивать дворянство, находящійся въ разсмотрѣніи министерства юстиціи, немедленно получитъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ, и в) предположе-

ніе относительно образованія колоній изъ отставныхъ солдатъ приведено уже въ исполненіе въ видѣ опыта въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ.

Всѣ эти предположенія, равно какъ и заселеніе Сѣверо-Западнаго края русскими, въ томъ числѣ и старообрядцами, комитетъ призналъ вполнѣ полезными.

2) По вопросамъ о порядкѣ продажи секвестрованныхъ имѣній и о лицахъ, высланныхъ на житье во внутреннія губерніи, внесены особыя представленія, по которымъ заключенія западнаго комитета будутъ представлены на благоусмотрѣніе его императорскаго величества.

3) Предположенія: а) о постепенномъ примежеваніи нѣкоторыхъ уѣздовъ Сѣверо-Западнаго края къ Востоку, о чемъ происходятъ уже соглашенія между главнымъ начальникомъ края и министромъ внутреннихъ дѣлъ; б) объ ограниченіяхъ при выдачѣ паспортовъ лицамъ польскаго происхожденія, отправляющимся изъ Сѣверо-Западнаго края во внутреннія губерніи, и в) о недопущеніи большаго числа лицъ польскаго происхожденія на службу въ главныхъ управленіяхъ въ столицахъ и другихъ городахъ и неопредѣленіи ихъ вовсе на полицейскія и почтовыя должности, комитетъ полагалъ: сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ всѣ означенные вопросы, заключающіе въ себѣ особую важность, требуютъ зрѣлаго обсужденія и предварительныхъ сношеній съ разными вѣдомствами.

4) При обсужденіи предположенія о воспрещеніи принимать въ великороссійскія учебныя заведенія воспитанниковъ польскаго происхожденія болѣе $^1/_{10}$ всего числа учащихся, комитетъ единогласно нашелъ, что вполнѣ доказанное дѣятельное участіе студентовъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ послѣднемъ польскомъ возстаніи возлагаетъ на правительство обязанность принимать всѣ возможныя предупредительныя мѣры, дабы охранять воспитанниковъ великороссійскихъ учебныхъ заведеній отъ той заразы революціонныхъ идей, которая разносится воспитанниками польскаго происхожденія, фанатически дѣйствующими подъ вліяніемъ польской пропаганды, въ которую они, не сознавая важности преступныхъ своихъ дѣйствій, увлечены примѣромъ родителей и родственниковъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія предположенной цѣли можетъ служить ограниченіе, по

возможности, польскаго элемента въ учебныхъ заведеніяхъ и подчиненіе его въ видѣ меньшинства преобладающему элементу русскому. Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что воспитанники польскаго происхожденія, по свойственной имъ уклончивости, могутъ легко ускользнуть отъ надзора, бывъ руководимы въ этомъ наставленіями своихъ родителей, вполнѣ сознавшими, что самый большой вредъ можетъ быть нанесенъ Россіи распространеніемъ внутри имперіи противоправительственныхъ стремленій.

Затѣмъ между членами комитета произошло разномысліе относительно размѣра этого ограниченія.

Четыре особы [1]) находили, что для достиженія вышеизложенной цѣли необходимо установить положительную норму, свыше которой не допускать въ учебныя заведенія воспитанниковъ польскаго происхожденія, а именно $^1/_{10}$ части. Безъ такой положительной мѣры, по мнѣнію четырехъ особъ, начальство учебныхъ заведеній встрѣтитъ затрудненія отвратить возобновленіе прежней польской пропаганды въ учебныхъ заведеніяхъ, изъ числа коихъ въ нѣкоторыхъ закрытыхъ заведеніяхъ въ прежнее время число воспитанниковъ было уже ограничиваемо $^1/_3$ частію всѣхъ учащихся.

Предсѣдатель [2]) и 7 особъ [3]) находили неудобнымъ установить положительную норму для пріема воспитанниковъ польскаго происхожденія: во первыхъ потому, что вредное вліяніе, которое могутъ имѣть въ учебныхъ заведеніяхъ такіе воспитанники, обусловливается не столько численною соразмѣрностью ихъ съ русскимъ большинствомъ, сколько степенью закоренѣлости враждебнаго настроенія каждой личности, а во вторыхъ, по той причинѣ, что нѣтъ и надобности установлять одинаковое въ этомъ отношеніи мѣрило для всѣхъ безъ различія учебныхъ заведеній, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ начальство можетъ безъ затрудненія даже и вовсе не допускать польскихъ воспитанниковъ, тогда какъ въ другихъ доступъ, по необходимости, долженъ быть нѣсколько болѣе свободенъ. Притомъ же, предположенное ограниченіе числа воспитанниковъ польскаго происхожденія опре-

---

[1]) Ген.-ад. кн. Вас. Ан. Долгоруковъ, ген. М. Н. Муравьевъ, г.-ад. А. С. Зеленой и ст.-секр. Н. А. Милютинъ.

[2]) Кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ.

[3]) Кн. А. М. Горчаковъ, ген.-ад. Ахматовъ, т. сов. Д. Н. Замятнинъ, ген.-ад. Д. А. Милютинъ и друг.

дѣленною цифрою имѣло бы видъ явнаго притѣсненія и только усугубило бы существующее уже раздраженіе въ польской части народонаселенія имперіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ предсѣдатель и семь особъ полагали достаточнымъ для достиженія вышеуказанной цѣли, единогласно всѣми признаваемой, поручить начальствамъ различныхъ учебныхъ заведеній въ великороссійскихъ губерніяхъ употреблять всѣ мѣры, какія признаны будутъ нужными, чтобы отнюдь не допускать въ сихъ заведеніяхъ какого-бы то ни было вліянія или значенія польскаго элемента во вредъ элементу русскому, для чего имѣть неослабное наблюденіе за нравственнымъ направленіемъ воспитанниковъ польскаго происхожденія, немедленно удаляя тѣхъ изъ нихъ, которые по образу мыслей окажутся неблагонадежными.

Къ сему министръ внутр. дѣлъ, съ своей стороны, присовокупилъ, что ограниченіе числа студентовъ и воспитанниковъ польскаго происхожденія въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ и на этомъ основаніи отказъ въ пріемѣ студентовъ и воспитанниковъ единственно потому, что они уроженцы Западнаго края польскаго происхожденія, противорѣчили бы постоянно высказываемой правительствомъ мысли, что весь Западный край есть край русскій, и всѣ проживающіе въ немъ, какого бы происхожденія ни были, суть русскіе подданные. Принявъ въ основаніе эту мысль, было бы крайне несправедливо лишать уроженцевъ Западнаго края, безъ всякой съ ихъ стороны вины и единственно по ихъ происхожденію, средствъ общественнаго образованія, одинаково доступныхъ для всѣхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что таковое стѣсненіе будетъ относиться до лицъ, ищущихъ образованія не во враждебной правительству средѣ, а въ губерніяхъ великороссійскихъ, безпредѣльно преданныхъ Престолу Его Императорскаго Величества и Россіи. Что касается опасенія, что поступленіе лицъ польскаго происхожденія въ заведенія, находящіяся въ великороссійскихъ губерніяхъ въ размѣрѣ болѣе $^1/_{10}$ части всѣхъ учащихся будетъ служить средствомъ для распространенія польской пропаганды и противоправительственныхъ стремленій, то едва ли подобное опасеніе можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для нарушенія закона справедливости, тѣмъ болѣе, что успѣхъ всякой пропаганды зависитъ не отъ числа, но отъ способностей и за-

коренѣлости преступныхъ стремленій пропагандистовъ. Къ тому-же недозволеніе уроженцамъ западныхъ губерній поступать болѣе опредѣленнаго числа въ русскія учебныя заведенія было-бы мѣрою стѣсненія относительно большаго числа невинныхъ, съ цѣлью не допустить въ училище лицъ, могущихъ, можетъ быть, сдѣлаться виновными со временемъ. Подобная мѣра заставитъ уроженцевъ западныхъ губерній искать образованія въ Польшѣ или заграницей, или оставлять дѣтей своихъ вовсе безъ образованія и во всякомъ случаѣ возбудитъ въ нихъ чувство ненависти къ правительству. Если нѣкоторые, воспитанные въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, уроженцы польскіе оказались недостойными полученныхъ ими милостей, то нельзя сказать, чтобы это произошло вслѣдствіе воспитанія ихъ въ помянутыхъ заведеніяхъ. Конечно они не дѣйствовали бы лучше, если-бъ были воспитаны въ Польшѣ или заграницей.

Таковое разномысліе комитетъ повергалъ на Высочайшее благоусмотрѣніе Императора Александра II.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, на основаніи объявленной генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ, въ присутствіи комитета, Высочайшей воли Его Императорскаго Величества, предположеніе, касающееся до управленія Августовской губерніи—передать на обсужденіе Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, а предположеніе о возстановленіи таможенной линіи между Сѣверо-Западнымъ краемъ и Царствомъ Польскимъ, — оставить безъ послѣдствій.

Затѣмъ касательно изложенныхъ въ запискѣ генерала отъ инфантеріи Муравьева обстоятельствъ: а) о командированіи всѣми министерствами изъ внутреннихъ губерній Россіи благонадежныхъ чиновниковъ, и б) о сообщеніи предварительно главному начальнику Сѣверо-Западнаго края распоряженій, выходящихъ изъ обыкновеннаго хода текущихъ дѣлъ, комитетъ, имѣя въ виду, что все вышеизложенное, по мѣрѣ возможности, постоянно исполняется министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, полагалъ: никакихъ распоряженій по означеннымъ предметамъ не дѣлать.

Императоръ Александръ II, въ 22 день мая 1864 года, изволилъ собственноручно написать на журналѣ комитета: „Исполнить. Относительно вопроса, возбудившаго разногласіе, утверждаю мнѣніе меньшинства, какъ мѣру временную впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія“.

IX.

Всеподданнѣйшая записка генерала отъ инфантеріи М. Н. Муравьева о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся устройства Сѣверо-Западнаго края.

А. Мѣры въ отношеніи народнаго образованія.

1) Обратить особенное вниманіе на устройство возможно бо́льшаго числа народныхъ школъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ; въ этихъ школахъ преподавать самыя элементарныя знанія и преимущественно русскую и славянскую грамату, первыя начала счисленія, молитвы, первоначальныя понятія о догматахъ православной вѣры и обучать пѣнію на клиросѣ.

Школы эти преимущественно должны оставаться въ рукахъ духовенства, но гдѣ окажется нужнымъ, въ помощь духовнымъ лицамъ могутъ быть назначаемы и свѣтскія. Посему учреждать свѣтскія народныя школы слѣдуетъ только тамъ, гдѣ не будетъ возможности поручать оныя православному духовенству. Содержаніе школъ въ селеніяхъ постепенно относить на счетъ сельскихъ обществъ, по мѣрѣ изъявленія ими на то желанія; учителями же и ихъ помощниками назначать, гдѣ окажется удобнымъ, сельскихъ писарей изъ семинаристовъ, вызванныхъ изъ великороссійскихъ губерній, дабы тѣмъ самымъ сократить излишніе расходы и дать наставникамъ болѣе приличное содержаніе.

Въ настоящее время, по сдѣланному вызову, уже прибыло въ Сѣверо-Западный край изъ разныхъ великорооссійскихъ губерній до 100 воспитанниковъ семинарій; всѣ они размѣщены на должности частію сельскихъ писарей, частію учителей и исполняютъ свои обязанности отлично. Для удержанія этихъ семинаристовъ на означенныхъ мѣстахъ и для привлеченія въ бо́льшемъ числѣ желающихъ, необходимо предоставить имъ нѣкоторыя служебныя преимущества, о чемъ представляется особое соображеніе.

2) Въ городахъ можно учреждать двухъ-классныя училища съ большимъ развитіемъ знаній, но отнюдь недопуская обученія польскому языку.

3) Разсмотрѣть вновь, гдѣ можно ожидать пользы отъ оставленія гимназій, прогимназій и трехъ-классныхъ училищъ, и гдѣ

таковыя надобно упразднить; ибо въ краѣ ихъ слишкомъ много, а учащихся въ нихъ теперь очень мало. Они стоятъ правительству дорого и образуютъ только враговъ Россіи: въ нихъ сосредоточивалась постоянно польская пропаганда и даже православные, которые получили образованіе въ сихъ гимназіяхъ и училищахъ, съ особеннымъ чувствомъ озлобленія противъ Россіи содѣйствовали мятежникамъ.

Достаточно было бы оставить гимназіи въ губернскихъ городахъ, и по особымъ уваженіямъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, преобразовавъ оныя совершенно и замѣстивъ всѣ преподавательскія мѣста учителями изъ Россіи. Деньги, которыя останутся отъ упраздненія излишнихъ гимназій и трехъ-классныхъ училищъ, слѣдуетъ употребить на усиленіе вообще народнаго образованія въ селахъ и городахъ и на открытіе русскихъ училищъ для приготовленія русскихъ учителей, а также нѣсколькихъ женскихъ гимназій, совершенно необходимыхъ для распространенія русской народности и уничтоженія частныхъ женскихъ пансіоновъ, въ коихъ сосредоточивается вредная язва польской фанатической пропаганды между женщинами.

4) Ввести преподаваніе жмудской граматы русскими буквами во всѣхъ школахъ Самогитіи. Подобные букварп теперь уже печатаются и о распространеніи ихъ даны будутъ надлежащія наставленія.

5) Въ гимназіяхъ и прочихъ высшихъ училищахъ прекратить преподаваніе польскаго языка, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и какъ это было до 1858 года.

6) Прекратить продажу польскихъ букварей и вообще руководствъ для преподаванія на польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ и иныхъ городахъ съ революціонною цѣлію, ибо въ оныхъ намѣренно вездѣ распространяются мысли объ отдѣленіи Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи, и самыя дѣтскія игры, преподаваемыя повсемѣстно, направлены къ тому, чтобы изучать географію и исторію Польши въ предѣлахъ 1772 года. Такіе букварп и игры перепечатываются, кромѣ Варшавы, во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, что слѣдуетъ строго запретить.

7) Обратить особенное вниманіе на правильное преподаваніе русской исторіи и въ особенности исторіи Западной Россіи.

8) Въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ назначить помощника къ попечителю, возложивъ на него постоянное наблюденіе на мѣстахъ, за ходомъ народнаго образованія и поставивъ его въ ближайшія сношенія съ главнымъ начальникомъ края.

9) Такъ какъ въ Самогитіи, т. е. въ Ковенской губерніи, требуется особенное наблюденіе и постоянный на мѣстахъ надзоръ за учебною частію, то посему слѣдуетъ назначить тамъ, въ помощь попечителю Виленскаго учебнаго округа, особаго инспектора, который бы слѣдилъ за успѣшнымъ развитіемъ русскихъ школъ и заботился объ уничтоженіи вліянія на нихъ фанатическаго католическаго духовенства.

10) Поручить министерству народнаго просвѣщенія немедленно командировать въ Сѣверо-Западный край возможно большее число русскихъ преподавателей въ гимназіи, съ оказаніемъ имъ надлежащаго пособія, и хотя временно, если они не пожелаютъ остаться въ Западномъ краѣ на постоянной службѣ, ибо необходимо безотлагательно извлечь народное образованіе изъ рукъ польскихъ.

Б. Общія административныя мѣры.

Строго держаться правила, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать польскихъ воспитанниковъ болѣе $^1/_{10}$ всего числа учащихся; ибо опытъ указалъ какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены и они увлекли даже многихъ русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ Сѣверо-Западномъ краѣ наполнены студентами Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ.

Михаилъ Муравьевъ.

Вильно,
1864 г.

Примѣчаніе: Выше напечатанные два документа сохранились въ копіяхъ въ числѣ прочихъ, въ „Русской Старинѣ“ уже явившихся, приложеній къ Запискамъ гр. М. Н. Муравьева, поступившихъ къ намъ отъ лица ихъ написавшаго подъ диктовку и со словъ гр. Муравьева. Ред.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

въ его заботахъ о крестьянскомъ и судебномъ дѣлѣ въ Царствѣ Польскомъ.

Къ Я. А. Соловьеву.

С.-Петербургъ, Каменный Островъ, 8 (20) августа 1864 г.

Письмо это доставитъ вамъ дѣйств. ст. сов. Гурко, котораго усердно вамъ рекомендую, почтеннѣйшій Яковъ Александровичъ. По моему онъ будетъ отличный членъ ликвидаціонной коммисіи—представителенъ, честенъ, говоритъ по польски, служилъ всегда по счетной части и вообще отличный малый. Я его снарядилъ рано, чтобы онъ могъ, до открытія ликвидаціонной коммисіи, со всѣми познакомиться и себя показать. Онъ могъ бы также сейчасъ начать подготовительныя работы, вмѣстѣ съ Брауншвейгомъ. Примите, на тѣхъ же основаніяхъ, и Оголина, который скоро къ вамъ пріѣдетъ. Все это люди честные и надежные, и мнѣ хотѣлось бы скорѣе замѣстить ими ваканціи ликвидаціонной коммисіи и заранѣе заперѣть двери польскимъ исканіямъ.—Въ Дороховѣ вы потеряли хорошаго чиновника, а мнѣ задали пренепріятную возню, и все—по милости заносчиваго нѣмчика... Хотѣлось бы сообщить вамъ нѣкоторыя мысли, которыя могли бы пригодиться, но до сихъ поръ не было досужно. О военныхъ распоряжусь по мѣрѣ возможности. Нельзя ли прислать мнѣ списокъ всѣхъ офицеровъ, оказавшихся неблагонадежными.—Записку о ходѣ крестьянскаго дѣла я не могъ еще послать въ газеты, потому что едва ли удобно печатать ее прежде опубликованія общаго отчета о первыхъ двухъ мѣсяцахъ, а отчетъ этотъ лишь на сихъ дняхъ былъ читанъ въ Польскомъ Комитетѣ. На будущей недѣлѣ распоряжусь. Вашъ, и пр. Н. Милютинъ.

16-го (28-го) сентября 1864 г.

Податель сего, дѣйств. ст. сов. Пономаревъ, былъ въ гоненіи отъ партіи Вѣлопольскаго. Онъ знаетъ хорошо польскій языкъ, законы и прежнія дѣла и потому намъ можетъ очень пригодиться. Познакомьтесь съ нимъ, и при личномъ свиданіи поговоримъ какую извлечь изъ него пользу. Я полагалъ бы употребить его для кодификаціонныхъ работъ, о которыхъ скоро послѣдуетъ высочайшее повелѣніе (онѣ также возлагаются на Учредительный Комитетъ).

Пожалуйста скажите Ѳ. Ѳ. Витте, что нѣмецкій переводъ учебныхъ указовъ вновь печатается (первое изданіе истощилось) и будетъ ему прислано прямо изъ типографіи на будущей недѣли. Вашъ...

Къ кн. В. А. Черкасскому.

С.-Петербургъ, 16-го (28-го) сентября 1864 г.

Рекомендую вамъ, любезнѣйшій князь, подателя сего, д. с. с. Пономарева, о которомъ вы вѣроятно слышали. Это одна изъ яркихъ жертвъ Велопольскаго. Графъ Бергъ считаетъ своею обязанностію преслѣдовать Пономарева изъ угодливости... Но самъ NN давно прекратилъ свои преслѣдованія, а потому пора бы кончить и Бергу.

Пономаревъ хорошо знаетъ польскій языкъ, законы, дѣла и могъ бы намъ быть весьма полезенъ. Приласкайте его, а впослѣдствіи мы потолкуемъ какъ его лучше употребить.

Къ Я. А. Соловьеву.

С.-Петербургъ, 22-го сентября 1864 г.

Изъ послѣдняго вашего письма видно, что ваши личныя отношенія не ухудшились. Я впрочемъ никогда не сомнѣвался, что ничего серьезнаго противъ васъ сдѣлать не посмѣютъ. Мелкія-же шпильки лучше всего отклонять полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Знаю какъ тяжело дѣйствовать въ Варшавской средѣ, гдѣ, при личномъ характерѣ намѣстника (гр. Берга) интриганамъ, (не говоря уже о полякахъ), открыто такое широкое поприще. Но всѣ эти Т. и Б. и прочая ....., если способны на ....., для серьезнаго дѣла никуда не годны. Поэтому, сособными людьми они принуждены дорожить, или по крайней мѣрѣ—преклоняться передъ ними.

...Идите по прежнему. Непріятности, которыя вы ежедневно встрѣчаете (и которыя я вполнѣ понимаю) — забудутся, а результаты останутся.

Замѣчательно, что польскія и иностранныя газеты, какъ видно изъ послѣднихъ нумеровъ, косвенно сознаютъ, что крестьянское дѣло пошло на ладъ, хотя и приписываютъ это участію какихъ-то польскихъ чиновниковъ. Послѣднее хвастовство показываетъ только, какъ надо осторожно опираться на этихъ послѣднихъ (тутъ разумѣется забочусь не о личномъ, а о національномъ самолюбіи) такъ какъ наша задача: возстановить власть и prestige русской власти въ Польшѣ. Кстати, это приводитъ меня къ мысли, которую я давно хотѣлъ высказать: нужно всѣми силами увеличить нашу маленькую гражданскую армію въ Варшавѣ. Это лучшее средство образумить поляковъ и обуздать шайки интригановъ, которые плодятся и будутъ плодиться около гр. Берга. Вамъ и всѣмъ нашимъ необходимо окружить себя людьми честными, твердыми и вполнѣ надежными, которые составятъ не только матеріальную трудовую, но и нравственную нашу опору въ Царствѣ. Эти люди (даже наименѣе блистательные и способные) будутъ все таки способнѣе и полезнѣе мѣстныхъ корифеевъ... Лично я не знаю Г***. Само собою разумѣется, мѣсто главнаго директора я ему предложить не могу, но есть другой случай: вскорѣ послѣдуетъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи (при Учредительномъ же Комитетѣ) для устройства судебной части. Предсѣдателемъ Коммиссіи (какъ я опасаюсь) придется назначить NN.,— но нужно непремѣнно хоть трехъ благонадежныхъ русскихъ юристовъ-практиковъ (теоретиковъ въ родѣ Заруднаго я ужасно боюсь). Нужно людей вполнѣ свѣдущихъ по юридической части, но вмѣстѣ съ тѣмъ способныхъ подчиниться политической идеи, которая должна господствовать надъ идеальными юридическими началами... Какъ вы находите Оголина? годится ли для этого дѣла? или готовить его при ликвидаціонной коммиссіи? Онъ, во всякомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ «honorabilité» о которыхъ я говорилъ выше, и потому весьма желательно было бы его приголубить и ввести въ нашъ тѣсный кружокъ. Тоже о Гуркѣ.

...Зачѣмъ это Петръ Самаринъ проситъ объ отпускѣ? Онъ тутъ необходимъ.... Теперь, кажется мнѣ, самый удобный случай отдѣлаться отъ офицеровъ, оказавшихся не вполнѣ удовлетворительными. Новый шестимѣсячный срокъ (для коммиссаровъ) испрашивается не безъ затрудненія, и только при положительномъ удостовѣреніи о годности командированнаго офицера. Такое удостовѣреніе, очевидно, нельзя давать тому, кто не соотвѣтствуетъ нашимъ требованіямъ, (какъ напримѣръ, Z** и подоб.) Не могу, при этомъ, не обратить вашего вниманія на одного изъ коммиссаровъ Кѣлецкой коммиссіи, ко-

торый пишетъ самыя неприличныя статьи въ «Голосъ» (напримѣръ въ № 248-мъ, 8-го (20-го) сентября). Эти статьи проникнуты явнымъ пристрастіемъ къ польскимъ панамъ и какою то странною злобою и пренебреженіемъ къ крестьянамъ. Кто этотъ индивидуй? и какъ онъ къ намъ попалъ? Признаюсь, такіе сотрудники наводятъ страхъ. ...Сейчасъ вышелъ отъ меня (К. И.) Домонтовичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ работали надъ монастырскими дѣлами. Онъ, бѣдняга, такъ заваленъ дѣломъ все это время, что даже слегъ, и едва-едва оправился. ...Спустивъ монастырское дѣло и подготовивъ полицейское преобразованіе въ Царствѣ—я намѣренъ отправиться въ Варшаву.

Къ кн. В. А. Черкасскому.

С.-Петербургъ, 14-го (26-го) октября 1864 г.

Высочайшее повелѣніе о судебной реформѣ—вѣроятно до васъ дошло. Людей для васъ пріискиваю. Пожалуста обратите вниманіе на это дѣло, для обезпеченія, по возможности, его успѣха. Хотѣлось бы знать мнѣніе ваше о Соловьевѣ, какъ лучше распорядиться. По моему, весь успѣхъ дѣла съ самаго начала зависитъ отъ того, чтобы въ коммиссіи, которой будетъ поручено собственно исполненіе судебной реформы, большинство было непремѣнно р[у]сское, а не польское. Самарина привлечь необходимо. Писали-ли вы ему? О Витте и народномъ просвѣщеніи давно собираюсь поговорить съ вами подробнѣе. Но придется отложить до другого раза. Теперь, попрошу только васъ и Якова Александровича принять подъ свое покровительство отправляемаго вмѣстѣ съ симъ бывшаго учителя Симбирской гимназіи—Ѳеоктистова, который знаетъ не только по польски, но и по литовски;—это, словомъ, находка для учебной части въ Литовскомъ населеніи. Подвигните къ этому Витте, которому писать не успѣваю. Если же онъ не съумѣетъ имъ воспользоваться, Ѳеоктистовъ могъ бы пригодиться вамъ, для духовныхъ дѣлъ.

Газета Павлищева—позоритъ всѣхъ насъ. Послѣ предложенія, сдѣланнаго Щебальскому (по уполномочію, которое намѣстникъ далъ мнѣ)—появленіе этой газеты въ Варшавѣ—не мало насъ компрометируетъ. Я въ это дѣло вмѣшался лишь вслѣдствіе предъявленнаго мнѣ Апучинымъ письма. Самъ я на это не навязывался. Но теперь, перемѣна въ направленіи даетъ мнѣ полное право предъявить личную претензію, и въ свое время, я этимъ воспользуюсь. Разумѣется, моя единственная цѣль—устроить затѣянное дѣло, а не личныя дрязги заводить.

Къ Я. А. Соловьеву.

С.-Петербургъ, 20-го октября (1-го ноября) 1864 г.

Ваше послѣднее письмо я прочелъ съ особеннымъ интересомъ и, хотя изложенныя вами подробности не совсѣмъ утѣшительнаго свойства,—но онѣ болѣе вызываютъ смѣхъ, чѣмъ отчаянье. Такіе ...., какъ Т*. Б*. и компанія не могутъ никакъ вредить дѣлу (?) ...Другое дѣло, при его положеніи—легкомысліе намѣстника (гр. Берга). Каждому изъ насъ досталась на долю борьба. И здѣсь она не легка. ...Но пока между нами полное согласіе—я съ довѣріемъ смотрю въ будущее. ...Не знаю какія еще ковы готовятъ ваши варшавскіе Талейраны, но въ чувствахъ и намѣреніяхъ Государя я не имѣю повода сомнѣваться. ...Могутъ только обмануть. Но, ...Богъ милостивъ! Теперь перехожу къ дѣлу. Вмѣстѣ съ Громекой мы составимъ отчетъ о 6-ти мѣсячныхъ дѣйствіяхъ по крестьянскому дѣлу. Согласно нашему условію, я полагаю печатать этотъ отчетъ въ «Инвалидѣ», какъ отъ своего имени. Мнѣ удобнѣе говорить о мѣстныхъ дѣятеляхъ не стѣсняясь гдѣ нужно. Впрочемъ, если вы найдете болѣе приличнымъ обратить это въ отчетъ самаго Учредительнаго Комитета, то я лично ничего противъ этого не имѣю. Прошу поправками не стѣсняться; затѣмъ корректуру просилъ бы возвратить мнѣ какъ можно скорѣе, чтобъ не затруднять небольшой типографіи Инвалида долговременнымъ ожиданіемъ окончательной корректуры. Что касается дальнѣйшаго публикованія отчетовъ по крестьянскому дѣлу, то откровенно долженъ вамъ признаться, что печатаніе еженедѣльныхъ записокъ, по моему мнѣнію, было-бы неудобно. Я нарочно три мѣсяца слѣдилъ за записками, чтобъ получить на этотъ счетъ положительное убѣжденіе, не увлекаясь первыми впечатлѣніями. Едва ли можно, въ одномъ и томъ же документѣ совмѣстить двѣ разнородныя цѣли: 1) дать правительству возможность слѣдить за дѣломъ и 2) знакомить съ нимъ публику. Чѣмъ ближе достигается первая цѣль, тѣмъ менѣе соотвѣтствуетъ послѣдней. ...Тутъ нужна великая осторожность, и излишняя искренность была-бы просто наивностію, чтобъ не сказать больше. Въ еженедѣльныхъ запискахъ, извѣстія, само собою разумѣется, не всегда утѣшительны. Приходится знакомиться и съ невыгодными сторонами дѣла и промахами. Для насъ, правительственныхъ агентовъ,—это нужно и должно знать и вѣдать, и въ этомъ отношеніи записки ваши вполнѣ и безусловно удовлетворительны. Но зачѣмъ идти съ ними на лобное мѣсто, зачѣмъ самимъ давать ору-

жіе нашимъ клеветникамъ? ...Я тутъ разумѣю не ту относительно сочувственную публику, которую вы имѣли въ Россіи при опубликованіи отчетовъ крестьянскаго дѣла, а публику польскую и полонофильскую, пристрастную, безсовѣстную и въ настоящее время—раздраженную до нѣльзя. ...Къ тому же, каждая отдѣльная записка не можетъ давать, очевидно, полныхъ свѣдѣній. Мнѣ кажется, что составляя еженедѣльныя записки для правительства, для публики надо составлять изъ нихъ ежемѣсячныя извлеченія; чаще — и матеріала не хватитъ, да и интересъ ослабѣетъ, и труда слишкомъ много. Печатаніе важнѣйшихъ распоряженій Учредительнаго Комитета, а также оглашеніе почему либо болѣе замѣчательныхъ случаевъ—удовлетворитъ вполнѣ законнымъ требованіямъ публики. Гласность будетъ достаточная—и обѣ цѣли достигнуты. Нѣкоторыя подробности еще передастъ вамъ лично отъ меня Громека....

Сегодня я прочелъ первый докладъ Александра Ив. Кошелева, и, признаюсь, пришелъ въ страшное уныніе. Такой пустой, безцвѣтной канцелярской отписки я никакъ не ожидалъ. Не только результатъ трехмѣсячныхъ трудовъ совершенно ничтоженъ, но и принятое направленіе не обѣщаетъ ничего путнаго впослѣдствіи. Я понимаю, что поляки стараются затормозить дѣло собираніемъ безконечныхъ предварительныхъ свѣдѣній и матеріаловъ,—но какъ не стыдно почтенному Александру Ивановичу подчиняться этой продѣлкѣ?

Къ кн. В. А. Черкасскому.

С.-Петербургъ, 29-го октября (10-го ноября) 1864 г.

Баронъ Менгденъ передастъ вамъ мой взглядъ на происки вашей варшавской камарильи. Серьознаго они ничего не сдѣлаютъ, мелкія же дрязги—разлѣтятся сами собою. Если же, въ порывѣ личныхъ страстишекъ, задѣнутъ наше дѣло, то напишите мнѣ пообстоятельнѣе. Дѣло я надѣюсь всегда отстоять... Боюсь, что назначеніе Ф*** въ свиту—еще болѣе распалитъ завистливый жаръ N***. Но, право, смущаться его продѣлками нечего. Il n'a qu'a s'enfonçer. Авось либо опомнится. Завтра въ комитетѣ расматривается престранная записка Берга: на счетъ командированія чиновниковъ, особенно въ судебную коммиссію. Выборъ его изъ рукъ вонъ плохъ. Объ одномъ (С....., корреспондентѣ «Часа») ему уже послана надлежащая отповѣдь... Впрочемъ обо всемъ этомъ передамъ при личномъ свиданіи. Скажу только, что роль, которую повидимому разыгрываетъ тутъ N***, не

дѣлаетъ ему чести. До сихъ поръ я не считалъ его интриганомъ. Неужели и отъ этой иллюзіи надо отказаться?.. Желаю выѣхать къ вамъ около 20-го числа ноября. Но не знаю какъ справлюсь съ дѣлами.

Къ Як. Ал. Соловьеву.

С.-Петербургъ, 30-го ноября (12-го декабря) 1864 г.

Пишу вамъ наскоро, чтобъ не пропустить оказіи и отвѣтить на счетъ Г*. Лично я его совсѣмъ не знаю. Но съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ о немъ, Степанъ Михайловичъ (Жуковскій) и нѣкоторые другіе передали мнѣ слухъ будто въ Литвѣ онъ тормазилъ крестьянское дѣло и вообще обвиняется въ интриганствѣ. Хотѣлось бы все это разъяснить поближе. Если вы сами знаете Г*** съ хорошей стороны, то напишите ему. Честные и способные работники намъ очень нужны—объ этомъ-то я и хотѣлъ съ вами подробнѣе потолковать.—Не знаю извѣстно ли вамъ, что гр. Бергъ, при явномъ соучастіи N*** и Заборовскаго, подали государю на желѣзной дорогѣ три записки: въ одной онъ требовалъ, въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, прекращенія «высылки» русскихъ чиновниковъ (другими словами—устраненія меня отъ этого дѣла?), въ другой онъ предлагаетъ, для юридической коммиссіи пять русскихъ чиновниковъ (изъ коихъ три поляка и одинъ, С***, отъявленный нигилистъ и повстанецъ); въ третьей запискѣ испрашивается, для NN, полномочіе не только ревизовать всю юстицію, но и дѣлать высшія распоряженія по этой части. По всѣмъ тремъ запискамъ Бергу и его клевретамъ наклѣены сильные носы. При этомъ подтверждено, чтобы юридическая коммиссія была подвѣдомственна лишь Учредительному Комитету и чтобы юристы были выбраны мною. Копію съ выс. пов. я вамъ пришлю для свѣдѣнія и руководства, такъ какъ, пожалуй, отъ васъ все это скроютъ. Эта продѣлка показываетъ еще разъ, что надо обратить особенное вниманіе на составъ юридической коммиссіи. Теперь главная моя забота—найти людей надежныхъ, твердыхъ, дѣятельныхъ, которые обуздали бы NN*** и его польскихъ и русскихъ сообщниковъ. Кое-кого имѣю въ виду, но мало. Укажите и вы мнѣ, ради Бога. До того, лучше попридержите дѣйствіе юридической коммиссіи. Учредительный комитетъ могъ бы поручить N*** какія нибудь предварительныя работы, лишь бы онъ не предрѣшилъ будущаго направленія коммиссіи. Набравъ людей (но не прежде) я пріѣду въ Варшаву и самъ пріиму участіе въ окончательной программѣ дѣйствій

и направленіи юридической коммиссіи. Время не позволяетъ мнѣ писать тѣ виды и предположенія, которыя связаны съ этимъ дѣломъ; скажу только, что оно первостепенной важности, и находится въ тѣсной связи съ самимъ крестьянскимъ дѣломъ [1]).

Не передавайте этого никому кромѣ Черкасскаго и затормозите дѣло до моего пріѣзда.

До меня дошло, что Петръ Самаринъ просится за границу. Если это справедливо, если его должна потерять красноставская коммисія,—то нельзя ли удержать его для коммиссіи юридической? Онъ тамъ былъ бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Можетъ быть это даже спасло бы дѣло.

...Изъ всего предъидущаго вы видите, что времени моего пріѣзда я опредѣлить еще не могу. Едва-ли не придется отложить до января.

Къ кн. В. А. Черкасскому.

С.-Петербургъ. 1864 г.

Поѣздку мою приходится отложить, во первыхъ за неокончаніемъ проэкта административной реформы, который я желаю привезти съ собою для разсмотрѣнія вмѣстѣ съ вами, а во вторыхъ за неотысканіемъ еще надежныхъ юристовъ, безъ которыхъ не хотѣлось бы пріѣхать въ Варшаву. Обо всемъ напишу подробнѣе Я. А. Соловьеву. Отъ Самарина (Юрія) я получилъ отказъ; онъ все продолжаетъ твердить о своей немощи. Это сильно меня огорчаетъ, и для дѣла, и еще болѣе—для него... Время не позволяетъ мнѣ самому заняться вопросомъ о горномъ (въ Польшѣ) уставѣ. Дожидаться окончанія здѣшняго горнаго устава—невозможно: оно еще протянется долго и пройдетъ черезъ множество инстанцій... Во что бы то ни стало, надо рѣшить польскій горный вопросъ немедленно, и рѣшеніе наше можетъ быть повліяетъ и на русскій уставъ, который тянется вотъ уже цѣлые годы. Примите систему самую простую въ исполненіи... Вашъ злонамѣренный старецъ, не смотря на мои просьбы, не при-

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Юр. Самаринъ и кн. Черкасскій не вполнѣ одобряли обработку судебной реформы въ Россіи, которая была задумана и введена въ дѣйствіе во время ихъ устраненія отъ государственныхъ дѣлъ. Они надѣялись избѣгнуть тѣхъ же ошибокъ въ польскомъ проэктѣ. Въ какой мѣрѣ цѣль эта была достигнута, не знаю,—такъ какъ и въ Польшѣ судебная реформа была введена послѣ болѣзни, удалившей Николая Алексѣевича и кн. Черкасскаго отъ дѣлъ польскихъ. М. А. Стиль.

слалъ мнѣ литографированной польской брошюры (въ отвѣтъ Сапеги). Не можете ли вы мнѣ ее доставить? Бергъ разослалъ ее— Долгорукову, Горчакову и другимъ, а кажется до меня и моихъ работъ она ближе касается.

С.-Петербургъ, 7-го (19-го) декабря 1864 г.

Почтеннѣйшій князь, обратите вниманіе на подателя сего, извѣстнаго уже вамъ Селиванова: неужели не найдется никакого полезнаго употребленія изъ его неистощимой доброй воли? Подумайте и рѣшите [1]).

Между тѣмъ, хотя онъ ѣдетъ сегодня же, но на скоро рѣшаюсь писать слѣдующее: во первыхъ, объ августовскихъ раскольникахъ была (въ Польскомъ Комитетѣ) сильная пря. Князь Горчаковъ и Чевкинъ наконецъ согласились отдѣлиться отъ фанатическихъ притязаній Ахматова и кн. Урусова, только въ томъ случаѣ, если, по справкамъ, окажется: 1) что раскольничьи колокола висѣли въ Польшѣ и въ прежнее время не вслѣдствіе злоупотребленія, а съ явнаго вѣдома правительства; во 2-хъ, что означенные раскольники принадлежатъ къ разряду молящихся за царя. Хотя я и объяснялъ имъ, что первое указывается положительно въ нѣкоторыхъ бумагахъ (между пр. въ предъявленіи главнаго директора внутреннихъ дѣлъ, отъ 15-го (27) іюня 1854 года за № 14,844 (306), а второе тѣмъ, что раскольники не только молились, но и дрались за царя и были всегда вѣрнѣйшими поборниками монархическаго начала въ Польшѣ, но рѣшено: отнестись конфиденціально къ намѣстнику и просить разъясненія этихъ двухъ пунктовъ. Пожалуста, отвѣтьте скорѣе, и сколь можно категоричнѣе, для успокоенія совѣсти сихъ двухъ старцевъ; во 2) о новомъ святомъ Іозафатѣ я уже поручилъ ** написать вамъ: мнѣ кажется надо разъяснить общественному мнѣнію что̀ за птица была этотъ святой; но принимать отъ правительства мѣры, и даже обнаруживать излишную заботливость по поводу новыхъ шалостей папы—едва-ли удобно. Впрочемъ я просилъ Кояловича составить записку о немъ, которую вамъ доставлю со временемъ. Еслибы между самими уніатами можно было бы найти такого, который содѣйствовалъ бы обличенію будущаго святого и разоблачилъ комедію, разыгранную съ мнимыми его останками, то это было бы не дурно.

3) Вы вѣроятно знаете о моемъ назначеніи въ Главный Комитетъ

---

[1]) Илья Вас. Селивановъ—извѣстный писатель, въ послѣдствіи сотрудникъ „Русской Старины“ † въ Москвѣ, въ 1882 г. Ред.

объ устройствѣ сельскаго состоянія. Это нисколько не измѣнитъ всѣхъ прежнихъ моихъ плановъ и занятій,—только придастъ пàру враждебнымъ страстямъ.

4) Въ юридическую коммиссію предлагаетъ себя ректоръ кіевскаго университета Иванишевъ. Отзывъ о немъ блестящій. Кажется это будетъ для насъ важная подмога. Я зову его въ Петербургъ для личныхъ соглашеній. Между тѣмъ узнайте (не разглашая того) въ какихъ отношеніяхъ были къ нему въ Кіевѣ—Витте и NN (чтобы не вышло скандала).

P. S. Знаете ли, что строптивый старецъ (гр. Бергъ) имѣлъ духа прямо заявить право на фельдмаршалскій жезлъ!! Я послалъ бы ему сто.

Сообщ. М. А. Стиль (по первому мужу Милютина).

РУССКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Изъ записокъ отставного губернатора.

1866 г.

«Совершенное правленіе существуетъ только въ странѣ идей».

Bayle.

I.

Отправляя меня во вновь учреждаемую К—скую губернію на весьма видную, по тогдашнему времени, должность, князь Черкасскій, министръ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ (оффиціальное наименованіе этой должности было: главный директоръ коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ) озадачилъ меня сразу.

— Тамъ, батюшка, сказалъ онъ мнѣ: еще пребываютъ всякаго рода жандармы-вѣшатели, кинжальщики и собиратели «офяры» въ пользу народоваго жонда,—вездѣ эти мерзости давно поприкончены, а тамъ нѣтъ... Правда, губернія-то пограничная, а все-таки...

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній,—спросилъ я:—по которымъ можно было-бы взяться за дѣло?

— Какъ не быть! У генералъ-полиціймейстера сосредоточиваются всѣ полицейскія свѣдѣнія, — онъ вамъ, когда вы ему представитесь, конечно, передастъ все, что до К. губерніи относится; да и намѣстникъ, вѣроятно, снабдитъ васъ своими приказаніями; дѣло вѣдь не шуточное!—По моему мнѣнію, закончилъ князь, главное зло въ польскихъ чиновникахъ; они эти шашни и поддерживаютъ, и прикрываютъ,—будете на мѣстѣ, сами убѣдитесь.

Когда-то К. губернія составляла отдѣльную губернію; но уже лѣтъ двадцать, какъ К. былъ превращенъ въ уѣздный городъ, и всѣ его уѣзды съ городами вошли въ составъ смежной Варшавской губерніи. Въ 1862 году бывшая К. губернія, на основаніи особаго военнаго положенія, была подчинена въ военно-полицейскомъ отношеніи

начальнику военнаго отдѣла, оставаясь по гражданскому управленію въ составѣ Варшавской губерніи.

Въ то время не только Польша, но и Литва была раздѣлена на военные отдѣлы; начальникамъ отдѣловъ было поручено вѣдать, какъ тогда выражались, «политическую часть», то есть искоренять вооруженный мятежъ и всякаго рода крамольныя поползновенія, въ родѣ вымогательства «офяры» (жертвы) въ пользу мятежа или насильной вербовки въ банды революціи и т. п.

Въ большихъ военныхъ отдѣлахъ, какъ напримѣръ въ К. губерніи, начальниками отдѣловъ назначались командующіе расположенными въ той мѣстности дивизіями. Въ меньшихъ отдѣлахъ назначались младшіе генералы, а иногда и полковые командиры.

Управленія, т. е. канцелярскій штатъ начальниковъ отдѣловъ отличались и простотой, и малочисленностью, — всего отъ трехъ до пяти офицеровъ и нѣсколько писарей; въ уѣздахъ имъ подчинялись военные уѣздные начальники, — это въ миніатюрѣ тѣ же начальники отдѣловъ.

Всѣ вѣдомства губерніи обязаны были исполнять приказанія начальниковъ отдѣловъ; при малѣйшемъ противодѣйствіи или непослушаніи, начальники отдѣловъ могли выдвинуть цѣлый арсеналъ карательныхъ мѣръ весьма серьезнаго и даже драконовскаго свойства.

Но гражданское управленіе губерніи—судебное, учебное, почтовое, благотворительное, — словомъ, всѣ гражданскія вѣдомства управлялись по старому: польскимъ чиновничествомъ, за исключеніемъ крестьянскихъ коммисій, о которыхъ будетъ сказано особо.

Одинъ только губернаторъ могъ быть русскимъ,—остальныя гражданскія должности могли замѣщаться исключительно только поляками; такъ это было если не de jure, то de facto.

Конечно, оффиціальная переписка велась по-польски, да и кодексъ польскій не былъ переведенъ на русскій языкъ.

Весь этотъ гражданскій мірокъ жилъ и дѣйствовалъ какъ-то отдѣльно, втихомолку и немного скрытно. Но въ немъ чувствовалась затаенная, упругая сила,—казалось, что вотъ всѣ эти начальники военныхъ отдѣловъ съ ихъ арсеналами карательныхъ мѣръ исчезнутъ очень скоро, а чиновники останутся и проведутъ законно, совершенно естественно и безъ шума свои не карательныя, но также очень серьезныя мѣры. Тогда это тѣмъ болѣе могло казаться вѣроятнымъ, что самъ намѣстникъ, только-что раздавившій вооруженный мятежъ, стоялъ, насколько могъ, за автономическое начало въ управленіи Польши. Всѣ это знали, русскіе и поляки,—большинство русскихъ негодовало, всѣ поляки радовались,—но сознаніе было общее. Разсказы-

вали громко во всѣхъ углахъ Царства Польскаго, что графъ Бергъ, истый курляндецъ, боится этой, какъ онъ говорилъ, «руссоманіи», она легко изъ Польши перейдетъ и въ Курляндію, и въ Лиф- и Эстляндію и совсѣмъ тамъ заѣстъ кость отъ костей его, то есть нѣмецкихъ бароновъ, даже, пожалуй, до того, что надѣлитъ землей и коренныхъ жителей этихъ онѣмеченныхъ ляндовъ!

«Руссоманія», главнымъ образомъ, имѣла тогда трехъ представителей: Н. А. Милютина, князя В. А. Черкасскаго и Я. А. Соловьева. Мнѣ кажется, очень трудно было рѣшить, какое изъ этихъ трехъ именъ было наиболѣе полякамъ ненавистно. Н. А. Милютинъ отстаивалъ «руссоманію» въ Петербургѣ, а кн. Черкасскій и Я. А. Соловьевъ вводили ее въ Польшѣ.

Сквозь весьма прозрачную занавѣсь оффиціальной подчиненности, взаимнаго уваженія, довѣрія и полнаго согласія въ цѣляхъ и средствахъ, шла глухая, но сильная борьба—намѣстникъ ковалъ коварныя козни «руссоманіи», а они старались связать его по рукамъ и по ногамъ, оставляя ему только блескъ оффиціальнаго положенія—намѣстника Царства.

Въ Петербургѣ у графа Ѳ. Ѳ. Берга была своя и немаловажная партія; но и среди варшавскихъ русскихъ намѣстникъ имѣлъ своихъ приверженцевъ. Всѣ старые чиновники изъ служившихъ въ краѣ во времена князя Паскевича, ополяченные въ особенности балетничками и обществомъ кутилъ изъ высшаго польскаго круга, всецѣло придерживались его воззрѣній,—«руссоманы» ихъ отвергли, какъ неспособный хламъ; и они брюзжали, сколько могли, называя себя консерваторами. При томъ нельзя было имъ совершенно забыть и простить князю Черкасскому, попавшему изъ отставнаго титулярнаго совѣтника прямо въ министры! Наконецъ, кутилы-друзья ихъ изъ польскаго высшаго общества раззорялись, и раззорялъ ихъ тотъ-же кн. Черкасскій съ Соловьевымъ, надѣляя польскихъ крестьянъ землею и вводя гминное (волостное) управленіе, отчего все панство теряло возможность управлять хлопомъ. Темы еще болѣе удобныя для консерватора!

Но тогда въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, консерваторы вообще, къ счастью или къ несчастью Россіи, не умѣли стоять у дѣла и управлять имъ,—дѣло всегда оказывалось не у консерватора,—консерваторъ злился, брюзжалъ, а доклады писались, законы и справки составлялись и дѣло шло путемъ, для консерватора ненавистнымъ. Если, наконецъ, одному изъ консерваторовъ и удавалось занять высшее начальническое мѣсто, то и тогда консерваторамъ выпадали только одни разочарованія, потому что, такъ или иначе, а дѣло все-таки

шло не по-консерваторски. Консерваторъ или ничего за докладами и справками не разглядывалъ или, какъ графъ Бергъ, оказывался въ борьбѣ съ подчиненными безсильнымъ и кругомъ, какъ говорится, обойденнымъ.

Въ описываемое мною время въ Польшѣ у графа Берга съ его петербургскими и варшавскими приверженцами не было почвы, а руссоманы стояли твердо, на фактическихъ данныхъ.

Дворяне поляки, исконные историческіе враги Россіи, только-что устроили мятежъ, стоившій Россіи и много денегъ, и много крови. Естественно было ихъ ослабить и изъять изъ ихъ рукъ равнодушныхъ къ автономіи Польши крестьянъ, надѣливъ ихъ землей и устроивъ ихъ самоуправленіе.

Чиновничество польское дѣятельно способствовало мятежу и всегда, во всѣ времена, крамольничало, поддерживая въ Польшѣ автономическія начала, искажая и не исполняя даже Высочайшія повелѣнія, если они не согласовались съ ихъ направленіемъ. Слѣдовательно правительству русскому необходимо было польское чиновничество отъ дѣла отстранить и автономическія учрежденія Польши уничтожить.

Графъ Бергъ и его петербургскіе и варшавскіе приверженцы, консерваторы, какъ ни окрещивали Милютина, Черкасскаго и Соловьева всякаго рода неблаговидными именованіями красныхъ соціалистовъ и т. п., но они всѣмъ скопомъ не съумѣли-бы изложить собственныя предположенія относительно уничтоженія въ Польшѣ легкой возможности новаго мятежа. Все, кажется, уже было испробовано: въ Польшѣ была и конституція, было и военное управленіе, потомъ была еще новая попытка автономіи, — и всегда вліяніе и аграрное значеніе дворянства, а въ администраціи—мѣстнаго чиновничества были всесильны, и вотъ именно эти-то силы и сотворили послѣдній мятежъ. Какъ тутъ доказывать, что правительству русскому слѣдуетъ опять-таки опереться на только-что раздавленную крамолу польскую?—Вотъ почему Соловьевъ и Черкасскій могли въ Польшѣ дѣйствовать, а Милютинъ ихъ отстаивать въ Петербургѣ, вопреки графу Бергу и его политическимъ друзьямъ.

Въ то время (т. е. въ началѣ 1866 г.) во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго уже болѣе года дѣйствовали «Коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ»; составъ ихъ, конечно, былъ исключительно русскій, — на нихъ сосредоточивалась ненависть всѣхъ поляковъ и русскихъ консерваторовъ.

Они, дѣйствительно, посерьезнѣе были даже начальниковъ отдѣловъ. Безъ лишней канцелярщины, стойко и послѣдовательно вводилось ими новое аграрное положеніе, и всѣ ухищренія польской адми-

нистраціи оставались безсильны. Клеветы большинства мѣстныхъ жандармовъ (большей частью изъ поляковъ и, конечно, ярыхъ консерваторовъ), нерасположеніе нѣкоторыхъ старыхъ генераловъ, начальниковъ отдѣловъ (имъ было внушено въ Варшавѣ, что члены крестьянской коммисіи «красные», и этого было достаточно, чтобы вызвать ихъ нерасположеніе), — все вмѣстѣ хотя часто доставляло личную досаду и неудовольствія, но дѣло шло своимъ чередомъ и безостановочно.

Личный составъ крестьянскихъ коммисій дѣлалъ честь и Соловьеву, и Черкасскому. Вѣдь съумѣли же они почти разомъ выписать слишкомъ сто человѣкъ честныхъ, толковыхъ и дѣльныхъ русскихъ! Большинство изъ нихъ аграрными дѣлами никогда прежде не занимались, а дѣло сразу пошло хорошо. Крестьяне безусловно имъ вѣрили, а помѣщики и чиновники, при всемъ пламенномъ желаніи очернить ихъ, могли лепетать только общія фразы о краснотѣ, да соціализмѣ. А сколько разнообразныхъ соблазновъ и сѣтей было наставлено для уловленія каждаго члена крестьянскихъ коммисій! Сколько красавицъ-полекъ!... И вѣдь народъ былъ все большею частью молодой,—тѣмъ не менѣе ни разу никто изъ нихъ не заслужилъ упрека, не измѣнилъ дѣлу и своимъ обязанностямъ. Какъ-то странно звучитъ, послѣ такого примѣра, вѣчное нытье нашихъ администраторовъ о недостаткѣ въ Россіи способныхъ людей!

Въ началѣ 1866 года составилось предположеніе объ учрежденіи русскаго гражданскаго управленія въ польскихъ губерніяхъ, а затѣмъ предполагалось уничтожить всѣ остатки автономіи, закрывъ польскія министерства, существовавшія подъ наименованіемъ главныхъ коммисій внутреннихъ, финансовыхъ и т. п. дѣлъ, вмѣстѣ съ польскимъ сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ. Царство Польское получило-бы значеніе Царства Казанскаго или Астраханскаго, а намѣстникъ превращенъ въ генералъ-губернатора.

Первый вступительный пріемъ къ осуществленію задуманной цѣли состоялъ въ учрежденіи такъ называемыхъ «временныхъ губерній». Эти губерніи составились изъ уѣздовъ, отдѣленныхъ отъ смежныхъ съ ними пяти уже существовавшихъ губерній Царства Польскаго.

Предполагалось черезъ годъ совершенно отдѣлить ихъ, а покуда «временные губернаторы», замѣняя только начальниковъ военныхъ отдѣловъ, исподволь знакомились съ краемъ и готовились водворить русскую губернскую администрацію въ замѣнъ польской. Предполагалось ввести русскіе законы, выписать русскихъ чиновниковъ, устроить земскую полицію, но въ особенности временнымъ губернаторамъ вмѣнено было въ обязанность немедленно принять подъ свою опеку вновь

учрежденныя гминныя управленія. Благодаря именно этимъ управленіямъ въ первый разъ польскій хлопъ сталъ независимъ отъ польскаго пана!

Такимъ-то временнымъ губернаторомъ К. губерніи я былъ назначенъ въ январѣ 1866 года, и по поводу этого назначенія и произошелъ разговоръ съ княземъ Черкасскимъ о собирателяхъ «офяры» въ пользу польской революціи К. губерніи.

II.

Генералъ-полиціймейстеръ имѣлъ въ Царствѣ Польскомъ значеніе бывшаго шефа жандармовъ въ Россіи. Всѣ власти Царства обязаны были о дѣлахъ политическихъ и полицейскихъ доносить ему, — независимо, конечно, отъ губернскихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, прямо ему подчиненныхъ.

Личность генералъ-полиціймейстера, впослѣдствіи знаменитая, подвергалась часто и преувеличеннымъ похваламъ, и такимъ же порицаніямъ. У насъ какъ-то вообще привыкли: хвалить—такъ захваливать, ругать — такъ заругивать; нашихъ дѣятелей судятъ, вовсе не признавая возможности въ одномъ и томъ же человѣкѣ и свѣтлыя, и темныя стороны.

Генералъ Т*** былъ уменъ,—это былъ типъ дѣльнаго штабъ-офицера старыхъ временъ, 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. Очень дѣятельный, очень расторопный, онъ умѣлъ во-время распечь и ободрить, умѣлъ и войти въ довѣріе къ начальству,—и умѣлъ, какъ говорится, товаръ лицомъ показать.

До послѣдней польской революціи онъ командовалъ жандармскимъ полкомъ; конечно, если жандармскій полкъ не былъ спеціально созданъ для него, то казалось, что именно онъ для него былъ рожденъ.

Вполнѣ возможно было его предположить на мѣстѣ варшавскаго оберъ-полиціймейстера.....

Генералу Т. было тогда за 50 лѣтъ,—всякое требованіе, въ мѣрѣ его способностей, онъ могъ выполнить съ замѣчательной энергіей и дѣловитостью. Никто лучше его не водворилъ бы наружный порядокъ въ большомъ городѣ, никто энергичнѣе его не распорядился бы въ случаѣ явнаго, вооруженнаго возстанія, — наконецъ, никто лучше его не устроилъ бы хозяйственную часть полка или полицейскихъ командъ и т. п. Но генералъ-полиціймейстеру Царства Польскаго нужно было несравненно больше (??).

Онъ долженъ былъ знать исторію Польши и Россіи, понимать оттѣнки политическихъ направленій и мнѣній не только Польши, но и всей западной Европы. Онъ долженъ былъ усвоить себѣ будущую программу государственныхъ дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ. Словомъ, онъ долженъ былъ быть государственнымъ дѣятелемъ, а не жандармскимъ строевымъ офицеромъ. Чѣмъ же виноватъ дѣльный, заслуженный, ловкій жандармскій штабъ-офицеръ, что судьба повернула его какъ-то разомъ, подъ старость лѣтъ (?), чуть не въ высшіе государственные дѣятели?

Генералъ Т., воспитанный и постарѣвшій въ военной дисциплинѣ, негодовалъ на графа Берга и на кн. Черкасскаго, — на перваго за недостатокъ энергіи, на втораго за постоянное противодѣйствіе желаніямъ начальства. По мнѣнію генерала Т., слѣдовало намѣстнику, по военному, «разнесть» князя Черкасскаго: «извольте-молъ исполнять то, что приказываю, и не смѣть интриговать». Генералъ Т. признавалъ (?) интригой соглашеніе въ дѣйствіяхъ князя Черкасскаго и Соловьева съ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, Милютинымъ, и полагалъ, что съ энергіей можно было бы прервать это соглашеніе и вообще возстановить въ полной силѣ значеніе намѣстника.

— «А теперь, — говаривалъ онъ: — намѣстникъ ничего не знаетъ; а вдругъ выходитъ высочайшее повелѣніе, согласное съ мнѣніемъ кн. Черкасскаго или Соловьева, но совершенно противоположное мнѣнію намѣстника, — старикъ, прибавлялъ онъ съ горечью: и высказаться теперь побаивается».

Для генерала Т. не могла существовать политическая программа управленія краемъ, потому-то онъ ни Милютина, ни Черкасскаго съ Соловьевымъ не понималъ (?), — за то онъ и не сознавалъ курляндско-автономическихъ стремленій графа Берга; для него существовалъ только намѣстникъ, генералъ-фельдмаршалъ, и около него интригующіе чиновники-выскочки.

Въ Варшавѣ генералъ Т. естественно сталъ во главѣ русскихъ и польскихъ корсерваторовъ и, слѣдовательно, въ явной враждѣ съ княземъ Черкасскимъ и съ прочими «руссоманами». Но въ сущности намѣстнику генералъ Т. въ борьбѣ его съ партіей Милютина серьезнаго пособія дать не могъ.

Прежде всего генералъ Т. окружилъ себя не вполнѣ удачно (?), а затѣмъ никакой программы (!?) для управленія краемъ онъ не имѣлъ. Пособіе его консервативной партіи выражалось довольно поверхностнымъ изысканіемъ такихъ дѣйствій подчиненныхъ Черкасскаго и Соловьева, которыя прямо доказывали бы соціально-красное ихъ направленіе. Этими изысканіями спеціально и занимались разсыпанные по Царству

Польскому жандармскіе офицеры. Но такъ какъ жандармы, въ свою очередь, новое положеніе о надѣлѣ крестьянъ землею плохо понимали и ни одной уставной грамоты разобрать дѣльно не могли бы, то все и ограничивалось постоянными пустыми сплетнями.

У генерала Т., по штату его управленія, полагался помощникъ. Служебное положеніе этого помощника вызывало тогда много толковъ, и оно дѣйствительно было довольно странно и въ служебномъ мірѣ необычайно.

Помощникъ генералъ-полиціймейстера въ Царствѣ былъ флигель-адъютантъ, полковникъ А., сынъ очень извѣстнаго и всѣми очень уважаемаго высшаго сановника имперіи.

Полковникъ А. пріѣхалъ въ Царство Польское въ свитѣ графа Берга, кажется, еще въ чинѣ штабсъ-капитана. Покуда въ краѣ были вооруженныя шайки повстанцевъ, А. гнался за ними и дрался, гдѣ только могъ. Графъ Бергъ былъ отъ него въ восторгѣ,—и дѣйствительно А. былъ храбрый, очень образованный и дѣльный офицеръ. Быстрое его производство потомъ уже врагами его, (а онъ ими обзавелся въ изобиліи) приписывалось значенію и просьбамъ отца его. Ничего подобнаго не было, — безукоризненно честный, строгій и въ высшей степени благородный отецъ А., конечно, ничѣмъ не участвовалъ въ успѣхахъ по службѣ сына. А., дѣйствительно, самъ заслужилъ всѣ полученныя имъ награды.

Когда съ вооруженнымъ мятежемъ покончили, А., уже флигель-адъютанта и полковника, назначили помощникомъ генералъ-полиціймейстера. Тогда это учрежденіе только-что зарождалось, и полковникъ А. дѣятельно работалъ по составленію всѣхъ Положеній управленія генералъ-полиціймейстера. Генералъ Т. и онъ были одновременно назначены.

Вскорѣ по пріѣздѣ Н. А. Милютина, кн. Черкасскаго и Соловьева, оказалось, что флигель-адъютантъ А. ни въ чемъ не раздѣляетъ цикла политическихъ воззрѣній генералъ-полиціймейстера, и даже согласился участвовать и очень дѣятельно занимался въ коммисіяхъ, учреждаемыхъ «партіею Милютина» по различнымъ наиболѣе серьезнымъ дѣламъ Царства Польскаго, и въ этихъ коммисіяхъ рѣшительно придерживался направленія русскаго, а вовсе не польско-автономическаго. Съ тѣхъ поръ флигель-адъютантъ А. отъ дѣлъ генералъ-полиціймейстера былъ совершенно отстраненъ и оставался помощникомъ de jure генерала Т., ничего общаго съ нимъ не имѣя. Его занятія заключались всегда въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ въ коммисіяхъ, временно учреждаемыхъ (такъ, напримѣръ, дѣло закрытія монастырей было въ значительной степени имъ разработано).

Графъ Бергъ, хотя обращался съ нимъ очень мило, но за глаза отзывался о немъ, какъ о нравственной фотографіи Іуды-Искаріотскаго, и никакого хода по службѣ ему не давалъ. Консерваторы, русскіе и поляки, взапуски упрекали его въ измѣнѣ. Изъ приближенныхъ фельдмаршала одинъ только покойный комендантъ Варшавы, старый князь Бебутовъ, державшійся строгаго нейтралитета, безстрастно, но довольно вѣрно все разъяснялъ, впрочемъ, всегда таинственно и конфиденціально.

— Ничего, братецъ,— говаривалъ онъ мнѣ:—они ничего не подѣлаютъ, потому ни говорить, ни писать, ни думать они по русски не умѣютъ, и ни одинъ съ ними настоящій русскій образованный человѣкъ не пойдетъ, какъ тамъ они не злись. Жаль старика фельдмаршала,—добавлялъ онъ:—а что же дѣлать? Совсѣмъ нѣмецъ онъ, братецъ, вотъ что плохо,—въ этомъ и вся бѣда его! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ полковника А., чтобы онъ, изъ преданности къ фельдмаршалу, въ курляндцы переродился!

Генералъ-полиціймейстеръ принялъ меня очень сухо.

— Назначены, скоро ѣдете? — сказалъ онъ мнѣ рѣзко, точно распекать собирался.

— Дня черезъ три... Да вотъ я хотѣлъ спросить у вашего превосходительства,—князь Черкасскій говорилъ, что въ К. губерніи еще собираютъ «офяры» въ пользу революціи, и что у васъ имѣются свѣдѣнія?...

— Князь Черкасскій вѣрно знаетъ, если говоритъ, — отвѣтилъ мнѣ генералъ сердито:—были, можетъ быть, тамъ какіе-нибудь мошенники,—добавилъ онъ небрежно.—Но дѣло это, вѣроятно, уже разобрано и покончено. Прощайте, до свиданія!

Графъ Бергъ слылъ, и совершенно справедливо, за человѣка весьма любезнаго обращенія, и я самъ, являясь ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при переводѣ моемъ изъ войскъ, расположенныхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ войска Варшавскаго военнаго округа, испыталъ на себѣ его привѣтливость; но на этотъ разъ пріемъ былъ совсѣмъ другой.

— Я васъ вовсе не знаю,—сказалъ онъ мнѣ, какъ только я вошелъ въ его кабинетъ:—я согласился на представленіе князя Черкасскаго и назначилъ васъ губернаторомъ; но, понятное дѣло, что довѣрія къ вамъ имѣть не могу. Прошу васъ и приказываю ни съ кѣмъ рѣшительно не ссориться въ К. губерніи, — ни съ кѣмъ, поняли вы меня? Прощайте!

Я прямо изъ дворца поѣхалъ къ князю Черкасскому; разсказалъ ему пріемъ намѣстника и просилъ его принять мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности К. губернатора. Князь Черкасскій сильно нахмурился.

— Это ничего,—сказалъ онъ мнѣ:—я съ нимъ завтра переговорю, мы все устроимъ, подождите.

— Я и безъ того, князь, въ Варшавѣ проживу еще три дня и къ вамъ пріѣду проститься и еще разъ благодарить за доброе ваше ко мнѣ расположеніе,—отвѣчалъ я, прощаясь съ Черкасскимъ.

Вечеромъ въ тотъ же день встрѣтился я въ русскомъ клубѣ съ товарищемъ моего дѣтства, чиновникомъ дипломатической канцеляріи намѣстника, Ш. Сказавъ ему, что ѣду обратно въ войска, я сообщилъ причину, заставившую отказаться отъ губернаторства.

— Это очень хорошо,—замѣтилъ онъ мнѣ:—если намѣстникъ такъ тебя принялъ, значитъ онъ черезъ мѣру злится, чувствуя себя совсѣмъ безсильнымъ. Завтра онъ тебя своимъ роднымъ сыномъ наречетъ, да еще любимымъ, чтобы какъ-нибудь да ослабить впечатлѣніе перваго пріема.

Я тогда эти слова Ш. пропустилъ безъ особаго вниманія,—такъ, думаю, острить и надъ старикомъ-намѣстникомъ издѣвается.

На другой день, часовъ въ одиннадцать, потребовалъ меня намѣстникъ. Когда я подъѣзжалъ къ бывшему королевскому дворцу, карета князя Черкасскаго выѣзжала изъ воротъ его.

Я никогда въ жизни своей не встрѣчалъ столь добраго, чувствительнаго и нѣжнаго старца, каковымъ оказался на этотъ разъ намѣстникъ. Ш. былъ правъ,— онъ нарекъ меня своимъ любезнымъ сыномъ, сыномъ сердца своего. Все нѣжное, отеческое было высказано на французскомъ языкѣ въ теченіи получаса. Мнѣ было стыдно и за него, и за себя. Стоило того прожить 80 лѣтъ, чтобы ломать на закатѣ дней своихъ такую комедію. И зачѣмъ это ему было нужно? Изъ любви къ искусству, что-ли? И каково-то мнѣ было серьезно эту комедію слушать и даже очень почтительно къ ней относиться?

Я, конечно, вышелъ изъ кабинета графа Берга К. губернаторомъ, съ увѣреніями въ полнѣйшемъ и безусловномъ ко мнѣ довѣріи.

Флигель-адъютантъ А., къ которому я зашелъ, выходя отъ намѣстника (онъ жилъ во дворцѣ), весьма серьезно увѣрялъ меня, что онъ на моемъ мѣстѣ гораздо больше безпокоился бы послѣ втораго пріема, чѣмъ послѣ перваго.

— Ужъ когда дѣло у него доходитъ,—говорилъ онъ:—до «сердечнаго усыновленія», тогда положительно плохо; онъ въ такомъ случаѣ навѣрное собирается учинить какую-нибудь крупную непріятность.

Мнѣ вотъ, — вздыхая прибавилъ А.:—постоянно приходится состоять въ качествѣ «сына сердца», и это вовсе не весело! [1]).

А все-таки ни намѣстникъ, ни генералъ-полиціймейстеръ ни одного дѣловаго слова мнѣ не проронили,—одинъ князь Черкасскій долго и подробно наставлялъ меня передъ отъѣздомъ моимъ изъ Варшавы.

III.

Въ городѣ К. жилъ и царствовалъ генералъ Б., начальникъ дивизіи и начальникъ военнаго отдѣла. Я его не зналъ и даже никогда съ нимъ не встрѣчался. Съ моимъ пріѣздомъ онъ оставался только начальникомъ дивизіи.

Генералъ Б. былъ одинъ изъ старѣйшихъ начальниковъ дивизій,—ему было подъ 70 лѣтъ. Репутація его въ арміи была изъ самыхъ почтенныхъ. Какъ боевой генералъ, онъ отличался и на Кавказѣ, и въ турецкую кампанію 1854 года.

Еще въ Варшавѣ я слышалъ отъ многихъ русскихъ, знавшихъ его, что онъ лѣнивъ, но почетъ очень любитъ, и что въ городѣ К. его всѣ на рукахъ носятъ, вслѣдствіе чего онъ твердо убѣжденъ въ преданности Россіи и Государю всѣхъ поляковъ его отдѣла; — кругомъ него образовался будто-бы цѣлый придворный штатъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ, и что господа эти, ублажая слабость стараго генерала, втихомолку, конечно, обдѣлывали свои дѣлишки.

По всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдовало предполагать, что онъ отнесется къ молодому полковнику, замѣняющему его по должности начальника отдѣла, крайне неблагосклонно, — вѣдь вся преданность поляковъ, весь почетъ въ городѣ проистекали главнымъ образомъ отъ власти, присущей начальнику отдѣла! Я ожидалъ именно отъ него много затрудненій и непріятностей.

Генералъ Б., можетъ быть, и любилъ почетъ, хотя я этого никогда

---

[1]) Эта черта для характеристики гр. Ѳ. Ѳ. Берга проведена совершенно вѣрно. Мы слышали отъ покойнаго друга нашего А. Ѳ. Гильфердинга, что когда Н. А. Милютинъ задумалъ его сдѣлать предсѣдателемъ коммисіи просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, каковое званіе преобразилось впослѣдствіи въ попечителя варшавскаго учебнаго округа, а гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ задумалъ посадить на это мѣсто Витте, то онъ, намѣстникъ, осыпалъ Гильфердинга самыми нѣжными наименованіями и, обнимая его при свиданіи — назвалъ (въ 1864 г.) своимъ крестникомъ, а между тѣмъ ловко предвосхитилъ у Н. А. Милютина личнымъ докладомъ у Императора назначеніе, вмѣсто Гильфердинга,—Ѳ. Ѳ. Витте. Ред.

не замѣчалъ; мнѣ кажется, онъ только привыкъ къ чинопочитанію и военной дисциплинѣ. Это былъ съ головы до ногъ честный и порядочный человѣкъ въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ.

Какъ только онъ убѣдился, что назначеніе на мѣсто губернатора вовсе не отуманило полковника и что полковникъ-губернаторъ не въ состояніи забыть должнаго между военными чинопочитанія и уваженія къ старому и заслуженному генералу, такъ сейчасъ же генералъ Б. сдѣлался моимъ лучшимъ совѣтникомъ, искреннимъ руководителемъ и помощникомъ. Мы прожили съ нимъ въ городѣ К. два года, и наши отношенія никогда не измѣнялись (въ 1868 году онъ умеръ).

Дѣятельная его прежняя жизнь утомила его сильно, здоровье измѣнило ему, онъ постарѣлъ и физически сильно ослабъ. Польскому низкопоклонству онъ придавалъ настоящее его значеніе и вовсе не ослѣплялся имъ. Старикъ былъ большой хлѣбосолъ, любилъ по $^1/_5$ коп. поиграть въ карты, а иногда вечеромъ, послѣ ранняго ужина, послушать сплетни. Онѣ его забавляли, а подчасъ и усыпляли.

Ему необходимо было движеніе и говоръ въ домѣ,—онъ любилъ многолюдность и былъ даже слишкомъ гостепріименъ. Конечно, въ городѣ К. при такомъ настроеніи не приходилось быть разборчивымъ. Офицеры полка его дивизіи, квартировавшаго въ городѣ, были у него въ домѣ, какъ свои; но туда же шелъ и панъ, и чиновникъ, и ксендзъ, и всякій, кто только хотѣлъ,—и всѣмъ былъ простой и очень радушный пріемъ.

Скоро послѣ моего пріѣзда мнѣ удалось убѣдиться, что генералъ Б. замѣчательно тонко и вѣрно оцѣнивалъ и разбиралъ все это полячество,—отъ него мало что могло укрыться. Но вся его фигура была такъ проста и добродушна, что рѣшительно за нимъ такой проницательности и подозрѣвать было невозможно.

Затрудненія и немалыя появились очень быстро, но, конечно, не отъ генерала Б.

Я пріѣхалъ въ городъ К. ночью, остановился въ городской гостинницѣ и утромъ въ тотъ-же день, ни съ кѣмъ еще не видѣвшись, явился генералу Б.

— Тутъ маленькая кашка заваривается, сказалъ — мнѣ генералъ Б.,—я очень радъ, что вы пріѣхали,—вы молоды, а я старъ и усталъ съ ними возиться. За послѣднее время они немного носы подняли, на намѣстника сильно уповаютъ...—И генералъ добродушно засмѣялся.

— Но вѣдь дѣйствія крестьянскихъ коммисій, ваше превосходительство,—сказалъ я:—кажется могли бы внушить имъ убѣжденіе, что принялись серьезно...

— Не вѣрятъ, батюшка, не вѣрятъ въ наше постоянство и послѣдовательность; вотъ сосѣду нашему пруссаку вѣрятъ, этотъ каждый день понемножечку...—И генералъ жестомъ показалъ, какъ завинчиваютъ винтомъ или ключемъ.—А превыше всего,—добавилъ генералъ:—ожидаютъ они великихъ благъ отъ нашихъ распрей да ссоръ... Какъ поѣдетъ кто изъ нихъ въ Варшаву, такъ ужъ и возвращается съ коробомъ всякихъ утѣшительныхъ въ этомъ смыслѣ исторій...—И генералъ махнулъ рукой.

Генералъ назвалъ мнѣ двухъ офицеровъ, составлявшихъ все управленіе отдѣла и военныхъ начальниковъ уѣздовъ.

— Они къ вамъ сейчасъ явятся,—сказалъ онъ мнѣ:—я ужъ впередъ повинюсь за нихъ и за себя,—сильно мы запустили съ Варшавой переписку, не посѣтуйте. Да знаете,—вотъ сами увидите, какъ оно пріятно... Все-то у насъ междоусобицы,—удѣльный періодъ вспоминается съ ними, право...—добавилъ генералъ, смѣясь и прощаясь со мною.

Возвратившись отъ генерала, у себя въ номерѣ я засталъ двухъ офицеровъ, моихъ новыхъ подчиненныхъ.

Офицеры оказались весьма удачно выбранными: то были скромные и трудолюбивые люди. Одинъ изъ нихъ занимался перепиской яко-бы тайной, а другой—явной. Но въ сущности раздѣленіе это было эфемерное, и, строго говоря, бюрократическаго порядка въ канцеляріи военнаго отдѣла вовсе не было.

Прочитывая бумаги и дѣла, я былъ пораженъ массой крайне пустыхъ требованій изъ Варшавы и значительнымъ числомъ донесеній изъ отдѣла въ Варшаву, на которыя отвѣтовъ не усматривалось. Такъ, напримѣръ, начальникъ отдѣла въ теченіи послѣднихъ двухъ или даже трехъ мѣсяцевъ почти еженедѣльно доносилъ намѣстнику объ очевидной неблагонадежности польскихъ губернскихъ судебныхъ учрежденій (трибуналовъ), личный составъ которыхъ занимался, между прочимъ, сокрытіемъ, подъ предлогомъ мелкихъ уголовныхъ дѣлъ, серьезныхъ политическихъ преступленій, при чемъ въ донесеніи указывались весьма подробныя обстоятельства, доказывавшія это обвиненіе.

По этому поводу начальникъ отдѣла писалъ о необходимости назначить серьезное разслѣдованіе о вышесказанныхъ злоупотребленіяхъ и просилъ прислать ему изъ Варшавы для этой цѣли благонадежныхъ слѣдователей, хотя бы не много знакомыхъ съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ въ Царствѣ Польскомъ.

Вотъ что писалъ отдѣлъ въ Варшаву, а Варшава, за подписью генералъ-полиц., почти ежедневно присылала требованія о своего рода

разслѣдованіяхъ. Такъ, напримѣръ:—почему коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ X. былъ не учтивъ съ помѣщикомъ У. вечеромъ 5-го іюля, при встрѣчѣ съ нимъ въ мѣстечкѣ Z.?—Правда-ли, что коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ А., громко въ городскомъ саду разговаривая со своими товарищами, утверждалъ, что онъ въ своемъ участкѣ всѣхъ пановъ раззоритъ?—Правда-ли, что жена коммисара по крестьянскимъ дѣламъ В. играла на органѣ въ католической церкви (не во время богослуженія) какія-то нерелигіозныя аріи,—и правда-ли, что она-же, купивъ стогъ сѣна, сложила его на дворѣ городской своей квартиры и тѣмъ поставляетъ въ опасность пожара своихъ сосѣдей и т. п.

— Что-же,—спрашивалъ я, разбирая массу подобныхъ бумагъ:—что же генералъ приказывалъ дѣлать по нимъ?

— Ихъ превосходительство находили эти вопросы вздорными и приказывали оставлять ихъ безъ отвѣтовъ.

Но, впрочемъ, на серьезныя представленія начальника отдѣла нашлась-таки подходящая одна отвѣтная бумага. Въ ней писалось просто, за подписью того-же генерала, что-молъ, если уже необходимо серьезное разслѣдованіе, то обходись своими средствами (это съ двумя-то офицерами, недавно взятыми изъ строя и даже никогда не видавшими никакого судебнаго производства, ни польскаго, ни русскаго!).

Что же касается до свѣдѣній по отдѣлу, то они были довольно разнообразны и обстоятельны. Въ общемъ выяснялось, что каждый прибывшій изъ-за границы пропагандистъ или жандармъ-вѣшатель или собиратель денежной «офяры» въ пользу революціи, какъ только сознавалъ нѣкоторую опасность быть схваченнымъ военнымъ уѣзднымъ начальникомъ или мѣстными жандармами, такъ немедленно находилъ убѣжище въ гражданскомъ арестѣ и съ неимовѣрной быстротой былъ отправляемъ за границу въ качествѣ прусскаго подданнаго, уличеннаго въ незначительной кражѣ.

Имѣлись данныя, что такими средствами революціонная польская партія держала въ страхѣ должностныхъ лицъ гмины (волостныхъ старшинъ и т. д.). Положительно было извѣстно, что двое изъ гминныхъ войтовъ (волостные старшины) были еще недавно повѣшены въ лѣсу, по приговору какого-то народоваго жонда, за ихъ преданность русскому правительству, и приговоры эти были приколоты на груди ихъ труповъ, а убійцы не найдены. При этомъ было нѣсколько свидѣтельскихъ показаній, повидимому, довольно достовѣрныхъ, что будто-бы убійцы эти были препровождены за границу за кражу нѣсколькихъ серебряныхъ чайныхъ ложечекъ у мѣстнаго помѣщика, конечно, по приговору того-же мѣстнаго судебнаго трибунала.

Въ Варшаву все своевременно было обстоятельно донесено, но Варшава, кажется, упорно только продолжала интересоваться неучтивостями коммисара Х. и сѣномъ коммисарши В.

Первый день я съ утра до поздней ночи провелъ въ разборкѣ этихъ бумагъ и дѣлъ. Въ это время ко мнѣ два раза порывался войти какой-то польскій графъ Р. Я просилъ его извинить меня и повидаться со мной, если ему это такъ нужно, въ тотъ-же день вечеромъ въ девять часовъ или на другой день утромъ.

— Кто этотъ графъ Р.?—спросилъ я у тутъ же сидящихъ со мной офицеровъ.

— Это предсѣдатель мѣстнаго отдѣла комитета благотворительности,—отвѣчали мнѣ:—а центръ этого управленія находится въ Варшавѣ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника и вице-предсѣдательствомъ Варшавскаго губернатора.

Ровно въ девять часовъ вечера графъ Р. явился ко мнѣ.

Графъ былъ мѣстный богатый помѣщикъ, уже не молодыхъ лѣтъ, по русски, конечно, не говорившій. На первый взглядъ онъ казался весьма приличнымъ, но слишкомъ привѣтливымъ человѣкомъ.

Очень ловко выразивъ мнѣ всеобщую радость по поводу моего прибытія, основанную главнымъ образомъ на томъ, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ у князя Паскевича, а потому будто бы весь край привыкъ любить и уважать мое имя, — графъ Р. объяснилъ мнѣ, что благотворительное общество даетъ завтрашній день въ помѣщеніи городской ратуши концертъ и балъ въ пользу городской больницы. Графъ Р. просилъ меня прибыть на этотъ балъ, объяснивъ мнѣ, что билеты не продаются, а дамы-патронессы тутъ-же послѣ концерта передъ баломъ, раздавая букеты мужчинамъ, будутъ собирать денежныя пожертвованія.

Я, конечно, поблагодарилъ графа и въ назначенный часъ обѣщалъ быть.

На другой день утромъ я поѣхалъ повидаться съ предсѣдателемъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ, нынѣ уже умершимъ, орловскимъ помѣщикомъ Рутценомъ [1]).

Нѣмецъ по фамиліи, русскій по душѣ и воспитанію, добросовѣстный и честный труженикъ, Рутценъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы нуждаться въ моей характеристикѣ. Онъ недавно умеръ въ своемъ помѣстьи Орловской губерніи и все честное и дѣйствительно доброе всей губерніи оплакивало его смерть.

---

[1]) Біографію этого замѣчательнаго русскаго земскаго дѣятеля см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. томъ XXXIII, стр. 597—624.

Случайно, уже выходя отъ Рутцена, я вспомнилъ о предстоящемъ балѣ и спросилъ у него, собирается-ли онъ туда пріѣхать и въ которомъ часу.

— Да насъ,—смѣясь отвѣчалъ Рутценъ:—въ такія хорошія мѣста и не пускаютъ.

— То есть какъ-же не пускаютъ?—спросилъ я:—да вы приглашеніе-то получили? Вѣдь это балъ оффиціальный?

— Оффиціальный-то онъ хотя оффиціальный,—отвѣчалъ Рутценъ,—но, кромѣ начальника отдѣла и жандармскаго штабъ-офицера, никогда никто изъ русскихъ туда не приглашается.

Возвратясь домой, я засталъ у себя жандармскаго штабъ-офицера, маіора З—аго.

Маіоръ этотъ, прослуживъ въ арміи, въ строю, очень недолго, въ жандармскомъ корпусѣ пребывалъ уже болѣе 25 лѣтъ. Онъ былъ чистокровный полякъ, что сразу легко было замѣтить по его вкрадчивому, низкопоклонному обхожденію и по складу его рѣчи и выговору.

Намекнувъ мнѣ, что онъ еще недавно испыталъ на себѣ особую благосклонность и намѣстника, и генералъ-полиц., маіоръ З. таинственнымъ полушепотомъ сообщилъ мнѣ о неблагонадежности нѣкоторыхъ коммисаровъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ и о подозрительномъ направленіи самого г-на Рутцена.

— Все это извѣстно его сіятельству графу намѣстнику,—прибавилъ онъ:—и, вѣроятно, мнѣ придется, по распоряженію вашему, дѣятельно слѣдить за ними.

На эти жандармскія таинственныя сообщенія я замѣтилъ маіору З., что, слѣдя за направленіемъ г. Рутцена и его коммисаровъ, онъ кажется, немного ослабилъ наблюденіе за такими крупными политическими преступленіями, какъ напр. повѣшеніе двухъ гминныхъ войтовъ, по распоряженію народоваго польскаго жонда. Что пагубное направленіе коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ изъ дѣлъ мнѣ еще не выяснилось, хотя я оспаривать его, конечно, не могу, потому что вовсе еще не знакомъ съ ихъ дѣятельностью; но найденные на трупахъ повѣшенныхъ приговоры были доставлены въ канцелярію отдѣла, и я ихъ прочелъ,—они написаны и напечатаны, повидимому, въ Краковѣ, и на нихъ имѣется извѣстная всѣмъ печать польскаго жонда.

Маіоръ З. выразилъ изумленіе и нѣкоторое даже сожалѣніе о моей неопытности, т. е. по его словамъ—неопытности чуть не геніальнаго, но еще не совсѣмъ съ дѣлами знакомаго человѣка. Повѣшеніе гминныхъ войтовъ оказывалось, по его увѣреніямъ, дѣломъ

грабительскимъ и вовсе не имѣющимъ политическаго характера; но, что всего печальнѣе,—и маіоръ при этомъ вздохнулъ:—это именно то, что, по всей вѣроятности, самое грабительство-то совершено крестьянами тѣхъ-же гминъ. Нужно сознаться,—добавилъ маіоръ:—что новое гминное Положеніе, въ особенности при общемъ направленіи всей крестьянской коммисіи, сбиваетъ съ толку и даже развращаетъ крестьянъ—они теперь вообразили себя какими-то независимыми, самостоятельными личностями, и, при ихъ необразованіи,—скажу больше—варварствѣ, Богъ знаетъ что̀ въ состояніи надѣлать...

— Да, конечно,—сказалъ я ему:—все это возможно; но какъ-же и откуда крестьяне могли добыть печатные приговоры народоваго жонда и правильнымъ, красивымъ почеркомъ вписать въ нихъ имена повѣшенныхъ войтовъ?

Но и тутъ я долженъ былъ бы постыдиться своей неопытности, потому что, по наисекретнѣйшимъ жандармскимъ свѣдѣніямъ, какой-то чиновникъ въ картузѣ съ краснымъ околышкомъ проѣзжалъ и видѣлъ трупы раньше, чѣмъ они были открыты жандармами; чиновникъ этотъ къ трупамъ подходилъ, и тогда только эти приговоры оказались на трупахъ,—а до этого какой-то мальчикъ, искавшій грибы въ лѣсу и также видѣвшій трупы, не замѣтилъ на нихъ приговоровъ. Чиновникъ этотъ въ близь лежащей деревнѣ останавливался, чтобы спросить воды, при чемъ оказалось, что какъ онъ, такъ и кучеръ его по польски говорили очень плохо.

— Отчего-же все это не выяснилось слѣдствіемъ мѣстнаго уголовнаго трибунала?—спросилъ я маіора:—и отчего же, наконецъ, вы, маіоръ, не вывели наружу всѣ эти наисекретнѣйшія ваши данныя? Ничего подобнаго нѣтъ въ произведенныхъ разслѣдованіяхъ.

Маіоръ съ грустью сознался мнѣ, что, при пагубномъ вліяніи господъ коммисаровъ на крестьянъ, крестьяне на слѣдствіяхъ показываютъ только то, что̀ коммисарамъ угодно, а господамъ коммисарамъ выгодно запугивать правительство политическими будто-бы происками поляковъ и тѣмъ отвлекать вниманіе отъ ихъ собственныхъ дѣйствій чисто соціально-революціонныхъ. Поляки, благодаря Бога, въ настоящее время опомнились и, полные раскаянія за прошедшее, въ русскомъ Царѣ усматриваютъ отца, благодѣтеля и единственную опору. Каждый полякъ вскипѣлъ бы негодованіемъ, встрѣтившись съ представителемъ народоваго жонда и собственноручно выдалъ бы его русскому правительству.

— Конечно,—добавилъ маіоръ:—есть еще мерзавцы, да гдѣ ихъ нѣтъ? Но за ними я очень строго слѣжу.

Въ доказательство своего усерднаго за мерзавцами наблюденія маіоръ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Въ городѣ К. имѣется подозрительный ксендзъ (одинъ только такой и есть!). Маіоръ З. уже давно его подозрѣваетъ. Наконецъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ зловредномъ его направленіи, онъ уговорилъ свою жену взять этого ксендза въ духовники. Такимъ тонкимъ манеромъ З. мало по малу проникаетъ въ глубь сердца подозрительнаго ксендза, и теперь этотъ ксендзъ у него въ домѣ постоянный и ежедневный гость.

— Что вы генералъ-полиц. это послѣднее обстоятельство разсказывали?—какъ-то невольно спросилъ я у маіора З.

— Имъ-съ мое усердіе извѣстно-съ,—скромно, потупя взоры, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Послѣ маіора З. пришелъ ко мнѣ представляться гражданскій уѣздный К. начальникъ, онъ же пограничный коммисаръ, по фамиліи Бокаловичъ.

Бокаловичъ по русски вовсе не говорилъ, хотя прослужилъ въ Царствѣ Польскомъ по гражданскому вѣдомству уже лѣтъ около тридцати. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ, по приговору трибунала, препровождаетъ за границу всѣхъ провинившихся или безпаспортныхъ прусскихъ подданныхъ и немедленно доноситъ о томъ варшавскому гражданскому губернатору.

— А я васъ попрошу,—сказалъ я ему:—до отправленія кого-бы то ни было за границу увѣдомлять меня и до полученія моего разрѣшенія никого не отправлять.

Бокаловичъ смутился и съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ проленеталъ: «то дѣло цивильнего жонда, а не политичнего альбо жольнёрного»,—это былъ намекъ, дескать не въ свое дѣло вмѣшиваешься.

— Вы сегодня же получите отъ меня предписаніе,—закончилъ я, прощаясь съ нимъ:—а ужъ по какой части мое требованіе, по гражданской или политической—не ваша забота.

Вслѣдъ за нимъ явился съ «визитомъ» прокуроръ мѣстнаго главнаго трибунала Езеранскій. На видъ это былъ среднихъ лѣтъ губернскій русскій чиновникъ, съ маленькимъ брюшкомъ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ, въ вицъ-мундирномъ фракѣ. Лицо, такъ сказать, форменное, гладко выбритое, съ висками, сильно напомаженными. Но заговорилъ онъ сразу по французски.

Странно какъ-то казалось мнѣ: посмотрѣть на него—ну вотъ совсѣмъ хоть изъ Тулы только-что пріѣхавшій совѣтникъ губернскаго правленія, а между тѣмъ французскій его языкъ на оффиціаль-

помъ служебномъ визитѣ выражалъ, конечно, совершенное незнаніе русской рѣчи.

— Вы уроженецъ? спросилъ я его.

— Гродненской губерніи,—отвѣчалъ онъ.

— А гдѣ изволили кончить курсъ наукъ?

— Въ Харьковскомъ университетѣ, кандидатомъ.

Я сейчасъ же заговорилъ съ нимъ по русски и спросилъ у него давно-ли онъ живетъ и служитъ въ городѣ К.

Езеранскій понялъ, но не смутился, отвѣтивъ мнѣ по русски, что онъ уже пять лѣтъ служитъ К. прокуроромъ; онъ, перейдя снова на французскій языкъ, пустился витіевато разъяснять мнѣ, что съ русскими властями здѣсь принято говорить по французски, потому что въ первое время своего въ краѣ пребыванія русскія власти польскаго языка не знаютъ,—а французскій вѣдь международный;—не прибѣгать же къ переводчикамъ,—прибавилъ онъ улыбаясь.

— Да, но почему же не говорить по-русски?—спросилъ я съ искреннимъ изумленіемъ.

— Не въ обычаяхъ, не принято,—отвѣчалъ онъ:—этотъ языкъ нашему краю совсѣмъ чуждъ и при настоящемъ примирительномъ направленіи едва-ли политично вводить его.

Тогда, вѣроятно, по молодости, у меня въ головѣ вдругъ забушевали весьма глупыя мысли: не выгнать-ли его въ шею? Не постараться-ли выбросить въ окно? и т. п., но я, конечно, неразумные порывы буйства скрылъ и удовольствовался замѣтить ему, что обычаи мѣняются, иногда даже очень быстро, но что во всякомъ случаѣ русскому полковнику съ кандидатомъ русскаго университета всего удобнѣе и даже приличнѣе объясняться по русски.

— Мы съ вами вѣдь не дипломаты двухъ самостоятельныхъ державъ, а просто служилые люди русскаго государя, да еще при томъ воспитанники русскихъ учебныхъ заведеній.

Езеранскій смолчалъ.

Разговоръ продолжался на русскомъ языкѣ. Замѣтно было, что Езеранскій немного нахальничаетъ и уклоняется вдаваться въ объясненія относительно судебныхъ порядковъ мѣстныхъ трибуналовъ,—не твое молъ это дѣло.

— Я желаю получать перечни уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ судебному разбирательству, такъ дня за два до доклада ихъ въ трибуналахъ,—подъ конецъ, рѣшительнымъ тономъ, отчеканилъ я ему.

— Это совершенно невозможно, — твердо и хладнокровно отвѣчалъ прокуроръ:—такъ какъ закономъ такихъ перечней посылать военнымъ властямъ не установлено.

— Да развѣ вы не ознакомились съ военнымъ положеніемъ и не знаете правъ и обязанностей начальниковъ отдѣла?—спросилъ я.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ; но въ порядкѣ служебномъ, это положеніе примѣняется у насъ, въ спеціальныхъ вѣдомствахъ, по разъясненіямъ и указаніямъ нашего начальства, то есть въ данномъ случаѣ я ваше требованіе представлю въ Варшаву на усмотрѣніе главнаго директора коммисіи юстиціи Царства Польскаго, нашего, такъ сказать, министра юстиціи,—добавилъ онъ, пріятно улыбаясь, и въ плутоватыхъ его глазахъ такъ и сквозило: еще, братъ, кто кого, и вѣдь за нами тоже сила.

Нѣкоторая сила за нимъ точно была. Восинскій, бывшій тогда министромъ юстиціи Царства Польскаго, былъ ярый, завзятый полякъ, почти явно выражавшій ненависть ко всему русскому, но пользовавшійся большимъ довѣріемъ и расположеніемъ намѣстника.

— У кого вы тамъ будете спрашивать,—сказалъ я ему:—до меня не касается; но я считаю нужнымъ предупредить васъ, что если вы находите мои требованія не законными, то прежде всего вы все-таки обязаны ихъ исполнить,—но никто не мѣшаетъ вамъ одновременно съ тѣмъ доносить Восинскому или кому вамъ будетъ угодно.

— Такъ я сегодня же донесу о вашемъ настоящемъ требованіи въ Варшаву,—немного даже запальчиво сказалъ мнѣ Езеранскій,—вставая и раскланиваясь.

— Это ваше дѣло, — а я сегодня же пришлю вамъ письменное мое предложеніе,—отвѣчалъ я ему, провожая его къ дверямъ.

Штабсъ-капитанъ С., старшій офицеръ, завѣдывающій канцеляріей отдѣла, присутствовалъ при нашемъ разговорѣ,—онъ уже съ-полчаса какъ пришелъ ко мнѣ съ бумагами.

— Езеранскій,—сказалъ онъ мнѣ:—главный здѣсь вожакъ польскихъ пановъ; онъ-то всѣ штуки продѣлываетъ, спасая повстанцевъ-вѣшателей и собирателей офяры,—да то ли онъ еще прежде дѣлалъ!

Черезъ часъ мои требованія были посланы гг. Бокаловичу и Езеранскому.

Ну, думалъ я, подписывая эти бумаги: какъ-то вы теперь будете препровождать за границу повстанцевъ-вѣшателей за кражу серебряныхъ ложечекъ!

Въ этотъ же день мнѣ пришлось еще разъ изумиться на счетъ «мѣстныхъ обычаевъ». Передъ обѣдомъ пріѣхалъ ко мнѣ благотворитель графъ Р. и настойчиво потребовалъ личнаго со мною свиданія.

Графъ Р. былъ въ смущеніи: какія-то дамы-патронессы не пріѣхали, безъ нихъ концертъ и вообще праздникъ былъ не мыслимъ, и приходилось отложить его еще дня на два. Разославъ во всѣ концы

увѣдомленія, графъ Р. счелъ своею обязанностью лично заѣхать ко мнѣ. Поблагодаривъ графа за вниманіе, я завелъ разговоръ о законныхъ основаніяхъ мѣстнаго комитета благотворительности. У графа, кстати, оказался при себѣ его уставъ.

Оффиціальная благотворительность въ Царствѣ составляла отдѣльное правительственное вѣдомство,—главный комитетъ былъ въ Варшавѣ, отдѣлы его—во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ Царства. Учрежденіе это было хотя правительственное, но допускало участіе, по назначенію гражданскаго губернатора, мѣстныхъ жителей. Изъ спеціальныхъ казенныхъ суммъ шли значительныя пособія, но при томъ мѣстнымъ отдѣламъ, съ разрѣшенія главнаго комитета, предоставлялось усиливать средства комитета всякими обычными изобрѣтеніями: базарами, концертами, балами и т. п.

— Слѣдовательно, графъ,—спросилъ я:—этотъ балъ вы устраиваете съ разрѣшенія главнаго комитета, въ которомъ предсѣдатель—фельдмаршалъ, а вице-предсѣдатель—варшавскій губернаторъ?

— Нѣтъ, не съ разрѣшенія, а по распоряженію правительства, даже по приказанію,—отвѣчалъ графъ:—мы только мѣстный органъ этого комитета.

— Скажите, пожалуйста, какъ же это вы на такой оффиціальный праздникъ не приглашаете цѣлыя вѣдомства, какъ напримѣръ, коммисію по крестьянскимъ дѣламъ и гг. офицеровъ квартирующаго въ городѣ полка?

Графъ сильно сконфузился.

— Конечно,—сказалъ онъ мнѣ:—это странно, но что же дѣлать? Онъ, графъ Р., не можетъ же измѣнять мѣстные обычаи; русскихъ приглашать не принято, и, можетъ быть, это къ лучшему, такъ какъ они польскаго общества не знаютъ, и польское общество съ ними незнакомо.

Я не могъ не замѣтить графу, что это, дѣйствительно, очень странно,—какъ это на праздникъ, устраиваемый органами русскаго правительства, не приглашаются именно только служащіе этому-же правительству русскіе люди; но при такомъ обычаѣ,—прибавилъ я:—совершенно непонятно отчего-же вы меня приглашаете? Вѣдь я совсѣмъ русскій человѣкъ.

Графъ поспѣшилъ успокоить меня: начальника отдѣла и жандармскаго штабъ-офицера всегда приглашали, но, конечно, генералъ Б., человѣкъ старый, на балы не ѣздитъ, но за то маіоръ З—й на всѣхъ такихъ праздникахъ бываетъ и даже очень отличается въ мазуркѣ.

— Скажите, прошу васъ, графъ,—продолжалъ я любопытство-

вать:—главному варшавскому комитету извѣстенъ этотъ вашъ обычай—русскихъ не приглашать?

— То есть мы доносимъ комитету общее число лицъ, бывшихъ на праздникѣ, и притомъ, конечно, объясняемъ, что приглашали всѣхъ тѣхъ, которыхъ знаемъ, — отвѣчалъ графъ, принявшій уже оборонительное положеніе.

— Да, но трудно,—замѣтилъ я:—не знать вамъ, напримѣръ, членовъ крестьянской коммисіи, они, кажется, у васъ весьма на виду. А мнѣ, графъ, позвольте совсѣмъ и не знать ничего о вашихъ праздникахъ,—заключилъ я:—если ужъ на насъ, русскихъ, такая напасть, такъ мнѣ не приходится избѣгать общей участи моихъ соотечественниковъ.

Графъ уѣхалъ весьма, какъ казалось, сконфуженный.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МЕДАЛИ ВЪ ЧЕСТЬ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ,

собралъ и издалъ Ю. Б. Иверсенъ.

Къ рѣдкимъ изданіямъ по части нумизматики, появляющимся время отъ времени въ нашей литературѣ, принадлежитъ описаніе «Медалей въ честь русскихъ государственныхъ и частныхъ лицъ», составленное Юліемъ Богдановичемъ Иверсеномъ. Печатаніе этого труда началось въ 1878 году, когда вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ, а затѣмъ послѣдующіе четыре явились въ 1880, 81, 82 и въ концѣ 1883 годовъ.

Имя Ю. Б. Иверсена, какъ знатока, большого любителя и собирателя монетъ и медалей, хорошо знакомо лицамъ, интересующимся нумизматикою, изъ сочиненій же его по этому предмету извѣстны: 1) Медали, относящіяся къ исторіи царевича Алексѣя Петровича (11 страницъ, съ 1 таблицею, съ изображеніемъ 8 медалей) изд. 1870 г. 2) Медали, пожалованныя императрицею Екатериною II нѣкоторымъ лицамъ войска Донскаго (26 стр. съ 1 таб.) изд. 1870 г. 3) Beitrag zur russischen Medaillenkunde. 160 bester unedirte Privatpersonen ertheilte Medaillen, in 8°, 1870. 4) Медали на дѣянія императора Петра В., 1872, in 4°, XXV, 68 стр. съ 12 таб., съ изображеніемъ 99 медалей (и тоже сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ). 5) Неизданныя и рѣдкія русскія медали, 1874 in 4°, 26 стр. съ 6 таб., съ изобр. 41 медали. 6) Словарь медальеровъ, 1874 г., 37 стр. 7) Icones familae ducalis Radivileanae, in fol. (165 портретовъ фамиліи Радзивилъ, грубой работы, съ біографическими данными на каждомъ листѣ). Это описаніе было издано въ 1758 г. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, считавшихся весьма рѣдкими. Въ 1875 г. Иверсенъ пріобрѣлъ подлинныя доски, гравированныя для вышеназваннаго изданія, и отпечаталъ съ нихъ, кажется, 150 экземпляровъ. 8) Медали, выбитыя въ царствованіе императора Александра II, 1880, in 4°, VII, 105 стр., съ портретомъ на заглавномъ листѣ и 15 таб., на которыхъ находится 100 медалей, и 9) «Медали въ честь русскихъ дѣятелей», 2 тома, содержащіе 819 страницъ текста и 58 таблицъ, на небольшихъ

шомъ количествѣ которыхъ, для экземпляровъ, предназначенныхъ къ продажѣ любителямъ, изображено 30 портретовъ нумизматовъ и собирателей гравюръ и рѣдкихъ книгъ, именно: К. Бейера †, М. П. Броссе †, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Васильчикова, К. С. Веселовскаго, Г. Н. Геннади †, Х. Х. Гиль, О. П. Горнунга, А. И. Гримма, П. Я. Дашкова, Ю. Б. Иверсена, Д. Ѳ. Кобеко, барона Бернгарда, барона В. Кене, П. П. Лерхъ, Ѳ. Н. Панова, Н. В. Помяловскаго, М. Н. Похвиснева †, А. Ѳ. Прейсса, Я. Я. Рейхель, Д. А. Ровинскаго, П. С. Савельева †, В. А. Смирнова, гр. С. Г. Строганова †, В. Г. Тизенгаузена, гр. П. П. Толстого, гр. А. С. Уварова, гр. Э. К. Чапскаго, К. Ѳ. Шролль †, Ѳ. Ѳ. Шуберта † и самаго гравера Карла де Кастелли, которымъ рѣзаны на мѣди какъ самыя медали, такъ и перечисленныхъ лицъ портреты.

Первый томъ «Медалей въ честь русскихъ дѣятелей» былъ удостоенъ Императорскою Академіею Наукъ малою Уваровскою преміею; по этому поводу г. Иверсенъ въ предисловіи, приложенномъ къ послѣднему выпуску, говоритъ: «оказанная мнѣ этимъ присужденіемъ честь обязываетъ меня сказать нѣсколько словъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя нашли мѣсто въ рецензіи г. Прозоровскаго на мой трудъ и въ основанномъ на ней отчетѣ Академіи о 24-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, читанномъ въ публичномъ ея засѣданіи. Г. рецензентъ считаетъ крупнымъ недостаткомъ моего сочиненія излишнюю широту его плана, вслѣдствіе чего въ составъ изданія вошли, по его мнѣнію, и иностранные дѣятели. Будучи не вполнѣ согласенъ съ г. рецензентомъ относительно значенія выраженія: русскій дѣятель, считаю нужнымъ сказать здѣсь, что я говорилъ не о русскихъ людяхъ, а о медаляхъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ Россіи».

Съ этой точкой взгляда г. Иверсена должно вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что во всякомъ дѣлѣ нѣкоторая полнота лучше скудости. Не малый интересъ представляютъ также медали, выбитыя заграницей въ память также русскихъ или имѣвшихъ отношеніе къ Россіи людей, напр. Александра Ивановича Герцена, по случаю совершившагося 10-лѣтія его типографіи, существовавшей въ Лондонѣ. На лицевой сторонѣ представленъ портретъ Герцена, а на оборотной—большой колоколъ, на верхней части котораго надпись: Земля и воля, а кругомъ шестиконечныя звѣзды, внизу-же слова: vivos voco, или медаль съ именемъ М. А. Бакунина, чеканенная въ Брюсселѣ въ воспоминаніе безпорядковъ, происшедшихъ въ 1870 г. въ Ліонѣ; также медаль на смерть графа Гауке, бывшаго лейбъ-гв. гусарскаго полка офицера, вышедшаго въ 1861 г. въ отставку и принимавшаго участіе въ польскомъ возстаніи 1863 г. подъ именемъ Босака, послѣ чего онъ бѣжалъ изъ Польши и въ 1870 и 1871 годахъ сражался во Франціи въ войскѣ Гарибальди противъ прусаковъ, въ званіи начальника бригады, и палъ при Валъ-Сюзанѣ 9 (21) января 1871 года. Подобные экземпляры медалей

имѣются у не многихъ собирателей, а потому представляютъ въ описаніи медалей большой интересъ.

Перечисленіе дѣятелей, о которыхъ напоминаютъ медали, собранныя г. Иверсеномъ, насъ завело-бы слишкомъ далеко отъ задачи простого отчета о его трудѣ, почему мы ограничимся указаніемъ лишь медали въ память устройства первой паровой машины на Юговскомъ заводѣ купца Кнауфа, такъ какъ на страницахъ «Русской Старины» только что окончилась печатаніемъ статья объ Ив. Ив. Ползуновѣ, изобрѣвшемъ въ Европѣ первую паровую машину у насъ-же въ Сибири. На аверсѣ этой медали изображена паровая самая машина и вверху на лентѣ надпись: «А. Кнауфа Юговскаго завода», а на реверсѣ надпись:

Первая
огненная машина
всибирѣ начата строить
съ апреля авденствие
приведена августа
1804 года.

Любопытна также медаль съ изображеніемъ императора Александра I, въ мундирѣ и орденской лентѣ, а на оборотной сторонѣ, въ узорчатомъ кругѣ: «Въ знакъ признательности Фридриху Борну. Августа 14 дня 1806 года». Изъ дѣла объ изготовленіи этой медали, говоритъ г. Иверсенъ, видно, что она назначалась быть посланною въ Лондонъ англичанину Ф. Борну, въ знакъ признательности за поднесеніе имъ своихъ сочиненій государю.

Описаніе лицъ, изображенныхъ на медаляхъ, имѣетъ алфавитный указатель, а также и табличный, такъ что, разсматривая медали, не трудно по указателю, взглянувъ на нумеръ таблицы и медали, подыскать соотвѣтствующее ея описаніе. Впрочемъ текстъ, при всей его полнотѣ, не лишенъ нѣкоторыхъ пропусковъ, хотя издателемъ при V выпускѣ дано прибавленіе, заключающее еще 31 медаль, а также дополненія и поправки къ 53 нумерамъ текста, но, по всей вѣроятности, ихъ наберется со временемъ еще болѣе и вмѣстѣ съ прежними Ю. Б. Иверсену придется напечатать общее дополненіе къ своему труду, который смѣло можетъ быть названъ настольною книгою нумизматовъ, и лицамъ, занимающимся собираніемъ медалей, положительно необходимо имѣть ее подъ рукою. Для желающихъ ее пріобрѣсть, а также и вышеназванныя нами сочиненія г. Иверсена, сообщаемъ его адресъ, куда слѣдуетъ обращаться съ требованіями: Спб., Гороховая улица, д. № 31, кв. № 10.

Въ заключеніе обозрѣнія медалей въ честь русскихъ дѣятелей, съ своей стороны, мы сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія и указанія: а) при описаніи медали Суворова, на которой онъ изображенъ въ львиной кожѣ, подобно

Геркулесу, съ надписью: «Побѣдихъ», не сказано, что не смотря на то, что медаль эта была выбита въ 1791 г., Суворовъ не имѣлъ ее въ рукахъ своихъ даже при концѣ царствованія Екатерины II. Объ этомъ говорится въ журналѣ «Славянинѣ» 1828, ч. II, стр. 10, и какъ доказательство справедливости сказаннаго, сдѣлана ссылка на письмо графа Д. И. Хвостова, напечатанное въ «Невскомъ Зрителѣ», и въ письмахъ самого А. В. Суворова, собранныхъ издателемъ «Русскаго Вѣстника» С. Н. Глинкою; b) медаль въ честь кн. Гр. Гр. Орлова съ надписью «Россія таковыхъ сыновъ въ себѣ имѣетъ», находится на образѣ въ одной изъ церквей Марселя, при чемъ, при посѣщеніи ея нашими моряками, чичероне разсказываютъ, что это подлинный экземпляръ, полученный Орловымъ изъ рукъ императрицы и пожертвованный имъ сюда, послѣ смерти его жены, и c) въ біографіи архитектора Монферрана не упомянуто, что при закладкѣ Александровской колонны была выбита медаль, представляющая видъ этого памятника, съ обозначеніемъ 1830 г. и надписью на оборотѣ: «Александру Благословенному благодарная Россія». Объ ней упоминаетъ Монферранъ въ своемъ сочиненіи «Plans et détails du monument consacré à la memoire de l'empereur Alexandre», глава I, стр. 10.

Наконецъ, обратимъ еще вниманіе на медаль столѣтія И. Ак. Художествъ, поименованные художники на которой перечислены въ текстѣ, съ приведеніемъ о нихъ краткихъ біографій. Исправленіе фамилій Доейна и Радига, искаженныхъ въ надписи на самой медали въ Дуомена и Радича, требуетъ поправки. Въ приведенномъ біографическомъ очеркѣ Росси, имя котораго помѣщено въ числѣ сподвижниковъ президента Оленина, между фамиліями архитекторовъ Стасова и Тона, г. Иверсенъ называетъ его Петромъ де Росси, художникомъ-портретистомъ, получившимъ въ 1813 г. званіе академика. Что такой живописецъ существовалъ—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но фамилія, выбитая на медали, принадлежитъ извѣстному архитектору Росси, построившему Александринскій театръ, Михайловскій дворецъ, арку Главнаго штаба и др. зданія. Подтвержденіемъ справедливости нашего указанія служатъ, во первыхъ, что, какъ мы уже сказали, имя его помѣщено между архитекторами, а во вторыхъ и то обстоятельство, что Олениннъ президентомъ сдѣлался не прежде 1817 г.

Изъ именъ художниковъ, имѣющихъ отдѣльные медальоны или медали, оказываются всего: Алексѣевъ, Бруни, К. Брюловъ, А. Брюловъ, Гедлингеръ, Іорданъ, Виже-Лебренъ, Монферранъ, Рейхель, Ѳ. Г. Солнцевъ, В. Стасовъ, Н. И. Уткинъ, Тонъ, Томонъ и гр. Ѳ. П. Толстой.

И. Н. Божеряновъ.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ,

его барельефы изъ Одиссеи.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., т. XXXVII, была помѣщена замѣтка по поводу столѣтія, истекшаго со дня рожденія, гр. Ѳ. П. Толстого, которая не осталась безслѣдною, какъ согрѣтая теплымъ чувствомъ къ памяти геніальнаго художника, который «въ единомъ лицѣ своемъ, вполнѣ русскаго человѣка, какъ-бы соединялъ всю Академію Художествъ», и послѣдняя, равно какъ и сами художники и почитатели его таланта, дѣйствительно откликнулись на этотъ призывъ и достодолжнымъ образомъ почтили память незабвеннаго артиста въ лѣтописяхъ русскаго искусства.

Въ нынѣшнемъ году приходится обратить намъ вниманіе читателей на барельефы гр. Ѳ. П. Толстого изъ Одиссеи, приготовляемые въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, по заказу вдовы покойнаго вице-президента Академіи Художествъ, графини Анастасіи Ив. Толстой, для предпринятаго ею изданія оныхъ исключительно по подпискѣ. Этому изданію, конечно, порадуются любители и знатоки художествъ, такъ какъ имя графа Ѳ. П. Толстого высоко чтится каждымъ изъ нихъ и знакомо не только любителямъ русскаго художества, но и большинству образованнаго класса. Его медали 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ до сихъ поръ можно встрѣтить во многихъ домахъ, если не въ гипсовыхъ или металлическихъ слѣпкахъ, то въ гравюрахъ, изданныхъ по высочайшему повелѣнію археографическою коммисіею въ 1838 году. Между тѣмъ барельефы изъ Одиссеи, изображающіе: «Пиршество въ домѣ Улисса»; «Телемака у Менелая»; «Улиса, убивающаго женіховъ Пенелопы» и «Меркурія, ведущаго души убитыхъ въ адъ», которые были исполнены покойнымъ графомъ въ 1814, 1818, 1820 и 1822 годахъ, извѣстны далеко не многимъ, извѣстны даже менѣе, чѣмъ его картины «Къ душенькѣ» П. Богдановича (продающіяся въ Академіи Художествъ по 10 или 15 руб. за экземпляръ); уже по этому одному они представляютъ интересъ и теперь; но кромѣ того выполненіе, полное классическаго

изящества, отчетливости въ граціозныхъ миніатюрныхъ фигурахъ и деталяхъ, дѣлаетъ это произведеніе безукоризненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; должно также отдать дань похвалы и г. Гогенфельдену, какъ воспроизводителю ихъ гальванопластическимъ путемъ съ оригиналовъ. Величина каждаго барельефа — $5^1/_4$ и $2^1/_4$ вершка, безъ орѣховыхъ рамокъ, а стоимость вмѣстѣ съ ними всего 25 рублей, такимъ образомъ пріобрѣтеніе этихъ превосходныхъ произведеній искусства, служащихъ истинно художественнымъ украшеніемъ всякой гостиной или кабинета, дѣлается сравнительно доступнымъ весьма для многихъ.

Само собою разумѣется, что такая относительно недорогая цѣна является оттого, что графиня Толстая, издавая барельефы покойнаго мужа, не преслѣдуетъ никакихъ меркантильныхъ цѣлей, а дѣлаетъ это лишь по совѣту и настоянію почитателей покойнаго, которые такъ искренно и сочувственно отнеслись къ чествованію столѣтія дня его рожденія.

Названные нами барельефы изъ поэмы Гомера представляютъ: первый пиршество искателей руки Пенелопы, во время отсутствія Одиссея на троянской войнѣ, а въ сторонѣ Минерва, въ видѣ Ментора, совѣтуетъ Телемаку отыскивать отца. Второй—какъ Телемакъ въ гостяхъ у Менелая, слушая разсказъ Елены о троянской войнѣ и подвигахъ Улисса, заплакалъ и былъ узнанъ. На третьемъ—Улиссъ въ видѣ нищаго—является въ свой дворецъ во время пиршества жениховъ Пенелопы. Телемакъ объявляетъ, что тотъ получитъ руку его матери, кто натянетъ лукъ Одиссея и пропуститъ стрѣлу сквозь кольцо, повѣшенное въ залѣ. Ни одинъ изъ жениховъ не въ силахъ натянуть лука. Нищій выражаетъ желаніе участвовать въ состязаніи, Телемакъ велитъ передать ему лукъ; онъ легко натягиваетъ тетиву, пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо, второй стрѣлой убиваетъ главнаго преслѣдователя Пенелопы, а потомъ съ помощію Телемака и одного пастуха убиваетъ всѣхъ пировавшихъ, кромѣ пѣвца Феміуса. На четвертомъ—Меркурій отводитъ въ адъ прозрачную группу летящихъ тѣней-жениховъ Пенелопы. У входа въ адъ ихъ встрѣчаютъ тѣни Агамемнона и Ахилла, удивленныя одновременною смертью столькихъ юношей, и узнаютъ о происшедшемъ на островѣ Итакѣ.

Вотъ содержаніе прелестныхъ произведеній рѣзца гр. Ѳ. П. Толстого, воспоминаніе о которомъ съ обстоятельнымъ обозрѣніемъ всей его художественной дѣятельности, сдѣланной имъ лично, такъ сказать наканунѣ своей смерти, напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (томъ VII, стр. 24, 123 и 517), почему мы лишь скажемъ, что заслуги его были оцѣнены въ свое время не только въ Россіи, но и въ прочихъ странахъ Европы; такъ, лучшею характеристикою достоинства медалей отечественной войны было письмо князя Меттерниха, какъ куратора вѣнской академіи художествъ, къ министру нашего императорскаго двора; вотъ эти строки: «композиція и исполненіе медалей замѣчательны, и я не знаю страны, ко-

торая произвела бы болѣе прекрасное въ теченіи послѣдняго столѣтія. Таково мнѣніе, единогласно высказанное нашими медальерами, во главѣ которыхъ стоитъ Луи Пихлеръ». Однако эти лестные отзывы не помѣшали одному изъ прусскихъ литейщиковъ покуситься на контрфакцію: онъ отлилъ изъ чугуна «Радомысла», выручилъ болѣе 50 тысячъ талеровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмѣлился поднести Александру I почетный экземпляръ, за что удостоился перстня, цѣною въ пять тысячъ рублей.

Этотъ фактъ вызываетъ на размышленіе, и хотя съ той поры много воды утекло, тѣмъ не менѣе возможность чего нибудь подобнаго у насъ и теперь еще не невѣроятна; доказательствомъ чего можетъ служить произведеніе на Уральскихъ заводахъ отливокъ, еще при жизни, съ работъ недавно умершаго скульптора Либериха († 1883 г.), безъ всякаго признанія за нимъ авторскаго права.

Итакъ пожелаемъ отъ души всякаго успѣха распространенію барельефовъ изъ Одиссеи, появленіе вновь которыхъ совпало съ столѣтнею годовщиною дня рожденія Н. И. Гнѣдича, переводчика Одиссеи Гомера, а для желающихъ ихъ пріобрѣсти сообщаемъ адресъ, куда слѣдуетъ обращаться съ подпискою: Петербургская сторона, Новомытнинская набережная, домъ Кирикова, кв. № 2 на имя графини Анастасіи Ивановны Толстой.

И. Н. Божеряновъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ УТКИНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго.

Авторъ изданной книги, вышедшей нѣсколько недѣль тому назадъ изъ печати, весьма извѣстенъ по своимъ прежнимъ, превосходнымъ трудамъ, каковы: «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка», «Русскіе граверы и ихъ произведенія, до основанія Академіи художествъ», «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», «Граверъ Чемесовъ», «Русскія народныя картинки» и «Достовѣрные портреты московскихъ государей». За перечисленныя изданія Д. А. Ровинскій не разъ удостоенъ былъ премій Академіи Наукъ, а въ 1883 году избранъ почетнымъ ея членомъ. Одинъ простой перечень его сочиненій дѣлаетъ очевиднымъ, что имя Д. А. Ровинскаго знакомо каждому любителю и собирателю гравюръ, для которыхъ изданія его служатъ настольными, справочными книгами. Мало этого, благодаря г. Ровинскому, напечатавшему гравюры Чемесова и портретовъ московскихъ царей съ текстомъ на французскомъ языкѣ, по нимъ, хотя отчасти, иностранцы познакомились съ исторіею нашей гравюры.

Въ нынѣшнемъ-же году издательская дѣятельность Д. А. Ровинскаго достигла, кажется, своего апогея: такъ, имъ кромѣ книги «Н. И. Уткинъ» отпечатаны: Сборникъ къ ней 33 гравюръ Уткина и его учениковъ, «Виды Соловецкаго монастыря, съ древнихъ досокъ (числомъ 51), хранящихся въ мѣстной ризницѣ», и выпускъ первый «Матеріаловъ для русской иконографіи», а слѣдующіе два уже находятся въ печати. Не ограничиваясь начатымъ изданіемъ, г. Ровинскій готовитъ снимки съ знаменитыхъ гравюръ, сдѣланныхъ геліогравюрою въ миніатюрѣ, и занятъ въ настоящее время составленіемъ словаря граверовъ, со времени основанія Академіи Художествъ

и до нашихъ дней. Сколько нужно для подобной работы труда, судить объ этомъ достодолжнымъ образомъ можетъ только тотъ, кто предпринималъ что-либо подобное, и такая дѣятельность почтеннаго знатока и любителя гравюръ вызываетъ чувства признательности и уваженія. Одна лишь страстная любовь къ гравюрѣ, доходящая въ Д. А. Ровинскомъ, если такъ можно выразиться — до высшаго предѣла, (какъ, напримѣръ, имъ потрачено на собраніе офортовъ Рембранта до 40 тысячъ руб.), можетъ служить объясненіемъ его неутомимой работы на пользу, честь и славу русской гравюры и ея мастеровъ.

Изслѣдованіе о Н. И. Уткинѣ украшено его портретомъ, гравированнымъ К. Я. Афанасьевымъ съ Тропинина, въ геліогравюрѣ, сдѣланной въ экспедиціи заготовленія бумагъ. Текстъ-же самаго изданія состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) жизнеописанія Н. И. Уткина, 2) документовъ къ біографіи и 3) подробнаго каталога произведеній Уткина съ замѣткою о продажныхъ цѣнахъ его гравюръ. А также къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель именъ и предметовъ, встрѣчающихся въ ней. Всѣ отдѣлы обработаны съ одинаковою тщательностію и вниманіемъ, а интересъ, представляемый изданіемъ, таковъ, что оно, конечно, прочтется съ любопытствомъ и не одними любителями гравюръ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что едва книга г. Ровинскаго появилась въ продажѣ, какъ извѣстный библіографъ нашъ П. А. Ефремовъ, въ № 2899 «Новаго Времени», отъ 24 марта, помѣстилъ замѣтку: «Уткинъ ли гравировалъ портретъ Н. Семеновой?», въ которой, ссылаясь на письмо Уткина, напечатанное въ № 1 «Сына Отечества» за № 1821 г. (стр. 48) и «оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ изслѣдователю, такъ какъ оно не только не приведено въ ряду писемъ Уткина, перепечатанныхъ въ книгѣ, но на него не встрѣчается даже указанія», гдѣ самъ Николай Ивановичъ писалъ, что по причинѣ глазной болѣзни, портретъ актрисы Семеновой младшей, приложенный къ переводу оперы «Красная шапочка», гравируется не имъ, а только подъ его смотрѣніемъ, г-мъ Фридрицомъ». «Конечно, говоритъ г. Ефремовъ, равнять Фридрица съ Уткинымъ невозможно, но безъ вѣскихъ доказательствъ нельзя-же голословно лишать его права на собственное произведеніе. Къ исчисленію оттисковъ портрета г. Ровинскимъ, (стр. 138), добавлю, что въ моей коллекціи есть еще оттискъ — пробный, безъ всякихъ подписей и даже безъ года».

Замѣтка П. А. Ефремова вызвала, въ свою очередь, письмо «знакомаго съ дѣломъ», помѣщенное на столбцахъ той-же газеты, отъ 3 апрѣля, въ № 2909, въ которомъ говорится, что подъ портретомъ

актрисы Нимфодоры Семеновой, по мужу Лестреленъ, «фамилія Фридерици подъ гравюрою не находится, а только подпись: гравировано подъ смотрѣніемъ Н. Уткина. По поводу этого умолчанія фамиліи ученика на Уткина, въ Оленинскомъ кружкѣ, (т. е. бывшаго президента академіи—А. Н. Оленина), напяли, и онъ долженъ былъ сдѣлать печатно то заявленіе, которое привелъ П. А. Ефремовъ»

Далѣе «знакомый съ дѣломъ» замѣчаетъ не безъ иронiи, что:

«Такой изслѣдователь, какъ Д. А. Ровинскій, конечно, имѣетъ свои резоны придавать бо̀льшее значеніе и меньшее, или и совсѣмъ выбрасывать указаніе, хотя несомнѣнное, но по взгляду его не подходящее почему либо. Такъ, онъ, расхваливаетъ, называя драгоцѣнными, показанія Вас. Ив. Толбина, не выдерживающія никакой критики, не вѣря что-ли, и замѣняя ими показаніе П. Н. Петрова въ біографіи Уткина, напечатанной по смерти знаменитаго гравера не только съ выясненіемъ многаго изъ словъ-же Уткина, но даже послѣ обстоятельныхъ указаній ему самому фактовъ, которые начинали путаться у престарѣлаго художника».

Мы нарочно привели эти послѣднія строки, такъ какъ имъ нельзя не удивляться потому, что укоръ, сдѣланный г. Ровинскому, совершенно несправедливъ, а написавшій его, видно, только проглядѣлъ, а не читалъ книги, о которой говоритъ. Начиная съ примѣчанія ко 2 страницѣ, Д. А. Ровинскій пишетъ: «не менѣе заимствованій сдѣлано мною и изъ отчета Академіи Художествъ, за 1862—63 гг., составленнаго П. Н. Петровымъ, который тоже помѣстилъ въ немъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, лично переданныхъ ему Уткинымъ и почерпнутыхъ изъ его писемъ». Затѣмъ «въ приложеніяхъ и оправдательныхъ документахъ къ жизнеописанію Уткина» всѣ стадіи академическихъ постановленій, касающихся Уткина и полученія имъ званій, чиновъ и отличій, сдѣланы на основаніи «Сборника матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ», составленнаго г. Петровымъ, съ показаніемъ даже страницъ, для чего пришлось г. Ровинскому перечитать три объемистыхъ тома сборника, такъ какъ онъ алфавитнаго ключа не имѣетъ. Чтобы успокоить г. «знакомаго съ дѣломъ» скажемъ, что г. Ровинскій выражается даже словами г. Петрова, такъ, (стр. 28), говорится:

«По справедливой оцѣнкѣ нашего художественнаго лѣтописца П. Н. Петрова, (составителя отчета Академіи Художествъ 1862—63 гг.), портретъ Уварова отличается превосходнымъ тономъ или, лучше сказать, колоритностью, что замѣчается и во всѣхъ лучшихъ работахъ Уткина. Выдѣлка тѣла не оставляетъ почти ничего желать; выполненіе сюртука и мѣха шубы—точно также искусно и согласно съ фономъ, такъ что цѣлое представляетъ выдержанное вполнѣ и

изящное въ полномъ смыслѣ произведеніе. Это уже яркій закатъ таланта, все еще оспаривающаго у времени права на прежнюю свѣжесть, непринужденность и силу» и т. д., при чемъ даже указана стр. 131 статьи Петрова, котораго, замѣтимъ кстати, Д. А. Ровинскій называетъ русскимъ Вазари (см. Русскіе граверы и ихъ произведенія, стр. 394).

Касательно-же дѣйствительныхъ пропусковъ и неточностей, встрѣченныхъ въ изслѣдованіи г. Ровинскаго, хотя и не имѣющихъ особенной важности, но нежелательныхъ для полноты монографіи, замѣтимъ слѣдующее:

а) Очень жаль, что не приведено изъ Сборника матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ, т. II, стр. 99, такое сообщеніе:

«Ноября 20 дня (1817 г.) по рапорту академика Уткина, что онъ, по приказанію г. президента, разсматривалъ портфель эстамповъ, оставшихся послѣ покойнаго совѣтника академіи Клаубера, дабы по недостатку въ оригиналахъ для руководства учениковъ гравировальнаго класса сдѣлать изъ оныхъ выборъ для класса нужныхъ эстамповъ, и представляетъ оригиналы, кои приготовлены изъ-подъ крѣпкой водки, собранные покойникомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, которыхъ нигдѣ достать, ниже купить, нельзя, всего числомъ 128, по цѣнѣ, назначенной вдовою Клауберъ на 1534 рубля». Совѣтомъ было опредѣлено, выбранные эстампы Уткинымъ купить у вдовы Клаубера, согласно сдѣланной ею уступки за 1,200 руб. Фактъ этотъ имѣетъ то значеніе, что показываетъ насколько былъ не узокъ и не односторонен взглядъ Уткина на способы гравированія. Будучи бюринистомъ, т. е. исключительно граверомъ рѣзцомъ, Уткинъ между тѣмъ относился съ должнымъ вниманіемъ къ гравюрѣ офортомъ — крѣпкою водкою, чему доказательствомъ служитъ вышеприведенное сообщеніе; но его ученикъ, не менѣе извѣстный граверъ Ѳ. И. Іорданъ († 1883) въ этомъ дѣлѣ держался другаго направленія, что можно видѣть изъ приведенныхъ его взглядовъ на эту отрасль гравированія, въ его біографіи, которая начата печатаніемъ въ издающемся при Академіи Художествъ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ», въ первой книжкѣ за 1884 годъ.

б) Нѣтъ также указанія гравюръ Фридерица, подъ которыми обозначено, что они гравированы «подъ смотрѣніемъ Уткина», это именно портрета Рафаэля Санціо и Микеля-Анжело Буонароти, приложенныхъ къ «Журналу изящныхъ искусствъ», издававшагося въ 1823 и 1825 гг. секретаремъ общества поощренія художниковъ, В. И. Григоровичемъ, бывшимъ впослѣдствіи конференцъ-секретаремъ самой Академіи Художествъ.

в) Говоря о портретахъ митрополита Михаила (стр. 132) и музыканта Мюллеръ (стр. 133), г. Ровинскій замѣчаетъ, что оба они были на Академической выставкѣ и первый изъ нихъ продавался въ обыкновенныхъ (2-хъ) отпечаткахъ по 5 руб. Послѣднее несправедливо, такъ, въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» ч. I, кн. 4, стр. 338, сказано: «Совѣтникъ Академіи г. Уткинъ выгравировалъ съ рисунка г. Соколова портретъ покойнаго митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, Михаила. Сходство и чистота отдѣлки суть достоинства сего прекраснаго эстампа» и т. д., а въ примѣчаніи сказано, что гравюру эту можно получать у самого художника, живущаго въ Императорской Академіи Художествъ. Цѣна за первые оттиски по 25 р., а за вторые по 15 руб. Отзывъ же о другомъ портретѣ помѣщенъ въ томъ же журналѣ, стр. 50, часть 2-я.

г) На стр. 123 изслѣдованія сказано, что Н. И. Уткинъ за выставленный имъ гравированный портретъ Екатерины II въ Дрезденѣ, въ 1828 г., былъ избранъ членомъ мѣстной академіи художествъ, а 19 лѣтъ спустя, въ 1847 г., поднеся эту-же гравюру саксонскому королю, получилъ отъ него золотую медаль, но г. Ровинскій не дѣлаетъ ни описанія ея, не указываетъ, гдѣ она находится, какъ это имъ сдѣлано въ отношеніи медали, полученной Уткинымъ въ Парижѣ (см стр. 11). Вотъ почему мы замѣтимъ, что Ю. Б. Иверсенъ въ своемъ сочиненіи: «Медали въ честь русскихъ дѣятелей», т. II, стр. 274, говоритъ, что медаль эта хранится въ собраніи Императорскаго эрмитажа и описываетъ ее такъ:

Лицевая сторона Fridericus avgustus d. g. rex saxoniae. Грудное изображеніе короля Фридриха Августа, обращенное вправо, съ обнаженною грудью. Внизу: F. König fec.

Оборотная сторона Virtuti et ingenio. Въ срединѣ Минерва, сидящая на камнѣ, обращенная влѣво, съ лавровымъ вѣнкомъ въ правой рукѣ. Въ обрѣзѣ выгравировано:

Au Prof. Emerit. de la Gravure Nicolas Outkine, 1847. Величина медали 4′ 7″.

д) На страницѣ 34, г. Ровинскій, говоря объ ученикѣ Уткина — Олещинскомъ, уѣхавшемъ въ Парижъ немедленно по окончаніи Академіи и имѣвшемъ впослѣдствіи, по его выраженію, «тотъ-же симпатичный и патріархальный обликъ, ту-же улыбку, никогда не сходившую съ добродушнаго лица, и ту-же любовь къ работѣ, которую онъ не покидалъ до самой своей смерти»; въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Д. А. Ровинскій пишетъ: «Олещинскій очень любилъ русскихъ и всегда помогалъ имъ своими совѣтами; объ Уткинѣ онъ вспоминалъ съ особенною любовью и уваженіемъ» и т. д.

Къ этимъ словамъ лучшимъ подтвержденіемъ ихъ справедливости служитъ рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Академіи Художествъ, (16 сентября 1824), Олешинскимъ, съ позволенія президента и напечатанная въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ», за 1825 г., № 2, стр. 40. Издатель, В. И. Григоровичъ, о рѣчи этой говоритъ, «что надобно было быть свидѣтелемъ чувствъ, съ какими произнесена рѣчь сія, чтобы дать настоящую цѣну истинной душевной признательности г. Олешинскаго къ членамъ Академіи и въ особенности къ г. совѣтнику Уткину, подъ руководствомъ котораго онъ сдѣлалъ отличные успѣхи въ искусствѣ гравированія на мѣди».

Вотъ то мѣсто, гдѣ Олешинскій говорилъ объ Н. И. Уткинѣ:

«Наконецъ, обращаюсь къ тебѣ, достопочтенный г. совѣтникъ, Н. И. Уткинъ! Стократъ я счастливъ, что въ избранномъ мною искусствѣ имѣлъ я тебя наставникомъ и руководителемъ! Отъѣзжая въ тѣ страны, кои ты нѣкогда украшалъ своимъ присутствіемъ, а тѣмъ самымъ былъ честію для своего отечества, я и тамъ руководимый твоими правилами къ дальнѣйшему себя усовершенствованію, не престану стремиться къ тому, чтобы быть достойнымъ и тебя, и сей Академіи питомцемъ. Въ стѣнахъ, въ которыхъ повторялось достопочтенное имя твое, безпрерывно буду находить побужденіе къ лестному шествію по стопамъ твоимъ, не упуская изъ памяти и бладѣяній твоихъ и словъ, на медали мнѣ пожалованной начертанныхъ: слѣдуя достигнешь».

Мы нарочно привели эти строки изъ рѣчи Олешинскаго, такъ какъ о нихъ не только не сказано въ приложеніяхъ къ изслѣдованію объ Уткинѣ, но даже не упомянуто и въ «Сборникѣ матеріаловъ къ исторіи Императорской Академіи Художествъ» г. Петрова, а между тѣмъ это чуть-ли не единственный примѣръ публичной благодарности, принесенной, въ собраніи академическомъ, ученикомъ своему профессору.

Заключимъ нашъ обзоръ книги г. Ровинскаго исправленіемъ, ради истины, слѣдующихъ неточностей:

Во первыхъ, въ выноскѣ (стр. 17) къ портрету Аракчеева приведенъ относительно исполненія этой доски разсказъ г. Петрова, изъ отчета Академіи за 1862 и 1863 гг., въ которомъ говорится, что «А. Н. Оленинъ, имѣя лично надобность въ благорасположеніи любимца царя, графа Аракчеева, бывшаго въ 1817 г. вмѣстѣ съ Императоромъ за границей, Оленинъ, по пріѣздѣ графа Аракчеева, представилъ портретъ ему и получилъ, при посредствѣ его, просимую милость. Уткинъ-же, чрезъ Оленина былъ приглашенъ на обѣдъ къ графу, послѣ котораго Аракчеевъ, отведя Уткина въ уголокъ, объ-

щалъ, въ случаѣ надобности, исполнить все то, въ чемъ граверъ будетъ имѣть до него нужду. Уткинъ не пробовалъ потомъ обращаться къ Аракчееву, а тотъ забылъ о немъ... Трудъ и на этотъ разъ, замѣчаетъ г. Петровъ, остался не вознагражденнымъ». Это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ «Сборникѣ къ исторіи Императорской Академіи Художествъ», тотъ-же г. Петровъ, на стр. 122, т. II, пишетъ о балотированіи въ совѣтники Академіи Н. И. Уткина «по гравированнымъ имъ портретамъ графа Суворова Рымникскаго и г-на генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева».

Приведенныя строки цитированы г. Ровинскимъ, на стр. 61 его изслѣдованія, съ указаніемъ даже той-же 122 стр., но слова: «г. генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева» опущены?

Во вторыхъ, на стр. 32, также въ выноскѣ, г. Ровинскій дѣлаетъ замѣчаніе, «что цѣна на хорошія портретныя доски и въ настоящее время стоитъ высокая; наши портретные граверы — В. А. Бобровъ и И. П. Пожалостинъ живутъ своими работами, Бобровъ даже отказался отъ живописи, находя въ мѣдной доскѣ болѣе для себя выгоды». Эти слова, касающіяся до высокоталантливаго В. А. Боброва, совершенно не вѣрны: будучи съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и зная безъ исключенія всѣ его работы, мы можемъ засвидѣтельствовать, что г. Бобровъ никогда не думалъ бросать живопись и въ общей сложности годовой всей своей работы онъ посвящаетъ гравюрѣ не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, при чемъ скажемъ еще и то, что въ теченіи всѣхъ 9 лѣтъ, какъ онъ гравируетъ, изъ 93 различныхъ исполненныхъ досокъ, заказныхъ было лишь всего 14 гравюръ.

И. Н. Божеряновъ.

МАРКЪ МАРТИНОВИЧЪ

и его русскіе ученики

1704 г.

Недавно получилъ я изъ С.-Петербурга «Исторію л.-гв. Семеновскаго полка», составленную П. П. Дирпнымъ. Въ ней (т. I, стр. 40), я нахожу слѣдующее примѣчаніе:

«Въ одномъ мѣстечкѣ на Босфорѣ, около Буюкъ-Дера, сохранилась картина, писанная въ 1704 г., въ честь какого-то далматскаго ученаго (имя его неизвѣстно), какъ видно уроженца этого мѣстечка. Онъ изображенъ въ видѣ почтеннаго старца, сидящаго около стола», и т. д.

Такъ какъ въ концѣ этого примѣчанія авторъ ссылается на меня, то я считаю себя обязаннымъ заявить, что память ему нѣсколько измѣнила. Крайне сожалѣю, что, передъ окончаніемъ своего въ высшей степени почтеннаго труда, онъ не обратился ко мнѣ за болѣе точными свѣдѣніями; я сообщилъ бы ихъ ему съ величайшею готовностію.

Дѣло въ томъ, что картина, о которой идетъ рѣчь, находится не въ окрестностяхъ Буюкъ-Дере, а въ небольшомъ далматскомъ городѣ Перасто, въ округѣ Бокка-ди-Каттаро.

Картина раздѣлена на двѣ равныя части. Въ нижней представлены шесть молодыхъ людей, въ старинномъ русскомъ одѣяніи, и ихъ учитель Маркъ Мартиновичъ; всѣ они сидятъ около стола, на которомъ лежатъ компасъ и бумага. А въ верхней части, по обѣимъ сторонамъ двуглаваго орла, имена этихъ молодыхъ людей, какъ это видно изъ фотографіи съ этой картины.

Покойный Академикъ Пекарскій упоминаетъ объ этомъ Мартиновичѣ въ «Введеніи въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія», Спб. 1862, стр. 257, и при этомъ ссылается на «Одесскій Вѣстникъ» 1841 года, гдѣ, какъ мнѣ помнится, помѣщены подробное описаніе этой картины и свѣдѣнія объ ея происхожденіи.

Говоря о сочиненіи П. П. Дирина, не могу не упомянуть объ одной довольно важной описке. Въ II томѣ, на стр. 72 приложеній, показаны два князя Дирово-Засѣкина. Такихъ князей вовсе не было, а были князья Жировые-Засѣкины. И дѣйствительно, въ Семеновскомъ полку былъ, въ 1698 году, кн. Никита Михайловичъ Жировой-Засѣкинъ, бывшій стольникъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны (1692); онъ былъ сынъ окольничаго князя Михаила Ѳеодоровича Жироваго-Засѣкина, родной братъ котораго, кн. Василій Ѳедоровичъ, былъ также окольничимъ. Эти указанія заимствованы мною изъ моихъ, еще неизданныхъ, генеалогическихъ замѣтокъ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна
1884 г.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

Его портретъ-гравюра Сѣрякова.

Каждое произведеніе рѣзца покойнаго академика Л. А. Сѣрякова высоко цѣнится всѣми многочисленными почитателями этого гравера. Въ числѣ прочихъ гравюръ, исполненныхъ имъ для «Русской Старины», имѣется портретъ Николая Алексѣевича Некрасова.

Только потому, что Сѣряковъ исполнилъ эту гравюру съ фотографіи Деньера, снятой съ Некрасова за весьма долгое время до кончины поэта и потому изображающей его значительно полнѣе, нежели какимъ всѣ привыкли видѣть Некрасова въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, мы не рѣшались до сихъ поръ помѣщать этотъ портретъ при нашемъ изданіи; но такъ какъ онъ вошелъ уже въ собраніе, изданное нами въ 1881 г. гравюръ Сѣрякова, и это собраніе, сполна все разошедшееся, напечатано въ значительно меньшемъ числѣ экземпляровъ, нежели въ какомъ расходится «Русская Старина», то мы сочли необходимымъ издать помянутый портретъ для всего числа подписчиковъ нашего изданія,—что и исполнено при настоящей книгѣ «Русской Старины».

Ред.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.

Легенды въ городѣ Бѣлевѣ о ея кончинѣ.

Покойный графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ въ его очеркѣ, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 г., январь, поставляетъ быструю и нѣсколько загадочную кончину государыни Елисаветы Алексѣевны въ психологическую связь съ кончиною ея державнаго супруга—еще болѣе загадочною—ни по чему нежданною и негаданною.—«Эти двѣ души сродныя,—по его увѣренію,—не могли быть разлучены надолго». Бѣлевскіе обыватели также объясняли въ свое время кончину этой императрицы въ Бѣлевѣ или около Бѣлева непосредственною зависимостію отъ кончины ея супруга; но для этого не углублялись въ таинственную область связи двухъ душъ, а рѣшили себѣ вопросъ о поразительно-быстромъ послѣдованіи одной смерти за другою проще и облекли связь двухъ загадочныхъ смертей въ рядъ фактовъ, изъ которыхъ сложилось и долго передавалось (быть можетъ и теперь передается), безъ особенно замѣтныхъ варіантовъ, бѣлевское сказаніе и—назадъ тому 50—45 лѣтъ—передавалось съ полною вѣрою въ историческую истинность передаваемыхъ фактовъ.

Бѣлевское сказаніе гласило такъ:

Императрица Елисавета Алексѣевна, въ Таганрогѣ, за нѣсколько дней (а м. б. недѣль) до внезапной болѣзни императора Александра I, поправилась, чувствовала себя сравнительно окрѣпшею и бодрою, ухаживала за больнымъ безъ устали; съ самой минуты его смерти до отправленія тѣла покойнаго императора держала себя изумительно твердо и, собираясь изъ Таганрога въ обратный путь и во время путешествія до Бѣлева, ни чѣмъ не обнаружила перемѣны къ худшему въ состояніи своего здоровья.

На встрѣчу императрицѣ-супругѣ Александра I спѣшитъ вдовствующая императрица-мать; между ними условлена заранѣе встрѣча въ Калугѣ.

Послѣднее обстоятельство отмѣчено и г. Уваровымъ, но безъ всякаго объясненія и мотивовъ этой условленной встрѣчи и — по чьей иниціативѣ она вызвана.

На послѣдній вопросъ бѣлевцы отвѣчали вполнѣ увѣрительно, что

царица-мать поспѣшила на встрѣчу невѣсткѣ по ея настоятельной просьбѣ. Къ этому еще добавляли, что никто изъ сопровождавшихъ Елисавету Алексѣевну до приближенія къ Бѣлеву не зналъ о предстоящей встрѣчѣ двухъ вдовствующихъ императрицъ; только здѣсь отъ кого-то изъ бѣлевскихъ чиновъ, сновавшихъ для углаживанія дороги царскому поѣзду, спутники Елисаветы Алексѣевны узнали, что императрица-мать прибыла въ Калугу и тамъ будетъ ждать свою невѣстку.

Отвѣчали бѣлевцы — не гадательно и предположительно, а тономъ увѣренности — и на вопросъ о цѣляхъ свиданія двухъ императрицъ подальше отъ столицы, хоть этотъ отвѣтъ, если онъ не былъ заготовленъ, унесла съ собою въ безъотвѣтную могилу, не успѣвъ высказать даже на ухо царицѣ-матери, Елисавета Алексѣевна. Она-де вызвала на встрѣчу себѣ царицу-мать, чтобы повѣдать ей тайну загадочной, чрезвычайно скоротечной болѣзни и негаданной смерти своего мужа послѣ утренняго кофе или шоколату у какой-то высокосіятельной дамы въ пригородной виллѣ или садовой бесѣдкѣ, а не послѣ прогулки по вершинамъ горъ таврійскихъ.

Сказаніе бѣлевское о кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны весьма рѣзко расходится съ показаніями французскаго панигирика-некролога, извитійствованнаго русскимъ придворнымъ сановникомъ. Бѣлевскіе современники событія и отчасти свидѣтели-очевидцы или пересказчики говора изъ первыхъ рукъ передавали его въ такомъ видѣ:

— За недѣлю до вешняго Николы жители Бѣлева оповѣщены властями, что царскій поѣздъ приближается. Народъ всѣ улицы запрудилъ; со всѣхъ сторонъ двигались гужомъ къ дому на окраинѣ города, назначенному подъ квартиру ожидаемой царицѣ; густыя толпы выдвигались далеко за городъ по дорогѣ на встрѣчу царскому поѣзду. Ожидали прибытія еще далеко до заката солнечнаго. Но какъ разъ къ самому закату медленно двигавшійся поѣздъ совсѣмъ остановился, версты четыре не доѣзжая до города, у подгороднаго села (кажется Мишино прозывается). Отдѣлились-это нашихъ двое или трое отъ поѣзда—капитанъ-исправникъ, городничій и еще кто; скачутъ по дорогѣ, и строго такъ, но безъ окриковъ, народу командуютъ: «назадъ! по домамъ! никакой встрѣчи не будетъ! по улицамъ чтобы не сновали; шуму—ни-ни! избави Богъ! государыню тревожить настрого заказано!» Такъ по всей дорогѣ и по улицѣ до царской квартиры все очистили отъ народа. А сами стали у подъѣзда на караулъ. Стемнѣло. Народъ притихъ; но по домамъ не сидѣлось. Гдѣ поближе къ царской квартирѣ обыватели выползали потихоньку, чтобы своего начальства не растревожить, становились у своихъ калитокъ, кои поплотнѣй къ заборамъ уставились; многіе хоть и съ опаскою пробирались ближе къ царской квартирѣ; насупротивъ ея всѣ заборы были вплотную народомъ подперты, а поверхъ (черезъ заборы со дворовъ) головами унизаны.

Такъ близу полуночи, еще издалека—съ самаго въѣзда въ улицу, ведущую прямо къ подъѣзду царской крартиры, послышался такой быстрый стукъ колесъ, какъ у почтарей-троечниковъ. Во весь духъ поѣздъ пронесся и сталъ у подъѣзда! Изъ передней кареты кого-то высадили и на крыльцо подъ руки повели; вслѣдъ затѣмъ изъ той-же кареты бережно вытащили и двое понесли. Суета поднялась непостижимая! Какой-то изъ царской свиты кричитъ городничему или кому другому изъ нашихъ: «Государынѣ дурно! Священника проситъ! Живо! Сію минуту! Христа ради скорѣй!» Только и видѣли и слышали на встрѣчѣ царской среди ночи!

Привезли священника наскоро (называли его и по имени—одинъ изъ учителей мѣстнаго духовнаго училища). Онъ, — говорятъ, — напутствовалъ какую-то закутанную особу. А на разсвѣтѣ весь городъ (всю ночь тихо волновавшійся) узналъ, что государыня Богу душу отдала, и посланы съ этою вѣстью гонцы въ Калугу къ царицѣ-матери. Вотъ и состоялось свиданіе живой съ мертвою не въ Калугѣ, а въ Бѣлевѣ. Во всемъ и на все Божья воля. Но есть Божья воля, которую зовутъ Божьимъ попущеніемъ за грѣхи наши. И это дѣло сталось по Божьему попущенію злымъ людямъ. Богъ знаетъ и разсудитъ на томъ свѣтѣ,—случай или злой умыселъ не допустилъ двумъ императрицамъ подѣлиться секретомъ о загадочной смерти императора Александра I.

Таковъ сказъ Бѣлевскій!

Въ первый разъ привелось мнѣ выслушать его во дворцѣ (такъ названъ домъ, въ которомъ приготовленъ гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны; онъ сталъ пріютомъ для бездомныхъ и обнищавшихъ вдовъ изъ дворянскихъ и священническихъ женъ) отъ старушекъ дворцовыхъ, съ которыми близко познакомился я, ходя во время внѣ-классное для экстра-ординарныхъ занятій классиками къ моему незабвенному инспектору и наставнику П. И. Оболенскому, бывшему настоятелемъ домовой церкви въ этомъ Бѣлевскомъ дворцѣ. Въ пять лѣтъ (1834—1838 гг.) моей школьной жизни въ Бѣлевѣ приходилось слышать эту повѣсть отъ многихъ разнаго званія сказателей, которые не разногласили.

Протоіерей Григорій Покровскій.

Астрахань.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

подъ секретнымъ надзоромъ въ Москвѣ,

въ 1829 г.

Секретно. 469, № 25. Лафертовской части, господину частному приставу и кавалеру Протопопову.

Г. Московскій оберъ-полицмейстеръ и кавалеръ въ предписаніи своемъ отъ 7-го числа сего сентября, за № 436 изъясняетъ: г. Тифлисскій военный губернаторъ увѣдомилъ г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора, что онъ имѣетъ въ виду Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о состояніи извѣстнаго поэта отставнаго чиновника 10-го класса Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства, отправившагося на дняхъ изъ Тифлиса въ Москву.

Вслѣдствіе сего предписанія, я рекомендую вашему высокоблагородію, коль скоро Александръ Пушкинъ остановится на жительствѣ во ввѣренной вамъ части, то учредить за нимъ секретный надзоръ и мнѣ о послѣдующемъ немедленно донести. Москва, сентября 8-го дня 1829 года. Полицмейстеръ 2-го отдѣленія Миллеръ.

№ 283.

Въ 1-й (части) читалъ и когда явится исполненіе чинено быть имѣетъ. В. Юршевъ.

Во 2-й — читалъ и когда явится исполненіе чинено быть имѣетъ. Н. Казановъ.

Въ 3-й — читалъ и когда явится исполненіе чинено быть имѣетъ. Г. Дрей.

Помѣты: Получено: Сентяб. 9, 1829 г.
Рапортовано 21 Сентября (1829 г.), за № 34.

Сообщ. А. Гатцукъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ иногда прогуливаться по Большой Морской. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ повстрѣчался съ командиромъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, генераломъ барономъ С — мъ, котораго знали въ гвардіи за фронтовика, но не болѣе. Государь, на отданную ему С — мъ честь, спросилъ его: „а что твои соловьи?“ „Старые поютъ, а молодые учатся, ваше императорское величество“, съ самодовольной улыбкой, мгновенно, отвѣчалъ С — въ. „Молодецъ!“ отрывисто сказалъ ему императоръ, продолжая свой путь. Государь спрашивалъ о солдатахъ, С*** отвѣчалъ о соловьяхъ, до которыхъ былъ охотникъ. Государь изъ мѣткаго, неподготовленнаго отвѣта составилъ ложную идею о находчивости, объ умѣ С***; для сего послѣдняго оставалось неразгаданнымъ — чрезъ кого государь могъ узнать о страсти его къ пѣвцамъ любви, къ пѣвцамъ свободы?

Это происходило предъ назначеніемъ покойнаго императора Александра Николаевича командиромъ гвардейскаго корпуса. Впечатлѣніе, произведенное на Николая Павловича отвѣтомъ С***, понятно, потому что обыкновенно при представленіяхъ, смотрахъ и вообще при непродолжительныхъ свиданіяхъ государя съ кѣмъ-либо, не изъ близко знакомыхъ, рѣдко, а можетъ быть и никогда не доводилось блеснуть умомъ или мѣткой фразой. И эта случайность, недоразумѣніе рѣшили судьбу барона С***.

Императоръ Николай Павловичъ, давая наслѣднику, по случаю назначенія, разныя наставленія, между прочимъ просилъ его обратить особое вниманіе на вредно-либеральное направленіе, на состояніе духа въ средѣ корпуса офицеровъ, мятежнаго, непозволительнаго. Было ли это предвзятою идеею императора, которая его никогда не оставляла, или вслѣдствіе тревожныхъ свѣдѣній, доходившихъ до него о раздутой исторіи Петрашевскаго, въ которой замѣшаны были офицеры,—утверждать трудно. Говоря объ этомъ, императоръ прибавилъ:

— „Я знаю, что обязанность, которую я на тебя возлагаю, въ высшей степени трудна, но я постараюсь ее облегчить, назначивъ въ твое распоря-

женіе опытнаго гвардейскаго генерала, человѣка съ свѣтлымъ умомъ. Однимъ словомъ, я назначаю состоять при тебѣ барона С***!“

Не буду передавать въ подробности разсказъ Я. И. Ростовцева моему дядѣ, однофамильцу, уже умершему, бывшему командиру Финляндскаго полка, о разговорахъ покойнаго императора съ С***, объ исполненныхъ имъ порученіяхъ, но передамъ о свиданіи новаго корпуснаго командира съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ:

— „Какъ, таково мнѣніе твое о С***? Нѣтъ, нѣтъ, ты ошибаешься. Ты не съумѣлъ привязать его къ себѣ, а онъ, какъ человѣкъ умный, осторожный, не высказался, а можетъ быть боялся быть опрометчивымъ“.

Наслѣдникъ молчалъ, не возражалъ, императоръ видимо терялъ терпѣніе.

— „Я докажу тебѣ, что ты ошибаешься, я сейчасъ потребую С***, и ты увидишь, что при мнѣ онъ заговоритъ иначе“.

Затѣмъ послѣдовалъ звонокъ и фельдъегерь поскакалъ съ повелѣніемъ. Баронъ С*** не заставилъ долго себя ждать. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ императора по строевой части, на которые С*** удачно отвѣчалъ, Николай Павловичъ поставилъ категорически вопросъ о либеральномъ духѣ офицеровъ. Молчаніе полное. Наслѣдникъ, нѣсколько застѣнчивый, стоялъ съ поникшимъ взоромъ.

— „Либеральный духъ, либеральный, т. е. свободный духъ офицеровъ“, лихорадочно, въ полголоса, повторялъ С***. Пріободрившись, наконецъ, отвѣчалъ взволнованный генералъ: „Да, я долженъ сознаться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что тоже на всѣхъ смотрахъ частей войскъ гвардіи я замѣчалъ этотъ свободный духъ“. При этомъ императоръ значительно посмотрѣлъ на наслѣдника. Ободренный видомъ государя, С*** продолжалъ: „При всемъ настояніи моемъ, чтобы офицеры строго, исполняли обязанности и требованія службы, они зачастую дѣлаютъ отступленія“.

— „Ты хочешь сказать, перебилъ императоръ, что они не проникнуты святостью принесенной ими присяги въ вѣрности царю?“

— „Да... но... они относятся легко, съ пренебреженіемъ къ своимъ обязанностямъ, наприм. при всѣхъ построеніяхъ они идутъ совершенно свободнымъ шагомъ, не вытягивая носковъ!“

— „А дальше что?“ спросилъ императоръ.

— „Больше ничего“, отвѣтствовалъ С***.

— „Да ты просто, братецъ, глупъ“, сказалъ съ хохотомъ императоръ. „Нѣтъ, нѣтъ, не ты глупъ, а тотъ, кто тебя назначилъ на эту должность“.

Тѣмъ кончилось свиданіе. Приказъ возвѣстилъ, что баронъ С*** назначается комендантомъ въ Архангельскъ, гдѣ онъ мирно, безмятежно, дожилъ свой вѣкъ.

Ал. Крыловъ

МОСКОВСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА

1845 — 1855 гг.

Артистъ петербургскихъ театровъ, точнѣе сказать: безподобный и покамѣсть неподражаемый разскащикъ разныхъ сценъ изъ русской жизни, И. Ѳ. Горбуновъ, началъ печатаніе своего Дневника. Нѣсколько отрывковъ уже явилось въ свѣтъ. Они касаются преимущественно драматической дѣятельности моего стараго пріятеля и товарища по воспитанію, А. Н. Островскаго. Къ разсказамъ г. Горбунова я могу присоединить кое-что и изъ своихъ воспоминаній, съ конца сороковыхъ до половины пятидесятыхъ годовъ.

Въ первомъ отрывкѣ изъ своего Дневника («Свои люди сочтемся» «Новое Время», февраль 1884 г.) Горбуновъ называетъ меня «дорогимъ учителемъ». Я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ честь быть учителемъ такого талантливаго ученика. Съ воспоминаній именно объ этомъ времени я и начну.

На углу Юшкова переулка и Мясницкой, въ Москвѣ, почти насупротивъ зданій почтамта, стоитъ большой, не особенно красивый, но помѣстительный и солидный домъ старыхъ боярскихъ временъ, который здѣсь, въ Варшавѣ (гдѣ я пишу эти строки), назывался бы непремѣнно «палацомъ». Не знаю, съ какихъ поръ, но во всякомъ случаѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, въ этомъ домѣ помѣщается училище живописи, ваянія и архитектуры. Если я ошибаюсь немного въ титулѣ, прошу меня простить: я и въ Москвѣ, живя и состоя въ этомъ училищѣ на службѣ, никогда не зналъ точнаго, оффиціальнаго его названія. Довольно сказать, что тамъ учили двумъ важнѣйшимъ отдѣламъ изящныхъ искусствъ: живописи и скульптурѣ, мальчиковъ всякаго званія и возраста, преимущественно мѣщанъ и крестьянъ, бездомныхъ бобылей. Было ихъ въ

училищѣ всего навсе около двухъ сотъ человѣкъ («неравная и рѣзвая семья», говоря словами поэта, даже очень неравная). Иные изъ нихъ выучивались только рисовать глазы да носы, чернымъ карандашомъ. По части скульптурной узнавали тоже очень не многое. Другіе достигали рѣшенія высшихъ задачъ: рисовали серьозныя картины, ваяли статуи изъ каррарскаго мрамора, получали награды, медали, перебирались въ академію.

Былъ заведенъ въ училищѣ даже и «натурщикъ»: рослый, хорошо сложенный дѣтина, который въ то же время несъ обязанности истопника. Такъ ужъ и нанимали: позировать, въ извѣстные часы, передъ художниками, въ видѣ разныхъ «бельведерскихъ Аполлоновъ» и «гладіаторовъ»—и топить, тоже въ извѣстные часы, всѣ печки училища, которыхъ было много. Остальное время дня онъ посвящалъ кое-какимъ другимъ занятіямъ (по крайней мѣрѣ тотъ, котораго я зналъ), занятіямъ, дѣлавшимъ его очень веселымъ и не способнымъ на строгія позированія. Однажды этотъ гладіаторъ, примѣтя на окошкѣ бутылку съ какою-то жидкостью, счелъ ее за водку и выпилъ. А это былъ терпентинъ. Ученики, догадавшись, какимъ образомъ бутылка, недавно наполненная терпентиномъ, вдругъ стала пуста, спросили у гладіатора (котораго очень любили за простоту нрава и добродушіе и онъ ихъ чрезвычайно любилъ): «признайся, Никаноръ, вѣдь это ты спроворилъ, что̀ было въ бутылкѣ!»—Я-съ, а что?—«Вкусно было?»—Вкусно!—«Да вѣдь это былъ терпентинъ!»—Не знаю, какъ по вашему называется, а только хорошо!—И онъ всю жизнь не зналъ, что выпилъ бутылку терпентину вмѣсто бутылки водки!..

Между профессорами училища, въ эпоху, о которой мы разсказываемъ, были люди съ талантами. Изъ нихъ выдавались наиболѣе: профессоръ исторической живописи, Михайло Ивановичъ Скотти, и профессоръ ваянія, Николай Александровичъ Рамазановъ.

Михайло Ивановичъ Скотти былъ родомъ римлянинъ, но очутился въ Россіи довольно рано, попалъ какимъ-то образомъ въ академію художествъ, и сталъ по языку и нѣкоторымъ ухваткамъ совершенно русскимъ человѣкомъ. Впрочемъ хорошо говорилъ и по итальянски. Въ сущности, онъ былъ всетаки итальянецъ, а не русскій—и постоянно смотрѣлъ въ лѣсъ. Передъ нимъ всегда была задача: нажить капиталецъ и перебраться на югъ, въ отечество своихъ предковъ. Онъ былъ въ то время (1848—1852 гг.) красивый, стройный парень высокаго роста, съ хорошими пріемами, нѣсколько замкнутый въ себѣ. Онъ посѣщалъ только тѣхъ, кто ему нравился; принималъ только тѣхъ, кто могъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ. Рисовалъ онъ «при-

лично». Въ особенности эффектно выходили у него образа для модныхъ православныхъ храмовъ. Въ нихъ было что-то и православное, былъ и итальянскій шикъ. Случилось, что именно въ то время, когда Михайло Ивановичъ началъ свою службу въ училищѣ, стали отдѣлывать въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя, на берегу Москвы-рѣки, неподалеку отъ Каменнаго моста, и туда потребовалось большое количество иконъ разныхъ величинъ, конечно работы не троицкихъ и не суздальскихъ богомазовъ. Михайло Ивановичъ пристроился къ этому храму, по части доставленія иконъ, и написалъ ихъ что-то очень много и недурно. Сверхъ таланта и навыка въ дѣлѣ иконописи, Михайло Ивановичъ обладалъ драгоцѣнными свойствами аккуратности и исполнительности. На его слово можно было разсчитывать: что̀ возьмется сдѣлать въ извѣстный срокъ, непремѣнно сдѣлаетъ. Коммисія по сооруженію храма (которой задачею было, между прочимъ, по возможности не затягивать работъ) цѣнила такія свойства въ художникѣ. Отъ пріѣзжавшаго, время отъ времени, изъ Петербурга архитектора Тона (главнаго наблюдателя за всѣми работами въ храмѣ) Михайло Ивановичъ слышалъ одни только одобренія. Эта аккуратность и исполнительность, другими словами: доставка по мѣрѣ надобности надлежащаго количества образовъ, написанныхъ какъ-слѣдуетъ, дала Михаилу Ивановичу хорошія деньги. Кромѣ того онъ писалъ портреты генераловъ и купцовъ. У генераловъ особенно хорошо и натурально выходили знаки отличія и эполеты. Серебро было очень похоже на серебро. Золото горѣло какъ настоящее золото. Это-то болѣе всего и нравилось генераламъ. Впрочемъ, было и сходство. Портреты дали тоже изрядную сумму.

Доведя свой капиталъ до желаемаго размѣра, Михайло Ивановичъ Скотти скрылся изъ Москвы—и скоро догорѣлъ гдѣ-то (кажется во Флоренціи) отъ нѣкоторыхъ излишествъ... да и трудно было устоять: итальянки его такъ любили, онъ былъ такъ хорошъ!..

Николай Александровичъ Рамазановъ (котораго имя также входитъ въ разсказы г. Горбунова) былъ человѣкъ совершенно противуположнаго характера своему товарищу по службѣ, сейчасъ нами очеркнутому. Сколько тамъ было аккуратности, исполнительности, европеизма, соблюденія приличій,—столько здѣсь было неаккуратности, неисполнительности, азіятской дичи. Это былъ русскій самъ-самородокъ, способный на многое: и скульпторъ, и живописецъ, и самоучка-музыкантъ, и самоучка-писатель, даже танцоръ и фокусникъ. Онъ могъ итти по любой изъ всѣхъ этихъ дорогъ и непремѣнно дошелъ-бы до чего-нибудь. Но онъ избралъ ваяніе, имъ преимуще-

ственно занимался; временами немного рисовалъ, немного писалъ стихами и прозой, немного игралъ на фортепьяно, немного пѣлъ.

Однажды въ Римѣ (куда онъ былъ посланъ усовершенствоваться въ искусствѣ ваянія, на казенный счетъ, какъ отличный ученикъ академіи художествъ), смотря съ товарищами на представленія какого-то уличнаго фигляра, Рамазановъ предложилъ ему замѣнить его на время—и продѣлалъ, тутъ же, передъ кучей собравшагося кругомъ народа, нѣсколько штукъ такъ ловко и чисто, какъ будтобы учился этому ремеслу съ малыхъ лѣтъ. Тарантеллу на площадяхъ онъ отхватывалъ зачастую не хуже мѣстныхъ танцоровъ. Впрочемъ надо знать, что онъ былъ сыномъ петербургскаго балетмейстера, танцовалъ ребенкомъ на сценѣ и чуть-чуть не попалъ въ балетъ.

Жизни и кипѣнія въ этомъ человѣкѣ было столько, что можнобы раздѣлить на цѣлый десятокъ и всякому бы досталось довольно. Сложенія онъ былъ истинно богатырскаго: не такъ высокій, коренастый, широкоплечій; бѣгалъ какъ Гомеровъ «бурноногій Ахиллъ» Πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς—болѣзней не зналъ никакихъ, а если что нибудь и случалось: зашибетъ глазъ, бокъ, зубы, руку—въ какихъ нибудь упражненіяхъ,—глядишь: завтра же все это зажило, затянулось, выросло новое, какъ у слона.

Понятное дѣло, что такая жизненность, мочь и крѣпость требовали не монашеской воздержности. Но Рамазановъ черезъ-чуръ пересолилъ въ этомъ дѣлѣ, переступилъ надлежащую черту, какъ многіе талантливые люди того времени. Для друзей его, тоже не постниковъ, было непріятнѣе всего то, что онъ во хмѣлю сильно блажилъ, воображалъ, что противъ него замышляются какія-то козни, затѣвалъ исторіи. Рѣдкое сходбище кружка, гдѣ онъ чаще бывалъ, кончалось благополучно. Обыкновенно тутъ же или немного позже устраивалась мировая. Командировали для этого чаще всего меня. Однажды, прибывъ къ Рамазанову (въ его довольно-обширное и комфортабельное помѣщеніе въ зданіи училища, гдѣ всѣ стѣны были увѣшаны картинами и картинками разныхъ размѣровъ, а шкапы, столы и окна уставлены статуэтками тоже разныхъ величинъ) и начавъ съ нимъ переговоры о вчерашнемъ, или какомъ-тамъ столкновеніи съ людьми, которые его очень любили и желали бы жить съ нимъ въ постоянномъ мирѣ и согласіи,—я услышалъ слѣдующее: «тебѣ хорошо разглагольствовать: ты ничего не видалъ, это тебя не касалось, а я видѣлъ и это меня очень близко касалось: я видѣлъ у всѣхъ присутствующихъ за голенищами сапогъ пистолеты! На что были приготовлены эти пистолеты?»...

Не дожидаясь конца такого бреда, я отправился домой и рѣшился

прибыть съ миссіей примиренія въ другое время, спустя нѣсколько дней, когда «чёртики» пройдутъ.

Примиреніе, разумѣется, наступило. Рамазановъ снова явился въ кружкѣ, забавлялъ всѣхъ музыкой, пѣніемъ; иногда что-нибудь читалъ... пѣлась чаще всего флорентинская пѣсня русскихъ художниковъ: «Николай Степанычъ ѣдетъ въ городъ Римъ», сочиненная Рамазановымъ по слѣдующему поводу:

Николай Степановичъ Пименовъ, русскій талантливый скульпторъ, кончавшій въ то время свое образованіе за границей, влюбился въ первую красавицу Рима (такъ по крайней мѣрѣ выражались о ней наши художники) — присватался и получилъ согласіе. Оставалось только—честнымъ пиркомъ да и за свадебку, но необходимо было для этого получить разрѣшеніе отъ папы и отъ нашего посланника. Папа требовалъ, чтобы вѣнчаніе происходило по католическому обряду, а посланникъ—чтобы по русскому. Пименовъ написалъ обоимъ одно и тоже: посланнику, что онъ согласенъ на русскій обрядъ, а папѣ—на католическій, но обвѣнчался по-русски въ какой-то деревенькѣ на островѣ Корфу—и былъ за это высланъ правительствомъ святѣйшаго отца изъ предѣловъ папской области. Онъ жилъ бо́льшею частію во Флоренціи. Когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ послѣ этого въ Римъ, ему разсказали исторію женитьбы Пименова. Государь сказалъ: «молодецъ!» и выхлопоталъ сейчасъ-же прощеніе художнику, который снова перебрался въ Римъ. И тутъ-то сочинена пѣсня: «Николай Степанычъ ѣдетъ въ городъ Римъ».

Такъ мирно и благополучно проходило въ кружкѣ вечеровъ десятокъ. Затѣмъ снова наступалъ разрывъ, снова за разрывомъ слѣдовало примиреніе... и опять разрывъ—и опять примиреніе.. Иначе съ Рамазановымъ жить было невозможно. Нужно было или вовсе разстаться, или переваривать его странности, чёртиковъ и неотесанность. Но кружокъ состоялъ изъ рыхлыхъ, добрыхъ русскихъ людей, которыхъ не хватало на какое-либо суровое, характерное постановленіе. Сегодня ругаемый и проклинаемый, Рамазановъ завтра казался опять милъ и любезенъ.

Деньги у этого кипучаго малаго никакъ не держались, хотя онъ получалъ ихъ не менѣе своего товарища Скотти, поставляя въ храмъ Спасителя скульптурныя украшенія и барельефы большихъ размѣровъ изъ сѣраго камня и песчаника. Рамазановъ предпринималъ поминутно кутежи, по поводу того или другого обстоятельства. Однажды профессоръ архитектуры Мейеръ построилъ на дворѣ училища для своихъ дѣтей бесѣдку. Рамазановъ, увидѣвъ эту бесѣдку изъ своихъ оконъ, назвалъ ее храмомъ весталокъ, который, по его мнѣнію,

слѣдовало торжественно освятить пиршествомъ, съ музыкой и ужиномъ. Онъ собралъ компанію добрыхъ знакомыхъ, болѣе или менѣе отвѣчавшихъ его мыслямъ и способныхъ «не посрамить земли русскія» на пріятельскомъ вечерѣ. Кромѣ того пригласилъ оркестръ военныхъ музыкантовъ.

Дѣло началось часовъ въ восемь, при закатѣ солнца, довольно тихо и прилично: чаемъ, съ закуской, причемъ было выпито нѣсколько бутылокъ разныхъ легкихъ винъ: хереса, рейнвейна, шатолафиту... въ 10 часовъ стали варить «напитокъ весталокъ», на джинѣ и коньякѣ, съ апельсинами и сахаромъ, подали шампанское, грянула музыка и гремѣла до бѣла дня. Школа стала собираться; черезъ часъ должны были начаться лекціи. Рамазановъ приказалъ сторожамъ открыть громадныя двери большой лѣстницы и когда это было сдѣлано, послѣ страшной возни (такъ-какъ этихъ дверей съ незапамятныхъ временъ не отворяли)—предложилъ музыкантамъ промаршировать по широкимъ ступенямъ на улицу, трубя въ трубы и звеня мѣдными тарелками. Они не только промаршировали по лѣстницѣ (хоть и покачивались), но и дудѣли, и трубили, маршируя по улицѣ, сопровождаемые толпою зѣвакъ, пока не скрылись изъ глазъ...

Такъ безпутно бросались деньги. Ни о какомъ откладываніи не было и помину. Тогда какъ товарищъ Рамазанова то и дѣло носилъ куда-то мѣшочекъ за мѣшочкомъ, пачку за пачкой... Разъ даже автору этихъ строкъ случилось встрѣтить Михайла Ивановича на пути къ «кубышкѣ». Михайло Ивановичъ смотрѣлъ очень весело. «Несу, батюшка, семь тысячекъ сложить: сейчасъ получилъ за работу въ храмѣ! Не хорошо такія деньги дома держать».—А что, не знаете вы: Рамазановъ кладетъ или нѣтъ въ кубышку?—«Кладетъ! Извѣстно, какъ кладетъ!—отвѣчалъ спрошенный:—о кутежѣ по поводу построенія храма весталокъ на дворѣ училища знаете: вотъ какъ кладетъ!»

Тутъ мы разстались. Однажды Рамазановъ, по чьему-то совѣту, повезъ довольно большую сумму въ Петербургъ, для помѣщенія въ одномъ изъ тамошнихъ банковъ, подальше отъ глазъ и соблазна: все такъ скоро не возьмешь и не прокутишь, какъ еслибъ это лежало подъ рукою, въ Москвѣ!

Не доѣзжая до Петербурга станціи двѣ (кажется, на Черной рѣчкѣ) Николай Александровичъ встрѣтилъ стараго петербургскаго пріятеля, Нестора Васильевича Кукольника, съ которымъ когда-то, подъ сѣрымъ небомъ сѣверной Пальмиры, недурно «прохаживался по хересамъ», въ сообществѣ Брюлова и Глинки. Почему-то эти лица предпочитали всѣмъ другимъ винамъ хересъ и чуть-ли не ими пу-

щено въ ходъ приведенное сейчасъ выраженіе «прохаживаться по хересамъ».

— Куда ты? спросилъ Несторъ.

— «Въ Петербургъ, по важному дѣлу: положить куда-нибудь въ надежное мѣсто деньги, а то въ Москвѣ какъ разъ ихъ прокутишь... а ты куда?»

— Я въ Москву, а оттуда на Кавказъ, лечиться, отвѣчалъ Кукольникъ:—одна нога стала о себѣ докладывать...

— «Давай, отдохнемъ тутъ немного! сказалъ Рамазановъ: выпишемъ изъ Петербурга холодненькаго, да пару-другую возлюбленныхъ хересовъ и вспомнимъ старину!»

— Ты-то въ самомъ дѣлѣ нуждаешься можетъ-быть въ отдыхѣ: промахалъ изрядный конецъ! А я не особенно усталъ... впрочемъ, давай посидимъ, потолкуемъ! Давно не видались; набралось того, другого, третьяго...

Сѣли толковать, спросивъ что̀ нашлось на станціи изъ прохладительныхъ напитковъ. Между тѣмъ, въ Петербургъ пошла депеша, къ купцу Елисееву, о немедленной отправкѣ на Черную рѣчку двухъ дюжинъ добраго хереса и... кое-какихъ другихъ винъ, по его соображенію. Затѣмъ послѣдовала еще депеша къ какимъ-то пріятелямъ, чтобы сдѣлали одолженіе, пріѣхали. На что другое трудно иной разъ поднять въ Россіи пріятеля, а съ такими хорошими дѣлями пріятели не заставляютъ себя долго ждать. Пріѣхало три-четыре человѣчка. Отправлена новая депеша къ Елисееву, а тамъ еще и еще... Елисеевъ, не будь дуренъ, догадался самъ по себѣ послать своимъ старымъ знакомымъ нѣсколько талій картъ. Увидавъ карты, оба друга, отдыхавшіе на Черной рѣчкѣ, воскликнули: «браво! карты! Что-жъ, отчего и банчишку не соорудить!»

Такъ текли дни за днями. Пробки летѣли въ потолокъ; зеленый столъ трещалъ и ходилъ ходенемъ... Черезъ недѣлю или немного болѣе Михайло Ивановичъ Скотти получилъ отъ своего товарища по службѣ такую телеграмму: «ради Бога, пришли сто рублей: не съ чѣмъ вернуться домой. Въ Петербургъ не ѣду!» [1]).

Такъ въ кубышку ничего и не положилось. Второй поѣздки въ Петербургъ, съ тѣми же цѣлями, Рамазановъ, насколько намъ извѣстно, не предпринималъ.

Разсказавъ о концѣ одного художника, прикосновеннаго къ Московскому училищу живописи и ваянія, считаемъ не лишнимъ разсказать тоже и о другомъ.

---

[1]) Самъ разсказывалъ автору. Н. Б.

Рамазановъ кончилъ гораздо печальнѣе. Мы уже говорили, что во хмѣлю онъ былъ очень безпокоенъ, даже прямо невыносимъ, ко всѣмъ придирался, лѣзъ на непріятности. Еще въ Римѣ, молодымъ художникомъ, онъ имѣлъ, по какому-то поводу, горячую схватку съ секретаремъ тамошняго нашего посольства и, какъ выражаются оффиціально, оскорбилъ его дѣйствіемъ публично. При другихъ условіяхъ дѣло кончилось-бы дуэлью—и баста! Но русскіе художники въ Римѣ пользовались тогда такою репутаціею, что стрѣляться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ никто-бы изъ посольства не сталъ. Секретарь просто-за-просто пожаловался послу; посолъ написалъ въ Петербургъ: Рамазанова вызвали. При тогдашнихъ порядкахъ его ждала солдатская карьера на Кавказѣ, или крѣпость. На дорогѣ какой-то пріятель-дипломатъ присовѣтовалъ ему занемочь, выхлопотать медицинское свидѣтельство и отправить въ Петербургъ къ кому слѣдуетъ. Рамазановъ занемогъ.... а тамъ нашлись добрые люди, которые замолвили о немъ словцо въ высшихъ сферахъ Петербурга, представивъ, какъ умѣли лучше и ярче, погибающій ни за что, ни про что талантъ. Цѣлитель всякихъ недуговъ и скандаловъ, время, скоро опустило завѣсу на все это происшествіе. Къ тому же близилась венгерская кампанія. Шли серьозныя приготовленія. Было не до того, чтобы заниматься домашними дрязгами и маленькими битвами художниковъ и дипломатовъ. Рамазановъ прибылъ въ Петербургъ—и вышелъ, какъ говорится, изъ воды сухъ...

Но эта исторія повліяла на него дурно. Ему былъ съ этихъ поръ чертъ не братъ. «Били-де мы секретарей посольства и это сходило съ рукъ благополучно: отчего не побить, въ случаѣ надобности, и другого-кого?!...»

Когда Рамазановъ былъ назначенъ профессоромъ скульптуры въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія и сдѣлался гражданиномъ Бѣлокаменной (въ октябрѣ 1848 г.),—стали у него случаться поминутныя схватки то съ тѣмъ, то съ другимъ лицомъ, иногда очень извѣстнымъ въ городѣ. Тучи, однако, расходились сами собою, или были разгоняемы пріятелями художника, которыхъ приносило во время на мѣсто дѣйствія.

Однажды авторъ былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Погодинъ устроилъ у себя въ саду (кажется весною 1854 г.) прощальный обѣдъ Щепкину, уѣзжавшему въ Парижъ, какъ говорили, по приглашенію знаменитой Рашели, съ которою онъ сошелся въ бытность ее въ Москвѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (1852—1853 гг.), гдѣ она дала около тридцати представленій въ Большомъ театрѣ. Народу на обѣдѣ собралось много. Были даже и такіе, кто Погодина не

жаловалъ. Изъ выдающихся славянофиловъ явились: Кирѣевскіе, Хомяковъ, Кошелевъ, Аксаковы... Съ другой, супротивной стороны, ярче всѣхъ выступалъ Грановскій. Такъ-называемая молодая редакція Москвитянина—кружокъ, къ которому принадлежали: Островскій, Григорьевъ, Мей, Эдельсонъ, Рамазановъ, Садовскій, Филиповъ... былъ весь.

Рамазановъ имѣлъ въ это время зубъ противъ членовъ коммисіи, которая занималась дѣлами училища живописи и ваянія и куда принадлежали: Хомяковъ, Кошелевъ, Павловъ... и другіе московскіе граждане, обладавшіе болѣе или менѣе хорошими средствами. Какъ и когда образовалась эта коммисія—автору неизвѣстно, но безъ нея ничего серьознаго въ училищѣ не предпринималось. Она присутствовала на годичныхъ испытаніяхъ училища; отъ нея зависѣло присужденіе тѣхъ или другихъ наградъ отличившимся воспитанникамъ, по представленію ихъ профессоровъ. Иногда коммисія вовсе отказывала въ наградахъ. Рамазановъ постоянно выражалъ неудовольствіе на рѣшенія этого ареопага. По его мнѣнію, лица, составлявшія коммисію, были ничего не смыслившіе въ искусствѣ не вѣжды, неучи, зазнавшіеся богатые баре—и болѣе ничего.

Не задолго передъ упомянутымъ обѣдомъ, коммисія забраковала работы художниковъ, представленные Рамазановымъ къ довольно-крупнымъ наградамъ. Въ особенности онъ хлопоталъ о молодомъ скульторѣ Ивановѣ, выставившемъ статую: «мальчикъ обливается водой изъ шайки». Рамазановъ находилъ, что ему слѣдуетъ выдать по крайней мѣрѣ 300 рублей. Коммисія полагала, что и ста рублей было-бы много. Громче всѣхъ ораторствовалъ Хомяковъ, считавшійся наиболѣе компетентнымъ судьею въ художествахъ, такъ-какъ онъ часто бывалъ за границей, видѣлъ всѣ знаменитыя галлереи Рима, Флоренціи, Тосканы, Парижа, Лондона, Дрездена, Вѣны, Мюнхена и многихъ другихъ городовъ; кромѣ того былъ поэтъ, весьма чтимый славянофилами.

И вдругъ этого-то оратора, управлявшаго рѣшеніями коммисіи, Рамазановъ увидѣлъ въ саду Погодина, уже подъ конецъ обѣда, когда рѣчи и тосты кончились, шампанское все было выпито; обѣдавшіе образовали группы въ главной аллеѣ; каждая бесѣдовала о чемъ случится; въ одной группѣ слушали потѣшныя разсказы Садовскаго о Наполеонѣ, о татаринѣ, о пьяницѣ, ловившемъ муху,—съ тѣми добавленіями, которыя въ комнатахъ разсказывались не часто...

Кружокъ, собравшійся около Хомякова, вспоминалъ о Гоголѣ, который неизбѣжно праздновалъ свои именины въ тѣхъ-же самыхъ

аллеяхъ, когда бывалъ въ Москвѣ. Толковали объ артистахъ, игравшихъ главныя роли въ его комедіяхъ — между прочимъ и о виновникѣ прекраснаго, оживленнаго обѣда, ѣдущаго въ гости къ великой Рашели—зацѣпляли тутъ же и Рашель, ея московскіе спектакли...

Нужно было, чтобъ вдругъ налетѣла дикая туча и смутила безмятежное настроеніе бесѣдующихъ: подошелъ Рамазановъ, едва державшійся на ногахъ, и, стоя за спиной Хомякова, сталъ крутить обѣими руками плащъ и отпускать такія фразы: «туда же судья! Рѣшаетъ художественные вопросы, ничего не смысля!... Козлиную бороду отростилъ и думаетъ о себѣ Богъ знаетъ что! Вотъ я тебѣ выдергаю эту бороду и тогда узнаешь, какъ рѣшать художественные вопросы!» [1].....

Хомяковъ показывалъ видъ, что ничего не слышитъ и продолжалъ разговаривать съ близь-стоящими. Но дальніе, въ избѣжаніе пущаго скандала, поспѣшили устранить Рамазанова: увели его подъ руки и уговорили уѣхать...

Рамазановъ на этомъ однакожъ не остановился. Былъ у него постоянно въ умѣ другой членъ коммисіи, нерѣдко рѣшавшій вопросы о наградахъ весьма ему не по вкусу,—человѣкъ несравненно менѣе Хомякова компетентный въ искусствахъ, попавшій въ коммисію единственно потому, что былъ очень богатъ и тароватъ. Если Рамазановъ не признавалъ уже суда Хомякова достаточно вѣрнымъ и справедливымъ, и ему хотѣлъ выдергать бороду, легко понять, какъ онъ относился къ рѣшеніямъ человѣка весьма обыкновеннаго, въ самомъ дѣлѣ немного смыслившаго въ искусствахъ. Онъ только и думалъ, какъ-бы ему насолить, да покрѣпче, но трудно было его достать: онъ былъ домосѣдъ, почти нигдѣ не показывался, кромѣ театра, гдѣ протежировалъ одну миловидную и талантливую артистку. Не ловить-же его было по театрамъ, тѣмъ болѣе, что онъ бывалъ тамъ далеко не всегда, когда играла его protegée, а только въ тѣхъ піесахъ, которыя ему особенно нравились. Какъ ни бился Рамазановъ,— естественная встрѣча съ этимъ ненавистнымъ для него господиномъ не устраивалась. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, онъ рѣшился, послѣ одной солидной закуски у кого-то изъ друзей, на масляной, отправиться прямо въ домъ ненавистнаго лица — и высказать ему въ горячемъ монологѣ все, что чувствовалъ, что носилъ въ груди Богъ знаетъ сколько времени, что наросло, накопилось, наболѣло...

Выраженія неудовольствія со стороны артиста, принятаго въ пышномъ кабинетѣ финансоваго магната, были такъ сильны и безцере-

---

[1]) Записано слово въ слово. Были фразы еще рѣзче... Н. Б.

монны, что озадаченный ими магнатъ не нашелъ возможности отвѣчать своему непрошенному гостю на словахъ, да и говорить онъ былъ не особенный мастеръ, а кликнулъ просто-за-просто кучеровъ и лакеевъ и приказалъ имъ дать своему учителю такую-же безцеремонную трепку, какъ были безцеремонны его уроки и наставленія. Слуги поусердствовали для барина, которому были, естественно, преданы, потому что онъ ихъ хорошо поилъ и кормилъ, потому что былъ въ Москвѣ извѣстный по своимъ капиталамъ тузъ, а тотъ, кого приказано было бить... да они просто-за-просто не знали, кого били...

Вечеромъ того дня, какъ это случилось, былъ найденъ, въ одномъ переулкѣ, трупъ Рамазанова и отвезенъ въ ближайшую часть. Такъ по крайней мѣрѣ думали сначала, что это—трупъ. Но сильно живуча была натура этого человѣка: свидѣтельствовавшій его докторъ сказалъ, что жизнь еще держится, что нужно принять мѣры къ оживленію мнимоумершаго. Приняли мѣры—и Рамазановъ сталъ двигаться; объявилъ, кто онъ и былъ перевезенъ на квартиру, гдѣ началось серьезное леченіе. Послѣ страшной возни лучшимъ московскимъ докторамъ удалось кое-какъ поставить на ноги то, что̀ недавно называли Николаемъ Александровичемъ Рамазановымъ, но что̀ было теперь уже ни на что не похоже: присѣвшій къ землѣ, сгорбленный человѣчекъ, которому всѣ его старыя платья стали широки и длинны. Это былъ какъ-бы братецъ, или родственникъ извѣстнаго богатыря Рамазанова, братецъ неудавшійся, съ поломанными ребрами, помятой грудью, поминутно кашлявшій, говорившій шопотомъ. Такъ было, можетъ, съ годъ или немного болѣе. Потомъ Рамазановъ нѣсколько поправился, сталъ ходить и ѣздить; былъ на открытіи памятника императору Николаю Павловичу. Около 1863 года онъ снова прихворнулъ и умеръ. Конечно, его могила принадлежитъ къ безвременнымъ русскимъ могиламъ...

Спросятъ, можетъ быть: что̀ же сдѣлалъ Рамазановъ, имя котораго повторялось одно время между выдающимися русскими скульпторами, который подавалъ, какъ говорится, большія надежды? Увы! онъ ничего не сдѣлалъ, что̀ бы напоминало объ его существованіи будущимъ поколѣніямъ. Онъ все начиналъ и никогда не кончалъ. Мы говоримъ о работахъ свободныхъ, не по принужденію, не по заказу. Что̀-то начатое въ Римѣ было прервано исторіей, о которой мы разсказали выше. Въ Россіи жизнь художника пошла не такъ, чтобы можно было начать и кончить какую-нибудь серьезную работу. Что̀ касается казенныхъ задачъ, за извѣстное вознагражденіе: онѣ рѣшены весьма посредственно, дѣлались безъ малѣйшаго увлеченія, чтобы только сдѣлать—и получить деньги. Лучшія изъ этихъ

работъ все-таки въ Москвѣ, на храмѣ Спасителя. Барельефы на памятникѣ императора Николая ниже всякой критики.

Разсказывать о другихъ лицахъ, составлявшихъ начальство и руководителей училища, не стоитъ. Они ровно ничего по себѣ не оставили и были замѣчательны только тѣмъ, что всетаки вращались въ мірѣ художествъ, были извѣстны немного высшимъ представителямъ тогдашняго русскаго искусства. Брюловъ нарисовалъ одному изъ нихъ портретъ его жены карандашемъ, вѣроятно для оригинальности, но такъ, какъ могъ нарисовать только одинъ Брюловъ. Этотъ карандашный рисунокъ стоитъ многихъ масляныхъ картинъ, сложенныхъ вмѣстѣ. Придя къ другому, въ хорошемъ настроеніи духа, Брюловъ крикнулъ: «Ванька! Давай краски, кусокъ полотна, да скажи твоей женѣ, чтобы сѣла вотъ тутъ!» Понятно: забѣгали, принесли полотно, кисти, краски, масло, палитру. Жена хозяина заняла указанное мѣсто, будучи въ тяжеломъ, некрасивомъ платкѣ, какъ ходила дома. Не посмѣли сдѣлать никакихъ измѣненій въ костюмѣ, боясь, что это захватитъ много времени, а вдохновенье великаго человѣка пройдетъ; извѣстный своею блажью, баловень публики, считавшій себя тогда первымъ портретистомъ въ мірѣ, бравшій за поясные портреты, и то не очень охотно, по десяти тысячъ рублей,— броситъ кисти и потомъ едва ли соберется съ духомъ — заглянуть въ келью маленькаго, безвѣстнаго мазилки... А потому всѣ совались какъ угорѣлые; все было устроено по желанію Карла Павловича въ одну минуту. Онъ сѣлъ за работу и сказалъ «Ванькѣ»: возьми кисть и мажь вотъ здѣсь платокъ!—Ванька принялся мазать.

Воцарилась мертвая тишина. Творилось чудо. Никто изъ присутствующихъ при священнодѣйствіи (человѣкъ трехъ-четырехъ такихъ же учителей рисованія, какимъ былъ хозяинъ) не смѣлъ проронить ни одного слова, не смѣлъ дохнуть. Глаза были устремлены на волшебную кисть чудотворца. Никакого предварительнаго очерка углемъ или мѣломъ (какъ это обыкновенно бываетъ у всѣхъ портретистовъ) не дѣлалось. Увидали посреди̇нѣ полотна прежде всего красную точку и никакъ не могли понять, что̀ это такое, а это были—губы! Великій художникъ хотѣлъ показать окружающимъ его «Ванькамъ» живописи, что дѣйствительный талантъ можетъ всячески начинать работу, съ тѣмъ, чтобы кончить ее все-таки артистически! Вѣроятно, это былъ единственный портретъ серьознаго живописца, нарисованный безъ абриса и начатый съ губъ.

Въ часъ, много въ два, все было кончено. Брюловъ написалъ собственно только лицо. «Ванька» въ то же время намазалъ остальное. Въ заключеніе художникъ прошелся волшебною кистью по всему

портрету и сообщилъ ему тѣ условія гармоніи и поэзіи, которыя были необходимы для того, чтобы полотно носило имя «Брюловскаго произведенія» [1]).

Черезъ нѣсколько времени владѣлецъ портрета умеръ. Вдова принуждена была, вслѣдствіе стѣсненнаго положенія, разстаться съ сокровищемъ — съ самымъ цѣннымъ предметомъ ихъ дома. Нынѣ этотъ портретъ украшаетъ одну изъ частныхъ галлерей, довольно извѣстную...

И вотъ въ этомъ-то училищѣ воспитывался, въ концѣ 1840-хъ годовъ, талантливый нашъ разскащикъ, Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Кромѣ живописи, ваянія, архитектуры, да еще, кажется, чистописанія, тамъ ничему не учили. Русскую грамоту, въ размѣрахъ весьма ограниченныхъ, знали тамъ далеко не всѣ. Не помню, въ какомъ году именно (а такъ, около 1848—49) коммисія, о которой мы говорили выше, рѣшилась пригласить нѣсколькихъ преподавателей наиболѣе необходимыхъ для воспитанниковъ училища предметовъ, какъ-то: русскаго языка, исторіи, географіи и закона Божія. Для русскаго языка приглашенъ былъ я. Мнѣ предложено было преподавать его въ какихъ угодно формахъ, всѣмъ ученикамъ училища вдругъ, т. е. всѣмъ тремъ классамъ, соединеннымъ въ одной большой залѣ. Это была задача въ сущности неисполнимая: читать одинъ и тотъ-же курсъ для массы въ 200 человѣкъ, гдѣ грамотные были перемѣшаны съ совершенно безграмотными, маленькіе съ большими, рисовавшіе глаза съ такими, которые писали масляныя картины серьознаго содержанія и ваяли статуи, надѣясь въ скоромъ времени попасть въ академію. Изъ этихъ послѣднихъ иные уже читали нашихъ лучшихъ поэтовъ, знали о Байронѣ, Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Микель-Анджело...

Я разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ: предложилъ вовсе незнающимъ грамотѣ—поучиться дома, но все-таки ходить на мои лекціи, и сталъ читать для всѣхъ краткую русскую грамматику, дѣлая время отъ времени диктанты и тутъ же исправляя ихъ во всеуслышаніе, въ классѣ. Иногда одинъ писалъ у доски, вся масса смотрѣла и высказывала свои замѣчанія. Переводы можно было дѣлать... только съ церковнославянскаго, изъ Евангелія.

Для исторіи и географіи былъ приглашенъ профессоръ Бабстъ. Для закона Божія—какое-то духовное лицо. Предполагалось читать еще лекціи объ итальянскомъ искусствѣ, по Вазари, но это не осу-

---

[1]) Отъ лицъ, которыя присутствовали при работѣ. Н. Б.

ществилось, да и остальныя каѳедры существовали недолго. Коммисія, сочинившая эти каѳедры, позабыла испросить разрѣшенія у высшаго начальства училища: министра двора, князя Волконскаго: онъ обидѣлся и велѣлъ всѣхъ насъ разогнать...

Какіе бывали временами воспитанники въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія—покажетъ слѣдующій случай: въ числѣ моихъ слушателей находился одинъ милый и тихій мальчикъ, который, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, долженъ былъ внезапно оставить училище. Жить ему было нечѣмъ. Дорисовался онъ только до головъ и фигуръ чернымъ карандашемъ, исполнялъ ихъ превосходно, но это была плохая поддержка въ жизни. И вотъ онъ пришелъ ко мнѣ «просить лакейскаго мѣста у хорошаго барина». Мнѣ стало чрезвычайно жаль его. Умъ и понятливость смотрѣли изъ его ясныхъ голубыхъ глазъ; трудно сказать, что̀ было-бы съ нимъ, еслибъ онъ надлежащимъ образомъ своевременно развился, сколькихъ баръ опередилъ-бы онъ, можетъ быть, во всемъ... а онъ искалъ лакейской карьеры! Дальше ничего не умѣлъ выдумать, можетъ, просто-запросто, по своей крайней робости и стыдливости.

Я сказалъ ему, что онъ не имѣетъ никакого понятія о лакейской должности, даже у самаго лучшаго барина. Надо хлопотать о чемъ-нибудь другомъ. «Можете вы еще что-нибудь дѣлать, кромѣ рисованія головъ? Напр., красиво писать, переписывать?»

— Я пишу не дурно. (Онъ показалъ мнѣ при этомъ образцы: написано было артистически-изящно). Кромѣ того, я хорошо кладу на счетахъ.

Мнѣ удалось пристроить этого чудеснаго малаго въ такъ-называемое Малолѣтное отдѣленіе воспитательнаго дома, на Гороховомъ полѣ, писаремъ. Потомъ онъ попалъ въ счетчики, а черезъ годъ сдѣланъ помощникомъ бухгалтера...

И. Ѳ. Горбуновъ не открываетъ подробностей своего перехода изъ училища на сцену. Это совершилось слѣдующимъ образомъ: будучи мальчикомъ смѣтливымъ, тонкимъ, онъ скоро понялъ, что рисованіемъ глазовъ и носовъ не дойдешь ни до чего существеннаго. Если даже переступить и высшіе пороги училища,—что̀ тамъ усматривается въ большинствѣ случаевъ? Голодуха! Портретисты, батальные живописцы, ландшафтныхъ дѣлъ мастера, иконописцы—постоянно безъ заказовъ, или съ заказами очень рѣдкими; сегодня густо, завтра пусто. Судьба высоко-даровитаго художника Ѳедотова, появлявшагося въ Москвѣ именно объ эту пору, о которой мы разсказываемъ,—со своими картинами и бойкими стихами,—въ особенности

была поучительна для наблюдавшей его молодежи. Восхищаются, носятъ на рукахъ, приглашаютъ изъ дома въ домъ—и только!.... Мальчикъ, шедшій этимъ самымъ путемъ, въ комъ было хотя какое-либо соображеніе, спрашивалъ невольно: гдѣ-же эти талантливые рисовальщики, ваятели, получившіе медали и поступившіе въ академію? Ихъ было такъ много! Объ нихъ говорили..... Отчего-жъ теперь не говорятъ? Отчего ихъ нигдѣ не видно? Точно, иной, какъ слышно, пробрался въ профессоры... но только одинъ; куда-же подѣлись десятки другихъ, шедшихъ не хуже этого одного? Гдѣ ихъ картины и статуи?...

И. Ѳ. Горбуновъ на лавкахъ училища, по счастію, отыскалъ въ себѣ другія способности, другое рисованіе: онъ дальше многихъ своихъ товарищей, если не сказать, формально всѣхъ, проникъ въ тайны русской литературы, чувствовалъ благоуханіе поэзіи, отдѣлялъ меткое отъ неметкаго, художественное отъ нехудожественнаго, вѣрное отъ невѣрнаго. На ловца, какъ говорится, звѣрь бѣжитъ: когда другіе товарищи Ивана Ѳедоровича, писавшіе недурно портреты съ купцовъ и получавшіе за это малую толику на поддержку своего тяжкаго существованія, не знали и не вѣдали, что есть на свѣтѣ какая-то новая піеса Банкрутъ, написанная какимъ-то новымъ «живописцемъ» Островскимъ,—Ивана Ѳедоровича нанесло на эту піесу особымъ вѣтромъ, который не для всѣхъ дуетъ. Онъ дошелъ до того, что взялъ въ руки не всѣмъ доступную тетрадь и сталъ читать монологъ Липочки («какое пріятное занятіе эти танцы!»), сталъ читать—и замеръ на первыхъ строчкахъ... почувствовалось нѣчто необыденное, захотѣлось списать...

Въ представленіе комедіи «Бѣдность не порокъ» Иванъ Ѳедоровичъ сидитъ и трепещетъ въ райкѣ Большаго Московскаго театра. Все это было, разумѣется, дѣломъ весьма не простымъ, было—талантомъ, которому оставаться въ училищѣ была не рука. Григорьевъ, на вечерѣ у Островскаго, гдѣ Горбуновъ разсказалъ собравшимся литераторамъ нѣсколько сценъ изъ русской жизни, воскликнулъ, ударяя разскащика по плечу: «да вы нашъ!» И въ самомъ дѣлѣ, Горбуновъ былъ нашъ, а не ихъ. Послѣ, уже безъ всякихъ вечеровъ и собраній по тому или другому поводу, ему было предложено, по дружески, въ простотѣ души, бросить рисованіе глазовъ и носовъ и поступить на сцену. Задумываться долго было нечего... Бойкій составитель народныхъ разсказовъ изъ него образовался позже. Такъ сдѣлалось дѣло. Главную роль игралъ тутъ А. Н. Островскій. Оттого И. Ѳ. Горбуновъ и пристроился къ нему такъ прочно и задушевно. Если они въ одномъ городѣ—ихъ рѣдко можно видѣть врозь...

Здѣсь можетъ быть у мѣста будетъ разсказать, въ короткихъ словахъ, объ артисткѣ, которая исполнила превосходно многія роли въ комедіяхъ Островскаго, Любови Павловнѣ Косицкой [1]).

О происхожденіи ея мы никогда ничего не знали. Лѣтъ пятнадцати—шестнадцати она очутилась какимъ-то образомъ въ провинціальной труппѣ, развлекавшей немудрыми спектаклями центръ Россіи, около 1845 года: Ярославь, Владиміръ, Харьковъ, Кіевъ, Кременчугъ... Тутъ увидѣли ее однажды, въ мужскихъ и женскихъ роляхъ, Щепкинъ и Бантышевъ. Послѣдній, какъ оперный пѣвецъ, въ особенности плѣнился ея голосомъ, свѣжимъ, сильнымъ, нетронутымъ—и предложилъ ей протекцію, если ее когда нибудь занесетъ въ Москву. Это говорилось больше для того, чтобы сказать что-либо пріятное миловидной дѣвочкѣ живаго характера. Въ сущности, Бантышевъ никакъ не воображалъ, что будетъ на самомъ дѣлѣ ея протекторомъ: до Москвы такъ далеко, такъ высоко, и... такъ дорого!...

Но есть характеры, для которыхъ ничто недалеко. Повѣрила, или не повѣрила она словамъ Бантышева, только вдругъ оставила провинціальный театръ, гдѣ играла нѣсколько лѣтъ сряду, и отправилась, съ самыми малыми деньжонками, въ Москву, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на весьма немудрой подводѣ. Прибывъ на мѣсто, безъ писемъ, безъ знакомыхъ, сейчасъ-же розыскала Бантышева, но нашла въ немъ совсѣмъ другого человѣка, нежели онъ былъ въ Ярославлѣ, или гдѣ тамъ... онъ даже не ясно припоминалъ ихъ встрѣчу. «А скажите пожалуйста, гдѣ тутъ живетъ директоръ театра?» спросила вдругъ Косицкая, стараясь проглотить слезы, которыя выступали у ней на глаза.—Директора у насъ нѣтъ, онъ постоянно живетъ въ Петербургѣ, а здѣсь занимаетъ его мѣсто и все значитъ начальникъ театральной конторы, Алексѣй Николаевичъ Верстовскій,—отвѣчалъ спрошенный. «А этотъ гдѣ живетъ?»—Въ театрѣ. Хотите, я васъ провожу,—и Бантышевъ проводилъ ее до самыхъ дверей Верстовскаго Любовь Павловна робко переступила порогъ. Верстовскій былъ дома и приказалъ просить артистку къ себѣ въ кабинетъ.

Произошла сцена, которую въ подробности описать трудно... Любовь Павловна изобразила Алексѣю Николаевичу все, съ полною откровенностью, время отъ времени обливаясь слезами—и въ заключеніе обрисовала ему свое безпомощное положеніе.

— Какія-же вы роли играли на провинціальныхъ театрахъ?—спросилъ Верстовскій.

---

[1]) Уцѣлѣвшія тетради Записокъ Л. П. Никулиной-Косицкой о ея жизни—до поступленія на сцену Московскаго театра—напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI, апрѣль, 65, 281 и 609. Ред.

— «Какія случится, какія давали. У насъ нельзя отказываться. Я играла и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ операхъ»...

— И въ операхъ? Въ какихъ-же напримѣръ?

Она назвала нѣсколько. Въ это число входила и «Аскольдова могила» [1]).

— Можете что-нибудь пропѣть изъ Аскольдовой могилы?

«Отчего-же!» — И Косицкая отхватала ему нѣсколько наиболѣе знакомыхъ ей номеровъ. Это рѣшило ея участь: Верстовскій тутъ-же записалъ ее въ число воспитанницъ Московскаго театральнаго училища. Черезъ мѣсяцъ, много два, она съиграла на сценѣ училища роль Параши-Сибирячки, въ драмѣ Полеваго этого названія, такъ удовлетворительно, что присутствовавшій при этомъ Алексѣй Николаевичъ предложилъ ей съиграть эту роль передъ публикой, на Большомъ театрѣ. Пріемъ былъ самый необыкновенный. Рукоплесканія сыпались безъ конца. Въ недѣлю вся Москва знала о новомъ счастливомъ пріобрѣтеніи сцены. Во всѣхъ домахъ разсказывали о путешествіи артистки, съ двугривеннымъ въ карманѣ, въ Москву. Много было прибавлено къ этому разныхъ разностей... Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, при появленіи геніевъ, всякій набивался прославленной артисткѣ съ услугами, съ подарками. У Любови Павловны явились сочиненія всѣхъ главныхъ европейскихъ драматурговъ въ русскомъ переводѣ, переплетенныя великолѣпно, въ сафьянъ и въ золото. Иные предлагали чему-то ее учить, какимъ-то высшимъ искусствамъ, литературѣ; читать съ нею произведенія лучшихъ нашихъ писателей. ..

. . . . . .

Около 1849 года Любовь Павловна вышла за мужъ за воспитанника князя Грузинскаго (директора казенной суконной фабрики въ 50 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Павловскѣ), Ивана Михайловича Никулина, тоже артиста Московскихъ театровъ—и стала Никулиной-Косицкой.

---

[1]) Либретто Аскольдовой могилы написано извѣстнымъ романистомъ 1830-хъ годовъ, М. Н. Загоскинымъ, тогдашнимъ директоромъ театра, а музыка издана Верстовскимъ. Славу этой оперѣ доставилъ отчасти необыкновенный голосъ Бантышева, исполнявшаго, какъ никто послѣ, главную роль Торопки-Голована. Оба автора долго совѣщались о томъ, что̀ взять за піесу съ дирекціи? Наконецъ, рѣшили взять единовременно 5,000 рублей и раздѣлить поровну. Практика показала, что выгоднѣе было бы назначить поспектакльную плату (10-ю или 15-ю долю сбора, какъ бо̀льшею частью устраивалось): піеса имѣла чрезвычайный успѣхъ и очень долго не сходила съ репертуара. Авторы увидѣли, что сильно промахнулись, но передѣлывать уже было не возможно. Н. Б.

Она всегда имѣла расположеніе къ полнотѣ, всегда смотрѣла русскою дородною красотою и ей не шли роли дамъ высшаго круга, княжонъ и герцогинь, хоть и приходилось ихъ играть частенько, но въ это время, при жизни спокойной, съ достаткомъ, при хорошей ѣдѣ разъ десять въ день,—она раздобрѣла неимовѣрно. Кромѣ ролей изъ нѣкоторыхъ піесъ Островскаго, ей не совѣтовали играть никакихъ другихъ. За то для піесъ Островскаго она была чистое золото. Болѣе русскаго типа, со всѣми условіями нѣжной русской души, нельзя было найти нигдѣ. Въ особенности она была хороша въ драмѣ Гроза, въ роли Катерины. И самая эта роль создавалась... какъ-бы для ней.

Надо знать, что домъ Никулиныхъ очень скоро открылся для молодой редакціи Москвитянина. Однажды на Масляной кружокъ этотъ провелъ тамъ формально цѣлый день. Танцовали, пѣли, водили хороводы... Любовь Павловна была постоянно на ногахъ, а на другой день разрѣшилась самымъ благополучнымъ образомъ отъ бремени дочерью Вѣрой!...

Когда умеръ Гоголь и городъ хоронилъ его торжественно,—Островскій, пройдя нѣкоторое время за гробомъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ другими ближайшими къ покойному лицами, сѣлъ потомъ въ сани Никулиной и ѣхалъ медленно, въ числѣ многихъ провожатыхъ до самаго кладбища, разговаривая съ своей спутницей о чемъ случится. Въ виду Данилова монастыря, его церквей и колоколень, Любовь Павловна размечталась и стала припоминать разные случаи своего дѣтства, какъ отрадно звонили для нея колокола ея родного города... Спутникъ все это слушалъ, слушалъ вѣщимъ, поэтическимъ ухомъ—и послѣ вложилъ въ одинъ изъ самыхъ удачныхъ монологовъ Катерины..., въ «Грозѣ».

Конецъ этой поэтической женщины, служившей долгое время украшеніемъ Московской сцены, былъ печаленъ,—такъ печаленъ, что не хочется и разсказывать.

Н. В. Бергъ.

23-го февраля 1884 г.
Варшава.

БАРОНЪ АНДРЕЙ ЕВГЕНІЕВИЧЪ РОЗЕНЪ.

Род. 3 ноября 1799 г. † 19-го апрѣля 1884 г.

19-го апрѣля 1884 г. угасла жизнь этого восьмидесяти четырехъ лѣтняго старца, поражавшаго почти до послѣднихъ дней его жизни бодростью, свѣжестью ума, энергіею и своимъ—если можно такъ выразиться—прекраснодушіемъ.

Этотъ старецъ замѣчателенъ какъ по цѣлому ряду тяжкихъ испытаній, выпавшихъ на его долю, такъ по своей любви и преданности общественному благу, которому онъ служилъ до заката дней то на поприщѣ общественной дѣятельности, то перомъ, какъ писатель.

Во второмъ томѣ обширнаго альбома редакціи «Русской Старины»: «Знакомые», въ собраніи многихъ сотень автобіографическихъ замѣтокъ различныхъ общественныхъ дѣятелей, на стр. 23, баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ внесъ слѣдующія строки:

Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага.

Изъ «Войнаровскаго».

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ.

«Мая 15-го дня 1880 г.» «Родился 3-го ноября 1799 г.».

Въ I-мъ томѣ того же нашего альбома, на стр. 66, читаемъ его другую запись: «Умираетъ человѣкъ, живетъ имя его. Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, родился 3 ноября 1799 года».

И дѣйствительно, куда ни бросала судьба этого человѣка, въ дальные ли снѣга Сибири, на Кавказъ ли, заточала ли на многолѣтнее, почти уединенное, пребываніе въ деревнѣ, — всюду баронъ Андрей Евгеніевичъ хранилъ бодрость, вѣру въ свои духовныя силы, всюду онъ строго слѣдовалъ установленному имъ для себя режиму высоко-нравственной, трудовой жизни, всюду удовлетворялъ жажду своихъ знаній чтеніемъ, наукой, литературой.... Когда же Державный Вождь Императоръ Александръ II воззвалъ Россію къ новой жизни, баронъ А. Е. Розенъ, бывшій декабристъ, бывшій поселенецъ Сибири, затѣмъ кавказскій воинъ, со всѣмъ пыломъ человѣка, ясно сознающаго величіе подвига, совершаемаго Царемъ-Освободителемъ, поспѣшилъ принесть на службу Ему и Россіи всѣ свои силы въ званіи мироваго посредника.

Старецъ былъ счастливъ: ему и немногимъ изъ его товарищей 1825 года довелось увидѣть осуществленіе завѣтнѣйшихъ своихъ мечтаній—увидѣть Россію освобожденною отъ позора крѣпостного ига.

Прошли года реформъ, 1860-ые незабвенные года! Баронъ Розенъ, прослуживъ два трехлѣтія мировымъ посредникомъ, удалился въ деревенскій уголокъ, въ сельцо Викнино, близь города Изюма, и посвятилъ себя благу мѣстнаго сельскаго населенія: основалъ школу, крестьянскій банкъ и проч.; отдался историко-литературнымъ трудамъ. Онъ писалъ записки, собиралъ все, что касалось исторіи его эпохи вообще и въ особенности жизни и судьбы его сотоварищей, осужденныхъ за участіе въ событіяхъ 1825 года («Записки декабриста», изд. 1870 г., выдержавшее нѣсколько изданій на русскомъ, нѣмецкомъ и друг. языкахъ), писалъ, переводилъ и печаталъ различныя статьи въ періодическихъ журналахъ—а когда явился нашъ историческій журналъ «Русская Старина», баронъ А. Е. Розенъ сдѣлался съ 1870-го года его усерднымъ сотрудникомъ и нашимъ другомъ, и таковымъ остался до конца своей жизни; послѣднія строки отъ него мы получили въ концѣ марта 1884 г.

Съ чувствомъ безпредѣльнаго уваженія сохранимъ мы навсегда воспоминаніе объ этомъ старцѣ.

Газеты уже напомнили обществу главнѣйшія черты біографіи барона А. Е. Розена. Не станемъ повторять ихъ, такъ какъ мы еще не одинъ разъ къ ней вернемся на страницахъ «Русской Старины», но считаемъ долгомъ теперь-же намѣтить нравственный обликъ этого человѣка.

Это былъ плоть отъ плоти, кость отъ кости наилучшаго, вполнѣ интеллигентнаго общества эпохи Александра I, — превосходный живой памятникъ передовыхъ русскихъ людей того времени.

Образованный, вѣчно идущій впередъ по пути духовнаго развитія, необыкновенно гуманный, мягкій въ обращеніи, этотъ высокій, красивый, стройный, всегда, какъ только мы его знали, бодрый старикъ вызывалъ съ первой минуты знакомства съ нимъ чрезвычайную къ себѣ симпатію; это чувство оставалось къ нему неизмѣннымъ во всѣ послѣдующіе годы знакомства съ нимъ,—оно, вмѣстѣ съ чувствомъ полнаго уваженія къ его высоко-нравственной личности, умретъ лишь съ тѣми, кто только имѣлъ счастіе лично знать этого достойнѣйшаго человѣка.

Въ нашемъ распоряженіи много его писемъ къ намъ, есть и историческіе документы, имъ сообщенные; всѣ они своевременно и постепенно явятся въ нашемъ журналѣ.

Приглашаемъ дѣтей покойнаго подѣлиться съ читателями «Русской Старины» всѣми матеріалами къ жизнеописанію барона Андрея Евгеніевича Розена и доставить тѣ рукописи, которыя онъ не успѣлъ, за смертію своею, помѣстить на страницахъ нашего изданія.

Ред.

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ГОЛЕНКО

Род. въ 1823 г. † 27 апрѣля 1884 г.

Великая эпопея обороны Севастополя изъ году въ годъ все болѣе и болѣе вымираетъ въ славнѣйшихъ ея представителяхъ, въ ея герояхъ: вечеромъ 27-го апрѣля 1884 г. внезапно скончался бывшій командиръ третьяго бастіона третьяго отдѣленія оборонительной линіи Севастополя—Константинъ Петровичъ Голенко.

Многочисленнымъ посѣтителямъ города Павловска хорошо, конечно, извѣстна весьма типическая выразительная наружность бывшаго управляющаго этого города, нынѣ столь внезапно опочившаго сномъ смерти. Но, конечно, не всѣ знали, что этотъ агрономъ, съ такою любовію и заботливостью управлявшій хозяйствомъ Павловска и прочими имѣніями Его И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, былъ одинъ изъ тѣхъ гражданъ, заслуги котораго на различныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности заслуживаютъ самаго сердечнаго о нихъ воспоминанія.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ скорби объ этой безвременной потери напомнимъ здѣсь главнѣйшія стороны дѣятельности Константина Петровича и постараемся выяснить нѣкоторыя характеристическія черты этой благородной личности.

Воспитанникъ морскаго кадетскаго корпуса, Голенко выпущенъ оттуда мичманомъ 8 января 1841 г. въ 35-й, а затѣмъ вскорѣ переведенъ въ 37-й флотскій экипажъ Черноморскаго флота. Остроумный, живой, энергическій юноша, съ характеромъ въ высшей степени вспыльчивымъ и даже нѣсколько строптивымъ, молодой человѣкъ прошелъ самую суровую школу въ семьѣ доблестныхъ моряковъ славнаго Черноморскаго флота. Въ теченіи 13-ти лѣтъ мы его видимъ постоянно на Черномъ морѣ, то въ Николаевѣ, то въ Севастополѣ, то въ теченіи многихъ мѣсяцевъ на корабляхъ, совершавшихъ рейсы къ восточному берегу Чернаго моря, перевозившихъ грузы для укрѣпленія Кавказа, либо крейсировавшихъ у того-же берега. Въ 1854 г. Голенко уже пользуется настолько довѣріемъ и уваженіемъ со стороны начальства и извѣстностью безстрашнаго моряка, что ему

ввѣряютъ транспортъ Кинбурнъ, вооруженный брандеромъ, и онъ, съ 11 мая по 12 сентября 1854 г., находится на Севастопольскомъ рейдѣ; онъ, такъ сказать, сидитъ на бочкѣ съ порохомъ, ежеминутно готовый броситься на непріятельскій флотъ, дабы нанести ему наивозможный вредъ, причемъ, разумѣется, почти неминуемо самому погибнуть. Не довелось погибнуть Голенко, но готовность его пасть во славу отечества была на виду всего гарнизона Севастополя. Въ томъ же году онъ командуетъ, съ 12 сентября по 22 октября, транспортомъ «Бугъ», также вооруженнымъ брандеромъ, съ тою же цѣлію внезапнаго нападенія на непріятельскій флотъ. Онъ оставляетъ, по волѣ начальства, свой брандеръ 22-го октября 1854 г., — но для того, чтобы принять подъ свою команду горсть героевъ на 3-мъ бастіонѣ третьяго отдѣленія оборонительной линіи, гдѣ остается по 28-е августа 1855 года, т. е. въ продолженіи десяти мѣсяцевъ,—и какихъ ужасныхъ мѣсяцевъ! Каждый день этой славной обороны многострадальнаго Севастополя составляетъ яркую страницу въ лѣтописяхъ нашего отечества; каждый изъ защитниковъ его передовой оборонительной линіи стяжалъ своимъ безстрашіемъ и полнымъ самоотверженіемъ признательность и уваженіе своихъ согражданъ. Тысячи пали славною смертію, еще бо̀льшія тысячи раненыхъ обагрили бастіоны Севастополя своею кровію. Пощаженный смертію, Голенко былъ въ числѣ послѣднихъ. Въ страшный день бомбардировки и штурма 24-го октября 1854 г. онъ контуженъ въ правую руку, но остается на своемъ посту; 28-го октября контуженъ камнемъ въ грудь—остается на своемъ посту; 9-го декабря 1854 г. пуля поражаетъ его въ правую ногу,—онъ дѣлаетъ перевязку на бастіонѣ и не оставляетъ свою команду; 31-го марта 1855 г. ядро наноситъ сильнѣйшію контузію обѣимъ его ногамъ, контузитъ его голову съ обжогомъ лѣвой стороны лица, — Голенко падаетъ безъ чувствъ и его уносятъ съ бастіона. Только къ 24-го мая докторамъ въ Симферополѣ удается если не излечить, то хотя нѣсколько поправить доблестнаго моряка — и онъ уже спѣшитъ на бастіонъ для того, чтобы въ передовомъ ряду его геройскихъ защитниковъ, 1-го іюня, получить новую контузію въ голову и въ правый глазъ. Голенко, однако, не хочетъ удалиться изъ Севастополя,—онъ подъ громомъ бомбъ и ядеръ лечится на пароходѣ «Владиміръ», и 17-го іюня мы его видимъ опять во главѣ третьяго бастіона третьяго отдѣленія оборонительной линіи, съ которою онъ вполнѣ сроднился и сердцемъ, и душою.

Безстрашіе и доблесть капитанъ-лейтенанта Голенко вызвали вниманіе къ нему непосредственныхъ и высшихъ его командировъ. 6-го декабря 1854 г. онъ получилъ «за храбрость и мужество» орденъ Владиміра 4-й ст. съ мечами; затѣмъ крестъ св. Георгія, съ ко-

торымъ не разставался потомъ во всю жизнь. 11 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ подъ бомбами и ядрами въ Севастополѣ, зачтены ему, на основаніи объявленной всему севастопольскому гарнизону Высочайшей милости, за 11 лѣтъ службы по всѣмъ правамъ и преимуществамъ оной, а именно: зачтено время съ 13-го сентября 1854 года по 28-го августа 1855 года.

Борьба кончена. Севастополь сокрушенъ. Капитанъ-лейтенантъ Голенко, не разставаясь еще съ кораблемъ, совершаетъ рейсы на торговыхъ судахъ между Крымомъ, Кавказомъ, Константинополемъ и Александріей въ званіи командира парохода «Таврида» въ 1857—1860 гг. Между тѣмъ Россія вся оживляется великимъ трудомъ, предпринятымъ Верховнымъ Вождемъ нашего отечества — мы говоримъ объ освобожденіи крестьянъ. Всегда близко принимавшій къ сердцу интересы пламенно любимой имъ отчизны, чуткій къ ея нуждамъ, вдумчивый во всѣ важнѣйшіе, до нея касающіеся, вопросы, образованный и жаждавшій труда, — Голенко является въ Псковскую губернію, въ Островской уѣздъ, гдѣ у него было маленькое имѣньице, въ 360 десятинъ земли. Здѣсь, въ Островскомъ уѣздѣ, предлагаетъ онъ землякамъ свою посильную службу въ представившемся въ высшей степени трудномъ дѣлѣ. Свершилось освобожденіе крестьянъ. Государь-Освободитель съ полнымъ довѣріемъ обратился къ подданнымъ, призывая ихъ къ труду проведенія въ жизнь великаго акта, имъ дарованнаго Россіи.

На призывъ Государя самоотверженно отзывается все мыслящее, все лучшее въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Однимъ изъ первыхъ отозвался и нашъ доблестный морякъ. 24-го декабря 1861 года онъ назначенъ мировымъ посредникомъ по Островскому уѣзду, Псковской губерніи. Первыя два и самыя трудныя трехлѣтія онъ отдается кипучей дѣятельности въ званіи мироваго посредника. Кто не пережилъ тѣ годы, тотъ не можетъ себѣ представить, какая громадная работа, сопряженная съ безчисленнымъ множествомъ непріятностей, выпадала на долю славныхъ мировыхъ посредниковъ, такъ называемаго «перваго призыва». Его служба продолжалась въ этомъ званіи два трехлѣтія; только сокращеніе числа мировыхъ участковъ въ 1866 г. заставило Голенко сложить съ себя это званіе; но уже въ томъ же году онъ является почти на однородномъ поприщѣ: въ томъ же уѣздѣ, его избираютъ сограждане въ почетные мировые судьи.

Для Голенко мало было исполнять свои обязанности въ качествѣ посредника, а затѣмъ судьи: онъ хотѣлъ личнымъ примѣромъ собственнаго хозяйства, на лоскуткѣ доставшейся ему по наслѣдству земли, показать своимъ соотечественникамъ, что возвѣщенная Госу-

даремъ свобода—не только славный актъ для крестьянъ, но составляетъ возрожденіе и для всего сословія душевладѣльцевъ, обратившихся съ 19 февраля 1861 г. въ землевладѣльцевъ. Безъ капитала, безъ какихъ бы то ни было вообще побочныхъ средствъ, единственно своимъ умомъ, энергіей, любовію къ труду онъ дѣлаетъ то, что лоскутъ земли его собственной, въ 360 десятинъ, до него дававшей самый ничтожный доходъ, обращается въ имѣніе, которое, по свидѣтельству его товарища моряка, нынѣ предсѣдателя Псковской губернской земской управы, Н. А. Беклешова, сдѣлалось образцовымъ.

Трудно исчислить, какъ полезна была дѣятельность именно такого мироваго посредника и такого, затѣмъ, мироваго судьи. Не фразами, не либеральными спорами о достоинствахъ и пользѣ объявленной правительствомъ реформы,—нѣтъ, собственнымъ примѣромъ, въ предѣлахъ собственнаго же имѣньица, Голенко показалъ, что̀ можно и что̀ должно дѣлать землевладѣльцу, освобожденному отъ мало производительнаго крѣпостнаго труда.

13-го марта 1867 г. Голенко произведенъ въ капитаны 1-го ранга съ увольненіемъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ. Въ томъ же году онъ продолжаетъ служить мировымъ судьею, но уже не почетнымъ, а принимаетъ мѣсто участковаго мироваго судьи и остается въ этой должности по 1870 г.

Такимъ образомъ объ реформы, какъ по освобожденію крестьянъ, такъ и по водворенію праваго и новаго суда, нашли въ Голенко одного изъ первыхъ и по времени, и по достоинству работниковъ къ проведенію этихъ реформъ въ жизнь русскаго народа. Да, люди закала, ума и энергіи Голенко, люди именно славной эпохи 1860 годовъ, заслуживаютъ глубокаго уваженія и благодарной памяти своихъ согражданъ и чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ тѣхъ годовъ возрожденія новой, освобожденной Россіи, тѣмъ болѣе мы будемъ цѣнить заслуги этихъ людей, еще вчера, такъ сказать, жившихъ между нами и являвшихся намъ, повидимому, людьми совершенно обыкновенными.

6-го января 1872 г. Константинъ Петровичъ назначенъ управляющимъ города Павловска и завѣдующимъ мызой «Стрѣльна». Впослѣдствіи ему ввѣрено управленіе и прочими имѣніями Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Съ этого времени начинается для Константина Петровича самая пріятная эпоха въ его жизни—мы говоримъ это по личному нашему наблюденію, неоднократно слышавши эти отзывы отъ самого покойнаго нашего друга. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны ему довелось трудиться на поприщѣ сельскаго хозяйства во главѣ превосходныхъ имѣній, съ другой стороны—пользоваться благосклонностью, а

затѣмъ, — имѣемъ право сказать, — и дружбой Августѣйшаго владѣльца города Павловска.

Павловскъ хорошо знакомъ многочисленнымъ его посѣтителямъ, но, конечно, весьма немногіе знаютъ, что въ недавнюю еще старину это имѣніе, какъ и многія вообще дворцовыя имѣнія, кормило главнымъ образомъ только толпы служащихъ и хозяйство велось въ немъ едва ли ни въ обремененіе владѣльцевъ такихъ имѣній. Константинъ Петровичъ Голенко прежде всего озаботился, постепенными мѣропріятіями, освободить Павловскъ, при полномъ сочувствіи Августѣйшаго Владѣльца, отъ различныхъ остатковъ бывшаго полукрѣпостнаго барскаго хозяйства. Такъ напр. до Голенко въ Павловскѣ оставались казенныя мастерскія, каковы столярная, слесарная, обойная, трубочистная и т. п.; все это замѣнено вольнымъ, несравненно болѣе производительнымъ трудомъ. Составленъ и утвержденъ новый штатъ по управленію Павловскомъ; на основаніи сего штата служащіе, при выходѣ въ отставку, получили право за выслугу лѣтъ имѣть бо́льшій размѣръ пенсіи противъ прежнихъ штатовъ. Счетоводство сокращено и упрощено толковымъ хозяиномъ; заведены кассовыя книги; но особенно много имъ сдѣлано по улучшенію агрономической части, черезъ что тѣ статьи хозяйства, о возможности дохода съ которыхъ не могло быть и рѣчи въ прежнее время, теперь обратились въ доходныя статьи правильно поставленнаго и разумно веденнаго сельскаго хозяйства. Прежніе управляющіе и прежніе архитекторы крайне охотно отдавали ремонтныя работы и поставку для нихъ матеріаловъ съ торговъ; эта система, прежде всего вредная для самаго дѣла, вытѣснена распоряженіями Константина Петровича Голенко и замѣнена работами, исполняемыми хозяйственнымъ способомъ:—при этомъ, конечно, работы стали производиться тщательнѣе и матеріалы пріобрѣтаться лучшаго качества.

Павловскъ былъ издавна любимымъ мѣстомъ для всей Императорской фамиліи и для всей массы его посѣтителей; всѣ они, начиная съ незабвеннаго Государя Императора Александра Николаевича, изъ года въ годъ съ удовольствіемъ видѣли, что Павловскъ не только не упадаетъ, не только поддерживается, но и улучшается какъ въ городѣ, такъ и въ его единственномъ въ Европѣ паркѣ и многочисленныхъ въ семъ паркѣ увеселительныхъ сооруженіяхъ. Улучшены дороги, проведено много верстъ новыхъ шоссе; въ замѣнъ сгнившихъ деревянныхъ мостовъ, перекинуты чугунные и каменные, весьма красивые мосты. По желанію и указаніямъ Августѣйшаго владѣльца въ Павловскѣ сохранены всѣ бывшія въ немъ издавно учрежденія благотворительныя. Устроенъ въ 1872 г. Художественный музей во дворцѣ, въ которомъ имѣется нѣсколько прекрасныхъ произведеній древняго

и новѣйшаго искуства; въ паркѣ явилось весьма много новыхъ насажденій; оранжереи доведены до образцоваго совершенства, вслѣдствіе чего на многихъ выставкахъ, какъ въ Россіи, такъ и международныхъ, предметы садоводства города Павловска увѣнчаны медалями и дипломами, вплоть до выставки международной, имѣвшей мѣсто въ С.-Петербургѣ, въ маѣ 1884 г.; въ Павловскій дворецъ и оранжереи проведенъ чугунный водопроводъ; словомъ ни одна сторона въ хозяйствѣ и бытѣ Павловска не осталась безъ всевозможныхъ улучшеній, и все это дѣлалось по высшимъ распоряженіямъ Августѣйшаго владѣльца сего прелестнаго имѣнія, но подъ непосредственнымъ надзоромъ умѣлаго агронома, какимъ былъ Константинъ Петровичъ Голенко.

Во время его управленія послѣдовательно совершенъ обязательный выкупъ крестьянами Гдовскаго и Ѳедоровскаго имѣній Великаго Князя Константина Николаевича предоставленныхъ имъ, по уставнымъ грамотамъ, надѣловъ, а также и сверхнадѣльной земли. Выкупъ совершенъ на весьма и весьма выгодныхъ условіяхъ для крестьянъ, что было непремѣннымъ желаніемъ Августѣйшаго владѣльца Павловска, исполнившаго въ этомъ отношеніи волю своей славной Бабки, всегда ревновавшей о нуждахъ сельскаго населенія своихъ имѣній.

Пишущій эти строки вспоминаетъ еще одну мѣру, проведенную вполнѣ умѣлымъ хозяиномъ, какимъ былъ Голенко, — мы говоримъ о небольшомъ участкѣ земли на Кавказѣ, принадлежащемъ Великому Князю Константину Николаевичу, на который его управляющій, Константинъ Петровичъ, съумѣлъ весьма толково, данными льготами въ повинностяхъ, привлечь горцевъ, которыхъ чуждались прочіе русскіе владѣльцы на Кавказѣ. Заселивъ ввѣренныя ему земли этими людьми, Голенко обратилъ ихъ изъ дикой пустыни въ обитаемое и, можетъ быть, въ будущемъ, въ хорошее владѣніе, ко взаимной выгодѣ какъ обитателей туземцевъ, такъ и собственника этого имѣнія.

Можно упомянуть, обращаясь къ Павловску, что во время управленія Голенко въ немъ построенъ частный и весьма изящный общественный театръ, а на противоположномъ концѣ города воздвигнуты прекрасное зданіе магнитной обсерваторіи Академіи Наукъ и обширныя постройки Учительской Семинаріи на землѣ, безвозмездно предоставленной Августѣйшимъ владѣльцомъ Павловска.

По волѣ и желанію Великаго Князя, К. П. Голенко пригласилъ пишущаго эти строки составить очеркъ исторіи и подробное описаніе города Павловска. Въ художественномъ отношеніи превосходное, роскошное изданіе этого описанія издано иждивеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича; оно вышло въ свѣтъ какъ разъ въ столѣтнюю годовщину существованія прелестнаго городка (1777—

1877 гг.). Многимъ читателямъ «Русской Старины», озаботившимся своевременно пріобрѣсти эту книгу-альбомъ, оно извѣстно [1]).

Вотъ нѣкоторыя черты дѣятельности Константина Петровича Голенко. Съ каждымъ годомъ онъ вызывалъ все больше и больше признательности и дружеской благосклонности къ нему со стороны Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича; все болѣе и болѣе цѣнилъ Его Высочество въ Голенко честнаго, весьма умнаго помощника и преданнѣйшаго исполнителя его предначертаній. Тѣмъ тягостнѣе былъ для Его Высочества ударъ, нанесенный ему, по волѣ Провидѣнія, внезапною кончиною Константина Петровича.

Приводимъ выписку изъ записки очевидца объ этой катастрофѣ:

— «К. П. Голенко, сопровождая Великаго Князя Константина Николаевича въ Крымъ, выѣхалъ изъ Петербурга съ Его Высочествомъ 24 апрѣля 1884 г. Вечеромъ 27 апрѣля, когда поѣздъ приближался къ Симферополю, Константинъ Петровичъ, разговаривая весело въ вагонѣ съ Великимъ Княземъ, вдругъ почувствовалъ себя дурно и упалъ безъ чувствъ на диванъ Его Высочества. Бывшій въ вагонѣ докторъ Великаго Князя употребилъ немедленно необходимыя средства, но смерть была мгновенная и послѣдовала отъ аневризма аорты, который давно уже предполагался С. П. Боткинымъ. Невыразимо тяжко было положеніе Великаго Князя. По собственнымъ словамъ Его Высочества, онъ лишился въ Константинѣ Петровичѣ искренняго, незамѣнимаго друга, въ которомъ цѣнилъ рѣдкій умъ и золотое сердце.

«28 апрѣля въ ½ 2-го часа ночи поѣздъ пришелъ въ Севастополь и привезъ тѣло усопшаго, одного изъ геройскихъ участниковъ въ славной оборонѣ.

«29-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, пароходъ «Турокъ» доставилъ покойнаго въ Ялту и 30-го числа Константинъ Петровичъ Голенко былъ погребенъ на Ливадскомъ кладбищѣ, возлѣ своего сына. Государь Великій Князь и двѣ дочери покойнаго присутствовали при погребеніи».

Такъ опочилъ сномъ смерти К. П. Голенко на рукахъ своего благодѣтеля и Августѣйшаго друга, и почти въ виду того самаго Севастополя, бастіоны котораго обагрены были его кровію!

Эта смерть вызоветъ чувство скорби во всѣхъ, кто только близко зналъ этого человѣка и съумѣлъ отличить въ немъ не только умъ и дарованія, но и благороднѣйшее доброе сердце.

---

[1]) Почти все изданіе книги „Павловскъ“ сполна разошлось, осталось немного экземпляровъ.

— «Да, это была чистая во всѣхъ отношеніяхъ личность,—пишетъ намъ его бывшій товарищъ по Севастополю, морякъ Н. А. Беклешовъ, нынѣ предсѣдатель губернской земской управы во Псковѣ.— Голенко одинъ изъ первыхъ прекратилъ у себя барщину въ своемъ имѣніи и перешелъ на вольнонаемный трудъ; хозяйничалъ весьма умно и необыкновенно улучшилъ свое маленькое имѣніе. Ему лично я обязанъ тѣмъ, что оставя морскую службу, пріохотился и выучился хозяйничать—такъ примѣръ и убѣжденіе Голенко были заразительны. Онъ былъ прекрасный мужъ и вполнѣ примѣрный отецъ, за то и благодать Божія была на его домѣ. Дѣтей оставилъ онъ въ живыхъ девять человѣкъ. О дѣятельности его, какъ мироваго посредника, какъ онъ трудился въ Островскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ своими двумя товарищами г. Изъѣдиновымъ и В. А. Спѣшневымъ, составлявшими тогда (1861—1866 гг.) мѣстный посреднический тріумвиратъ, сохранилась самая добрая память въ Псковской губерніи. Голенко былъ очень уменъ и иногда зло остроуменъ; былъ смѣлъ и храбръ—доказательство на лицо: его рѣшимость выйти въ море съ брандеромъ, чтобы сжечь непріятельскій флотъ, стоявшій предъ Севастополемъ....»

Насъ занимаетъ по поводу этой замѣчательной личности, между прочими, общій вопросъ, невольно передъ нами возникающій: оскудѣло ли въ самомъ дѣлѣ русское общество людьми, подобными Голенко, пригодными явиться на общественную службу, отдаться ей съ полнымъ самоотверженіемъ и внести въ нее замѣчательную умѣлость, дарованіе и знаніе тѣхъ условій, среди которыхъ онъ долженъ работать? Намъ кажется, и мы остаемся въ этомъ убѣжденіи, что этого оскудѣнія нѣтъ и не можетъ быть въ русскомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ; доказательство на лицо. Можно ли было ожидать, что Положенія 19-го февраля 1861 г., что судебные уставы 1862 — 1864 гг., при проведеніи ихъ въ жизнь, встрѣтятъ столь способныхъ, честныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей,—и это послѣ какого періода въ жизни русскаго общества! Послѣ періода мертвеннаго застоя, какимъ была для Россіи 30-ти лѣтняя эпоха до севастопольскаго искупленія нашихъ ошибокъ и нашихъ грѣховъ во внутренней и внѣшней политикѣ русскаго государства.

Вѣчная, добрая, славная память вамъ, отшедшимъ, подобно К. П. Голенко, въ другой, лучшій міръ, самоотверженнымъ въ бою воинамъ, а въ мирную эпоху работникамъ и обновителямъ русской жизни на новыхъ началахъ, возвѣщенныхъ русскому народу его Великимъ Государемъ Александромъ II Николаевичемъ.

Михаилъ Семевскій.

21-го мая 1884 года.
С.-Петербургъ.

ПРАСКОВЬЯ НИКОЛАЕВНА ЖОЛКЕВИЧЪ,

РОЖДЕННАЯ БИБИКОВА,

учительница городского училища въ С.-Петербургѣ.

† 20-го апрѣля 1884 г. [1]).

23-го апрѣля 1884 г. обширная семья учителей и учительницъ начальныхъ городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ оплакала и проводила въ могилу одну изъ наидостойнѣйшихъ своихъ представительницъ: Прасковья Николаевна Жолкевичъ, учительница мужского городского училища (въ Спб., по Большой Садовой), на 31-мъ году отъ рожденія—скончалась послѣ кратковременной болѣзни.

Прасковья Николаевна — воспитанница Еленинскаго училища, затѣмъ кончившая курсъ въ с.-петербургской земской учительской школѣ, была учительницею перваго, по времени, приглашенія, то есть съ самаго принятія Городскою Думою въ свое непосредственное вѣдѣніе городскихъ начальныхъ училищъ въ 1877 году, и служила съ 15-го сентября 1877 года непрерывно семь лѣтъ въ одной изъ самыхъ людныхъ частей города, близъ Никольскаго рынка, въ школѣ для мальчиковъ, являвшихся къ ней въ школу, большею частью, изъ самыхъ низшихъ слоевъ бѣднаго класса населенія столицы.

Сказать, что Прасковья Николаевна отдавалась беззавѣтно, со всѣмъ пыломъ молодости и любви къ дѣлу—своему тяжкому труду, значитъ сказать то-же, что мы, близко зная труды нашихъ город-

---

[1]) Въ виду живѣйшаго интереса, какой возбуждаютъ многочисленныя городскія начальныя училища, основанныя С.-Петербургскою Городскою Думою въ столицѣ (къ августу 1884 г. этихъ училищъ было — 186) и достойная похвалъ дѣятельность учителей и учительницъ этихъ школъ,—мы перепечатываемъ изъ летучихъ листовъ газеты („Новости“ 1884 г., № 111) нашъ очеркъ о безвременно опочившей сномъ смерти одной изъ учительницъ этихъ школъ—П. Н. Жолкевичъ, рожденной Бибиковой. Ред.

скихъ учительницъ и учителей, должны сказать о громадномъ ихъ большинствѣ. Нѣтъ, ея преданность принятымъ на себя обязанностямъ доходила до самоотверженія: она была не только учительницею, старшею сестрою, матерью этихъ маленькихъ существъ, которыя въ большинствѣ стекались изъ разныхъ подваловъ и логовищъ, гдѣ ютится бѣдный людъ,—подъ гостепріимный кровъ свѣтлой, просторной, прекрасной городской школы. Здѣсь встрѣчали они въ наставницѣ школы самыя заботливыя о нихъ попеченія. Она знала всѣ ихъ нужды, знала характеръ и слабости каждаго изъ своихъ питомцевъ, заботилась объ исправленіи ихъ недостатковъ, о вкорененіи въ нихъ привычекъ къ опрятности, къ добросовѣстному исполненію ихъ маленькихъ, по отношенію къ семьѣ и къ школѣ, обязанностей. Не было слышно другихъ именъ, какъ ласкательныхъ, со стороны Прасковьи Николаевны, обращаемыхъ къ ея питомцамъ: Петя, Ѳединька, Гришенька, Ванюша! и т. д. Такъ начинала она свое обращеніе къ тому или другому изъ своихъ мальчугановъ, поступавшихъ въ школу нерѣдко полуоборванными, полудикими, грязными, почти невидавшими ни мыла, ни гребенки,—со многими дурными привычками, обычными средѣ, которой онѣ принадлежатъ, и въ короткое время преобразовывавшихся въ чистенькихъ, заботливыхъ объ исполненіи своихъ обязанностей дѣтей. И это все дѣлалось ласковымъ словомъ, заботливымъ уходомъ наставницы. Но еще лучшею являлась опочившая нынѣ сномъ смерти П. Н. Жолкевичъ учительницею. Слѣдить за урокомъ, даваемымъ ею дѣтямъ, было наслажденіемъ; она обладала въ совершенствѣ всѣми наилучшими пріемами обученія грамотѣ, письму, ариѳметикѣ, какіе только можно ожидать, прямо скажу, отъ идеальной учительницы. Ея любовь и способности къ дѣлу наставницы были по достоинству оцѣнены и училищною коммиссіею, и дирекціею училищъ с.-петербургской губерніи, испросившей П. Н. Бибиковой (въ замужествѣ — Жолкевичъ) выраженіе признательности г. министра народнаго просвѣщенія. Успѣхи, дѣлаемые ея учениками, были громадны и это при какихъ условіяхъ: при существованіи въ одномъ и томъ же классѣ ежегодно изъ 50 мальчиковъ трехъ группъ: безграмотныхъ, полуграмотныхъ и вполнѣ грамотныхъ дѣтей; при матеріалѣ, надъ которымъ надо было употребить гораздо бо̀льшія усилія, нежели какія употребляются съ дѣтьми средняго класса общества.

Знаніе и искусство въ своемъ дѣлѣ отличали трудъ наставницы; самоотверженіе доходило до того, что на второмъ-же году службы—вслѣдствіе насилованія голоса, вслѣдствіе занятій съ дѣтьми даже сверхъ класснаго времени, она получила тяжкую горловую болѣзнь

и только искусство хирурга И. М. Барча спасло ее тогда-же отъ смерти. Въ началѣ 1883 года Прасковья Николаевна вышла замужъ за штабъ-офицера, вполнѣ достойнаго человѣка, знавшаго ее съ дѣтства и предложившаго ей, вмѣстѣ съ замужествомъ, оставить тяжелый трудъ наставницы.

Но Прасковья Николаевна осталась на своемъ посту: «у меня пока еще нѣтъ дѣтей своихъ, говорила она намъ, и потому буду трудиться для чужихъ дѣтей, я вполнѣ сроднилась съ ними».

Находясь уже въ ожиданіи собственнаго дитяти—Прасковья Николаевна еще 16-го апрѣля 1884 г. занималась въ школѣ, 17-го апрѣля она руководила запасную учительницу, приглашенную замѣнить ее, 18-го апрѣля она слегла, а 20-го апрѣля ея не стало.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если-бы поберегла она себя, если-бы не съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ отдавалась она до послѣдняго дня жизни своему долгу—она, молодая, сильная женщина—сохранила-бы жизнь не только своему дитяти, но и себѣ.

За сорокъ дней передъ тѣмъ скончалась отъ чахотки ея родная сестра, также учительница с.-петербургскаго городского училища—Ольга Николаевна Бибикова—также весьма достойная наставница, служившая городу съ 1-го августа 1882 г.

Въ виду этихъ двухъ свѣжихъ, безвременныхъ могилъ—скажемъ нѣсколько словъ о всей семьѣ наставниковъ и наставницъ начальныхъ школъ, С.-Петербургскою городскою думою учреждаемыхъ и ею содержимыхъ, въ каковыя школы тѣ лица думскою училищною коммиссіей избираются и приглашаются. Славная, добрая эта семья! Семь лѣтъ мы ее знаемъ, семь лѣтъ слѣдимъ, вмѣстѣ съ нашими сотоварищами по Думѣ, за дѣятельностью этихъ тружениковъ и труженицъ и не нарадуемся. Каждый, кто посѣтитъ городскія школы, с.-петербургскою думою содержимыя, каждый, кто послушаетъ уроки, даваемые въ нихъ, каждый, кто явится на публичныя въ думѣ испытанія, какія ежегодно производятся въ маѣ мѣсяцѣ экзаменаціонными коммиссіями для мальчиковъ и дѣвочекъ, выпускаемыхъ городскими школами, каждый, кто затѣмъ сопоставитъ все видѣнное и слышанное съ тѣмъ, что было до передачи начальныхъ школъ въ непосредственное вѣдѣніе городскаго общественнаго управленія,—тотъ съ чувствомъ глубокой признательности вспомнитъ того Монарха, державною волею котораго и довѣріемъ къ общественнымъ силамъ ввѣрено народное начальное образованіе органамъ самоуправленія—городскимъ думамъ и земству. Мало образовать и пригласить къ дѣлу хорошихъ учителей и учительницъ; надо сдѣлать вполнѣ благопріят-

ными тѣ условія, ту обстановку — среди которыхъ могли-бы они съ пользою трудиться. Не говорю о другихъ городскихъ управленіяхъ, скажу о с.-петербургской думѣ: заботы ея въ этомъ святомъ дѣлѣ неисчислимы. Въ годовыхъ росписяхъ ея расходовъ — издержки на начальное народное образованіе доходятъ въ 1884 г. до 350,000 руб. въ годъ и это при бюджетѣ всего только въ 5.800,000 руб.; нѣтъ полезной мѣры, въ обширной области дѣла начальнаго народнаго образованія, которая не обсуждалась-бы и не вводилась-бы по возможности городскою училищною коммиссіею, при постоянномъ содѣйствіи экспертовъ-педагоговъ, непремѣнныхъ членовъ коммиссіи... Конечно, многое еще остается петербургской думѣ сдѣлать: вознагражденіе учителей и учительницъ далеко еще не соотвѣтствуетъ ни размѣрамъ ихъ труда, сломившаго тяжестью своею, въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ, уже семь молодыхъ жизней въ ряду наставницъ городскихъ начальныхъ школъ; не соотвѣтствуетъ и простой справедливости, ибо вознагражденіе это остается неизмѣннымъ какъ для новичка учительницы, такъ и для той, которая трудится уже нѣсколько лѣтъ; нѣтъ также пенсій для учителей и учительницъ; школы не имѣютъ своихъ постоянныхъ помѣщеній въ домахъ, городскимъ управленіемъ спеціально для сего выстроенныхъ, какъ то мы видимъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи,—словомъ, еще многаго нѣтъ; но мы, оглядываясь на все, что уже сдѣлано въ 1877—1884 гг., съ твердою вѣрою въ силы общественнаго самоуправленія Петербурга, говоримъ, что это нѣтъ въ близкомъ времени замѣнится словомъ есть, существуетъ.

Да, больше вѣры въ сознаніе обществомъ своихъ нуждъ, больше довѣрія къ органамъ общественнаго самоуправленія, и всякое доброе начинаніе ко благу дорогого нашего отечества разовьется въ дѣло плодотворное, въ дѣло великое, доказательство на лицо:

— С.-Петербургъ, при населеніи въ 800 т. людей, въ іюлѣ 1877 года имѣлъ только 16 народныхъ начальныхъ школъ, семь-же лѣтъ спустя, съ момента передачи въ его вѣдѣніе начальнаго народнаго образованія, онъ ихъ имѣетъ безъ малаго 200. Эта цифра, въ ряду прочихъ данныхъ, особенно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу дѣятельности общественнаго самоуправленія города С.-Петербурга.

Михаилъ Семевскій.

23-го апрѣля 1884 г.
С.-Петербургъ.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Петра Петр. Бареskова, въ С.-Петербургѣ. . 3 руб.

А съ прежде поступившими всего . . 1,361 руб.

Стоимость проектовъ памятника, чертежи которыхъ были разосланы при „Русской Старинѣ“, превышаетъ 2,500 руб. Въ виду этого и недостаточности еще собранной нами суммы, мы не можемъ еще, къ сожалѣнію, приступить къ осуществленію ни одного изъ этихъ проектовъ. Приглашаемъ почитателей памяти славныхъ русскихъ историческихъ дѣятелей вносить свои посильныя приношенія въ нашъ еще скромный по размѣрамъ фондъ на памятникъ, вполнѣ ихъ достойный.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407.

Второе изданіе „Русской Старины“

1884 г.

Все первое изданіе „Русской Старины“ 1884 г., книги январь, февраль, мартъ, апрѣль и май—въ количествѣ шести тысячъ (6,000) экземпляровъ, — разошлось къ 29 апрѣля 1884 г. сполна, по подпискѣ, и не осталось ни одного экземпляра.

Не желая однако оставлять безъ удовлетворенія поступившія и продолжающія поступать новыя требованія на этотъ журналъ, редакція онаго, не смотря на значительность издержекъ, съ которыми сопряжено новое тисненіе не только вышедшихъ пяти книгъ, но и гравюръ-портретовъ, какъ приложенныхъ къ нимъ, такъ и допечатка до бо́льшей цифры множества, заготовленныхъ уже для послѣдующихъ выпусковъ, различныхъ художественныхъ приложеній, — редакція исполнила второе изданіе первыхъ пяти книгъ „Русской Старины“ 1884 года.

Это изданіе отличается отъ перваго только однимъ: возможно тщательнымъ исправленіемъ замѣченныхъ погрѣшностей и опечатокъ.

Выпуская въ свѣтъ второе изданіе, мы долгомъ считаемъ выразить признательность нашимъ многочисленнымъ читателямъ за то неослабѣвающее вниманіе, какое являютъ они къ „Русской Старинѣ“ въ теченіи пятнадцати лѣтъ изданія этого историческаго журнала, всецѣло посвященнаго всесторонней разработкѣ новѣйшей отечественной исторіи и исторіи русской словесности.

Михаилъ Семевскій,
издатель-редакторъ „Русской Старины“.

29-го апрѣля 1884 г.
С.-Петербургъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР

I. Записки Михаила Александровича Фонвизина. Очерки русской исторіи IX—XVIII вв. 31—66, 281—302

II. Записки Д. И. Ростиславова, профессора Спб. духовной академіи, † 18-го февраля 1877 г.: о бѣломъ духовенствѣ. Окончаніе XV главы и главы XVI и XVII. 495—518

III. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. Часть вторая. Гл. I—IV . . . . . 67—86, 303—324

IV. Записки педагога барона Николая Александровича Корфа. Гл. V. . . . . 131—138, 375—388

V. Московскія воспоминанія профес. Николая Васильевича Берга, 1845—1855 гг. . . . . 638—656

VI. Новгородскій кадетскій корпусъ, его открытіе и первые годы. 1834—1884 гг. Окончаніе. Сообщ. ген.-лейт. П. П. Карцовъ. . . . . 111—128

VII. Русскій губернаторъ въ Царствѣ Польскомъ, въ 1866—1868 гг. Изъ записокъ отставного губернатора. 595—616

VIII. Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ во время управленія министерствомъ князя А. М. Горчакова. Изъ записокъ статсъ-секретаря А. Ѳ. Гамбургера. . . . . 199—218

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки и замѣтки.

стр.

I. Москва и Тверь. — Иванъ Калита. Очеркъ профес. Д. И. Иловайскаго. . . . . 1—30

II. Екатерина II и Дидро. Изслѣдованіе по вновь изданнымъ матеріаламъ . . . . . 223—278, 445—494

III. Вредныя секты. Очерки уральскаго сектантства по оффиціальнымъ даннымъ. Окончаніе. Сообщ. А. С. Пругавинъ . . . . . 139—156

IV. Странники или бѣгуны въ Ярославской губерніи въ 1850 г. Сообщ. П. А. Ш. . . . . 443—444

V. Филаретъ Амфитеатровъ (1828—1836), Павелъ Зерновъ (1804 — 1815) и Амвросій Протасовъ (1815—1826), архіепископы казанскіе. Сообщ. А. А. Благовѣщенскій . . . . . 179—198

VI. Графъ А. А. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина. Замѣтка по поводу статьи, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., мартъ, стр. 479—518. Сообщ. Вас. Надпорожскій 406

VII. Дуровъ. Замѣтка къ статьѣ: „Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг.“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., февраль, стр. 303—338. Сообщ. П. В. Алабинъ 198

VIII. П. И. Пестель. Замѣтка по поводу статьи: „Михаилъ Николаичъ Муравьевъ“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., январь, стр. 61—70. Сообщ. баронъ Андрей Евг. Розенъ. 388

IX. Рѣпинскій и Замятнинъ. Замѣтки къ статьѣ: „19-е февраля“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., мартъ, стр. 669—734. Сообщ. Г. К. Р. 222

Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

До-Петровское время.

I. Могила дочерей окольничаго Соковнина. 1676 г. Сообщ. Нилъ Мих. Челищевъ. 156

Царствованіе Павла I.

стр.

I. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. . . . . 279—280

Царствованіе Николая I.

I. Императрица Елисавета Алексѣевна. Легенды въ городѣ Бѣлевѣ о ея кончинѣ, † 4 мая 1826 г. Сообщ. протоіерей Григорій Покровскій . . . . . 633—635

II. Александръ и Николай Николаевичи Раевскіе въ 1825—1826 гг. Сообщ. Н. М. Орловъ. . . . . 437—440

III. Императоръ Николай Павловичъ. Записки его объ укрѣпленіи Западной границы Россіи. 1843—1855 гг. . 519—530

IV. Разсказъ православнаго латыша Индрика Страумита изъ времени второго движенія латышей къ православію, 1845—1846 гг. . . . . 157—178

V. Императоръ Николай Павловичъ. Недоразумѣніе, 1850 г. Сообщ. Ал. Д. Крыловъ. . . . . 637—638

Царствованіе Александра II.

I. Императоръ Александръ Николаевичъ на западномъ Кавказѣ въ 1861 г. Сообщ. М. Я. Ольшевскій. . . 355—374

II. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его мѣропріятія въ сѣверо-западной Россіи. 1864 г. (Приложенія къ его Запискамъ). VIII. . . . . 573—584

III. Николай Алексѣевичъ Милютинъ въ его заботахъ о крестьянскомъ и судебномъ дѣлѣ въ Царствѣ Польскомъ. Письма къ Я. А. Соловьеву и къ кн. В. А. Черкасскому, 1864 г. Сообщ. М. А. Стиль (по первому мужу Милютина). 585—594

I. Маркъ Мартиновичъ и его русскіе ученики 1704 г. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. . . . . 631—632

II. О возобновленіи памятника на общей могилѣ Артемія Волынскаго, Еропкина и Хрущова † 27-го іюня 1740 г. 221, 407, 671

III. С.-Петербургское Славянское благотворительное общество. Объявленіе о конкурсѣ на составленіе жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія. 222

Исторія русской литературы.

стр.

I. Василій Андреевичъ Жуковскій. Письмо его къ Егору Петровичу Ковалевскому. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 531—532

II. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ:

Предсмертное его стихотвореніе. Сообщ. А. И. Подолинскій. 220

III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

1. Рукописи Александра Сергѣевича Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. . . . . 87—110, 325—354, 533—572

2. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Надпись къ портрету В. А. Жуковскаго. Сообщ. А. И. Подолинскій. 219—220

3. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ подъ секретнымъ надзоромъ въ Москвѣ въ 1829 г. Сообщ. А. Гатцукъ. . 636

IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:

1. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его письма къ С. А. Раевскому. Сообщ. И. Е. Цвѣтковъ. . . . . 389—390

2. Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ. Сообщ. А. А. Бильдерлингъ. . . . . 425—432

V. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко:

1. Письмо Т. Г. Шевченко къ Е. П. Ковалевскому. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 402

VI. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Его портретъ-гравюра академика Л. А. Сѣрякова. Замѣтка Ред. 632

VII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ:

1. Воспоминанія его товарища по берлинскому университету, 1839—1840 гг. Перев. съ нѣм. Сообщ. А. А. Чумиковъ. . . . . 391—398

2. Письма къ Егору Петровичу Ковалевскому, 1858—1863 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. . . . . 399—402

3. Пѣвица Полина Віардо Гарсіа. Шутка И. П. Мятлева. 1843 г. Сообщ. Анат. Ѳед. Кони. . . . . 403—404

4. Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ. 30 сентября 1883 г. Стихотвореніе А. И. Подолинскаго. . . 405—406

VIII. Андрей Ивановичъ Подолинскій: Безнадежность, стихотвореніе 1882 г. 436

Исторія художествъ и искусствъ.

СТР.

I. Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой и его барельефы изъ Одиссеи. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. . . . 621—623

II. Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. . . . . 624—630

III. Константинъ Яковлевичъ Афанасьевъ, академикъ-граверъ. † 1857 г. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. . 129—130

IV. Михаилъ Арефьевичъ Щуруповъ, профессоръ архитектуры. Очеркъ И. Н. Божерянова . . . . . 408—424

V. Памятникъ Императору Александру II, сооруженный крестьянами и исполненный акад.-скульпторомъ П. П. Забѣлло. Замѣтка Ред. . . . . 433—436

Некрологи.

I. Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій, † 31-го января 1884 г. Некрологъ. Сост. А. А. Половцовъ. . . . 441—442

II. Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, † 19-го апрѣля 1884 г. . . . . 657—658

III. Константинъ Петровичъ Голенко, † 27-го апрѣля 1884 г. 659—666

IV. Прасковья Николаевна Жолкевичъ, † 20-го апрѣля 1884 г. . . . . 667—670

Портреты и гравюры.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. Ад. Іосиф. Шарлеманъ, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. (Заглавная виньетка).

II. Портретъ графа Аракчеева, гравировали на мѣди академики К. Я. Афанасьевъ и И. П. Пожалостинъ. (См. стр. 1).

III. Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова, † 1877 г. Гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ, † въ 1881 г.
(См. стр. 445).

IV. Императоръ Александръ II Освободитель,—рисунокъ съ статуи, исполненной академикомъ скульпторомъ П. П. Забѣлло, первый по времени памятникъ, воздвигнутый крестьянами Царю-Освободителю. Гравиров. художн. А. И. Даугель.
(См. стр. 223).

V. Проектъ памятника на могилѣ Артемія Волынскаго, Еропкина и Хрущова. Исполн. акад. Михаилъ Арефьевичъ Щуруповъ.
(См. стр. 407).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составлен. и изд. учениками В. И. Ламанскаго, по случаю 25-тилѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883. XX+494. (На оберткѣ 4-й книги „Русской Старины“ 1884 г.).
2. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. VI. Трактаты съ Германіею. Спб. 1883. 489. (Тамъ-же).
3. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ историч. изслѣдованія. С. Голубева. Т. I. Кіевъ. 1883. 559+576. (Тамъ-же).
4. Полѣсье. Библіографич. матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономич. состоянію Полѣсья. Составила З. М. Ненкина. Спб. 1883. 274. (Тамъ-же).
5. В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ импер. Александра II. Очеркъ В. Н. Витевскаго. Казань, 1883 г. 60 стр. (Тамъ-же).
6. В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтич. дѣятельности (1783—1816). А. Архангельскаго. Казань. 1883. 51 стр. (Тамъ-же).
7. Академическія изданія. (На оберткѣ 5-й книги „Русской Старины“ 1884 г.).
8. Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berl. 1883. 276 стр. (Тамъ-же).
9. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. II. Спб. 1883. 129—575. (Тамъ-же).
10. Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883. (На оберткѣ 6-й книги «Русской Старины» 1884 г.).
11. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. I. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. М. 1883. 263 стр. (Тамъ-же).
12. Медали въ честь русскихъ дѣятелей, собралъ и издалъ Ю. Б. Иверсенъ. (См. стр. 617—620).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
ИЗД. 1883 Г.

съ портретами: **Бухвостова**, перваго россійск. солдата, 1683 г.; вел. княг. **Маріи Ѳеодоровны**, 1782 г.; Вас. Андр. **Жуковскаго**; Марьи Андр. **Протасовой**, † 1823 г.; Нат. Ник. **Пушкиной**, 1837 г.; Нины Алекс. **Грибоѣдовой**, † 1857 г.; гр. М. Н. **Муравьева**; ген. Я. П. **Бакланова**; Ос. Сем. **Ганчара**, † 1879 г.; кн. М. Д. **Горчакова** въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: памятника на могилѣ Артемія Волынскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; Памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирной;—Зап. де-Санглена;—Зап. адм. П. В. Чичагова;—Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ;—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагдѣ, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.;—Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1834—1848 гг., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. Б. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржецлавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Румянцевскій музей въ 1860—1861 гг., разсказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ, въ воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмиллы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. Ал. Мих. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго;—Зап. Ал. Ѳед. Багговута, 1806—1883 гг.—Очерки: Ближній боярин Ав. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первенцы имп. россійск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1883 гг.;—Коронаціи русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отзывахъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Бакламовъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Канкринъ;—Ник. Ив. Пироговъ;—Нина Алекс. Грибоѣдова;—Филаретъ, митроп. московскій;—Макарій, митроп. московскій и коломенскій;—Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій;—Ириней, архіеп. иркутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеп. тверской;—Историч. памятникъ въ Переяславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. Ад. П. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могила Артемія Волынскаго;—Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донато;—Имп. Іосифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1855 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 іюня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Поѣздка подъ Плевну въ 1877 г., разсказъ проф. Д. И. Иловайскаго.—В. А. Жуковскій,—К. Н. Батюшковъ,—В. К. Кюхельбекеръ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Т. Г. Шевченко,—А. С. Хомяковъ,—Вас. и Ив. Кирѣевскіе,—Н. В. Гоголь,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—Мих. В. Авдѣевъ,—И. С. Тургеневъ;—Я. К. Гротъ—въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности.—М. И. Глинка,—гр. Ѳ. П. Толстой,—Перовъ и Мусоргскій,—А. Н. Сѣровъ,—Л. А. Сѣряковъ,—И. И. Ползуновъ,—А. Ф. Какориновъ,—архим. Игнатій Малышевъ—въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

(Оставалось къ 1 іюня 1884 года 69 экземпляровъ).

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1882 г.

При „Русской Старинѣ“ 1882 года приложены портреты: императрица **Анна Іоанновна; Петръ III; Екатерина II** (въ день 28-го іюня 1762 г.);—императрица **Марія Ѳеодоровна** (1801 г.); в. кн. **Михаилъ Павловичъ**; в. к-ня **Елена Павловна;** Д. П. **Трощинскій;** Е. П. **Кашкинъ;** декабристы М. А. **Бестужевъ** и кн. А. И. **Одоевскій;** Наталья Ник. **Гончарова** (невѣста великаго поэта Пушкина); графъ Михаилъ Таріелловичъ **Лорисъ-Меликовъ.**

Въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., между прочимъ, напечатаны: статьи профес. И. Е. Андреевскаго, профессора Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова, барона А. П. Николаи, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, Ад. П. Берже, М. И. Венюкова, В. А. Гольцева, П. А. Ефремова, А. Е. Егорова, В. И. Жмакина, И. И. Ореуса, магистра руск. ист. В. И. Семевскаго, В. Е. Якушкина, И. С. Ремезова, А. А. Чумикова, Н. К. Шильдера, В. К. Шульца, Д. В. Ильченко, и друг. Записки и воспоминанія: Несчастнаго, содержащія въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату; Штрандмана; Я. И. де-Санглена; профес. Ростиславова (о духовенствѣ); И. В. Селиванова (старый сенатъ); сенатора Я. А. Соловьева; графа М. Н. Муравьева-Виленскаго (1863—1865 гг.); Кудрявцевой—дочери короля Польскаго Станислава Понятовскаго; Т. П. Пассекъ; Записки Сельскаго Священника; Г. К. Градовскаго (Цензура и печать при Лонгиновѣ и В. В. Григорьевѣ, 1872—1879 гг.); А. А. Вязмитинова (Севастополь въ 1854—1855 г.); П. В. Алабина (Русскіе въ Венгріи, 1849 г.); Воспоминанія С. С. Порошина; Петербургъ въ 1710 — 1711 гг. по разсказу очевидца; „Судъ надъ русскимъ писателемъ А. Н. Радищевымъ въ 1790 г “; — „Петербургъ 28-го іюня 1762 г.“; — Очерки: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ“; — „Архіепископъ Ириней Нестеровичъ“; — „Священникъ Ѳеодосій Левицкій“; — „Масоны“. — Собраніе матеріаловъ къ исторіи царствованія имп. Павла и къ его характеристикѣ, сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій и друг. — Императрица Марія Ѳеодоровна † 1828 г. (ея духов. завѣщаніе и ея труды по женск. образов.);—Костюшко и Александръ I;—Николай I (его переписка съ ген. Дибичемъ); — „Междуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ (обширное собраніе неизданныхъ матеріаловъ, ярко освѣщающихъ событія и дѣятелей того времени);—„Пугачевъ и Пугачевцы въ селѣ Тресвятскомъ“ (разсказы очевидцевъ);—Кн. А. Н. Голицынъ и архим. Фотій (переписка);—Сперанскій въ воспоминаніяхъ остзейца;—„Въ Прибалтійскомъ краѣ“—изъ записокъ одного чиновника;—Александръ II и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1861 г. (мятежъ въ Варшавѣ); „С.-Петербургское интендантство въ 1864—1866 гг.“—Записки генер.-лейт. В. Д. Кренке;—Военно-политическая записка М. Д. Скобелева, 1878 г.;—Переписка А. С. Пушкина съ Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ;—Лермонтовъ и непзд. его поэмы;—„Князь А. А. Суворовъ въ воспоминаніяхъ профес. И. Е. Андреевскаго“;—„Князь Василько“—поэма въ стихахъ кн. А. И. Одоевскаго;—„Сонъ Попова“, поэма-шутка графа А. К. Толстого; — Акварелистъ П. Ѳ. Соколовъ († 1848 г.);—Профессоръ живописи Келеръ (его автобіографія); — Къ исторіи искусствъ въ Россіи, очерки И. Н. Божерянова;—Великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.) — очеркъ къ ея біографіи;—А. И. Тургеневъ, 1830—1845 гг.; О. А. Петровъ;—Императоръ Николай въ Чембарѣ и Харьковѣ;—Іосифъ Семашко и проч. и проч.

Оставалось къ 1 іюня 1884 года тридцать три экземпляра.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора **Павла Петровича**; — императора **Александра Николаевича**; — императрицы **Маріи Александровны**; — профессора **Н. И. Пирогова**; — академика **Л. А. Сѣрякова**; — **Хаджи-Мурата**; — **М. И. Голенищева-Кутузова** (1775 г.); — историка-профессора **С. М. Соловьева**; профес. **Д. И. Ростиславова** (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона **Гейсмара**; — архіепископа **Филарета Гумилевскаго**.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1881 г.** (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора **Александра II** на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста **М. А. Фонъ-Визина** (1807 г.).—Воспоминанія декабриста **А. П. Бѣляева**. — Записки **Д. И. Завалишина**.—Записки князя **Н. С. Голицына**.—Воспоминанія **В. В. Стасова** (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки **Сельскаго Священника**.—Императоръ **Николай Павловичъ**: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ **Александръ II** († 1-го марта 1881 г.).—Императрица **Марія Александровна** (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ **Пироговъ**, біографич. очеркъ профессора **Бертенсона**.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. **А. И. Барятинскій** и Кавказская война, 1815 — 1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ **Гумилевскій**, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ. — **И. П. Голевъ** 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Ѳедоръ Михайловичъ **Достоевскій** въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя **Н. А. Орлова**: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій — бывшаго крѣпостнаго крестьянина **Н. Н. Шипова** (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича **Порошина**; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала **А. Е. Попова** (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академики граверы: **Л. А. Сѣряковъ**—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—**И. П. Пожалостинъ**—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи **И. К. Айвазовскаго**.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія **Н. И. Куликова**.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки **И. Е. Селиванова** (1859 и 1864—1867 гг.)—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Вешюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей** съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1880 г.

Изданіе **второе.** Цѣна—**восемь рублей** съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**;—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**; — императора **Петра II**; — **А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго**,— **И. С. Тургенева**;—**И. А. Гончарова**;—гр. **Л. Н. Толстаго**;— **А. Н. Островскаго**;—**Д. В. Григоровича**;—**А. В. Дружинина**;— поэта Тараса **Шевченко**;—графа **П. Д. Киселева**,—фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго**;—**С. Р. Лепарскаго** и **А.Н.Сѣрова.**

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1880-го** года, [одиннадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ).—Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.—Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника**;—Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **Я. А. Петровой**, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго.**—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова.**—Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова.**—Рѣчь **Императора Александра II** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.— Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);— Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова);—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора **Іоанна Антоновича**; митрополита Ростовскаго **Арсенія Мацѣевича** (въ темницѣ); **Иннокентія**—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; **Иринея Нестеровича**—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. **Толстаго**—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. **Пушкина**—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); **Н. В. Гоголя**—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; **Н. А. Некрасова**; статсъ-секретаря **С. М. Жуковскаго** (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича **Бодянскаго**; персидскаго принца **Хосров-Мирзы.**—Снимки: съ подлинныхъ писемъ **Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.**

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. **Б. И. Куракина**;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. **П. И. Панина**, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія **А. И. Веригина, И. Л. Варунъ-Секрета, Л. И. Рикордъ, М. С. Валевскаго** и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога **И. А. Голышева** (1838—1878 гг.);—Очерки и разсказы **Э. И. Стогова**.—Дневникъ **А. И. Храповицкаго**—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки **П. А. Каратыгина**: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг. — Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена **фонъ-Энзе** (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ **Я. И. Ростовцевымъ** — воспоминанія **А. Д. Галахова** (1850—1858 гг.);—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Воспоминанія **М. И. Венюкова** о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки **Н. В. Берга**.—Историческія изслѣдованія: **Д. Д. Иловайскаго**;—**В. И. Семевскаго**;—**Н. Мизко**;—**г. Тальберга**;—**г. Лисенко**;— **г. Подвысоцкаго**;—проф. **В. С. Иконникова**: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ **Іоаннъ Антоновичъ**—по вновь открытымъ матеріаламъ;—**Н. М. Востокова**: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. **Иннокентія** къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. **Н. С. Голицынъ**: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. **Н. А. Поповъ**: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ **М. Я. Ольшевскаго**;—**А. С. Пушкинъ**—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка **М. Ю. Лермонтова** въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа **Иринея** въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и разсказы изъ его жизни.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ собранія **Богуславскаго** и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, разсказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,—8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Мих. Ив. Семевскій: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка.

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб. 1883 г., съ портретомъ Царицы, отпечатаннымъ красками. Цѣна два рубля.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

Осталось 220 экземпляровъ.

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

Тайная канцелярія при Петрѣ I. — Фрейлина Гамильтонъ. — Петръ Великій какъ юмористъ и проч. Съ приложеніемъ рисунковъ пытокъ въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1883 г. Цѣна книги два рубля.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

Осталось 270 экземпляровъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Изд. второе ред. «РУССКОЙ СТАРИНЫ». Изданіе пересмотрѣнное и исправленное авторомъ, священникомъ и благочиннымъ. Спб. 1882 г.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

ПАВЛОВСКЪ.

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. Роскошное изданіе съ множествомъ гравированныхъ акад. Л. А. Сѣряковымъ рисунковъ, виньетокъ и портретовъ. Цѣна 5 рублей. Подписчики «РУССКОЙ СТАРИНЫ» могутъ получить эту книгу за 3 рубля съ пересылкою.

(Осталось 170 экз. въ роскошныхъ переплетахъ и 7 экз. безъ переплета).

Исторический фонд
Московской обл. библиотеки

одного училища, кромѣ гарнизонной школы. Начало болѣе широкаго просвѣщенія города связано съ временемъ правительства извѣстнаго поэта Державина, который открылъ въ своемъ домѣ преподаваніе разныхъ предметовъ и спектакли и завелъ въ городѣ типографію. По его иниціативѣ, было открыто главное училище въ 1786 году, въ которое, однако, ему удалось съ большимъ трудомъ набрать 400 чел. со всей губерніи; но Державину, послѣ жестокой и продолжительной борьбы съ злоупотребленіями по администраціи, находившими поддержку въ намѣстникѣ Гудовичѣ, пришлось оставить свой постъ. Нѣкоторые изъ преемниковъ Державина были удаляемы съ воспрещеніемъ даже въѣзда въ столицы, преимущественно за превышеніе власти и хищенія. Вступленіе на престолъ Александра I привѣтствовалось въ Тамбовѣ какъ всерадостнѣйшее событіе, которое ознаменовалось открытіемъ дворянствомъ училища, преобразованнаго потомъ въ кадетскій корпусъ; но учебно-воспитательная часть находилась въ немъ въ крайне печальномъ видѣ. Въ 1803 г. администрація распорядилась снять въ городѣ всѣ соломенныя крыши; но потомъ опять онѣ были дозволены. Тротуаровъ и мостовыхъ въ городѣ не было (камень, свезенный для нихъ при Державинѣ, пролежалъ 40 лѣтъ безъ употребленія); освѣщенія улицъ также не существовало. Въ 1815 г. открытъ былъ театръ въ деревянномъ балаганѣ, но была сдѣлана попытка отнять для него двѣ залы въ главн. училищѣ. Полиція въ концѣ XVIII вѣка находилась въ полномъ запущеніи. Только одна образованная и симпатичная личность привлекаетъ къ себѣ сочувствіе автора въ это время—директ. тамб. училища, А. А. Жоховъ, не долго занимавшій это мѣсто. Появленіе Наполеона въ Россіи сопровождалось таинственными письмами, распространенными въ городѣ поляками; а появленіе холеры (1830) —недовѣріемъ къ администраціи и подозрѣніемъ въ умышленномъ морѣ людей, при крайне нелѣпыхъ дѣйствіяхъ послѣдней. При губернаторѣ Гамалѣѣ (съ 1832 г.) была открыта публичная библіотека, собраны средства на женскій институтъ, началось замощеніе улицъ, тротуаровъ, заведеніе сада, постройка дворянскаго собранія и составленъ былъ даже проектъ моршанской желѣзно-конной дороги, но мин. пут. сообщенія нашло ее безполезною, а объ осуществленіи одновременнаго проекта желѣзной дороги отъ Саратова до Москвы нечего было и думать. Въ 1840-хъ гг. проявились картофельные бунты крестьянъ, вызванные недобросовѣстностію уѣздныхъ чиновниковъ. Наканунѣ освобожденія крестьянъ нѣкоторые помѣщики дошли въ своихъ безобразіяхъ до крайняго произвола. Въ особенности характеристичны разсказы автора о помѣщичьемъ самодурствѣ извѣстнаго князя и пѣвца Ю. Н. Голицына (стр. 68—71).

«Крестьяне его самыя несчастныя и угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущества свои и самую жизнь ежедневно въ опасности» говорилось о его безобразіяхъ на судѣ. «И самыя животныя инстинктивно прятались отъ него куда попало», доносили о немъ шефу жандармовъ. Крестьянамъ онъ давалъ по 1000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ велѣлъ прикладывать шпанскія мушки. Такова была музыкальная натура князя! Нѣкоторые же помѣщики въ сердцахъ обливали своихъ крѣпостныхъ кипяткомъ и потомъ выводили ихъ на морозъ; иные засѣкали свою челядь до смерти! Не будемъ послѣ этого говорить о жестокостяхъ феодальной эпохи и безусловной мягкости помѣщичьяго режима: разница конечно была, но въ средствахъ и мѣстныхъ условіяхъ. Въ 1861 г. въ г. Спасскъ прибыли два поляка съ прокламаціями, въ которыхъ говорилось: «Всѣмъ крестьянамъ даруется свобода и земля безвозмездно. Уничтожается рекрутская повинность и солдатамъ всей арміи повелѣвается возвратиться на родину. Уничтожается подушная подать. Въ волостяхъ и городахъ назначается выборъ депутатовъ для избранія властей и членовъ госуд. совѣта, который предполагается учредить въ Москвѣ, для управленія Имперіей» (стр. 77). Затѣмъ авторъ представляетъ полный очеркъ крестьянскаго движенія въ это время въ Тамбовской губ. (77—84), и распространенія скопческой секты до знаменитаго Плотицынскаго процесса (84—91).

В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Первыя пять книгъ во ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. *(35 экз.)*, съ 12-тью портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. *(69 экз.)*, съ 17 портр. и рис., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**